

АКАДЕМИК
М. В. НЕЧКИНА

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ
КЛЮЧЕВСКИЙ

Монография академика Милицы Васильевны Нечкиной посвящена крупнейшему буржуазному историку дореволюционной России — Василию Осиповичу Ключевскому (1841—1911 гг.). Основная тема работы — история жизни и творчества ученого. Охвачен весь его жизненный путь — от детских лет, учения в семинарии, университете, первой научной работы до «Курса русской истории» и последних лет жизни. Книга, освещающая в целом жизнь и творчество В. О. Ключевского, появляется впервые. События научной жизни историка анализируются на фоне эпохи. Поиски историком научной истины, его сомнения, противоречия, формирование общей концепции истории России рассмотрены в свете кризиса буржуазной исторической науки и попыток найти выход из идеалистического мировоззрения. Показаны его тяготение к социально-экономической тематике и разоблачение им паразитической роли российского дворянства и самодержавия. Исследование написано на основе большого количества архивных и печатных источников, в том числе неопубликованных, работ В. О. Ключевского, его писем и дневниковых записей, а также воспоминаний о нем его учеников.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Отделение истории

Научный совет по проблеме «История исторической науки»

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

1894 г.

Художник В. О. Шервуд. Копия Д. Мельникова

АКАДЕМИК
М. В. НЕЧКИНА

Василий Осипович КЛЮЧЕВСКИЙ

*История жизни
и творчества*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1974

ОТ АВТОРА

Русская историческая наука, посвященная отечественной истории, прошла длинный путь — трудный, сложный, полный противоречий. История науки сейчас тщательно изучается. Но — удивительное дело! — ни об одном из выдающихся историков дореволюционной России еще нет больших монографий, книг, им в целом посвященных. О писателях есть, об историках — нет. Таких работ нет ни о В. Н. Татищеве, ни о И. Н. Болтине, ни о М. М. Щербатове, ни о Н. М. Карамзине, ни о С. М. Соловьеве... Мы еще не вникали сосредоточенно в историю их жизни и творчества, в тесную связь их с эпохой, с борьбой классовых сил, в которую все они были органически включены. В настоящей книге читателю предлагается опыт истории жизни и творчества В. О. Ключевского.

История данной работы такова. Изучение темы я начала еще в 1921 г. в Казанском университете — она вошла в состав моей, по теперешнему «аспирантской», программы. Позже была поставлена цель монографического изучения Ключевского. Законченную рукопись моей первой монографии я привезла в 1924 г. в Москву, она рассматривалась в Институте Красной профессуры на историкографическом семинаре М. Н. Покровского (который сам был в свое время учеником Ключевского) и в РАНИОН'е, где в обсуждении ее приняли участие ученики Ключевского (М. М. Богословский, В. И. Пичета, Ю. В. Готье, М. К. Любавский и др.). Часть работы была опубликована в 1930 г. в вышедшем под редакцией М. Н. Покровского двухтомнике «Русская историческая литература в классовом освещении».

Моя работа была тогда построена в плане проблемного анализа социологической концепции Ключевского, взятой преимущественно статически. Это не удовлетворяло меня. Хотелось дать историю жизни и творчества Ключевского, показать процесс формирования и развития его понимания истории России. Но осуществлению этого плана мешало в те годы отсутствие архивных материалов из фонда Ключевского, еще не поступившего на государствен-

ное хранение. Исподволь я непрерывно собирала материалы о Ключевском, рассказы его учеников и близких знакомых; существенные данные были получены мною от сына Ключевского Бориса Васильевича в многочасовой беседе об отце. Собирая свидетельства об историке, я получала возможность изучения неопубликованных документов. Работа писалась заново.

Когда в советские архивы поступили после смерти сына Ключевского архивные материалы, я смогла вернуться к теме и завершить задуманную новую работу. Несмотря на большой ее объем, я не ставила перед собою цели исчерпать собранные источники и тем более самую тему. Моя задача была раскрыть основные черты сложной и драматической истории жизни и творчества крупнейшего буржуазного историка предреволюционной России, наметить его место в истории исторической науки.

За помощь в работе приношу сердечную благодарность М. Г. Вандалковской, А. А. Зимину, Р. А. Киреевой и Р. Г. Эймонтовой. Благодарю внучку любимой сестры Ключевского Елизаветы Осиповны (в замужестве Вирганской) Надежду Константиновну Любецкую за предоставленные мне материалы. За содействие в архивной работе моя признательность О. А. Афанасьеву, Ю. Н. Емельянову, Г. П. Махновой, М. И. Удальцовой.

Благодарю также всех, откликнувшихся на мое письмо в редакцию еженедельной газеты «Книжное обозрение» и приславших материалы и информации, связанные с В. О. Ключевским.

Указатель имен составлен Р. Г. Эймонтовой.

М. НЕЧКИНА

КАК ИЗУЧАЛСЯ В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

1

Обобщающей монографии о В. О. Ключевском не существует, но она необходима: отечественная историография должна располагать специальной работой о крупнейшем буржуазном историке предреволюционной России. Но дело не только в этом. Через тему «Ключевский» проходит множество общих вопросов развития русской исторической науки в эпоху капитализма — от падения крепостного права до начала нового столетия. «Я человек XIX века,— сказал как-то Ключевский на лекции,— и в ваш XX век попал совершенно случайно, по ошибке судьбы, позабывшей убрать меня вовремя»¹. Несмотря на признание одного века «моим», а другого — «вашим», Ключевский, умерший в 1911 г., ярко отразил задачи и противоречия русского научного развития предреволюционной поры, когда кризис буржуазной исторической науки сказался в отчетливой форме. Рассматривать содержание этого кризиса без Ключевского невозможно, в этом еще одно основание для появления посвященной ему монографии.

Легко начать исследование привычной формулой, что избранная тема «недостаточно изучена», и после беглого перечня имеющихся статей и документальных публикаций перейти к изложению по существу вопроса. Но имеющаяся литература о Ключевском представляет самостоятельный интерес: она совсем не изучена с историографических позиций. Такое яркое и своеобразное явление, как Ключевский, постоянно притягивало внимание историков. Накопилась довольно обширная литература, касавшаяся разных сторон его жизни и творчества. Возникало немало споров. Столкновение мнений о Ключевском отразило и политическую борьбу в стране, а также закономерности роста самой исторической науки, проходящей через определенные этапы развития. Есть смысл проследить за историей вопроса. Без этого нельзя правильно определить задачи монографического исследования.

При жизни историка обобщающие работы о нем, как правило, не возникают. Лишь копится существенный материал, который

явится в дальнейшем источником для историографического изучения: рецензии, дискуссии, полемические и юбилейные статьи. Все это еще нельзя назвать историографией², изучением историка. В мою задачу сейчас не входит поэтому разбор материалов этого рода.

Исключение можно сделать лишь для небольшой книжки Вен. М. Хвостова «Историческое мировоззрение В. О. Ключевского»³. Нельзя признать, что автор справился с поставленной задачей: книжка является скорее всего набором цитат. В ней две главы: первая, очень коротенькая, посвящена истории и ее задачам в понимании Ключевского; вторая, непропорционально длинная, говорит о существовании исторического процесса в трактовке Ключевского. Работа скучна в отношении выводов и основана на узком круге историографических источников — только на «Курсе», из которого использованы главным образом вводные лекции, и отчасти на «Боярской думе». На первый план выдвинуто значение идей в историческом процессе, цитированы те места вводных лекций, где говорится о роли идей, о типах идей, о том, что учреждения и формы политической жизни могут опережать понятия людей, а действия исторических лиц имеют иногда непредвиденные ими последствия. Хвостов сближает Ключевского с Риккертом по линии признания «неповторяемости исторических событий», «взятых во всей их единичности», и с Вундтом в разрезе его «закона гетерогонии целей». «Смутные» и «переходные» эпохи революционны, они перерабатывают развалины погибшего строя в новые элементы. Бедность выводов работы осознана автором: Хвостов, историк права, извиняет ее трудностью изучения Ключевского — «маститого историка», «первоклассного мастера», «глубокого мыслителя», который умеет в немногих строках сказать больше, «чем сколько содержится в толстом философском томе».

Ключевский, в то время больной (ему оставалось лишь около года жизни), успел прочитать книжку Хвостова. В Ленинской библиотеке сохранился дарственный экземпляр автора, преподнесенный историку. Небольшие пометки на полях, сделанные знакомым бисерным почерком, тончайше заостренным карандашом (это характерно для Ключевского), не оставляют сомнений: Ключевский внимательно прочитал это произведение. Старый историк поставил много условных значков на полях книжки Хвостова, причем значки стоят не только у текстов, излагающих мысли автора книжки, но и около цитируемых довольно обширных текстов самого Ключевского. Остается впечатление, что Ключевский читал книгу о себе как «посторонний читатель». Словесных замечаний на полях очень мало, все они носят характер перечня пунктов читаемого текста: «Личность и масса», «Отраж[ение]». В некоторых случаях помечено карандашом, из какого тома «Курса» взята цитата (например, III ч[асть «Курса»]). Слова автора

о том, что он пользовался только «Курсом» и отчасти «Боярской думой», Ключевский отметил знаком «нота bene» (NB), а сравнение свое с Вундтом — особо хитрым, редко встречающимся у него значком, разгадать смысл которого пока трудно. Как оценил Ключевский читаемую книжку в целом, мы не знаем.

В мае 1911 г. смерть оборвала жизнь ученого. Широкий поток некрологов и посвященных его памяти статей включил в себя размышления и выводы многих современников о месте покойного историка в науке и об итогах его творческого пути. Так сразу после смерти историка образовался первый крупный историографический комплекс работ, ему посвященных.

2

После смерти Ключевского современники внезапно встретились лицом к лицу со спешной необходимостью осмыслить работу умершего, понять его деятельность в целом, его роль в русской исторической науке, а заодно и многое вспомнить. Легко заметить, что литература первого историографического комплекса делится на две группы: в одну входят статьи, преследующие цель дать общую оценку покойного историка; другая группа скорее представляет собой историографические источники (документальные публикации, воспоминания). Это ценные свидетельства современников о жизни Ключевского, впервые отлившиеся в литературную форму. На первом месте во второй группе стоит документальное издание «Общества истории и древностей российских», председателем которого был Ключевский. В книге помещены краткий биографический очерк Ключевского, составленный М. К. Любавским, и речи, произнесенные на чрезвычайном заседании Общества 12 ноября 1911 г., посвященном памяти покойного историка (выступления Е. В. Барсова, М. К. Любавского, С. И. Смирнова, Н. А. Заозерского, М. М. Богословского). Важнейшей частью тома являются архивные документальные материалы о Ключевском, собранные С. А. Белокуровым и отражающие жизненный путь историка. В них имеются сведения о предках Ключевского, обучении его в Пензенских духовных училищах и семинарии, затем в Московском университете, получении магистерской степени, преподавательской деятельности в Московском же университете. Документы эти дополнены воспоминаниями сестры Ключевского Е. О. Вирганской о покойном брате⁴, священников В. Маловского, А. Рождественского, а также офицеров Н. П. Нечаева и В. А. Петрова, знавших Ключевского по Александровскому военному училищу, где он долгое время преподавал. Тут же опубликован составленный С. А. Белокуровым список печатных работ Ключевского⁵. В 1914 г. в юбилейном сборнике исторических материалов, связанных со столетием Духовной академии, появились вос-

поминания М. Голубцовой о Ключевском, содержащие некоторые любопытные штрихи биографии историка⁶.

Но этим далеко не ограничивалось появление новых фактических данных тех же «поминальных» годов. Отметим в этом аспекте некролог, написанный Максимом Ковалевским. Он ценен рядом свидетельств автора о политических настроениях Ключевского в последние годы жизни. Ковалевский общался тогда с историком и вел с ним беседы на острые темы с глазу на глаз⁷. Ценен личными воспоминаниями о последних годах жизни некролог В. Рудакова — один из четырех опубликованных в «Историческом вестнике» в год смерти Ключевского. Два других некролога-воспоминания, опубликованных в этом журнале, принадлежат его бывшим слушателям — студентам университета А. Белову и А. Танкову. Оба подробно описывают характер лекций, манеру лектора, впечатления студентов. Особенно интересны воспоминания Танкова, слушавшего Ключевского в первый год его работы в Московском университете. Он воспроизводит довольно сложную обстановку появления молодого ученого на кафедре знаменитого С. М. Соловьева и впечатления его первых слушателей. Б. А. Щетинин рассказывает о любопытном участии Ключевского в экзамене гимназистов. Воспоминания слушателя Ключевского в Духовной академии Н. Н. Богородского особенно ценны по передаваемой версии не вполне добровольного ухода, а в сущности удаления начальством Ключевского с академической кафедры⁸. Более подробно рисуют эти обстоятельства сослуживцы Ключевского по Духовной академии И. М. Громогласов и приват-доцент А. И. Покровский. Последний дает живой портрет Ключевского как собеседника в среде преподавателей академии⁹. Такие некрологи носят преимущественно мемуарный характер и сохраняют ценность первоисточника.

После 1911 г. некоторое время продолжалась публикация запоздавших некрологов и памятных статей о Ключевском, в составе которых мы встречаем ценные воспоминания. Н. Путинцев, слушатель Ключевского по Александровскому военному училищу, передает множество живых черт, рисовавших особенности чтения Ключевским лекций в своеобразной военной среде. По подсчету автора, историк был учителем 16 выпусков русских офицеров, относившихся к его лекциям с восторженным вниманием (сам автор слушал курс Ключевского в 1878—1880 гг.). Ценны воспоминания Е. А. Ефимовского, бывшего университетским слушателем Ключевского в революционном 1905 г.; они — немаловажный источник для изучения деятельности историка. Последней в этом запоздалом потоке можно упомянуть превосходную статью И. А. Артоболевского, опубликованную в 1913 г. Она перерастает в исследование, поскольку сверх воспоминаний автора и рассказов самого Ключевского вводит новые источники — в ней ис-

пользуются сведения пензенских старожилов, письма молодого Ключевского И. В. Европейцеву (эти письма в целом, увы, не дошли до нас), учитываются рассказы сестры Ключевского Елизаветы Осиповны. Посвященная детству, отрочеству и студенческим годам историка, статья во многом превосходит разработку этой же темы в других публикациях¹⁰.

Парадоксом первого, «поминального», историографического комплекса 1911—1913 гг. является то, что весь этот ценный фактический материал в большинстве своем не мог быть использован теми авторами, которые публиковали в те же годы обобщающие работы об историке. Они или разошлись с ним по времени появления, запоздали, или публиковались одновременно. Лишь М. К. Любавский, «заведовавший» документальным томом «Чтений», частью использовал подготавливаемый под его надзором материал, вышедший в «Чтениях ОИДР» почти на три года позже, чем основной комплекс обобщающих «поминальных» статей.

Рассмотрим этот комплекс. Печать спешки (понятной в тех условиях) лежит на этих обобщающих, оценочных статьях. Авторы неизбежно должны были пользоваться узкой и, с нашей точки зрения, очень неполной источниковедческой базой. В их распоряжении еще нет пятого тома «Курса» (он выйдет позже), а четвертый том — еще новинка, не всеми прочтен, он появился в 1910 г. Нет и «Истории сословий в России» (подготовлена А. И. Юшковым), она будет напечатана только в 1913 г. Еще нет столь привычных для нас томов, где объединились отдельные статьи Ключевского, разбросанные по разным журналам и подчас редким изданиям. Первый такой сборник работ Ключевского «Опыты и исследования» появился лишь в 1912 г., второй — «Очерки и речи» — в 1913 г., а «Отзывы и ответы» — в 1914 г. Конечно, московская и петербургская профессура, как правило, знала работы Ключевского, вошедшие в эти сборники, но едва ли они были собраны в их библиотеках со всей полнотой и мобилизованы к тому моменту, когда писались обобщающие статьи: они цитируются в них очень редко и разрозненно. Анализ текста показывает, что статьи основаны главным образом на «Боярской думе» и первых трех томах «Курса». Для биографических данных привлекался текст речей, произнесенных ранее на юбилеях Ключевского и тогда же опубликованных, а также отчеты об его юбилеях, опубликованные в журналах еще при жизни Ключевского (иногда в статьи интересующего нас цикла целиком включаются абзацы из этих юбилейных материалов). Плюсом работ являются живые впечатления от общения с историком и от участия в обсуждении его работ в академической среде того времени.

Обобщающие статьи, нас интересующие, появились главным образом в 1911 г., некоторые, запоздавшие — в 1912 и 1913 гг.

Они запечатлели позицию академического мира тех лет по отношению к покойному историку и общее суждение авторов о степени развития исторической науки.

Буржуазная историческая наука переживала в те годы состояние продолжающегося кризиса. Необходимость искать новые пути исследования и неудовлетворенность старыми сознавались историками. Исторический материализм уже стучался в их дом, и хотя тяжелые дубовые двери профессорских квартир на стук не открывались, обеспокоенным хозяевам приходилось все же подходить к ним изнутри и спрашивать: «Кто тут?» Эпоха была переломной. Оставалось лишь три года до первой мировой войны и шесть лет — до Октябрьской революции.

Авторы статей о Ключевском принадлежали цвету буржуазной академической науки того времени: М. М. Богословский, М. К. Любавский, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, С. Ф. Платонов и др. Материалы нередко являются речами на заседаниях академических научных обществ, посвященных памяти Ключевского, а иногда одновременно и статьями в наиболее солидных журналах того времени («Вестнике Европы», «Русской мысли» и др.) и академических изданиях. Литература эта апологетична и, что особенно интересно, безоговорочно утверждает значение Ключевского как создателя первой научной школы русской историографии. Интересен этот угол зрения, характерный для кризиса исторической науки, — что ни говори, тут бесспорен признак скептической оценки прежней историографии, каких-то сомнений в ее научности, иначе не пришлось бы говорить о *первой* научной школе. Давно возник и существовал рядом с официальной наукой противоречащий ей комплекс историко-материалистических требований. Атака на историко-идеалистические схемы велась давно, и некрологи шли как бы в контратаку: нечего, мол, упрекать наше знание в ненаучности, у нас есть основатель истинно научной школы — это Ключевский. В такой позиции налицо дискуссия двух столкнувшихся направлений. Ключевский — «создатель научной истории России» (Кизеветтер), его основное дело — «построение научной истории России» (Любавский). По мнению Кизеветтера, недостаточно сказать, что маститый историк двинул вперед науку русской истории или реформировал ее. Нет, Ключевский «создал науку русской истории». Нужно было «своей» наукой парировать успехи исторического материализма, все более завоевывавшего умы студенческой молодежи. Ключевский открыл «целую эпоху в науке русской истории» (И. Бороздин), он — «гениальный ученый нашего века» (П. Милюков), он — «замечательнейший человек нашего времени», он «талантлив до гениальности» (М. М. Богословский). Образ Ключевского начинал незаметно канонизироваться, имя его становилось знаменем и лозунгом¹¹.

Бороздин находил, что Ключевский внес глубокие принципиальные изменения и в историческую концепцию истории России, и в самое изложение материала: «На смену прежней прагматике или сухим формально-правовым построениям теперь появилась история народа, история общества»...¹² Тут характерны две стороны: тема народа и общества в противопоставлении с историей государства и признание ее у Ключевского основной и ведущей. Изложение истории страны лишь как истории ее государства считается, по мнению нового поколения буржуазных ученых, устаревшим. То, что Ключевским сделано, объявляется историей народа и общества (хотя самая непритязательная критика могла легко обнаружить бесспорную неполноту в освещении Ключевским жизни народа). Эти утверждения парировали критику прежних идеалистических концепций, подменявших историю общества историей государства и упускавших из поля зрения тему народа.

Нельзя понять этих оценок без учета того, что в научной жизни страны возник и в передовых ее кругах уже укрепился новый критерий: требование освещать историю народа, историю общества, а не выдаваемую за нее историю государства и правящих классов. Новое требование рождено развитием социальных учений, укреплением материалистических взглядов и постепенным осознанием того, что история трудового населения — первая основная проблема исторической науки. Ученики Ключевского, оценивая его как основателя подлинной исторической науки, а труды учителя — как вершину исторического знания, защищали себя утверждением о реализации им этого критерия.

В некрологический комплекс статей врываются и более скептические голоса, отражая борьбу и противоречия времени. Статья казанского профессора Д. А. Корсакова «По поводу двух монографий В. О. Ключевского» (о двух его диссертациях «Древнерусские жития святых» и «Боярская дума») нацелена не на то, что нового внесли в науку эти монографии, а на констатацию глубочайшей зависимости работ Ключевского от предшественников — не только от С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина, но и от К. Н. Тихонравова, Ф. И. Буслаева, С. В. Ешевского, А. П. Щапова. В статье М. Клочкова, появившейся в «Современнике», скепсис идет еще дальше: он считает «Курс» Ключевского в научном отношении устаревшим («к нашим дням некоторые части его обветшали»). После исследований А. А. Шахматова о летописях, Н. П. Павлова-Сильванского об удельном периоде как феодальном времени, С. Ф. Платонова о Смуте, соответствующие отделы «Курса» носят на себе «следы архаизма». Клочков все же считает Ключевского «патриархом русской истории», что в свете предыдущего получает некий особый смысл — патриарху как раз прилична старость и уважение к старине. Не преминул Клочков

заметить, что немногие случаи общественных и политических выступлений Ключевского «обнаружили его малую пригодность к такого рода деятельности» (оценка, впрочем, ничем не мотивирована). Рекорд скепсиса буржуазных историков побивает одесский профессор И. А. Линниченко (в свое время раскритикованный Ключевским), опубликовавший свою речь, произнесенную 14 мая 1911 г., через два дня после смерти Ключевского, на собрании Одесского библиографического общества. Ряд трафаретных восхвалений, которыми начата речь, быстро сменяется резкими критическими замечаниями. Многие положения Ключевского, по мнению автора, спорны. Путь, которым ученый приходит к своим выводам, остается неизвестен читателю, это ненаучно. Изложение в «Курсе» «чаще догматическое, чем аналитическое». Хотя Ключевский постоянно тянулся к философско-историческим вопросам, для него характерно «отсутствие общего исторического мирозерцания». Линниченко склоняется к выводу о том, что Ключевский «не связал своих положений в одно целое» (мысль близкая к мнению М. Н. Покровского, высказавшего ее еще в 1904 г.). У Ключевского «не было ни охоты, ни способностей к широким историософическим обобщениям». Через две страницы автор противоречиво утверждает: «В своих историософических взглядах Ключевский примыкает к теории неославянофилов, более всего к теории Данилевского». Однако «из трех китов славянофильского учения» Ключевскому «не удалось уловить последнего — народности». Даже в высоких качествах художественного изложения Ключевского Линниченко сомневался: в его исторических портретах не хватает, по мнению критика, некоего «последнего мазка», да и «пластического воображения у него недостаточно»¹³.

Не прошло и года, как из несколько разногласного хора мнений буржуазных ученых стал отчетливо откristаллизовываться некий канонически устойчивый комплекс оценки покойного, осторожно устранявший из его облика все противоречия и проблему поисков правильного пути в науке и политике, мучившую Ключевского. Наиболее выразительным памятником этой работы буржуазной академической мысли является сборник, вышедший в издании «Научное слово», в круг сотрудников которого был вхож и ушедший из жизни историк¹⁴.

Московская профессура представлена в сборнике учениками покойного: М. К. Любавским (преемником Ключевского по кафедре Московского университета), М. М. Богословским, Ю. В. Готье и тогда еще молодыми учеными Б. И. Сыромятниковым, А. А. Кизеветтером; петербургские академические круги — С. Ф. Платоновым и в то время работавшим в столице П. Н. Милюковым, а также значительной фигурой крупного юриста и общественного деятеля А. Ф. Кони, некогда не очень ладившего с Ключевским, а позже очень сблизившегося с ним. Ю. И. Айхенвальд, тогдаш-

ний литературный «златоуст», мастер стиля и знаток художественной литературы, был призван оценить художественные качества стиля Ключевского. Н. А. Умов, издатель «Научного слова», написал вводную статью. Некоторые некрологи расширены и дополнены, другие несколько переработаны для сборника, но все же не получили характера завершенных научных статей. Часть из них — не исследования, а скорее впечатления, спешно дополненные цитатами, лежавшими сверху в памяти или под рукой на книжных полках — в юбилейных статьях.

Принятыми в сборник оказались далеко не все ученые, выступившие в печати. Так, работы Д. А. Корсакова, С. А. Котляревского и ряда других сюда не вошли, М. М. Ковалевского также нет. В общем, академические составители «чужих» в сборник не пустили.

Сборник создавал образ гениального ученого, основателя первого научного направления в русской исторической науке, правда, теснейшим образом связанного с предшествующим развитием изучения русской истории, но все же, несомненно, он — создатель новой школы. Подчеркивалось с удовлетворением, что Ключевский был противником материализма. Новое в его работах состояло в исследовании социальной базы и экономических явлений, а также в «социологизме», в попытке теоретического осознания исторического процесса. Хотя помещенные в сборнике статьи Кони и Милюкова содержали ценные факты об отношении Ключевского к общественным событиям — революции 1905 г., учреждению Думы, царской цензуре, Ключевский канонизировался в сборнике как человек, далекий от политики: «У него не было «биографии»: вся его жизнь прошла в Москве, за книгами и рукописями, за чтением лекций и за кабинетною работою»¹⁵, — писал профессор С. Ф. Платонов.

В сборнике дружно восхваляется «органическая» неспособность Ключевского встать на позиции монизма в понимании исторического процесса (М. М. Богословский, М. К. Любавский), этим канонизируемое понимание Ключевского наглухо отгораживалось от марксистских воздействий. Заодно утверждалось, что теория исторического процесса вообще не «воодушевляла» Ключевского: «Он был слишком художник для абстракций» (М. М. Богословский). Вместе с этим признавалось соответствие его теоретических вводных лекций требованиям времени: Милюков, бывший в числе первых слушателей университетского курса покойного, даже замечает, что эти лекции удовлетворили студентов, уже искавших в исходе 70-х годов XIX в. «законов» в истории. Правда, Милюков не называет хотя бы попутно ни одного такого «закона»¹⁶.

Замкнутость одинокого ученого, отрешенность его от злобы мирской и даже некоторая привлекательная «загадочность» будто бы

соединялись у Ключевского с «высшей степенью» спокойствия объективного историка, в исследованиях которого «вовсе отсутствует» (1) полемический элемент (Платонов)¹⁷. Современному исследователю Ключевского, правда, сразу вспоминаются его язвительнейшие полемические статьи против В. С. Иконникова, Д. И. Иловайского и других — «кусающая» острота Ключевского как полемиста была общеизвестна. Но к каноническому облику более подходило высокое спокойствие бесстрастного летописца.

При рассмотрении генезиса концепции Ключевского каноническая версия заботливо отодвигала в сторону наследие 60-х годов XIX в.: Н. Г. Чернышевского, А. П. Шапова, Н. А. Добролюбова, не обнаруживала связей с Н. Я. Аристовым, Ф. И. Буслаевым, С. В. Ешевским. На эту сторону дела глаза были закрыты, и мельком встречавшиеся упоминания о влиянии 60-х годов оказывались скорее то ли просто хронологической датой юных лет историка, то ли эпохой «великих реформ» Александра II.

Все влияния и идейные воздействия предшествующей исторической науки на Ключевского плотно сосредоточились в сборнике вокруг историко-юридической школы. С. М. Соловьев и Б. Н. Чичерин заняли тут почти всю территорию — и тому, и другому посвящены самостоятельные статьи (Любавского о влиянии Соловьева и Б. И. Сыромятникова о воздействии на Ключевского Чичерина). Отмечалось, что хотя Ключевский уже не «довольствовался» теорией родового быта, но вообще-то он решал «те же» научные задачи, что и Соловьев (Богословский), суть схемы Ключевского — якобы закрепощение и раскрепощение российских сословий государством. Богословский шел еще дальше и считал Ключевского принадлежащим к историко-юридической школе. Правда, такие давно известные школе «элементы», как боярская дума, Земские соборы и «классы русского общества», Ключевский по счастливой догадке «сочетал» и рассмотрел во взаимной связи. Это «сочетание» и привело его к «поразительным результатам, настоящим открытиям» (Богословский). Вокруг этих положений работает мысль всех авторов сборника. В их противоречивых формулах вспыхивает иногда и полемический оттенок — ведь надо одновременно развернуть доказательства большой новизны выводов Ключевского, впервые сделавшего, по общей мысли, историю наукой, и все же доказать его теснейшую связь с историко-юридической школой. Следовательно, должна, казалось бы, появиться принципиальная разница между Ключевским и, скажем, Соловьевым. Но этого не получается. П. Н. Милюков признает, что «История» Соловьева была «общей канвой, по которой работал Ключевский». Сыромятников, шумно и с трезвонком утверждая научное новаторство Ключевского, все же приходит к выводу, что гениальный ученый «подвел фундамент под старые схемы». Изучение социальных и экономических отношений и есть этот

фундамент, принципиальная новизна изысканий Ключевского. В общей оценке влияний на Ключевского вспыхивает все же спор: Милюков говорит о «феруле» Соловьева над Ключевским, Богословский, не называя противника, сетует на тех, кто после смерти хочет поссорить ученика и учителя, подчеркивая их обоюдную привязанность друг к другу (намек на Милюкова). В ответ на вопрос о влияниях Милюков спешит внести некий агностический оттенок, признавая, наконец, что генезис взглядов Ключевского, очень ясный с первого взгляда, далее «запутывается и ускользает» от точного определения «по мере того, как взятая у предшественников мысль подвергается внутренней переработке в умственной лаборатории Ключевского»¹⁸. Противопоставление Ключевского Соловьеву как историка-экономиста историку-юристу Богословский считает неправильным: Ключевский и Соловьев тут лишь «дополняли» друг друга.

Прозвучали интонации спора и в оценке отношения Ключевского к славянофилам и западникам: А. Ф. Кони утверждал не без основания, что Ключевский еще в студенческие годы к славянофильству относился «несомненно скептически», и «не был поклонником старой Москвы». Милюков занял промежуточную позицию: на стороне западников был-де ум Ключевского, а «к славянофильству он склоняется сердцем». Однако передвинутая в область научных интересов проблема вызывала более единодушное решение: Ключевский канонизировался как историк Московской Руси XVII в., ее любитель и почитатель. Эту точку зрения заняли и Богословский, и Милюков, и Любавский, и ряд других историков. Кони, не вполне соглашавшийся с этим, привел мнение еще одного (не названного им по имени) историка, который утверждал, что Ключевский вовсе не был «гражданином правового государства — будущей России», а был «всецело слугой и богомольцем московских государей»¹⁹. Так еще одна прочная стена отделила Ключевского от его современности.

Но на этом полемика внутри академического круга не закончилась. Любавский несколько неожиданно для всех выдвинул положение, что Ключевский — прежде всего историк русского крестьянства: «Василий Осипович так крепко вдвинул историю крестьянства в общий курс русской истории, дал ей там такое органическое место, которое навсегда останется за нею и в последующих концепциях русской истории». К сожалению, Любавский не привел доказательств своего положения, и мы лишены возможности проследить, как обойдет он такую подводную скалу, как почти полное отсутствие крестьянских движений в «Курсе» Ключевского, фактически «пропустившего» в своем изложении и Разина, и Пугачева. Не оказала ли влияния на Любавского атмосфера 1911 г., когда праздновался 50-летний юбилей «освобождения крестьян» и вопрос об отношении Ключевского к проблеме приобрел боль-

шую остроту? Мысль Любавского не встретила, однако, поддержки в сборнике; более того, Богословский там же открыто полемизирует с ним, замечая, что Ключевский вовсе не был историком «низших классов», а как раз, наоборот, высших — боярства, дворянства или, еще «справедливее», делил «совершенно одинаково» свое внимание между верхами и низами (это уже что-то другое!), и «решительно никакого демократического предпочтения в его ученых исследованиях уловить нельзя». В истории общественных классов Ключевский, по мнению Богословского, изучает более всего их юридическое положение²⁰.

Величайшее внимание уделено в сборнике и художественному мастерству изложения у Ключевского. Богословский считает даже, что именно в художественном таланте Ключевского надо искать тайну его «синтетического мастерства». Правда, восхищающийся этим мастерством участник сборника Ю. И. Айхенвальд вносит в свои оценки критические ноты: стиль Ключевского — «каллиграфия», а не естественный почерк, он подчас «вычурен», «фраза слишком готовая». Но эта критика не встретила сочувствия, да, кстати, не изменила и у самого Айхенвальда в его выводах общей высокой оценки художественного мастерства Ключевского²¹.

Так завязался первый и довольно прочный историографический узел в изучении Ключевского и завязался именно в той среде, к которой он сам принадлежал. В том же году, что и разобранный «академический» сборник, появилась явно неподходящая к его тону и, вероятно, отторгнутая им статья молодого историка В. И. Пичеты, довольно решительно расходившаяся с устанавливавшейся историографической концепцией. Пичета решительно противопоставляет Ключевского историко-юридической школе. Ключевский рисуется как некий ученый-революционер, который «разрушал вековые здания, уничтожал сложившиеся навыки и привычки» и открывал собой начало «борьбы в историографии». «Боярская дума», по мнению автора, «составила эпоху в истории самой науки». Конечно, Ключевский, как находит Пичета, в какой-то мере был верен школе Соловьева в части выводов, «прочно» им обоснованных, но в остальном шел самобытно, «резко порвав идейную нить, связывавшую его с историко-юридической школой». Расхождение Ключевского с Соловьевым началось «чуть ли не на студенческой скамье». Материальные факторы исторического процесса были «вне поля зрения Соловьева», а у Ключевского, напротив, налицо признание, что «экономика определяет политическое строение общества»; таково мнение Пичеты, явно не соответствующее установкам Ключевского. Пичета понимал Ключевского не то как единомышленника К. Маркса, имя которого, разумеется, не упоминалось, не то как ближайшего предшественника исторического материализма. Ключевский, согласно Пичете, резко разошелся с Соловьевым и в понимании

роли личности в истории — для Ключевского личность-де неотделима от общества, а для Соловьева сознательно действующая личность — на первом плане в историческом процессе. Для Соловьева русские удельные князья — это просто всё, а для Ключевского нельзя отличить, кто из них Иван, а кто Василий. У Соловьева изучается история государства, а народа нет. У Ключевского народ будто бы на первом плане. Столь же гиперболизировано и принципиально пересмотрено мнение о методологии Ключевского. Оказывается, Ключевский «произвел историко-методологическую революцию, чреватую последствиями». Мы узнаем, что «в новой конструкции исторического процесса, в попытках дать историю народа — общества, поставив ее в зависимость от экономических и политических условий, и заключается основное научное значение Ключевского». Поэтому он и превратился «в представителя целой школы»²².

Понятно, что такому пониманию Ключевского, порожденному притягательной силой марксизма и стремлением подкрасить маститого историка под самые что ни на есть передовые нужды исторической науки, не могло найтись места в «канонической» концепции академических кругов начала XX в.

Еще одна работа не вместились в рамки концепции «академического» сборника — доклад П. П. Смирнова, прочитанный в ноябре 1911 г. на заседании «Общества Нестора летописца», посвященном памяти Ключевского. Можно предположить, что автор испытал трудности и с его публикацией. Статья помещена довольно неожиданно для читателя в «Военно-историческом вестнике» (1912 г.). Смирнов, как и Д. А. Корсаков, усматривает «источники» воззрения Ключевского в «общественных настроениях 60-х годов», вспоминает и о лекциях Ф. И. Буслаева, не преминув заметить, что для слушания их Ключевский даже жертвовал лекциями Соловьева. Рождение замысла работы о житиях святых будто бы зависело от влияния С. В. Ешевского. Подвергнув, впрочем, как «Сказания иностранцев», так и «Жития святых» довольно едкой критике, Смирнов полагает, что в «Боярской думе» Ключевский стремился противопоставить изучению «правительственной механики» старой школы Чичерина и Соловьева «свой новый метод изучения социального материала». Резко подчеркивая отличия Ключевского от своих учителей государственной школы, Смирнов считал, что в самом «способе исторического мышления» умершего историка «лежит неразрешимое противоречие» между ним и государственной школой. Разница между этими двумя противоположными схемами (точка зрения, совершенно неприемлемая для «канонической» концепции!), в частности, и в том, что корни историко-философского мировоззрения Соловьева «глубоко уходили в философию и религию», а у Ключевского в его схеме церкви отведено «самое скромное место». Ключевского

«можно считать по праву... основателем экономического направления в русской историографии» (позже эту мысль заимствовал у П. П. Смирнова Н. Л. Рубинштейн). Он, Ключевский, по мнению Смирнова, «сдвинул историческую мысль к социальному материалу», «от личности — к массе». Отсюда также неприемлемый для «канонической» концепции вывод: Ключевский выдвинул-де на первый план материальные факторы и построил на них свою схему исторического развития. Народ отсутствует у Соловьева, а Ключевский, по мнению Смирнова, посвятил социальному строю народа «лучшие свои монографии»; положение это, разумеется, лишено доказательств. Отсюда довольно неожиданный вывод — о «синтезе» западничества и славянофильства в теории Ключевского, которые именно с этого момента «осуждены на умирание». Налицо некоторая перекличка с соображением Милюкова о том, что у Ключевского были-де западнический ум и славянофильское сердце, но сейчас трудно установить, кто у кого взял взаймы эту мысль или она одновременно пришла обоим. Общая позиция Смирнова — «до самого конца Василий Осипович отдавал философии истории первенствующее место» — также расходится с мифом «канонической» концепции²³.

На этом кончается основной круг обобщающих работ, принадлежащих первому историографическому узлу, сформировавшемуся сразу после смерти Ключевского в «академический канон»²⁴.

3

Так обстояло дело в лагере буржуазной историографии. Но в то же предреволюционное шестилетие, лежащее между смертью Ключевского и революционным 1917 г., с суждением об его концепции выступил и Г. В. Плеханов. Он посвятил ему специальные главы в первом томе «Истории русской общественной мысли», вышедшем в свет в июне 1914 г. Однако хору похвал и восторгов в адрес Ключевского еще ранее противостояли суровые оценки, шедшие из лагеря исторического материализма. Нарушим в данном случае принятую нами последовательность и остановимся на этой стороне «прижизненной» историографии Ключевского. О нем высказались еще при его жизни В. И. Ленин, М. Н. Покровский и М. С. Ольминский (Александров). Нет сведений о том, что все эти высказывания были известны самому Ключевскому, но от этого они не теряют историографического значения.

У Ленина нет работы, специально или отчасти посвященной Ключевскому. Но он испытывал интерес к его трудам, знакомился с ними и ссылался на них. Примечателен факт, что в библиотеке Ленина в Кремле имелся литографированный «Курс новой русской истории» Ключевского 1883—1884 гг. с довольно многочис-

ленными ленинскими пометками и подчеркиваниями, а также надписью на обрывке газетной бумаги: «с. 295—97; общая характеристика периода с конца 18 до 1/2 19 с[толетия]» красным и синим карандашами²⁵.

В своих опубликованных работах Ленин дважды по разным поводам упомянул имя Ключевского и сослался на него. Первый раз в 1899 г. в ответе на резкую критику П. Н. Сковрцова, выступившего с нападками на ленинскую работу «Развитие капитализма в России»²⁶. Споря с Лениным, Сковрцов опирался на «Боярскую думу» Ключевского. Ленин в «Развитии капитализма в России» справедливо полагал, что отработки — феодальный пережиток и что в существе своем эта форма принудительного труда барщинного типа держится на Руси с «Русской Правды». Сковрцов яростно нападал на эти положения. По его представлению, в хозяйстве Киевской Руси главную роль играла торговля (концепция Ключевского), при этом критик Ленина подчеркивает значение рабского труда, считая хозяйство Киевской Руси в значительной мере на нем основанным. Лишь в XVI в. хозяйственная система Руси становится крепостнической, причем Сковрцов «крепостной способ производства» считает особой общественной формацией. Споря против Ленина, ссылающегося на первоисточник («Русскую Правду»), Сковрцов противопоставляет положение из «Боярской думы» Ключевского. «В XII веке становятся заметны успехи частного землевладения на Руси, — пишет Ключевский. — Но это было, так сказать, землевладение неземледельческое, которое держалось не столько хлебопашеством, сколько разработкой промысловых угодий»²⁷. Это положение Ключевского — элемент его понимания Киевской Руси как торгового, неземледельческого государства. Упреки Сковрцова сыплются по поводу того, что Вл. Ильин (псевдоним Ленина) не знает-де системы хозяйства времени «Русской Правды» и перехода ее лишь в XVI в. в крепостничество. «Как же так случилось, — негодует Сковрцов, — что г. Ключевский говорит о борьбе с высшим городским классом Руси XII в. землевладельцев за внутренние рынки, а половцев — заграничные, г[осподин] же Ильин знает только отработочную систему»²⁸.

Тут ясна глубокая разница между концепцией Ключевского и представлением Ленина о Киевской Руси. Ленин построил свое понимание зачатков феодальных отношений в Киевской Руси именно на анализе первоисточника — «Русской Правды», и концепция Ключевского о торговом характере страны с отрицанием роли земледелия была ему чужда. «Это последнее положение (что отработки — пережиток крепостничества) я прямо выставляю в своей книге, — пишет Ленин, отвечая Сковрцову в статье «Некритическая критика». — Г[осподи]н Сковрцов об этом не говорит, а берет мое замечание, что отработки, в сущности, дер-

жаты с «Русской Правды», и бушует по поводу него: тут и цитата из Ключевского, и внутренние рынки в XII веке, и товарный фетишизм, и утверждение, что у меня „товарное производство является чудодейственным и все объясняющим началом в истории (sic!), начиная с «Русской Правды»“ (sic!). Это, видимо, все та же критика типа «чхи-чхи», которой я и без того, кажется, слишком много занимался в начале статьи»²⁹. Это беглое упоминание имени Ключевского носит, как видим, попутный характер, хотя и достаточно отчетливо вскрывает разницу в понимании вопроса у Ленина и Ключевского.

Второй раз Ленин упомянул имя Ключевского в полемике с Плехановым в «Докладе об Объединительном съезде РСДРП» в 1906 г. Ленин критикует там замечание Плеханова о «национализации» земли в Московской Руси. Его ссылка на Ключевского на этот раз позитивна: «... исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь. Говорить о национализации земли в допетровской России серьезно не доводится, — сошлемся хотя бы на Ключевского, Ефименко и др. Но оставим эти исторические изыскания...»³⁰ Можно вместе с тем, конечно, сделать вывод, что Ленин в какой-то мере противопоставлял Ключевского «либерально-народническому взгляду на московскую Русь», но раскрытия этого положения в других текстах Ленина нет.

Первой специальной работой марксиста о Ключевском была появившаяся в 1904 г. в журнале «Правда» рецензия М. Н. Покровского на первый том «Курса» русской истории Ключевского (М., 1904). Событие не лишено драматизма: ведь против учителя выступает ученик, оставленный Ключевским в 1891 г. для подготовки к профессорскому званию в Московском университете! Эта небольшая, очень принципиальная статья резко заострена против теоретических основ «Курса», методики его создания и приверженности автора старым концепциям. С присущей Покровскому стилистической яркостью и «разговорной» лапидарностью изложения он восстает прежде всего против метода подготовки «Курса», к которому прибегнул Ключевский, выбрав из своих разновременных лекционных литографий наиболее удачные места и соединив их. Как можно? Это же «автокомпиляция» и только! Автор, «покорный общему закону», менялся сам на протяжении протекшей четверти столетия ежегодного чтения своих курсов: «Проф. Ключевский в 1904 г. не тот, каким он был в 1894 г. и 1884 г.», а тут в «Курсе» «все искусственно смешано и поставлено рядом, в одну плоскость, автор недопустимо слил в единый текст хронологически различные редакции». Теоретические основы «Курса» подверглись особо сильной атаке. Покровский убедительно показывает, что вводные лекции, характеризующие историко-философскую теорию автора, сплошь составлены из «кусочков»: тут смешаны и Огюст Конт, и

Гегель, и органическая школа, и многое другое. Ключевский одновременно и позитивист, и гегельянец, и индивидуалист, и сторонник органического понимания общества. «Но нельзя быть всем этим сразу!» Эклектизм Ключевского остро разобран в рецензии и сделан центром критики. Это относится прежде всего к вводным главам. При чтении дальнейшего, уже конкретного изложения отдельных исторических тем можно упрекнуть автора в обратном: «Он слишком редко склонен изменить традиционному взгляду». Покровский берет лишь один пример — устаревший соловьевский взгляд на порядок княжеского владения, опровергнутый еще В. И. Сергеевичем, и не без язвительности ссылается именно на тот том «Русских юридических древностей», где Сергеевич обрушился и на самого Ключевского³¹.

Эту рецензию можно признать значительной вехой и в научном развитии самого Покровского: накануне 1905 г. — года его вступления в партию большевиков — Покровский порывает и со старым историческим мировоззрением, окончательно переходя на позиции исторического материализма. Ключевский, вероятно, знал об этой рецензии: в его личной библиотеке находился комплект журнала «Правда» с этим номером.

Еще более прямолинейная атака марксизма на концепции Ключевского имела место в 1910 г. в книге М. Александрова (М. С. Ольминского)³². Центральный объект критики — самодержавие в понимании Ключевского. Исходя из классовой, дворянской сути абсолютизма в России, критик анализирует допущенную Ключевским «фикцию или, если угодно, гипотезу (!) надклассового государства». Ольминский тщательно «проверяет» эту «гипотезу» и последовательно показывает по множеству «пунктов» ошибочность надклассового понимания государства Ключевским: тут и вопрос о централизации, о «закрепощении дворян», даже о «бегстве дворян в холопы», о «тяглице и холопе», о помещике и «казенном интересе» и о многом другом. Ольминский решительно отвергает после тщательной критики принадлежащую старой школе концепцию «закрепощения и раскрепощения сословий самодержавным государством». Он считает эту критику тем более нужной, что профессор, пользующийся «заслуженной авторитетностью», «дал наиболее яркую и цельную характеристику политических отношений в России XVII в.» Остро замечены и противоречия противника: «Профессор В. Ключевский нередко высказывает суждения, не выдерживающие самой поверхностной критики профессора В. Ключевского».

В. И. Ленин в 1911 г. отметил ошибку Ольминского в понимании самодержавия. В статье «О дипломатии Троцкого...» Ленин писал: «Классовый характер царской монархии несколько не устраивает громадной независимости и самостоятельности царской власти и „бюрократии“, от Николая II до любого урядника». Све-

дение самодержавия и монархии «непосредственно к „чистому“ господству верхних классов» — это ошибка ряда авторов, в их числе назван и М. Александров (Ольминский)³³.

Приведенные выше историографические факты марксистской критики Ключевского относятся к годам его жизни. Трудно предположить, чтобы Ключевский не обратил на них внимания или не знал ни одного из них. Едва ли книга Александрова (Ольминского), где ему посвящена довольно большая, на много параграфов расчлененная 11-я глава, прошла мимо внимания историка.

После смерти Ключевского, до революции 1917 г., в марксистском лагере прозвучал, как выше указывалось, еще один критический голос против его концепции. Это был голос Плеханова. Он посвящает Ключевскому три главы в своей известной работе³⁴. Любопытно, что эти главы предшествуют главам, посвященным Соловьеву, и следуют за разбором концепции Павлова-Сильванского. Плеханов ведет критический огонь по логическим категориям концепций о взаимосвязи экономического и политического моментов в истории Руси, а не по хронологическому ряду развития русской науки. Он спорит сначала с ближайшими современниками.

Плеханов глубоко разбирает основную ошибку Ключевского в понимании соотношения между политическими и экономическими явлениями и выявляет их эклектическую природу. Он должен был бы тут сослаться на Покровского, который сделал это первым. Плеханов указывает, что у Ключевского политический момент (завоевание) то предшествует экономическому, то порождает его. «Смешанность» этих процессов и есть, по Ключевскому, «своеобразие» русской истории («в истории нашего общества господствовали смешанные процессы»). Плеханов показывает, что свой взгляд на взаимозависимость политических и экономических явлений и оценку политического фактора как определяющего Ключевский заимствовал у французских историков времен реставрации, и напоминает о борьбе Гизо, Огюстена Тьерри, Минье против этих положений. Таким образом, Плеханов — последнее звено в том марксистском «анти-Ключевском» течении русской историографии, которое относится к предреволюционному времени.

Итак, дореволюционная историография Ключевского, несомненно, существовала и была ареной борьбы различных идеологических течений. Определился «академический канон» понимания Ключевского. Выяснились позиции марксистской критики. Выявились немало сторон проблемы, важных для историографического исследования.

После победы Октябрьской революции начался новый этап в истории изучения Ключевского.

Первым событием в советской историографии Ключевского было включение его имени в число авторов, издание которых было монополизировано молодым Советским государством. Его фамилия вошла в число «корифеев литературы», творения которых переходили «в собственность народа». На основании декрета Советской власти о Государственном издательстве было вынесено особое постановление Государственной комиссии по просвещению о том, что «Сочинения В. О. Ключевского монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года... Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны» — эти строки мы читаем на оборотах титульных листов первых советских изданий Ключевского. Постановление подписано правительственным комиссаром литературно-издательского отдела П. И. Лебедевым-Полянским³⁵.

Произведения Ключевского нужны были новому читателю Советской страны, стало быть, ни врагом, ни помехой правильного понимания истории рабоче-крестьянская власть его, очевидно, не считала. Нужда в марксистских обобщающих трудах по русской истории удовлетворялась другими авторами. Уже существовал пятитомник (позже четырехтомник) М. Н. Покровского «Русская история с древнейших времен». Покровскому в первые годы Советской власти Ленин поручил написать популярную историю России для массового читателя. Предпринималось переиздание и дореволюционного многотомника Покровского. Вместе с тем новая власть не собиралась так просто отдавать Ключевского старому миру. Она хотела сохранить его и как художественную ценность и как научный памятник.

Однако для буржуазной науки Ключевский продолжал оставаться историческим знаменем. И в советское время вокруг Ключевского идет борьба, о нем непрерывно пишут. Публикации, ему посвященные, явно «сгущаются» к «поминальным» десятилетиям со дня смерти — к 1921 и 1931 гг. Даже вторая мировая война не прервала этой традиции — военные и послевоенные годы его памятных дат отмечены появлением новой литературы о Ключевском.

Какие же течения боролись в это время в исследовании темы и какие новые решения предлагались?

Трудно дается даже такое на первый взгляд простое дело, как составление хронологического ряда появляющихся работ о Ключевском. В условиях революции и гражданской войны научные статьи печатаются медленно. Даты докладов отделены значительным сроком от их публикаций. Но возможность чтения научных докладов легка и обширна, как никогда. Множатся новые науч-

ные учреждения, оживляется научная работа, растет молодая аудитория, заполняющая залы научных заседаний, вход на которые всегда свободен. Время первых революционных лет отмечено буйным ростом научных полемик и дискуссий. Доклад о Ключевском, конечно, прочитать легко, напечатать куда труднее. Но прочтенный доклад — уже в какой-то мере достояние науки. Его обсуждают, о нем спорят.

В 20-е годы XX в. вышло около 10 серьезных статей о Ключевском, которые можно расценивать лишь как первые попытки научного подхода к проблеме. Документальная база работ была неполна, архивы еще не включались, да и наличные работы Ключевского использовались неполно, книг о Ключевском в печати не появилось. Для возникновения монографий вопрос, по-видимому, еще вообще не созрел. Замечательно, что эпоха проверяла Ключевского прежде всего как социолога, философа истории, как исследователя закономерностей. Это оказалось темой почти всех писавших о Ключевском. Конкретная разработка им отдельных проблем гораздо менее привлекала внимание, историков в те годы интересовали его теоретические взгляды.

С октября 1917 г. примерно до половины 30-х годов XX в. вышло, по моему подсчету, не менее 32 работ о Ключевском (отдельные издания, статьи, документальные публикации), большинство которых (27 работ) были посвящены Ключевскому в целом, его общей оценке как историка. За период с половины 30-х годов по начало 50-х годов число работ, посвященных Ключевскому, падает почти вдвое (вышло всего 17 работ), в их составе характеристика Ключевского в целом уже не преобладает (таких работ из 17 всего 8). С начала 50-х годов по наши дни вышло около 30 работ, из которых теме о Ключевском в целом также посвящено не более 8 работ. Эта статистика, разумеется, условная, отражает в какой-то мере движение изучения, его темп и степень интереса к общей теме. Мы видим, что интерес к общей характеристике Ключевского падает. Вероятно, она считается уже известной, установившейся.

Первый период был беден изданием историографических источников — вышло всего три публикации (две из них мемуарные); в последующие два периода мемуары исчезли совсем, а численность изданных новых историографических источников — новых текстов Ключевского, его переписки, афоризмов, биографических документов — возросла (семь единиц во втором периоде, пять — в третьем). Но особенно любопытна линия наблюдаемого за последнее время роста специальных исследований, посвященных тому или иному отдельному вопросу научного творчества Ключевского. В первом периоде советская историческая литература выделила и разработала лишь две специальные темы: Ключевский о роли идей в историческом процессе (М. В. Неч-

кина) и Ключевский как государствовед (К. А. Архиппов). Во втором периоде число это возросло лишь на единицу и достигло трех: изучались (сравнительно) древняя история России в освещении Ключевского и А. Е. Преснякова (В. А. Пархоменко), взгляды Ключевского на опричнину (С. Б. Веселовский) и проблемы дипломатики в работах Ключевского (А. А. Введенский). В последний же период (всего за 18 лет) вышло уже не менее 16 специальных работ, посвященных отдельным сторонам научного творчества Ключевского или затрагивающих его в специальных главах: тут вопрос о Ключевском и студенческом движении Московского университета (П. С. Ткаченко), дальнейшая разработка проблем дипломатики в работах историка (А. А. Введенский), формирование исторических взглядов Ключевского (А. А. Зимин), вопросы происхождения крепостного права в трудах Ключевского (И. В. Корольков, В. В. Лаптев), Ключевский как историк исторической науки (Р. А. Киреева), Ключевский как источниковед (Э. Г. Чумаченко). Некоторым из указанных нами авторов принадлежит по несколько работ на упомянутые темы. Только что появившиеся работы продолжают эту же линию изучения специальных тем: исследуется изображение Ключевским социальной борьбы в древней Руси (Д. Я. Резун, «Бахрушинские чтения». М., 1969), вопрос о том, был ли Ключевский норманистом (В. В. Лаптев, «Герценовские чтения». Л., 1973).

Сосредоточимся теперь на общем понимании Ключевского как историка в советской историографии, на оценке его работы в целом.

Возможности изучения Ключевского обогатились в это время новыми историографическими источниками. Чрезвычайную ценность для темы формирование мировоззрения молодого историка имело издание его студенческих писем П. П. Гвоздеву (1924 г.) — товарищу юношеских лет. Тут была масса материала об отношении молодого студента к университетской науке, к журнальной полемике 60-х годов XIX в. и революционной демократии, к студенческому движению, к философским основам нового «реалистического» мировоззрения. А. Чулошников опубликовал в 1926 г. в «Красном архиве» ценные архивные материалы об участии Ключевского в работе над проектом манифеста 6 августа 1905 г., связанном с петергофскими совещаниями. Появившиеся одновременно в зарубежном журнале, а через три года (1929 г.) отдельной книгой воспоминания ученика Ключевского А. А. Кизеветтера, тогда уже белоэмигранта, содержали ценный материал о чтении Ключевским лекций в 80-х годах XIX в., его концепции, лекторском мастерстве, связях со студенческой аудиторией, политических настроениях профессора³⁶. Все эти издания были существенным историографическим источником для изучения Ключевского. Не-

прерывное накопление документальных материалов — важная черта развития историографии данной темы. Однако процесс этого накопления в 20—30-е годы XX в. столкнулся с большим затруднением — недоступностью архивных фондов Ключевского для исследования. Они находились в частном владении. Внутренняя лаборатория Ключевского оставалась для исследователя закрытой. Поэтому монографическое исследование Ключевского в те годы еще не находило условий для своего возникновения, не могло реализоваться в полной мере. Историк мог основываться только на печатных трудах Ключевского. Работ, излагающих общий взгляд отдельных исследователей на Ключевского, было немало, они и основывались, собственно, только на опубликованных трудах, личных впечатлениях от ученичества и встреч, устном предании о «запретных» в царское время формулировках, опущенных при чтении университетских курсов, да в малой мере на эпистолярных материалах, которые цитировались неполно и скупно (пример цитаций А. Ф. Кони³⁷). Тем не менее наличие выработанных общих концепций о Ключевском было довольно велико, и борьба между разными историческими течениями была несомненной.

Прежде всего выделялось отчетливое апологетическое течение, генетически тесно связанное с возникшим еще до революции «академическим каноном», о котором шла речь выше. Участник еще дореволюционной работы над этим «канонам» Кизеветтер откликнулся в 1918 г. на советское постановление полной яда статьей «Ключевский и „социализация“ классиков»³⁸. В этой статье отчетливо проведен водораздел между марксистами и Ключевским: «социализировали» бы «своих», а то туда же, — распространили свои права на «буржуазных» классиков! Вам-то что до них? Кизеветтер ссылался на солидарных с ним М. О. Гершензона и П. Н. Сакулина, также протестующих против «социализации» Ключевского. Он предрекал, что рукописи последнего при Советской власти не будут публиковаться, так как их обладатели, конечно, воздержатся от передачи таких ценных материалов большевистскому государству: «Декрет новоявленных ревнителей просвещения воздвигнет несносную преграду для их беспрепятственного обнародования». Он выражал радость по поводу того, что Ключевский уже мертв и поэтому, к счастью, не увидит на только что вышедшем втором издании III тома своего «Курса» обозначения «этой неожиданной издательской фирмы» (сиречь Советской власти. — М. Н.). Далее приводились выдержки из упомянутого постановления о монополизации.

Кизеветтеру вторил в той же «Свободе России» Л. Львов в исторической статье «Ключевский о России», пышущей ненавистью к большевикам. Ключевский, в основном пессимист, все же

верил, повествует автор, что Россия найдет в себе возможность спасения. И не такое она выносила — и монгольское иго, и нашествие Наполеона: «В наши страшные (1) дни потеряли ли мы окончательно эту веру, которой учит нас наш историк?» Этим пафосным вопрошением заканчивалась статья. Таким образом, два ученика и последователя Ключевского уже в 1918 г. отчетливо отмежевывали его от советской науки. Но небольшие частные статьи не могли, разумеется, обосновать и раскрыть концепцию учителя. Эту задачу взял на себя С. А. Голубцов в прочтенном 2 декабря 1920 г. на факультете общественных наук в 1-м МГУ докладе, позже оформленном в статью³⁹.

Ключевский понимается им как историк-социолог, создавший стройную, продуманную и глубоко верную концепцию истории России. Важнейшее достоинство концепции — признание многофакторности исторического процесса и — слава-те, господи! — отсутствие монизма и материализма. Факторы, создающие эволюцию человеческого общества, — географический, экономический, социальный, политико-юридический и культурно-исторический — признаются Ключевским, и вовсе неважно, какой из них главный! Ключевский разрешил-де давний спор «государственников» и «народников». Он рассматривается Голубцовым в эволюции борьбы тех и других как ученый, наконец, нашедший выход из старинной контрверзы. «Плюрализм» Ключевского — стержень апологетического образа; историческому процессу несвойственно-де иметь «единую руководящую метафизически непреложную силу». Отмечается, что «экономический фактор» признан Ключевским под влиянием экономического материализма, но он то выделяется Ключевским, то нет, смотря по обстоятельствам, и это как раз очень хорошо.

Особо ценно, что Ключевский разошелся с экономическим материализмом во взгляде на государство, отрицал классовую его суть, ибо государство — явление надклассовое. По мнению Голубцова, основное горе русского человека, по Ключевскому, — и гнет государства, и невозможность без него обойтись. Пунктом расхождения с историко-юридической школой является то, что у Соловьева и прочих ее представителей за интересом к политическим формам упущена реальная жизнь, а у Ключевского этого упущения нет.

В том же апологетическом духе выдержана малооригинальная, компилятивная статья И. С. Симонова. Переизданный в 1922 г. некролог Ключевского, написанный профессором Казанского университета Н. Н. Фирсовым и в свое время опубликованный в газете «Волжско-Камская речь», главным образом сосредоточен на восхвалении «Боярской думы». Н. Н. Фирсов полагает, что научные идеи Ключевского «сделались доминирующими в новейшей русской историографии»⁴⁰.

В этом историографическом течении занята статья Ал. Владимирова. Она занимает особое место. Автор, вздохнув хваля Ключевского, объявляет его, ничтоже сумняшеся, подлинным марксистом. Стремление в самом начале 20-х годов XX в. полностью примирить Ключевского с марксизмом очень любопытно. Правда, автор делает существенную оговорку о внеклассовом взгляде Ключевского на государство («этот первоклассный исторический ум еще держится устарелой теории внеклассового государства»). По мнению Владимирова, Ключевский «прямо выдвигает классовую борьбу как основной жизненный стержень той или иной эпохи». Автор рад, что книги «нашего первоклассного ученого проникли и проникают» в среду «читателей из рабочих и крестьян» и что «Курс» Ключевского стал «обязательным пособием в высшей и средней школе». Вывод автора, которому не помешало положение о внеклассовом характере государства, гласит тем не менее, что «историческое мировоззрение нашего первоклассного ученого не только не расходится с тем историческим мировоззрением, которое должен усвоить ставший у власти пролетариат (т. е. экономический или исторический материализм и теория классовой борьбы), не только, повторяю, не расходится, но часто подтверждает[ся]»⁴¹.

Апологетам Ключевского противостояло в период 1918—1934 гг. другое течение, которое выявляло научные и политические позиции историков, искавших новых путей и еще колеблющихся между марксизмом и идеалистическим мировоззрением. Ключевский уже не удовлетворял их, но марксистское понимание еще отпугивало и во многом было субъективно неприемлемым. Несмотря на эти сомнения, разрыв со старой школой, изжившей себя идеалистической историографией, или во всяком случае отрыв от нее, сам процесс отрывания и перелома тут, несомненно, налицо. Это отчетливо заметно в работах А. Е. Преснякова, С. И. Тхоржевского и В. И. Пичеты.

Процесс этот, естественно, проходил в борьбе противоречий. У Преснякова сомнения в правильности концепции Ключевского выросли еще до революции в ходе его работы об образовании великорусского государства. В «Историографических заметках», служащих введением к труду, вышедшему из печати в 1918 г., большое внимание отдано Ключевскому. Пресняков убежденно и последовательно критикует его концепцию политического строя Русского государства. Ключевский «принял установленную Соловьевым схему и только позаботился о том, чтобы дать ей иное обоснование». Ключевский в плену «социологического догматизма». Он не строит своего понимания на основе первоисточников, не использует богатейших данных духовных и договорных грамот и летописных сводов. Нова у Ключевского лишь художе-

ственная яркость прочерченных контуров, а схема-то его старая — историко-юридической школы ⁴².

Бунтарю против учителя пришлось пережить немало трудного в академической среде бурных 1918—1922 гг., когда облеченные в научные одежды политические доводы против большевиков сыпались на голову Преснякова. Его новая работа, написанная к 10-летию со дня смерти историка ⁴³, отразила усиление колебаний и ряд отступлений его историографической мысли, но все-таки она была продолжением борьбы за свое понимание. Он взялся сейчас писать не только о каком-то специальном вопросе, а обо всем историке в целом. Но как быть? Ведь еще рано писать о нем, он слишком «живой, современный». Изучать Ключевского якобы «преждевременно». Огромное влияние Ключевского, по Преснякову, даже «загадочно» и «трудно преодолимо». Пресняков тем не менее ставит задачей выяснить, что же нового внес Ключевский в наши исторические воззрения, но на протяжении всей большой статьи не только не отвечает на поставленный вопрос, а как бы забывает его. Ключевский-ученый все время ускользает как тема и заменяется вопросом о Ключевском-художнике. Ключевский — это прежде всего создатель образов прошлого, убежденно повторяет Пресняков, упуская, что любой художественный образ строится все же на основе какого-то критерия для отбора явлений. Ключевский выводится Пресняковым за рамки историографического процесса и переводится в какой-то новый, общественно-художественный, а не научный поток явлений. Его стихия — художественный образ. Ключевский примыкает в этой схеме к Соловьеву и Чичерину, но его работа над схемой оказалась разрушением схемы. Ключевский утрировал формулы Соловьева и «нелегко сносил его иго». Художественное восприятие борется с «веригами схематизма». Пресняков в то же время торопливо принимает спорную формулу Любавского, что Ключевский — прежде всего историк русского крестьянства, хотя вместе с тем подчеркивает, что изучение интеллектуальной и нравственной жизни общества было для Ключевского не только «любимой», но и «основной» задачей как историка русского прошлого. У Ключевского нет личной, им построенной схемы, он лишь овладел старой, которая стесняла его самого. Его мышление не шло по линии научного обобщения, оно было художественно конкретным. Так и остается нерешенной поставленная автором задача выяснить, что нового внес Ключевский в наше научное понимание. Чувствуется, что скрытое отрицание внесения нового и есть ответ на поставленный Пресняковым вопрос.

С. И. Тхоржевский, который прочитал свой доклад о Ключевском 2 ноября 1920 г. в историческом кружке А. С. Лаппо-Данилевского, опубликовал его на год раньше Преснякова. Работа Тхоржевского — одна из лучших в этом периоде — это отнюдь

не воспоминания и не некролог, а исследование. Автор «не знал, не слышал и даже не видел покойного ученого», личных моментов в его изложении нет. Он привлёк к изучению не только печатные работы историка, но и литографированные курсы, неопубликованные тексты его специальных курсов: «Методология», «Терминология русской истории». Статья отмечена сильным расхождением с «академическим каноном». Нет, Ключевский не равнодушен к проблемам исторических закономерностей, напротив, он — социолог по существу и именно так себя понимал. Нет, он вовсе не бесстрастный Пимен-летописец, уединившийся в Замоскворечье и равнодушный к политической злобе дня; он не только историк, но и «политический мыслитель» — это было ново в «ключевскиане» времени. Автор отразил и то, и другое («социолог» и «политический мыслитель» — эти понятия стоят в заглавии и формируют структуру статьи). Против канона идет и признание того, что народничество, несомненно, отразилось на взглядах Ключевского, хотя историк нигде не идеализирует общину. Связь с политикой, по мнению автора, столь отчетлива у Ключевского, что «оценка прошлого перерастает у него в самую недвусмысленную оценку настоящего». Тхоржевский отмечает резкую критику дворянства в истории России, даже «беспоощадность» Ключевского к нему и вместе с тем суровую отрицательную оценку «низов». Автор признает, что Ключевский в отличие от других историков сознательно подчеркивает экономические интересы, но они у него отнюдь не доминируют при восстановлении исторического процесса.

Почти в полном противоречии с «академическим каноном» Тхоржевский, рассматривая метод Ключевского, приходит к выводу о том, что перед нами «историк-юрист». Автор делится с читателями своими интересными, а отчасти и неожиданными наблюдениями о воздействии Чичерина на Ключевского; особо любопытна вскрытая им зависимость курса «Методологии» Ключевского от «Социологии» Чичерина. При характеристике экономических вопросов Ключевский черпал сведения от Чичерина. Так, община трактовалась у Ключевского «по Чичерину»⁴⁴.

Пичета в 1923 г. в книге «Введение в русскую историю (Источники и историография)» относит самого Ключевского к некоему «14-му направлению», названному им «новая историческая наука», а особый (17-й) отдел отводит «школе Ключевского». Считая теперь, что Ключевский отчасти примыкает к Соловьеву, отчасти к славянофилам, он подчеркивает, что на первом плане у него не личность, а общество. Конечно, и тут, как и ранее, Пичета утверждает, что Ключевский «явился основателем новой исторической школы» и совершил «революцию в методе», но, как и в более ранней работе, он не подкрепляет эти положения доводами, никак не конкретизирует их. К «новой исторической школе» Пи-

чета относит также, кроме Ключевского, и К. Н. Бестужева-Рюмина, никак на него не похожего, да еще сопровождает это положением, что Бестужев-Рюмин «вполне примыкает к школе С. М. Соловьева». Как же свести концы с концами и почему тогда это «новая историческая школа?» Пичета считает особенностью Ключевского признание зависимости социальных и политических явлений от экономического базиса, но не упоминает при этом ни о каких марксистских воздействиях. Выходит, он признает это оригинальной особенностью Ключевского? Решительно утверждается, что Ключевский оставил после себя «научную школу» (но в перечне учеников мы не находим ни М. Н. Покровского, ни Н. А. Рожкова). «Школа» эта, впрочем, согласно автору, сейчас же «разделилась на два направления»: одно пошло по пути монографического изучения отдельных вопросов и, не пытаясь осветить их с какой-либо философско-исторической и вообще теоретической точки зрения, преследовало лишь цель «конкретного изображения исторических явлений»; другое же усвоило мысль Ключевского о зависимости от экономики факторов социальных и политических и старалось «еще дальше пойти» в этом направлении. Легко заметить, что в этом анализе нет ведущих научных критериев: отсутствию точки зрения у одних противопоставляется связь экономики с социально-политическими явлениями у других, и все вместе считается все-таки одной школой! Историографическая работа Пичеты все же ценна как первая попытка рассмотреть Ключевского на сравнительно широком общем историографическом фоне. Задача с историографических позиций была уловлена, но разрешить ее автору не удалось⁴⁵.

В исходе 20-х годов XX в. то же направление поисков и колебаний в изучении проблемы «Ключевский» видно в работе К. А. Архиппова, посвятившего статью Ключевскому как государствоведу. Работа зависима от С. А. Котляревского, изучавшего ту же тему еще до революции. Автор сосредоточен на «юридико-методологических приемах» Ключевского. Архиппов, как и, невысказанно, Пичета, подтягивает Ключевского к марксизму, преувеличивая у него значение «экономического фактора» (имеющего-де даже «доминирующее» значение!), но признает и его противоречие с марксизмом; сословие у Ключевского рисуется «по-марксистски» как «политически квалифицированный общественный класс». Признается «разительная разница» в трактовке Земских соборов у Ключевского и Чичерина. В окончательных выводах есть сближение Ключевского с риккерттианством, Ключевский, по Архиппову, историк «неповторимости» и «жизненной цельности» исторических состояний. Основной вывод: Ключевский показал, что нельзя государственно-правовые категории одного строя «перекладывать в другой, более ранний», нужна «адекватность» категорий. Автор сам признает свой вывод «бедным».

В некоторых отношениях Архиппов перекликается с «оригинальным» апологетическим вариантом концепции Владимирова, считающего Ключевского марксистом. Но у Архиппова по этой линии больше сомнений и поисков ⁴⁶.

Как «апологетическому», так и «колеблющемуся» течениям в буржуазной историографии Ключевского противостоит бурно формирующийся в 20-е годы XX в. марксистский исторический лагерь. Тут масса дела, и не так уж много внимания можно уделить Ключевскому, есть и более важные исторические и даже специально историографические темы. Но все же среди множества тем разрабатывается и тема «В. О. Ключевский». В те годы немало написал о Ключевском Покровский, более чем кто-либо понимавший значение проблемы и поставивший ее в своем историографическом семинаре в Институте Красной профессуры (докладчик М. В. Нечкина). Кроме работ Покровского, обновляли интерес к Ключевскому и переиздания работ Александрова (Ольминского), Плеханова. В духе марксистской оценки, воспроизводя всю аргументацию Покровского, высказался М. К. Лемке. Из молодых историков, примыкавших к марксистскому направлению, в те годы работала над Ключевским, насколько помню, только я одна; в семинаре Покровского (в ИКП) больше никто Ключевским особо не интересовался. Но и в противоположном лагере никто над монографией о Ключевском не работал — прочитавший мою рукопись в тогдашнем варианте проф. М. М. Богословский сам говорил мне об этом.

Основной чертой понимания Ключевского в потоке марксистских работ тех лет было размежевание с Ключевским: он принадлежит одному лагерю, марксисты — другому; он — на стороне «старого мира» и уходящего в прошлое классового общества, мы — за новый мир, и Ключевский не является для нас ни авторитетом, ни руководителем. Мы ищем историческую истину на новых путях, новыми методами. Наша проблематика другая, и совсем иным является наш способ изыскивать правду истории. Но знать Ключевского нужно и определить его место в истории совершенно необходимо.

В этих условиях руководитель исторического фронта М. Н. Покровский не мог остаться безмолвным в вопросе об оценке наследства Ключевского. Он и ранее, еще в 1904 г., как мы помним, выступал на эту тему в печати. Возобновлению его интереса более всего содействовала, однако, в 20-е годы XX в. внутрипартийная политическая борьба. Зачинатель теоретического спора с Троцким, Покровский углубился в историографию самодержавия и не мог не встретиться тут вновь с Ключевским и его предшественниками. Отвечая на вопрос, откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия (этим вопросом Покровский, как известно, и озаглавил одну из своих работ против Троцкого), По-

кровский решительно опровергал теорию о том, что самодержавие существовало «наперекор общественному развитию». Покровский пришел к выводу, что эта неправильная теория построена Троцким на основании всего двух старых работ, исчерпавших его исторические пособия: «Курса русской истории» Ключевского и «Очерков истории русской культуры» Милюкова. Отсюда особый интерес Покровского к концепции самодержавия у Ключевского. Разобраться в ней нельзя было без Соловьева и Чичерина. Возникла необходимость систематических историографических штудий. Исследовательский семинар Покровского в Институте Красной профессуры был, думаю, связан с его расширившимися историографическими интересами.

В эти годы Покровский опубликовал четыре работы, имеющие прямое отношение к интересующей нас проблеме: уже упомянутые статьи, входящие в его полемику с Троцким и увидевшие свет в начале 1923 г.: рецензию на пятый том «Курса» В. О. Ключевского, тогда только что вышедший, и курс историографических лекций в Коммунистическом университете в Петрограде, где они появились в свет в том же 1923 г. в виде отдельной книжки «Борьба классов и русская историческая литература». Ключевскому уделено в ней большое внимание, посвященные ему страницы вообще являются наиболее значительным по объему текстом Покровского о Ключевском. Позже Покровский вернулся к Ключевскому лишь в предисловии к сборнику историографических статей своих учеников, бегло очертив уже с несколько иных позиций место Ключевского в русской исторической науке⁴⁷.

В литературе отмечалось, что Покровский воспринимает историческую концепцию Ключевского как нечто стабильное, неразвивающееся, раз навсегда данное⁴⁸. Может быть, Покровский иначе подошел бы к вопросу, если бы исследовал Ключевского монографически. Но он, отлично понимая факт его эволюции и отметив это в 1904 г. в своей рецензии на первый том «Курса», брал его позже лишь как попутную «проходную» тему, через которую стремился к политической задаче. Он, действительно, не останавливался позже на эволюции взглядов Ключевского, что и не нужно было для его целей. Концепция Ключевского обрисована Покровским как сложный эклектический продукт заимствования от предшествующих крупных историков России, его учителей — Соловьева и Чичерина. «Ключевский неоднократно говорил нам, своим ученикам, что без „Истории“ Соловьева он не мог бы обработать своего курса», — пишет Покровский. «Целые главы „Курса“ Ключевского — ничто иное, как художественная популяризация Соловьева». Ключевский, согласно Покровскому, — лишь «гибридизация» Соловьева и Чичерина (доказательство, по его мнению, «История сословий»). Варьируя эту мысль в другом месте, Покровский полагал, что Ключевский — это «Чичерин, помноженный на

Соловьева, или Соловьев, привитый к Чичерину, как угодно». В работах о Земских соборах Ключевский «буквально клянется именем Чичерина»⁴⁹.

Концепция Покровского уделяет Ключевскому единственную оригинальную черту — введение в соловьевско-чичеринскую концепцию элемента национальности. Но понимание Покровским своего учителя не лишено противоречий: то он отдает дань известной новизне его концепции, то пишет, что Ключевский «не пошел дальше учителей». Точка зрения Чичерина дополнена теорией Соловьева о борьбе Руси со степью и собственным домыслом Ключевского, что «оборонялось некое целое, именуемое великорусским народом». С жесткой насмешкой Покровский критикует введение национального элемента в концепцию Ключевского: Владимир Мономах хвалился своей греческой кровью, Иван Грозный считал себя немцем, а «Ключевский из этих людей хочет сделать великорусских патриотов!» Подчеркивая эклектизм учителя, Покровский расширяет круг его заимствований и на шестидесятников. Ключевский дополнял свою концепцию теориями, которые извлек из «современной ему публицистики», он несет на себе «явный отпечаток Щапова», а по линии понимания роли личности — П. Л. Лаврова: «Без Лаврова не было бы многих страниц Ключевского». Рассматривая теорию Ключевского о возникновении крепостного права из договорных обязательств (задолженность) крестьян помещику, Покровский, в общем-то принимая эту концепцию, едко замечает, что она «бьет в лицо» теорию закрепощения и раскрепощения сословий государством, которой придерживается Ключевский. Если государство не причем, то значит, не оно закрепостило крестьян, таким образом, теорию эту можно разрушить руками ее создателей. Тут «историк, т. е. бессознательный марксист, взял у Ключевского верх над буржуазным публицистом»⁵⁰. Вообще историографическая оценка своего учителя у Покровского не только крайне резка, но и пренебрежительна. Он будто бы боялся этой своей «связи» с Ключевским и спешил «отмежеваться» от него самыми резкими оценками.

В своих исследованиях Ключевский, по мнению Покровского, остановился на первой половине XVIII в. там, где остановились и его учителя (по Покровскому, «руководители»), поскольку без них он будто бы «был совершенно беспомощен»⁵¹.

В некоторых местах своей критики Покровский «эклектику» вдруг заменяет «синтезом», что, конечно, не одно и то же: синтез всех буржуазных теорий нашел свое выражение в работах Ключевского. Разумеется, Покровский резко оспорил мнение апологетического течения о том, что Ключевский был создателем «истинно научной концепции» русской истории. «Наивны те люди, которые считают Ключевского одним из родоначальников исторического материализма в России!» — восклицает Покровский, го-

вора об «экономизме» Ключевского. Вместе с тем он хвалит «Сказания иностранцев о Московском государстве» за интерес автора к экономике, говорит о необходимости использовать эту работу марксистам и острит на тему о том, что лишь историки-марксисты «оплодотворили» материалы, Ключевским выявленные (сам Покровский довольно широко использовал эту книгу). С Плехановым Покровский, правда, сильно поспорил относительно оценки географического фактора у Ключевского и даже поиронизировал, что сам-де Плеханов в этом факторе только ухудшил понимание дела Ключевским⁵².

Нельзя не прийти к выводу, что Покровский судил о Ключевском не по тому, что он дал науке, а по тому, чего он не дал ей. Он и сопоставил Ключевского вполне прямолинейно с выводами современного ему, Покровскому, марксизма и корил за отступления. Это, впрочем, было в духе 20-х годов XX в.

Любопытно, что Покровский колеблется, как определить классовое лицо Ключевского: в одном месте Ключевский у него «сгусток классовой идеологии», очевидно, буржуазной, а в другом «Ключевский не может считаться выразителем какой-либо определенной классовой идеологии, как, например, Чичерин, Соловьев, Шапов...». Ключевский — «это типичный представитель интеллигенции». Какой? Ответа нет. Покровский знает, что Ключевский «умер членом кадетской партии», но после вступления в нее, по мнению Покровского, он политической деятельностью будто вообще не занимался, так как был в это время «слишком стар»⁵³. Это не вполне соответствует действительности, если вспомнить выставление Ключевским своей кандидатуры на первой ступени выборов в I Государственную думу. Да и вообще возраст менее 65 лет (Ключевский родился в 1841 г.) — отнюдь не старость для политического деятеля. Отношение Покровского к политическим акциям Ключевского вообще было каким-то нервным, он не хотел разбирать этой стороны деятельности учителя, неожиданно совпадая в этом с «академическим каноном». Когда я в докладе на семинаре подробно рассмотрела инцидент с речью Ключевского в память Александра III и сделала это впервые по архивным материалам, Покровский с волнением и некоторой раздраженностью сказал мне в перерыве: «Зря вы потревожили всю эту историю. Только обидели Василия Осиповича». Но через некоторое время он получил письмо от сестры Ленина — Марии Ильиничны с вопросом об «истории с Ключевским» в 1894 г., в свое время интересовавшей Ленина, и новый материал пригодился ему для ответа.

Покровский не дал и определенного ответа на вопрос: есть ли «школа Ключевского»? То, по его мнению, Ключевский «не оставил ни одного ученика в настоящем смысле этого слова, т. е. продолжателя его научной работы», то вдруг о Милюкове Покров-

ский пишет как о крупнейшем представителе «школы Ключевского». В другом месте Покровский всюду замечает «осколки вливания Ключевского», полагая, — конечно, крайне преувеличенно, — что «Ключевский наложил отпечаток на всю новейшую историографию». Это как-то не вяжется с предыдущим. Еще раз вернувшись к вопросу, Покровский высказывается в том духе, что Ключевский «органически» не мог иметь школы: метод его — «девинация» (очевидно, от французского «deviner» — отгадывать), художественное воображение помогало Ключевскому «отгадывать» исторический смысл событий, воскрешать картины исторического быта. Но научить этому он не мог, «сколь мало Шаляпин может выучить петь, как сам поет»⁵⁴.

Противоречий в оценке Ключевского Покровским молодое поколение историков-марксистов не замечало, сопоставительных штудий его разновременных текстов не производило. Позиция Покровского в 20-е годы XX в. по отношению к Ключевскому понималась и принималась молодежью в ИКП как резко критическая, отрицательная, и только.

Выхода в свет пятого тома «Курса» Ключевского «образованное общество» кануна 1917 г. ждало напряженно. Ведь это был том, посвященный XIX веку — почти что современности. В нем ожидали освещения ликвидации крепостного права, этапов русского общественного и освободительного движения. Анонсы о скором выходе в свет пятого тома «Курса» были опубликованы в печати еще при жизни автора. Создавалось впечатление, что существует законченная рукопись целого тома «Курса» знаменитого историка, отданная в набор. А законченной рукописи пятого тома вообще не существовало...⁵⁵

Рецензия Покровского появилась в 1923 г. в апрельской книжке журнала «Печать и революция». Общее мнение Покровского о «Курсе» Ключевского: он насквозь устарел, это — «архаическая книга», пятый том не надо было издавать. Ключевский в знании XIX в. вообще не силен, тут у него куча несуразностей. Ехидно заметив, что, мол, повествование о царствовании Александра II и напечатать-то не решились, больно уж оно «резало современный взгляд», Покровский приходит к конечному выводу: «Непонятно, зачем эту архаическую книгу понадобилось печатать в 50 тыс. экземпляров»⁵⁶.

Рецензия М. К. Лемке, возможно зависящая от позиции Покровского, написана раньше и в самом резком тоне. Пятый том «Курса» — это «сырые» записи лекций, даже не стоящие в общей плоскости с предшествующим изложением. Беглое, ложное и отсталое от науки изложение периодов Александра I и Николая I «вместе», неумение разобраться в событиях XIX в. характерны для тома. Нельзя «подносить» эти лекции после революции тем, кто «должен знать правду». Нельзя утверждать, что

Ключевский был «чистым идеалистом», как, скажем, Н. И. Кареев, но невозможно полагать, что он приблизился к материализму, хотя бы как «à la Виппер». Ключевский рисовал наше прошлое почти всегда «без какой-нибудь твердо усвоенной, определенной идеологии». Лемке резко осуждает пятый том и за неправильное освещение революционной борьбы, за неверную оценку декабристов. Итог таков: том никому не нужен и еще потребует труда «выколачивать все это из голов слушателей». События XIX в. получили у Ключевского, по мнению Лемке, освещение «в духе той самой восхвалительной речи памяти Александра III, которая была когда-то прочитана Ключевским студентам»⁵⁷.

Моя статья 1923 г. «Взгляд В. О. Ключевского на роль идей в историческом процессе»⁵⁸ имела подзаголовок: «Из работ о предшественниках экономического материализма в русской историографии» и исходила из преподававшейся нам, студентам Казанского университета, концепции непрерывной и последовательной эволюции русской историографии, которую я сейчас не разделяю. Я не стала бы теперь характеризовать Ключевского как «предшественника экономического материализма». Впрочем, в самой статье он рисуется вовсе не как предшественник, что-то предвосхитивший из позже возникшей передовой теории, а как объект двух противоречивых, противоборствующих влияний: исторического идеализма в лице гегельянской школы в интерпретации Чичерина и позитивистских «реалистических» исканий, подчас сближающих его в практике конкретного изложения с положением о бытии, определяющем сознание. В статье подчеркивается, что Ключевский не признавал и не понял значения классовой борьбы, которая не вошла в его историческое мировоззрение, и в основных философских обобщениях остался всю жизнь верен своей идеалистической гегельянской концепции, хотя как исследователь и приходил «часто» к материалистическим выводам. Признавалась, однако, «резкая грань» между Ключевским и марксизмом. Моя статья «В. О. Ключевский», вышедшая в 1930 г. во II томе работ Института Красной профессуры (семинар Покровского)⁵⁹, была сокращенным изложением большой рукописи, написанной в Казани в 1921—1922 гг. самостоятельно, еще до моего участия в семинаре ИКП. Я привезла в Москву готовую рукопись.

Таково было начало советского периода в изучении Ключевского и так разворачивалась вокруг него борьба мнений и оценок. Лагери уже отчетливо разделились. Процесс дифференциации точек зрения на кумира и патриарха буржуазной исторической науки, чьим именем продолжала клясться буржуазная профессура, тем временем продолжался.

В 30-е годы XX в. от описанной выше борьбы мнений решительно отличалось по тону и по концепции понимание Ключевского, изложенное в работе С. А. Пионтковского, который посвятил ему в общей сложности 20 страниц и дал, на мой взгляд, самую последовательную «рапповскую» вульгарно-материалистическую концепцию, когда-либо выдвинутую в литературе о Ключевском. Она резко отличается от того, что писали о Ключевском и Покровский, и его ученики, желавшие подойти к его историографическому наследию как объективные исследователи-марксисты. Подход Пионтковского с «пролеткультовских» позиций выглядел уже безнадежно устаревшим. В его книге утверждается, что Ключевский как раз и был идеологом кулака и торгового капитала. Ключевский «упирается своими корнями в торгово-капиталистическую кулацкую мелкую буржуазию и буржуазную интеллигенцию». «Кулацкая буржуазия пером Ключевского заявила и о том, какая форма власти ей желательна», политические программы Платонова и Ключевского в значительной степени совпадают. Ключевский — историк государства, и тематика его архаична. В политическом отношении Ключевский — националист и русификатор, ставивший целью своего «Курса» доказать необходимость и неизбежность обрусения всех народов Восточно-Европейской равнины. В его шовинистической позиции победоносного русификаторства новой была лишь та схема национального развития русского государства, в которой оно является «слагаемыми великорусского, белорусского и украинского ядра»⁶⁰. Локомотив истории, по Ключевскому, — идея.

Вульгарно-социологическая схема, выдвинутая Пионтковским, была вредна не только потому, что навешивала ярлыки и подменяла исследование окриком. Она останавливала исследование не только грубым тоном, но и по существу. Выводы ее вообще снимали подлинно научные проблемы. Можно ли было изучать вопрос о вкладе историка в исследование, в науку или о творческой истории его произведения, или о его «лаборатории», если его классовая сущность объявлялась «кулацкой»? Очевидно, нет. Все сделанное им уже в силу навешенного ярлыка априорно обрекалось на слом. Проблема наследства в ее ленинской постановке начисто снималась. Снимался и вопрос о научной полемике. Вообще «проблемы» историографии Ключевского исчерпывались приклеенным ярлыком «кулацкого» историка и одна за другой исчезали, как дым. Изучение заходило в полный тупик. И действительно, в начале 30-х годов оно замирает, несколько оживляясь лишь во второй их половине.

Резко обострившиеся споры и дискуссии вокруг всех этих исторических вопросов, особенно в 1931 г. после письма И. В. Сталина в редакцию «Пролетарской революции», видоизменились и

получили новый поворот в 1932—1934 гг. после резкой критики концепции М. Н. Покровского и его «школы». В этих дискуссиях историографические вопросы почти не упоминались. Несостоятельность теории «торгового капитализма», «абстрактный социологизм», игнорирование исторического факта стояли в центре критики. Схема Покровского полностью отвергалась.

Обострившаяся внешнеполитическая обстановка, приход фашизма к власти в Германии и назревание войны ставили перед историками важнейшие задачи в изучении истории своей родины. Нужно было вникать в закономерную смену общественно-экономических формаций, изучать движение страны к социализму. Необходима была постановка множества вытекающих отсюда проблем; изучение фактов, черпаемых из всего широкого круга сохранившихся первоисточников; создание на этой основе глубоко научной, основанной на марксистско-ленинской методологии концепции прошлого. Особенно неотложна была задача создания новой общей концепции по истории нашего прошлого взамен отвергаемой схемы Покровского. Была острая необходимость в составлении совершенно новых учебников для средней школы и для вузов — ни школе, ни университетам не по чему было учиться.

Создание для школы марксистско-ленинских пособий слилось с разработкой марксистско-ленинской концепции истории России, основанной на тщательном изучении всего ленинского наследия о прошлом России, на которое историки могли бы опираться в предстоящей сложной работе. Внимание уходило от общих историографических проблем. Значительное сосредоточение усилий на изучении ленинских работ, выявление ленинских положений о разнообразных сторонах русского исторического процесса, коллективное их обсуждение в среде историков было плодотворной и совершенно необходимой работой.

В связи с устранением из школ и вузов книги Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» временно образовался некий «вакуум», куда попыталась было вступить сначала осторожно, а потом и более смело старая апологетическая историография. Лозунг «Назад, к Ключевскому!» нашел тут на время среду для своего развития. Уж если не нужен школе Покровский, так не лучше ли просто вернуться к крупнейшему буржуазному историку прошлого? Лозунг не проник прямым, «лобовым» образом в печать, он жил в устной форме, но очень настойчиво звучал в определенных научных кругах и наложил свой отпечаток на литературу о Ключевском, выходявшую с середины 30-х годов по середину 50-х годов XX в.

Воспрянувшее было апологетическое направление оригинально проявило себя в статье В. А. Пархоменко «Древняя история России в освещении Ключевского и Преснякова»⁶¹. Пархоменко хлопочет вокруг вопроса, чем же заполнить брешь в историографии после

«падения» Покровского? Как создать марксистскую концепцию древней Руси? Его предложение: заполнить брешь смесью «очичищенных» работ Ключевского с работами Преснякова и Шахматова. Весьма открыто Пархоменко призывает возвратиться к буржуазным авторам, слегка прокорректировав их с марксистских позиций. Передавая содержание концепции Ключевского о Киевской Руси в духе теории торгового капитала, Пархоменко восхваляет его якобы блестящее оригинальностью построение. Спорящий с Ключевским Пресняков принижен и «разоблачен» автором, хотя и он включен в предполагаемую марксистскую «реконструкцию».

Весьма оригинальна с историографической позиции и рецензия В. И. Лебедева на все пять частей «Курса» Ключевского⁶². Начало рецензии посвящено стандартно резким, в духе времени, оценкам Покровского, его «школы» и других историков. Далее следует хвала Ключевскому, все пять томов «Курса» которого появились в свет новым изданием (под редакцией Н. Л. Рубинштейна) в 1937 г. Рецензент хвалит «Курс», так сказать, всесторонне: в нем и «широкими мазками» нарисованы «живые картины» минувшего, и налицо «многообразие привлекаемых источников», и «талантливо-воссозданные образы прошлого». Жонглирующему абстракциями Покровскому ставится в пример конкретнейший художник Ключевский. Однако рецензия двойственна: после захлебывающейся апологетики следует звездочка и за ней поспешная критика, содержащая перечень чуть было не позабытых обидных замечаний о промахах и слабостях Ключевского как буржуазного историка. Концепция Лебедева стоит на перепутье: то ли податься к Ключевскому, то ли поостеречься. Вывод: «Курс» Ключевского, влияния которого на молодежь когда-то опасался Покровский, принесет, по мнению Лебедева, «пользу нашей вузовской молодежи и кадрам преподавателей». Объективно — это пропаганда Ключевского под флагом критики Покровского и его «школы».

Наиболее активным пропагандистом лозунга «Назад, к Ключевскому!» был А. И. Яковлев, опубликовавший в 1946 г. большую статью о Ключевском (к 35-летию со дня смерти историка). Яковлев — земляк и ученик Ключевского, хорошо знал его лично и насытил статью большим и живым фактическим материалом. В частности, ему принадлежит свидетельство о связи Ключевского с организацией Каракозова. Но Ключевский рисуется автором в ореоле полностью свободного и ни от кого в своих выводах не зависимого ученого: «Ключевский мог с полным правом сказать, что его поколение всегда высоко держало скрижали свободного научного исследования и ни перед кем не склоняло знамени независимой мысли». Работы Ключевского стали «классическим образцом русской прозы». Обобщения и выводы Ключевского навсегда сделали его произведения «классической школой

творческой и пытливой научной мысли». «Чутко понимая величие надвигавшейся революции» (1), Ключевский все же «не мог вполне уловить грозного рокота молодых революционных сил, бурливших тогда в среде фабрично-заводского пролетариата»⁶³.

Через три года В. Т. Пашуто в резкой рецензии на работу Яковлева подверг ее справедливой критике, охарактеризовав статью как «панегирик Ключевскому», игнорирующий все выводы марксистской науки, как «восторженную популяризацию основных трудов Ключевского»⁶⁴.

В этот же период попутно с работой над общим курсом историографии о Ключевском начинает писать Н. Л. Рубинштейн. Все предыдущие работы этих лет издавались или «периферийно» (Яковлев — в Саранске), или в узкоспециальных журналах (например, в «Вестнике древней истории» — работа В. Пархоменко), где их не всегда нашел бы и сведущий историограф. Рубинштейн публикует с 1937 по 1941 г. в Москве в центральных изданиях четыре работы, посвященные Ключевскому. Они, правда, в значительной мере повторяют одна другую, но все попали в центр внимания широкого круга читателей. Рубинштейн опубликовал рецензию на все пять томов вновь вышедшего «Курса» (1937 г.), вводную статью к переизданию «Курса», специальную статью о Ключевском в «Историческом журнале» (1941 г.) и, наконец, специальную главу о Ключевском в своей книге по историографии (1941 г.)⁶⁵. Лозунга «Назад, к Ключевскому!» мы у него не встречаем; Рубинштейн признает, разумеется, буржуазный характер исторического наследия Ключевского, одновременно считая, что Ключевский — «творческий итог всей русской буржуазной историографии XIX в.»⁶⁶. Ключевский, разумеется, эклектик, что признается, но выделение социально-экономической тематики делает эклектизм Ключевского отличным «от эпигонства позднейшей буржуазной историографии»⁶⁷. Народ у Ключевского не становится, однако, «основной действенной силой», но рядом противоречивое признание, что монографии Ключевского «обращены более непосредственно к изучению народной жизни»⁶⁸. В «Курсе» Ключевский, согласно Рубинштейну, переходит «уже прямо на позиции субъективного идеализма»⁶⁹, что плохо согласуется с признанием новаторства Ключевского, который ввел экономический момент в старую схему.

В курсе «Русской историографии» Рубинштейна Ключевскому отведена 26-я глава под выразительным заглавием: «Буржуазный экономизм. Ключевский». Явление, как видим, сужено и обеднено, чтобы сделать его «приемлемее». Для того, чтобы втиснуть Ключевского в рамки «экономизма», множество важных сторон его жизни, творчества, концепции просто пропущено или закрыто предельной скороговоркой. Снята, обойдена молчанием вся сложная проблема политического мировоззрения и политической дея-

тельности Ключевского, ее как бы нет. Обойден вопрос о теоретическом понимании Ключевским такого явления, как общественные классы, классовая структура общества. Не дано никакого анализа пониманию Ключевским процесса колонизации — вопросу, не просто задетому им мимоходом, а приковывавшему его внимание. Эти примеры можно умножить.

Работы Рубинштейна о Ключевском носят печать поспешности и абстрактности. Нет впечатления, что он внимательно вчитывался в обширный опубликованный материал, встречаются удивительные фактические ошибки: «В 1860 г. он (Ключевский. — М. Н.) вырвался из Казани...», — пишет Рубинштейн, повествуя о разрыве с духовной школой и о приезде в университет. Но в Казани в 1860 г. Ключевского не было, она явно спутана с Пензой⁷⁰. Период «учения» самого Ключевского Рубинштейн почему-то доводит до 1880 г. Рубинштейн не входит в оценку теоретических вводных лекций о методологических положениях Ключевского. Хотя в годы издания работ Рубинштейна о Ключевском архивы уже обогатились новыми приобретениями, у автора не возникло желания побывать в архиве и познакомиться с новыми материалами. Одной из интересных особенностей работ Рубинштейна является полное игнорирование предшественников. Историограф оказывается и глух и нем по отношению к обильной и разнообразной историографии именно по данному вопросу. Сама постановка темы об «экономизме» Ключевского в литературе не была нова, об этом писали Пичета, П. Смирнов и др., но Рубинштейн не упоминает об этом. Сравнение концепции Соловьева, Ключевского, Чичерина, на котором останавливается Рубинштейн, имеет, как мы убедились, специальную литературу (работы Любавского, Сыромятникова и др.). Но у Рубинштейна, говорящего уже давно сказанное, сохранена необоснованная поза «первооткрывателя», что удивляет современного читателя. Рубинштейн даже считает, ни в малой степени не затрудняя себя доказательствами, что научная историографическая оценка Ключевского вообще еще не дана и предложена им впервые. Любопытна трактовка Рубинштейном вопроса о «школе» Ключевского, наличие которой им признается⁷¹, но решительно ничего конкретного об этой «школе» не говорится. Не названы имена историков, по его мнению, входящих в «школу», хотя в литературе Пичета уже поставил этот вопрос вполне конкретно и назвал ряд имен. Работы Рубинштейна о Ключевском, на мой взгляд, не продвинули вопроса вперед, а даже сузили и затормозили изучение творчества историка.

Рассматриваемый период отмечен новыми публикациями источников нашей темы. Как упомянуто, в 1937 г. вышло новое издание «Курса русской истории» Ключевского. Историки уже стали обладателями того ценного архива Ключевского, о котором ранее

приходилось только мечтать; правда, он вступил в советские архивохранилища, по-видимому, не весь, но все же был богатым. Мне довелось быть первой читательницей «Афоризмов» историка, принятых в рукописную коллекцию Государственной публичной исторической библиотеки, а также сделать в 1942 г. доклад в Институте истории АН СССР о новых рукописях Ключевского в Рукописном отделении Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (рецензии на диссертацию Милюкова о Петре I, о незаконченной статье, посвященной Н. В. Гоголю, текстах об Александре I и Николае I, подготовленных для будущего пятого тома «Курса», и содержательных письмах к В. Герье). Работа над новыми документальными материалами не была прервана, таким образом, и во время войны. В феврале 1945 г. А. В. Храбровицкий сообщил о новых письмах Ключевского пензенским корреспондентам. Е. Н. Коншина описала фонд Ключевского и дала его характеристику⁷². Подробная публикация А. А. Зимина об архиве Ключевского, напечатанная в 1951 г., раскрыла содержание многих новых материалов историка, впервые становившихся доступными для исследователя⁷³.

Остается сказать несколько слов о последнем периоде изучения Ключевского, который охватывает почти два десятилетия (примерно с половины 50-х годов XX в. по настоящее время). Работа над историографическим исследованием историка в эти годы значительно усилилась и углубилась. Лозунг «Назад, к Ключевскому!», появившийся было у некоторых историков в предшествующем периоде, представляется теперь снятым, его никто не выдвигает.

Работы, идущие в русле марксистской оценки Ключевского, как уже указывалось, стали разностороннее. Появление специализированных статей, сосредоточенных на углубленном изучении отдельных сторон наследства историка, — характерная черта времени. Усилилась и документальная база исследования — в печати появились новые историографические источники, архивные материалы.

К их числу прежде всего относится новое, уже третье советское издание сочинений Ключевского — восьмитомник под редакцией академика М. Н. Тихомирова. Ни одно из ранее вышедших в свет изданий не было связано с привлечением новых архивных документов Ключевского. В новом издании (1956—1959 гг.) используется рукописный авторский текст⁷⁴. Надо отметить и высокое качество обширных комментариев и подготовки текста к печати А. А. Зиминым и В. А. Александровым, поднявшими огромный комплекс архивных материалов. Аппарат ссылок Ключевского в «Курсе» ранее никогда не публиковался, в данном же издании он появился впервые на основе авторских заметок на полях чернового текста, где приводятся ссылки на литературу и источники. В издании напечатана часть ранее не публиковавшихся специальных

курсов Ключевского, особое внимание привлекает курс историографии XVIII в., а также черновые заметки и конспекты к этому курсу. Среди публикуемых статей и рецензий многие обнародованы впервые. В числе новых литературных материалов увидела свет речь Ключевского о А. С. Пушкине на юбилее 1899 г. Особо интересны для всей исторической концепции Ключевского его статьи о падении крепостного права в России, вызванные 50-летним юбилеем реформы (1911 г.). Эти последние работы Ключевского остались незаконченными.

Однако издание нельзя, несмотря на его восьмитомный объем, считать ни полным, ни даже условно завершенным. В нем отсутствует «Боярская дума», нет ни «Сказаний иностранцев о Московском государстве», ни монографии «Древнерусские жития святых как исторический источник». Иначе говоря, в нем опущены все основные ступени, по которым Ключевский поднимался как формально — в своих ученых степенях, так и по существу в науке. Это тем более огорчительно, что работы эти, особенно магистерская диссертация о житиях святых, давно стали одни трудно добываемыми, а другие просто библиографической редкостью. Жаль, что не опубликован методологический курс Ключевского. Нет в издании и обещанной ранее полной библиографии работ Ключевского.

Издатели объяснили основные причины этих пробелов типографскими трудностями и нехваткой запланированного листажа. Последней причиной объясняется и отсутствие в оглавлении привычного для читателя перечня содержания его лекций; в оглавлении остались лишь общие номера глав (перечни сохранились в тексте). Но при всех этих пробелах новое издание остается лучшей публикацией самого текста, впервые основанного на архивных данных, хотя в ряде случаев и с нарушением авторской воли (Ключевский, например, не предполагал публиковать аппарат своих примечаний к лекциям, ссылки на литературу, и мы не знаем, как выглядел бы этот аппарат, если бы сам автор готовил его к печати. Спорен и состав так называемого пятого тома «Курса»).

В последние годы были изданы в отрывках афоризмы Ключевского, ранее никогда не печатавшиеся и хранившиеся частью лишь в устной традиции. Ключевский тщательно (нередко под номерами!) записывал их для себя, готовясь к их оглашению. Изречения касаются разнообразных, нередко бытовых житейских тем, но иногда содержат и значительные научные обобщения — драгоценный историографический источник. Появилась в печати (1961 г.) и незаконченная статья Ключевского о Н. В. Гоголе, ранее служившая предметом научного доклада (1942 г.). Был напечатан (1961 г.) обзор неопубликованных рукописей Ключевского о русской литературе, содержавших его мысли об И. С. Тургеневе,

И. С. Аксакове, И. А. Гончарове, Л. Н. Толстом, М. Горьком, А. П. Чехове и других писателях⁷⁵.

В 1968 г. вышел том рукописного наследия Ключевского, преимущественно неопубликованного⁷⁶. Он содержит в первом отделе не только письма Ключевского П. П. Гвоздеву, ранее опубликованные С. А. Голубцовым, но и значительные письма другим лицам с 1861 по 1911 г., которые удалось собрать. Всего в томе опубликовано 120 писем; среди них письма родным, товарищам по семинарии, ученым, представителям власти. В том же томе опубликованы дневники и дневниковые записи Ключевского и наиболее полное собрание его афоризмов (на основе его рукописей), знакомящее читателя с этой своеобразной формой творчества Ключевского. Вышедший том дает исследователю драгоценный материал для сопоставлений с «Курсом» и исследовательскими монографиями Ключевского, для изучения творческой лаборатории и душевного состояния ученого. Можно с уверенностью сказать, что изучение Ключевского без материалов, опубликованных в этом томе, теперь просто невозможно.

Характерной чертой последнего периода является замирание обобщающей темы: «В. О. Ключевский». В то время, как литература прежних периодов изобиловала общими статьями, часто дававшими покойному историку резко противоположные оценки, в последние годы обобщающий очерк редко возникает в статейном потоке, да и то чаще всего по частным, деловым поводам (необходимость дать предисловие к новому изданию сочинений Ключевского — вводный очерк академика М. Н. Тихомирова в 1958 г.; глава о Ключевском в «Очерках истории исторической науки» (т. II) академика Л. В. Черепнина; главы в общих курсах лекций по историографии профессоров В. И. Астахова, А. Л. Шапиро и др.). Исключение, пожалуй, одно — статья В. Н. Бочкарева, опубликованная в 1961 г. в Саранске в связи с 50-летием со дня смерти Ключевского. Правда, она является в значительной мере мемуарным памятником ученика. Споры вокруг общей характеристики Ключевского поутихли, и марксистская его оценка перестала вызывать вопросы⁷⁷.

Академик М. Н. Тихомиров в своей статье о новом издании сочинений Ключевского дает по существу одну из самых резких его оценок⁷⁸. Он, конечно, полагает, что труды историка — «наше наследство», лучшее достижение буржуазной исторической науки конца XIX—начала XX в. Но снижено значение монографий Ключевского: Тихомиров считает, что в «Житиях святых» «насколько был богат собранный им материал, настолько же бедными оказались выводы автора о житиях святых как историческом источнике»⁷⁹; результаты исследования в «Боярской думе» «поражают своей односторонностью». В противовес монографиям «Курс» оценивается Тихомировым как «вершина научного твор-

чества Ключевского», — правда, круг источников, использованный в «Курсе», «сравнительно невелик», но выбраны самые надежные источники в их лучших изданиях, хотя вообще-то Ключевскому, по мнению Тихомирова, был свойствен некий скептицизм по отношению к источникам русского происхождения, что дополнительно снижает цену привлеченного документального материала. Автор статьи снисходителен к пробелам «Курса»: в нем нет ни татарского ига, ни завоевания Иваном IV Казанского и Астраханского ханств, пропущены присоединение Сибири, восстание Разина и многое другое, но на каком основании требовать от курса тематической полноты изложения? Курс на то и курс, чтобы вмещать избранные лектором проблемы. Трудно согласиться с автором предисловия в этом вопросе. Политическая оппозиционность «Курса» Ключевского вызывает необоснованно скептическую оценку Тихомирова: «В „Курсе“ не было ничего крамольного, но он казался (?) оппозиционным»⁸⁰.

Существен вывод автора предисловия об устарелости большинства работ Ключевского для современной науки: от выводов старого историка, по его мнению, мало что уцелело в настоящее время. Советские историки «в своей практической работе давно уже порвали с основными положениями, выдвинутыми в его трудах»: мы не станем повторять выводы о торговой и непашущей Киевской Руси, не согласимся с неверной характеристикой великоросса, отвергнем чисто юридический подход к старым учреждениям, не примем характеристики Земских соборов и опровергнем его взгляд на Смутное время как на династический кризис. Однако эти суровые и во многом справедливые выводы соединены у Тихомирова с восхищением перед «непревзойденным популяризаторским талантом» Ключевского, хотя вместе с тем признается, что знаменитые портреты исторических деятелей «весьма далеки от действительности»⁸¹. Несмотря на множество оговорок, содержащихся в статье, оценку Ключевского академиком М. Н. Тихомировым надо признать одной из самых суровых в литературе.

Характеристика Ключевского, принадлежащая академику Л. В. Черепнину, является более разносторонней и сложной⁸². Черепнин рассматривает жизненный путь Ключевского, этапы его развития, монографические работы и «Курс», который считает главным творческим достижением Ключевского. На основе неопубликованного курса методологии истории Черепнин впервые анализирует философские и социологические взгляды историка, раскрывает схему исторического процесса у Ключевского, в которой государство на известном этапе развития отождествляется с народом. Соответственно схеме Ключевского рассматриваются принятые им периоды русской истории. Автор полагает, что «Ключевский — наиболее крупный представитель буржуазно-помещичьей исторической науки второй половины XIX—начала XX в.»⁸³.

В. И. Астахов, давая в своем историографическом курсе (1962 г.) марксистскую оценку Ключевского, считает, что в его общей схеме истории России историк «вернулся к государственной школе». При этом, начав с признания закономерностей в историческом процессе, Ключевский затем эволюционировал к риккертianству. Автором учтена и последняя марксистская литература⁸⁴.

Появление многих исследовательских статей на частные историографические темы, освещающих какую-либо избранную сторону научного творчества Ключевского, — новая историографическая черта нашего времени. На предшествующем этапе она слабо проявлялась; пожалуй, лишь источниковедческие труды А. А. Введенского разрабатывали этот специальный аспект на основании текста лекций Ключевского по источниковедению. Автор разбирал отношение Ключевского к изучению и использованию актового материала: работы историка в этом отношении «построены на принципах буржуазной формальной дипломатики», которая полностью игнорирует «классовое содержание актового материала». Однако Введенский высоко ценит новый принцип, выдвинутый Ключевским, — изучение актов в их историческом развитии, хотя и оговаривает почему-то, что историк сам-де «не понимал ценности им обоснованной методики». Кто знает, а вдруг понимал? В статьях Введенского использованы некоторые материалы из архива Ключевского, хранящегося в Институте истории АН СССР⁸⁵.

Статья А. А. Зимина⁸⁶ — оригинальная и талантливая работа, написанная на основании первоисточников, в том числе архивных; историографическое ее значение — прежде всего в опровержении «канонической» версии формирования историка. Зимин полагает, что мировоззрение Ключевского слагалось под воздействием революционной демократии (в частности Шапова), а также С. В. Ешевского. Подчеркивается влияние Ф. И. Буслаева. Воздействие историко-юридической школы, по мнению Зимина, приходит позже. Надо отметить, что мысль о роли передовых шестидесятников для Ключевского уже развивалась в прежние годы Д. А. Корсаковым и П. П. Смирновым, но Зимин на основе большого неопубликованного материала, в частности неопубликованных студенческих работ Ключевского, рассмотрел вопрос заново. Его работа разрушает ту чисто «соловьевско-чичеринскую» версию формирования мировоззрения Ключевского, которую так тщательно разработал и пропагандировал «академический канон», зачеркнувший все связи Ключевского с «той стороной баррикады» в годы первой русской революционной ситуации и ближайшие, к ним примыкающие, — время студенческих лет Ключевского.

В начале 60-х годов XX в. появились две работы, пытавшиеся рассмотреть позицию Ключевского в двух весьма важных аспек-

тах. Работа И. Королькова⁸⁷ посвящена обоснованной критике широко известной концепции Ключевского о возникновении крепостного права из частнодоговорных обязательств. Разобран весь цикл работ о крепостном праве; показана несостоятельность отнесения возникновения крепостного права «к задолженности» крестьян, к частноправовым моментам, включающим по существу значительную роль государства и его законодательства. Но несколько ученически выглядят прямолинейное сопоставление Ключевского с Марксом и Лениным и требование учета их выводов. Корольков полагает, что Ключевский, учитывая экономические причины закрепощения, совершенно игнорировал внеэкономическое принуждение, не показал разложения общины, захвата помещиками крестьянской земли. Весьма спорен тот состав «школы Ключевского», который намечает автор (Н. А. Рожков, М. Н. Покровский, С. Ф. Платонов).

В 1963 г. появилась в печати написанная еще в 1940—1945 гг. работа академика С. Б. Веселовского, где специальная глава посвящена концепции опричнины, выдвинутой Ключевским⁸⁸. До этого в литературе она неоднократно осуждалась — предпочтение отдавалось более сложному исследованию Платонова. Веселовский занимает противоположную точку зрения: концепция Платонова никуда не годится, она «мнимо научная», она «шаг назад» по сравнению с объяснением опричнины, данным Ключевским. Последний, как известно, относил опричнину к явлениям случайным, связывал ее с особенностями безудержного характера Ивана Грозного, именно это вызывает согласие и высокую оценку Веселовского. Он с удовлетворением подчеркивает, что Ключевский «не нашел в учреждении опричнины никакого государственного замысла».

Книга Р. А. Киреевой является первым исследованием специальных историографических работ Ключевского. Тема нова и основана в значительной степени на архивных и малоизвестных материалах. Автор восстанавливает представление Ключевского о развитии русской исторической науки, что раньше никогда специально не изучалось. Э. Г. Чумаченко в своей диссертации сосредоточилась на Ключевском как источниковеведе⁸⁹.

В последние годы проделана большая работа по подготовке к печати еще неизданных курсов Ключевского и других разнообразных его материалов. Подготовлено Р. А. Киреевой, А. А. Зиминим, М. И. Удальдовой, Г. П. Махновой и мною (в соответствии с планами Института истории СССР) три тома неизданных произведений Ключевского. В них вошли: курс лекций по всеобщей истории, прочитанный в Александровском военном училище в 1872/73 гг.; три последовательных курса русской истории за 1872—1875 гг., читанные на курсах В. И. Герье (с древнейших времен по удельное время включительно; история Московского го-

сударства; XVIII век — царствование Петра I); курс «Методологии»; курс «Западное влияние в России после Петра» (публичные лекции 1890 г. в Политехническом музее) и др.; подготовлены также ранее опубликованные (лишь в 1866 г.) тексты Ключевского для перевода книги П. Кирхмана и ряд других материалов.

Хотя в области изучения Ключевского сделано, как видим, не так мало, монография об историке, на наш взгляд, совершенно необходима. Архивы историка, лишь в последнее время привлекавшиеся от случая к случаю, еще никогда не были базой для обобщающей работы о нем. Творческая история его работ нигде не освещалась. Формирование мировоззрения как исследовательская тема рано обрывалось — на самых молодых его годах, а ведь мировоззрение историка развивалось и дальше. Ряд специальных курсов Ключевского вообще не публиковался и специально не изучался. Его внутренний мир работы, сомнений, чаяний, поисков научного пути до сих пор был недоступен. Его афоризмы, частью опубликованные, в последнее время перебираются на ладони как занятные украшения из старого ларца — вот они высыпались на стол и блещут, интересно их повертеть в руках. «Слово — золото» озаглавила их подборку «Неделя». Но ведь они вместе с тем памятник его духовной жизни, роста, раздумий, они в какой-то мере его лаборатория. Очень мало изучена, скорее обойдена и даже нарочито игнорирована его политическая деятельность. Его почти не брали в связи с его эпохой, освещая изолированным от времени, полностью стабильным, неразвивающимся, — некоторое исключение делалось лишь для его юношеских лет. В целом мы мало его знаем. Под руку, когда нужно, всегда подвернется статья из энциклопедического словаря или глава о нем в общем историографическом курсе — этим мы и довольствуемся. А ведь Ключевский — это целая эпоха нашего научного прошлого и эпоха предреволюционная. Он как бы канун всего того, что совершилось в исторической науке потом, надо же иметь об этом «кануне» подробное представление. В последнее время, особенно благодаря коллективной работе над «Очерками истории исторической науки», формула о кризисе исторической науки, отраженном в Ключевском, получила прочное утверждение. Формула правильная. Однако она остается недостаточно раскрытой и конкретно проанализированной и в целом и по отношению к Ключевскому.

Есть, конечно, и другие мотивы, требующие монографического исследования. Лозунг «Назад, к Ключевскому!», выдвинутый некоторыми историками и встретивший отпор у нас, на разные лады используется в зарубежной литературе. А. Мазур (США) даже предпослал книге о современной советской историографии портрет Ключевского.

Зарубежная «ключевскиана» пополняется новыми изданиями.

Переведенный еще до революции (1913 г.) на английский язык текст «Курса русской истории», подготовленный Хогартом (С. Н. Hogarth), признается сейчас неудовлетворительным; Рибер (А. Rieber), наиболее активно работавший над темой о Ключевском, подготовил и опубликовал новый перевод части «Курса», преимущественно касающийся истории XVII в., допустив, однако, и в компоновке издаваемого им текста и в переводе ряд вольностей, отмеченных в рецензии О. А. Афанасьева⁹⁰. В предпосланном новому переводу предисловии Рибер развернул свою, в общем апологетическую, концепцию Ключевского, проявив осведомленность в дореволюционной литературе, посвященной историку. Длительное время над темой о Ключевском работает и американский историк Бёрнс (R. F. Bynes), привлечший к исследованию архивные материалы, хранящиеся в СССР. Проявлен интерес к Ключевскому и в Японии — историку Кисаки принадлежит работа «Исторические взгляды Ключевского»⁹¹. Другой японский автор, Х. Хота, опубликовал в журнале «Сикан» статью «Формирование Ключевского как историка. Годы учения в духовной семинарии и университете»⁹², тут использованы ряд источников и советская литература, опубликованная за последние годы.

По мнению А. Рибера, влияние Ключевского распространилось и на зарубежных историков, в их числе назван Бернард Пейрс (Bernard Pares) в Лондонском университете. В духе работ Ключевского, по утверждению Рибера, воспитано «целое поколение» английских и американских историков-русистов.

Особенностью буржуазной зарубежной литературы о Ключевском является противопоставление его как вершины исторической науки в России — советской историографии. То, что нами оценивается у Ключевского как слабость и ограниченность его мировоззрения (боязнь и отрицание монизма в теоретических положениях, равноценное признание действия многих факторов, недостаточность и неправильность представления классовой структуры общества, непризнание классового характера государственной власти и пр.), напротив, возвышается и восхваляется в зарубежной историографии. Ее детальный разбор не входит в мою задачу.

Развитие советской историографии, молодой и очень нужной отрасли знания, составной части возникающей на наших глазах особой дисциплины — науки о науке, требует монографий о выдающихся деятелях всех наук, в том числе исторической.

Все это и побудило меня к работе над монографией «Василий Осипович Ключевский».

* * * * *

Как построена монография?

Утвердившейся в литературе о Ключевском моделью была «стабильно-проблемная»: после формального биографического

очерка (или без него) следовала характеристика главного его труда — «Курса русской истории», далее специально рассмотренные им проблемы в отдельных книгах или статьях, преимущественно по степени важности: боярская дума, Земские соборы, установление крепостного права, жития святых, сказания иностранцев, хозяйство Соловецкого монастыря, русский рубль и т. д.

Особой рубрикой «случайных» объединялся далее ряд получивших известность статей, связанных преимущественно с юбилейными речами и т. д., например, знаменитая статья об Евгении Онегине и его предках, о Фонвизине, императрице Екатерине II... Этот трафарет, формально как бы полный в смысле охвата работ, был статичен: он не только не давал возможности проследить за сменой тематики и развитием концепции историка, но исключал возможность ввести в изложение эпоху, этапы развития общественного движения и связь с ним историка. Статичность схемы сказывалась и в разрыве биографического потока событий с творчеством историка. Оно как бы стояло на месте, в застывшем виде, существовало без связи с автором, с его жизнью, эпохой, развитием науки.

Я предпочла другую структуру: историческое развитие творческих процессов, взаимосвязанных с его временем и с вплетающимся в них биографическим потоком событий. Жизнь историка и создание им научных трудов должны на фоне эпохи и в тесной связи с ней пройти перед нами этап за этапом. Ключевский прожил большую жизнь. Он пережил три революционные ситуации и одну революцию (1905—1907). Он умер за три года до первой мировой войны и всего за шесть лет до Великой Октябрьской социалистической революции. Избрание жизненного пути, выбор тем для исследования, развитие лекционной работы, созревание общей концепции истории России, подготовка и издание «Курса русской истории» — все связано с ходом событий, с развитием науки той эпохи, с индивидуальными особенностями движущейся жизни человека.

Ключевский считал, что «главные биографические факты» в жизни ученого — его книги. Это дает основание наименованием его книг назвать главы, говорящие о процессе их возникновения, их создания. Кризис буржуазной исторической науки отчетливо обрисовывается в этапах его творческого пути. Надо выяснить, что нового внесли его труды в науку по сравнению с предшественниками, в чем состоял его вклад в научное развитие времени и в чем корни неудач тех страстных поисков истины, которыми отмечены многие стороны его творчества. Все вместе взятое дает ответ на вопрос о месте В. О. Ключевского в развитии русской исторической науки.

ДЕТСТВО. СЕМИНАРИЯ

1

Василий Осипович Ключевский родом из духовного сословия — предки его принадлежали к бедному сельскому духовенству. Прадед Ключевского, Степан Иванов, дьячок церкви села Ключей Чембарского уезда Пензенской губернии, и дед Василий Степанов, дьячок, позже дьякон церкви того же села, еще не носили фамилию «Ключевский», а заменяли ее отчеством, что было в обычае того времени. Холмистые, в ложбинах, поросших осокой, тамошние места были богаты чистой воды холодными ключами, бившими из-под мха и камней. Название села отражало эту особенность природы. Когда сын дьякона Василия Степанова Иосиф, или в просторечии Осип, поступил в семилетнем возрасте в Нижнеломовское приходское училище, смотритель училища, как водилось в те времена, изобрел для него фамилию, производя ее от названия села, где служил дьяконом отец мальчика. Таким образом, отец историка и стал первым в роду, получившим фамилию Ключевский¹.

Осип Васильевич Ключевский рано остался сиротой, его отец (дед историка) умер в 1816 г., когда Осипу, младшему в семье, было всего шесть месяцев. Любопытно, что маленький Осип «читать и писать обучался у матери своей» Федосьи Кузьминишны, а грамотность дьяконовой вдовы в начале XIX в. была не таким уж частым явлением. 22 лет от роду он окончил курс Пензенской духовной семинарии. Способности его были оценены семинарскими преподавателями как «довольно хорошие», успехи в философии — как «похвальные», в математике и физике — «не худые», в словесности и «гражданской истории» — «похвальные», в латинском языке — «порядочные», в греческом — «очень не худые». Таким образом, отец историка получил известное образование. Портрета его, к сожалению, не сохранилось. Какое-то представление об его внешнем облике дает лишь свидетельство земляков, что местный помещик, его почитатель, заказал художнику написать «с попа Осипа» икону Христа².

В том же 1838 г., когда будущий «поп Осип» кончил семинарию, он, еще не получив места, подал прошение о разрешении ему жениться на Анне Федоровне Мошковой, дочери протоиерея пензенской Духосошественской церкви, но ответом начальства был неожиданный отказ: «Консistorии объявить просителю, что без места жениться нельзя». С. А. Белокуров, собравший документальные биографические материалы о В. О. Ключевском и его предках, правильно заметил, что шел уже ноябрь, оставалось немного дней мясоеда, надвигался пост, когда браки не заключались, и молодому семинаристу приходилось торопиться с намеченной свадьбой. Спешно, по-видимому, фиктивно, он зачислился кандидатом на вакансию дьякона при церкви Благородного пансиона Пензенской гимназии, получил разрешение на женитьбу, и свадьба состоялась. Но с реальной службой какое-то время ничего не получалось. Лишь в феврале 1839 г. он устроился учителем Пензенского приходского училища, а в мае того же года — дьяконом пензенской Николаевской церкви, где служил лишь с год, потом вновь сменил место работы и в июле 1840 г. стал священником в селе Воскресенском, Лопуховке тож, в 12 верстах от Пензы, и то только на четыре года³.

16 января 1841 г. восемнадцатилетняя Анна Федоровна родила первенца, будущего знаменитого историка, названного Василием в честь деда по линии отца. Обычно местом рождения В. О. Ключевского считается село Воскресенское Пензенского уезда на том основании, что метрическая запись младенца сделана в книгах церкви этого села. Впрочем, сюда вносит поправку близкий семье Ключевских И. А. Артоболевский (позже профессор богословия Духовной академии), их земляк и хороший знакомый, отлично знавший обстоятельства жизни этой семьи. По его данным, В. О. Ключевский родился не в селе Воскресенском, а в городе Пензе, в доме своего дедушки по материнской линии, протоиерея Федора Исааковича Мошкова⁴. Это очень правдоподобно. Первые роды восемнадцатилетней дочери, естественно, вызывали заботы всей ее пензенской семьи: в городе было проще получить медицинскую помощь, был более обеспечен и уход родных, чем в глухом селе. А крещение и запись о нем произвели в селе Воскресенском, по месту службы молодого отца будущего историка.

Первые четыре года детства В. О. Ключевского прошли в селе Воскресенском. В 1845 г. отец его опять перевелся на другое место — в Городище, уездный город в 49 верстах от Пензы, священником в городищенский Троицкий собор. В следующем году он вновь переменил место службы и переселился в село Можаровку Городищенского уезда⁵. Не в духе времени были такие частые смены мест. Церковное начальство относилось к этому неблагоприятно и даже требовало от окончивших семинаристов предварительной расписки, что часто менять места они не будут.

Но отец Ключевского, видимо, энергично искал чего-то лучшего в жизни и преступал правила: только за восемь лет он переменял четыре места жительства и службы, а должностей — еще больше. Его не останавливали ни переезды со всем скарбом и малыми детьми по ухабистым проселкам, ни новые места, ни трудности переустройства хозяйства и установления отношений с новыми людьми.

Детство Ключевского прошло, таким образом, в пензенских деревнях, среди крестьян, с 4 до 9 лет в селе Можаровке Городищенского уезда, по правую сторону реки Суры. Тут он играл ребенком с будущим своим другом, маленьким Порфирием Гвоздевым. Те края отмечены своеобразием природы: неровная, холмистая местность обильно покрыта камнями, тут не было знаменитого «аршинного» чернозема, лишь небольшими клочками встречался он «в приречных долинах», преобладала же супесчаная или суглинистая почва. Здесь с трудом ходила «первобытная соха под звук перетрясаемого ею щебня»⁶. Тут не знали длинных полевых полос — преобладали мелкие «клочки обработанной земли, терявшиеся в долинах и перелесках» или «на ложах уже сформировавшихся и окрепших оврагов». Сосновые леса густо покрывали земли уезда. Пахотную почву приходилось с большим трудом отвоевывать у сосны. Корчевка леса была обычной, особо тяжелой работой, специальностью местных жителей — мордвы. Урожаи были небогатыми. Случалась и беда особого рода: весеннее половодье или потоки от летних ливней, мчавшиеся с гор, затягивали илом посевы. Борьбу человека с природой в тяжком земледельческом труде будущий историк воочию наблюдал в детские годы. Видел он близко и жизнь довольно большого села с церковью и близлежащей мельницей, в будни и праздники наблюдал народные гулянки и хороводы, слушал песни, запоминал их. Позже, работая над историческими документами, отражавшими темы сельской жизни, Ключевский мог живо представить себе крестьянский быт — он сам жил в деревне крепостной поры в ее предпоследнее десятилетие.

В детстве Ключевский очень любил сказки. Его сестра помнит рассказы бабушки о том, как «лет двух» он с большим вниманием слушал сказки, и, если пропустить «слово или два» или «перепутаешь слова», малютка поправлял рассказчика. Способности, память, сообразительность ребенка бросались в глаза. Бабушка удивлялась его уму и звала его «бакалаврушка ты мой»⁷.

Учить мальчика начал его отец. В отцовском формулярном списке 1849 г. есть отметка, что сын его Василий «обучается грамоте в доме отца своего». Есть сведения, что Ключевский мальчиком еще до поступления в приходское училище читал своей бабушке «Жития святых» по славянскому тексту Четых-Миней. Сохранилось свидетельство, что интерес к русской истории был про-

бужден у Ключевского еще в детстве его отцом. При поступлении мальчика в Пензенское приходское училище его знания проверяли и нашли, что он обучен «читать правильно и быстро, писать порядочно, по нотам учиться начал, знает твердо краткую священную историю и катехизис». Все это, очевидно, результат занятий с отцом. Склонность отца к педагогической работе видна и по его формуляру: уже упоминалось, что он был учителем в первом классе Пензенского приходского духовного училища. Переведенный в городищенский Троицкий собор, он одновременно назначается законоучителем в Городищенское народное приходское училище. Начать учиться «петь по нотам», очевидно, можно лишь у того, кто сам поет, — отец, вероятно, и пел, что было обычно для священника (пение было обязательным предметом в семинарии). Случайный штрих в переписке сына свидетельствует и о том, что отец не был противником народных песен и игр, не воздвигал на них гонений. Студентом Ключевский писал своему другу Порфирию Гвоздеву: «И нынче есть попы, разгоняющие хороводы в селах; таков поп, который сменил моего отца в известном тебе селе Можаровке. Это я передаю тебе как факт, мною виденный»⁵.

В. О. Ключевский был крайне скуп на автобиографические признания. Но в своей статье «Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени» (1894 г.) он обронил драгоценное свидетельство, относящееся к его детству: «В деревенской глуши, где нецерковная книга была большою редкостью, мне попались две изданные Новиковым поэмы — «Иосиф» Битобэ и «Потерянный рай» Мильтона и вместе с альманахом Карамзина «Аглаей» были в числе первых книг, мною прочитанных. Новиков хотел сделать чтение ежедневною потребностью грамотного человека и, кажется, в значительной мере достиг этого»⁶. Выражение в «деревенской глуши» дает возможность датировки. Очевидно, дело было в селе Можаровке Городищенского уезда, где в возрасте от 4 до 9 лет он стал читать и писать, обучаясь «в доме отца своего» (позже Ключевский — житель города Пензы, а до 4 лет, вероятно, читать не умел). Упомянутые книги довольно объемисты и написаны для взрослых. Добыли ли их для мальчика из какой-нибудь помещицкой библиотеки или они оказались своими, «семейными» в составе книг, принадлежавших его беспокойному отцу, который бережно перевозил новиковские издания в нехитром поповском скарбе с одного места жительства на другое, — они запечатлелись в детской памяти как прочитанные в числе первых. Двухтомное произведение П. Ж. Битобэ (Bitaubé), дважды вышедшее у Новикова — в 1769 г. и 1780 г. в переводе Д. И. Фонвизина, считалось лучшим в наследии этого французского писателя. Знаменитая поэма Д. Мильтона «Потерянный рай» издана Новиковым в 1780 г. в переводе А. Серебrenникова, посвятившего свой труд

архиепископу московскому Платону. Обе поэмы имели в основе библейскую тематику и вполне могли находиться в библиотеке священника.

Еще с одной стороны любопытен облик отца: в те крепостные времена было в обычае использование священниками бесплатного труда причетников при обработке земельного участка священника; на причетников в этом отношении смотрели как на крепостных. Отец Ключевского никогда, несмотря на всю свою бедность, не допускал этого, считал это грехом и работал только сам.

Так обрисовывается в детстве историка роль отца, по-видимому, человека незаурядного. Более скупы сведения о матери. Близкий Ключевскому профессор А. И. Яковлев, ссылаясь на его слова, говорит о «крутом и жестоком» нраве родительницы и об отсутствии «нежных отношений» с сыном. Позже, после смерти отца, мать В. О. Ключевского имела внебрачных детей. Взрослым В. О. Ключевский писал «маменьке» очень редко и мало (мать просила его писать «хоть две строки»), но придерживался почтительно-уважительного тона. В Пензу к ней он, впрочем, ни разу не приехал, хотя знал о ее болезни. Позже в разговоре с сестрой он считал грехом, что не мог закрыть матери глаза на смертном одре («Я знал из писем дяди, что она была больна, но не мог поехать»). Однако из его личного письма дяде после получения известия сразу о смерти матери и тетушки видно, что Ключевский острее переживает потерю последней («Я почти равнодушно прочитал далее о матушке...»). Видимо, в отношениях матери и сына были свои сложные стороны¹⁰.

Жизнь сельского священника, да еще обремененного семьей, в те годы была трудной и бедной. Кроме церковных служб, проповедей (отец Ключевского произнес 12 проповедей во время службы в Можаровке) и выполнения треб, приходилось самому заниматься наравне с крестьянами сельскохозяйственными работами на отведенном ему клочке земли — малые дети еще не могли быть помощниками. На отце лежала и забота по заготовке продовольствия на зиму для семьи. 28 августа 1850 г. он отправился с одним из причетников в село Шамышейку на базар закупить огурцы для зимней солки. Ехали на двух отдельных подводах. На обратном пути спутники случайно разминулись, и причетник вернулся домой один. Это обеспокоило домашних, тем более что в это время разыгралась сильнейшая гроза, по дорогам помчались бурные потоки воды. Чувя беду, родные бросились на поиски, девятилетний мальчик был с ними. Страшное зрелище вскоре представало перед его глазами: грязная дорога в ложбине, глубоко изрезанная колеями, канавы, полные воды, и в колее навзничь лежит священник, его отец, — мертвый... :

Трудно сказать, что же собственно произошло, в чем причина этой трагической смерти. Позже предполагали, что погибший, воз-

можно, заснул от утомления на возу и, проснувшись с началом дождя, решил ехать более краткой, но опасной и крутой дорогой через мельницу. Хотелось, очевидно, до грозы попасть домой. Дождь перешел между тем в страшный ливень, с горы понеслись бурные потоки. Лошадь на середине крутого спуска, вероятно, повернула воз, который, падая, придавил своей тяжестью отца Ключевского. Потом стало известно, что его крик о помощи слышали женщины, работавшие на ближайшем гумне, но в грозу побоялись выйти на дорогу и убежали домой. Предполагали, что стремительный поток захлестнул священника, уже придавленного и измятого, он упал и захлебнулся в воде, не будучи в силах встать. Но, может быть, и удар молнии в открытом месте по движущейся повозке был причиной смерти? Все это, конечно, лишь предположения, свидетелей смерти не было. Во всяком случае лаконичная запись в одном из официальных документов, что отец Ключевского будто умер «от паралича», никак не соответствует действительности и не передает обстановки его гибели. В этот день и кончилось коротенькое детство историка, которое он назовет позже «невозвратно мелькнувшим»¹¹.

Не с этого ли страшного дня своего детства стал Ключевский заикаться? По крайней мере сестра его в своих воспоминаниях не говорит об этом недостатке брата как о врожденном или возникшем в раннем детстве, она относит его лишь к началу школьных лет, что почти совпадает с трагическим происшествием.

Погиб отец Ключевского в возрасте 34 лет.

После смерти мужа вдова с малыми детьми — их было к тому времени уже трое (сестре Ключевского Елизавете было 6 лет, а Надежде — полтора года) — переселилась в Пензу, купив здесь «маненькой домик», деревянный, под деревянной же крышей, на улице Поповке, вблизи дома своей матери, бабушки детей (дедушка, пензенский священник, к тому времени уже умер). Передняя, лучшая половина дома, сдавалась постояльцам за 3 рубля в месяц — это и было главным источником нищенского существования осиротевшей семьи. В худшей, задней половине домика ютились хозяева¹².

Если при жизни отца в семье был хоть какой-то скромный достаток, то после его смерти положение резко изменилось. Семья осталась в нищете. «Был ли кто беднее нас с тобой в то время, когда остались мы сиротами на руках матери!» — восклицал позже сам Ключевский. В те годы, по словам сестры, в жизни их, полной нужды, все было «худостно, все нищенско, все сиротинско»¹³.

С переездом в Пензу начался новый период жизни, гораздо более бедный и скудный, но сопровождаемый уже новыми, городскими впечатлениями. Пенза последних лет крепостной России была небольшим губернским городом, может быть, из тех, о ко-

торых городничий говорил, что до них три года скачи — не доскачешь. Но история прошла через нее громким шагом — город был связан с многими историческими воспоминаниями. Основанная в середине XVII в. как острожная крепость против мордвы и мещеряков, Пенза обзавелась небольшим посадом и постепенно укрепилась в качестве административного и торгового центра. Народные антикрепостнические движения XVII—XVIII вв. прошли через нее. В самом начале существования города Степан Разин со своими отрядами взял Пензу в 1670 г. Через столетие Пугачев захватил ее (в 1774 г.). Все это не могло не отразиться на местных преданиях и рассказах старожилов. Губернским городом Пенза стала в самом начале XIX века. Вскоре после войны 1812 г. она оказалась местом ссылки опального М. М. Сперанского — он был пензенским губернатором в 1816—1819 гг.

Осиротевшая семья Ключевских переселилась в Пензу, когда будущему историку шел десятый год ¹⁴. Давно уже настала пора позаботиться об учении мальчика. Устройство в духовное приходское училище сулило еще и маленькую стипендию, «бурсацкий оклад» осиротевшему сыну погибшего священника, а деньги, хотя бы и очень небольшие (один рубль в месяц!), были жизненно необходимы семье. Пережитые тяжелые события, хлопоты о переезде в город и новом устройстве семьи задержали начало обучения. Лишь 7 сентября 1851 г. Ключевский поступил сразу во второй класс Пензенского духовного приходского училища, того самого, где некогда был короткое время учителем его покойный отец.

2

В Пензенском приходском духовном училище Ключевский провел всего один учебный год — с сентября 1851 г. по июль 1852 г. Приняли его во второй класс, где вместе с Ключевским обучалось 109 учеников, уже одно это дает представление о низком уровне и тяжелых условиях обучения ¹⁵. Приняли его на «бурсачное содержание», иначе говоря, на 12-ти рублевый годичный «казенный оклад», что давало его семье, как сказано, один лишний рубль в месяц. Что и говорить, лишним этот рубль не был. «В бурсе» Ключевский, однако, не жил, об этом у нас есть свидетельство его сестры. (Если бы он жил «в бурсе», то этого рубля семье не давали бы, он шел бы тогда на его содержание). Каждый день после занятий мальчик возвращался в «маненькой домик» на Поповке, где и учил в страшной тесноте, а зимой и в холоде заданные уроки ¹⁶.

Успехи в учении дались мальчику не сразу. Встречающаяся в литературе обобщенная формула о неизменно блестящих его ответах и оценках принадлежит академической легенде. Перенесенные потрясения, заикание, поступление сразу во второй класс,

тяжелое голодное детство — все это наложило печать на ход занятий. Сначала Ключевский числится по успехам на 13-м месте в классе, потом снизился на 25-е, а в мае 1852 г. поднялся на 6-е. В годичной ведомости за 1851/52 учебный год появляется резолюция о переводе его в среднее отделение духовного училища.

В Пензенском уездном училище Ключевский обучался с сентября 1852 г. по июль 1856 г., т. е. четыре полных учебных года. Тут ему было гораздо труднее: начинались новые нелегкие предметы — два древних языка, латинский и греческий. Трудно было и с арифметикой. В воспоминаниях протоиерея Василия Маловского читаем: «При ответах уроков даже по русским предметам он до того резко заикался, что наставники тяготились им и не знали, что делать с его косноязычием; исключить же его им было жалко ввиду заметных его способностей». За сентябрьскую треть 1852 г. Ключевский значится по успехам на 31-м месте по катехизису и латинскому языку и на 29-м — по священной истории, русской истории и греческой грамматике. По общей экзаменационной ведомости от декабря 1852 г. он стоит на 22-м месте¹⁷. Заметим, что заикание исключало возможность быть не только священником, но даже пономарем, оно отрицательно решало основной «профессиональный» вопрос духовного образования — священник не мог быть заикой. Исключение Ключевского из духовной школы казалось неизбежным. В тех условиях это было бы для него равносильно невозможности получить какое бы то ни было образование.

По слезной просьбе матери один из лучших учеников высшего отделения училища (фамилии мы точно не знаем) взялся «по доброй воле» репетировать мальчика, конечно, безвозмездно: мать, «беднейшая вдова», средствами не располагала. Репетировал он по латинскому, греческому языкам и по арифметике в течение всего второго полугодия 1853 г., с января по июнь¹⁸. И тут совершилось чудо: Ключевский при помощи одаренного репетитора не только поднялся по успехам на первое место, но настолько преодолел заикание, что оно стало малозаметным и «приемлемым» для учения в духовном училище и будущей духовной службы. Позже он описывал приемы, которые применял для борьбы с этим недостатком, и даже советовал применить их подросткам, страдавшим тем же. В числе приемов было требование отрабатывать очень отчетливое произношение окончаний слов, даже не стоящих под ударением. Так как освобождение от заикания падает на то же время, что и занятия с репетитором, нельзя не поставить в связь то и другое. Видимо, добрый, умный и педагогически одаренный юноша-репетитор сумел так подойти к подростку, что уверил его в собственных силах и помог интуитивно найти какие-то способы, которые помогли бороться с заиканием (следы его остались у Ключевского на всю жизнь).

Кто же был его репетитором, какие предположения можно тут сделать? Мы знаем лишь, что это был «один из лучших учеников высшего отделения училища», и располагаем более чем десятком имен лучших учеников, перечисленных в годичной ведомости об успехах воспитанников высшего отделения училища за 1852/53 учебный год¹⁹. Из этого списка надо выбрать одно имя. Очевидно, репетитор и ученик хорошо познакомились друг с другом за полгода совместной работы, поэтому правдоподобно предположение, что знакомство должно сохраниться и в последующее время, после общего перехода из училища в семинарию. Тогда приобретает значение тот факт, что из упомянутых в списке лучших учеников фамилия лишь одного Василия Покровского упоминается в последующей переписке Ключевского, причем многократно. Это старший брат Степана Покровского, одноклассника Ключевского. Не он ли явился его репетитором? Все данные за это. Позже студент-первокурсник Ключевский живет с Покровским на одной квартире, фотографируется вместе с ним в Москве, хлопочет о помещении в журнале «Искра» общих сатирических материалов о Пензенской семинарии²⁰. В 1852/53 учебном году Василий Покровский в списке лучших учеников старшего отделения занимал третье место.

Результаты занятий с удачным репетитором сказались сразу: в майскую треть 1853 г. Ключевский впервые занял первое место по учебным успехам. С этого же времени его «бурсачный оклад» был увеличен до 15 руб. в год²¹.

В июле 1856 г. Ключевский получил свидетельство, что он «совершил» в Пензенском духовном уездном училище «полный учебный курс» при способностях, прилежании и поведении «отлично хороших», и на окончательном испытании в июле того же года получил оценку «отлично хорошо» по пространному катехизису, священной истории, русской истории, церковному уставу, церковному пению, славянской грамматике, географии, арифметике, латинскому и греческому языкам. Заключение гласило: «Ныне училищным начальством признается способным и достойным к поступлению в семинарию»²².

В сентябре 1856 г. Ключевский поступил в Пензенскую духовную семинарию и проучился в ней 4 года и 3 месяца. Это были очень насыщенные годы в смысле обучения и в отношении общественных воздействий на молодого семинариста. Академическая легенда закрыла глаза на столько сторон его семинарской жизни, что на них надо остановиться более подробно, они многое поясняют в дальнейшем развитии историка. Курса семинарии он, как известно, не кончил. Но некоторые стороны семинарских учебных предметов давали известный объем информации, имевший значение для подготовки будущего историка; это данные о развитии религиозной идеологии, истории церкви, истории ересей,

освещение некоторых вопросов текстологии. В отчетах о преподавании библейской герменевтики в Пензенской семинарии (1859—1860 гг.) мы встречаем главу «О контексте речи», трактующую само понятие контекста, различие контекстов, «предосторожности» при «употреблении этого средства», главу «Об исторических обстоятельствах» при изучении текстов, главу «О парафразе» — все это могло сыграть известную роль для источниковедческих навыков будущего историка. Во введении в философию, кроме подробного изложения «учения о умозаключениях», имелись отделы «О гипотезах», «О доказательствах», а в главе «Об опыте» разбирался вопрос «Об опыте чужом», где были пункты «о свидетеле и свидетельстве»: «Предосторожности относительно близости свидетеля к событию, относительно способности его к верному наблюдению и относительно искренности его». Все это не могло пройти бесследно для позднейшей источниковедческой работы. Приобреталась вместе с тем и известная философская натренированность в употреблении отвлеченных понятий, классификации, построении вывода. Любопытно, что, уже будучи учеником среднего отделения семинарии, Ключевский в 1857 г. писал сочинение на тему «Где истина и в чем она состоит?» Как всякая догматическая система, вдальблываемая в сознание ученика, богословская наука, как правило, рождала в пытливом уме протест против схемы и сомнения в объявленных истинах. Это было особой стороной формирования мировоззрения «разночинца», вынужденного волею судеб обучаться в духовном учебном заведении²³.

Особо надо выделить круг гуманитарных наук небогословского характера. На первом месте тут стоит «гражданская история» — всеобщая и русская («гражданской» она называлась в духовных учебных заведениях в отличие от истории церковной). По всеобщей гражданской истории наиболее подробно трактовались древний Рим и древняя Греция, средневековые, судя по программе, излагалось лишь до войны Алой и Белой розы. Русскую гражданскую историю изучали как и в духовном уездном училище, так и в семинарии лишь «до Александра I» — в семинарии последними изученными вопросами значатся: «Падение Наполеона. Мир Европы. Утверждение тишины» (преподаватель профессор Василий Розов). Русская история трактована скорее всего «по Карамзину» как смена царствований с некоторым превалирующим вниманием к войнам и внешней политике. Любопытно, однако, выделение пункта «Разин» в темах XVII в. (вопрос о Пугачеве в XVIII в. отсутствует) и пункта «Связь с Европою» перед темой о Василии III²⁴.

Львиная доля учебного времени уделялась древним языкам — латинскому и греческому, изучение которых начиналось еще в уездном духовном училище, в семинарии к ним прибавлялся еще и древнееврейский. Семинаристы овладевали чтением и перево-

дом довольно сложных латинских и греческих текстов, а на испытаниях должны были писать «несколько сочинений на данный предмет в присутствии правления на языках латинском и русском». Изучались и новые языки — немецкий и французский, они также входили в состав предметов, по которым производились экзамены. Преподавалась и математика — арифметика, алгебра, геометрия, проходились элементы физики, химии; среди отделов физики встречаем электричество, магнетизм и даже аэродинамику. Среди семинарских предметов значатся «естественные науки и сельское хозяйство», а также «медицина». В «обозрении уроков, прочитанных ученикам среднего отделения по сельскому хозяйству» за сентябрьскую треть 1859 г., мы встречаем пройденную главу о «землеудобрении», где целых пять пунктов отведено навозу как удобрению и отдельные пункты — растительным тукам, зеленому удобрению, минеральным удобрениям и компостам. В главе, посвященной «землеобрабатыванию», видим описание плуга и «русской сохи», особый пункт о «достоинстве и недостатке сохи», в дальнейшем тексте следует характеристика приемов и времени «пахания», в том числе пояснения процессов «распашки, перепашки, запашки и пропашки», обработки пара и бороньбы. Последняя из пройденных глав, «Землевозделывание», трактует вопросы превращения непахотных земель в пахотные²⁵. Все эти знания, как бы скудны они ни были, разумеется, не пропадали даром для историка. В совокупности они складываются в картину довольно серьезного для того времени среднего образования.

Учиться в семинарии было трудно. Урок больше спрашивали и задавали, пояснениям отводилось малое время или не отводилось совсем, вся нагрузка по подготовке падала на личную работу ученика. Семинаристам, получавшим стипендию, давались казенные учебные книги, переходившие от одного поколения учеников к другому и сильно ветшавшие. Достаточно сказать, что учебник по священной истории был в употреблении 12 лет, грамматика и греческая хрестоматия служили 18 лет, а 9 экземпляров «нотного обихода» — 22 года. Но эти ветхие учебники, конечно, не исчерпывали того, что было в руках Ключевского. Неизвестно, откуда удавалось ему достать и Карамзина, и Татищева, которых он прочитал за годы учения в семинарии. Познакомился он с работами Соловьева, Костомарова. Соловьев, признается позже Ключевский, тогда «не выходил у меня из головы». Занимался он и поздно, ночами. «Бог знает его, когда он спал», — вспоминает сестра. Свечи были для семьи дороги, Ключевский сидел с ночником — стаканчиком конопляного масла, куда опускался фитиль. Случалось ему, задремав, прожигать этим ночником сорочку, — мать боялась пожара, ловила момент, когда сын уснет, чтобы вовремя затушить ночник²⁶. Позже Ключевский в одной из своих речей вспоминал: «Старших из здесь присут-

ствующих я прошу перенестись воспоминаниями лет за 40 назад, к концу 50-х годов... Я принадлежу по возрасту к поколению тех из вас, милостивые государи, чье историческое мышление пробуждалось в то время, делая первые усилия в познании родного прошлого. Едва одолев учебники истории всеобщей и русской, мы тогда усиленно читали четыре характеристики Грановского в изданном Кудрявцевым в 1856 г. собрании его сочинений, Костомарова «Богдана Хмельницкого» и «Бунт Стеньки Разина». В выходивших тогда уже (1859 г.) вторых изданиях — первые тома «Истории» Соловьева, его же «Исторические письма» и статьи Кудрявцева, Кавелина, Буслаева, Чичерина и др. в «Русском вестнике», «Отечественных записках», «Современнике». Припомним также, что за этим чтением нас гораздо сильнее удерживало возбужденное общим движением любопытство юношеского ума, чем юношески-незрелое понимание читаемого. Мы смутно чувствовали, что и в русской историографии веет новым духом, который проникал тогда во все отношения, в самые сокровенные углы русской жизни»²⁷.

Во втором или третьем классе Ключевский стал давать уроки, чтобы помочь семье. Первый урок давал он сыну инспектора семинарии, протоиерея Бурлуцкого, — отец отличался жадностью и платил учителю-подростку только три рубля в месяц. Потом были и «получше уроки». В этих труднейших условиях Ключевский стал учиться блестяще и поражал учителей и товарищей удивительными успехами и знаниями, приобретенными в результате непрерывного чтения.

Уже из уездного духовного училища он пришел в семинарию с выпускной оценкой: «Отличается особенными успехами в науках и благоповедением». На июльских и декабрьских испытаниях 1857 г. имя Ключевского стоит первым в группе особо отличившихся в младшем («низшем») отделении. Высоко оцениваются и письменные работы Ключевского, обычно также занимающие первое место; нередко они читаются вслух преподавателем на занятиях. Отмечены и его «хрии» — риторические упражнения в приемах письменного изложения. Вот оценка сентябрьской трети 1856 г., т. е. первой трети его семинарского учения (учитель Николай Сменковский): «хорошо», «очень хорошо», «периоды со смыслом составлены», «весьма хорошо, даже есть и чистота в слоге», «мысли очень хорошие и выражены языком чистым», «очень хорошая хрия»; перевод на латинский язык русской статьи духовного содержания сопровождается оценкой: «Bene; gratias ago propter intelligentiam nec non sensum», а другой перевод оценен: «Belle»²⁸. Два семинариста тайком списали переводы Ключевского

* «Хорошо; благодарю за понимание смысла, не только за чувство», «великолично». — Лат.

на латинский язык с русского и выдали за свои, но это было замечено преподавателем, написавшим Мих. Златореvu: «*Apud Cluczewskij descripsisti*», а Мих. Симилейскому: «*de codice Cluczewskij descriptum idque sine intellectu*» * 29.

Заштатный священник Рождественский, вспоминая совместное с Ключевским учение в семинарии, рассказал, что первая же его хрия — упражнение на период условный — была оценена преподавателем как лучшая в классе и так удивила учителя, что, принеся ее на урок и отдавая автору, он сказал: «На, Ключевский, твой период; ты своей головы не сносишь» и добавил в ответ на удивленные восклицания одноклассников: «Этот период может написать только ученый богослов». «Что выразил своим ответом г[осподин] учитель, — добавляет мемуарист, — предупредить ли Ключевского побережь свою голову или что другое, предлагаю решить другим». Этот же соученик Ключевского помнит, как «товарищи мои — квартиранты, классники г. Ключевского очень и очень часто, возвращаясь в квартиры, говорили приблизительно: «Да, Ключевский голова!», «Ключевский с великими мозгами», «Умен Ключевский!» И многие другие похвалы» 30.

За сентябрьскую треть 1857/58 учебного года Ключевский — уже не по хриям, а по настоящим сочинениям — опять на первом месте, с самыми высокими оценками. Отметим два из этих сочинений, носящих исторический характер (остальные темы — богословские): сочинение на тему «Описание гонения на христиан при императоре Нероне» получает оценку профессора Василия Розова: «И по мыслям и по слогу сочинение весьма хорошее», а «Повествование о завоевании Иерусалима крестоносцами в 1099 году» оценено словами «очень хорошо». За тот же год — два перевода с русского языка на латинский оценены: «*Optime*» ** и «*Admodum bene*» ***. И в младшем, и в среднем отделении семинарии Ключевский награждается книгами за весьма хорошие успехи и очень хорошее поведение, причем в обоих списках стоит на первом месте 31.

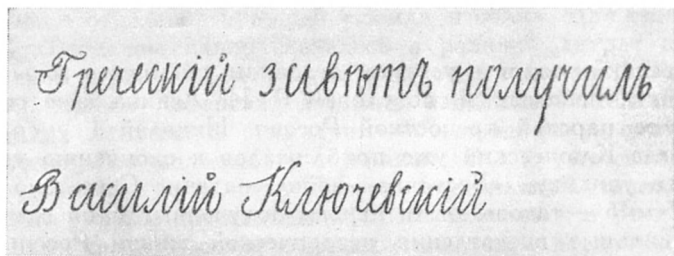
«Схоластика — точильный камень научного мышления: на нем камни не режут, но об камень вострят» 32, — создает позже афоризм сам Ключевский. Нельзя не вспомнить эту оценку историка, говоря о значении умственной гимнастики, сделанной им самим в богословских штудиях Пензенской семинарии. Хотя Ключевский, несомненно, что-то почерпнул как историк из предметов, преподававшихся в семинарии, но сказать, что кто-то из преподавателей вдохнул в него первый интерес к исторической науке, никак

* «Списал у Ключевского»; «с тетради Ключевского списано, без понимания». — Лат.

** Превосходная степень от «хорошо». — Лат.

*** «Весьма хорошо, в полном смысле слова хорошо». — Лат.

нельзя. Этот интерес он воспитал в себе сам. Непрерывное чтение (то с масляным ночником на полатах, то у слепого оконца «маленького домика» на Поповке) от Татищева и Карамзина до богатейших исторических статей в «Современнике» — вот что сформировало его интерес к истории и поставило перед ним первые задачи исторического размышления. Отточенные богословием приемы отчетливого изложения и вышколенной аргументации семинарских сочинений развили привычку и к обработанной литературной форме. Непрерывные латинские упражнения, переводы и овладение устной латынью, конечно, содействовали раздумью над словом и привычке осторожно взвешивать оттенки его смысла

Расписка 11-летнего ученика Пензенского уездного училища Василия Ключевского в получении Нового Завета на греческом языке. Сентябрь 1852 г.

Неприязнь к церковной схоластике влекла к живой научной теме. Гиперболическая семинарская тренировка памяти выработала не только умение хранить факты, но и их систематическое распределение. Семинарское «Почему сие важно в пятых?» было для него не анекдотом, а повседневностью, бытом урока. Он по-привычному крепко и систематизированно хранил в памяти и тот огромный поток информации, который лился в его мозг из «внешкольного» свободного и прямо-таки непрерывного чтения. «Брата очень редко можно было видеть без книги в руках: обедал и чай пил, она всегда была у него», — вспоминает сестра. Он умел уже тогда черпать из своей памяти богатую фактическую аргументацию выдвигаемых им положений, экспромтом, в случайно возникшем споре. Священник Рождественский вспоминает, как один из преподавателей стал утверждать, что «климат имеет влияние на поэзию». Положение это могло восходить к щাপовскому прямолинейному материализму, влекло и воспоминания о Бокле. Ключевский, может быть, «вздумал... помериться силою ума» с преподавателем, а может быть, и по убеждению начал его опровергать. Завязались такие интересные прения, что, несмотря на давно прозвевший звонок, «никто не тронулся с места — все заслуша-

лись». Иные согласны были просидеть «до вечера». Расходясь, семинаристы говорили Ключевскому: «Шут тебя знает, откуда (ты) брал слова и примеры»³³. Самостоятельная — мы сказали бы сейчас социологическая — мысль семинариста уже была в действии, работала, зрела.

Тут надо бы перейти к другим успехам Ключевского в старшем отделении семинарии, но в изложение наше властно врывается эпоха с ее общественным движением, новыми идейными веяниями и даже некоторым участием в общем порыве первого демократического натиска отдаленной от центров Пензенской духовной семинарии.

3

Ключевский учился в уездном духовном училище в годы Крымской войны, показавшей, по словам В. И. Ленина, всю гнилость и бессилие царской крепостной России. Николай I умер в том году, когда Ключевский уже приближался к окончанию уездного духовного училища. «Восточная война, падение Севастополя, Парижский мир — таковы были первые полученные нами самые свежие и сильные впечатления исторической жизни России, тяжкими камнями повисшие на нашей шее за грехи отцов», — позже пишет Ключевский в дневнике.

А. И. Герцен в эти годы был за границей, в Лондоне начала свою работу первая русская Вольная типография. «Полярная звезда» Герцена подняла традицию декабристов. Н. Г. Чернышевский работал в «Современнике». Украинская казаччина 1855 г. падает на последний год училищного учения Ключевского, Александр II уже произнес свои слова о том, что лучше освободить крестьян сверху, нежели ждать, когда они сами станут освобождаться снизу. Ключевский поступил в семинарию в год не легкого Парижского мира, завершившего тяжелую Восточную войну. В 1856 г. стал выходить за границей «Колокол» Герцена. Н. А. Добролюбов соединил свою работу с работой Чернышевского и стал сотрудником «Современника».

Все говорило об общественном подъеме в стране, о начале демократического натиска. 1859—1861 годами В. И. Ленин датирует первую русскую революционную ситуацию. Царское правительство чувствует невозможность управлять по-старому. Реформы — побочный продукт революционной борьбы — уже готовятся, приступ к ним заметен в волне нараставших событий. Ключевский был еще семинаристом младшего отделения, когда вышел в свет царский рескрипт генерал-губернатору Назимову (1857 г.), знаменующий начало реформ. Он в среднем отделении семинарии, когда вся Россия к 1858 г. покрылась сетью губернских комитетов, готовивших свои предложения к проекту крестьянской ре-

формы. Губернские очерки М. Е. Салтыкова произвели на семинариста Ключевского большое впечатление, он пишет об этом в статье о падении крепостного права. Право это шаталось и готово было рухнуть.

Крестьянское движение в России возрастало. Движение в Польше становилось все сильнее. Множились формы общественного брожения в стране, в частности усиливалось и студенческое движение. Было беспокойно в Петербургском, в Московском, в Харьковском университетах. Возникали молодежные организации, ряд которых вплотную соединялся с основными очагами русского революционного движения; так, под конспиративным названием «Библиотека казанских студентов» таилось формирующееся Московское отделение будущей «Земли и воли». Движение разночинной молодежи сильно сказалось в разных центрах духовного обучения в стране — более всего в духовных академиях, но также и в семинариях. Казанская духовная академия — высшая руководительница Пензенской семинарии — была одним из центров движения учащейся молодежи в Поволжье. В ней уже складывались предпосылки будущих политических выступлений, таких, как панихида по убитым крестьянам во время восстания в Бездне; в ней действовал такой идеолог демократического разночинства, как историк профессор А. П. Щапов. Слухи о тех или иных формах движения распространялись по стране, доходили и до пензенских семинаристов, несмотря на все строгости духовного начальства. Брожение проникло и в стены Пензенской семинарии. Формы его были слабы, но суть все же типична для эпохи. Оно, несомненно, требует изучения.¹

Отметим прежде всего, что революционный «Современник» читается пензенскими семинаристами. На вступительных экзаменах в университет Ключевскому достался билет о Ломоносове, на который он ответил блестяще, благодаря чтению журналов. «Я читал статью, кажется, в «Современнике», о вновь изданных письмах Ломоносова, относящихся к его заграничному периоду жизни, когда он был в Марбурге; верно, ты читал также», — пишет Ключевский П. Гвоздеву³⁴. Он ошибается, статья эта была опубликована в «Русском вестнике», но неточное свидетельство несет в себе точное доказательство того, что и «Современник» был знаком и читался семинаристами, переходил из рук в руки. В одном из писем Ключевский просит отдать Маршевым книжку «Современника», которую у них взял. Возможно, бывал в руках семинаристов и «Колокол», по крайней мере студент-первокурсник Ключевский помещает в письме к Гвоздеву восемь строк, видимо, наизусть цитированного стихотворения Некрасова «У парадного подъезда» («Выдь на Волгу, чей стон раздастся»... и далее). Письмо датировано октябрём 1861 г., а в России это стихотворение было напечатано лишь в 1863 г., опубликовано оно было впер-

вые анонимно в 1860 г. в «Колоколе» Герцена... Поскольку Ключевский цитирует его с правильным упоминанием имени автора, можно предположить, что в руках Ключевского могла быть и рукописная копия стихотворения, ходившего в те годы по рукам³⁵. Сатирическая «Искра» также тайком читается семинаристами.

Брожение, начавшееся в Пензенской семинарии, выразилось прежде всего в протесте против схоластики, против «мертвых наук» и бездарных преподавателей, иной раз низводивших преподавание до уровня грошового шутовства. В этом плане отличался преподаватель патристики, психологии и латинского языка протоиерей Авраамий Смирнов. Протест вызывало и принижение личности ученика, требование зазубривания текстов, недопущение вопросов со стороны учащихся. Еще в духовном училище ходили по рукам сочиненные семинаристами сатирические стихи на семинарское начальство. Об Авраамии Смирнове там было написано: «Тсс! Философ! Палец к носу. Всяк премудрости внимай. Своего же дать вопроса никто в свете не дерзай»³⁶. В семинарии рассказывали о том, как находились смельчаки, решавшие «сделать возражение» Авраамии Смирнову: «Философ» моментально прыгнет с кафедры и, весь раскаленный злобою, неистово закричит: «Поди, поди, садись на кафедру! Ты ныне профессор, ты ныне профессор!» Зная эти выходки, семинаристы, в том числе и Ключевский, воздерживались от бесплодных вопросов, но тем больше презирали бездарного схоласта. Говоря о силах и способностях души человеческой, Авраамий прибегал почему-то к частому сравнению души с кошкой, по отзыву семинаристов, «каким-то оригиналом, авторитетом души человеческой». Ключевский поэтому называл Авраамия «кошачьим психологом».

Сатирические стихотворения семинаристов, или, по терминологии начальства, «пасквили», — интересный идейный документ эпохи. В стихах этих, часто технически недурных, отражается недовольство молодежи семинарией, схоластической наукой, отрывом от настоящей науки. Жажда настоящего знания — первая черта. За нею и рядом с ней другая: требование прав личности — уважения к себе, право не быть угнетаемым тяжелой духовной дисциплиной, бурный протест против вызывающих особое возмущение секретных доносчиков начальства, право распоряжаться собою, свободнее общаться с внешним миром. Протест против особо одиозных ретроградов-преподавателей рождается отсюда как естественная реакция жаждущей истинных знаний молодежи. Разоблачение доносчиков, ханжей, святош по внешнему облику и сластолюбцев по нутру — все это отражено в семинарских стихах. Они быстро получают широкое распространение в рукописях. Многие учили их наизусть, другие переписывали — одни собственным почерком, другие ради конспирации полуустановом. Сочиненные в семинарии вольные стихи нередко оказывались совсем в другом месте —

в уездных духовных училищах, молодые люди передавали их друг другу. В годы начинавшегося демократического подъема все это не только объединяло молодежь, но и рождало замыслы коллективных акций. То, что случилось в Пензенской семинарии, отмечено, по-видимому, несостоявшимся замыслом издавать нелегальный молодежный рукописный журнал, в котором публиковался бы материал семинарских сочинений описанного рода.

Василий Покровский, друг Ключевского (его репетитор в ранние годы?), был автором многих стихов и как «пасквильный» стихотворец преследовался начальством, которое позже учинило над ним расправу. До нас дошли, по всем данным, его стихи «Жизнь семинариста» и «Путешествие на Парнас» (1856—1860 гг.). Участвовал ли Ключевский в этой волне сатирического стихотворчества, мы не знаем, но то, что он вполне владел версификацией и сочинял стихи, преимущественно юмористические, несколько позже, нам доподлинно известно. Мы знаем, что вольные стихи писал также семинарист Александр Голубев (и он дружил с Ключевским — есть их общая фотография), его стихотворение «Хват» относится к 1858 г. В подлиннике не дошли до нас стихотворение неизвестного автора «Классная комната» и ряд других. Очень интересно первое упомянутое стихотворение, по-видимому, Василия Покровского, о жизни семинариста:

Как скучна, безрадостна
Жизнь семинариста;
Скрыт совсем от бедного
Храм святой науки,
Тщетно просит истины
У своих педантов
И живого знания
В книгах он старинных.
Все его наставники
Заняты наукой
Древней и бесплодной.
Этим мертвым знанием
Он совсем оторван
От людей, — и в обществе
Сирота презренный³⁷.

Тайный доносчик инспектора семинарист Тихов доставил по начальству эти стихи летом 1859 г. Видимо, с ними и связано исключение Василия Покровского из семинарии. Но Ключевский продолжал и после этого дружить с исключенным Покровским.

К этому же году относятся и вторые дошедшие до нас стихи «Путешествие на Парнас», автором которых, по мнению семинарского начальства и ряда семинаристов, также был Василий Покровский. Это произведение довольно велико: содержит 22 строфы по 10 строк каждая. Оно является прежде всего разоблачением

семинарии — ее устарелости, безжизненности, мертвечины, угнетения ею молодежи. «Парнас» в данном случае и есть семинария:

У каждого есть свой Парнас.
Крылов набил его ослами
И всякой дрянью. А у нас —,
У нас он населен попами.
О мой Парнас, мой край священный,
Святыня древняя жрецов!
Парнас оборванный, согбенный,
Светилище молодых ослов!
Давно словесная скотина
Своею грязною ногой,
Тяжелой, старую и злой,
Твои зеленые долины
Изрыла, нет в тебе цветов,
Ни первой свежести садов!

Парнас наполнен «разной гнилью»: «Чего нет в пакостном болоте, где камилавка с клубуком...» Особенно любопытны строфы, вдруг вводящие в сюжет таинственного русского «православного мужичка», сидящего у «скверного болота», сиречь Парнаса, занятого «какой-то важною работой». На вопрос, что он делает, мужичок отвечает: «Кую и вью, мой господин, зачем — то знаю я один». Из дальнейшего выясняется, что мужичок вьет веревки и намерен «водичку освежить родную, потом и вон повыгнать вас, чтоб вы не грабили Парнас, не пачкали...»

... В минуту эту
Клубук в личину мужика
Послала дерзкая рука,
Мужик не сробил, на смех свету...
Он и доселе все кует,
Веревки тягостные вьет...

Далее стихи со многими подробностями сатирически разоблачают доносчика семинариста Тихова — «нос чекушкой», срывают с него личину ханжи и святоши, рассказывают о его романе с некой «толстой бабенкой». Все это предварено выразительными строками об исключении автора стихотворения из семинарии:

Вдруг загремел Парнас войною,
Кричит: Ты это? Нет! Ты? Нет!
Ты! Завтра справлюсь я с тобою!
Не я! Так это ты, мой свет!
И вот летят, блестя крестами,
Ко мне со стаей верных псов,
Грозят мне связкою оков,
Грозят татарскими кнутами...
Один ногою меня поддел,
И я с Парнаса полетел.

Эта острая сатира полностью соответствует мировоззрению «шестидесятых годов». Тут и понимание самостоятельной роли поднимающегося мужика, который «повыгонит вон» с Парнаса всех церковников-тунеядцев, — мужик только еще не кончил свою подготовку к полному разгрому Парнаса. Тут и насмешка над самой семинарией, ее наукой, набивающими ее попами, приравненными к «ослам и всякой дряни». Тут и защита личных прав человека — разоблачение секретного наблюдателя-доносчика.

События развивались далее следующим образом. Стихи Василия Покровского «Как скучна, безрадостна жизнь семинариста», написанные еще «8-го генваря» 1859 г., доносчик Тихов, как сказано, доставил по начальству только летом того же года. Инспектор семинарии Бурлуцкий, один из «стародуров», по выражению Ключевского, сразу дал ход внутреннему семинарскому следствию. Предполагаемого и, по-видимому, истинного автора доносили самыми страшными угрозами, его допрашивали и в конце концов выгнали из семинарии, что выразительно описано в цитированных выше стихах. А в октябре 1859 г. в окно квартиры отца инспектора, находившейся на восточной стороне Соборной площади, «на самом углу переулка, называемого Пушкарским», брошен был кирпич, пробивший сразу два стекла и влетевший в комнату вместе с «ругательной запиской» такого сильного и выразительного содержания, что потерпевший протоиерей, самым тщательным образом собравший все вещественные доказательства преступления, не решился ее воспроизвести в своей жалобе. По-видимому, какое-то особое разоблачительное содержание записки воспрепятствовало отцу инспектору обратиться в полицию или хотя бы к более высокому духовному начальству и поднять формальное дело против нарушителя его спокойствия. Но, конечно, негласное следствие и обсуждение события в узком кругу семинарских начальственных «столпов» произведено было. Связи «преступника» с семинаристами и образовавшийся кружок недовольных и протестантов уже были известны начальству. Дружба Ключевского с братьями Покровскими, не прервавшаяся и после исключения Василия Покровского, его самостоятельный тон, протестующий характер поступков были начальству также ведомы.

Воспоминания товарищей по семинарии доносят до нас некоторые факты об участии юноши Ключевского в движении протестующей молодежи. Он был прежде всего острым критиком негодных преподавателей. Начитанный, много знающий, он легко обнаруживал их слабые стороны и хотя, по-видимому, во многих случаях сдерживался, но иногда и ему становилось невтерпеж. Священник А. Рождественский вспоминает, что автором меткой клички «кошачий психолог», заслуженной преподавателем Авраамием Смирновым, был именно Ключевский. Кличка пристала к бездарному преподавателю и дошла до его ушей (дети «ко-

шачьего психолога» учились в семинарии и, вероятно, явились передатчиками). Ключевский «отвращался» от отца Авраамия и «едва ли не затыкал уши» на его уроках³⁸. Отец инспектор Я. Бурлуцкий, главный притеснитель семинаристов, преподавал священную историю, которая, по словам первокурсника-студента Ключевского, была для этого преподавателя «terra incognita»*. О Бурлуцком студент Ключевский позже напишет Гвоздеву: «Изучай эту мумию, как памятник когда-то бывшего периода само- и стародуров... Эх, брат! Как жаль, что мы слушали с тобой, да и не слушали даже, а просто зубрили какие-то подонки из скандалов святых отцов, а не развитие христианских идей в человечестве»³⁹. Оскорбление личности, ее притеснения также вызывали протест Ключевского — осторожный и хорошо взвешенный, но тем более чувствительный для начальства. А. Рождественский вспоминает, как «привыкший унижать насмешками» отец Авраамий, «кошачий психолог», вздумал задеть и Ключевского. Тот тихо вошел в класс, перекрестился, отвесил поклон Авраамиию и, садясь на свое место, «скромно подал руку рядом сидевшему товарищу». «Ште это вы, драконы што ли какие сошлись, редко видавшиеся и начали дружить?» — стал издеваться Авраамий (у него были свои особенности произношения), надеясь, что смех учеников поддержит его. Но Ключевский «весьма вежливо» ответил, как пишет А. Рождественский, приблизительно следующее: «Подать руку товарищу я нахожу делом правил братских, любви и вежливости, и притом же я не учинил никакого шума или соблазна какого». Авраамиию ответить было нечего, он был морально побежден и «прекратил свою глупую речь, выразив злобу на своем лице»⁴⁰.

В «академическом каноне» биографии Ключевского он обрисован лишь как весьма успевающий семинарист, задумавший поступить в университет, а не в Духовную академию, куда пензенское семинарское начальство с торжеством хотело его передвинуть, гордясь таким воспитанником. Отсюда-де вся досада семинарских начальников на Ключевского и ряд неприятностей, ему учиненных. В действительности же положение куда более сложно и, несомненно, связано с общим брожением в семинарии и событиями 1859/60 г. Наличие брожения констатируется самим семинарским начальством: оно рекомендует, например, отцу инспектору большую осмотрительность в действиях «во избежание смущения по заведению», «иначе озлоблению между воспитанниками к началу и волнению между учениками не будет конца»⁴¹.

Академическая схема биографии Ключевского противоречит прежде всего самой хронологии фактов. Решение Ключевского поступить в университет стало известно начальству из его за-

* «Незнакомая земля». — Лат.

явления лишь в декабре 1860 г., а гонения на него явно начались с 1859 г.

Доносчик Тихов доставил по начальству стихи друга Ключевского Василия Покровского о скучной и безрадостной жизни семинариста, и, как упомянуто выше, еще летом 1859 г. последовало исключение Василия Покровского из семинарии⁴². В октябре 1859 г. был брошен в окно отца инспектора упомянутый выше кирпич с ругательной запиской. 30 октября того же года отобраны инспектором Бурлуцким от семинаристов экземпляры «Путешествия на Парнас», один из которых написан был полуустановом. Стихи читались вслух в старших классах и широко распространялись в копиях. Примерно к этим же месяцам относятся первые нападки Авраамия Смирнова на Ключевского, которые предшествовали резкому снижению его оценок в ведомостях об успехах. Первая из таких ведомостей, вызывающая недоумение, датируется сентябрьской третью 1859 г. В ней Василий Ключевский по-прежнему на первом месте, но в полном противоречии с номером места и впервые за все семинарское учение появляются здесь же отрицательные отзывы на его сочинения. Одно из них написано на любопытную тему «Лесть есть скрытое злодеяние против ближнего», другое — «Похвала откровенности в словах и поступках»⁴³. Темы, заметим, как раз могут иметь связь с отношением Ключевского к Авраамии Смирнову. Оценка последнего: «Доводы наполнены мыслями, не относящимися к предмету, между собою бесвязными и неясными». Очень жаль, что самим текстом сочинения мы не располагаем. Далее за другие работы следуют оценки «хорошо» или близкие к ним, но исполнение темы по разряду «классических задач» — «Доброе слово и худых делает добрыми» — опять сопровождается сомнительной оценкой отца Авраамия: «Мысли идут к делу, но спутаны и не имеют раздельности». В ведомости о сочинениях за «генварьскую треть» 1860 г. Ключевский опять стоит на первом месте, но оценки его работ глухие, нераскрытые, и удивительно то, что целых пять его работ вообще не оценены: «подана» — и все. Такое странное отсутствие оценок по всей видимости только у Ключевского⁴⁴. «Табель» по среднему отделению, документ, казалось бы, заключительный перед годичной ведомостью, сохраняет Ключевского все же на первом месте, но в годичной ведомости за 1859/60 г. в полном противоречии с предыдущими документами он оказывается, несмотря на высокие оценки, на 10-м месте. «Кошачий» же психолог по своим предметам сдвинул Ключевского во втором полугодии (январь—июнь 1860 г.) сразу на 29-е место!⁴⁵

Ведомость, подписанная Авраамием Смирновым, датирована 23 июня 1860 г., но носит черновой характер — многое поправлено карандашом, частью зачеркнуто, видно, как фамилия Ключевского, сначала сопровождаемая вопросительным знаком, зачер-

живается и смещается все ниже и ниже, становясь, наконец, 29-й в списке.

27 июня во время экзамена по герменевтике приятель Ключевского Степан Покровский на вопрос инспектора Бурлуцкого, почему он не заучил наизусть текстов священного писания, приводимых в учебнике в доказательство, дерзко ответил, что «не считает нужным заучивать тексты наизусть». На замечание инспектора, что заучивание текстов облегчило бы изучение богословских наук в высшем отделении и что «вообще знание священного писания и само по себе необходимо для всякого, особенно духовного воспитанника», Степан отвечал, что «он не считает нужным для себя знать священное писание». Столкновение семинариста с семинарским руководством на такую острую тему происходило публично «в присутствии других наставников, бывших на экзамене, и всех учеников среднего отделения» (возможно, и Ключевский — ученик среднего отделения — тут присутствовал?). На вопрос инспектора, к чему же он, Степан Покровский, готовится, — конечно, на служение церкви божией, а не в сапожники, — Степан Покровский отвечал, что, может быть, и в сапожники, что по крайней мере к духовному званию он вовсе не готовится. На вопрос инспектора, для чего же он обучается в семинарии, Покровский отвечал: «Для того, чтобы только провести известные годы»⁴⁶. Можно представить себе впечатление, произведенное этим происшествием на семинаристов, и переполох среди начальства. Вопрос об исключении Степана Покровского был предreshен, но дело этим еще не кончилось.

Днем позже — в ночь на 29 июня, в начале 12-го часа ночи — в окна квартиры инспектора Бурлуцкого (уже получившего в прошлом году кирпич с соответствующей запиской) брошено было на этот раз уже «два больших диких камня, из коих один более 4 фунтов, другой поменьше, и перебиты ими стекла в двух окнах». При этом «удар в одно из окон был так силен, что, пробив стекло, камень сорвал шторку и, закатившись в нее, отлетел вместе с нею в комнаты аршин на 8». Перебудораженный инспектор в своем заявлении утверждал, что организовано было несомненное «покушение на мою жизнь», ибо он свою обычную вечернюю молитву совершает в это время и именно у этой шторки, причем если бы он в тот момент клал земной поклон, то «дикий камень» преступника обязательно разбил бы ему голову. Инспектор требовал немедленного расследования — на этот раз с участием полиции и, не сомневаясь, что все это дело рук исключенных детей соборного дьякона Василия и Степана Покровских, настаивал на немедленном изгнании их из города. Началось форменное следствие, на этот раз с участием представителя полиции, дело об этом заняло 90 листов⁴⁷. 12 июля большая группа семинаристов (Ключевский был в их числе) была вызвана на допрос, но

все, как один, не явились — акция, несомненно, являющаяся результатом их коллективного сговора. Лишь после того, как начальство объявило о задержке их на дни летнего отпуска, они пришли по второму вызову и были допрошены. Все признавались, что читали стихи «Парнас» (однако, можно добавить, не донесли же!). Далее подавляющая часть ответов была отрицательной. Кто был сочинителем стихов, они-де «решительно не знают»⁴⁸, неудовольствия против отца инспектора никто будто бы не замечал. В ночь на 29 июня (ночь «покушения» на инспектора) «все было исправно». В Степане Покровском не замечалось «какого-либо вольного образа мыслей», ибо в классе он «вел себя, как и прочие товарищи». Ни о Василии, ни о Степане Покровских ничего плохого им неизвестно (а оба уже были исключены из семинарии!). Не приходится сомневаться, что подобное единодушие — также результат предварительного и стойкого сговора. Пришлось, правда, признать, что семинаристы хотели издавать рукописный журнал — мысль о нем принадлежала тому же Василию Покровскому, об этом показал ученик Василий Озерский. Но никакого журнала издано не было. Допрошенный Василий Ключевский подтвердил, что «еще в начале 1859 года (это как раз дата стихотворения о семинарской жизни. — М. Н.) в учениках высшего отделения образовалась мысль издавать частно журнал рукописный с литературной целью». Не без иронии, вероятно, Ключевский прибавил к познанию, что имелось-де намерение «испросить» на издание журнала «разрешение семинарского начальства». Василий Покровский предлагал и ему, Ключевскому, «участвовать в сем журнале. Но журнал этот по каким-то причинам не состоялся»⁴⁹.

Ключевский, видимо, был хорошо осведомлен о «выбитии окон» у инспектора: в письмах Гвоздеву, комментируя выражение «камень вместо хлеба», Ключевский, только что поступивший в университет, пишет: «Нам, например, целых 10 лет подавали хлеб, но какой? Все духовный, самый наисытнейший, а если бросали камнями, так уж непременно дикари ужасного размера»⁵⁰. Это не только несомненный намек на дело о «выбитии окон» у инспектора Бурлуцкого, но и свидетельство осведомленности Ключевского о формулировках, употребленных в заявлении потерпевшего инспектора, которые знать ему, вообще говоря, не полагалось («брошено два больших диких камня, из коих один более 4-х фунтов», — писал потерпевший).

Все описанные события были предлогом задержать оглашение годовичных итогов по учению. Семинаристы разъехались после допросов на каникулы, так и не зная своих оценок. Они узнали эти итоги, лишь вернувшись осенью в семинарию, узнали и ахнули: первый ученик Ключевский, имевший самые высокие оценки, был снижен во второй разряд⁵¹. При первом взгляде на перевод-

ный список «все ужаснулись», пишет одноклассник Ключевского А. Рождественский. Причину, по его же словам, усмотрели в злобе на Ключевского преподавателя Авраамия Смирнова.

Но, рассматривая все приведенные обстоятельства в целом, мы видим, что положение было гораздо более сложным. Оценивая возникшую в Пензенской семинарии обстановку, мы замечаем, что и в ее затхлые стены проникли какие-то формы юношеского движения, свойственного эпохе 60-х годов и задевшего Ключевского. Его протесты, как бы скромны они ни были, не являлись одиночными, индивидуальными: они принадлежали уже возникшему и дошедшему до семинарии общественному брожению. И в самой семинарии у него оказались единомышленники, пошедшие дальше, чем он.

Всматриваясь в тот коллектив, который постепенно сплотился в семинарии против реакционного начальства, можно заметить прежде всего так называемый «наш кружок семинарский», в котором Покровские и Ключевский играли едва ли не первую роль. Тут сочинялись и распространялись острые сатирические стихи против семинарской схоластики, против унижения личности семинаристов, против начальственного угнетения и произвола. Мир семинарии противопоставлялся в этих произведениях передовому недостижимому миру, где есть истинная наука, желанный университет, нецерковное — настоящее — образование, возможность просвещенной жизни, человеческое достоинство, действия по внутренним убеждениям. В этой другой жизни, где-то подспудно и пока что в тиши, «вьет веревки» мужик, готовый разогнать всю семинарскую нечисть. Слухи о подготовке реформы, ощущение неизбежного конца крепостничества, признаки нового — переломного — времени проникали в семинарию.

Говоря о том, что стремление стипендиатов вырваться из семинарии было почти недостижимым, мы не преувеличиваем трудностей, связанных с уходом. Надо было заявить об этом в середине учения и с этого же момента потерять стипендию. В этом и заключалась ловушка: идти на университетский экзамен, обладая незавершенным средним образованием и лишившись в то же время материальных средств, было очень трудно. Сначала окончить семинарию, а потом порвать с духовным званием и идти в университет было невозможно: окончивший семинарию стипендиат был обязан принять духовное звание и находиться в нем не менее четырех лет. Стипендиат мог порвать с семинарией лишь до конца учения и выйти из учебного заведения, не окончив его. В таком положении и оказался Ключевский. Легче было тем, кто состоял на родительском содержании, но и для них были свои трудности: следовало обязательно заручиться родительским или опекунским согласием — без этого увольнение не давалось. И родители, и опекуны принадлежали, как правило, к духовенству,

часто беднейшему, низшему. И тем не менее члены «нашего кружка семинарского» были охвачены страстным желанием поступить в университет и готовились к университетскому экзамену.

Это видно из переписки Ключевского с семинарскими товарищами, оставшимися в Пензе: «Если у кого в распоряжении год для подготовки или около того (разумею наш кружок семинарский), тот свободно может сделать свое дело», — пишет Ключевский товарищам сейчас же после сдачи университетских экзаменов. Нельзя точно перечислить членов этого кружка. Чаше всего в переписке с Порфирием Гвоздевым встречаются тепло упоминаемые Ключевским имена Степана Парадизова, в дальнейшем студента Казанского университета, которого и позже ретрограды упрекали в приверженности к «модным идеям à la Чернышевский», Степана Флоринского, которому можно «открыть объятия» и «вспомнить о Гримме и Ренане», Васеньку Холмовского, которому дотошно надо описать весь университетский день — со сменной всех лекций, со всеми университетскими «корифеями», со всеми новыми научными идеями, столь не похожими на семинарское учение. Обращаясь к Разумову, Ключевский восклицает: «Эх, если бы ты был в университете, да и все вы!» В наиболее подробных перечнях семинарских друзей в конце писем Гвоздеву мы встречаем имена Степана Парадизова, Холмовского, Любимовых, Разумова, Богоявленского, Добросердовых «и alii»*. После этой латинской концовки добавляются имена Аравийского, Прилуцкого, Василькова, Сатурнова, Алгеброва, Веселовского и шлется привет «всем, всем друзьям, сколько ни есть». Вероятно, в «семинарский наш кружок», кроме перечисленных лиц, входили основной адресат Порфирий Гвоздев и братья Покровские, которым привет не посылагается, потому что с ними Ключевский общается в Москве, с одним живет на общей квартире⁵². Из числа упомянутых лиц перешли на гражданскую службу П. Гвоздев, Парадизов, Сатурнов и некоторые другие. Мы встречаем их в числе студентов Казанского университета, они шлют оттуда письма и приветы Ключевскому⁵³.

Однако, кроме «семинарского кружка», есть еще и другая группа лиц, которую Ключевский называет несколько иначе — «наша партия»⁵⁴. Тут уж речь идет не только о семинаристах. В «партию» входят лишь некоторые из них — П. Гвоздев, В. Покровский, но особо интересно, что числятся в ней и некоторые преподаватели Пензенской семинарии. В то время как члены «семинарского нашего кружка» пока что пребывают в Пензе и преимущественно еще учатся на старшем отделении семинарии, «партия» уже оказывается вне ее: «Вот замечательно, что вся наша партия оставила Пензу: Т. Горизонтова нет, Розанов перешел дьячком в Штутгарт (Баденское герцогство) при тамошней рус-

* «И другие». — Лат.

ской миссии, Лавров в Перми, я с Покровским в Москве. У, как раскидались. Теперь Яшенька может спать покойно...», — пишет Ключевский Гвоздеву. «Яшенька» — это стародур «Урлук» (Бурлуцкий)⁵⁵, исключивший Покровских. Горизонтов, Розанов, Лавров — передовые преподаватели семинарии, занявшие в происшествии с «выбитием окон» у семинарского инспектора позицию, противоположную «Урлуку». Великолепное «особое мнение» Розанова, протестующее против семинарского начальства в деле Покровских и показывающее юридическую несостоятельность выдвинутых против семинаристов обвинений, опубликовано в деле, связанном с этой историей. Это поистине типичный документ «шестидесятника»⁵⁶. Вероятно, к этой же «партии» относится преподаватель Н. Ф. Глебов. О нем несколько раз с большой симпатией упоминается в переписке Ключевского. Глебов заступался за Покровских по делу «о выбитии окон», не поддержал выдвинутого обвинения. Бурлуцкий жаловался по начальству на «до площадности оскорбительный для меня отзыв Глебова», и епископ Варлаам выражал свое возмущение позицией учителя. Глебов, по определению Ключевского, «дельная голова», читает философию «по современным немецким материалистам (Бюхнеру, Молешотту)». Позже он занимался крестьянскими делами в губернском комитете. Из Пензы Глебов переехал в Рязань, где его посещает проездом студент Ключевский («Просидел довольно долго — с 4 до 12 ночи», — пишет он Гвоздеву). Причастен Глебов и к хлопотам по публикации семинарских разоблачительных материалов в «Искре»⁵⁷. Что касается преподавателя семинарии Горизонтова, то он был связан с А. П. Шаповым, навещает его в Петербурге, узнает подробности о пребывании его в тюрьме по делу о Безднинской панихиде и выступлении с противоправительственной речью в Казани.

Как видим, все члены «нашей партии» вовремя «ушли от греха», оставив Пензу, разъехались по другим городам и таким образом избежали если не репрессий, то во всяком случае крупных служебных неприятностей. О Розанове епископ Варлаам в связи с делом о «выбитии окон» написал, что учитель Розанов произнес на инспектора Бурлуцкого «и даже на следователей самый дерзновенный и даже как бы ожесточенный отзыв, что и достойно всякого замечания». Трудно было ожидать служебного спокойствия после подобной резолюции столь высокого начальства⁵⁸.

4

17 декабря 1860 г. «ученик высшего семинарии отделения» Василий Ключевский подал прошение об увольнении его из семинарии в текущем декабре. Ссылка на упомянутое сверх «стеснительных домашних обстоятельств» слабое здоровье была фиктив-

ным предложением⁵⁹. Желание поступить в университет указано не было. К прошению было приложено письменное согласие матери на увольнение сына из семинарии. Начальство взволновалось: терять такого способного ученика, которого можно было бы передать в Духовную академию, не хотелось. Снижение его в разрядных ведомостях, носившее карательный характер, успехом не увенчалось⁶⁰. На прошение последовал отказ с пространной мотивировкой: Ключевский-де, «совершивший курс» в духовных училищах, постоянно пользовался «значительным казенным пособием», в силу чего обязан-де служить по духовному ведомству «не менее четырех лет», поэтому «в прошении об увольнении из семинарии отказать», но немедленно лишить его денежного пособия. «Значительное пособие» за упомянутое в резолюции трехлетие (1857—1859 гг.) равнялось всего 66 руб. 50 коп.⁶¹

Епископ Варлаам, которому доложена была резолюция правления, занял другую позицию: «Ключевский не совершил еще курса учения, и, следовательно, если он не желает быть в духовном звании, то его и можно уволить беспрепятственно». Резолюцию эту с восхвалением гуманности и широты его преосвященства цитируют почти все биографы Ключевского. Тут налицо идеализация Варлаама, свойственная академической легенде. Внимательное рассмотрение вопроса приводит к другому выводу. Осторожный законник Варлаам побоялся нарушить синодское положение об увольнении: на законном основании Ключевского как не завершившего курс семинарии задержать было нельзя. Но у Варлаама были в запасе другие способы — оказать на строптивого первого ученика такое моральное давление, чтобы тот добровольно взял обратно свое заявление. В руках Варлаама имелся для этого не один рычаг. Во-первых, он публично в семинарии подверг семинариста Ключевского, как пишет И. А. Артоболевский, «словесному бичеванию»: «Успеешь еще дураком-то сделаться!» — публично гремел епископ⁶². А. Рождественский рассказывает со слов Ключевского, что Варлаам «наругал» его, упрекал в неблагодарности, грозил взыскать с него всю сумму пособий, начиная с духовного училища. Очевидно, и ректор семинарии Евпсихий грозил тем же. Ключевский, как передает Рождественский, ответил епископу: «Я сирота, содержался и содержал еще мать... платою за уроки; старался, насколько мог, учиться, а поэтому имел некоторое право на пособие; если уже законно требование возврата пособия, то я уплачу, когда буду иметь возможность, поступлю на должность. А теперь я ничего не имею». Вместе с тем «возвратиться в семинарию Ключевский отказался наотрез»⁶³. Первый приступ «психической атаки» «владыки» был Ключевским, таким образом, отбит. Но у Варлаама в запасе оставался еще один рычаг: сестра Ключевского Лиза подрастала, не имея никаких средств к существованию. По обычаям времени священническая

сирота могла рассчитывать на замужество с тем молодым священником, который займет приход ее отца, или вообще с каким-нибудь местным кандидатом в священники (поскольку приход отца мог быть уже занят). Епископ Варлаам любил «распределять» невест и навязывать их молодым попам, он обещал дяде Ключевского, священнику Европейцеву, в доме которого как-то «трапезовал» после престольного праздника, заняться в этом отношении судьбой Лизы, представленной ему во время трапезы. Теперь же, после заявления Ключевского об оставлении семинарии, Варлаам свое решение изменил: «Мы готовили тебя в Академию, но ты не захотел этого. Поэтому нет твоей сестре ни жениха, ни места...»⁶⁴ Тут уж Ключевский, видимо, не сумел сразу ничего ответить и бросился за советом к дяде: «Что же мне делать? Если я уйду в университет, тогда сестра останется несчастной...» Дядя — душевный и мыслящий человек — колебаться не стал: «Что же вам, Василий Осипович, жертвовать своим счастьем для сестры, если у вас нет желания идти в Академию?»⁶⁵ Ключевский тогда же дал обещание: «Если буду жив, никогда не забуду сестру» — и, действительно, до конца дней заботился о ней: с его щедрой помощью она воспитала семерых детей и дала им образование.

Вся эта атака на Ключевского заняла немало времени: заявление об увольнении он подал 17 декабря 1860 г., положительная резолюция епископа Варлаама последовала через четыре дня — 21 декабря 1860 г., а увольнительное свидетельство было датировано лишь 27 февраля 1861 г., т. е. оформлено более чем через два месяца; на руки же Ключевскому его выдали еще через месяц — 22 марта 1861 г. Но оно было выдано! Начиналась новая жизнь. Посещать семинарию уже было не надо. Ее двери закрылись для него в последний раз. Схоластические науки, мертвые уроки, «кошачьи психологи» — все оставалось позади. Эпоха бурлила. В том же самом марте в Пензе было объявлено царским манифестом освобождение крестьян.

В ответ на царский манифест уже 1 апреля начались крестьянские волнения близко от Пензы, в Чембарском уезде, в селах Черногай и Студенки, а на следующий день к ним присоединилось село Высокое. Вскоре волнения захватили целиком Чембарский и Керенский уезды и соседние Моршанский и Кирсановский находящейся рядом Тамбовской губернии. Знаменитое Кандеевское восстание 1861 г. было в центре событий (Керенский уезд Пензенской губернии). Восставшие крестьяне заявляли, что власти скрывают от них подлинный царский закон, по которому крестьянам будто бы передается без выкупа вся помещичья земля. Они прогоняли управляющих, смещали вотчинные управления, избирали начальников из своей среды, делили между собой господский скот. В Кандеевке собралось около 10 тыс. крестьян, в Черногае —

до 3—4 тысяч. С красным знаменем в руках и с криками «Воля, воля!» крестьяне передвигались из деревни в деревню, объявляя: «Вся земля наша. Мир — велик человек! На оброк не пойдем, работать на помещика не станем». Рота солдат, введенная в Черногай для усмирения восставших, была встречена колями, произошло столкновение с войсками. В Кандеевке войска применили огнестрельное оружие, но крестьяне стояли на своем: «Все до одного умрем, но не покоримся». Было арестовано более 400 человек, многие наказаны шпицрутенами. В Кандеевке было ранено, по официальным данным, 27 крестьян и убито 8. Все эти события не оставили документальных следов в биографии Ключевского, но не приходится сомневаться, что он знал о них, как и все пензенские обитатели. Семинаристы и ранее полагавшие, что мужик «вьет веревки» в тиши, теперь могли увидеть его в действии.

В доме Маршевых⁶⁶, где Ключевский давал уроки и в то время жил, царила по сравнению с семинарией вольная атмосфера. Тут читали «Современник», молодежь готовилась к экзаменам в Московский университет, свободно общалась с исключенными семинаристами. Старший из Покровских, Иван, служивший на гражданской службе и позже сыгравший роль в переезде Ключевского в Москву, был, по-видимому, своим человеком у Маршевых. Много в этом сравнительно богатом доме было тягостным для Ключевского, бедного семинариста, наемного учителя. Но все-таки все это открывало дорогу к новой жизни. Внимание было поглощено подготовкой к экзаменам. «Человеку страшно хочется в университет», — писал Ключевский Гвоздеву, вспоминая о том времени⁶⁷.

К весенним экзаменам 1861 г. Ключевский не поспел (ссылался на «лихорадку». Может быть и Кандеевка помешала?), но заболевшим предоставлялась возможность держать экзамены в августе. Он выехал в Москву в конце июля, там его уже ждали Маршев и Покровский. В одном Ключевский не колебался ни минуты — в выборе факультета. Он хотел поступить на историко-филологический и быть историком, только историком.

Его вынесла из семинарии волна разночинского брожения рубежа 50—60-х годов XIX в.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ. ПЕРВАЯ КНИГА

1

Студенческие годы — важный этап в формировании ученого: начинается заря исследования. Постепенно определяется любимая отрасль избранной специальности. Рождается первая тема. Вокруг нее по пересекающим друг друга орбитам носятся десятки замыслов, нередко противоречивых, волнующих, влекущих иной раз и в другие области. Неизбежны кризисы, сомнения, поиски. Все вместе охвачено процессом формирования мировоззрения — научного и политического неразрывно. Представление о студенческих годах ученого просто как об «учебе», напряженном, но однотонном процессе получения больших доз разнообразной информации, из которой потом формируется специальность, не соответствует действительности. Ученый создается в одаренном студенте очень сложно и подчас не без драматизма. Ученый начинается не с «аспирантуры», говоря современным языком, а именно со студенчества. Мы заметим эти черты в формировании Ключевского.

На годы студенчества Ключевского пало не только выполнение первой научной темы, написание первой книги, но и глубокий идейный кризис, связанный с выбором пути и становлением мировоззрения. Об этом кризисе мы совсем не знали раньше. В академической легенде¹ этот вопрос не освещался. Лишь публикация дневниковых записей Ключевского, сопоставленных с его перепиской, позволяет приоткрыть внутренние конфликты и трудности его научного роста².

Весной 1861 г. Ключевский был болен, как уже говорилось, «лихорадкой» и к майским экзаменам в университет не поспел. Приходилось рассчитывать на августовские испытания, к которым допускались опоздавшие по уважительным причинам. Ему было уже 20 лет. В университет чаще поступали в более молодом возрасте — 17—18 лет. Откладывать поступление было нельзя.

Он покидал Пензу впервые. Александр Маршев и исключенный из семинарии друг Ключевского Василий Покровский уже

ждали его в Москве, куда уехали раньше. Решено было снять комнату сообща. На что существовать? На уроки. Их придется искать сейчас же по сдаче экзаменов, если все обойдется благополучно. Помощь на первых порах обещал и дядя — священник Европейцев. Прощаясь, он вложил крупную ассигнацию в молитвенник, подаренный племяннику. Но придется экономить на каждой копейке. Мать и тетушка со слезами провожали юношу в неведомый путь. В середине июля 1861 г. Ключевский с двумя попутчиками — знакомыми учителями семинарии — отправился на лошадях из Пензы. До Владимира (500 верст) тащились целую неделю. Во Владимире пересели на «чудо-юдо» современной техники — поезд железной дороги («целая деревня вагонов», — пишет Ключевский) и с невиданной скоростью — до 30 верст в час! — двинулись в Москву³.

Дорога оставила неизгладимое впечатление и подробно описана в письмах Ключевского родным и семинарским товарищам. Страшно беспокоят юношу дорожные расходы и дороговизна пути. В письмах немало скрупулезных подсчетов, сколько на что истрчено, как дорого все обходится, какова жадность хозяев дорожных харчевен: «Неужели дешево и человечно взять за яйцо 1½ коп. серебром?» Но рядом фольклорные и исторические ассоциации: «Мы ехали, ехали верст 60 все Муромским лесом, а настоящего леса, где Соловей-разбойник мог бы уместиться на просторе с своим ухарским свистом, не видали...» «Поклонился мощам Бориса и Глеба, жертвам Святополка Окаянного...» Город Владимир на высокой горе, «круче, чем на нашем пензенском гулянье со стороны Поповки, ажно смотреть страшно; думаю, поработали монголы, когда брали его»⁴. Историк уже чувствует себя в юноше.

22 июля вечером (в половине девятого) путешественники прибыли в Москву, в суете вокзала получили багаж, отыскали извозчика и двинулись к подворью — гостинице «второй руки». Но Москвы за темнотой и пылью июльского вечера еще не рассмотрели: «Что-то громадное и только». Поутру Ключевский отыскал Маршева и Покровского; комната была уже нанята, правда, слишком дорогая, но все-таки поселились в ней, а потом видно будет. Первый московский адрес Ключевского: «На Тверской, в Козицком переулке, в доме Лопыревского, в квартире Неждановой...»⁵

Его превосходительство председатель экзаменационной комиссии Щуровский встретил запоздавшего не очень приветливо, оказывается, прошение о переносе экзаменов по болезни на август надо было подавать во время весенней сессии; но «потом переворочал документы, прочел аттестат» и дал разрешение. На следующий день, 26 июля 1861 г., Ключевский отдал свое прошение в канцелярию, заплатил положенные 25 руб., огромную для него

сумму — плату за право учения в университете за первое полугодие, и сел за подготовку к экзаменам. Пригодилась дядюшкина ассигнация! Экзамены начались 8 августа, «и пошли писать каждый день до 16 августа»⁶.

Ключевский красочно описывал события. Вот как запомнила его рассказ сестра Лиза: «Когда взошел я в такой большой зал, меня сразу охватила робость: смотрю, некоторые личности очень хорошо одеты, в пенсне с блестящей оправой, при часах и при клычках (так он называл воротнички крахмальных сорочек). Смотрю и думаю: не профессора ли это? А потом, когда начался экзамен, смотрю, что эти господа явились сюда за тем же, как и я. Тут я немного ободрился. А когда их начали вызывать и спрашивать, некоторые из них молчат; тогда обращались ко мне, говоря: «Ключевский! Отвечайте вы». Так и пошло далее. Тут уже я и вовсе вздохнул посвободнее, думая: «Такие-то вы господа, при пенсне, а молчаливые»⁷. Робеющий бедняк-разночинец вдруг почувствовал возможность своего превосходства над дворянско-чиновничьими сынками.

В длинном письме к П. Гвоздеву от 3 сентября 1861 г. — оно явно предназначалось всему семинарскому кружку друзей, жаждавших поступить в университет, — Ключевский, порядком помучив читателей многими, не идущими к делу отступлениями, подробно описал ход экзаменов. Первым был русский письменный, сочинение на тему «Мое воспитание». Экзаменующихся предупредили, что «одна орфографическая ошибка отнимает право на поступление в университет». Профессор попросил писать «прямо дело, без философских умствований и предисловий». К великому сожалению, текст этого сочинения Ключевского не дошел до нас (мы специально искали его в университетском архиве, но он не сохранился), а он был бы значительным автобиографическим документом. Юноша дал тут волю своему критическому уму. «Всему досталось, а особенно семинарии», — пишет Ключевский в письме семинарскому приятелю П. Гвоздеву. Он «торжественно» заключил сочинение словами: «Вечная память тебе, патриархальная, незабвенная школа! Ты больше поучала, чем учила». Он не сказал семинарии «спасибо», а пропел ей «вечную память» — так пели над покойниками. Потом он даже спохватился «и потрусил немножко за свою горячность, но все кончилось благополучно». На экзамене по русской словесности спрашивали о Ломоносове и об образцах отечественного эпоса. По «закону божью» ответ о девятом члене символа веры и особенно о вселенских соборах (когда и по какому случаю был последний) даже удивил экзаменатора эрудицией: священник-экзаменатор, взглянув на возглавлявшего экзамен профессора богословия Сергиевского, произнес лишь одно поясняющее слово: «Семинарист!» Профессор «кивнул головой, и дело кончено». Не совсем понятна все же оценка «удовлетвори-

тельно» при таком блестящем ответе, может быть, сочинение «Мое воспитание» с его критическим отношением к семинарии потянуло тут вниз?

На другой день были экзамены по истории и географии. Последняя подкузьмила: билет «о политическом состоянии Австралии» повлек столь приблизительный ответ, что пришлось брать второй. Этот второй билет — «о племенах Российской империи», по оценке самого Ключевского, был им разъяснен только наполовину, но последовала удовлетворительная оценка. Другое дело — история, тут он был «у себя дома, в своей тарелке». По всемирной истории отвечал о Столетней войне Англии и Франции, по русской — «об Ольге». «Мы с ним болтали долго», — говорит Ключевский об экзаменаторе. Но радость от успешных результатов экзамена омрачалась тем обстоятельством, что завтра предстояли испытания по математике и физике. Любопытно психологическое состояние экзаменующегося: чувствуя себя неуверенно, Ключевский именно в силу этого пошел экзаменоваться к самому «профессору математической мудрости», а не к его ассистентам: «Разделал ему приведение дробей к одному знаменателю, умножение дробей, как вписать квадрат и шестиугольник в круг» и прибавил почему-то, что десятиугольника вписать не сможет (хотя его об этом не спрашивали) и что «из алгебры о формулах прогрессии не имел понятия». Далее в письме следует неожиданное: «Я врал, имел понятие, только когда-то, а теперь забыл...» Однако данное ему уравнение решил «и даже прибавил, что решение вышло отрицательное, тонко намекнув этим, что задача была не совсем правильная». Этим кончилась «математическая комедия». По физике спросили всего-навсего о камере-обскуре и барометре. Надо отметить, что поступающих не на математический факультет спрашивали по математике и физике легко.

«Но зато как же прохватали нас — филологов — по классической древности, сиречь по латинскому и греческому языкам!» Письменный экзамен по-латыни состоял в переводе с русского на латинский язык. На устном экзамене Ключевский перевел Цицерона *à livre ouvert* «довольно опрятно», перенес «грамматическую пытку» — назвал все формы глаголов и прочее. По-гречески писал диктант, к чему не привык, и разобрал его на устном экзамене досконально с грамматической стороны, сделав только одну ошибку в ударении. Экзаменовали «сам Леонтьев» и какой-то сердитый старик учитель. Последними были экзамены по немецкому и французскому языкам, по-немецки писали диктовку и спрашивали перевод текста, а по-французски ограничились одним устным переводом, «не скупясь», подсказывали незнакомые слова. «О, французы — народ деликатный!» Вот и сданы экзамены. «Теперь ты видишь, дело ли это». Ясно, что Ключевский считал, что это вовсе не «дело», и вообще полагал, что «экзамены — глупая

вещь». «Самый плодотворный труд — это свободный, безотчетный (в смысле: не подлежащий отчету, — *М. Н.*), не для экзаменационного столика...»⁸

Согласно экзаменационной ведомости Московского университета Ключевский сдал при поступлении 16 экзаменов, из которых лишь по трем получил высшую отметку «весьма удовлетворительно» (по русскому языку, русской словесности и латинскому языку), остальные экзамены сопровождаются оценкой «удовлетворительно»⁹.

Когда в одном из следующих писем Гвоздев, «*carissime Porphyri*» («дражайший Порфирий») назовет его сдачу экзаменов в университет «блистательной», ему достанется от Ключевского: «Из чего заключил ты?.. «Блистательность?» Какое противное слово...»¹⁰

Экзамены сданы, теперь можно было взглянуть на Москву. Он, видимо, немало походил по ней пешком и попутал по улицам и переулкам: «Ходишь по Москве, а Москвы не разберешь, все улицы, улицы, улицы и все улицы — заплутаешься, или пойдешь к югу и идешь к югу, а вернешься домой с севера, и как это вышло так, не поймешь... А стоит того, чтобы походить да посмотреть: Русь вся тут, и с ногами и с руками и с голицами даже...» Тут на улицах приходилось ему и утолять голод: «О калачах и сайках баять нечего — заеденье. Стоят и те и другие по 5 коп. серебром за штуку, но они таковы, что одного калача или сайки достаточно для того, чтоб после быть спокойну относительно желудка по крайности на три часа»¹¹, — пишет он Пашеньке Европейцеву. Письма в Пензу включили в себя и описание московских бульваров. «Ты знаешь, что такое московский бульвар? Вещь, стоящая изучения в статистическом и психологическом интересе, — писал он Порфирию Гвоздеву. — Это, братец ты мой, длинная аллея, усаженная деревьями, вроде нашей скверы, только длинная, не круглая, вдоль широкой улицы, посредине, между двумя рядами домов — понимаешь, ведь живо рисую? Такие бульвары огибают всю середину Москвы. Самый знаменитый из них в отношении охоты за шляпками — Тверской, сиречь именно тот, от которого недалеко помещаюсь я. Только я там редко бываю, утешься и не бойся за меня»¹².

Материальные заботы неотложного порядка рождались в его бедняцком быту. Старый сюртук совсем вытерся, скоро лекции, поиски уроков, нужно обзавестись хоть сколько-нибудь приличной одеждой, нельзя же в таком виде явиться на урок «к порядочному человеку». Он дерзко замыслил сшить сюртук и брюки из сатина, только бы хватило тех четырех аршин, которые подарены дяденькой. Дома тоже надо хоть как-либо пристойно выглядеть, ведь люди приходят — он купил у старьевщика халат, отдав ему свой старый и два с полтиной в придачу; новый халат «уемистый», теперь он и спит в нем (вероятно, не было одеяла). Пока нет

сюртука, он ходит в пальто, оставленном на время уехавшим товарищем. Экономит, как и раньше, бумагу, пишет мельчайшим, мельче бисера, почерком, не оставляя на листе пустых мест. Квартиру обязательно надо сменить на более дешевую — 13 рублей в месяц не по карману, хорошо, что Маршевы за всех заплатили вперед¹³.

2

Но вот и начало занятий в университете, долгожданном, желанном, притягательном, так длительно бывшем недостижимой мечтой. Первые лекции известных профессоров — Ф. И. Буслаева, С. В. Ешевского. С. М. Соловьев, о котором мечталось еще в Пензе, на первом курсе не читает. Но можно пробраться мимо педеля на второй курс, послушать знаменитого ученого. Письма семинарским друзьям приобретают новый характер. Они полны не внешними происшествиями, а тщательным изложением прослушанных лекций. Ведь тут, в университете, та истинная наука, по которой так томились семинаристы. Нравственный долг товарища, добившегося заветной цели, скорее передать им то, что из этой истинной науки почерпнуто.

Но и месяца не прошло с начала университетских занятий, как мощная волна общественных событий захлестнула Московский университет, прорвалась в его аудитории, отодвинула науку, захватила умы. Основной голос эпохи заглушил все другие голоса. Студенческое движение 1861 г. — органический элемент развивающейся революционной ситуации — поднимается в университетских городах. Вспыхнув в Петербурге, оно передается в Московский университет, одновременно волнуются Харьковский, Киевский... Казанский университет и Казанская духовная академия начали еще раньше, весной с восстания в Бездне, и остаются важными участниками движения. Мощный демократический подъем, впервые в России получивший такую силу, громко заявляет о себе и в этой форме общественной борьбы.

Ключевский к этому общественному подъему был готов лишь в малой мере. Молодежное движение коснулось в 1859—1860 гг. и Пензенской семинарии, об этом говорилось выше¹⁴. Но тем не менее столичные события застают Ключевского на распутье, вызывают сомнения и тревоги.

Студенческие волнения 1861 г. в Москве далеко вышли за рамки чисто академических нужд и университетских интересов¹⁵. Уже одно то, что они были откликом на петербургские события и в них приняли участие будущие активнейшие члены «Земли и воли» — И. Кельсиев, Н. Утин, Я. Сулин и ряд других, говорит за себя. Чтение революционных прокламаций во время студенческих сходок; «Колокол», «Великорус», прокламационная литература, захваченные при арестах «зачинщиков», свидетельствовали

о наличии радикального демократического течения в сложном студенческом брожении. Либеральное течение, и на словах не шедшее столь далеко, как революционные демократы, а позже быстро отхлынувшее обратно на позиции «раскаившихся» и лояльных по отношению к высшему начальству, также наличествовало в движении. Были и активные реакционеры, сторонники «властей предержащих», яро сопротивлявшиеся растущему протесту.

Ключевский не был в числе ни тех, ни других, ни третьих. Он принадлежал к «воздержавшимся» от какой бы то ни было формы участия. Переписка Ключевского студенческих лет дает возможность проанализировать причины занятой им позиции. Отметим, что «неучастие» Ключевского в движении никак не является равнодушием к нему. Он испытывает к событиям живой интерес, взволнован ими, стремится разобраться в них. Еще до начала открытого движения, которое развернулось в конце сентября, он улавливает предваряющие его подземные толчки и пишет более чем за месяц до событий в письме в Пензу Европейцевым о «безотрадной русской жизни»: «Много бы хотелось сообщить вам кое-чего касательно этого; у нас ходят толки, любопытные в высшей степени, намекающие на то, что и на Руси не все шито да крыто, что и в ней кое-где движутся и борются, а не безмолвствуют покорно; но об этом как-то еще страшно передавать на бумаге...» Как видим, все это интересует его и даже «в высшей степени»; его надо признать в этот момент скорее сочувствующим тем, кто «движется и борется», он против покорного безмолвия; он боится писать обо всем, очевидно, в силу цензурных условий¹⁶.

Сообщение о закрытии Петербургского университета появилось в «Московских ведомостях» 26 сентября, ответом было движение и московского студенчества. Волнения начались чтением революционных прокламаций на юридическом факультете: «У нас читали прокламацию, рьяную, раздражительную, в тоне «Aux armes, citoyens!» * Она прислана была из Петербурга. Читавшему отвечали шумными рукоплесканиями», — пишет Ключевский. Можно предположить, что читалась прокламация «К молодому поколению», отпечатанная в Лондоне и привезенная в Москву петербургскими студенческими делегатами¹⁷.

Ключевский не был еще в курсе студенческих требований и не мог полностью разобраться в обстановке. Введение матриклов и новые университетские правила его не очень тревожили. С чем ему было сопоставлять их? Они не шли в сравнение с чугунными семинарскими порядками; он, заранее молясь на университет, готов был выполнять любые его правила. Требование уменьшить плату за право учения, конечно, встречало сочувствие бедняка, но

* «К оружию, граждане!» — Франц.

только с этой льготой все равно не проживешь, расчет оставался на стипендию и уроки. Мы видим его на первой студенческой сходке внимательно слушающим революционную прокламацию и определяющим ее содержание строкой из гимна Французской революции — «Марсельезы». Конечно, ничто не мешало ему просто не пойти на сходку, но он пошел. Инспектор ворвался во время чтения прокламации, схватил оратора за руку и стаскивал его с кафедры, «но оратор продолжал читать, не удостоивая инспектора вниманием». Он сошел, лишь когда кончил чтение «при шуме рукоплесканий». На увещания инспектора студенты «отвечали ему оглушительным свистом». Составили в университетском саду адрес к царю о студенческих требованиях, стали подписываться. И тут Ключевский не осмелился дать свою подпись, отказался: тон адреса напугал его, показался бесцеремонным: все «желаем, желаем...» Он хотел более покорного и просительного тона, хотя против существа пожеланий не возражал. На него произвело впечатление обособление группы реакционного студенчества, заявившей, что все происшедшее («этот шум и свист») — для них «чуждое дело». Он спешит сделать вывод, что беспорядок — дело немногих. Он «отвернулся» от дела такого рода, не пошел за передовым студенчеством. Появились «демагоги» (он против них!), кричавшие в саду, что имена участников борьбы («их имена!») будут-де «написаны золотыми буквами у потомства». Он возмущен таким бахвальством.

На третий день по решению университетского совета первый и второй курсы юридического факультета были закрыты на год. Некоторые студенты кричали: «Пусть закроют наш университет!» «Как легко сказать это! А думал ли кто, что все эти крики не стоили одного слова лекции Буслаева или кого другого». Реакция как будто типичного «академиста», но в ней есть свои особые оттенки: скорее — это мнение только что вырвавшегося из плена семинарии юноши, жаждущего знаний, но не успевшего разобраться в обстановке и все же в какой-то слабой мере сочувствовавшего требованиям. «Дело» было в общем справедливым; а тут «ажитаторы» «испортили дело» и принялись за адрес: «Вот почему я отвернулся от него». Он подробно передает выступление профессора Буслаева, противника волнений, но критикует и Буслаева: его речь «сама по себе была темна». Но что-то мешает ему писать в письме об этом: он внезапно обрывает рассказ о волнениях и решительно переходит к передаче богословской лекции профессора Сергиевского, как бы желая уйти от событий. Он явно мечется, ищет пути, боится занять решительную позицию¹⁸. Пишет он это письмо 11 октября до ночи («Божел 12 без 1/4»). Он еще не знает, что именно в это время начинаются обыски и аресты участников студенческого движения — в ночь на 12 октября 1861 г.

Назавтра аресты возмущают и озадачивают Ключевского. Письмо от 18 октября И. В. Европейцеву вновь излагает его колеблющуюся точку зрения на студенческие волнения. Ближайшая программа движения — отмена «поголовной обязанности платы за слушание лекций» и о «разрешении» (он не решается сказать «праве») объясняться с начальством через депутатов — «все это было прекрасно». Но шум и непозволительные дерзости сделали хорошее дело незаконным. Ему кажется невозможным сходить с почвы закона: «Кто хлопочет об изменении чего-либо, тот для успеха должен еще подчиниться существующим постановлениям». Он все же сопровождает эту благую формулу вопросом: «Не правда ли?» Поэтому он и не подписался под адресом; рационально все обдумав, он решил к тому же, что адрес обречен на неудачу, толку из него не выйдет: там не говорилось «просим о том-то», а «желаем, требуем — и дело с концом». Ясно, что люди, только что закрывшие Петербургский университет, не выполняют требований московских студентов. Но его возмущает, что полиция в ночь на 12 октября хватает некоторых студентов «без всякого объяснения, за что и почему». Нигде Ключевский не говорит, что зачинщики схвачены за дело, нигде не солидаризируется с полицией, его возмущает полицейский произвол. Он описывает бурное движение, объяснение с попечителем, изгнание студентами обер-полицмейстера «с шумным свистом». На следующий день огромная толпа движется к генерал-губернаторскому дому, чтобы потребовать объяснений от генерал-губернатора. Все «кончилось трагедией», «началось странное дело»: пешие и конные жандармы «рассыпались» по улицам и хватали всякого, кто имел хоть какие-нибудь признаки студента (мундир, очки и подобное), происходили избиения студентов. Лавочники и чернь, спровоцированные полицией, кричали, что студенты «хотят вместе с помещиками отнять у крестьян волю», что «это все поляки бунтуют». «Какая нелепая несообразность!» — восклицает Ключевский. Студенты совсем немного сошли с почвы закона, а правительство грубо растоптало справедливость! Жандармы не пропускали никого ни в университет, ни из университета. «Это многих, в том числе меня, оставшихся в университете, спасло от жандармского палаша или копыта его лошади. Дело было слишком серьезно, чтобы не принять его к сердцу»¹⁹. Значит, он все же «принял его к сердцу»?

Весь тон повествования осторожно антиправительственный и одновременно «антилевый». Ключевский рад, что спасся «от многих бед», но ведь не он сам спрятался, его спасли обстоятельства: жандармы заперли университет, он не мог выйти, как и многие другие, что, впрочем, привело к его личному благополучию. Во всем этом рассказе много противоречивых черт: квалификация событий как «трагедии», а рядом — явно комедийные нотки (дамы, привозящие арестованным студентам «конфет целые узлы» и за-

являющиеся, что не будут больше «танцевать с жандармскими офицерами...»). Определение случившегося как «бойни, учиненной полицией», и в то же время попытка характеризовать все происшедшее как «домашнее университетское дело, а не политическую демонстрацию». Но ведь он сам только что передал содержание прочитанной на сходке революционной прокламации. Он сам спрашивает: «Как назвать это время?.. Междуцарствием полицейским?» Что-то у него концы не сходятся с концами. «Смута со всех сторон» — он не сторонник смуты. Но он многого не договаривает: «Сами знаете, почему нельзя писать об этом»²⁰.

Прямолинейный вывод исследователей, что Ключевский принадлежал к «умеренно либеральному» направлению²¹, не передает ни его смятения, ни поисков истины, ни встреченных им противоречий, ни процесса формирования человека. Перед нами юноша, вступающий в жизнь и ищущий путей, только что вырвавшийся на волю семинарист, к началу событий еще и месяца не проучившийся в университете. Пожалуй, либералы были в тот момент даже несколько левее его. Он и в дальнейшем не изберет дороги к революционной демократии, но 60-е годы всеми своими событиями, прошедшими через его сознание, поставили перед молодым историком вопрос об активном участии в общественной борьбе, об его личной ответственности за «царящее зло». Они породили смятения и колебания в его академической душе. Это осталось в нем на всю жизнь, подкрепляясь все новыми впечатлениями и тягостными размышлениями последующих лет. Без этого импульса 60-х годов нельзя понять Ключевского.

Конечно, нейтральная позиция «неучастия» в волнениях отдала Ключевского от актива передовой молодежи, от революционного демократизма радикального студенчества и от слоев, к этому демократизму тяготевших. Но и с реакционными «белоподкладчиками» у него не было ничего общего. Эта своеобразная ситуация первых месяцев долгожданного пребывания в университете сразу сделала его одиноким. Лишь очень небольшой кружок новых знакомых из бывших семинаристов складывается вокруг него. Он сам пишет, что это группа «семинарская, следовательно, наша родная братия». Называет он лишь две фамилии — Фивейского, пробывшего год в Московской духовной академии (не исключенного ли?) и затем перешедшего в Московский университет, и Ф. А. Гилярова из Московской семинарии, сына московского священника, племянника известного профессора Духовной академии Н. П. Гилярова-Платонова. Фивейский — «идеальная, добрая, откровенная голова», скрипач к тому же. У Гилярова есть сестра, «довольно сильная в деле очаровывания». «Другие в том же роде, и хорошо с ними». Встречались все довольно часто: «Народ все дельный: поставим бутылку (впрочем, редко) и философствуем на просторе»²². О спорах что-то нет речи,

это замкнутый, маленький кружок бывших семинаристов, скорее даже не кружок, а «треугольничек».

Так произошла у разночинца своеобразная «самоизоляция» от событий, конечно, весьма непрочная. Оставалось учение и учение. В нем можно, казалось, спастись. Ключевский со страстью отдался науке. По документам его архива мы можем проследить за ходом его научного роста и заметить идейные воздействия, им в это время воспринятые.

3

Университетский день 1861 г. — одну из пятниц — Ключевский подробно описал в письме к своему «закадычному» — Васеньке Холмовскому²³. Почему избрана пятница? Потому что в этот день «выходят на сцену все знаменитые личности». Занятия начинаются в 9 часов утра. Первокурсник Ключевский показывает сторожу свой входной билет (без этого в университет не пускают), «скидает пальтишко» и бежит в аудиторию. Там уже шумит толпа «стюдьянов и нестюдьянов», человек с двести, «мундированных и немундированных»: обязательная форма только что отменена, хотя разрешено донашивать ее в течение года. Но вот общее движение, появляется профессор Федор Иванович Буслаев, одна из университетских знаменитостей. Все спешат занять места. На кафедру поднимается «человек лет сорока — стриженный, здоровый... Начинает нюхать табак будто из-под руки, тишком, так забавно посматривая на слушателей. Вдруг как заголосит, так наивно, будто с возу упал...» Столь оригинально начинается буслаевская лекция. Предмет — история древнерусской словесности: «Ну хоть о том, как поживали славяне в давно минувшую пору, когда еще не было Рюриков и варяг между ними, какие предания, какие верования были у них, какие песни пели они и какие сказки о богах, героях и чудовищах сказывали славянки своим детям, качая их в колыбели...» Ключевский быстро, с увлечением записывает лекцию. Новой, притягательной, поражающей является руководящая идея профессора, неведомая старому семинарскому преподаванию: «Народ и только народ с его метким, вещим словом, с его понятиями — вот что больше всего занимает профессора». Буслаев — «любитель родной русской старины, русского народа». Ключевский уже успел прочитать работы Буслаева и рекомендует товарищу: «Возьми любое его сочинение, каждая строка его говорит о его горячей любви к интересам нашего народа...»

В перерыве Ключевский еще успевает перечитать запись лекций. Но вот опять звонок — «открывается второе действие». Появляется вторая знаменитость, для семинаристов особенно любопытная, — профессор богословия Сергиевский. Он еще молод, ему лет 35, «смугл и в то же время бледен... Черты лица его удиви-

тельно правильны. Глаза с длинными ресницами как-то особенно мягки». Из-под длинных и широких рукавов рясы выбиваются нарукавники поразительной белизны. «Вообще он щеголь». В его лекциях богословская истина оживлена «современным интересом». Он связывает богословие с философией, даже ставит богословие «глаз на глаз с философскими мнениями», не боясь, что окажется несостоятельным перед «мнениями философских голов». Сергиевский, поясняет Ключевский, «смело вышел против Фейербаха, закоренелого современного материалиста, отвергающего бога, душу и все духовное». Спорит профессор с Фейербахом «не по-евпсихиевски», ведь Евпсихий как критиковал таких философов? «Безумцы! — сказал бы он, не потрудившись даже узнать, в чем состоят эти безумства», раз они против религии — «ну и по морде их за это». Вот и вся критика. В Московском университете дело поставлено иначе. Но следует звонок, лекция Сергиевского кончилась. С небольшой кучкой студентов Ключевский спешит вниз, в маленькую комнату на лекцию по латинской стилистике. Профессор — старичок, немец, «безобразно нюхающий табак», читает лекцию по-латыни, и Ключевский полностью все понимает. Лекция прерывается латинскими вопросами профессора, идет стилистический разбор текста, Ключевский отвечает профессору по-латыни.

Опять звонок, опять большая аудитория — лекция по всеобщей истории. Входит третья знаменитость — Степан Васильевич Ешевский. С виду профессор невзрачен, похож на сморчок, слаб, худ, бледен, лет 30 с небольшим. Но читает Ешевский «прекрасно». Хотя тут же Ключевский спешит уточнить: «То есть содержание его чтений прекрасно, а выговор его не очень хорош. Он говорит тихо, слабым голосом, некоторые слова произносит с трудом. Но заслушаешься этого человека». Первокурсник поражен мыслью Ешевского о значении истории древнего мира для людей XIX столетия; оказывается, к древности сейчас обращаются для понимания современности «самые практические люди нашего века, как Наполеон III или торговые североамериканцы»²⁴. Ешевский уже прочитал восемь лекций и еще «не вышел из введения». Лекции Ешевского Ключевский также записывает, причем «особенно усердно»: он будет готовить в дальнейшем литографическое издание его курса. Звонок, 2 часа дня. Предстоит еще пятая лекция, профессор Герц читает предмет «совершенно новый» — историю византийского искусства. При этом разбирается вопрос о византийском влиянии на архитектуру русских церквей. Герц по наружности «молодец», здоровенный, красный (очевидно, румяный), лет 36—38 с виду. С ним Ключевский «познакомиться» успел, а «узнать» не успел, он это различает. Профессорами своими Ключевский гордится. Мы видим по переписке, как внимателен студент к содержанию лекций, как при этом не ускользает от него

и манера чтения, ораторское искусство профессора, характеризуется даже внешность и приблизительный возраст лектора. Все эти наблюдения понадобятся ему позже — в работе над собственным лекторским дарованием.

Университетский день прошел, начинается трудовой вечер. Он в письме к Холмовскому не описан, но по другим письмам Ключевского легко восстановить картину второй половины дня. Самые интенсивные занятия протекают дома. Иной раз по пяти часов подряд сидит студент Ключевский за чтением научной книги, иногда иностранной; подробно знакомится с «Эддой», много времени проводит за Геродотом, тратит часы на перевод «стихов 80 из «Илиады». Пригодилось ему знание древних языков — приходится читать первоисточники и по-гречески, и по-латыни (он горой за изучение древних языков в спорах с молодежью). Его притягивают источники и трудные монографии («История немецкого языка» Я. Гримма по-немецки). На первых курсах сильны филологические интересы, глубоко занимает филология, влекут иностранные языки. Читает он и по-французски, например работы Ренана. Но только два современных иностранных языка — немецкий и французский — этого мало. Надо знать еще английский язык и славянские тоже — чешский, болгарский. Да и без санскрита нельзя углубиться в вопросы языкознания: «Трудно резюмировать мои занятия, — пишет он П. Гвоздеву. — Черт знает, чем я занимаюсь. И политическую экономию почитываю, и санскритский язык долблю, и по-английски кой-что поучиваю, и чешский и болгарский язык поворачиваю, — и черт знает, что еще». По переписке видно, что Ключевский в курсе текущей периодики, читает журналы разных направлений — «Современник», «Отечественные записки», аксаковский «День». Книжные новинки и новые номера журналов в Москве достать легко, он в курсе научных новостей. Поздно ночью он «тушит свечу» (в Москве он при свечах!).

Но если бы вечера отдавались только занятиям наукой, какое это было бы счастье. Однако это невозможно: чтобы существовать, надо давать уроки. Их у Ключевского много, и они очень разные. Попадают уроки в культурных, состоятельных семьях, вероятно, сравнительно хорошо оплачиваемые. Мы знаем о более позднем репетиторстве в семьях Н. Милютина, С. В. Волконского, у богачей Морозовых и в ряде других. Но первокурснику не приходится выбирать — нужны деньги на жизнь. А. И. Яковлев со слов Ключевского рассказывает об уроке в семье лесничего в Сокольниках: за 15 руб. в месяц плюс стакан чая с куском хлеба Ключевский в дырявых сапогах, без калош шагает семь верст со своей Козиhi до Сокольников (конки туда нет), чтобы репетировать гимназиста — сына лесничего, и сверх этого какое-то время читать вслух лесничихе, хозяйке дома, бульварные романы. Возвра-

щаться приходится в темноте. На окраине города в Сокольниках можно встретиться с грабителями и хулиганами. Зная это, лесничий «успокаивает» студента: «Если на вас нападут, вы только скажите, что идете от меня. Тогда вас не только не тронут, но даже еще проводят». Грабителям ссориться с лесничим было невыгодно, он охранял в районе «порядок»²⁵.

Очень нужно добиться стипендии. Но стипендий тогда было крайне мало. Доставались они лишь «благонадежным» беднякам в результате строгих «состязательных испытаний». Из писем П. Гвоздеву и И. Европейцеву узнаем, что Ключевский успешно держал экзамен для получения стипендии (шесть испытаний) и получил пять пятерок и одну четверку (по греческому языку), что обеспечило ему стипендию со второго курса (первокурсникам стипендия не выдавалась, — на нее зачисляли лишь в результате успешного перехода с первого курса на второй). В конце 1862 г. было объявлено об установлении новых стипендий повышенного типа. Ключевский подал заявление ректору с просьбой допустить его до состязательного испытания «для перемещения меня с получаемой мною доселе стипендии на одну из новоучрежденных». Он и получил новую стипендию Министерства народного просвещения, — в «Сводном списке баллов студентов историко-филологического факультета за все четыре курса» мы видим его фамилию в числе «казеннокоштных» студентов, т. е. стипендиатов, которых на курсе было всего шесть. По среднему полученному им на всех университетских испытаниях баллу ($4^{23/31}$) Ключевский по успехам занимает среди стипендиатов второе место (первое принадлежало Александру Кирпичникову)²⁶.

Получение министерской стипендии, с трудом давшейся и крайне необходимой, усилило его замкнутость. Он был осторожен. Он думал иной раз одно, а говорил другое. В университете в те бурные годы было немало слушающих ушей; приобрести стипендию было трудно, потерять — легко.

4

Генеральное философское сражение в эпоху революционной ситуации конца 50-х—начала 60-х годов XIX в. началось как раз накануне поступления Ключевского в Московский университет и продолжалось в годы его учения. В центре битвы была работа Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», появившаяся в апрельской книге «Современника» за 1860 г. В ней изложены были основы материалистического философского мировоззрения, брошен вызов идеалистическим школам. Русский материализм говорил здесь полным голосом. Чернышевский пошел в бой на старые философские устои, заявил себя сторонником зрелой материалистической мысли.

Реакционный лагерь пришел в движение. Нападки противников на передового мыслителя ограничивались сначала рамками журнальной перебранки, не отражавшей еще всей идейной опасности, грозившей «устоям». Попытка организованной обороны, однако, не замедлила появиться в конце того же года и вызвала повышенное внимание и надежды защитников религиозно-философских бастионов идеализма. 1 декабря 1860 г. — довольно оперативно для того времени — появилась на свет враждебная Чернышевскому работа его противника и философского антагониста профессора Киевской духовной академии П. Д. Юркевича под заглавием «Из науки о человеческом духе». Опубликованное в «Трудах Киевской духовной академии» (1860, № 4), произведение это, рожденное в реакционно-церковной сфере, осталось бы, вероятно, достоянием духовных академий и семинарий, если бы условия острого идейного столкновения не сделали его знаменем в руках растерявшегося было реакционного лагеря: М. Н. Катков поспешил провозгласить творение Юркевича философским трудом эпохи и перепечатать его целиком в мартовской и майской книжках «Русского вестника» за 1861 г. «Современник» принял вызов и с большой оперативностью ответил Юркевичу, Каткову и иже с ними в июньской книге того же года. Блестящие, полные боевого духа статьи Н. Г. Чернышевского «Непочтительность к авторитетам» и «Полемические красоты (коллекция первая)», непревзойденные по остроумию, смелости и беспощадному разоблачению идейной несостоятельности противника, появились сразу в одной книге. Чернышевский подверг мировоззрение идеалиста убийственной критике. В философском сражении приняли участие Н. А. Добролюбов, М. А. Антонович, позже Д. И. Писарев и ряд других революционных демократов.

Бурная и острая полемика была известна Ключевскому, читавшему «Современник» и имевшему легкий доступ к публикациям духовных академий и «Русскому вестнику». В Пензе IV том «Современника» за 1860 г. с основной философской работой Чернышевского появился в мае—июне, когда Ключевский уже жил у Маршевых и готовился к экзамену в университет. В письме Гвоздеву от 27 января 1862 г. он вспоминает о работе Юркевича и о «курьезной» полемике с ней в «Современнике». «Не читал ли отзыв о ней Чернышевского в «Современнике»?» — спрашивает Ключевский своего корреспондента. Речь идет, конечно, о «Непочтительности к авторитетам» и «Полемических красотах».

Еще в семинарии противостояние идеалистической истины материализму доводилось до сознания не только среднего, но даже самого отстающего семинариста. Борьба идеализма с материализмом была усвоенным положением. Но развитой ум вникал в контрверзу, ища доводов. Сначала, разумеется, в пользу религиозного идеализма. Ключевского никогда не убеждали доказатель-

ства на уровне ума «кошачьего философа». Первые лекции Сергиевского в университете пленили было его именно тем, что профессор как будто спорил с Фейербахом на уровне современной науки. Но материализм, почерпнутый из первоисточника, представлял теперь перед сознанием юноши совсем иным. Очень многое дал «Современник». Боевой орган, учитель мировоззрения открывал на своих страницах перед молодым читателем целый мир философского материализма, логически проработанного и поддержанного современной научной аргументацией. Мало этого, материализм был раскрыт как обоснованная система, шел в бой, был воинствующим, и это понималось Ключевским. Он сам говорит — и именно в эти годы — о кризисе старого мировоззрения, вызванном материализмом. Что делать с прежними верованиями, «пока будешь рыться в истории да добиваться от нее ответа? Что делать с ними, пока продолжится настоящий кризис, вызванный материализмом?» Он сознает, что живет в «переходное время», когда «затрагивают и вызывают на суд критики все стороны жизни»²⁷.

Тема противостояния материализма идеализму занимает большое место в студенческой переписке Ключевского с семинарскими товарищами. Видно, что он еще далеко не порвал со старым мировоззрением, но уже предъявил ему новые требования в надежде, что идеалистическая система окажется в силах побороть противника и утвердить себя. Это не старая приверженность догме, это новая позиция. Она требует размышления и тем плодотворна. Она рождает повышенные запросы к философской аргументации профессора-богослова. Пока еще рано подводить итоги формирования мировоззрения, но религиозным оно не было. Студенческие письма Ключевского полны скептических соображений относительно колеблющихся в его душе старых верований.

Уже в первый месяц учения в университете Ключевский, несомненно, относит себя к тем, кто «косо взирает на богословие». Но он все же «нередко» после лекций Сергиевского делается вдруг, по собственному признанию, «детски религиозен, невзирая на 20 лет». В богословии он все же не в своей тарелке, он «дома» лишь в исторической науке²⁸. Позже Ключевский скажет, что религия «не потребность духа, а воспоминания или привычки молодости»²⁹. Сначала Ключевский подробно передает в письме другу лекцию Сергиевского о сущности религии, оговаривая, что своих мнений в изложение не включает. Но вот конец семестра — ноябрь того же 1861 г., и что-то существенно начинает меняться. Теперь уже подробно излагается не Сергиевский, а Фейербах. Ключевский читает в подлиннике «О сущности религии» Фейербаха, не довольствуясь пересказом из вторых уст. Он вникает в мысль материалиста о том, что «не человек создан по образу и подобию божью, а человеком творится бог по образу и подобию человека». Ключевский отлично знает, с кем имеет дело, он

заканчивает восклицательным знаком свои слова: «Фейербах — материалист и выдвигает на первый план природу, признаваясь, что ему не стыдно зависеть от природы и подчиняться ей как действительно существующему, а не произведению воображения!»³⁰ Правда, тут же бывший семинарист делает вывод: «Вот где опасность для христианства», вот чем бы заняться «всем теологам семинарий и академий, их преподабням и высокопреподабням», которые «лишь ругаются и знать не хотят, что делается подле». Но он, чувствуется, не помощник их преподабням в этом важном деле. В том же ноябрьском письме Порфирию Гвоздеву Ключевский считает необходимым проверить беспристрастно весь исторический ход христианства, «все равно, к чему бы ни повела эта проверка, хоть бы даже к отрицанию христианства»³¹. Их преподабня, конечно, на это не пошли бы.

Фейербах прочитан не напрасно: «Ты знаешь, что благодаря ревнителям псевдоортодоксии (он все же еще верит, что есть истинная ортодоксия. — М. Н.), которым любо было ловить рыбу в мутной воде, нас мистифицировали как дураков...» Дальше, призывая на помощь не кого иного, как Гейне, Ключевский вместе с ним воспекает «злейшего еретика» — ум человеческий, которого давно сожгли бы на костре, да вот только не горит он. Предчувствуя удивление корреспондента, он замечает: «Ты, может, удивишься, как это я, такой консерватор прежде, такой богомольный, дошел до такой либеральности в деле религии?...» Он сознается, что не хочет «делать ломку сломя голову», он прежде дорожил «своими верованиями, вынесенными из детства», но теперь «увидел в них так много фальшивого, что и истинное сделалось сомнительным». Он просит считать себя человеком, «ищущим истины», не более. Это замечательное ноябрьское письмо — веха на пути развития его мировоззрения — кончается словами: «Кланяйся всей семинарии и скажи, что я ей желаю лучшего, чего можно пожелать, — свободы мысли»³². А начинается это письмо печальной вестью: «На днях умер в Москве Добролюбов, сотрудник «Современника» по отделу критики. Эта потеря стоит того, чтобы пожалеть о ней во глубине души. Прочти на память об нем его «Темное царство» в «Современнике» года за два назад: увидишь, что был за человек! Семинарист он был и умер от чахотки»³³.

Философские сражения в университете тем временем получили дальнейшее развитие. Побежденный идеализм подготовил арьергардный бой. Как только Катков «выдвинул» П. Д. Юркевича, университетское руководство, только что потрясенное невиданными ранее студенческими выступлениями, поспешило схватиться за новоявленного философа как за спасательный круг. Ясно было, что недостаточно посадить студентов под арест, изгнать из Москвы «зачинщиков» студенческого движения, надо принять еще и меры идеологического воспитания. Новый профессор философии был

извлечен из безвестности Киевской духовной академии и, превознесенный до небес реакционной прессой, с торжеством передвинут в Москву на кафедру философии. Таким образом, линия борьбы воинствующего материализма Чернышевского с российским реакционным идеализмом прямо прошла через Московский университет, и борьба эта развернулась на глазах Ключевского.

Письма Ключевского Гвоздеву — любопытный документ этого события. На первые две лекции Юркевича Ключевского, правда, не пустили, у него не были уплачены деньги за право учения во втором семестре 1861/62 г. Но он сумел наскрести нужные рубли и попал на третью лекцию. Его глазам представилось невиданное зрелище. Все высшее начальство и реакционные профессора сидели в аудитории и слушали новоявленную знаменитость, даже богослов профессор Сергиевский отменил собственные лекции во вторник (совпадавшие с часами чтения Юркевича) и восседал в первом ряду слушателей, прямо против кафедры лектора, рядом не с кем иным, как с Б. Н. Чичериным. Юркевич являлся в сопровождении целой свиты — попечителя университета, ректора А. А. Альфонского и других начальников: для «высоких посетителей» ставились особые стулья. По описанию Ключевского, на кафедре появлялся маленький смуглый человек лет 35, с широким выдающимся ртом, в густых синих очках, с перчаткой коричневого цвета на левой руке. Он медленно раскланивался и начинал говорить «экспромтом, с сильным хохлацким акцентом»³⁴. Ключевский подробно излагает лекцию Юркевича, превозносящую идеализм над материализмом (или «реализмом», как предпочитает называть его лектор). Однако Ключевский не довольствуется этим. Любопытно, что в следующем письме он описывает не только лектора и его лекцию, но и то, как слушает его аудитория. Он делит слушателей на три разряда: к первому относятся те, которые так «пялят глаза на лектора», будто хотят «проглотить вместе с лекцией профессора», выстраивают «глаза во фронт». Другой разряд относится к лекции скептически — слушатель этого типа будто говорит: «Гм! Мы это знаем, нас не проведешь, нам это знакомо, а, впрочем, что же не послушать». Третий — узколобые, ничего не понимающие, головы которых «от роду не осенялись присутствием своей мысли»; этот разряд «лоб воротит, а ничего нейдет»; эти слушатели охарактеризованы как «туполобые любители классиков»³⁵. Отсюда видно, что усилия начальства, пытавшегося воздействовать лекциями Юркевича на только что волновавшийся студенческий народ, не увенчались успехом, слишком уж по-разному слушали студенты новоявленное философское светило, призванное идеалистически перевоспитать их и убедить в ложности «реализма».

Естествен вопрос: к какой же группе слушателей Юркевича относит себя Ключевский? Он сам задает этот вопрос, но отвечает

с хитрецей: ««Бог е знает», — как сказал бы мужик.» Ясно, однако, что он не относит себя к «выстраивающим глаза во фронт». Он надеется, что корреспондент не отнесет его и к третьему разряду — к туполобым любителям классиков. Остается как будто только один разряд — второй, скептический. Есть заключение: «Славные лбы можно встретить, многообещающие, не одни классические с трудно поднимающимися очами»³⁶.

Какова же в этот момент философская позиция Ключевского в споре идеализма с материализмом? В кругу каких философских явлений осознает он этот спор? Он обдумывал эту проблему в рамках противопоставления религиозно-богословской системы, с одной стороны, материалистического мировоззрения Чернышевского и Фейербаха, — с другой. Два упомянутых идеолога — крайне левый фронт для Ключевского, дальше этого его осведомленность, видимо, не простирается. Герберт, Бюхнер, Мошотт дополняют, но не расширяют его понимание материализма. Мы видим, что Ключевский пришел на лекции Юркевича достаточно вооруженный, уже после знакомства с Чернышевским и Фейербахом. Он по-новому оценивает старые авторитеты: напротив Юркевича «как раз уселись будто нарочно Чичерин и Сергиевский, эти два великие софиста нашей науки»³⁷. В этой выразительной ремарке звучат новые, скептические ноты.

Хотя Ключевский колеблется и думает медленно, но в споре идеализма с «реализмом» он явно тяготеет к последнему. Особенно любопытна в связи с этим критика исторической концепции Гегеля, содержащаяся в письмах первокурсника. Гегеля Юркевич особенно рекомендовал своим слушателям: его идеалистическая система будто бы «лучше всех истолковывает, осмысляет историю человечества»³⁸. Передавая в письме П. Гвоздеву эту оценку, Ключевский не смог остаться спокойным и, прервав пересказ лекции, замечает, что никак не может согласиться с такой схемой, в которой некий вечно присущий истории высший разум ведет человечество «к не менее умной цели». Что же остается тогда делать человеку? Сложить руки чуть ли не «по-магометански» и все предоставить некоему «разумному началу, движущему историей»? Прогресс, таким образом, сам по себе обеспечен. «Не правда ли, как легко и как блестяще? Но под этой наружностью... лежит мертвящая доктрина»³⁹. Ключевский решительно восстает против гегельянской схемы. Гегель, по его мнению, «скомкал историю» и произвольно, «по-своему начертил программу для прошедшего...» Он ловит фактические ошибки в гегельянской схеме и решительно критикует всю возникшую в науке гегельянскую историческую школу, пахнущую «магометанским фатализмом». Положение о том, что все существующее разумно, вызывает его решительный протест, сопровождаемый острым замечанием по адресу Соловьева, который «оправдывает же и даже защищает москов-

скую централизацию с ее беспардонным деспотизмом и самодурством»⁴⁰. Многозначителен следующий за этим выводом намек: «Предоставляю тебе додумать остальное». Ключевский полагает, что «мертвящий фатализм» гегельянства и был одной из главных причин, «заставивших так скоро стащить на кладбище гегелевскую систему»⁴¹.

В самом начале второго семестра первого курса в переписке заметны и признаки религиозного перелома. «Сергиевский. . . неистовствует еще о сущности христианства. Нечего делать ему! А когда-то ведь я его защищал. Каюсь, да мало ли в чем я теперь каюсь!»⁴² — пишет Ключевский 14 февраля 1862 г.

Весной 1862 г. Ключевский — не впервые ли? — не идет в церковь на пасхальную заутреню, черта для бывшего семинариста примечательная. А 17 марта 1862 г. в переписке опять резко отрицательная оценка Сергиевского: «Он нас на кафедре надувает, морочит, как баб деревенских коробейник, выкладывает им свои гнилые, но подкрашенные новейшей краской товары и говорит, что первый сорт, самоновейший. . .» «Надоела эта приторная, бабья, неприличная на кафедре толковня. . .» И в конце того же письма характерный постскрипtum: «Каковы по тебе «Отцы и дети» Тургенева во втором номере «Русского вестника»?» Прочти, пожалуйста. Ведь там — мы, наше поколение, самоновейшее, значит»⁴³. Вдумываясь в эти строчки, нельзя не прийти к выводу, что, сильно отойдя от Адуева, Ключевский, конечно, не дошел до Базарова, но двигался все же по пути к нему, а не обратно. При этом выискивал свои обходные тропы.

В том же ключе некоторые неожиданные биографические детали из письма от 14 июня 1862 г. И. В. Европейцеву, которому Ключевский лишь недавно брался составлять церковные проповеди: «В Успенском не был ни разу (зачем?), Филарета не видал и не хочу видеть; в Кремле два раза мимоходом, в церкви вообще два раза — в ноябре да на пасху как-то, к концу. . .»⁴⁴ Под «Успенским», разумеется, конечно, Успенский собор в Кремле, под Филаретом — митрополит Филарет — глава духовный, автор «Катехизиса», любопытная фигура для семинариста, высший авторитет в церковных делах. . . Все эти философские раздумья Ключевского, полные внутреннего конфликта и колебаний, далеко не ограничиваются рамками теоретических размышлений. Они слиты с глубокими душевными эмоциями, требованиями к себе, поисками жизненной цели, активного действия. Они — органическая часть жизненной позиции человека.

Именно к этому времени относится одна в какой-то степени загадочная дневниковая запись Ключевского большой остроты и силы, сделанная только для себя. Степень ее достоверности наивысшая — Ключевский не стеснен тут ни особенностями адресата, ни требованиями цензуры, ни ухом информатора, слушающего

студенческую беседу в университетском коридоре. 9 марта 1862 г. первокурсник Ключевский бьется над вопросом выбора жизненного пути. Принадлежать науке или общественной борьбе? Совесть велит идти самоотверженно на борьбу, вместе с передовыми борцами делать назревшее в стране дело, рискуя собой, а не уходить в науку. Он остро чувствует это как требование совести. Колебаться нельзя: «Жутко стоять между двух огней. Лучше идти против двух дул, чем стоять, не зная, куда броситься, когда с обеих сторон направлены против тебя по одному дулу». Иной раз ему хочется «безотчетно и безраздельно отдаться науке, сделаться записным жрецом ее, закрыв уши и глаза от остального, окружающего, но только на время». Замечательны эти три последние слова. Почему же «только на время»? Стало быть, основной вопрос выбора уже все-таки решен — и не в пользу науки? «Только на время», потому что нужно должным образом подготовиться к деятельности, «понабраться нужных запасов», без которых деятельность не будет полноценной. Он хочет хоть на время «замкнуться». «Но стоит заглянуть в какой-нибудь из живых, немногих наших журналов, чтобы перевернуть в себе эти аскетические мысли»: в самом деле, жизненные вопросы рождены реальностью, они всеобщи, достигают самых глухих углов, «неотступно, со всей силой тянут к себе эти вопросы, глухо, но сильно раздающиеся из-под маскированной, а подчас и немаскированной речи...» Тут громко говорит совесть: «Стыдно оставаться глухим при этом родном споре, стыдно не знать его...» Конфликт трудно переносим: «Лучше бы что-нибудь определенное скорее. Энергии, и без того небольшой, много пропадает в этих болезненных метаниях из стороны в сторону»⁴⁵.

Как же все-таки представляет себе Ключевский в своих «метаниях» реальную расстановку сил в России времени революционной ситуации, в годы которой он сам живет, размышляет, мучится? Он отчетливо, болезненно резко чувствует наличие в России противоборствующих общественных лагерей. Надо примкнуть к определенному лагерю, иначе нельзя. А ведь он знает многих людей — «людей мысли и знаний, небезызвестных в литературе», эти люди «иногда пустят сильной фразой», даже «мыслью о современном положении, но они как-то изолированно стоят, говорят, но не хотят возвести своих слов в живой принцип, в твердое верование, неотступно влекущее к делу». Они будто без лагеря, а как действовать теперь, не принадлежа к какому-нибудь лагерю?

Знает ли Ключевский о наличии в России 1861—1862 гг. революционной организации, о «Земле и воле», действующей не только в столице, но и далеко не в одном, а во многих «далеких уголках Руси»? По-видимому, пока нет: «Отчего все, кому следует хоть по ремеслу, не соединятся в дружный протест и не заявят решительно, что все стоят за дело правды?» Но о людях, отдающих

себя общественной борьбе, он что-то знает: «Ведь есть же и у нас люди, но их немного, которые принялись за свое слово, как за жизненное дело, как за святое верование, как исповедники первых веков христианства». Он полагает, что у этих людей «пока еще все дело ограничивается словом, но это слово — жизнь, оно бросает в энергическое одушевление и дает силы и средства к делу»⁴⁶. Он обзывает себя в конце записи «недорослем», которого еще нельзя выпустить на волю, «потому что не выучил урока». Ему остается «только урывками» прислушиваться «к подземной работе зиждательных сил жизни». Сократив, оборвав фамилию Аполлона Григорьева (Григ...), чьи слова он тут цитирует, Ключевский опять возвращается к лейтмотиву совести мыслящего человека: «А энергия и добросовестность уходит, и сам чувствуешь, что делаешь с собой нечестную сделку...» На этом дневниковая запись 9 марта 1862 г. обрывается...⁴⁷

Эти метания были в годы революционной ситуации тяжелой личной драмой Ключевского. Он, видимо, уничтожил немало документов этого времени, нет писем к нему Гвоздева, нет посланий и других семинарских товарищей за эти годы, но цитированные дневниковые записи сохранились. Вероятно, они были ему очень дороги, важны для него.

Мы, видим, таким образом, что Ключевский в пору своего университетского учения двигался влево — от старых религиозно-идеалистических позиций, уже поколебленных, но еще не изжитых в семинарии, к новым, фейербаховским. От идеализма он двигался к материализму, до которого он хотя и не дошел, но все же был на пути к нему. Как историк, он открыл для себя тему о народе и его роли в истории на лекциях Буслаева, из чтения передовой литературы 60-х годов с «Современником» во главе. Но историко-юридическая школа с ее идеалистической концепцией исторического процесса стояла тогда перед ним еще не взятой цитаделью. С обостренным мучительным чувством искал он разрешения российских социально-политических вопросов и своего места в общественной борьбе эпохи. Он не нашел в себе сил перейти на сторону революционной демократии. Процесс внутренней борьбы и исканий не привел его «в стан погибающих за великое дело любви», говоря словами Н. А. Некрасова. Но в лагере «ликующих, праздноболтающих, обагряющих руки в крови» также не увидели Ключевского. Он остался «между двух огней», на развилке путей, «против двух дул». Он медленно созрел, все еще взвешивая «за» и «против» борющихся лагерей, существование которых все глубже воспринималось им. Старые подпоры идеалистического мировоззрения шатались, рушились... Поиски пути продолжались.

Перейдя на второй курс и нуждаясь в уроках, Ключевский на лето 1862 г. получил работу репетитора в семье видного зем-

ского деятеля князя С. В. Волконского, с которой сохранил близкое знакомство и в последующие годы. Он оказался, таким образом, в обстановке формирующегося либерального земского движения, познакомился с деятельностью мировых посредников, был свидетелем и участником разговоров о ходе реализации крестьянской реформы, только в прошлом году обнародованной, слышал рассказы о крестьянской борьбе, настроениях в деревне и позициях дворянства. «Часто вижусь с мировыми посредниками, слушаю о крестьянских делах», — пишет Ключевский П. Гвоздеву.

Сохранившиеся архивные материалы неравномерно освещают студенческую жизнь Ключевского, первые курсы обрисовываются перед нами куда подробнее последних. Но все же можно заметить, что общение его с товарищеской средой постепенно расширяется, растет круг личных знакомых и друзей. В их числе будущий видный болгарский деятель Тодор Павлов, одновременно с ним поступивший в университет на историко-филологический факультет. Кружок петербургских студентов, приехавших в Москву в связи с закрытием столичного университета после событий 1862 г., вскоре включил в себя и москвичей — Ключевского, А. И. Кирпичникова. Тут Ключевский встречается с юристами А. Ф. Кони, Гизетти, с Н. Н. Куликовым и др. Как вспоминает Кони, Ключевский, скромный и обычно молчаливый, овладевал всеобщим вниманием, когда брал в кружке слово по вопросам истории или искусства. Кони помнит, что его уже тогда интересовали социальные процессы, причем мысль его всегда шла вглубь, доискиваясь причин явлений. Юристов в их практике интересовал раскол. Ключевский, объяснив им его исторически, посоветовал отправиться как-нибудь великим постом в воскресенье в Кремль, «потолкаться между народом перед соборами» и послушать свободные прения раскольников с православными, что и было ими осуществлено и многое дало для понимания староверов.

Начиналась работа на последнем курсе исторического факультета, а с ней появился и первый его научный труд — студенческое сочинение, увенчавшее его учение в университете и открывшее ему путь в науку.

5

Первая монография Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» является «кандидатским сочинением», написанным студентом четвертого (последнего) курса Московского университета. Сочинение было представлено факультету в конце 1864/65 академического года «для получения степени кандидата по историко-филологическому факультету». Аттестат, свидетельствовавший о получении этой первой ученой степени, выдан Ключевскому 25 июня 1865 г.⁴⁸ Как известно, степень кандидата при-

сваивалась лучшим студентам, кончавшим университет и представлявшим при окончании письменную работу. Защиты кандидатской диссертации, в нашем понимании, тогда не происходило.

Кандидатская тема утверждалась факультетом, и студент располагал для ее написания лишь годичным сроком: таким образом, Ключевский мог потратить на свое первое исследование только один учебный год, да и то посещая одновременно текущие лекции и сдавая экзамены. Надо признать, что он успел проделать огромнейшую работу, проявив чудеса трудоспособности. Сочинение было высоко оценено — его признали достойным к опубликованию в «Известиях Московского университета», где оно и появилось в следующем 1866 г.

В бурные 60-е годы, кипевшие общественными событиями и борьбой идей, тема «Сказания иностранцев о Московском государстве» звучала довольно мирно и с первого взгляда казалась не имеющей никакого отношения к столкновению общественных и научных течений. Начинался спад общественного движения, революционная ситуация исчерпала себя, так и не перейдя в революцию; вожди революционной борьбы были арестованы и осуждены, реформы вроде бы шли своим чередом, но наступало явное затишье после открытой, ожесточенной борьбы. «Сказания иностранцев» вводили в XV—XVII вв.: они более всего говорили о быте и нравах далекого прошлого, о древних дипломатах, о тогдашних приемах в Кремле, о географии и экономике давнего времени. Но, беря тему в аспекте общественно-научного столкновения идей середины XIX в. — современности, в которой жил, учился и самостоятельно работал над научной темой кончающий университет студент, вдумываясь в причины самого возникновения темы, мы замечаем, что она звучит по-западнически, а не по-славянофильски. Борьба между этими течениями в общественных науках того времени еще не потеряла своей остроты, хотя и велась преимущественно в довольно узкой общественной сфере российского либерализма. Для более радикальных кругов это идейное столкновение отодвигалось другими общественными проблемами, поставленными русским социализмом и народническим движением. Но тем не менее работа Ключевского тесно связана с идейным движением его эпохи, темой сравнения России и Запада. Вопрос об уровне развития той и другого был тогда на первом плане размышлений не только у консерваторов и либералов, но и у революционных народников. На Западе давно не было крепостного права, в России оно только что пало на глазах поколения Ключевского. Тема об отсталости страны и ее своеобразиях по сравнению с другими была не только проблемой науки, но и вопросом мировоззрения. Работа молодого автора ответила на потребность изучить эту тему целым морем фактов, отчетливо систематизированных и прекрасно изложенных, и множеством интересных

соображений. Таким образом, избранная Ключевским тема внутренне связана как с его эпохой, так и с нуждами науки того времени.

Тема Ключевского не была вполне новой в научной литературе. Источники его работы — записки иностранцев Барбаро, Контарини, С. Герберштейна, Ченслера, Поссевина, Горсея, Флетчера и др. — были в основном известны и использовались историками России задолго до сочинения Ключевского. Н. М. Карамзин основал целую главу своей «Истории государства Российского» на свидетельствах Герберштейна. С. М. Соловьев, учитель Ключевского, широко цитировал Дж. Флетчера, С. Герберштейна, А. Олеария, Дж. Горсея, ссылаясь на С. Коллинза, Дж. Маржерета и других авторов. Н. Костомаров широко использовал свидетельства иностранцев в трудах, вышедших ранее «Сказаний» Ключевского. Существовала и некоторая исследовательская литература о свидетельствах иностранцев о России, которую необходимо было учесть. Это приходится подчеркнуть, потому что историография вопроса отсутствует в работе самого Ключевского, и неподготовленный читатель легко сочтет его первооткрывателем. В советской литературе уже предложен неправильный вывод, будто для того времени работа Ключевского — «первый и единственный труд» обобщающего характера о сказаниях иностранцев о России⁴⁹.

Это, конечно, не так. Важнейшим предшественником Ключевского в этой области является К. Мейнерс (С. Meiners) — автор двухтомной немецкой работы, изданной в Лейпциге в 1798 г. и основанной на изучении свидетельств побывавших в России зарубежных путешественников. Это солидное исследование, открывающееся большим вводным отделом источниковедческого характера, который содержит перечень и критический анализ каждого привлекаемого источника и далее строит изложение, как и у Ключевского, по отдельным проблемам. В первом томе Мейнерса в семи обширных отделах рассматриваются размеры и границы Российского государства, соседи России в XVI—XVII вв., климат страны и ее природные свойства. Внешнему виду, общему облику русских и их представлениям о красоте человека отведен особый отдел; далее рассмотрены природные дарования, способности и образование населения страны, нравы и обычаи русских. Выделен и рассмотрен вопрос о государственном управлении. Во втором томе изучаются сословия России, различие в их положении и правах, военное дело в Русском государстве, двор и придворный церемониал русских царей. Особый очерк посвящен положению женщин, свадебным обычаям, бракам, разводам. Выделена тема о пище — яствах и питиях русских, о жилище и домашних порядках. Играм, забавам и увеселениям отведен особый очерк, также — русским законам и наказаниям. Тема о церкви и религии по ска-

заниманий иностранцев завершает второй том. Замысел автора — всюду провести сравнение прежнего и нового положений России — выполнен, правда, далеко не по всем отделам работы, но при этом усилено внимание автора к древним временам. Труд Мейнерса снабжен большим аппаратом ссылок, в нем производится критическое сопоставление приводимых свидетельств иностранцев, дано множество цитат из изучаемых подлинников⁵⁰.

Ключевский, как видно из его беглых и редких ссылок на Мейнерса, знаком с его работой, что не составило для него особого труда: немецким языком в чтении он, как мы знаем, владел вполне. Труд немецкого исследователя, несомненно, оказал ему существенную помощь. Хотя принцип построения «Сказаний иностранцев» у Ключевского тоже тематический, а не источниковедческий (не по авторам записок и их рукописям и первопечатным текстам), но в целом структура работы и освещение проблем у него свои, оригинальные, авторские.

Другим предшественником Ключевского — и весьма значительным в историографическом отношении — был Фридрих («Федор») Аделунг, исследователь, считавший Россию своей второй родиной и посвятивший всю жизнь изучению свидетельств иностранцев о России. Он начал работать одновременно с Н. М. Карамзиным и в какой-то мере учитывал замысел последнего: Ф. Аделунг полагал, что Карамзин будет основываться на русских источниках, а он, Аделунг, параллельно будет освещать в основном ту же тематику по иностранным источникам. В этом отношении он считал свою работу связанной с трудом Карамзина, параллельной ему. Перу Аделунга принадлежит ряд работ по избранной проблеме — смерть помешала ему довести до конца свой обширный замысел, задуманный в плане широких итоговых обобщений. Но многочисленные материалы, подготовленные им для этой работы, изданы и поражают объемом и выдающимся трудолюбием. Иждивением российского государственного канцлера графа Н. П. Румянцева они были в значительной мере изданы на немецком языке и удостоены в 1845 г. русской ученой награды — большой Демидовской премии. В 1848 г. Общество истории и древностей российских издало работу Аделунга на русском языке в переводе А. Клеванова⁵¹.

В труде Аделунга одно за другим, по отдельности, разобраны и характеризованы свидетельства иностранцев о России, в силу чего к этой огромной работе иногда применяется определение «библиографической» сводки, что далеко не точно. Правильнее назвать ее источниковедческим исследованием. В тексте Аделунга рассматриваются вопросы о наличии и местах хранения рукописей иностранцев, приводятся многочисленные биографические данные о путешествовавших по России авторах «Записок», очень подробно анализируется содержание каждого отдельного памятника, причем

запись об этом нередко перерастает из краткой аннотации в обширный очерк, далеко не просто «библиографического» характера. Особо подробно разбираются выдающиеся авторы, например, характеристика и разбор мемуаров К. Буссова занимает 40 страниц. Есть и краткие комментирующие тексты в тех случаях, когда вообще не было достаточно материала или работа Аделунга над данным автором осталась незавершенной. Проявлен всюду интерес к источникам сведений иностранцев. При наличии подлинника анализируются даже почерк и бумага рукописного текста. Так, при изучении документального материала Антонио Поссевина (1581—1582 гг.) Аделунг останавливается не только на характере почерка полученных Поссевином грамот, но даже на типе бумаги и особенностях шрифта⁵². Труд Аделунга также был известен Ключевскому и цитировался им.

В русской научной литературе до работы Ключевского существовали статьи об отдельных иностранцах, оставивших свидетельства о России; этот тип исследований появился вовсе не «после» выхода в свет работ Ключевского, как иногда полагают. Так, еще в 1818 г. вышла в свет работа Ивана Лобойко о Герберштейне, скромно названная им «извлечениями» из Аделунга, однако содержащая и ряд авторских выводов, чего нельзя, например, сказать о появившейся в 1845 г. публикации профессора Московского университета Ив. Снепирева «Об иностранных посланниках в России», которая является лишь переводом текстов из записок принца Бухау⁵³. Ю. Толстому принадлежат две специальные работы, вышедшие до сочинения Ключевского: «Сказание англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия» (1859) и «Флетчер и его книга „О Русском государстве при царе Федоре Иоанновиче“»⁵⁴.

6

Все эти соображения ничуть не умаляют значения первой научной работы Ключевского, написанной в последний год студенчества, и никак не ставят под сомнение выбор его темы. Она была вполне законна и хорошо выбрана для начинающего ученого. Она имела и специальную литературу и ясно очерченный круг источников. Вместе с тем она была очень трудна, ее надо было основать на непосредственном знакомстве со сложными подлинниками на различных иностранных языках, в том числе на латинском.

Отсутствие историографического освещения избранной темы — любопытная черта работы Ключевского. Она присуща научной литературе эпохи, большинство историков обходилось тогда без этого, может быть, считая возможным подразумевать обстоятельное знакомство специалистов с литературой вопроса. Историографический подход к проблеме не был еще прочно усвоен и не вошел

в научные традиции как обстоятельное требование. Неудивительно, что и Ключевский совсем не остановился на историографии темы и ограничился тремя-четырьмя беглыми и вполне частными ссылками на Мейнерса и Аделунга. Источниковедческая сторона вопроса также не оказалась в центре его внимания, можно допустить естественное объяснение — он, очевидно, счел эту сторону дела уже выполненной Аделунгом⁵⁵.

Стройная тематическая систематизация конкретных сведений, содержащихся в «Сказаниях иностранцев» о России, предстала перед молодым автором как первая очередная задача. Ключевский, видимо, немало бился над нею. Вчитываясь в страницы исследования, легко улавливаешь раздумья над критерием отбора материала по главам и колебания автора, особенно в середине работы. Главный «герой» повествования Ключевского — «наблюдательный европеец», впервые посещающий Московское государство и с любопытством схватывающий, со своих, конечно, позиций, черты новой, еще неведомой ему страны. Повествование Ключевского ведется в этом ракурсе, это принято за композиционный стержень. Такой подход дает чрезвычайную свежесть и живость изложению. Вот «наблюдательный европеец», чаще всего посол, попадает в «пределы русского племени» (!) и «Московской государственной области» — это тема главы первой. Изложение отражает представления и новые впечатления вступающего в страну иностранца. Он въезжает в Московию, у него копятся впечатления о ней, они соединяются с ранее имевшимися сведениями, пополняя их и корректируя новыми данными. Прежние, почерпнутые из книг и устных рассказов бывалых людей, его предшественников, дополняются притоком новых наблюдений. Эта глава, как, впрочем, в основе своей и остальные, всецело построена на впечатлениях и утверждениях иноземных гостей, не содержит каких-либо сопоставлений и взаимных проверок с русскими источниками. Автор и не ставит перед собой задачи таких сопоставлений. Вот, наконец, иноземец доехал до столицы, впервые увидел ее — открывается тема второй главы исследования «Прием иностранных послов в Москве». Сюда включаются и ближайшие, предшествующие приему впечатления и события — обобщающий итог трудностей проделанного пути и дорожного быта, самого въезда в Москву, встречи посла с высланными к нему представителями царского двора, толпа на улицах. Далее, естественно, рассказано, как посольство расположилось на квартирах, как ожидало приема у царя, как, наконец, было принято. Изложение насыщено конкретно зримыми образами. Московские необыкновенности и чудачества, с точки зрения иностранцев, раскрываются автором в их исторической сути и оказываются то проблемой государственного престижа, то целесообразностью, поясняемой историческим смыслом московских обычаев.

Следуют три главы, систематизирующие дальнейшие впечатления, ежедневно получаемые иностранцем от московского столично-государственного быта. Это прежде всего «Государь и его двор» (гл. III), для общения с которым прибыл и где принимается иностранный посол; «Войско» (гл. IV), «Управление и судопроизводство» (гл. V) обобщают существенные для посла стороны государственной системы, с которой он встречается, а следующая глава «Доходы казны» отвечает на вопрос, на какие средства существует все только что перечисленное. Тут, собственно, и обрывается логически задуманная и последовательно проведенная линия единого образа посла — путешественника, едущего по России, приехавшего в Москву, принимаемого в столице, изучающего со своих позиций Москву и московскую государственную систему. Однако далее художественная композиция первых шести глав перестает вмещать скопленный автором конкретный материал. Новые темы требуют освещения, и последующее изложение теряет основного «героя». Прервав принятую последовательность рассказа, Ключевский как бы заново начинает систематизировать свой материал. Довольно неожиданно после рассмотренных тем — войска, управления, судопроизводства страны и доходов ее казны — следует гл. VIII «Почва и произведения». Это не совсем ясное заглавие касается того, что Ключевский в другом месте называет «материальными средствами страны» и что отчасти приближается в нашем научном языке к понятию производительных сил. Далее следуют главы «Народонаселение» (гл. IX), «Города» (гл. X), «Торговля» (гл. XI) и «Монета» (гл. XII и последняя). Никакого заключения, общих выводов, в сочинении нет, фраза о медной монете, вошедшей в обращение наряду с другими нововведениями в денежной системе только в царствование Петра I, обрывает изложение. Новый критерий отражает явный интерес молодого Ключевского к экономической проблематике и говорит о внимании молодого автора к новым веяниям в исторической науке: хозяйственная жизнь страны берется как самостоятельная проблема.

Но в ярком конкретном повествовании о Московском государстве XV—XVII вв., сотканном из показаний иностранцев, молодой Ключевский встретился с множеством общих проблем истории России, отношение к которым выявляет его концепцию. Тут сказалось во многом и воздействие историко-юридической школы. Проблема государства, государственная жизнь неизменно привлекают его внимание. Он следит за темой развития государства, за постепенным усложнением аппарата государственного управления, отраженным в показаниях иностранцев, оперирует понятием «потребности государства». История «установления государства» — его критерий, «государственность» — основная сила, важно, как «государственное начало» делает успехи. В соответствии с концепцией своих учителей С. М. Соловьева и Б. Н. Чиче-

рина Ключевский следит за темой перехода «от дружинного порядка к чисто государственному»⁵⁶. Прямые ссылки на С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина в этой ранней работе Ключевского достаточно выразительны: их не так много, но стоят они все в принципиальных пунктах изложения⁵⁷. Неоднократно всплывает и соловьевский тезис о России как о стране, которая колонизируется. Ключевский упоминает «постоянное стремление государства, которого исторические условия принуждали двигать свое население все далее и далее на северо-восток, занимая и колонизуя пустынные пространства северо-восточного угла Европы и Северной Азии»⁵⁸.

7

Все эти соображения не позволяют согласиться с М. Н. Покровским, расценивавшим «Сказания» В. О. Ключевского как книжку «чисто описательную, не стремящуюся ни к каким обобщениям»⁵⁹. Обобщения, конечно, в ней были. И прежде всего ими являлись устоявшиеся положения историко-юридической школы, повторенные молодым историком с полным убеждением в их исторической правоте. Однако рядом с ними пробивались и новые мысли, еще не включившиеся, однако, в его основную схему, — значение экономических явлений.

В характеристике самодержавия молодой автор, подробно приводя десятки ярких конкретных черточек облика царя, приемов послов, пиров, застольных речей, поведения, обычаев царя и царского двора, также останавливается на процессе централизации самодержавного государства, стягивающего к себе земли, и на стремлении страны к «расширению своих пределов». Вопросов о классовом существе самодержавия не ставится — идеалистическая концепция историко-юридической школы не требовала этого. Считалось, что проблема власти характеризовалась «изнутри» (централизация) и «извне» (расширение пределов), — этого было достаточно. Вчитываясь в строки общих положений о самодержавной власти в России, мы замечаем некоторые черты новизны в своеобразно «демократических» оттенках обобщения: автор иной раз сопоставляет (отрицательно) московское управление с «демократическими порядками» и с критерием буржуазного «правового государства» — то, что до конца жизни остается существенным элементом концепции Ключевского. В этой связи упоминание о «страшном образе Ивана IV» носит в тексте молодого автора уже не «карамзинский» характер⁶⁰. Антисамодержавная тенденция слегка сказывается в этом молодом, студенческом произведении: иностранец никак не мог понять, «дикость ли народа требует самовластия государя или от самовластия народ так одичал и огрубел»⁶¹; сам автор, видимо, склонялся к последнему, и это чувствовалось между строками. Термин «классы общества» иногда также возни-

кает в тексте: «Не все классы общества имели одинаковое значение перед законом, по крайней мере в его приложении: показание одного знатного, по словам Герберштейна, имело больше силы, нежели показание многих простолюдинов»⁶². Мысль об отсталости России, ее социального строя по сравнению с Западной Европой также в числе предпосылок автора. Иностранцы полагают, что в Европе многое «лучше», более цивилизовано, чем в Московском государстве. Ключевский, хотя и стоит в общем в это время на «западнических» позициях, понимает данный вопрос глубже: по мерке западных государств «Московия, разумеется, оказалась далеко не состоятельной», но иностранные путешественники ошибочно приписывали дряхлости и известному упадку признаки, свойственные молодости страны; «недостатки неразвитого молодого государства объясняли причинами, которые действуют в государствах изжившихся и дряхлеющих. Эта неправильная точка зрения не позволяла им видеть именно ту сторону государства, которая могла дать более просторное и естественное объяснение многих явлений, так неприятно поразивших в нем наблюдательного европейца»⁶³.

Русские тех веков, по мнению Ключевского, были в такой весьма первичной стадии развития, что даже якобы не могли познавать себя сами, не имели потребности «обсудить свое прошедшее и настоящее, разобраться в гуде всего, что сделано в продолжение веков». Россия того времени, по мнению Ключевского, не могла себя наблюдать, ее наблюдали иностранцы! Тут, несомненно, усвоение молодым автором устоев гегельянского учения о стадильности самосознающей себя идеи и симбиоз этой концепции с органической теорией Спенсера о прохождении народов через человеческие «возрасты»⁶⁴.

Таким образом, в первой монографии Ключевского при сохранении ряда положений историко-юридической школы есть и немало индивидуальных исследовательских черт, говорящих о его продвижении вперед: интерес к демократическим формам государственной жизни и признание их преимуществ, нащупывание пути к понятию «общественных классов». Интересно особое внимание к экономической теме, что позже пленило в этой работе М. Н. Покровского, который советовал знакомиться со «Сказаниями иностранцев о Московском государстве» всем историкам-марксистам. Но при всем этом нельзя забывать, что сельское хозяйство берется в работе Ключевского вне проблемы труда земледельцев, крестьян. Нигде в книге не выделен вопрос об их зависимости от господ, о крепостном праве, это даже удивительно для эпохи 60-х годов XIX в. Ключевский, думается, сознательно обходил эти вопросы в своем сочинении, исключил их из поля зрения, они имели во второй половине десятилетия опасную для цензуры остроту. С первого курса он был глубоко захвачен темой о народе, о тя-

желом его положения: «... у нас всегда была на первом плане тяжелая нужда, тяжелая борьба с бедной природой да давящими историческими обстоятельствами, татарщиной, византиевщиной, боярщиной и прочим», — писал он другу еще в 1861 г. Русская женщина «была заперта в тереме в высшем и богатейшем классе общества, а в низшем над ней тяготела домашняя забота и плетка мужа». Этих мыслей Ключевского нет в его первой монографии, как нет в ней и крепостного права. На этих примерах мы наглядно видим, что уже тогда Ключевский писал не все то, что думал.

Нет у Ключевского и проблемы города, понимаемой с социальных позиций, город у него не социальная проблема, он взят лишь во внешнем виде и опять-таки увиден «глазами иностранца». Пожалуй, единственным теоретическим вопросом городской жизни для Ключевского — в согласии с С. М. Соловьевым и Б. Н. Чичериным — является в этой работе тема о падении «вечевых» и подъеме «великокняжеских» городов⁶⁵. Выделенная им тема о торговле была знакома исторической литературе до «Сказаний иностранцев». Исторического возникновения рынка автор не замечает, для него «рынок» — как бы постоянная, извечная деталь городской жизни, стабильный ее элемент⁶⁶. Однако это — одна из особо подробных и насыщенных яркими фактами глав — изложение пристальное, развиваемое со вкусом и охотой. Ключевский заканчивает свою работу экономическими темами. Но и здесь он признает приоритет государства как силы, творящей историю; так города возникают в истории России не из экономических потребностей, «но вследствие государственных соображений»⁶⁷. Любопытен случайный характер последовательности разбираемых экономических явлений: сельское хозяйство, добыча металла, садоводство, огородничество...⁶⁸

Народа как темы в этой работе Ключевского просто нет. Изредка рисуется лишь толпа, встречающая иностранных гостей на московских улицах. В этом разрезе идеология шестидесятников не «проросла» в первое научное произведение молодого историка, хорошо знавшего о проблеме народа, как таковой, и немало думавшего над ней, это видно из его дневников.

8

Вчитываясь в текст «Сказаний иностранцев о Московском государстве» с позиций перспективы дальнейшего роста историка, замечаешь зачатки будущих тем, которые научно осознаются им, а позже получают дальнейшее развитие. Внимательная ссылка (а ссылок в работе вообще мало, аппарат скуден) на житие Стефания Пермского, использованное в плане свидетельств о направлении путей сообщения и о связи Пермской земли с центром

страны, свидетельствует о том, что будущий автор работы «Древнерусские жития святых как исторический источник» задумывался над житиями еще во время работы над студенческим сочинением⁶⁹. Привлекают страницы, посвященные вопросу о боярской думе; будущий автор исследования о ней формулирует целую концепцию об эволюции этого учреждения в плане перехода «от дружинного порядка к чисто государственному», перед нами один из зародышей будущего понимания вопроса и результат размышлений над сложной темой, привлечшей еще в студенческие годы внимание Ключевского⁷⁰. Один вопрос в дальнейшем перекликается даже с «Курсом русской истории» — трактовка поместной системы и исторической эволюции дворянства. Чувствуется, что источник — свидетельства Флетчера — приковал исследовательское внимание к важной теме; хотя концепции, которая возникает позже, здесь еще нет, но сама тема ясно осознана⁷¹. Наконец, последняя глава «Сказаний» под заглавием «Монета» (гл. XII) содержит эмбрион замысла будущей статьи о русском рубле, которая будет опубликована почти через 20 лет (в 1884 г.) и составит славу Ключевского⁷².

Критика используемого текста — также далеко не сильная сторона работы Ключевского. Он упоминает о необходимости пользоваться текстом иностранца разборчиво и осторожно, знает, что верить всему нельзя и надо бы по мере возможности проверять источники «Сказаний», однако далее он чаще всего забывает об этом и оперирует фактами, явно возбуждающими сомнение. Так он некритически повторяет сведения о численном составе русских войск, применяя даже выражение, что «при Маржерете» (!) их было столько-то, «при Невилле» — столько-то, а «по показанию Мейерберга» стрельцов в Московском государстве было до 40 тыс., ни словом не оговаривая, можно ли доверяться цифрам, которыми иностранцы и не могли располагать, они базировались более всего на слухах или на приблизительной устной информации. Попыток проверить эти цифры по русским источникам или хотя бы оговорок об этой стороне дела у Ключевского нет. Без критики он повторяет мнение иностранца о том, что русские войска будто бы «не выдерживали долгой схватки»; ироническое замечание Герберштейна о том, что русские воины как бы говорили врагам: «Бегите или мы побежим», не вызывает его критики⁷³. Сомнения в свидетельствах иностранцев вообще редки, несколько чаще встречаются они во второй половине монографии. Но и тут редко приводятся опорные данные. Так, Ключевский считает неверным свидетельство Олеария о том, что в Московском государстве было более тысячи кружечных питейных дворов, где продажа пива, меда и водки была исключительным правом казны — это свидетельство «нельзя принять и за приблизительное»⁷⁴. Редкие сопоставления с Котошихиным, собственно, исчерпывают способы про-

верки⁷⁵, хотя документы подчас сами наталкивают на другие источники. Так, Ключевский цитирует текст иностранца, свидетельствующий о том, что в книге Авриля была использована подлинная географическая карта, составленная в «Московской канцелярии» (*«tirée de l'original de la chancellerie de Moscou»*), но у него нет и попытки добраться до упомянутого у иностранца русского подлинника и произвести сопоставление⁷⁶. Даже в тех случаях, когда он делает примечание, поправляющее данные Маржеретом размеры выти (русской земельной меры), Ключевский не делает никаких ссылок на русские источники. Излагая своими словами мнение Флетчера, он даже не подбирает русских терминов и пишет без оговорок: «Дела, решенные на соборе, дьяки излагали в форме прокламаций...»⁷⁷

Таким образом, признанная ранее автором необходимость критического подхода к свидетельствам иностранцев, которые не всё знали и кое-что «криво» видели, в значительной мере остается не реализованной, вероятно, в силу того, что и способов научной проверки у Ключевского было тогда мало, а времени еще меньше.

Однако все сказанное не исчерпывает вопроса об историографическом значении первого исследовательского труда молодого Ключевского. Нужно принять во внимание общее состояние исторической науки того времени и вклад, сделанный его сочинением в конкретную картину тогдашней науки. Это была первая на русском языке работа, посвященная тематическому анализу важного и во многих случаях недоступного или даже вообще неизвестного исторического памятника, ценного по богатству и яркости содержащихся в нем фактов. Труд Мейнерса оставался непереуведенным, а к половине XIX в. и устарелым по концепции (сравнение с «современностью» XVIII в.), работа Ф. Аделунга — чрезвычайно специальной и незаконченной. Сочинение Ключевского полнее охватило материал, чем упомянутые авторы. Такие памятники, как записки С. Берроу, Г. Ланнуа, Михалона (Литвина), Р. Джонсона, Т. Саутама, Д. Спарка и некоторые другие, им привлеченные, были почти неизвестны и не использованы. Он сосредоточил и прекрасно систематизировал в своей работе множество новых фактов, живо и художественно изложенных, в основном с позиций передового западника.

Заботливо сохраняя всю конкретную прелесть свидетельств, богато насыщая изложение красочными деталями, Ключевский показал себя уже в первой работе мастером слова. Это были первые шаги, но читатель потянулся к его тексту. Яркость художественного изложения была тогда нова в исторической науке. Когда-то литературная форма Карамзина удивила и пленила русского читателя, но то было чуть ли не полвека назад и не соединялось с ученостью. М. П. Погодин и С. М. Соловьев были довольно трудны для чтения. А тут большой круг людей услышал живое

слово, причем не просто приукрашенное литературным глянцем Карамзина, а вылепленное рукой молодого мастера — ученого историка на строгой основе конкретных данных первоисточников. Огромная разница! Эпоха требовала нового слова. Тяжелой казенной фразе сложного построения, загоняющей оттенки смысла в витиеватые придаточные предложения, Ключевский в «Сказаниях» противопоставил легко построенную, недлинную фразу, скромное количество лаконичных придаточных предложений (чаще единичных), меткий, точный эпитет, а главное — бережное сохранение исторического дыхания и колорита старинного подлинника. Верить себе на слово он не просил, щедро отдавая читателю россыпи фактов, слагавшихся в цельную картину и говоривших за себя. Цитатами он не злоупотреблял, но коротко, ясно, как бы «от себя» передавал западавшие в память свидетельства, пестревшие красками, звучавшие голосами. В то же время фраза была емкой и простой. Казна «посылала также в Архангельск огромное количество мехов, пеньки, льна, обменивая их там на шелковые ткани, бархат, парчу, сукно и другие заграничные товары. На московских рынках продавались мясо, орехи, яблоки и холсты, принадлежавшие казне... торговцы и торговки громко зазывали к себе покупателей, крича, что это — царские товары»⁷⁸. Приведенный перечень товаров исторически точен и в то же время создает зрительный образ конкретного товарообмена. Но если заменить реальный перечень безжизненным обобщением, «разнообразных товаров», исчезнет выразительность, испарится чуть иронический оттенок орехов, яблок и холста, как «царских» товаров, и пропадает торговка, веселым криком собирающая народ. Русских бояр на приемах посла украшала «длинная до пят одежда (ферезь), которую иные за неимением своей брали на этот случай из государевых кладовых»⁷⁹. «Длинная» уточнена выразительным «до пят», и оттенок веселой иронии опять проблескивает в упоминании об одежде «взаймы», из царских хранилищ. Мы замечаем, что рождается и законченный внутренний ритм, столь присущий будущей прозе Ключевского, — отчетливое соответствие структуры фразы естественному дыханию читателя, звуковая переключка соседних слов («госудáревых кладовѣх»). . . Нет-нет да промелькнет какое-то «разночинское» словечко из пензенского говора, не очень законно трактуемое, как общепонятное: ловкие английские купцы действовали соединенными силами, и «русские торговые люди не могли стянуть с ними...»⁸⁰ Встречается и глагол «зевать» в смысле громко кричать, орать (распространен и сейчас в Поволжье), «присадник» вместо «палисадник». Не обошлось без «семинарской» иронии по части винного питания: «Казалось, мордва спокойно жила в далеких густых лесах, погруженная во мрак идолопоклонства, и никто не давал себе труда извлечь ее из него», но вот и к ней проникает влияние соседнего

народа: «Накануне Николина дня мордва пьянствовала, как и москвитяне...»⁸¹

В определении историографического значения научного произведения есть особый аспект, место его в исследовательском росте самого ученого. Надо признать, что за год студентом Ключевским была проделана огромная работа, и она не загнала исследователя в узкую щель избранной проблемы, не закрыла высокими отвесными стенками широкий мир соседних явлений, а, напротив, влекла его туда. По собственному признанию, он работал 18 часов в сутки⁸². Рассматривая записки иностранцев, молодой историк сумел взять их всесторонне, изучал сразу многие разрезы исторического процесса — политику и обычаи московских царей, сложный придворный церемониал, московское войско, управление страной, ее суд, ее казну, ее доходы, ее народонаселение, природу, города, торговлю, монету... Многие стороны исторического процесса воспринимались в тесном переплетении на протяжении по меньшей мере трех столетий. Из них отметим и XVII век, которому (хотя, на мой взгляд, отнюдь не исключительно, как считается обычно) историк в будущем отдаст так много исследовательского внимания.

Появление талантливого произведения было сразу замечено: не успела академическая печать в «Ученых записках Московского университета» частями опубликовать его, как «Общество распространения полезных книг» поспешило переиздать его в том же 1866 г. отдельной книгой под серийным заглавием «Московское государство по описанию иностранцев XVII—XVIII веков», а далее на титуле: «Сказания иностранцев о Московском государстве, сочинение Василия Ключевского».

Встреча молодого историка со своими первыми читателями, таким образом, прошла с успехом. Что касается автора, он был сильно самокритичен и восторгов не выражал. «А книжонки моей до сих пор не достал: вчера только узнал, что назначенные мне экземпляры валяются где-то в университетской типографии», — пишет он Порфирию Гвоздеву, «любезному свату и куму», 22 января 1867 г. (а книга вышла в 1866 г.!). Только в феврале 1867 г. «милейший Порфирий» читает строки друга: «Книжонку свою из типографии исправил» (письмо от 9 февраля), а 16 февраля более подробно и с оценкой: «В состав вязанки, сшитой нежными ручками, входят... десять экземпляров моего недопеченного печенья. Раздай их по надписям и при этом держи речь на тему, что об ученических писаниях, как о мертвых, aut bene aut nihil, т. е. читать их не следует»⁸³. Конечно, дело не только в скромности и в иронии автора. В каких-то отношениях, — а в каких, мы так от автора и не знаем — первая книга не вполне удовлетворяла его.

Современники ответили жадным поглощением тиража, но после, сколько ни просили издатели, Ключевский отказывался переизда-

вать свою первую работу. Лишь после смерти историка Я. Л. Барсков нарушил его волю, переиздав в 1916 г. эту первую «пробу пера», быстро переизданную в третий раз в 1918 г., и, надо сказать, к удовольствию читателей.

В литературе некрологов, особенно в кругу, где рождалась «каноническая» академическая оценка историка, к «Сказаниям» относились в общем благосклонно, но мало замечали их⁸⁴. Их значение возродилось лишь в советской историографии, когда на «Сказания» обратил внимание М. Н. Покровский, а за ним и его ученики, оценившие богатство экономических свидетельств, систематизированных в этом произведении!

9

Сейчас же вслед за «Сказаниями иностранцев о Московском государстве» в издании того же «Общества распространения полезных книг» появилась новая, малоизвестная работа В. О. Ключевского, обычно забываемая в перечне его произведений и нигде не упоминаемая в его переписке (ее разыскал А. А. Зимин). Это главы о России, приложенные к русскому переводу популярной книжки П. Кирхмана «Geschichte der Arbeit und Cultur», переведенной К. Розенбергом под заглавием «История общественного и частного быта» (вышла в свет в 1867 г.). Подзаголовок «Чтение в школе и дома» говорил о популярном издании. Книжка состоит из пяти крупных отделов: А. «Пища», В. «Жилище», С. «Одежда», Д. «Утварь», Е. «Оружие» и F. «Обмен произведениями». Каждый из отделов делится на подотделы, а те — на еще более мелкие конкретные параграфы, число которых в каждом отделе неравномерно. Так, в подотделе «Напитки» встречаем рубрики: молоко, вино, мед, пиво и квас, водка, чай и т. д. В отделе «Жилище» видим лишь подотделы: постройки, окна и стекла, печи и трубы — без более мелких рубрик; в отделе «Обмен произведениями» встречаем лишь подотдел: «Торговля и монеты». Каждая из этих частей начинается переводным текстом Кирхмана, посвященным всемирно-историческому материалу, преимущественно Западной Европе. За ним следует органически введенное в текст освещение того же вопроса на русском материале — это и есть авторский текст В. О. Ключевского. Книжка не так велика: в ней 250 страниц, из которых Ключевским написано 118 страниц — почти половина текста⁸⁵. Всего ему принадлежит 30 текстов, посвященных отдельным темам. В начале книжки первый текст выделен в особую главу «Земледелие в России», далее (с 27 по 96 стр.) текст Ключевского чаще всего вплетен в переводный текст Кирхмана без оговорок, но легко отделяется от него русской тематикой, которой в подлиннике Кирхмана нет. Начиная с рубрики «Образ еды», текст Ключевского выделен в особые главки, носящие

свои названия, например: «Столовая посуда у русских», «Строительное дело в России», «Обработка овечьей шерсти в России», «Обработка льна и конопли в России» и т. д. Таких особых глав, принадлежащих Ключевскому, в тексте книжки 15. Некоторые из них относительно велики — так, «Строительное дело в России» и «Горное дело в России» занимают по 12 страниц каждая. Возможно, что предпосланное книжке неподписанное «Предисловие от издателей», уместившееся всего на двух страничках, написано совместно Ключевским и К. Розенбергом — переводчиком. Оно чрезвычайно любопытно по содержанию и отразило некоторые идеи 60-х годов. Мы читаем в этом предисловии, что история, конечно, уже заняла свое место в общем школьном обучении, «но какая история? Не та, которая трудом и напряжением духовных сил людей подготовила мирную житейскую обстановку, неразлучно сопутствующую жизни каждого, а история разнузданного честолюбия и кровавых деяний, имевших очень слабое и посредственное влияние на обстановку, в которой постоянно вращается учащийся». Надо признать, что эта формула в корне противоречила официальным установкам. Как же воспитать граждан, «одушевляемых мирными, духовными стремлениями?» Необходим «второй отдел» исторического преподавания — история культуры. Если история государства возбудит в ученике желание стать великим полководцем или государственным человеком, то пусть история культуры пробудит стремление стать деятелем на поприще культуры. Тут он будет не «страдательным членом» общества, а получит «высокое значение двигателя человеческого общества»⁸⁶. Далее издатели сообщают, что они нашли полезным, держась программы Кирхмана, все же «присоединить к его изложению некоторые сведения, касающиеся нашего отечества». Дополнения не имеют желаемой «полноты и стройности», но причиной этого является «скудость русской литературы по культурной истории России, особенно за последние полтора столетия».

Несмотря на эту оговорку, несомненно исходившую от самого Ключевского, его тексты надо признать гораздо лучшими, нежели переводные главы самого Кирхмана. Ключевский провел большую предварительную работу, собрал немало материала непосредственно из первоисточников, дал краткие характеристики производств — текстильного, «металлического», горного дела в России. У него нет ссылок на божественное Провидение, встречающихся в тексте Кирхмана, или поверхностных рассуждений о прирожденных вкусах и обычаях народов. Текст Ключевского насыщен фактическим материалом, конкретен. Для характеристики древнего славянского сельского хозяйства он привлекает «Русскую Правду» и летопись, а также жития святых (Феодосия Печерского, преподобного Сергия и др.), что получает особый интерес в свете его дальнейших исследований⁸⁷. Собирал Ключевский для этих очер-

ков и археологические данные — встречаются ссылки на раскопки курганов, упоминаются древние орудия. Археологическими данными доказывается древность земледелия вокруг Москвы. Земледелие признается древнейшим занятием и населения Киевской Руси. Конечно, современный читатель воспринимает эти очерки Ключевского как устаревшие по материалу и не соответствующие нашим теперешним научным представлениям (Ключевский утверждает, например, что до XIV в. нет известий о сохе и что даже в XVI в. отсутствовали железные сошники — соха была «вся деревянная» и т. п.). Это вызывало возражения ученых и того времени. В моем распоряжении было издание Кирхмана из библиотеки И. Е. Забелина; слова о том, что русские «еще до Владимира» разводили овец, но главным образом для мяса «и мало обращали внимания на шерсть», подчеркнуты владельцем книги, крупным знатоком археологии своего времени: на полях синим карандашом Забелин написал возражение: «Ножницы в курганах»⁸⁸. Но как бы критически мы ни относились к этому раннему тексту Ключевского, историографически он очень примечателен. Ключевского интересует вопрос о развитии производительных сил и об экономике древних времен, это ново для историка России. Интерес этот — дань научным веяниям 60-х годов, проникновению материалистических воззрений, их воздействию — сыграл значительную роль и в дальнейшем творчестве Ключевского.

Так вырастал историк. Мы рассмотрели пути и особенности его развития со времени первоначального обучения до окончания Московского университета и первой монографии, написанной еще в университетских стенах. Теперь предстоял выход на широкое самостоятельное поприще научной деятельности после окончания университета. Но раньше — еще несколько слов об общем облике молодого ученого в те годы.

10

По переписке с товарищами и сохранившимся фотографиям можно представить себе общий облик скромного студента с живыми, пронзительными и даже «пронзительными» черными глазами, гладко зачесанными назад волосами, темная прядь которых часто спадала, закрывая шрам на лбу. Сказалось непрерывное чтение и писание — с первого курса университета «на носу явились очки». Ко второму курсу студент стал хлопотать «об отрощении и беспрепятственном рощении волос на голове и взлелеянии баков». Как пишет сам, студентом он курил («валялся на диване с папироской, созерцая темный потолок и помышляя о делах человеческих»). Уже в студенческие годы Ключевский — «охотник до красного словца» и замечает, что его «не даром считают хитрым». Но любит дружить с прямыми и открытыми натурами, «по-

тому что сам чувствую в своей натуре большой недостаток этой прямоты душевной и бесцеремонности». Скептичен, насмешлив, считает, что в жизни нет трагедии без комедии, но в то же время клеймит «романтический хлам», хотя и сознается в том, что он мил для его «романтической души». Сам себя корит за недостаточную наблюдательность, но можно лишь поразиться конкретности образов, хранимых в его памяти, любовью к характерным, даже мелким черточкам замеченного явления. В постоянном общении с людьми он мгновенно учитывает особенности собеседника или корреспондента: в одном стиле пишет письма дяденьке, в другом — тетеньке, в третьем — другу Порфирию, совсем иначе, теплее — другому другу, Васеньке Холмовскому, и совершенно иначе — подростку Пашеньке Европейцеву. Ранняя работа педагога — репетиторство, уроки с отстающими учениками — пробуждает к жизни, формирует его педагогические таланты. Он умеет учесть особенности ученика; разные характеры Пашеньки и Мишеньки для него ясны, отсюда следует и то, как с ними надо обращаться; он описывает это в письме дядюшке Европейцеву. Некоторые советы неожиданны и оригинальны: лень ученика — что ж, это бывает, огорчаться не надо, лень пройдет: «Лень надоедает мальчику, как и наука, если она не интересует. Поленится и перестанет!.. Пусть читает да будет весел: это всего важнее»⁸⁹.

Но общий облик Ключевского будет неполно обрисован без сильнейшей его страсти — музыки... Без нее он жить не может. Устраиваясь по-бедняцки в первой наемной московской комнате, он ликует: ведь из окна виден сад купеческого клуба, как хорошо, значит, будет доноситься музыка... Вот шарманка итальянца заиграла во дворе, «невыразимо сладко» слушать «вдохновенную песнь». «Я же страстно люблю слушать музыку», — пишет он в студенческие годы П. Гвоздеву. По собственным словам, он слушает ее «в лирическом припадке», «звук в нем самом будят все живые струны и заставляют его забыть все, кроме настоящей минуты». С наступлением весны он все чаще насвистывает песни, хоть и не знает даже, какие именно. А зимой «в эстетическом голоде твой повеса шляется по домам, где может перепасть в его уши один-другой заветный звук Бетховена или Мендельсона-Бартольди». Вечером он, скрепя сердце, трудится над рефератом профессору, нужном для зачета полугодия, «помышляя тоскливо с пропущенной „Руслане и Людмиле“...»⁹⁰

ШЕСТЬ ЛЕТ РАБОТЫ НАД ЖИТИЯМИ СВЯТЫХ

1

Во время Крымской войны, когда Соловецким островам грозили английские пушки, возникла необходимость спасти для науки рукописные сокровища Соловков. По решению правительства отобранные рукописи — в их числе множество житий святых, которых тогда еще никто не изучал, — эвакуировали в Казань. Казанская духовная академия приняла эти ценности на хранение, тем самым приблизив их к ученому миру. О житиях святых заговорили и в среде московской профессуры. Вопрос об использовании их как источника обсуждался многими историками и вызывал общее внимание. Интересовались житиями, говорили и писали о них: в Москве — Ф. И. Буслаев, в Казани — А. П. Шапов, в Петербурге — А. Ф. Бычков.

В 1857 г. С. В. Ешевский читал в Казани лекции о колонизации северо-восточной Руси и рекомендовал разработать эту тему и использовать для нее тут же, под рукой лежавшие соловецкие жития; это был лишь частный случай проявления интереса к соловецким рукописям.

Историки, естественно, предполагали, что жития святых восполняют своими данными летописные источники и послужат изучению значительных проблем русской истории. В их числе неминуемо поднимался вопрос о России как «о стране, которая колонизируется», поставленный С. М. Соловьевым. Эта тема владела умами многих ученых. Роль русских монастырей в процессе колонизации была очевидна, и где же искать лучших свидетельств и подробностей об основании и распространении монастырей по русской земле, как не в житиях святых, подвижники которых и были, как правило, их основателями. Существовала уверенность, что этот источник насыщен данными также для истории земледелия, семейного быта, воззрений на природу. Поэтому не приходится удивляться, что тема возникла в беседе маститого профессора С. М. Соловьева с молодым, только что окончившим Московский университет В. О. Ключевским, которого Соловьев оставлял при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому зва-

нию. «Кроме Карпова, — писал министру народного просвещения С. М. Соловьев в сентябре 1865 г., — может быть стипендиатом кандидат Ключевский, представивший мне очень хорошее сочинение (Известия иностранцев о древней России)...»

Не приходится сомневаться, что в выборе темы участвовал С. М. Соловьев и активную роль играл сам В. О. Ключевский. Была выбрана тема о древнерусских житиях святых как источнике изучения колонизации России. Таким образом, идею исследования житий святых никак нельзя приписать влиянию только, скажем, Ешевского, Буслаева или Щапова¹. В обсуждении ценности нового источника молодой Ключевский имел и свой собственный голос: ссылки на жития святых встречаются у него в первой работе «сказания иностранцев» и в комментариях к книге П. Ф. Кирхмана.

Предположение М. Н. Покровского, что С. М. Соловьев нарочно-де придумал такую непосильную по объему и трудности источников тему для своего ученика, желая «утопить» его в рукописном море житий из зависти к его лекторскому таланту, не выдерживает критики: точного представления о сверхтрудностях работы над житиями у Соловьева, лично не знакомого с соловьевскими архивными фондами, тогда еще не могло возникнуть, как не могла появиться и зависть к лекторскому таланту ученика, поскольку тот в момент выбора темы еще никаких лекций вообще не читал.

Итак, в истории жизни Ключевского свершилось большое событие, он остался при кафедре русской истории — с юных лет любимого им предмета — готовиться к профессорскому званию. Легко представить себе молодого ученого, со страстью погружающегося в научную работу и забывающего обо всем окружающем. Представить — и ошибиться.

2

Дело было гораздо сложнее. В душе Ключевского в то памятное лето 1865 г. бушевала целая буря противоречивых чувств. Ставя себе целью рассказать о подлинной жизни ученого, мы не будем закрывать глаза на то, что реально происходило во время его работы над житиями святых.

Оказывается, проклятый вопрос о выборе жизненного пути, поставленный им еще на студенческой скамье, не был решен к моменту аспирантуры. В марте 1862 г. первокурсник Ключевский писал в дневнике, что ему «жутко стоять между двух огней», говорил о двух дулах, направленных на него с двух сторон, и о трех путях, из которых он не может выбрать ни одного². Отдать ли себя общественной борьбе с окружающим его злом или отдаться науке? Таков был основной вопрос.

22 июля 1865 г. Ключевский, лишь месяц как кончивший университет, оставляет в дневнике новую, несколько загадочную запись. Из нее видно, что, уходя в науку, он тоскует по активной борьбе. Запись возникла в дневнике после встреч с какими-то людьми из «подземного мира». Этим людям «сладко чувствовать себя в борьбе». Эти люди справедливо не слушают «мудрецов», сожалительно «ахающих» над избранной ими судьбой, жалеющих их с «наставительным упреком». Ключевский вновь приходит к выводу, что борьба — это «главное», что «история человечества вся состоит из такой трудной работы». Есть некие «молчаливые люди», «истинные житейские борцы», незаметные с виду и стремящиеся остаться незамеченными «подземные карлики», которые «работают драгоценные металлы для людей, живущих на поверхности». Тип этих молчаливых «подземных» людей, по мнению Ключевского, «наименее уяснен историческим сознанием человечества». Нет, эти «карлики подземного мира» вовсе не похожи ни на крикунов-самодуров, «ругающихся направо и налево», ни на «дерзких фатов», важно проповедующих аплодирующим зрителям неведомые им самим истины. Они не похожи и на тех «деятелей нашего века, которым так приятно мутить воспитавшее их родимое болотце». Нет, это истинные борцы, «люди совсем иного рода»: «...горько почувствовало бы человечество их отсутствие, если бы на минуту прекратили они свою подземную, незримую и неслышную работу на пользу человечества...»³ Последние слова отчетливо перекликаются с известными словами Чернышевского о новых людях в романе «Что делать?»

О ком же идет речь? Текст нарочито усложнен и затемнен. Термин «подземного» как синоним «подпольного» мира известен эпохе. Последние строки записи глухо свидетельствуют о личной встрече Ключевского с людьми «подземного мира»: «Кто серьезно интересуется жизнью общества и всего человечества, для того изучение таких людей — важное дело, а встречи с экземплярами этого типа — истинная находка»⁴.

Есть свидетельства, что Ключевский действительно встречался с людьми революционного подполья своего времени, об этом в воспоминаниях пишет его ученик А. И. Яковлев. Оказывается, Ключевский общался с деятелями ишутинской организации, основное ядро которой сложилось из его знакомцев — пензенских земляков. Связи с этими людьми возникли у Ключевского еще в Пензе: в семинарские годы он был репетитором по латинскому языку брата Д. В. Каракозова. Сам Каракозов кончил Пензенскую гимназию, сначала поступил на юридический факультет Казанского университета, но был исключен в 1861 г. за участие в студенческом движении. Принятый туда обратно в сентябре 1863 г., он в октябре 1864 г. перевелся в Московский университет и мог встречаться со знакомым ему по Пензе Ключевским от октября

1864 г. до весны 1866 г., когда выехал в Петербург. Двоюродный брат Каракозова Н. А. Ишутин также учился в Пензенской гимназии (курса не кончил), по приезде в Москву стал вольнослушателем Московского университета и поселился в Москве вместе с Д. В. Каракозовым. Ишутинская организация, основанная в 1863 г., усиленно вербовала новых участников в 1864—1865 гг.

А. И. Яковлев, рассказавший о попытке «втянуть Ключевского в ряды каракозовцев» (точнее было бы сказать, ишутинцев, так как именно Ишутин играл в организации основную роль), пишет, что глава кружка, вникнув в вопрос, решил его отрицательно: «Ишутин, волосатый силач в красной рубаше, ходивший как истый студент-нигилист 60-х годов, с огромной палкой-дубинкой, положил мощную длань на жиденькое плечо В[асилия] О[сиповича] и твердо заявил: «Вы его оставьте. У него другая дорога. Он будет ученым», чем показал свою прозорливость»⁵.

А. И. Яковлев, в свое время очень близкий Ключевскому ученик, слышал все это от него самого, необходимо поэтому признать достоверность свидетельства.

Этот колоритный рассказ может многое пояснить в разбираемой дневниковой записи. Проклятый вопрос, какой путь избрать — стать ученым или отдаться активной общественной борьбе, был, если можно так сказать, решен революционной стороной, «отпустившей» Ключевского в науку.

Лишь эту запись от 22 июля 1865 г. и сохранил Ключевский в своем архиве как память о внутренних борениях тех лет — все прочее он безжалостно уничтожил: за 1865 г. не сохранилось ни одного письма. А ведь переписка тогда была! В 1866 г. он роняет замечание о «тщательном пересмотре всех уцелевших писем»⁶, значит, они все же были, и он хранил их до 1866 г.

Таким образом, цитированная запись в дневнике приобретает уникальный характер. Год окончания университета был для Ключевского, как видим, очень сложным.

Нелегким было и переживаемое время. Реакция начинала забирать верх. Революционная ситуация не перешла в революцию. Крестьянское движение дробилось и шло вниз, спад общедемократического подъема и революционной борьбы, выход правительства из кризиса предшествующих лет — все это знаменовало собою распад той совокупности объективных перемен, которые раньше создавали ситуацию возможного революционного взрыва в России. Страшные удары по революционному движению тоже не могли пройти бесследно: Чернышевский был на каторге в Кадаинском руднике; в августе 1865 г. там же умер от чахотки сосланный поэт М. И. Михайлов. Цензура душила передовые журналы. «Современник» был закрыт. Эпоха явно меняла облик.

«Отпустил» или не «отпустил» Ишутин Ключевского в науку, отведя одно из «дул» от его груди, внутренние метания историка

не закончились. Конечно, условия наступавшей общественной реакции для Ключевского были тяжелы. Воспитывая революционных борцов, эти условия толкали вправо слабых и колеблющихся. Увы, он не принадлежал к первым. Сам собою встает вопрос, а не захотелось ли ему скрыться в глухие дебри житий святых от все мрачневшей общественной обстановки и вообще от общественных вопросов? Может быть, и да, в какой-то мере... Российский либерализм отхлынул от радикальных решений, потерял свою честь, проклиная восставшую Польшу, двинулся в открытое отступление на спаде революционной ситуации.

Ключевский именно в это время начал свою работу над житиями святых.

3

Ключевский сначала проштудировал специальную литературу, освещавшую вопросы, непосредственно касавшиеся избранной диссертационной проблемы. Он собрал большой материал о русских монастырях, их основании, распространении, деятельности. Следы такой работы сохранились в его архиве: мы видим скрупулезно составленный по разным источникам список русских монастырей, снабженный ссылками на литературу, находим записи о монастырском землевладении и хозяйственной деятельности монастырей и другие рабочие выписки и заметки. Монастырь предстает перед исследователем как обладатель крупных земельных угодий, на которых можно не только пашни пахать, сеять и собирать хлеб, но организовывать большие рыбные ловли, рубить лес, устраивать солеварни, вести сложное и обширное хозяйство.

Интересно отметить, что в начальный период работы Ключевский извлекает для нового труда свидетельства ранее им изученных источников: «Сказания иностранцев о Московском государстве» подчас содержали существенные данные о русских монастырях, их организации, их хозяйстве. Ключевский мобилизовал этот материал для магистерской диссертации. Свидетельствующие об этом наброски — любопытное звено, связующее его первую опубликованную книгу с последующим замыслом. В этих набросках мы встречаем и довольно частые ссылки на страницы работ его учителя С. М. Соловьева, относящиеся не только к проблеме колонизации, но и к деятельности монастырей; важно отметить, что тема эта вовсе не была чужда и курсу лекций Соловьева. Тщательно, по-хозяйски собрав литературу о монастырях, составив их список, представив себе их географическое размещение, «отжав» все возможное из ранее изученных источников, Ключевский даже набросал на основе этого материала первую пробу диссертационного текста — рукопись «Об участии монастырей в колонизации северо-восточной Руси»⁷.

*В. О. Ключевский-студент
(1861—1865 г.)*

*Любимая сестра В. О. Ключевского Лиза
(Елизавета Осиповна Ключевская, в замужестве — Вирганская)
Около 1900 г. Пенза*

Чувствуя необъятность житийного материала, Ключевский в ранних набросках темы проводит основные линии самоограничения: исследуются не все жития, а жития святых северо-восточной Руси; объяснением служит большая разработанность житий Руси южной, более древней по истории, чем Русь северо-восточная. Но, конечно, дело не только в этом, а в понятной непосильности поднять столь обильные источники для огромной российской территории — введение ограничений темы вполне закономерно.

К числу первоначальных штудий надо отнести и интересную рукопись Ключевского о монастырском землевладении — весьма существенной предпосылке для изучения роли монастырей в русском колонизационном процессе. В архиве сохранилась его рукопись «О церковных земельных имуществах в древней Руси»⁸, основанная преимущественно на данных литературы. Первая половина рукописи датирована 21 июня и 5 июля 1865 г., свидетельствуя о начале углубленной работы над избранной темой. Дневниковая запись от 22 июля о встрече с людьми из «подземного мира» как раз ложится посередине работы над этой рукописью.

По всем данным, Ключевский с головой ушел в овладение подступами к диссертационной теме во второй половине 1865 г. и в первые месяцы 1866 г. — Вроде и не было направленных на него с двух сторон «двух дул». И тут вдруг...

4 апреля 1866 г. около 4 часов пополудни, когда Александр II по окончании прогулки в Летнем саду вышел на набережную Невы и приблизился к своему экипажу, какой-то человек в оборванном пальто выстрелил в царя. Пуля не попала в цель, стрелявший побежал вдоль Невы, но был схвачен. Назвался сначала крестьянином Алексеем Петровым...

Это был Каракозов...

Ключевский был потрясен.

Две его дневниковые записи — одна 14 апреля 1866 г., через 10 дней после покушения на царя, когда имя Каракозова узнали на допросах от Ишутина, арестованного вслед за ним, и оно появилось в газетах, и другая между 14 апреля и 7 мая — относятся к этому событию. Первая запись отражает страшное смятение Ключевского и ценна для нас прямым свидетельством о знакомстве с Каракозовым. «Мне знаком он, эта жалкая жертва; мы все хорошо знаем, вдоволь насмотрелись на этих бледных мучеников собственного бессилия! Теперь, и только теперь, приковали его к стене, чтобы предохранить от покушения против себя, связать не владеющую собою волю...» Ключевский резко клеймит Каракозова, цель которого «ужасна», но Ключевский же восстает против «темной массы» ликующего народа, орущего на площадях и славящего царя. Он против обеих сторон: «Бледный, свихнувшийся ипохондрик и меланхолик, помышляя о самоубийстве, раз-

вивает идеи крайнего либерализма и социализма, выходит на площадь с ужасной целью, случай уничтожает нечестивый замысел, и вся страна ликует, весело кричит и кидает шапки на воздух, провозглашает свое избавление от чего-то! Чему рада эта толпа? Чего ей? *Panem et circenses!*» *⁹

Во второй записи еще более развита тема осуждения толпы, которая «безумствует перед великими фигурами Минина и Пожарского, не понимая их смысла и значения, жаждет молебнов с вином, попирает религию и историю — все свое нравственное и умственное достоинство»¹⁰. Еще более резок отзыв о беснующейся интеллигенции, ликующей по поводу «спасения царя»: «Презренная учащаяся молодежь, ругающаяся и над верой и над народом, устраивает процессии к Иверской, ставит неугасимые лампы, носит на руках заведомого, осмеянного ей самой дурака и мошенника» (вероятно, тут имеется в виду московский полицмейстер). Очевидно, Ключевский вспоминает студенческие волнения 1861 г. и сопоставляет их с теперешним ликованием — контраст действительно велик. Наконец, Ключевский находит было тех, кто занимает правильные позиции, но и тут что-то не то: «Мыслящие люди, не учащиеся дети — что они? — толкуют о черни, смешивая ее с народом и сравнивая с парижским пролетариатом, глумятся над ее безобразиями и боятся ее дикой силы, кружатся в болоте собственных недодуманных, нервических соображений...» И они не знают выхода! Впервые у самого Ключевского, столь усердно размышлявшего о теме «народ» с первого курса университета, возникает противопоставление «народа» и «черни». «И теперь, когда везде, во всякой церкви и во всяком кабаке, орут во весь голос «Боже, царя храни!», мне хочется с горькими сдавленными слезами пропеть: «Боже, храни бедный народ, бедную Россию!»¹¹ Так где же выход? Не прав Каракозов со своей «ужасной целью», «нечестивым замыслом». Осуждена и ликующая чернь, жаждущая «молебнов с вином», отвратительна «презренная» учащаяся молодежь, меняющая позиции и служащая молебны у Иверской, отвергнута и «беснующаяся интеллигенция». Московский полицмейстер остается по заслугам осмеянным «дураком и мошенником»... «Мыслящие люди» кружатся в болоте собственных недодуманных, нервических соображений. Кто же прав? Где же выход?

Между тем положение в стране Ключевский признает столь тяжелым и опасным, что родину надо спасать, — недаром вспомнил он о памятнике Минину и Пожарскому... И вот его единственное позитивное предложение. Надо «молча, стиснув зубы», поступить так, как поступали великие народы в минуты грозной опасности: «Выбирался надежный муж, которому республика да-

* «Хлеба и зрелищ». — Лат.

вала полномочие смотреть, чтобы отечество не потерпело какого урона, и пользоваться для этой цели имуществом и жизнью всех сограждан. . .»¹²

Итак, в этот момент Ключевский — за избранного республиканского диктатора. Предложение при отсутствии республики и выборной системы трудноосуществимое. . .

Революционера из Ключевского, как видим, не получается. Но отброшенный всем совершившимся несколько вправо по сравнению с прежними позициями, он не скатывается ни к апологетике царизма, ни к похвалам полиции, ни к молебнам у Иверской. В основном ясны два вывода: Ключевский явно не удовлетворен состоянием страны и не взывает к «чудесно» уцелевшему монарху как к спасителю отечества. Ему нужен не то Козьма Минин, не то Наполеон.

Вероятно, Ключевский пережил свою долю волнений во время арестов по каракозовско-ишутинскому делу, все-таки связи с арестованными у него были. Следователи могли поинтересоваться знакомством с государственными преступниками. Но, как и можно было предположить, все обошлось для него благополучно, упоминаний имени Ключевского в следственных делах нет.

Можно было продолжать работу над житиями святых. Но неожиданно подоспело тяжелое письмо из Пензы. Оно пришло утром 20 апреля от дяди И. В. Европейцева с запоздалыми горестными вестями: умерла еще в январе любимая тетушка Ключевского, его «вторая мать», жена дяди, провожавшая его когда-то в Московский университет. А вслед за ней в марте умерла от тяжелой болезни (рак) и родная мать Ключевского. Печальные известия «прибили и принизили» его, так он пишет о себе в ответном письме дяде в тот же день¹³.

Но жизнь брала свое, надо было вплотную заняться источниками диссертации, на очереди были сокровища соловецкой библиотеки и поездка в Казань. И, возможно, чутье подсказывало заодно, что вообще неплохо было бы на время убраться из Москвы, розыски по каракозовскому делу еще продолжались. В сентябре 1866 г. Ключевский двинулся из Москвы в Казань.

4

Собственноручный «Отчет кандидата Василия Ключевского о своих занятиях в 1866 г.» свидетельствует, что он «отправился в конце сентября» в Казань для знакомства с «Соловецкой библиотекой» и вернулся в Москву для возобновления занятий в Синодальной библиотеке в декабре того же года. Таким образом, он пробыл в Казани более двух месяцев¹⁴.

Архиву, прибывшему из Соловков, была отведена в Казанской духовной академии особая комната, временным его хранителем был

в те дни профессор П. В. Знаменский. Он сразу заметил опытность молодого ученого в работе с архивами, его серьезность и аккуратность. Полностью ему доверяя, Знаменский оставлял его одного в библиотеке и даже отдавал в его распоряжение ключ от заветной комнаты на все время занятий. Внешний облик Ключевского Знаменский описал так: «Это был еще очень молодой человек, корректный, скромный, сдержанный, даже немного недоверчивый, с каким-то пылливо высматривающим взглядом».

Ключевский работал над соловецкими рукописями ежедневно, с самого утра часов до 2—3 дня. Вечера он проводил, судя по его переписке, с казанскими друзьями, старыми пензенскими товарищами по семинарии — Гвоздевым, Парадизовым, учившимся в Казани. Он побывал в семье Иорданских, родственников жены Парадизова, слушал в их кругу игру какой-то, видимо, тронувшей его сердце «музыкантки» — письма его к Гвоздеву по возвращении в Москву полны живых и приятных для него казанских впечатлений¹⁵.

Казанская поездка не исчерпывала нужды в соловецком архиве, — в последующие годы Гвоздев по просьбе Ключевского неоднократно досылал ему копии казанских материалов и разные нужные ему справки¹⁶.

Завершение работы над большой статьей о хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря в Беломорском крае падает на время после казанской поездки. Статья Ключевского вышла из печати в 1867 г. в томе «Московских университетских известий». В ней использован рукописный сборник соловецких грамот.

Исследование богато содержанием и доселе сохраняет научное значение. Автор определил на основе первоисточника места монастырского заселения на Соловецких островах, национальные и социальные слои местного населения, встречаемые в монастырской колонизации, формы землевладения, характер земледелия и промыслов. Дана яркая картина сложного монастырского хозяйства. Отмечены также «просветительные» моменты, связанные, по мнению автора, со строением церквей вокруг основных монастырских угодий. Характеризована и система отношений монастыря с государством: выделение на государеву службу от монастыря воинов, собирание податей для царя с окрестных земель. Отмечен любопытный обмен пожалований царя: по ходатайству монастыря одно царское пожалование могло заменяться другим. Важен вывод, противоречивший ранее установившейся традиции, — монастырь, по мнению Ключевского, не был пионером в заселении и хозяйственной разработке Соловецких земель, а продолжал дело, ранее начатое промысловыми поселенцами.

Связь статьи с задуманной диссертационной темой очевидна. В этом отношении статья важна и как первое выявление характера подхода Ключевского к материалу и самой структуры его

замысла: он сосредоточен на исследовании хозяйственной деятельности монастыря, но захватывает также и сложный процесс взаимоотношений монастыря с государственной властью. Моментам «культурно-просветительным» отведено незначительное место, это скорее дань традиции, нежели привлекающая ученого исследовательская тема. Основной вопрос диссертации — роль монастырей в колонизационном процессе — решался оригинально: не монастырь (в данном случае), а промышленный люд России шел застрельщиком в освоении новых земель. Если бы другие жития, которые изучались автором, были бы по богатству исторического материала подобны житию Зосимы и Савватия, использованному Ключевским, работа над диссертацией пошла бы «скоро и споро», о чем Ключевский всегда мечтал. Но это было не так просто. Все оказалось сложнее, чем он предполагал.

Для своей диссертации Ключевский привлек материалы многих архивов. Он поработал не только в соловецкой комнате Казанской духовной академии, но и в рукописном отделении Румянцевской библиотеки в Москве, в библиотеках Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии; там же он использовал особый рукописный отдел Иосифо-Волоколамского монастыря; он привлек рукописи Московской епархиальной библиотеки и «некоторые рукописи из Погодинского отдела императорской Публичной библиотеки в Петербурге». Он использовал предоставленную в его распоряжение коллекцию В. М. Ундольского, богатое хранилище документов, принадлежавшее графу А. С. Уварову, рукописи Н. С. Тихонравова и Е. В. Барсова.

Сам процесс работы Ключевского над архивными материалами оказался трудным до невероятия. Не приходится сомневаться, что множество молодых ученых отступились бы от такой темы. Объем первоисточников проще было бы исчислить в пудах, нежели в архивных единицах. Это были повсюду огромные нагромождения рукописных записей житий святых, еще не описанные и, как правило, не приведенные в порядок археографами, лежавшие в архивах неклассифицированными пластами и относившиеся ко множеству разновременно живших «святых подвижников», чаще всего основателей монастырей, причем на одного святого приходилось нередко не по одному, а по несколько, а то и просто по многу рукописных житийных списков.

Одно прочтение первоисточников требовало очень большого труда, речь шла не о каллиграфически выписанных благоговейною рукою житийных текстах, на которых отдыхал глаз (встречались и такие), а об огромной массе тяжелых для прочтения листов древней скорописи монастырских и иных писцов, часто малограмотных. Надо было отобрать основные ценные древние записи, классифицировать их по монастырям и по святым — ведь лежали они в разных архивах и различных порядках.

В архивных материалах В. О. Ключевского имеется немало данных, непосредственно относящихся к его работе над магистерской диссертацией. Нельзя с уверенностью сказать, что до нас дошло все, отразившее огромный труд, который был вложен в книгу, некоторые дела явно отсутствуют. Не сохранился, к сожалению, и окончательный рукописный текст всего труда, очевидно, отданный в перебеленном виде наборщикам. Наборная рукопись обычно оказывалась истрепанной и не интересовала автора, получавшего отпечатанную книгу.

Уцелевшие архивные материалы все же дают возможность вникнуть в лабораторию Ключевского. Вот в числе других типичная тетрадь в 83 листа большого формата. Она содержит на листах с широкими полями запись пожитийных характеристик. На основной площади страницы сжатый, но обстоятельный пересказ читаемого списка жития с ориентировкой изложения на проблему колонизации и на источниковедческие аспекты. Ключевский ищет при чтении документа признаки времени написания жития, примет, ведущих к имени составившего его автора, ловит следы источников, использованных автором, и элементы нового в изложении темы. Текст рабочей записи включает в себя много цитат из подлинника: иногда это уточняющая необходимый факт выписка, относящаяся к дате или автору, иногда яркое выражение подлинника, имеющее художественную цену, эпизод живого авторского рассказа о каком-то существенном событии. На широких полях направо от текста ставятся краткие тематические обозначения излагаемого: «Литерат[урное]», «Источн[ик автора]», «Колонии мрей (с титулом, по-старинному, для сокращения слова — основная тема!); иногда на полях точная фиксация существа свидетельства: «число братий», и другие заметки¹⁷.

Вот примеры тематических заметок на полях жития Антония Дымского («Удаление в пустыню», «Основание мря», «Последние судьбы обители», «Состав жития»). Порой на полях фиксируется и вывод, мысль, блеснувшая во время чтения рукописи, соображения, которые хотелось бы удержать. Так, на полях записи, относящейся к житию Адриана Пошехонского, читаем заметку Ключевского: «Любопытно также, что почти все беснующиеся не поклоняются святым иконам, такое вольнодумчество внушал бес». Трудно оценить эту обработку на полях как исчерпывающую источник: скорее она результат первичного чтения. Чаще всего зафиксированы лишь план изложения и тематика читаемого, и выделяются элементы, нужные для дальнейшей работы. Результат обработки выявляет, как правило, бедность источника в аспекте интересующей автора темы: очень редко приходится отмечать свидетельства, важные для хозяйственной деятельности монастыря, еще реже — существенные данные для проблемы колонизации¹⁸.

Можно себе представить подспудно нараставшую у Ключевского тревогу, тонко просачивавшиеся в работу каждого дня сомнения: вот еще прочтено несколько труднейших списков, а результат труда? Очень беден, мал. Каждый раз надо было подогревать надежду, смотря на груды еще не прочитанного: а может быть, основной улов — там? И завтра опять садиться за работу. Но разочарование повторялось вновь. Основная тема пока оставалась в прежней формулировке — изучается *история монастырей*, взятых прежде всего в хозяйственном, экономическом, колонизационном плане: когда данные соберутся, расклассифицируются, сцментируются, они окажутся базой для новых выводов о колонизации северо-восточной Руси. А пока? Что ни день — скупость и бедность извлекаемого, а иногда и полное отсутствие необходимых сведений в монотонных, повторяющих друг друга однотипных документах.

Одним словом, источник, сначала столь обнадеживавший, теперь начинал внушать тревогу. Мало, что беден, — слабо достоверен! Ось работы тихонько поворачивалась к другой проблеме — объяснению причин бедности и недостоверности. Магнитная стрелка исследовательского компаса, дрогнув, начинала перемещаться: от крупной *исторической* проблемы, которую должно было (и не могло!) решить житие святого, к изучению его как своеобразного *литературного* явления. Житие само, как явление, вдруг становилось исследовательской темой. Непредвиденный поворот, тревожное положение...

Заметки на правых полях архивных записей Ключевского подчас являются начальными свидетельствами его зарождающейся драмы. Конечно, она не нова и не так уж редко происходит с исследователем: кому из ученых не случалось с уверенной надеждой и широкими планами погружать свои сети в архивные моря фондов задуманной темы, чтобы вытащить их на берег почти пустыми и отказаться от темы? Но важно, сколько времени и труда берет такая попытка. Ключевский трудился над своим замыслом уже не первый год, надеясь на упорство, дотошную тщательность и невероятное трудолюбие. Еще в 1868 г. он все-таки называет свою тему *историей монастырей*, а не иначе, и не устает искать в ней поставленную проблему. «Теперь занимаюсь историей древнерусских монастырей, читаю жития русских святых в рукописях, которых так много в здешних библиотеках»¹⁹, — пишет Ключевский другу Н. И. Мизеровскому 25 февраля 1868 г. Формулировка темы, как видим, остается прежней, хотя прошло уже около трех лет усердных трудов и тощих жатв.

Драма еще не вполне назрела, романтика семинарской юности действует, он получает «наслаждение» от работы над житиями, может, это «наслаждение» и есть замедлитель драмы и соответственно окончательного решения.

Профессорский стипендиат оставался при университете для подготовки к профессорскому званию сроком на два года. В этот срок ему полагалось сдать магистерские экзамены и написать магистерскую диссертацию. Экзаменов было три: по русской истории, по всеобщей истории и по политической экономии. Работа была очень напряженной. Но с выплатой стипендии Ключевскому что-то не ладилось с самого начала по случайным причинам. Кандидату тогда полагалась стипендия в 1000 руб. в год (за вычетом 2% пенсионных), причем платилась она по четвертям года, за каждые три месяца вперед. Первое ассигнование прошло благополучно, хотя и с небольшим запозданием, оно было почерпнуто из неизрасходованных сумм подготовки профессоров и учителей за границей по смете 1865 г., выдавалось с 1 ноября 1865 г. и было расчитано почему-то только на один год.

В мае 1866 г. Соловьев обратился с возмущенным письмом к новому министру И. Д. Делянову, указывая на «незаконность» и «явное нарушение правил» относительно кандидата Ключевского: «Вместо двух лет, как обозначено в правилах, ему назначена стипендия только на один год, что совершенно невозможно... Когда я спрашивал бывшего г[осподина] министра, сколькими лицами я должен ограничиться, то он мне отвечал «Чем больше, тем лучше!» Но дело, как видно, вышло иначе: из двоих, представленных мною, захотели сделать только полтора стипендиата, и я удержусь от назначения третьего до тех пор, пока министерство не уведомит меня ясно и точно о своих взглядах на это дело»²⁰. Опять некий финансовый переполох. Наконец, деньги за второй год переводят. С виду все «устроилось», но эти задержки оскорбили Соловьева. Когда в 1867 г. истек формальный двухгодичный срок (по-нашему «аспирантуры») Ключевского, Соловьев в создавшихся условиях не захотел просить о продлении срока и был сильно раздражен тем, что Ключевский все еще не закончил диссертацию и не уложился в положенное время. Товарищ по «аспирантуре» Г. Ф. Карпов даже упрекал Ключевского за то, что он запаздывает: «Пора же, пора диссертацию! Подумайте, в какое положение вы ставите Сергея Михайловича, ему проходу не дадут...», — писал Карпов Ключевскому. Для последнего создавалась тяжелая обстановка не только в финансовом, но и в моральном отношении... Он оказывался без средств для жизни и с незаконченной диссертацией (для которой, как дальше окажется, понадобится еще четыре года!). Одно время Ключевский хлопотал, чтобы устроиться учителем гимназии, и чуть было не успел в этом, но тут Соловьев придумал другой выход — работу репетитора в Александровском военном училище, где Соловьев возглавлял кафедру²¹.

В 60-е годы XIX в. реформа, проведенная передовым министром Д. А. Милютиным, создала новые военно-учебные заведения высшего типа для подготовки офицерского состава. Было основано три офицерских училища, в том числе одно из них в Москве, а именно: третье, Александровское. В его учебных планах с 1865 г. был утвержден курс всеобщей истории, включавший в себя наряду со всемирно-исторической тематикой также историю России. Сам принцип построения подобного курса был нов и интересен: Россия органически вводилась в изложение всемирно-исторического процесса. По замыслу Милютина, Александровское военное училище должно было стать «вторым Московским университетом», предназначенным для военных. К преподаванию, а оно приняло университетскую форму лекционных курсов, были приглашены лучшие ученые силы, в том числе учитель Ключевского С. М. Соловьев. Особенностью Александровского военного училища, отличавшей его от Московского университета, была строгая военная дисциплина и работа слушателя с репетитором, которому поручалась запись лекций профессора (для этого было обязательно посещение репетитором профессорских лекций) и регулярная проверка знаний слушателей. На должность такого репетитора и порекомендовал в 1867 г. Соловьев своего ученика Василия Ключевского. Заработная плата репетитора и сменила стипендию, временно наладив в материальном отношении скромный быт молодого холостяка ²².

Так, непрерывные занятия всеобщей историей — новой по преимуществу — стали на все время работы над житиями святых ее своеобразным «фоном». Франция накануне революции, «старый порядок», революционные события, рассказ слушателям об Учредительном собрании, о клятве в «Зале мяча», о Конвенте, Наполеоне, Священном союзе — все это проходило через сознание молодого преподавателя одновременно с историей монастырей, проблемами «колонизации» и непрерывным чтением множества житий святых. Не сливаясь с этой работой, курс по «Истории европейского человечества» (так назвал его Ключевский в одной из лекций), конечно, как-то влиял на специальную диссертационную тему, выводя ее из узкого круга монастырей и хижин подвижников, напоминая о существовании в это время общего всемирно-исторического потока.

А с экзаменами приходилось торопиться! Он и так уже со всеми своими трудностями и с устройством на новой работе вышел за двухлетние рамки срока профессорского стипендиатства. Видимо, он основательно засел за подготовку к магистерским экзаменам, потеснив ими работу над «Древнерусскими житиями святых...» 9 ноября 1867 г. заместитель ректора Московского университета обратился в Министерство народного просвещения с просьбой о допуске кандидата Ключевского к экзамену на сте-

пень магистра русской истории. Экзамен состоялся 15 ноября и был успешно сдан. 1 февраля 1868 г. Ключевский сдал магистерский экзамен по политической экономии, а 22 марта того же года завершил свои магистерские испытания сдачей экзамена по всеобщей истории²³.

Теперь оставалась только магистерская диссертация. Но какое это было «только»! Она еще лежала в горах рукописных документов, заметок, выписок, набросков первоначальных текстов и открывших работу ранних специальных статей и рецензий. Она явно не «вытанцовывалась». Она не слагалась из этой массы исписанных и правильно расклассифицированных его рукой листов. Материал по основной теме — «участие монастырей в колонизации северо-восточной Руси» — был, но его было мало... «Убийственная» работа над архивами выжала не так много данных за три года; продолжение работы, может быть, и сулило некоторый их прирост, но сколько это возьмет времени? Достаточно ли будет данных? И когда конец? Ключевский работал уже четвертый год. Ему казалось, что он подобен пловцу, нырнувшему в реку, который никак не может вынырнуть и задыхается, тонет. Главным тормозом было растущее недоверие к достоверности источника. Литературная форма жития, установившаяся как незыблемый канон, требовала восхваления святого и его деяний, но ничуть не требовала точного соответствия описываемого тому, что действительно было. Жития были «назидательным чтением», а не точным отражением действительности. Ключевский в предисловии к своему труду о житиях, поясняя отказ от первоначального замысла, пишет: «Качество исторического материала, предоставляемого житием, зависело главным образом от обстоятельств, при которых писалось последнее, и от литературных целей, которые ставил себе его автор».

Позже Ключевский как-то спросил студента на экзамене: «Укажите разницу между «житием святого» и биографией». Студент затруднился. «Ну, я вам помогу, — сказал Ключевский, — разница та же, которая существует между иконой и портретом»²⁴.

Трудности мучительной работы копились, самый процесс исследования все более приобретал драматический характер. 1868 год вообще был нелегким для Ключевского. Он чувствовал какую-то неустроенность своей жизни, шаткость и неясность перспектив.

Остановимся на минуту, чтобы представить себе все сложные обстоятельства его личной жизни этого времени.

Конечно, женитьба ученого считается, как правило, темой, не относящейся к изучению его творчества. Если бы мы пропустили эту тему, едва ли читатель упрекнул бы за это автора. скорее

просто не заметил бы пропуска. Но сейчас в ходе изложения наступил такой момент, когда нельзя не сказать об этом нескольких слов, тем более что найден эпистолярный материал, свидетельствующий о сложности вопроса. Тут, кстати, еще раз разбивается академическая легенда о замоскворецком отшельнике, сидящем вдвоем со своей старушкой Анисьей Михайловной в уютном доме на Житной улице и раскрывающем тайны русского семнадцатого века. Все, оказывается, гораздо сложнее.

Ключевский сохранил в своем архиве пять писем к женщине, которую любил. Письма в черновиках, подлинники отправлены по адресу и позже, вероятно, уничтожены получательницей. Хранил эти черновики Ключевский в некоторой мере конспиративно, в обложке «Пензенская переписка», хотя никакого отношения к Пензе они не имели. Получательница жила в Замоскворечье, на Большой Якиманке. Письма адресованы Анне Михайловне Бородиной — не первой ли его настоящей любви? ²⁵

Студент Николай Бородин, знакомец Ключевского по университету, попросил его подготовить младшего брата Сергея к поступлению в гимназию. Ключевский согласился и таким образом познакомился с семьей Бородиных, в которой, кроме двух братьев, было еще семь сестер. Мать семейства, Александра Ильинична Бородина, рано овдовела и с трудом поднимала детей, продолжая небольшие торговые дела мужа. Старшие дочери — Александра и Анисья — помогали дома по хозяйству. Одну из младших дочерей, десятилетнюю Анну, взяла к себе ее тетка, родная сестра матери, Ольга Ильинична, по мужу Долгова, жившая тут же в Замоскворечье, недалеко от Бородиных. Это позволяло Анне поддерживать непрерывную связь с родными. Долговы были первостатейными московскими купцами, жили богато, в собственном доме, даже — в обход закона — имели до реформы 1861 года крепостных. Анна Бородина воспитывалась вместе с единственным сыном Долговых, ее двоюродным братом, и получила лучшее, чем сестры, образование. Обстоятельства сложились так, что на плечи молодой девушки после смерти тетки легли не только хозяйственные заботы большой семьи, но и воспитание четверых детей ее двоюродного брата, жена которого, болезненная, пассивная и занятая лишь религией, не могла взять на себя семейные заботы ²⁶.

Какое получила Анна Михайловна образование, точных данных нет. Но по сохранившимся к ней письмам Ключевского мы видим, что, обращаясь к ней, он цитирует без каких-либо пояснений Гёте, пишет о байроновском Чайльд Гарольде, об Онегине, Алеко, Печорине, Демоне. «Помните ли Вы Спинозу — того чудного философа, о котором мы как-то раз читали с Вами?». Вспоминаются и другие вместе прочитанные книги ²⁷. Очевидно, его корреспондентка — образованный человек. Умная, рассудительная, сдержанная, добрая, с юмором — такой вспоминается она тем, кто с ней

общался. «Это чудесная женщина с любвеобильным сердцем и твердым характером», — вспоминает о ней хорошо знавший «тетю Анету» П. Коренев²⁸.

Кто-то у Бородиных умел играть на фортепиано. Не Анна ли? По крайней мере, когда на соседнем дворе начался пожар и Бородины стали на всякий случай выносить из дома свое имущество (Ключевский помогал им), то музыкальный инструмент был предметом его особых забот. Он пишет Анне в Раменское: «За фортепьяно мы все поклялись крепко стоять, я рад даже голову сложить. Итак, будьте покойны»²⁹.

В юности Ключевский мечтал о жене-друге, о женщине, стоящей «выше потребностей своего пола», которая «умеет милым женским сердцем отозваться на великие вопросы времени»³⁰. Роман его с Анной Михайловной длился, по-видимому, довольно долго. Может быть, их встречи в какой-то мере сближали Анну с тем идеальным образом, который рисовался историку в юности?

Пять сохранившихся писем Ключевского к Анне — памятник начала их дружбы. Ключевский не раз называет Анну Михайловну в этих письмах «поверенной души моей». Ей дает он полный отчет о пережитом и продуманном в перерыве между свиданиями — «историю души моей за прошлую неделю». Ему кажется, что письмо свое к ней он начал, «как добродушная Татьяна у Пушкина», и читатель сразу вспоминает строку: «Я вам пишу, чего же боле?» Когда от нее, с Якиманки, он приходит в квартиру Бородиных, где она уже не живет, ему «пусто что-то». Он придавлен этим чувством запустения: «Вы улетели, мой тихий гений, и стало нам пусто и скучно». «Благодатный гений» — слова Гёте — цитируются не раз. Но вот пришло от нее письмо из Раменского — «наконец-то отвел душу». Летом Долговы жили в Раменском на даче. Мысленно Ключевский представляет себе: вот Анна блуждает в полуденный жар между деревьями, вот «под вечер на мосту» следит задумчивыми глазами за медленным движением последних теней дня... «Видите, как поэтически силюсь я представить Вас в Вашем лесном жилище». Сильно скучает — «скоро ли я увижу Вас?» Хотел бы предложить кому-нибудь из ее сестер поездку в Раменское, но не решается: «Вот, скажут, как скоро соскучился...» Их отношения для всех сокровенны. Мелькает нотка иронии, свойственная историку: «Напишите хоть строчку, хоть обругайте, если можно!» Вот и следующее его письмо, после посещения Раменского вместе с обеими сестрами Анны Михайловны — старшей Анисьей, «этой Никсочкой», которая чему-то помешала, не вовремя нарушив свидание, и младшей — Надеждой, живым 15-летним подростком, весело играющим с Ключевским в игру «рыцаря» и «дамы сердца», — удобное прикрытие его отношений к Анне Бородиной! В письме вспоминается пережитое при встрече, главное, — какая-то драматическая «долгая» ми-

нута: «Помните нашу прогулку в глубь рощи, эта минута продолжалась поутру. Видите, как я нескромен». А вторая «минута» — «глубоко комическая», когда некая „Е. Г.“, очевидно, имеющая отношение к семье Долговых, «накрыла нас на берегу», и «я напрасно старался оправдаться, нагнувшись над св[оим] окунем...»³¹

В университете утром на следующий же день он находит письмо от нее и сразу отвечает. «Добрый друг мой! Зачем хитрить и писать $\frac{В}{Т}$ ы? Так бы и звали: Ты; это лучше идет к Вашей прямоте.

А я вот не могу так: слишком церемонен. Меня не даром считают хитрым, хотя Вы с большей справедливостью и называете (*зачеркнуто*: меня) просто трусом...» Видимо, дней через десять Анна приехала в Москву из Раменского, но встреча вечером была почему-то тяжелой, не удалась. Утром Ключевский вновь спешит к ней, «чтобы покаяться», но ее уже нет — она уехала за полчаса до его прихода. Новое письмо к ней посвящается... «философии скуки». Но трактат о последней не удастся. «Мой философский нож только мнет, а не режет». Для облегчения вспоминаются скучавшие гиганты: Фауст, Мефистофель, Чайльд Гарольд, Онегин, Алеко, Печорин, Демон... Но кончена «глупая затея трактовать со скуки о скуке». Конец письма совсем иной: «Мысленно осыпаю Вас поцелуями» (*зачеркнуто*: «Ваши руки»)³².

Судьбы Ключевского и Анны Михайловны все же не соединились. Почему?

Точного ответа мы не знаем. Но представим себе реальную обстановку происходившего. В богатом доме Долговых царит тяжелая атмосфера. Двоюродный брат Анны Бородиной, отец четверых детей, — хронический алкоголик. Постоянно возвращается домой пьяным, избивает жену. Четырех малышей охраняет и воспитывает в этом доме умная и смелая Анна Михайловна: восьмилетнего Семена, шестилетнюю Олю, четырехлетнюю Надю и больного двухлетнего Володю... Она их выходила, их воспитала, их спасла. Выйти замуж — значит оставить семью Долговых, бросить малых детей на произвол судьбы, быть причиной их трагедии... Она не могла перешагнуть через это, пойти против своего нравственного чувства. И она пожертвовала собою, своим счастьем³³.

Да, в сложной обстановке писались «Древнерусские жития святых»...

Когда позже Ключевский внезапно сделал предложение второй сестре — Анисье Михайловне Бородиной — и женился на ней в январе 1869 г., это удивило всю родню: думали, что он скорее сделает предложение младшей — Надежде. И вдруг — Анисья, старшая... Та самая «эта Никсочка», Ниса, Нисочка, помешавшая когда-то свиданию с Анной каким-то неуместным вторжением во время поездки в Раменское...

Анисья Михайловна Бородина (род. 21 дек. 1837 г.) была старше Ключевского. В год их свадьбы (1869) ей шел уже 32-й год...

По тем временам она должна была считать себя старой девой — таков был общий взгляд. И вдруг ей привалило такое счастье...³⁴

Видимо, Ключевский, несмотря ни на что, был оскорблен отказом Анны, и в его женитьбе на старшей сестре есть что-то похожее на брак *par dépit* *. Через четыре с половиной года после начала романа с Анной он принимает, наконец, решение, неожиданно делает предложение Анисье Михайловне, и вот свадьба назначается на январь 1869 г. . . Он хотел, очевидно, обычной жизни, хотел перестать таиться, завести семью... Ему было уже 28 лет. Его, вероятно, измотал и холостяцкий быт — неналаженная жизнь, питание всухомятку, хозяйственные хлопоты. . .

На некоторое время отложены древнерусские жития святых... Ближится свадьба. Она — в январе. Но откроем его дневник — именно в новогодней январской записи, сжатой и взволнованной, что-то нет и тени радостных «жениховских» настроений... Запись поражает. Она посвящена подведению итогов года и каким-то «тревогам последнего времени». Произошло острое, мучительное столкновение с каким-то человеком. Этому человеку Ключевский сознательно, намеренно причинил зло и даже почувствовал «прелесть» этого зла. Кто же этот человек? Очевидно, женщина: «Мне пришлось отведать всю сладость самодовольствия при виде слез, злости, отчаяния, которые сам вызвал». Едва ли ошибемся, если предположим, что речь идет об его разрыве с Анной накануне предстоящей свадьбы. Иначе, конечно, и быть не могло, надо было осведомить Анну о принятом решении, много пережить и заставить пережить ее, в целом все получилось для нее жестоко и неожиданно, но другого выхода, он считал, не было. «Оказалось, — пишет он дальше в дневнике, — что зло есть сила, которой можно иногда сильнее влиять на людей, нежели чем другим, более великодушным; оказалось, что часто надо мстить и ненавидеть, чтоб не быть пошлым. Но мне тяжело это приобретение, не варится во мне это наслаждение Мефистофеля, и я встречаю новый год желанием, даже молитвой — оскудеть опять этим новым чувством, и привлекательным (!), и жгучим, как раскаленный империал»³⁵.

В январе у Бородиных сыграли свадьбу Василия Осиповича Ключевского и Анисьи Михайловны Бородиной.

Анна Михайловна Бородина так и не вышла замуж. Она осталась в доме Долговых — воспитательницей детей, экономкой, в сущности полновластной хозяйкой (жена Долгова способностей к хозяйству не имела). Весь дом Анна по-прежнему держала в своих руках. Кроме того, у нее было повсюду множество крестников. Сдержанная, энергичная, в постоянных заботах, она пережила Ключевского лишь на год. В 1912 г. она умерла от воспали-

* «С досады». — *Франц.*

ния легких, простудившись на весеннем ветру при мойке окон в доме Долговых. Схоронили ее в том же Донском монастыре, неподалеку от могилы Ключевского.

Женившись, Ключевский переехал на новую квартиру и обосновался в том же Замоскворечье на Полянском рынке в доме Сарачева, в трех шагах от семьи Бородининых. В 1870 г. он извещает о новом адресе своего руководителя С. М. Соловьева и друга П. П. Гвоздева. Это теперь его «семейная» квартира: 6 декабря 1869 г. у него родился сын Борис.

На этой квартире, в новых бытовых условиях продолжалась и закончилась его работа над магистерской диссертацией о житиях святых.

7

1869 год, начатый женитьбой и постепенным устройством быта, нес в себе, однако, еще некое внезапное событие, даже потрясение, сыгравшее немалую роль в процессе диссертационной работы Ключевского. Уже говорилось, что тема о житиях святых, взятых в качестве источника для изучения российской колонизации, носилась в те времена в воздухе. Не будем входить в то, какими путями донеслась она до Киева и заинтересовала одного молодого ученого. Не было ничего проще. Ученые читали одни и те же выходящие книги, получали одинаковую научную информацию, могли знакомиться с проблемой колонизации по С. М. Соловьеву, С. В. Ешевскому и кому угодно еще. Владимир Степанович Иконников, одноклассник с Ключевским, несмотря на свою «церковную» фамилию, родом из дворян, а не из семинаристов, также возымел интерес к житиям святых в качестве источника для изучения роли монастырей в колонизации России. Однако тема эта в отличие от Ключевского была для Иконникова «проходной», попутной. Основной была проблема о влиянии Византии на историю русской образованности. Но поскольку монастырь являлся одним из носителей византийского воздействия на русскую образованность, Иконников сделал в своем труде довольно значительный экскурс в историю русских монастырей и в данные агнографии. Его работа начала печататься в 1869 г. частями в качестве приложения к киевским «Университетским известиям» и пока носила громоздкое и несколько неясное название: «Исследование о главных направлениях в науке русской истории в связи с ходом образованности». Изданная в Киеве отдельной книгой в том же 1869 г., она называлась уже более отчетливо: «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории». 10 глав, составлявших книгу, последовательно развивали вопрос о воздействии византийского влияния на Россию.

В первой главе своего исследования, посвященной византийской

и южнорусской образованности, Иконников вообще ни слова не говорил ни о житиях святых, ни о колонизации, ни о монастырях. Во второй главе монастырям уделено страницы четыре, зато в третьей и четвертой главах монастырям в общей сложности посвящалось около сотни страниц. Поскольку во всем труде Иконникова страниц около 600, можно считать, что в общем лишь одна шестая ее часть «похищала» тему Ключевского.

Обобщений у Иконникова на данную тему не много, но надо признать, они шли по той же линии, что и у Ключевского. Поясняя, каким образом монастырь «становился богатым землевладельцем», соперник Ключевского приходил к выводу, что «таким путем в значительной мере колонизовалась северо-восточная Россия. В этом отношении развитие монастырской жизни на северо-востоке имеет историческое значение как одно из главных средств заселения края и распространения гражданственности»³⁶. Автор полагал, что «заселение северного края монастырской колонизацией началось в раннюю эпоху христианства в России»³⁷. Он заметил, что «монастырская колонизация Новгорода открывается Варлаамом Хутынским» и что «Валаамский монастырь был рассадником нескольких колоний»³⁸. Еще немного подобных общих и частных замечаний, и выводы его исчерпываются, опираясь на крайне примитивный аппарат сносок на жития святых, причем в этих сносках повсюду отсутствуют упоминания об архивах. Повидимому, житийный материал черпался из макарьевских «Четьих-Миней», а может быть, и из более популярной работы Филарета Черниговского «Русские святые», сухо и сокращенно передававшей сюжет жития одного святого за другим. Чаще всего Иконников просто упоминал в сноске житие такого-то святого, не добавляя ни места издания, ни года. На его страницах найдем самые лапидарные общие ссылки, в конце концов в какой-то мере даже «законные» для попутного экскурса в специальной работе, посвященной другой теме, если бы они сопровождались более точным указанием источника. Но Иконников обошелся без этих мелочей; вот пример ссылки, скажем, со стр. 124 его труда: «Жития: Корнилия Комельского, Никиты Переяславского, Саввы Вишерского, Корнилия Переяславского, Евфимия Суздальского, а также в житиях: Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского»³⁹. Вот и все, даже не верится. Никаких задач анализа источника, ни тем паче изучения его архивного подлинника тут и следа нет. Конечно, так или иначе тема Ключевского, хотя побочно и поверхностно, по пути с другой, все же была формулирована, выявлена и как-то освещена. Она теряла характер новизны. Линия решения была та же, что у Ключевского, — монастырь идет за движением русской колонизации, осуществляет ее и закрепляет. Соловьевская идея о России как о стране, которая колонизируется, все же получила новое освещение и свежий источник — жития святых. Икон-

ников выразил результаты своего изучения грубовато и кратко — более всего в географии размещения монастырей: обычно он упоминает факт образования монастыря, связанный, как правило, с житием святого, беря его за точку опоры, а хронология возникновения этого и последующих монастырей придает в его изложении общее движение процессу. Картина получилась довольно отчетливая, несмотря на предшествующую общеизвестность имен основателей и названий монастырей. Богатый первоначальный замысел Ключевского, выявивший свои основные грани в его ценной работе о хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря, несомненно уже известной Иконникову, не идет ни в какое сравнение с куда более простой, попутной задачей, которую поставил себе его соперник. Но все же что-то в самом ядре темы было «выедено» и как бы «похищено» работой другого автора, вышедшей раньше его книги.

Как бы ни вдумываться в это неприятное для Ключевского происшествие, с какой стороны его ни брать, оно никак не могло само по себе заставить его отказаться от своей проблемы, решенной на массе архивных данных, стократно богаче и глубже. Остроумная полемика с соперником по разным частным вопросам могла бы только оживить и украсить его книгу, а решенная Ключевским проблема колонизации на основе нового материала... решенная!.. да в том-то и дело, что она не решалась, эта проблема. Материала хватило бы на статью или на побочный экскурс в другой работе, а не на монографию.

Поэтому все, что последовало, носит в себе некоторый элемент нервного потрясения.

Еще печатались только первые главы докторской диссертации киевского магистра (Иконников, как видим, был в тот момент ученой степенью выше скромного кандидата Ключевского), еще появилось в печати только начало его работы, а в журнале «Православное обозрение» уже была напечатана острая — сейчас скажи бы, «разгромная» — статья, подписанная криптонимом «В. К.». Огорошенный Иконников лишь стороной узнал позже, что этот криптоним скрывал имя Василия Ключевского, московского кандидата наук, ученика С. М. Соловьева.

Ключевский сразу занял довольно спорную в полемике позицию: он назвал свою статью «Новые исследования по истории древнерусских монастырей»⁴⁰. Положа руку на сердце, можно сказать, что он не имел на это никакого права. Работа Иконникова посвящалась влиянию Византии на ход русской образованности, а не истории древнерусских монастырей.

Ключевский подверг Иконникова основательной критике: он не потрудился заглянуть в архивы, где хранятся во множестве основные источники — жития святых, а ограничился заимствованием материала из статей Филарета Черниговского. С блеском аргу-

диции, завоеванной четырьмя годами упорного труда, Ключевский критикует использование житий святых в монографии Иконникова, «неустойчивость» автора перед источником, неумение им пользоваться, иронизирует относительно того, что главный «источник» автора — чужие исследования⁴¹, обнаруживает неточности и произвол в использовании текстов Буслаева и других исследователей, вносит много поправок в понимание процесса образования и развития древнерусских монастырей, направления их движения. Признавая «главной ошибкой» Иконникова «отсутствие плана» (очевидно, плана исследования древнерусских монастырей), Ключевский весьма ядовито отмечает у магистра Иконникова «непривычку к анализу исторических явлений».

Концовка статьи Ключевского (получившей место в двух номерах «Православного обозрения») оказывается в неожиданном контрасте с ее началом; если сначала признавалась основной темой история монастырей, то в конце внезапно признается главной задачей именно та, которую автор себе и ставил: «Теперь, после выводов автора о византийском влиянии на древнюю Русь, можно спросить об общей задаче его исследования: раскрыты ли ясно сферы, свойства и результаты этого влияния? Воспроизводя в памяти исследование, надобно сознаться, что ответ теряется в хаосе отдельных его частей»⁴². Далее следует краткая, но существенная страничка, содержащая важные общие соображения Ключевского об ограничительных чертах византийского влияния на Русь. Один из завершительных упреков поражает читателя: Ключевский неожиданно упрекает автора за программу его исследования: «Непонятно, например, для чего бо́льшая часть последнего занята древнерусскими монастырями..., по крайней мере половина его изысканий о монастырях и их колонизации не относится к теме»⁴³. Конечно! Вольно же было Ключевскому назвать работу о влиянии Византии на русскую образованность... работой по истории русских монастырей и критиковать ее именно с этих позиций!

Первая статья Ключевского более спокойна, но после ответа Иконникова в номерах киевских «Университетских известий» усиливаются ирония и язвительность Ключевского в ответе на ответ Иконникова⁴⁴. Во всю ширь развито положение основного вывода о хищении чужих фактов и текстов — до обвинения в плагиате остается только один шаг. Ответ Ключевского начинается с ехидного замечания, что «гневные речи» Иконникова превышают «своим количеством и энергией потребности его будущего биографа». «Похвальной» чертой ученого труда является «пчелиное собирание цветочной пыли по чужим сочинениям». Широко обыграно присуждение Иконникову докторской степени тоном нарочитой приниженности кандидата перед доктором: «Охотно готовы выслушать вразумление от доктора истории...» Тем более

что «наш оппонент», «большой охотник до чужих исследований», «кой-что впишет в свою тетрадку из нашей заметки»⁴⁵.

80 страниц — 5 печатных листов — не пожалел Ключевский в самый разгар мучительно тянувшейся работы над своей магистерской диссертацией против бедного Иконникова как автора «Новых исследований (множественное число!) по истории древнерусских монастырей», которых (исследований) тот никогда не писал!

Иконников отвечал Ключевскому в том же резком тоне. Только то, что у его противника получалось язвительно и ядовито, у менее одаренного в литературном отношении Иконникова выходило заносчиво и раздраженно: «Еще не успело выйти в свет наше исследование, как в «Православном обозрении» за октябрь 1869 г. появилась рецензия, претендующая на научное значение, но, к сожалению, не имеющая его ни по общему характеру, ни по фактическим сведениям ее неизвестного автора „В. К.“»⁴⁶, — пишет Иконников.

Ряд его возражений не может не вызвать тревожного согласия с недоумевающим автором: «Не говоря уже о том, что недобросовестно и ненаучно писать рецензии об ученом исследовании, не видевши или не читавши и половины его; но такой прием в деле критики бросает тень и на заключение автора. В самом деле, рецензент рассматривает настоящее исследование как специально относящееся к истории монастырей в России, тогда как оно имеет в виду рассмотреть монастырь только как проводник византийской образованности»⁴⁷. Далее читатель узнает, что «только три главы из десяти» могли быть прочитаны Ключевским для написания первой части его рецензии, появившейся в «Православном обозрении»⁴⁸.

В тот момент Ключевский находился в творческом кризисе: источники — жития святых — не насыщали замысла, ожидаемое не свершилось. Вероятно, не так просто было отстоять перед С. М. Соловьевым эту точку зрения на одну из его любимейших проблем. Ссылка на то, что тема «перехвачена» и разработана другим, была в данном разрезе своеобразно «выгодна» Ключевскому, она могла решить вопрос и для руководителя и для факультета: поставленная задача уже, мол, решена другим автором. Плохо решена? Последовали критические статьи Ключевского, поправки к ошибкам «перехватившего» тему автора. Положение вроде бы уяснилось: надо менять подход к теме.

Отказавшись от житий святых как нового и свежего источника по истории русской колонизации в силу его недостоверности и бедности, отказавшись от другого варианта — «рассмотреть всю совокупность изучаемого материала сверху, разобрав его элементы литературные, историографические, культурные и т. п.», Ключевский остановился на третьем и последнем варианте темы — разрешить «более простую и скучную задачу — первоначальную

очистку источника настолько, чтобы прагматик, обращаясь к нему, имел под руками предварительные сведения, которые помогли бы ему правильно воспользоваться житием»⁴⁹. Иначе говоря, Ключевский пришел к чисто источниковедческому варианту.

8

Всегда отчетливо строивший свое любое ученое повествование, Ключевский просто нарочито «невывразителен» в заглавиях своего блестящего труда о житиях святых. В книге всего восемь глав, но любитель исторического чтения начала 70-х годов, а их было тогда немало, не смог бы проследить, читая оглавление, ни за логической линией развития изложения, ни за критерием отбора материала. Все это, как увидим, не случайно. За главой «Древнейшие предания о ростовских святых в позднейшей литературной обработке» (гл. I) следует тема «Древнейшие жития на Севере». Смена тем говорит как будто о территориальном принципе построения работы: за русским северо-востоком следует «Север», это понятно. Но заглавие следующей главы «Киприан и Епифаний» (гл. III) сменяется заглавием, ограниченным только именем: «Пахомий Логофет» (гл. IV) — вместо критерия территории принципом отбора служат автор и его школа. За «Русскими подражаниями до Макарьевского времени» (гл. V) идут «Жития Макарьевского времени» (гл. VI) — налицо критерий этапа, хронологии, но автор неожиданно предупреждает читателя, что дальнейшее исследование «должно превратиться в краткий библиографический обзор». Как бы подтверждая отсутствие стройной структуры, Ключевский дает предпоследней главе (VII) самое сухое и «беспроblemное» заглавие: «Перечень позднейших житий и редакций», — а последней главе, с известным вызовом, не дает никакого «итогового» названия, не применяя даже обычного слова вроде «заключение», «послесловие» и т. д. Эту главу (VIII) он несколько неожиданно называет мало обязывающими автора словами «Общие замечания», названием, уместным скорее в начале, нежели в конце работы.

Таким образом, Ключевский смог лишь выделить несколько отчетливо сложившихся циклов («кругов») определенных житий святых. Одни из них тяготели к определенному региону: древнему Ростову, Северу (Смоленск, Новгород, Тверь и др.), другие — к определенному литературному направлению, третьи — непосредственно к определенному периоду развития. Далее следовали лишь перечень житий и общие замечания. Поэтому едва ли точно мнение, что главы Ключевского выявляют исторические этапы развития русской агиографии: он хотел этого, но материал не позволил ему в этом отношении идти до конца, и поэтому столь требовательный к плану изложения (вспомним его упреки

Иконникову) он нигде не пояснил в целом принятого им порядка глав⁵⁰.

Обращает на себя внимание и нарочитая сухость и как бы «скудность» изложения, рассчитанного только на специалистов. Это было, думается, сознательной авторской страховкой. Сюжет книги был достаточно опасен. Явно церковная тематика, за правильность трактовки которой головой отвечала духовная цензура, могла грозить многими осложнениями. «Светское перо» еще не работало в этой области, духовный сан был обычно присущ авторам работ о житиях русских святых, здесь же впервые в специальной работе выступал «гражданский» историк и предлагал оценки, отнюдь не «возвышавшие» жития и никак не совпадавшие с общепринятыми. Предложенная автору и рухнувшая в процессе исследования тема о роли монастырей в колонизации северо-восточной Руси не привлекла бы особого внимания церковников; она заранее предполагала позитивное решение вопроса: да, русские монастыри сыграли большую роль в колонизации северо-восточной Руси, и жития святых — важный источник для изучения данного вопроса. Но автор отверг этот вывод, разрушил предложенную схему и повернул тему к общему значению житий как исторического источника. Заметим, речь шла об историческом, а не о литературном источнике, не о житиях как литературном памятнике (хотя именно такое достаточно неточное понимание труда Ключевского получило большое распространение). Говорить об историческом источнике означало прежде всего ставить проблему о точности отражения им исторической действительности, о правдивости изображения в нем исторического факта. Ключевский решил эту проблему в основном отрицательно. А ведь речь шла о крупнейшем канонизированном церковном памятнике, об одном из устоев религиозной пропаганды и формирования религиозного мировоззрения. Ключевский становился на очень опасный путь и не устранился пройти по нему до конца. Однако остроумная и скорее даже хитроумная самозащита — сплетение сугубо ученого, по его собственному выражению, «ученого до мигреня» текста с предупреждением о скуке выводов, простом перечне объектов, скупом и неблагодарном черновом труде с целью лишь «предварительной очистки» источника, — конечно, спасла многое. Она отвела от него, — впрочем, как увидим в дальнейшем, не совсем — недреманное око церковной цензуры и подозрительных «ортодоксальных» читателей.

Нельзя не признать нарочитым также лаконизм и недосказанность предисловия. Гораздо больше мог Ключевский сказать и об отброшенных им концепциях, и о причинах принятой им новой трактовки темы, и о степени ее изученности. О споре с Иконниковым тоже не было упомянуто ни слова, будто его и не было. Предисловие имеет главную роль — предупредить требования, кото-

рым удовлетворить автор «не мог и не думал». Как раз *думал*, что уясняется из дальнейшего изложения, где сразу вслед за этим бегло перечислены все отвергнутые им концепции. И в этой книге мы вновь замечаем, что Ключевский подчас думал одно, а писал другое. Эти особенности Ключевского в дальнейших его работах станут еще более заметны.

Книга о житиях святых ставит перед собою строгие, чисто источниковедческие задачи: датировку списков, определение древнего списка (первичной редакции), место его возникновения; характерные черты устанавливаемой редакции, число и характер редакций. Ключевский стремился решить две основные проблемы исторической критики по отношению к житиям святых: 1) «разъяснение того, из каких источников черпались, и 2) как, под влиянием каких исторических и литературных понятий обрабатывались сказания о святых». Постоянно ставя вопрос об авторстве, Ключевский лишь в некоторых случаях мог ответить на него более или менее точно. Впрочем, и разрешение поставленных «двух основных» задач не всегда удовлетворяло его. Так, по отношению к «древнейшим житиям на Севере» Ключевский писал об «очень скудных и смутных выводах по отношению к их источникам и воздействию на них каких-либо исторических и литературных понятий»⁵¹.

В предисловии к диссертации Ключевский пишет, что качество исторического материала в житии зависело главным образом «от обстоятельств, при которых писалось последнее, и от литературных целей, которые ставил себе автор». Эти обстоятельства и цели, время появления жития и личность биографа, его отношение к святому, источники, которыми располагал он, частные поводы, вызвавшие его труд, и литературные приемы, которыми он руководился, — вот главные вопросы, которые задавал себе исследователь при разборе каждого жития⁵². Как видим, в разных местах работы он не вполне однозначно характеризует свою основную задачу. Однако она продолжает во всех формулах оставаться теперь строго источниковедческой.

Вся диссертация соткана из добротных и кропотливейших источниковедческих описаний и анализа конкретных житий — их списков, их соединений в группы, дающих основания говорить об определенных редакциях. Море частных выводов и детальных конкретных наблюдений — результат огромной работы и глубокого изучения рукописных источников.

Из всей массы просмотренного рукописного материала Ключевский отобрал и изучил около пяти тысяч житий, которые свел в редакции числом «до 250». Эти редакции, по его личному подсчету, относились к 150 житиям⁵³. Сопоставляя эту последнюю, явно округленную им, цифру с составленным им же указателем в книге «Жития святых как исторический источник», можно более точно подсчитать, что автор изучил жития не менее 166 святых.

Это, естественно, несколько меньше числа рассмотренных им житийных тем, поскольку некоторые имена святых «спарены», объединены традицией и общей жизнью, в силу чего являются одной житийной темой, имеющей двух героев (например, жития Адриана и Ферапонта, Вассиана и Ионы, Гурия и Варсонофия, Иоанна и Логгина, Петра и Февронии, Савватия и Зосимы и др.). Таких «пар» святых в работе Ключевского рассмотрено девять (18 святых). Иначе говоря, Ключевский рассмотрел «до 250 редакций» 157 житийных тем, касавшихся 166 имен святых, и установил упомянутые редакции на основании изучения не менее 5 тыс. прочитанных им житийных списков.

Таким образом, одна житийная тема имела иногда по две и более редакции. На одну житийную тему приходилось в среднем не менее 32 житийных списков. По мнению знатоков вопроса, каким является, например, С. И. Смирнов, профессор истории церкви в Московской духовной академии, работа эта была «убийственной». Недаром при защите магистерской диссертации Ключевского заговорили даже о «нравственной стороне» проделанной им работы, о настоящем трудовом подвиге ученого⁵⁴.

Мучительные противоречия взятой темы оказались неожиданными для Ключевского. Он узнал об этих противоречиях лишь в процессе работы.

«Редко является возможность поверить известия жития показанием другого источника», — отмечает Ключевский наиболее угнетавшую его как исследователя черту своего памятника. В ряде случаев он блестяще использует очень редкие возможности таких сопоставлений. Так, при датировке жития соловецкого монаха Феодорита, духовного отца князя Курбского, он детально сопоставляет данные жития с биографическими сведениями князя Курбского о своем духовном отце в истории царя Ивана Грозного. Привлечены также для этого данные Максима Грека и Льва Филолога. Сопоставление источников дает Ключевскому возможность остро критиковать выводы Филарета Черниговского в его «Русских святых» и других современных ему духовных авторов за произвольные предположения о Феодорите.

Ключевский полагает, что житие соединяло в себе, как литературное произведение, «два особых элемента — церковно-ораторский и исторический». Трагедией историка было то обстоятельство, что решающее значение получал в житии именно первый элемент: «... вся литературная история древнерусского жития почти исчерпывается судьбою его стиля». Сухая, сжатая повесть пролога распустилась в пышные и даже напыщенные формы церковно-исторического слова. Простота изложения в рукописном списке, напротив, свидетельствует о большей достоверности события; такое замечание встречается при анализе жития Ферапонта Монзенского и в ряде других случаев⁵⁵.

Труднейшей задачей явилось для Ключевского рассмотрение источников, откуда та или иная редакция жития черпала свой материал. Изустные источники и предания приходилось поставить на первом месте — рассказы «самовидцев» и «памятух» питали житие «фактами», нередко зыбкими, часто явно сомнительными и, как правило, не поддающимися проверке. Большую роль придавал Ключевский близости возникновения первичного списка к датам жития святого: чем ближе оно было к последним, тем достовернее могло быть изложение событий, чем отдаленнее, тем сомнительнее. На втором месте стояли более прочные письменные источники. Ключевский высоко оценивал связь жития с летописью в тех редких случаях, когда она встречалась. Тщательно учитывал он и сам факт ссылки жития на письменный источник, хотя и не дошедший до нас: историк собирал крупницы о характеристике этого источника или фиксировал обстоятельства его утраты. Так, отмечается, что «были записки» о жизни Кирилла Челмского, «пропавшие во время литовского разоренья». Указывается, что существовало как краткое, так и подробное «писание» о Монзенском монастыре и Ферапонте Монзенском, но впоследствии оно утонуло в Двине вместе с вещами игумена Антония. Само обозначение письменного документа в рукописи жития повышает его достоверность: так, житие Трифона, просветителя пермских остяков, написано в то время, когда «события жизни Трифона были еще свежи в памяти неизвестного биографа»; на это указывают многочисленные и любопытные подробности в его рассказе. Автор жития имел под руками письменные источники и, ссылаясь на послания Трифона, точно обозначает грамоты, полученные им в Москве⁵⁶.

Огромнейший, кропотливый труд был положен Ключевским на определение редакций. Невероятная профессиональная память удерживала тысячи мелких и мельчайших примет, сопоставляя и типизируя изучаемый список. Высоко ценя первоначальную редакцию, отмечая краткие и пространные варианты, Ключевский судит по позднейшим изменениям, в какой форме и в каком направлении перерабатывался затем текст данного жития. Повсюду при сопоставлении более поздних редакций с более ранними указываются факты цитирования источника. Примером может служить «дословная выписка» рассказа Досифея о составлении жития Зосимы и Савватия в повести о Германе. Тонко охарактеризованы две повести о московском Успенском соборе XV в., одна официальная, другая составленная «тайком от церковных властей и против них». Овладев огромным опытом по изучению рукописных списков житий, Ключевский отмечает даже особый характер ошибок, какие делают составители списка, «копируя малопонятные слова»⁵⁷.

Ключевский опознал в труднейших условиях ряд ранее неизвестных или находившихся под сомнением авторских имен: то из бег-

лой приписки к рукописи жития, которую он первый читал, то из вплетенного в повествование имени «недостойного инок», который писал такое-то житие, то из других беглых признаков.

Ключевским установлены некоторые общие этапы развития русской агиографии. Выделена эпоха ее «старого» стиля, витиеватого и восхваляющего святого в определенных отработанных шаблонах, и «нового» стиля XVII в., в котором уже дается «преобладание биографическому рассказу над общими риторическими местами». Выявлено этапное значение канонизаций на соборах 1547 г. и 1549 г. и составления макарьевских «Четых-Миней». Проверка и своеобразная «чистка» святых в этом памятнике подчеркнута Ключевским: «Было бы слишком смело, — остро замечает он, — подозревать в этих епархиальных обысках и соборном свидетельствовании признаки церковно-исторической критики, возбужденной официальным почином царя и высшей иерархии: ни то, ни другое не шло дальше собирания и внешнего осмотра написанного, не внося потребности в более широком изучении, в свде или проверке агиобиографических источников. Но в соборном свидетельствовании нельзя не видеть опыта церковной цензуры...» Вывод, конечно, смелый, и автор, как бы спохватившись, добавляет: «Впрочем чисто литературной и притом необходимой»⁵⁸.

Ключевский никогда не пропустит живой черточки, любопытной мелочи, изучая причины возникновения житийного списка, яркой цитаты. Веря в целительную силу святого, «монах Каменского монастыря и дяк города Любима, страдая зубною болью, дают обет списать канон и житие Геннадия Костромского», и рядом еще примеры того, как зубная боль оказалась причиной возникновения житийного списка. Показывая наличие «летописного» элемента в истории монастырей, Ключевский не преминул в примечании петитом дать в качестве примерной цитаты строчку с живинкой: «В лето 7071 преставися старец мой Феодосий, архиепископ бывший великого Новаграда и Пскова, февраля 26, господин великий. Ох, ох!»⁵⁹

Самым важным для Ключевского, разумеется, было отношение житий к историческому факту. Это было основным — в результате всех его изысканий в агиобиографии выделить из нее исторический факт. И что же? Равнодушие агиобиографа к биографическому факту являлось, по выводу Ключевского, бесспорным: «Жизнь Ефрема Перекомского изображена почти буквально словами жития Александра Свирского. На Прокопия юродивого устюжского биограф его перенес целиком рассказ из жития Андрея, юродивого цареградского. В службе Ефрему Перекомскому повторены черты жизни, изложенные в службе Савве Вишерскому». И намека нет, «чтобы биографический факт имел для него (агиобиограф! — М. Н.) цену сам по себе и рассматривался независимо от нравственно-практических выводов...». Видимо, это «отсут-

ствие исторического содержания», проще говоря, несоответствие излагаемого в житии действительности, ложь жития — не бросалась сама по себе в глаза Ключевскому в семинарские годы: мешали, вероятно, «детская вера» и религиозное умиление перед нравственным подвигом. В исследовании и выводе чувствуется поэтому некая новизна вывода для самого диссертанта. Он не избрал бы этой темы, если бы раньше знал это! В какой-то мере он «верил» в правду житий, поэтому смелые выводы об их несоответствии истине — не только научный вклад, объективное открытие, но в то же время какой-то шаг в мировоззрении Ключевского. Но изучение житий было еще одним приобретением его личного глубокого скепсиса и иронической оценки одного из религиозных устоев. Жития — «образы без лиц». Критическая проверка факта, рассказываемого в житии, невозможна. Биографические черты житий черпались нередко не из какого-либо фактического источника, а «из древнерусского понятия о подвижнике». С радостью ловит Ключевский у Симона Азарьина (автора биографии троицкого архимандрита Дионисия) критическое замечание, требующее правды в рассказе о жизни святого: «Бог не хочет ложными словесы прославляем быти». Но все, как правило, прикрито в агиобиографии «блеском широких словес». Житие, «изысканное до невразумительности», составляется «бойким пером», с нарочитой витиеватостью. В некоторых местах древнерусский писатель «не мог отказать себе в удовольствии быть невразумительным», — иронизирует Ключевский. Черты рисуемого святого лишены индивидуальности: «И приезжий серб, и сын боярский, и царевич, и представители всех ступеней церковной иерархии от пономаря или простого монаха до патриарха как две капли воды похожи друг на друга». Иной раз источником новых подробностей в биографии святого является лишь «... остроумие очень позднего книжника, поправившего рассказ второй редакции по своим соображениям...»⁶⁰.

Ключевский доказывал ненадежность житий святых как исторического источника, несмотря на изредка встречающиеся ценные свидетельства. Он уяснил прежде всего несоответствие действительности самой биографии святого. Типический облик святого, как он рисуется составителю жития, однообразен, строится по отработанному церковной практикой трафарету. Рядом с индивидуальными чертами, «имеющими значение действительных фактов», в нем однообразно повторяются общепринятые, явно взятые из установленного штампа, а не из действительности: «Редкий биограф не начинал своего рассказа известием, что святой родился от благочестивых христианских родителей и в известный срок духовно возродился крещением, и это известие несколько не зависело от того, знал или не знал биограф что-нибудь о родителях святого». Осторожно и не без иронии высказывается Ключевский о «биографических гипотезах», необходимых для полноты

картины: «К числу обычных черт такого рода относятся известия, что святой, родившийся в глуши древнерусской деревни, именно на седьмом году выучивается грамоте и в 12 лет уходит в монастырь, внезапно увлеченный евангельскими словами о тех, кто оставляет родителей ради имени Христова, и биограф заносит это в рассказ, хотя бы ничего не знал о детстве святого». Подобного рода элементов у агиобиографа так много, что он мог бы «из них одних составить довольно стройный биографический очерк», естественно, не имевший ни малейшего отношения к реальным фактам. Биограф освещал только некоторые — все одни и те же — стороны, «оставляя в тени другие, для исследователя самые важные». Остановимся на минуту на последних четырех словах: для Ключевского было неважным то, что было важно для церкви, для него была важна живая жизнь реального человека известных десятилетий определенного века, с обстановкой, историческими условиями, связью с бытом времени; он извлек бы отсюда бездну фактического материала для характеристики исторического процесса во всех его проявлениях, если бы житие святого было реальным описанием жизни исторического лица. Тогда бы пыльные пудовые груды древних биографий превратились для него в сверкающие сокровища подлинного исторического источника. Но этого не было. «Говоря вообще, житие есть лишь ряд отдельных эпизодов, изображающих торжественные минуты в жизни святого (вопрос о реальности этих «торжественных минут» Ключевский в данном случае осторожно опускает. — М. Н.); будничные промежутки между ними оно обходило или вскользь бросало на них бледный свет. Таков был рассчитанный план, отличавший житие от повествования другого рода: едва разговорившись о простых житейских подробностях жизни Корнилия Комельского, биограф его спешит остановиться, замечая: «Сказания бо (изустного рассказа) дело сие, а не жития повесть»⁶¹.

Глубоко скрытая ирония по отношению к своему источнику слышится в словах Ключевского, художественно рисующего облик церковного биографа в момент его творчества в сравнении с современным ученым-историком: «Кропотливый исследователь строго научного направления, измучивший голову микроскопическими гипотезами, вправе позавидовать спокойствию, с каким иной составитель жития начинает свой рассказ: из какого града или веси и от каковых родителей произошел такой светильник, того мы не обрели в писании, богу то ведомо, а нам довольно знать, что он горнего Иерусалима гражданин, отца имеет бога, а мать — святую церковь, сродники его — всеошущие многослезные молитвы и непрестанные воздыхания, ближние его — неусыпные труды пустынные...»⁶²

Особая (нумерованная) страничка, предпосланная диссертации, содержит шесть основных положений — тезисов работы

о древнерусских житиях святых как историческом источнике. Они очень отчетливо и смело резюмируют результаты исследования, обоснованные всем содержанием книги и более подробно сведенные в итоги в замечательной заключительной главе, носящей сухое название «Общие замечания». Нельзя не привести здесь в качестве итога первые пять тезисов Ключевского (на шестом мы остановимся ниже особо):

«1. По литературной задаче жития биографические факты служат в нем только готовыми формами для выражения идеального образа подвижника.

2. Из описываемой жизни житие берет лишь такие черты, которые идут к означенной задаче.

3. Избранные черты обобщаются в житии настолько, чтобы индивидуальная личность исчезала в них за чертами идеального типа.

4. Агиобиограф и историк смотрят на описываемое лицо с различных точек зрения: первый ищет в нем отражения отвлеченного идеала, второй индивидуальных исторических черт.

5. Обилие и качество биографических фактов в житии находятся в обратном отношении к развитию чествования святого, к торжественности повода, вызвавшего житие, и к хронологическому расстоянию, лежащему между кончиной святого и написанием жития».

Это был крайне суровый и с научной тщательностью обоснованный в тексте работы приговор житиям святых как историческому источнику — вклад, который внес Ключевский как в историческую науку, так и в литературоведение, хотя и с рядом оговорок, сохраняющий цену до настоящего времени.

Предложенное решение вопроса сталкивается с противоречием, присущим всему тексту диссертации.

В диссертации наряду с приведенными выше доводами, выводами и утверждениями наличествуют многократные признания достоверности и ценности ряда житийных свидетельств. Н. А. Попов собрал их в своей рецензии на труд В. О. Ключевского⁶³, и мы не будем на них останавливаться вновь. Отметим другую своеобразную черту: подчеркивая, что такие-то жития содержат любопытные исторические сведения о том-то, Ключевский нарочито «обрезает» на этом конкретную информацию, не сообщая читателю ничего, кроме общего упоминания. Иначе говоря, в ряде случаев ценной информации Ключевский сознательно не доводит ее до сведения читателя, хотя в общей форме и упоминает о ней. Житие затворника Иринарха сообщает «несколько любопытных черт из истории Смутного времени», но каких именно, не сказано, хотя важность предмета требовала бы конкретизации. Житие Галактиона, сына казненного Ивана Бельского, «любопытно чертами, характеризующими древнерусский взгляд на отшельничество». Ка-

кой же? Ни слова. Житие соловецкого постриженника Дамиана Юрьегорского очень любопытно по указаниям «на разложение монастырского общежития и на условия монастырской жизни в Поморском крае», но в чем же выразились условия и в чем состояло разложение, об этом не сказано ничего. В житии московского юродивого Иоанна Большого Колпака «много любопытных указаний для топографии Москвы в XVI в., причем, судя по их изложению, они извлечены из памятной книги Покровского собора...». Но в чем они состоят, не говорится.

У автора диссертации были своя тема и своя позиция в вопросе о цене источника, это и обрезало цитацию конкретных свидетельств.

В рукописях XVII в. «есть любопытные историко-географические указания и рассеяно много ярких черт из жизни Поморья того времени», но какие указания и в чем состоят эти черты, мы так и не узнаем. В житии Адриана Пошехонского рассказ «полон любопытных подробностей об отношениях пустынножителей к крестьянам, о монастырском и сельском быте XVI и XVII веков», — кажется, надо было бы их привести, но и здесь принятая точка зрения подрезывала информацию — никакого раскрытия вопроса не давалось. Любопытно, как живое чутье историка иной раз хоть отчасти преодолевает наложенный на себя запрет: в повести о возникновении Черниговского монастыря на Пинеге в XVII в. основатели его, впрочем, не причисленные к лику святых, дают «любопытные указания на движение и средства монастырской колонизации в далеком северном крае». Какие? Не сказано. А ведь это как раз было его темой!

Житие астраханского архиепископа Феодосия также содержит «несколько любопытных подробностей по истории Смутного времени», но каких — опять-таки не говорится.

Повесть об обретении мощей Геннадия Костромского любопытна по рассказу «о борьбе за земельный вклад в монастырь между дворянином, хотевшим постричься, и его матерью», но по существу свидетельства нет ни слова.

Житие Симона, воломского пустынножителя, «принадлежит к числу важнейших источников для истории монастырской колонизации XVII в.», тут тема дается «живьем», но ничего конкретного не цитируется. «Условия монастырской жизни и отношения монастырей к местному населению в центральных областях ярко обрисованы в житии Лукиана Переяславского, основателя монастыря в Александровском уезде (Владимирской губернии)», в чем же эта живая обрисовка — оставлено в неизвестности. При упоминании «Повести» о чудесах Пертоминских чудотворцев указывается, что они отражают характеристические черты «монастырской колонизации в Поморском крае» — и всё. Записка ключаря Ивана Наседки, исправлявшего и дополнявшего писание Симона Азарь-

ина, содержит «превосходный очерк бедствий Смутного времени»⁶⁴ — и более ничего.

Следует, конечно, различать две проблемы: одна — констатация несоответствия действительности и присутствия явного вымысла в самом житии такого-то святого, в рассказе о его жизни и деятельности, другая — наличие реальных и ценных свидетельств попутного характера, отраженных в отдельных житиях, не касающихся прямым образом жизни святого. Строго придерживаясь взятого для исследования источниковедческого варианта темы, Ключевский, может быть, и располагал формальным правом такого изложения, но с нашей, современной точки зрения, конкретный рассказ о ценных исторических свидетельствах житий святых, о реальных событиях не только вполне уместен, но и обязателен в подобной теме. Ключевский жестко и неправомерно отрезал этот вопрос — остаток отвергнутых им концепций. Его работа и вошла в историографию вопроса этим внутренним противоречием.

Не отвергая существование ценных исторических свидетельств, могущих повстречаться в том или ином житии, иногда случайно и в несоответствии с его установившейся формой, Ключевский извлек важный материал из этого источника и для освещения вопроса о хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря и для некоторых других тем. Немало взял он отсюда и для своего «Курса русской истории». Ключевский даже посвятил в диссертации свой последний — шестой — тезис общему выводу, в каких именно местах структуры житий ценные исторические свидетельства чаще всего пребывают. Правда, сделал он это «*cum grano salis*»*, преследуя сразу две цели: высказаться по указанному вопросу и заранее дать сильную дозу успокоительного средства тем представителям духовенства, церковным исследователям и духовной цензуре, которых могли всполошить смелые выводы автора о столь важном и доселе неприкосновенном для критики произведении церковной пропаганды.

Диссертация Ключевского сразу после появления вызвала не только ученый спор, но и резкую эмоциональную реакцию многих. Профессор Московской духовной академии С. И. Смирнов вспоминает рассказ Ключевского, как старый профессор той же академии П. С. Казанский, перелистывая при авторе подаренную ему книгу «Древнерусские жития святых как исторический источник», похваливал то одно, то другое место, восклицая: «Хорошо это!», «Ах, как хорошо!», но, дойдя до выводов, т. е. до последней главы, сразу переменял тон: «А вот эту главу я бы оторвал, да бросил в печку!» «А между тем последняя-то глава и была особенно

* «С крупинкой соли». — Лат. (т. е. со скрытым смыслом, с особым замыслом).

близка моему сердцу»⁶⁵, — добавлял, рассказывая это, Ключевский.

Шестой тезис диссертации Ключевского гласил: «По источникам и качеству фактического содержания житие наиболее надежно в двух своих частях: в рассказе об устройении святым новой обители и в описании его посмертных чудес». Конец — о чудесах — сформулирован так, что обезоруживает самых ярких церковников: диссертант вполне ортодоксален — верит в чудеса святых и этим заканчивает свои тезисы! Наши современные читатели торопятся внести оговорку, что Ключевский, разумеется, не верил в чудеса святых, а просто подразумевал под ними описание жизненных обстоятельств, окружающих рассказ о чудесах: быта народа, его нужд, заболеваний, трудностей его жизни. Агиобиограф включал в описание чудес много реальных черт жизни людей уже после смерти святого⁶⁶. Да, Ключевский имел в виду именно это, выделив пункт «Описание посмертных чудес как исторический материал» (он этим и заключает свою книгу). Но в тезисах отсутствие уточнений и оговорок, неумолимо ведущее к прямому признанию автором реальности чудес, защищало от церковников смелую книгу автора. Ключевский нарочито придал изложению последнего положения прямой смысл.

Жития святых, как уже говорилось, входили в важнейшую агитационную и пропагандистскую литературу церкви. Они издавна были предметом особых забот духовенства: вопросы о них рассматривались на соборах, отбор святых и проверка их жизнеописаний проводились церковными иерархами по всей «строгости» охранения ортодоксальных канонов. Эта литература, призванная воспитывать и наставлять, назидать верующих, никогда не выходила из орбиты бдительного внимания церковных руководителей. Верить безоговорочно истине каждого слова жития — таково было требование воспитания верующего. Житие входило в богослужение — его читали в церкви на всенощной накануне праздника святого и в самый день праздника. Читалось оно на шестой песне канона вслед за кондаком и икосом, что отмечено у Ключевского. Указывая, что кондак «кратко передает в повествовательной форме основные черты деятельности святого», а икос на основании этих черт излагает похвалу святому, начиная каждую похвалу возгласом «Радуйся!», Ключевский отмечает, что в этих песнях и содержится «литературная программа жития». Так его работа самым прямым образом колебала один из ортодоксальных «устоев» — жития святых, в которые отныне никто не может безоговорочно верить, поскольку они не соответствуют реальной действительности. Отсюда и необходимость книги, «ученой до мигренья», которую Ключевский посылал друзьям с советом не читать ее. В таком трудном виде она оставалась малодоступной и особой угрозой для верующих не представляла⁶⁷.

Но она была опасна для ортодоксальной церковной науки. В этом еще одна сторона ее историографического значения.

Теперь, после разбора работы, возможно наиболее ясно поставить вопрос об ее историографическом месте. Русская агиография впервые в истории науки становилась объектом именно научного, светского, а не церковного изучения. До Ключевского она была лишь в сфере практического использования церкви и изучения духовных лиц. С XVI в. в своеобразно систематизированном огромном памятнике макарьевских «Четьих-Миней» русская агиография до половины XIX в. оставалась объектом или переиздания отдельных житий, или их пересказа, или практически церковного комментирования опять-таки с целью использовать их для воспитания верующих. Этой цели служили и вышедшие до половины XIX в. два словаря русских святых и появившаяся в 50-х годах работа Муравьева «Жития святых российской церкви» (1855—1858 гг.), и более поздний труд архиепископа Филарета Черниговского «Русские святые» (1861—1865 гг.). Этот труд был к моменту выхода труда Ключевского, так сказать, последним словом российской агиографии⁶⁸.

Как и в первой своей книге о «Сказаниях иностранцев», так и во второй о древнерусских святых Ключевский не написал специальной историографической главы, которую мы так привыкли встречать в диссертациях нашего времени. Но никакая другая работа Ключевского не включает в себя столь значительного историографического материала, как книга о житиях святых. Материал этот буквально пронизывает аппарат ссылок и примечаний, содержа, как правило, справедливые критические замечания то в адрес архиепископа Филарета Черниговского (более всего «достается» от Ключевского именно ему), то Муравьева и ряда других авторов.

Резкая критика прикрыта академическими вежливостями и крайней сдержанностью тона: Ключевский не хотел «ссориться» с церковным миром, но никак не мог отступить от истины. Общая оценка труда Филарета была им дана еще в споре с В. Иконниковым: «Это — краткие биографии, предназначенные для читателя, который не претендует на звание специалиста по русской истории». Филарет был, по его мнению, так сказать, Карамзин и Устрялов российской агиографии, стоя «всецело на богословской точке зрения», чуждой научным требованиям. У Ключевского в работе немало примечаний, где он спорит с архиепископом черниговским, показывает его неточности и ошибки: то отмечается неправильная датировка Филаретом жития святого Никиты, столпника переяславского, лишенная каких-либо доводов; то указывается, что Филарет «неизвестно почему» назвал автора жития Михаила Клопского — Василия Тучкова — Михаилом, «смешав его с отцом Михаилом Васильевичем Тучковым, дедом Андрея

*Анисья Михайловна Бородина —
будущая жена В. О. Ключевского
1860-е годы*

*В. О. Ключевский-доцент
во время III Археологического съезда в Киеве
1874 г.*

Курбского по матери»; то выявляется, что Филарет произвольно датировал пространную редакцию жития Паисия Углицкого, «не указывая оснований», и так далее⁶⁹.

Другим объектом критики Ключевского явился профессор С. П. Шевырев — один из столпов теории официальной народности. В его лице Ключевский едко изобличает «некоторые историко-литературные предрассудки». К ним относится, например, мнение, что житие первоначально возникало в простонародном предании, а потом уже расширялось и украшалось книжниками. Схема Шевырева, «вообще скучавшего предварительной критикой источников», как показал Ключевский, не соответствовала действительности: она, будучи весьма легкой для обработки, не рождена изучением материала. С. И. Смирнов хорошо разобрал этот вопрос в своем докладе памяти Ключевского⁷⁰.

Книга Ключевского о древнерусских житиях святых имеет черты памятника критической научной мысли 60-х годов XIX в. Она опровергала установившееся представление об одном из устоев религиозной пропаганды и должна в этом отношении занять свое место не только в истории русской науки, но и в истории русской общественной мысли.

9

Оценивая общественно-политическое мировоззрение Ключевского за годы работы над житиями святых, мы замечаем, что оно интенсивно развивается. Нет, он не смог «спрятаться» от окружавшей его действительности в жития святых... Время врывалось в работу. Оно было нелегким. Революционная ситуация давно закончилась, не перейдя в революцию. Реакция спешила урезать данные реформы. Кривая классового движения резко упала. Неудаче первого демократического натиска сопутствовал спад революционных настроений. Взрыв шовинизма после подавления польского восстания увел от передовых демократических позиций многих общественных деятелей. Оппозиция царизму шарахнулась вправо. Белый террор усиливался. Нечаев и нечаевщина уводили революционную борьбу на путь заговорщического авантюризма. Предполагалось (хотя признаков революционной ситуации и не было) беспочвенное революционное выступление в 1870 г. Маркс и Энгельс повели решительную борьбу против нечаевщины. «Бесы» Достоевского вышли из печати в тот же год, что «Древнерусские жития святых» Ключевского. Нет, между ними нет общего, но роман датирует особую атмосферу времени, когда появляется смелая монография Ключевского. Атмосфера эта далеко не однозначна для разных общественных течений — движение «в народ» со всем своим размахом покажет себя в следующем году. Но антисоциалистические записи в дневнике Ключевского звучат в одной

тональности с общим поправлением либерального движения. Вместе с этим именно Ключевский со своим смелым и по существу антицерковным исследованием о житиях святых не должен быть забыт в общей картине идейной борьбы России на рубеже 60—70-х годов.

Историк, по 16 часов в сутки трудившийся над анализом бесконечных, монотонных, трудночитаемых списков то жития Германа Соловецкого, то Саввы Вишерского, то Кирилла Челмского, то Козьмы Яхромского, оказывается, одновременно непрерывно размышлял над вопросами текущей политической жизни России. Источники наших сведений об этом процессе мыслительной работы, идущем параллельно с кропотливым изучением житийного материала, — это его переписка и дневники.

Вот Ключевский только что вернулся из поездки в Казань с ворохом выписок из соловецких житий, он завершает не только их разбор, но трудится и над особой отдельной работой о хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря (она будет опубликована в этом же году), и в то же время он остро реагирует на закрытие царским правительством петербургского земства. Он даже выражает удовольствие по поводу того, что высказанное им вчера мнение совпало с выводами сегодняшней статьи М. Каткова в «Московских ведомостях»⁷¹. Ключевскому по душе такое совпадение, он как раз ищет спокойствия. Желая определить свою позицию в этом вопросе, он охотно принимает формулу: «Не подходи к конуре, когда там злая собака лежит; в этом храбрости немного, это лишь мальчишки делают». Под «злой собакой» явно понимается царская власть с ее неограниченными прерогативами, распустившая организации петербургского земства за несогласие с правительственной линией. Поясняя свое достаточно оппортунистическое мнение, Ключевский иронизирует над собой: «Эта змеиная мудрость, соединенная с голубиной кротостью, теперь очень по душе мне, ибо дает возможность оставаться спокойным...» Позиция, между прочим, занята им не в результате одиноких раздумий, а в страстных спорах в каком-то кружке молодых «политиков»-единомышленников: «ведь мы — политики, мы, т. е. кружок камрадов, живущих в номерах одного дома...» В феврале 1867 г., по горло занятый той же «житийной» работой, да еще уроками, да еще «репетиторством» в Александровском военном училище, он сильно потрясен демонстративным уходом профессоров Соловьева, Чичерина, Рачинского, Бабста и других из Московского университета в знак протеста против нарушения университетского устава и избрания на кафедру (с нарушением правил) профессора полицейского права В. Н. Лешкова. Нарушение допущено Советом университета под давлением министра народного просвещения А. В. Головнина. Во главе этого «гадкого большинства» университетского Совета «стоят ректор, Леонтьев, Юр-

кевич и Любимов; это самые крупные подлецы...». «Буслаев оказывается вертихвостом и наивным...» Ключевский тут радикален в оценках и полностью против реакционного вторжения министра в права старейшего Московского университета. Спокойствие его, обретенное воздержанием от поддразнивания «злой собаки», как видим, нарушено⁷². Он вовсе не идет вместе с ретроградами — у него сильные отличия от их позиции.

В марте 1867 г. все пережитое и продуманное опять ведет его к тревожному и постоянно мучающему его образу — сказочного выбора трех дорог!.. Опять эта знакомая тревога, теперь уже не в переписке, а более потаенно — в дневнике: «Три жизненные дороги, к которым подъезжали сказочные богатыри, мелькают и предо мной, — и ни одна из них мне не нравится. Пока я не подошел к ним, я призываю к себе спокойствие безучастного наблюдателя, пока рассеется мрак, покрывающий наше гадкое время...» Что это, неужели опять та же проблема выбора, от которой его освободил было Ишутин? Похоже на то. Впечатления от общественно-политической жизни России — «внешние впечатления», как называет их он, переживаются им «так резко и в таком количестве, что отнимают возможность всякого серьезного обсуждения». Оказывается, он лишь «призывает к себе» спокойствие безучастного наблюдателя, но никак не может обрести его. Он страстно хочет перестать «быть степным ковылем, колеблемым в разные стороны по прихоти набегающего ветра». Но не выходит. На страницах дневника возникают одновременно и антисамодержавные и антисоциалистические размышления.

В июле 1867 г. он с негодованием обличает противоречия в действиях самодержавия: правительство провозглашает одно, а гнусно творит другое! Все вместе представляется ему «великим бессмыслием», даже «желательными становятся насильственные перевороты» — редкое у него, примечательное признание! В августе 1867 г. он в дневнике мысленно как бы продолжает спор с Ишутиным и каракозовцами, отказываясь обожествлять народ. Народничество (без употребления термина) — объект его критики. И вот 5 августа — уже который раз мучивший его сказочный образ о выборе трех дорог... Выбрать бы, а он все еще «с тревожной думой смотрит в туманную даль»⁷³.

1868 год — с мартовских записей дневника Ключевский ставит перед собою вновь тот же вопрос, которым он как историк будет дальше заниматься до конца жизни: куда идет Россия и в чем вообще смысл ее истории? Мы встречаем выводы, которые не попадутся во вводных лекциях к его будущему «Курсу». Эти выводы, несмотря на обступающих его Пахомиев Логофетов, Киприанов и Епифаниев, раздирают ему душу: «Благоустройство достигается в государстве ценою страшных жертв на счет справедливости и свободы лица..., чиновники и капиталисты с правитель-

ствами во главе, опираясь на знание и насилие, живут на счет громадных масс рабочих и плательщиков». Ключевский стремится ухватить, определить «главную цель», которой служит все в истории, — это выкованная в ее горниле «способность человека правильно понимать и осуществлять свои отношения к человеку. Все в истории служило этой главной цели». История монастырей, которой он сейчас занимается, все-таки «укрепляет в нем веру в русский народ». Правда, он нигде не написал об этом в работе о житиях святых. . .⁷⁴ Он писал не все то, о чем думал.

Сын 60-х годов, он накануне магистерской защиты книги о житиях святых честно считает себя принадлежащим к тем, кому «неловко в церкви», к тем, для кого «церковная жизнь и формулы церковного вероучения стали бессмысленными». Полностью связь с религией и церковью не порвана, она все-таки еще есть, но он уже принадлежит к тем, у кого «двустороннее отчуждение от церкви».

В то же время Ключевский в дневнике со страстью пишет о великом Гейне, который, как никто, воспроизвел «затаенные чувства и нравственный образ века». А XIX век — «неугасимый очаг противоречий». Он находит, что «никогда тоска по свободе не охватывала сильнее европейское человечество». Мы не найдем ни в переписке, ни в самых «вольных» местах его лекций таких строк, какие читаем в дневнике 2 июня 1869 г.: «Ум пролетария перешарил все закоулки общества, перебрал все основы его строя, осудил и отвергнул их как негодные, а социальное неравенство выступает еще угловатее, грубее от примеси аристократической и буржуазной спеси. . . Никогда личность не чувствовала так сильно свои права, и никогда так тяжело не давил ее установившийся, затвердевший порядок жизни, людских отношений со всем аппаратом цивилизации. . .»⁷⁵

Очевидно, в связи со всем ходом этих размышлений он пишет в сентябре 1869 г. П. Гвоздеву о «паскудных политических правах российского гражданина. . .»⁷⁶.

Понятно, что вся эта мучительная работа мысли способствует росту интереса к исследованию генезиса российского самодержавия и к вопросу о степени участия «общества» в управлении страной. Ответа он будет искать сначала, конечно, в буржуазно-дворянской научной литературе своего времени — у Б. Н. Чичерина, у историков права В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова. . . Искать — и не находить. Из этого противоречия и родится у Ключевского в дальнейшем, по-видимому в начале 70-х годов, замысел работы о боярской думе древней Руси. Но пока еще рано говорить об этом — предстоит трудное окончание работы над книгой о житиях святых и магистерский диспут. «Спешу домарать свою книжицу», — довольно непочтительно пишет он о своем труде П. Гвоздеву 30 марта 1870 г.⁷⁷

Наконец-то в 1870 г. Ключевский почувствовал, что завершает диссертацию. Ему вроде бы удастся «вынырнуть»... Правда, конец оказался более отдаленным, чем он предполагал. 9 марта 1870 г. он пишет С. М. Соловьеву, что надеется кончить работу «к началу будущего академического года», т. е., очевидно, имея в виду осень. В этом же письме обсуждается вопрос об устройстве на работу в Дерптский университет, куда его рекомендует Соловьев, — других вакансий не предполагалось. Ключевский, уже семейный человек, видимо, сильно нуждался материально, но Дерпт пугал его: «Мысль, что мне придется начинать в среде, заранее предубежденной не только против моей русской особы, но и против самого предмета преподавания, подействует, вероятно, парализующим образом на труса, как я». Вместе с тем «получение степени и избрание до мая» невозможны, а это условия получения должности в Дерпте. В письме Гвоздеву от 30 мая Ключевский пишет: «Меня тянут в Дерпт, но я упираюсь»⁷⁸.

На помощь ему в эту трудную минуту пришел профессор Московской духовной академии А. Ф. Лавров, давно ему симпатизировавший и угадавший его талант. Он посоветовал Ключевскому взять преподавание в Московской духовной академии. Она только что вступила под общим могучим влиянием 60-х годов на путь некоторых реформ, получила новый устав, организовала у себя по-новому три отделения — богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. С мая 1869 г. жалованье преподавателей академии было приравнено к университетскому. Кафедра русской гражданской истории на церковно-историческом отделении как раз была вакантна. Защита диссертации? Ведь последняя еще не закончена? Диссертацией в данном случае послужит готовая, вышедшая из печати книга — «Сказания иностранцев о Московском государстве». Устав академии дает права такой защиты. 8 июня 1871 г. Ключевский защитил публично свою первую научную работу «в качестве диссертации *pro venia legendi*»* в присутствии профессоров церковно-исторического отделения и прочел пробную лекцию на заданную тему «О житиях русских святых как источнике сведений для русской гражданской истории». На следующий день он был избран советом Московской духовной академии на должность приват-доцента и с 9 июня стал числиться там на службе (он проработает в Духовной академии без перерыва 36 лет — вплоть до 1907 г.)⁷⁹. Так Московская духовная академия сняла вопрос о Дерпте.

Через месяц — 9 июля 1871 г. — Ключевский может с радостью сообщить в письме В. И. Герье, что держит корректуру

* «Для получения доступа к чтению лекций». — Лат.

25-го печатного листа своей диссертации о житиях святых: «Осталось еще листа 1 $\frac{1}{2}$ ». К осени или осенью 1871 г. магистерская диссертация Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» вышла в свет⁸⁰.

В те времена диссертант должен был публиковать диссертацию за свой счет. Ключевский не имел для этого средств. Замечательный русский книгоиздатель К. Т. Солдатенков, сам из народных низов, взял на себя публикацию диссертации — она вышла в его издательстве. 13 января историко-филологический факультет Московского университета заслушал отзыв С. М. Соловьева о книге Ключевского и определил днем защиты 26 января 1872 г., приходившееся на среду. Назначены были и оппоненты: ординарный профессор С. М. Соловьев и декан факультета Н. А. Попов⁸¹. В то время в отличие от нашего считалось обязательным участие руководителя в качестве оппонента на диссертационном диспуте ученика.

Защита протекала тогда иначе и гораздо интереснее, чем теперь. Диссертант не знал, что скажет оппонент, предварительное вручение письменного отзыва оппонента не практиковалось. Вся защита была импровизированным диалогом диссертанта и оппонента. Сначала, как и теперь, слово предоставлялось диссертанту. Произнеся его, он не сходил с кафедры, ожидая выступления оппонента, который поднимался на другую кафедру и оглашал какое-либо свое возражение, выражал в чем-либо сомнение или задавал вопрос диссертанту. Тот должен был незамедлительно и без подготовки отвечать ему. Восхвалять работу в начале выступления считалось для оппонента непристойным, обычай разрешал ему при желании сделать это лишь в конце выступления.

Живой диалог, разумеется, требовал от диссертанта находчивости, остроумия, быстрой мобилизации своей эрудиции, прекрасного общего знания предмета. Живая и трудная проверка диссертанта и его работы производилась публично, право выступить имел каждый присутствующий, а поскольку книга перед диспутом выходила в свет, то любой желающий мог и подготовиться к дискуссии и принять в ней участие. Время дискуссии по обычаю не регламентировалось, и ученые споры в силу сложившейся еще в средние века традиции могли, теоретически говоря, идти хоть всю ночь напролет. Бывали, конечно, и скучные, вялые диспуты, но это не был случай Ключевского.

Как вспоминает Е. В. Барсов, оставивший подробное описание диспута 26 января⁸², защита Ключевского, несмотря на специальную тему, привлекла «многочисленную публику». «Кроме студентов и профессоров университета, здесь были и другие ученые, а также чиновники, офицеры, коммерсанты и даже раскольники». Заметно было «особенное множество дам». Диспут был веден «серьезным тоном» и с «живым увлечением». «Давно уже московская

публика не слыхала в стенах университета подобного ученого спора». Диссертант, или, как более точно называли его во время защиты, — «диспутант», начал с краткой вступительной речи, в которой осторожно характеризовал недостоверность исследуемого источника, указав сразу на «некоторое несоответствие между историко-литературной ценой, какую я даю исследуемому материалу, и теми усилиями, какие положены на его изучение». Далее — весьма парадоксально с нашей точки зрения — Ключевский противопоставил это установившемуся мнению о некоем «удивительном внутреннем однообразии», которое якобы было присуще древнерусскому обществу, несмотря на дробность и пестроту юридического и экономического «внешнего деления» тех времен. «Но вот памятники, обещающие нам представить древнерусское лицо с его индивидуальными чертами, притом огромное большинство этих лиц, вышедших из различных общественных состояний, сходится в монашестве, в той среде, которая в древней Руси несравненно более других обладала средствами для развития нравственной свободы лица (!)... Может быть, из всего, что осталось нам от древней Руси, только жития дают историку возможность взглянуть на древнерусского человека в таком индивидуальном его уединении? Вот научный интерес, руководивший мною в работе; он в моих глазах оправдывает те микроскопические, утомительные изыскания, которые, может быть, слишком обильно рассеяны в книге». Барсов оговаривает, что передает речь Ключевского «почти дословно». В дальнейшем будет ясно, что эта надежда найти индивидуальные черты в его работе как раз и не оправдалась, он это сам далее скажет. Если так, то надо признать, что в своем вступительном слове Ключевский, возможно, учитывая пестроту собравшихся слушателей, обошел молчанием все научные проблемы, его волновавшие, и как раз не сказал ни слова даже о том отрицательном ответе, который дали ему жития святых относительно индивидуальных различий изображаемых иконописных лиц: ведь они же, по его мнению, «как две капли воды» подходили друг на друга...

Основной вывод Ключевского о несоответствии жития действительности — о ненадежности жития как исторического источника — удивительным образом не занял центрального места в диспуте: так «умело» был он подан диспутантом при защите диссертации.

Выступавший первым С. М. Соловьев выдвинул следующее возражение: автор рассматривает древнерусские жития слишком особняком от общего хода древнерусской жизни. Изменения особенностей житий (следовал ряд примеров) не даются «в связи с историческими переменами в России».

Ключевский отвечал, что, по его наблюдениям, особенности житий имели мало связи с тем, что совершалось «на верху русского

общества». Приведя ряд примеров, он пришел к выводу, что общественные перемены XV—XVI вв. слабо отразились на агиографии. Скорее эти изменения зависят от появления новых литературных требований, чем от «перемен в общественном порядке этого времени». С. М. Соловьев возразил относительно вывода диспутанта, что жития полны «общих мест», которые не имеют значения исторических фактов. Это, полагал Соловьев, не «общие места», а бытовые черты, говорящие о простоте и «эпическом направлении» жизни того времени.

Ключевский согласился с этим, но заметил, что эти бытовые черты нельзя принимать за индивидуальные факты: они взяты из греческих житий и не всегда приложимы к древнерусской жизни, а в некоторых житиях они просто неверны.

С. М. Соловьев заметил далее, что в работе Ключевского исследованы некоторые памятники, вовсе не относящиеся к житиям святых, например биография Александра Невского или Михаила Тверского.

Ключевский остроумно отвечал, что «упрек в излишке работы не считает особенно тяжелым». Потом биограф Александра Невского сам называет его святым, а биография Михаила (хотя он и не святой) составлена «с обычными приемами житий святых».

Вторым оппонентом выступал декан факультета профессор Н. А. Попов. Он главным образом говорил о пропусках в диссертации. Почему не цитированы Пискаревские рукописи, хранящиеся в Московском музее?

Ключевский указал, что одна рукопись (с отрывками житий угличских святых) им цитирована, а остальные не дают ничего нового для критики житий.

Новый вопрос: почему нет в диссертации разбора жития Иоасафа Каменского?

Ключевский показал, что оно у него есть и им разобрано. На замечание о пропуске ряда других житий Ключевский ответил, что они принадлежат XVIII в. и потому стоят вне программы его исследования.

Тогда Попов перешел в атаку на основной тезис: если «общие места» господствуют в содержании житий и форма подавляет фактическое содержание, чем же тогда объяснить, что многие жития содержат драгоценные исторические факты, упоминаемые как раз у самого Ключевского (позже Попов в печатной рецензии перечислил длинный список примеров).

Это был сильнейший удар по основному противоречию в диссертации!

И Ключевский в сущности не ответил на это ничего. «Среди других возражений диспутант не успел обстоятельно развить своего ответа на это возражение», — сдержанно пишет Барсов. И добавляет: «Вследствие того же осталось без ответа и другое заме-

чание оппонента, что в книге не везде достаточно полно указано фактическое содержание житий, которым может воспользоваться историк, и именно факты, относящиеся к монастырской колонизации, изучение которой и подало автору повод приняться за разбор житий».

Третьим выступил Ф. И. Буслаев. Новатор по природе, он нарушил традицию, а может быть, хотел в какой-то мере «выручить» Ключевского, начал с «проникнутых теплым сочувствием» замечаний о достоинствах диссертации и далее остановился на «литературном элементе» житий. Поскольку, по мнению автора, житие рисовало не индивидуальное лицо, а общий идеал подвижника, то не «в этих ли „общих местах“ и заключается указанный идеал?»

Ключевский ответил, что тип подвижника он предполагал общеизвестным и воспроизведение его он не рассматривал как свою задачу. Он хотел характеризовать лишь литературные приемы изображения, указывая на некоторые черты изображения только для примера.

Ф. И. Буслаев подчеркнул в некоторых житиях решительное отличие от указанного Ключевским общего тона, например в житии Александра Невского, Петра и Февронии Муромских, Меркурия Смоленского...

Ключевский ответил, что древнейшее житие Александра Невского — исключительный, неповторимый случай, о чем он и пишет в книге. В позднейших редакциях облик князя меняется, он приближается к обычному типу житий. А прочие упомянутые жития — народные легенды, а не жития.

Выступление Буслаева было выступлением «из публики». Таким же было выступление профессора Н. С. Тихонравова, видного ученого, профессора истории русской литературы Московского университета, ученика профессора С. П. Шевырева.

Н. С. Тихонравов спросил, почему в вопросе об авторстве жития Пафнутия Боровского не процитировано в подкрепление доводов автора мнение профессора Шевырева? (профессор С. П. Шевырев, или, по-студенчески, «Шевырка», — один из столпов теории «официальной народности»)

Ключевский ловко ответил, что считал доводы профессора Шевырева не вполне убедительными и «потому старался отыскать другие, более твердые» (он сильно спорил с Шевыревым в книге и разоблачил ненаучность его выводов, но сейчас об этом он не упомянул).

Профессор Тихонравов заметил далее, что Ключевский первым в нашей литературе попытался снять с редактора жития Евфросина Псковского «обвинение в вымыслах, касающихся «сугубой аллилуиа». Доказывая возможность для Евфросина заимствовать «двоение аллилуиа» в Греции, автор ограничился ссылкой на известное послание Дмитрия Грека, где сказано, что и там «двоили

аллилуиа»; но то же подтверждается встречающимся в рукописях посланием, которое Филарет приписывает Геннадиеву дьяку во Пскове Филиппу Петрову. Тут Тихонравов процитировал из рукописного послания места, где содержались упреки современной ему греческой церкви за «двоение аллилуиа».

Ключевский ответил, что рад «принять новое указание, подтверждающее его мысль».

Заметим это место диспута. Оно имело для Ключевского неожиданные и неприятные последствия.

После нескольких детальных замечаний Тихонравова и ответов Ключевского последовало последнее выступление «из публики» — выступил Е. В. Барсов. Сделав несколько детальных замечаний по определению редакций отдельных житий (Антония Сийского и Макария Желтоводского) и о некоторых пропусках и неточных ссылках, Барсов в заключение остановился на достоинствах труда и на подлинном подвиге автора, явившего ученому миру 250 редакций житий, для чего ему пришлось рассмотреть около 5 тыс. списков. Отмечены были также смелость и отвага выводов.

Все пять оппонентов, по мнению Барсова, отнеслись к диспутанту со «строгим вниманием», осаждали его со всех сторон — исторической, литературной, библиографической, и он с находчивостью оградил достоинство своей диссертации.

Далее огласили факультетский отзыв, после чего автор был «провозглашен» магистром русской истории. «Взрыв рукоплесканий огласил залу».

5 февраля 1872 г. Совет Московского университета утвердил В. О. Ключевского в ученой степени магистра русской истории⁸³. Но история с защитой житий еще не кончилась...

Вскоре после защиты диссертации разразился инцидент с открытыми публичными о ней выступлениями под московским небом, при большом скоплении народа и даже с выбором некоей протестующей против Ключевского «делегации»... Все началось не более и не менее как на Кремлевской площади. Собравшиеся через некоторое время после защиты диссертации раскольники (вообще их собрания там в определенные сроки были обычными и разрешенными) подняли восторженный шум, крича, что правильность дорогого их сердцу символа — «двойной аллилуиа» — теперь доказана-де на диспуте в стенах Московского университета!

В диссертации Ключевского, как мы помним, действительно было упоминание о древнем характере «двоения аллилуиа», т. е. о «сугубой аллилуиа», отнесенной им даже к древним традициям греческой церкви. Сделано это было попутно по научному поводу, без нажима, но и без осуждения, без оговорки о том, что для православной церкви «сугубая аллилуиа» — признак старообряд-

чества. Диссертант, конечно, имел основания считать это общеизвестным, как и то, что православная церковь «троила аллилуиа» и также возводила это к древнейшим традициям. Раскольники готовы были умереть, а иногда и умирали за «двоение аллилуйи», это была такая же дорогая для них символика, как сотворение крестного знамения двуперстием.

То место в диссертации Ключевского, где шла речь о древности «двоения аллилуйи», было, как указано выше, с сочувствием разобрано на диспуте профессором Тихонравовым, который, что также отмечено выше, привел даже дополнительный подтверждающий это материал. Говорил о том же и последний оппонент «из публики» — Е. В. Барсов. Выходило, что трое ученых с Ключевским во главе высказались за раскольничью «сугубую аллилуиа».

Православные ортодоксы не замедлили вступить в борьбу с раскольниками. Некий священник, отец Пафнутий, как говорили, сам недавно принадлежавший расколу, но раскаявшийся, признавший свои ошибки и примкнувший к официальной церкви, со страстью неопита ринулся в битву с Ключевским. Ареной его деятельности стал Чудов монастырь, где издавна происходили публичные выступления и «собеседования» православных против раскола. Случилось так, что отец Пафнутий тоже был на университетском диспуте и все сам слышал.

Акцию отца Пафнутия православным руководителям надо было похвалить в пример прочим. И вот в «Московских епархиальных ведомостях» от 12 марта некий «Б.» с похвалой сообщал, что отец Пафнутий выступил на одной из открытых зимних бесед после праздничной вечерни в Чудовом монастыре. «Б.» добавил, что раскольники шумели на Кремлевской площади о том, что «справедливость их мнений находит защиту в стенах Московского университета». Отец Пафнутий справедливо-де поспешил выступить в Чудовом монастыре против радующихся раскольников. Ему пришлось «защищать» правоту православия не только против невежественного упорства раскольников, но даже против ученых исследований, «защищаемых в стенах Московского университета». Название диссертации «Б.» переврал, но существо дела изложил довольно точно. Вся беседа отца Пафнутия была посвящена правильности «троения аллилуиа» с присовокуплением слов «слава тебе, боже». Затронута была и общая часть диссертации: «В объяснительных примечаниях к помянутому житию г. Ключевский с некоторою суровостью относится к знаменитым нашим деятелям в духовном мире» (не архиепископ ли Филарет имеется в виду? — М. Н.). Намеркалось также на то, что «удостоение степенью магистра русской истории» такого лица — явление «во всяком случае прискорбное» и тем более представляется особенно грустным, что «издание означенной диссертации принадлежит

Солдатенкову, известному ревнителю раскола». Это было сильным ходом противников Ключевского.

Для убеждения участников беседы в своей правоте отец Пафнутий не остановился даже перед организацией из них «депутации», которая во главе с ним должна была направиться в Московскую синодальную ризницу, чтобы убедиться по рукописям в его правоте. Заодно высказывалось, что здесь, мол, в Чудовом монастыре, беседы ведутся более правильно и «ненарушимо», чем на Кремлевской площади.

Заканчивалась статья восклицанием: «Честь и слава отцу Пафнутию, блистательно отразившему ученую ложь и всесторонне осветившему правильность принятого св[ятой] церковью!»⁸⁴

«Московские епархиальные ведомости» были официальным церковным органом, газетой, читавшейся всем духовенством Московской епархии. Степень неприятности инцидента усугублялась для Ключевского, разумеется, и тем, что он уже являлся в это время приват-доцентом Московской духовной академии.

Ключевский ответил на выпад «Б.» иронической статьей «„Аллилуиа“ и отец Пафнутий», напечатанной в «Современных известиях». Его положение надо признать очень трудным. Он вышел из него следующим образом: его исследования показали, «что в русской церкви XV века и двоили, и троили «аллилуиа» и что в России двоение делалось в некоторых местах даже раньше XI века. Я не имел при этом в виду отношения разбираемого вопроса к церковному богослужению или церковному уставу, не думал о существующих теперь разногласиях об этом предмете: я строго держался в пределах задачи, какую поставил для своего исследования, ограничился исключительно критикой исторического памятника и восстановлением исторического факта давно минувшего времени»⁸⁵.

Далее подробно и с цитатами, излагая в ироническом тоне все происшествие, высмеивая незнание противником даже точного названия диссертации, Ключевский подчеркивал, что в его книге изложено не оправдание «двоения аллилуиа», «как надумались о. Пафнутий или г. „Б“, а лишь высказаны соображения, основанные на изучении исторических источников». Нельзя не признать смелой и такую фразу: «Я был и остаюсь равнодушен и к двоению, и к троению, вообще к количеству „аллилуиа“». Как «верный сын» православной церкви он мог бы поддержать троение. Но он поспешил в статье опереться на Дмитрия Грека и архиепископа новгородского Геннадия, которые считали «ино как ни молвит человек тою мыслию, так и добро»⁸⁶.

Так вышел Ключевский из крайне неприятного для него положения, в котором оказался было в самом начале работы в Духовной академии. Чуть не попав в «раскольники», он все же показал себя достаточным вольнодумцем. «Ведь я в житиях усом-

нился», — говорил он о себе. Способствовала его выходу из затруднения та же эпоха 60-х годов — новое время требовало научной методологии. Критическое направление пробивало себе путь и в истории церкви, профессор А. В. Горский представлял его в Московской духовной академии⁸⁷. Ключевский был принят там «молодыми» как «свой». Очевидно, руководителей академии удовлетворил ответ Ключевского отцу Пафнутию и анониму «Б.», инцидент признали исчерпанным. 16 марта 1872 г., вскоре после описанного происшествия, приват-доцент Ключевский был избран доцентом Московской духовной академии «по классу русской гражданской истории» и утвержден в этой должности «его преосвященством»⁸⁸.

Защита диссертации имела большие последствия для служебного положения Ключевского, в корне изменила его. Держать в репетиторах магистра было неудобно, и старый С. М. Соловьев, давно подумывавший о своей разгрузке, уступил Ключевскому кафедру в Александровском военном училище, тем более что фактически с 1871 г. Ключевский заменял его, читая там курс лекций по всеобщей истории (он будет преподавать в этом училище 16 лет).

Летом 1872 г. Ключевский дал согласие своему другу В. И. Герье взять на себя чтение лекций на Московских Высших женских курсах, основателем которых был В. И. Герье (Ключевский проработает на курсах более 15 лет).

Таким образом, Ключевский в начале 70-х годов стал читать лекционный курс сразу в трех высших учебных заведениях Москвы. Впервые открылся для всех его изумительный дар лектора. Вместе с тем началось и то накопление знаний и научных выводов, которые позже легли в основу знаменитого «Курса русской истории».

На очереди у Ключевского теперь было другое — докторская диссертация о Боярской думе.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ НАД «БОЯРСКОЙ ДУМОЙ»

1

1

Из писем Ключевского можно заключить, что тема докторской диссертации была задумана им рано — во время работы над древнерусскими житиями святых, видимо, к концу работы. По крайней мере к профессору Духовной академии А. Ф. Лаврову он пишет (не позднее 6 сентября 1872 г.) о своем намеченном замысле: «Моя вторая диссертация несколько страшит меня в одном отношении: если, думается мне, первая потребовала от меня шести лет более свободных, то при такой неповоротливости сколько протянется стряпание второй? Неумение мое работать скоро и споро для меня теперь доказанный исторический факт». Далее, мотивируя необходимость иметь для новой диссертации свободными хотя бы три дня в неделю, Ключевский продолжает: «Я хотел поспешить и вооружиться по возможности досугом для занятий в архивах у Оболенского и Калачова, где, к сожалению, отведено очень мало времени для занятий, притом суббота принадлежит к праздничным дням»¹. Упоминание имени управляющего Московским архивом Министерства юстиции (Н. В. Калачова), откуда Ключевский надеялся получить материалы для «Боярской думы», говорит о том, что тему докторской диссертации он выбрал во второй половине 1872 г. Видно, что он уже составил план практических действий для ее разработки, наметил необходимые для работы дни.

В 1880—1881 гг. Ключевский опубликовал значительную часть своей монографии в журнале «Русская мысль», а в 1882 г., существенно переработав текст, издал его отдельной книгой, готовя защиту докторской диссертации. Печатание книги завершилось, вероятно, не позже весны этого же года, иначе факультетский отзыв о ней, одобрявший работу к защите, не мог бы поспеть к сентябрю, когда состоялся докторский диспут Ключевского. Таким образом, основная работа над «Боярской думой» длилась примерно с лета 1872 г. по осень 1882 г. — 10 лет.

«Боярская дума» была задумана широко, с размахом на весь многовековой период ее существования. Она вплеталась в общие

курсы русской истории, ложилась на их фон — с Киевской Руси вплоть до начала XVIII в., когда прекратила свое существование.

Своеобразной чертой работы над докторской диссертацией была ее связь с лекционным курсом русской истории, который Ключевский с 1872 г. начал читать на женских курсах В. И. Герье (в это время он еще не преподавал в Московском университете). В течение трех лет лекцию за лекцией записывала жена Герье Авдотья Ивановна, иногда с помощью других слушательниц. Три тома соответствовали программе трех первых курсов и доходили до XVIII в. Сопоставляя «Боярскую думу», написанную на широком историческом фоне, с текстом курса, мы можем убедиться, что курс непрерывно питал диссертацию, а диссертация поддерживала курс.

Естественно желание каждого ученого работать над еще не исследованной темой, сказать новое слово, «открыть» новую проблему. Когда Ключевский в начале 70-х годов остановился на Боярской думе, он справедливо считал ее неисследованным вопросом.

Конечно, этого вопроса попутно и очень бегло касались авторы общих трудов по истории России и отдельных монографий, а также историки русского права — можно упомянуть имена С. М. Соловьева, М. П. Погодина, К. Н. Бестужева-Рюмина, И. Д. Беляева, А. И. Никитского, К. С. Аксакова. Но все эти авторы не останавливались на Боярской думе как на одном из учреждений центральной власти. Едва ли не первый обратил на нее внимание с этих позиций В. И. Сергеевич в первом томе своей работы «Вече и князь» (1867), хотя это и вызвало возражения юристов, сначала никак не соглашавшихся причислить Боярскую думу к органам управления. Впрочем, сам Сергеевич начинал историографию Боярской думы с двух страниц в статье К. А. Неволлина «Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого»². Неволлин отличал Боярскую думу от думы царской; первая возникала и брала в свои руки бразды правления лишь в годы междоцарствия или несовершеннолетия царя, а царская дума была постоянно действующим советом при царе. Доказательства не занимали Неволлина, он ограничился аподиктическими положениями. Сергеевич, указывавший на догматичность изложения Неволлина, критиковал его за это и за смешение Судной палаты с думой. Вопрос о думе оставался и после статьи Неволлина столь же неисследованным, как и до него. Монографии, посвященной Боярской думе, в литературе не существовало — работа Ключевского должна была стать первой в этой области.

Откуда же у Ключевского вырос интерес к Боярской думе? Конечно, он связан с его общим интересом к истории государства и государственных учреждений, выраженным уже в первой ра-

боте о «Сказаниях иностранцев». В ярких образах, опираясь на живые рассказы послов и других свидетелей жизни царского двора, Ключевский не раз касался бояр и Боярской думы и ощущал неизученность темы с интересовавшей его точки зрения. В какой-то мере воспитанник историко-юридической школы, он не мог не вникать с особым вниманием в вопрос еще не изученного и в то же время центрального государственного учреждения, «махового колеса» всего Московского государства — Боярской думы. Вместе с тем, ощущая формализм и неисторичность привычного методологического историко-правового подхода, он испытывал острый интерес к наполнению темы новым общественным содержанием — историей общества. Но, пристально всматриваясь в его творческую жизнь, мы видим, что всего этого недостаточно. Корни, питавшие замысел работы о Боярской думе, были разветвленное и богаче.

«Боярская дума древней Руси. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества» — с таким подзаголовком (позже исчезнувшим) начал писать свой труд Ключевский. Он говорит о новизне замысла. Но еще больше свидетельствовало об этой новизне заглавие введения к работе, позже также исчезнувшее: «В предлагаемом опыте Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе». Заглавию придан, как видим, характер тезиса, что подчеркивает значение авторской мысли.

2

В связи с чтением курса всеобщей истории знакомство Ключевского с проблемой изучения классов и классовой борьбы надо считать несомненным. Может быть, оно возникло не от Маркса и Энгельса, а от более ранних работ Тьерри и Гизо по истории Франции и Французской революции, которые он штудировал. Однако в работах Ключевского есть упоминания имени Маркса, правда, беглые³. Никаких свидетельств о прямом знакомстве Ключевского с работами классиков марксизма у нас нет; в его библиотеке, описью которой мы располагаем, их работы также отсутствуют. Конечно, теория классов и изучение классовой борьбы в западноевропейской историографии, как известно, старше марксизма. Но первый русский перевод «Капитала» появился в 1872 г.; общавшийся с Максимом Ковалевским, А. Шаховым, В. И. Герье и другими учеными, в том числе экономистами, а также с широким кругом студенческой молодежи, Ключевский, конечно, знал об этом. Отсюда никак не следует вывод, что Ключевский штудировал Маркса, но его несомненный интерес к проблеме классов и классового общества рожден той эпохой, когда марксизм становился активной идейной силой.

Для подготовки лекций в Александровском военном училище он использовал довольно широко не только книжную научную литературу, но и общение со специалистами по всеобщей истории, у которых эти проблемы стали довольно привычными. В приятельском общении Ключевского с В. И. Герье, Максимом Ковалевским, А. Шаховым социальная сторона исторического процесса, несомненно, обсуждалась. Понять социальную структуру общества, изучать именно общество, борющиеся его группы, а не только государственные учреждения было в этих кругах общим направлением, хотя и не потерявшим еще в восприятии перечисленных русских ученых характера свежести и новизны. Сопоставление уровня, с какого исследовалась западноевропейская тематика, с уровнем понимания исторического процесса в русской историографии приводило к выводу об ощутимой отсталости русской исторической науки от новых, притягательных концепций. С. М. Соловьев был историком Российского государства: вникая в положение и роль сословий, он со своих позиций не ощущал особой нужды в понимании классовой структуры общества. Но более молодые историки, занимавшиеся в то время крестьянским вопросом в годы Екатерины II, Смутным временем, Разиным, Пугачевым, неизбежно сталкивались лицом к лицу с новой проблематикой.

Было бы неверно относить лишь к этим воздействиям генезис интереса Ключевского к роли классов в русском историческом развитии. Идея исследовать эту сторону дела родилась прежде всего в его личном исследовательском процессе; последний охватывал в это время не только монографические темы, но и трудную подготовку к трем общим курсам, в создание которых Ключевский ушел с головой сейчас же после защиты магистерской диссертации. Подготовка первого самостоятельного курса для молодого ученого равна по значению и интенсивности работе над монографией, если не превосходит ее. Общая концепция предмета вырабатывается прежде всего здесь. А Ключевский читал параллельно: будущим офицерам — курс всеобщей истории, будущим священникам — курс гражданской истории России, молодым курсисткам, впервые прорвавшимся к высшему образованию, — общий курс русской истории. В исходе того десятилетия, когда создавалась «Боярская дума древней Руси», к этому прибавится самый ответственный и самый трудный курс истории России — с древнейших времен до современности — в Московском университете, где он начнет чтение лекций с декабря 1879 г. Для многих теперешних историков кажется непостижимым, как мог Ключевский, преподавая сразу в трех, а затем в четырех «вузах», в иных из которых у него было по две лекции в неделю (например, «у Троицы в академии»), одновременно завершить блестящий и для своего времени новаторский труд — докторскую

диссертацию о Боярской думе. Его выдающаяся трудоспособность не перестает поражать исследователя его жизни и творчества.

Корень новых исторических обобщений был, думается, именно здесь, в работах над общими лекционными курсами; второй, еще более глубокий и раньше питавший его замыслы, корень уходил далеко в глубь его общественного и политического мировоззрения, которое, как известно, развивается в течение всей жизни человека, а не только в его молодые годы. Это было непрерывное «думание» о современности, неотрывное от сегодняшней жизни проникновение в современность. Вынеся еще из учения в университете, если не ранее — из семинарии, живое внимание к проблеме народа, подкрепленное работой у Буслаева и Ешевского, чтением страниц Щапова, общением с народниками и вниканием в существо народничества, Ключевский продолжал, как мы видели, разрабатывать тему общественного развития на научной основе. Как убедимся далее, он был глубоко захвачен современным ему общественным антагонизмом: крестьянство — помещики. Проблема изучения классов русского общества — с изначальных времен до порога «нового периода» (т. е. начала «до Петра I») и затем — в последующие десятилетия XVIII в. — стояла перед ним. Одновременно прежний, с молодости взятый разбег в историю государственной жизни, отраженной ли в «Сказаниях иностранцев», или в проблеме монастырей, осуществляющих историю колонизации Российского государства, был еще в движении своем далеко не завершен, оставался его значительным и неутоленным исследовательским интересом. Широко раскрыть, даже проломить ограду государственной темы навстречу истории общественных классов русского общества — какая же это заманчивая задача! Она все отчетливее вырисовывалась перед его умственным взором и вошла в состав основной цели работы над «Боярской думой».

Письма Ключевского, как было сказано выше, свидетельствуют, что над темой «Боярская дума» он начал работать не позже лета 1872 г. Через девять лет он с отчетливостью изложил свою задачу во вводной главе к «Боярской думе древней Руси», главе, позже затерявшейся на страницах первого номера нового журнала «Русская мысль» и почти забытой историографами. Эта глава никогда не переиздавалась и, в общем, «не доходила» в силу этого до учета историков науки, довольствовавшихся позднейшими изданиями труда — четвертым, т. е. последним прижизненным (1909), или пятым, первым советским, «перепечатанным без всяких изменений с четвертого издания», как значилось на обороте титула. Больше «Боярская дума» не переиздавалась⁴.

Концепция Боярской думы как «конституционного учреждения», да еще с «обширным политическим влиянием» сложилась

у Ключевского, по всем данным, в самом начале работы; более того, она отчасти и явилась магнитом, притянувшим его внимание к проблеме. Уже приняв в корне неверное положение о том, что классы отличаются родом капитала, которым работает каждый, Ключевский поставил своей целью изучить отражение в Боярской думе как учреждении историю общественных классов, именно так понимаемых. Это сразу легко сдвинуло понятие *капитала* в довольно отдаленную древность Руси. «Исконность» капитала, антиисторическое его понимание было тут налицо. Как видим, методом исследования классов Ключевский не владел. Заметим также, что у него повсюду идет речь о классах общества, но не о классовой борьбе. Но вместе с понятием капитала двигалось в древность и понятие классового общества — раньше этого в русской историографии не было. Несмотря на принципиально ошибочное определение класса, оно порождало новую социальную проблематику исторического изучения как древней Руси, так и последующих веков существования Боярской думы.

Характеристика последней как «конституционного учреждения», хотя и существовавшего «без конституционной хартии», также совершала методологически неприемлемое передвижение более позднего исторического явления (конституционных учреждений) в древнейшую эпоху. Ключевскому казалось, как это и было свойственно мышлению буржуазного историка, что и капитал и конституционные установления могут быть явлениями исконными, издревле существующими. Их, оказывается, можно (и надо!) лишь «открыть» в прошлом своей страны — в этом будет научная новизна исследовательского вывода. Историко-юридическая школа в своей сосредоточенности на переходе родовых отношений в государственные по природе своей не могла поставить столь новых научных проблем.

Острота конституционного вопроса в русском общественном движении в годы жизни Ключевского, обострившаяся во время революционной ситуации на рубеже 50—60-х годов и принявшая в либеральных кругах форму требования «увенчания здания» реформ конституцией, содействовала, особенно после падения крепостного права и открытия земских учреждений, возникновению подобных новых научных проблем, питала интерес к ним буржуазного исследователя. Представлялась заманчивая задача — проследить отражение изменений в правящих классах — помещицмь и отчасти промышленно-торговом — в судьбе столь важного «конституционного учреждения», как Боярская дума. Вместе с этим надо было изучить и выражение «классовых интересов» в работе «махового колеса», приводившего в движение весь правительственный механизм. Эти положения, как мы увидим далее, принципиально оставались основными в схеме Ключевского с начала до конца процесса его работы, хотя в течение 10 лет трудов

над «Боярской думой» он несколько видоизменил свое к ним отношение.

Эпоха между тем существенно менялась. 70-е годы — время нарастающего напряжения общественного движения и революционной борьбы. Ширится «хождение в народ». В середине 70-х годов XIX в. ведется дело «о революционной пропаганде в империи», по которому привлекались к дознанию многие сотни участников, главным образом учащейся, революционной народнической молодежи. Знаменитый процесс «193-х», начавшийся в октябре 1877 г., закончился в январе 1878 г. — в это время Ключевский близился к завершению своей «Боярской думы древней Руси» и был «в разгаре» чтения трех лекционных курсов. Можно не сомневаться, что немало народников, позже ушедших в движение, были в составе слушателей его лекций. Народники выработывали свою новую программу, свою платформу, — неудача «хождения в народ» ставила перед ними вопрос, какими путями идти дальше. Развивались планы террора. Выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова в январе 1878 г. прозвучал на всю Россию. Летом 1879 г. Воронежский съезд народников выявил глубину разногласий внутри народнического движения и в августе 1879 г. вторая «Земля и воля» разделилась на «Народную волю» и «Черный передел». С середины 70-х годов вновь поднимается крестьянское движение, надломленное в исходе 60-х годов. Оживляется и либерально-оппозиционное буржуазное движение, особенно отчетливо заявляющее о себе во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В Москве в 1879 г. созывается съезд земских деятелей с участием ряда видных журналистов, профессоров, юристов, врачей. Съезд отчетливо высказывается в пользу конституционных идей и ограничения самодержавия. Дело ограничилось либеральными земскими «адресами» и ходатайствами, обращениями к правительству. Идея создания тайной политической организации для борьбы за конституцию хотя и прозвучала на съезде, завоевав ряд сторонников, но в целом успеха не имела. Положение в стране между тем становилось все более напряженным. Бедствия крестьянства обострились с русско-турецкой войной; мучительное развитие капитализма прусского типа, процесс «раскрестьянивания», возникновение «батраков с наделом», сохранение пережитков крепостничества, «отрезки» и «отработки», переселение крестьян «на песочки» — все это было основой роста крестьянского недовольства и углубления борьбы, пугавшей правительство. Террористические выступления народовольцев обостряли положение — в августе 1878 г. был убит Сергеем Кравчинским шеф жандармов Мезенцов, в апреле 1879 г. произведено покушение Соловьева на Александра II, в ноябре того же года «Народная воля» организует взрыв железнодорожного полотна во время возвращения царя из

Крыма (царский поезд не пострадал). В феврале 1880 г. Степан Халтурин производит взрыв в самом Зимнем дворце (под царской столовой), по случайному стечению обстоятельств царь остался невредимым.

В России 1879—1880 гг. сложилась вторая революционная ситуация.

В феврале 1880 г. царское правительство, учредив «Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», возглавленную Лорис-Меликовым, свидетельствовало тем самым о «кризисе верхов», о кризисе правительственной политики: народ не хотел жить по-старому, а правительство уже не могло управлять по-старому.

Такова была общественная обстановка, в которой развивалась русская историческая наука в 70-е годы, подходя к рубежу 80-х. Вопрос о том, знали ли историки о сложившейся в стране ситуации, был бы праздным. Конечно, знали. Они чаще всего не называли ее этим именем. Но общественное оживление, возрастающее напряжение революционной борьбы и соответственно либерально-оппозиционного движения протекало на их глазах, захватывало многих. В. И. Семевский в эти годы садится за докторскую диссертацию о пугачевщине — из введения к ней получается диссертация «Крестьяне в царствование Екатерины II» и «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой четверти XIX века».

Ключевский в эти же годы работает над «Боярской думой древней Руси».

3

Вступая в период создания «Боярской думы», историк творчества В. О. Ключевского испытывает острый недостаток в привычных, ранее сопутствовавших его работе источниках: нет насыщенного потока многочисленных писем, особенно к «дражайшему другу» Порфирию Гвоздеву, и хотя и гораздо более редких, но драгоценных по значению дневниковых записей Ключевского. За все десятилетие 1872—1882 гг., когда писалась «Боярская дума», опубликовано всего 12 писем, преимущественно официальных и чаще всего кратких. Еще беднее представлены дневниковые записи, их всего две: одна — за 1876 г., другая — за 1877 г. Дневник заседаний III Археологического съезда в Киеве в 1874 г., конечно, представляет интерес с общенаучной точки зрения, но совершенно лишен характера личного дневника, это лишь регистрация того, что происходило на съезде⁵.

Архив создания рукописи монографии существует, но его не назовешь богатым. Ни в целом, ни в больших фрагментах рукописи «Боярской думы» не сохранились, налицо лишь ряд интересных, но отрывочных черновых материалов, подготовительных тек-

Десять лет работы над «Боярской думой»

стов, выписок, набросков, частичных планов работы и т. п. Это и понятно: по технике того времени автор давал в набор беловой рукописный текст. При ручном наборе рукопись нередко пачкалась, рвалась, а автор, получивший корректированную им самим книгу, мало интересовался судьбою своего «беловика». Опубликовав в «Русской мысли» значительную часть «Боярской думы», Ключевский, естественно, готовил свое книжное издание по печатным листам журнала, внося на полях правку, а иногда и значительные добавления (карандашом, но очень отчетливо). Несколько таких страниц сохранилось в его архиве. Позднейшие издания «Боярской думы» также набирались на основе правленных печатных листов предшествующего. Таким образом, историк творчества Ключевского, потеряв прежние драгоценные источники, все же приобретает другие, дающие довольно большой материал для исследования.

Мы располагаем первым (журнальным) изданием текста «Боярской думы» («Русская мысль», 1880 и 1881 гг.) и «вторым», т. е. первым отдельной книгой, назовем его «первым книжным изданием» (1882 г.), очень сильно, иногда принципиально отличающимся от первого, журнального. Важны и следующие издания: второе (1883 г.), а особенно третье (1902 г.), поскольку оно носит название «пересмотренного»; последним прижизненным изданием — четвертым книжным — было издание «Боярской думы» в 1909 г. Это было последнее издание, подготовленное самим Ключевским.

Сопоставление текстов разных изданий, как увидим, дает значительную информацию о творческой истории монографии Ключевского.

Такой источник, как работы-спутники, порожденные темой или так или иначе связанные с ней, имеются и здесь. С первого взгляда представляются «случайными» и не имеющими связи с основными поднимаемыми им проблемами и рецензия Ключевского на один из томов сочинений Ю. Ф. Самарина «Крепостной вопрос накануне его законодательного возбуждения» (1879), и речь Ключевского 6 июня 1880 г. в день открытия памятника А. С. Пушкину, и ответ Ключевского в 1881 г. на злую статью брата Ю. Ф. Самарина — Д. Ф. Самарина, задетого его критической статьей, упомянутой выше. Анализ этих выступлений Ключевского показывает их глубокую, органическую связь с проблемами, поднимаемыми им в докторской диссертации и одновременно лежащими в основу его «Курса русской истории» (параллельный и неразрывный процесс!).

История Боярской думы, одного из центральных государственных учреждений на протяжении восьми веков его развития, не только открывала широкий доступ ко всей основной исторической проблематике русской истории, но и требовала тесного кон-

такта с ней. Для того, чтобы такую тему разработать, надо было исходить из какого-то отчетливого понимания особенностей исторического развития России. Она является в этом отношении контрастом к теме о древнерусских житиях святых. Там крупная проблематика или рушилась от соприкосновения с источниками (отпадение проблемы о процессе колонизации России), или мельчила в силу случайности и недостаточной достоверности источника. Тут же восемь веков развития центрального правительственного учреждения, взятые в разрезе истории общества в связи с его классами и классовыми интересами, открывали широчайший простор для трактовки любой крупной проблемы, любой существенной стороны в общей концепции истории России. Позже мы увидим, что широкое поглощение темой проблем общего курса послужило поводом для упреков у критиков «Боярской думы». Но, говоря о широте проблематики, допускавшей тему, мы должны оценить влечение к ней Ключевского. Он хотел — это вытекало и из его сложно формировавшегося мировоззрения и из истории его науки, в которой многое казалось ему устарелым, — заново пересмотреть многое в общем понимании истории России. Его влекло к этому. Избранная тема, в его понимании во многом перекликавшаяся с современностью, давала ему для этого широкие возможности.

«... Политическая и административная история Боярской думы, — писал Ключевский, — темна и бедна событиями, лишена драматического движения. Закрытая от общества государем сверху и дьяком снизу, она является конституционным учреждением с обширным политическим влиянием, но без конституционной хартии, правительственным местом с обширным кругом дел, но без канцелярии, без архива. Таким образом, исследователь лишен возможности восстановить на основании подлинных документов как политическое значение думы, так и порядок ее делопроизводства». Таким образом, Ключевский выбрал тему, не имевшую «своего» архивного фонда. В этом отношении выбор его был также контрастен теме о житиях святых, где бедные по существу, но количественно обильнейшие архивные источники грозили задвинуть исследователя. Здесь такая опасность Ключевскому не угрожала.

Отсутствие цельного, специально отложившегося в архивах фонда изучаемого историком явления — будь то государственное учреждение, общественное событие, революционная организация — дело сравнительно частое. Это огромное затруднение для исследователя, но выход тут один: по крупницам из всех других фондов, которые могли быть прикосновены к теме, собрать материалы для своей проблемы, объединить разнообразные источники в самостоятельный комплекс, который дает опору для дальнейших изысканий. По этому пути и пошел Ключевский. Путь требовал огромного труда и времени.

Любопытно, что Ключевский в отличие от работы о житиях святых в «Боярской думе» нигде не останавливается на характеристике привлеченных источников. Возможно, он не желал, чтобы этот вопрос обсуждался во время защиты. Поэтому приходится тщательно исследовать сам текст работы о «Боярской думе» и сложный аппарат ее ссылок, чтобы выявить основной корпус привлеченных источников⁶.

Изучая текст «Боярской думы» с источниковедческих позиций, можно отчетливо увидеть два круга привлеченных Ключевским источников — один, почерпнутый из архивов, содержащий неопубликованный материал, и другой, во много раз более обширный, построенный на основе опубликованных документов.

Рассмотрим сначала первый круг. Как Ключевский и предполагал в самом начале, более всего дали ему новых материалов два архива — Архив Министерства юстиции и Архив Министерства иностранных дел. В Архиве Министерства юстиции Ключевский использовал столбцы Московского стола Разрядного приказа, указные книги Поместного приказа — московские, по Рязани, по ряду других городов. Там же использованы им Боярские книги разных номеров, дававшие списки бояр, окольничих и думных дворян и другие о них данные. В том же архиве изучались документы Ближней канцелярии. Привлекалась неоднократно рукопись Родословной Иванова, содержавшая акты Вердеревских и Ворыпаевых, хранившаяся также в Архиве Министерства юстиции. В одном из примечаний к тексту «Боярской думы» Ключевский выражает признательность начальнику III отделения Московского архива Министерства юстиции В. И. Холмогорову за содействие «при изучении дел старинного Поместного приказа» и за разъяснение автору ряда интересовавших его подробностей⁷.

Много данных извлечено Ключевским из Архива Министерства иностранных дел: наиболее широко использованы Разрядные книги, Приказные дела; есть ссылки на дела Польские и на Крымские дела; привлекалось Мазуринское собрание⁸.

Изредка привлекались в нужных случаях рукописи Синодальной библиотеки, в архиве Троице-Сергиева монастыря — собрание его грамот. Использованы неопубликованные документы частных коллекций — Е. В. Барсова (Боярская опись 1607 г., Церковный устав XVI в.). Есть ссылки и на хорошо знакомое Ключевскому по работе над житиями святых собрание В. М. Ундольского. Встречаются ссылки на описи рукописных богатств Киево-Печерской лавры и Соловецкого монастыря⁹.

Особенно интересен факт использования Ключевским собранной им лично коллекции неопубликованных документов.

В конце текста «Боярской думы» имеются две ссылки на «собрание актов, принадлежащих автору». Первая — в 24-й главе книги при разборе боярского приговора 1680 г. по делу о при-

данной жениной вотчине, проданной Воином Ординым-Нащокиным, сыном знаменитого «канцлера»; Ключевский замечает в примечании: «Отрывок доклада с выпиской дела Воина — в собрании актов, принадлежащем автору». Вторая — в той же главе, при разборе дела по обоюдным искам Шихирева с Шишкиным в царствование Федора Алексеевича. Документы раскрывали вопрос о порядке решения дел по частным челобитьям и послужили Ключевскому при характеристике московской кодификации законов (в сноске читаем: «Дело Шихирева в собрании актов, принадлежащем автору») ¹⁰.

Но самый большой, основной материал исследования дали Ключевскому опубликованные документы. На первом месте надо поставить «Полное собрание русских летописей», тщательно им проштудированное в специальном тематическом разрезе — собрать данные, освещающие деятельность бояр и Боярской думы. Зача-ток последней, как известно, Ключевский видел еще в боярском совете киевского князя X в. Особо часты ссылки на Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи для древних веков и на Никоновскую для более поздних. Ссылок на «Полное собрание русских летописей» у Ключевского в «Боярской думе» более полусотни. Встречаются ссылки на «Русскую Правду» — она цитируется в издании Калачова. Широко использовано, разумеется, «Собрание государственных грамот и договоров». Далее надо упомянуть и многие классические фундаментальные издания документов, составившие основу при изучении главных процессов восьмивекового развития России — с X в. по рубеж XVIII в. Многократно привлекает Ключевский для своей темы издание «Актов исторических» и «Дополнений к Актам историческим», извлекает нужные документы из «Древней Российской Вивлиофики», постоянны ссылки на «Акты Археографической экспедиции». В те годы, очевидно, еще не привился навык давать используемым документальным изданиям и архивным фондам единообразную, строго установленную аббревиатуру, которая облегчала бы труд читателя и экономила бы место в книге. Отсутствует, соответственно, в работе Ключевского и список принятых сокращений. Названия документальных изданий и архивных фондов цитируются им произвольно и по-разному, иногда с пропуском слов в заглавиях и с разнообразными неодинаковыми сокращениями (так, широко им использованные «Акты Археографической экспедиции» то сокращаются через «Акт. Арх. эксп.», то через «Арх. эксп.», то через «А. А. Э.»). Привлечены им также «Акты Московского государства» и «Акты юридические». Использованы материалы «Архива историко-юридических сведений, относящихся до России» Калачова, «Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси», «Памятники дипломатических сношений древней России», «Памятники дипломатических сношений с империею Римскою».

Одним из источников большого значения для избранной Ключевским темы явилось, разумеется, «Полное собрание законов» — оно было вновь и вновь специально проштудировано в разрезе изучаемой темы. Мы встретим в примечаниях к «Боярской думе» более полусотни ссылок на него, иногда чрезвычайно насыщенных, участвующих, естественно, во второй половине книги, особенно в темах глав, относящихся к XVII в., отчасти и к XVIII в. Многочисленны использования документальных изданий «Общества истории и древностей российских», председателем которого вскоре станет сам Ключевский. Встречаются ссылки на «Русский исторический сборник» М. Погодина, «Записки» Русского и славянского архива, «Русского археологического общества», на «Архив кн. Ф. А. Куракина», на документальные публикации «Русской исторической библиотеки».

Использованы документальные издания, относящиеся к отдельным национальным территориям — областям России: «Акты Западной России», «Русско-Ливонские акты». Кроме этих общих ссылок, Ключевский выделяет в изложении и своем довольно богатом, но вместе с тем довольно условном аппарате отдельные ссылки на «Судебник», «Сказания современников о Дмитрие Самозванце», «Уложение» царя Алексея, «Стоглав», «Беседу Валаамских чудотворцев», «Книгу кормовую», «Временник дьяка Тимофеева», «Сборник выписок из архивных бумаг Петра Великого» и многие другие, иногда входящие в упомянутые большие документальные издания.

Ключевский использовал также широкий круг источников, хорошо ему известных еще по первой работе «Сказания иностранцев о Московском государстве». Он извлек из них много данных для характеристики Боярской думы и боярского управления, главным образом для периода XVI—XVII вв. Он привлек материалы Флетчера, Ланнуа, Герберштейна, Олеария, Корба, Рейтенфельса, Поссевина, Горсея, Маржерета, Жолкевского, Страленберга, Майерберга, Дж. Перри, Фоккеродта. Мы перечисляем их в том порядке, в каком их свидетельства вступают в ход изложения «Боярской думы». Многие из этих авторов использованы многократно, особенно часты ссылки на Флетчера, Корба, Герберштейна.

Широко привлечены и русские источники — на первом месте князь Курбский и Котошихин, встречаются ссылки на Палицына, Катырева-Ростовского. Понадобились в общем сопоставлении даже Голиков и Болтин — писатели XVIII в.

Значителен и круг привлеченных Ключевским исторических исследований, на выводы авторов которых он в той или иной степени опирается в «Боярской думе» или полемизирует с ними. На первом месте по количеству ссылок стоит С. М. Соловьев, ссылки на его труды (несколько десятков) идут через всю книгу

Ключевского¹¹. Встречаются ссылки и на Н. М. Карамзина — не на основной его текст, а на ценные примечания к его томам (работа тогдашнего директора архива Малиновского), где цитируются малоизвестные, а иной раз и утраченные первоисточники. Цитированы еще более старый В. Н. Татищев и один раз основоположник историко-юридической школы И. Эверс (его работа о древнерусском праве почему-то упомянута не в подлиннике, а в переводе Платонова). Из более современных историков привлечены Никитский (работа о Пскове и очерк из жизни Великого Новгорода), Неволин, Н. Костомаров (работа о севернорусских народоправствах и несколько других). Использованы работы Строева, Забелина, Беляева, О. Горчакова, Срезневского, Петровского и даже Устрялова. Из публикаций молодого поколения в более поздних изданиях «Боярской думы» цитированы работы С. Ф. Платонова и учеников Ключевского — Н. А. Рожкова («Сельское хозяйство Московской Руси») и М. К. Любавского¹². Список привлеченных работ этим не исчерпывается — полный занял бы слишком много места. Но и приведенные данные свидетельствуют об очень широком охвате Ключевским документального материала, положенного в основу «Боярской думы», и о связи ее с историографией своего и прошлого времени.

У Ключевского, несомненно, скопилось во время работы множество материала — выписок, заметок, набросков, черновиков. Они в целом, видимо, не сохранились, дойдя до нас лишь во фрагментах. Но и дошедшее до нас раскрывает некоторые стороны работы историка. В имеющихся материалах преобладают классифицированные выписки — краткая, мельчайшим почерком, карандашом написанная строка определенного первичного вывода или наблюдения — и рядом ссылка на источник с крайне сокращенным условным названием книги, понятным для автора рукописи. Составлены списки бояр, окольничих и других прикосновенных к думе чинов — также со ссылками на источник. Встречаются многочисленные заметки о родстве бояр между собой и многие замечания по вопросам местничества.

Редкие наброски карандашом самого текста глав написаны немного крупнее, с очень небольшим количеством зачеркиваний и поправок, но нередко с многими вставками. Чувствуется, что Ключевский писал легко. Часты длинные, содержательные вставки в уже написанный текст, развивающие, а иногда и видоизменяющие выводы. Видно, что мысль историка непрерывно работала над формулировкой выводов, ища их углубления и уточнения.

Мобилизовав огромный круг источников и литературы, в том числе и работы молодых ученых, Ключевский сумел вписать свою тему в историю развития современной ему науки. Одновременно он смог поставить и попытаться решить совершенно новую в буржуазной исторической науке задачу — исследовать историю цент-

рального государственного учреждения в связи с развитием общества и счел необходимым поставить вопрос об изучении истории классов и классовых интересов. Здесь он подошел к самой границе буржуазной науки, не признававшей в то время для истории России подобных вопросов и, соответственно, не ставившей их. Отсюда для Ключевского вырастали, как увидим далее, чрезвычайные трудности.

При разработке крупной проблемы на основе однотипных источников (например, жития святых) легче и скорее вырабатывается общая концепция предмета исследования. То же можно сказать об изучении темы, имевшей свой специальный фундаментальный архивный фонд, — можно наводить справки в разных его пластах, быстро ориентироваться в соотношении данных. Ни тот, ни другой случай не подходили к «Боярской думе». Ключевский в сложных условиях отсутствия архивного фонда, мобилизовав сотни соприкосновенных с темой документов, по крохам собирал документальные свидетельства на основе всего огромнейшего комплекса классических, фундаментальных источников русской истории и многих второстепенных и ранее не замеченных.

Шел 1879 год. Работа подвигалась к концу — материал был в основном весь подготовлен и классифицирован, структура труда и взаимосвязь его глав выработаны. Появились и первые наброски текста отдельных глав — возникла рукопись завершаемой работы. И в это время одно очень существенное событие вторглось в процесс труда, перерезав его ход.

4

В Казани в 1879 г. вышла в свет книга хорошего знакомого Ключевского — профессора Казанского университета Н. П. Загоскина. . . О чем? О Боярской думе. . .

Трудно сказать, было ли это «ожиданно» или неожиданно для Ключевского. Но ударом для него это, конечно, было. Повторялась история с житиями святых — опять приоритет как бы вырывали у него из рук. Н. П. Загоскина — плодовитого и делового историка русского права — Ключевский хорошо знал по многим его вышедшим трудам. В Казани во время работы над житиями святых они не раз встречались. В первом письме П. Гвоздеву, написанном по возвращении, Ключевский, кончая письмо, в самой веселой манере пишет: «Черт знает, что я накатал тебе! *Нашим* — Керенскому, Загоскину и т. д. — по поклонищу». «Нашим» он подчеркнул. В письмах Парадизова встречаем и «обратные» поклоны Ключевскому от Загоскина. . .¹³

Н. П. Загоскин задумал написать многотомную «Историю права Московского государства». В 1877 г. в Казани вышел из печати первый том его труда, включавший разработку двух про-

блем: вопроса о верховной власти в Московском государстве и о Земских соборах. Боярской думы том не касался. В 1879 г. появился второй том, посвященный целиком Боярской думе. Автор работал как бы «наперегонки» с Ключевским. История их взаимоотношений заслуживала бы особого изучения. Но на две мелочи приходится и теперь обратить внимание: во-первых, на втором титульном листе второго тома Н. П. Загоскина значится, что он посвящен (как и первый) двум темам — Боярской думе и приказам. Это вполне соответствовало общему плану автора и удобно вместились бы в предназначенный тому объем. Однако в книге ничего нет о приказах. Тема эта не освещена, том как бы прерван на половине и издан в спешке, титульный лист не согласован с его реальным содержанием. Выпущен в свет этот том не только в половинном по сравнению с первым томом объеме, но даже в меньшем формате, — очевидно, в типографии Казанского университета, где выходили труды Н. П. Загоскина, не было в тот момент бумаги нужного формата. Какой автор многотомного труда (а Загоскин задумал свою историю права в шести томах!) не подождал бы немного, обоснованно желая, чтобы второй том его многотомника был бы по «росту» равен первому!, но Загоскин явно торопился: свой тоненький, всего в 156 страниц, низковатый томик он спешил издать, очевидно, имея на то какие-то причины. Даже оглавление его труда пришлось напечатать не на отдельной странице, а на обороте желтой бумажной обложки книги. Во всяком случае если знавший о работе Ключевского автор торопился его перегнать, то это ему вполне удалось, — книга Загоскина более чем полугодом опередила появление в печати (в журнале «Русская мысль») начала монографии Ключевского...¹⁴

Книжка Загоскина о Боярской думе содержала довольно подробное введение, излагающее общий взгляд на органы центрального управления в Московском государстве и на причины того, почему не могло образоваться центральных правительственных учреждений в удельно-вечевой Руси. Во введении характеризовались основы организации Боярской думы, личный состав, устройство. Далее книга слагалась из трех отделов — исторического очерка развития Боярской думы, ее внутренней организации и предметов ее ведомства. После исторического очерка автор время от времени возвращался к вопросам развития самого учреждения, хотя два последующих отдела давали думу скорее в статическом состоянии. В первом отделе, о внутренней организации думы, целая глава была посвящена ее названию и опять — уже более подробно — личному составу думы. Автор справедливо замечал, что Боярская дума, собственно говоря, такого названия не носила — термин этот «создан уже наукою». Рассмотрены далее «думные комиссии» (это понятие потом сильно оспаривали юристы, особенно В. И. Сергеевич), место и время думных засе-

даний, делопроизводство и порядок заседаний в думе. В третьем отделе рассматривалось участие Боярской думы в правительственной исполнительной и законодательной деятельности; книга Загоскина и заканчивалась разбором судебной практики Боярской думы. У Загоскина был большой научный аппарат, работа создавалась на основе изучения первоисточников. Автор приходил к выводу, что Боярская дума — постоянный совещательный орган «при государе», причем источником законодательной инициативы является царь, единственный субъект законодательной власти в государстве Московском. Отсутствие в думе канцелярии — один из выводов Загоскина, как и тот, что дьяки — полноправные члены думы¹⁵. Это совпадало с выводами Ключевского.

Книга была насыщена фактическим материалом и документальными данными. Конечно, после этого освещать структуру и механизм действия Боярской думы означало бы в большой степени повторять Загоскина...

Судя по письму Ключевского С. А. Юрьеву, редактору нового журнала «Русская мысль», издание которого должно было начаться с января 1880 г., Ключевский, решивший опубликовать свою «Боярскую думу» в новом журнале, также очень торопился. Рукопись его в целом, очевидно, еще не была готова: «Положение „Думы“, многоуважаемый Сергей Андреевич, очень печально: разные обстоятельства, как нарочно, помешали привести план в исполнение... не могу кончить введение к „Думе“ по крайней мере раньше конца следующей недели, т. е. 15 декабря. Кончив введение, в двое суток могу приготовить к печати уже написанные три главы. Вообще числу к 18 будет готово листа 2^{1/2} или 3. Имея все это в виду, решите, как поступить, начать ли печатание с 1-й книжки или отложить до 2-й. С прискорбием думаю о том, что не могу исполнить Вашего желания начать с 1-й книжки»¹⁶. Это написано 8 декабря 1879 г., после появления книги Загоскина. Первый номер журнала «Русская мысль» должен был выйти в свет через три недели. И Ключевский совершил, казалось, невозможное: в январской книжке «Русской мысли» за 1880 г. появились введение и две первые главы его «Боярской думы»! Невольно напрашивается вопрос, не форсировал ли выход книги Загоскина публикацию работы Ключевского в журнале?

На этих обстоятельствах приходится остановиться и для того, чтобы уяснить себе одну историографическую загадку во введении Ключевского к его монографии в журнальном варианте: «Мы умалчиваем, — пишет он, — об одном существенном и любопытном пробеле в нашей историко-политической литературе: она боязливо обходила центральные учреждения, которые руководили областной администрацией, и между прочим, если нам не изменяет память, до последнего времени не было написано ни

одного специального исследования о маховом колесе древнерусской администрации, о *государевой Боярской думе*»¹⁷. Как же так «ни одного»? А Загоскин? Ключевский не мог не знать о вышедшей в Казани работе, но делал вид, что не знал ее, видимо, он был страшно уязвлен. Однако в своем ответе М. Ф. Владимирскому-Буданову, опубликованному в февральском номере «Русской мысли» за 1881 г., он уже в академическом тоне пишет о Загоскине как о своем «товарище по теме», правда, не без сдержанной иронии: «Как автору, мне было приятно заметить, что первым главам моего опыта, на которые я сам смотрю как на вступительные, в рецензии (Владимирского-Буданова. — М. Н.) оказано даже несколько больше внимания, чем почтенному и вполне законченному труду моего товарища по теме, если только о степени внимательности критика к сочинению можно судить по числу страниц, отведенных последнему в рецензии»¹⁸. Более того, в явном противоречии с цитированным выше заявлением о том, что до него не было написано «ни одного специального исследования о маховом колесе древнерусской администрации», о Боярской думе¹⁹, Ключевский утверждает, явно расходясь с действительностью: «Именно появление книги профессора истории русского права г. Загоскина и заставило меня подумать (!), не поставить ли мне в своем опыте на втором плане изображение „технического“ устройства и правительственного действия Думы, с чем может лучше меня познакомить читателя ученый, более компетентный в таких вопросах. Ввиду этого я и закончил введение замечанием, что избранная мною точка зрения оправдывает несколько пробелы, которые заметит читатель в моем опыте»²⁰. Как ни веско это личное заявление автора, оно явно неправильно: книга Загоскина вышла никак не позже середины 1879 г., когда работа Ключевского уже завершалась, — в декабре того же года он начнет сдавать ее в печать. Он никак не мог задумать и написать в оставшийся срок огромную, в 26 глав, работу после чтения книги Загоскина! Все это явно неправдоподобно, и утверждение похоже на хитрую форму уязвления соперника, чтобы подчеркнуть, что «наш товарищ по теме», собственно, вовсе не товарищ, поскольку он, Ключевский, написал нечто совсем иное, чем историки права, принципиально отличное от них. Заметим, кстати, что ни единой ссылки на книгу Загоскина в «Боярской думе» нет.

Это не лишенное драматизма вторжение монографии Загоскина в творческую историю «Боярской думы» Ключевского очень показательно. В создание труда о житиях святых, вырывая из его рук приоритет, вторгся В. Иконников, в создание «Боярской думы» — Н. П. Загоскин. Ситуация повторялась. Видимо, темы, избираемые Ключевским, действительно носились в научном воздухе эпохи.

Но этим не исчерпаны важные события, вторгшиеся в 1879 г. в жизнь Ключевского. В ней предстояли еще в этом же году серьезные перемены.

5

Сергей Михайлович Соловьев умирал.

В мае Ключевский не решился беспокоить больного, но позже, узнав что к нему стали допускать посетителей, навестил его в «павильоне» Нескучного сада, где тот проводил лето. Едва можно было узнать прежнего Соловьева в худом, совершенно желтом, постаревшем человеке. «Он уже не мог лежать, — пишет Ключевский В. И. Герье, — впрочем, вставал с кресла, чтобы дойти до колясочки, на которой его катали по саду, и даже пошутил, садясь в этот непривычный экипаж с библейским изречением: „И повезут тя, аможе не хощеши“». Соловьеву шел всего 59-й год, он мог бы, казалось, еще жить и жить. Лечивший его знаменитый доктор Захарьин сначала предполагал рак печени, но потом снял диагноз, вероятно, правильный, и заговорил о тяжелом сердечном заболевании. Надежды на выздоровление врачи уже не подавали, хотя считали возможным некоторое улучшение «при соблюдении полного спокойствия». О дне именин больного, 5 июля, Ключевский пишет: «То были самые тяжелые именины, какие только могут быть на свете». Родные удержали всех гостей на именинный обед, боясь, чтобы отступление от заведенного порядка не встревожило больного. Именинник лежал в спальне, рядом со столовой, и подавал голос оттуда. Шел дождь, усугублявший мрачное настроение всех...»²¹

Одно обстоятельство объясняло быстроту развития болезни. Как известно, Соловьев, начав издавать свою «Историю России с древнейших времен» в 1851 г., каждый год с точностью часового механизма выпускал в свет по одному новому тому, обычно посвящая этому труду летний отпуск. В этот год, уже больной, Соловьев поспешил закончить и сдать в печать еще весной новый, 29-й том своего многотомника (ставший последним!). Он использовал для этого и время командировки, данное ему для выполнения поручения в Петербурге, как рассказывал Ключевскому декан факультета Нил Попов. Сам Соловьев был очень доволен и шутил, что он «надул, совершенно надул публику». Очевидно, он имел в виду, что знавшие о его болезни читатели уже не надеялись получить новый, очередной том, а том вот взял и вышел в свет... Ключевский приходит в письме к заключению, что это перенапряжение и оказалось роковым для Соловьева: «Человек, всю жизнь ходивший систематическим шагом, теперь шире прежнего шагнул к той дате, которая в биографиях отмечается...» Далее в письме стоял условный знак креста, ста-

вящегося при дате смерти. Правда, вместе с тем Ключевский все же выражал в письме надежду, что предсказание Захарьина не сбудется и больному, может быть, станет лучше...²² Но эта надежда не сбылась...

К началу нового, 1879/80 академического года С. М. Соловьев довел до сведения декана, что по болезни он более не сможет читать лекционный курс в университете. Своего преемника он не назвал. Ясно, что его просили об этом, — таков был порядок, но Соловьев не захотел или не смог назвать чьего-либо имени. Тогда факультет обсудил вопрос о преемнике Соловьева на кафедре и выслушал представление декана Нила Попова «о необходимости иметь второго штатного преподавателя», причем декан выдвинул с подробной мотивировкой на место Соловьева кандидатуру магистра русской истории Василия Осиповича Ключевского. Факультет поддержал кандидатуру, от Ключевского поступило согласие на баллотировку, и 12 сентября 1879 г. — еще при жизни Соловьева — он был единогласно избран тайным голосованием «на должность преподавателя в звании доцента русской истории»²³. Через три дня, 15 сентября, Совет университета слушал доклад об этом и на следующем заседании 22 сентября произвел баллотирование. В Совете университета Ключевский получил 45 избирательных голосов («баллов», как тогда выражались) при одном голосе против. На этом основании Совет ходатайствовал перед попечителем Московского учебного округа об утверждении избрания Ключевского, запрашивая одновременно ректора Московской духовной академии, не имеет ли он препятствий к определению Ключевского в Московский университет с оставлением на службе при Духовной академии.

4 октября 1879 г. С. М. Соловьева не стало. Московский университет торжественно хоронил его на кладбище Новодевичьего монастыря при большом стечении народа...

12 октября попечитель Московского учебного округа утвердил избрание Ключевского доцентом Московского университета и дал разрешение на одновременную работу в Духовной академии. Заметим, что преподавание в 3-м Александровском военном училище и на Высших женских курсах Герье Ключевский также продолжал вести после избрания, но это почему-то не потребовало разрешения. Штатное расписание в университете было в пользу Ключевского — на историко-филологическом факультете положено было семь доцентов, а в наличии было только четыре.

Нужно было начинать чтение лекций в университете: новый академический год уже наступил, шел октябрь, а лекции по истории России на историко-филологическом факультете еще не начинались...

«Милостивый государь Нил Александрович! — писал декану Ключевский. — Следуя Вашему совету, я думаю начать свой курс

в университете 28 ноября в среду на следующей неделе. Боюсь, вовремя ли я сообщаю Вам об этом. Если Вы найдете, что осталось мало времени для надлежащего объявления о вступительном чтении, то я прошу Вас назначить это чтение на 5 декабря (в среду же)²⁴.

Без замедления, на следующий же день, ректор университета писал попечителю Московского учебного округа князю Н. Мещерскому: «Имею честь донести Вашему сиятельству, что 28 сего ноября в среду ровно в 1 час пополудни доцент по кафедре истории Ключевский прочтет вступительную лекцию»²⁵.

Традиция требовала, чтобы первая лекция была посвящена предшественнику по кафедре. Покойный С. М. Соловьев занимал кафедру Московского университета в течение 35 лет (с 1845 г.), и ученику Соловьева Ключевскому было что сказать об учителе. Тема первой, вступительной лекции, таким образом, уяснялась. Далее, та же традиция требовала перейти к чтению курса по существу и начать именно с той темы, перед которой остановился предшественник, — продолжать его курс. Соловьев закончил чтение эпохой Петра I, следующей темой, таким образом, оказывался вопрос о преемниках Петра.

Если начальству все казалось ясным с вновь избранным доцентом Московского университета, то иначе обстояло дело в студенческой среде. Студенчество было неспокойно. 1879 год был, как мы знаем, годом сложившейся в стране новой революционной ситуации. Волновалось крестьянство, на практике убедившееся, что реформа обманула его. Только что минувшая русско-турецкая война 1877—1878 гг. стоила русскому народу немало жизней, оторвала надолго от деревни тысячи мужских рабочих рук, обострила выше обычного нужду и бедствия трудящихся классов. Революционное народническое движение все более разгоралось, слухи об актах террора и о покушениях на жизнь самого царя создавали в стране напряженную обстановку. Студенческое движение — одно из слагаемых революционной ситуации — все сильнее давало о себе знать. 1879 год в Московском университете — год усиления студенческого движения.

Слух о том, что в ближайшие дни на кафедре знаменитого Соловьева появится новый, мало известный студентам лектор из семинаристов, разысканный в недрах не то Духовной академии, не то военной школы, да еще главной работой которого является книга о житиях святых, вызывал недовольство значительной части студенчества. Одни открыто возмущались, другие шумели, пребывая в недоумении. Правда, от курсисток Герье шли о лекторе хорошие слухи, меньший контакт был у студентов университета с молодыми слушателями Александровского военного училища, которые тоже положительно отзывались о лекторе. Но будущие восторженные поклонники Ключевского на скамьях уни-

верситетских аудиторий были в этот момент, как правило, отрицательно к нему настроены и, по ряду свидетельств, говорили о нем раздраженно.

Положение было сложным. И, вероятно, никто так глубоко и верно не понимал его сложности, как бывший студент Московского университета, сам учившийся в годы революционной ситуации, — Василий Ключевский. Сила его в этот момент была не только в том, что он отлично знал, что надо студентам, но и в том, что он сам, с головой ушедший в судьбы Боярской думы и бесславного ее конца, имел что сказать студентам и по поводу дворянского сословия в годы преемников Петра в столь важный в судьбе дворянства XVIII век, и по поводу российского самодержавия, столь своеобразно выявившего себя в эту эпоху. Он не подделывался к студенческим настроениям, он сам так думал. Личные убеждения, свои выводы соединялись с теми требованиями к преподаванию предмета, которые охватывали студенчество, и совпадение это сразу вознесло Ключевского и содействовало началу его громкой университетской славы.

В первом своем выступлении, посвященном памяти покойного С. М. Соловьева, воспоминание о котором было еще так живо, Ключевский не только нарисовал притягательный образ большого ученого, человека широчайшего кругозора, бывшего знатоком как истории Великого Новгорода, так и вопроса преемственности князей «Рюрикова дома» как эпохи Ивана Грозного, так и петровского времени, которому он посвятил шесть томов своей «Истории России с древнейших времен». Соловьев был «дома» и в польском сейме, и в сложных международных отношениях Венского Конгресса. Гизо и Мишле были ему знакомы столь же хорошо, как Карамзин или Погодин. Тип ученого такого широкого охвата, профессионально ориентировавшегося не только в отечественном прошлом на всем его протяжении, но и в истории Западной Европы, уже уходил в то время из отечественной науки, заменяясь другим типом профессора, более «отечественным» и более склонным к узкой тематике «своих» эпох. Судя по позднейшим статьям Ключевского о Соловьеве, можно предположить, что он обрисовал и отношение Соловьева к студенчеству и манеру чтения им лекций — все на нотах высочайшего признания и похвалы. Но в этом каскаде прекрасно рассказанных живых фактов тонко и незаметно проведена была еще одна тема: Ключевский обрисовал попутно и как бы ненароком и самого себя как ученика своего учителя. Он, завершавший в эти дни текст смелой и новой по замыслу диссертации, шедшей в бой на устои историко-правовой школы, развивавшей идею отражения интересов общественных классов в центральном правительственном учреждении, говорил о себе лишь как о скромнейшем и недостойном ученике знаменитого учителя.

Через месяц с небольшим, 12 января 1880 г., Ключевский как преемник Соловьева выступил с «речью и отчетом» о своем предшественнике в торжественном собрании известнейшего Московского университета. В условиях напряженной общественной борьбы и политического возбуждения тех лет Ключевский осторожно, но выразительно подал этому возбуждению руку в последних завершающих фразах сдержанного биографического очерка. Соловьев свой обзор русского исторического процесса закончил словами: «Наконец, в наше время просвещение принесло свой необходимый плод: познание вообще привело к самопознанию». И Ключевский дальше от себя продолжил мысль Соловьева так: «А самопознание, — прибавил бы он, если бы довел свой рассказ до нашего времени, — должно привести к *самодеятельности*». Если эта мысль входила в первую лекцию, что очень вероятно (даты выступлений очень близки), она должна была встретить бурное одобрение молодой аудитории, которая, вероятнее всего, вложила в эти слова лектора гораздо более широкое содержание, нежели он сам имел в виду²⁶.

Но главное было впереди.

5 декабря 1879 г. Ключевский прочел в «Большой Словесной» свою первую лекцию университетского курса, открыв ею тему о преемниках Петра. Лекция была встречена восторженной овацией. Рассеялись все сомнения скептиков — передовое студенчество без устали аплодировало профессору, оказавшемуся «своим». Об этой лекции позже вспоминали как о выступлении, провозгласившем лозунг «свободы», которой столь недоставало Петру при всех его реформах. Текст именно этой лекции, к сожалению, не дошел до нас, да, может быть, его и не существовало: Ключевский мог не читать лекцию по написанному, а свободно говорить о своей теме, в нужных случаях справляясь с подготовленными заметками. Поэтому приобретают значение воспоминания слушателей об этой первой университетской лекции. Ключевский, вспоминает один из них, «полагал, что реформы Петра не дали желаемых результатов»; «чтобы Россия могла стать богатой и могучей, *нужна была свобода*. Ее не видела Россия XVIII века». Отсюда — «так заключал В[асилий] О[сипович] — и государственная ее немощь». Из этого свидетельства ясно, что политические выводы уже звучали в первой университетской лекции Ключевского. Открывая старые литографированные издания его лекционных курсов, близких к этому времени, мы найдем в них ясные антидворянские мотивы и мысли, внутренне направленные на развенчание самодержавия и дворянства.

«По известным нам причинам, — записывал университетский слушатель Ключевского в 1882 г., всего через три года после вступительной лекции, — после Петра русский престол стал игрушкой для искателей приключений, для случайных людей, часто

неожиданно для самих себя вступавших на него... Много чудес перебивало на русском престоле со смерти Петра Великого — бывали на нем... и бездетные вдовы и незамужние матери семейств, но не было еще скомороха: вероятно, игра случая направлена была к тому, чтобы дополнить этот пробел нашей истории». Речь шла о Петре III. Так с университетской кафедры еще не говорили о «доме Романовых». В студенческой записи об Елизавете мы найдем зародыш хорошо известной ее характеристики в вышедшем позже IV томе «Курса» Ключевского. Студент записал: «Это была веселая и набожная царица: от вечерни ездила на бал, и с бала к заутрене. Вечно вздыхая об иноческой жизни, она оставила после себя гардероб в несколько тысяч платьев». Что касается Екатерины II, то она «была такою же политической случайностью, каких много бывало на русском престоле в XVIII веке»²⁷. Многие черты этих характеристик, зародившись в 70-х годах, перейдут затем и в окончательный «Курс» Ключевского, соответствующий том которого издан уже после революции 1905 г. Лекция была «антидворянской» по общему звучанию. Нигде не только не восхвалялось дворянство, но и подчеркивалась антинародная его сущность: «По смерти Петра... пороки пробудились и были удовлетворены в дворянском сословии. Этим создалось довольно странное политическое положение дворянства к половине XVIII столетия: оно было носителем свободы (ведь дворянство получило «свободу» от царя в 1762 г. в манифесте о *вольности* дворянства! — М. Н.) и образования в русском обществе; но оно вместе с тем, освободившись от повинностей, сохранило за собой все права, которые прежде основывались на этих повинностях. Таким образом, дворянство своим значением нарушило основное начало государственного порядка».

Таков широкий «контекст» работы Ключевского над «Боярской думой» в эти годы.

6

«Боярская дума древней Руси. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества» — под таким заглавием появился труд Ключевского (введение и две первые главы) в январском номере «Русской мысли» за 1880 г., всего через месяц после его первой вступительной лекции в Московском университете. Следующие главы (с пропуском февральского номера) печатались в мартовской и апрельской книгах журнала, далее следовал пропуск летних месяцев; в октябрьском и ноябрьском номерах того же года помещалось продолжение текста, декабрьский номер был пропущен. В следующем, 1881 г. «Боярская дума» появилась поздно — лишь в мартовском номере, затем только в июньском. Июль был пропущен, зато с августа по

ноябрь пропусков не было. Ноябрьский номер 1881 г. был последним, завершившим журнальную публикацию исследования. Таким образом, «Боярская дума» опубликована в 11 номерах журнала «Русская мысль» в 1880—1881 гг.²⁸ Появились и отдельные оттиски журнальной публикации.

Журнальный текст сильно отличается от позднейших книжных изданий, что не раз отмечалось в литературе, иногда с замечаниями, что «Русская мысль» дала «Боярскую думу» Ключевского обширнее и полнее, чем отдельные книжные издания. Чтобы внести ясность в вопрос, сопоставим журнальный текст прежде всего с первым книжным изданием (1882 г.), вплотную идущим за журнальным. Действительно, разница очень велика. В «Русской мысли» совсем другое введение, другие названия и содержание первых пяти глав. Ни введение, ни текст этих пяти глав в целом не вошли в книжное издание и заменены другим текстом (редкие частные совпадения есть, но они не меняют факта сильной переработки). В книжных изданиях первые главы крупнее по объему, в журнальном же начало работы построено из большего количества глав, более детализированных тематически.

Сближение журнального текста с текстом книжных изданий начинается с опубликованной в «Русской мысли» главы VI, которая в значительной мере совпадает по изложению с III главой книжного издания. Соответственно VII журнальная глава близка по содержанию IV книжной, VIII—V, IX—VI. Далее разрыв нумерации уменьшается на единицу, поскольку главы книжного издания укрупнены. Последней главой публикации «Боярской думы» в «Русской мысли» является глава XXI, которая соответствует лишь XIX главе книжного издания.

Отсюда следует, что Ключевский не опубликовал до конца текст монографии в журнале — он остановился, если сравнить с книжным изданием, на XIX главе, придав ей характер концовки, чему соответствовало и ее заглавие: «Боярский совет в Древней Руси был показателем общественных классов, руководивших в данное время народным трудом».

Таким образом, последние семь глав первого книжного и соответственно последующих книжных изданий вообще не публиковались в журнале «Русская мысль» — это главы XX—XXVI по книжной нумерации. Поэтому мнение, что текст «Боярской думы» Ключевского в «Русской мысли» вообще больше и полнее, чем в книжном издании, неправильно: журнальная публикация содержит в начале монографии тексты, не опубликованные позже в книжном издании, но лишена конца книги, состоящего из больших семи глав общим объемом в 10 печатных листов; их вообще нет в журнальном издании, они впервые появились в печати лишь в отдельной книге, изданной в 1882 г. Эта книга и была представлена к защите для соискания докторской степени.

Какую же творческую историю пережил текст? История эта очень интересна. Чтобы вникнуть в существо дела, надо прежде всего рассмотреть никогда более не публиковавшееся, кроме как в журнале, введение Ключевского к книге, похожее на манифест новой исторической школы. Заметим, что оно не носит названия «Введение» в январском номере «Русской мысли». В «Боярской думе» Ключевского все названия глав даны в оригинальной форме: это полные тезисы, выводы данной главы, фразы с подлежащим и сказуемым, а не названия обычного типа. То, что в книжных изданиях автор позже назвал «Введением», а в еще более поздних изданиях «Вступлением», носило в журнальном тексте упоминавшееся выше заглавие-тезис: «В предполагаемом опыте Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе»²⁹.

Это было в 1880 г. смелой заявкой для ученого из буржуазного мира — специалиста по отечественной истории. Так ни профессора Духовной академии, ни Московского университета еще не писали. С. М. Соловьев никогда не делал подобных заявлений. Тут была главная мысль книги. Такой замысел был новым словом в науке, и попытка сказать это новое слово была сделана в первый год новой — второй по счету — революционной ситуации, сложившейся в России в 1879—1880 гг.

Ключевский идет в открытое наступление на историко-правовую школу. Распространенное мнение о том, что, «зная удовлетворительно историю Русского государства, мы совсем не знаем истории русского народа», содержит, на его взгляд, правду во второй половине суждения, говорящей о познании истории народа, но, — увы! — и «в первой половине суждения (о знании государства. — М. Н.) преобладает самообольщение»³⁰. Хорошо изучена, по его мнению, история администрации Московского государства, преимущественно областная (очевидно, он имеет в виду работы А. Д. Градовского и И. И. Дитяткина и, конечно, Б. Н. Чичерина). Но картина древнерусского управления освещена только с одной стороны, «которую можно назвать технической»; изучался лишь «механизм правительственных учреждений». Так подходили к вопросу преимущественно историки русского права. Они были слишком заняты «наблюдением и описанием форм управления» и расположены в каждой административно-судебной перемене видеть признак преобразования, обновления всего общества, что неверно. Историки права сосредоточили свое внимание исключительно на «технике правительственной машины», они надеются «разглядеть общество, смотря на него сквозь сеть правивших им учреждений, а не наоборот»³¹. Это было серьезной и новой принципиальной позицией: Ключевский заявлял, что хочет рассмотреть правительственное учреждение обратным образом, глядя на него из общественного процесса. Заявляя о новом подходе к теме,

он одновременно оспорил старую концепцию. Прежний взгляд историков права мешал «полной и справедливой оценке действительных фактов нашей политической истории»³².

Ведь, игнорируя историю развития общества, особенности эпохи, историки права не могли проследить за тем, как учреждение вырастало из истории общества и в какой мере оно ему служило. Историки права этим не интересовались, они черпали, по мнению Ключевского, свои критерии для оценки деятельности учреждений из нормативов новейшей философии, из «Духа законов» Монтескьё. Но, как бы остро ни критиковали историки права с этих позиций действия старых московских приказов, они были бессильны ответить на вопрос, «довольно занимательный в научном отношении», откуда взялись эти «неискусные по своему устройству, дурные по своему действию учреждения», «как они состроились и почему так долго держались, даже умели переживать тяжёлые кризисы, способные, по-видимому, сокрушить более их искусные правительственные механизмы?»³³

Далее Ключевский смело ставит вопрос о том, почему при огромной технической разнице механизмов управления при царе Алексее Михайловиче и при Екатерине II правительство последней, обладая «стройным и сложным механизмом, прочно расставленным по местам», «так же безнадежно, если не более», растерялось перед восстанием Пугачева, как и царь Алексей перед восстанием Разина?³⁴ Это были «сильные движения против государственного порядка, в которых участвовали одни и те же классы населения; даже вождём в том и другом случае одинаково был донской казак»³⁵. Читатель, знающий труды Ключевского, осведомлен о том, что в своем «Курсе» и в книжных изданиях «Боярской думы» Ключевский избегал (а в университетском курсе и не мог) говорить о восстаниях Пугачева и Разина — это были запретные темы. Вводные страницы к истории «Боярской думы» — одно из редких мест, где он открыто упомянул об этих народных восстаниях.

В силу изложенного Ключевский отказывается видеть некие «новые» периоды в истории России только потому, что на их границах возникают какие-то новые административные реформы. В частности, отказывается он видеть перелом между XVII и XVIII вв. только в силу возникновения петровских реформ. По обычному представлению, пишет он, «новая Россия вышла из преобразовательного горнила Петра, если не как античная богиня из морской пены, то по крайней мере как расслабленный из возмущенной воды иерусалимской Вифезды» (позже критики из консервативно-юридического лагеря набросятся на него за это «художественное» сравнение)... Но Ключевский развивал свою мысль: можно ли приписывать «такую скоропостижную смерть нашим старым государственным учреждениям, не хороним ли живого,

не преувеличиваем ли творческих сил поколения, которое действовало после этой апоплексии московского государственного порядка?»³⁶

Из всего этого следует, по мысли Ключевского, что «историческое изучение техники правительственных учреждений, да притом изучение неполное, не коснувшееся многих частей машины, еще далеко не обнимает всей истории этих учреждений». «Наша уверенность в достаточном знакомстве с историей своего государства является преждевременной»³⁷.

С новых позиций Ключевский различает, например, «три фазы развития, пройденные местным управлением в России»: в первой фазе, в удельное время, когда не было централизации, управление «не носило строго сословного характера по своему личному составу» — персонал управления «не был исключительно дворянским», поскольку в нем рядом с вольными служилыми людьми деятельное участие принимали и невольные слуги, холопы князя и наместников с волостелями. Во второй фазе, при развитии централизации в местном самоуправлении, «заметны признаки сословности»: «Все местные классы призываются содействовать усилиям центрального правительства». В третьей фазе, в местном самоуправлении, разделенном между дворянским и городским сословиями, постепенно «через общие учреждения губернии» начинает господствовать дворянство, «но этот господствующий элемент в составе местного управления, делаясь односословным, дворянским, перестает быть служилым»³⁸.

На этой периодизации истории местного управления Ключевский еще раз обосновывает свой вывод: «Итак, в истории наших древних учреждений остаются в тени общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и через них действовали»³⁹.

Заметим, что Ключевский в введении давно покинул века развития Боярской думы: она кончила свое существование на рубеже петровских реформ, а у него в предисловии мысль переходит и к преемникам Петра, и к манифесту о вольности дворянства (когда «дворянство перестает быть служилым...»), и к Екатерине II, и к Пугачеву. Он ведет нить своего введения от Боярской думы прямо к современности, к эпохе реформ середины XIX в. ... Именно тут лежат, как он пишет, «два побуждения», в силу которых он стал изучать то, что начал: первое требовало проверить правильность политической философии, распространившей еще в прошлом веке «великую веру в государственные учреждения»⁴⁰. Поддерживать ли эту великую веру? Ведь исторический опыт «учил не раз, что благодеяния конституционного порядка могут ограничиваться иной раз успехами парламентской риторики» и что принцип «laissez faire» может превратиться в «огражденную законом эксплуатацию общества одним его клас-

сом» — вот до чего может прийти. «Во многих людях XIX века» стал складываться новый взгляд: они начали «терять веру во все-спасающую силу политических гарантий» (многие народники именно в эти годы так и думали! — М. Н.). «Как бы наш век не сделался временем банкротства политических доктрин». На этом фоне мысль Ключевского вдруг делает славянофильский зигзаг, соответствовавший, заметим, некоторым тенденциям нового журнала «Русская мысль», членом редакции которого он состоял. Второе побуждение, заставившее его взяться за изучение Боярской думы, — поиск корней русских правительственных учреждений: «Как только великими реформами последних десятилетий стала обновляться наша народная жизнь», мы стали «заботливо думать», а не было ли «в нашем прошлом таких общественных отношений, которые еще могли бы быть восстановлены и послужить интересам настоящего...» Не все нам брать с Запада, есть и свое.

«Древняя Боярская дума — одно из обойденных явлений нашей политической истории». Все сказанное выше мотивирует как выбор темы, так и подход к ней: изучение «социального материала» думы. Конечно, спешит добавить в заключение Ключевский, Боярская дума «как политическая сила не удовлетворит публициста».

Однако можно прийти к выводу, что ни в каком другом древнерусском учреждении не отразились так наглядно и верно «перемены в руководящем классе древнерусского общества» и «смена господствовавших в нем интересов»⁴¹.

Поскольку далее в исследовании Ключевский, в противоречии со всем фронтом историков права, признававших за думой лишь совещательный характер, а за царем и законодательную инициативу и власть законодательствовать, приписывает Боярской думе именно законодательную власть, возникает важный вопрос: не было ли у Ключевского скрытой ведущей мысли доказать, что самодержавие в течение веков, вплоть до XVIII в., само себя ограничивало «конституционным» законодательным учреждением? Дума пришла в упадок вследствие исторического одряхления боярства к рубежу XVII—XVIII вв. И далее, постепенно наступил после Петра и длился вплоть до реформ XIX в. совершенно незаконный парадокс дворянского землевладения: несмотря на снятие в 1762 г. с дворян обязательной службы, которая одна обосновывала его земельные и политические права, последние закреплялись за дворянством! Не пришла ли пора «увенчать здание» (а об этом немало говорили вслух, а иногда и писали в течение 70-х годов, особенно в годы второй революционной ситуации)? Не возродить ли думу при царе? Либеральный лагерь говорил в этом введении устами историка, переходящего порой на более левые, демократические позиции, искавшего каких-то исторических

корней для нового русского конституционного учреждения. В будущем, примерно через 25 лет, это учреждение с осени революционного 1905 г. получит название именно думы, и Николай II для подготовки ее проекта призовет в Петергоф и автора книги, возникающей на страницах «Русской мысли», — профессора В. О. Ключевского. Но до этого было еще далеко.

Опубликованный манифест новой школы — введение к «Боярской думе» — вызвал переполох в консервативном стане задетых в «лучших» своих чувствах историков русского права, сильной историко-юридической школы, давно чувствовавшей себя монополистом истории российских учреждений и российского управления. Атака Ключевского была для них неожиданной, — и кто на них напал? Боже мой, автор книги о житиях святых! Какой-то магистр из Духовной академии, только-только начавший читать в Московском университете, не опубликовавший ни одной статьи об истории центральных учреждений и сразу делающий заявку на монографию об одном из таковых, да еще начинающий с дискредитации господствующей школы как устаревшей!..

Первым перчатку, брошенную Ключевским, поднял профессор университета св. Владимира в Киеве М. Ф. Владимирский-Буданов. Он не стал ждать окончания работы Ключевского. В подзаголовке его рецензии, озаглавленной «Новые исследования о Боярской думе», значится, что рецензия охватывает две работы — книгу Н. П. Загоскина и труд В. О. Ключевского, причем далее указывалось, что имеются в виду только четыре номера журнала, кончая всего-навсего апрельским номером «Русской мысли» за 1880 г. Иначе говоря, речь шла лишь о введении и первых четырех главах, в которых Ключевский еще весьма медленно продвигался по дремучим тропам древней Руси VII—VIII вв., только приближаясь к решению вопроса о социальном составе князей думы на заре Киевской Руси. Поистине еще невозможно было судить о труде в целом. Ясно, что внимание рецензента привлекло именно введение, бросившее вызов всей старой школе историков русского права. Напечатана рецензия в столице, в Петербурге, в самом ученом и солидном периодическом издании юристов — «Сборнике государственных знаний» под редакцией академика В. П. Безобразова⁴².

О томе Загоскина — законченном труде! — Владимирский-Буданов говорил хоть и положительно, но минимально и мимоходом. Загоскин был историком права и на основы не посягал. Отметив, что Загоскин освещает думу «почти в покойном, неподвижном состоянии», а г. Ключевский, напротив, желает «рассматривать думу как явление в связи со всем ходом государственной истории России», рецензент признавал вопрос о Боярской думе «совсем забытым», совершенно не решенным и выражал удовлетворение, что он сразу стал предметом двух монографий. Однако в опуб-

ликованном тексте Ключевского, по его мнению, «отразились все существенные недостатки избранного им метода». Он упрекает автора прежде всего в отсутствии сосредоточенности на предмете исследования, корит за желание «разрешить соприкосновенные, а иногда и совсем сторонние вопросы». Конечно, историки-юристы иногда злоупотребляли «приемом синтеза явлений», иногда «придавали значение правомерности действительно случайным фактам», — рецензент делает эти уступки Ключевскому, но подчеркивает, что признанные им преувеличения не могут перетянуть заслуг историков-юристов для науки русской истории⁴³.

Разбивая свою рецензию на два отдела — «I. Приемы исследования» и «II. Княжеская дума», Владимирский-Буданов и тут и там громит Ключевского. Он оскорблен тем, что историки-юристы, по Ключевскому, выходят «историко-механиками». Он был бы согласен признать правоту Ключевского в вопросе о недостаточном изучении юристами самой функции учреждений, но Ключевский заходит дальше, в неведомую даль; по его словам, «историки-технологи забывают о социальном составе управления» (!). Подчеркнув удивившую его формулу и поставив знак восклицания, критик растерянно спрашивает: «Что бы могло подразумеваться под этою большою странностью?» Может быть, то, что «надлежащая, а не техническая история учреждений» должна идти об руку с историей классов (и сословий)? В этой «простой мысли разгадка всех предварительных туманных намеков»? И, как часто бывает в истории науки, это новое у противника объявляется «элементарным»⁴⁴, общеизвестным. Старые труды Градовского и Дитятина по истории учреждений, по мнению рецензента, шли «об руку» с историей классов, а не сливались с ней. Ключевский же все слил воедино, «перешел всякую меру» и «представил самый яркий образец таких работ, в которых основная задача расплывается и теряется в массе привходящих предметов». Истинным заглавием первой части его сочинения о думе должно бы быть: «История России с древнейших времен». Конечно, название многотомного труда С. М. Соловьева было выбрано для вящего уязвления Ключевского, но критик не удовлетворяется этим, а нападает еще на «классовые интересы». «Автор желает... ввести в историю учреждений не только историю классов, но и историю интересов...» Для рецензента это «загадка»! Какие такие «интересы» классов? Что это такое?! Есть функция учреждений, этого совершенно достаточно: «Ничего больше мы не могли извлечь из весьма неясных страниц его вступительной главы...»⁴⁵

Опираясь на Загоскина и отчасти на собственные изыскания, рецензент далее характеризует деятельность думы IX—XII вв. Чувствуется при этом сначала его смятение и колебания даже относительно самого существования думы как учреждения. Далее, наконец, Владимирский-Буданов признает существование

думы как института, но трактует вопрос вновь в формальном духе историков права; собственно с Ключевским тут ему спорить нечего — ведь его работа в тематике, конкретно разбираемой критиком, еще не опубликована. Впрочем, критик не забыл «старцев градских», которых Ключевский считает представителями городской буржуазии, назвать просто боярами. Редкие выводы Ключевского признаются «здравыми догадками», но якобы не имеющими отношения к истории думы⁴⁶.

Заметим, что позже прославленный язык и стиль Ключевского, пронизанный художественными образами, также вызывает возмущение критика: он-де «поистине препятствует чтению», он отмечен «полным отсутствием простоты и изящества». Особые нападки вызвало процитированное выше образное ироническое сравнение России, выходящей из преобразовательного горнила Петра, — тут найден и недостаток вкуса и такта, говорится даже об облечении Ключевским его мыслей в «пышную одежду, пеструю до комизма»⁴⁷.

Таким образом, историки-юристы старой школы приняли новый подход Ключевского в штыки. Нападение на него Владимирского-Буданова осталось, как увидим далее, неодиноким.

Ключевский сдержанно ответил критику в «Русской мысли», где печаталась его работа, в февральском номере за 1881 г. Он, правда, не пояснил понятия общественного класса, но комментировал загадочный для критика «классовый интерес». Ключевский твердо остался на своей точке зрения в области выбора предмета исследования. Нарочито скромный тон ответа скрывает в себе немало язвительности. Оказывается, Ключевский «всего менее» думал восставать против историков-юристов (как бы не так! Конечно восставал!) — они очень много сделали. Он хотел, принадлежа к «историкам-неюристам», лишь «пополнить исторические познания благосклонных читателей»⁴⁸. У него нигде нет термина «историки-технологи», критикуемый термин принадлежит критику. «Социальный состав думы» оставался неизученным — он его и «назначил главным предметом своего изучения». Иронизируя над выражением критика, что какие-то учреждения могут вызываться к жизни «мертвою бумагою», Ключевский поясняет понятие «классовый интерес». Класс общества, в руках которого находится управление и от которого зависит социальный состав его (управления. — М. Н.), может, пользуясь властью, преследовать различные цели: может поддерживать преимущественно интересы землевладения или преимущественно выгоды торговли, может, владея землей, стремиться к подчинению земледельческого населения (смиранный намек на крепостное право) и т. п. «Такие стремления я и разумел под „интересами“, а не вопрос о том, какие учреждения вызываются жизнью и какие „мертвою бумагою“». Оборонительные удары Владимирского-Буданова по-

этому «падают в пространство, где нет нападающего». Ключевский далее не без смиренного ехидства благодарит критика за то, что тот «удостоил мой опыт рецензией до его окончания»: это дает возможность воспользоваться некоторыми замечаниями критика при печатании книги (не будем напоминать Ключевскому, что он почти так же поступил с В. Иконниковым...). Придав своему ответу подчеркнуто учтивый характер, Ключевский заключает многозначительным соображением, что «наш ученый авторитет и доверие читателей нисколько не пострадают, если мы будем относиться к трудам друг друга строго, внимательно и не скажу доброжелательно, а по крайней мере вежливо»⁴⁹.

Эта стычка с представителями старой юридической школы всего после четвертой главы монографии (напоминаем, их 26!) обозначала линию борьбы двух течений в буржуазной науке того времени. Кризис последней выявился в принципиальном различии понимания предметов изучения. Ключевский стоял в этой борьбе на левом фланге. Нам ясно, что его понимание общественного класса не было марксистским. Классы, в его разумении, отличались, как указывалось, «родом капитала», которым «работает» каждый из них. Но понятие этого своеобразного «капитала» мало шло у него в ход: чаще всего он соскальзывал на сословное деление бояр или дворян. Но близость (или отдаленность) Ключевского к нашим современным выводам не может быть единственным историографическим критерием в оценке его трудов. Важна функция новой, выдвинутой им идеи в его эпохе. Идея изучения классов и их интересов в отечественной истории была плодотворной и новой. Многие его выводы, даже большинство их, оказались позже неприемлемыми для советской марксистской науки, но в ходе развития самой науки они объективно явились моментами поступательного движения.

7

Выше уже говорилось, что предисловие к «Боярской думе» захватывает и проблематику XVIII в., хотя дума кончила свое существование на его рубеже. Начав историю правящего класса, Ключевский не считал возможным ограничиться боярством, хотя имел на это полное формальное право. Он все же переходит к теме русского дворянства. Он осознает тему правящих классов и смену боярства дворянством как большую единую проблему (боярство и дворянство он считает разными классами). Исследовательская мысль его влечется далеко за пределы Боярской думы — круг вопросов, который он изучает, уходит теперь уже к XIX в., к крестьянской реформе и роли в ней дворянства. Он понимает все эти проблемы как сомкнутые в единое целое.

Именно тут обрабатывается и укрепляется его «антидворянский силлогизм», комплекс оценок о незаконных правах и узурпации власти дворянством, практически являющимся с 1762 г. паразитическим классом общества. Этот комплекс положений, развенчивающих и разоблачающих роль дворянства, занимая значительное место в концепции Ключевского, в сущности ни разу не подвергался исследованию в нашей историографии. Упомянутые выше полемические статьи о трудах покойного Ю. Ф. Самарина и открытая полемика с его братом — одним из столпов дворянской реакции Дмитрием Самариным, развернувшаяся на страницах газеты «Русь», а также речь о Пушкине в 1880 г. и ряд других работ занимают, с этой стороны, значительное место в научном наследии историка. Это не «случайные» темы, как полагает М. К. Любавский, а важные, крепко связанные с его творческой историей.

Отступим немного обратно — в 1879 год. Казалось бы, ничего более спешного не было для Ключевского, как кончать затянувшуюся работу над диссертацией о Боярской думе — на исходе был уже седьмой год его трудов над ней. Надо было дорожить каждой минутой, не оттягивать защиту. И вот именно в это время, в 1879 г., Ключевский вдруг «отвлекается» и стал писать «рецензию», скорее целую статью о только что вышедшем втором томе сочинений Ю. Ф. Самарина, посвященном «крестьянскому делу до рескриптов 20 ноября 1857 г.»⁵⁰. Почему такое отвлечение «в сторону» от того, что более всего занимает его, — от Боярской думы? Потому что это не было «отвлечением». Это было коренным, основным, важным, рожденным тою же работой над Боярской думой. Это относилось к логическому завершению темы о смене боярства дворянством, о российском привилегированном классе, его правах и роли в управлении Россией. Это было историческим выводом из изученных ранее предпосылок восьмивековой протяженности, выводом, в данном случае глубоко *разоблачающим* дворянство. В буржуазно-либеральном лагере, на периферии которого в колеблющемся состоянии обитал Ключевский, в 70-х годах еще не было попытки формулировать столь радикальные решения.

Нельзя понять этого выступления Ключевского вне напряженной общественной атмосферы второй революционной ситуации 1879—1880 гг. Она как бы вынесла на историческую проверку все выводы о развитии русского привилегированного класса, которые он сделал ранее в работе. Историческая действительность, его окружавшая, стала как бы практической лабораторией историка, который мог проверить правильность установленных им предшествующих стадий развития явления теми позднейшими стадиями, которые протекали на его глазах. Дав своей статье заглавие «Крепостной вопрос накануне его законодательного воз-

буждения», Ключевский — современник и кануна, и начала, и проведения крестьянской реформы — разоблачал прежде всего утвердившееся и принятое за само собой разумеющееся положение, лежавшее в основе законодательного решения крепостного вопроса в 1861 г., что русский помещик будто бы «есть простой частный землевладелец, а его земля — простая гражданская собственность». Нет, он считал, что такое мнение «было юридическим недоразумением, потому что русский помещик вплоть до 19 февраля 1861 г. владел своей землей не на гражданском, а на политическом праве»⁵¹. После закона о дворянской вольности в 1762 г., снимавшем с помещика обязанность государственной службы, создавалась фикция сохранения «правительственной власти помещика над крестьянами». Отмена этой власти помещика «еще не снимала с него государственных обязанностей, на которых она основывалась, так как эти обязанности давали оправдание не одной этой власти, но и самому праву собственности над землею помещика»⁵². Последнее, т. е. право помещика на землю, фактически закончилось, по мнению Ключевского, уже в 1762 г. и далее держалось 99 лет на юридической фикции. Более ясно сказать, что русские дворяне уже в момент освобождения крестьян решительно никакого права на владение землей не имели, было невозможно. Земля по-прежнему оставалась, по мнению Ключевского, владением государства. Дворяне претендовали на владение и управление налогоплательщиком — крестьянином, превратив его в своего раба, а налогоплательщик не может быть рабом! Рабы податей не платили. Ключевский остро критиковал наивный, непрактичный и необоснованный, по его мнению, проект Ю. Ф. Самарина, полагавшего накануне законодательного освобождения крестьян, что достаточно «простой» добровольной сделки «без прямого законодательного регулирования между помещиком и его крепостным», чтобы узел крепостного вопроса развязался «сам собой». Люди вроде Самарина «были слишком философы и эстетика, чтобы стать деловыми устроителями народного хозяйства». Для абстрактной мысли этих людей «исчезали конкретные различия между камнем и куском хлеба, и когда у них попросили последнего, они в философской рассеянности взялись за первый». Ощувив большую политическую остроту этого суждения, Ключевский поспешил (обычный его прием!) сам его оспорить и сказать, что оно «не совсем справедливо», завершив статью ироническим замечанием, что «благодарную», а иногда даже «сильную» мысль Самарина спасала от уныния «вера во что-то, не то в русский здравый смысл, не то в русское „авось“...»⁵³

Историк, смело взявшийся за изучение общественных классов древней России и исследование одного из центральных учреждений «в связи с историей общества», как видим, не сделал важнейшего шага — он не посмел перешагнуть в проблему классовой при-

роды самого самодержавного государства. Он безмолвно сохранил распространенный в буржуазной науке тезис об его надклассовости, мнение о нем как о силе, парящей над обществом и действующей во имя общего блага.

Но тем не менее с историографических позиций Ключевский сильно продвинул вопрос, резко разоблачив не только одно из незыблемых дворянских положений в деле подготовки реформы, но теоретически глубоко подорвав и основной корень помещичьего класса — дворянское землевладение. На статье о Самарине так мало цензурных вуалей, и написана она так смело, что доселе является одной из интереснейших работ в истории буржуазной исторической науки эпохи ее кризиса: настолько резко вскрывает она глубокое классовое противоречие своего времени.

«Антидворянский силлогизм» Ключевского был развернут им в 1879 г. не только в критике взглядов Самарина, но и в первых университетских лекциях о «преемниках Петра». Он проходит, как видим, и по одновременно написанному введению в журнальный текст «Боярской думы». Он звучит там осторожно, сдержанно, почти незаметно. Но он очень важен для понимания всей концепции автора.

«Правящий класс» — бояре — отправлял государственную службу, получая за это от государства земельные владения с правом эксплуатации крестьян. Но в третьей фазе Боярской думы и развития местного самоуправления, когда оно делается, по Ключевскому, «односословным, дворянским», правящий класс «перестает быть служилым», т. е. теряет право на привилегированное владение землей. С последней «фазой развития» дворянство забирает в свои руки все больше власти, на которую в сущности не имеет права. Все это прямым образом касается поставленной Ключевским задачи: определить классовый характер учреждений. Однако эпоха Боярской думы, кончаясь в начале XVIII в., служит этой теме только введением. Исследование «антидворянского силлогизма» непрерывно влечет Ключевского к изучению дальнейшей истории «правлящего класса» — в XVIII и даже в XIX в. Его все время тревожит то законодательство Петра I и Екатерины II, то канун крестьянской реформы, то ее последствия. Напряженно трудясь над скорейшим окончанием докторской диссертации, отрывая от текущей работы немислимые куски времени (работая ночами), он волею логики своего исследования все-таки захватывает и разрабатывает в отдельных статьях тематику двух последних веков, где особенно много доказательного материала об историческом паразитизме дворянства.

«Либеральная» диктатура Лорис-Меликова свидетельствовала в это время о кризисе правительственной политики — существенном элементе революционной ситуации 1879—1880 гг. Но эта политика недаром получила название политики «лисьего хвоста»,

Были заявлены широковещательные декларации. Несколько смягчился правительственный курс по линии земских и городских организаций, упразднили ненавистное III отделение. Реакционный министр народного просвещения Дмитрий Толстой был смещен. Но это не утихомирило недовольства. Весной 1880 г. либеральный профессор Московского университета — близко знакомый Ключевскому С. А. Муромцев (в будущем председатель I Государственной думы) подал вместе с В. Скалоном и А. Чупровым записку правительству о необходимости собрать «особое самостоятельное собрание представителей земства для участия в государственной жизни и деятельности». Лорис-Меликов, для которого эта записка оказалась неприемлемой, все же доложил Александру II в январе 1881 г. о желательности созыва редакционных комиссий, которые должны были выработать проекты законов о ряде преобразований и внести их в должностную возникнуть некую «общую комиссию» с представителями выборных от земств и городов. Конечно, все это весьма отдаленно напоминало «конституцию» и «увенчание здания» реформ, но все же, как заметил В. И. Ленин, «могло бы при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия»⁵⁴. Профессура Московского университета была в какой-то мере в курсе событий и — еще более — множась слухов.

Хотя революционная ситуация уже шла к исходу, порывы бодрого настроения продолжали шевелить либеральные круги — надежды на внезапные политические дары сверху еще озаряли по-камест яркими вспышками горизонты. Вот и сейчас, в феврале 1881 г., отмечая двадцатилетие реформы 19 февраля, либералы готовы были ликовать — распространялись новые слухи о предстоящих преобразованиях. Проекты наверху, действительно, разрабатывались, общественное либеральное мнение воздействовало, казалось, все отчетливее на общую обстановку. Темой передовой редакционной статьи в том же номере «Русской мысли» (а в ее редакцию входил Ключевский!), где печаталась восьмая глава «Боярской думы», была упомянутая двадцатая годовщина 19 февраля и новое выступление петербургского земства: «Сегодня Россия празднует двадцатилетие гражданской свободы, дарованной царем многочисленной части русского народа... — слово свобода у всех на устах...» Допустимо предположить, что в какой-то мере передовая отражала и настроение автора «Боярской думы»: «Сегодня Москве стало ведомо единогласное постановление петербургского дворянства о ходатайстве перед государем императором, чтобы закон, обеспечивающий личность каждого граж-

данина, не нарушался (набрано курсивом! — М. Н.), чтобы противоречащая закону административная ссылка была прекращена». Далее следовал набор буржуазно-либеральных свобод, адресуемый, однако, в форме всеподданнейшей просьбы не кому иному, как российскому самодержцу: «Без свободы личности, без свободы совести, без свободы слова немислимо пользование плодами гражданской свободы...», «...существует невозможный порядок вещей: закон, ограждающий личность, бездействует, произвол — царит...» Это было уже достаточно смело. Далее наборщик набирал не менее смелые вопросы и даже вопли: «Будет ли услышан голос народа, вопль всех честных людей? Будут ли возвращены нам дети, братья, заблудшиеся, быть может, но все же дорогие и часто вовсе ни в чем не повинные? ..» Это явно относилось к политическим «преступникам».

«Да хранит его бог!» — восклицала редакционная передовица по адресу царя, от которого ждали перечисленных благ...⁵⁵

Номер журнала был набран и вышел в свет накануне 1 марта 1881 г. В этот день революционеры привели в исполнение смертный приговор, вынесенный ими царю, — Александр II был убит народовольцами.

Что думал Ключевский обо всем этом? Прямых документальных данных того времени нет. Письма его между 1879 и 1883 гг. отсутствуют, дневниковых записей 1874—1891 гг. в нашем распоряжении не имеется. Его афоризмами мы располагаем не ранее 1889 г. «Краткое пособие по русской истории» для студентов составлено Ключевским, конечно, таким образом, что не содержит повода упоминать ни о революционном движении, ни о царевубийстве. То же относится к V тому его «Курса русской истории», перепечатанному Я. Л. Барсковым с литографированного издания 1883/84 г. В таком случае получают особое значение поздние его высказывания о 1 марта 1881 г. Примечательна дневниковая запись от 24 апреля 1906 г.: «Настоящим питомником русской конспирации было правительство имп[ератора] Александра II. Все его великие реформы, непростительно запоздалые, были великодушно задуманы, спешно разработаны и недобросовестно исполнены, кроме разве реформы судебной и воинской. Монарх мудро соизволял; призванные работники, как братья Милютины, Самарин, самоотверженно проектировали, а ввязавшиеся в дело министры камарильи вроде Ланского, Толстого, Валуева, Тимашева разделявали циркулярами высочайше утвержденные проекты в насмешки над народными ожиданиями. Царю-реформатору грозила роль самодержавного провокатора: Александр II вступал на путь первого Александра. Одной рукой он дарил реформы, возбуждавшие в обществе самые отважные ожидания, а другой выдвигал и поддерживал слуг, которые их разрушали. Полиция, не довольствуясь преследованием нелегальных поступков и чуя глу-

хой ропот, хотела читать в умах и сердцах посредством доносов и обысков, отставками, арестами и ссылками карала предполагаемые помыслы и намерения и незаметно превратилась из стражи общественного порядка в организованный правительством заговор против общества». Далее Ключевский переходит к характеристике правительственной линии в воспитании молодежи и заодно к оценке царевубийства: «Гр[аф] Толстой с Катковым создали целую систему школьно-полицейского классицизма с целью наделать из учащейся молодежи манекенов казенно-мундирной мысли, нравственно и умственно оскопленных слуг царя и оте[че]ства. Этими глубоко продуманными мерами преподаны были обществу, особенно подраставшему поколению, прекрасные уроки противоправительственной конспирации, плодотворно и быстро разросшейся на возделанной правительством почве общественного озлобления. Покушения участились и завершились делом 1 марта»⁵⁶.

Так вот, оказывается, что думал Ключевский о царевубийстве 1 марта! Виновник этого — само правительство. Царизм пожал плоды того, что тщательно и тупо планомерно сам посеял.

Ключевский колеблется между двумя лагерями — умеренно либеральным и демократическим, испытывая сильное тяготение ко второму, но оставаясь в рамках первого. Но одна существенная черта сопровождает развитие: при наступлении революционных ситуаций он движется влево и выступает более открыто, а в годы реакции уходит в себя, то осторожно камуфлируясь, то погружаясь в молчание.

Вскоре после 1 марта «Московские ведомости» с яростью вспомнили и о Ключевском, ища причин роста крамолы. Не называя его имени, Катков в передовой статье от 1 апреля писал, что в легальной литературе профессора на казенном жалованьи вслед за революционерами доказывали, что «крестьянская реформа дала народу камень вместо хлеба». После царевубийства наступил период реакции, все более набравшей силу. Под ее знаком прошли все 80-е годы. «Боярская дума» с IX главы печаталась уже в обстановке нарастающего давления антидемократических сил и наступающих контрреформ. В этой обстановке и пришлось Ключевскому отвечать брату Юрия Самарина Дмитрию — одному из лидеров крепостнической реакции⁵⁷.

Выступая в реакционной еженедельной газете «Русь» по аграрному вопросу и выкупным платформам, Д. Ф. Самарин напал на Ключевского за критику позиции его брата Ю. Ф. Самарина накануне реформы. Ключевский отвечал, тем самым «ввязываясь» в самый узел борьбы с оживившимся крепостническим лагерем. Читая его статью «Право и факт в истории крестьянского вопроса (ответ Д. Самарину)» в знакомом всем сборнике статей Ключевского «Отзывы и ответы», мы не получим и десятой доли впечат-

ления от возникшей контрверзы, если не положим рядом реальный номер «Руси» за 1881 г. Газетные колонки текста Ключевского пронизаны снизу вверх «ножами» высоких и многословных примечаний от редакции, враждебных Ключевскому (они остались неопубликованными в «Отзывах и ответах»).

Критик Ключевского отозвался о нем сначала «в незаслуженно лестных выражениях», а далее обвинил в том, что «я ребячески свысока отношусь к Положению 19 февраля, как к изделию помещиков, сумевших в свое время обделаться свои дела на счет благосостояния крестьян и подавших им камень, когда у них просили хлеба», и «в том, что на могилу людей, положивших свою душу в дело освобождения крестьян, я бросил отзыв, в котором назвал их философами и эстетиками, утратившими понимание „конкретных различий между камнем и куском хлеба“, так что „когда у них просили последнего, они в философской рассеянности взялись за первый“»⁵⁸. Отметая второе обвинение как «недоразумение» (оно в статье как раз оспорено, утверждает Ключевский, оно высказано, мол, другими, а не им!), обвиняемый возражает и против первого упрека, не находя в своей статье формулировок, обосновывающих обвинение. Очевидно, возражения критика, догадывается он, основываются на чтении между строками. Но, ехидно продолжает критикуемый, ведь «и за автором можно признать право вскрывать свои междустрочия». Он «догадывается», что брату Ю. Ф. Самарина хотелось бы узнать: 1) как он, Ключевский, относится к Положению 19 февраля и 2) ко взглядам Ю. Ф. Самарина на крестьянское дело до 20 ноября 1857 г. (это конечная хронологическая грань II тома его «Сочинений»). Вот Ключевский и хочет в своей статье «прямо и откровенно» высказаться об этом.

Ключевский полагает, что русское крестьянство издревле было *безземельным и бродячим*. Оно всегда работало «на чужой земле и с чужим земледельческим капиталом». Основным вопросом Русского государства (подразумевается, конечно, бесклассового, призванного заботиться о всеобщем благе) «было сделать крестьянство оседлым и работающим на земле, прочно за ним обеспеченной»⁵⁹. Это было решающим для всей «исторической будущности России». Ключевский считает, что государство шло к разрешению этого вопроса «сквозь длинный ряд неудач и затруднений». Крестьяне попали в кабалу к помещикам, «крупным землевладельцам». Бродячесть, безземелье и недостаток земледельческого капитала привели к тому, что уже в XVI в. (а это, заметим, как раз период расцвета деятельности Боярской думы!) большинство крестьян на землях крупных владельцев было без шума, незаметно закрепощено путем долгового обязательства и подверглось опасности кабального или полного холопства, а «холоп для государства — не плательщик»⁶⁰.

Таким образом, «само собой» образовавшееся путем задолженности крестьян крепостное право оказалось, по Ключевскому, страшной угрозой и для самого государства, терявшего в силу этого массового налогоплательщика.

Поскольку, «тяготясь поземельным государственным тяглом», крестьяне «в ущерб казенному интересу» предпочитали бросить свои тягловые участки, переходя в бобыли или принимая нетяглые «пустошные» пашни, правительство, не желая терять налогоплательщика, стало прикреплять крестьян к земле, сначала на дворцовых и государственных землях, а также на землях мелких землевладельцев, чтобы не дать крупным помещикам сманивать рабочие руки. Тогда страшно усилились крестьянские побегі, и пришлось правительству увеличить власть барина над крестьянином. Пользуясь этой усиленной властью, помещик переводит крестьянина с пашни во двор, отрывает его от земли. А дворовый опять-таки не тяглец, не плательщик податей! «Против этого правительство придумало очень остроумную меру — подушную подать: теперь и прежний холоп, и крепостной, одинаково лично прикрепленные к барину, становились тяглецами». Подушная подать «принесла стране огромную экономическую пользу: благодаря ей Россия распахалась». Это важный момент в концепции Ключевского! Прежняя поземельная подать «содействовала упадку земледелия и сокращению крестьянской пашни». А подушная подать хотя и усилила вдвое податную тяжесть, лежавшую на крестьянине, но падала теперь «одинаково на пахущих много и мало, побуждала пахать возможно более». Так шла, по Ключевскому, внутренняя борьба бесклассового и справедливого правительства с алчным помещиком — «за налогоплательщика, без которого государству не жить»⁶¹.

Но вот едва наступил XVIII век, происходят существенные изменения в правах и обязанностях помещиков. Петровская Русь с ее преобразованиями и длительными войнами остро нуждается в кадрах, в интеллигенции. Откуда же их почерпнуть, как не из состава того же дворянства? Еще ранее указа 1714 г. поместья, как и вотчины, постепенно становятся наследственной собственностью дворянства. Но за это прибавилось ему обязанностей: ему предписали учиться, «образоваться», давать правительству во множестве подготовленных людей, остронеобходимых преобразованному строю. Сверх того, отвечать за казенные платежи крестьян и вообще за платежеспособность налогоплательщика-крестьянина (обеспечить крепостных крестьян землей, «чтобы они были исправными плательщиками казны», в неурожайные годы кормить крестьян, следить, чтобы их хозяйство не разорялось, и т. д.). Исчез ли условный характер дворянского землевладения? Пока что нет. Дворянство получало теперь свои наследственные земли именно за эту службу. Точка зрения Ключевского такова: «Этот

условный характер дворянского землевладения исчез после закона 18 февраля 1762 г. о вольности дворянства. Отменена была, и то с оговорками, только обязательность государственной службы сословия, а прочие повинности остались и были усилены, и только поэтому 19 февраля последовало не тотчас за 18-м, а через 99 лет»⁶². По закону все было так: «Земля принадлежала владельцу под условием службы, была владением на государственном праве; притом часть ее обязательно находилась в пользовании прикрепленных к ней крестьян»⁶³.

Кажется, сделай Ключевский только один шаг — и возникнет итоговая формула о классовом характере самодержавия. Но тогда рухнет вся концепция и поколеблются основы мировоззрения. Он и не делает этого шага. Не вводит он и понятия *борьбы классов*: признается лишь наличие классов и существование «классовых интересов», которые должно как-то согласовать и привести к гармонии парящее наверху надклассовое государство, только вот ничего с этим у него никак не получается...

По концепции Ключевского, далее сложилось парадоксальное положение. Чем больше прав получало дворянство, тем больше обязанностей теряло. Если брат, не без иронии пишет Ключевский, не крепостное право, а «крепостной факт», то постепенно, кроме хозяйственной разницы между барской и крестьянской запашкой, укрепляется и финансовая разница: «Барская пашня не подлежала государственному тяглу, которое падало на крестьянскую». Помещики податей не платили, крестьяне платили. Утвердилось поразительное «юридическое недоразумение», которое породило «политические иллюзии». Одна из этих иллюзий — мысль, «что дворянская земля с крепостными крестьянами — полная гражданская собственность владельца».

Яснее сказать было нельзя. Дворянство России, по мнению Ключевского, прав на землю не имело и владело землей только по недоразумению.

Редакция «Руси», публикуя ответ Ключевского Д. Ф. Самарину, сопровождала его довольно яростными примечаниями. Она солидаризировалась с противником профессора — Д. Ф. Самариным. Д. Ф. Самарин, с точки зрения редакции «Руси», остался прав решительно во всех своих нападках на Ключевского. Рассуждение о том, что дворяне в сущности не являются владельцами земли, редакция сопровождала ядовитым примечанием, имеющим смысл: жаль, мол, что профессор Ключевский не совершил своего открытия перед реформой, а то реформаторы осуществляли реформу, еще не зная открытия Ключевского, и простодушно полагали, что земля — законная дворянская собственность...

Еще до ответа Д. Самарину Ключевский развил свою концепцию в новом направлении, которое позже последовательно расширял и укреплял.

Мы помним, что дворяне получили приказ «образоваться» и создать в России кадры подготовленной, образованной интеллигенции, в которой так сильно нуждалась реформированная Петром Россия. Может, они выполнили царский приказ?

Ключевский отвечал решительным «нет». С июня 1880 г., еще за полгода до нападок на него Д. Самарина, в речи памяти Пушкина в Московском университете (это выступление как раз приходится между выходом в свет четвертой и пятой глав «Боярской думы» в журнале «Русская мысль»), Ключевский ответил: нет, дворяне не выполнили царский приказ «образоваться» — очень мало появилось из дворян деловых людей. Обучались «со слезами», насильно.

Вот чопорный Гаврила Афанасьевич в «Арапе Петра Великого» А. С. Пушкина, «невольный, зачисленный в европейцы по указу, русский». Он не прочь послужить и сделать карьеру, хотя все его понятия и симпатии принадлежат еще старой, неевропейской России. Это «скорее русская гримаса европеизации, первая и кислая»⁶⁴. Из него, как можно догадываться, «имел выйти один из петровских дельцов — людей, хорошо нам знакомых по Нартовым, Неплюевым и др. Это характеры резкие и жесткие, но хрупкие и по недостатку гибкости неживучие: они вымирали уже при Екатерине II». Но вот кто живуч — там же выведенный Пушкиным товарищ арапа Ибрагима некий «молодой К.», проходивший «курс высшей европеизации в парижских салонах». Это — русский петиметр XVIII в., великосветский русский шалопай на европейскую ногу, «скоморох», по выражению старого князя Лыкова в «Арапе», или «обезьяна, да нездешняя», как он назван в комедии Сумарокова⁶⁵. Для подобных петиметров наступит «полная весна» «в женские эпохи при двух Аннах, двух Екатеринах и одной Елизавете», а пока он «шут поневоле». Кто такой Троекуров в «Дубровском» у Пушкина? Да это ведь тот же, только постаревший петиметр в отставке, «приехавший в деревню дурить на досуге». Это посеянные еще «при Анне» «миниатюрные провинциальные пародии временщиков, которых превосходно характеризовал граф Н. Панин, назвав „припадочными людьми“». Особенно нравится Ключевскому у Пушкина достойный зять Троекурова князь Верейский: «Это настоящее создание екатерининской эпохи, цветок, выросший на почве закона о вольности дворянства и обрызганный каплями вольтерьянского просвещения». Толку во всех этих фигурах никакого. «За границей они растрачивали богатый дедовский и отцовский запас нервов и звонкой наличности и возвращались в Россию лечиться и платить долги». Прожигали жизнь за границей, умирать приезжали в Россию. Непрестанная «скука» князя Верейского «стала неременной особенностью дальнейших видов этого типа»⁶⁶.

Положительный тип времени — Правдин, Стародум — никогда не удавался литературе. Он вышел живее у Пушкина — Дубровским-сыном, это «другой полюс века и вместе его отрицание». Сказано замысловато. Что значит «вместе»: и другой полюс, и его отрицание? Движение вспять? Аннигиляция явления? Далее узнаем, по Ключевскому, что он декабрист! «В нем заметны уже черты мягкого, благородного, романтически протестующего и горько обманутого судьбой александровца, члена „Союза благоденствия“». Мысль тут прервана внезапно, Ключевский не досказывает ее, возвращаясь почему-то от Союза благоденствия вспять — к «Недорослю» Фонвизина, к Митрофану. У Фонвизина Митрофан «сбивается в карикатуру, в комический анекдот. В исторической действительности недоросль — не карикатура и не анекдот, а самое простое и вседневное явление, к тому же не лишенное довольно почтенных качеств. Это самый обыкновенный, нормальный русский дворянин средней руки». Наши митрофаны «всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петре I, со скукой при Екатерине II, не делали правительств, но решительно сделали нашу военную историю XVIII в.». Мы узнаем не без удивления далее, что это и есть те «пехотные армейские офицеры», которые вместе с русскими солдатами «вынесли на своих плечах дорогие лавры Минихов, Румянцевых и Суворовых». Тут не может у нас не родиться чувство протеста. Откуда у Ключевского принижающее множественное число (Суворов-то у нас один! Румянцев — тоже. И, пожалуй, не Минихом, а Петром I начинаться этому ряду!). Все это смущает читателя. А начало славы, почему же вести его от ассоциации с Митрофаном Простаковым, болваном, неучем, невежей? Ключевский никогда не был силен в нашей военной истории и в оценках ее развития. Темы боевой славы редко ему удавались и чаще просто отсутствуют в его изложении. Ключевский напоминает нам тем временем, что у Пушкина недорослем является и Гринев в «Капитанской дочке», невольный приятель Пугачева. Вся портретная галерея замыкается у Пушкина Евгением Онегиным, потомком нарисованных героев, все предшествующие лишь «прямые или боковые его предки». Мы воочию видим, как рождается у Ключевского замысел будущей статьи об Евгении Онегине и его предках, которую он напишет только через восемь лет. Но «под занавес», уже «замкнув» ряд героев Пушкина Онегиным, Ключевский вновь, поясняя свою мысль, возвращается к декабристам. Впрочем, он называет их длинно: «людьми, чаявшими обновления России после войн за освобождение Европы». Припоминая записки этих людей, говорит он, мы знаем, чем были Онегины после 1815 г., а поэма Пушкина рассказывает нам, «чем стали они после 1825 г.». Заметим, что и то, и другое неверно: мемуары декабристов рассказывают и о многом другом — об их борьбе с самодержавием и крепостничеством, между прочим,

а «Евгений Онегин» был задуман и начал создаваться Пушкиным еще до восстания декабристов, а не после него. Но дело даже не в этом — поражает заключение Ключевского, что все прошедшие перед нами портреты, нарисованные Пушкиным, «изображают один и тот же тип».

После 1825 г. это «Чацкие, уставшие говорить и с разбитыми надеждами, поэтому скучающие. Позже у Лермонтова они являются страдающими от скуки на горах Кавказа, как другие в то время страдали, хотя и не от одной скуки, за горами Урала». Можно воспринять эту оценку как кощунственную. Но она — в духе Ключевского. Он в это время не понимал декабристов, считая их скучающими, не подготовленными к практической жизни дворянами. Его сын сохранил бытовавшее устное определение декабристов, данное отцом: «Что такое декабристы? Историческая случайность, обросшая литературой». Позже он сдвинется с этой точки зрения к несколько более верному определению, но и тогда эти слова не уйдут из его обихода и обихода окружающих учеников. Его ненависть и презрение к дворянству ведут и к непониманию первого этапа русского революционного движения. Да и говорить-то об этом движении вслух пока что опасно. Надо думать, что слушатели речи Ключевского на торжественном заседании 6 июня 1880 г. сочли даже смелыми его намеки на декабристов⁶⁷.

Как видим, концепция речи в честь Пушкина легко смыкается со всем пониманием развития российского дворянства как органическая его часть, возникшая в связи с общей концепцией «Боярской думы».

Начало 1881 г. (ответ Ключевского Д. Самарину появился в феврале) было для Ключевского временем напряженной работы и над этой концепцией в целом, и над следующей — VIII — главой «Боярской думы», которая набиралась и печаталась в феврале и должна была появиться — и появилась (он успел!) — в мартовском номере «Русской мысли» за 1881 г. Глава продвинула исследовательскую тему до XIII—XV вв. и была посвящена доказательству и развитию тезиса о том, что, «согласно с политическим характером удельного князя, и удельное управление было довольно точной копией устройства древнерусской боярской вотчины». Но все-таки шел уже второй год печатания «Боярской думы» в журнале, а в свет выходила всего только VIII глава.

8

После мартовской публикации очередной главы в «Русской мысли» «Боярская дума» не появляется в журнале два месяца. С августа 1881 г. Ключевский явно начинает ускорять темп и спешит к завершению печатания монографии: в августовском номере

публикуются уже две главы, в сентябрьском — четыре, в октябрьском — три, в ноябрьском — тоже три, на этом публикация завершается. Последние главы чувствительно «худеют», занимая иногда всего по несколько страниц. Ноябрьская публикация, завершаемая главой XXI, как уже говорилось, оформлена Ключевским как концовка работы (для журнала). В начале главы он сделал существенное примечание о том, что очерк административного устройства и деятельности думы «будет приложен к приготавливаемому особому изданию, несколько измененному». Таким образом, автор довел историю думы в журнальном варианте до начала XVIII в. и принял решение журнальный текст не превращать в книгу, идущую на докторскую защиту, а напечатать для этого новый — переработанный — текст. Возникает поэтому необходимость отдельно проанализировать общую концепцию журнального варианта «Боярской думы», чтобы получить возможность сопоставить ее с первым книжным изданием.

Стремясь разрешить новую в изучении отечественной истории задачу — создать «опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества», Ключевский во введении отчетливо подчеркнул, что «в предлагаемом опыте Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе». Как бы ни было сложно выполнить такую задачу, она стала бы вполне возможной, если уже были бы исследованы классовый состав общества древней Руси и его история. Но вопрос этот был нов, ставился Ключевским для русской истории едва ли не впервые, и не только без правильной теоретической основы, а вообще без какой бы то ни было общей основы. Прежние господствовавшие в исторической науке школы более всего занимались историей государства, в нужных случаях говоря в разрезе основной темы о созданных государством условиях. У некоторых историков (Н. Полевой) речь шла о народе. Ни о классах, ни тем более о «классовых интересах» в русской истории еще и речи не было. Беря на себя указанную новую задачу, Ключевский неизбежно должен был заниматься как тем, так и другим, т. е. выяснять на всем протяжении охватываемых им веков: а) классовый состав общества, историю классов и их интересов; б) вырастающее отсюда и на этой основе центральное государственное учреждение — Боярскую думу. Поскольку он брал Боярскую думу с возникновения до конца существования учреждения, получалось, что он должен был охватить обе проблемы в их историческом развитии на протяжении восьми веков.

Отсюда неизбежное чередование глав, посвященных собственно Боярской думе, как таковой, с главами общесторического содержания. В его журнальном варианте всего 21 глава; из этого количества основной теме, Боярской думе, посвящено только 10, остальные 11 (не считая введения, не включенного в нумерацию глав)

отданы разным сторонам общен исторического процесса и отчасти социальному строю древней Руси. Это, собственно, общие лекции по русской истории, которые он тогда читал. Соотношение на первый взгляд кажется убедительным — внимание почти поровну разделено между той и другой проблемами, что может представиться довольно естественным. Но другая картина получается, если взять вопрос в динамике. После первой главы, касающейся Боярской думы, семь посвящены общим вопросам Киевской Руси до XI в. — в них о Боярской думе или вообще речи нет, или встречаются самые редкие и случайные упоминания. Сам Ключевский позже находил неудачным начало «Боярской думы» в журнале «Русская мысль». Но после первых восьми глав изложение перестраивается — Боярской думе посвящено девять глав, общен историческим — всего четыре. Видно, что Ключевский, создавая главу за главой, по мере печатания в журнале брал для изложения иной масштаб, чем позже. Недаром критики первой части упрекали его в недостаточной сосредоточенности на основной теме и иронически предлагали назвать труд «Историей государства Российского».

Далее Ключевский меняет масштаб и, начиная с глав IX и X, посвященных собственно Боярской думе, увеличивает сосредоточенность на основной теме и уже гораздо меньше внимания уделяет общен исторической тематике.

Являются ли общен исторические главы «Боярской думы» действительно посвященными социальной тематике? Говорят ли они о формировании классов русского общества и о сложении их классовых интересов? Иначе говоря, отвечают ли они авторской задаче? Увы, нет.

У Ключевского не было метода исследования классового общества, не было и какой-либо теории формирования классов, не было и точного определения понятия «класс». Стоя на почве идеалистической историко-юридической школы и мобилизуя собственные соображения и исследования, он мог лишь сконцентрировать в своих главах данные общен исторического процесса. Если бы не изобретенное им заглавие — тезис, — начинавшее каждую главу и заранее заявлявшее об ее выводе, было бы трудно и скорее даже невозможно, прочтя его текст, прийти к заявленному выводу на основе его материала. Но историографически надо положительно оценить самую тенденцию к изучению классовой социальной тематики, задачу, которую он хотел, но не смог разрешить, — новую в науке.

Неудача же в решении сознательно поставленной задачи ярко характеризует начавшийся кризис буржуазной исторической науки, невозможность для историка решить вопросы истории классов и их интересов, стоя на почве идеалистического мировоззрения.

Как и многие другие буржуазные историки в годы кризиса, Ключевский, лишенный научной теории об общественно-исторических формациях, о классах, о борьбе классов, не рассматривал изучаемую им древнюю Русь как историю феодального общества. Он, не обинуясь, переносил в нее, как уже сказано, ряд категорий и понятий капиталистического общества. Он видел в начальных веках отечественной истории богатые торговые города, сложившуюся «торговую аристократию», даже наличие «торговых фирм». Он усматривал там борьбу между городом и деревней, проблему классового представительства — в «конституционных» учреждениях. Все это было очень ново, но, как потом оказалось, очень неверно. Однако на путях развития науки выдвижение новых проблем, хотя и неправильно решенных, — иногда момент значительный и заслуживающий особого внимания.

Короткая первая глава журнального варианта, позже Ключевским снятая, сразу определяет Боярскую думу как «постоянный государственный совет», составленный по назначению государя из высших служилых чинов не только для обсуждения, но и для решения «важнейших текущих дел законодательных, административных и судебных». В начале XVI в. действительные члены думы делились на бояр и окольничих (если не причислять к ним думных дьяков), и дума действительно была *Боярской думой*. С половины XVI в. в думе появляется «новый элемент» — думные дворяне, которые «представляли собою служилую массу», ранее причислявшуюся «в старом русском обществе к младшей дружине». Усложнялся иногда состав Боярской думы и приглашением «представителей неслужилого сословия, высшего духовенства». Таким образом, «Московский государственный совет XVI и XVII вв.», в переводе на классовый язык самого Ключевского, представлял в XVI в. боярский класс, затем и класс массы служилых людей, потом представителей «неслужилого сословия» — высшего духовенства. Но сопоставляя Московскую думу XVI в. с более ранней думой предшествующих веков, Ключевский полагает, что «в складе Московского государственного совета» легко разглядеть ту же, «если можно так выразиться, конституционную схему», что и в княжеской думе «первых веков», впрочем с двумя существенными отличиями в пользу первой, более ранней думы: эта древняя дума «самостоятельнее политически и сложнее по составу». Во-первых, бояре тогда могли отказать князю в желательном для него решении: «Ты без нас это задумал, так не идем с тобою», — записан их ответ в летописи XII в.; дума тогда имела «обязательный для государя авторитет». А вторая особенность «еще важнее»: в X—начале XI в. в думе заседали вместе с боярами «старцы градские», городские старшины, представляющие один из «властных правящих слоев». Позже Ключевский назовет их представителями «мещанства», торговых городских слоев, «тор-

говой аристократией». Так еще один «класс», влиятельный издревле, предстает перед нами в Боярской думе. По новым опубликованным материалам констатируется любопытная вещь — «старцы градские» запали в память Ключевского особо в 1874 г., на Киевском Археологическом съезде, при слушании доклада Н. Костомарова о значении княжеской дружины: в дневнике он записывает содержание доклада, отмечая, что, по мнению докладчика, в совете князя Владимира в Киевской Руси участвовали «и недружинные элементы — епископы и старцы градские»⁶⁸.

Понимая так классовый состав ранней Боярской думы, Ключевский полагает, что для объяснения «такого необычного в жизни древних обществ хода дела» надобно пересмотреть всю нашу историю первых веков, «смеем думать, недостаточно изученных». Отсюда довольно длинный ряд глав, объясняющих эту крайне заинтересовавшую Ключевского особенность. Глава II раскрывает тезис: «Черта, разделявшая верх и низ общества, шла в X веке не внутри города между кремлем и посадом, как позднее, а между городом и селом». Глава III обосновывает положение: «Следы политического обособления города и села в X веке — остаток значения, какое начали было приобретать большие города по речным торговым путям до половины IX века». IV глава, посвященная тому же древнейшему времени, имела основным выводом положение: «Волостные города возникли из обстоятельств, которыми сопровождалась славянская колонизация бассейнов Днепра, Двины и Ильменя в VII и VIII веках». И, наконец, V глава завершала обоснование общей картины городской торговой Киевской Руси и происхождение в ней высшего класса городского сословия — торговой аристократии городов, представленной в древнейшей княжеской думе: «Старцы градские X века — остаток военного устройства, в какое стали облекаться большие торговые города с IX века и из которого вышел русский князь с дружиною». Лишь с VI главы журнального издания оно начинает сближаться по структуре и положению основных выводов со знакомым нам текстом книжных изданий докторской диссертации Ключевского. Тут мы воочию видим рождение и укрепление того элемента исторической концепции Ключевского, которым являлось представление о древней Руси VIII—XII вв. как о «стране городов», богатом торговом государстве с сильной, как мы бы сказали, торговой буржуазией. Представление, позже повлиявшее на концепцию М. Н. Покровского.

Далее в удельный период социальная структура и политическая жизнь Руси стала, по Ключевскому, «беднее и проще». Подвижной воинственный управитель княжества — русский князь, с XIII в. становится хозяином-вотчинником своего удела. И общество княжеского удела на севере приобретает более деревенский характер, чем в Киевской Руси. Укрепились и та привилегированная

собственность, «которая на языке древнерусского права называлась боярской». Удельное княжеское владение сложилось «по типу частной земельной вотчины, и князь стал наследственным землевладельцем, сельским хозяином своего удела». В связи с этим «и общество княжеского удела на севере становится более сельским, чем оно было прежде на юге». Служилый класс на севере «усвоил себе интерес» стать сельским хозяином, а «для успеха в этом деле работать и кабалить людей», «выпрашивать земледельческие льготы и ими приманивать на землю крестьян». Важное социальное отличие: на севере «выбыл класс, преимущественно работавший торговым капиталом», — промышленные обыватели прежних «больших волостных городов». А, стало быть, «исчез из оборота общественной жизни и тот ряд классовых интересов», который «прежде создавался отношениями обывателей волостного города к другим общественным силам»⁶⁹.

Ключевский характеризует далее «механизм» управления удельного княжества с XIII по XV в. Интересно отметить, что вопрос о татаро-монгольском нашествии и порабощении почти опускается им. Он как-то спокойно, мало останавливаясь на деталях, рисует удельную Русь как бы вне вопроса «общения» с татаро-монгольскими ханами и их баскаками. Говоря о периоде татарского владычества, он называет очередную главу тезисом: «Согласно с политическим характером удельного князя, и удельное управление было довольно точною копией устройства древнерусской боярской вотчины»⁷⁰. Боярская дума — «правительственный совет» удельного времени — «с удалением из нее городской старшины» стал односословным, представляющим только «высокий служилый класс». Ключевский предупреждает читателя, чтобы он не представлял себе Боярскую думу того времени «как законодательное или совещательное собрание государственных советников», которые только и делают, что собираются, вотируют законы или дают князю полезные советы. Нет, они еще несут и государственную службу воинского характера, занимают какую-то должность на местах, в областной администрации — круг наличных советников князя имеет характер «подвижного и изменчивого общества». Применяясь к языку «Свода законов» — действующего законодательства современной Ключевскому эпохи, — он даже называет их «неприсутствующими членами» княжеского совета. Любопытны его встречающиеся сопоставления с историей западноевропейских обществ, в данном случае со средневековой Францией при Капетингах, — тут нельзя не заметить влияния его преподавательской деятельности, его курса всеобщей истории⁷¹.

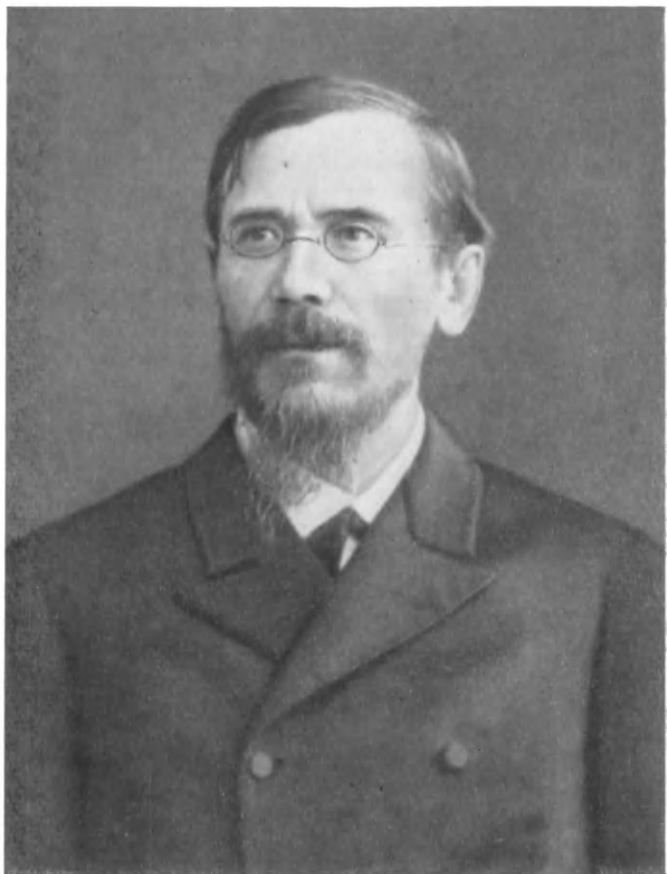
С развитием централизации удельного мира Москвой, «московская Боярская дума начала выступать из тесной сферы дворцового хозяйственного управления, а московский боярин из дворцового приказчика князя стал превращаться в государственного совет-

ника». Верхневолжская Русь «выходила из состояния удельного дробления». Бояре «судят» с князем о государственных делах. Охарактеризованы особенности Боярской думы при князе в Новгороде и Пскове XIII—XV вв. (она превратилась «в исполнительный и распорядительный совет выборных городских старшин при вече»).

Ключевский переходит далее к процессу возникновения в Москве в XV в. «правительственной аристократии», «высшего служилого класса». Правительственные «силы», «разбросанные прежде по уделам, собравшись в Москве и затопив старое здешнее боярство, стали складываться в большой класс общества», и «склад этот вышел аристократическим». При этом «личные случайные землевладельческие льготы отдельных служилых лиц стали превращаться в сословные политические привилегии». С объединением Руси около Москвы «государственная служба служилых людей сделалась обязательной». Тогда привилегированное положение такого слуги — поземельные льготы землевладельца — стали обязательным моментом: они «служили таким же материальным средством для исправного отбывания государственной повинности служилого человека, каким были поместные дачи, и как самая эта повинность стала политической особенностью целого класса служилых и землевладельцев, так и землевладельческие льготы, судебные, финансовые и другие получили значение сословных политических преимуществ служилого класса». Это чрезвычайно важное положение как в общей концепции истории помещичьего класса в целом и Боярской думы, так и дальнейшего «антидворянского силлогизма» Ключевского.

Привилегированный землевладелец XVI и XVII вв., так сказать, не ел хлеб зря: он отправлял многие виды государственных служб по приказу центральной власти, в том числе и «думанье» в Государственной думе. Самое описание Ключевским этой думной службы далеко от котошихинских насмешек. Ни свет ни заря ежедневно съезжались бояре, а потом и бояре вместе с думными дворянами к Московскому Кремлю и многими часами «сидели о делах» с царем в Грановитой палате или в нужных случаях в других царских покоях. Множество самых разных государственных дел проходило через думные головы — работа была нелегкой. Все управление государством в важнейших узлах держалось этой обязательной службой привилегированных землевладельцев. С позиций Ключевского, паразитом этот привилегированный дворянин тогда никак не был — на нем держалось государство. Иное произошло потом⁷².

Читая эти страницы «Боярской думы», понимаешь, как тесно связывалась у Ключевского в одно целое и его крупнейшая монография, и все работы о крепостном праве, крестьянской реформе 1861 г., пушкинских героях и предках Евгения Онегина.

В. О. Ключевский
1880-е годы

В XVI в. в составе высшего московского служилого класса произошло «само собою» такое «неожиданное явление», которое не предвидели, да, наверное, и не пожелали бы, «собиратели Руси». У «правительственного механизма стал класс с таким составом и с таким иерархическим распорядком, каких не имело прежнее московское боярство, даже с заметными стремлениями сделать постоянными и наследственными и это правительственное положение и этот иерархический распорядок». В составе Боярской думы самого начала XVI в. мы видим преобладание княжья: титулованная знать была представлена в думе 65% ее состава, а нетитулованная — 35%. С 1594 г. до смерти царя Федора Алексеевича, т. е. после прекращения династии Рюриковичей, московская Боярская дума «захудала», стала пополняться «молодыми людьми», которых Ключевский называет «дворянскою демократией». Он полагает, что «нетитулованное боярство в думе выиграло у князей в XVII в. до 9%». В составе чинов московской Боярской думы XVI в. «открываются следы трех различных классов московского боярства» — это бояре, окольничие и думное дворянство. Как видим, Ключевский, признавая бояр «классом», легко признает этот «класс», в свою очередь делящимся на «три класса»! Да, эти классы «не отделяются один от другого глубокой политической межой», но различие их существенно и чревато многим в будущем. Из них особо важно в исторической перспективе думное дворянство — убежище для «выслужившихся лиц смешанного класса, который составлялся из упавших старых московских фамилий, из массы пришлого удельного боярства, даже части титулованного и некоторых других элементов»; все вместе представляют все же «худородных чужеродцев». Московская Боярская дума и стала «оплотом политических притязаний, возникших в московском боярстве при его новом составе». Однако ни в одной из перемен в устройстве думы не видно прямого выражения аристократических притязаний московского боярства — все они вызываются лишь изменением состава высшего служилого класса и дальнейшим развитием центральной московской администрации⁷³.

Конечно, можно было бы задать Ключевскому вопрос: если классы отличаются друг от друга «родом капитала, которым работает каждый», то чем же отличается «капитал» «боярского класса» от «капитала» «класса окольничих» и от «капитала» думных дворян? И хотя «капитал» и «нити народного труда», находящиеся в руках «правлящего класса», нередко надобны Ключевскому для подведения крупных итогов, он очень редко прибегает к ним в процессе изучения самого сложения классов и разноречий между ними.

Боярство XVI в., по Ключевскому, было равнодушно к обеспечению своих политических прав, и главной причиной этого равнодушия было «состояние народного хозяйства». Московское государство «не вышло аристократическим». Крестьянство «утекает» из

боярских имений! Еще до конца XIV в. началась, согласно Ключевскому, «важная по своим последствиям перемена в размещении массы великорусского населения». Оно перестает сгущаться в междуречье Оки и Верхней Волги, куда сходились веками, открываются пути иных, более выгодных для крестьян перемещений. Заокская степь, когда-то закрытая для мирных миграций потоками кочевников, теперь освободилась, восстанавливались и распространялись дальше селения, некогда смытые этими нашествиями. Население стало растекаться и вниз по Дону. Возникают далеко продвинутые на юг, юго-запад, юго-восток укрепленные пограничные пункты. Московские сыщики находили там много «сходцев» из центральных уездов Московского государства. Рабочие руки уплывали из центра на окраины. Таким образом, «в то самое время, когда боярство складывалось», по Ключевскому, в «правительственную аристократию», его вотчинное благосостояние ставилось под вопрос. «Все добытые землевладельческие привилегии стали терять свою цену, потому что плохо обеспечивали привилегированному землевладельцу главную силу. . ., надежные рабочие руки»⁷⁴.

Ключевский — автор концепции о происхождении крепостного права из *задолженности* крестьян. Процесс начался, по его мнению, от «старого привычного средства» — «закладывать» за себя, за землевладельца, вольных людей, привязывать их к себе личной зависимостью, обыкновенно основанной на долговом обязательстве. Целые слободы закладчиков, получив ссуду от помещика, селились около городов, монастырей, даже в городах среди боярских дворов и на «праве» закладчиков не тянули тягла с горожанами и не платили податей. Подробно комментируя процесс возникновения крепостного права из долгового обязательства, т. е. из частновладельческого права, а не из государственного законодательного акта (мы думаем сейчас иначе), Ключевский тут излагает в первичном замысле свою теорию его происхождения (XVII глава журнального варианта «Боярской думы»), которую позже разовьет в известных специальных статьях. Вновь мы присутствуем при зарождении одного из его творческих замыслов. Заметим, что такая теория не так-то логически легко ложилась в его «антидворянский силлогизм»: последний основывался на том, что государство платило служилым людям землей с работающими крестьянами — за службу, доколе «правлящий класс» нес на себе обязательства служения государству.

Ключевский считал «любопытнейшим эпизодом нашей истории то, как землевладельческий класс, борясь с разбегающимся крестьянством, то об руку с правительством и законом, то противодействуя законам, одолел наконец и закон и правительство». При этом землевладельцы, конечно, пользовались своим «капиталом» и дешевой личностью, которой, однако, государство предоставляло «полное право располагать своей свободой»⁷⁵.

Называя «знаменитую» опричнину Ивана Грозного как бы эпизодом из истории «ближней думы», сложившейся при царе части Боярской думы, особо приближенной к правителю и решающей с ним в узком кругу важнейшие государственные вопросы, Ключевский вообще считал, что «ближняя, или комнатная, дума государя была косвенным признанием с его стороны политического [значения] Боярской думы»⁷⁶.

Высшая кульминация истории Боярской думы, по Ключевскому, — ее деятельность в Смутное время после прекращения царской династии. Без царя в ее руках на какое-то время сосредоточилась вся полнота власти, и это не вызвало ничьих принципиальных возражений, хотя «о возможности править царством без царя бояре думали, может быть, еще меньше, чем царь думал о возможности править без бояр»⁷⁷.

Ключевский открывает этот период деятельности Боярской думы царствованием Василия Шуйского и закрывает избранием Михаила Романова. В этих условиях впервые возникает «мысль оградить политическое значение думы договором с государем...». Она возникла лишь в одном поколении боярства «под влиянием исключительных обстоятельств» — так осторожно формулирует тему главы о Смутном времени, обходя этот термин, Ключевский. По грамоте царя Василия «власть его ограничивалась одними боярами», т. е. Боярской думой: без нее, «не осудя истинным судом с бояры своими», он обязывался никого не предавать смерти, не отнимать имения у семейств преступников и их родственников, не слушать доносов, не расследовать дело, не ставя обвиняемого и обвинителя «с очей на очи», и наказывать ложных доносчиков. Такие политические гарантии отвоевало себе в договоре «первостепенное боярство». Дума становилась «высшим судилищем» по политическим преступлениям⁷⁸. Так Боярская дума оказалась, по мнению Ключевского, временным правительством в годы междоусобицы. Ряд моментов «договора» думы с царем действовал и при Михаиле — первом Романове. Однако договор с царем практически не явился основой для расширения власти Боярской думы: по мнению Ключевского, она правила и законодательствовала при Шуйском, как и при Грозном. Почему? Потому, поясняет автор, что момент ограничения царской власти и не был «новым началом в устройстве Московского государства: политический договор был только заменой правительственного обычая, действовавшего в XVI веке, но поколебавшегося в конце этого столетия». Яснее нельзя было сказать о «конституционном» значении думы. В годы надежды на октроированную конституцию и «увенчание здания» реформ историк спешил подкрепить давним историческим опытом ожидание буржуазного правового государства.

На этом, собственно, и решил закончить журнальный вариант своей монографии Ключевский. Коротенькая заключительная

(XXI) глава содержит всего четыре странички и девять строк. Тут Ключевский, естественно, счел необходимым вернуться к мысли о классовом обществе: «Боярский совет в древней Руси был показателем общественных классов, руководивших в данное время народным трудом», — таково заглавие последней главы журнального варианта. Эта мысль, родившаяся из размышлений о классовом обществе, показывала, что они давно повернулись к подмене темы *эксплуатации* народного труда темой о *руководстве* народным трудом. Так было спокойнее. С этой, с позволения сказать, «поправкой» Ключевский мог спокойно сосуществовать со своей теорией классового общества.

Ключевский заявлял в начале заключительной главы, что, собственно, изложенными событиями и *кончается* политическая история Боярской думы. Предвидя естественные возражения, что дума просуществовала после Смуты еще целое столетие, Ключевский спешит добавить, что далее она сохранила «только административное значение», осталась во главе управления как его привычный рычаг, но из «политической силы превращается в простое административное удобство»⁷⁹. Она как-то перестает интересовать автора. Да, с ней происходят «некоторые перемены», но ее политического значения они не меняют, вызываются «потребностями текущего управления». Но если в XVI в. «правил класс», а отдельные лица значили мало, то в XVII в., по мнению Ключевского, уже правят лица, «не составлявшие и не представлявшие класса». Почему? Чем это доказывается? Вопросы остаются без ответа. Далее следует лишь отчетливая сводка всего труда, но с некоторыми любопытными изменениями; за два года печатания в журнале концепция созревала и несколько видоизменялась. Исчез любимый в начале термин «старцы градские», атакованный Владимирским-Будановым: он заменился «городовой военной старшиной», представляющей главный волостной город. Более резко и отчетливо подчеркивается для каждого этапа «овладение народным трудом» как признак «правлящего класса». Последний в Московском государстве «владел обществом не по праву завоевания и не в силу закона, но он держал в руках огромную массу земледельческого населения и труда». Этот мотив был новым в буржуазной исторической науке. Как бы ни затушевывал он факт эксплуатации трудящихся классов моментом якобы «управления» трудом, он все же существенно изменял самую постановку проблемы, хотя и по косой линии, сбиваясь с точного и прямого пути. Читатель мог и по-своему осознать проблему, но впервые поставлена она была в русской историографии в какой-то мере — не прямо, а «сбоку» — именно Ключевским. Она отходила от норм юридической школы и рождала множество новых вопросов, будя движение протестующей мысли, хотя и не обладая возможностью удовлетворить ее⁸⁰.

На последней странице звучат мотивы «антидворянского силлогизма», готовя ниспровержение Ключевским дворянских прав на привилегированное землевладение в течение XVIII—XIX вв. И думные, и служилые люди, и те и другие по-своему, занялись «небезуспешной работой управления прикрепленных к земле крестьян с лично крепостными холопами вопреки закону». В этой работе куда проворнее были «бойко шедшие вверх» дворяне, которые умело отбивали у старых родовых фамилий «и чины, и поместья, и думу государеву», приобретая «тысячи крестьян». Эти «экономические превратности» ускорили «генеалогическое разрушение прежнего правительственного класса», которое было видно с конца XVI в. А разрушив его и экономически и генеалогически, дворянство довершило «совокупным действием обоих процессов» политическое разрушение боярства. Эффектный образ заканчивает монографию в журнальном варианте. В 1687 г. «политическую отходную» прочитал над боярством, отмечая довольно точно час его исторической смерти, как и подобало по заведенному чину, выслужившийся дьяк. «Шакловитый уговаривал стрельцов просить царевну Софью венчаться на царство, уверяя, что препятствий не будет. „А патриарх и бояре?“ — возразили стрельцы. „Патриарха сменить можно,— отвечал Шакловитый,— а бояре — что такое бояре? это зяблое упавшее дерево“...»⁸¹

Так кончается монография «Боярская дума» в «Русской мысли» в ноябре 1881 г. Такова конечная характеристика боярства.

9

Теперь Ключевскому надо было готовить книгу, подлежащий докторской защите диссертационный текст.

Среди неопубликованных архивных документов сохранились наброски предисловия Ключевского к предполагаемому изданию «Боярской думы» отдельной книгой⁸². Тщательно, почти без помарок написанные чернилами листки по внешнему виду, возможно, предполагались сразу к печати. Их трудно точно датировать, но, вероятно, они относятся ко времени, когда вся рукопись диссертации была близка к завершению, когда журнальная публикация или шла к концу, или была уже позади. «Читатель, который возьмет в руки эту книгу...» — так начинается текст первого наброска. Речь идет, как видим, о книге. Как же формулирует Ключевский, только что переживший годы второй революционной ситуации, основную тему «Боярской думы»? Оказывается, по-новому: книга предлагает читателю «опыт политической истории старого московского боярства»⁸³. Далее встречается еще такая формула: «Политическая история того класса, который мы называем аристократией...» Работа — завершенная или почти завершенная — представляется Ключевскому прежде всего исследованием по по-

литической истории главного правящего класса, «на современном политическом языке носящем название аристократии». Как же оценивает историк своего «героя» — древнюю русскую аристократию? В целом очень низко. Судьба боярства связана «с самыми решительными эпохами нашей государственной жизни»: читатель припомнит, «как бояре мужественно содействовали величию Москвы при детях и внуках Калиты в XIV веке, как начали ссориться с внуком его правнука в XV, как разбойничали в малолетстве Грозного и как свирепствовал над ними взрослый Грозный в XVI, как они крамольничали и делали самозванцев по смерти его сына и как смирно вели себя после Смутного времени в XVII в., как, наконец, без вести пропали среди преобразовательного потока в XVIII...». Уже эта первая, лапидарно набросанная картина деятельности боярства, которая будто бы сама собой возникает в мозгу читателя, только что открывшего книгу и еще не знающего ее содержания, заслуживает внимания: очень короток, по Ключевскому, прогрессивный период боярства: да, сначала бояре «мужественно содействовали» пять веков назад, а потом «начали ссориться», «разбойничали...», «крамольничали», «делали самозванцев», «смирно себя вели» в годы, когда как раз требовалась деятельность и, наконец, «без вести пропали...». Что-то не очень славный путь. Но это лишь первые страницы. Решительно отрицая за русской аристократией феодальный характер, Ключевский убежденно излагает свое понимание современного положения вещей — те существенные «соображения» (его слова), на которых он построил «программу труда». Аристократия сейчас, по его мнению, понятие в сущности археологическое (это он пишет на рубеже 70—80-х годов!), она — «предмет общественно-исторических раскопок, вопрос социальной палеонтологии». Жизнь, чувства, понятия и отношения аристократии — «давно спетая песня или детская сказка...». Отдельные, еще живые фигуры — это «аристократы, просто запоздавшие умереть или не сумевшие переродиться». Приводится любопытное доказательство: люди перестали даже понимать слово «аристократия» и называют им явления, «которым оно вовсе не пристало». Именем аристократического «мещанский жаргон» почему-то называет «все гордое и отборное». Ясно, что не стоит говорить на «мещанском жаргоне»... В России аристократия — это, по его мнению, уже «мифология великосветской гостиной». Она настолько ничто, что не может быть даже предметом «общественных ненавистей». А как же с дворянством? Да это «случайные люди», делавшие нашу политику в XVIII в.! «Они ни в каком отношении не могут быть названы аристократией». Современники называли их «случайными людьми», «трудно лучше выразить всю неожиданность их государственного значения». В XVIII в. никто не знал «предков» большей части этих «случайных людей», а «последующие поколения едва знают их потомков». Тут же, едва ли

не впервые, Ключевский проводит известное сопоставление, позже закрепленное в его «Курсе русской истории»: возражая на аргументы князя Курбского о необходимости для царя избранных советников, сильных мужей, Грозный парировал его доводы евангельской истиной, что бог может «из камней сих создать чад Аврааму». Иван IV, как известно, и занялся этим в опричнине. «Наша государственная жизнь прошлого столетия», — ехидно замечает Ключевский, — «была успешным оправданием этого политического верования царя-опричника, которое он высказал в такой заносчивой и не очень набожной метафоре».

Российское дворянство «ничего общего» с аристократией не имеет. Самое название сословия раскрывает это: «Мало слов, подобных „дворянству“, в которых историческая правда так ясно соединилась бы с „иронией прошедшего“». На «иерархической лестнице служилых классов» дворянство занимает «последнюю ступень», и расстояние между ним и боярством было огромно, оно измерялось расстоянием «от господина до его слуги». Втиснутые в ряды дворян остатки боярства несколько окрасили их «своей благородной кровью», за что и сами получили название дворян, «напоминавшее о дворне, о передней... В том и ирония истории».

Не забыв отметить, что все народные движения XVII в. «направлены главным образом против высшей администрации, т. е. прежде всего против боярства», Ключевский передает народные настроения фразой: «Уж лучше вор тушинский, чем московские бояре!» На следующей фразе — «Об руку с политическим падением шло нравственное» — рукопись предисловия обрывается... Оно никогда не увидело света, осталось в архиве Ключевского.

Конец этого ненапечатанного предисловия — о дворянстве XVIII в., — собственно, к Боярской думе не относится, ведь она кончила свое существование раньше. Но в концепцию всей политической истории русского правящего класса Ключевский закономерно включал и дворянство. Если цитированный отрывок написан в начале 80-х годов, то вторая русская революционная ситуация успела наложить на него своеобразный отпечаток: в действительности дворянство вопреки Ключевскому все еще оставалось политически сильным правящим сословием! Помещичий класс обладал еще весьма реальной властью в царствование только что вступившего на престол Александра III... Концепция Ключевского как бы закрывала на это глаза. Враг был в тот момент куда сильнее, нежели он представлял его себе. О «палеонтологии» говорить, увы!, не приходилось. Но самый замысел Ключевского — дать политическую историю русской аристократии, показывая ее ничтожество, ее возрастающий паразитизм, развенчивая ее, — был совершенно нов в русской академической науке и родился вне ее обычных рамок.

По сохранившимся рукописям видно, что начатое предисловие вдруг стало чем-то беспокоить Ключевского.

Видно, что в процесс создания предисловия довольно властно вторглись какие-то советчики или советчик. Кто? Реакционные друзья? Или, что вероятнее, цензура? Ведь готовилась книга. Для научных произведений, выходявших из стен университета, цензура существовала по тогдашним «временным правилам» в особой форме. Цензором являлся кто-то из университетских профессоров, читавший, условно говоря, на правах издательского редактора, текст, идущий в печать. Мы уже встречались с аналогичным положением при публикации книги о житиях святых. Не играл ли в данном случае роль «цензора» декан факультета Нил Попов? Точных данных у меня нет, вопрос об имени остается открытым.

Автор почему-то прервал предисловие и стал писать другое. Этот второй вариант сохранился в архиве. Надпись наверху страницы существенна: «Представляю на Ваше усмотрение без всяких условий. Можете даже увезти с собой. Но прошу сохранить, если можно: у меня нет другого экземпляра. Это — лишь вчерне; многое исправлю, но тон останется. *Если он фальшив, вся книга будет фальшива.* Предупредите это заметками на полях. Простите за позднюю доставку: виноват ревизор». О каком ревизоре идет речь и кому адресованы эти строки, остается неясным. Далее следует «Введение» (взамен зачеркнутого «Вместо предисловия»). Сопоставляя текст с первым вариантом, видишь, что новый расширен, кое-где даже заострен. Основные мысли первого варианта сохранены и развиты, но есть новые мотивы. Мы узнаем важное нововведение: работа, носившая в журнальной публикации название «Боярская дума», теперь меняет заглавие: она будет называться «Политическая история боярства». Новое предисловие предполагает, что читатели книги «найдут, что под заглавием политической истории боярства автор рассказывает им совсем не те факты, какие они привыкли разуметь под этим выражением». Поражает решительный тон первого абзаца, подчеркивающего необычность книги: «Издаваемая книга идет на верное осуждение и притом, что еще менее обычно, издается с полным убеждением, что порицание в некоторой степени заслужено ею. Его причиной будут способ и тон решения поставленной задачи; причина, почему книга, несмотря на то, издается, заключается в содержании самой этой задачи».

В чем же задача? Как она теперь понимается автором?

Задачей книги была попытка тронуть одно полузабытое явление нашего прошедшего или, говоря точнее, разбередить одну старую историческую рану, которая давно уже закрылась и разве в ненастные дни еще дает себя слабо чувствовать (это уже не „палеонтология“! — М. Н.). Речь идет о нашей старинной аристо-

кратии... Историографии не дано высокого призвания лечить исторические недуги; ее значение похоже на невидную роль того члена клинического персонала, которому поручается история болезни. Общественные болезни, общественная гигиена — эти выражения сделались *mot d'ordre* времени, и вот что дало автору ничем другим не оправдываемую смелость обнародовать составленную им книгу».

Итак, история русской аристократии есть история общественной болезни... Яснее нельзя выразить отношение к избранному предмету. Более того, «общественная гигиена» — назревший вопрос времени — потребовала ее изучения...⁸⁴

Новое предисловие также не подошло... Реальное предисловие к книге «Боярская дума древней Руси» (старое заглавие, как видим, восстановлено) ничего общего ни с первым, ни со вторым вариантами отвергнутых предисловий не имеет.

Итак, задуманная еще в начале 70-х годов, завершенная в годы второй революционной ситуации, перерезанная в процессе первой публикации 1-м марта 1881 г., законченная печатанием в журнале в годы начавшейся реакции, «Боярская дума» уже прожила сложную жизнь. Теперь она становилась отдельной книгой, а отдельная книга куда более уязвима, чем статьи в журнале, печатающиеся к тому же не из номера в номер, а со значительными перерывами и в течение двух лет. Книга пойдет на заседание факультета, на докторский диспут. Первый диспут уже принес Ключевскому довольно значительное осложнение — историю с выступлением отца Пафнутия — вовсе не «мелочь». Профессор четырех высших учебных заведений, Московского университета в том числе, не желал бы никаких осложнений.

Может быть, свою долю давления оказали на него и успехи по службе? 20 июня 1881 г. указом правительствующего Сената Ключевский был произведен в чин статского советника. 7 августа 1882 г. он был пожалован орденом св. Анны 2-й степени за службу в Московской духовной академии. Он не очень-то гнался за чинами и орденами, но ему приходилось считаться с ними⁸⁵. Откуда же могли возникнуть осложнения? От основного замысла труда — дать историю классов и классовых интересов как основу развития центрального государственного учреждения, «махового колеса» управления русским государством в течение восьми веков. Его уже спрашивали в печати, а что это такое «класс» и «классовый интерес»? Понимание изучаемого учреждения как Государственного совета древности с представительством разных классов и своеобразной «конституционной» сутью, декларирование автором сознательной, открытой борьбы с господствующей консервативной школой историков права, показавших зубы после публикации восьмой главы, — все это приходилось учитывать.

И, конечно, понимание темы книги как истории русской аристократии, русского правящего класса, истории, лишенной геро-

изма и прославления, полной разоблачительных моментов, — такое понимание приходилось закрывать густой завесой вычеркиваний и умолчаний.

Да, время было уже не то.

И Ключевский отступил.

Взвесив все, он поступил, как поступал не раз. Он не пошел на прямую фальсификацию собственных мыслей, хотя расставлять кое-где в своем «вольтерьянском» тексте защитные «заслоны» с благонамеренными формулировками он умел, и на это пришлось пойти. Но, прочтя острым глазом противника свой же журнальный текст, он подметил опасные места, излишне отважные формулы, многозначительные намеки и прямой вызов к научному сражению. Нет, сражения он теперь не хотел. Все «опасное» он погрузил в молчание. Концы мыслей, выводы сохранялись. Но ходы к ним в нужных случаях затушевывались или просто уничтожались. Иногда защитная окраска камуфлировала именно вывод, а ход мысли оставался: читатель, умозаключай, если хочешь! Ключевский был хитрым мастером боковых ходов и скрытого смысла. Недаром он подчеркивал право автора на «междустрочное чтение» собственного текста. Иной раз он нарочно спорил с воображаемым противником, чтобы потом все свалить на него же. Он умел говорить одно, а давать понять другое. Вспомним меткую оценку Ключевского Львом Толстым: «Хитрый. Читаешь — будто хвалит. А вникнешь — обругал». Мастер многозначительных умолчаний и запятанных внутрь подразумеваемых иронических соображений, он знал, как ему быть.

И вот «Боярская дума Древней Руси» стала удивительно меняться. Автор прежде всего восстановил, как видим, прежнее название книги. Затем он вычеркнул подзаголовок: «Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества». Замысел книги теперь вообще не открывался под заглавием — пусть читатель сам додумывает. Предисловия в обоих вариантах, конечно, исчезли.

Далее Ключевский уничтожил заглавие введения: «В предлагаемом опыте Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе». Цель — классы и классовые интересы — уходила из подзаголовка. Теперь будет просто: введение.

Стало спокойнее.

Затем он отказался и от прежнего введения в журнальном тексте, где столько раз говорилось о классовых интересах, о том, что Боярская дума — Государственный совет с представительством разных классов и что возможно использовать кое-какой ее опыт в современном конституционном творчестве, что в русском прошлом имеются для последнего серьезные предпосылки. Все это — долой: об «увенчании здания» нынче вообще уже не гово-

рят. Со словом «конституция» надо обращаться осторожнее. А лучше бы совсем не обращаться... Ключевский написал новое введение — академическое, бесстрастное, учено-профессорское, хорошо отделанное литературно.

Нет, внутренне он не поступился замыслом изучить общественные классы. Но пусть об этом догадываются желающие. О классах он стал говорить не как о новом в науке, — об этом сейчас не было в тексте ни слова, — а мимоходом, как о неизбежной и само собой разумеющейся стороне вопроса. Разин и Пугачев, конечно, исчезли. Напротив, в первых же абзацах предисловия Русь оказалась «выдержанным и удивительно дисциплинированным политическим обществом», которое и «досталось по наследству Петру I от его предшественников вместе с наиболее плодотворными идеями, также унаследованными Петром от московского государственного порядка».

Начав с указания на трудность избранной темы и наличие в ней многого, «пока неразрешимого», Ключевский вычеркнул один из ведущих мотивов прежнего введения — неизученность классового состава думы и проявлявшихся в ней классовых интересов при исследованности «механизма» ее действия историками русского права. Противопоставление «механизма» внутренним социальным вопросам, которое, собственно, и мотивировало выбор темы, исчезло. Историки русского права могли не беспокоиться. Автор не только не нападал на них и не противопоставлял своей задаче их целям и методу, но вообще ни словом не обмолвился о своем споре с ними. Конечно, уместно было бы вспомнить о состоявшихся в научной печати нападках на «Боярскую думу» профессора М. Ф. Владимирского-Буданова и о своем ответе ему, но и это оказалось погруженным в молчание, будто ничего и не было. В «Русской мысли» классы и классовые интересы признавались основной темой исследования, в книге же говорилось, что дума «оставалась на своей заоблачной высоте, скрытая и от общества, и от исследователя; как вырабатывались эти приговоры, какие интересы и мнения боролись при этой работе — того почти никогда не видит исследователь»... Как же так? Перед словом «интересы» прежде многократно стояло слово «классовые» — теперь его нет, просто «интересы», какие, неизвестно. Более того, «столь же неуловимо и политическое значение думы», говорилось в новом предисловии, а раньше оно было вполне уловимо; дума, выразительно охарактеризованная ранее по своему политическому значению как Государственный совет древней Руси, теперь почему-то становилась «неуловимой». «Закрытая от общества государем сверху и дьяком снизу», Боярская дума «является конституционным учреждением с обширным политическим влиянием, но без конституционной хартии, правительственным местом с обширным кругом дел, но без канцелярии, без архива». Вот все, что сохра-

нилось от прежних «конституционных» соображений. Но, оказывается, исследователь лишен возможности восстановить на основании подлинных документов «как политическое значение думы, так и порядок ее делопроизводства»⁸⁶.

Однако, «благодарнее и любопытнее социальная история думы». Проницательный читатель, конечно, догадывался, что дело идет об общественных классах. Вот от этой «социальной истории» Ключевский не только не отказывается, а делает ее по-прежнему главным предметом изучения, как и в «Русской мысли». Правда, он не говорит ни слова о классовых интересах и рисует подразумеваемых представителей классов лишь как привлекающее историка «разнообразие ролей и физиономий»!

Далее идет характеристика «процесса образования общественных классов в нашей истории»: классы формируются, по Ключевскому, под воздействием двух моментов: один из них «можно назвать экономическим, другой — политическим». В первом случае «классы различаются между собой родом капитала, которым работает каждый». Политический момент лишь «завершает работу народного хозяйства: господствующий капитал становится источником власти, его операции соединяются с привилегиями, его владельцы образуют правительство, экономические классы превращаются в политические сословия». Однако «можно представить себе исторический процесс, где явления следуют один за другим в обратном порядке»: если страна подвергается завоеванию, в нее вводится силой «новый общественный класс», пользуясь правом победы, он «берет в свое распоряжение труд побежденного народа». В этом случае «экономические факты», по мнению Ключевского, «будут следствиями предшествовавших фактов политических». Многие государства средневековой Европы «создавались таким образом». Тот или иной способ возникновения классов «кладет печать на всю последующую судьбу общества».

Устранив, таким образом, какое бы то ни было сходство своей теории с историческим материализмом и выявив и экономический момент в подходе к проблеме, Ключевский подробно излагает положение, что экономика может быть, а может и не быть основой политических явлений. Политические явления могут идти и впереди экономики, «давая направление хозяйственной жизни народа». Полагая, что в истории России «господствовали смешанные процессы», Ключевский, естественно, испытывает необходимость указать, когда же, собственно говоря, население России оказывалось под пятой завоевателей, причем последние превращались в правящий класс. Таких «эпох», по Ключевскому, две: одна из них — завоевание в IX в. большей части славян «вооруженным классом» (очевидно, варягами), взявшим на себя оборону границ и торговых путей и укрепившимся «по большим городам Поднепровья». «По роду своего капитала» (!) класс этот

был «товарищем промышленного городского населения, из которого он вышел, долго делился с этим населением выгодами внешней торговли и только два-три века спустя стал делать заметные успехи в землевладении». Ключевский выглядел здесь сторонником норманской теории (позже мы остановимся в своем месте на его истинной позиции в этом вопросе), что не осталось для него без последствий после выхода в свет первого книжного издания «Боярской думы». Однако, хотя некогда этот вооруженный «класс»-завоеватель и покорил себе большую часть страны, «ему по разным причинам не удалось достигнуть полного обладания обществом». Надо признать, что этим примером весьма слабо «доказан» смешанный характер происхождения классов на Руси. Читатель помнит, что Г. В. Плеханов уделил большое внимание критике этой несостоятельной теории Ключевского. Интереснее и неожиданнее, однако, вторая «эпоха» подобного же «происхождения классов», предпосланная почему-то во введении варягам с нарушением хронологического порядка. Она датируется Ключевским XV—XVI вв., и неискушенный читатель может с законным нетерпением ждать разъяснения: когда же именно и кто в эти века завоевал Россию? Оказывается, Ключевский имеет в виду создание в Московском государстве указанных веков многочисленного «вооруженного класса» (своих же бояр и дворян!), которому государство «постепенно передало посредством вотчинных и поместных дач огромный земельный капитал». С помощью «этого капитала и соединенных с ним привилегий, этот класс в XVII веке взял в свое распоряжение огромное количество земледельческого труда». Мы чувствуем, что вступаем в область его «антидворянского силлогизма». Ощущая потребность в самообороне, Ключевский вставляет добронравный, хотя и противоречивый «заслон» о пользе, ранее принесенной дворянством по линии военного дела, и далее приходит к его «завоевательной политике по отношению к подвластному крестьянству». Это замечательное место достойно полной цитации: «Дворянство, образовавшееся из этого класса, долго и с большой пользой служило стране, обороняя ее от врагов, никогда не завоевывало общества, но в XVIII веке, уже освободившись от обязательной службы, оно так правило обществом, что в странах, где дворянство считало себя потомками завоевателей, власть его не отличалась ни большей энергией и широтой привилегий, ни большими злоупотреблениями». Так хитро, прикровенно, но с искренней злобой, скрытой под чисто научной маской, мог сказать в лагере буржуазной науки только Ключевский. Хорошее «завоевание», хорошие «смешанные процессы»! Дворяне «завоевали» крестьян и ограбили их, как «завоеватели»...⁸⁷

Далее Ключевский выражает мнение, что особенностью истории России, даже одной из ее «характерных особенностей», является то, что у нас «простейшие политические и общественные формации

создавались посредством очень сложных процессов, короткие расстояния проходились длинными извилистыми путями». Примером исторического парадокса тут является любимое Ключевским сопоставление, что Русь бойко торговала, сидя на днепровском черноземе, и «принялась усиленно пахать», перейдя на верхневолжский суглинок. Правда, остается неясным, где тут создание простейшей общественной формации (какой?) и в чем же причины длинного и извилистого пути? Кончает Ключевский новое введение напоминанием о сложности истории наших общественных классов и основного предмета его изучения — «социального состава Боярской думы». Теперь указанная ранее «социальная история» думы неприметно заменена «социальным составом» — будто это одно и то же!

Как видим, многое изменилось. Но некоторые главные положения осторожно сохранены, а другие, например трактовка дворянства как иноземного «военного завоевателя» крестьянства, даже заострены.

Далее, осторожное перо автора-редактора, устраняющего политически опасные места, пришлось по всему тексту монографии, то тут, то там устраняя тревожные формулировки.

Возникает сам собой вопрос: не был ли Ключевский неудовлетворен своим решением вопроса о классовой структуре общества и об отражении ее в истории учреждения, которое он предлагал? Не участвовал ли и этот мотив в тех значительных изменениях, которые он внес в текст своего труда? Ведь он не владел методом изучения классовой структуры общества и классовых интересов, которые так привлекали его внимание. Он сознавал это. Поэтому он не был доволен своей работой. Не одни мотивы «безопасности» водили его пером, когда он снимал принципиального значения подзаголовки монографии, ликвидировал заглавия — тезисы первых глав.

Была, конечно, и работа над текстом по существу. Особенно глубокой переработке подверглось начало книги. Длиннейшие общеисторические тексты, имевшие целью обосновать смысл и происхождение «старцев градских» и формирование крупных торговых городов в Киевской Руси, были сокращены, в силу чего главы текста «Русской мысли» от второй до пятой, занявшие там большое количество — свыше сотни — страниц, были компактно изложены в составе одной первой главы книги в виде краткого очерка первоначальной истории городов на Руси⁸⁸. Множество небольших вставок, расширяющих материал и поясняющих мысль, испещрило вырезанные из «Русской мысли» страницы. Вставки делались карандашом на полях отчетливейшим, несколько «укрупненным» для удобства наборщика, почерком Ключевского. В противоположность современным нам правилам использовался и оборот печатной страницы — он правился таким же образом. В архиве Ключ-

чевского сохранилось, к сожалению, очень немного таких наборных страниц⁸⁹. Но сопоставление первого книжного издания с текстом «Русской мысли» показывает, что, начиная с VI и кончая XXI главой журнального текста, основная концепция в книжном издании не менялась. Последняя (XXI) глава в журнале аналогична XIX в книге. А дальше в книге шел совершенно новый текст, которого в журнале вообще не было: эти новые 140 страниц⁹⁰ вмещают, как указывалось, семь новых глав. В первой из них, по книжному счету XX, — Ключевский рассматривает «генеалогический состав» Боярской думы, приходя к выводу, что она в XVI—XVII вв. состояла «из старших членов боярских фамилий и из выслужившихся приказных дельцов»; затем анализируется «административный состав» думы (гл. XXI), основной вывод: «Думные люди были управители центральных приказов или исполнители особых поручений по центральной и областной администрации». Автору пришлось остановиться именно на том «механизме» действия думы, который он считал исследованным у Н. П. Загоскина. Тема эта продолжена в XXII главе, где дума трактовалась как постоянный совет «наличных думных людей, находившихся при государе». Глава XXIII вносила некоторые принципиальные изменения в длительность деятельности думы, хотя Ключевский не снял своего ранее высказанного положения, что политическая история Боярской думы кончается в начале XVII в., а далее дума «из политической силы превращается в простое административное удобство». В книге последнее слово он зачеркнул и перепразил: «правительственное удобство»⁹¹. Но тут он ее истории не прервал, как сделал это в «Русской мысли», а все же продолжил ее, захватив период XVII—начала XVIII в. под видом «очерка форм, какие она приняла в непродолжительный период своего разрушения»⁹². Этот непродолжительный период длился, впрочем, почти 100 лет. Завершается история Боярской думы, как и следовало ожидать, созданием в 1711 г. петровского Сената, который имел функцию руководить внутренним управлением лишь во время отлучек царя.

Две последующие главы (XXIV и XXV), посвященные подведению итогов в оценке деятельности думы как законодательного учреждения, относились к вопросу, решение которого Ключевским ранее вызывало протесты историков русского права. Но автор продолжал настаивать на своем выводе, посвятив ему две новые главы, категорический характер заглавий которых не оставлял сомнений в его точке зрения: «Правительственная деятельность думы, при видимом разнообразии дел, имела собственно законодательный характер» (гл. XXIV) и «Дума законодательствовала и в делах, касавшихся церкви, обыкновенно с содействием церковной власти» (гл. XXV). Заключительная (XXVI) глава труда Ключевского всего менее связана с основным замыслом изучения

классов, она скорее заботится о связи темы с проблемой формирования великорусской национальности, которой он уделил очень немного внимания в предшествующем изложении. Подчеркнув еще раз, что Боярская дума «была учреждением, тесно связанным с судьбой известного класса московского общества», и что она также была учреждением, «которое создавало московский государственный и общественный порядок и им руководило»⁹³, Ключевский опять возвращается к уже разоблаченному им местничеству, упразднение которого он рассмотрел. Теперь — довольно неожиданно — объявляет источником этого обычая «военно-национальное происхождение Московского государства», хотя в этом плане он ранее вопроса не излагал. Он даже считает местничество «политической формулой» этого обычая. В высшей степени «благонадежной» концовке «Боярской думы» весьма слаба связь со всем корпусом исследования, она скорее противоречит ему. «В социально-политическом значении Боярской думы отразился основной факт истории Московского государства», — гласит тезис-заглавие завершающей главы. «Это государство началось военным союзом местных государей Великороссии (так теперь, «под занавес», именуются удельные князья. — М. Н.) под руководством самого центрального из них, союзом, вызванным образованием великорусской народности и ее борьбой за свое бытие и самостоятельность. Дума стала во главе этого союза со значением военно-законодательного совета местных союзных государей с их вольными слугами — боярами, собравшихся в Москве под председательством своего вождя». Ничего такого в тексте «Русской мысли» ранее не говорилось.

В данном случае концовкой (а это — последние слова исследования) могли быть чрезвычайно довольны и цензура, и «власти предержажные», и консервативные критики, и негласный надзор. Все было в полном порядке.

Как и всякий соискатель докторской степени, Ключевский должен был печатать диссертацию самостоятельно и за свой счет. Деньги у него теперь были. Первое издание «Боярской думы древней Руси» он напечатал в Москве, в типографии А. Иванова (бывшей Миллера), в Машковом переулке, д. № 12. Началось печатание еще в 1881 г. параллельно с появлением глав в «Русской мысли»: в архиве Ключевского хранятся типографские оттиски первого титульного листа с датой выхода «1881 год», позже замененной, и с оглавлением содержащихся статей по названиям первых глав журнального текста, которые он в дальнейшем снял. Очевидно, он сравнительно поздно начал переработку, сдав первоначально в типографию в Машковом переулке прежний журнальный текст, а потом передумал. На титульном листе нового оттиска появилась другая дата издания книги — «1882 год», а в оглавлении — новые названия глав.

Объемистая — 555 страниц! — книга была, очевидно, окончательно сдана в типографию А. Иванова в последние месяцы 1881 г. и должна была быть готова, вероятно, к весне или весной 1882 г. Это видно из того, что отзыв о ней, доложенный деканом совету факультета, был написан к сентябрю — прочесть большую книгу и написать о ней отзыв практически можно было самое позднее только между весной и осенью того же года. Книга вышла в меньшем формате, чем журнал, в том же, в каком появилась диссертация о житиях святых (Ключевский и потом придерживался этого, видимо любимого, формата), в скромной тонкой бумажной обложке зеленого цвета. Первое издание «Боярской думы» 1882 г. редко можно найти в библиотеках⁹⁴, у него был сравнительно небольшой, «деловой» тираж (999 экземпляров), рассчитанный главным образом на докторскую защиту.

10

Автором отзыва о докторской диссертации Ключевского, доложенным факультету, вероятнее всего, был декан Нил Александрович Попов — по крайней мере сохранившийся в архиве неподписанный текст отзыва правлен его рукой. Познакомившись с объемистой книгой, давний знакомый Ключевского, высоко ценивший его как ученого, видимо, испытал ряд затруднений. Они не касались положительной оценки работы, она была для автора отзыва вне сомнений, но они относились к определению задачи работы и к ее выводам. То, что М. Ф. Владимирский-Буданов считал несосредоточенностью на теме, чему давал ироническое название «Истории государства Российского», очевидно, бросилось в глаза и Нилу Попову. Он хорошо знал, что сочинение магистра Ключевского составляет «плод многолетних изысканий автора», и с этого начал, но ему сразу пришлось включить в отзыв оговорку, что работа «Боярская дума в древней Руси» «предлагает решение не одного только вопроса о происхождении, составе, деятельности и судьбе названного в заглавии учреждения, но с такой же подлбностью касается и других предметов, стоящих с ним в связи и имеющих первостепенное для русской истории значение, как-то: истории сословных отношений, участия народного труда в переменах общественного устройства древней Руси, влияния колонизации на склад древнерусского общества, значения вотчинного управления в истории объединения Северо-Восточной Руси, путей, коими образовалось Московское государство с его политическими порядками, положения приказов в среде других правительственных учреждений и многих других»⁹⁵. Надо отдать должное автору отзыва, он читал внимательно и перечислил много важных тем, задетых Ключевским, но важнейшая из них, к которой Ключевский притягивал все перечисленные вопросы, не оказалась

в восприятии рецензента на первом месте: классы и классовые интересы отодвинулись в конец, и, надо сказать, Ключевский принял для этого свои меры. Автор отзыва сказал лишь в конце, что, исследуя постепенно нараставший и «менявшийся в своем составе класс думных людей» и ставя его историю «в связь с другими сторонами политической и общественной жизни допетровской Руси», автор «вывел свое сочинение далеко за пределы намеченной им темы и через это труд его из специального исследования о Боярской думе превратился в общий, хотя и не всесторонний, но основанный на ближайшем изучении источников очерк развития политической жизни и общественного склада Руси Киевской и отчасти Галицкой, Владимиро-Суздальской и отчасти Новгородской и, наконец, Московского государства»⁹⁶. Нельзя сказать, чтобы все пока было похвалой, но рецензент стремится далее повернуть не вполне выгодные для соискателя наблюдения к положительной оценке сочинения — многое из рассмотренного Ключевским ранее было в тени и недостаточно выяснено нашей историографией. Замечает он и то, что понадобились «перерешения» некоторых научных вопросов, вызывавших прежде противоречивые объяснения. Он предвидит, правда, что «результаты, к которым пришел автор, конечно, встретят возражения», но те «некоторые ограничения выводов автора диссертации, которые возникнут», не устранят полностью выдвинутые им положения. Не удержался рецензент и от пессимистической ноты, историографически очень любопытной: «...с другой стороны, едва ли можно сомневаться, что и существовавшие прежде в русской историографии возражения на те же явления останутся во всей своей силе». К подобным вопросам рецензент относил и «градских старцев», и объяснения «преобладания сельскохозяйственных интересов над городскими в удельное время на северо-востоке России» (очевидно, речь идет о парадоксе — пересев с украинского чернозема, на котором она бойко торговала, Русь стала усиленно пахать на среднеокском суглинке).

К этим же проблемам относит критик и роль земских бояр, и судьбы боярства, и политические перемены, постигшие боярство «главным образом из-за экономических причин». Но, что бы то ни было, автор (Ключевский) указал спорные вопросы, и в этом его заслуга.

В конце рецензент соглашается с тем, что Боярская дума была «показателем общественных классов», «руководивших в данное время народным трудом», и приходит к выводу, что «все указанные достоинства (а указано их было довольно мало. — М. Н.) докторской диссертации Ключевского должны дать ей почетное место в современной исторической литературе»⁹⁷. Отсюда следовала, очевидно, возможность поставить работу на докторскую защиту.

22 сентября 1882 г. историко-филологический факультет утвердил в своем заседании представленный деканом отзыв о докторской диссертации Ключевского, и ровно через неделю, 29 сентября, в актовом зале Московского университета состоялась ее защита. М. К. Любавский вспоминает, что зал был «битком набит»: кроме множества студентов и университетских профессоров, было немало «сторонней публики» — граф П. А. Капнист, попечитель Московского учебного округа, вице-губернатор И. И. Красовский, городской голова Б. Н. Чичерин, преосвященный Алексей, епископ Можайский (в миру А. Ф. Лавров), многие слушатели и преподаватели Духовной академии.

В архиве Ключевского сохранилась рукопись его вступительного слова на докторском диспуте⁹⁸. Это удивительное произведение. В нем закрыты и погружены в молчание наиболее острые проблемы, интерес к которым руководил выбором темы. Тут нет ни слова об общественных классах и классовых интересах (хотя в книге это осталось!). Тут самый слабый отголосок «антидворянского силлогизма» и роли аристократии в политической истории России, он явно не хотел выделять эти вопросы. О том, что автор понимал свою тему как политическую историю правившего в России класса, конечно, нет ничего. О «конституционном» (без хартии!) характере учреждений Боярской думы не говорилось ни слова, хотя лежавшая на столах защищаемая автором книга в зеленом переплете все же оставила эти формулировки достаточно ясными. Но он, соискатель, не хотел их подчеркивать. Смирный тон ученого, ищущего решений и, кто его знает, нашедшего ли их, был общим стилем вступительного слова. Конечно, ни звуком не упомянув о попытке пойти в бой на историков русского права и о выступлении против него Владимирского-Буданова, Ключевский начал было рукопись с обычных слов: «Представляя свой труд на», но, не дописав «на», передумал, зачеркнул начало фразы и начал вступительное слово прямо с недостатков работы: «Прежде чем почтенные судьи произнесут свое суждение, считаю нелишним указать общий источник, из которого вышли главные, наиболее крупные недостатки. Думаю, что эти недостатки вышли из того, как я вел дело». Далее автор «Боярской думы» просил «не поскучать» рассказом об истории его работы. Упомянув о некоторой тревоге и сомнениях, он сразу остроумным сопоставлением развеселил публику (скучать не пришлось!): «Я брался за историю учреждения, стоявшего во главе древнерусской администрации. Но было ли это действительно учреждение и имело ли оно историю?.. В продолжение веков, от Владимира Святого до Петра Великого, древние государи в государственных делах советовались иногда... и с женами и с духовниками. И первые и особенно последние по временам оказывали могущественное влияние на политический образ действий государей. Однако древних наших

государынь и духовных отцов едва ли можно считать политическими учреждениями...»

Теперь, после уверенно запланированных улыбок, а может быть, и смеха (студенты будут на защите!), автор вступил на взрывчатую для того времени почву сопоставления самого «опасного» своего тезиса о политическом значении думы с параллельным «необычайно быстрым ростом московского самодержавия». Как согласовать одно с другим? «Какое политическое значение, спрашивал я себя, мог иметь боярский совет при государях, для власти которых границы власти клала одна их добрая воля?» Далее разъяснялось, что «недоумения, возникавшие во мне, указали задачу моего труда. Она состояла в разрешении двух вопросов: какое значение имел боярский совет в истории нашего государственного права и какие испытал он перемены в своем складе, какие моменты нашей истории отразились в этих переменах».

Автор рассказал, как он, спускаясь от думы XVI—XVII вв. к более ранним периодам, встретил неожиданную тему о «старцах градских» в думе Киевской Руси — представителей городского общества, которые больше не встречались ему в последующей истории думы, следовательно, дума отражала меняющийся общественный состав страны. Дальнейший смиренный по форме рассказ был построен с хитрой задумкой: Ключевский, предвосхищая предполагаемые возражения оппонентов, делал эти возражения как бы своими «раздумьями» и множил аргументы принятых им решений — эффективный и смелый прием, после которого повторять те же возражения оппоненту становится трудно: он уже не нападает, а защищается! Всюду в центре стояла тема как бы личных раздумий Ключевского: была ли дума «явлением государственного права или только отражением и орудием государева произволения» (последний термин явно заменял «произвол»). «Дума в моих глазах утратила бы половину своего научного интереса, если памятники дали (бы? — М. Н.) отрицательный ответ на этот вопрос». Сам он пришел к «утвердительному ответу», т. е. признал думу явлением «государственного права». Это было достаточной подготовкой для перехода к законодательной функции думы, на которой Ключевский настаивал и во вступительном слове. Что же он считал недостатками своей работы, с которых и начал? Сосредоточенность именно на указанных сторонах вопроса и пропуск других. Изучая думу как учреждение «государственного права», устремив внимание на законодательную функцию думы, он уже не останавливался на некоторых других ее сторонах. К последним отнес и самое устройство этого учреждения, ни словом не упомянув о Загоскине, наличием книги которого раньше аргументировал пропуск этого вопроса.

Если бы оппоненты после данных соискателем разъяснений указали — обычное дело на защитах! — на пропуск каких-либо во-

просов, им пришлось бы туго; невозможно было потеснить такие важные вопросы, какие поставил Ключевский.

«Вот главные недостатки моего труда, мне заметные. Другие укажут мне мои ученые критики». Этими словами заканчивается рукопись вступительного слова. Зная привычки и обычаи Ключевского, можно с большой долей уверенности предположить, что именно этот текст прозвучал на защите.

Официальными оппонентами выступали профессор русской истории Н. А. Попов, автор рецензии, друг Ключевского, и профессор истории русского права П. Н. Мрочек-Дроздовский. Неофициально выступали профессор русского канонического права А. С. Павлов и известный всем историк Д. И. Иловайский. К сожалению, мы не располагаем для докторского диспута Ключевского столь же подробной и живой записью, как запись Е. Барсова об его магистерском диспуте, когда защищалась диссертация о житиях святых. Здесь информация гораздо беднее, хотя мы имеем и краткую запись ученика Ключевского М. К. Любавского, и два газетных сообщения — «Русских ведомостей» и «Голоса»⁹⁹. Любавский рассказывает, что студенческая молодежь встретила Ключевского на докторской защите бурной овацией, как только он появился на кафедре. Но ни М. К. Любавский, ни корреспонденты упомянутых газет не передают каких-либо ученых споров. По их впечатлению, все проходило чрезвычайно гладко. Первый оппонент Н. А. Попов сказал, что обильно черпает из работы Ключевского материал для своих лекций; профессор истории русского права, от которого, казалось, можно было ожидать основных возражений, сказал, что прочитал диссертацию «с наслаждением». Сведений о том, что сказал профессор канонического права, вообще не имеется. Д. И. Иловайский, как повествует очевидец из «Русских ведомостей», отметил, что диссертация Ключевского должна стать настольной книгой для всякого изучающего русскую историю. Позже он напал на Ключевского в печати за норманизм, поэтому можно предположить, что он, наверно, говорил и здесь против понимания варяжского вопроса в «Боярской думе». Других подробностей о возражениях мы не знаем. Корреспондент «Голоса» отметил глубину содержания и изящество формы вступительной речи Ключевского, которую тот произнес «среди благоговейной тишины». Этот же автор отмечает «знание предмета, меткость ответов, исполненный достоинства тон возражений диссертанта».

Провозглашение Ключевского доктором русской истории, как рассказывают очевидцы, аудитория встретила шумным восторгом и криками «Браво!». 10 минут в зале «стоял стон от рукоплесканий», вероятно, студенческих. Ключевского провожали аплодисментами до самого университетского двора¹⁰⁰. Заметим, что в том же году он мог бы отметить десятилетие своего триумфального чтения лекций. Несколько поколений студентов четырех выс-

ших учебных заведений старой столицы отлично знали его и окружали его имя поклонением и восхищением. Это ясно сказалось и во время докторской защиты. Он давно был любимейшим профессором Москвы.

2 октября 1882 г. Совет Московского университета утвердил Ключевского в степени доктора русской истории. 12 ноября Московская духовная академия утвердила его (в силу получения докторской степени) своим ординарным профессором, а на следующий день, 13 ноября, Совет Московского университета единогласно избрал Ключевского экстраординарным профессором по кафедре русской истории (где раньше он был лишь доцентом)¹⁰¹.

Можно проследить в этой картине три линии научного восхождения Ключевского — официальную линию получения более высокой ученой степени, и соответственно, возвышения в ученом звании и должности, вызванную личным трудом; линию могущественного, несравненного роста его славы среди студенчества как лектора по курсу русской истории — она основывалась не только на его огромном научном и лекторском таланте, но и на политическом облике, на этом мы остановимся позднее. И третья линия — нападок и критики со стороны части научного мира, державшейся консервативных взглядов. О ближайших по времени выступлениях против «Боярской думы» необходимо сказать сейчас с некоторым нарушением хронологической линии изложения, иначе нельзя представить себе и научной оценки его трудов в то время, и атмосферы ученого мира, в которой непрерывно приходилось вращаться Ключевскому.

Как и надо было ожидать, первым подал голос В. Иконников. В декабрьском номере «Русской старины» 1882 г., т. е. через три месяца после защиты Ключевским диссертации, появилась коротенькая, в две странички, довольно пренебрежительная, скорее заметка, чем рецензия¹⁰². Реферативно, вяло, небрежно, без интереса рецензент сообщал о выходе новой книги, отмечая прежде всего, что имеется на эту тему ранее появившееся сочинение Н. П. Загоскина. Что касается Ключевского, то он «собрал массу фактов и систематизировал их по отдельным мелким группам, сообщил им вид категорических положений, притом носящих иногда априористический характер». Таково общее суждение, или, вернее, осуждение. Никакой цены *новому* не дано, да и новое-то нарочито не замечено. Равнодушное предложение автору усилить сравнительно-исторический момент, особенно по Польско-Литовскому государству, и упрек, что не учтено мнение К. Д. Кавелина о весьма частном вопросе — влиянии на русских бояр польско-литовских воззрений, исчерпывает критическую часть. Брал ли Иконников этим некий реванш за ранее полученный от Ключевского афронт? Может быть.

Д. И. Иловайский, высоко отзывавшийся о «Боярской думе» на докторском диспуте, повторил положительную оценку в том же томе «Русской старины», в статье «Поборники норманизма и туранизма». Но, как и следовало ожидать, он напал в печати на Ключевского за норманизм.

Особенно подробно разобрал «Боярскую думу» М. О. Коялович, посвятив ей более 60 страниц в своей в те же годы вышедшей книге «История русского самосознания», где особая глава носит название «Профессор Ключевский». Будучи по собственному признанию сторонником «славянофильского субъективизма», автор тщательно выделил и восхвалял в «Боярской думе» все места, где Ключевский отмечает положительные стороны древних русских учреждений и работы государственного аппарата, особенно в установлении единодержавия и централизации власти. Связи народа и его нужд с процессом формирования аппарата власти отмечаются с величайшим одобрением. Коялович чувствует тут себя сторонником Ключевского, слава богу, наконец-то противопоставившего справедливую оценку тому охулению институтов древней Руси, которая так часто встречалась у историков-западников, предшественников Ключевского. Но, поскольку Ключевский чаще язвительно отмечал слабые стороны старорусских учреждений, Кояловичу не раз пришлось упрекать его со своих славянофильских позиций за недооценку общественного устройства древней Руси: Ключевский обходит молчанием русскую общину, недооценивает земские соборы, бледнеют в его изложении древние городские веча; он поздно — лишь с VIII в. — датирует появление на Руси городов, а господство русского города над селом в Киевской Руси не выдерживает критики. Спорит Коялович и относительно антагонизма между вечем и князем «как систематическом направлении» у Ключевского, ошибочен пропуск татарского ига в «Боярской думе». По линии конкретной критики Коялович в ряде утверждений прав. Но его общая славянофильская концепция уже далеко ушла вправо: славянофильство 80-х годов давно потеряло либеральный характер своих антикрепостнических отцов 40-х годов и получило отчетливо выраженный характер консерватизма и реакционности сторонников контрреформ времени Александра III¹⁰³.

Еще немного не столь приметных рецензий исчерпало ближайшие отклики на вышедшую книгу. Но интерес к ней, вероятнее всего исходивший из кругов учащейся молодежи (научные потребности исследователей удовлетворялись тогда малыми долями тиража), вызвал к жизни второе книжное издание «Боярской думы», очень мало отличающееся от первого, — оно вышло в следующем 1883 г.¹⁰⁴

Теперь пути перед ученым стали более открытыми, перспектива свободнее. Начинался какой-то новый, казалось бы, более спокойный этап творчества. У Ключевского, да, пожалуй, и у всякого

большого историка, замысел новой работы рождался уже в конце предшествующей. Это не была какая-либо узкая, специальная тема. «Боярскую думу» не даром упрекали в том, что она оборачивается «Историей государства Российского». Действительно, проблема новой исторической концепции *всего* русского исторического процесса, взятого в целом, была для Ключевского уже родившейся темой. Это было именно то, над чем он непрерывно думал в ежедневной работе во время подготовки к лекциям и во время чтения лекций. Здесь он хотел и мог сказать свое слово. Груды материала копились перед ним.

И хотя через весь этот материал были проторены исследовательским трудом широкие тропы, очень многого еще не хватало. Мало-помалу замысел многотомного курса русской истории вырос из «Боярской думы» и из непрерывного лекционного творчества. К нему теперь мы и перейдем.

ЛЕКЦИОННЫЕ КУРСЫ. ПОИСКИ ИСТИНЫ. СЛАВА ЛЕКТОРА

1

80—90-е годы XIX в. в жизни Ключевского — время интенсивной лекционной работы. В центре ее, разумеется, Московский университет. Духовная академия, курсы Герье и другие его аудитории слушают тот же лекционный курс, все отчетливее слагающийся, обогащаемый новыми материалами и новыми выводами. Чтобы представить себе начальную картину его развития, вернемся к 70-м годам. Исходное значение имеют лекции 1872 г., посвященные древнейшему периоду истории Руси и читанные на Высших женских курсах В. И. Герье за восемь лет до начала университетского курса. Они записаны Авдотьей Ивановной Герье, женой руководителя курсов. Сохранилась также и записанная рукой Ключевского программа его раннего курса, охватывающая предмет с древнейших времен до половины XV в. Она разделена на 20 крупных отделов, содержащих 33 лекции. Пункты программы, как обычно у Ключевского, состоят из конкретного перечня подтем (лекции не имеют общих заглавий). Начинался курс с описания географических свойств страны, их влияния на государственную и общественную жизнь народа, рисовал приход славян в пределы нынешней России, их расселение и родовой быт; говорилось далее об «инородцах» — соседях восточных славян в IX в. (финны, литва, голядь, ятвяги). В вопросе о призвании варягов молодой лектор безоговорочно стоял на позициях норманистов. Далее характеризовались отношения «между «князьями и северными племенами», деятельность и управление князей и «русское общество XI века», причем тема раскрывалась в «соловьевском» плане господства родového быта, которому посвящались многочисленные подпункты. Но уже тут ставился вопрос об «условиях, разрушавших родовой быт у русских славян от IX до XI века». Далее продолжалась тема о родоvом быте и его постепенном разложении, раскрытая в плане родоvых отношений между князьями «Рюрикова дома». Проблема поглощала одну лекцию за другой вплоть до «зарождения нового порядка на Севере» (имеется в виду Окско-Волжский бассейн). Суздальское княжество

надолго сосредоточивает на себе внимание лектора, тщательно изучающего ход отдельных усобиц и распрей, вопрос о росте дробления уделов. Последние разделы посвящены возвышению Московского княжества, процессу собирания им земель, его территориальному расширению и политическому усилению, подробному рассмотрению внутрикняжеских отношений до XV в., преимущественно по духовным и договорным грамотам. Родственная лестница в исследовании княжеского стола, разбор завещаний Ивана Калиты и Дмитрия Донского, «совместное действие разнородных предков», руководивших завещателями в распределении наследства, завершают намеченную программу¹.

Вчитываясь в текст продуманных и хорошо отделанных лекций, отмечаешь богатую эрудицию автора, изучившего по первоисточникам множество свидетельств об удельных княжествах, их территориях, колебаниях границ, о сложной «очереди» сменяющих друг друга князей, о княжеских междоусобицах, родственно-родовых и родо-правовых основаниях новых вокняжений и смены на княжеских столах умерших князей новыми владетелями. Но вся эта масса фактов, по мнению самого лектора, весьма однотонных, крепко сидела на прочных перекладах концепции, отработанной С. М. Соловьевым. На этой основе изучалось ведущее и важнейшее с позиций этой концепции явление — переход родовых отношений в государственные. Однако уже тогда в изложение молодого Ключевского прорывалась лично ему принадлежащая новизна, замечаемая слушателями. Широко использовался фольклор — народные предания, легенды; буслаевское влияние сильно чувствуется в этой сфере, но и личный исследовательский интерес к этому очень заметен. Чертой лектора является и довольно широкое использование житий святых. Ордынское иго характеризуется на основе древнего жития Сергия Радонежского, житие митрополита Петра служит изучению темы о возвышении Москвы и привлечено в двух редакциях — епископа Ростовского и митрополита Киприана; повести Пафнутия привлечены для анализа деятельности Ивана Калиты.

Другая соловьевская «ось» изложения — вопрос о колонизации Русской равнины — отчетливо введена автором в систему обобщений. Колонизация создала Суздальское княжество, колонизация развернула границы Руси — обеспечила ее «быстрое внешнее развитие». Качество почвы, соседство со степью, отсутствие преград к расширению создало и поощрило процесс. При всех его плюсах он имел и трудные, отрицательные стороны — ослабление центра государства, «разрежение» его населения, отсюда медленность развития и слабость государственной жизни. На этой основе возникает вывод, от которого позже Ключевский отказался: и крепостное право — результат колонизации; государственной власти пришлось силой закреплять на месте, закрепощать этот,

по Соловьеву, «жидкий элемент» — крестьянское население, растекающееся в силу колонизации по Русской равнине. Вникая в процесс, молодой лектор приходил к выводу: «Русская колонизация на северо-востоке была процессом более сложным, чем, например, европейская колонизация в Америке». В сложность входило и слияние этнических элементов, которого в Америке не произошло (чувствуется параллельное чтение курса всеобщей истории).

Индивидуальной чертой отмечено построение обобщений: яркость, рельефность характеров киевских властителей, их незабываемые личные особенности — Олега, Ольги, Владимира Святого, Святослава, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха. Эта черта ярко выраженной индивидуальности князей сменяется вдруг при переходе на северо-восток унылым рядом однотонных фигур, среди которых трудно сразу разобрать, кто из князей Иван, а кто Василий... Такая же формула позже возникнет в опубликованном «Курсе» Ключевского, здесь налицо первое выражение мысли. В чем же дело? В особенностях природы юга и севера, в условиях материального существования. Здесь можно заподозрить и воздействие А. П. Щапова с его страстными поисками материалистических объяснений, редко сопровождавшихся удачами.

При всех индивидуальных особенностях раннего курса Ключевского в его изложении пока явно превалирует концепция С. М. Соловьева: переход родовых отношений в государственные — главная ось истории. Вместе с тем видно, как эта концепция сковывает расширение исследовательской проблематики, жадно ловимое аудиторией.

Пока мы не встретим в курсе оживленной торговли Киева или Великого Новгорода. Тут еще нет экономики и анализа хозяйственной народной жизни — того, чем Ключевский прославился позже. Но замеченные лектором зарождающиеся элементы вотчинного хозяйства уже подключают к разложению родового строя хозяйственную тематику. Здесь Ключевский — на новаторской стезе, происхождение вотчинного владения — вопрос новый. В курсе еще нет культуры, почти нет быта. И, что самое удивительное, тут, собственно, почти нет крестьян, их труда, деятельности, участия в истории. Но слушатель чувствует, что самому лектору скучновато в такой схеме, что он замечает скуку и на их лицах: восстановив конкретную до мелочей картину дробления уделов, лектор замечает: «Заклучим этот скучный обзор одним замечанием...» Каким же? Мы узнаем, что в XIV в., оказывается, «место лиц занимают безмолвные волости... вот почему лица северных князей так безличны». Это «ряд манекенов, а не портретов». Лектор чувствовал необходимость это безличие объяснить: «Все это княжьё, говоря старым словом, расселось по удельным гнездам, выводит в них детенышей и рассаживает их, дробя свои гнезда по числу их голов, чтобы они продолжали дело отцов и

дедов». Тут Ключевский не выдерживает и начинает осторожно критиковать состояние исторической литературы: «Возвышение Москвы, собрание Северной Руси под ее властью — вот исторические явления, которые, подобно происхождению вотчинного княжеского владения, стоят в исторической литературе не совсем удовлетворительно. Мы признаем очевидность, понимаем важность этих явлений, знаем события, в которых они обнаруживаются, но их внутренний рост, сокровенные общественные источники, из которых вышло народное значение Москвы, исторические условия, создавшие из нее государственный центр Руси, — все это мы охотно *устраняем* * из наших исследований, или они плохо поддаются нашему анализу». Чувствуются поиски лектором теории и нужда нового понимания исторического процесса.

Курс начинается бледным вводным методологическим замечанием, где природа и «элементы ее населения» объявляются «первоначальными стихиями истории». Но этим пока исчерпывается «теория исторического процесса». В дальнейшем изложении эти обобщения к тому же мало надобны историку, их не хватает для объяснения потока исторических явлений. Об общественных классах пока и речи нет.

Но в этом раннем курсе немало острых скептических замечаний, сознания отсталости России от Западной Европы. Уже норманистская позиция автора влечет ремарку, что «искра государственной исторической жизни» пришла-де в Россию «со стороны». Русь рисуется — и на многих страницах — скорее Азией, чем Европой, в лучшем случае это — геологически и исторически — «младшая часть Европы». Расставаясь в изложении со старой Киевской Русью и еще раз оглядываясь на нее, Ключевский замечает противоречие: народ любит память о Киевской Руси, а ведь «не много живых следов оставила она в нашей современной русской жизни, по-видимому, ничего и не могла она оставить в народе, кроме мрачных воспоминаний о половецких нашествиях и княжеских усобицах». Однако любовь к киевской старине вдруг находит саркастическое пояснение: «Киевская Русь характеризуется неопределенностью общественных отношений, недостатком твердых, застывших общественных форм: а мы питаем неодолимое отвращение ко всякой определенности отношений, ко всякой общественной дисциплине». Острые формулировки Ключевского, ставящего (прикровенно!) назревшие общественные проблемы, нет-нет, да и проскальзывают в тексте уже в первые годы.

Сравним теперь концепцию Киевской Руси, излагавшуюся в лекциях Ключевского пятью-шестью годами позже и отраженную в «Боярской думе». Перемены значительны. Соловьевские «оси» хотя и сохранились, но резко сместились в сторону, на первом

* Курсив наш. — М. Н.

месте в изложении лектора новые вопросы — не родовые отношения между князьями «Рюрикова дома», а экономическая тема: Киевская Русь предстает торговым государством с оживленными торговыми сношениями, с представителями горожан — «старцами градскими» в совете князя. Боярский совет при князе — возникающая Боярская дума — рисуется важным политическим учреждением в управлении страной. Лектор ищет пути к социальной сути общественных групп, становящихся у власти, к «классовым интересам» этих групп. Концепция видоизменяется, в нее властно вторгается социальная проблематика. Расширяется и вводная часть курса, усиливаются теоретические поиски.

Мы располагаем к рубежу 70—80-х годов XIX в. новым историографическим источником — литографированными лекциями Ключевского, отражающими его эволюцию как лектора. Поиски исторических закономерностей, даже прямо «законов истории», отчетливо видны в лекционном курсе. Студенчество жадно тянется к этой проблематике. Ответа, удовлетворяющего самого лектора, правда, не найдено, но проблема осознана, поиски ответа налицо. Отказа от идеалистической методологии не происходит, но умы уже возбуждены новой проблематикой времени. Острая постановка вопроса о российском самодержавии в первых лекциях, прочитанных Ключевским в Московском университете (1879 г.), отмечалась выше.

В курсе истории Московского государства, прочитанном «у Герье» в начале 80-х годов XIX в. и сильно отразившемся в «Боярской думе», мы находим дальнейшее развитие тех же черт эволюции лекций Ключевского: неустанные, хотя и не увенчавшиеся успехом, поиски исторической теории, далеко выходящие за рамки историко-юридической школы, надламывающие их. Постановка проблем общественного развития, нащупывание темы «классов» и «классовых интересов» (но не классовой борьбы!) в истории России. Нарастание осознания «антидворянского силлогизма». Поиски отражения меняющегося социального состава общества в развитии форм управления. Все более настойчивая работа над социально-политическими обобщениями, связывающими прошлое с современностью, а подчас и с прогнозами будущего. Ключевский ищет новые объяснения возникновения крепостного права, его концепции теперь выходят за рамки старой — «чичеринской» — теории закрепощения и раскрепощения сословий всесильным государством — теории, принятой в историко-юридической школе.

Этот процесс развития курса приоткрывает нам и творческую лабораторию Ключевского: замыслы его больших книжных текстов и статейных тем часто рождаются в лекционной стихии — в живом словесном изложении, адресованном с кафедры внимательной и ловящей новое слово аудитории. Тексты лекций становились, как мы видим, главами монографии (случай с «Бояр-

ской думой»). Не раз лекция содержала смелые формулировки, которые позже осторожная авторская рука вычеркивала при подготовке к печати. «Надеюсь, теперь вы согласитесь со мной, — говорил Ключевский с кафедры, завершая тему Московского царства, — что государство в том смысле, как знает и признает его наше время, не есть исконная, от века существующая форма общественной жизни... Напротив, оно — явление довольно позднее в истории нового, европейского человечества... Государство — создание времен, обильных враждой и ненавистью, бедных любовью, оно — дитя темных инстинктов, стихийных страстей человечества...» Трудно поверить, что это говорил профессор, трактовавший в печатных трудах государство как бесклассовую организацию, созданную для «примирения» классовых интересов и достижения всеобщего блага. «Разве нелепо надеяться, — продолжал лектор, — что вражда и ненависть ослабеют, темные инстинкты улягутся и человечество когда-нибудь облечется в другие формы общежития, положит в основание его другие чувства и цели? А если позволительна такая надежда, то, стало быть, современное государство и не вечно». Такого текста мы не найдем в опубликованных работах Ключевского.

В лекциях резче, чем в «Боярской думе», ставится вопрос о «противоположности интересов боярства и царя». Ключевский в лекции подчеркивает «неудобство» (!) этой темы, которой «наша историография... не занималась совсем». Впрочем, он считает это обстоятельство даже благоприятным для исследования.

2

В этой изо дня в день идущей работе, завершившейся в конце жизни историка изданием «Курса русской истории», который будет дальше рассмотрен в своем месте, появляется в 80-х годах новая форма: специальные курсы. Они многообразно отображают творческую индивидуальность Ключевского, свидетельствуют о разнообразии интересов и замыслов, являются важными вехами на его творческом пути.

Курс «Методологии» (1884/85 учебный год) едва ли не первый из них.

Интерес к методологическим вопросам у Ключевского обозначился, как мы помним, еще в наиболее ранней из дошедших до нас литографий — общем курсе русской истории, читанном в 1872/73 учебном году на курсах В. И. Герье. Литографированная запись лекций, читанных в 1882/83 учебном году, после защиты «Боярской думы», уже содержит «Введение», посвященное методологическим вопросам и периодизации истории России. Правда, методологии отведено лишь две страницы, но дающие заявку на определенную концепцию. Ключевский отмечает, что цель

изучения истории России («местной истории») «та же, к какой направлено изучение истории человечества вообще», т. е. «исторический процесс человеческого общежития». Последнее складывается из соотношения «различных общественных стихий или сил, строящих человеческое общество». Каковы эти «стихии» или «силы»? Ключевский перечисляет: «Природа и люди, лицо и общественный союз, власть и право, труд и капитал, знание и искусство и т. д.». Характерное «и т. д.» показывает, что перечень не кончен, может продолжаться долго — это лишает его принципиального характера: он не исчерпывающий, и критерий определения «сил» не указан. Хотя длинный ряд «стихий» не закончен и взаимозависимость явлений в нем не выражена, историк спешит к вопросу о «сочетаниях» этих «стихий» или «сил», придающих своеобразный характер каждому местному историческому процессу. Вскользь называя далее эти «стихии» или «силы» новым обобщающим словом — «элементами» общежития, Ключевский подчеркивает, что различные «сочетания элементов» именно и создают неодинаковый характер одной и той же формы общежития: «Древнеримская семья далеко не похожа на новоевропейскую ни по юридическим, ни по нравственным отношениям своих членов, ни по власти отца, ни по кровным узам, ни по праву наследования». То или другое отношение между одними «стихиями» («элементами») видоизменяет взаимодействие других и сообщает людским отношениям иной характер. Пример: «Крепостной труд производит далеко не то же действие на хозяйственный и нравственный быт народа, какое имеет труд вольный. Первый убивает энергию, ослабляет предприимчивость, развращает нравы и даже портит расу физически»².

Итак, весь исторический процесс, выходит, соткан из «элементов» («сил», «стихий»), и характерные его особенности возникают от великого разнообразия их сочетаний. Вообще понятие исторических «сил» и «элементов» исторического процесса было ходовым во многих историко-философских системах и не обращает на себя внимания ни как оригинальное открытие, ни даже как авторское словоупотребление. «Элементы» человеческого общежития мелькают в тексте Б. Н. Чичерина, встречаются и у С. М. Соловьева, а без указания на «силы» исторического процесса вообще не обходился ни один философ истории. Поэтому было бы неправильно характеризовать эти термины как «заимствование» из какой-то философской системы. Эта терминология уже была присуща научному языку эпохи, воспринималась как общепринятая.

Есть, однако, в применении этих терминов у Ключевского свой особый оттенок с индивидуальным интересом к разнообразным «сочетаниям элементов» как к чему-то общему, что может объединить науки о природе, о превращениях вещества, с одной сто-

роны, и науки о развитии человеческого общества — с другой. Пока он считает это принципиально возможным. «Сочетания элементов» он видит тут и там. В этом разрезе любопытен специфический интерес Ключевского к химии. В его библиотеке мы неожиданно находим «Основы химии» Д. И. Менделеева. Хорошо знавший Ключевского преподаватель Александровского военного училища Н. П. Нечаев вспоминает одну запавшую ему в память беседу с Ключевским. Речь шла «об общественных группах, условиях и их взаимоотношениях в историческом ходе событий. Я выразил предположение о возможной аналогии этих взаимоотношений — с взаимодействиями различных частиц, атомов и групп атомов (радикалов или остатков), которые изучает химия, указав, таким образом, сравнительно, на метод химического изучения превращения веществ. В[асилий] О[сипович] очень заинтересовался моим сообщением и попросил меня несколько подробнее ознакомить его с методом изучения химических взаимодействий, а затем просил указать ему на краткое руководство, по которому бы он мог ознакомиться с химией, которая его заинтересовала»³.

Не таким ли образом появилась неожиданная в библиотеке историка недавно (1869—1871 гг.) вышедшая книга Д. И. Менделеева «Основы химии»? Этот ход его мыслей нельзя не расценивать как наивно- или даже вульгарно-материалистический. Но он не должен удивлять — все это «щাপовские» поиски материалистического понимания исторического процесса, которых в свое время не был чужд и Ключевский. Они терпели неизбежный крах при попытке приложить их к исторической действительности и создать систему. Но, отвечая на вопрос, откуда у Ключевского такой интерес к «силам», «элементам» и их «сочетаниям», невозможно совсем исключить и то наивно-материалистическое русло, которое в известной мере питало его историческое мировоззрение.

Потрясшие современников Ключевского успехи химии и только что открытая Д. И. Менделеевым периодическая система элементов (1869 г.) не могут быть тут забыты. Они откликнулись и в ученой среде Московского университета как раз в годы, когда начал созреть курс Ключевского. Не далекий ли тут отголосок своеобразного поиска более стойкого и верного мировоззрения, нежели идеалистическое, отправлявшееся от развития «мирового духа», который находил свое воплощение в централизованном единодержавном государстве?

Ключевский пока что, как видим, обходится без государства как основной силы, творящей историческую действительность. «Путем исторического изучения, — продолжает он, — мы познаем не только природу общественных элементов, но, так сказать, их механизм, узнаем, когда известная общественная сила (элемент. — М. Н.) двигала человечество вперед и когда задерживала

*В. О. Ключевский на даче у Карповых
1880-е годы
Фото Г. Ф. Карпова (фрагмент)*

В. О. Ключевский
1895 г.
Москва

его движение. Когда, например, капитал уничтожал свободный труд, не усиливая его производительности, и когда, наоборот, капитал этот помогал труду стать более производительным, не порабощая его (?)». Конкретных примеров этой двоякой деятельности капитала не приведено, и мы не можем проникнуть далее в лабораторию Ключевского. Но только мы успели подумать о воздействии потрясений от открытия периодической системы элементов и смысла сочетаний этих элементов на тернистом пути поисков истины, как Ключевский, будто бы чуя приближающуюся опасность, быстро отступает назад. Как бы возражая незримому собеседнику, он спешит объявить: «Но эти элементы суть проявления человеческого духа, а один из них, именно природа, служит обстановкой и вместе с тем объектом деятельности для этого духа». Отсюда он спешно выводит, что историческая наука «есть наука о многообразных местных и временных проявлениях духа в человеческом общежитии, или наука о человеческом духе, как он проявляется в местных и временных формах общежития»⁴.

Как видим, «силы» и «элементы» пока у Ключевского не дифференцированы. Разбираемая литография 1882/83 учебного года — ранняя ступень развития его методологической концепции. Но эклектизм последней уже очевиден. Перед нами явное соединение порыва к материализму с чисто идеалистическими положениями. Заметим попутно, что «элемент», данный в подобной трактовке, не мог бы обеспокоить ни вникающих в суть дела университетских наблюдателей, ни всевидящее око надзора Московской духовной академии.

«Периодической системы», таким образом, у Ключевского не получалось, стройности в понимании исторического процесса не выходило никакой. Ключевский тут и бросил в 1882/83 учебном году острую и не дававшуюся ему методологическую тему в явно противоречивом положении и поспешил перейти к периодизации русского исторического процесса.

Здесь возникло нечто более вразумительное. Ставя уже тогда своей задачей ограничиться «лишь фактами экономической и политической жизни», Ключевский строил на этой основе свое расчленение истории России на четыре периода. В курсе 1882/83 учебного года, т. е. сейчас же после завершения «Боярской думы», он давал периодам названия близкие, но не совсем совпадающие со своим будущим четырехтомным «Курсом»: 1) «Русь днепровская, городова, торговая» (приблизительно с VIII в. до конца XII в.); 2) «Русь верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая» (приблизительно с конца XII в. до половины XV в.); 3) «Русь великая, Московская, но с преобладанием аристократии, монархическо-боярская, военно-земледельческая» (приблизительно с половины XV в. до половины или конца XVII в.). «С конца XVII столетия и до начала минувшего царствования (т. е. цар-

ствования Александра II. — М. Н.) идет последний, открытый нашему изучению период», это — «Русь Всероссийская, монархическо-дворянская, земледельческая и вместе с тем фабричная»⁵.

Мы видим, что период работы над «Боярской думой» завершился сильной отработкой ряда положений будущего «Курса». Если с «Курсом» уже совпадает понимание двух первых периодов русской истории, то следующие два раскрывают перед нами авторскую работу над определением социальных признаков — они даны резче, чем в «Курсе»: в третьем периоде оговорено преобладание аристократии, подчеркнута монархическая форма. Хронологические рубежи для третьего и четвертого периодов еще отражают исследовательские поиски («приблизительно...» и т. д.). Автор как бы приглашает этим аудиторию к осторожности, к необходимости вдуматься в даты. В последнем, четвертом периоде поиски точного определения политического признака пока завершаются эпитетом «монархическо-дворянская», который в «Курсе» исчезнет; термин «крепостной» для последнего периода еще не найден, определение «земледельческая и вместе с тем фабричная» отнесено ко всему периоду с конца XVII в.

Как видим, выявились и черты его будущей методологической схемы. Но был ли Ключевский удовлетворен ею? И сказал ли он все? Каковы были его методологические замыслы?

Об этом многое расскажет нам его специальный курс «Методологии», прочитанный в Московском университете ровно через год — в 1884/85 учебном году.

Курс методологии истории был в замысле Ключевского элементом сложного целого, состоявшего сначала из трех, а позже из четырех частей: 1. Методология. 2. Историческая терминология. 3. Источниковедение. Вскоре к ним добавилась четвертая — Историография. В целом эти курсы являлись как бы пропедевтикой изучения истории России и располагались в последовательном порядке: сначала познание метода науки, затем ознакомление с точным смыслом принятых в ней терминов, потом изучение ее источников и построения правильных выводов исследования на основе завоеванного метода и верного понимания исторической научной терминологии. Все увенчивалось историей науки — историографией. Этот большой и продуманный замысел был Ключевским выполнен — все задуманные курсы были подготовлены и прочитаны, только, как увидим далее, в несколько измененном порядке, а позже выправлены автором и отлитографированы (некоторые — не раз). Но не напечатаны!

Выполнение этого обширного замысла было сосредоточено приблизительно в рамках одного пятилетия — с середины 80-х до начала 90-х годов⁶. Закончив цикл больших исследовательских работ над «Боярской думой» и, наконец, получив возможность полностью сосредоточиться на чтении лекционных курсов, Ключевский

чевский, видимо, почувствовал необходимость вернуться к основному корню науки, к большим методологическим вопросам: ему чего-то не хватало. Потребность в углубленном теоретическом цикле выросла закономерно. Свои курсы он понимал как целое. В письме декану 18 апреля 1884 г. он писал: «На следующий год (имея в виду ближайший учебный год в университете. — М. Н.) для исторического отделения я предполагаю курс о методе, терминологии и основных источниках русской истории (по 2 часа в неделю). Не знаю, можно ли это назвать „Древностями“, так как под это понятие подходит только вторая часть предполагаемого курса и разве частью третья»⁷. Всю первую часть и отчасти третью он древностью не считал. В методологическом курсе он, как видно из его текста, пользовался для обоснования своих выводов всемирно-историческим материалом — говорил и о древних Греции и Риме, о западном средневековье, о современной Америке.

Методологический курс 1884/85 учебного года — важный документ в истории научного мировоззрения самого Ключевского⁸. Казалось бы, методологические вопросы должны были быть давно решены для известного ученого, автора трех крупных монографий, знаменитого профессора четырех высших учебных заведений, Московского университета в том числе. Принятые им методологические положения давно должны были бы стать для него привычной почвой научных суждений, тем воздухом, которого, собственно, уже можно было бы не замечать. Но все оказывалось иначе. Видимо, в дни работы над «Боярской думой», над отринутыми предисловиями к ней Ключевский пережил трудный кризис. Ему и самому понадобилось подвести методологические итоги своей работы. В первых же лекциях своего методологического курса он широко раскрывает студенческой аудитории свои недоумения и тревоги, о которых раньше как-то никогда не говорил. Он ощущает личную необходимость решить, наконец, вопросы о том, как, чем, куда движется история. Это нужно ему самому. Это необходимо и студентам. В искренней попытке удовлетворить свою настоящую потребность в мировоззренческой, философской сфере, Ключевский в сущности новатор в русской исторической науке: в университетском преподавании до него такие курсы не читались — он открыл им путь. Вопросы исторической методологии иногда разрабатывались в западноевропейской науке, но русские университетские ученые вплотную и специально ими еще не занимались.

Искренность и смелость формулировки причин, заставивших Ключевского заняться методологией, сразу поражают. Цель изучения методологии вытекает, оказывается, «из одного существенного недостатка, каким отличается изучение нашей истории. Недостаток этот — отсутствие метода». Да, так и написано — отсут-

ствии! «Нашу русскую историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия, — продолжает Ключевский в своем методологическом курсе, — она много(е) обработала; но я не возведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли его обработала».

Причин такого тревожного и странного положения, по Ключевскому, много. Прежде всего «недостаток контроля, проверки», уединение «от взора общен исторической науки». Так, французская научная литература, по его мнению, контролируется английской, немецкой, вообще западноевропейской, «а на нашу литературу никто не смотрит», результатов ее «никто не проверяет». Это говорит о слабости научной ответственности историков России.

Наши русские историки, по его мнению, «не задаются достаточно серьезными вопросами, не чувствуют себя достаточно обязанными» глубоко разрабатывать историю, «вообще наклонны успокаиваться на первых результатах, схватывая наиболее доступное, лежащее наверху явлений». Критику эту надо признать разящей.

Употребляя далее привычный для него термин «элементы общезнания», Ключевский уже не приравнивает их к «стихиям», оставляет лишь термин «элементы». Он с горечью говорит, что понятие это не уяснено и даже нет установившегося полного перечня этих «элементов», перечня, который можно бы давно требовать от исторической науки, если бы ее методология была разработана. А ведь эти «элементы» должны быть столь общеизвестны, что «регистр» их надо было бы просто знать на память, «механически» перечислить. Но «если бы вы от меня потребовали такого полного регистра, я не только не сумел бы представить его, но не сумел бы указать, где найти такой регистр...». Он недоволен и понятием о движущих силах истории, ранее им рекомендованным: их «конкретные проявления» можно назвать «историческими формами» этих сил, если можно так нехорошо выразиться». Историческая деятельность «духа человеческого» проявляется, в частности, в особой форме, «которую можно назвать так, предварительно, провизорно, до подыскания лучшего термина, — историческим преемством». Впрочем, обо всем этом «еще надо подумать».

Как видим, на всем лежит отпечаток поиска, отсутствие окончательных решений. Он приглашает аудиторию думать вместе с ним. Мысль его и дальше все возвращается к неудовлетворительности, недоработанности того, что давно применял он сам и что теперь вызывает его критику. «Мы проблематически поставили в числе сил неясный еще факт, т. е. недостаточно разобранный и исследованный, однако несомненно действующий, который называли историческим преемством».

Курс «Методологии» Ключевского литографирован и, по-видимому, предварительно просмотрен автором. Сопоставляя его с методологическими установками, выявленными в первом издании «Боярской думы», мы замечаем отчетливую недоговоренность, которую, если подходить формально, легко изобразить как явный откат вправо. Где тема об общественных классах, развитие и деятельность которых так отчетливо отражаются на истории правительственных учреждений? Где классовые интересы — одна из тем «Боярской думы»? Ни классов, ни классовых интересов в методологическом курсе Ключевского и в помине нет, он отказался от освещения этих тем⁹, хотя интерес к ним ничуть не угас, в чем мы убедимся в дальнейшем. Бесспорен интерес Ключевского к экономическим темам. Он едва ли не впервые в академической историографии выделяет экономический критерий даже для общепериодической периодизации. Но где теоретическое осмысление роли экономических фактов в курсе «Методологии»? Его нет. Где обоснование необходимости изучать их как критерий периодизации? И об этом нет ни слова. Таким образом, «Методология» не смогла отразить даже того, что им самим считалось за главное. Нет в «Методологии» Ключевского и следа столкновения с реакционной исторической школой права, никакого спора с ней, хотя всего года два назад он бросил ей вызов. Ключевский говорит не все, что думает. Он стал более осторожен. Не сыграла ли тут свою роль начавшаяся в стране реакция после второй революционной ситуации 1879—1880 гг.? Ключевский, несомненно, был подавлен обстановкой усиленной слежки, преследования общественного и революционного движения, поисков «крамолы». Позже в своей заметке «Памяти Иоллоса» он говорит о «тяжелой поре» 80-х годов.

Эклектизм его методологической концепции — установленный в историографии факт. Источниками схемы послужили работы Г. Бокля, Г. Спенсера, Огюста Конта — крупных представителей западного позитивизма. У Бокля (с добавлением А. П. Щапова) он почерпнул соображения о решающем значении географического фактора. Герберт Спенсер приучил к «органическому» пониманию общественного процесса, в котором, подобные живым биологическим телам, людские союзы рождаются, переживают детство, молодость, зрелость, старость и умирают. Однако ранее этих историко-философских концепций — через историко-юридическую школу, учеником которой является Ключевский, он получил плотно придавившее его консервативное гегельянское учение о государстве как о высшем выражении народного духа и слиянии государства с народом, достигающим в государстве своего национального самосознания. Гегельянский стержень легко прошел сквозь позднейшие позитивистские наслоения и ужился с ними. Признание равноправности субъективного и объективного методов — другой аспект его эклектики. Деление наук на «феноменологические» и «номологические»

сближает Ключевского с новокантианскими теориями. Выше упомянуто имя Щапова — добавим к нему имена народников П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского (на это обратил внимание еще М. Н. Покровский), давших Ключевскому готовые критерии для суждений о взаимоотношениях личности и общества.

Легко подобрать длинный ряд доказательств принадлежности всей этой эклектической системы к философскому идеализму. Самое основное положение — о двух формах человеческого духа — личности и общества — возводит теорию к устарелым даже для того времени идеалистическим схемам. Как и свойственно эклектизму, смешанные и сбитые воедино «элементы» противоречат друг другу и легко смыкаются в порочные круги: в «Методологии» «силы» общества сначала слагаются из «элементов» общежития, а через несколько страниц следует утверждение: «Легко видеть, что элементы общежития суть продукты или проявления деятельности сил» — тут рушится логика его системы. Но нельзя не видеть, как искренне и активно перебирает он всевозможные выводы идеалистической философии истории, встревоженно ища ключи к историческому процессу и растерянно заглядывая во все углы исторического идеализма. Его, конечно, сковывает круг официальной и допустимой идеалистической философии. Он не решается перешагнуть через ее запретную границу даже в поисках определения, что такое труд и капитал, хотя невозможно предположить, чтобы он не знал, где именно стоит хотя бы поискать ответ и подумать над ним. Этот предел легко переступали другие признанные буржуазные ученые — от Иванюкова до Максима Ковалевского. Однако Ключевскому не удалось перейти этот порог к марксизму хотя бы в самой условной и легальной форме.

Есть свидетельство профессора И. М. Гревса, что их общий друг А. В. Гизетти стремился познакомить Ключевского с марксизмом, специально снабжал его произведениями Н. И. Зибера — популяризатора марксистских идей. Но у Гревса осталось впечатление, что Ключевский не поддался стараниям Гизетти: он, мол, сам прочел бы Маркса, если бы захотел¹⁰. Это соображение представляется мне необоснованным, из него никак не вытекает логически отказ от чтения полученных книг. Имя Маркса Ключевскому известно, и позже мы заметим явные следы его спора с историческим материализмом, о котором он имел самое неточное и бедное представление.

Труд и капитал, по мнению Ключевского, являются «элементами» и «связями» общежития: «Тот и другой элемент представляют сочетание действий разных сил: личности и природы». Ключевский утверждает, что труд и капитал должны жить в мире и согласии и что люди «добровольно отдаются» тому, в чьих руках находится капитал. Вот и все. Хозяйство не что иное, как «сочетание труда и капитала» всегда и во все времена.

Курс «Методологии» — один из показателей кризиса буржуазной исторической науки. Мы неполно оценим этот кризис, если ограничимся критикой ошибок и разбором разных сторон эклектической системы Ключевского. Этот курс — еще и человеческий документ искренних и растерянных поисков выхода из того тупика, куда — он чувствовал это — увлекает его поток научной жизни и работы.

Пожалуй, самой драматической чертой эклектической методологии Ключевского является то, что она оказалась практически ненужной ему самому. Как мы увидим далее, он почти не применял ее ни в «Курсе», ни в других трудах, которые появились после разработки им теоретической системы. Методологическая концепция оказалась мертвой в его же собственном творчестве, не послужила ему в практике исследовательской работы.

Курс «Методологии» Ключевского состоит из 19 лекций¹¹. Лекции не носят заглавий, а имеют лишь номера. Структура курса такова. Две первые лекции посвящены вводным темам. Первая констатирует отсутствие метода в нашей истории и сообщает о замысле в целом — поставить вопрос не только о необходимости методологии истории, но и о связи с последующими курсами — терминологией и источниковедением; вторая лекция определяет предмет изучения — происхождение, развитие и свойства людских союзов, их подразделение на «естественные» и «искусственные», связь между ними. Вся третья лекция посвящена «элементам общежития», куда отнесено без определяющего критерия множество явлений, встречающихся в истории людских союзов (язык, долг, возраст, семья, пол, кровное родство, труд, капитал, власть, порядок и пр.). Любопытно замечание: «Свобода — несомненный элемент общежития». Элементы лектор подразделяет на «простые и сложные» и «первичные и производные», что мало помогает ясности классификации. В четвертой лекции в отличие от краткого методологического введения к курсу русской истории, читанному в 1882/83 учебном году, Ключевский вводит понятие «исторические силы»; сил этих четыре — природа страны, физическая природа человека, личность, общество. Определена большая важность «исторического преемства, которое является одной из конкретных форм человеческого духа». Историческим силам посвящено три лекции (4—6-я), рассмотрены области воздействия каждой силы (тут любопытна критика взглядов Монтескьё), их взаимодействие, необходимость особых наук для изучения каждой «силы».

Посвятив часть следующей лекции особенностям местного процесса, Ключевский отводит четыре лекции (7—10-я) смене форм общественного строя, начиная с теорий исторической палеонтологии, характеристики орды, материнского рода, патриархального рода, семьи. Рассматривается «постепенное дробление союзов», возникновение института собственности, освобождение лица из-под гнета массы (причина двоякая — перемена в отношении общества

к природе и личности — к обществу). На смену «естественным союзам» приходят союзы «искусственные». Возникает государство. Дается характеристика расчленения исторического процесса на древнюю, среднюю и новую истории. Далее две лекции (11-я и 12-я) посвящены избранным попыткам понять общий исторический процесс в целом. Из многих концепций Ключевский избирает лишь три «наиболее удобные для краткого изложения». Таковыми оказываются исторические теории Боссюэта, Лорана, Гегеля.

Оговорив отказ от изложения их в хронологическом порядке («теория Лорана стала известна позже гегелевой»), Ключевский начинает с трактата о всемирной истории Боссюэта: ход истории направляется «Провидением» к назначенной им цели. Целью является подготовка христианства и затем его развитие. Теория Боссюэта телеологическая. Ключевский относится к ней отрицательно, как и к теории Лорана, у которого действующая сила «Промысел», но к ней присоединена и другая — свобода человека. Всемирная история — двойственное зрелище: с одной стороны, мы видим, чего хотят люди, с другой — чего хочет бог. Указав на логическую несообразность теории, стоящей даже «ниже взглядов Боссюэта», Ключевский критикует и «метафизический процесс» у Гегеля, рассматривающего историю как «развитие духа». Гегель ставит этот дух на место «Провидения», историческое развитие — фазисы духа.

«Новогерманский мир — последний фазис развития духа, состояние его зрелости». Ключевский остро критикует гегельянскую схему. Вообще все указанные теории отвергаются им, они «входят клином» в исторический процесс, не вскрывают его сути. Он пытается ответить на свой вопрос: «Есть ли какая-нибудь преемственная связь между сменяющимися сочетаниями элементов общежития?» Ни теолог, ни метафизик не отвечают на этот вопрос. Да историк и не должен, оставаясь историком, пытаться разрешить задачи, «не подлежащие его разрешению». Историк, по Ключевскому, не может исследовать ни начало исторического процесса, ни его конец. Его дело — изучение движения, процесса. «Я хочу сказать, что философия истории и история — это две различные сферы ведения, которые никогда не сойдутся..., история должна быть сама собой, не переходя в философию... Историческое изучение не должно быть философским, если оно хочет оставаться историческим». Сильный в критике теологических и метафизических систем, Ключевский фактически отказывается от позитивной концепции. Утвердить разрыв между философией истории и наукой истории оказалось легче, чем найти правильную философию. Три следующие лекции (13—15-я), собственно, и посвящены историческому движению, которое определено выше как основной критерий явлений, подлежащих изучению историка. Исторический процесс складывается из трех частных процессов или моментов; сочетания

элементов общежития, подвергаясь воздействию неких «сторонних сочетаний», могут: 1) вступать в общение или столкновение; 2) вбирать в себя элементы разрушающихся сочетаний («поглощение или слияние»); 3) обнаруживать «преемственную смену различных общественных формаций» («историческая передача»).

Все вместе слагается в понятие «историческое движение». Отсюда переход к понятию «исторический прогресс». Казалось бы, рассуждает Ключевский, человеческое общежитие слагается из двух параллельных процессов — из успехов общественной свободы и из успехов личного сознания, но в этих «параллельных течениях» нет прогресса, а есть «постоянные перерывы»: общественная свобода «то расширяется, то суживается», а «личное самосознание то расширяется, то падает», отсюда вывод: «Исторический прогресс есть термин, который ничего не определяет в ходе исторического движения». Наконец, ставится вопрос об историческом методе изучения. Методов два — субъективный, отбирающий для изучения лишь те явления, которые имеют отношение к современному состоянию образованного человечества. История по этому методу превращается «в рассказ о происхождении, развитии и накоплении всех тех учреждений, отношений, интересов, средств, удобств, обычаев, чувств, верований, знаний, идей — всего того культурного запаса, которым живет современное человечество». Метод этот отправляется не от свойств изучаемого объекта, а от изучающего субъекта, откуда название метода, которому в зависимости от точки зрения историка сообщается «капризная изменчивость приемов». Объективный метод держит в центре внимания изучаемый объект. Здесь, довольно непоследовательно, Ключевский допускает возможность того же самого взгляда на исторический процесс: «Можно видеть в историческом процессе последовательную смену явлений, подготовивших современное состояние человечества». Но можно и не останавливаться на этом состоянии: ведь «настоящее время — это также субъективное представление, которым обозначается не исторический факт, а только хронологическое отношение наблюдателя к известным историческим фактам». Да и само понятие о настоящем времени — «абстракция, фикция», в исторической действительности «нет ни прошедшего, ни настоящего, а есть только непрерывное течение». Задача исторического изучения — «самое историческое движение». Объективный метод обладает тремя приемами его изучения: наблюдение явлений, сопоставление явлений и обобщение явлений. Разделив явления на те, которые могут быть и не быть, и на явления, которые не могут не быть, Ключевский в лекциях 16—18-й приходит к разбору понятия исторических законов. Исторические схемы — необходимый результат изучения — отвечают на вопрос, «в каком порядке сменяются явления», а исторический закон «есть ответ на вопрос, почему они сменяются в таком порядке». Но существуют ли законы истории? Привлекая

материалы О. Барро, Ип. Тэна, отчасти критикуя их положения, Ключевский приходит к выводу, что законы истории надо понимать как «законы взаимодействия исторических сил». В курсе «Методологии» он признает, таким образом, наличие исторических законов, замечает, что они «не психологические, не физиологические, не физические или социологические», но они не чужды «ни тем, ни другим, ни третьим, ни четвертым» (выше несколькими страницами он даже капитал определил так: «Продукт человеческого труда капитал — явление частью психологическое, частью физиологическое, но, как вещество, произведенное силами природы и только приспособленное к потребностям человека, он есть явление физическое (!)»). Стоя на этой зыбкой почве беспомощной эклектики, Ключевский, естественно, не в силах назвать ни одного конкретного, им признаваемого исторического закона, поискам которого он посвящает всю предпоследнюю (18-ю) лекцию. Заметив, что «исторические законы можно назвать законами сложения исторических сил», он пытается пояснить это примером из истории развития «естественных союзов», приходя после долгих, неуверенных рассуждений к выводу: «Закон этот гласит, что естественные союзы развиваются в известном порядке пробуждения естественных личных влечений». В числе последних (влечений) упоминаются «инстинкт самосохранения, для материнского рода потребность питания, для рода патриархального — половое влечение, а для семьи — влечение к господству над окружающей средой», причем «общественные учреждения» являются «выражением общего ощущения...». Чувствуя беспомощность и бессодержательность построения, Ключевский вдруг смело раскрывает собственные сомнения и спрашивает: «Что же значит положение: естественные союзы сменяются в порядке пробуждения личных естественных влечений?» В личной жизни никакого «порядка естественных влечений» нет, а порядок «обобщения личных потребностей» зависит от устойчивости потребностей, трудности их удовлетворения, «условливаемой свойствами окружающей природы...». «Итак, мы вовсе не нашли закона развития естественных союзов», мы только составили схему этого развития, в которой встретили «взаимодействие личности, физической природы человека, внешней природы, его окружающей, и общества». Скороговоркой он поясняет, что мог бы привести и другой пример исторического закона — «как личные ощущения под влиянием непрерывной смены поколений превращаются в общественные идеи, проходя через стадии обычая, закона, верования, предания и принимая форму общественных нравов, а потом облекаясь в поэтические воспоминания...». Но на этом он обрывает пример.

Итог поисков исторических законов привел лектора к явному краху. Он не смог формулировать ни одного. Завершая, он спешит перейти к формам исторической критики (критика источников,

критика прагматическая и критика «высшая», «собственно историческая»). Последняя (19-я) лекция посвящена сравнительному значению обоих исторических методов — субъективного и объективного. Ключевский признает оба метода законными для историка. «Субъективное историческое изучение есть популярное изучение истории» — оно делает из истории средство общественного воспитания. Начиная преподавание истории, по мнению Ключевского, и не надо вводить в него приемов объективного метода, этот метод надо сохранять только для себя. Оба метода прилагаются и к изучению «местной истории». Субъективный делает ее средством «для развития национального сознания», объективный связывает ее изучение с историей всеобщей; изучается как своеобразие местного исторического процесса, так и связь его с общеисторическим движением. «Итак, отдельные приемы изучения местной истории должны вести к одному конечному результату — к составлению ее общей схемы».

Этим указанием и заканчивает Ключевский «изложение общих оснований исторической методологии», чтобы перейти к другому курсу — к изучению терминологии русских исторических источников. Эта концовка свидетельствует, что рукопись исторической методологии дошла до нас в законченном виде.

Не может быть сомнений, что курс «Методологии» оставил автора глубоко неудовлетворенным. Об этом свидетельствует не только тот факт, что Ключевский не издал этого курса, что он пролежал у него где-то в кабинете не менее 24 лет (он до сих пор не издан). Не менее выразительно говорит об этой неудовлетворенности и возврат к тем же методологическим вопросам накануне 1905 г. — дневниковые записи запечатлели мучительный и безысходный процесс мыслительной работы над теми же вопросами.

Историк потратил массу труда на методологический курс, перечитал немало книг, хотел решить вопросы для себя самого. Но труд не увенчался успехом. Он работал, тащась в хвосте отсталых авторов-идеалистов, пытался сложить целое из груды обветшавшего методологического материала. Кризис буржуазной исторической науки ярко ознаменован в курсе «Методологии» Ключевского. О многом его интересовавшем он и не решился сказать. Его конкретно-историческое повествование, оставаясь идеалистическим в своих исходных позициях, много выше «Методологии». Самой любопытной чертой «Методологии» была, как уж говорилось, практическая бесполезность ее для самого автора — он не испытал необходимости пользоваться ею. Он проверил ею себя, убедился в крахе попытки и больше к курсу «Методологии» не возвращался. Позже он испытал нужду лишь в некоторых видоизмененных и облегченных положениях, выданных за общеизвестные истины, только для общего введения к «Курсу русской истории».

Лекции об исторической терминологии входили в единый замысел задуманного Ключевским лекционного комплекса. Как мы помним, он писал в апреле 1884 г. декану факультета Н. А. Попову, что предполагает на следующий год для исторического отделения курс «о методе, терминологии и основных источниках русской истории».

За курсом «Методологии», прочтенном в предшествующем академическом году, и последовал с осени 1885 г. курс «Терминологии»¹². В историографии его можно назвать уникальным — ни до, ни после Ключевского не появлялось такого цельного, оригинального и крайне нужного для изучения исторической науки специального лекционного курса.

«Под терминологией русской истории я разумею изучение бытовых терминов, встречающихся в наших исторических источниках», — определил Ключевский тему курса, оговорив, что не будет останавливаться на терминах общепонятных и что расположит избранные им «не в алфавитном порядке, а по разрядам обозначаемых ими бытовых явлений». Слово «бытовые» далее понимается скорее в смысле «бытующие», возникающие в историческом процессе, нежели «обыденные».

Курс уместился в 11 лекций, т. е. занял даже несколько менее одного семестра. Все термины русской истории Ключевский подразделил на пять групп. В первую включались термины политические, относившиеся к территории и ее «административным делениям». Русь как племя, сословие, область, государственная территория; во вторую группу входили термины, относившиеся к верховной власти: князь, князь-государь, государь-царь и великий князь всея Руси; лекция заканчивалась схемой развития древнерусской верховной власти. Три следующие лекции (2—4-я) посвящались общественному делению — составу общества древней Руси до середины XIII в. Разбирались такие термины, как «княжи мужи», или дружина, бояре, гридь, отроки, кметы, люди, гости, купцы, старцы градские, смерды, закупы, холопы, церковные люди. В составе общества удельных веков (XIII—XV вв.) рассматривались служилые люди, черные люди, холопы; в составе общества XVI—XVII вв. — чины служилые и чины земские, в числе последних — тяглые и посадские люди, гости, гостиная, суконная и черная сотни и слободы, уездные люди; в составе нетяглых — гулящие люди, холопы, в связи с последними — служилая кабала, заемная кабала и жилая запись. Заканчивалось изучение общественного состава вопросом о делении на классы, которые Ключевский только что обошел молчанием в своем методологическом курсе, но без которых, как видим, не смог обойтись даже при изучении терминологии. Этому классовому делению посвящена 4-я лекция. Автор,

как и следовало ожидать, по-прежнему придерживается взгляда, что классы могут формироваться как на политическом, так и на экономическом основании, волей власти сверху и экономическим процессом снизу: «Политическое деление общества было делом княжеской власти. Деление экономическое шло от другой силы — от промышленного капитала, который сосредоточивался в больших промышленных городах» XII в. Находя, как видим, промышленный капитал в Киевской Руси и принимая двоякое происхождение классов, Ключевский не скупился на количество последних, он видит в древности «класс бояр», «класс наймитов или закупов», даже «класс тиунов» среди холопов. В удельный период (XIII—XV вв.) общественное деление упростилось (бояре, вольные слуги, черные люди), причем в то время «классы общества различались по роду княжеского капитала, который они брали у князя в пользование, и по роду услуг, которыми они платили князю за пользование этим капиталом». Теоретической основы этих рассуждений мы не встретим в «Методологии» Ключевского, хотя они ему очень нужны. Он исходит от распространенного положения буржуазной науки — исконного, постоянного для всех периодов существования капитала, «род» которого и является основой для разграничения общественных классов. С объединением Руси под властью московского князя появились «классы», отличавшиеся друг от друга повинностями, наложенными государем, и, поскольку эти повинности приносили государству неодинаковую пользу, поэтому и классы, которые несли их, «пользовались неодинаковым значением в государстве»¹³.

Как видим, взгляд Ключевского на происхождение и суть классов далек от нашего понимания и не выдерживает марксистской критики. Но тем не менее он очень примечателен для буржуазного ученого 80-х годов, ищущего истины. Он подводит его к необходимости — полной и неустранимой — заниматься общественными классами и вводить их в число основных понятий анализа. В этом сказывается характерный признак кризиса буржуазной науки и самого направления поисков ученого. Он ищет и не находит в своей теории понятия «классы». Идя по пути неизбежно развивающегося научного движения, он доходил до стены, ограничивающей его буржуазное мировоззрение, и бился около нее, не имея сил ее проломить, но уже завоевав понятие самой необходимости мыслить иначе.

Четвертая группа терминов относилась к органам управления в древней Руси — рассматривались правительственно-судебные учреждения (термины «Боярская дума», вторично — «старцы градские», «вече», «посадники тысяцкие», «тиуны», «ябетники», «пути», «бояре»; налоги: дани, соха, обжи, тягло, кормы, подати и др.; судебные термины — «довод», «послушество», «суд божий», «поле», «присяга», «жребий», «правеж», «торговая казнь», «ба-тоги» и пр.; термины древнерусской приказной канцелярии —

«дьяки», «подьячие», «посулы» и др.). Все завершалось терминами экономического быта — в составе городов рассмотрены: город — двор, город — село, город — застава, город — посад торговый; в составе сел и деревень: слободы, село, княжеские села, погост, весь — деревня, деревня — двор и др. Курс завершён лекцией, посвящённой деньгам (даны определения терминов: «скот», «куны», «пенязи», «деньги», «гривна кун», «ногата», «купа», «резана»). Тут учтены выводы предшествующих работ Ключевского о русском рубле и о хлебной мере в древней Руси¹⁴.

Давая определения исторических терминов, Ключевский иногда втягивается ходом изложения в историографию вопроса, которую он, как правило, не освещал в предыдущих работах. Действительно, невозможно определить термин «Русь», не приводя мнений Татищева, Болтина, Байера, Шлёцера, Погодина, Соловьёва. Этого рода историографическая работа как бы готовила его следующий курс, посвящённый историографии. Подход с позиций истории исторической науки нов для него. Он далеко не во всех случаях противопоставляет прежним определениям термина свое личное мнение. Как правило, он уклоняется от спора, чаще всего приводя свое мнение без сопоставлений с предшественниками.

Сейчас мы не удовлетворимся определением закупа как «работника» и ролейного закупа как «наймита, сажившегося на чужую землю со ссудой»; современная историческая наука после работ Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина и ряда других исследователей выдвинула гораздо более сложное и тонкое определение, в котором учтён момент наличия у закупа собственного хозяйства, права перехода его в положение свободного человека и ряд других юридических особенностей (право обращения к суду, ухода для поиска денег и пр.). В марксистской концепции положение закупа соотносено с общим понятием феодальной зависимости, отрицаемой Ключевским. Понятие «смерд» у Ключевского («смердами называлось все свободное сельское население») также отличается от современного; мы не примем определения Ключевского «смерд, таким образом, — государственный крестьянин, живший на княжеской, государственной земле»¹⁵.

Законен вопрос, как отразился в этих лекциях только что прочитанный курс «Методологии», где лектор систематизировал свои историко-теоретические положения и, как можно было бы предположить, вероятно, внес для себя самого ясность в способы исследования исторических явлений и философскую их основу. Можно ответить одно: никак. Мы не встречаем в разбираемом курсе ни исторических «сил», ни «элементов» и их сочетаний. Курс «Терминологии» — результат его обширных конкретных изысканий, показатель его огромной исторической эрудиции. Излагая его, он «обошелся» без той исторической теории, которую сам только что изложил. Наоборот, он нуждается именно в тех теоретиче-

ских положениях, которых не мог коснуться в методологическом курсе по мотивам «безопасности»: вопрос об общественных классах, удаленный оттуда, властно вошел в конкретный курс «Терминологии». Вместе с тем именно тут, где, казалось бы, можно, определяя термины, держаться узкофактических рамок изложения, лектор счел нужным сказать о необходимости общей исторической концепции изучаемого процесса или, как выразился Ключевский, «схемы» процесса. Раскрывая значение терминов верховной власти в своем терминологическом курсе, он закончил первую лекцию словами: «Историческая схема или формула, выражающая известный процесс, необходима, чтобы понять смысл этого процесса, найти его причины и указать последствия. Факт, не приведенный в схему, есть смутное представление, из которого нельзя сделать научного употребления»¹⁶.

Советская историческая наука сильно продвинулась вперед в изучении немалого числа тех конкретных явлений, которые определены в курсе «Терминологии». Но и сейчас курс является ценным пособием, к которому, к сожалению, историки не привыкли обращаться как к справочнику, — работа пролежала в столе Ключевского (хотя он намеревался ее издать) более четверти века и сверх этого еще более 70 лет в архивах. Историки не имели возможности «привыкнуть» к этому ценному научному справочнику, почти столетие не существовавшему в научном обороте. В этом отношении курс «Терминологии» разделил печальную судьбу работ, не увидевших своевременно света.

4

Центральным в замысле «Боярской думы» был, как мы помним, вопрос об отражении положения правящих классов русского общества в истории учреждения. Ключевский намерен был даже назвать свой труд политической историей боярства. Вопрос о смене боярства дворянством в дальнейшей истории российского правящего класса был следующей проблемой, логически связанной с предыдущей. Замысел монографии не был выполнен до конца, пришлось даже затушевать его в печатном тексте появившейся книги, но сильный исследовательский интерес к истории правящих классов, к социальной истории России у Ключевского не только остался, но расширился и усложнился. Исследование истории крестьян в соотношении с привилегированными классами создавало полноту проблемы. Работа Ключевского о происхождении крепостного права увидела свет в 1885 г. Добавить бы городские сословия, и картина социального развития приобрела бы законченность.

Тема курса «История сословий в России», таким образом, органически выросла из предыдущей работы. В 1886 г. Ключевский объявил специальный курс по истории сословий в России¹⁷.

Новый курс слушался в условиях все большего стеснения университетской жизни. Реакция брала свое. Ранее общий курс истории читался в университете в течение двух лет — на первом и втором курсах. Он начинался с древнейших времен и доходился примерно до середины XIX в. Первая его половина — до XVI в. — вмещалась в часы первого курса, последующие века составляли предмет второго курса. Общий курс русской истории был обязателен для студентов историко-филологического факультета и первого курса юридического. Посещали же лекции Ключевского студенты самых разных факультетов, до предела забивая Большую словесную — самую емкую из аудиторий «нового здания» Московского университета. С 1885 г. новый университетский устав, наложив тяжелую печать реакции на всю университетскую жизнь, коснулся и учебных планов: курс русской истории был вообще снят для студентов-юристов, а для историко-филологического факультета время, положенное на слушание общего курса, было вдвое сокращено — теперь курсу отводился только один учебный год, т. е. два семестра вместо прежних четырех.

Начало чтений по новому плану было назначено с января 1887 г., таким образом, у Ключевского освободилось все второе полугодие 1886 г., которое он и занял курсом истории сословий. Лектор предполагал первоначально довести курс до издания жалованных грамот Екатерины II (1785 г.), но не успел и завершил его лишь царствованием Петра I. Таким образом, самый опасный момент о «завоевании» дворянством крестьянства, центр «антидворянского силлогизма» Ключевского, не получал раскрытия в лекциях. Может быть, это и совпадало с внутренним желанием лектора, поскольку середина 80-х годов была тяжелым временем и освещение столь острого вопроса в его понимании могло бы привлечь к курсу излишнее внимание правительственного надзора. Пока Ключевский числился еще в «благонадежных», несмотря на участие в редакции «Русской мысли», которая, как мы увидим дальше, заинтересовала наблюдателей¹⁸.

Очень важно отметить, что Ключевский понимал свою тему не как юрист, историк русского права, хотя сословия неизбежно требовали освещения юридической стороны, и она, разумеется, освещалась. Существо проблемы он понимал как социальную историю русского общества, облакаемую в процессе своего возникновения и развития известными юридическими формами. Но законно спросить, как же станет историк изучать социальную историю России, когда только что, год назад, он обошел в своем курсе «Методологии» вопрос об общественных классах? Если он не признаёт этой категории и даже не вводит ее в состав методологического рассмотрения, то что же, собственно, он будет изучать? Тревоги напрасны. Опасная тема классов, только что пропущенная в методологическом курсе, властно воскресает в «Истории со-

словий в России» — термин «класс» звучит там чуть ли не на каждой странице, без него невозможно вести исследование. Но — увы! — понимание класса в научном мировоззрении Ключевского, пронизанное ложными, идеалистическими критериями, не служит орудием научного анализа. Классы вновь определяются как исконная, постоянно существующая внеисторическая категория. «Различием вещей и услуг определялось деление общества на классы». «Классы различались между собой родом капитала, которым работал каждый класс». Отношения между классами лишены антагонизма — «люди сами отдавались тем, в чьих руках скопился капитал, кто давал им хлеб, т. е. средство для работы». По мнению Ключевского, «неравенство в современном государстве есть неравенство лиц, а не классов». С такими предпосылками Ключевский принимался за изложение истории сословий в России¹⁹.

Историографию темы «История сословий» Ключевский начинал именем С. М. Соловьева, уделившего истории сословий в России большое внимание уже в своих лекциях с середины 40-х годов и соответственно — в своей многотомной истории, а также в «Исторических письмах» (1858 г.), произведших большое впечатление на современников. Но позже общая проблема раздробилась и потекла по монографическим руслам: Б. Н. Чичерин исследовал вопрос о холопах и крестьянах XVI в., И. Д. Беляев в «Крестьянах на Руси» (1860 г.) дал опыт цельной истории одного из сословий, И. И. Дитятин написал «Устройство и управление городов в России» (т. I, 1875; т. II, 1877), А. В. Романович-Словатинский изучил историю дворянства (1870 г.), П. В. Знаменский — историю приходского духовенства (1872 г.). «Совсем не было сделано попытки представить связное изложение истории сословий в России в их взаимодействии», — справедливо пишет Ключевский, делая некоторую оговорку лишь в связи с работой А. Д. Градовского (оставшейся незаконченной) об истории местного управления в России (1868 г.). Ключевский замечает, что «сословные реформы минувшего царствования» явились «толчком», возбуждившим в науке интерес к истории сословий: «Историческое изучение обыкновенно цепляется за сильное движение, обнаруживающееся в обществе, и стремится иллюстрировать то, что становится насущным интересом минуты, дать ответ на вопрос, составляющий злобу текущего дня»²⁰.

Таким образом, общая история сословий в России являлась тогда назревшей научной задачей и была вызвана к жизни потребностями времени.

Курс состоял из 22 лекций и заканчивался временем Петра I. Лишь две лекции (11-я и 19-я) посвящены целиком крестьянскому сословию, бóльшая часть остальных заполнена историей привилегированных, «высших» классов; в ходе изложения, разумеется,

встречаются экскурсы в историю крестьянства, взятого главным образом с позиций его правовой зависимости от землевладельцев и государства.

Четыре первые лекции посвящены вводной проблематике — предмету курса, понятию сословия, происхождению сословий, их периодизации. Происхождение сословий может быть, по Ключевскому, двояким — политическим и экономическим. «Экономические классы превращались в политические сословия»²¹. Сословие могло возникнуть из экономического давления общества, но могло быть организовано и правительством — сверху. В том случае, если чуждое пришлое племя завоевателей поработало завоеванное общество, оно «захватывало распоряжение народным трудом» и превращалось в правящее сословие. Мы встречаем у Ключевского и тут завоевателей-варягов на заре Киевской Руси. Но роль их завоевания понимается более усложненно, чем на отвергнутых страницах начальных глав «Боярской думы», особенно в их первом варианте. Ключевский подчеркивает теперь, что первоначальным источником, подготовившим завоевательную роль варягов, было следующее существенное обстоятельство: «Прежде, чем стать с оружием в руках над покоренным населением страны, этот класс (варяги! — *М. Н.*) стянул в своих руках нити его хозяйственного оборота». Поэтому раннее, но довольно «резкое» сословное деление в Киевском государстве вышло из «сложного экономического и политического процесса». Тут, собственно, признается наличие обоих факторов — завоевательного и экономического, с преобладанием и решающей ролью в конечном счете первого. Но в теоретической части введения отведено место еще для одного «завоевания» русского населения: кроме «чуждого пришлого племени», вторгнувшегося «со стороны», завоевателем мог оказаться и «особый класс, сложившийся в самом обществе для его защиты от внешних врагов» и потом завоевавший «защищаемое общество»²². Эта теоретическая заготовка имеет в виду российское дворянство, в XVIII в. «завоевавшее» русских крестьян, расправившееся с ними и ограбившее их похуже иных завоевателей. Рассчитывая довести курс истории сословий до жалованных грамот Екатерины II и характеризовать процессы укрепления дворянства, Ключевский, очевидно, намерен был в истории сословий раскрыть и свой «антидворянский силлогизм», показав всю паразитическую и грабительскую суть российского дворянства. Оборвав курс истории сословий на Петре I, он избежал этой опасности, и теоретическая формула о вторых завоевателях России в данном случае не нашла конкретного выражения.

Но Ключевский не остановился перед изложением своего понимания хода общеисторического развития сословного строя — понимания, которое никак не пришлось бы по душе власть предержащим. «Постепенное исчезновение сословных различий —

общий факт европейской истории», — формулирует он основное положение второй главы своего теоретического введения. Сословный строй постепенно разрушается, личность высвобождается, представительная система, противоречащая сословному строю, берет верх. С XV в. на западе и гораздо позднее на востоке Европы «в умах и законодательствах обнаруживается стремление к постепенному уравниванию сословий»²³. Это можно было бы признать даже историческим законом, если будет доказано, что он повторяется в политических союзах других частей света. Сословия идут к своей гибели, к историческому исчезновению.

«Воинская повинность падает на всех граждан в возрасте, способном нести ее, потому все граждане участвуют в выборе народных представителей»²⁴, — говорит Ключевский с кафедры в стране, где нет народных представителей, но существует общая воинская повинность. Государственный порядок состоит «из двух параллельных рядов» — обязанностей граждан и соответствующих прав. «Вот оба эти ряда: общая воинская повинность и общее голосование», — говорит с кафедры Ключевский в стране, где нет общего голосования.

Ключевский прочел курс истории сословий единственный раз, в 1886 г. Он тщательно его отделил и хотел опубликовать, но не опубликовал — едва ли это случайно. В обстановке усиления реакции и начинающихся контрреформ курсу московского профессора не посчастливилось бы. Можно лишь удивляться, что его курс не обратил на себя своевременного внимания властей.

Особо любопытна трактовка будущего государства в курсе истории сословий. Современное ему государство, в глубоком отличии от историко-юридической школы, Ключевский не считает вечным, а форму буржуазного правового государства — его конечной формой. В курсе истории сословий Ключевский повторяет эти же мысли. Более того, в теоретическом введении к «Истории сословий в России» он развивает некую утопическую картину будущего, которой, очевидно, отдано его сочувствие: «Может быть, и капитал утратит политический вес, уступив свое место другой силе, например науке, знанию; по крайней мере о возможности управлять обществом посредством этой силы давно мечтали многие, мечтают и теперь. В государственном механизме, который будет приводиться в движение этой силой, также не будет ни равенства, ни сословий; их место займут ученые степени и в законодательных собраниях депутаты с (имущественным. — М. Н.) цензом очистят скамьи для делегатов ученых обществ с дипломами». Он говорит далее, что современное (читай буржуазное) общество устраивает свое государственное управление по типу акционерной компании, где политический вес лиц зависит от количества голосов, а последнее определяется «количеством акций». Будущее государство будет устроено по образцу школы «с разделением на

учеников и учителей и с подразделением последних на старших и младших». Таким образом, капитал перестанет быть движущей силой общества и будет заменен авторитетом знания²⁵.

Можно еще раз удивиться, что подобного рода лекция не привлекла к себе внимания университетского надзора.

* * * * *

Рассматривая ту периодизацию истории сословий, которая предложена в разбираемом курсе, и сопоставляя ее с общей периодизацией русского исторического процесса, принятой ранее Ключевским в общем университетском курсе 1883/84 г., мы видим, что за два года произошел известный сдвиг, характеризующийся стремлением продвинуться от колебаний поиска к более обобщенному, лапидарному стилю. «История сословий» подразделяется Ключевским на четыре периода.

Проведем сопоставление периодизаций в общем курсе и в «Истории сословий в России»:

В общем курсе
1883/84 учебного года

В «Истории сословий в России»
(1886 г.)

Первый период

Первый период

«С VIII, приблизительно до конца XII в.».

«С IX до конца XII в.».

Второй период

Второй период

«Приблизительно с конца XII в. до половины XV-го».

«Удельные века (XIII, XIV, XV)».

Третий период

Третий период

«Приблизительно с половины XV-го и до половины или конца XVII-го в.».

«Московское государство (в XVI и XVII вв.)».

Четвертый период

Четвертый период

«С конца XVII стол[етия] и до начала минувшего царствования (Ал. II)».

«...XVIII в[ек]»²⁶.

Ключевский сглаживает ранее условный характер ряда дат, снимает слово «приблизительно» и колеблющуюся формулу «до половины или конца XVII в.». Даты округлились, застыли, но стали определеннее. Конечно, в первом случае (левая колонка) это — периодизация общеисторического процесса развития России, во втором (правая колонка) это — периодизация истории сословий в России. Но именно этой последней предпосланы слова: «Общество несколько раз делилось и переделывалось, неоднократно меняло свою юридическую физиономию и свой состав», — поэтому сопоставление допустимо, сохраняет общий характер и не лишено интереса.

Подводя итог периодизации истории сословий в России, Ключевский резюмирует — основанием, на котором строилось сословное деление, было: в первом периоде «завоевание или вооруженное давление, во втором — хозяйственный договор с князем, в третьем — различие государственных повинностей и в четвертом — различие государственных и гражданских прав»²⁷. Нельзя не признать эту периодизацию в определении существа периода (не в ее датировке!) иной, чем формально-юридической, и при этом построенной без единого критерия для всех периодов. Характеристика первого периода в последующих главах не совпадает с определением, данным во вводной части той же книги. Разница столь существенна, что необходимо параллельное сопоставление трех текстов (см. стр. 278).

Сопоставляя эти три характеристики одного и того же периода, никак нельзя признать их однозначными. Нельзя понять их и как последовательное, более подробное развитие одного и того же деления. Тут налицо колебания исследователя, поиски новых критериев и явная неуверенность в содержании термина «класс», в его применении. Первая формулировка только о завоевании не удовлетворила Ключевского, и он во второй формуле стал искать для явления более ранних экономических предпосылок, которые почти уничтожили завоевательный характер, ранее казавшийся верным. В третьем варианте автор ищет моменты, осложняющие и ослабляющие предшествующую экономическую формулу, и, наконец, снимая ее совсем для второго периода, пытается совместить «капитал» с завоевательным насилием и давлением власти сверху как решающей силой.

Мы видим, что «двойное основание» Киевского княжества и сословий в нем, предложенное во второй формуле, теперь вообще отсутствует в периодизации и экономический момент в ней совершенно опущен. Вывод один: автор, очевидно, еще не закончил думать над книгой, процесс творчества не был завершен — в выводах Ключевский колебался. Он, по-видимому, склонялся ко второй формуле, более гибкой, включавшей экономический элемент, исключавшей прямолинейность первой, затем резко отступил от опасной черты и стал искать компромисса.

Первому и второму периодам истории сословий Ключевский посвятил по две лекции; более всего (10 лекций!) — третьему, обнимавшему XVI и XVII вв., четвертому (XVII—XVIII вв.) — только три, поскольку не успел довести курс до намеченного 1785 г. — жалованных грамот Екатерины II.

Второй период (с XIII по XV в.) — «удельные века» — основан на другом принципе деления сословий, здесь «другое основание, которым служил хозяйственный договор свободного лица с удельным князем». В третьем периоде (XV—XVII вв.), когда создается Московское государство, «основанием сословного деле-

(текст, посвященный обшей периодизации истории сословий)

Характеристика первого периода (XI—XII вв.)

«Первая формация русского общества, какая нам известна, обнаруживается в памятниках права XI и XII вв. По этим памятникам мы видим, что общество делилось на две резко разграниченные и неравные половины (I), и первоначальным основанием деления служило завоевание или вооруженное давление. На этом основании строилось или держалось общество с IX до конца XII в.» (стр. 38).

«Завоевательная роль военно - правительственного класса была подготовлена его экономическим значением, раньше создавшимся. Прежде чем стать с оружием в руках над покоренным населением страны, этот класс стянул в своих руках нити его хозяйственного оборота. Из этого сложного экономического и политического процесса и вышло довольно резкое сословное деление, какое открывается в памятниках XII в. Согласно с двойным происхождением Киевского княжества, военно-промышленным, и это сословное деление имело двойное основание» (стр. 46—47).

«Итак, в продолжение первого периода преемственно обозначились три формации русского общества, из которых каждая следующая была осложнением предыдущей. Первоначально общество распалось на два класса — на завоевателей и побежденных. Потом общество разделилось на три части (?) — на военно-правительственный класс, свободное простонародье и крепостную челядь. Наконец, эти три класса подразделились на привилегированных землевладельцев, свободных горожан, государственных крестьян, владельческих крестьян и на холопов, привилегированных и рядовых. Первая формация строилась вооруженной силой, завоеванием, вторая — законодательной властью, которая создана была этой силой, третья — работой капитала, который установлен был завоеванием и общественные последствия которого должна была признать законодательная власть. Таким образом, завоевание послужило исходным пунктом сословного процесса, совершавшегося в первый период, и направляло его во всех моментах, последовательно им пройденных» (стр. 58).

ния служило различие государственного тягла, разверстанного между классами общества по их хозяйственным положениям». Четвертый период (XVIII в.) отмечен новым, четвертым основанием сословного деления — им является «различие прав, распределенных между сословиями по их политическому значению»²⁸.

Тщетно ищет читатель какое-либо закономерное объяснение смене выдвинутых критериев деления, — объяснения нет. Можно уловить в их смене лишь рост сословных прав — повинности сословий сменяются правами в последнем периоде их существования. Ключевский кратко резюмирует: «В первом периоде этим основанием было завоевание или вооруженное давление, во втором — хозяйственный договор с князем, в третьем — различие государственных повинностей и в четвертом различие государственных и гражданских прав». Почему произошла смена? Ответа в книге нет. Не является ли все же гегельянское восхождение по ступеням раскрытия самосознания духа скрытой историко-философской подосновой предложенной схемы? Она осложнена экономическим моментом второго периода, так сказать, «заземлена», поставлена на почву хозяйства после тяжелого внешнего давления завоеванием. Но почему экономическая основа дарована только второму периоду и отсутствует в остальных? Далее следует постепенная подготовка достижения высшей цели — развития «гражданских прав», и только, причины этого движения не вскрыты.

Книга насыщена ценным описательным материалом. Он собран Ключевским в итоге значительной исследовательской и историографической работы — это учет трудов, совершенных его научными предшественниками, но к нему в огромной мере добавлено добытое им самим. От характеристики княжих мужей, людей, холопов Киевской Руси Ключевский переходит к боярам, закупам, тиунам, смердам и к раннему положению духовного сословия. Второй период — удельный — несет в себе, по Ключевскому, некоторое снижение уровня развития, достигнутого Киевской Русью: происходит исчезновение мысли о политическом подданстве и замена его подданством личным. Характеризовав отношение «черных», или земских, людей к удельному князю, автор останавливается на слугах «под дворским» как «переходном классе» между служилыми и черными людьми, причем подчеркивает значение хозяйственного договора в личном подданстве. Далее характеризуется роль холопов и их хозяйственные разряды. Закладни также являются «переходным классом» между свободными людьми и холопами. Введено, таким образом, понятие «переходный класс».

Особенно богата описательная характеристика чинов Московского государства XVI—XVII вв. — чинов служилых по отечеству, чинов служилых по прибору, чинов тяглых, посадских и уездных. Характеризовано посадское население Москвы, гости,

гостиная, суконная и черная сотни и черные слободы. Особо выделена крестьянская тема — крестьяне черные и дворцовые, крестьяне крепостные, холопы — полные, докладные, кабальные, жилие. Сложная таблица чинов Московского государства наглядно показывает структуру его общественного деления. В трех крупных группах — а) служилые люди, б) тяглые люди и в) люди нетяглые — заключено почти три десятка разнообразных социальных категорий сословного строя Московской Руси²⁹. Эта Русь уже является государством, чего нельзя было сказать, по мнению Ключевского, об удельном периоде. В силу новых явлений — возникновения национального сознания и целей народного блага для правительства — она приобретает право именоваться государством. Как видим, в концепции Ключевского государство продолжает пребывать в качестве бесклассовой силы, заботящейся о всеобщем народном благе.

Богатая фактическим материалом конкретная характеристика думных чинов, чинов служилых городских, служилых людей по прибору, разверстка тягла насыщает лекции. Положение кабального холопства, его влияние на крестьянскую ссудную запись и в этой связи возникновение крестьянской крепости из ссудной записи, крепостного права из крестьянской задолженности помещикам воспроизводят результаты только что вышедшего перед этим нового труда Ключевского «Происхождение крепостного права в России» (1885 г.).

Новизна последнего, четвертого периода в истории сословий — это возникновение понятия «сословное право». Доселе речь шла только о сословных повинностях, обязанностях перед властью. Собственно, инициатива тут опять за могущественной бесклассовой государственной властью, которая сама насаждает сословное право «как средство удерживать классы в кругу их обязанностей». Чиновные выгоды закрепляются и оформляются как сословные права. Чувствуя неясность в лекционном изложении (оно было прервано именно на этом месте), Ключевский додиктовал А. Юшкову большой новый текст, завершавший лекцию: «Теперь лицо, прежде чем войти в известное состояние, должно было приобрести право на это, прежде чем принималось за известные занятия, обязано было вступить в тот общественный класс (!), которому это занятие было усвоено законом, как его сословное преимущество». Довольно трудно представить себе «обязательство» вступления в общественный класс. Отсутствие теоретического понимания базисных общественных процессов — органический недостаток предложенной концепции общественных сословий Ключевского. Не помогает и «обратное» требование — все владеющие землей «должны войти в состав служилого класса», все занятые торгом и городскими промыслами «обязаны примкнуть (!) к классу посадских людей». Таким образом, прежние чины сомкнулись, оче-

видно, силой государства в несколько крупных классов или сословий. «Посредством принудительной сословной приписки» они были сомкнуты, соединены в более плотные, постоянные составы и обособлены друг от друга. Поскольку последняя эпоха характеризуется возникновением и ростом именно сословных прав, читатель, естественно, ждет точного наименования последних. Право личного землевладения стало «исключительным правом служилых людей», «право торговать и промышлять в городе присвоено было исключительно посадским людям»³⁰.

Но какое же исключительное сословное право получили крестьяне? Оказывается, право на сельскохозяйственный труд... «Став сословным правом» (!), этот последний «начал объединять сельское население, дотоле разбитое на различные юридические состояния». Выходит, что ранее крестьяне не имели права на сельскохозяйственный труд и пахали и сеяли без этого права... Вся теснейшая зависимость самого Ключевского от идеалистической историко-правовой школы, против которой он несколько лет назад намерен был открыто бороться, оказывается вне сомнений в итоговых обоснованиях «Истории сословий в России». Далее мы находим и «честь чинов как источник сословных прав», она рождалась из государственной оценки «сравнительной пользы, приносимой государству разными общественными чинами». Новая «группировка общественных классов», указанная выше, соединялась с новой «сословной группировкой», косвенно содействовала «разрушению старой лестницы чинов».

Разрушению этому посвящена последняя лекция, подводящая к периоду Петра I и характеризующая произведенные при нем преобразования земского управления. Распространяя податное тягло и повинности ратной службы «на все большее количество классов», Петр постепенно готовил превращение их «во всесословные государственные обязанности»³¹.

В чем же общий вывод «Истории сословий в России»? Читатель ждет в нем какого-то итога соотношения процессов образования классов и возникновения сословий, вырастания в русском историческом процессе хотя бы того явления, которое Ключевский даже соглашался в начале своего курса признать на определенных условиях общим историческим законом — постепенным уравниванием сословий в ходе исторического процесса. Но ожидание напрасно. Озаглавливая заключение курса словами «Обзор прочитанного и *главный вывод*», Ключевский занят другим. Он сосредоточивает изложение на утлой формуле, гласящей, что основанием каждого последующего сословного деления становились последствия, вытекавшие из деления предшествовавшего: «Каждое последующее деление цеплялось за последствия предыдущего. Таков *основной вывод*, вытекающий из истории наших сословий». Это две последние фразы, завершающие курс.

Вывод этот надо признать небогатым. В самом ходе предшествующего изложения виден гораздо более сложный первоначальный замысел. Создав методологический курс, в котором начисто обойдено понятие «классов», Ключевский в следующем же году на основе огромной эрудиции и исследования не только истории «высших» правящих классов, но и новых научных работ, посвященных русскому крестьянству, создает курс «Истории сословий в России», где термины «класс», «общественный класс», «классовый» можно найти чуть ли не на каждой странице. Но принятое им толкование «классов» как отличающихся друг от друга «родом капитала, которым работает каждый», и презумпция мирного классового сосуществования при бесклассовом государстве «общего блага» как верховной силе, творящей историю, не дает понятию «класс» рабочей функции в исследовании истории, не выводит автора на путь историко-материалистического изучения и понимания реальной исторической действительности. Исконно существующие «классы» общества, замыкаемые государством в сословия во имя общего блага, бессильны вместить движение исторического процесса и дать возможность раскрыть закономерности исторического развития.

Буржуазная ограниченность ученого бывает разной. Она может выразиться в самодовольной уверенности, что ложные выводы, им предлагаемые, истинны и непоколебимы, в презрительном отвержении идей инакомыслящих, в надменном прокламировании своих результатов как истины в последней инстанции. Ключевский был другим. Он был весь в поиске истинного. Он охотно и трудолюбиво работал с категорией, залетевшей к нему из чуждого — историко-материалистического мировоззрения, но, внедряя ее в свою концепцию, немедленно приводил в столкновение с границами буржуазной идеологии, разбивал категорию на куски об эти глухие и жесткие границы, стремясь приспособить ее к ним, не имея сил разбить эти границы, чтобы сохранить действенность категории. Разбив ее и переклеив на свой лад, лишив ее рабочей функции, он бился с ней в этих непреходимых границах, не получая желанного удовлетворения. Это сложное и противоречивое положение порождает у него чувство неудачи поиска, что является основой драмы Ключевского как ученого. Законченная, литературно отделанная, тщательно «додиктованная» ученику и предназначенная для печати «История сословий в России» тем не менее пролежала в письменном столе автора ровно 25 лет — четверть века! — и так и не увидела света при его жизни. Ученый не захотел опубликовать ее. Его ученик, не имея полномочий от умершего учителя, поспешил издать ее ровно через два года после его смерти (в 1913 г.).

Раньше, чем перейти к курсу историографии, впервые прочтенному Ключевским в 1888/89 учебном году, надо сказать о некоторых существенных событиях его жизни, входивших в общие условия работы в эти годы.

Реакционный характер устава 1884 г. был очевиден. Под его гнетом студенчество несло урон и в своей общественной борьбе, и в требованиях академических прав. В этой обстановке весть, что Ключевский, любимый профессор, известный либеральными настроениями, конституционными симпатиями, разоблачениями русского дворянства и самодержавия, принимает пост декана историко-филологического факультета, вызывала смущение и разнообразные толки. Восторжествовало мнение, что Ключевский делает это «нарочно», с замыслом — смягчить возможные удары, которые падут на студенчество, отвести другие, предусмотреть третьи. То обстоятельство, что никаких симпатий к новому уставу профессор не питал, было общеизвестно. С 27 сентября 1887 г. Ключевский принял пост декана и пробыл в этой должности до 28 марта 1889 г., т. е. ровно полтора года. Деканство плохо удавалось ему. Мелочные организационные дела утомляли и тяготили его, отнимали массу дорогого времени. Вспышки личных обид и недовольства хорошо знакомых людей раздражали и удивляли. Задетый громкими жалобами профессора Н. С. Тихонравова на расписание лекций и якобы допущенный им, деканом, произвол, Ключевский писал ему в ноябре 1888 г.: «Я готов сам просить всех жаловаться на мою деканскую неспособность, чтобы этим подготовить мне разрешение начальства сложить с себя непосильную для меня должность»³². Деканство было ему не по душе, тяжело его давило. Тем не менее вскоре он попал из огня да в полымя, из деканов — в проректоры Московского университета. Административные обязанности теперь уже совсем завалили Ключевского. Он, и раньше немислимо загруженный лекционной работой, все же находил возможность завершать и научные труды. Теперь, видимо, стало иначе. Общеизвестно, что декан и проректор, как правило, не находят времени для научной работы. Тем более, что раньше Ключевский административной работы не вел. Трудовой день стал складываться для него непривычно. Встречая знакомых, спешивших его поздравить с высоким назначением, он отвечал собственным едким афоризмом: «Если начальство посадит тебя на сковородку с горячими угольями, не думай, что ты получил казенную квартиру с отоплением»³³.

Теперь он все чаще и чаще стал разрабатывать жанр афоризмов, почувствовав к нему большое влечение. Указанный афоризм мигом разлетелся и в профессорской, и в студенческой среде. Вообще афоризмы Ключевского распространялись молниеносно и

служили подчас для него родом «беспроволочного телеграфа». Он мог таким образом очень быстро проинформировать окружающую среду обо всем, о чем хотел.

Раздражительно, но не без иронии он замечал, что разница между профессором и администратором совсем маленькая — всего в двух буквах: «Задача первого — заставить себя *слушать*, задача второго — заставить себя *слушаться*». Очевидно, последнее ему как раз не давалось. Из положенного проректору четырехлетнего срока он вытерпел чуть больше полутора лет и 15 декабря 1890 г. был уволен по прошению «от должности помощника ректора Московского университета».

Так или иначе, но задуманный «триптих» пропедевтических специальных курсов пока что не завершался: еще раньше, до деканства, были прочитаны курсы по методологии и терминологии, а источниковедение все отодвигалось. Видимо, не только привходящие обстоятельства мешали этому. Что-то не ладилось в пропедевтике, не было готово для него самого. Ход личной мыслительной работы над этими темами, страсть к которым обуяла Ключевского после трех больших монографий, после докторской диссертации, был чем-то заторможен. Уже была прочитана история сословий, вновь сосредоточившая его на истории классов в России, и теперь вместо перехода к запланированному источниковедению он стал, по-видимому с 1888 г., читать специальные историографические курсы. Раньше историография в «триптих» не входила. Теперь он сосредоточился на ней. Очевидно, его понимание исторической пропедевтики все усложнялось.

Никак нельзя сказать, что историография как история исторической науки с юных лет интересовала Ключевского. Он обошелся в своих монографиях без специального историографического очерка и подведения итогов трудам своих предшественников — так было и в «Сказаниях иностранцев», и в «Древнерусских житиях святых», и в «Боярской думе». Теперь он стал по-иному вдумываться в эту историческую дисциплину, ища и в ней ответов на тревожащие его вопросы.

Впервые Ключевский, как сказано, прочел специальный курс историографии в 1888 г. Как видим, он все обогащал состав своего комплекса по исторической пропедевтике. Думаю, что в распространении мнения, что курс историографии постепенно рождался из курса источниковедения, надо внести существенную поправку — дело обстоит как раз наоборот. История исторической науки, начатая чтением в 1888 г., предшествовала курсу источниковедения, начатого в 1890 г.³⁴

Оба курса заняли стойкое место в лекционной работе Ключевского. Сверх общих лекций по истории России, которые шли на соответствующих курсах своим чередом, Ключевский стал читать специальные курсы, чередуя их между собой — один учебный год

историографию, другой — источниковедение. Оба курса были самостоятельны, естественно перекликаясь между собой, когда речь шла об одних и тех же историках, которые как издавали источники, так и создавали монографические исследования.

К сожалению, цельной записью курса историографии мы не располагаем. Рассмотрим историографический курс Ключевского в том виде, в каком он дошел до нас. Задача облегчена в этом случае наличием специальной монографии моей ученицы Р. А. Киреевой, посвятившей В. О. Ключевскому как историку русской исторической науки особую книгу — там вопрос рассмотрен со всею подробностью³⁵.

В то время как курсы методологии и истории сословий дошли до нас в полной литографии лекций, причем последний даже в несколько расширенном по сравнению с лекциями составе, курсом историографии мы располагаем лишь во фрагментах. От первых курсов 1888/89 учебного года остались лишь черновые подготовительные наброски введения, датируемые приблизительно или условно. Отдельные записи, связанные с курсом, имеются и для более позднего времени. Но основным источником для изучения курса историографических лекций остается опубликованная в 8-м томе Собрания сочинений Ключевского (1959 г.) студенческая запись 1892 г., посвященная историографии XVIII в. Она явно неполна — отсутствует запись первой, вводной лекции (рукопись начинается сразу со второй), нет и какой-либо возможной «концовки» курса, хотя Ключевский, как правило, избегал их. Прискорбно отсутствие не дошедших до нас, но существовавших введений: в них, несомненно, рассматривались общие вопросы и принципиальные установки историографии, определялись критерии отбора фактов. Наличие таких вводных лекций видно по сохранившимся записям плана курса по историографии с Ивана IV до Петра I. К счастью, уцелел ряд набросков введения к курсу историографии второй половины XIX в., разбросанных по двум архивохранилищам и разысканных Р. А. Киреевой³⁶.

Мы видим, что Ключевский остановился на разрыве историографии с общественными вопросами. Течение русской историографии в это время «страшно дробилось, разбивалось на необозримо разносторонние специальные русла». Процесс этот, однако, не порождал крупных обобщающих работ. Лишь работу своего ученика П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» Ключевский соглашался считать в какой-то мере попыткой дать обобщающий труд. Мы видим, что уловлен ряд кризисных черт историографии данной эпохи. Можно предположить, что и другим курсам тоже предпосылались какие-то общие характеристики историографического развития именно данного периода.

Остановимся на некоторых любопытных чертах курса «Историографии» (1892 г.), запись которого не только прочитана, но и вы-

правлена самим Ключевским. Лектор строит свое изложение в основном «по историкам». Несмотря на крайний недостаток «места» для каждого — историков в XVIII в. уже стало довольно много! — Ключевский характеризует кратко, но выпукло жизненный путь каждого и те условия, в каких он работал. Дан довольно детальный рассказ о сложных биографиях Г.-Э. Байера, Г.-Ф. Миллера, И. Н. Болтина, М. М. Щербатова, А.-Л. Шлёцера. Для немецких ученых с тщательностью приведено исчисление окладов получаемого жалованья, взгляд их на русское окружение, позиции в науке. Щербатов характеризуется в связи с событиями екатерининского царствования, с проблемой роли дворянства, Уложенной комиссией, придворными поручениями и должностями. М. В. Ломоносов тоже дан как живой человек, связанный с эпохой и поднявшийся над ней, с занятиями химией, электричеством и историей. Ключевский не умаляет разносторонности и высокого научного значения Ломоносова, но явно недооценивает вклад его в историческую науку. Рисуя ученых-историков в связи с эпохой, в реальных условиях бытия, сталкивая их с задачами, предложенными временем и обстоятельствами, Ключевский кратко обрисовывает концепцию каждого, общий взгляд на изученный предмет, предложенное им решение. Как ни ценит он источниковедческую сторону, она одна сама по себе не создает ученого — «прочтешь много памятников и не сделать больше ничего — этого слишком мало для историка». Отсутствие концепции предмета до Болтина — минус, признак недостаточной зрелости. Ключевский заботливо подчеркивает, «может быть, впервые» в литературе, «цельный взгляд Болтина на ход нашей истории». Именно в связи с явно любимым им Болтиным поставлен вопрос об историческом методе и тенденции. Это один из примеров, когда историографическое изложение переходит к методологическим, всегда интересующим Ключевского вопросам. Что у Болтина: метод или тенденция? Это, считает Ключевский, «понятия различные, но не противоположные». «Метод есть совокупность приемов для раскрытия какой бы то ни было истины; тенденция — стремление доказать каким бы то ни было способом, что истина заключается только в этом, а не в другом мнении. Метод решает вопрос, не зная, в чем он состоит; тенденция предрешает вопрос, не зная, каким путем его решить». И далее ряд блестящих афоризмов о методе и тенденции приводит Ключевского к выводу, что «методу не нужна тенденция, тенденция не может обойтись без метода». Считая, что аналогия — главный метод Болтина, Ключевский остроумно восстанавливает его приемы изучения, в которых «заключалась целая методика народного самопознания», завершенная требованием: «Пока не всмотритесь в себя, не спешите походить на других». Изучая концепцию Шлёцера, Ключевский подчеркивает то значение «исследования экономической, хозяйственной жизни народа», которая

была в центре его понимания истории, и разбирает отношение к статистике, приходя к выводу, что у Шлёцера превалирует «теория экономического, лучше [сказать] статистического материализма». Яркая характеристика Шлёцера из курса «Историографии» запечатлелась в памяти Ю. В. Готье: сразу исчезло раннее укоренившееся впечатление скуки и напыщенности, возникло «лихорадочное желание» скорее схватить шлёцеровского «Нестора» и с ним вновь ознакомиться³⁷.

Вопросы приемов исследования у разных историков так интересуют Ключевского, что он в начале 7-й лекции даже останавливается, чтобы подвести итоги: каковы же были историографические приемы во второй половине XVIII в.? Приемы аналогий и обсуждения явлений с точки зрения отвлеченного разума заставляют ученых сводить все к явлениям человеческого духа и свойствам человека. Выводом историографии XVIII в. является сопоставление древней России с новой. Идеализация русской старины имела большое влияние на ход русской историографии³⁸.

Любопытно, что, останавливаясь в изучении социальных явлений перед разницей положения и прав крупных групп населения в государстве, Ключевский опять-таки испытывал нужду в критерии общественного класса, хотя и не мог правильно ухватить его существо. Историк Щербатов — «стародум», защитник дворянства, его прав и привилегий, он стоит «совершенно на другой почве», нежели Болтин, он и воспитан «в традициях кружка верховников», мечтает о возврате боярской аристократической монархии: «Такова основная мысль его сочинения, которую он тщательно скрывает». Но тут Ключевский останавливается, хотя ему с его «антидворянским силлогизмом», казалось бы, остается менее шага, чтобы завершить классовым выводом характеристику концепции Щербатова. К государству как к носителю и представителю бесклассового общего блага добавляется наука как еще одна сфера бесклассовости³⁹.

Кроме поисков и изучения концепций и приемов исследования, Ключевский не упускает отметить крупные проблемы, впервые поставленные историками XVIII в. Так, Болтин, «кажется, впервые» возбудил вопрос о происхождении крепостного права. Вопросы о закономерности исторического процесса также относились к «новым идеям» историков XVIII в. Работа М. М. Щербатова «Рассмотрение о состоянии России, ее законов и правлений», — по мнению Ключевского, «первая в нашей историографии попытка изобразить внутреннюю жизнь общества». Далее следует не лишенный парадоксальности вывод: «Вообще Щербатов удачнее угадывал вопросы, чем разрешал их, в этом его главная заслуга»⁴⁰.

Внимателен Ключевский в силу изложенного и к предлагаемой историками общей периодизации русского исторического процесса, всегда являющейся итогом работы над методом и выражением об-

щей концепции. В Записках по русской истории Екатерины II, материал для которой собирали большие знатоки — Барсов, Мусин-Пушкин, Болтин, выделен вопрос о делении русской истории по эпохам: первая простирается до 862 г., вторая — до битвы при Калке в 1223 г., третья — до Иоанна III, четвертая — до избрания Романовых в 1613 г., пятая — «до днесь». Это почти то же деление, которое и позже «соблюдала русская историография», — не без ехидства замечает Ключевский⁴¹.

Курс «Историографии», как в дальнейшем курс «Источниковедения», читался Ключевским многократно и, видимо, легко. Чередую его с курсом «Источниковедения», он читал его дольше, чем какой-либо иной из своих специальных курсов, — с осени 1888 г. по 1907/08 учебный год (источниковедение, начав с 1890 г., он читал по 1902 г., закончив его чтение на шесть лет раньше первого)⁴². Мы остановимся ниже на его поздних источниковедческих курсах. Но этот курс дошел до нас в наименее полном виде, сильно фрагментарном, что мешает установить точно его место в «пропедевтических дисциплинах» исторической науки. Историографический курс «утешал» Ключевского в его скепсисе: все историки искали истину, и ни одному не удалось найти ее...

6

Специальный курс по источниковедению Ключевский прочел позже других запланированных им курсов. Как мы помним, он предполагал сначала прочесть его сразу после курса «Терминологии». Но порядок структуры задуманной пропедевтики изменился, вероятно, в силу сложности этого специального курса. Во-первых, состав источниковедения и его положение в науке требуют общего историографического освещения: без источников нет исторической науки. Поэтому историографию было логично предположить источниковедению, что Ключевский и сделал, изменив первоначально задуманный порядок. Во-вторых, источниковедение в истории русской науки оказалось одной из старейших дисциплин, скопившей много материала: источниковедением занимались давно, подготовка к специальному курсу потребовала большой работы. Возможно, эти два обстоятельства поясняют перестановку. Ключевский впервые прочел специальный курс источниковедения в 1890 г. Позже он не раз повторял его — вплоть до 1902 г.

Каково же построение дошедшего до нас курса «Источниковедения» у Ключевского? Оно не вполне ясно. Содержание введения в первой восстанавливаемой по записям самого Ключевского лекции посвящено задаче курса: общей характеристике источников и степени их разработки, понятию и видам исторической критики, зависимости задач и приемов последней «от свойств исторических источников и состояния их разработки». Далее шли особые задачи

русской исторической критики и перспективы изучения русских исторических источников. План введения в опубликованных заметках, однако, не исчерпан, фактически он оказался шире тех записей, которыми мы располагаем. 2-я лекция (первая из дошедших до нас) продолжает тему введения и переходит к летописям, 3-я посвящена актам. 4-я лекция — явно против задуманного плана — возвращается к вопросам введения, еще раз «оглядывает» их по «главным разрядам» и вторично намечает — на этот раз более оригинально и самобытно — задачу курса: в нем будет дан не просто перечень источников и их характеристика, а история исторической критики источников. Задача эта, однако, курсом не разрешается, имеются лишь фрагменты решения. Намечен автором и порядок изложения, соответствующий официальной программе курса: летописям посвящены три лекции (4—6-я), хронографам — три лекции (7—9-я); две лекции — житиям святых (10-я и 11-я). Запланированные в начале курса «записки» и «письма» в состав данной рукописи не вошли. Актам — последнему пункту в перечне программы — была, как указано, посвящена одна лекция (3-я) ⁴³.

Как видим, Ключевский переменял порядок: хотел, было, следовать официальной программе и осветить акты в конце курса, но значение источника и относительная новизна его изучения, видимо, перевесили — лекция об актах переносится в число первых трех тем, после хронографов. Структура курса «Источниковедения» была, таким образом, еще в работе: меняют место в курсе акты по сравнению с запланированным, намечаются разрядные книги, которые вообще не упомянуты в официальном плане; задача критики летописей разбирается ранее задачи курса. Как это было видно и на примере «Истории сословий в России», Ключевский в ряде случаев еще искал решения вопроса, в ходе изложения курса и в ходе лекций менял формулировки. Уже на примере изучения «Боярской думы» приходилось замечать, как идут поиски удовлетворяющего автора текста в процессе правки лекционных записей, позже попадая на страницы монографии. Лекция была для Ключевского не бесстрастным и неподвижным итогом давно сделанной работы, а частью его лаборатории, иной раз — формой научных поисков.

Курс Ключевского по источниковедению доходил в своем изложении лишь до XVIIв. — тогда это считалось обычным рубежом, подходом к новому времени, по нашим же воззрениям, курс «не полон», не давая представления об источниках XVIII—XIX вв.

История русского источниковедения древнее и обильнее трудами, нежели история русской исторической науки — историография. Специальный курс, впервые посвященный русскому источниковедению, требовал огромной работы. Говоря о том, что Ключевский впервые прочел этот курс в университете и впервые предложил

известное обобщение, подведение итогов этой специальной отрасли вспомогательных исторических наук, мы не имеем в виду его приоритет в создании самого источниковедения как науки, которая в своем накоплении ценнейших материалов и наблюдений уже насчитывала многие десятилетия работы русских источниковедов. Не говоря уже о том, что элементы источниковедения встречаются в практике русских летописцев, нельзя забывать, что любой обобщающий труд по истории российской требовал немалой источниковедческой работы — без нее он не мог бы возникнуть. Это видно на трудах одного из основоположников изучения истории России, В. Н. Татищева, высказавшего много доселе не потерявших цены соображений о собранных им источниках русской истории. Несомненен очень большой источниковедческий труд А. Ф. Малиновского, готовившего материал примечаний для «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина; в них находят до сих пор необходимые справки историки русского исторического процесса. Целая страница источниковедческих бурных дискуссий связана со «скептической школой» М. Т. Каченовского и восставшими против его гиперкритики историками. Борьба против «скептиков» была своеобразной, но в конечном счете полезной школой для молодого русского источниковедения, восторжествовавшего над «разрушителями». Идейные споры конца 30—40-х годов XIX в. породили немало источниковедческих вопросов, стимулировавших для своего и ближайшего десятилетия ценные источниковедческие изыскания. Ключевский давно и вплотную, начиная с первой своей монографии «Сказания иностранцев» и до работы над «Боярской думой» включительно, имел дело с немалым количеством вышедших источниковедческих исследований. Эпоха 60—70-х годов и почти целиком 80-е годы (он готовил материал для своего первого источниковедческого курса в 1888 г.) богата источниковедческой литературой. Историк учитывал многочисленные комментирующие материалы документальных много-томников, вышедших в первой половине XIX в. и глубоко проштудированных им в годы работы над «Боярской думой». Перед ним лежали внимательно изученные им труды — работы Н. Калачова, комментирующие «Русскую Правду» (1846 г.), Н. Мурзакевича — о Псковской судной грамоте (1847 г.), И. Энгельмана о гражданских законах той же Псковской судной грамоты (1855 г.), другая работа Н. Калачова о договорах вольных людей XVII—начала XVIII в., о поступлении в крестьяне и дворовые (1859 г.). 60-е годы приносили новые тома «Полного собрания русских летописей», работы А. Попова о хронографах русской редакции (1866—1869 гг.), 70-е годы — Волинско-Галицкую летопись, изданную А. С. Петрушевичем. Ключевский в 1870 г., работая над житиями святых, сделал вклад в источниковедение не только своей монографией, но и работой «Рукописная библио-

тека Ундольского» (1870 г.) в «Православном обозрении». В 70-е годы историки получили новое издание летописи по Лаврентьевскому списку (1872 г.), богатые источниковедческим материалом работы К. Бестужева-Рюмина, в том числе его первый том «Русской истории» (1872 г.), многие источниковедческие экскурсы в монографии А. И. Никитского по истории Пскова (1873 г.) и в вышедших в том же году «Очерках русской исторической географии» Н. П. Барсова. Большое источниковедческое содержание несла работа Ф. А. Терновского по изучению византийской истории и «ее тенденциозном приложении к Древней Руси» (1875 г.). Монографическое исследование Н. Барсукова о знаменитом русском археографе «Жизнь и труды П. М. Стресса» (1878 г.) содержало богатейшую источниковедческую информацию. 80-е годы XIX в. принесли работы Д. Лебедева о «Собрании историко-юридических актов» И. Д. Беляева (1881 г.) и исследование Д. М. Мейчика о грамотах XIV—XV вв. в Московском архиве Министерства юстиции (1883 г.). Издание Новгородской и Псковской судебных грамот с предисловием А. Г. Гинцбурга и книга С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник» были теми книжными новинками, которые легли на стол Ключевского в тот самый год, когда он впервые набросал план своего специального источниковедческого курса (1888 г.). Некоторые эти новинки он получал в дар от авторов.

Ученая среда, в которой вращался Ключевский, была захвачена в те годы источниковедческими вопросами, вызывавшими живой обмен мнениями и интерес Ключевского. Кроме частых, еженедельных встреч в университете, ему — члену ученых исторических обществ, заинтересованных новыми источниками, приходилось встречаться и беседовать с коллегами и в архивных комиссиях, и в «Обществе истории и древностей российских», председателем которого он вскоре станет. Он — участник III Археологического съезда в Киеве (1874 г.), на котором источниковедческим темам уделено было гораздо больше внимания, чем археологическим. Тут Ключевский заседал совместно с хорошо ему знакомыми источниковедами, такими, как А. С. Уваров, Н. С. Тихонов, А. Я. Гаркави, Ф. А. Терновский, Е. В. Барсов, О. Ф. Миллер, А. И. Никитский⁴⁴.

Накоплением педагогического опыта в области источниковедения были для Ключевского также руководимые им семинары в которых в то время лекции профессора по избранной теме часто предшествовали студенческим разборам. Ключевский вел лекционно-семинарские занятия по «Русской Правде» и «Псковской судебной грамоте» в 1880/81 г., семинар по Судебнику 1550 г. в 1881/82 г. и по сочинениям Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Он знакомил слушателей с во-

просами датировки и авторства, смены редакций, творческой истории текста, способом разбора компиляций и заимствований⁴⁵.

Ключевский был большим знатоком исторических источников по России до XVIII в., изданных к тому времени, и множества неизданных, архивных. Он не просто был знаком с их содержанием, он продумал их с исследовательских позиций при изучении разных исторических проблем, которыми занимался. Глубокое знание летописей, хронографов, актов, записок иностранцев, различных литературных памятников, житий святых и многих других источников он, разумеется, не мог целиком вложить в сжатый курс, занимавший всего один семестр. Вероятно, для него большей трудностью было не собирание материалов, а их отбор из множества продуманных и известных. Поэтому раньше, чем упрекнуть его в том, что он пропустил в курсе писцовые книги или проявил недостаточно глубокое понимание своеобразия древнерусской письменности, надо было бы знать, хотел ли он и мог ли сделать это в условиях краткого, притом первого в университетской практике курса. Курс дошел до нас в студенческой записи, в явно неполном виде, всего на четвертом году его чтения, а читался он еще десяток лет — до 1902 г. Оценивая этот курс в силу необходимости лишь по тем его страницам, которыми случайно располагаем, мы не можем трактовать его как полное и авторски заверенное изложение источниковедческих взглядов Ключевского. Особенно надо учитывать, что лектор не захотел издавать этого курса, хотя выправил студенческую запись в 1891 г. Несмотря на то что издательства вырывали у него из рук каждую написанную строку и спорили между собой за честь издания его работ, рукопись курса по источниковедению пролежала в письменном столе Ключевского ровно 20 лет — до его смерти и еще 46 лет, пока ее не выпустили в свет в 1957 г. советские историки. Студенты «увлекались его специальными лекциями об источниках русской истории, которых, кстати сказать, Василий Осипович, кажется, не любил и считал неудачными», свидетельствует его ученик Ю. В. Готье⁴⁶. Все это надо учитывать при суждении о курсе. Тут были характеризованы стороны вопроса, обычно опускаемые в имеющейся литературе.

Конечно, легко определить, от чего «отстал» Ключевский, в настоящее время, сравнивая его суждения о летописи или о «Псковской судной грамоте» с выводами А. А. Шахматова или М. Н. Тихомирова. Это сравнение закономерно лишь для суждения о том, какие же выводы Ключевского сохранились до настоящего времени. Но это не исчерпывает оснований для оценки его работ; важен и совсем другой вопрос, о котором исследователи нередко забывают: какое значение для науки своего времени имело то или иное положение, было ли оно ново для современников автора, двинуло ли оно вперед науку тех лет?

Однако свидетельство Готье кое к чему обязывает: студенты *увлекались* лекциями по источниковедению, казалось бы, сухому, вспомогательному предмету. Зависело это от многих причин. Прежде всего они чувствовали в Ключевском знатока данного вопроса, исследователя, много раз искусно пользовавшегося источником, учившего их извлекать из документа, иной раз из его строки или даже из одного слова, важные исторические соображения, умевшего *спрашивать* источник и улавливать его ответ. Ключевский сумел насытить курс образными выражениями, живым изображением авторов документов (Георгий Амартол), собирателей архивных сокровищ (Павел Строев) и, сверх этого, воссоздать эмоциональную реакцию наблюдательного исследователя, подмечающего характерные штрихи источника. «Летописи и разрядные книги — две сестры, только одна старшая (разрядные книги), а другая переодета в литературный костюм и поэтому сама на себя не похожа»; далее вывод: московские летописи XVI в. «нельзя изучать, не глядя в разрядные книги». Летописные своды стремятся собрать воедино, включить в себя все исторические источники, они вбирают в себя отдельные памятники, помещая их целиком: «Во вторичных сводах их уже целая куча...», «Летопись в своем движении забирает попутно и другие второстепенные источники, как река свои встречные притоки». Георгий Амартол рисуется перед студентом живым человеком, с биографическими данными, с характеристикой. «Амартол — аскет и очень косо смотрит на книжную ученость, видит в ней только источник гордости», другое дело — «наш летописец»: он «не нахвалится книгами, видит в них источник только мудрости». Формулы актов «по их неповоротливости живут целые века», жизнь уходит вперед, отношения меняются, «акты перестают быть отражением действительности, становятся анахронизмом». Увлекала слушателей эмоциональная окраска лектором вроде бы сухого предмета. Акты — новый ценнейший источник — разбросаны «по разным углам, где их не замечают. С этими актами чистая мука...»⁴⁷.

Курс «Источниковедения», прочитанный Ключевским, был передовым для своего времени. Заслуживает внимания сам замысел — дать сводку основных достижений русского источниковедения более чем за столетие его развития, еще никем ни разу не сделанную и притом обогащенную своим большим личным источниковедческим опытом. Новаторской была и цель внедрить в сознание молодых историков широкую информацию по источниковедению, тем побудив их к исследовательской работе. Нов и плодотворен был и историографический подход к теме — раскрыть, как постепенно копились источники, по-разному воспринимались исследователями, с разных сторон оценивались и как, наконец, складывалось ведущее оценочное мнение в науке относительно

того или другого источника. Много работавший с летописным материалом Ключевский доносил до понимания слушателей сложный состав летописных сводов, понятие «свода», представление о первичной летописи. Он не дошел, естественно, до шахматовских построений, но характеризовал сложный летописный текст и его состав на уровне своего времени.

Ключевский — большой скептик по отношению к летописным свидетельствам в силу множества рук сводчиков и переписчиков, затрудняющих для него критику текста: «Ведь это свод местных записей прошедшего, переданный через несколько рук», очень слабо отражает «движение жизни». Ища источник для экономической истории России, положения крестьян, массовых передвижений трудового населения по лицу страны, формирования и быта классов и сословий русского общества — все это глубоко занимало его исследовательскую мысль, — он считал летопись довольно скудным источником. Мы не можем согласиться с ним, мы иначе смотрим на летопись. Но его точка зрения стимулировала поиски новых документальных данных и новых типов исторических свидетельств для тех исследовательских тем, которые были очередными в науке. Конечно, надо признать у него недооценку личности летописцев и необоснованную скептическую трактовку их как безличных авторов, всех примерно на одно лицо. Хронографы Ключевский характеризовал на основе выводов тщательного исследования А. Попова по обзору хронографов русской редакции, которое и сейчас не потеряло своего научного значения. Но А. А. Зимин правильно указывает, что Ключевский дополнил изыскания А. Попова своими соображениями по истории хронографов. Ценно его замечание, что в хронографах явственно отражается «движение русской исторической мысли и исторических воззрений». Он критикует с этих позиций выводы двухтомного исследования А. Попова о хронографах, который нигде не переходил к критике хронографов как источников и не приводил их «в связь с движением древнерусской исторической мысли».

Ново введение в общий круг проблем источниковедения житий святых, которые Ключевский так тщательно изучал и так низко оценил как источник. Он несколько смягчил скептицизм своей монографии, вернее просто не ввел в курс некоторых формулировок, но общее отношение к памятнику как к «труднейшему для исторической критики» и дающему «очень мало конкретных данных» у него осталось. Его афоризм о том, что житие отличается от исторической биографии тем же, чем икона от портрета, призванный им в свое время на помощь студенту, затруднившемуся вопросом на экзамене, вошел в лекционный курс⁴⁸.

Нов и содержателен для того времени отдел об актах, насыщенный личным исследовательским материалом. В посильной для себя степени он отразил тут вопрос о классах, который всегда так ин-

тересовал его: поскольку в лекции налицо разбор актов, связанных с положением крестьянства, с развитием кабальной крепостной зависимости, следовало бы все же смягчить упрек в формализме, адресованный Ключевскому А. А. Введенским. Не один исследователь вышел из источниковедческой школы Ключевского, который был, по общему признанию, сильнее как лектор специального курса, нежели как руководитель практических занятий студентов.

В широком общем потоке научной мысли источниковедческий курс Ключевского, по понятным причинам, не мог сыграть своей историографической роли: он не издал его, и, кроме слушателей-студентов, никто не мог познакомиться с ним. Науке он остался неведом.

Очень отчетливо выступает у Ключевского личная заинтересованность в исследовании такой области, как источниковедение. Остро ощущая недостаточность методологической оснащенности и неясность отправных философских позиций в методологическом курсе, он и в лекциях по источниковедению не скрывает своего научного скептицизма, делясь им со студенчеством и побуждая его к поискам. Он удручен недостатком знакомства историков с источниками и в силу этого — с общим состоянием науки русской истории: «То, что рассказывается по источникам разработанным, представляет мало любопытного для ума и воображения, скользит по поверхности жизни, не отвечает на серьезные вопросы об ее ходе и смысле, а где искать ответов на такие вопросы и можно ли где их найти — не знают». Ключевский хочет, чтобы «ход и смысл родного прошедшего» был бы достоянием «общего народного сознания»⁴⁹.

В набросках к первой вводной лекции Ключевский дает отрицательную оценку состоянию науки русской истории; острое сознание ее недостаточности руководит им: «Наша история еще покоится на архивных полках и едва начинает двигаться оттуда и только к рабочему столу ученого». А ведь надобно, чтобы каждый знал свою историю! Помнить прошедшее еще не значит знать его, надо «понимать, почему так было и к чему неизбежно приведет будущее»⁵⁰.

С афористичной яркостью Ключевский писал: «Все минувшее — только слагаемые этой суммы, которую мы называем настоящим, а будущее — только ряд неизбежных следствий настоящего»⁵¹. Все это он излагал во введении к курсу «Источниковедения», в своих набросках к первой лекции курса. Тут отражены истинные личные причины, которые повелительно привели его самого к этим вопросам. В этом отношении лекции по источниковедению имеют для Ключевского автобиографическое значение.

Таким образом, тот возврат к «пропедевтике» исторической науки, который был связан с творческим кризисом Ключевского после «Боярской думы», не дал историку успокоения. Проверка подтвердила сомнения в методе, методологическая почва по-прежнему колебалась под ногами, источниковедение показывало, что истинная история страны еще стоит на архивных полках, никем не тронутая, историография, несмотря на все свои успехи, демонстрировала неудачу поисков истины историками — одного за другим... Философия истории неумолимо расходилась с историей как наукой — им, собственно, и суждено было не совпадать. Ключевский осторожно обошел вновь наметившиеся в науке истории «опасные» — материалистические — пути. Каждый раз они пугали необходимостью не только размышлять, но и действовать. В конце последовательно взятого материалистического пути поднималась революция. Как всякий либерал, он боялся ее пуще огня, сворачивал с дороги при первых ее признаках. Он не мог понять ее, она его пугала. Тут лежал и барьер в развитии его знаний, в поисках истины. Он вновь переходил на проторенные тупиковые пути. О марксизме он знал очень мало. Он смешивал его вместе с «кучей» новых теорий — Бюхнера, Молешотта, Бокля, Конта, кого угодно, кто был «в моде» у молодежи, легко называл его «догмой» и слабо ощущал свое с ним незнакомство. Вероятно, общее представление о нем складывалось больше понаслышке — из разговоров, бесед со студентами, присутствия при чужих спорах, беглого чтения журнальной и газетной литературы.

«Нелегкая пора конца 80-х годов» — рубежа 90-х годов XIX в. отмечена появлением ряда его работ, связанных с неудачным исходом поисков истины и самопроверки. Это прежде всего большая (подчеркнем, незаконченная) работа «Состав представительства на Земских соборах древней Руси» (1890—1892 гг.). В широком научном плане это была линия продолжения изучения зачатков «конституционных» учреждений, начатых «Боярской думой». Но теперь теме был дан «обратный ход» — категорически отрицался момент представительства в Земских соборах — это были лишь совещания правительства со своими слугами. Лозунг «Земский собор», приравненный к Учредительному собранию, был полон революционного значения в годы революционной ситуации на рубеже 50—60-х годов XIX в., теперь же, захваченный руками либералов-консерваторов, он все более наполнялся реакционным значением «сословного», а фактически прежде всего дворянского представительства. «Снижая» значение Земских соборов (марксистская концепция подчеркивает неправильность понимания Ключевского), он объективно снижал и современный ему политический лозунг, перекочевавший в лагерь реакции. Мы увидим, что

в «Курсе» он изменит позиции и даст Земским соборам иную, более объективную оценку, чем в оставшейся незаконченной статье, которую почему-то считают его окончательным выводом о Земских соборах.

Наступали тяжелые годы. Голод 1891—1892 гг. потряс страну. Страшные народные бедствия выявили беспомощность правительства, хищнический характер хлебных спекуляций, ничтожность государственной помощи. «Царь Голод» стал властелином и опустошителем множества деревень. Устраивались общественные благотворительные столовые, многие деятели двинулись в деревню на помощь голодающим. Ключевский откликнулся публичными лекциями, сбор с которых шел на устройство столовых, и опубликовал статью «Добрые люди древней Руси», изданную в помощь борьбе с голодом. Славявость и христиански смиренный тон статьи, призывавшей к творению милостыни и обходившей социальные причины голода и ответственность царского правительства, коробили передовых людей, например В. Г. Короленко. Однако у этого «смирненнейшего», проповедующего нищелюбие произведения есть одна приметная черта: Ключевский избрал из древних времен много примеров *полной* отдачи своего имущества добрыми дворянами в пользу голодных и неимущих... Постановка вопроса с этой стороны любопытна: Ну-ка, и вы отдайте *все*, как бы говорил он своим дворянам-современникам, вы-то что же не отдаете?.. Вызов историка, надо думать, прошел незамеченным, но некая связь с «антидворянским силлогизмом» все же была здесь налицо.

7

Цикл лекций «Западное влияние в России после Петра», прочитанный Ключевским в 1890 г. в пользу голодающих, не входит, как и «История сословий в России», в его «пропедевтический» комплекс. Но он, продолжая концепцию «Истории сословий в России», как бы договаривает ее. Мы помним, что Ключевский остановился там перед своим «антидворянским силлогизмом», так и не договорив до той, едва ли не самой главной для него темы — до характеристики социального паразитизма российского дворянства, незаконности крепостного права и дворянского землевладения, особенно после манифеста о дворянской вольности 1762 г.

Тема эта не уходила из поля зрения Ключевского. Не получив возможности раскрыть «антидворянский силлогизм» на самом важном материале — на истории российского дворянства в XVIII в., автор искал новые пути к запечатлению своих мыслей в печатном слове. Он был буквально одержим этой проблемой. Чтобы обнародовать свои мысли, он прерывал спешную работу над докторской диссертацией, полемизируя с Д. Самариным, накануне

защиты выступал с публичной речью о Пушкине (1880 г.), вплетая в нее те же идеи. Пятидесятилетие со дня смерти поэта (1887 г.) дало Ключевскому новую возможность развить свою концепцию в знаменитой статье «Евгений Онегин и его предки».

Чувствуется, что эта блестящая статья написана в дни большого душевного подъема⁵².

Если прежние работы Ключевского, касавшиеся этой темы, более всего сосредоточены на паразитизме и беззаконии дворянского владычества, то работа об Онегине и его предках разоблачала опустошенность внутреннего мира дворянства, бессцельность существования, разрыв с действительностью, «мертворожденное мировоззрение». «Из всех действующих лиц романа самое лишнее — это его герой...» Евгений Онегин — «явление вымирающее». Это «не столько тип, сколько гримаса, не столько характер, сколько поза, притом чрезвычайно неловкая и фальшивая...». Найдя «прадедов» героя еще в XVII в., а отцов — при Елизавете и Екатерине II, Ключевский переходил к сыновьям. Лишь слегка отличив их от людей «катастрофы 14 декабря», историк рисовал не только предков, но отчасти условных «потомков» Евгения Онегина, доходя до не названного им, но угадываемого читателем П. Чаадаева, произнесшего над Россией «отлучение от цивилизованного мира»... Современный читатель, пораженный отточенностью формы и образностью изложения, с недоумением спросит, как смог историк утопить в своей теме все русское общественное движение эпохи, сведя его почти что на нет. Концепция Онегина, выдвинутая Ключевским, не удержалась в науке, но осталась историографическим памятником его «антидворянского силлогизма». Последний был небезопасен для автора в мрачную пору контрреформ Александра III. Наскоро и неловко вставленный в середине статьи «заслон» о «почтенном» сословии, много послужившем отечеству, слабо защищал истинное авторское мнение, как и оговорка о том, что рассматривается «типическое исключение». Но прошло всего три года — и мы видим Ключевского, поднимающегося на кафедру большой аудитории Политехнического музея, чтобы начать свой лекционный цикл о «западном влиянии»...

На этот раз Ключевский обратился не к университетской, а к более широкой аудитории. Лекции цикла прочтены в Политехническом музее. Они дошли до нас в хорошей записи одной из слушательниц (вероятно, А. Т. Карповой), были выправлены Ключевским⁵³. В самом характере чтения чувствуется ориентация на менее подготовленную аудиторию, нежели студенческая: язык лекций более популярен, явственна тенденция к большей простоте и «занимательности».

Мысль о циклах таких лекций профессоров Московского университета на гуманитарные темы в Политехническом музее пробивала себе дорогу еще в 1888 г. Изъявили желание читать

В. И. Герье, Н. Я. Грот, П. Г. Виноградов, В. О. Ключевский, Н. И. Стороженко и ряд других профессоров. Вопрос о разрешении доходил до министра народного просвещения, министерство удостоверило полную «благонадежность» лекторов, и согласие властей было дано.

Цикл Ключевского состоял из 10 лекций. 9 лекций записаны чернилами в тетради (незаконченной), 10-я — последняя — сохранилась лишь в карандашных записях самого Ключевского⁵⁴. 1-я лекция посвящена предмету и задачам цикла. К их определению Ключевский подошел хитроумно. Он избрал как тему чтений «некоторые явления нашей истории XVIII в.». «Вы позволите мне, — начала он свой цикл, — не говорить сейчас же, какие это явления? Если я укажу их сейчас, мой выбор может показаться вам неожиданным. Я боюсь, вы спросите, зачем именно такие, а не другие явления хочу я изложить вам. Поэтому я прошу предварительно выслушать соображения, которые руководили моим выбором. . .» Начало было интригующим.

Далее следовала блестящая общая характеристика XVIII в. Он «долго считался у нас временем случайных людей и неожиданных дел. Сколько переворотов и народных мятежей испытала тогда Россия! Сколько раз правительство меняло направление своей деятельности! . .» Но с такой характеристикой, которую лектор назвал распространенной, он несогласен (частый прием Ключевского). Он подводит слушателей к теме воздействия на Россию западной культуры. Влияние Запада и есть, по контексту, восприятие Россией западной культуры, образования, усвоения западных нравов. Жизнь русского общества в XVIII в. осложнена этой «пружиной», действующей то скрыто, то выступающей наружу, эту пружину Ключевский кратко называет довольно неточным и расплывчатым термином — «западным влиянием». Началось оно с Петра I. После длинного рассказа о плюсах и минусах восприятия западной культуры, ее необходимости («это воздух, которым мы дышим, сами того не замечая») и ее вреда («с первой минуты своего действия западное влияние стало разрушать в нас естественное чувство привязанности к отечеству. . .»), после несколько иронического изложения взглядов славянофилов, Ключевский, наконец, объявляет тему лекций: «Уяснить себе отношение к западной культуре, указываемое нам историей». На этом кончается 1-я лекция, в которой лишь один раз и довольно бегло упомянуто, что имеется некий (пока прямо не названный) «класс русского общества», воспитываемый именно этим «западным влиянием», класс, который «не раз переживал странные кризисы. . .». Слушатель мог догадываться, что речь идет о дворянстве. Но лектор опять уводил его к плюсам западного влияния вообще: «Запад переживал общественные перевороты, каких, по кр[айней] мере до прошлого года, не испытали мы, но следствия которых

могут и нам пригодиться для наших житейских соображений». «Запад для нас и школа, и магазин полезных изделий, и своего рода курс исторических уроков. Казалось бы, отчего не пользоваться всеми этими благополучиями, и если, однако, мы порою смутно чувствуем, что эти заимствования не безвредны, то причину вреда надобно искать не в самих заимствуемых благах, а в том, что мы заимствуем их не совсем правильно...»

Можно ли понять задачу курса из этого загадочного начала? На мой взгляд, задача не уяснена, и даны лишь интригующие намеки на избранную тему и на бегло упомянутый некий общественный класс, особо подвергающийся западному влиянию, возбуждены любопытство и уверенность, что вскоре в ходе лекций все объяснится. Предвидеть дальнейший план лекционного цикла на основе 1-й лекции просто невозможно. Но он весьма отчетливо вырисовывается из дальнейших чтений и их заглавий.

2-я лекция названа со всею откровенностью: «Подготовка дворянства к роли проводника западного влияния» — дворянство в первый раз названо, так сказать, «в лоб». Далее следуют все ступени развития дворянских привилегий: «Политические настроения дворянства после Петра» (3-я лекция); «Екатерина II как руководительница русского дворянства в проведении западного влияния» (4-я лекция); «Политические идеи Екатерины II» (5-я лекция); «Комиссии Уложения» (6-я лекция); «Положение дворянства в местном управлении [и] в сельском хозяйстве» (7-я лекция); лекция 8-я не имеет названия, но отчетливо посвящена дворянской школе XVIII в. и типу образования; 9-я лекция носит название «Быт и нравы русского светского общества около половины XVIII века»; 10-я лекция подводит «итоги западного влияния в русском обществе XVIII века».

Сомнений нет, цикл посвящен истории русского дворянства в XVIII в. Оно со значением как бы бегло упомянуто во вводной лекции как класс, подвергавшийся преимущественному влиянию Запада. Из 10 лекций цикла, в целом названного «Западное влияние после Петра», только три (2, 4 и 10-я) содержат в своем названии упоминание о «западном влиянии». Весь цикл сосредоточен на истории российского дворянства, его привилегий, развития его паразитической роли в обществе, взятых в ракурсе обязанности дворянства получить образование и распространять его. Ясно, что название цикла — лишь прикрытие главной темы, которая не могла быть открыто заявлена, да еще публично, с трибуны Политехнического музея в годы контрреформ Александра III и властвования Победоносцева. Сам по себе замысел и так был смелым. Ключевскому хотелось довести до конца свою концепцию в публичном изложении. 1-я лекция начисто дезориентировала бы наблюдателей, если они были. Но лекцию читал ведь проректор Московского университета! На чтение лекций испрошено было

особое разрешение. Министерство получило заверение о полной «благонадежности» читающих профессоров... Все это сильно дезориентировало бы наблюдателей, если они присутствовали на чтении цикла.

Несмотря на популярный и занимательный характер изложения, цикл, несомненно, носит исследовательский характер. XVIII век в те годы был еще очень мало изучен и представлен редкими монографиями. В основе цикла лежит большая работа Ключевского над первоисточниками — их привлечено много, в том числе мемуарных, очень важных для XVIII в. Проекты верховников, «Кондиции» Анны Иоанновны, дело Воынского, депеши послов, «Наказ» Екатерины II, материалы Уложенной комиссии, переписка царицы с французскими философами — все побывало в руках историка, из всего он сумел извлечь свидетельства, сверкающие выразительностью и отражающие суть событий. В работе немало прямых ссылок и справок, говорящих об источниках, обычно отсутствующих в других курсах Ключевского. Наличие научного «подвала» свидетельствует о замысле печатать это произведение, оставшемся неосуществленным. Привлечена литература вопроса (ссылки на Соловьева, Галахова, Афанасьева, Забелина, Устрялова и многих других). Но литература о XVIII в. была в те годы небогата — век еще считался чуть ли не «современностью» для медленной и опасливой официальной исторической науки того времени и таился «в научной полутьме». Беря тему почти что в целом и рассматривая ее последовательно, Ключевский был в сущности новатором.

В литературе нередко утверждения, что Ключевский — историк XVII века и дальше исследовательской работы не вел. Приходится взять такую характеристику под сомнение, настолько значительна и планомерна работа, проведенная Ключевским над XVIII веком, — самая тема, взятая в целом, как этап исторического процесса, была нова и мало изведена современной Ключевскому научной историографией.

В чем же суть концепции цикла?

Единственным носителем «западного влияния» было российское дворянство, и подпало оно под это влияние не в силу причин собственного внутреннего развития, а в силу тяжелой, приказом правительства возложенной на него повинности — принять на себя оное западное влияние и действовать в соответствии: явить собой необходимые государству образованные кадры. Но ни охоты выполнить государственный приказ, ни возможности осмысленно за него взяться у дворянства в силу его крайнего невежества и общей неподготовленности не было. Оно со стенаниями внедрялось под петровской дубинкой в западное образование и, когда кое-как изучило разрозненно и сбивчиво некоторые азы, почувствовало, что дубинки-то уже нет. Преобразователь умер. Тут возникли и за-

мысел «верховников», и сопротивление ему дворянства, желавшего «воли себе прибавить», и Елизавета с ее двором, увеселениями, десятками женихов, тысячами платьев. Дворянство в 1762 г. получает «вольность» — может служить или не служить по собственному желанию. К чему ему начатки европейской образованности? Только для собственного удовольствия. В государственном разрезе они ни к чему: ведь службой дворяне уже не обязаны. Начатки образования теперь употребляются для проникновения в область собственных увеселений, чтения французских романов, поверхностной болтовни, усвоения разных там «учтивств» и «онёров», внешней похожести на иностранцев, главным образом французских петиметров и кокеток. Причем, освобождаясь от обязанностей по службе, дворянство сохраняет и даже расширяет свои права по владению землей и крепостными душами. Осев в имениях, дворянство сельским хозяйством по незнанию аграрной науки и техники толково заниматься не может, оно только выколачивает из мужика оброк и барщину, для этого никакой науки не надо. Дворянство никчемно. У него теперь нет никаких общественных и государственных функций. Дворянство стало «привилегированным сословием, уединенным от остального общества», и осталось «без серьезного общественного дела». Оно, так сказать, «афункционально» в государственном организме, оно, попросту говоря, паразит, не несущий ни малейших толковых исторических нагрузок. Из всего этого «западного влияния» ничегошеньки не вышло. Такова, кратко, концепция Ключевского. В научности ей отказать нельзя, в остром политическом смысле — тоже. Под пером буржуазного ученого научное изложение, хочется сказать, не «превращается», а закономерно *перерастает* в острый сатирический памфлет против российского дворянства. Надо признать, что все это было в науке русской истории совершенно ново, звучало в 80—90-е годы XIX в. очень свежо и нужно и вместе с тем достаточно опасно для лектора.

Русское дворянство Петр I «хотел сделать проводником западноевропейской науки, просвещ[ения], техники военной и администр[ативной]», — пишет Ключевский. Более того, не Петром даже, а «ходом жизни русскому дворянству указано было стать в XVIII веке проводником западного просвещения в своем отечестве». А что получилось? «Удивительна судьба этого сословия, — продолжает историк. — До Петра его заставляли служить, не учась; Петр приказал ему учиться для службы; после Петра его освободили от службы, но продолжали принуждать учиться, т. е. учение сделали для него новой обязательной службой. Для чего же и чему оно должно было учиться?» Ведь далее дворянин как раз получил свободу от службы, осел в своем поместье, погрузился «в местные провинциальные или свои домашние, вотчинные дела». Из саратовской или тамбовской глуши трудно было

следить за политическими событиями «не только Западной Европы, но и своего отечества». Ведь «у зажиточного дворянства не было серьезного дела ни в губернской канцелярии, ни в вотчинной конторе; оставались кабинет и гостиная; здесь оно и изыскивало средства наполнить свой 24-часовой досуг», — таков саркастический вывод Ключевского.¹

Лекции «Западное влияние в России после Петра» несколько более свободны, «раскованны» по сравнению с «Курсом русской истории», но они были позже широко использованы автором для «Курса».

В цикле прозвучала достаточно саркастическая и резкая характеристика Екатерины II, позже использованная в «Курсе» или в отдельных статьях. Но мы уловим в «Западном влиянии в России после Петра» оттенки более резких выводов и более скептических оценок императрицы. «Казалось, она желала, чтобы ее самое помнили дольше, чем ее деяния», — так завершается характеристика Екатерины II в «Курсе русской истории». «Ее самое будут помнить дольше, чем ее деяния», — такова концовка лекции о ней в рукописи «Западное влияние». Никак нельзя сказать, что это «та же» мысль, нет — совсем другая. Если в тексте лекционного цикла — это утверждение историка об объективном положении вещей, характеристика исторической реальности, то в «Курсе» скорее говорится о капризе императрицы, о личном ее несколько туманном для читателя («казалось...») пожелании, какой ей хотелось бы остаться в памяти потомства.

Екатерина II принадлежала к числу «экзотических поклонниц просветительной литературы» — она увлекалась ее отвлеченными и радикальными планами не как «желательным житейским порядком», а как «занимательными и пикантными изворотами отважной мысли». Но она не могла коснуться старого порядка, «не нарушая интересов лиц и классов, с которыми была тесно связана». Она высказывала самые неосторожные политические идеи, например убеждение, что «государь всегда виноват, если подданные им недовольны».

Здесь встречаем мы и беспощадную оценку литературной деятельности Екатерины II, с некоторыми вариациями используемую Ключевским в позднейших работах: «Зная, как она много училась и размышляла, можно удивляться сухости и бесцветности ее изложения, бедности ее воображения, сдержанности, даже скудости ее чувств и мыслей; всюду сказывается под ее пером не природный, а начитанный литературный талант. В ее сочинениях не встретишь ничего, что бы поражало, врезывалось в память, — ни бойкой мысли, ни даже счастливого оборота...» Подобные выводы в тексте цикла лекций не «сбалансированы» ничем и звучат приговором императрице.

В лекционном цикле «Западное влияние» немало удачных, запоминающихся оборотов. Иной раз одним словом, коротеньким

штрихом Ключевский мастерски обрисует свое понимание исторического явления или живой оттенок события. Еще не успев воспользоваться манифестом о своей дворянской вольности, «гвардия сыграла последний из дворцовых переворотов XVIII века...». «Ягужинский подлетел к одному верховнику и завопил: „Батюшки мои! Прибавьте нам, как можно, воли...“ Дворянский деятель сам не заметил, как „отпел свое дело“...».

В печати цикл лекций «Западное влияние в России после Петра», конечно, не появился. Но он играет большую роль в научном творчестве Ключевского и как бы увенчивает его важную и мало замеченную в историографии концепцию «антидворянского силлогизма», без которой будет крайне обеднено наше понимание Ключевского. В эпоху кризиса буржуазной исторической науки его творчество сумело поднять и раскрыть ряд существенных исторических положений, объективно работавших на развитие буржуазно-революционной идеологии. Его антидворянские и антисамодержавные удары точно наносились в правильную, историей намеченную цель.

8

Лекции в университете Ключевский читал «в четверг и субботу», поездки в Духовную академию занимали понедельник и вторник⁵⁵, очевидно, среда и пятница принадлежали Высшим женским курсам, и где-то в почти немыслимые «свободные» — не дни, а скорее часы — располагалось все остальное. Но ведь к лекциям надо готовиться! Эта ежедневная загруженность лекционным трудом имеет прямое отношение к лекторскому мастерству Ключевского. Он, как пианист, чье искусство требует ежедневных упражнений, каждый день трудился, совершенствуя и оттачивая свое любимое мастерство. То, что он любил его, несомненно, в этом одна из тайн самого мастерства и его поразительного успеха.

Говорить о мастерстве лектора и анализировать его приемы вообще чрезвычайно трудно, особенно потомкам. Да и те, кто имел счастье слушать Ключевского, чаще всего ограничиваются восторженными восклицаниями. Никто не догадался запечатлеть его лекцию через звукозапись, хотя в его годы фонограммы уже возникали — дошли же до нас голоса Шаляпина, Неждановой. Но как трудно говорить об исполнительском мастерстве выдающихся артистов или музыкантов, о которых сохранены лишь воспоминания зрителей и слушателей, так или почти так же трудно судить о выдающемся лекторском таланте.

Попробуем все же вникнуть в особенности лекторского мастерства Ключевского на основе сохранившихся высказываний самого лектора и впечатлений его многочисленных слушателей⁵⁶.

Движущая сила лекции — ее содержание, а не просто мастерство произнесения. Более того, мастерство устной передачи мыс-

лей в великой степени зависит от содержания последних. Как бы ни была красива и образна речь, она несет в себе ценное, привлекающее внимание содержание и лишь тогда звучит. Ключевский развертывал перед слушателями не только полную содержания, но и во многом новую, отчетливо построенную концепцию русского исторического прошлого. В обобщенном историческом труде остро нуждалась эпоха. Своим лекционным курсом Ключевский удовлетворял не только потребности преподавания, учебному плану, — он отвечал требованиям времени. XIX век шел к исходу, миновали две революционные ситуации, так и не перешедшие в революцию, близился XX век, приближалась революция 1905 г. . . . Необходимо было по-новому взглянуть на происхождение самодержавия и его судьбы, на роль устарелого, косного дворянства — тормоза в жизни идущей к революции страны. . . Лекции С. М. Соловьева уже в исходе 70-х годов XIX в. казались студентам устарелыми. «Что русской историей заинтересоваться нельзя — это было почти аксиомой среди студентов моего выпуска и предшествовавших», — откровенно пишет один из современников. «Русская история для нас была грудой непереваримого сырого материала, из которого невозможно высечь никакой искорки мысли. . . » У старого Соловьева «остались одни бледные очертания мысли, одни условные символы, сокращенные знаки заостреннейшей теории, мало понятные для молодых, но строгих судей. Когда старый профессор в сотый раз говорил о „жидком элементе“ в русской истории (речь идет о процессе колонизации страны — главном явлении по Соловьеву), магическое когда-то слово превращалось в мертвую фразу и, разочарованные, мы начинали жаловаться на жидкий элемент в лекциях самого „патриарха“ русской истории. . . И вдруг это новое явление — лекции Ключевского, объявленные к концу семестра»⁵⁷. Они сразу поразили слушателей, проводивших лектора восторженной овацией. Ключевский посвятил 1-ю лекцию, как известно, преемникам Петра, — с кафедры впервые прозвучали едкие сатирические характеристики самодержцев. Почувствовались новые критерии их оценки — не с позиций похвалы всеильному самодержавию, а с других, почерпнутых в идее буржуазного правового государства. Это было ново, заставляло думать, ставило перед слушателем новые вопросы.

Все свидетельства об обаянии лекций Ключевского, к какой бы стороне его лекционной деятельности они ни относились, убедительно говорят о важнейшем — о глубокой необходимости понять прошлое своей страны, получить ясное представление о ее путях и движении. Это было властной внутренней потребностью большой предреволюционной эпохи, кануна новой эры в истории человечества, объективной необходимостью. Соглашались или нет слушатели с концепцией Ключевского, принимали ее целиком или перерабатывали по-своему, уносили ли они с лекций запас гото-

вых выводов или осознание острых, но еще не решенных проблем — все они уходили в какой-то мере обогащенными. Среди слушателей Ключевского были не только люди, оставшиеся на буржуазно-либеральных или даже более правых позициях, были и марксисты, будущие деятели Коммунистической партии — М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, В. П. Волгин и др.

Замечательным свойством Ключевского-лектора, даже его «главной привлекательностью», по выражению одного из учеников, было умение «необычайно просто изложить самые трудные сюжеты вроде, например, вопроса о возникновении Земских соборов, вопроса о происхождении крепостного права» и др. А. Ф. Кони говорит о «неподражаемой ясности и краткости» Ключевского. Есть афоризм самого Ключевского о необходимости простоты: «Мудрено пишут только о том, чего не понимают»⁵⁸.

Лекция Ключевского была «праздником».

Педея стояли у дверей Большой словесной, где обычно читал Ключевский, и пытались пропускать по студенческим билетам только тех, кому надлежало слушать курс по расписанию, но «студенты всяких курсов и специальностей напирала силой», шли «стеной», прижимали педей к косяку дверей и «вваливались толпой» в аудиторию, в которой уже с утра смиренно сидели более предприимчивые и догадливые. Курсистки (очевидно, после закрытия курсов Герье), чтобы проникнуть на лекции Ключевского в университет, куда их не пускали, передевались студентами и остригали волосы... Забивались проходы и подступы к кафедре. В Большую словесную, «малоуютную», но зато вмещавшую в данных условиях по 500 слушателей, если не больше, с трудом входил своей быстрой, но осторожной походкой, слегка согнувшись, профессор Ключевский, в очках, пробираясь через толпу к кафедре и обыкновенно начиная лекцию сразу, по некоторым свидетельствам, еще на ступеньках, ведущих к кафедре. Когда позже лекции его перевели в самую большую так называемую Богословскую аудиторию, размещаться слушателям стало значительно удобнее. И резонанс в ней был куда лучше, чем в Большой словесной (вопрос о резонансе в аудитории очень важен для лектора). Часом раньше Ключевского тут шла богословская лекция, начинавшаяся при более чем скромном количестве слушателей, но чем более близилась она к концу, тем более прибывало народу, и лектор-богослов кончал ее при переполненном зале. Разгадка была проста — слушатели Ключевского стремились занять места в аудитории заблаговременно...⁵⁹

Тишина устанавливалась в аудитории немедленно, «жуткая», «многоговорящая» тишина, как пишет один из слушателей.

В первой половине своей лекционной деятельности Ключевский читал сидя, затем привык читать стоя. На кафедре обычно находились какие-то его записки, в которые, впрочем, он почти не

заглядывал. Некоторым (например, М. М. Богословскому) даже казалось, что он читал по написанному, а не говорил. Но подавляющее число свидетельств не подтверждает этого впечатления. Ключевский говорил, изредка заглядывая в свои записки, «со склоненным не то к рукописи, но то к аудитории корпусом», иногда приподнимая руку «в уровень с открытым лбом», откидывая прядь волос. Одни говорят о «зажмуренных глазах», другие — об остром сверкании глаз, очевидно, бывало и то, и другое. «Его лицо приковывало к себе внимание необыкновенной нервной подвижностью, за которой сразу чувствовалась утонченная психическая организация». Прядь волос всегда «характерно свешивалась поперек лба, прикрывая давний шрам на голове». Глаза, полускрытые за стеклами очков, иногда «на краткий миг сверкали на аудиторию черным огнем, довершая своим одухотворенным блеском силу обаятельности этого лица», — вспоминает А. А. Кизеветтер. Его «сухую и изможденную» фигуру «злые языки сравнивали с допетровским подьячим, а добрые — с идеальным типом древнего летописца», — вспоминает другой слушатель⁶⁰.

Удивительное дело — все до одного свидетели говорят, что Ключевский всегда читал «тихо»: «негромкий, спокойный голос» (М. М. Богословский), «тихий голос», «слабый голос» (А. Ф. Кони), «тихая речь» (А. А. Кизеветтер), «слабый голос» (В. Уланов) — на этом сходятся все. Вместе с тем все говорят о «привлекательном», даже «необыкновенно привлекательном» голосе, о «прозрачности звуковой стороны». При тихой речи — она была слышна каждому в аудитории, набитой сотнями человек. Отсюда естественное предположение: у Ключевского, очевидно, был поставлен голос, иначе он не мог бы достичь этого эффекта. Может быть, он обладал голосом, поставленным от природы. Но если вспомнить, что он пел и что в семинарии пение было обязательным предметом, можно предположить, что помощь природе пришла и оттуда. Был еще у Ключевского — музыкального человека — какой-то внутренний музыкальный ритм в построении фраз. Один из слушателей говорил ему на юбилее, а этой мысли не выдумаешь для торжества: «В ваших лекциях нас поражала музыка вашей блестящей речи». Музыки нет без ритма, а ритм в построении фразы у Ключевского легко заметить в его работах, изобилующих ритмичным строением предложений⁶¹.

А как же с заиканием? Он не преодолел его до конца, но совершил чудо — маленькие паузы, связанные с ним, он располагал в речи так, что они делались смысловыми, художественными паузами и придавали речи обаятельный и своеобразный колорит. Размеренные остановки речи превращали его недостаток в характерную индивидуальную черточку, «в милую особенность», — как пишет его ученик профессор М. М. Богословский.

Долгая и упорная работа, победившая этот недостаток, содействовала, очевидно, и прекрасной дикции Ключевского: он «отчеканивал» каждое предложение и «особенно окончания произносимых слов, так что для внимательного слушателя не мог пропасть ни один звук, ни одна интонация негромко, но необыкновенно ясно звучавшего голоса»⁶², — пишет А. И. Яковлев.

Темп речи был всегда медленным: «Неторопливость лекции была такова, что при небольшом навыке можно было... записывать, не пользуясь стенографией, буквально слово в слово, как она произносилась». Определение «чеканности» употребляют не стовариваясь многие слушатели: один пишет о «чеканной речи», другой — о «неторопливом чекане речи» и т. п.⁶³

А. Ф. Кони говорит о «чудесном русском языке» Ключевского, «тайной которого он владел в совершенстве». Словарь Ключевского очень богат. В нем много слов художественной речи, характерных народных оборотов, немало пословиц, поговорок, умело применяются выразительные строки старинных документов. Ключевский легко находил живые, свежие слова, сразу западавшие в память. Русский человек любил реку, на ней «он оживал и жил с ней душа в душу... Никакой другой стихии не говорил в песне таких ласковых слов — и было за что». Слушатели на всю жизнь запоминали облик сына Грозного — слабого Федора Иоанновича и то, что после смерти Грозного «умный шурин Годунов осторожно встал на место бешеного отца». Ключевский был мастером выбирать слова. Важно свидетельство о неизменно правильном построении живой фразы, в которой были на месте «все оттенки синтаксического и этимологического сцепления фразы». Ю. И. Айхенвальд даже упрекал Ключевского за «чрезмерно правильное» грамматическое построение предложений! При этом в устной речи не было никаких оговорок, поправок, повторов, никакого «любимого» словесного «мусора», вроде постоянных «так сказать», «изволите ли видеть» и тому подобного, затыкающих паузы, когда лектор ищет подходящее слово, и часто сильно мешающих слушать, вызывающих у слушателей досаду и скуку. Язык Ключевского был свободен и от стертых словесных шаблонов — каждое слово было удачно выбрано, звучало, как живое, новое⁶⁴.

Но при этом небыстром, отчетливом, отчеканенном произнесении фраз удивительно богатыми и разнообразными оказывались интонации — редкое искусство Ключевского. Он умел развить музыку разнообразнейших интонаций, связанных в то же время с живыми изменениями мимики лица. Слышавшие его говорят о голосе «неисчерпаемом по интонациям и фразировке», о «чисто артистической речи». «В течение одной и той же лекции лицо и тон Ключевского беспрестанно менялись в зависимости от того, что он говорил», — свидетельствует его слушатель А. Белов. Одно из очарований заключалось именно «в переливах интонации, в мо-

дуляциях голоса, — вспоминает Ю. И. Айхенвальд. — Нельзя было не удивляться, как много мысли и мудрости, как много сути и содержания можно вложить в самую фонетику речи». В патетических местах голос Ключевского, вы думаете, возвышался? Нет, «спускался почти до шепота», являя этим контраст с предыдущим изложением. Отъезд Ивана Грозного в Александровскую слободу рассказывался в обычном тоне, а вот страшный возврат из нее... Тут Ключевский рассказывал о событиях шепотом, как будто боялся, чтобы Грозный не услышал и не испепелил гневом, — присутствие вернувшегося страшного царя ощущалось чуть ли не за дверью аудитории. В драматических местах черные глаза Ключевского умели «сверкать огнем». «Изображая конфликт между Олегом и Аскольдом и Диром, Василий Осипович умел изобразить столкновение, происходившее между «законными» и «незаконными» представителями княжеской власти самой интонацией голоса и игрой выразительного лица». Отмечали «его необыкновенно развитую мимику лица и глаз». Ученики вспоминали, что «из ничтожных остатков прошлого» Ключевский умел «создать живые образы людей и человеческих отношений» и казался «чем-то вроде колдуна или чародея». «Давно отжившие лица снова выступали действующими на исторической сцене во всей их индивидуальности, со всеми их достоинствами и недостатками как действительно конкретные личности», — в один голос говорили слушатели о Ключевском. «Завидев вас на кафедре, мы целиком отдавались в вашу власть»⁶⁵.

Художница Е. Д. Поленова записала в дневнике: «Сейчас возвратилась с лекции Ключевского. Какой талантливый человек! Он читает теперь о древнем Новгороде и прямо производит впечатление, будто это путешественник, который очень недавно побывал в XIII—XIV вв., приехал и под свежим впечатлением рассказывает все, что там делалось у него на глазах, и как живут там люди, и чем они интересуются, и чего добиваются, и какие они там...»⁶⁶

Лекции Ключевского в училище живописи, ваяния и зодчества посещали художники В. А. Серов, А. М. Васнецов и др. Среди учеников училища сложилось мнение, что знаменитый эскиз Серова «Петр I» создан художником под впечатлением лекций Ключевского о Петре и его эпохе⁶⁷.

Глубокое знание предмета и художественные особенности мышления позволяли Ключевскому как бы видеть то, о чем он говорил. Он конкретно представлял себе прошлое и воссоздавал его в воображении слушателей не просто как «картинки», а как основу своего научного вывода. Он проникал в строй старой жизни и зримым образом познавал ее. Он, по мнению современников, владел даром художественного внушения.

Слушатели наблюдали особые лекционные приемы Ключевского.

Он умело оживлял и обострял внимание аудитории контрастностью переходов от одной интонации к другой: лирический тон рассказа о каком-либо событии неожиданно сменялся у него ярким сарказмом, выход из напряжения создавался нотой внезапного комизма, и «шелест смеха» пробегал по аудитории. Спокойное обобщение вдруг оживлялось ярким конкретным штрихом, неожиданной метафорой, шуткой. Иной раз старинный термин пояснялся нарочитым уподоблением современности: начальника Челобитного приказа XVI в. вдруг назовет, например, статс-секретарем у принятия прошений на высочайшее имя; цель — и слегка рассмешить, дать почувствовать подтекст значительной разницы, и сразу облегчить запоминание⁶⁸.

Аудитория Ключевского, по впечатлениям слушателя, «как бы по команде то грохочет от смеха, то замирает с улыбкой, готовой перейти в хохот, подавленный боязнью не расслышать дальнейших слов, пропустить точный текст к богатой мимике художника слова».

Хорошо описывает один из моментов лекции его слушатель А. Белов: «Русский человек, — говорил Ключевский, — мог беспошлинно только родиться и умереть». Вдруг в его глазах зажигается веселый огонек, редкая бородка, растущая у подбородка, вздрагивает как бы от внутреннего смеха, и с уст срывается «добродушная» насмешка: «Это была, конечно, финансовая непоследовательность, исправленная, впрочем, духовенством»⁶⁹.

Профессор Н. А. Глаголев, показывая мне свою запись лекции Ключевского, пояснял, что известное место, относившееся к платьям императрицы Елизаветы Петровны, Ключевский читал так: сосредоточенно наклонив голову над рукописью, будто боясь ошибиться в цифрах, он деловито произносил: «У нее в гардеробе было 15 000 платьев, два сундука шелковых чулок...» Тут он прерывает цитату, поднимает голову, хитро смотрит на аудиторию и как бы «от себя» добавляет: «...И ни одной разумной мысли в голове» (в «Курсе» Ключевский этого не включил)⁷⁰.

В лекторском мастерстве Ключевского огромный природный талант был развит, разработан неустанным трудом. Талант соединялся с обширным запасом преподавательского опыта. Он начал преподавать за копейки чуть ли не с десятилетнего возраста, а чисто лекторский, по-нашему «вузовский», опыт к началу его громкой и прочной славы 80-х годов уже насчитывал более полутора десятка лет.

Студентом он постоянно делал наблюдения за манерой чтения профессоров, отмечая для себя достойное применения и отвергая ошибочные приемы, — вспомним характеристики лекторов, данные им, первокурсником, в одну из пятниц в письме семинарскому другу Васеньке Холмовскому. Он описывает там манеру чтения

профессоров, их внешний облик, делит на особые типы слушателей в аудитории. Все это оказалось «заготовками» для будущей лекционной работы.

И позже, в расцвете творческих сил, Ключевский постоянно записывает наблюдения за приемами лекторского мастерства, создает афоризмы об этом, заполняет заметками о приемах преподавания целые страницы. Кратко говоря, он сознательно изучает вопрос о лекторском мастерстве, вникает в него, а не отдается велениям интуиции.

Одну из тайн своего мастерства Ключевский раскрыл в таких словах: «Говоря публично, не обращайтесь ни к слуху, ни к уму слушателей, а говорите так, чтобы они, слушая вас, не слышали ваших слов, а видели ваш предмет... воображение и сердце слушателей без вас и лучше вас сладят с их умом». Смысл этого своеобразного совета — призыв к сотворчеству, к участию самих слушателей в добывании вывода из созданного лектором их живого «лицезрения» фактов, реального процесса, который можно видеть. Это внутреннее видение фактов и заставляет «лучше», чем прямая формула преподавателя, добыть «самому» нужный научный вывод⁷¹.

Тут налицо особое, глубинное общение студента с исследовательским процессом преподавателя. Ключевский неожиданно подчеркнул и одну из сил, создающих это внутреннее общение: мало знать предмет, мало ясно его излагать, «чтобы быть хорошим преподавателем, надо любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь».

Особо выразительны записи, подводящие итоги, суммирующие эффективность примененных приемов: «Развивая мысль в речи, — пишет он в 90-е годы, — надо сперва схему ее вложить в ум слушателя, потом в наглядном сравнении предъявить ее воображению и, наконец, на мягкой лирич[еской] подкладке осторожно положить ее на слушающее сердце, и тогда слушатель — Ваш военнопленный и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послушн[ым] Ваш[им] клиентом». Большой, сложный план действий высокого искусства! Написав слово «схему», а может быть, и перечитывая запись в целом, Ключевский остался не совсем удовлетворен избранным термином и написал под ним: «Кратк[ие] отчекан[енные] афоризмы». Концепция, конструкция основного костяка мысли — «схема» не должна быть «схематичной», сухой, безжизненной, она должна оформиться в афоризмы, да еще «отчеканенные», полные ясности! Как легко было запомнить слушателю такую схему и как прочно вмещала она излагаемые далее факты и их анализ⁷².

Таким образом, афоризмы, да еще «отчеканенные» по Ключевскому, входят в работу лектора. Они несут в себе как бы сконцентрированную энергию, конденсированную мысль. Они со всей

своей концентрацией познания мгновенно ложатся в память, легко воспроизводятся, передаются потом на ходу, в разговоре и разлетаются по Москве, а потом и дальше. Конечно, афоризмы Ключевского возникали далеко не только для лекционного курса, есть и другие. Но многие он трудолюбиво оттачивал в тишине кабинета именно для лекций и, отработав, записывал в книжечку под очередным номером. В нужном месте читаемой лекции со всем блеском случайного экспромта он бросал их в аудиторию, подтверждая, в частности, веселую истину, что лучшие экспромты тщательно готовятся.

Экспромты на исторические темы бросались и во время разговоров с коллегами, во время вечеринок, случайных встреч, в перерывах между лекциями. Иной раз повторять их было небезопасно, но они запоминались. Иногда они были чрезмерно скептически, но вызывали на размышление.

— Русские цари — мертвецы в живой обстановке.

— *Франция революционная: братство народов без участия монархов. Старая Европа: братство монархов без участия народов...*

— Римские императоры обезумели от самодержавия; отчего имп[ератору] Павлу от него не одуреть?

— А[лександр] I: Свободомыслящий абсолютист и благожелательный неврастеник. Легче притворяться великим, чем быть им.

— Славянофильство — история двух-трех гостиных в Москве и двух-[трех] дел в московской полиции⁷³.

«Чтобы быть ясным, оратор должен быть откровенным»⁷⁴. Открывать аудитории надо истинную суть мыслей своих и сомнений, а предлагать ей условно приемлемую ложь — такая не воспримется. Да и слушатель почувствует обман, доверие его исчезнет.

Лекционная работа была призванием Ключевского: «Я так и умру, как моллюск, приросший к кафедре», — говорил он. И еще более ясный афоризм: «Я говорю краснó, потому что мои слова пропитаны моей кровью»⁷⁵.

Общение Ключевского с Ф. И. Шаляпиным служит развитию темы о Ключевском — лекторе, маге слова. Остановимся теперь на этом.

9

Шаляпин пел в «Псковитянке» Ивана Грозного. Работать над ролью ему было «очень трудно». «В то время, — пишет он в своей автобиографии «Страницы из моей жизни», — у меня не было такого великолепного учителя, как В. О. Ключевский, с помощью которого я изучал роль Бориса Годунова...»

О своем творческом общении с Ключевским во время работы над ролью царя Бориса Шаляпин рассказывает дважды — подробно в «Страницах из моей жизни» и еще раз, с дополнитель-

ными деталями, во втором автобиографическом произведении «Маска и душа»⁷⁶. Подготовка к роли шла в конце 90-х годов, Шаляпин встретился с Ключевским в 1898 г. Лето Ключевский проводил во Владимирской губернии, на даче артистки Любатович. Неподалеку, в «егерском домике» того же имения, поселился вместе с С. В. Рахманиновым Шаляпин, они работали над ролью царя Бориса. Узнав, что Ключевский живет поблизости, артист попросил познакомить его с историком и с первого же момента встречи был им очарован. Ключевский встретил гостя радушно, напоил чаем, и, когда Шаляпин попросил рассказать ему о Годунове, предложил отправиться с ним гулять. «Никогда не забуду я эту сказочную прогулку среди высоких сосен по песку, смешанному с хвоей, — пишет Шаляпин. — Идет рядом со мною старичок, подстриженный в кружало, в очках, за которыми блестят узенькие мудрые глазки, с маленькой седой бородкой, идет и, останавливаясь каждые пять—десять шагов, вкрадчивым голосом, с тонкой усмешкой на лице, передает мне, точно очевидец событий, диалоги между Шуйским и Годуновым, рассказывает о приставах, как будто был лично знаком с ними, о Варлааме, Мисаиле и обаянии Самозванца. Говорил он много и так удивительно ярко, что я видел людей, изображаемых им. Особенное впечатление произвели на меня диалоги между Шуйским и Борисом в изображении Ключевского. Он так артистически передавал их, что, когда я слышал из его уст слова Шуйского, мне думалось: „Как жаль, что Василий Осипович не поет и не может сыграть со мною князя Василия!“».

Шаляпин образно и глубоко передал впечатление об артистической особенности перевоплощения Ключевского. В этом была одна из тайн его обаяния как лектора — слушатели постоянно повторяли, что Ключевский казался им путешественником, только что побывавшим в минувших веках и говорящим им о том, что он сам видел и слышал.

С большой глубиной и ясностью Шаляпин передает нам в рассказе ту концепцию Бориса Годунова, которую развивал перед ним Ключевский: «В рассказе историка фигура царя Бориса рисовалась такой могучей, интересной. Слушал я и душевно жалел царя, который обладал огромной силой воли и умом, желал сделать Русской земле добро и создал крепостное право. Ключевский очень подчеркнул одиночество Годунова, его яркую мысль и стремление к просвещению страны. Иногда мне казалось, что воскрес Василий Шуйский и сам сознается в ошибке своей — зря погубил Годунова».

Стоит сопоставить это описание со страницами, посвященными Борису Годунову в «Курсе» Ключевского, чтобы убедиться, как сдержанно передал Ключевский в «Курсе» свою концепцию о царе Борисе.

Встреча зашла за полночь. «Переночевав у Ключевского, я сердечно поблагодарил его за поучение и простился с этим удивительным человеком. Позднее я очень часто пользовался его глубоко поучительными советами и беседами».

В работе «Маска и душа» Шаляпин дополняет рассказ: «Тонкий художник слова, наделенный огромным историческим воображением, он оказался и замечательным актером». Ключевский в этой незабываемой беседе *играл* Василия Шуйского: «Остановится, отступит шага на два, протянет вкрадчиво ко мне — царю Борису — руку и так рассудительно, сладко говорит...» (тут Ключевский цитирует пушкинские строки из разговора Шуйского с Годуновым: „Но знаешь сам, бессмысленная чернь изменчива, мятежна, суеверна“, — почти до конца реплики, рисуя возможность того, что народ поверит Самозванцу...). «Говорит, а сам хитрыми глазами мне в глаза смотрит, как бы прощупывает меня, какое впечатление на меня произвели его слова — испуган ли я, встревожен ли? Ему это очень важно знать для своей политической игры. И я понимал, что, когда говорит такой тонкий хитрец, как Шуйский, я, Борис, и слушать его должен, как слушают ловкого интригана, а не просто бесхитростного докладчика-царедворца». Так характеризовал актерский дар Ключевского величайший знаток артистического мастерства.

В театре партию Шуйского исполнил артист Шкафер, интеллигентный и хорошо понимавший роль певец. А Шаляпин все-таки думал: «Эх, если бы эту роль играл Василий Осипович...»¹

3 декабря 1903 г. в бенефис Шаляпина в Большом театре шел «Борис Годунов». После спектакля Шаляпин пригласил гостей на ужин в ресторан Тестова, «почти напротив театра». «Участвовало много народу по приглашению, — вспоминает Н. Д. Телешов, — человек до ста». Было много речей, «но особенно значительной была речь знаменитого историка профессора Василия Осиповича Ключевского, который рассказал, как готовился к своим ролям Шаляпин, как просил он помочь ему уяснить образы Годунова и Грозного, психологию этих образов, как он вдумчиво вникал во все и как работал... Этого никто не знал»⁷⁷.

На этом ужине группа почитателей А. П. Чехова послала больному писателю в Ялту теплую дружескую телеграмму, которую вместе с Шаляпиным, Горьким, Серовым, Коровиным, Се-
рафимовичем, Буниным, Скитальцем, Марией Павловной Чеховой и рядом других подписал и Ключевский⁷⁸.

Ключевский вложил свое и в столь великолепное явление русской культуры, как роли Шаляпина на оперной сцене, — это неотъемлемо в общем вкладе ученого в культурные ценности своей эпохи. Очень жаль только, что речь Ключевского о Шаляпине осталась незаписанной и мы знаем о ней лишь по воспоминаниям современников.

Облик Ключевского в 80—90-е годы XIX в. рисуется энергичным, целенаправленным, полным активности. Перейдя рубеж своего пятидесятилетия, он полностью сохранил невероятную трудоспособность. Она поражала учеников, куда более молодых, они не могли угнаться за стареющим учителем. Один из них вспоминает, как, проработав долгие часы вместе с молодежью поздним вечером и ночью, Ключевский появлялся утром на кафедре свежим и полным сил, в то время как его ученики еле стояли на ногах.

Конечно, и он иногда прихварывал — жаловался то на воспаление горла, то на простуду, его начали раздражать сквозняки, продувавшие лекционный зал на курсах Герье; бывало, что болели зубы. Но он сам называл свое здоровье железным — и был прав. А иной раз, ища более сильный эпитет, он величал свое здоровье «свинцовым». Не очень-то соблюдая правила гигиены (работал ночами, не щадил глаз), он тем не менее создал про нее оригинальный афоризм: «Гигиена учит, как быть цепной собакой собственного здоровья». О работе было другое изречение: «Кто неспособен работать по 16 часов в сутки, тот не имел права родиться и должен быть устранен из жизни, как узурпатор бытия». Оба афоризма относятся к 90-м годам. Память его была поразительна. Один из ее документов более молодых — 70-х годов — дневниковые записи на III Археологическом съезде (1874 г.) в Киеве, сделанные после заседаний (в прошедшем времени: «... протоиерей Лебединцев читал...» и т. д.), полны множества точных имен, дат, оглашенных в докладах конкретных фактов, подробных характеристик лиц, перечней памятников... Вечером он на память записывал впечатления от монастырей, точно помня, что видел налево от ворот, а что направо. В 90-е годы он по-прежнему продолжал удивлять памятью. Однажды, поднимаясь на кафедру для доклада на каком-то публичном научном торжестве, он споткнулся о ступеньку и выронил листки с записями, они веером разлетелись по полу, их порядок был явно в корне нарушен. Листки еще раз перемешали бросившиеся на помощь профессору слушатели. Все взволновались за судьбу доклада. Только жена Ключевского Анисья Михайловна, сидевшая в первых рядах, сохранила полное спокойствие: «Прочтет, прочтет — он все наизусть помнит», — невозмутимо успокоила она соседа. Так и вышло. И позже память сохранялась удивительная. Отчеканенные непрерывной лекторской практикой формулировки, последовательность изложения, даже остроты возникали в чтении свободно и как бы произвольно: академик Н. М. Дружинин, слушавший лекции уже постаревшего Ключевского в 1904 г., запаса как-то его литографированным «Курсом» и убедился в разительном совпадении живого изложения с ранее отработанным⁷⁹,

Мельчайший, но очень отчетливый, «бисерный», пожалуй, даже мельче бисера почерк, записи острейше отточенным карандашом долго свидетельствовали и говорили о хорошем зрении — читать архивные рукописи Ключевского мешает обычно не его почерк — он чаще всего безупречен, как бы мелок ни был, — а стершийся от времени карандаш. Лишь в последние годы жизни его почерк сменился на более крупный, с преимущественным употреблением пера и чернил. «Уметь разборчиво писать — первое правило вежливости», — гласит один из его афоризмов (1891 г.). На письменном столе у него не было какой-нибудь массивной чернильницы на мраморной доске, а стоял пятикопеечный пузырек чернил, куда он макал перо, как некогда в семинарские годы⁸⁰.

Всю жизнь Ключевский любил тщательно разрезать еще неразрезанные листы новых книг (в то время книги выходили, как правило, в согнутых печатных листах, сброшюрованные, но неразрезанные), ему нравилось само ощущение этого движения — разрезать страницы... И в старости он, по собственному выражению, «разрезал книги со студенческим нетерпением». Обычным способом его первого чтения новой книги был такой, по его ироническому замечанию, «дурной способ»: по оглавлению отыскивались сначала те места, которые казались ему «особенно любопытными», и уже затем, в случае большого интереса, читалась вся книга с первой страницы⁸¹. Справедливо считая эту практику чтения распространенной, он продумал, как можно использовать ее в пику цензорскому оку. Во многих своих книгах он строит оглавление так, что по оглавлению затемнены и затруднены поиски острых тем. Так, медный бунт XVII в., в отсутствии которого в «Курсе» его нередко упрекают, он прячет в главу о финансах под рубрикой «Медные деньги», попробуй, найди его! А введение к новому периоду русской истории с упоминанием и о Николае I, и о декабристах скрывает в оглавлении под рубрикой Смуты начала XVII века. Едва ли это случайно.

Фотография 1890 г. воспроизводит новые черты его внешнего облика: по-прежнему за стеклами очков живые и необычайно пронзительные темные, «острые» глаза, так и готовые уловить приметную черту собеседника, особенно смешную; характерной остается сосредоточенность в себе, удивительно соединенная с зоркой наблюдательностью внешнего мира. Но некогда «взлелеянные» баки уже слились с общим обрамлением лица бородой или скорее бородачкой, видимо, мало занимающей ее обладателя. Перед вами типичное лицо «разночинца», без малейших примет холености, забот о внешности, обычных для дворянских физиономий. Походка, по наблюдениям студентов, осталась деловой, скромной, осторожной и одновременно быстрой — идет и не замечает влюбленных взглядов слушателей, торопится на лекцию, занят серьезным делом.

Поколения сельского духовенства скопили привычки бедняцкой, простой жизни, непритязательной до некоторого уничтожения скромности, и оставили свою особую печать на внешности Ключевского и на его быте. Давно мог бы он гордо нести свою славу, чувствовать себя знаменитым, любимым, незаменимым, но нет и тени высокой самооценки в его поведении, даже, напротив, подчеркнутое игнорирование славы. От аплодисментов он «хмуро и досадливо отмахивался». Знаменитый профессор, давно уже не стесненный нехваткой денег, ходил в «старенькой, поношенной до предела шубе». «Что же шубы-то новой, Василий Осипович, себе не заведете? Вон потерлась вся», — замечали приятели. «По роже и шуба», — лаконично отвечал Ключевский. Он не любил обязательного синего вицмундира с золотыми пуговицами, в котором вынужден был все же в иные университетские годы, согласно требованиям начальства, появляться на лекциях; он с пренебрежением относился к этому «форменному фраку», его тяготившему. Когда сослуживцы по-приятельски указывали ему на «пыльные пятна» на этом «фраке», Ключевский стрелял в них изречением: «И на солнце не без пятен». В официальной жизни Ключевский предпочитал черные сюртуки, но шил их у дешевых портных. Пиджаков никогда не носил, разве что в молодости, а дома, где было холодно, ходил в немыслимых самодельных кацавейках и длинных кофтах, сохранявших тепло⁸².

Невзрачность внешнего вида даже явилась однажды причиной некоторого столкновения с полицией. Как-то во время студенческих волнений полицейские, оцепившие университет, приняли его за мелкого канцеляриста и не хотели пропустить в здание. Сам он рассказывал об этом так:

«— Нельзя, — говорит околоточный.

— Да мне нужно!..

— Нельзя.

— Мне необходимо.

Околоточный, с издевкой:

— Вы что, может быть, профессор?

...Ну, я и... сознался!..»⁸³

Известная богачка Морозова, у которой Ключевский когда-то занимался с сыном, предлагала ему «в качестве презента» коляску и «двух дышловых лошадей». «И все-таки я отказался... Помилуйте, разве мне это к лицу?.. Разве не смешон был бы я в такой коляске? Ворона в павлиньих перьях...»⁸⁴

На лекции в университет Ключевский ездил на извозчике. Московские извозчики делились тогда на обыкновенных, «в́анек», и «лихачей». Лихачи обладали щегольскими пролетками, сами понаряднее одевались, а колеса у них были, как они говорили, «на шинáх», иначе на «дúтиках», — ездили мягко, не тарахтели по камням мостовой. Ключевский всегда без исключений ездил

только на «ваньках». Знакомые «ваньки» уже знали его лекционные часы и поджидали на углу. Нередко Ключевский вел с «ваньками» по дороге оживленные беседы. Ездил Ключевский по своим делам и на «убогой московской конке», причем «забирался и на империял», т. е. на самый верх. Конка, как вспоминает его ученик, отличалась тогда бесконечными простоями чуть ли не на каждом разъезде. В Троице-Сергиеву лавру для преподавания в Духовной академии Ключевский ездил по железной дороге, всегда в третьем классе, самом дешевом, в толпе богомольцев. Поглядывая на окружавшие Лавру деревни, где почему-то преобладали безмужние матери с детьми, он бросал лаконичное определение: «Творения святых отцов». В лаврской гостинице в определенные дни недели для него заранее удерживали на необходимые ему два дня очень скромный номер (полтинник в день!) — все тот же, в котором он останавливался, когда только начал работать в академии молодым преподавателем. После лекции «у Троицы в Академии» Ключевский иной раз катался на каруселях с крестьянскими парнями.

Из каких-либо, говоря по-современному, «hobby», мы знаем лишь о страсти Ключевского к рыбной ловле. Ловил иногда один, иногда с приятелями, больших удач не отмечено. Как-то ездил с Н. С. Тихонравовым в Кунцево, по колена промокли после дождя, «изловили одного окуня, двух пескарей и 14 ершей»⁸⁵...

В большой квартире в Замоскворечье, «у Серпуховских ворот», на Житной улице в доме Смирнова — это считалось тогда «в конце города» — царил строгий порядок. Всюду по чистым крашеным полам были проложены по линиям наибольших хождений плотные, ручного тканья дорожки в полоску. В квартире было много цветов, зелени. Во всех комнатах висели иконы — Анисья Михайловна была очень набожной. Под праздничные дни перед иконами зажигались лампадки. Не было случая, чтобы Анисья Михайловна пропустила всенощную или праздничную обедню. Совсем рядом с домом была большая соборная церковь Петра и Павла, кажется, три шага дойти — и она у богослужения. Но жена Ключевского признавала только огромный храм Христа Спасителя, куда отправлялась пешком через мосты. Ключевский, посмеиваясь, называл набожные увлечения жены «спортом».

В кабинете царил простота. Спал Ключевский там на диване, ежевечерне стеля себе постель, а утром скатывая и пряча. Так он никому не мешал своей ночной работой.

Сын Ключевского — Борис Васильевич, кончивший два гуманитарных факультета, увлекался спортом и усовершенствованием велосипеда. Он изобрел для него какую-то весьма полезную «гайку». Катая ее на ладони, Ключевский говорил гостям: «Время-то какое пришло! Чтобы такую гайку изобрести, надо два факультета кончить — исторический и юридический. . .»

Жена и сын настаивали на улучшении простого быта семьи. С неохотой Ключевский делал уступки. Купили со временем зеркальный шкаф, входивший в моду, но вскорости он оказался забит книгами. Заказали два обширных гардероба красного дерева, но они так и вошли в употребление без окраски и полировки: «Сойдут и так», — сказал Ключевский.

Важным усовершенствованием оказалась техническая новинка — телефон: номер 10—49.

Характер Ключевского в известной мере отражен в его афоризмах. Их более тысячи, и если распределить их по темам, то довольно большая доля придется на суждения об умных и дураках. Это одна из его любимых житейских тем. Метки наблюдения: «Говоруны не бывают умными» и «Люди, которые легко говорят, обыкновенно трудно понимают»; «Есть люди, которые умеют говорить и не умеют ничего сказать». Эта же тема разработана в ироническом плане — и сразу смещается угол зрения: «Высшая степень искусства говорить — умение молчать».

Дальнозорок подтекст изречения: «Есть люди, все заслуги которых те, что они ничего не делают» (читатель договаривает за автора: «А если бы делали! Ведь ужас, что было бы!»). Едкий ответ некоему собеседнику: «Вы — выше нас всех: вы один понимаете, что говорите». Еще лучше: «...Из двух полоумных никогда не составить и одного умного».

Что такое диссертация? Это «труд, имеющий двух оппонентов и ни одного читателя»⁸⁶.

Язвительность нередко соединялась у Ключевского со скепсисом и пессимизмом: «Христы редко являются — как кометы, но Иуды не переводятся — как комары»⁸⁷.

НАКАНУНЕ «КУРСА»

1

При всей своей тонкости, дальновидности, умении говорить инсказательно, Ключевский все же не мог не остановить на себе внимания политического надзора. Поскольку таких надзоров в царской России было в то время несколько и они работали с известной самостоятельностью, вопрос о «благонадежности» Ключевского был поставлен в разных инстанциях надзора одновременно. Едва ли не первый сигнал возник в 1886 г. в донесении московского обер-полицмейстера (от 25 февраля), причем не по поводу лекций, а по причине вхождения Ключевского в заподозренную редакцию «Русской мысли»¹. В донесении читаем: «Журнал „Русская мысль“, издаваемый В. М. Лавровым, принадлежит, безусловно, к органам тенденциозной печати, поставившей себе целью изменение современного политического порядка путем резкой и односторонней критики как этого порядка, так и всех мер и распоряжений правительства. За прекращением журнала „Отечественные записки“, служившего, как известно, центром антиправительственного направления..., „Русская мысль“ сделалась новым революционным центром»².

В этих словах донесения было несомненное преувеличение, характерное для полиции, напуганной недавним цареубийством, теперь на ее обязанности лежало своевременное выискивание крамолы. Но любопытна дальнейшая мотивировка: «В „Русской мысли“ собрались вновь деятели „Отечественных записок“, фактическим руководителем является крайний радикал В. А. Гольцев совместно с Н. Н. Бахметевым... Сотрудники журнала — лица неблагонадежные — Шелгунов, Пругавин, Златовратский, Харламов, Короленко, Глеб Успенский, Эртель, Герценштейн, Н. К. Михайловский, профессора Иванюков и Ключевский, и граф Л. Толстой». Далее обер-полицмейстер отмечал, что литературная деятельность журнала приняла «крайний антиправительственный характер. Запрещенное цензурой долженствовавшее появиться в журнале произведение «Так что же нам делать?» было нелегально отгектографировано по корректуре, доставленной Пругавиным, в кружке умершего инженера А. И. Александрова, в квар-

тире Губаревой, и распродалось по 2 руб. за экземпляр между учащейся молодежью». Далее следовал поименный список упомянутых заподозренных лиц с краткими ремарками о благонадежности. В нем, в частности, отмечалось, что В. М. Лавров состоит под негласным надзором с 1882 г., Н. В. Шелгунову, А. И. Эртелю, Н. К. Михайловскому и М. Я. Герценштейну «воспрещено жительство в Москве», а В. Г. Короленко «сослан под надзор полиции». Имена заключавших список В. О. Ключевского и профессора Петровской академии И. И. Иванюкова были объединены фигурной скобкой и около них стояло: «Политическая благонадежность их сомнительна». Далее шел розыск о недостаточно ясных для полиции лицах, не было ли чего за ними ранее: около имени Ключевского есть ремарка: «Сведений в делах Департамента полиции не имеется»³. Отсюда можно заключить, что политический надзор за Ключевским начался, по-видимому, лишь в феврале 1886 г., за более раннее время в Департаменте полиции «сведений не имелось».

Новые «сведения» о Ключевском не замедлили, однако, поступить в распоряжение надзора в следующем же 1887 г. То было время кризиса в движении революционного народничества. Прогрели народнические процессы 80-х годов. Выстрел 1 марта размежевал движение. Возникали рабочие кружки, связанные между собой тесными связями, с новыми, своеобразными элементами идеологии. Неожиданным образом обнаруживаются связи Ключевского именно с руководителем одного из таких кружков.

В более позднем (1899 г.) донесении о «неблагонадежности» Ключевского, являющемся сводкой данных о нем, собранных в Министерстве внутренних дел за предыдущее время, мы читаем, что в 1887 г. он был «замечен в сношениях с лицами заведомой политической неблагонадежности»⁴. О ком же идет речь? Более подробные данные Департамента полиции вносят некоторую ясность в этот вопрос: «Ключевский в 1887 г. общался с руководителем подпольного кружка рабочих, помощником присяжного поверенного Московской судебной палаты Владимиром Константиновичем Олениным», пензенским земляком, который заменил прежнего главу «кружка» — Леонида Кузнецова после ареста последнего. Владимир Оленин — участник студенческих сходок. Заметим, что именно в 1887 г. среди рабочих Москвы циркулирует обращение с призывом «местных фабричных рабочих к защите студентов Московского университета, угнетенных правительством»⁵. Кружок, по донесению полиции, «сплотил до 50 рабочих». Его цель — «иметь типографию, мастерские и торговать книгами революционного содержания»⁶. Один из участников приобрел под вексель у Оленина книжную лавку на Немецком рынке и посылает книги по ярмаркам, сбывает нелегально издания вроде брошюры Л. Толстого «Николай Палкин» и прокламаций, например по по-

воду приговора суда над крестьянами, убившими управляющего в имении Гучкова Пензенской губернии. «Кружком решено было убить Зубатова за то, что будто бы он выдал Леонида Кузнецова и служившего на Курской железной дороге Денисова». Интересно, что группа, руководимая В. К. Олениным, имела связи с многими фабриками вне Москвы — в Орехово-Зуеве, Павлове и других центрах скопления рабочих. С группой были связаны и рабочие табачной фабрики Бостанжогло, фабрик Зелига, Грессара, Каплуна, Марковой, Смирновой, Кавелина и др.⁷

Таким образом, под «лицами заведомой политической неблагонадежности» разумеются Владимир Константинович Оленин и, может быть, какие-то связанные с ним лица (Департамент полиции употребил множественное число). Более о связи Оленина с Ключевским мы пока ничего не знаем, кроме факта нелегальной публикации литографированных лекций Ключевского «по новейшей истории» в той же подпольной типографии кружка. Конечно, никак нельзя предположить, что Ключевский разрешил это, но то, что он знал об этом, не вызывает сомнений. Факт не отдельной случайной встречи, а знакомства Ключевского с Олениным также указан в справке Департамента полиции⁸ в деле 1897 г., озаглавленном «О профессоре Московского университета В. И. Ключевском» (в данном случае «И.» в инициалах историка, очевидно, означает «Иосифович» вместо более распространенного бытового именованья отчества Ключевского как «Осипович»). Конечно, из всех этих данных не надо делать какие-либо далеко идущие выводы. Руководители революционных рабочих кружков 80-х годов XIX в. общались с широким кругом либеральной интеллигенции, собирая денежные средства для революционных целей, устраивая нелегальные ночлеги, скрывая участников подпольной работы от поисков Департамента полиции. Но тем не менее общение Ключевского именно с этим кругом людей — новая черта в его облике 80-х—начала 90-х годов. Мелькнувший в делах факт связи кружка с Пензенской губернией также небезразличен. Не так уж замкнуто жил Ключевский на Житной улице, эпоха входила в его дом и с этой стороны.

Очевидно, цитированная обобщающая сводка о Ключевском опиралась в указанном отношении на сведения, поступившие в Департамент полиции в 1888 г., — тогда было обнаружено, что в подпольной литографии, где публиковались революционные прокламации, «печатаются какие-то лекции Ключевского по новейшей истории и сочинение Л. Толстого „В чем моя вера“»⁹. Литографирование университетских лекций студентами было в то время уже запрещено после введения устава 1884 г. и университетских правил 1885 г. Весь этот полицейский материал пока не выходил, однако, из Департамента полиции, и можно предполагать, что ни университетское начальство, ни Министерство просвещения еще

об этом ничего не знали. Ключевский позже указанных дат был назначен деканом, потом проректором.

В ноябре 1888 г. Ключевский в числе других профессоров (Герье, Грот, Виноградов, Стороженко и др.) захотел прочесть цикл публичных лекций в Политехническом музее, и попечитель Московского учебного округа в своем отношении к министру народного просвещения с просьбой о разрешении этих чтений писал, что указанные профессора «по своим научным достоинствам и полной благонадежности вне всякого сомнения»¹⁰. Следовательно, Московскому учебному округу, к которому относился Московский университет, сведения московского обер-полицмейстера остались неизвестными.

В 1889 г. на Ключевского поступил новый донос, явно политического характера. Доносчицей оказалась слушательница Высших женских курсов В. Герье Н. П. Верблюнская. «Я, как верноподданная, считаю священным долгом заявить фамилии всех лиц, замеченных мною своими противозаконными поступками, где (I) немедленно должен быть произведен обыск, ибо момент наступил: в июле во Франции будет праздноваться революция, они готовят рефераты, речи, брошюры, хотят ехать в Париж, чтобы вступить в стачку с французскими революционерами и истребить весь царствующий дом, а равно и всех представителей властей», — писала, как в лихорадке, доносчица, по мнению самой полиции, особа «раздражительного характера»¹¹. В приложенном списке лиц, подлежащих обыску в Москве, номером первым удостоился быть Ключевский. В списке требуется: «1. У профессора Ключевского [произвести обыск], где, кроме того, что найдут, следует забрать все его лекции, читанные на курсах Герье 1884/85 г. и все иностранные брошюры и книги». Далее по списку шел профессор Чупров, у которого доносчица слушала лекции по политической экономии; входили в ее список также Александр Пругавин с братом, проживающие в Нижнем Новгороде В. Г. Короленко, в Орле — П. Г. Заичневский, в Кинешме — Худяков...¹² Донос был адресован начальнику жандармского управления Ярославской губернии (по месту основного жительства доносчицы).

Хотя оговорку о «раздражительном характере» доносчицы полиция и сделала, но тут же добавила, что через нее все же «может быть обнаружена вредная противоправительственная деятельность», следовательно, поощрила ее и к дальнейшим наблюдениям¹³.

Донос той же Верблюнской ярославскому губернатору от 13 мая 1889 г. останавливается на Ключевском более подробно. Верблюнская почерпнула свой материал «в Москве, слушая лекции профессора Ключевского „Новый период русской истории“, читанные в 1883/84 г. на курсах Герье, где все цари русские у него изображены или извергами и безнравственными, или скоморо-

хами...». Надо признать, что цитировала она довольно точно, забыв, в частности, определение Петра III, действительно названного Ключевским «скоморохом».

Нет, однако, оснований полагать, что зачисление Ключевского в список неблагонадежных произошло только по этому доносу, дальнейшие архивные розыски могут обнаружить и других осведомителей, которые, вероятно, были. Но, так или иначе, Департаментом полиции уже были получены, как видим, сигналы о Ключевском, шедшие из разных источников. В деле 1893 г. в «Списке должностных лиц и членов Комитета грамотности, известных своею политической неблагонадежностью», числятся 203 человека, в том числе и В. О. Ключевский¹⁴.

Было бы наивно предполагать, что Ключевский ничего этого не подозревал. Он мог не знать точно перечисленные факты, но ему отлично было известно и о самом существовании тайного «внешнего» и «внутреннего» (с внедрением агента в непосредственное окружение подлежащего наблюдению лица) надзора, и о том, что редакционный коллектив «Русской мысли» состоит на подозрении и, вероятно, наблюдаем, и о том, что ближайшие его — такие-то — знакомые, входящие в этот коллектив, состоят «под гласным надзором полиции» (В. А. Гольцев), а таким-то (Н. В. Шелгунову, Эртелю и др.) «воспрещено жить в Москве». Знал он, конечно, и многое другое, что было ведомо любому активному участнику общественной жизни тех времен. Знал, но все это не воспрепятствовало ему быть членом заподозренного коллектива. С профессорами Чупровым, Муромцевым, Гольцевым и другими он был в приятельских отношениях, и трудно предположить, чтобы в их разговорах не возникала тема политического надзора и их отношения к ней. Знал он, разумеется, насколько опасны были некоторые места его лекций, знал и все же произносил на лекциях опасные слова, хотя был крайне осторожен. Не уклонялся он и от участия в обсуждении политических вопросов с молодежью, хотя здесь, по всеобщему свидетельству, также был очень сдержан и ироничен (а мог бы вообще уклониться от разговоров!). Еще более точно и ясно представлял он себе реальную обстановку сгущения реакции после царубийства 1 марта, видел приближение и нарастание контрреформ, отлично знал, что о реформах 60-х годов уже не принято говорить открыто.

Настроение Ключевского к лету 1893 г. вообще было тревожным не только по приведенным выше причинам. Надеясь отправиться в заграничное путешествие, он ощущал международную обстановку как крайне напряженную и даже предполагал возможность большой войны: он хотел «посмотреть на Европу *перед войной*, может быть, перед последней войной *европейской*, потому что после этой войны, боюсь, уже будет некому и не с кем воевать»¹⁵, — писал он 5 июня 1893 г. В. Герье.

Суммируя все данные о Ключевском, поступившие в Департамент полиции, мы ждем, естественно, каких-то неприятных последствий для неблагонадежного профессора, уже занесенного в соответствующие списки. Тучи над его головой явно сгущались. Гром еще не грянул, но его, по-видимому, можно было ожидать. Однако волею удивительного стечения обстоятельств дальнейшие события в жизни Ключевского разворачиваются самым парадоксальным образом.

2

У нас нет точных данных, в какой именно день и месяц 1893 г. (по-видимому, в начале июня) Ключевского, не так давно отделившегося, наконец, и от деканства, и от проректорства, намеренного заниматься только лекциями и подготовкой издания долгожданного «Курса русской истории», вдруг пригласили к ректору Московского университета. Ожидать от такого приглашения можно было всего. Но все же Ключевский не ожидал, как нам кажется, того, что последовало. Радостно взволнованный ректор торжественно поздравил Ключевского с высокой честью, выпадающей как на его долю, так и на долю Московского университета. Его императорское величество государь император Александр Александрович изволил приказать, чтобы профессора Ключевского назначили преподавателем истории к великому князю Георгию Александровичу, второму сыну царя. Для сего профессору Ключевскому предоставляется командировка с 1 ноября 1893 г. по 1 апреля 1894 г. на Кавказ, в Абастуман, где ныне по состоянию здоровья находится его высочество. Все дальнейшие подробности сообщит Василию Осиповичу в Петербурге член Главного военно-учебного комитета, воспитатель двух старших царских сыновей, генерал от инфантерии Данилович. Василия Осиповича в Петербурге уже ждут...

Можно представить себе удивление и растерянность Ключевского перед внезапно свалившейся на него «честью», ломавшей все его научные планы, создававшей серьезный перерыв в его лекционной работе. «Честь» разлучала его надолго с семьей и привычным домашним укладом, отрывала от архивов, библиотек, научных обществ. «Честь» совершенно не соответствовала ни его взглядам на царей, ни его личным простецким привычкам, ни «разночинскому» быту, ни костюмам от «дешевого портного», ни потертой шубе («по роже и шуба»), которая все-таки обязательно понадобится в высокогорном снежном Абастумане, где придется провести целую зиму. Конечно, в разговоре с ректором упомянули о пользе Абастумана для всякого здоровья, а стало быть, и для здоровья Ключевского...

Дело еще осложнялось и тем, что речь шла вовсе не о курсе русской истории. Обоих старших сыновей царя — будущего Ни-

колая II и Георгия — учили по светской программе мужских гимназий с некоторыми изменениями¹⁶. Но второй царский сын предназначался в дальнейшем для военной службы (военно-морского дела) и поэтому дальше должен был проходить курс по программе высшей военной школы типа Александровского военного училища, в котором Ключевский проработал 16 лет подряд. Курс этот был *курсом всеобщей истории*, куда в значительной дозе и на соответствующих хронологических местах подключалась история России — от конечного рубежа европейского средневековья до современности. Конечно, курс был Ключевскому хорошо знаком и в свое время отработан. Но ведь это было все-таки 11 лет назад...¹⁷ Нужна была интенсивная подготовка в области, ставшей уже в какой-то степени не «своей» — в области всеобщей истории, доходящей до современности.

Мог ли Ключевский отказаться? Можно предположить, что он, нажав на педали скромности и низкой самооценки, говорил ректору и то, и сё, может быть, и о всеобщей истории, и об одиннадцатилетнем перерыве, и об отрыве от военной школы, ее нужд и современных педагогических веяний... Лекции, семинары, студенты, экзамены? Да их просто побоку! Ведь речь идет о царском сыне. Жалованье вам, Василий Осипович, будет идти в университете по прежней ставке, на этот счет не беспокойтесь. Дальнюю дорогу на Кавказ и не почувствуете — до Новороссийска железная дорога домчит, потом пароход, а потом в Кавказские горы на царских лошадях, в окружении почтительного казачьего конвоя и специальных денщиков, которых к вам приставят для обихода, быт-то военный! Одно удовольствие...

Отказывался ли Ключевский от свалившейся на него «честь»? Думаю, всеми силами и средствами, какие только считал допустимыми. Но все его сомнения и доводы начальству ничего не стоило снисходительно отнестись за счет скромности профессора, его стеснительности и смущения, а стало быть, и соответственно парировать. Прибегнуть же к другим доводам означало бы для Ключевского порвать с Московским университетом. На это он идти не мог. Но при его двойственной либеральной природе нельзя снять вопроса и о где-то шевелившемся, вылезшем из древнего семинарского угла тщеславии: а все-таки ведь это честь — и какая! Мне, сыну сельского попа, обучать сына императора всероссийского!..

Собственно, ничего удивительного в поручении, данном Московскому университету, и не было. Брать оттуда профессоров для царских сыновей было в обычае. В этой роли побывали в свое время и С. М. Соловьев, и Ф. И. Буслаев, ставшие преподавателями цесаревича Николая, сына Александра II, и ряд других ученых. Обычай этот лишь содействовал невозможности отказаться. Ключевский описал отчасти сходную ситуацию в своем курсе по

историографии, когда коснулся того, как Ломоносову, занятому совсем другими науками, предложили написать историю России: «Шувалов доложил об этом императрице, а она изъявила свою волю. После этого отказываться уже нельзя было...» Тогда он, наверно, и не думал, что это окажется похожим на его случай¹⁸.

Можно представить себе, как разворачивались предварительные события: очевидно, Александр III поручил воспитателю старших сыновей генералу Даниловичу подобрать лучшего профессора для преподавания истории великому князю, воспитатель, вероятно, справился в Александровском военном училище, высшей школе офицерства, где, конечно, могли назвать с восторгом только Ключевского. Имя последнего должно было быть знакомо царю — он только что утвердил этого профессора председателем «Общества истории и древностей российских», покровителем которого состоял. Далее вступал в силу обычный механизм: передача в университет царского распоряжения ректору через министра народного просвещения и откомандирование ошастливленного высочайшим вниманием профессора на указанный срок.

Встает естественный вопрос: а как же с «неблагонадежностью»? Почему этот непреложный полицейский факт, документально засвидетельствованный, не сыграл своей роли? Трудно представить себе, чтобы на самом «верху» взяли да «пренебрегли» этим фактом. Крамолу ни в каком виде в царский дворец не допускали. Остается лишь единственная правдоподобная гипотеза: возможно, что до дворца эти сведения вообще не доходили без предварительного запроса и стать там заранее известными вообще не могли. Во дворце говорили о Ключевском, опираясь на рекомендацию высшего военного училища, и только. Далее возникнут по этому вопросу все же некоторые попутные осложнения, о которых будет сказано в своем месте, а пока с вершин Аничкова дворца и Царского Села все обстояло благополучно.

Обычная налаженная жизнь, организованная для напряженного труда, обрывалась, все внезапно менялось. Надо было заказывать у портного получше новый сюртук и пальто. Точно известно, что он спешно снесся с Александровским военным училищем и запросил запись своего прежнего курса. В училище за давностью лет так ничего и не нашли, но Ключевского выручил один из его прежних военных слушателей и отдал ему с условием возврата сохраненный им и дорогой его сердцу экземпляр записанных лекций по всеобщей истории. Этот собственный курс Ключевский и проштудировал, готовясь к преподаванию во дворце, пополняя его в оставшееся время запасом новых знаний из вышедшей литературы. Едва ли он чувствовал себя «в своей тарелке»...

Конечно, рухнули планы заграничной поездки. Поскольку письмо В. Герье, где Ключевский говорит о них, датировано 5 июня 1893 г., надо думать, что приглашение преподавателем

к великому князю последовало после этой даты. Сроком петербургской встречи было назначено 8 июля. Ключевский, рассчитав время, ограничил пока свой летний отдых поездкой по Волге и Каме на пароходе «Александр», на который он сел, вероятно, в Нижнем Новгороде (лето семья проводила на даче во Владимирской губернии). Захватив с собой переплетенную тетрадь, предназначенную ранее для «афоризмов и мыслей об истории» и уже частью ими заполненную, Ключевский набросал в ней «Конспект», видимо, связанный с введением в его будущий абастуманский курс, о главной идее которого (соединение истории России со всемирной историей) он в то время размышлял. Эта небольшая запись немного отражает и мысли недавно читанного им курса публичных лекций о западном влиянии на Россию. «Прежде всего показать, какие пути общения активного и пассивного России с З[ападной] Европой проложены были Петром и после него; что Россия воспринимала от Запада и как в свою очередь действовала на течение з[ападно]европейской жизни». «Активное» общение далее пояснялось как «международное политическое», а «пассивное» как «культурное», причем одно противопоставлялось другому: «Первое ставило полит[ическую] жизнь Европы в зависимость от России, второе ставило Россию в зависимость от Европы». Далее следовало важное историко-философское обобщение: «Но противоречиями поддерживается движение, развитие». Конец записи посвящен конкретному анализу изложенных идей XVIII в. — выделены Петр I и Екатерина II, пункты: «Проблески скептицизма в отношении к З[ападу] и помыслы о национа[льной] самобытности (Фонвизин, Болтин). Революция переносит реакцию из области мысли в политику». Эти положения завершают запись¹⁹.

Тем временем пароход «Александр» в обратном движении с Камы на Волгу прошел Казань и повернул на запад по течению реки. 28 июня Ключевский делал запись в своей тетради уже между Чебоксарами и Козмодемьянском. Путешествие на пароходе, вероятно, закончилось в Нижнем. Далее предстоял путь по железной дороге в Москву, оттуда в Петербург, и Ключевский поспел к сроку в северную столицу.

Беседа Ключевского по вопросам преподавания великому князю состоялась в Петербурге в четверг, 8 июля 1893 г., как и было назначено. В каком именно дворце, точно неизвестно. Хотя Александр III, не любя больших комнат, в течение всего своего царствования жил в Аничковом дворце²⁰, беседа с профессором могла произойти и в Зимнем, где продолжали функционировать канцелярии и различные служебные помещения. Об этой беседе есть довольно подробная дневниковая запись Ключевского, сделанная в упомянутой уже тетради «афоризмов и мыслей об истории», сразу после указанной выше записи главных идей его предстоя-

щего курса. Собеседников, судя по записи, было двое — один основной, очевидно, генерал от инфантерии Г. Г. Данилович, воспитатель двух старших царских сыновей, другой же назван «министром». Предположить, что речь идет о министре народного просвещения И. Д. Делянове, нет оснований — Министерство просвещения к вопросам военного образования отношения не имело, они были в ведении Военного министерства. Но нет оснований и для предположения, что присутствовал военный министр: программные вопросы были утверждены царем и известны воспитателю. Вероятнее всего, в беседе участвовал министр двора, прикосновенный решительно ко всему, что касалось устройства и быта членов царской семьи; в беседе же неминуемы были вопросы о довольно сложном транспорте пожилого профессора в Кавказские горы, о помещении его там, об условиях жизни. Нужна была информация о быте и обиходе тамошнего двора, данные о людях, окружающих великого князя. Министром двора был в то время граф И. И. Воронцов-Дашков, по определению С. Ю. Витте, «русский барин с известными принципами, человек довольно либерального направления». Будучи адъютантом Александра III еще в бытность его наследником престола, он находился и сейчас с царем, по выражению С. Ю. Витте, «в приятельских отношениях», хотя либерализмом приятеля царь был нередко недоволен²¹.

Сначала говорил генерал Данилович. Характеристика будущего ученика: «Считают нелюдимом; на самом деле только застенчив и его лаской можно взять в руки. *Реалист*, наблюдателен и любознателен. . . , непривычка к отвлеченным вопросам — пробел воспитания скорее, чем недостаток мышления или предубеждения. . . »

Ключевский, что видно из контекста его записи, очевидно, задал вопрос, как ему, историку, быть с острой политической тематикой — вопросами революций, конституций, республики. . . Ответ Даниловича, в некоторых отношениях неожиданный, заслуживает полной цитации. Ключевский записал: «Политические *вопросы д[олжны]* быть в программе. Только от преподавателя могут они быть усвоены и разъяснены. Вы должны помнить, что вы проф[ессор] и преподаете, что находите нужным. Делайте, что следует делать, а что из этого выйдет, за это вы не отвечаете. Наше дело сказать правду, не заботясь о том, что скажет какой-н[ибудь] гвард[ейский] штаб-ротмистр. Надобно рассеять мнения и предубеждения самоуверенного окружающего невежества: „Конституция — нелепость (над этим словом Ключевский написал еще: «беспорядок». — М. Н.), а республика — бестолочь“. У России общие основы жизни с З[ападной] Евр[опой], но есть свои особенности. Что теперь несвоевременно, то еще нельзя назвать нелепостью; робкое предположение, что со временем мы примем европ[ейские] политические формы [и даже скоро], рано или поздно установим те же порядки, хотя и с некоторыми особенностями.

Надобно исторически показать происхождение и смысл этих форм и стремлений. Нечего есть и потому народы требуют обдуманного распоряжения его [sic!] деньгами. Против догматизма»²².

Ключевский поддержал эти соображения и далее записал кратко о своей позиции: «Я за это: историческое изложение покажет, что новое начало не произвол мысли, а естественное требование жизни».

Далее продолжалась запись рекомендаций генерала Даниловича: «Избегать ненужных подробностей, бьющих на нервы, но пользоваться наклонностью к картинности и не делать огульных характеристик: В[оль]т[ер] — безбожник и только! Это тот, кто провел веротерпимость не в избранный круг людей, а в понимание масс». Ключевский далее кратко пишет о вставленных тут своих словах: «Я: сделал это потребностью общежития»; «Двигатели, руководители (над строкой Ключевский написал: „Робеспьер“. — М. Н.) д[олжны] быть характеризованы не одним анекдотом или эпитетом».

Далее следовали вопросы методики обучения, которые Данилович пояснил так: «Предстоит, не подчеркивая, нечувствительно вовлекать мысль в непривычные исторические размышления и пробудить интерес. Беседа, конспект для предварительного ознакомления с ней, чтение по точному указанию на 1½ часа в сутки, не требуя отчета и прямо поощряя сделанным успехом к дальнейшему, поддерживая веру в свои силы. Беседа — не монолог...» («Конспект, крупно и разборчиво переписанный, в две печ[атные] страницы для каждой беседы. Не репетиция пройденного пути, а изучение вновь») ²³.

Далее последовали указания заpastись пособиями, картами и представить счет. Поговорили и о возможности продолжения курса в Абастумане «на другую зиму» (так и случилось).

Далее вступил министр. Он прежде всего поддержал основную позицию Даниловича: «История должна же давать им уроки, а этого они ни от кого не услышат, кроме профессора. Прежде всего им надо говорить правду». Далее следовало упоминание, как «сам» (очевидно, Александр III) читал Тэна, правда, не всего, «больше всего понравился язык». «Как изображены злоупотребления монархии! А как дошло дело до террора, [то] и эти злоупотребления показались маловажными, сносными сравнительно с ужасами [17]93 года. Признание о самодержавии, сцепляющем агломерат народов; без него, уверен, отпадут и Финляндия, и Зап[адный] край, и Кавказ» ²⁴.

Поговорили затем о профессорах П. Г. Виноградове, Т. Н. Грановском, В. Г. Васильевском, «о бестактности „Московских ведомостей“ по поводу Корфа» и путешествия цесаревича, т. е. будущего Николая II. Министр дал и характеристику лиц, окружающих в Абастумане великого князя: «Гр[аф] Олс[уфьев] — самод-

любие, капитан А. — корабельная архитектура — прекрасный молодой человек; врач В. Я. Алышевский — надобно щадить его самолюбие (его система лечения холодным воздухом). Живут вместе, тесным кружком, как на необитаемом острове»²⁵.

Далее четыре строки дневника оставлены чистыми²⁶.

Очевидно, беседа дала пищу для многих размышлений Ключевского...

Оставшееся время лета Ключевский провел на даче во Владимирской губернии, но к концу августа был в Москве, его письмо С. Д. Шереметеву об убиении царевича Дмитрия и о личности Лжедмитрия датировано 29 августа. Вероятно, он все же начал чтение своего ранее запланированного курса в университете, несмотря на близкий отъезд в Абастуман, и читал лекции в сентябре и частью в октябре.

Намереваясь выехать на Кавказ за неделю до назначенного срока, Ключевский, вероятно, уже думал о сборах в дорогу, когда ему 2 октября 1893 г. вручили неожиданное и неприятного содержания письмо от министра народного просвещения графа И. Д. Делянова. Известный реакционер, проводник мрачного университетского устава 1884 г. и автор закона о «кухаркиных детях» писал знаменитому профессору, зачеркнув гриф Министерства народного просвещения, чтобы придать письму, так сказать, «частный» характер. Министр просил профессора Ключевского прислать ему экземпляр его университетского курса в литографированном издании... Ключевский сразу догадался, что речь идет именно о том издании, которое вышло в прошлом году в нелегальной типографии рабочего кружка, во главе которого стоял В. К. Оленин... Он храбро пошел навстречу опасности и в ответном письме Делянову писал: «Я уверен, что этот слух вызван появлением в прошлом году в Москве *литографированных записок по русской истории под моим именем, без моего разрешения*» (университетские правила 1885 г. строго запрещали студентам самим литографировать лекции).

Лекций, изданных до запрета и правленных им самим, у Ключевского было сколько угодно — целый склад их находился у него в кладовке. Но он отлично понял сигнал тревоги. Наконец-то — и в какой момент! — сведения Департамента полиции дошли до министра народного просвещения... Конечно, любые литографии лекций Ключевского Делянов мог бы получить простейшим образом через своих агентов, не тревожа профессора. Может быть, он и получил их — ведь полиция взяла экземпляры при обыске... Но Делянов, привыкший, по словам С. Ю. Витте, «лавировать на все стороны»²⁷, счел нужным самолично обратиться к Ключевскому, тем более отъезжающему в Абастуман для преподавания великому князю. Может быть, и другие ведомства заинтересовались лекциями Ключевского и запросили их у Делянова.

Ответ Ключевского Делянову, отосланный на следующий же день, — классический образец дипломатического ума, проницательности, хитрости и догадливости историка. Он прямоком начал письмо с упоминания о нелегальном литографировании его курса под его именем: «Какие это записки, кем изданы — я не знаю», — подчеркивал Ключевский (хотя не мог не знать этого!). Далее он «сочувственно» отзывался о запрете самостоятельного литографирования лекций студентами, против чего он-де всегда был и сам и от чего студентов он всегда отговаривал, уверяя их «во *вреде для них этого мнимого учебного пособия*» (бог ты мой, сколько этих мнимых пособий он лично выправил и дописывал собственной рукой!). Ссылаясь далее на свое легальное «Краткое пособие по русской истории», Ключевский уверял, что его курсы, литографированные до 1885 г., якобы уже «вышли из обращения» (хотя знал, что они все в ходу!). И хотя у него сохранился-де «один (!) экземпляр» такого литографированного курса, страницы его столь испещрены его, профессора, поправками и дополнениями, что литографию невозможно послать его сиятельству. Конечно, если ему, Ключевскому, удастся найти (!) «опрятный экземпляр», он его обязательно пришлет (он никогда, конечно, не прислал его!). Кратко резюмируем: министр затребовал у профессора его подозрительный литографированный курс, профессор отказал ему в этом. Но сумел это сделать так, что министр пришел в восторг и собственной рукой написал на письме: «Отличное письмо, показывающее большое знание профессором своих обязанностей как учителя юношества».

Судьба и на этот раз уберегла его.

Конечно, в тот момент его «оберегало» вместе с судьбой и принятое в высоких инстанциях, от Делянова не зависящее решение о преподавании царскому сыну. Вечер перед отъездом он приятно провел у Маклаковых, с которыми был дружен, — он потом помянет о нем в письмах из Абастумана²⁸.

Ему по-настоящему везло. Тучи над его головой стали разрежаться. В 20-х числах октября он уже был в пути, приближаясь к Кавказу.

і

3

«Дальний переезд» в Абастуман, по словам Ключевского в письме М. С. Корелину, произошел «при дождливой погоде» и имел «неизбежные последствия», вероятно, простуду. Далее шли «хлопоты новоселья», занявшие время и силы²⁹, устройство на новом месте, встреча с учеником. Она не описана ни в переписке, ни в дневнике ни одним словом, поэтому надо кратко сказать о том, кому предстояло преподавать Ключевскому. Сам он позже нигде, ни в одном письме, не охарактеризовал ученика, упоминая о нем лишь как о «любезном хозяине».

Перед Ключевским стоял тонкий, худой, военной выправки двадцатидвухлетний молодой человек в военно-морской форме, подтянутый, темноволосый, с холодными глазами, с узким холеным лицом. Об его «нелюдимости» говорили Ключевскому в Петербурге. Великий князь был вполне сложившимся, взрослым человеком. Семья Романовых была недовольна его связью с одной из петербургских актрис и навязывала ему в невесты греческую принцессу. Едва ли он питал сильный интерес к истории.

Среднее образование великий князь получил, как сказано, вместе со старшим братом, будущим Николаем II, по гимназической программе, но вместо изучения классических языков туда были включены элементы преподавания естественных наук, анатомии, физиологии; изучались также английский язык, расширенный курс политической истории, русской словесности, французский и немецкий языки. Поскольку его готовили к военно-морской службе, он прошел практическую морскую подготовку и в качестве гардемарина плавал 63 дня на фрегате «Генерал-адмирал» в Балтийском море. По изучении теоретических морских наук великий князь был произведен в мичманы и зачислен в первый флотский экипаж, после чего 99 дней был в заграничном плавании. В 1890 г. он начал путешествие на Дальний Восток вместе со старшим братом, доплыл на корабле до Индии, но там «здоровье его высочества потребовало немедленного возвращения на родину». Рассказывали, что юноша во время путешествия попробовал потягаться в борьбе с греческим царевичем Георгием, также участником поездки; перед пробой сил оба выпили. Более дюжий Георгий не то сильно ушиб, не то уронил более слабого Георгия, который сразу после этого слег в постель с повышенной температурой и был возвращен из поездки по причине непрекращающейся болезни. Официальным диагнозом сначала была «азиатская лихорадка», что оказалось неверным. Императрица-мать Мария Федоровна была крайне шокирована, когда лейб-медик Алышевский на ее вопрос, что же с сыном, назвал болезнь чахоткой. Такое слово! Две зимы великий князь провел в Алжире, климат которого считался целительным для туберкулеза, но лучше ему не становилось.

Теория лечения туберкулеза холодом и разреженным воздухом дала мысль перевезти его в Абастуман, где больной и находился уже с зимы 1892 г.³⁰

В письмах своих осторожный Ключевский, как сказано, не характеризует ученика, но в одном из афоризмов или, может быть, скорее «мыслей об истории» мы читаем: «С Александра III, с его детей вырождение нравственное сопровождается и физическим. Варяги создали нам первую династию, варяжка испортила последнюю...» Под «варяжкой» имелась в виду, конечно, датская принцесса Дагмара, ставшая женой Александра III, императрица

Мария Федоровна. Мысль, вероятно, пришла к историку на уроках в Абастумане.

Абастуманский дворец, довольно скромный, «дачного» облика, был местом пребывания великого князя, его доктора и некоторых приближенных. Профессора поместили в «свитском доме», где Ключевский сильно мерз в своих комнатах. «Всего труднее привыкнуть к здешней комнатной температуре. Руки, избалованные московскими печами, особенно страдают», — писал он М. С. Корелину, перо невозможно «твердо держать в руке». Комнаты так выстывали, что «писать можно только так, как рисуют живописцы, выводя каждую часть буквы с особыми усилиями и по наперед обдуманному плану». Денщиком к Ключевскому приставили казака — «мой казак», говорит он о нем. Занятия с великим князем происходили, судя по письмам, с утра — «после полудня» Ключевский «наиболее свободен»³¹.

«Необитаемый остров» оказался довольно населенным. Генерал-адъютант А. В. Олсуфьев, помощник начальника императорской главной квартиры, основной управитель колонии, был лишь на два года моложе Ключевского и отличался веселым нравом. Он жил тут с сыном, при сыне находился гувернер-англичанин мистер Коба, неплохой музыкант (пианист). В свите были женатые офицеры, с ними в Абастумане жили и их жены. Жила тут и некая «немка», очевидно, молоденькая, с гувернанткой-французенкой (возраст «немки» Ключевский, впрочем, определяет «лет в 20—25»), затем некая «докторша», которая «уже приобрела себе право требовать, чтобы хозяйка (?) сажала меня около нее за ужином» (значит, была еще какая-то «хозяйка»). Обеды и ужины проходили во дворце за общим столом. Все, по мнению Ключевского в письме Н. М. Бородиной, «ведут себя просто и непринужденно по-видимому: но кому какое дело до изнанки»³².

Больного развлекали, как могли. Устраивались костюмированные вечера, на одном из них «немка» была одета ангелом из «Демона», и «я гувернантке похвалил костюм, чтобы поподличать и заслужить благорасположение сего крылатого гения», — пишет Ключевский. Четыре раза в неделю у женатых офицеров свиты для великого князя, «которому ведь скучно сидеть дома в этом ущелье», устраивались вечера. «Там играют в фанты, вертятся, пишут на билетиках вопросы друг другу и потом гласно читают ответы. Я участвую в играх, чтобы не казаться букой, избегаю только жмурок: неудобная это игра с дамами — ловить, не видя, за что поймаешь». Бывали и чтения вслух — читали Гоголя, Алексея Толстого. В один из вечеров Ключевский прочел свою статью о Лермонтове — уже опубликованную «Грусть», которая произвела сильное впечатление — с нервной «немкой», ранее рядившейся ангелом из «Демона», случилось что-то вроде истерического припадка. Ключевский сначала был встревожен, а потом решил:

«Пускай плачет, кому плачется, я не носовой платок, чтобы утирать даровые слезы, даже немецкие». Имели успех и его афоризмы — он намерен был их прочесть «под видом неизданного сочинения Гамлета Щигров[ского] уезда». Предпринимались поездки с холодным завтраком на «жемчужину Кавказа», высокий Зекарский перевал, встречать восход солнца. Поездки были нужны больному «для горного воздуха»³³.

Утром в день поездки случилась беда, отношение к которой свидетельствует о высоких волевых качествах Ключевского: «...Печальный для меня день суда за мои грехи, — пишет он Н. М. Бородинной. — Ночью накануне во сне я выломил у себя один из последних передних зубов с страшной болью, от которой проснулся». Хотел было отказаться от поездки, но день все равно пропал бы, и он поехал. Вся «кавалкада» на низеньких финских санях — в каждом санях кавалер и дама, кучера нет, правит лошадью кавалер. Вереница саней поднялась к знаменитому перевалу, на 2 тыс. футов выше Абастумана. На перевале уже был подготовлен казаками длинный «стол» из снега, «из снега же сиденья». Расставили бутылки, блюда, рюмки; и Ключевского... выбрали распорядителем пира, «тамадой». И он — в его-то положении, с больным зубом, на холоде! — отлично справился с задачей, провозглашал остроумные тосты, следил, чтобы никого не забыть и не обидеть, рискнул в конце на тост особо острого смысла: «Чтобы на обратном пути дамы, наши любезные спутницы, вываливались из саней, но не ушибались» (в близком афоризме записано острее: «но не падали»). Тост был принят охотно: очевидно, горная практика выработала привычку «падать, не ушибаясь»³⁴, — пишет Ключевский.

1 января 1894 г. «Правительственный вестник», со всей почтой доходивший в Абастуман примерно через неделю, оповестил, что профессор Ключевский награжден орденом Станислава 1-й степени. Отпраздновали в Абастумане еще один праздник, очевидно, по инициативе Ключевского — университетский «Татьянин день», 12 января, соединив его, правда, с весельем по поводу совпавшей телеграммы «об обручении вел[икой] княжны»³⁵. Таким образом придворные требования тоже были соблюдены.

Но, любопытное дело — при таком вихре почти ежедневных развлечений и факте явного «принятия» его в круг царского двора, хоть и абастуманского, Ключевский внутреннего удовлетворения не испытывает. Хоть он кое-когда и пишет, что «доволен», рядом идут и другие свидетельства: «Как я поживаю?.. Ответ: никак; я существую, а не поживаю... В Абастумане я весь сжался, как сжимаются вещи от холода или улитка, попав на новое место...» Или: «Теперь подыщи слова для обозначения моего *поживания*. Я думаю, что самое подходящее слово — *упадок духа*»³⁶. Таким образом, его официальное сообщение, посланное в Москву

в письме С. А. Белокурова («Живу хорошо, веду свое дело по мере сил и умения и чувствую себя хорошо в обществе превосходного хозяина и добрых товарищей»³⁷), как всегда у Ключевского, еще не вскрывает его глубинного «второго» плана. Дело, как видим, было посложнее.

Московские коллеги, возможно, вывели его на время из «упадка духа», порадовав особым подарком к дню именин. В Москве на рынке удалось случайно приобрести старинную диковину — пару прекрасно сохранившихся «пряничных досок» чуть ли не XVII в. с искусно вырезанными в дереве углублениями рисунка герба и других украшений; пряничное тесто, зажатое двумя досками, по испечении давало красивое выпуклое изображение. Все было досконально объяснено лучшему кондитеру у Абрикосова в Москве. В знаменитой кондитерской испекли и послали в Абастуман Ключевскому к 30 января необычный и остроумный именинный пряник. От всех поздравителей историков и археологов (С. А. Белокурова, А. А. Майкова, А. Т. Карповой, Е. В. Барсова и др.) увенчивало подарок отдельно присланное письмо — старинным почерком и слогом, на архивной бумаге, красивое, разрисованное послание, в котором говорилось, как соскучились друзья и почитатели по Ключевскому, пребывающему «в стране инихов, колхов и рода тавров»: «Жадение зрети ты утробу нашу удолеет». Согласно уговору, Ключевский вскрыл весившую более полупуда (25 фунтов!) посылку только в день именин («Казак мой осторожно... вынимал гвоздик за гвоздиком...»). Вечером вся колония «с добрым хозяином во главе собралась в свитский дом, где я живу, и я ей показал любопытное произведение московского археологического досуга, палеографического остроумия и кондитерского искусства». Послание с комментариями Ключевского «особенно увеселило читателей». Решено было «герба не разрушать», повару «всю постройку» высушить «в вольном духе» для сохранения на память...³⁸

О «вольном духе» Ключевскому пришлось вскоре, вероятно, вспомнить еще раз — М. С. Корелин сообщил ему в Абастуман о цензурном «предостережении», полученном «Русской мыслью» за статью В. А. Гольцева «Социология на экономической основе», — второе по счету (первое было в 1883 г., а после третьего полагалось журнал закрывать). Ключевского обеспокоило сообщение, он хотел поскорее прочесть статью, «навлекшую такой гнев на бедное издание»³⁹.

На фоне описанных увеселений шли регулярные и вовсе нелегкие для Ключевского занятия с великим князем, читался курс первой зимы 1893/94 г. Что же представлял собой абастуманский курс первой кавказской зимы и какое место занимает он в истории научного творчества Ключевского?

Сохранившийся архивный комплекс абастуманского курса первой учебной зимы состоит из трех тетрадей основного текста конспектов лекций общей сложностью в 169 страниц и из ряда черновых материалов. Тетради носят черновой характер и писаны Ключевским явно для себя: первой тетради служит обложкой вдвое сложенный лист типографски отпечатанного «Наставления о мерах личного предохранения от заболевания холерой», тут же записи, не имеющие отношения к курсу, черновые планы с расчетом страниц и потребных для преподавания часов, много вставок и поправок. Записана и подготовленная острота: «Лицо Б-на из тех, на которые достаточно раз взглянуть, чтобы их не забыть и никогда не пожелать взглянуть на них вторично». Конспект вводной лекции в основном соответствует идее курса о взаимодействии Западной Европы и России, изложенной в тетради для афоризмов перед летней поездкой в Петербург.

Имеющийся в рукописи перечень содержит названия 39 лекций, намеченных для первого учебного периода (с 1 ноября 1893 г. по 1 апреля 1894 г.). Очевидно, Ключевский занимался с великим князем два раза в неделю — при учете праздников (рождества и др.) намеченное число лекций как раз укладывается в отведенный для командировки срок. Курс обнимал время с Французской революции 1789 г. по реформы Александра II. Из 39 тем целых 27 относились к всеобщей истории и лишь 12 — к русской. История России в соответствии с программой вплеталась во всемирно-историческую ткань. Данное лектору право освещать революционные периоды Ключевский использовал довольно широко, посвятив Французской революции шесть лекций, — это было началом курса. После введения и вступительной лекции о Европе и Франции перед революцией Ключевский освещал Национальное собрание и «новое» (т. е. революционное) государственное устройство Франции, Законодательное собрание (1791—1792 гг.), республиканскую Францию под властью Национального Конвента (1792—1795 гг.), падение «партии террора», Директорию (1795—1799 гг.), вторую коалицию против Франции (1798—1799 гг.), переворот 18-го брюмера и завершал шестой лекцией о результатах и значении Французской революции. Далее следовало четыре лекции по истории России: царствованию императрицы Екатерины II и императора Павла посвящалось по одной лекции, императору Александру I — две (одна из них — воспитанию и характеру, другая — его реформам). Это было наиболее массивное включение русского материала во всемирно-исторический. Далее четыре лекции отводились консульству Наполеона и установлению империи во Франции, третьей коалиции против Франции, четвертой коалиции, Тильзитскому миру, его последствиям и

Французской империи 1810—1811 гг. Теперь опять вступала русская тема — борьба России с Наполеоном в 1812 г.; она сменялась затем четырьмя лекциями, посвященными борьбе Европы с Наполеоном и его падению (1813—1814), «Ста дням» и Венскому конгрессу, Священному союзу и его отношению к движениям в Германии и на полуостровах Южной Европы (подразумевались испанская революция 1820 г., движения в Неаполе и Пьемонте); восстания сербов и греков предвляли тему о восточном вопросе. Затем Ключевский вновь переходил к русской тематике, которой посвящал три лекции: внутренняя деятельность Александра I после Венского конгресса, вступление Николая I на престол и «смута 14 декабря 1825 г.» (едва ли не впервые декабристы выделяются Ключевским в плане общего курса); восточные дела в первые годы царствования Николая I завершают эту «русскую» группу. Далее лектор переходит вновь ко всемирно-исторической тематике, которой отдает на этот раз семь лекций; он освещает реакцию и июльскую революцию во Франции (1815—1830 гг.), движения в Западной Европе, вызванные июльской революцией, польское восстание 1830 г. и польскую эмиграцию (последняя тема доводилась до 1846 г.), затем следовали июльская монархия и февральская революция 1848 г. Особая лекция посвящалась «движениям в Германии, Венгрии и Италии», вызванным февральской революцией 1848 г., за ними шли тема о второй республике во Франции, перевороте 2 декабря 1851 г. и особая лекция об Англии в первой половине XIX в. После лекции о «внутренней деятельности императора Николая I (1825—1855 гг.)» Ключевский вновь переходил к западноевропейским вопросам, которым отводил четыре лекции: восточные дела и война с Турцией и ее союзниками (1853—1856 гг.), основание Итальянского королевства (1859—1861 гг.), Пруссия и Северогерманский союз, война между Германией и Францией и основание Германской империи (1870—1871 гг.). Курс завершался русскими темами — тремя лекциями: реформы императора Александра II («Упразднение креп[остной] зависимости крестьян» — в эту лекцию включалось «объяснительное чтение манифеста 19 февраля 1861 г.»); далее следовало «Польское восстание (1863 г.) и поземельное устройство польских крестьян». Весь курс этого года заключала многотемная лекция о реформах Александра II: кроме вопроса о «завершении и значении крестьянской реформы», рассматривались: судебные и земские учреждения, городовое положение, судебные уставы 20 ноября 1864 г., положения о земских учреждениях. Завершительной, «концовочной» лекции Ключевский не планировал, возможно, потому, что предвидел по ходу дела продолжение курса на следующий учебный год.

Приведенный план был им выполнен. Лекции, которые воспитатель великого князя генерал Г. Г. Данилович хотел бы скорее

видеть собеседованиями, нежели лекциями, конечно, в полном их виде в рукописи отражены и вообще записаны не были. Ключевский был лишь обязан предварительно дать своему ученику конспект для ознакомления с содержанием предстоящей лекции. Рукописные тетради, упомянутые выше, очевидно, и содержат материалы для этих конспектов⁴⁰.

Несомненно, абастуманский курс стоил Ключевскому большой и напряженной работы: исследовательские интересы историка были сосредоточены совсем в других областях, новая литература по истории Западной Европы требовала освоения, да и сама история на 11 лет продвинулась вперед. Русская тематика курса новой истории не была центральной в лекционной работе Ключевского, — XIX век в истории России был к тому же тогда вообще мало изучен. Времени для подготовки оказалось немного — он располагал для этого лишь сроком с 8 июля по 1 ноября, когда начиналась командировка в Абастуман, т. е. немногим более трех месяцев.

Ключевский привлек для подготовки довольно значительную литературу на иностранных языках — Тэна, Гизо, Тьерри, А. Со-реля и ряд других работ, уже проработанных им для курса в Александровском военном училище. Использовал Ключевский и другие работы, на некоторые из них имеются в рукописном проспекте сокращенные ссылки. Предположительно их можно расшифровать так, — расположим их в порядке следования первых упоминаний: Бек[кер], многократно Гейс[ер], Веб[ер], Тэн (Taine, франц. текст), М[и]н[ве], Масс[он] и др. Из русских авторов цитируются: Чич[ерин], Сол[овьев], Коб[еко], Сем[евский], Болот[ов], Герман, Богдан[ович], Дм[итриев], Пып[ин], Сабл[уков], Шумиг[орский], Лонг[инов], К[уракин], Кис[елев], Як[уш]-к[и]н. Привлекались и документальные материалы: публикации «Русской старины», статистические материалы «К[а]л[ен]д[аря] 1893 г.» и ряд других. Некоторые из документов цитируются по иностранным подлинникам. Ссылки Ключевский приводил не для печати, а по мере своей надобности, когда испытывал в них необходимость, хотел что-либо закрепить в памяти. Поэтому их нельзя считать исчерпывающими и строить только на них предположения об источниках его сведений.

В целом общая концепция курса новой истории у Ключевского та же, что и раньше, — это антиреволюционная, проникнутая страхом перед революцией, боязнью и непониманием смысла массового движения, либеральная концепция. Но, как увидим сейчас, в ней есть своеобразие. Если общее понимание исторического процесса на этапе «новой истории» отличалось в 70-е годы отчетливо выраженной антиабсолютистской тенденцией, протестом против самодержавия и антидворянскими мотивами, то эти стороны сознательно приглушены, хотя и не сняты совсем в абасту-

манских лекциях: ведь лекции-то читаются царскому сыну! тут не очень-то покритикуешь самодержавие! Придворные, приспособительные уступки Ключевского воспроизводят перед читателями рукописей конспектов облик несколько подавленного обстоятельствами ученого, обязанного рядом «реверансов» царскому двору. Но счесть это *внутренним* «поправлением» Ключевского в первой половине 90-х годов, на мой взгляд, нельзя: во-первых, как увидим, против этого само содержание проспекта, во-вторых, мы располагаем для того же времени рядом записей его заветных мыслей об истории, сделанных для себя, в которых явно *нарастает* критическое отношение к самодержавию, к политике власть предержащих. Ключевскому хотелось поскорее отделаться от Абастумана и с приличием и без скандала удалиться — это было, пожалуй, основным мотивом его самочувствия.

От прежней критики абсолютистского режима в абастуманских лекциях осталась такая позиция: все революции незаконно, насилием и террором берут то, что благоразумные самодержцы сами могли бы без крови и насилий октроировать с высоты престола жаждущему изменений своего тяжелого положения народу, если бы хорошо думали и правильно действовали. Это, надо сказать, довольно существенно расходилось с известной рекомендацией царских воспитателей. Их рассуждения в сжатой форме таковы: как у Тэна сильно изображены злоупотребления монархии! А как дошло дело до террора, то и эти злоупотребления показались народу маловажными, сносными по сравнению с ужасами 1793 г.! Подтекст: терпите злоупотребления, а то будет хуже, еще монархию добром помянете! Такого реакционного подтекста в абастуманском курсе нет. Напротив, Ключевский как бы говорит: монархии, куда вы смотрите?! Скорее давайте народу добром хоть минимум назревших, необходимых реформ, а то он вам покажет! Разница в позициях несомненна.

Приведем хотя бы два примера.

Тюрго, сознавая необходимость реформ, разработал их программу. Но «против него двор, аристократия и парламент, а король устал его поддерживать. Революция сделала насильственно не более того, что хотел он сделать законно, след[овательно] успех его сделал бы первую лишней...». «*Переворот* был неизбежен, но можно было избежать *революции*, если бы правительство полууступками и колебаниями не выпустило дела из своих законных рук и не отдало его на произвол незаконной силы...» Заметим, что во втором случае Ключевский все же за переворот, но *против революции*!

Но, не жалея лекционных часов на революции и восстания, которыми так богат был XIX век, Ключевский не скупился и на отрицательные оценки революции как акции произвола, хаоса и беспорядка. Тут говорила совместно с желанием прийти

ко двору и его двойственная либеральная суть. Республиканская партия после низвержения короля «начала пролагать путь к демократической республике Руссо, т. е. к анархическому господству низшего парижского населения («народа»)). Желая доказать ложность самой идеи народовластия, Ключевский пользуется софизмом: если народ — власть, то кто же подданные? Он оспаривает и положение о равенстве всех перед законом — ведь люди рождаются неравными: на чем основано положение о равенстве всех перед законом? Ключевский отвечает: «На гипотезе, что человек от природы доброе и разумное существо. Правда ли? Первое не доказано, второе неверно (!)». «Человек не рождается свободным. Общественный договор — вымысел, не исторический факт...»

Ключевский критикует и французскую революционную конституцию 1791 г.: «Мастерское академическое развитие политических идей века [равенства и самодержавия народа], но очень неудовлетворительный политический акт: в ней недостаточно соображены наличные условия действия и обеспечения ее прочности». Далее вывод: «почему она и осталась бумажной конституцией». Конституция 1791 г. «пала, сменясь террором, который соединил силы, не могшие соединиться законом: спасайся, как можешь!» Любопытно, что далее республику Робеспьера «по программе Руссо» Ключевский именует «социально-демократической».

Ключевский убежден в возможности и необходимости классового мира — во Французской революции положение оказалось безвыходным именно в силу нарушения необходимейшего равновесия. «Основные силы государства — верх[овная] власть, правящие классы и „народ“, дружным действием коих строится и держится порядок, не понимали друг друга, не видели взаимных интересов и не только не доверяли одна другой, но и подкапывались одна под другую». Теория бесклассового государства, как видим, цепко держит Ключевского.

Любопытен «свод» результатов Французской революции у Ключевского — он чрезмерно велик по объему для полного цитирования, поэтому приведем отсюда лишь три первых положения: «1) Французская революция, вызванная местными нуждами и страстями, в дальнейшем развитии своем под влиянием просветительной литературы, воспитавшей и направлявшей общественное мнение в стране, получила характер политического эксперимента, попытки построить образцовый, для всего мира пригодный государственный порядок по отвлеченным началам разума. 2) Из этих начал революция всего настойчивее пыталась осуществить наименее осуществимое начало народовластия, жертвуя ему сперва (в конституции 1791 г.) равенством, потом (во время террора) — свободой. Но так как революционное движение шло сверху вниз, проникая все глубже в массу народа и насильственно погружая в нее верхние классы, то действительным результатом движения

было значительное политическое (над строкой написано: «гражданское») управление обществ, между тем как свобода и народо-властие погибли среди террора и под гнетом военной диктатуры. 3) Так[им] обр[азом], революционная попытка на философской основе построить новое общество для Франции кончилась только разрушением старого исторически сложившегося порядка, основанного на феодальном неравенстве». Хорошенькое «только», скажет читатель, — ведь это огромное историческое завоевание, без которого мировая история не могла бы двигаться вперед. Далее, казалось бы, надо ожидать характеристики некоего нового строя, который Ключевский хотя и не сумеет назвать капитализмом, но все же пробьется к конкретизации каких-то основных его черт, прогрессивных по сравнению с тем, что характеризовало рухнувший под напором революции строй феодального неравенства. Но ожидания напрасны. Хотя следующее итоговое положение характеризует ни более ни менее, как «всемирно-историческое значение Французской революции», последнее состоит лишь в том, что революция дала всей Европе и Франции поучительный урок: общество строится не на правах, которые будто бы присущи людям по самой их природе и «которых стоит только пожелать, чтобы получить», а на «благах общежития, которые надобно выработать, чтобы уметь ими пользоваться». Вот и весь «урок», в котором состоит всемирно-историческое значение Французской революции. Поражает бедность вывода при известном богатстве предпосылок: как будто историк доходит до им же искусственно возведенной стены на границе своих рассуждений, ударяется о стену и вновь возвращается назад по ведущей в тупик дороге. Далее: вне связи с выработанными «благами общежития» и не поясняя, в силу чего Европе надо учитывать уроки Французской революции, Ключевский считает, что Европа целое текущее столетие только и делает, что «стремится переработать» рухнувшие политические теоремы — в государственные учреждения, равенство — в «демократически равномерно распределенную систему прав и обязанностей, свободу и народовластие — в народное представительство». Вся история этой переработки с ее средствами, неудачами и успехами составляет «существенное содержание политической истории Европы XIX века — это по преимуществу век политического и национального *самоустройства* европейских народов».

Павлу и Александру I посвящена вторая тетрадь проспекта. Тут налицо большая эрудиция и знание документов. Ключевский дает — в общем в духе работы Д. Ф. Кобеко — позитивную оценку Павла и не жалеет для него нескольких десятков страниц проспекта, откуда, кстати, можно заключить, что едва ли он уложился в одну лекцию. В этом же отделе очень живая, позитивная оценка Суворова с множеством деталей (никаких противоречий Суворова с Павлом Ключевский не видит). Глубоким подтекстом

проходит не высказанный прямо тезис о Павле I как о первом антидворянском царе. Это, очевидно, основа его позитивных высказываний. В характеристиках деятелей внешней политики этого и последующего времени разбросано немало лапидарных и острых определений политических деятелей (например: «Годой — бездарный невежа, гитарист и придворный дон Жуан, опереточный премьер, устроивший мир с Францией 1795 г. и видевший в союзе с революционной республикой средство оградить Испанию от зол революции»). Резкая, остро-ироническая характеристика Александра I, императора, стремившегося всем понравиться, оторванного от реальности, слабого, колеблющегося правителя. Война 1812 г., можно сказать, пропущена — под ее заглавием страничка о политических предпосылках, упоминание о численности армии Наполеона, коротенькая фраза о том, что сгорело $\frac{9}{10}$ Москвы, и переход к войне 1813—1814 гг. Вот и все. Войн, надо заметить, Ключевский, как правило, не анализировал и часто вообще их пропускал. Но характеристике Наполеона, довольно противоречивой, более посчастливилось. Наполеон, по мнению историка, — неизбежное следствие революции. Контрреволюционер во Франции, он революционер в Европе: «Там как восстановитель порядка он подавил Свободу^{*}, здесь как завоеватель перевернул международные отношения». Его владычество было полезно Европе «не по целям, а по результатам»: оно усилило общение европейских народов, оживило промышленность, облегчило объединение Германии. Но «равенство граждан у Наполеона — выровненность шеренги. Народовластие — право молчаливого согласия на веления властителя», а братство человечества — «стадная гонка» европейских народов «то в Испанию, то на русские снега».

Акт архиреакционного Священного союза, по мнению Ключевского, «неосновательно» порицается, хотя «слабой его стороной» он признает «опасность союза дипломатии с богословием». Поскольку из вольнодумного руководства общественным мнением возникла революция, «надобен союз государей во имя религии, чтобы обеспечить общественный порядок и независимость народов». Неожиданное пояснение: «Акт — нравственно-религиозный протест про[тив] материалистического направления Венского конгресса». Но когда дело доходит до анализа конкретного влияния идей Священного союза на внутреннюю политику Российского правительства, приложения его принципов к гонению просвещения в России, в рассказе Ключевского об этом нет ни тени одобрения, он язвительно пересказывает ряд известных анекдотов о гонениях, не забывает и об обожествлении гипотенузы, которая в своем общении с катетами выявляет божественную идею. Аракчееву он воздает должное по его грехам, рисует мрачного реакцио-

* В рукописи с прописной буквы.

нера. Трудно выйти из этого противоречия, утверждая, что историк признавал «неосновательность» порицания самого акта Священного союза, определенного документа, и считал правильным порицать его приложение на практике. Противоречие явно и остается у Ключевского неснятым.

Отделу «Вопросы престолонаследия и смута 14 декабря 1825 г.» отведена одна страничка. Концепция уясняется формулировкой: «Дело 14 дек[абря] из двух источников: 1) из политических веяний западных; 2) из туземных преданий XVIII века». Никаких иных корней борьбы первых русских революционеров против крепостного права и самодержавия Ключевский не усмотрел. Тут же он сделал сноску о форме заговора: «Гвардейский дворцовый переворот в форме испанского или неаполитанского военно-карбонарского заговора». Но, собственно, об истории движения и самом восстании в проспекте ни слова, несколько развиваются лишь указанные только что положения.

Людовика XVIII и реставрацию Бурбонов Ключевский оценивает отрицательно. В характеристике июльской монархии отмечено недовольство рабочих тем, что ими правит «король богачей-капиталистов, верховный жрец золотого тельца». Несколько далее пункт: «Индустриализм — царство золотого тельца. Буржуазные нравы и скандалы в высшем обществе». На полях к этому добавлено: «Господство промышленных предприятий и компаний. Промышл[енные] кризисы на мировом рынке».

Ряд пунктов конспекта посвящен рабочему вопросу и его происхождению. Последнее усматривается в правовой сфере: после провозглашения личной свободы и равенства всех перед законом «нравственная связь» (!) слуг и господ прежнего времени заменяется «юридическими отношениями наемников и нанимателей», рабочих и хозяев. «Капитал и труд», полагает Ключевский, «равноправные стороны, связанные взаимной нуждой, но не обязанные взаимной заботой». Старые сословные привилегии сменились теперь «имущественным цензом, дающим власть над обществом посредством народного представительства... Капитал, оставаясь экономической силой, стал и государственной властью». Отметим последний вывод, крайне редкий у Ключевского. Множество раз он основывался на кардинальном для него положении: государство — орган внеклассовый, образовавшийся для достижения общего блага. Это вступает в явное противоречие с только что сформулированным тезисом о том, что «капитал и труд — равноправные стороны». Далес удивление возрастает, когда мы приходим к отделу об июльской и февральской революциях, — подзаголовок отдела гласит: «Превращение рабочего вопроса в борьбу классов». Эти новации в тексте конспекта абастуманских лекций примечательны не только как доказательство знакомства историка с новыми веяниями в исторической науке, но и как показатель

принятия их для курса всеобщей истории. Вообще термин «класс» у Ключевского встречается часто, но «борьба классов» — крайне редко. В подготовке июльской и февральской революций Ключевский выделяет экономическую сторону. Мы обращаем внимание на ряд таких формулировок, они в некотором отношении выглядят чуть ли не позаимствованными (с некоторой переделкой) из марксистских работ: «Замена мелкого производства крупным, ручного — машинным, мануфактуры — машинофактурой», «разделение труда и капитала, соединившихся в мелком производстве». Далее отмечается «удешевление фабрикатов машинами» и «понижение заработной платы от свободы труда» (в скобках пояснение об отмене цеховых степеней). Упомянуто «измельчение земельной собственности от падения феодал[ального] землевладения». Далее под рубрикой «нравственной» подготовки революции читаем: «Разделение труда и капитала вело к соперничеству и отчуждению рабочих и капиталистов» при усилении их взаимной нужды друг в друге. «Чувство солидарности при скоплении рабочих на огромных фабриках». «Доступность рабочих пропаганде вследствие этих условий усилилась...» Отмечена «близость рабочих к материальным благам, которые они делали, но не пользовались, когда другие их потребляли, не производя». Далее пункт: «Равенство прав перед законом, [перед] судебной камерой и равенство appetitов перед магазином». Ниже в рубрике «Коммунизм» запланированы для образования великокняжеского сознания следующие пункты: «Кабэ и Прудон, социализм Луи-Блана... соединить юридическое равенство с имущественным?» Из обширного текста можно выделить положения: «Коммунизм просто: ни у кого не должно быть имущества, собственности... новое равное право на все, что вырабатывается... Социалистический ответ сложнее потому, что хочет быть практическим», указывается на «равенство прав и обязанностей» при социализме. «Каждый имеет право, как все, но действительно пользуется лишь тем, что умеет приобрести». В экономической жизни «каждый имеет право на всякий труд», но «пользуется плодами только [той] работы, которую сумеет выполнить. В социализме расширяется рабочая правомерность и трудоспособность». Отмечается, что «ассоциации рабочих становятся на место капиталистов, как товарищества рабочих-ходоков, предпринимателей в кредит». Последнее сравнение, вероятно, заимствовано из народнической литературы, оно нужно Ключевскому, очевидно, для позитивного вывода, следующего за этим: «Значит, социализм — попытка восстановить соединение труда и капитала, только в товарищеской артельной форме. И в развитии своем социализм к коммунизму вел неизбежно». В следующих строках конспекта, может быть, обеспокоившись, что о социализме и коммунизме сказано чересчур много более или менее позитивного, Ключевский начинает уstraшать слушателя стеснениями, ко-

торые коммунизм готовит человеческой семье недопустимым вторжением в ее сферу: ведь власти должны найти каждому рабочему работу, заготовить ему «куверт» за столом. Но министерство публичных работ вправе спросить, «сколько пар рабочих рук намерен каждый принести в общ[ественную] мастерскую и сколько новых детских вилок и ложек положить на общий стол?» А если заявлений будет много и они превысят возможности властей, министр должен будет распространить контроль «и на домашние колыбели, а еще никакая деспотия в мире не доходила до надобности учреждать колыбельную инспекцию». Словом, для осуществления социализма «необходимо коренное изменение понятий, нравов, чувств, привычек современного человека».

Приходя к выводу, что «отчуждение» труда и капитала создало новую силу, «четвертое сословие», рабочих, Ключевский переходит к июльской революции 1830 г. — она «сделана рабочими, но не для рабочих». Следует быстрый переход к 1848 г., «разливам революции по Европе» и затем к перевороту во Франции 2 декабря 1851 г. В следующей лекционной теме, посвященной Николаю I, обращает внимание довольно подробный перечень мер по упорядочению сословий и выделение довольно большого текста о положении государственных крестьян перед характеристикой крестьян крепостных, помещичьих. Конспект доводится, как сказано, до реформ Александра II включительно.

Проспект абастуманских лекций, как видим, сложен. Он насыщен фактическим материалом, богат проблемами, сделан не наспех и не поверхностно, без особых скидок на придворные условия и формальность обучения, адресован не юнцу, а взрослому человеку. Занятия в условиях Абастумана проходили, надо думать, без докучных свидетелей и контролеров — контроль и отчет предстояли в Петербурге; это могло дать Ключевскому возможность чувствовать себя в момент «беседы» не очень стесненным. Где нужно, он вставлял благоразумные формулировки, что мы видели на примере характеристики Священного союза. Можно прийти к заключению, что абастуманский курс нельзя вычеркивать из эволюции творчества Ключевского. Он свидетельствует о его поисках и размышлениях, в данном случае в области всеобщей истории. Накануне подготовки к печати своего пятитомного «Курса русской истории» Ключевский еще раз поднял большой материал новой всеобщей истории, передумал и перечувствовал его, вник во включение истории России во всемирно-исторический процесс, сопоставил ее развитие с историей других стран. В этом значение абастуманского курса. Надо отметить значение этого курса и в общей характеристике Ключевского как преемника Соловьева. «Универсализм», осведомленность во всемирной истории, особенно истории Западной Европы, возможность прочесть при основном занятии историей России курс лекций по истории всеобщей — ха-

ракторная черта для профессоров русской истории в Московском университете. Эта особенность их работы сложилась исторически. До сих пор считалось, что с Ключевского традиция эта прервалась и что занимался он исключительно историей России. Но теперь, после изучения архива Ключевского, мы видим иное. Традиция сохранилась и в нем, только не переступила порога печатных публикаций, осталась в рукописях, хотя явственно чувствовалась и в самой ткани изложения его работы по истории России. Конечно, для Ключевского, уже охваченного размышлениями о подготовке многотомного «Курса русской истории», абастуманские занятия были с субъективных позиций досадным перерывом. Но любопытно констатировать внезапный, хотя и «насильственный», двухлетний труд над курсом всеобщей истории именно накануне работы над подготовкой к печати «Курса».

Близился срок окончания его командировки — 1 апреля 1894 г., но и он не сулил Ключевскому возврата к нормальной работе: определилась необходимость продолжить курс в Абастумане еще на один год. Стало быть, и приближающийся академический год в университете и Духовной академии вновь будет ненормальным. Весной 1894 г. Ключевский был уже в Москве.

Далее с начала февраля 1894 г. по начало февраля 1895 г. личная переписка Ключевского замирает — мы располагаем лишь его благодарственным письмом художнику В. О. Шервуду, который, очевидно, между весной 1894 г. и сентябрем 1894 г. написал маслом превосходный поясной портрет Ключевского. «Если задача искусства мирить с действительностью, — писал Ключевский художнику, — то написанный Вами портрет вполне достиг своей цели: он помирил меня с подлинником... Жена в восторге от портрета»⁴¹. (См. портрет в начале книги.) Дневниковые записи за 1894 г. также отсутствуют.

Между тем как раз в это время в жизни Ключевского произошли значительные события, оставившие в его сознании неизгладимый след.

5

Как ни подавлял реакционный устав 1884 г. студенческое движение, какими карами ни грозили университетские правила 1885 г., студенческое брожение в Московском университете не затихало, а, наоборот, обострялось. То, что случилось с Ключевским в конце 1894 г., тесно связано со студенческим движением.

В начале 1893/94 академического года весть о том, что любимый профессор Ключевский отозван в длительную командировку на Кавказ для преподавания царскому сыну и поэтому читать лекций почти весь учебный год не будет, не только обеспокоила, но и оскорбила студентов — и не одних историков, но и слушателей

других факультетов. Возмущались перерывом в работе, иронически толковали о том, что царскому сыну преподавание будет идти «за счет университетский». Уже эти факты как-то по-новому сосредоточили внимание на Ключевском, внесли дополнительный штрих в тематику студенческих разговоров.

Ключевский уехал в Абастуман в конце октября 1893 г., вернулся в апреле 1894 г. — об его полном курсе в университете не могло быть и речи. Вскоре стало известно, что абастуманский курс продлится еще целый учебный год на тех же основаниях. Недовольство всем этим соединялось с реакцией на те стеснительные требования, которые налагал новый устав на студенческую жизнь. Такое настроение, может быть, еще протянулось бы некоторое время без новых всплесков движения, но события второй половины 1894 г. внесли в него новый взрывчатый заряд.

Уже с весны 1894 г. здоровье Александра III стало сильно ухудшаться, и когда в конце лета он приехал в Ливадию, болезнь (нефрит) приняла тяжелый характер, ее неизбежный исход был ясен. Александр III умер 20 октября 1894 г. Из Крыма тело царя повезли в Петербург, и по дороге погребальный кортеж остановился в Москве, где гроб один день находился в Успенском соборе. Велись сборы на венки, адресовались предложения об этом московскому студенчеству, среди которого возникло решительное движение против покупки и возложения венка. В. Г. Короленко, побывавший в том же году в Москве, пишет, что у студентов были «довольно бурные столкновения по поводу венка». Хотя подписка на венок и состоялась, но в ряде случаев протестующие не ограничивались словесными выступлениями, рвали подписные листы и т. д.⁴² Передовые круги студенчества считали царствование реакционным, «свинцовым», напоминали о контрреформах, преследованиях революционеров, мрачном университетском уставе, законе о «кухаркиных детях». Краткость пребывания гроба в Москве — один день — способствовала тому, что движение не вылилось в открытые формы.

Смерть царя — официального покровителя «Общества истории и древностей российских» — потребовала какой-то реакции на нее председателя «Общества», Ключевского. Только что проведенные полгода в Абастумане дополнительно связывали преподавателя с царским домом, с великим князем Георгием, ныне наследником российского престола (воцарение Николая II произошло до его брака с Алисой Гессенской, детей у нового царя не было, поэтому по законам российского престолонаследия наследником престола становился следующий за ним по старшинству брат — Георгий). Вокруг Ключевского складывалась ситуация безвыходно обязательного выступления, которого требовал еще и Совет университета. Сомнительно, чтобы он проявил тут инициативу⁴³. Но он уже попал в тот официальный круговорот, когда

надо было или резко рвать связывающие его путы, или плыть по течению. Неснятые внутренние противоречия его либерального мировоззрения, его двойное дно облегчали выбор последнего: плыть! Вероятно, вторгались со своими советами или даже требованиями восторженных некрологов и выступлений об «усопшем монархе» и внешние начальственные силы — попечитель ли учебного округа, министр или даже кто повыше из знакомых ему придворных воротил. Естественнее всего думать, что начальство, узнав о смерти царя, орудовало с полной активностью и наседало на Ключевского. Нельзя исключить и такой момент, как самозащита от «неблагонадежности», — ведь все-таки Делянову он своих лекций не послал... В создавшейся тугой обстановке, сужаемой еще малым временем для принятия решений, — выступать надо было быстро, по свежим следам событий, — Ключевский окончательно сдался. Он взял остро отточенный карандаш и стал на небольших листках бумаги набрасывать меленьким почерком проект своей речи памяти Александра III. Листки сохранились в архиве. По ним видно, как ищет он более выразительные обороты, принимает одни, отбрасывает другие — работа идет не споро. Да, это тот же почерк и та же рука, которая в те же 90-е годы писала: «Русские цари — мертвецы в живой обстановке»⁴⁴.

Теперь он писал другое.

«Чем торопливее рука смерти спешила закрыть его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования..., европейская цивилизация недостаточно осторожно обеспечила себе мирное развитие, для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе..., горящий фитиль не раз с разных сторон приближался к этому опасному оборонительному складу, и каждый раз заботливая и терпеливая рука царя тихо и осторожно отводила его... Европа признала, что царь русского народа был и государем международного мира и порядка, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России по ее политической организации в воле царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его царя...»⁴⁵.

Нет, он так не думал. Он много раз говорил обратное.

Уже одно это елейно-благонадежное обобщение о сути царской власти должно было восприниматься передовой молодежью как ложь и предательство. Не то он говорил им на лекциях! А дальше о свинцово-тяжелом реакционном правлении царя было сказано: «Каждый европейский народ светлой страницей занесет царствование императора Александра III в свою историю... Александр III в конце концов покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества...» Поистине семинария недаром обучала Ключевского

гомилетике, церковному красноречию, — это были не его живые, красочные, язвительные обороты, а прославление с амвона...

28 октября 1894 г. на заседании «Общества истории и древностей российских» председатель «Общества» Ключевский произнес речь «Памяти в бозе почившего государя императора Александра III». Речь была напечатана отдельным изданием и, сверх того, опубликована в трудах «Общества». Особо содействовала ее быстрому распространению публикация в «Московском листке», широко продававшемся в Москве. Весть обо всем этом моментально разнеслась среди студентов.

Нет, таких обид и противоречий передовое студенчество не прощало! Любимый профессор, либерально мыслящий человек, поражающий их смелостью своих характеристик, не щадивших царей, теперь восхвалял — и кого?! — «свинцового» Александра III, творца «контрреформ», гонителя передовой молодежи...

Молодежь, боготворившая Шалыпина, не могла простить ему, когда он, растерявшись, даже не совсем понимая, что в театре происходит, опустился на колени перед царской ложей во время исполнения хористками императорского театра гимна «Боже, царя храни»... Не могла простить она и Ключевскому. Да и действовал он посознательнее Шалыпина. Речь об Александре III была, по мнению студенчества, предательством, изменой...⁴⁶

В революционном кружке молодого И. И. Скворцова-Степанова вопрос о Ключевском обсудили подробно и разработали план протестующего выступления. Купили много, как говорит В. Г. Короленко, — 200 экземпляров брошюры с речью Ключевского об Александре III; размножили на гектографе в стольких же экземплярах басню Фонвизина «Лисица-кознодей»... Гектографированный листок был наклеен на обороте обложки перед заглавным листом. Басня рассказывала о смерти «царя скотов» льва, страшного злодея, терзавшего зверей, поедавшего их. Но как только он умер, нашлись льстецы и восхвалители. Лиса прославляла льва как лучшего из царей, который «скотолюбие в душе своей питал». Подхалимы хором славил покойника. Услыша это, крот удивился их наглости и спросил собаку, как все это понять. А та ответила: «Чему дивишься ты, что знатному скоту льстят подлые скоты?» Этим вклейка заканчивалась⁴⁷.

На титульном листе речи Ключевского было приписано: «2-е издание, исправленное и дополненное». Многим лицам его разослали по почте. Решено было устроить демонстрацию протеста на очередной лекции Ключевского, в среду 30 ноября.

С утра в «новом здании» университета, где находилась Большая словесная, было заметно особое движение. Сюда сходились студенты с других факультетов. Начальство встревожилось, для усиления инспекции пригласили второго помощника инспектора и педделей других факультетов. В конфиденциальном представлении

попечителя Московского учебного округа на имя министра народного просвещения рассказывается, что «профессор поднялся по лестнице и вошел в Большую словесную аудиторию, у дверей которой стояли два помощника инспектора. За профессором разом нахлынула громадная толпа, которую остановить было совершенно невозможно». Далее в описании попечителя читаем: «Как скоро профессор Ключевский взошел на кафедру, в самой глубине аудитории раздались 4—5 явственных свистков, ответом на них раздался гром рукоплесканий, но тут же прибавилось число свистков, и завязалась, так сказать, борьба аплодисментов и свиста. При этом часть присутствующих стала кричать: „Долой с кафедры!“, — а большинство кричало „Браво!“ Страшный шум продолжался несколько минут, толпа так сгустилась, что помощники инспектора могли продвинуться только на несколько шагов, и разобрать что-либо было невозможно. Профессор Ключевский остался спокойно на кафедре, наконец, аплодисменты взяли решительный верх, свистки замолкли, и значительная часть студентов отхлынула на лестницу, увлекая за собой и противников, и сторонников Ключевского. Тогда профессор знаками просил прекращения аплодисментов, и скоро водворилась тишина, среди которой он сказал, что не понимает смысла этой дикой демонстрации, но уверен, что постоянные его слушатели в ней не участвовали, и прочел лекцию. Когда Ключевский вышел из аудитории и сошел с лестницы, то около него опять вдруг сгустилась толпа и слышалось несколько свистков».

Такова картина в представлении попечителя.

Но сам попечитель на месте происшествия не был, его отчет был составлен лишь по донесению инспекторов и педелей, которые как проштрафившиеся (не сумели удержать студентов, хотя знали заранее о сборище) были заинтересованы в смягчении картины. «Устное предание», идущее из среды студентов, бывших на лекции, говорит, что Ключевский отнюдь не был спокоен: он был белее бумаги и несколько раз взволнованно хотел начать лекцию, но ему не давали. Свиста, очевидно, было больше, чем в представлении попечителя, а демонстративный уход студентов с лекции и увлечение демонстрантами сторонников Ключевского в донесении попечителя нарочито затушеваны.

В начале происшествия, как свидетельствует А. А. Кизеветтер в своих воспоминаниях, Ключевский даже пытался острить, стремясь успокоить аудиторию. «Вы мне свищете, господа, — сказал он, — я ничего против этого не имею: каждый имеет право выражать свои убеждения доступными ему способами»⁴⁸. Однако «доступные способы» продолжали применяться, шум, свист, шиканье не утихали. «Долой с кафедры!», «Позор!», «Лукавый царедворец!» — кричали студенты. Внизу в «шинельной» Ключевского при уходе из здания ждала толпа студентов, повторившая

крики, шум, свист и «провожавшая» его по двору до ворот. Все это в донесении также сильно затушено.

Сын Ключевского — Борис Васильевич — рассказывал мне, что отец не мог забыть этого случая до конца жизни — все, что тогда случилось, буквально потрясло его.

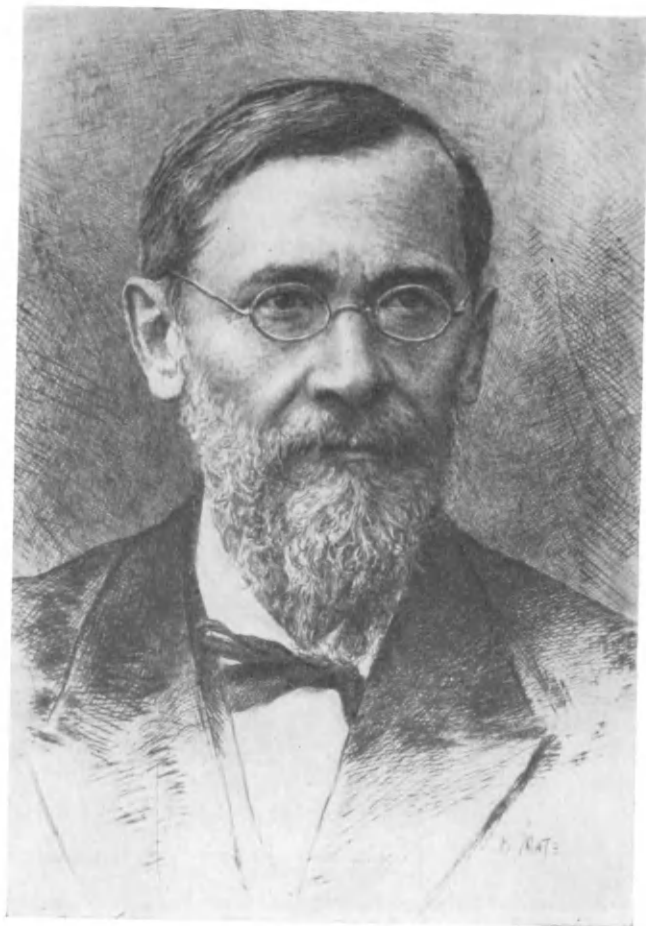
Ректор университета в это время сам читал лекцию, а проректор был по делу в клиниках. Позвонили по телефону к попечителю, но, когда он приехал, «все уже было спокойно». Ректор, его помощник, инспектор и попечитель немедленно допросили в помещении правления очевидцев — педелей и других «чинов инспекции» и вывели из показаний, что беспорядок был заранее организован.

Может быть, наиболее удивительно то, что Ключевский встретил все случившееся как неожиданность: он предполагал, что речь, произнесенная им в закрытых собраниях — в Совете университета и в «Обществе истории и древностей российских», куда посторонние не допускались, не дойдет до студентов. Но публикация речи «Московским листком» и выход ее отдельной брошюрой? Нельзя же было предполагать, что студенты не догадаются это прочесть. Конечно, Ключевский был либералом, а колебаться и разрываться между противоречивыми решениями свойственно либералам. Но, анализируя происшествие, приходится все же отметить, что Ключевский думал об Александре III одно, а писал другое. Один из авторов (В. Н. Бочкарев), сообщивший об эпизоде, ставил вопрос: в своей речи «увлекался ли Ключевский» или же «лукавил, чтобы укрепить придворные связи», «вернее последнее». Лукавить Ключевский, разумеется, не только мог, но отлично умел.

Истинные зачинщики из кружка И. И. Скворцова-Степанова раскрыты не были. Начальство нашло, что особенно виноваты студенты Андрей, Мамуна, Казимир Осипович и Константин Забнин, хотя они едва ли являются главными и скорее «принадлежали к толпе, увлеченной бессмысленными толками и рассказами». Правление постановило уволить студентов из Московского университета, «не лишая их, однако, права поступления в другие университеты» (позже высшее начальство отяготило наказание, лишив их этого права). Остальные участники были подвергнуты аресту от 3 до 7 дней и выговору, другие — только выговору. Их товарищи, между тем, в ожидании выяснения судьбы захваченных, толпой ждали в канцелярии, были разогнаны и 2 декабря устроили огромную сходку в химических лабораториях старого здания. Полиция разогнала собравшихся и переписала «зачинщиков», которых оказалось 119 человек. В ночь на 3 декабря по распоряжению министра внутренних дел было арестовано еще 47 студентов, «заподозренных в разных противоправительственных деяниях и находившихся ранее на замечании, вследствие крайней их неблагонадежности»⁴⁹.

В. О. Ключевский
Конец 1890-х или начало 1900-х годов
Москва,

В. О. Ключевский

Гравюра В. В. Матэ с фотографии 1897 г.

В городе и среди студенчества «шел общий говор». Архив хранит о событии многочисленные документы — студенческие воззвания, письма, профессорские петиции, ответы властей. Арестованные студенты были отведены в Бутырки, и 44 человека исключены без права поступления в другие учебные заведения. Многие были высланы из Москвы.

Важно подчеркнуть интерес Ленина к происшествию 1894 г. в университете в связи с речью Ключевского. В одном из писем к сестре Марии Ильинишне он просил: «Напиши еще, если удобно, об истории в Университете с Ключевским. Говорят, он какую-то лекцию читал, потом какую-то книгу издал. Я не видал даже заглавия этой книги; интересно бы узнать». Письмо датировано 13 декабря 1894 г., и вопрос, несомненно, относится к инциденту с изданием речи памяти Александра III и последующим студенческим волнениям. Ленин предвидит возможность «неудобства» ответа на его вопрос в легальном письме. Сама формулировка «об истории в Университете с Ключевским» говорит о том, что он уже что-то знает об этой «истории»⁵⁰.

Выступление Ключевского с речью об Александре III, как справедливо замечает Вл. Г. Короленко, не вызвало само по себе студенческого движения 1894 г., а лишь «подлило масла в огонь»⁵¹. Вся «история с Ключевским» вписывается в общее брожение студенчества, всколыхнувшееся в связи со смертью ненавистного реакционного императора, гонителя передового движения, притеснителя университетов. В целом Короленко крайне резко оценивает речь Ключевского о «в бозе почившем», говорит о его «открытом холопстве», сервиллизме, карьеризме. Писатель передает и крайне преувеличенные слухи, ходившие среди московской интеллигенции: «Попович по происхождению..., человек даровитый и талантливый, но хитрый, неискренний и что называется „себе на уме“, — он, говорят, метит в Победоносцевы (!). Может быть, это и неверно, но несомненно, что вообще талантливый кутейник куда-то метит...»⁵² Едва ли это так, слухи возводили на Ключевского напраслину, не только в Победоносцевы, но вообще он, по-видимому, никуда не «метил»... А «близость» ко двору и сама речь об Александре III не оградили его, как увидим, ни от взыскания начальства по поводу его дальнейшего поведения, ни от пребывания в списке «неблагонадежных».

Значительная группа московских профессоров, Ключевский в том числе, 3 декабря 1894 г. выступила в защиту репрессированных студентов. Петицию на имя генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича подписало 42 профессора, среди них Тимирязев, Сеченов, Столетов, Фортунатов, Анучин, Стороженко, Эрисман, Остроумов, Чупров, Зелинский, Виноградов, Герье и многие другие. Петиция составлена в наступательном тоне и содержит много примечательных формулировок о на-

строениях и правах молодежи. Написана она в общем с позиций только что отвергнутых уставом 1884 г. прав университетской автономии и поэтому вызвала переполох среди начальства как «противозаконная»⁵³. Но по существу петиция была двойственной: не одобряя поведения студентов, профессора просили не наказывать их строже, чем постановило правление университета, одновременно сильно критикуя мероприятия правительства против «беспорядков».

Ключевский не ограничился подписью петиции 3 декабря, он обратился с «почтительным ходатайством» в правление университета, прося о смягчении наказания «трем уволенным студентам (имеются в виду: медик Андрей Мамуна, слушатель естественного отделения физико-математического факультета Казимир Осипович и математик Константин Забнин), участвовавшим в попытке нарушить порядок на моих лекциях». Ключевский просил предоставить им право, «не теряя учебного времени», поступить «в какой-либо другой университет, если уж невозможно более значительное облегчение их участи». «Сожаление преподавателя об опасностях, возникающих для молодых людей от перерыва их учебных занятий, усиливается еще личным прискорбным чувством человека, ставшего причиной, хотя и невольной, постигшего их несчастья»,⁵⁴ — писал Ключевский. Его поддержал попечитель Московского учебного округа граф П. Капнист, потомок знаменитого вольнодумца XVIII в. Граф справедливо указывал еще и на то, что упомянутые студенты едва ли принадлежат к «главарям агитации», и на то, что «профессор Ключевский имеет столько заслуг, что уже ради этого просьба его заслуживает особого уважения...». Но все было напрасно. Министр народного просвещения И. Д. Делянов наложил выразительную резолюцию, что не может «облегчить судьбу этих трех студентов, так как они известны администрации города по злонамеренности своей и в числе 48 студентов, вероятно, уже высланы из города по распоряжению М[инистерства] в[нутренних] д[ел]».

Власти, столкнувшись с критическими настроениями преподавателей, решили поставить профессоров на место: разделив их на категории, вынесли одним выговоры, другим поставили на вид недопустимость их поведения. Предполагалось даже увольнение профессоров Герье, Остроумова, Тимирязева и Эрисмана, но эта мера не была реализована.

Происшествие 1894 г. с речью памяти Александра III имело и несколько неожиданные, «боковые» последствия. Если верить свидетельству И. А. Линниченко, на Ключевского последовал после происшествия еще один донос каких-то «случайных слушателей», тем не менее, по-видимому, регулярно посещавших его лекции и записывавших подозрительные с точки зрения надзора места. «В ту эпоху, когда популярность талантливого лектора вре-

менно поколебалась, эти случайные слушатели собрали в один букет все пряные ароматы его чтений и преподнесли их, кому следует»⁵⁵. Под «пряными ароматами» свидетель понимает, конечно, политически острые высказывания. И откуда только Линниченко знает об этом?

До декабря Ключевский принимал активное участие в защите репрессированных студентов и в составлении петиции, но близился срок второго отъезда в Абастуман — 20 декабря он должен был начать занятия, теперь уже не с великим князем, а с наследником престола. Возможно, в силу нового положения Георгия при дворе и длительного траура по императору, а также необходимости поскорее считать образование наследника престола законченным курс дополнительного преподавания истории был сокращен: занятия должны были завершиться 1 марта 1895 г.

Можно представить, в каком тяжелом, подавленном настроении собирался Ключевский вторично в Абастуман. Писем с Кавказа за этот период очень немного, все они деловые. Вскоре неблагонадежный профессор, преподаватель наследника российского престола, получил отношение попечителя Московского учебного округа от 28 января 1895 г. (оно с неделю шло на Кавказ), в котором прочел, что министр народного просвещения поручает ему «поставить Вам, милостивый государь, в числе других профессоров, подписавших прошение, на вид неправильность Вашего поступка и объявить Вам, что он порицает Ваш образ действий. . .»⁵⁶.

Жизнь в Абастумане, измененная трауром, выглядела теперь в письмах Ключевского, как ни кратки упоминания о ней, поиному, чем раньше. «Колония, в которой я состою временным и случайным поселенцем, живет тихой жизнью пустынных монастырей — без событий, — пишет Ключевский М. С. Корелину 3 февраля 1895 г., — только жалуемся на оттепель и недостаток снега; горы вокруг черные, как осенью». Из этого письма мы узнаем, что Ключевский уже обдумывает предложение М. С. Корелина, выбранного товарищем председателя редакционной комиссии при Комитете грамотности, о популярной исторической литературе «для народных изданий». Иначе говоря, он опять берется за старое — возобновляет работу в недостаточно благонадежном Комитете грамотности. «Дело это не только доброе, но и очень серьезное. Я на досуге подумываю о нем; но мне нужны некоторые указания и знакомство с подробностями программы по другим предметам». Он, видимо, торопился все закончить и расстаться с Абастуманом, так дорого ему обошедшимся: «Надеюсь кончить свое дело и возвратиться в Москву в начале марта, даже в конце февраля, может быть». Официальным сроком окончания второй командировки в Абастуман значилось 1 марта 1895 г., и в формуляре Ключевского мы читаем, что он «возвратился в срок»⁵⁷.

Какого же все-таки мнения был Ключевский об Александре III? Приведем текст дневниковой записи от 24 апреля 1906 г., мелкие карандашные строки в тетрадке, писанные для себя:

«Наступило царствование Александра III. Этот тяжелый на подъем царь не желал зла своей империи и не хотел играть с ней просто потому, что не понимал ее положения, да и вообще не любил сложных умственных комбинаций, каких требует игра политическая не менее, чем карточная. Сметливые лакеи самодерж[авного] двора без труда заметили это и еще с меньшим трудом успели убедить благодушного барина, что все зло происходит от преждевременного либерализма реформ благородного, но слишком доверчивого родителя, что Россия еще не созрела до свободы и ее рано пускать в воду, потому что она еще не выучилась плавать. Все это показалось очень убедительно, и было решено раздавить подпольную крамолу, заменив сельских мировых судей отцами-благодетелями земскими начальниками, а выборных профессоров назначаемыми прямо из передней министра народного просвещения. Логика петербургских канцелярий вскрывать догола, как в бане. Общественное недовольство поддерживалось неполнотой реформ или недобросовестным, притворным их исполнением. Решено было окорнать реформы и добросовестно, открыто признаться в этом. Правительство прямо издевалось над обществом, говорило ему: вы требовали новых реформ — у вас отнимут и старые; вы негодовали на недобросовестное искажение высочайше даруемых реформ — вот вам добросовестное исполнение высочайше искаженных реформ. Так правительственная провокация получила новый облик. Прежде она подстерегала общество, чтобы заставить его обнаружиться; теперь она дразнила общество, чтобы заставить его потерять терпение. Результаты соответствовали изменению провокаторской тактики: прежде так или этак вылавливали подпольных крамольников, теперь и так и этак загоняли открытую оппозицию в подпольную крамолу».

Вот, оказывается, как по Ключевскому, этот в бозе почивший царь увеличил сумму добра, находившегося в обороте человечества...

6

В чем же состоял абастуманский курс второго года обучения? Он был особо сложен и труден для Ключевского. Рекомендация значительного тематического расширения была им получена, вероятно, при отчете 1894 г. в Петербурге. Курс истории для наследника российского престола должен был доводиться непосредственно до современности и включать в себя ранее пропущенные темы, например историю Америки и ряд других.

Текст конспекта этого «дополнительного» курса хранится в другом архивохранилище⁵⁸ и представляет собой автограф Ключевского.

чевского, написанный карандашом в тетради, переплетенной в твердый картонный переплет. Это черновик с большой авторской правкой, перестановкой отдельных тем, пунктов и лекций. Весь курс, уменьшенный по отведенному времени, состоял из 21 лекции. 2-я лекция датирована «4 янв[аря] 18[95] г.», откуда можно заключить, что 1-я могла быть или 2 января, или, скорее, в самом конце декабря. В этом случае, чтобы вместить 20 лекций в назначенный срок, Ключевскому пришлось, очевидно, один месяц читать по две лекции в неделю, а другой — по три. Работа была, как видим, более напряженной.

В отличие от проспекта предыдущего года обучения, в тетради очень мало ссылок на литературу — лишь в самом тексте иногда обозначаются страницы какого-то неназванного издания, а в конце встречаем в подстрочных примечаниях сокращенные указания на некоторые использованные исследования. Есть ссылка на статистические работы А. Ф. Фортунатова (брата знаменитого лингвиста), С. С. Татищева, французского автора Lafierté, на справочный материал «Календаря 1895 г.» (т. е. года чтения лекций); любопытна ссылка «вырезки, 27», вероятно, речь идет о газетных вырезках, пронумерованных Ключевским для удобства справок. Курс доходил до современности и газеты были совершенно необходимы.

Ключевский характеризует курс как «дополнительные занятия» по политической истории XIX в. и во вводной лекции предполагает остановиться на «главных явлениях этой истории, обнаружившихся в десятилетие 1871—1880 гг. с указанием некоторых дальнейших событий». Иначе говоря, он доводит свой курс до «сегодняшнего дня», поскольку в тексте есть указания на события начала 90-х годов. «Эти явления, — пишет он далее, — или продолжение, или ближайшие следствия национальных и конституционных движений, происходивших в политической жизни Европы с самого начала истекающего столетия, или, наконец, попытки противодействовать этим движениям». Начало указанного исторического процесса Ключевский видит в пробужденном Французской революцией и войнами Наполеона стремлении «политически раздробленных или находящихся под чуждой властью народностей к национальному объединению и политической независимости». Каковы же силы, действовавшие против этого процесса, о которых он выше упомянул? «Силами, действовавшими наперекор национальным движениям это[го] времени, были папство и социализм». Папство кратко характеризуется в этой же лекции в связи с вопросом о вселенском соборе, собравшемся в 1869 г. Католическая церковь принимала вид «теократической всемирной монархии с непогрешимым земным главой». Ключевский подчеркивал антинациональность папской системы и освещал противоречия между католическими государствами и Ватиканом, возникшие

после собора. Говоря о социализме и оценивая его отрицательно, он проводил параллель с политикой Ватикана: «А социализм стремится составить из рабочих всех стран международный революционный союз и направить его против местных государственных и экономических порядков, основанных на истории и особенностях каждого народа...» Российский либерализм в варианте Ключевского в отрицательном отношении к социализму смыкался с реакцией. Далее в свои обобщающие идеи Ключевский вводит проблему отличий одного государства от другого: «Стремление к политической независимости и национальной самобытности не у всех народов проявлялось с одинаковой силой и действовало одинаковым образом, благодаря их неодинаковому политическому положению». В этом разрезе Ключевский делил страны на четыре группы: страны, где «окрепло сознание национального единства и самобытности», где упрочена внешняя независимость — «демократизация государственного устройства — общее, хотя и не везде одинаково сильное стремление»: в качестве основных явлений он упоминал «реформы в демократическом направлении в Англии, республику во Франции, республиканские и конституционно-монархические опыты в Испании» и «союзную империю в Германии». Ко второй группе он отнес разноплеменную Австрию с ее сильными стремлениями к обособлению национальностей, к третьей — «Христианские народности Балканского полуострова, насильственно соединенные турецким игом», которые по своей «незначительности и неустойчивости» не могут противостоять влияниям великих держав, вызывая их вмешательство и взаимное соперничество. Разумеется, для Ключевского возникала трудность явно применить к России (для нее отводился в группировке четвертый номер) критерий нарастающей демократизации. Лектор, сам участвовавший в либеральном движении в заподозренном властью кружке «Русской мысли», знал истинное положение дела и то, что даже либеральное движение давилось реакцией после выстрела 1 марта. Эпоха контрреформ уже наступила. Поэтому, не меняя критерия, он ввел и Россию в общую картину демократизации строя в европейском процессе, но не смог подкрепить ее причастность к процессу открытыми доводами. Он не без хитрости начал с того, что в «России реформами имп[ератора] Александра II создавался новый внутренний порядок, соответствующий (?) ее внешнему международному положению...». Но далее мысль развить не смог и остановился лишь на «приобретениях России в Азии» и продолжении Россией «давнего исторического дела — собирания диких или одичавших восточных народов...». Цель, разумеется, ясна, — они-де постепенно примкнут «к культурному человечеству в составе России». Великодержавно-шовинистическая концепция тут налицо. О создании «нового внутреннего порядка» и процессе демократизации не было в проспекте

больше ничего. Лекция содержала характеристику восточного вопроса, также составленную в традиционном духе требования освободить христианские народности Балканского полуострова от турецкого ига. Таковы были вводные обобщающие положения.

Структура курса и включение русского материала в материал всеобщей истории имели следующие черты: из 21 лекции второго абастуманского курса львиная доля — 16 лекций — приходилась на тематику всеобщей истории, лекций специально на русские темы было выделено всего лишь 5. Они сочетались со всемирно-историческими в следующем порядке: после введения (т. е. 1-й лекции) шли 10 лекций, посвященных Европе и Америке: «Германская империя, Пруссия в борьбе с папством», «Германская империя в борьбе с социал-демократией»; «Отношения к России и Тройственный союз», «Франция в борьбе за республиканский порядок», «Испания между республикой и монархией», «Итальянское королевство», «Борьба национальностей в Австро-Венгрии», «Англия и Ирландия», «Отражение европейских движений во второстепенных государствах Северной и Средней Европы» (тут очень кратко рассматривались Швеция, Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия и Швейцария). Внутренняя итоговая тема (10-я лекция) называлась «Отношение господствующих политических движений в Европе XIX в. к политическим идеям прошлого века». Подводились итоги европейской идейной жизни: «философско-политические идеалы XVIII века», «так называемые идеи 1789 г.» потерпели «крушение» — оказалось, что это не права, присущие самой природе человека, «а блага общежития, которыми надобно уметь пользоваться в надлежащей мере, а это умение приобретается долгим самовоспитанием народов». Под влиянием приобретенного опыта эти политические идеи прошлого века «Европа в продолжение текущего столетия перерабатывала в практически применимые государственные и международные учреждения...». Хотя далее и есть оговорка, что идеи эти «подверглись существенным изменениям», позволительно поставить вопрос: в чем же выражается их «крушение»? Как будто они не потерпели его, раз переработались на потребу человеку. Далее проясняется, что, например, «идея всемирного гражданства или космополитического братства людей» встретила для своего развития «естественную преграду в племенном делении человечества». В силу этого она «заменилась идеей национального гражданства, стремлением к национально-политическому обособлению». Этого процесса «не могли задержать ни католическая иерархия, ни социал-демократия, старающиеся подавить свободное развитие народов — одна всемирным владычеством папы над умами и совестью, другая — космополитическим господством рабочего класса с подчинением личной свободы деспотическому гнету рабочих союзов». В этой тираде весь Ключевский с классовой буржуазной сутью

своей исторической концепции. Его концепция в опубликованных курсах ограничивается временем половины XIX в. и поэтому не досказана. Здесь доведенная до конца XIX в. она отчетливо выявляет свою антисоциалистическую позицию. Этим ценен абастуманский курс: он в реальном тексте развертывает концепцию историка, поэтому нет надобности в предположениях историографа.

«Далее, — пишет Ключевский, — идеи народовластия и политической свободы выразились в разнообразных формах и степенях участия, принимаемого народами в устройении своих государственных учреждений и ходе управления посредством народного представительства с всеобщей или ограниченной подачей голосов, с демагогической избирательной агитацией, борьбою политических партий, решающим значением парламентского большинства и министерскими кризисами».

Теперь ему остается высказаться лишь о равенстве: «Наконец, идея равенства осуществляется в общем стремлении к демократическому складу государственных учреждений, в юридическом уравнивании старых сословий с более или менее равномерным распределением прав и обязанностей, не устраняющим однако контраст и антагонизм экон[омических] классов. Форма правления не корень, а плод развития». Этим положением, с верной мыслью в конце рассуждения и с применением столь интересовавшего Ключевского понятия классов, он еще раз опровергает только что высказанное мнение о крушении основных «идей революции 1789 г.».

11-я лекция была посвящена обзору политических движений в Америке. Обзор начинается с испанских колоний в Средней и Южной Америке, которые со времени «отпадения» (!) их от метрополии «преобразовались в республики с более или менее демократическим характером и с формами управления, имеющими внешнее сходство с конституцией Соединенных Штатов Америки (но без внутренней опоры в нравах и понятиях населения)». Подчеркнув «ожесточенную борьбу» рас и политических партий и «однообразное» повторение политических переворотов (некоторое исключение делается лишь для Парагвая и Бразилии), Ключевский переходит к Мексике, дает очерк ее истории и сосредоточивается далее на Северо-Американских Соединенных Штатах. Описывается территориальная экспансия, предприимчивость населения, усиливающийся непрерывный приток переселенцев из Европы. Противоречия между рабовладельческими южными и свободными северными штатами являются почвой, из которой «вышел спор о самой сущности Союза Штатов: союзная ли это республика или простой союз независимых республик?». Характеризовано возникновение двух политических партий — республиканской и демократической и усиление «оппозиции против рабовладения (аболиционисты)». Выделены пункты об избрании прези-

дентом республиканца Линкольна и обособлении из Союза 11-ти южных штатов с президентом конфедерации Джефферсоном Дэвисом. Далее следует междоусобная война 1861—1865 гг., семидневный бой под Ричмондом, сражение при Геттисбурге, выделено постановление палаты депутатов об отмене рабовладения (1865 г.), взятие Ричмонда северянами и окончание войны; отдельный пункт о смерти Линкольна. Далее — президентство Гранта (1869—1879 гг.) и борьба республиканцев с демократами, отмечен ряд президентов от Гейса до Гаррисона, лекция по истории Америки доведена до 1893 г., т. е. почти что до того момента, когда лекция читалась. Как видим, тут значительный перечень пунктов, удивительно, как все это уложилось в одну лекцию. И хотя каких-либо обобщений и выводов в этом перечне нет, подбор исторических фактов, лежащих по линии становления демократии, налицо, да и сам факт чтения Ключевским лекции по истории Америки крайне любопытен и вносит новый штрих в облик историка.

История освоения Сибири русскими дана Ключевским с позиций «необходимости обезопасить восточные пределы государства от нападений зауральских инородцев» и овладеть «пушным богатством Сибири». Формулировка, как видим, шовинистическая, соответствующая общему буржуазному мировоззрению историка. Продвижение в Сибирь дано с глубоким хронологическим отступом от рамок «новой истории» — Ключевский начинает с Ермака и идет далее: характеризует экспедиции Пояркова, Хабарова, Нерчинский договор с Китаем, занятие Камчатки в XVII в., экспедицию Беринга, основание Российской Американской компании, даже просветительскую деятельность отца Иоанна Вениаминова, епископа Иннокентия. Деятельность Н. Н. Муравьева, капитана Невельского, открытие плавания по Амуру во время восточной войны, Айгунский и Пекинский договоры с Китаем входят в обзор. Образование Приморской и Амурской областей, занятие гавани в заливе Петра Великого и город Владивосток завершают программу. Лекция о расширении русских владений в Средней Азии столь же подробна — начиная с «мечты Петра Великого» о пути в Индию, продолжаясь подробным рассказом о ходе завоевания и завершаясь добровольным вступлением Мервского оазиса в русское подданство (1884 г.). Тема Средней Азии продолжалась и в следующей лекции, посвященной «ближайшим следствиям территориальных приобретений России в Азии»: следствия состояли в упрочении безопасности азиатских границ, овладении торгово-промышленными центрами Азии, сделавшими Россию посредницей в сухопутных торговых отношениях Азии с Европой, в распространении христианства, ремесел и житейских удобств, водворении «законного порядка», безопасности торговых сообщений и «мирного общежития в Средней Азии вместо произвола ханов и племенных старшин», прекращении рабовладения и рабо-

торговли, успехов земледелия и разработки естественных богатств страны.

Далее шел большой цикл из шести лекций, целиком посвященный восточному вопросу. Темы, связанные с Россией, были вплетены в общен историческое изложение. Две первые лекции отводились теме «Восточный вопрос до XIX века»: одна — «Восточный вопрос в XVIII—XIX вв. (до Парижского мира 1856 г.)», другая — «Восток под европейским протекторатом». Отдельная лекция о войне России с Турцией 1877—1878 гг. и следующая за ней «Восток после Берлинского конгресса» завершали цикл. За ним идет заключительная лекция на русскую тему: «Ближайшие следствия реформ Александра II». Какой-либо итоговой концовки всего курса не было; подтема о народном образовании в России — справка о том, что его бюджет к концу 70-х годов был «свыше 37 млн. руб.», завершала курс абастуманских лекций. Ни о стеснении университетской жизни, ни об уставе 1884 г. и студенческом движении Ключевский, разумеется, не поместил в проспекте ни единого слова.

Историографическое значение этого курса в целом, будь он отделан и точнее состыкован с первым годом абастуманских лекций, было бы несомненно. Он представлял собой едва ли не первую попытку изложения всемирно-исторического процесса с отчетливым введением хорошо разработанных русских тем. Всемирной истории такого рода в русской исторической литературе тогда еще не было. Будь курс отделан и издан, он стал бы примечательным явлением русской историографии, его проблематика и обобщения несомненно возбудили бы острые споры, которые оказали бы плодотворное влияние на дальнейшее развитие русской исторической науки. Но у Ключевского, разумеется, и мысли не было отделять и издавать этот навязанный ему курс. Специалистом по всемирной истории он себя не считал, отрасли изучения давно обособились в русской исторической науке. Маленькие, исписанные карандашом тетрадки конспектов остались в ящиках письменного стола и на развитие науки воздействия не оказали. Объективно их роль замкнута лишь тем влиянием, которое раздумья о месте и особенностях России во всемирно-историческом процессе оказали на подготовку крупнейшего труда в жизни Ключевского — «Курса русской истории».

7

С марта 1895 г. Ключевский уже в Москве и возобновляет лекции в университете и Духовной академии в меру возможности, предоставляемой временем — близится конец второго семестра, многого прочесть не успеешь. Ключевский глухо пишет о каких-то «неудачах и служебных делах» в письме попечителю Московского

учебного округа Н. П. Боголепову — эти неудачи и дела должны относиться к марту — сентябрю 1895 г., но что именно имеет в виду Ключевский, сказать трудно.

Казалось бы, события, связанные с речью Ключевского об Александре III, завершились, улеглись, и можно не возвращаться к ним. Но нет, они удивительным образом и с неожиданной стороны прорастают в жизнь историка в ближайшие же месяцы по возвращении из Абастумана, когда он, вероятно, опять побывал с отчетом в Петербурге. Эпизод с речью, видимо, обсуждался где-то «в верхах», при дворе. Из всей истории там, наверху, делались особые выводы — старый мир еще раз решил присвоить себе Ключевского, не выпускать его из своих цепких объятий. При дворе, очевидно, возник вопрос: не поручить ли Ключевскому написать в том же духе книгу об Александре III? Это было бы так приятно сыну, ныне царствующему императору. Кто же справится лучше с таким поручением, чем автор столь удачной речи, глубокий историк и тонкий стилист, профессор Ключевский? Ключевский опять оказывался на грани возложения на него ужасного обязательства, от которого «нельзя будет отказываться...».

Исполнителями придворного замысла явились и на этот раз лица той же служебной субординации — генерал-адъютант Данилович, воспитатель Николая II и наследника престола Георгия, и попечитель Московского учебного округа Н. П. Боголепов, принявший на себя передачу Ключевскому проектируемого поручения. Ключевский хорошо знал Боголепова по Московскому университету, где тот был профессором римского права, а затем ректором университета как раз в годы деканства и проректорства Ключевского. Пока еще решения не было, вопрос был сложен, Ключевского зондировали. И Ключевский, по-видимому, решил пойти по дороге отказа. Зондирование началось, очевидно, где-то в исходе лета 1895 г. — Ключевский с большим опозданием и с умелой дипломатией отвечает на письмо Боголепова, мотивируя опоздание причиной: «неудачи и служебные дела». «Согласно с желанием Г. Г. Даниловича, — пишет Ключевский 1 октября 1895 г., — отвечу Вам, может быть, даже слишком откровенно. Признаюсь, вопрос, Вами мне переданный, поставил меня в некоторое затруднение. Моя речь внушена была моментом, который уже миновал. Она вызвала прискорбное для меня недоразумение. Поэтому я не только вправе, но и обязан быть осторожным. Мое согласие на предложение генерала Демьяненкова дало бы делу вид пропаганды с моей стороны...»⁵⁹ Далее шлетя благодарность генералу Демьяненкову и хитроумное предложение решить все ему самому. Предложение звучит весьма своеобразно при наличии только что сформулированных предпосылок. Ну, как же решить вопрос положительно, если, во-первых, переданное Ключевскому предложение поставило его «в некоторое затруднение»; во-

вторых, речь об Александре III была у него лишь внушением «момента», причем подчеркивалось, что момент «уже миновал», т. е. потерял для Ключевского интерес; в-третьих, согласие было бы явной неосторожностью с его стороны; в-четвертых, «момент» уже вызвал ранее «прискорбное для меня недоразумение», т. е. студенческое выступление? Вот, оказывается, как оценивает профессор студенческий свист и крики «Долой с кафедры!» — студенты напрасно сочли его за чужого, он был «свой»! Недоразумение, как известно, можно уладить, не поддающиеся улажению события называются иначе. Наиболее оригинален последний — пятый — мотив, он даже нелегко поддается расшифровке: оказывается, если Ключевский согласится, это даст делу «вид пропаганды с моей стороны». Пропаганды чего? Слово «пропаганда» применялось в то время к революционным действиям, к поведению антиправительственных элементов, оно несло в себе тяжелое обвинение с точки зрения корреспондента Ключевского и обоих генералов. Пугающий термин! Но звучит он как бы в обратном смысле, — подумают, что я пропагандирую в пользу объекта книги (т. е. Александра III. — М. Н.). Иначе — не подумают ли, что я являюсь агентом правительства? Не лишат ли меня доверия? Подтекст один: а я ведь не являюсь! Студенты могут доверять мне...

Боголепову было, вероятно, нелегко передать сложное содержание письма Ключевского обоим генералам. Но сомневаться в том, что Ключевский в душе не желал принимать поручения, не приходилось...

Пока что атака казалась отбитой. Но к ней придется вернуться позже в своем месте. Пока мы располагаем непреложным фактом: книги Ключевского об Александре III мы не знаем — она написана не была.

Казалось, теперь, разделившись с тяжелым абастуманским перерывом в научной работе, вернувшись в Москву и отбив еще одну неожиданную атаку, можно было, наконец, приняться за давно запланированную подготовку «Курса русской истории».

Но, вероятно, одно новое событие, которое вдруг обрушилось на Ключевского в начале следующего же 1896 г., было для него совершенно неожиданным. Только что его сложный, колеблющийся либерализм потерпел страшное и заслуженное нападение слева — демократическая, передовая молодежь не захотела, не смогла простить ему речи об Александре III. Теперь на него летела оглушительная атака справа: реакционная профессура северной столицы шла на него в бой за те метания и поиски истины в исторической науке, которыми был отмечен его капитальный труд — докторская диссертация. Как и следовало ожидать, нападение было совершено реакционными историками русского права.

Прошло не более и не менее как четырнадцать лет со дня выхода первого издания «Бояреской думы». Казалось бы, пора от-

зывов и рецензий миновала. И вдруг объектом критики оказалась именно она! В 1896 г. «Боярская дума» подверглась сильнейшему разгрому в стане академической реакции.

Нападение было совершено столичной петербургской знаменитостью, лидером в области истории русского права, заслуженным профессором императорского С.-Петербургского университета В. И. Сергеевичем. В печати появилась, разумеется, не рецензия, а значительный — около 40 страниц — текст, включенный во второй том работы Сергеевича «Русские юридические древности», который вышел в Петербурге в начале 1896 г.⁶⁰ Большая часть тома посвящена «Боярской думе», которую автор по своей концепции, коренным образом расхолившейся с концепцией Ключевского, предпочитал называть «Княжеской думой». Четверть объема, отданного последней, посвящена ярому, торжествующему нападению на Ключевского. Глава, в которую помещено это нападение, носит название «Литература вопроса о старой думе»; после самой краткой оценки К. А. Неволлина и более пространной и положительной Н. П. Загоскина следует большой подотдел: «Боярская дума профессора Ключевского». Перед этим соперника Ключевского Загоскина Сергеевич наградил большой похвалой: «Это превосходная работа, в которой собрано более данных, чем можно найти в каком-либо другом сочинении, затрагивающем этот предмет, и оценка их по многим вопросам совершенно правильная»⁶¹. Далее следует разгром «Боярской думы» Ключевского, производимый по ее первому книжному изданию 1882 г., поскольку второе издание (1883 г.), по мнению Сергеевича, составляет перепечатку первого с очень небольшими изменениями.

Чтобы понять причины или хотя бы часть причин этой атаки справа, надо иметь в виду, что петербургская историко-правовая школа вообще давно была настроена против «московской» и постоянно претендовала на лидерство. В эти годы ученая Москва чаще имела репутацию новатора и либерала, ученый же академический Петербург, может быть, в силу большей близости к монаршему престолу, держался консервативных традиций.

Беря вопрос в целом, можно сказать, что у Сергеевича «самодержавный» взгляд на Боярскую думу, у Ключевского, — так сказать, «конституционный». Отметив «многопредметность» работы Ключевского, Сергеевич подчеркнул отсутствие, по его мнению, нужды в побочных исторических экскурсах на самые разнообразные темы, «которые автор хотя и приводит в связь с думой, но которые прямого отношения к ней не имеют»⁶². Выводы Ключевского представляются критику «не совсем ясными, недостаточно доказанными, а во многих случаях и прямо противоречащими фактам», — далее следовало едкое: «несмотря на то, что он потратил немало труда и искусства живописания». С особым удовольствием отмечает Сергеевич совпадение некоторых выводов

Ключевского то с Загоскиным, то с Невוליным, намекая то ли на несамостоятельность, то ли на заимствование. Целью было лишить Ключевского права на оригинальность, сделать его выводы не только ложными, но и тривиальными. Но более всего Сергеевич был занят внутренними противоречиями тех положений Ключевского, где он идет «гораздо далее своих предшественников». Охранитель неограниченности самодержавия, Сергеевич решительно отрицает, что Боярская дума была постоянным учреждением, нет, она — лишь «действие советования князя с людьми, которым он доверяет»⁶³. «Никакого определенного круга обязанностей у думы не было: она делала, что ей приказывали, и только»⁶⁴. Сергеевич категорически против вывода Ключевского о законодательном праве думы — дума никогда не имела законодательного права. Дума не имела и определенной судебной компетенции, а судила всякий раз «по государеву приказу». Попытку ограничить царя думой Сергеевич признает лишь однажды — во время избранной рады Ивана Грозного. Подхватив самокритическое замечание Ключевского в связи с трудностями изучения скудных источников XIV—XV вв., что предпринимаемая им «попытка изобразить управление удельного княжества... , наверно, не свободна ни от недомолвок, ни даже от значительных обмолвок», Сергеевич ядовито вспоминает эту фразу то там, то тут, объявляя критикуемые им места то «недомолвкой», то «обмолвкой» Ключевского. Решительно оспорена оценка «старцев градских» — они не могут быть особым «классом», а смыкаются с дружиной, поэтому «различие думы X века от последующей представляется несущественным»⁶⁵.

Решительно оспорена и «однословность» последующего этапа в развитии думы. Вывод-де противоречит фактам — духовенство призывалось как в думу XV в., так и в последующее время, очевидно, это недомолвка или даже обмолвка Ключевского. Никакого «приказничьего состава» у думы в удельное время не было — акты, совершенные князем в присутствии бояр, не содержат обозначения боярской должности в качестве вольнонаемных приказчиков (как будто вопрос решался одним только прямым упоминанием названия должности!). Всюду Сергеевич мобилизует довольно большой фактический материал, обрушивая его на Ключевского с основной позиции — защиты своего тезиса о некоем стабильном, неизменном, однотипном составе думы во все времена ее развития — позиция, крайне характерная для историко-юридического формализма старой реакционной школы. Нет ровно никакого «существенного различия между удельною думою северных князей и их предшественников». Московская дума XVI в. характеризуется «аристократическим составом, дума XVII в. — демократическим... Это едва ли верно». Кажется, если приговор произнесен, то можно двигаться в критике дальше? Нет, Серге-

евичу еще необходимо ядовито добавить, что на «факт демократизации» «Княжеской думы» в XVI в. наши историки давно уже обратили внимание — вспоминаются Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев. Язвительно обвиняется Ключевский «в страсти к дедукции». Он будто бы «берет какое-либо более или менее признанное положение и делает из него логические выводы, не проверяя их путем исследования фактической стороны дела», что особо несправедливо по отношению к Ключевскому, тонкому знатоку фактов, постоянно оперирующему ими. Установив таким путем якобы стабильность и неподвижность изучаемого явления — думы, Сергеевич, видимо, все же чувствует слабость своей позиции как историка. Сводя воедино выводы Ключевского, он, отмахиваясь от них, как от малозначительных, применяет теперь слово «допустим!»: «...допустим, что в состав думы сперва входили бояре — дружинники, градские старцы и духовенство, затем она сделалась односословной и состояла только из бояр; бояр сменили вольнонаемные приказчики, приказчиков — княжеская аристократия, а сию последнюю — дворянская демократия. Но как все эти элементы делались членами думы? Князь был обязан их призывать или он был свободен призывать их и не призывать? В этом и заключается существенный вопрос организации думы». По Сергеевичу, все решала единственно воля князя, выбор «думцев» зависел от княжеского произвола. В общем идея отражения социального развития страны, истории ее классов в составе одного из центральных правительственных учреждений начисто чужда историко-правовой концепции Сергеевича. Полная неограниченность самодержца также стабильна для него в истории России, лишена исторического развития. Решительно оспаривает Сергеевич и факт законодательной деятельности думы, в то время как Ключевский многократно подчеркивает, что дума — законодательное учреждение⁶⁶.

Как и в ряде других случаев, поиски «конституционных» элементов в прошлом Руси заставляли Ключевского модернизировать проблему. Во многом и сейчас, с других позиций, чем Сергеевич, современный историк будет спорить с Ключевским. Однако надо признать, что Ключевский первым выступил против консерватизма историков права, не признававших исторического развития политических институтов и смены их социального состава в разные эпохи. Проблему эту он первый поставил с большой ясностью в буржуазной науке и пробудил интерес к ней у ряда исследователей различных направлений.

В конце своей критики Сергеевич говорит об одном из ее мотивов — критика взглядов противника казалась ему тем более необходимой, что «профессор Ключевский образовал уже школу. Нам случалось видеть книги, в которых самые рискованные его положения выдаются за бесспорные истины»⁶⁷.

Надо признать, что литературное оформление нападок Сергеевича на Ключевского не было лишено блеска: короткие, ясные фразы, впечатляющее логическое построение, язвительность иронии были присущи главе петербургских консерваторов от науки. Мобилизация большого фактического материала, которым Сергеевич владел, прокурорская казуистика, умелые противопоставления одних положений противника другим утверждениям его же самого не могли не произвести впечатления на ученый мир.

В литературе о Ключевском распространено мнение, что Ключевский как бы спасовал перед сильным противником и поэтому не ответил ему *ничего*, хотя, как мы знаем, постоянно публиковал в других случаях свои возражения на критику. Кто знает, почему Ключевский смолчал и не ответил критику блестящей статьёй, что делал раньше в спорах с Владимирским-Будановым или с Иконниковым. Все же точнее считать, что он ответил Сергеевичу — хотя и своеобразно — третьим изданием «Боярской думы», единственным из всех четырех прижизненных, которое имеет на титуле слово «Пересмотрено». Да и мог ли он через 14 лет после издания книги отвечать критику, как отвечают рецензенту? Думается, он выбрал достойную форму ответа — изменил в книге то, что счел нужным, и подтвердил развернутую концепцию. Поэтому нельзя согласиться со словами С. Ф. Платонова, что с Сергеевичем Ключевский «совсем не полемизировал»⁶⁸.

Все же этот критический удар Сергеевича, вероятно, был очень тяжел для Ключевского и немало ему стоил. Он как бы «в шутку» сказал С. Ф. Платонову: «Сергеевич тем похож на Грозного, что оба привыкли идеи перекладывать на нервы»⁶⁹.

Научная актуальность новой постановки вопроса проявилась в довольно большом количестве полемических выступлений — одни ученые были за, другие против Ключевского. Сразу немедленно вслед за лидером мобилизовалась школа самого Сергеевича — одна статья следовала за другой. Последователи выступили, как по команде, в том же 1896 г., когда появилась книга их лидера и когда они только успели написать свои рецензии, иной раз неподписанные, но довольно объемные. Во второй половине 1896 г. статьи против Ключевского появились в «Журнале Юридического общества», в «Мире божьем», в «Русском богатстве» и даже в «Русской мысли», до сих пор бывшей, так сказать, цитаделью Ключевского⁷⁰. И все статьи были за Сергеевича. Можно предположить, что авторы предварительно готовили свое нападение, предвидя неизбежный ответ Ключевского. Но они просчитались. Увидев, что атакуемый молчит, решили все же поспешить с выступлениями.

Концепция Сергеевича и его сторонников насквозь догматична. Она исходит из общей, заданной наперед юридической формулы

о полной, исконной неограниченности самодержавия. Прикидка к этой формуле исторически возникшего в составе центральной власти учреждения имеет поэтому лишь иллюзорное значение исследования. Выводы уже были предreshены заранее. Раз царская власть неограниченна, историческая длительность существования учреждения не имеет значения: она всегда случайна, и корень возникновения того или иного социального и персонального состава думы зависит лишь от царского самодержавного произвольного решения. Фактический материал Сергеевич хорошо знал, язык древних документов понимал, мог цитировать материал наизусть. Но этого оказывалось недостаточно для понимания исторического смысла явления, притом длительного, развивающегося сквозь сменяющие друг друга эпохи. Однако свободное оперирование фактами и формулами на старинном русском языке производило сильное впечатление и придавало концепции наукообразный вид. Нападение Сергеевича на ученого, придерживающегося более левых позиций, имело в условиях момента политическое значение. Половина 90-х годов прошлого века отмечена не только нарастанием рабочего движения, но и его созревaniem. Усиливается распространение марксизма. Возникают острые теоретические споры между марксистами и народниками. Рождается партия пролетариата. Тревога охватывает реакционные круги. Николай II произносит речи о «бессмысленных» конституционных мечтаниях, заявлено «нет» намерениям ограничить права самодержавия каким бы то ни было народным представительством. Сергеевич явился идеологом этой правительственной линии, безоговорочным защитником неограниченного самодержавия.

Концепция Боярской думы, предложенная Ключевским, была куда прогрессивнее и сложнее: он поставил вопрос об отражении в процессе ее почти тысячелетней эволюции классов и классовых интересов социальной верхушки русского общества. Не владея правильной методологией изучения общественных классов и шараясь от марксистской теории вопроса, он не смог научно решить поставленной себе самой задачи. Но он поставил ее перед исторической наукой своего времени впервые и с большой полнотой. Он учел и непростой социальный состав учреждения на всем протяжении его истории, и вопрос о праве законодательных решений, и сторону исполнительной власти, и проблему суда. Он довольно щедро привлек экономические проблемы боярского хозяйства, затронул, хотя и недостаточно, взаимоотношения в боярской вотчине и в поместье землевладельца с эксплуатируемыми крестьянами. Таким образом, он поставил перед мыслительным процессом поколения множество вопросов, задал значительную работу дальнейшему научному развитию своей эпохи. Поэтому, хотя Сергеевич и Ключевский, правда, в разной степени, считались близкими к историко-юридической школе, между ними есть огром-

ная разница: в то время как явно устаревшая для своей эпохи «самодержавная» концепция Сергеевича тянула науку назад, понимание той же проблемы Ключевским двигало ее — в рамках буржуазной науки — вперед. Научного историко-материалистического решения именно данной проблемы тогда еще не было. Хотя марксизм в половине 90-х годов делает в нашей стране огромные успехи как в общественно-политической, так и научной сфере, но решение множества конкретных проблем науки русской истории, особенно древней, было еще за горами. Поэтому и невозможно определить значение работ Ключевского простым сопоставлением решения тех же тем в современной нам марксистской советской исторической науке. Значение «Боярской думы» никак не определяется сопоставлением с нашим взглядом на тот же предмет. Хотя это интересно и иногда даже необходимо, но недостаточно для поставленной историографической задачи. Нападение Сергеевича на Ключевского дополнительно освещает суть этого вопроса.

8

Одновременно с нападением Сергеевича — так уж совпало — состоялся личный праздник Ключевского, который его сослуживцы решили устроить вопреки его воле, — 25-летие его работы в Духовной академии (1871—1896 гг.). Юбилей отмечался на фоне появлявшихся то в одном, то в другом журнале статей единомышленников Сергеевича с нападками на Ключевского. Атака «правых» продолжалась.

Еще в Абастумане в письме Е. С. Некрасовой, заговорившей о юбилее, Ключевский с мрачной язвительностью ответил длинным рассуждением о том, что юбилей призваны готовить человека к его собственной смерти, и заключил раздраженно: «... для людей, подающих надежду, что они будут смирно вести себя на собственных похоронах и с положенным по требнику достоинством принимать приносимые им изъявления, — для таких людей юбилей — акт вполне обходимый»⁷¹. Юбилей, конечно, состоялся. 27 октября 1896 г. его торжественно отпраздновали «у Троицы в Академии», со всей спецификой, подобающей особенностям учреждения. Сначала отец ректор академии «в сослужении с академическим духовенством» отслужил в академической церкви торжественную обедню, затем благодарственный молебен, после чего «в залах елизаветинских чертогов» главного здания Духовной академии, в квартире ректора, была устроена академическая трапеза — обед. Перед обедом вошла депутация студентов академии и обратилась к Ключевскому с приветственными речами. «Богословский вестник», описавший празднество, подробно передает приветствия выступавших, отметим в них одну из тем — высокую оценку «Бояр-

ской думы», что было, вероятно, в тот момент особенно дорого для Ключевского.

Надо же было так случиться, что день юбилея падал как раз на день памяти Нестора летописца! Это обстоятельство «обыграли» при поздравлениях⁷². Были речи профессора В. А. Соколова — слушателя самых первых лекций Ключевского в академии, и доцента С. И. Смирнова — недавнего слушателя. Выступали профессор Д. Ф. Голубинский, Г. А. Воскресенский, П. И. Горский, Н. А. Заозерский. На следующий день в академии была очередная лекция Ключевского в 11 часов утра — слушатели встретили юбиляра громом аплодисментов. Делегат, избранный ими, подошел к Ключевскому и, как пишет М. К. Любавский, «просил у него позволения облобызать его». Студенты усадили затем Ключевского в кресло и торжественно внесли на кафедру. Ключевский ответил на это речью. Как всегда, он просил не преувеличивать его заслуг и подчеркивал свою связь с С. М. Соловьевым⁷³.

Преподавание в Духовной академии Ключевский по-прежнему любил и говорил, что чувствует себя в ней наиболее свободно. Действительно, доносов на Ключевского, которые исходили бы из среды слушателей академии, пока неизвестно, по крайней мере исследователь ими не располагает.

Тем временем в Департаменте полиции политический надзор за Ключевским не прекращался, несмотря на пребывание его в Абастумане и высокие «придворные» связи, несмотря на юбилей... Надзор по-прежнему числит его «неблагонадежным» и собирает о нем сведения. В марте 1897 г. московский обер-полицмейстер препроводил в Петербург, в Департамент полиции, копию «проекта устава Общества взаимопомощи лиц интеллигентных профессий» и список лиц, ходатайствующих об утверждении его устава; в числе подписавшихся значился и Ключевский, фамилия его подчеркнута. Особо подозрительного тут ничего не было. Общество было разрешено, но Ключевский, как видим, не уклонился от его поддержки, продолжая прежде взятую линию, и в следующие годы уже числился членом этого Общества. В 1897 г., продолжая надзор, политический надзиратель сообщает, что он, Ключевский, проживает в Замоскворечье, на Житной улице, дом 14, в собственном доме... У него «часто бывают князь[я] Волконские и другие, часто бывают заседания, бывают и профессора...», «при нем проживает его племянница Елизавета Васильевна 17 лет, девица. Денежными средствами располагает широко, сын его нигде не служит...». Сведения ничего компрометирующего не содержат, но свидетельствуют о продолжении надзора и в данном году.

Что касается дома, то, действительно, вернувшись из Абастумана и, возможно, располагая сбережениями, а может быть, и какими-то дополнительными (наградными?) суммами, Ключевский купил дом Смирновых с большим липовым садом, тот самый, в ко-

тором уже давно жил. Сын Борис Васильевич, к моменту донесения человек уже почти тридцатилетнего возраста, надо сказать, отца не радовал. Окончив два факультета — исторический и юридический, — он как-то нигде не мог, а вернее не хотел устроиться и, формально числясь помощником присяжного поверенного, жил в отцовском доме на отцовские средства. Сам Ключевский держится осторожно, особых поводов к наблюдениям надзора не подает, но не уклоняется от общения с заподозренными лицами. Хотя он в решительной форме, письменно, запрещает слушателям петербургских Высших женских курсов литографировать его лекции, но поддерживает связи со своими репрессированными учениками и земляками, с подозрительными лицами. В частности, он связан с А. И. Яковлевым, известным полиции «как член кружка марксистов, организованного в 1896 г.». Позже «за оскорбление студенту Дурново, порицавшему забастовку», Яковлев был исключен из университета. Ключевский активно хлопотал за него, выступал в его пользу на совете факультета и добился, наконец, разрешения продолжать учение в университете ⁷⁴.

Как раз в эти же бурные 90-е годы Ключевский развил энергичную деятельность как председатель «Общества истории и древностей российских» при Московском университете. Избранный на руководящий пост в феврале 1893 г., он отдал «Обществу» около 12 лет. Он стал его членом еще во время председательства С. М. Соловьева. Надо сказать, что «Общество» влачило тогда довольно жалкое существование. Годами длилась и все не заканчивалась подготовка устава, проект которого был обременен устаревшими требованиями и излишней регламентацией. Научная жизнь «Общества» еле теплилась. Иное началось с момента выбора председателем Ключевского. Из проекта выбросили обременительные и формальные требования, вроде запрета членам выезжать из Москвы без разрешения председателя или требование сидеть за столом заседаний в хронологическом порядке избрания. Ключевский увеличил штат действительных членов с 30 «кресел» до 100. Почетным членам предоставили право голоса, которого они были прежде лишены, и право выбора должностных лиц; председатель вместо пожизненного избрания стал выбираться на трехлетний срок. Твердо определилось, что редактором выпускаемых «Обществом» «Чтений» явится ученый секретарь «Общества». Но заседания «Общества» по предложению Ключевского стали закрытыми: «Улице здесь не место» ⁷⁵, — мотивировал он.

Историк «Общества», его почетный член Е. В. Барсов свидетельствует, что до Ключевского заседания носили «чисто канцелярский характер»: в них читались преимущественно входящие и исходящие бумаги, протоколы. Барсов находит, что заседания вообще «не представляли научного интереса и неохотно посещались членами», даже были случаи, когда заседание состояло только

из председателя, секретаря, казначея и актуария, т. е. должностных лиц. Ключевский добился, наконец, того, что «Общество» развило большую научную деятельность: на заседаниях стали слушаться интересные научные доклады, в изданиях «Общества» появились ценные специализированные на определенной научной проблеме сборники неизданных архивных документов, которыми и ныне пользуются историки. «Чтения» — повременное издание «Общества» — приобрели сосредоточенный исследовательский характер. В них за этот период увидели свет десятки документальных публикаций и исследований, донныне сохраняющих свое научное значение, — продолжалось издание и изучение летописных текстов (Московская летопись 1532—1562 гг.), появилась работа А. А. Шахматова о Начальном Киевском летописном своде и другая — о так называемой Ростовской летописи; изданы древнейшая Разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.); «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» Н. Н. Оглоблина; «Акты Литовско-Русского государства»; столь близкие сердцу Ключевского сказания иностранцев о Московском государстве: Якова Рейтенфельса; записки Юста Юля, датского посланника; «Известия», касающиеся подробностей бунта Стеньки Разина (пер. с англ.), — тема, о которой не говорилось на лекциях; опубликованы челобитная Ивашки Пересветова, очерки А. И. Дмитриева-Мамонова о пугачевщине в Сибири и его же очерки о декабристах в Западной Сибири. Всего за время председательства Ключевского вышло 52 тома «Чтений» ОИДР.

Чрезвычайно оживились прения по докладам, в них большую долю вносил и сам Ключевский — острый, иронический полемист.

По общему признанию, доклады самого Ключевского в «Обществе» вызывали большое внимание и были наилучшими. Любопытно, что он отдавал «Обществу» преимущественно историографические темы. Еще до председательства, будучи действительным членом «Общества», он прочел 19 апреля 1886 г. доклад («речь») о В. Н. Татищеве как историке. После избрания председателем 21 декабря 1892 г. он прочел доклад о значении трудов И. Н. Болтина в истории русской исторической науки, на заседании 6 ноября 1896 г. — доклад о трудах Екатерины II по русской истории.

Стремясь сплотить между собой «актив» «Общества», Ключевский взял за правило приглашать после заседаний довольно большое число «избранных» к себе домой на товарищеский ужин. Но как это сделать незаметно, не обидев неприглашенных? По разработанной Ключевским хитроумной тактике молодой С. К. Богоявленский, близко связанный с ним и дружескими и семейными узами, в конце заседания тихонько, стараясь не привлечь внимания, подсаживался то к одному, то к другому участнику по особому, составленному Ключевским списку и передавал ему, что

Василий Осипович просит пожаловать к нему домой после заседания откусать чем бог послал. Польщенные приглашенные, не выдавая друг другу тайны, являлись, как правило, в полном составе. Упоминание Е. В. Барсова о том, что Ключевский закрепил в «Обществе» общее «дружество» благодаря своему «добродушию, обходительности и хлебосольству», намекает именно на это обстоятельство. В угощении — результате умелых хозяйственных забот жены Ключевского Анисьи Михайловны — были размах и русская щедрость, эти дни выделялись на фоне общего скромного быта Ключевского. Пребывание в Абастумане, вероятно, расширило его опыт по части богатого приема гостей.

Ученики Ключевского — М. К. Любавский, М. М. Богословский, А. А. Кизеветтер и другие — также издавали свои труды в «Чтениях» ОИДР.

Как руководитель начинающих ученых Ключевский был своеобразен. Чрезвычайно требовательный к подготовке ученика, знанию первоисточников и самостоятельности действий, он не выносил мелочных вопросов и поисков помощи на каждом шагу. В ответ на просьбы указать нужную литературу он резко отвечал: «Ищите по Межову». Щедро делившийся своими знаниями с артистами или художниками, просившими его совета, Ключевский решительно прерывал попытки своих учеников-историков заменить знаниями, почерпнутыми от учителя, собственный труд. «Не люблю, когда ко мне обращаются специалисты: сам доходи» — таково было его основное правило воспитания начинающих ученых. «Нам нужно понять друг друга, — говорил Ключевский ученику, — я готов давать вам указания, если вы будете понимать меня, а я вас». «Мне не оставалось ничего, — замечает Ю. В. Готье, — как самому своими средствами выпутываться из затруднений». Надо признаться, что такая строгая школа давала хорошие плоды, воспитывала самостоятельность. В некоторых случаях высота требований и на первых порах некоторая отчужденность учителя от ученика, видимо, не очень-то сглаживались — Милюков, говоря еще о студенческих семинарах Ключевского, резко заявляет: «Ключевский как руководитель нам не помог». В этом выводе, беря вопрос в целом, можно усомниться. Но когда взаимное понимание устанавливалось, беседы учителя с учеником в его скромном, домашнем кабинете приобретали совсем другой характер: «В немногих словах, в образной речи Василий Осипович сообщал столько сведений, что очарованному слушателю приходилось лишь напрягать усилия, чтобы не утратить из своей памяти сыпавшегося перед ним богатства»⁷⁶, — вспоминает Готье, уже переживший «строгий период» обучения после оставления при университете.

Было бы интересно узнать, как реагировал на «строгий период» обучения один из младших учеников Ключевского — Михаил Ни-

колаевич Покровский, оставленный им при университете 16 ноября 1891 г., но мы ничего не знаем об этом. Имеется письменное прошение Покровского о продлении ему, как мы сказали бы, «аспирантуры» до 1894 г. Просьба поддержана Ключевским. Надо признать, что это были не лучшие годы для подготовки к профессорскому званию: 1893—1894 годы были заняты у Ключевского курсами в Абастумане.

Основной «урожай» диссертаций учеников Ключевского падает на 90-е годы и начало 900-х гг. Все диссертационные темы имеют ряд общих качеств: широту постановки вопроса, значительный хронологический охват, отчетливую проблемность; отсутствуют «узкие» темы частного значения; в каждой теме налицо большая задача; чаще всего это исследование политических форм и отношений, но за ним чувствуется массив проблем социального исследования; последнее вытекает, однако, чаще «сверху» — от политики, и реже — от экономической основы. В каждой теме Ключевский требует значительных архивных изысканий, добычи новых фактов. Любопытной чертой является продвижение тематики учеников Ключевского от XVI века — через XVII век — к XVIII веку. Их учитель, как мы помним, считал последний «темным» в научном отношении, особенно малоисследованным. Но именно эти века (преддверие к XIX в. и падению крепостничества!) его особенно интересовали.

В 90-е годы под наблюдением и руководством Ключевского написано семь капитальных монографий; шесть магистерских диссертаций, шесть больших изданных книг: «Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII в. и реформа Петра Великого» П. Н. Милюкова (1892 г.), «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута» М. К. Любавского (1894 г.), «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» Н. А. Рожкова (1900 г.), «Областная реформа Петра Великого» М. М. Богословского (1902 г.), «Посадская община в России XVIII в.» А. А. Кизеветтера (1903 г.), «Замосковский край в XVII в.» Ю. В. Готье (1906 г.) и одна докторская — «Литовско-Русский сейм» М. К. Любавского (1901 г.). Во всех защитах по правилам того времени Ключевский был оппонентом⁷⁷.

Любопытна история защиты первой из диссертаций — П. Н. Милюкова: по огромному объему книги, массе привлеченного архивного материала и выводам она, по общему мнению членов факультетского совета, давала основание для присуждения докторской, а не магистерской степени. Ключевский скалой восстал против этого решения, и никто не мог его «уломать»; его вывод как оппонента (а тогда оппонент мог выдвинуть и отрицательное мнение о присуждении степени) был незыблем: нет, докторской степени диссертация недостойна, автор не доказал своего главного поло-

жения о связи государственного хозяйства с ходом реформ Петра, он предоставил сделать это самому читателю. Мнение Ключевского победило, и Милюков, как говорят, всю жизнь не мог простить этого своему учителю ⁷⁸.

Тем не менее о «школе Ключевского» можно говорить лишь очень условно. В точном смысле слова «школа» может создаваться лишь на основе единой и ясной методологической концепции, определенным образом понимаемой теории исторического процесса, принимаемой учениками основателя. Такой концепции у Ключевского не было — он лишь искал ее. По своим исследовательским интересам он уже вышел из рамок историко-юридического течения и влекся в область исследования социальных проблем, классов, их связи с политическими учреждениями страны, с историей социальной структуры общества. Но он не располагал методологией изучения этих вопросов. Расслоение среди его учеников было неизбежным следствием создавшейся ситуации, и началось оно ранее эпохи трех революций — отчетливые следы этого заметны еще в конце XIX в. Уже П. Н. Милюков, один из слушателей его первого университетского курса, формулирует свою позицию в 1899 г. следующими словами, напечатанными не где-нибудь в недоступном широкому кругу читателей издании, а в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. В отделе, посвященном русской историографии, ученик Ключевского, признавая многие достоинства учителя, пишет: «Основной недостаток В. О. Ключевского заключается в отсутствии того коренного нерва ученой работы, который дается цельным философским общественным мировоззрением и которого не может заменить величайшее мастерство схематизации» ⁷⁹. Милюков уходил от учителя вправо, ища нужных ему философских обоснований в сфере историко-идеалистических концепций буржуазной науки и дойдя по линии политического мировоззрения до лидера кадетской партии. Тем временем самый «младший» ученик Ключевского — Михаил Николаевич Покровский — уходил от учителя в противоположную сторону, к марксизму, и уже в 1904 г. формулировал печатно, в упоминавшейся статье «Правды», свои упреки учителю — в эклектизме и отсутствии цельной исторической теории ⁸⁰. Далее, три революции, завершенные Октябрем, рассекут до корня «школу Ключевского», отбросив одну часть учеников в лагерь белой эмиграции, где они тщетно будут искать путей к пониманию социальной жизни страны, породившей эти три революции, а другую вовлекут в сферу марксистского исследования, обладающего научным методом изучения социальных явлений.

Первое, за что взялся Ключевский, готовясь к публикации своего «Курса», было типографское издание «Краткого пособия по русской истории». Он подготовил его к печати в 1898 г. Еще С. М. Соловьев положил начало подобному изданию — студенты располагали для экзаменов его кратким учебником по русской истории, в котором могли найти концентрированное изложение необходимых фактов и дат. Когда Ключевский занял кафедру Соловьева, он составил дополнение к учебнику и требовал от студентов знания фактов и дат обоих пособий. Министру Делянову он так объяснял причины возникновения своего вспомогательного издания (в письме перед отъездом в Абастуман в 1893 г.): «Чтобы облегчить студентам подготовку к экзамену, не устраняя необходимости для них слушать курс, под моим наблюдением издается из года в год „Пособие по русской истории“, о котором я имел честь сообщать Вашему сиятельству нынешним летом. Это краткое извлечение из курса, дающее ответы на те вопросы экзаменационной программы, которые обойдены в рекомендуемом мною студентам печатном пособии — учебнике Соловьева». Ключевский издавал пособие сначала в литографированном виде. Имеются экземпляры литографированного студентами «Курса русской истории» 80-х годов XIX в., переплетенного вместе с литографированным текстом «Краткого пособия», изданного в том же формате и украшенного рамкой с виньетками. Понятно, что связь с «Курсом» требовала типографского издания пособия в соответствующей переработке, чтобы новые тексты печатных «Курса» и «Краткого пособия» соответствовали друг другу. Кроме того, и при написании «Курса» у Ключевского был бы под рукой важный, отработанный материал для нужных справок⁸¹.

Сопоставление текста «Краткого пособия» с учебником Соловьева показывает, что Ключевский далеко не точно пояснял Делянову суть дела: конечно, «Краткое пособие» вовсе не только некое «дополнение» к учебнику Соловьева. Оно является вполне самостоятельной книжкой, конспективно излагающей курс истории России с древнейших времен до половины XIX в. При этом «Краткое пособие» не обходит темы, изложенные Соловьевым, и не стремится лишь «дополнить» их. Напротив, оно освещает все темы систематически. Год от года Ключевский прибавлял материал к «Краткому пособию», у него в дневнике мы встречаем заметки о том, что он делает даже текущие газетные вырезки для прибавлений к его новому изданию⁸². Каждое издание «Краткого пособия» имеет тенденцию доходить до современности: так, последние темы издания 1909 г.: «Японо-русская война», «Реформы 1905 и 1906 годов» (псевдоним «революции»! — М. Н.), «Мани-

фест 17 октября» и разбор Положения о выборах в Государственную думу.

Первые литографические тексты «Краткого пособия» невелики, первое печатное издание (1899 г.) увеличивается, достигая полутора ста страниц, последнее прижизненное (1909 г.) — 200.

«Краткое пособие» — вовсе не «справочник», и, как сказано, не «дополнение» к Соловьеву. Это хорошо организованное, очень сжатое, скупое на слова и достаточно богатое фактами изложение всего процесса русской истории в систематизированном виде, по хронологически сменяющим друг друга большим этапам, освещающим значительные темы. В пособии крупного членения по периодам нет, как нет и нумерации глав или отделов (назовем их далее «главами» для удобства упоминаний). Названия глав несколько варьируют от издания к изданию, изредка вводятся новые названия и темы, но с первого до последнего во всех изданиях число их одинаково — 18. Четыре первых имеют вводный характер, они посвящены природе Восточно-Европейской равнины, древнейшим известиям о народах Восточной Европы, восточным славянам и их быту. Четыре следующие относятся к Киевской Руси — в них рассматривается предание об основании Русского государства, общие черты деятельности первых киевских князей, порядок княжеского владения по смерти Ярослава и внутреннее состояние Русской земли с половины XI в. до нашествия татар. Передвижению центра в Окско-Волжский бассейн и Московскому государству (до начала XVII в.) уделяется пять глав: «Суздальская земля», «Московское княжество до половины XV в.», «Новгородская земля», «Московское государство (1462—1598 гг.)» и «Смутное время». Четыре дальнейшие главы характеризовали внутреннюю деятельность правительства в царствование Михаила, Западную Русь со времени соединения Литвы с Польшей, подготовку к преобразованию в царствование Алексея Михайловича и реформы Петра Великого. Последняя, заключительная глава, неизменно расширявшаяся по объему с ходом времени, доводила изложение в общем до современности, когда новое издание выходило в свет; называлась она «Обзор главнейших явлений русской истории со смерти Петра Великого» (в первых изданиях — до реформ Александра II включительно, содержа и наиболее позднюю военную (1874 г.), а в последующем издании — до Государственной думы).

Просто «фактографией» «Пособие» никак не является — оно содержит, хотя и скупое, ряд обобщений, характерных для общей концепции Ключевского, но выраженных тут особо осторожно. Как видим, Ключевский исключил из «Пособия» методологическое введение об «элементах» и «силах» общежития и ряд других философско-исторических вопросов, которые он для краткого изложения счел лишними, — это характерно. Очевидно, на экзаменах он об этом и не спрашивал. Лишь некоторые конкретные моменты

в характеристике Восточно-Европейской равнины связываются с наивно материалистическими, почти по-щাপовски звучащими обобщениями, сразу уводившими студента от вопросов классовой структуры общества, которая так интересовала Ключевского: «Различием в составе почвы разных частей равнины определились особенности народного хозяйства и политического строя (!), смотря по тому, на какой полосе, степной или лесной, в данное время сосредоточивалась масса русского населения». Речные бассейны направляли размещение населения, «а этим определялось политическое деление страны...». «В областном княжеском делении Киевской Руси легко заметить это гидрографическое основание...» Сосредоточие государства в Москве было также намечено «гидрографическим узлом в центре равнины». Как и в лекционном курсе, Ключевский в «Пособии» выглядит как норманист в вопросе о варягах и происхождении Русского государства. Как и в «Курсе», он говорит о торговом характере Киевской Руси, считает, что внешняя торговля создала великое княжество Киевское. Отмечается «присутствие значительных капиталов в больших городах Руси XI и XII веков». Часто в обобщениях употребляется слово «класс»: «...успехи общежития и экономическое благосостояние Киевской Руси куплены были ценою порабощения низших классов...» Переданы сжато известные обобщения Ключевского о происхождении крепостного права. Введение заключительной темы со смерти Петра I до настоящего времени позволяло Ключевскому фактически пропустить политическую историю XVIII в. и не очень-то касаться своего «антидворянского силлогизма». Представление о Ключевском как об историке главным образом XVII в. — и не далее — могло, конечно, в некоторой мере подтверждаться структурой «Пособия» — в политическом отношении оно было крайне осторожно в изложении XVIII и XIX вв. «По моим лекциям к экзаменам не готовьтесь, — провалитесь», — частенько предупреждал Ключевский. Подтекст: готовьтесь по «Краткому пособию»⁸³.

Выход в свет «Краткого пособия по русской истории» был существенным шагом в подготовке публикации «Курса русской истории»: он давал отчетливую схему изложения задуманного «Курса», становился во время предстоящей работы удобным справочником об основных отобранных фактах и не только о фактах, но и о многих обобщающих формулировках. Своими пропусками и умолчаниями он напоминал автору, где находятся особо опасные места.

Первое печатное издание «Краткого пособия по русской истории» вышло в свет в самом начале 1899 г. Несмотря на выразительный подзаголовок не только на титуле, но и на обложке — «Частное (?) издание только для слушателей автора», оно разошлось мгновенно и среди слушателей, и среди неслушателей — настолько велик был на рубеже грядущего XX в. общественный интерес

к общей концепции русского исторического процесса. «Пособие» пришлось переиздать в Москве в университетской типографии в следующем же 1900 г. При жизни Ключевского оно выдержало семь изданий — последнее из них вышло за полтора года до его смерти. Немало положительных рецензий последовало за его первыми публикациями в 1899—1901 гг.⁸⁴

Сам автор, как всегда, был крайне недоволен плодом своего труда — он писал в декабре 1900 г. старому семинарскому приятелю В. Холмовскому: «...на себя и пеняй, когда получишь от меня кое-что из моих последних журнальных упражнений с приложением не найденного тобою в лавке «Краткого пособия по русской истории». Это далеко не руководство, а просто сокращенное и бессвязное извлечение из читаемого мною курса, изданное только для моих слушателей, как дополнение к обязательному для них учебнику Соловьева и рассчитанное на их экзаменную программу. Для публики эта книжка не предназначалась»⁸⁵. Зная обычное скептическое отношение Ключевского к собственным произведениям, мы едва ли ожидали чего-либо другого. Но в этом свидетельстве для нас важна указанная автором связь «Пособия» с его «Курсом» и то обязательство о *связности, стройности* изложения, которое он принимал на себя, начиная вплотную работать над «Курсом» для подготовки его к печати.

Итак, подготовка к публикации лекционного курса началась и стала набирать темп. Она требовала времени и времени. Глубокое сосредоточение было первым залогом успеха. Но общественные события стали столь властно врывать в жизнь, как никогда раньше. Близилась революционная ситуация кануна 1905 г. Она входила в жизнь, лилась в сознание потоком все более напрягающихся событий, требовала активности. Вся подготовка к изданию «Курса русской истории» Ключевского проходит на этом сложном общественном фоне.

10

Сохранились дневниковые записи Ключевского, относящиеся к студенческому движению 1899 г. и ряда последующих лет. В них почти нет заметок даже о важных происшествиях в личной жизни историка. Ничего нет о Пушкинском юбилее, о выступлении на нем самого Ключевского. Отсутствует в более поздних записях хотя бы слово о собственном юбилее 1901 г. Все внимание отдано окружавшей общественной борьбе, крайне лаконичным упоминаниям о ее важнейших событиях, как будто он — будущий летописец движения — вернется к записям и восстановит события по ассоциативным связям. Начальной, общей записью без даты в 1899 г. является строка: «Перелом во властях со второй забастовки — ожесточение». Новой формой сту-

денческой борьбы в приближающейся революционной ситуации кануна 1905 г. была студенческая забастовка — прекращение посещения лекций в знак протеста против той или иной реакционной акции правительства или университетского начальства. С половины 90-х годов в стране усиливается подъем рабочего движения. Активно формируются ряды революционных марксистов. В университете множатся марксистские кружки. Вскоре Российская социал-демократическая рабочая партия (1898 г.) вступает в движение, концентрируя около себя самые передовые силы. Студенчество отчетливо дифференцируется. Все чаще звучат политические речи на студенческих сходках. Выброшен лозунг помощи сознательных рабочих передовым студентам. Аудитории Московского университета все чаще становятся ареной не только студенческих, но общегражданских выступлений. Дифференцируется, хотя менее отчетливо, и профессура. Определяется консервативно-реакционная группировка, против которой стоит радикальная профессура — К. А. Тимирязев и др., в том числе есть и участники из рядов преданных революционному пролетариату людей. Посередине — колеблющиеся либералы, толкаемые назревающими событиями одни вперед и налево, другие — вправо. Ключевского чаще видишь в стане первых, тех, кто влечется за событиями скорее влево, несмотря на внутренний всё возрастающий страх перед приближающейся революцией. О неделе 15—21 февраля он записывает: «Понед[ельник], 15-е — начало забастовки. Сцены у Соколовского и Виноградова. Правление увольняет 34 студента за сходку, 17-го — Ласточкина и Яковлева за выходки и еще 58 за агитацию. 18-го еще увольнение 70-ти с чем-то (всего, кажется, 165). Семинарий у меня не состоялся. 18-го студенты просили за Яковлева. 21-го — *частное совещание* профессоров с ректором. Эпизоды. Полномочие профессорам от ректора объявлять студентам о предстоящем пересмотре приговоров правления». В этих лапидарных заметках, рассчитанных на ассоциативную память, ни единого осуждающего студентов слова. Но опущено, что просьбу студентов выступить за Яковлева, студента-историка, которого Ключевский лично хорошо знал, он удовлетворил. Мотивировка просьбы: сначала — академическая прекрасная успеваемость, способности, сочинение на медаль еще на первом курсе университета, потом в конце (черновик письма сохранился в архиве) — поручительство за благонадежность, хотя, надо думать, трехлетняя принадлежность студента-земляка к марксистскому кружку Ключевскому хорошо известна. В этом духе далее — по неделям, записи о важнейших событиях. Мы читаем в записи 2 марта: «...депутаты Исп[олнительного] комитета у меня с петицией». Текст большой студенческой «петиции», призывающей профессоров поддержать борьбу студентов против произвола властей, за возвращение сосланных без суда и следствия товарищей,

устранение таких огульных высылки на будущее время, поддержать забастовки студентов. В конце петиции напоминание о том, как 42 профессора (Ключевский в том числе) подписали петицию в 1894 г., заступаясь за студентов, — они надеются, что поддержка от этих профессоров придет и теперь. В этой же дневниковой записи значится: «Просьба ко мне забастовщиков повторить пропущенные лекции»; из дальнейших записей мы узнаем, что Ключевский удовлетворяет эту просьбу и повторяет для забастовщиков лекции, пропущенные ими. Петицию студентов он поддерживает активно⁸⁶.

Весна 1899 г. была временем сильного подъема студенческого движения, принявшего особо широкий характер, во много раз более интенсивный, чем в начале 90-х годов. Ключевский держит себя теперь куда более активно, и выступление его в защиту студентов носит более решительный характер. Министерская кара (точнее постановка «на вид» в 1894 г. за участие в петиции в пользу волновавшихся студентов), как видим, на Ключевского не подействовала. Нет, он, конечно, противник «беспорядков», но не ограничивается критикой постановлений и действий начальства, а предлагает и план позитивных решений. Большое апрельское письмо 1899 г. министру Н. П. Боголепову — значительный документ в его политической биографии. Это выполнение обещания поддержать петицию студентов. Конечно, как всегда у Ключевского, его решительные места перемежаются ловкими дипломатическими оговорками и предупреждениями: он обращается к министру, но ведь сам министр Боголепов просил об этом, когда с поста ректора Московского университета переходил на пост министра. Он, Ключевский, конечно, далек от предположения, что министр чего-то не видит и не знает, но, может быть, «снизу» профессору, общающемуся со студенческой средой, кое-что виднее... Он находит оправдание своему письму в «чувстве долга, обязывающем преподавателя всеми законными средствами со включением и неудачных» (он, по-видимому, хотел сначала написать «рискованных», но переделал. — М. Н.) содействовать «усилиям власти внести мир и порядок в глубоко встревоженную среду нашей учащейся молодежи». Он пишет далее о «тяжелом впечатлении», какое производит на студентов увольнение из университета без допроса обвиняемых и без возможности защищаться. Вполне понятно, что это «бессудное удаление» из университета представляется молодежи «произволом». Такого нельзя оправдать «никакими административными соображениями». Он настаивает, чтобы «бремя (!) университетского суда» по таким делам было снято с университетского правления, «учреждения хозяйственного». Желательно учредить особый университетский суд с юристом председателем, не принадлежащим университетской коллегии. Надо упразднить как слишком сложную (!) вве-

денную университетскими правилами систему семи видов взысканий, заменив ее лишь требованиями «студенческого долга и приличия», по которым высшей мерой наказания была бы рекомендация университетского суда провинившемуся студенту «уволиться по собственному прошению». Резко, саркастически выступает Ключевский против роли педелей, которые вдруг оказались «ближайшими блюстителями учебного прилежания студентов», а главное — и студенческой «благонадежности»! Педеля «не гнушались взимать поборы» со студентов и вообще приобрели «излишне большое влияние» на их участь. Решительно возражает Ключевский и против «полицейской высылки» исключенных из Москвы — причиной ее была «предполагаемая... неблагонадежность» студентов, а не действительная их виновность. Осторожность, конечно, сказалась и здесь. Записку 10 профессоров с протестом против полицейской расправы и правил 1885 г. Ключевский не подписал, хотя «почти» согласился с нею. «Я почти вполне разделяю соображения, в ней изложенные, — писал Ключевский в особом заявлении министру Боголепову, — и принимал участие в их обсуждении, но не подписал записки, когда увидел, что она не сохранит тон строго конфиденциального назначения, который я считаю необходимым условием ее корректности». Поскольку коллеги просили Ключевского все же довести свою позицию до сведения министра, Ключевский и пишет ему настоящее заявление.

Время становилось все более тревожным. Новая революционная ситуация — кануна 1905 г. — уже третья, выпавшая на долю Ключевского, была на пороге. Предвестники ее наступления множились.

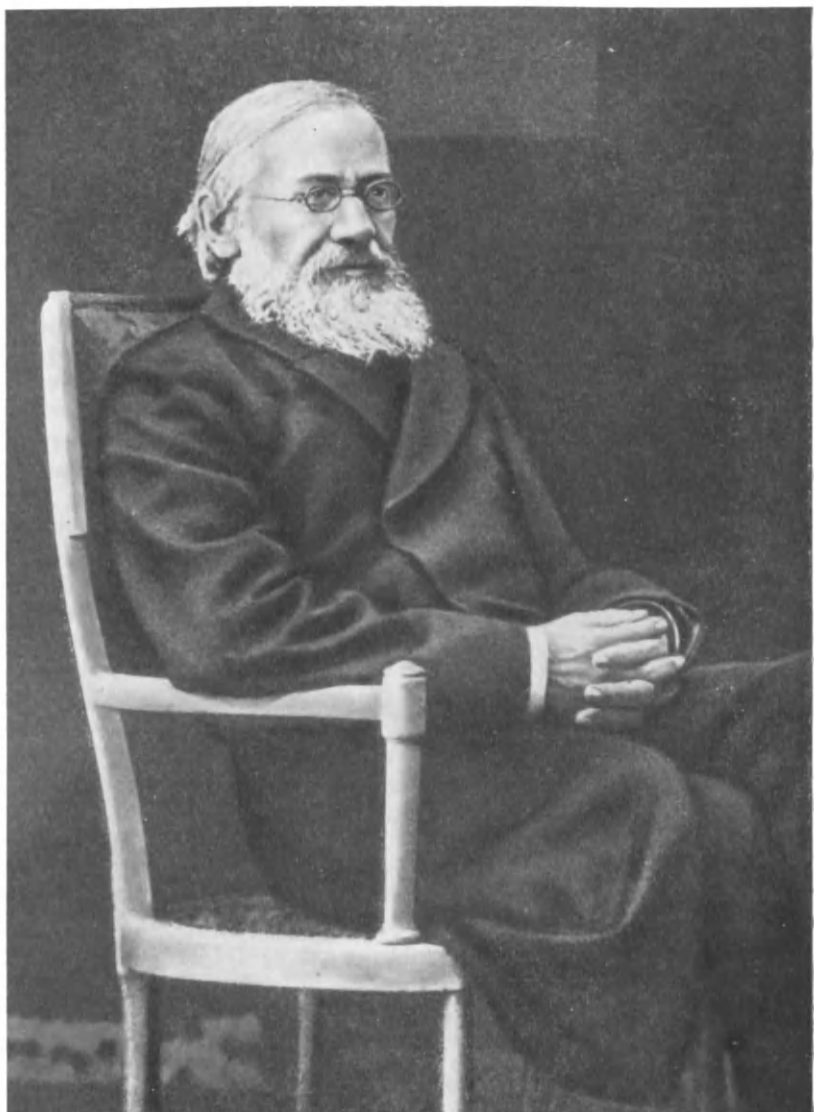
В этой обстановке, на ее фоне и в большой связи с ней, Ключевский и вел работу по подготовке к печати «Курса», начатую с середины 90-х годов. В этой обстановке и происходили постепенное восстановление доверия к нему студенчества и возврат его громкой лекторской славы. Записи такого же рода, как приведенные выше, идут до 4 апреля. Отмечаются успехи и неудачи движения и вне Москвы: «В Харькове занятия возобновились после вторичного приема всех студентов, объявленных уволившимися». Ироническое: «...о взятии Киевского университета» Драгомировым: «У[ниверсите]т занят; жду неприятеля»⁸⁷.

Пушкинский юбилей 1899 г. (столетие со дня рождения поэта) проходил на фоне все поднимающегося общественного возбуждения. Не участвовать в юбилее Ключевский не мог. Все помнили его блестящее выступление на минувшем Пушкинском празднике 1880 г. в день открытия памятника поэту и ждали нового слова Ключевского. 26 мая 1899 г. на торжественном заседании Московского университета Ключевский выступил с новой речью. Она найдена в его архиве и впервые опубликована по черновому автографу уже в советское время (1959 г.) в 8-м томе Сочинений Ключевского; найдено также несколько набросков и выписок,

к ней относящихся. Судя по рукописям, Ключевский, выступая уже на втором Пушкинском юбилее, повторяться не захотел, да видно и не мог, потому что ушел дальше в своих размышлениях. В первой речи он много говорил о том, что отдаляет Пушкина от нашего настоящего, считал его «уже вполне законченным историческим явлением», представителем «уже исчезнувшего порядка идей»; оговорка, что мы все еще ожидаем «исполнения некоторых его благих чаяний», не меняла основного положения. Ключевский тогда полагал, что век Екатерины к Пушкину ближе, чем мы к нему, и рассматривал Пушкина как историка, создавшего «коллекцию» исторических портретов — предков Евгения Онегина. Пришлось и там ему упомянуть, хотя и не называя, глухо, не без оттенка иронии, о декабристах, которые во время страданий от скуки лермонтовских героев на горах Кавказа «страдали, хотя и не от одной скуки (!), за горами Урала». Закончил он тогда речь выводом о «значении Пушкина для нашей историографии» — и только! Теперь Ключевский подошел к Пушкину с иных позиций, гораздо более широко, стремясь охватить национальное значение поэта в целом. Самым неожиданным и любопытным было то, что в основу построения своей речи Ключевский взял ... мысль Герцена, связавшего появление Пушкина с преображенной Петром I Россией, с русским народом, «который на императорский приказ образоваться ответил через сто лет громадным явлением Пушкина...»⁸⁸.

В те годы цитированное здесь произведение Герцена еще было запретным — оно впервые появится в легальных изданиях лишь после революции 1905 г. Цитировать эту привлекающую Ключевского мысль Герцена, как и само имя Герцена, Ключевский еще не мог. В своей речи он нашел, однако, явную и небезопасную форму для прямого указания своего первоисточника. Он написал достаточно прозрачно: «Один русский писатель недавнего прошлого хорошо сказал, что Петр своей реформой сделал вызов России, ее гению, и Россия ответила ему»⁸⁹.

В первых же словах речи Ключевский заговорил о роли Пушкина для национального самосознания, противопоставив последнему «национальную гордость» и «национальное самомнение»: они лишь «суррогаты народного самосознания». Таким образом, исчезло, как тема, и некое отдаление Пушкина от современности, напротив, теперь он звучал и работал как сила самосознания нации на рубеже XIX—XX вв. Он написал «исполненное светлых надежд послание в Сибирь к декабрьским заточникам» — тема декабристов звучала тут иначе, чем раньше, они уже не походили на «страдающих не только от скуки...». О «скуке», той самой, которая была раньше Ключевскому очень нужна для облика «лишних людей», братьев Евгения Онегина, не было речи. Для характеристики поэзии Пушкина «пришлось бы», по мнению Ключев-

В. О. Ключевский
1905 г.

*Анисья Михайловна Ключевская —
жена В. О. Ключевского
1900-е годы*

ского, «перебрать весь состав души человеческой, перечисляя мотивы его поэзии». У Пушкина все «реально точно и жизненно просто и все освещено каким-то внутренним светом, мягким и теплым. . .». Поэзия Пушкина — «русский народный отзвук общечеловеческой работы. Общечеловеческим ее содержанием и направлением измеряется и ее значение для нашего национального самосознания». Ключевский сочувственно вспоминает, как Пушкин «назвал свой поэтический голос «эхом русского народа»»⁹⁰.

Теперь Пушкин у Ключевского был повернут в будущее, а не в прошлое России. Все, сказанное в первой речи о нем как авторе портретной «коллекции» типов прошлого, предков Евгения Онегина, как об историке, становилось частностью, а общая оценка значения Пушкина, получив ось в герценовской концепции, существенно менялась.

Ключевского просили и умоляли напечатать и эту речь. Три раза фактический редактор журнала «Русская мысль» В. Гольцев обращался к нему с письмом, но тщетно. Ключевский не захотел публиковать ее. Возможно, что исходное ее положение — от Герцена, взятое из запретного сочинения, заставило его в 1899 г. быть осторожным. Но возможно и другое, соединимое и с первой причиной: он, может быть, считал речь еще недостаточно отработанной. Чувствуя очень уж отдаленное — вековое — расстояние Петра от Пушкина, он вставил промежуточной посредницей Екатерину II. Обыграть ее ему не пришлось, она тут была какой-то искусственной и противоречащей основному движению осью. Герценовский лапидарный размах был ею снижен, и из триады Петр—Екатерина—Пушкин не получалось единства. Возможно, что и времени не хватило на переработку — огромная нагрузка общественных дел, работа над «Курсом», спешная подготовка третьего издания «Боярской думы» отвлекли историка от доработки, и время, столь короткое для всякой юбилейной статьи, уже миновало.

Рассматривая эту речь в плане формирования общей исторической концепции, над которой он сосредоточенно размышлял, работая в эти годы над «Курсом русской истории», надо заметить, что этой речью Ключевский как бы переходил из XVIII в XIX в. Это было ему необходимо и для общего понимания исторического процесса, и для продумывания периодизации. Вопрос о национальном сознании входил в последнюю в качестве одного из критериев. Важно отметить, что в этой речи Пушкин был дифференцирован от «антидворянского силлогизма», он был понят Ключевским вовсе не как «дворянин», а как поэт России, выразитель русского самосознания.

Речь о Пушкине произнесена среди незатихающих студенческих волнений. Активность Ключевского в этой связи с последними не прекращается. Он по-прежнему отнюдь не замурован в своей ра-

бочей келье в доме на Житной улице, он член ряда комиссий, входит в существо студенческих нужд, не прекращает хлопоты по студенческим вопросам перед властями, заботится о мерах помощи репрессированным, вносит свои соображения о совете землячеств и кассах взаимопомощи.

И другие события и впечатления врываются в его жизнь, о которых приходится упомянуть. Конечно, до Ключевского в это время дошло известие о скоропостижной смерти его абастуманского ученика. Смерть настигла его при неожиданных обстоятельствах. Наследник российского престола скоропостижно умер утром 28 июня 1899 г., упав на дороге, ведущей из Абастумана к Зекарскому перевалу, во время одинокой велосипедной прогулки, от внезапного кровоизлияния в легкие. Наследнику престола устроили самые пышные похороны. Гроб перевезли в Петербург, по дороге траурный кортеж на короткое время — менее часа — остановился в Москве. Не знаем, попрощался ли Ключевский со своим учеником, — никаких отметок об этой смерти нет в его дневниковых записях...

11

Одно впечатление из потока событий следующего, 1900 г. было радостным и растрогало Ключевского. Его — теперь уже «родная»! — семинария отпраздновала свое 200-летие и очень тепло приглашала (он не приехал) на праздник своего знаменитого ученика. В письме старого семинарского приятеля Васеньки Холмовского, ныне «дорогого Василия Васильевича», рассказывалось, как прошел юбилей, как вспоминали на нем прославленного профессора, воспитанника семинарии, как восторгались им. Была приложена «целая литература обо мне грешном... ох, как все преувеличено, как страшно преувеличено...» — писал Ключевский Холмовскому 3 декабря 1900 г. Ключевский был «глубоко тронут» вниманием к нему. Он даже «размечтался», не съездить ли самому как-нибудь в родную Пензу после 40-летней разлуки, но так и не съездил⁹¹.

1900 год — первый год нового века — принес Ключевскому (7 октября) избрание академиком, правда, «сверх штата». Ему было уже без малого 60 лет — запоздалое признание!⁹²

Зимой 1900/01 г. в среде таких общественных деятелей, как Д. Н. Шипов, князя П. Н. и С. Н. Трубецкие, Ф. Д. Самарин, П. Д. Долгоруков, М. А. Стахович, возникла мысль подать Николаю II адрес с изложением «действительного положения дел» в стране, настроения разных общественных слоев и т. п., поскольку царь по молодости и неопытности еще не знает-де истинного состояния вещей и поддается внушениям безответственных лиц. Для составления этого адреса Д. Н. Шипов организовал

группу в Москве. Ключевский входил в ее состав, участвовал в заседаниях и даже намечался как желательный редактор адреса. В его дневнике под 19 декабря записано: «Совещание у Шип[ова] (Нарышк[ин], Хомяков, Писар[ев], Стахов[ич])». Особой строкой: «План к 8 янв[аря]». Но больше записей об этих совещаниях в дневнике не встречается. Шипов пишет, что Ключевский принимал участие в обсуждении записки. Но когда тезисы, выработанные Шиповым, были представлены на обсуждение группы, среди членов обнаружились такие принципиальные разногласия, что группа распалась и затея кончилась ничем. От редактирования адреса Ключевский отказался. Заметим, что в группе принимал участие земский деятель Фед. Дм. Самарин, сын того самого Д. Ф. Самарина, с которым Ключевский вел острую полемику в связи с оценкой реформы 1861 г., о чем говорилось выше.

Месяца через два после избрания Ключевского академиком его, вероятно, встревожило неожиданное приглашение в Петербург к министру народного просвещения Н. П. Боголепову. Хотя Ключевский, как уже говорилось, знал министра лично еще по университету, отношения их охладились в связи со студенческим движением: точка зрения Ключевского на студенческий вопрос, как мы помним, явно расходилась с точкой зрения министра, и последние письма Ключевского Боголепову далеки от дружеского тона. Ключевскому, вероятно, и в голову не пришло, что вызывают его в столицу вновь по поводу книги об Александре III... Старый мир предпринимал новую атаку на талант автора, колеблющегося между двумя лагерями, — Ключевского «упускать» было нельзя. Не зря же выбирали его академиком!

Несколько листков, исписанных карандашом рукой Ключевского, хранящихся в одном из тоненьких дел его личного архива, дают нам некоторое представление о содержании этой петербургской встречи. Всей полноты события представить мы по этим листкам не можем. Но все же они хранят чрезвычайно ясные следы того, что происходило⁹³.

Ключевский оказался в Петербурге в конце декабря 1900 г., можно сказать, на рубеже нового века. Несшитая тетрадоочка форматом в четвертку писчего листа содержит чей-то план книги об Александре III. Первый и соответственно последний листки тетрадоочки, так сказать ее «обложка», — это дорогая бумага «верже», которой Ключевский себе никогда не покупал. Она чужая, может быть, боголеповская. Далее идут в том же формате листки плоховатой бумаги, на которой обычно писал Ключевский, — это уже, очевидно, его бумага, заполненная дома. Потом следует рукой Ключевского записанный план чьей-то рукописи с пронумерованными главами и со следами прикидываемого варианта структуры книги — то ли пять глав сделать, то ли четыре. Главы в первом варианте имеют настолько точную нуме-

рацию страниц, что нет сомнений, — чья-то рукопись уже написана (очевидно, не Ключевским!). Он выписывает себе для памяти и страницы глав. Поскольку фигурируют страницы 153, 162, 164, просматриваемая рукопись превышает 150 рукописных страниц. Из записи видно, что задумана целая серия книжек о российских царях — в данном случае текст относится к Александру III.

Рукой Ключевского дальше набросано что-то вроде отрывка предисловия к книге, отрывок оставлен незаконченным. По-видимому, Ключевский прервал свой текст, поскольку не мог уяснить себе цели рукописи, перед ним лежащей, и стал далее записывать вопросы, требующие уяснения. Вопросы адресованы, видимо, министру Н. П. Боголепову и предназначены для продолжения уже начатого разговора. Следовательно, хотя бы одно свидание с министром уже состоялось (вероятно, во время него и была вручена Ключевскому чья-то рукопись), а другое предстоит. И вот не для этого ли другого свидания Ключевский и записывает следующие свои вопросы:

— Будет ли это совершенно официальное и безыменное издание?

— Характеристики — всесторонние ли обзоры царствований или специальные очерки, заключенные в рамки законодательных вопросов?

— Какое место должна занять в характеристике каждого царствования личность государя?

— Объем характеристики; срок написания?

— Насколько характеристики должны быть приспособлены к содержанию и тону книги?

Последний вопрос несколько странен: как будто допускается мысль, что могут быть характеристики и *расходящиеся* с содержанием и тоном книги.

Внизу листка с некоторым пробелом перед строкой — инициалы и сокращенная фамилия того, кому адресуются вопросы: «Н. П. Б-ву». Запись легко расшифровывается: Н[иколаю] П[авловичу] Б[оголепо]ву.

Далее присоединяется к общему числу вопросов еще один, забытый в предшествующем тексте и теперь приписываемый дополнительно: «Опасение: обращаться не к мыслимой публике и не к аудитории, а к читателю правящих сфер, взгляды и вкусы которого мне мало знакомы».

Из этой довольно драматической приписки и материалов, приведенных выше, можно сделать ряд выводов.

Ключевского «сферы» опять втягивали в работу над книгой об Александре III. Какую работу? Ведь чья-то довольно объемистая рукопись уже лежала перед ним. Кто-то написал ее. Но, очевидно, работу не считали завершенной. Может быть, было нужно предисловие, какое-то общеисторическое введение — клочок его

он уже начал было писать, но прервал, чтобы сформулировать вопросы. Может быть, сверх этого нужно было вставить в чьи-то уже написанные главы общую, стилем злосчастной речи, восторженную характеристику монарха? Допустимо, по-видимому, и это. Может быть речь шла и об общей редактуре? Выходит, что отказ Ключевского написать книгу, заявленный им в 1895 г., не снял в целом тягостного для него вопроса: кто-то написал эту книгу, но не совсем на должном научном и литературном уровне (а предназначалась она для «сфер»!), и нужно было заручиться его, Ключевского, согласием усовершенствовать текст? Точных ответов на эти вопросы у нас нет.

Очевидно, характеристика Александра III потребовала фактических данных, источником которых явился В. К. Плеве. Ключевский побывал у него сейчас же или вскоре — это свидание он датировал, как только вернулся к себе. На обороте следующего, 4-го листка того же документа значится: «От В. Плеве, 17 дек[абря] 1900. Екатеринбург[ский] просп[ект], 39». Далее записаны полученная от Плеве, много общавшегося с Александром III, информация о царе, восторженная оценка покойного и общая формулировка цели книги. Разумеется, царь был обрисован как «кристальная, чистая душа», рассказано было, как «потом потеряли его доверие Толстой и Победоносцев». Выделено значение князя Мещерского. Даны живописные детали. Ключевский записал: «Сцена: Ал. III с Плеве на диване: с гусарской расторопностью портсигар из кармана и ему предлагает папиросу». Что касается основной цели книги, с которой и начинается разговор, то она записана Ключевским с предельной ясностью: «Чтобы сын узнал в изображении своего отца, которого он чтит, как устроителя порядка семейного и государственного». Под сыном имелся в виду Николай II.

Сомневаться в том, что Ключевский встретил это «лестное» предложение с внутренним отчаянием, думаю, не приходится. Опасность, гнавшаяся за ним по пятам от порога Абастуманского дворца, который он покинул в марте 1895 г., вновь настигла его — и в какой момент! Он уже начал входить в непосредственную подготовку «Курса русской истории» — труднейшей, все ускользавшей из его рук цели. Он уже в прошлом году издал типографским способом, отдельной книжкой свое «Краткое пособие». Он уже готовил и хотел в близкое время издать третье издание «Боярской думы» — как бы «репетицию» своего будущего «Курса». . . И вот вдруг опять одиозное, чуждое душе официальное поручение, с заданным наперед хвalebным, рептильным выводом, на котором он один раз уже так поскользнулся. . . Возможно, решения «сына» об авторстве книги еще и не последовало, но что стоило министрам Боголепову и Плеве его получить? Ничего не стоило. . .

Может быть, тогда вмешалась революционная борьба? Так получилось. Через два с половиной месяца, 4 февраля 1901 г., революционер-народник Петр Карпович, исключенный студент, выстрелом из револьвера смертельно ранит министра Боголепова. Записи о факте убийства Боголепова в дневниковых заметках Ключевского нет — первая запись 1901 г. датируется месяцем позже — 2 марта. Лишь в декабрьских записях 1901 г., почти через год после события, лаконично упоминается о встрече с его вдовой: «У Е. А. Боголеповой: ее рассказ, как умирал Н. П.»⁹⁴ Но Боголепов был лишь посредником. Позже убьют и Плеве, о чем скажем в своем месте.

В исходе 1901—начале 1902 г. Ключевский, очевидно, читал какой-то курс лекций у великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора. Сведения об этом промелькнули в печати после смерти Ключевского, а теперь этот факт подтверждается и неопубликованным письмом Ключевского, в котором излагается просьба о самом замкнутом круге слушателей («Я буду иметь честь излагать предмет только для их высочеств и разве только в присутствии очень немногих, наиболее близких к ним лиц»... Для него было бы неудобно «присутствие сторонних лиц на предстоящих чтениях»). Как видим, придворные «связи», порожденные Абастуманом, еще тянулись за Ключевским.

Через весь 1901 год проходит усердная подготовка третьего издания «Боярской думы». Ключевский глубоко входит в правку деталей, устраняет несколько мест, «обыгранных» Сергеевичем, включает новый материал, но, что очень важно, своей общей концепции, т. е. именно того, на что напал Сергеевич, не меняет. Корректурa заняла первые месяцы года — Ключевский пишет Я. Л. Барскову, что свалил, наконец, с плеч «Думу» на шестой неделе поста⁹⁵. И тем не менее весь этот период напряженной работы над «Боярской думой» пронизан записями об общественной борьбе эпохи, о студенческом движении, общих и университетских событиях бурного времени начинающегося разгара революционной ситуации. Вот выдержка из краткой — для памяти — протокольной записи 2 марта 1901 г. заседания комиссии по выяснению причин студенческих волнений, в которой он участвует (упомянуты фамилии профессоров Московского университета, выступавших на этом заседании):

«Духовской: спросить заключения всех профессоров о причинах волнений.

Предложение Алексеева: как судить.

Предложение Снегирева: ознакомиться с данными Мин[истерства] в[нутренних] д[ел] (I).

Председатель — Зернов.

Студенты требуют совещаний с комиссией по курсам с тремя требованиями.

Предполагаемая сходка у Пушкина от Комитета обществ[енного] протеста со студенч[ескими] требованиями и рабочих союзов [допущения]...»⁹⁶

Еще более насыщенная запись о заседании комиссии 3 марта — на следующий же день. Тогда назначаются ближайшие заседания комиссии на среду и субботу на будущей неделе — 7 и 10 марта, позже последняя дата переправлена на более близкую — 9 марта. Заседания отнимают у Ключевского много времени. Упоминается еще много встреч со студентами и заседаний комиссии — рассматриваются, например, вопросы: «Донос 5 инспекций...», бумага «о прокламациях», «вывесить список пострадавших», «голосование математиков и естественников о забастовке», «шесть юристов о порядках». Подчеркнуто: «У Герье спросить конфиденциальный доклад». Со студентами в 1901 г. обсуждается много вопросов, в том числе: «Разрозненность. Против инсинуаций. Средство заявления нужд. (Далее зачеркнуто: „Полиц[ейские]“ — М. Н.). Инспект[орские] стеснения. Недостаток близости проф[ессоров] к студ[ента]м. Против обвинения в полит[ической] агитации». В числе рассмотренных вопросов — «курсовая организация с кассой» [взаимопомощи], «ненужность инспекций...», «читальная — совещательная комната...», «вольное посещение лекций...»⁹⁷.

Пропуск лета. Затем краткая запись осени 1901 г. о нарастающих событиях движения: «Октябрь. Разрешение курсовых совещаний...» Далее читаем под 21 октября лаконичную запись — всего три слова: «Адрес факультета (мне)?»⁹⁸ Да, ему. Речь идет о приветственном адресе.

Об этом придется сказать немного подробнее, поскольку это событие не исключишь из жизни Ключевского.

На осень того же 1901 г. приходился новый его юбилей — исполнялось тридцатилетие университетской профессорской деятельности. Чествование в Московском университете пришлось на 21 октября. Мы видим, в какой тревожной обстановке оно происходило. Адрес от университета преподнесли у него на квартире, где вслед за этим гостям предложили угощение, приготовленное заботливыми руками Анисьи Михайловны. Собрались члены факультета, в общем не столь многочисленные, с деканом профессором А. И. Кирпичниковым во главе...

Содержание адреса и скромного ответа Ключевского, подчеркивавшего незначительность своих заслуг и ученичество у Соловьева, передано в «Историческом вестнике». Журнал напечатал сообщение о юбилее без особых подробностей в отделе «Смесь» в общей подборке информации о юбилеях (сообщение о Ключевском после чествования Бортнянского и перед юбилеем Корсакова). Студенты не захотели чествовать Ключевского вместе с профессорами. Они отмечали его юбилей отдельно через четыре дня. 25 октября ему поднесли студенческий адрес в Большой сло-

весной — аудитории, где он всегда читал лекции. Адрес этот очень интересен особым «общественным» подходом к оценке Ключевского. Лекции его, как говорилось в адресе, ожидаются «как открытие», они «жадно читаются там, где только начинает сильнее биться пульс общественного самосознания». Лекции его объединяют студентов всех факультетов; слушая их, они «чувствуют себя единой молодой, проснувшейся Россией». «Ваша глубокая мысль... зажигала в нашей душе слабо теплившиеся до тех пор чувства гражданина...» Эти свидетельства молодежи примечательны не только признанием политического значения лекций Ключевского, их объективной роли в формировании идеологии, противостоящей кондовым самодержавным устоям «благонадежных» верноподданных, но и свидетельством того, что студенчество восстановило потерянное было доверие к профессору, вернуло ему его славу. Особенно любопытна формула, что Ключевский, «уча нас тому, как строится общество, учил и как его строить». Современный историк науки, пожалуй, усомнится в последнем, Но важно субъективное ощущение определенных групп молодежи 1901 г. — первого года XX в. Идея правового государства, вынесенная в концепции Ключевского в будущее России, и трактовка исторического процесса в плане постепенного приближения к этой цели сыграли тут, очевидно, основную роль. Можно предположить, что левые группы и студенты-марксисты в сочинении адреса не участвовали — едва ли они разделяли эти восторженные оценки.

В ответной речи Ключевский выражал радость, что студенты, несмотря на его возраст, признали его «своим современником» и что, «став сверхштатным по уставу, я еще не стал лишним для своей аудитории». Как обычно, он в сверхскромной форме утверждал, что он — лишь «последний, младший ученик Соловьева», вспоминал вместе с тем, что сочинения Грановского «были одною из первых исторических книг, изученных мною при выходе из детства». «Сам по себе я профессор по древнерусскому выражению „обышний“, заурядный, обыкновенный, самый обыкновенный из обыкновенных»... Но он чтит «лучшие предания» нашего университета: «Свободная научная мысль — вот что написано на скрижали этого завета»⁹⁹.

Как всегда, к подобным юбилеям примешивается и горечь наступившего срока, обратная его сторона. По правилам того времени, профессор, прослуживший 30 лет, завершал свою деятельность и исключался из штатных списков университета, переходя на пенсию. Поскольку Ключевский начал свою преподавательскую работу в Духовной академии в 1871 г. и в июне того же года был «избран советом Московской духовной академии в должность приват-доцента по кафедре русской гражданской истории», начало его профессорской деятельности вычислялось для пенсии именно с этого момента.

Как значится в его университетском формуляре, с 8 июля 1901 г. Ключевский был исключен из штатных профессоров Московского университета и переведен на положение пенсионера¹⁰⁰. Его штатное место в университете оказывалось вакантным. Ключевский дал рекомендацию одному из старших своих учеников — М. К. Любавскому, который перед этим уже восемь лет преподавал в университете. Ключевский, по правде говоря, не очень-то долюблял его и не вполне ему доверял, что скажется позже. Но кандидатура, пройдя надлежащие инстанции, была утверждена, и министру народного просвещения направлено было в октябре 1901 г. представление «о замещении в Московском университете кафедры русской истории приват-доцентом университета Любавским»¹⁰¹.

За Ключевским сохранялось, однако, право чтения лекций, и его лекционные курсы продолжались. Продолжал он без перерыва и ту общественную деятельность, которая лежала на нем перед юбилеем и выходом на пенсию.

Через два дня, 27 октября, собралось, как отмечено в дневнике Ключевского, «совещание студентов четырех курс[ов] ист[орико]-ф[илологического] ф[акультета] под председательством П. Г. Вин[оградо]ва», а на следующий день — «Совет и избрание комиссии 12-ти для устройства курсовых совещаний» (Ключевский вошел в комиссию). Комиссии поручалось сделать доклад «для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни». 29 октября произошло заседание этой комиссии с участием Ключевского, а 30 октября — «общая сходка в актовом зале с ведома ректора (до 300 человек)...». 3 ноября — «Мин[истр] Ванновский у меня на лекции. Вечером заседание комиссии с министром и попечителем. Совещание комиссии и ее решение прекратить свою деятельность». И хотя 5 ноября последовал «Доклад комиссии Совету (университета) и сложение полномочий», 20 ноября происходит все же «собрание бывшей комиссии» «для обсуждения возражений попечителя на ее доклад и против его печатания». В декабре Ключевский входит в редакционную комиссию «для оправдания отказа Совета образовать министерскую комиссию». Профессор П. Г. Виноградов в результате конфликта с новым министром Ванновским подает в отставку и вскоре уезжает в Англию. 20—21 декабря Ключевский записывает: «Письмо ему от комиссии и его прощальный визит ко мне». Слова к нему Ключевского: «Надеюсь, воротитесь к нам прежде, чем нас уберут с поля сражения». Краткий конец записи: «Отъезд и сцены на вокзале: „До свидания, возвращайтесь!“ — „Не надо, не надо“; рыдающий на груди Г[ерье?]»¹⁰².

Активное участие в университетских событиях и заметки о них к весне 1902 г. обогащаются записями о рабочем и крестьянском

движении. 5 марта Ключевский пишет: «Слухи о беспорядках на Даниловской мануфактуре с казаками и солдатами». В конце марта—начале апреля: «Крестьянский бунт в Полтавской и Харьковской губерниях... Хохлацкая пугачевщина...»¹⁰³

В черновых набросках, хранящихся в архиве Ключевского, мы читаем замечательный листок о соотношении правительства и «общества». Сопоставляем с дневниковой записью 29 декабря 1901 г. Да, это совпадает по теме: был обед у Н. В. Давыдова, председателя Московского окружного суда, а раньше профессора Московского университета, хорошего знакомого Ключевского. Был А. Ф. Кони. Велся оживленный разговор, в котором Ключевский, очень любивший и ценивший Кони, оживленно участвовал. Обсуждались текущие события. Спорили «о невозможности конституции по разноплеменности населения России. Я о Пугачеве наизнанку». Последние слова никак не комментированы и полной расшифровке не поддаются; очевидно, Ключевский говорил что-то о массовом крестьянском движении, его насильственных действиях против помещиков (?), если «наизнанку», то, может быть, речь пошла и о насильственных действиях царизма, усмирявшего крестьянство? Царь—тот же насильник, Пугачев, громящий теперь уже народный бунт? Тут нужно ограничиться лишь робкими предположениями... Но вот следующая тема в оживленном и бурном, судя по всему, разговоре: попытка определить момент: «Пра[витель]ство и общество перестали понимать друг друга». С какого времени? Когда? По какой причине? Тут гадать об ответе не приходится. Он лежит перед нами, записанный карандашом и датированный: 4 января 1902 г.¹⁰⁴ Вопрос этот, очень давний для Ключевского, так глубоко затронул его в последнем споре у Давыдова, что он думал о нем и в последующие дни, подводя итоги своим давним историческим размышлениям и ощутив потребность в письменной записи итогов этих раздумий, тем более практически нужных итогов, что надо писать записку о причине студенческих волнений. Они имеют прямое отношение к притягивавшему его всю жизнь вопросу о классах и классовой структуре общества, но тут боязнь вывода заставляет его отодвинуть вопрос и заменить всю совокупность социальных разрядов словом «общество». «В настоящую минуту, — пишет Ключевский, — правительство и общество в России находятся между собою в отношении двух враждебных сторон, воюющих за власть...» Общество «хочет, требует властного участия в управлении», а правительство желает «отстаивать полновластие самодержца». Ключевский делает еще один шаг к пониманию смысла революционной борьбы. Он уже не поминает о том, что раньше он постоянно приписывал правительству функцию бесклассовой заботы о всеобщем благе и ставил его над «обществом» как законную силу. Теперь он понимает вопрос иначе. Более того, он освещает его

светом нового обобщения, завоеванного в условиях третьей революционной ситуации: «Такое напряженное отношение между обеими сторонами длится уже несколько десятков лет. Прежде его не было заметно». Вчитываясь в последующий текст, легко определить примерный рубеж, с которого, по Ключевскому, возникает это напряженное положение. «И прежде, — продолжает Ключевский, — правительство и общество редко были довольны друг другом; но прежде источником этого обоюдного недовольства не была борьба за власть». Так что же было? Концепция разворачивается, но теперь уже не вперед, а отскакивая от заповедной границы, за которой — признание классовой борьбы на всем протяжении изучавшихся им этапов общества и классовой природы власти. Нет, оказывается, в те «несколько десятков лет», в которые длится недовольство властями у «общества», никакой борьбы за власть не было. «Общество нередко *роптало вместе с народом* на то, что правительство плохо им правит, дает слишком много воли чиновникам, слабо искореняет злоупотребления, не предпринимает необходимых реформ и т. п. Образованные люди заявляли свой ропот в гостиницах и клубах, в более или менее изворотливо прикрытых печатных произведениях и *университетских лекциях* или более откровенных рукописных памфлетах и сатирах, в совсем откровенных заграничных изданиях, изредка (зачеркнуто «даже». — М. Н.) в заговорах, один из которых даже вышел на площадь. Народ проявлял свое недовольство единственным ему доступным способом — бунтом».

Из этих строк, во-первых, уясняется, что «общество» — это «образованные люди», а народ — нечто другое. Но тем не менее — и это замечательно в приведенных строках — «общество» ропщет «вместе с народом», следовательно, те «несколько десятков лет», которые упомянуты выше, и та, и другая силы, противостоящие правительству, думают в основном одинаково, занимают общую позицию. Нетрудно подставить конкретные явления под указанные общие признаки — «заговор», который «вышел на площадь», это, разумеется, декабристы, «совсем откровенные заграничные издания» — это прежде всего деятельность Вольной русской типографии Герцена и Огарева. Но, оказывается, в концепции Ключевского эти и того же рода предшествующие и последующие явления — лишь «ропот» на то, что правительство плохо правит, дает слишком много воли чиновникам, не предпринимает необходимых реформ... Будь то, другое и третье — и декабристы, и Герцен, Огарев, и им подобные были бы удовлетворены и поводов для недовольства не имели... Мы сейчас в самой середке либеральной концепции русского оппозиционного движения, даже в левом ее варианте: историографически более правый вариант отвергал бы основное единство позиции «общества» с народом.

Не забывает Ключевский сказать и о том, что правительство «в свою очередь» жаловалось на «общество», «но не за соперничество из-за власти в управлении, а за нежелание или неумение пользоваться и тем участием в управлении, какое ему представлялось правительством». Ища с некоторым недоумением конкретные проявления этого нежелания принимать участие во власти, историк, пожалуй, затруднится. Не выхлопотанный ли это в 1762 г. дворянами закон служить или не служить по собственному желанию? Не упорство ли это недорослей в лени изучать арифметику и географию — предпосылки для последующей царской службы?.. Возможно, факты скорее скудны, чем обильны. Но следующая загадка более сложна: «Дело политической свободы в России, — пишет Ключевский, — спасается (да, так и написано! — М. Н.) тем политическим порядком, против которого борется». Каким же образом? Далее сложное диалектическое обоснование сводится к тому, что царизм «спасает» революционное движение тем, что не может, не в силах его разрушить. Вся система царского управления так плоха, что разрушает себя сама, чем и питает революционное движение. Этот сложный и довольно любопытный комплекс доводов излагается Ключевским в следующих словах.

«В руках у русского царя остается еще много материальных и нравственных сил, слишком достаточных для того, чтобы подавить противодействующие ему движения: дисциплинированная армия, сильно сгущенное историей, хотя уже и выдыхающееся от неумелого действия, обаяние власти над воображением масс, антагонизм сословий (наконец-то! — М. Н.), низкий уровень общественного сознания, нравственная распушенность общества. Но по исторической постановке своей власти царь не может привести эти свои средства в действие сам непосредственно, а его посредствующие органы или сами не в состоянии привести их в действие, или могут заставить их действовать неправильно, разрушая сами себя».

Ключевский чувствовал себя логически обязанным пояснить, почему же у царя «посредствующие органы» такие плохие: «Главные органы царской власти — министры, и если бы царь подобрал министерство вполне солидарное и искренне ему преданное, он, при других своих средствах, мог бы сделать из России все, что хотел (I) и умел бы сделать, подавить какое угодно противодействие (II). Но по способу назначения и по свойству среды, из которой обыкновенно назначаются министры, они по отношению друг к другу добровольные, но неперемненные антагонисты, а по отношению к царю — озлобленные и коварные холопы, подличающие перед ним из чувства самосохранения, обманывающие общественное мнение по ремеслу и расстраивающие порядок по невежеству...»

Тут Ключевский бросил писать... Рассуждение оборвано.

Едва ли мы ошибемся, что после бурного и искреннего обсуждения в близкой ему либеральной среде он решил для уяснения вопроса самому себе изложить свое рассуждение на бумаге. Сначала все шло довольно убедительно, но на характеристике основной причины явления он запнулся, не нашел удовлетворения в предложенном им самим решении и перестал писать. Ход мысли потерял научную подоснову. Стало отдавать глухой деревней — царь-то ничего, да министры не тово..., жалуется царь, да не жалуется псарь... Конечно, он повидал министров вблизи — Делянова, Боголепова, Плеве, Ванновского... И о царском дворе имел не совсем теоретическое представление. Не ощутил ли Ключевский своей методологической беспомощности? Сейчас, в 1901 г., ему видно — началась борьба за власть... Кто борется? «Общество» и царизм... Почему? На какой основе? С каких пор началось? Перспективы?.. Об этом он, собственно, не знал, что написать.

Своего текста Ключевский, конечно, не напечатал... Да и писал не для печати — решение этих вопросов было очень нужно ему самому. Но порой приближаясь к грани материалистического понимания истории, он со страхом решал отпрянуть от нее, резко отталкивался и в обратном движении попадал в тупик.

Весь 1901 год, полный таких сложных событий и размышлений, шла работа над третьим изданием «Боярской думы».

В первые месяцы 1902 г. велась работа над набором, корректурой. Весной «Боярская дума» вышла в свет.

Экземпляр третьего издания Ключевский послал одному из министров, о которых только что ясно высказался в своей карандашной, неоконченной записке... Послал он его В. К. Плеве.

Какую-то работу по требованию Плеве Ключевский все же выполнил. Сохранились два незаконченных (неопубликованных) письма Ключевского Плеве. Одно из них написано позже даты только что цитированного письма, оно датировано 26 сентября 1902 г. и говорит об отсылке Плеве какого-то составленного Ключевским по его требованию «проекта», причем начинается письмо извинением, что заказ запоздал на сутки против назначенного срока. Следовательно, несмотря на решительный отказ Ключевского написать что бы то ни было для Плеве, ясно выраженный в цитированном ранее письме от 17 июня, шеф жандармов (Плеве был им с 1902 г.) сумел заставить Ключевского написать какой-то проект. Как следует из сентябрьского письма, проект должен был иметь не форму записки, которая, как пишет Ключевский, была бы для него легче, а «форму акта», которую Плеве признал «более целесообразной», хотя она «много затрудняла непривычным для меня складом речи» (это и заставило Ключевского запоздать); проект имел какое-то высокое назначение: Ключевский, по его словам, стремился «выдержать простоту, удерживая тон на высоте, требуемой высказанным Вами назначением проекта».

По контексту переписки можно предположить, что речь шла о какой-то реформе Государственного совета. В автографе другого незаконченного письма В. К. Плеве, также относящегося к 1902 г., но самим Ключевским не датированного, мы читаем: «Приношу Вам искреннюю благодарность за присланные две книги и за гонорар». Стало быть, какая-то работа была Ключевским выполнена. Можно предположить, что это была редакционная работа: «Возвращаю ящик с книгами и вторую тетрадь с дополнениями. Прошу Вас обратить внимание на стр. 151: в строке, отмеченной синим знаком вопроса, год рескрипта (1900) едва ли верен (не 1890 ли?)». Если бы Ключевский посылал свой авторский текст, он не стал бы задавать вопрос о неправильной дате. Можно предположить, что этот недатированный отрывок письма писан из Болдина, т. е. относится к лету 1902 г., и имеет связь с тем же поручением отредактировать чей-то (уж не Плеве ли?) текст об Александре III.

Вероятно, при прошлой встрече Ключевский обещал Плеве, бывшему в тот момент статс-секретарем по делам Финляндии, представить ему «план» по истории Финляндии. Теперь письмо Ключевского Плеве от 17 июня 1902 г. добавляет к общей картине их взаимоотношений отказ историка и от этого плана. «План готов, — пишет он, — но я пока не решаюсь послать его Вам, потому что, к сожалению, не могу взять на себя его исполнения». В этом письме и речи нет о работе, посвященной Александру III, очевидно, отказ от нее был дан ранее. Но Ключевский закрепляет отказ от чего бы то ни было: «Ввиду состояния своего здоровья, а также необходимости кончить некоторые работы, ставшие неотложными (издание «Курса» и др.), я испрашиваю себе годовой отпуск и в продолжение всего следующего года не буду в состоянии приняться за какое-либо новое дело». Очевидно, из соображений академической вежливости он «смягчил» свой отказ приложением только что вышедшего нового издания «Боярской думы»¹⁰⁵.

Теперь «Курс русской истории» стал главной его заботой. Но тут произошло непредвиденное...

12

В то время как Ключевский, сгорая от нетерпеливого желания поскорее издать свой «Курс русской истории», мучимый невозможностью полностью углубиться в работу над ним, выкраивал часы из сверхзанятых дней, чтобы продвинуть это дело вперед, его лекционный курс... вышел из печати в Петербурге в трех толстых, большого формата томах, некоторые — с золотым обрезом, облеченные в богатые переплеты из мягкой темно-зеленой

кожи, внутри обтянутые белым шелковым муаром... Впрочем, кажется, часть тиража имела и более скромные переплеты.

На титульных листах плотной, дорогой бумаги значилось: «Лекции по русской истории профессора Московского университета В. О. Ключевского». На обороте титула можно было прочесть: «С.-Петербург, Типография В. Ф. Киришбаума, Дворц[овая] пл[ощадь], д[ом] Министерства финансов».

Три тома охватывали весь объем «Курса русской истории», читаемый Ключевским: с древнейших времен до реформ Александра II, даже, можно сказать, до Александра III включительно, поскольку злосчастная речь Ключевского о нем завершала последний муаровый том.

Текст «Курса» был составлен на основе тщательно подобранных и слегка отредактированных реальных литографических записей лекций Ключевского, достать которые для Министерства финансов было довольно просто.

Каждый отдел имел свое название, к каждой книге прилагалось тщательно составленное оглавление. В верхнем правом углу титульного листа на всех трех томах было напечатано «Как рукопись».

«Курс» был издан без ведома Ключевского.

Указание на дом Министерства финансов точно наводило на адрес совершителя этого литературного преступления против авторского права. Это был министр финансов С. Ю. Витте.

Как говорили одни, тираж этого «Курса» был всего 25 экземпляров, другие удваивали цифру, настаивая на 50. Витте утверждал, что весь тираж состоял из 20 экземпляров. О числе экземпляров его спрашивал директор имп. Публичной библиотеки в С.-Петербурге Д. Ф. Кобеко, знакомый Ключевского. По понятным причинам, Витте мог скорее преуменьшить тираж, ослабляя значение своего поступка, нежели назвать реальную цифру. Он утверждал, что свой, якобы последний, экземпляр отдал Кобеко для Публичной библиотеки. Так-таки себе ни одного не оставил — сомнительно. Сколько вышло экземпляров, в точности до сих пор никто не знает. Ходили слухи, что издание предпринято лишь для лиц царствующего дома, будто бы испытывавших большой интерес к Ключевскому, подогретый сведениями из Абастумана. Этот вариант отчасти подтверждается исключительным оформлением издания, наличием царского *ex-libris*'а на обороте тех экземпляров, которые хранятся в Отделе редкой книги Ленинской библиотеки. Конечно, повод этот вероятен, тем более что члены царствовавшего дома не очень-то вникали в особенности программы и не трудились отличить курс высшей военной школы от университетского курса... Но возможно, что придворный интерес послужил могущественному, шедшему в гору С. Ю. Витте лишь благовидным предлогом — он сам нуждался в «Курсе» для собствен-

ного употребления. Лекции Ключевского имели славу, так сказать, «конституционного» курса, рассматривавшего историю России как историю страны, идущей к конституции, к торжеству буржуазно-правового государства. Ключевский же, очевидно с «Боярской думы», слыл историком, нашедшим глубокие конституционные корни центральных русских учреждений. Витте был в это время занят именно этим вопросом и интересовался доказательством «корней». Поэтому он возымел желание опереться на самое последнее слово русской исторической науки в этой области — на лекции знаменитого историка, академика В. О. Ключевского. Как видим, за Ключевского боролось не только передовое студенчество, отбивавшее его от наступавшей на него черносотенной реакции, но и «третий» — буржуазно-либеральный лагерь общественных сил. Иметь на своей стороне Ключевского было выгодно.

В газетах после смерти Ключевского Витте обвиняли в том, что он кое-как, по произволу «настриг» из литографированных студенческих курсов то, что ему понравилось, и издал груду избранных цитат — это обвинение не выдерживает проверки. «Курс» в общем, в соответствии с литографиями, издан довольно цельно, чья-то (едва ли Витте) довольно толковая редактура из Министерства финансов в общем коснулась текста «с умом», цельность лекций со стороны тематики была сохранена, правильность их чередования — тоже.

Но понятно страшное возмущение Ключевского акцией Витте — так поступать с авторами, даже мертвыми, нельзя, а Ключевский был жив и сам готовил «Курс» к печати! Только С. Ф. Платонов мог найти это происшествие «лестным», Ключевский думал иначе. Для полноты картины надо предположить, что Витте, буде ему было бы предъявлено соответствующее обвинение, мог бы сослаться на служебные инструкции, дававшие ему право внутреннего размножения нужных министерству материалов типографским способом. Поскольку Витте своих томов не продавал, а использовал их лишь в служебном порядке, он мог и не понести никакой ответственности (кроме моральной), если Ключевский даже подал бы на него в суд. Последнего Ключевский, разумеется, не сделал.

Узнал обо всем Ключевский случайно и не сразу. 27 ноября 1902 г. до него впервые дошел из Петербурга — неточный — слух, что будто бы издан его «абастуманский курс». Слух передавал профессор Московского университета Н. В. Давыдов, который узнал об издании из письма князя Оболенского. В дневнике Ключевского есть запись «об издании для немногих при дворе будто абастуманского курса». Курс этот существовал лишь в конспективной форме и, будь он даже издан, не мог помешать публикации многотомного «Курса русской истории». Длительное

время Ключевский пребывал в заблуждении, что «при дворе» издан именно абастуманский курс всеобщей истории¹⁰⁶.

О том, что именно издано и что издал это С. Ю. Витте, Ключевский узнал с большим запозданием. 31 декабря 1904 г. он записал в дневнике разговор с Я. Л. Барсковым: «Курс издан Витте в 20 экземплярах»¹⁰⁷. Он был страшно возмущен и писал С. Ф. Платонову относительно этого издания, что «даже не знал о нем долгое время, не имеет его экземпляра и не искал его иметь»¹⁰⁸. В воспоминаниях С. Ю. Витте, изданных уже в советское время, о публикации «Курса» Ключевского нет ни слова, даже имя Ключевского в них вообще не упоминается. Ключевский позже резко писал о «контрафакции» «Курса» (в письмах Воронову). Изданный Витте «Курс» позже лег в основу нелегально изданного революционной организацией «Курса» без имени Ключевского, тиражом в несколько тысяч экземпляров и с рядом добавлений. В этой связи и возникла в дальнейшем на титульном листе «Курса» Ключевского надпись: «Единственный подлинный текст».

Конечно, эпизод с изданием Витте оказался сильным субъективным стимулом для форсирования работы над «Курсом». Ключевский торопился издать свой «единственный подлинный текст».

«КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ»

1

Трудно с точностью определить, когда начал Ключевский готовить к печати свой лекционный курс. Мысль об этом возникала у него постоянно, лекции читались непрерывно из года в год, видоизменяясь, пополняясь, отражая развитие его концепции и привлечение новых материалов. Ученики неотступно преследовали его просьбами о напечатании «Курса». Вероятно, он сам почувствовал обостренную нужду в этом после нового реакционного устава 1884 г. и запрещения университетскими правилами студенческих литографий. В переписке начала 90-х годов XIX в. Ключевский пишет, что «мечтает» издать свой курс. Две абастуманские зимы еще раз задержали выполнение намерения, и, наконец, во второй половине 90-х годов начинается более или менее планомерная работа. Выход на пенсию в 1901 г. обострил желание поскорее продвинуть это дело, а появление в 1902 г. без его ведома его же собственного курса, изданного С. Ю. Витте, было, кажется, последней каплей, переполнившей чашу. Поскольку Ключевский продолжает чтение лекционных курсов и после оформления пенсии, он решает просить руководство о годичном отпуске. В его формуляре есть загадочная запись: «С высочайшего соизволения командирован с ученой целью за границу сроком на 1902/03 учебный год», иначе говоря с сентября 1902 г. по июль 1903 г. Далее следует: «Из командировки возвратился в срок»¹. Запись эта фиктивна, она не что иное, как псевдоним годичного отпуска для подготовки к печати «Курса» — ни в какой заграничной командировке Ключевский не был. Мы можем проследить его итинерарий за этот срок с большой точностью по переписке и дневниковым записям: все письма за это время писаны им из Москвы, тут же назначаются деловые и дружеские встречи, откладывается намеченная поездка в Петербург в декабре 1902 г. — не пускают дела в Москве. В этом же году ведется курс лекций в Училище живописи, ваяния и зодчества, начатый еще в 1900 г. В дневнике есть запись о февральской лекции 1903 г.: «в Училище». В марте, видимо, с целью сосредоточиться и закончить подго-

товку к печати первого тома «Курса» Ключевский едет в Крым. 8 марта 1903 г. он выехал в Алупку, а в середине августа он уже опять в Москве, работает над «Курсом». Таким образом, сомнений никаких нет, за границу он не уезжал, отпуск был испрашен для подготовки «Курса» к печати. Форма же «заграничной командировки», очевидно, имела какие-то формальные удобства².

В самом конце июля 1903 г. в дневнике есть запись о поступлении корректуры первого тома; одновременно идут корректурные листы и нового издания «Краткого пособия». Скрытный Ключевский не очень-то оповещал знакомых и учеников о ходе своей работы над «Курсом». Довольно близкий к нему М. К. Любавский и тот был уверен, что закончивший штатную службу в университете учитель в 1902/03 академическом году «разрешил себе отдых и совсем не читал лекций...»³. Хорош «отдых»! Шла интенсивная, напряженная работа над первой частью (томом) «Курса русской истории»...

Первая часть «Курса русской истории» вышла в свет в Москве в начале 1904 г. Вторая потребовала двух лет и появилась в 1906 г. На третью часть в свою очередь было потрачено два года — она вышла из печати в 1908 г. Четвертая через тот же намеченный срок легла на прилавки книжных магазинов в начале 1910 г. Как видим, Ключевский выпускал свои тома с большой точностью, и если С. М. Соловьев опережал его в темпе, выпуская по тому ежегодно, то Ключевский опередил его в количестве подготовленных им изданий — первая часть при его жизни выдержала четыре издания (1904, 1906, 1908 и 1911 гг.), вторая часть — три (1906, 1908, 1912 гг. — последнее подготовленное им издание вышло уже после его смерти), третья часть — два (1908 и 1912 гг. — последнее посмертно). Таким образом, Ключевский при жизни в сущности успел подготовить 10 изданий своего «Курса» между 1904—1911 г. Пятую часть своего «Курса», о которой речь впереди, Ключевский не успел закончить. Он хотел довести ее до конца крепостного периода, завершавшегося, как он считал, смертью Николая I (1855 г.). Таким образом, «Курс», начав русскую историю с древнейших времен, должен был довести изложение почти до его современности. Замысел был грандиозен.

На каком же научном фундаменте, лично созданном трудом автора, стоял «Курс русской истории»? Подведем в этом отношении краткие итоги тому, что было сказано раньше.

Ключевский заложил фундамент «Курса» прежде всего, разумеется, непрерывным лекционным трудом — чтением лекций из года в год, изо дня в день. Случай Ключевского, по-видимому, уникален. В Московском университете он читал лекции в течение 30 лет, в Московской духовной академии — 36 лет, в Александровском военном училище — 16 лет, столько же на Высших женских курсах Герье и, наконец, 10 лет в Московском училище

живописи, ваяния и зодчества. Если условно вытянуть перечисленные годы лекторской работы в единую линию и сложить все числа вместе, получится фантастический итог — 108 лет непрерывного, систематического чтения лекций⁴. Работа над «Курсом», собственно говоря, велась всю жизнь непрерывно. Нередко лектор, не торопившийся с подготовкой его к печати, ссылался на то, что «курс его — непрерывно идущая вперед работа, нуждающаяся в постоянной обработке и переработке, что он не сказал в нем [еще] своего последнего слова». В 1893 г. Ключевский писал: «Я мечтаю напечатать свой курс, когда мне удастся окончательно установить его состав и текст, доселе при устном изложении с кафедры ежегодно изменяемые». Эти ссылки на непрерывно идущую работу соответствуют архивным данным⁵.

В глубине фундамента «Курса», естественно, лежит сочетание лекционного труда с исследовательской работой автора. Если труд над диссертацией о житиях святых напитал лекционный курс Ключевского многими данными об «удельном периоде» и начале Московского государства, то докторская диссертация о Боярской думе, охватившая период по меньшей мере восьми веков, насыщала курс множеством фактических данных и исследовательских выводов, связанных с историей Московского государства, вплоть до рубежа петровского царствования. Более того, именно лекционный курс, как указывалось выше, сам послужил материалом ряда глав «Боярской думы», которая писалась автором на столь широком историческом фоне, что вызывала иной раз упреки критиков в том, что она превращается в общий курс по истории страны. Исследования специального характера, возникая подчас у Ключевского в связи с прямыми нуждами «Курса», входили и по фактам, и по выводам в соответствующие лекции — таковы его исследования о происхождении крепостного права в России, о подушной подати и отмене холопства, о составе представительства на Земских соборах древней Руси, о «западном влиянии» в России XVIII в., о судебнике царя Федора Иоанновича 1589 г. и многие другие.

Готовясь к созданию «Курса», Ключевский стремился и к углублению и разработке особой его стороны — художественности изображения, живого восстановления русского прошлого. Надо подчеркнуть, что эта сторона дела требовала глубокого обобщения и проникновенного изучения фактов. Чтобы художественно изобразить, надо многое знать, добыть это знание, таящееся часто неведомым или незамеченным в глубинах исторических источников, заметить и научно осмыслить его, связать с общей картиной исторического процесса, вникнуть в то, как та или иная живая деталь отражает научное существо вопроса, иначе вся «художественность» Ключевского превратилась бы в занятную грудку пестрых мелочей. На примере его работы с Ф. И. Шаляпиным

можно убедиться, что Ключевский в образах рисовал перед великим артистом сложную эпоху Годунова накануне глубоких социальных потрясений, эпоху, преломлявшуюся через действия и характеры людей. Поскольку на время подготовки «Курса» к печати падает чтение лекций в Училище живописи, ваяния и зодчества, надо помнить, что и эти лекции давали свое, особенное, ложась в «фундамент» «Курса». Только что пришедшие с лекций Ключевского молодые художники и скульпторы с восторгом вспоминали, что с ними как будто говорил путешественник, лишь вчера вернувшийся из России прошлых веков, сам все видевший и передававший им свои личные впечатления. Этот курс был последним лекционным курсом Ключевского, на нем оттачивалось мастерство его художественного изложения.

Таков был сложный и богатый состав того «фундамента», лично сложенного трудом Ключевского, на котором он стал возводить здание своего «Курса русской истории», готовя его к печати.

Параллельно развивавшаяся русская историческая наука создавала новую научную литературу, которая учитывалась Ключевским. Об этом уже шла речь выше. Ключевский был на гребне этой — в то время почти целиком буржуазной — научной литературы, знал ее и своим трудом выявлял ее движение.

После выхода в свет в 1956—1959 гг. восьмитомного издания «Сочинений» Ключевского широко распространился вывод комментария к нему, что «Курс русской истории» сложился в 80-х годах, хотя позже дополнялся и перерабатывался. Формулировка, что «в основу» «Курса» легли лекции 80-х годов, появилась в диссертациях, в историографических обобщениях, в учебниках, чаще всего уже без оговорок. Вопрос поэтому требует уточнений. В только что характеризованный фундамент «Курса» легла, как мы видели, и богатая лекционная практика Ключевского 90-х — начала 900-х годов, и большая, непрерывная работа ученого за эти годы, а не только за 80-е. Нет никаких оснований разламывать фундамент «Курса» на две половины и строить его лишь на одной из них, игнорируя другую.

Вывод комментария аргументируется тем, что Ключевский использовал при подготовке «Курса» ряд имевшихся в его распоряжении и ранее правленных им студенческих литографий, на что, конечно, он имел полное право. По рассказу секретаря Ключевского, его сына Бориса Васильевича, помощника в технике работы над «Курсом», ему поручено было подготовить материал следующим образом. Собиралось сначала решительно все писанное и печатанное Ключевским на тему данного тома. Материал затем классифицировался и располагался по плану тома «полекционно». В случаях больших пачек составлялись тетради, в случае меньшего количества страниц в последовательном порядке производились наклейки листов на огромные бумажные «простыни» по тематике

лекций. Ключевский хотел сразу иметь «*de visu*» весь накопленный им материал, обозреть его одним взглядом и в нужных случаях взять, откуда надо, необходимые добавления, замены текста или написать, где надо, новые. Все эти вставки надо было к чему-то прикрепить. Но куда, к чему? Для этого избирались лучшие литографированные записи лекций, на которых было удобно прибавлять, вычеркивать, вписывать. Ключевский, следовательно, работал не «наедине» с избранной литографией, кое-где подправляя ее «из головы», а имея перед собой весь наличный классифицированный и даже наклеенный на огромные бумажные «простыни» материал, справляясь с ним и продумывая его. Техника его работы была гораздо сложнее простой правки литографского текста. Поэтому никак нельзя сказать прямолинейно, что «в основу» «Курса» клялись литографии. Дело было гораздо сложнее.

Для первых двух томов Ключевский вписывал и вычеркивал текст на литографии, подготовленной его учеником, будущим академиком, а тогда студентом С. Б. Веселовским в 1884/85 академическом году. Почему он не взял какую-либо более позднюю литографию 90-х годов? Да потому, что ее — столь подробной — и не было! Именно данная литография и была «*позднейшей*» по *подробности*. Принятые после реакционного устава 1884 г. университетские правила 1885 г. строжайше запрещали студентам литографировать лекции без письменного разрешения профессора. Догадливый Ключевский с этого времени таких разрешений не давал, и легальные литографии не появлялись. Да и литография С. Б. Веселовского еле вырвалась из узких рамок дялиновской цензуры. Если литографии возникали, то подпольно (кстати сказать, некоторыми из них Ключевский все-таки воспользовался для следующих томов). Но гораздо существеннее было то, что по дялиновским правилам курс *сокращался вдвое* — он уже читался не два года, как до 1885 г., а лишь два семестра, т. е. один академический год, становился вдвое короче.

Поэтому делать основным доводом тезис о том, что «Курс» Ключевского сложился в середине 80-х годов, потому что он наносил правку на литографию 1884/85 учебного года, на мой взгляд, нельзя. Решающего значения это не имеет.

Есть еще одна сторона дела, на которой надо остановиться.

Важный вопрос работы — ее общий план, распределение материала по темам («по частям»). Несомненно, Ключевский продумывал его, распределяя тематику, взвешивая соотношение проблем, дяля предполагаемый листаж, которым стеснен не был, но собственные рамки которому поставил. Поскольку Ключевский выдвигал новую периодизацию (мы остановимся на ней позже), у него, видимо, был сначала замысел дать каждому из четырех периодов примерно по одному тому. Но подсчет лекций первых двух периодов показал, что им так много места не требуется,

а план следующих лекций, напротив, не укладывался в отведенный отдельным томам листаж, превосходя его. Особенно велик был четвертый период. Отсюда возникало более рациональное планирование томов: по количеству лекций. Судя по ровному их числу в первых двух томах (в каждом по 20), автор прикидывал, вероятно, возможность уложить в четыре тома все изложение по XVIII в. включительно, завершая его царствованием Екатерины II. Но сложность тематики третьего и особенно четвертого периодов поставила вопрос и о росте объема самих лекций — в третий том вместо 20 уместилось лишь 18, а в четвертый — 16, причем дошел этот последний том лишь до начала царствования Екатерины II. Из изложенного ясно, что курс Ключевского не равен по объему его университетскому курсу, который сначала был двухгодичным, а позже — одногодичным. Ключевский мог в первом случае располагать примерно 30 лекциями в учебный год (приблизительно 60 за два года), а во втором случае — вдвое меньшим числом. «Курс» же в пятитомном издании его «Сочинений» (1956 г.) содержит 86 лекций. Уже это одно говорит о том, что «Курс» — результат большой авторской работы, а вовсе не воспроизведение студенческих литографий 80-х годов с авторскими поправками.

В комментарии к восьмитомному советскому изданию «Сочинений» Ключевского (1956—1959 гг.) выдвинуто также положение о «поправлении» его автора в 90-х годах, которое и было будто бы затем характерно для него до конца жизни. Общая концепция только двух периодов развития его политического мировоззрения — левого до половины 90-х годов и правого после этого рубежа — представляется мне неточной и упрощенной. По моим наблюдениям, Ключевский «левее» в годы всех трех революционных ситуаций, пережить которые выпало на его долю. Революционная ситуация лет его юности (рубеж 50—60-х годов XIX в.) совершила первый перелом в его мировоззрении, ранее проникнутом наивным полурелигиозным идеализмом. Вторая революционная ситуация, павшая на конец 70-х годов, которую он встретил за последними главами «Боярской думы», в расцветающей славе лектора, двинула его к своеобразному «классовому» социальному пониманию истории учреждений, укрепила и углубила интерес к истории боярства и дворянства как «классов» правящей России. Это время напитало его впечатлениями и мыслями о паразитизме дворянства, жесточайшего утеснителя крестьян. Остановившись в испуге перед границей, отделявшей его от классового понимания самодержавия, и сохранив свой тезис о функции правительства как творца «всеобщего блага», Ключевский тем не менее дал блестящее конкретное разоблачение ряда самодержцев — деспотов, развратников, развратниц и скоморохов — на российском престоле. Политическая реакция после выстрела 1 марта с силой

топтала его идеи, он сжался и затаился, ученый был отброшен вправо. Наступила пора особо тревожных поисков и метаний, проверка себя «с начала до конца». Он как бы вновь вступил в изучение исторической науки, в ее пропедевтику — от методологии до источниковедения. Он не нашел ответа на мучившие его вопросы и продолжал биться в поисках, боясь преступить рамки очерченного им для себя идеалистического круга, — глубокий и своеобразный пример кризиса той науки, в которой он трудился, — буржуазной исторической науки. Увешанный царскими орденами, от младшей Анны до Станислава I степени, разночинец в ненавистном ему вицмундире, его превосходительство, а с января 1903 г. — его высокопревосходительство (именование тайного советника), знаменитый ученый и любимый молодежью профессор, полный противоречий, продолжал свои поиски. Споткнувшись о порог царского дворца в половине 90-х годов, он за это был жестоко освистан влюбленной в него передовой молодежью. Но он не остался за этим порогом. Он трактовал происшедшее как «прискорбное недоразумение». Моральный шок, им пережитый, не прошел даром для его мировоззрения. Еще пять лет усердных размышлений и трудов — теперь уже над «Курсом», — и новая — третья в его жизни — революционная ситуация кануна революции 1905 г. встречается на его пути. Пугая неприемлемой для него революцией, она все же дарит его многими новыми идеями, облегчая поиски концепции. Описанного рода периоды и переломы вовсе не обязательны для буржуазного ученого. Революционные ситуации, а тем более революции раскалывают либеральный лагерь, дифференцируя его: одних бросая вправо, других — влево. Одни либералы правеют, подтягиваются к лагерю реакции, сжигают старых либеральных богов, другие идут или иной раз «ковыляют» (слово Ленина!) за революцией, левеют, стремятся как-то догнать уходящую от них передовую жизнь, хотя и остаются в рамках буржуазной идеологии. Ключевский принадлежал к последним.

Как видим, все было много сложнее механического перереза — ранее, мол, Ключевский — либеральствующий разночинец до начала 90-х годов (очевидно, до речи об Александре III?), а с половины 90-х отходит к стану реакции (ясно, после сей речи). Непонятно одно — как тут подыскать резоны для определения «Курса русской истории» как «вершины творчества» Ключевского, одновременно признавая весь отрезок жизни с 90-х годов и далее реакционным? Вероятно, известную иллюзию выхода из явного противоречия давал не соответствующий действительности ложный тезис считать «Курс» в основном... явлением 80-х годов. Тогда вроде бы все «сходило».

Первый том «Курса русской истории» имеет сложный состав. В нем помещено большое введение ко всему «Курсу» в целом, состоящее из четырех лекций: первые две относятся к вопросам исторической методологии, плану курса, основным элементам его концепции и общей периодизации русской истории; две следующие лекции посвящены географии страны и значению природных условий в истории ее народа (Ключевский уделял большое внимание географическому фактору). Следующие 16 лекций охватывают древнейший период русской истории по «удельные века» включительно — изложение завершается XIV веком.

Вводные лекции ко всему «Курсу» стоили Ключевскому большого труда, он часто возвращался к их тематике, главным образом беспокоили его вопросы методологии. Остановимся сначала на общем ходе работы над томом, чтобы затем перейти к разбору его концепции.

Хотя испрошенный годичный отпуск на 1902/03 академический год был Ключевским получен и чтение лекций в университете он прекратил, тем не менее бесконечные незаконченные и вновь возникающие, как он метко пишет, «пристальные» дела, как это всегда бывает, тащились за ним, мешая ему, нарушая ритм налаживающейся большой работы. «Мне не только не удалось разделаться с пристальными делами, — с огорчением пишет он С. Ф. Платонову, — но и к ним чуть не каждый день прилипают все новые неожиданности, хотя и мелкие, но своей совокупностью поглощающие почти весь досуг и прочие удобства срочно-отпускного положения». Тут еще кашель не проходил, полученный «с прошлого сырого лета при содействии моего рыбацкого спорта»⁶.

Ключевскому уже шел 62-й год, болезни по возрасту переносились тяжелее. Но что болезни, что «пристальные дела»! Эпоха властно врывается в рабочую комнату потоком напряженных событий, открытыми выступлениями против самодержавия, студенческим движением, тревожными слухами, арестами учеников и знакомых... Уже поднялась и шла ежечасно вперед, вторгаясь в дневник, в жизнь каждого дня, новая революционная ситуация в истории России, третья в течение жизни Ключевского. Она, однако, существеннейшим образом отличалась от первых двух: те не переходили в революцию, а эта была кануном 1905 года...

Если в апреле 1902 г. Ключевский записал в дневнике о массовом крестьянском движении на Украине, о «бунте» в Полтавской и Харьковской губерниях, добавив в конце записи «хохлацкая пугачевщина», то в мае проникает в его дневник запись о рабочем движении: «Полиция и охрана против них [рабочих] вместе с фабрикантами. Причину перемены приписывают Плеве... На Прохоровской фабрике новый набор рабочих с удалением при-

надлежащих к союзу. . .» Тут же — отрицательно — о правительственных сферах: «Записка Львова: критика фразистая, без плана улучшения. . .» Харьковские и полтавские беспорядки «приводят в связь с новой системой засыпки продовольственных магазинов, предписанной Сипягиным. Лопухин — директор Департамента гос[ударственной] полиции». В ноябре он видится с А. С. Сувориным, художником Н. И. Кравченко — получено много столичных новостей, в частности о «самом» (т. е. царе). Выделяются в дневнике записи: «Толки о конституции», тут же резко критическое замечание по адресу не то царя, не то царизма: «Когда кучер в потемках теряет дорогу, он опускает вожжи и предоставляет лошадям искать путь». В общении с учениками и академическим кругом — те же вопросы. 30 ноября 1902 г. Ключевский — на «вечере у Богословского», своего ученика (М. М. Богословский отмечал успешную защиту своей магистерской диссертации 2 ноября 1902 г.). Не тут ли получена им еще одна неожиданная новость — об аресте его ученика Милюкова? Правда, отношения с ним не наилучшие после его защиты и статьи в словаре Брокгауза и Ефрона. Но жена Милюкова, дочь покойного ректора Духовной академии С. К. Смирнова, ученица Ключевского, — он знал ее с детства — осталась с малыми детьми без средств к существованию, кроме «скудного и неверного» журнального заработка. Сыну-секретарю поручено отцом составление письма С. Д. Шереметеву с просьбой выручить Милюкова и вернуть ему «возможность работать». В проекте письма сын пытается воспроизвести критическую характеристику Милюкова, данную отцом, — Милюков «не худший из своей рати. . . Это — наивный, тяжеловесный академический либерал, в действиях даже глупый, а не вояка искушенный и неуловимый». Тут что-то есть от стиля сына, а не отца. Неизвестно, отправлено ли это письмо Шереметеву, но об отправке письма всецельному в тот момент министру внутренних дел и шефу жандармов В. К. Плеве с аналогичной просьбой пишет в дневнике сам Ключевский, воспроизводя его содержание. Письмо это более сжатое и официальное, нежели упомянутое. Тут же в дневнике запись об аграрных «беспорядках» в Харьковской и Полтавской губерниях. В начале нового, 1903 г. Плеве выпустил Милюкова из «Крестов», вероятно, не без влияния полученного письма. Ключевский письмом благодарит Милюкова за извещение о выходе из тюрьмы. Между учителем и учеником остались следы каких-то серьезных трений, о них, очевидно, говорят слова Ключевского: «Большое Вам спасибо за то, что Вы коснулись в письме наших отношений». Но 17 февраля вновь лаконичная, тревожная запись в дневнике, которую пока мы не можем расшифровать, — вероятно, опять об аресте и не близкого ли человека? «У полицмейстера об Ольге». Это уже не письмо властям, это личное появление Ключевского у полицмейстера — ред-

чайший случай в его биографии, едва ли не первый для него. Не об Ольге ли Кундасовой, «астрономке», чудачке, умной и остроумной собеседнице, завсегдатае встреч у Ключевского, А. П. Чехова, Ф. Шаляпина и, кажется, всего научно-художественного мира Москвы идет речь? В той же дневниковой записи и позже — 25 и 27 февраля — упоминания о газетных вырезках к новому изданию «Краткого пособия» (Ключевский считал необходимым доводить его до современности!), 27 февраля «говорили о манифесте 26 февраля» (очевидно, с Н. В. Давыдовым)⁷.

Жизнь врывается еще в дом Ключевского, по-видимому, и ветром из революционного подполья — деятели последнего имели свое мнение о политических настроениях историка. В ноябре 1903 г. в переписке, отобранной при обыске у привлеченного к следствию по распространению революционных брошюр и прокламаций Анания Пухлинского, найден адрес Ключевского: «Замоскворечье, Житная улица, собственный дом...» В архиве Ключевского иногда встречаешься с заведомо нелегальными текстами, может быть поступавшими к нему и подобным путем⁸.

Таков «фон» напряженной работы над первым томом «Курса русской истории». Ясно, что автор не замкнулся в древнейшем периоде истории Руси — от Рюрика, Игоря, Ольги до удельных князей XIV в., не заслонился ими от нарастающей революционной обстановки, не запер дверь дома на Житной от бурлящих событий. Нет, он сам — психологически — не порывает с ними, записывает вести, свидания с людьми, разговоры на политические темы, нарастающие тревоги. В дневнике одновременно отражен и ход работы над первым томом.

В ткань основных политических событий, для фиксации которых, собственно, и ведется дневник, вплетаются записи о непрерывно и все более ускоряемом ходе работы над сдачей в печать первого тома «Курса». Какая-то доля его рукописи, по-видимому четыре вводные лекции, была сдана в типографию еще летом 1902 г., но, получив корректуру в сентябре, Ключевский медлил со сдачей. По крайней мере 28 февраля 1903 г. в дневнике записано: «В Синодал[ьной] типографии отдал сентябрьские листки» (в этой типографии печаталось первое издание «Курса») ⁹. Иначе говоря, он держал корректуру первых листов почти пять месяцев! Из дневника можно сделать вывод, что методологическая часть введения — две первые лекции — особенно мучила Ключевского. Записи об общественных событиях нарастающей революционной ситуации все время прерываются размышлениями о методологии истории: через два дня после слов: «У полицмейстера об Ольге», запись о статье Г. Гельмгольца «Отношение естествознания к системе наук» — сопоставление типов индукций — логической и психологической, с исторической индукцией в изучении общественных явлений. 25 февраля, после лаконичных заметок о встречах, темах

бесед, чтении газет, — очень большая запись красным карандашом на тему: «Что такое историческая закономерность» — это несомненная тема первых лекций. 26 февраля, кратко отметив: «Доклад Витте о поездке на Дальний Восток», опять красным карандашом написанный текст о закономерностях в явлениях природы в сопоставлении с отличными от них явлениями в психологических науках, в том числе истории (опять в связи со статьями Гельмгольца). Через два дня — 28 февраля — отданы в типографию «сентябрьские листки», и, казалось бы, корабли сожжены, и с корректурой, сданной в типографию, вроде бы покончено. На очереди чисто исторические лекции о древней Руси. Тут Ключевский принимает решение вырваться из московской обстановки. Через неделю после сдачи, видимо, мучивших его «сентябрьских листков» он выезжает 8 марта в Крым один. Для отдыха? Нет, прежде всего для работы. Он ищет для нее полного уединения, хотя, конечно, очень утомлен. Сын-секретарь был оставлен в Москве для технического оформления рукописи. Выехал Ключевский в Крым 8 марта, 10 и 11 марта ходил по Севастополю, 12-го ночью приехал в Алупку, устроился на даче Смуровой, над Воронцовским парком. «Сегодня, — пишет он 13 марта Н. М. Бородиной, — весь день разбирался, выбирал комнату, раскладывал вещи, немного посмотрел местность, Воронцовский парк, дворец, наконец, покончив с житейскими пустяками, прежде, чем приняться за прерванное в Москве дело, решил немного отстояться, как отстаивается лужа, по которой проехали...»¹⁰ Он раздражен. Он воспринимает Воронцовский парк и дворец с позиций разночинца-демократа, разоблачителя дворянства. В этом отношении письмо Н. М. Бородиной — удивительный документ его социального скепсиса и «антидворянского силлогизма»: «Мы спустились в большой парк, который тянется по самому берегу. По аллеям сплошные стены из вечнозеленого лавра; всюду зеленая трава, местами среди нее рядами или затейливыми купами высокие кипарисы и тополи; много огромных, еще не расцветших магнолий; то и дело попадаются фонтаны, гроты, каменные лестницы. Все это посажено, посеяно, настроено среди неровной, скудной растительности, невзрачной покатости к морю и стоило громадных денег. Для чего? Потому что так захотелось барину, когда-то правившему Кавказом, а потом торговавшему вином, или¹¹ сыну, который из дешевых кавказских лавров отца построил большой крымский кабак. Дворец в парке — верх вкуса, сибаритского вкуса и старорусской барской роскоши: гранитные или еще там какие-то колонны обвиты и закрыты плющом, по которому через месяц зацветут на ползучих ветках всевозможные розы. Около дворца... роскошная татарская мечеть, выстроенная самим Воронцовым для татарской деревушки, скверные клетушки которой лепятся по пригорку повыше дворца русского православного вельможи-англомана. Она еще резче

оттеняет эту выставку безрассудства, которая всюду в этой теперь безлюдной гробнице вельможной пустоты весьма нагло сует вам в глаза свое богатство сомнительного происхождения. . . »¹²

Ключевский садится за работу над окончательной подготовкой к печати следующих глав первого тома. По скудным дневниковым записям можно судить о ходе этой работы и, сопоставляя их с первым изданием первого тома, догадываться, над какими главами он работает. Уверенности, что дневник отметил всю полноту работы и не пропустил каких-либо данных о том, что было сделано, у нас нет. Но и то, что оказалось записанным, свидетельствует о большой интенсивности работы. 15—17 апреля Ключевский трудится над исправлением лекции о следствиях очередного порядка и условий, ему противодействующих. Формулировка об «исправлении лекции» свидетельствует о том, что рукопись основного текста была налицо, привезена из Москвы. 21 апреля запись, относящаяся, вероятно, к лекции 7-й: «Баладури и Табари о славянах в Хазарии в полов[ине] VIII в. Фотий о Руси при Аскольде. Допол[ение] об основании В[еликого] княжества Киевского. Походы Руси на В[изантию]. Справка о погостах: Сол[овьев], I том, пр[имечание] 212»¹³. Отсюда следует, что в Крым были захвачены с собой некоторые источники, книги или необходимые выписки из них. 22 апреля было потрачено на «переписку» лекции о деятельности первых киевских князей — это глава 10-я первого издания первого тома «Курса»; речь идет о белой переписке для типографского набора — Ключевский нередко, даже скорее постоянно, делал это сам. В Крыму тем более некому было поручить это дело. В тот же день он успел исправить текст «о происхождении Р[усской] Правды и гражд[анского] порядка» — тут речь идет, очевидно, о 13-й лекции первого тома. Отсюда следует, что лекции исправлялись, хотя в общем-то в очередном порядке, но не все подряд; пропуски номеров свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что некоторые лекции были вполне готовы и исправлений не требовали.

Переписанные набело лекции, как можно полагать из контекста дневника, спешно отсылались в Москву для направления в Синодальную типографию.

27 апреля в дневнике отмечено: «Начал просмотр л[екции] о церковных уставах». Это лекция 15-я по общему счету. 29 апреля — «конец исправления о деятельности первых князей» (это лекция 10-я) и начало «об очередном порядке» (это лекция 11-я). Стало быть, Ключевский, исправив 15-ю лекцию, вернулся к более ранним. 30 [апреля] помечено: «Происхождение очередного порядка» — это один из пунктов 11-й лекции. Далее под этой же датой в дневнике большой текст, посвященный сопоставлению удельных отношений с феодальными и вывод об их несходстве, — это один из пунктов заключительной — 20-й лекции первого тома.

Текст, набросанный в дневнике, однако, категоричнее вошедшего в первый том и полностью воспроизведен в нем не был, он остался в качестве авторского раздумья или пробы изложения лишь на страницах дневника. Запись от 30—31 июля говорит о корректуре 6—8-го листов «Курса» и об их «отправке». Речь идет почти обо всей 5-й главе, главах 6-й и 7-й и первой странице 8-й главы, входивших в указанные листы. Все это подтверждает, что первые четыре главы тома (вводная часть всего «Курса») были сданы в типографию еще раньше. Последние слова записи: «дополнение XIV листа» относятся, очевидно, также к работе над первым томом «Курса» — речь идет о главе 11-й, о ее пунктах: «Происхождение очередного порядка. Практическое его действие. Условия, его расстраивавшие: ряды и усобицы князей»¹⁴. Перед этим в записи дневника находится упоминание об отправке 5-го и 6-го листов «Краткого пособия по русской истории», третье издание которого готовилось одновременно с первым томом «Курса» и вышло несколько ранее него, в том же 1903 г., когда пишется дневник. Можно представить себе, как загружен был Ключевский в Крыму. Его «заграничная командировка» по формуляру была продолжена и на август 1903 г., однако, как значится в формуляре, он ею «не воспользовался». Отсюда можно сделать вывод, что он вернулся из Крыма в Москву в августе 1903 г. после самой напряженной работы. Во всяком случае запись: «Витте — председатель Комитета Министров. Министр финансов — Плесске», попавшая в крымские страницы дневника, относящиеся к марту—апрелю, помечена Ключевским 18—19 августа и написана, вероятно, уже в Москве¹⁵.

Сентябрьская запись 10—11-го числа вся сосредоточена на московских событиях, непосредственно коснувшихся и его самого: «Газеты не выходили. Забастовка наборщиков, требовавших 9-часового дня и повышения платы. Совещания наборщиков летом в Марьиной роще. Совещание типографщиков у Трепова, который за сопротивление движению. Один типографщик шел на сделку (с рабочими. — М. Н.), Трепов крикнул на него; но типографщики согласились на требования наборщиков, возвысив стоимость типографских работ (цены для заказчиков) на 30%». Далее важная для печатания «Курса» информация: «Не прекращали работ в Синодальной, где 9 сент[ября] толпа до 1000 ч[еловек] разбила окна и была разогнана казаками».

В такой сложной обстановке писался и печатался первый том «Курса русской истории» — в разгар революционной ситуации кануна 1905 г.

22 ноября 1903 г. Ключевский сообщает В. Холмовскому: «Торплюсь кончить печатание первой части „Курса русской истории“». Он надеялся получить тираж к рождеству, но 26 декабря с сожалением пишет в Петербург Я. Л. Барскову: «Книга не ус-

пела выйти к празднику»¹⁶. Первый том «Курса» появился в свет лишь в начале 1904 г.

В некоторых отношениях первое издание «Курса» отличалось от позднейших и внешне: на титуле еще не было обозначения «Единственный подлинный текст», не было на полях и маргинальных заголовков, несущих функцию живого колонтитула; после заглавного слова «Лекция» с определенным номером, обозначенным римской цифрой, следовал, как и в позднейших изданиях, перечень пунктов плана лекции без обозначения страниц, но в оглавлении первого издания в отличие от позднейших название каждого пункта лекции начиналось с новой строки, что придавало большую отчетливость составу лекции.

3

Перейдем теперь к разбору концепции первого тома и ее историографической оценке. Прежде всего надо разобрать вводную часть — четыре первые лекции, служившие вступлением к «Курсу» в целом. Но перед этим два слова о кратком авторском предисловии к первому изданию, предисловии, не воспроизводимшемся в последующих изданиях. Его содержание существенно для творческой истории труда. «Издаваемый курс, — писал автор, — составил из многолетних чтений по русской истории. По изменявшимся условиям преподавания, а также по движению русско-исторической (так! — М. Н.) литературы и по мере знакомства с новыми источниками приходилось излагать отдельные лекции и целые отделы из года в год неодинаково, сокращая одно, расширяя другое». Сказанное подтверждает использование не одного, а многих текстов курсовых лекционных записей при создании текста. Но далее автор — и критика набросилась на это место — внезапно «выдавал себя», говоря: «Так составилось несколько редакций курса, которые предстояло объединить, свести в нечто цельное». Задача действительно звучала странно: автор выше сказал о вполне нормальной научной эволюции труда — возникала новая литература вопроса, появлялись новые источники, менялось, развивалось, шло вперед содержание лекций. Как же можно сводить «в нечто цельное» разновременные редакции? Это противоречило научному подходу и только что данной лекционным курсам характеристике¹⁷. Иначе звучали поставленные на первый план «условия преподавания» — общеизвестно было, что они от 60-х годов XIX в. к началу XX в. сильно ухудшились. Университет потерял автономию, реакционный устав 1884 г. подавлял передовую мысль и студенческое движение, курс русской истории сократили вдвое, очевидно, невозможно было и с этих позиций «сводить» разные редакции «в нечто цельное». Необходимо вспо-

мнить при этом слова Ключевского, сказанные им на своем юбилее в Духовной академии: его горем была невозможность высказать аудитории все, что он думал. Пока что в предисловии к первому тому он свел все к простой мысли: «Этим объясняются размеры некоторых лекций, не соответствующие обычному академическому часу». Кончалось предисловие, конечно, нотами скромности, которой Ключевский всегда отличался, и существенным историографическим замечанием: «В недостатке, чтобы не сказать отсутствии, доступных публике университетских курсов русской истории лектор видит оправдание своей решимости, а в близости конца преподавательской работы единственное побуждение начать издание курса, бесспорно нуждающегося в обработке». Он был глубоко прав, говоря об отсутствии доступных университетских курсов: огромный труд С. М. Соловьева ни по объему, ни по содержанию уже не мог претендовать на эту роль. В историографии по меньшей мере с 80-х годов обозначился тяжело ощутимый пробел — отсутствие труда по истории России, обобщающего весь исторический процесс. Нужда в нем была огромна.

Первую лекцию первого тома Ключевский посвящал методологии истории «местного» исторического процесса — той же проблеме, о которой в 80-х годах он прочитал специальный курс, рассмотренный выше. Концентрируя важнейшие положения этого курса в одной вводной методологической лекции, он сохранил позицию рассмотрения истории отдельной страны с точки зрения всемирно-исторического процесса, считая ее лишь частью целого. Определяя историю России как «местную историю», раскрывая далее понятия «исторический процесс», «культура», «цивилизация», «историческая социология» и полагая, что «местная история» представляет наиболее «удобств» для изучения именно в социологическом плане, он обрисовывал затем «схему исторического процесса», которая, как он и ранее полагал, состояла из взаимодействия «сил», работа которых слагает процесс, и «элементов общежития», выступающих в разных сочетаниях, что и создает разнообразие исторического процесса в каждой стране. Обо всем этом он, как мы помним, более подробно говорил в специальном методологическом курсе. «Значение местных сочетаний общественных элементов в историческом изучении» и методологические «удобства» изучения русской истории с этой точки зрения завершали вводную лекцию в «Курсе русской истории». Но в некоторых отношениях она глубоко отличалась от прежнего изложения. Специальный курс был поиском истины, свои сомнения Ключевский доводил до сведения слушателей, делился с ними, раскрывал, хотя бы отчасти, лабораторию своей работы, тем самым приглашая участвовать в ней. Он не скрывал скептической критики в адрес неразработанной методологии истории России и даже предлагаемых им самим определений. Совсем иную

позицию занял он в первом томе «Курса русской истории» — теперь об этих спорных вопросах он говорит как об общеизвестных, якобы решенных, не требующих пересмотра и всем знакомых: «Начиная курс русской истории, я предположу ему несколько самих общих, элементарных соображений...»¹⁸ Или: «Я напомнил вам эту известную общую схему социально-исторического процесса...»

Он полностью снимает установку поиска правильной исторической теории, аргументации, сомнений, спора. Ранее он ставил на первый план свою теорию «сил» и «элементов» в их разнообразнейших «сочетаниях», в чем надеялся найти ключ к тайне процессов и открытию научных законов истории. Теперь он запрятал эти не оправдавшие его надежд «элементы» в середину своих рассуждений, не раскрывая их и подавая как нечто общеизвестное, не требующее особых пояснений. Он и тут нагрузил на них «тайну исторического процесса» — она, собственно, «не в странах и народах, по крайней мере не исключительно в них самих (стало быть, все-таки и в странах и народах? — М. Н.), в их внутренних постоянных, данных раз навсегда особенностях (значит, есть и такие особенности? о них что-то не было речи. — М. Н.), а в тех многообразных и изменчивых, счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время». Трудно усомниться в том, что слушатели, а в данном случае и читатели «Курса» Ключевского пока еще не почувствовали обещанного раскрытия «тайны исторического процесса». Уж очень все походило в истории на игру случая. Какая же сила управляет возникновением этих таинственных «сочетаний», от которых все зависит? И Ключевский спешил бегло обронить слово о том, что задача «местной истории» как раз и соответствует «законам строения человеческих обществ». Далее, смыкая разные поисковые редакции литографий, Ключевский говорит сначала о «нескольких силах», совместная работа которых и создает «исторический процесс». Отдадим ему должное — к его чести он решился, хотя и в очень осторожной и хитроумной форме, вывести бога из числа этих сил. Он, так сказать, поспешил переселить бога в отдельную квартиру «богословского ведения» и размежевать последнее с «опытным познанием»; конечно, рождался вывод: стало быть, научный опыт не доказывает бытия бога и не нуждается в этой силе? Но Ключевский, ловко обойдя вопрос, сказал лишь следующее: «В области опытного или наблюдательного познания, а не созерцательного богословского ведения мы различаем две основные, первичные силы, создающие и движущие совместную жизнь людей: это — человеческий дух и внешняя или так называемая физическая природа». Формы человеческого духа, доступ-

ные историческому наблюдению (тут уже начало сильно отдавать гносеологией Гегеля), — это индивидуальная человеческая личность и человеческое общество. «Итак, человеческая личность, людское общество и природа страны — вот те *три* основные исторические силы, которые строят людское общежитие». Итак, скажет читатель от себя, сил, «слагающих и движущих общество», сначала обещано «несколько», затем сказано, что в наличии лишь «две основные первичные силы», потом в «итоге» их («основных»!) уже «три». Явная неладица. Можно понять Ключевского — на экзаменах он об этом вообще не спрашивал¹⁹.

Читатель, следивший за историей научного творчества Ключевского, имеет сейчас право на вопрос: где же во вводной ко всему курсу теоретической лекции *общественные классы*, те самые, которые так искренне интересовали исследователя на протяжении всей его научной жизни? Классы, о которых он так часто писал? Как он их понимает? Вопрос напрасен. Ничего о классах в теоретическом введении нет: они единственный раз в частном случае мелькают на 15-й странице, где утверждается, что государственная власть то действует независимо от общества, то в живом единении с ним, то закрепляет существующие неравенства и даже создает новые, «то уравнивает классы и поддерживает равновесие между общественными силами»²⁰. Автор предисловия, несмотря на свою полностью идеалистическую позицию, полученную в наследство от историко-юридической школы, считал в теоретическом вступлении, что государство может, когда захочет, и произвольно создавать общественные классы, и разрушать их, а также уравнивать их между собой или, напротив, создавать по своему желанию их неравенство. Ключевский очень многое мог бы сказать об общественных классах, о социальном строе и социальной истории общества, которой занимался всю жизнь, но здесь он, конечно, не случайно обронив словечко «класс» в самом беглом, безобидном и отнюдь не историко-материалистическом смысле, пошел дальше. Вроде и упомянул, нельзя сказать, что не упомянул, а вроде и ничего не сказал, кроме традиционно принятого. Придаться царская цензура тут ни к чему бы не смогла.

Но кроме царской цензуры, был и другой «надзор», которого, может быть, Ключевский боялся еще пуще: была передовая молодежь с ее философскими запросами — и не только с запросами, но с историко-философскими позициями. Уже возникла партия рабочего класса, имевшая своих людей и среди московского студенчества, уже систематически говорили об историко-материалистических положениях в студенческих организациях и кружках. Даже народничеству на переломе двух веков — XIX и XX — не чужды были рассуждения о законах истории, о классах и о закономерностях исторического процесса. Сам Ключевский как лектор удовлетворял молодежь еще на рубеже 70—80-х годов

именно тем, что стоял на почве признания исторических законов и закономерности развития исторического процесса. Его первые слушатели отмечали, что Ключевский тогда шел навстречу требованиям молодежи: «Мы хотели... констатирования явлений „закономерности“. Мы искали „законов в истории“», — пишет один из них; на эти требования и ответил Ключевский²¹. Несколько раз, готовя первый том «Курса» к печати, он в дневнике останавливается на этой, казалось бы, давно ясной для него теме. Теперь он хочет сказать о ней совсем другое, противоположное. У него явный кризис мировоззрения. Среди лапидарных записей о нарастающем напряжении общественных событий кануна 1905 г. он помещает теперь большие записи, отрицающие закономерности исторического процесса. Первые две революционные ситуации, не перешедшие в революцию, как бы укрепляли его в идее законов развития истории — именно тогда появились в его литографических курсах формулировки о законах истории и определение темы «местной истории» как особенно «удобной» для социологического изучения. Но сейчас он заколебался. Не в испуге ли перед все более определявшимся и первым в его жизни реальным *перерастанием* революционной ситуации в революцию?

25 февраля 1903 г. — начало выявления, осознания им самим своего кризиса в этом вопросе.

Нельзя в силу большого объема привести тут целиком запись в дневнике красным карандашом, можно лишь в отдельных цитатах передать ход его мысли: «Что такое *историческая закономерность*? Законы истории, прагматизм, связь причин и следствий — это все понятия, взятые из других наук, из других порядков идей. Законы возможны только в науках физических, *естественных*. Основа их причинность, категории необходимости. Явления человеческого общежития регулируются законом достаточного основания, допускающим ход дел и так и этак и по третьему, т. е. случайно. Для историка это безразлично (!). Для него важно не то, от чего что произошло, а что в чем вскрылось, какие свойства проявили личность и общество при известных условиях, в той или иной комбинации элементов общежития, хотя бы данное сочетание этих условий и элементов было необъяснимо в своем происхождении»²². Сходя с прагматических установок, Ключевский соскальзывает тут скорее всего на неокантианские позиции. Старый фундамент наивного материализма щাপовского толка, на котором громоздится плохо построенное, прагматически закрепленное здание его теоретических представлений с 60-х годов, не дает ли трещину? Не ощущает ли он под собой колеблющейся философской почвы? Ведь ему не удалось даже для себя самого и для «своих» объяснить, что делается сейчас в России. Царь бездарен, выбрал не тех министров, не разрешил назревших задач, а мог бы... И чиновников не так выбирают,

продажные души... И дальше пришлось бросить перо, — мысль не шла... Нарастающий революционный процесс ему все хочется понять как случайность. Ничего бы этого не было, если бы царское правительство правильно управляло... Не давит ли непонятая действительность на его сознание? Не проще ли ее — действительность — отвести от замоскворецких окон словом «случайность»? Всего бы этого могло не быть... Неправильно управляли... «Имея в виду, что история — процесс не логический, а народно-психологический, и что в нем основной предмет научного изучения — проявление сил и свойств человеческого духа, развиваемых общежитием, подойдем ближе к существу предмета, если сведем исторические явления к двум перемежающимся состояниям — настроению и движению, из коих одно постоянно вызывается другим или переходит в другое...»²³ Долгое рассуждение кончается «примером» крестовых походов, которые вышли «из религиозного настроения средневековой католической Европы» и которые могли бы и не быть «при другом состоянии Византии...»²⁴. В конце помечен «§ 3», вероятно, предполагалось развить мысль где-то тут, в совпадающем по проблематике § 3 вводной лекции. В разных записях проявляется охвативший историка кризис.

Революционное предгрозые врывалось в самый набор первого тома. Синодальная типография хотя и не бастовала, но в сентябре толпа в 1000 человек разбила, как мы помним, там окна и была разогнана казаками. Том запаздывал. Ждали его выхода в свет «к празднику» (к рождеству), но события задержали выход, и в сочельник 24 декабря 1903 г. Ключевский все еще пишет новый текст по тематике тома, более спокойный, еще надеясь вставить его в набираемый том. «Способы мышления и способы познания, законы логики и метафизические категории, конечно, сохраняют непререкаемую силу во всяком акте мышления и познания». Но «познающий ум» не всякой отраслью изучения овладел одинаково. «В науках, где предмет познается путем опыта и самонаблюдения, приложимы и закон достаточного основания, и формулы необходимости, причинности, требования закономерности и целесообразности: там наблюдение можно проверять опытом, т. е. искусственно созданным явлением или внутренним ощущением». Как видим, формулы Ключевского теперь несколько смягчены: закон достаточного основания признан действующим и в науках естественных, хотя возникшее как новая мысль противопоставление их историческим наукам и сохранено: «В науках, имеющих дело с историческим процессом, изучающий лишен таких методологических удобств: там наблюдение [над строкой: «здесь чужими глазами»] и аналогия наиболее действительные, если не единственные, средства познания». Далее после ряда подготовительных соображений автор приходит к выводу, что «требова-

ние причинности в историческом изучении преобразуется в искажение последовательности явлений». За этим следует компромиссный вывод: «Мы знаем, что в исторической жизни, как и во всем мироздании, должна быть своя закономерность, необходимая связь причин и следствий. Но при наличных средствах исторической науки наша мысль не в состоянии уловить эту связь, проникнуть в эту логику жизни и довольствуется наблюдением преемственности ее процессов»²⁵.

Как будто найден спасительный компромисс: и в истории есть свои законы, своя закономерность, только пока наша наука при своих «наличных средствах еще не в состоянии их изучить». Вроде бы обретен какой-то выход. Но тщетно ищем мы этих текстов или хотя бы этих мыслей во вводных лекциях ко всему «Курсу» в первом издании первого тома. Там их нет. Ключевский начисто снял свой кризис, оставив мучения внутри себя самого и не введя их в книгу. Он еще не решил этого вопроса для себя, он колебался и не счел возможным отражать свои колебания на страницах печатного «Курса». И только один осколок текста на 8-й странице первого тома напоминает нам о пережитых историком метаниях — только как же он их переиначил! Мы читаем в «Курсе»: «... исторические явления, в которых вскрываются и развиваются силы и свойства человеческой природы, доступны изучению, и если в их возникновении многое остается для нас неясным или кажется (теперь уже только «кажется»! — М. Н.) случайным, то их действие на склад человеческой жизни носит характер закономерного, необходимого отношения или достаточного основания»²⁶. Вот где осталось «достаточное основание», уже даже «для ясности» без слова «закон» и ничуть не ведущее к допущению того, что ход дел в истории человеческого общежития может идти «и так и этак и по-третьему, т. е. случайно»²⁷. Тут все спокойно, закономерность и необходимость остались на местах, определенных им мировоззрением 60-х годов, а закон достаточного основания вдруг стал неожиданно выглядеть почти как синоним закономерности. Несколькими страницами ранее развернутый тезис о глубоком единстве закономерностей человеческого общежития и природы, фактически не только снимавшийся бурей пережитого кризиса, а противопоставлявший науки естественные наукам историческим, остался на своем месте, непоколебленным: «Человеческое общежитие, — читаем мы в первом издании первого тома, — такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, и научное познание этого факта — такая же неустранимая потребность человеческого ума, как и изучение жизни этой природы»²⁸. В какой-то момент работы мысль о вставке нового рассуждения нацеливалась не на вводную лекцию, очевидно к рождеству уже набранную и отпечатанную в листах, а на последнюю — 20-ю лекцию, возможно еще бывшую в наборе.

Не вставить ли все это к началу лекции 20-й и последней в томе? Не остановиться ли на этом при характеристике удельного порядка, вплотную к итогам первого тома? И Ключевский готовит огромную вставку к последней лекции. В этой вставке мы читаем новое изложение тех же мыслей в дневнике, но уже обращенных непосредственно к читателю тома. Текст замечателен раскрытием лаборатории, приглашением читателя к участию в обсуждении вопроса: «Связь причин и следствий в исторической жизни образует историческую закономерность. Но не замечаете ли вы, что это все понятия, как будто взятые не из исторической жизни, а из другого порядка идей и явлений? Законы в смысле неизменных правил, которым следуют явления, возможны там, где последующее вытекает из предшествующего в силу необходимости. Историческая жизнь представляется свободной от такого абсолютизма логики. . . в явлениях человеческого общежития мы допускаем смягченную, ограниченную причинность, так называемый закон достаточного основания, допускающий ход дел и так и этак, то есть допускающий случайность явлений. . .»²⁹ Как видим, тут налицо прямое использование записи в дневнике. Далее агностическая формулировка о том, что в историческом развитии явления самых разнообразных порядков «вступают в столь сложные сочетания, что научная мысль пока останавливается перед ними, как перед неразобранными письменами. . .». Такой сильной формулы нет даже в дневнике. После этого мы читаем уже знакомое по дневнику положение, что исторические явления сплошь состоят из перемежающихся состояний: «*Настроения и движения*, из коих одно постоянно вызывается другим или переходит в другое»²⁹. Таким образом, мы наблюдаем «не причинность явлений, а последовательность движения или роста». Чувствуя, что он сокрушает то, что сам устанавливал раньше, Ключевский вынужден оправдать создающуюся ситуацию глубоким соображением о моральной стороне работы ученого: «Будем прежде всего искренни, откровенны с самими собой: откровенность это не все, что требуется в научном изучении, но это — первое, что в нем требуется». Однако мы не находим всей этой большой вставки ни в 20-й — последней — главе тома, ни во введении. Ключевский и ее вычеркнул из тома, воздержался от ее публикации, скорее всего в силу своих колебаний по существу вопроса, нежели в силу отказа от искренности и откровенности в науке.

Не приходится сомневаться, что все эти внутренние метания были по глубокой своей сути спором с историческим материализмом. Он не мог его принять, но и его собственные позитивные построения совершенно его не удовлетворяли. Он все еще искал ответа, и не мог найти.

После всего сказанного невозможно считать то, что напечатано во вводной лекции к «Курсу», действительной системой теорети-

ческих убеждений Ключевского. Он все еще искал их. Внутренняя жизнь ученого была поиском истины, поиском сложным и прерываемым нелегкими кризисами. В общем бедная и односторонняя эклектика, которая заполняет страницы вводной лекции, вовсе не исчерпывает его внутренней теоретической работы. Он не дал читателю во введении ни теоретической основы тех проблем, над которыми с известным успехом трудился (классы, социальная история русского общества), ни выявления тех кризисов мысли, в которых он метался, ища выхода (проблема законов и закономерного развития в истории).

Вторая лекция из числа четырех вводных была посвящена плану курса, развивала привычную соловьевскую схему о колонизации страны как основном факте русской истории и предлагала периодизацию истории России. В предпосылках обоснования своей периодизации Ключевский указывал, что главным критерием является упомянутая колонизация. «Периоды русской истории как главные моменты колонизации» — так назвал он этот пункт изложения, обезопасив свои периоды от нелюбителей нововведений, — развивается, мол, соловьевская схема. Но при ближайшем рассмотрении предложенной им периодизации нельзя не усомниться в этой стороне дела. Критерий «колонизации», как увидим, не выдержан до конца и не является единственным критерием, их у него несколько, как то и соответствует плюрализму признаваемых им главных факторов.

Ключевский разделил историю России на четыре периода. Колонизацию как главный, решающий критерий деления он понимал так: «Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны, пока, наконец, он посредством естественного зарождения или поглощения встречных инородцев не распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы. Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение народа по равнине и на каждой из которых наше общежитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке». Великодержавный характер схемы вне сомнений, но если бы дело исчерпывалось этой натянутой «колонизацией», «доставшейся» (от кого?) народу страны, то едва ли схема Ключевского заслужила бы такое внимание исторической науки, она оказалась бы достаточно тривиальной в ряду уже предложенных буржуазных систем. Критерии «колонизации» явно перекрывали те «господствующие факты» периода, которые, по Ключевскому, определяли его содержание и не имели прямого отношения к колонизации. Собственно, они-то и явились критериями периодов. Для каждого периода Ключевский, заявивший аудитории с самого начала, что сосредоточится только на двух типах явлений — политических и экономических (именно в этой последовательности приводит их

Ключевский!), будет называть оба «господствующих факта» — как тот, так и другой.

Далее разворачивается ярко сформулированная и свежо прозвучавшая в русской историографии периодизация, как увидим далеко не строго согласованная с его основным критерием и «господствующими фактами».

Первый период длился «приблизительно с VIII в. нашей эры до XIII в.». Главная масса русского населения сосредоточивалась на Среднем и Верхнем Днепре и его притоках с его историческим водным продолжением — линией Ловати — Волхова. Русь разбита на отдельные обособленные области, во главе каждой из которых — большой торговый город, являющийся как политическим, так и торговым центром. Это Русь *Днепровская, городовая, торговая*³¹.

Второй период длится «с XIII до середины XV в. приблизительно». Главная масса русского населения передвинулась на Верхнюю Волгу с ее притоками. Она политически раздроблена, «но не на городовые области, а на княжеские уделы». Господствующий экономический факт — вольный крестьянский земледельческий труд на алаунском суглинке. Это Русь *Верхневолжская, удельно-княжеская, вольноземледельческая*.

Третий период длится с половины XV в. до второго десятилетия XVII в. Главная масса русского населения «растекается» на юг и восток по «подонскому и средневожскому чернозему» и образует «особую ветвь народа — Великороссию, которая вместе с населением (каким? — М. Н.) расширяется за пределы верхнего Поволжья». Возникает единое политическое целое под властью Московского государства, управляемого государем при помощи боярской аристократии, бывших удельных князей и бояр. Экономический господствующий факт — по-прежнему «разработка старого верхневолжского суглинка» и «новозанятого средневожского и донского чернозема» посредством крестьянского труда, вольность которого уже «начинает стесняться по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия, военного класса, вербуемого государством для внешней обороны». Удивительным образом Ключевский еще не упоминает ни одной из форм зависимости работающего крестьянина от «служилого сословия» и обходится пока без этой проблемы. Это Русь *Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая*³².

Четвертый и последний период, по Ключевскому, длится «с начала XVII до половины XIX века» — русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Черного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала и даже проникает на юг и восток далеко за Кавказ, Каспий и Урал. «Политически все почти части русской народности соединяются под одной властью: к Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белорус-

сия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю». Всероссийская власть действует с помощью не боярской аристократии, а дворянства. «Основным фактом экономической жизни, — пишет Ключевский, — остается земледельческий труд, окончательно ставший крепостным, к которому присоединяется обрабатывающая промышленность — фабричная и заводская. Это — период *всероссийский, императорско-дворянский*, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского»³³.

Завершает свое рассуждение о периодизации автор неким итогом, в котором пересчитывает «еще раз эти периоды», обозначает их «по областям равнины, в которых сосредоточивалась в разные времена главная масса русского народонаселения: 1) днепровский, 2) верхневолжский, 3) великорусский, 4) всероссийский». Этот перечень отчетливее предшествующего ставит вопрос о разных критериях, на основе которых построена периодизация: первые два обозначены «по областям равнины», но третий выделен явно по национальному, а четвертый по политическому признаку. Это внутреннее противоречие так и остается свойственным периодизации Ключевского.

Однако сопоставляя периодизацию истории России, предложенную Ключевским, с делением на периоды, существовавшим до нее в русской историографии в больших обобщающих трудах, мы приходим к выводу, что она была наиболее проблемной и глубокой из них. За время развития истории русской исторической науки с XVIII в. до рубежа XIX—XX вв., т. е. от А. Л. Шлёцера до Ключевского, было выдвинуто не менее пяти периодизаций. Шлёцер усмотрел в истории России пять периодов, руководствуясь более всего политическим (промонархическим) критерием и датами рубежей княжений и царствований. Периоды эти таковы: 1) *Россия рождающаяся* (*nascens*) — от 862 г. до Святополка (862—1019 гг.); 2) *Россия разделенная* (*divisa*) — от Ярослава до монголов (1240 г.); 3) *Россия угнетенная* (*oppressa*) — от Батыя до Иоанна III (1240—1462 гг.); 4) *Россия победоносная* (*victrix*) — от Иоанна III до Петра (1462—1682 гг.); 5) *Россия процветающая* — от Петра I до Екатерины II (1682—1796 гг.). В периодизации Шлёцер довел обобщение почти до своей современности (он умер в 1809 г.). Границы периодов он всюду обозначил с точностью до одного года, выдавая свой преобладающий принцип вокняжений и воцарений. Шлёцерово деление сменила в первой четверти XIX в. периодизация Н. М. Карамзина — он остался верен тому же принципу вокняжений и воцарений, однако не без остроумия и изящества соединил его с общепринятым на Западе делением истории на древнюю, среднюю и новую: периодов у него было соответственно этому три: 1) *древняя история* длилась от Рюрика до Иоанна III (862—1462 гг.); 2) *средняя история* охватывала время от Иоанна III до Петра I (1462—

1682 гг.); 3) *новая история* простиралась от Петра I до Александра I (1682—18... гг.) — последний год Карамзин, также доведший периодизацию до своей современности (Александр I еще царствовал), естественно, не мог обозначить. Сжато и литературно легко Карамзин определил суть деления: «История наша делится на древнейшую от Рюрика до Иоанна III, на среднюю от Иоанна до Петра и новую от Петра до Александра. Система уделов была характером первой эпохи, единовластие — второй, изменение гражданских обычаев — третьей»³⁴. Пояснение это с головой выдает историка: деление по княжениям и царствованиям он попытался мотивировать политической формой власти, наспех применил «систему уделов» даже к Рюрику, заменил ее для следующего периода «единовластием» и далее запнулся: «гражданские обычаи» никак не шли в логическом русле с предшествующими критериями, а самодержавие, сиречь «единовластие», никто «от Петра до Александра» не отменял. Чувствуя слабость характеристик, Карамзин поспешил добавить к предшествующим словам неясную оговорку: «Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем»³⁵. Трудно пояснить, что именно он имел в виду.

Следующей по времени в историографии была периодизация не очень-то удачливой Н. Полевого, о незаконченном труде которого можно бы и не говорить, если не выдавалось бы существо его замысла: он взялся писать труд по истории *народа*. Правда, замысел не удалось воплотить — автор не вышел за пределы тех же царствований и их дат, хотя не без гордости оговорил свою позицию: «Я не принял для периодов истории русского народа ни деления Шлёцера, ни деления Карамзина и вследствие основной мысли (очевидно — истории *народа*, а не государства. — М. Н.) главы истории делил не княжениями, но событиями»³⁶. Однако далее следуют грани: первый период — с призвания князей до смерти Ярослава, второй кончается татарским нашествием, третий завершается восшествием на престол Иоанна III, четвертый длится до воцарения Петра I, а последний — пятый — с Петра до «нашего времени». Конечно, и «призвание князей» и «татарское нашествие», и воцарение Иоанна III — все это «события». Однако новизны что-то не получается.

Далее следовала огромная фигура Соловьева, историка, желавшего, как известно, «не делить, не дробить русскую историю», а понимать ее как цельный процесс: «Для нас предметом первой важности была смена старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, от чего зависело единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка»³⁷. Отсюда у него — историка прежде всего Российского государства и противника дробления на периоды — фактически возникало три этапа развития: первый — с призвания князей до возвышения се-

верной Руси; второй — до пресечения династии Рюрика и третий — династия Романовых. Периодизация эта начисто изжила себя, пожалуй, уже в момент своего обнародования и во всяком случае к середине века. Другой периодизации в больших обобщающих трудах до Ключевского не было. Только на этом фоне можно историографически правильно и высоко оценить периодизацию, предложенную в его «Курсе» впервые, судя по литографиям, в 80-х годах, уже через несколько лет после смерти Соловьева.

Периодизация Ключевского прежде всего расставалась с датами княжений и царствований как с рубежами больших исторических периодов. Она была проблемной. Колонизация страны как первый ее критерий была, правда, с нашей точки зрения, наиболее слабым местом, но зато не вызывала сомнений у современников — ровесников. Период «днепровский» и следовавший за ним «верхневолжский» ставили сразу вопрос: что же случилось с Киевской Русью? Ведь не вся же она переехала в Окско-Волжский бассейн, кто-то остался на месте, существовал, работал, организовывал систему управления. История Киевской Руси кончалась у Ключевского как-то катастрофически, и лишь в XVII в. Великая Русь приходила спасать Малую по договоренности с Богданом Хмельницким, причем оставалось неясным, что же было в промежутке с Малой Русью. Даже студентов в годы учения П. Н. Милюкова смущала эта яркая «драматизация», возбуждая сомнения: «Когда занавес, опущенный в Киеве, открывается на «волжском суглинке», сам исследователь предвидит вопрос: откуда эта новая сцена и где осталась старая, что случилось с ее обитателями? В. О. Ключевский, — продолжает Милюков, — вводит тут интермеццо: старая сцена быстро пустеет с уходом всего населения на запад и на северо-восток. Как ни ярка картина... как ни остроумны сопоставления историка, доказывающего наличие катастрофы, мы не рискуем пойти за ним до конца...»³⁸ А далее «великорусский» и особенно «всероссийский» периоды вновь ставят вопрос: тот ли это самый процесс колонизации, который двинул массы русских переселенцев с днепровского чернозема на окско-волжский суглинок или Российская империя осваивала Крым, Кавказ, а потом и Среднюю Азию несколько более сложными способами? При всем этом проверялся соловьевский критерий колонизации как процесса «естественного» роста народа в «доставшейся» ему стране, возбуждался интерес к процессу и в полезных спорах с решениями автора новой периодизации — пример мы видели уже в лице студенчества, слушавшего Ключевского в первые годы его преподавания в Московском университете. Но принципиальная новизна периодизации была не в этом, а в следующих двух ее критериях, в трактовке двух «основных фактов», второго и третьего критериев — политического и особенно эконо-

мического. Первый, вообще говоря, был не нов — как ни поверхностно было старое деление на периоды, касаясь царствований, оно касалось политики. Но трактовка «больших торговых городов» в областях Киевской Руси как главного политического факта была, конечно, очень новой — именно этот город явился, по Ключевскому, «устроителем и руководителем политического быта области», — и лишь потом он «встретил соперника» в «пришлом» (а не коренном!) князе, но и при нем не потерял важного значения. Тут читатель, знакомый с творческой историей Ключевского, почувствует, конечно, и не названных «старцев градских», и вече, но само упоминание о «большом торговом городе» как о политическом центре было новым и притягивало внимание. Современная нам историческая наука оспорит картину — снизит оценку города, увидит земледелие как основное занятие и, главное, феодальные отношения. Но современникам Ключевского, привыкшим к поверхностной периодизации «от Рюрика до Иоанна III», было внове думать над вопросом: большой торговый город в древней Руси, был ли он и являлся ли политической силой? Обаяние проблемы было настолько сильно, что ученик Ключевского марксист М. Н. Покровский, только что размежевавшийся с ним, рассматривал время Киевской Руси как период торгового капитала. Если во втором периоде у Ключевского на месте «господствующего политического факта» стояло «удельное дробление» под властью князей, что в общем не было новым, то господствующий политический факт третьего периода — Русь «царско-боярская» — был относительно смел по формулировке: тут говорилось не только о привычных великом князе или царе, но и о боярах, с сопутствующей царскому управлению Боярской думой — «маховым колесом» управления от древних времен до Московского государства. Царь, каким бы единодержавцем он ни рисовался Сергеевичу, у Ключевского был сопровождается обязательной боярской аристократией с ее правом («конституционным», но без конституции!) на власть. «Всероссийская власть» четвертого (и последнего) периода «действует уже с помощью не боярской аристократии, а военно-служилого класса, сформированного государством в предшествующий период, — дворянства». Обронив «мимоходом» термин «класс», уклонившись от «сословия», Ключевский все же провел в обоих последних периодах идею какого-то неписаного «конституционного» участия в правительственной власти такого-то «класса», хотя теоретически это отрицал. Таким образом, в периодизации Ключевского тривиальный момент княжения или царствования такого-то лица был устранен как рубеж большого периода и заменен концепцией прикосновенности власти к истории общества, причем признаком периода становилось историческое изменение социальной опоры власти. В этот прорыв привычной концепции широко входила проблема социальной исто-

рии Руси и России — это было в науке того времени ново и плодотворно. Да, Ключевский продолжал, споря с фактами, одновременно отстаивать внеклассовость государства и единственную его цель — служение общему благу, в этом было глубокое противоречие его буржуазного мировоззрения. Но введя даже в периодизацию не просто власть такого-то князя или самодержца, а социальные силы, с ним связанные, он сильно продвинул вперед проблематику русской истории.

Пожалуй, еще более последовательным он был в «господствующем экономическом факте», который как критерий периодизации русского исторического процесса был в академической науке русской истории совершенно нов. Русь Днепровская была у него Русью торговой, даже «внешнеторговой», могли бы мы добавить, поскольку Ключевский господствующим фактом экономической жизни за этот первый период признавал именно внешнюю торговлю «с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством (лесным пчеловодством)»³⁹. Современный советский историк не согласится с этим. Ключевский в «Курсе» как бы «не заметил» ни земледелия Киевской Руси и связи с ним основной массы трудового населения, ни феодальной сути закабаления крестьянства — процесса, явственно развивавшегося. Но историографически дело было своеобразно сделано — у каждого исторического периода должен был быть свой «господствующий факт экономической жизни», обосновывающий периодизацию. Измерять цену этого нашим сегодняшним отношением к избранному факту нельзя, важнее было само требование экономического факта, хотя и поставленного на последнее — третье — место в числе необходимых критериев.

Вникая в «господствующие экономические факты» последующих периодов, мы удивляемся позднему появлению такого признака периодизации, как феодальной (по нашей терминологии) зависимости крестьян. До XV в. крестьянская Русь, давно платящая оброки и работающая барщину и князю, и боярину, и монастырю, все еще называется у Ключевского Русью «вольно-земледельческой». «Господствующим фактом экономической жизни является сельскохозяйственная, т. е. земледельческая, эксплуатация алаунского суглинка посредством вольного земледельческого труда», — не обинуясь пишет Ключевский⁴⁰. Лишь в предпоследнем — четвертом — периоде крестьянин, теперь уже и по Ключевскому, зависим и угнетаем: «его воля начинает стесняться по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия, военного класса, вербуемого государством для внешней обороны»⁴¹. Лишь не вполне ясный термин о Руси «военно-земледельческой» заменяет в третьем периоде выражение «вольно-земледельческая», употребленное для второго периода. Только в четвертом периоде — с начала XVII до половины XIX в. — он призна-

«основным фактом экономической жизни земледельческий труд, окончательно ставший крепостным, к которому присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская». Формулировка, так сказать, задним числом признает постепенное становление крепостным крестьянского труда в предшествующем, третьем периоде. Но введение в состав «основного факта экономической жизни», полагаемого в основу периодизации, развития фабрично-заводской промышленности было еще одной принципиальной новацией. Такого в обобщающих периодизациях истории России до Ключевского еще не делал никто.

Развитие социальных наук уходило в то время далеко вперед. Учение Карла Маркса завладевало самыми передовыми позициями. В 1899 г. вышла основополагающая книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», озарившая светом марксистской теории пореформенный период, капиталистическое развитие России, проблему образования внутреннего рынка для крупной промышленности, поставив по-новому, с историко-материалистических позиций, проблему классов в новейшей истории России. Перед русской исторической наукой вставала проблема социально-экономических формаций.

Едва ли Ключевский сознавал это движение науки в целом, оставаясь по ту сторону баррикад. Но глубокий его интерес к социальному процессу и экономике был связан с движением времени. Сферой его исследования были более ранние периоды, предреформенная Россия была в его «Курсе» крайним тематическим рубежом. Периоды Ключевского занимали в истории России целое тысячелетие. Появление в начале нового, XX века «Курса русской истории» оказалось важным научным событием. «Курс» обогащал своих слушателей и читателей многими сведениями и выводами о социальном строе и экономике, но вместе с тем возбуждал острые теоретические дискуссии.

Продолжая свой внутренний спор с историческим материализмом, Ключевский нарочито остановился в той же вводной лекции (2-й), где изложил свою периодизацию русского исторического процесса, на взаимоотношении политических и экономических фактов. Исторический материализм относит экономику к базису, политические явления — к надстройке. «Жизнь политическая и жизнь экономическая, — писал Ключевский, — это различные области жизни, мало сродные между собою по своему существу. В той и другой господствуют полярно противоположные начала: в политической — общее благо, в экономической — личный материальный интерес». Дальнейший ход мыслей приводил к эклектическому выводу, что эти вечно борющиеся начала «на нравственной почве» могут установить «соглашение» и даже в ряде случаев установить между собой «справедливое равновесие». Оказывается, «то или другое отношение между ними устанавливается степенью развития

общественного сознания и чувства нравственного долга». Эти беспомощные идеалистические рассуждения поражают еще и крайней поверхностностью. Как всегда, у Ключевского в случаях особо зыбкой почвы его логических рассуждений сейчас же следует отвлечение теоретической мысли, аннулирующее важность рассматриваемого вопроса: «Я хочу сказать, что факты политические и экономические полагаю в основу курса по их значению не в историческом процессе (1), а только в историческом изучении. Значение это чисто методическое (?). Умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человеческого развития». Эти слова — отражение методологических колебаний и неуверенности автора. Методологическое значение измеряется соответствием результата исследования действительности. Оговорки должны обезопасить неуверенного в себе автора от критики как справа, так и слева ⁴².

Но автор не уклонился от мнения по острому вопросу: «Научные наблюдения и выводы, какие мы сделаем при этой работе, должны ли остаться в области чистого знания, или они могут выйти из нее и оказать влияние на наши стремления и поступки? Может ли научная история отечества иметь свою прикладную часть для детей его?» ⁴³ Он, не колеблясь, давал положительный ответ: «Я думаю, что может и должна иметь, потому что цена всякого знания определяется связью с нашими нуждами, стремлениями и поступками; иначе знание становится простым балластом памяти, пригодным для ослабления житейской качки разве только пустому кораблю, который идет без настоящего ценного груза». Читатель, естественно, ждет какого-то практического вывода, граничащего по крайней мере с актуальными политическими или экономическими проблемами времени, нерешенными задачами, для которых пригодится знание истории родины. «Практической» и «прикладной» целью истории Ключевский считает «изучение исторической личности народа», это «основной предмет изучения его истории», а «историческое призвание народа» выражается в том мировом положении, какое он создает себе своими усилиями, и в той идее, какую он стремится осуществить своею деятельностью в этом положении». Как видим, оспорив в свое время Гегеля, Ключевский вновь скатывается на идеалистические позиции.

Ранее, говоря о курсе «Методологии», уже приходилось отмечать источники эклектического построения Ключевского. Тут и элементы идеалистических утверждений гегельянства, и позитивистские положения Огюста Конта, и системы телеологического свойства, и теория органического развития Спенсера, и некоторые положения Лаврова, и материализм Бокля и Шапова. Розыски источников этой эклектики, на мой взгляд, представляют мало интереса.

Увы, эклектическое сочетание положений, заимствованных из разных историко-философских систем, даже оценено позитивно самим Ключевским. Так, он обращает внимание читателей в первой же лекции на то, что «в *Древнем праве Мэна* и *Античной городской общине* Фюгель де Куланжа предмет одинаков — родовой союз; но у последнего этот союз рассматривается как момент античной цивилизации или как основа греко-римского общества, а у первого — как возраст человечества, как основная стихия людского общежития». На чью же точку зрения встанет Ключевский? — готов спросить читатель. — Ведь теоретические системы того и другого глубоко различны. А на обе! И та и другая хороши. Он так и пишет в первой лекции: «Конечно, для всестороннего познания предмета желательно совмещение обеих точек зрения в историческом изучении...» При этом он, признавая обе, присоединяет к ним еще и третью — социологическую точку зрения, которую предпочитает.

Интересен вопрос: что же сам Ключевский думал о своих методологических корнях? Редкое свидетельство об этом сохранено Р. Ю. Виппером в некрологе, посвященном историку. Студентов, как пишет Виппер, «занимало выяснить, у кого же научился Василий Осипович искусству исторического прозрения. Когда я раз спросил о том В. О., он ответил указанием на два источника: один — «История цивилизации» Гизо, другой — впечатления, вынесенные В. О. как студентом в годы освобождения крестьян. Ответ был очень интересен в качестве автобиографической характеристики»⁴⁴.

Исторические «силы» и «элементы» мы встретим и у Б. Н. Чичерина, и у других представителей государственной школы как общеупотребительные и тривиальные термины. Влияние методологических соображений Чичерина на теоретические положения Ключевского вообще значительно.

В целом, историко-теоретическое введение Ключевского было бледным, путаным и беспомощным по отношению к главным вопросам — законам движения исторического процесса и соотношения исторических явлений. Что движет историей и что лежит в основе движения, оставалось непостижимым для автора. Но, как увидим далее, все последующее историческое повествование имеет самую слабую связь с его философией истории, только что изложенной. Любопытнейшей стороной этой философии является то, что она почти что не нужна самому автору. Он, как правило, забывает о собственных теоретических устоях и ведет изложение, не считаясь с предпосланными «Курсу» соображениями, по его теперешнему определению, общеизвестными и «элементарными».

Теоретические вопросы, с течением времени все глубже его интересующие, лежат объективно в области социальной структуры и развития «классов» русского общества, и в области «классовой

природы» государства, и роста демократических общественных требований. Но всех этих теоретических рассуждений Ключевский во введении не напечатал.

Отсталость России приковывала внимание Ключевского. По его мнению, Россия образовала государство, по размерам и мировому положению невиданное «со времени падения Римской империи», но по духовным и материальным средствам ее народ «еще не стоит в первом ряду среди других народов». Причина — «неблагоприятные исторические условия», задержавшие этот рост: «Мы еще не начинали жить в полную меру своих народных сил», мы не можем соперничать с другими ни в научной, «ни во многих других областях». Нам нужно знать, чего не успели сделать предки — «их недоимки — наши задачи, т. е. задачи вашего и идущих за вами поколений». Мы видим, что он уже не питал надежды на свое уходящее со сцены поколение⁴⁵.

В литографированном курсе 1895 г. (изданном В. П. Николаевой) в этом месте находился текст значительной остроты, опущенный Ключевским в печатном издании «Курса». Объясняя исторические причины культурной отсталости России, историк писал: «Заброшенный между Европой и Азией среди леса и степи, вдали от старого образованного мира, русский народ не нашел в доставшейся ему стране никакой культурной подготовки, ни преданий, ни даже никаких развалин и многие века должен был тратить большую часть своих усилий на два грубых дела» — на «первичную разработку своей страны, с бою уступавшей человеку свои дары, и на изнурительную оборону от хищных степных соседей...». В этом тяжелом труде «научные знания и технические средства культурного мира перехватывались спешно и случайно через русского купца, а потом византийского священника...». Государство во имя «общенародного блага» так много забирало от человека «в виде податных и военных повинностей», что для него самого, для его развития и благосостояния оставалось очень мало: «С поля, из леса или степного похода древнерусский человек приносил в свою дымную и грязную избу усталые силы и встречал здесь самые первичные нужды и непосильные материальные заботы». В этих строках веет радищевским духом, хотя в осторожных скобках значится: Котошихин⁴⁶. Недаром после смерти Ключевского немало учеников открывало его литографии и цитировало тексты, говоря о «гражданских идеалах» учителя. В «Курсе», проявляя осторожность, Ключевский не говорил всего того, что хотел сказать.

Над вводными лекциями ко всему «Курсу» Ключевский чрезвычайно много трудился, написал обе первые лекции в сущности заново. Кончая лекцию о периодизации, он вновь дал несколько абстрактных формул, которые слушатель при желании мог самостоятельно заполнить острым содержанием. Историю надо знать

как хранилищу опыта для выработки правильного общественного идеала: «Это тем необходимее, что мы живем во время, обильное идеалами, но идеалами, борющимися друг с другом, непримиримо враждебными». Далее он вычеркнул следующий литографированный текст: «Правильный выбор между ними невозможен без исторического изучения, которое только и может показать, какие из предполагаемых порядков общежития ниже наличных средств народа и какие выше их, не под силу народу, чтобы знать, куда и как идти, нужно знать, откуда и как мы пришли». Он заменил этот текст другим, закрепленным во всех изданиях «Курса», — о необходимости знать свое прошлое, поскольку это «не только потребность мыслящего ума, но и существенное условие сознательной и корректной деятельности», это дает «тот глазомер положения, то чутье минуты», которые предохраняют человека «как от косности, так и от торопливости». Это было менее ясно, но более осторожно. Но концовку главы — с призывом к гражданской активности — он оставил: «Определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательным и добросовестно действующим гражданином»⁴⁷.

Вводный отдел к «Курсу» завершался двумя более спокойными и отработанными автором лекциями (3-й и 4-й), посвященными географическому фактору в истории страны. Подчеркивая его значение, Ключевский шел за Боклем и его школой, но одновременно учитывал и соображения А. П. Щапова, которого очень ценил. В описательной стороне формы поверхности Европейской России, климата, геологического происхождения равнины, почвы, ботанических поясов, рельефа и прочих особенностей страны историк, конечно, не был оригинален и систематизировал сведения из специальной и справочной географической литературы, используя подчас и последнюю, из газет почерпнутую информацию (так, сведения о территории болот и количестве осушенных десятин земли заимствованы были из «Московских ведомостей» за 1900 г.). Выделяются художественностью изложения вопросы влияния особенностей природы на историю страны — воздействие леса и степи, особая дружба русского человека с рекой. «Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, общаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение. Так разнообразна была историческая служба русской реки». Но трудовая деятельность непосредственного производителя не затронута Ключевским во введении.

Ключевский завершает лекцию весьма современной проблемой: «Рассматривая влияние природы на человека, надобно видеть и

действие человека на природу» — опасно истощение природных ресурсов и нарушение человеком равновесия в природе и «естественного соотношения» (овраги и летучие пески служат ярким примером вредности этого нарушения). Этим закончилась вводная часть к «Курсу» в целом.

«Теперь можем начать самый „Курс“, — этой фразой завершал Ключевский введение⁴⁸.

4

Кроме вводных глав, в первый том «Курса русской истории» вместился весь первый ее период, обозначенный Ключевским в периодизации как «Русь Днепровская, городовая, торговая», а также половина текста о втором периоде, названном «Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая». Все это вместе заняло 15 лекций, из которых 11 посвящены первому периоду и всего 4 — указанной части второго. Как сказано, Ключевский не считал нужным или возможным сосредоточить тома строго в пределах названных периодов, а делил их пока что по числу лекций.

Разбирая концепцию, развернутую в первом томе, отметим прежде всего, что нового предложил он по сравнению со своим замечательным предшественником С. М. Соловьевым. Собрав огромный свежий фактический материал, извлеченный им из архивов, Соловьев впервые показал древнейший — Киевский — период истории Руси и удельные времена в свете большой, обуревавшей его — гегельянца по своим философским позициям — проблемы перехода родовых отношений в государственные. Период от Рюрика до Андрея Боголюбского Соловьев считал временем развития родового строя — это и давало ему основания уйти с головой в историю отношений между русскими князьями «Рюрикова дома» (тема его огромной докторской диссертации), раскрыть все тайны «очередного порядка», занятия по очереди княжеских столов и передвижений князей с одного княжения на другое по сложной степени родового старшинства. Позже этот тезис был сильно оспорен, поскольку предполагалось согласие веча на определенного князя (В. И. Сергеевич), а вече не считалось с родовым старшинством. Но авторитет Соловьева был столь велик и предложенное им объяснение так удобно, что соловьевская концепция довольно прочно держалась в академической исторической науке. Глубоко сосредоточившись на князьях, их связях, столкновениях, усобицах, занятии княжеских столов, съездах, спорах о власти, Соловьев вводил читателя в историю эпохи именно с этой стороны; его не интересовали — ни в Киевской Руси, ни в удельном времени — ни народные массы, ни их борьба, ни вопросы экономического развития. Тома «Истории

России с древнейших времен», трактовавшие эти вопросы, были выпущены еще в дореформенное время. К моменту выхода «Курса» Ключевского они были уже достаточно устарелыми — прошло более полувека.

Рассматривая удельное время от Андрея Боголюбского до Ивана Калиты как следующую ступень в продвижении от родовых начал к государственным, Соловьев определял его как переходный к государственной идее период, в этом был смысл этих двух ступеней в истории развития России. Чтобы вникнуть в это торжественно медленное шествие от родового «начала» к государственному, надо было одолеть несколько огромнейших томов. Ключевский, не отказываясь от учета родовой очередности — наследования и передвижения по княжеским столам, отодвинул эту тему с первого плана и дал более сложную проблематику эпохи. Он отказался от изложения истории «по князьям» и дал Днепровскую Русь как городовую и торговую. Он впервые попытался в общей истории России раскрыть хозяйственную жизнь Киевской Руси, ее экономику, внешнюю торговлю — это было ново. Он прямо поставил вопрос о социальных отношениях, о разных группах общества Днепровской Руси — и не только о привилегированных, но в какой-то мере и об угнетенных, особенно выделив вопрос о рабовладении и социальном неравенстве. Сам политический строй древней Руси он взял в своем анализе с иной, чем Соловьев, стороны, обратив внимание на хозяйственную деятельность князей, их торговые интересы и взаимоотношения с городами. Последние, по Ключевскому, были крупными и богатыми хозяйственными центрами. Представители городов сидят в совете князей. Историк органически вплел в изложение научный анализ главных источников эпохи — летописей и «Русской Правды», подняв в этом отношении уровень изложения и как бы пригласив читателя продумать источники и творчески участвовать в работе. Все это Ключевский развернул на протяжении одного компактного тома, вполне посильного для чтения всякого интересующегося историей человека. Таким образом, первый том Ключевского во многих отношениях двигал вперед историческую науку, расширял круг ее проблем, ставил новые вопросы по сравнению с его предшественниками.

Многие из этих новых вопросов Ключевский решал неправильно, ряда важных проблем не заметил совсем. У него фактически нет трудовых людей — земледельцев Киевской Руси. Его яркий парадокс, что Русь-де бойко торговала, сидя на днепровском черноземе, и стала усиленно пахать, перейдя на окско-волжский суглинок, построен искусственно; надо было закрыть глаза на приднепровского пахаря и забыть о простом вопросе — каким же образом Киевская Русь существовала, чем питалась, во что одевалась, как строила простые жилища — все это Ключевский как-то опустил,

с увлечением следя за богатыми торговыми караванами, груженными кунными мехами, идущими «из варяг в греки», в Царьград, для большой торговли, охраняемой вооруженными воинами князя. Концепция богатой торговой Киевской Руси была разработана еще в «Боярской думе» и в сжатом виде передвинута в «Курс».

Относя начало русской истории к VI в., Ключевский считал, что прежде, чем восточные славяне с Дуная попали на Днепр, они сделали промежуточную стоянку на Карпатских склонах. Тут образовался в VI в. большой военный союз под предводительством князя дулебов. «Второй начальный факт» нашей истории — последующее расселение славян с Карпатских склонов по равнине. Разложение родового строя происходит в процессе расселения. Постепенно во главе областей становятся города.

Следующей ступенью развития является призвание варягов и укрепление их в качестве власти. Ключевский в «Курсе» выглядит как несомненный норманист. Рассматривая варягов сначала просто как нанятую для охраны чужеземную военную силу, он далее склонен трактовать их в сущности как завоевателей славян, укрепившихся над завоеванным народом. Эту концепцию мы уже рассматривали при анализе истории сословий.

Защита норманизма от посягательства инакомыслящих была ясно выявленной официальной позицией: царствующая династия находила ее и политически благонадежной. Почти вся официальная наука XIX в. отмечена принятием норманистских выводов — от Карамзина до Соловьева. Ключевский здесь выглядел солидарным с большинством. Советские историки, отвергая норманистскую концепцию, стоят на других позициях. Но оценивая точку зрения Ключевского, можно сделать некоторые оговорки. Нельзя сказать, что в споре с ожесточенным антинорманистом Д. И. Иловайским вполне ясна позиция Ключевского. Нападающим был Иловайский, Ключевский оборонялся. Но Ключевскому в этом споре как-то «не хочется» быть антинорманистом, и он ловко обходит основу вопроса. Определяя свое мнение по той или иной стороне спора, он сопровождает это рефреном: при чем тут норманизм? О каком норманизме речь? ⁴⁹ Он не признает причастности своих положений к норманизму, сводя столкновение к спору о частных фактах. Прав М. Н. Тихомиров, отмечая, что Ключевский первым нанес удар норманизму, утверждая существование государства на Руси еще в VIII в. ⁵⁰ Добавим, что признание первым славянским политическим союзом, положившим начало русской истории, военного союза восточных славян на Карпатах также не вписывается в рамки типичных норманистских положений.

Особенно любопытно в первом томе «Курса» положение исконности понятия «капитал». Ключевский, как и следовало ожидать,

не обинуясь, находит его в «Днепровской Руси», повторяя свои прежние выводы. Подчеркивая, что «привольная жизнь общественных вершин держалась на юридическом принижении масс простого народа», Ключевский говорит, что эту приниженность обостряло резкое имущественное неравенство «между классами русского общества по большим городам XI и XII веков». Начальная летопись вскрывает перед нами эту социальную черту, «обычную особенность быта, строящегося усиленной работой торгово-промышленного капитала». В политической жизни «Руси Днепровской» основной могущественной силой был торговый город со своим вечаем, а в частном гражданском общегитии «является тот же город с тем, с чем он работал, с торгово-промышленным капиталом». Разбирая особенности «Русской Правды», Ключевский приходит к выводу, что источник носит «черствый мещанский характер», что капитал в нем — «самая привилегированная особа». «„Русская Правда“ — кодекс капитала». Любопытно сопоставить с этим и тот перевод некоторых мест «Русской Правды», который Ключевский диктовал студентам во время своих семинарских занятий (он записан учеником Ключевского Н. А. Рожковым). Вот, например, перевод 11-й статьи «Русской Правды» по Троицкому списку («А въ сельском тивунѣ, княжѣ, или въ ратайнѣмъ, то 12 гривен, а за рядовича 5 гривенъ, такоже и за боярескъ»): «За княжого приказчика сельского или земледельческого — 12 гривен; за княжого наемного рабочего (рядовичи) — 5 гривен, столько же и за боярского приказчика и наемного рабочего». Любопытно, что в «Курсе» термин «закуп» Ключевский переводил также словами «наемный рабочий» («...о стремлении наемных рабочих, закупов, выйти из своего тяжелого юридического положения...») ⁵¹.

Недаром позже М. Н. Покровский в споре с М. В. Довнар-Запольским утверждал, что идея об основной роли торгового капитала, торговли, промыслов в Киевской Руси вовсе не нова и принадлежала еще В. О. Ключевскому ⁵².

«Все они („добрые буржуа“. — М. Н.), — писал К. Маркс в письме к Анненкову, — не понимают, что буржуазный способ производства есть историческая и преходящая форма, подобно тому как исторической и преходящей была форма феодальная. Эта ошибка происходит оттого, что для них человек-буржуа является единственной основой всякого общества, оттого, что они не представляют себе такого общественного строя, в котором человек перестал бы быть буржуа» ⁵³.

Феодальный строй в России Ключевский отрицал и уделил этому отрицанию место в «Курсе» и в дневниках.

Передвижение населения (процесс колонизации!) из Поднепровья в Волжско-Окский бассейн и разрыв народности «на́двое» сопровождался, по Ключевскому, в области экономической переменой капитала: «Капитал, который создан был и поддерживался

живой и давней заграничной торговлей киевского Юга, на суздальском Севере в те века является столь незначительным, что перестает оказывать заметное действие на хозяйственную жизнь народа».

Но у Ключевского нет проблемы стадий хозяйственного развития, еще менее — общественно-экономических формаций. Подчеркивая наличие и функционирование капитала в «Руси Днепровской», существование там и владельцев огромных богатств, обладателей капитала, и наемных рабочих, он совершенно чужд понятия капитализма как системы общественно-экономических отношений. Поэтому спокойно рядом с капиталом он ставит рабовладение в Киевской Руси как важную отличительную черту, «первоначальный юридический и экономический источник русского землевладения»⁵⁴, а в перечне пунктов своего плана отмечает «успехи рабовладения и порабощения», хотя одновременно оговаривается, что до конца X в. господствующий класс русского общества «остается городским по месту жительства»: не думает о землевладении и вполне доволен «житейскими выгодами» от управления и торговли. Но нет сомнений, что вспыхнувшая было в советское время дискуссия о рабовладельческом характере Киевской Руси все же в какой-то мере восходила к Ключевскому, как одновременно почерпнула в его концепции свои аргументы и теория «торгового капитализма».

Причины упадка и распада Киевской Руси Ключевский видит прежде всего в антагонизме имущих и неимущих, в огромных богатствах, скопленных правящим классом за счет порабощенного населения: «... экономическое благосостояние и успехи общежития Киевской Руси куплены были ценою порабощения низших классов; привольная жизнь общественных вершин держалась на юридическом принижении масс простого народа», — это слова Ключевского⁵⁵. Напрасно читатель первого тома будет сопоставлять эти строки с теоретическим введением: о классах и классовом порабощении во введении нет ни слова, а вот объяснить распад Киевской Руси историк считал нужным с этих позиций, теоретически им не освещенных.

Половецкие набеги были, по Ключевскому, другой причиной упадка Киевской Руси.

Начался новый этап колонизации — двумя потоками. Один шел к западу, в район Карпатской Руси, древнего, по Ключевскому, месторождения первого военного союза восточного славянства. Другой — «северо-восточная струя русской колонизации» — «источник всех основных явлений, обнаружившихся в жизни Верхневолжской Руси с половины XII века»⁵⁶.

Историю Киевской Руси Ключевский кончает катастрофой. Он, почти всегда опускающий вопрос о татарском нашествии, тут вынужден бегло упомянуть и о «татарском разгроме». Уклонив-

шись от этнографического анализа и каких-либо лингвистических соображений, он говорит о последовавшем затем постепенном образовании «малорусского племени» и формировании «великорусского племени» в бассейне Верхней Волги. Таким образом, по его концепции, «коренной факт» изучаемого периода, хотя и «скрытый», состоит в том, что «русская народность, завязавшаяся в первый период, в продолжение второго разорвалась надвое».

Но через несколько столетий «главная масса русского народа», отступившая к северу, соберет там свои силы, окрепнет «в лесах Центральной России» и, вооружив свою народность силой сплоченного государства, опять придет на днепровский юго-запад, «чтобы спасти оставшуюся там слабейшую часть русского народа от чужеземного ига и влияния». Это очень существенный стержень концепции Ключевского⁵⁷.

Посвящая особенностям великорусов целую лекцию, Ключевский поместил в ее конце получившую широкую известность характеристику «племенного характера великоросса» с его тесной связью с жизнью природы, народнохозяйственными приметами, отразившими годичный круг сельскохозяйственных трудов, с наклонностью «дразнить счастье», играть в удачу, что и есть великорусское «авось». Сказано и о «заднем уме», необщительности, вечных колебаниях (свойства самого Ключевского!). Тут немало от реминисценций Буслаева. Еще первокурсником студент Ключевский, можно сказать, положил начало «заготовкам» этой лекции, только там они были больше пронизаны скепсисом: «Русский человек, — пишет первокурсник другу П. Гвоздеву, — потерт жизнью, потерт и друзьями и недругами и дорого купил свою опытность, практичность; он нуждой разочаровался в жизни... любя свой вековечный «авось» и «как-нибудь», лишь бы разделаться с делом. Нужда выучила его жить «себе на уме» и смотреть на все с высоты полатей»⁵⁸. В лекции это сказано в ином тоне, более поэтичном, менее резком, возвышенном. Но там нет упомянутой здесь «практичности», мы сказали бы «деловитости» великоруса. Здесь иное: много работая — «скоро, лихорадочно и споро» во время напряженной летней страды, великоросс впадал в длительное вынужденное безделье осенью и зимой. «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великой России»⁵⁹.

Впрочем Ключевский собственным примером мог бы опровергнуть это утверждение. Вникая в стабильный и приниженный облик великоросса вообще, нарисованный кистью скептика и красками феодальной давности, однотонно подобранными, советский историк не согласится сейчас с образом, сотворенным Ключев-

ским. Он вспомнит и о национальных чертах борца, сказавшихся и в Ледовом побоище, и в битве на Куликовом поле, и в переходе Суворова через Альпы, и в упорстве многократного восстановления жизни, разрушаемой то стихиями, то войнами. Что-то непонятно, как этот привыкший работать в «одиночку» зимний лежебока восставал против московского царско-боярского гнета в отрядах Болотникова и Разина, шел за Пугачевым, чтобы сгинуло крепостничество, лил пушки на Уральских заводах для пугачевского войска. Мы вспомнили бы и некрасовскую мать «все выносящего русского племени» и созданный поэтом образ великорусской женщины. Что-то не пришла на память Ключевскому «долюшка женская», которой «вряд ли труднее сыскать», — национальный образ нарисован им только по мужской его половине, да и то очень неполно и почему-то принижено. Отдал бы советский читатель сейчас великорусскому образу и всю его поэтическую, песенную, музыкальную и иную художественную стихию. Да и в годы Ключевского можно было поставить вопрос об историческом развитии русского национального характера. Раздражение либерала «косностью» народа, неудачами движения, причины которого в конечном счете сваливались опять-таки на «все выносящее русское племя», сказывались подспудно в нарисованном образе. Но образ был дан на страницах книги, расхватываемой в несколько дней с прилавка, он запоминался, а стало быть, обсуждался и, можно уверенно предположить, вызывал споры. Раньше подобные обрисовки попадались в специальной книге о литературе, фольклоре, т. е. книге узкого диапазона действия. Теперь они вошли в «Курс русской истории», к которой тянулись тысячи рук.

Листавший далее первый том «Курса» читатель встречал в этой литературной новинке главы об удельной Руси. Тот, кто раньше читывал тома С. М. Соловьева, легко узнавал его концепцию: начинался «удельный» период, приведший к большому явлению — подготовке смены родовых отношений государственными. До последних было еще далеко; как и Соловьев, Ключевский время уделов считает «переходным» и начинает изложение событий, как и его учитель, с Андрея Боголюбского, перенесшего центр страны на север, начавшего ломать старинную очередь занятия княжеских столов по старшинству в роде и заменять его постоянным личным владением удела с передачей своим сыновьям по старшинству. Звание великого князя отделилось от великокняжеского Киевского стола, Киевский удел стал третьестепенным княжеством захирелых князей. Младшие родичи становятся «подручниками» старшему князю, как государю-самовластцу. Установилась наследственность княжеской власти в нисходящей линии своей семьи, вопреки очередному родовому порядку. Стало быть, начал рушиться родовой порядок. Великий князь «правил южной Русью

с берегов далекой Клязьмы, в Киеве великие князья садились из его руки»⁶⁰. С XIII в. волости, на которые распалась Суздальская земля во владениях Всеволода Большое Гнездо, стали называться «вотчинами» и позднее «уделами», в смысле отдельного владения — «постоянного и наследственного»⁶¹. Земля и соответственно власть стали дробиться по уделам, в отличие от очередного утвердился удельный порядок наследования и управления. В удельном обществе «исчезает понятие об общем благе, гаснет мысль о государе, как общеобязательной власти...», такому понятию в уделе не к чему было прикрепиться⁶². Ключевский даже выделяет особый пункт об «одичании князей». Идет непрерывная борьба удельных владельцев между собой, заполняющая страницы летописей описаниями столкновений, вражды, примирений и новых столкновений. Надо подивиться, как удалось Ключевскому в полторы сотни оставшихся в первом томе страниц спрессовать в отчетливый, легкий, остроумный рассказ целые тома истории Соловьева и выделить ведущие мысли о переходном периоде от родовых отношений к государственным, определить разницу между родовым очередным порядком владения Русской землей всем родом сообща с «очередным» перемещением владеющего рода по княжеским столам — и удельным порядком, разрушившим родовую очередность.

Слушатель курса, естественно, ждал объяснения глубоких причин того, что произошло, и Ключевский не нашел ничего другого, как опереться прежде всего на географический фактор. Феодализма он не признавал. Без непосредственного производителя материальных благ тоже пока «обходился». Он строил изложение на рыхлом «политическом» стержне «надстроечного» порядка, как мы сказали бы. Остроумное, а подчас и афористичное повествование об угасании государственности и «одичании князей» держало внимание читателя в напряжении, но не могло объяснить ему сути процесса. Автор сам искал этих объяснений. Личная собственность удельного князя на свой удел, по Ключевскому, коренилась прежде всего «в географических условиях» страны, т. е. в условиях ее «материального существования», как бы утешает слушателя Ключевский. Он сам, как видим, «приткнулся» в поисках причин к материальному моменту. Старая Киевская Русь представляла собой «удельную страну», потому что являлась бассейном одной реки — Днепра, «большой столбовой дорогой русского народнохозяйственного движения»⁶³, а в Верхневолжской Руси перед нами — частая сеть «рек и речек, идущих в различных направлениях». Отсюда разбросанность населения «по речной канве», создание малых населенных районов, отделенных «лесными дебрями»⁶⁴.

Но от географического основания удельного порядка автор вновь переходил, так сказать, к политическому психологизму.

В Киевской Руси князь находил уже готовое, до него устроившееся общество, а тут было пустое незаселенное место, которое сам князь «заселял и устроил в общество»⁶⁵. Отсюда чувство личного собственника удела у князя. Тут многое соответствует Соловьеву, новаций Ключевский не внес. Но стоит ли упрекать его в восприятии соловьевской концепции, которая в свое время была новой по сравнению с Карамзиным? Нельзя все же не подивиться скудости его проблематики, бедности хотя бы прагматического пояснения явлений. Обещанных во вводных лекциях экономических тем что-то не видно до самого конца отдела. Кто работает на земле и как, где же существует крестьянин удельного времени? Пусть скудны источники, но наличие крестьянского труда не требовало доказательств. Где хотя бы общий круг хозяйственных дел и условий труда непосредственного производителя? Несколько страничек в конце тома напоминают кое-что о княжеском хозяйстве и о его натуральном характере⁶⁶.

Подобно своему учителю Соловьеву и даже еще выразительнее, чем он, Ключевский в своем изложении нередко как бы «забывает» о татарском нашествии, занимая принципиальную точку зрения о малом его значении, — ведь процесс перехода родовых отношений в государственные начался до татар и закончился позже, а этот процесс — самое главное. С полной откровенностью Ключевский приглашает читателя: «Изучая историю возникновения этого порядка, забудем на некоторое время, что прежде, чем сошло со сцены первое поколение Всеволодовичей, Русь была завоевана татарами»⁶⁷. Надо лишь добавить, что это «некоторое время», собственно, длится в течение всего дальнейшего изложения с самыми редкими упоминаниями о нем.

Отрицанию феодального характера описываемого строя Ключевский посвящает ряд страниц — тут ему отказывает его чувство всемирно-исторического процесса. Он делает много оговорок о сходстве феодализма на Западе с русскими явлениями удельной Руси, но то обстоятельство, что боярская вотчина не всегда связывает служебные отношения с поземельными, представляется ему первым отсутствием сходства с феодальным строем, а «наследственность тех и других» (т. е. служебных и поземельных отношений) — вторым. «При образовании феодализма, — признает Ключевский, — видим нечто похожее и на наши кормления и на вотчинные льготы, но у нас те и другие не складывались, как там, в устойчивые общие нормы, оставаясь более или менее случайными и временными пожалованиями личного характера»⁶⁸. Однако общий вывод историка, не особенно категорически отрицающий феодализм, гласил: «Возникали отношения, напоминающие феодальные порядки Западной Европы. Но эти явления не сходные, а параллельные». Трудно назвать этот вывод вполне ясным.

Нельзя не заметить, что устойчивый костяк некоторых идей официальной исторической концепции об особенностях России, ее несходстве с западным процессом (от «добровольного» призвания князей, важного для царствовавшего дома Романовых, до особой, несходной с феодальной Европой сути зависимости крестьян от помещиков и т. д.) был крайне нужен царизму и ревниво оберегался властью. Ключевский заметно считается с этим, хотя и расшатывает некоторые устои. Удельная эпоха, где он сказал так мало своего, была наиболее простой уступкой, хотя проблема очень интересовала историка, посвятившего ей запись в своем дневнике, впрочем не вставленную в текст первого тома. Записана она 30 апреля 1903 г. после слов «Происхождение очередного порядка», в разгар работы над текстом тома. Запись также посвящена отличию русского строя от западного феодализма, но с указанием многих черт сходства, хотя и с отрицанием одинаковых начал, оснований⁶⁹. Н. П. Павлов-Сильванский в своей работе о феодализме в древней Руси все же с некоторым основанием отнес Ключевского к тем историкам, которые «бессознательно... выяснили существование у нас некоторых основных начал феодального строя»⁷⁰.

Итак, в той заключительной части первого тома «Курса», в которой Ключевский рассмотрел первую половину своего цельного периода, названного им «Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая», он выполнил план, обещанный приведенным названием лишь в двух первых его моментах: широко использовал «географический фактор» положения и особенностей Верхнего Поволжья, давшего начало названию периода, сконцентрировал максимум внимания на моменте «удельно-княжеском», показывая подробнейшим образом разницу киевского очередного порядка со сменившим его удельным владением, но оставил почти без внимания «вольно-земледельческую Русь», включенную им самим в название периода. Земледельцами и их положением, за исключением общего понятия «колонизация», он пока не занимался. Он рассмотрел процесс возрастающего дробления Верхневолжской Руси в результате установления удельных порядков. Русь политически дробилась, князья все более беднели, отчуждались друг от друга и дичали. «Одичание князей» сопровождалось, конечно, падением у них «земского сознания». Но земские национальные связи Русской земли, заложенные старой Киевской Русью, через упадок и «одичание князей» нашли каким-то образом выход к своему укреплению: достаточно было появиться князю-объединителю, как местному обществу, давно уже ставшему равнодушным «к своим измельчавшим и одичавшим властителям, с которыми они были связаны слабыми нитями»⁷¹, ничего не стоило бросить своего князя и перейти на сторону объединителя. В удельной Руси, утверждает Ключевский, в силу этого окрепли

связи земского единства. Этот вывод сильно не согласован со всем сказанным ранее: «Перемешанные колонизацией местные особенности слились в плотное великорусское племя; зато окончательно разрушилось политическое единство». Надо сказать, что это построение мало убеждает читателя, потому что о местных обществах, противостоящих князьям, в сущности не было сказано ни слова. В чем и в ком состояла Русь «вольно-земледельческая», остается нераскрытым. Становится ясным лишь схема построения Ключевского: удельный порядок разрушил политическое единство старой Руси и тем легче допускал он на объединенной национальной земской основе возникновение нового единства — государственного. «Русская земля от единства национального перешла к единству политическому. История этого перехода есть история одного из удельных княжеств — Московского. К изучению судьбы этого княжества мы теперь и обращаемся». С этими словами Ключевский расстается с читателями своего первого тома, заканчивая его и обозначая основную тему тома второго.

5

Итак, в самом начале 1904 г. появился на свет первый том долгожданного для автора и читателей «Курса русской истории», том теперь уже привычного для нас небольшого формата, такого же, в каком вышли и все остальные работы Ключевского — и «Сказания иностранцев», и «Жития...», и «Боярская дума»; формат, очевидно, нравился автору. Том вышел в тревожное и напряженное время. В январе 1904 г. Япония порвала дипломатические отношения с Россией, в тот же день японский флот появился в Желтом море, и война началась. Через несколько дней затоплен «Варяг». Ни автору, ни читателю, казалось, было не до выхода первой книги «Курса истории России», где речь пока что шла о древних славянах, варягах и удельных князьях. Но читатель жадно спрашивал в книжных магазинах новую, обобщенную известным ученым историю России: в годы революционной ситуации и общественных бедствий повышена острота интереса к истории отечества.

А автору и выбирать не приходилось — материалы второго тома, вчерне собранные, уже лежали на столе, книгопродавцы между тем настойчиво интересовались, скоро ли будет второе издание первого тома — его тираж быстро исчерпывался. Выходило, что надо было сразу трудиться над подготовкой к печати обещанного читателю второго тома «Курса» и готовить второе издание первого. Одновременно читать лекции в университете, Духовной академии, Училище живописи, ваяния и зодчества. Годичный отпуск в университете истек уже к августу 1903 г., и Ключевский, как и раньше, читал там свой курс, возобновив лекции с 1903/04

академического года. Тяжелая трудовая нагрузка не была новой для Ключевского, но историк его творчества не перестает удивляться, как он успел сделать то, что сделал.

Уйма работы не отвела его от событий сегодняшнего дня, не замкнула в удельной и Московской Руси рабочую комнату на Житной улице. Он тяжело переживал горестные военные события, настороженно следил за ними. 31 марта погиб броненосец «Петропавловск», флагман русского восточного флота, погиб и адмирал Макаров, командующий Тихоокеанским флотом. 7 апреля Ключевский записывает в своем дневнике слова, полные горечи, желчи, отчаяния: «После Крымской войны р[усское] правительство поняло, что оно никуда не годится; после болгарской войны и р[усская] интеллигенция поняла, что ее правительство никуда не годится; теперь в японскую войну р[усский] народ начинает понимать, что и его правительство и его интеллигенция равно никуда не годятся. Остается заключить такой мир с Японией, чтобы и правительство, и интеллигенция, и народ поняли, что все они одинаково никуда не годятся, и тогда прогрессивный паралич русского национального самосознания завершит последнюю фазу своей эволюции» ⁷².

Отчаяние его не обособленно — оно как-то задевает, охватывает и весь круг его работы. Ключевский замечает: изменилось что-то и в его отношении к своей работе, и в отношении работы к нему. 16 мая в дневниковой записи читаем: «Человек работал умно, работал и вдруг почувствовал, что стал глупее своей работы». Своеобразное наблюдение брошено нераскрытым. Запись явно дневникового характера, но она выведена из дневника и записана карандашом на трех крохотных листках бумаги, сшитых от руки, — как будто ее нельзя помещать в дневник, а надо незаметно спрятать, но все же необходимо ее хранить. Дальше, без всякого перехода — рассуждение историка о соотношениях Азии и Европы, понятной темы для дней русско-японской войны и все ухудшающихся вестей с фронта: за три дня до этого в «большом» дневнике только два слова под датой 13 мая: «Цзинь-чжоу» (Цзинь-чжоу-тин был взят японцами 13 мая). В «крохотном» дневнике после фразы о том, что человек стал глупее своей работы, читатель находит сложное и во многом неожиданное историческое рассуждение, в котором под выражением «партия анархии», очевидно, надо понимать революционное движение: «Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает спавшую Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой? Это зависит от европ[ейской] партии анархии: если эта партия ввиду желтой опасности притихнет, Европа будет завоевана желтыми пигмеями; если будет безобразничать... белая Европа одолеет желтую Азию. Победа возможна только при единодушии европ[ейских] народов, а оно достижимо только на почве

борьбы с анархией»⁷³. Выходит, что Ключевский, противник «желтой опасности» (мотив, популярный среди либеральной интеллигенции во время русско-японской войны), неожиданно возлагает всю надежду на отрицаемое им и пугающее его «безобразничающее» (!) революционное движение, представавшее перед ним в те дни, по-видимому, более всего в эсеровском облике. Но необходимое для победы над «желтой опасностью», — увы! — было бы достижимо, по его мнению, лишь единодушием европейских народов, последнее же достигается как раз «на почве борьбы с анархией...». Получается квадратура круга, безвыходное противоречие. Как видим, историк прилагает свои всемирно-исторические знания к разбору проблемы, восстанавливает в памяти древнейшие периоды, когда, по его мнению, Азия просвещала Европу, и иные, когда просвещенная Азией Европа покоряла Азию. Он стремится дать ответ на мучающий его вопрос с позиций историка — и у него ничего не получается... Он даже сшил (очевидно, сам) эти крохотные клочки вместе, чтобы куда-то спрятать и, вероятно, додумать. То, что мысль шла дальше и развивалась в плане анализа имеющихся исторических концепций и их критики, об этом свидетельствует дальнейшая запись на тех же клочках, резко критикующая историков-юристов. Очевидно, еще раз продумывается их концепция: «*Историки-юристы*, не принимая в расчет совокупность условий жизни, вращаются в своей замкнутой клетке, решая уравнение с тремя неизвестными». Какими именно, Ключевский не написал, но легко догадаться, что в составе неизвестных обязательно были самодержавное государство и народ. Не было ли третьим неизвестным революционное движение? В год работы над вторым томом, начинающимся с возвышения Москвы, а возвышение это было первой ступенью создания русского государства, мысль историка возвращается еще раз к проверке концепций, вызывающих сомнение.

Но одновременно на руках и в работе первый, только что вышедший том, вероятно лежащий тут же на столе, вновь перечитанный как бы впервые глазами читателя, тем особым чтением, о котором знает каждый автор, просматривающий свою только что вышедшую книгу. В книге, казалось бы, сто раз взвешено и продумано каждое слово, а выглядит она новой и как бы чужой, может быть, никогда критика автора по отношению к себе самому не бывает острее. О чем же тревожно размышляет автор, перечитывая знакомые — теперь уже типографские — страницы? Опять-таки об исторических законах, об исторических закономерностях, теме вводных глав, о которой столько было им написано вновь для первого тома и столько вновь зачеркнуто и не напечатано. 3 июня 1904 г., когда том уже на прилавках, распродается и в него уже ничего не вставишь, не поправишь, но предстоит второе издание, «в большом» дневнике рядом — события дня и размышления:

«Убийство ген[ерал]-губ[ернатора] Бобрикова в здании финского Сената Шауманом, сыном отставного сенатора, тут же застрелившимся». Дальше красным карандашом: «... Ближайшие задачи исторического изучения — не выяснение *исторических законов*. Пока предстоит выяснить не сущность исторического процесса, а только метод его изучения и возможные границы исторического познания». Далее у Ключевского все сосредоточено на вопросе, может ли философия влиять «на склад и ход общежития...».

До сих пор философия, «ее идеи о сущности вещей, о смысле бытия не направляли людских отношений, не влияли на настроение масс. Но если философия доселе этого не делала, отсюда не следует, что она не может этого делать». Да, его ответ положительный. Чувствуется, что Ключевский размышляет о какой-то реальной, действенной при этом, новой философии. Не о марксизме ли он думает?

«Мож[ет] б[ыть], философия ждет такой комбинации житейских условий, такого подъема умов, который сделает возможной перестройку людских отношений и интересов, согласно с философски выясненным смыслом бытия. Тогда расширятся и пределы исторического познания...»⁷⁴ Он думает о новой философии, которая перестроит людские отношения. Она не названа. Но она — будущее. И далее в соответствии с этим же направлением мысли он пишет: «Нынешние экономические и политические классы в будущем заменятся разрядами или степенями интеллектуального развития, т. е. [по] способности умственного напряжения». Вот и классы понадобились — и «экономические» и «политические», чтобы их отменить в будущем. Историк, находящий капитал и наемных рабочих в Киевской Руси и вроде бы крепко преданный идее исконности капитала, столь характерной для буржуазного мировоззрения, предполагает в будущем возможность уничтожения всяких классов и пишет об этом в дневнике. Мы видим, как бьется его мысль в очерченных им самим границах. Но дальше вновь возникает вопрос о закономерности явлений, вновь они признаются в экспериментальных науках, отрицаются для истории, в ней закономерность заменяется «вопросом о последовательности...»⁷⁵.

2 июля запись о смерти Чехова, далее лист с четвертью оставлен чистым, видно, многое хотелось записать о Чехове, но нахлынули события, и запись не появилась. После записи, уже известной нам по «крохотному» дневнику, повторение об убийстве финляндского генерал-губернатора Бобрикова, и в «большом» дневнике до начала ноября записей нет. А было что записать! 15 июля исключенный из Московского университета за участие в студенческом движении студент Егор Сазонов, член боевой организации всеров, убил министра внутренних дел, шефа жандармов В. К. Плеве (была брошена бомба, сам Сазонов был тяжело ра-

нен). Да, Ключевский знал Плева с многих сторон... В дневнике о его смерти — ни слова.

Неотложность работы над вторым изданием первого тома была неизбежна. Не хотелось издавать сначала новый второй том, а потом предлагать запоздавший во втором издании первый том желающим его приобрести. Психологически второе издание первого тома прорывалось на первое место. И вновь мучительная первая глава введения доставила Ключевскому наибольшее беспокойство.

Он расширил и уточнил содержание понятий «культура» и «цивилизация» в первой лекции первого тома и снял в конце абзаца замечание о том, что в кругу исторических наук историческая социология «то же, что физиология в науках биологических»⁷⁶. Видимо, он готовил почву для противопоставления наук исторических наукам естественным. Он вычеркнул дальше, вероятно, с этой же целью указанную параллель с естественными науками: историк делит вопрос на отдельные части, подобно тому как биолог изучает свойства и функции на отдельных особях и даже по оторванным частицам органического вещества: «Каплю крови или хобот мухи кладут под микроскоп»⁷⁷. Это сравнение снято. Остались только абстрактные «силы» и «сочетания» (даже не сказано, чего — подразумевались сочетания общественных элементов, — вероятно, правка была довольно спешной). Дальше Ключевский в 1-й, столь мучившей его лекции вычеркнул большой текст, содержащий «обломок» его высказанных в дневнике сомнений об исторических закономерностях, а именно — упоминание о коварном законе «достаточного основания». Так была уничтожена последняя связь текста вводной лекции с пережитыми сомнениями. В большом тексте, заменившем вычеркнутый, содержались мысли о значении изучения разнообразных местных «сочетаний разных условий развития» («условия» стали незаметно теснить «элементы»), чем больше мы их изучим, тем полнее узнаем свойства этих условий. Этим путем, быть может, удастся выяснить «общее правило, когда, например, капитал убивает свободу труда, не усиливая его производительности, и когда помогает труду стать более производительным, не порабощая его». Так сохранена была на страницах введения борьба капитала и труда с обещанием когда-то в будущем познать ее законы. Более того, последняя дневниковая запись о будущем строе человеческого общества глухо откликнулась во втором издании первого тома еще одним обещанием, заменившим вычеркнутый текст: «Из науки о том, как строилось человеческое общежитие, может со временем — и это будет торжеством исторической науки — выработаться и общая социологическая часть ее — наука об *общих* законах строения человеческих обществ...»⁷⁸ Значит, законы истории остались, хотя бы в обещании познать их в будущем.

Ключевский исчерпал этим свои поправки и более вводного текста не касался. Как видим, многие сомнения, изложенные на страницах дневника, особенно «крохотного», он не допустил во вводную лекцию. Как всегда, он изложил в ней не все, что думал.

Он перешел дальше к правке чисто исторического текста: в самом конце лекции 11-й, посвященной порядку княжеского владения после Ярослава, он приписал живой и убежденный абзац о самостоятельности формирования земской силы и земского порядка на Руси, устанавливающегося самостоятельно, вне зависимости от княжеских порядков и княжеского очередного строя: «Князья не установили на Руси своего государственного порядка и не могли установить его. Их не для того и звали, и они не для того пришли. Земля звала их для внешней обороны, нуждалась в их сабле, а не в учредительном уме. Земля жила своими местными порядками»⁷⁹. Оставалось только задать автору вопрос: почему он уделил так мало внимания этой самостоятельной жизни Земли и столь много князьям? Приведенный текст готовил будущий вывод второго тома, что процесс объединения Руси вокруг Москвы был явлением жизни Русской земли. Но были приписаны, сверх этого, еще и такие слова, заключающие текст, которые едва ли могли понравиться Романовым: «Князья скользили поверх этого земского строя, без них строившегося — и их фамильные счета — не государственные отношения, а разверстка земского вознаграждения за охранную службу. Давность службы могла внушать им идею власти, они могли вообразить себя властителями, государями земли, как старый чиновник иногда говорит: «моя канцелярия». Но это — воображение, а не право и не действительность...» Это новые, но так и не получившие развития мысли.

Мы не знаем, как шла корректура второго издания и в какие сроки 1904-го или следующего года Ключевский получал ее. Но он спохватился, не слишком ли радикальную по настроениям концовку приставил он к 11-й лекции? Возможно, ее уже было поздно поправлять? Но он сделал еще три вставки в текст 12-й лекции, «поправляющие» эту концовку, они тоже остались в тексте всех последующих изданий памятником обуревавших его противоречий. Вот эти вставки: в подразделении 12-й лекции «Князья и Земля», слегка подтвердив сделанную концовку, Ключевский уже говорил, что «князья внесли немало нового в земские отношения Руси, но не в силу этой власти, а по естественному ходу дела... княжеский род стал элементом единства Русской земли. Платные сторожа Руси получили монополию наследственного правления Землей... Порядок наследственного владения и стал одним из средств объединения Земли». Однако описанные особенности характеризуются историком как противоречие: к «бытовому обычаю» единства княжеского рода «была равнодушна Земля, она подчас даже

противодействовала ему...» Желая уяснить контрверзу, Ключевский через страницу делает вставку, поясняющую, что Русская земля не имела «характера политической федерации»; далее ко второму изданию первого тома было добавлено: «Земля представляла собою не союз князей или областей, а союз областей через князей». Эту работу над вторым изданием тома Ключевский мог произвести, формально говоря, в пределах срока между выходом первого издания тома в свет (начало 1904 г.) и сдачей нового издания в набор (осень 1905 г.). Может быть, учитывая его длительные отлучки из Москвы в 1905 г. и вообще совокупность дальнейших развернувшихся в его жизни событий, реальнее предположить, что работа прошла в 1904 г., после первого чтения вышедшей первым изданием книги.

Но основным в работе 1904 года был, конечно, второй том «Курса», вышедший так же, как и второе издание первого тома, в 1906 г. Он содержал, как и первый, 20 лекций (с лекции 21-й по 40-ю) и включал в себя окончание второй, намеченной в периодизации эпохи — «Руси Верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой». Окончанию этого периода автор посвятил четыре лекции (с 21-й по 24-ю). С 15-й лекции до конца тома изложение сосредоточено на третьем периоде, который назван Ключевским в его вводной лекции «Русь великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая». Во вводной лекции он так определял хронологические грани этой Руси: «С половины XV до второго десятилетия XVII в.»⁸⁰ Иначе говоря, предполагал включить в него и Смутное время. В ходе работы над изданием «Курса» он передумал и завершил изложение периода XVI веком, передвинув Смуту в качестве переходного этапа к периоду четвертому и последнему. Таким образом, конец удельного времени и весь третий период русской истории вместились во второй том его «Курса».

Но этого мало, велась работа и над третьим томом «Курса». Она началась, конечно, еще в те годы, когда накануне годичного отпуска в университете автор делал черновые заготовки и распределял по томам свой огромный материал. Вплотную Ключевский смог заняться им только в 1904—1905 гг. Но то обстоятельство, что очередные тома готовились одновременно, хотя доводился до конца скорее других один, ближайший по сдаче в набор, засвидетельствовано, например, выходом в свет в 1904 г. статьи Ключевского «Ордин-Нащокин — государственный человек XVII века» с подзаголовком: «Из приготовляемой III части „Курса русской истории“»⁸¹.

1904 год отмечен одним существенным историографическим событием. В хоре хвалебных рецензий прозвучал протестующий голос — еще в мартовском номере журнала «Правда» появилась рецензия, не похожая на другие. Автора ее Ключевский хорошо

знал — как же не знать своего ученика, оставленного им при университете... Уже упоминалось, что М. Н. Покровский выступил против своего учителя в социал-демократическом ежемесячном журнале «Правда», только что начавшем выходить в свет. Покровский еще не был тогда большевиком (он вступил в партию в следующем году), но его статья сохраняет смысл одного из первых боев, который дало Ключевскому историко-материалистическое мировоззрение. Атака развернулась далеко не в полную меру, не была особо планомерной и глубокой. Но основной удар метко наносился по методологическому введению. В нем «мы многое затрудняемся понять», — писал Покровский. Нельзя уловить, в чем различие «двух основных предметов исторического изучения»: с одной стороны, «успехи человеческого общежития», история культуры, история цивилизации, с другой стороны, «второй предмет» — «состав и строй самого общежития». В чем разница? Она непонятна. Остро критиковалось зыбкое и неточное понимание Ключевским «исторической социологии». Вводная лекция довольно справедливо названа «автокомпиляцией». Оспорена действительно неудачная формулировка Ключевского — дать в публикуемом тексте некий свод различных редакций своего «Курса» за многие годы. Замечая довольно едко, что в 1904 г. профессор Ключевский был «не тот, каким он был в 1894 и 1884 гг.» (не забыт, как видим, и год печального выступления об Александре III), Покровский находил, что «свод» разных авторских редакций просто невозможен. Сразу довольно остро вскрыт эклектизм Ключевского, его «главный недостаток»: во введении у него есть и Кант, и Гегель, и органическая школа, но нельзя же «быть всем этим сразу», как предлагает Ключевский. Решительно раскритиковано изложение вопроса о роли идей в истории и особенно неправильное понимание Ключевским взаимоотношения «политического и экономического факторов». Меньше критики вызвала часть конкретно-историческая — тут критикуется лишь заимствованный у Соловьева «очередной порядок» смены князей на княжеских столах древней Руси (не без задней мысли Покровский ссылается на В. И. Сергеевича), главу об «очередном порядке» Покровский называет даже «догматическим очерком». Кончал Покровский свою рецензию очень верным замечанием: хотя «Курс» Ключевского займет в исторической литературе «одно из первых мест», «но нам кажется, что то направление русской исторической науки, блестящим представителем которого является «Курс», само уже становится понемногу предметом истории».

Ключевский эту рецензию, несомненно, читал, в его библиотеке, как это ни странно с первого взгляда, был комплект номеров этого журнала, дающий право даже выдвинуть предположение, что он был его подписчиком... Слабейшее звено его системы было сразу уловлено учеником⁸².

На конец 1904 г. приходилось 25-летие со дня смерти С. М. Соловьева. Как ни был перегружен Ключевский работой над «Курсом», он опубликовал в «Научном слове» статью памяти своего учителя⁸³. Связь между этой работой и «Курсом» налицо: в новой статье о Соловьеве главной темой является Петр I и послепетровское время; Ключевский выражает сожаление, что Соловьев не успел закончить свой труд, а без него XVIII век еще надолго останется в «научной полутьме». Тематика третьего и четвертого томов «Курса» беспокоила Ключевского и требовала многих забот. Статья о Соловьеве как бы продолжает незадолго до этого опубликованную работу Ключевского «Петр Великий среди своих сотрудников» (1901 г.), также тесно связанную с «Курсом». Но есть еще одна существенная сторона у этого наполовину нового некролога. Как в первой, так и во второй его частях приверженность Соловьева законам истории вызывает подчеркнутое признание Ключевского: «Изучая крупные и мелкие явления истории одного народа, он не терял из виду общих законов, правящих жизнью человечества...»⁸⁴ Вспомним терзавшие Ключевского сомнения, отраженные в дневнике и в черновиках первого тома «Курса», он и тут не пропустил их через порог печатного слова, он колебался в признании своих сомнений справедливыми, и, очевидно, признание существования законов истории теперь брало у него перевес.

20 декабря 1904 г. Стессель сдал японским войскам Порт-Артур. Стало очевидным поражение России в войне с Японией, очевидны гнилость и бессилие царизма⁸⁵.

«Они всё погубят!» — передает А. И. Яковлев восклицание Ключевского еще после первых вестей о морских катастрофах русско-японской войны. «Они» относится к царскому правительству, к царю и его подручным⁸⁶.

Наступал 1905 год.

6

Для Ключевского наступавший год был годом подготовки к печати второго тома «Курса» и начала интенсивной работы над третьим томом, в центре которого — тема русского самодержавия. Ученый ставил и разбирал проблему его начала, его генезиса и исторического значения, а буря событий вокруг его рабочего стола и за окнами кабинета ставила и разбирала проблему его бесславного конца. Было над чем подумать. Через всю эту работу — так реально случилось в жизни Ключевского — шел поток событий, связанных с его личными наблюдениями хода революции и некоторым участием в ряде государственных мероприятий, ею вызванных и предпринятых ищущим выхода царским правительством, которое уже не могло больше управлять по-старому.

Ключевский был включен в «Комиссию Д. Ф. Кобеко» по ослаблению цензуры, был вызван на Петергофские совещания о «Буллыгинской думе». Практика помогала проверять и пополнять мировоззрение, а сверх этого, как историка и свойственно, сопоставлять «концы и начала» изучаемых явлений. Да и студенческие и университетские дела, крепко связанные с общественным возбуждением как составной элемент, заставляли Ключевского вникать в события, обдумывать их.

У Ключевского опять возникает необходимость в двух дневниках. Почему? Не ждал ли он обыска? Или просто наброски об одном и том же событии в разных местах случайны? Последнее менее вероятно. Рядом с тетрадью дневника множатся отдельные листки дневниковых записей⁸⁷. Тяжелое настроение, попытки понять случившееся, нередко метание между противоположными выводами — характерные черты обоих дневников, но во втором, более «потанном», есть свои суждения о том, о чем молчит первая тетрадь.

Близится Татьянин день — праздник Московского университета. В первые дни января Ключевский набрасывает во втором дневнике предполагаемую речь на студенческо-профессорском празднике, когда учащие и учащиеся как бы сливались в одну семью и пели одни песни. Вернее, это не речь, а отдельные мысли: «Мы собрались не праздновать, а вспоминать... У нас исчезли все идеи и остались только их символы, погасли лучи, но остались тени».

Далее он наметил говорить о мрачной дате 20-летия введения чугунного университетского устава 1884 г., и тут мелькнули какие-то проблески оптимизма: «Хотели разрушить и унив[ерситетскую] программу и проф[ессорскую] корпорацию, превратить первую в сервильную муштровку студенч[еских] умов, вторую — в особый полиц[ейский] корпус с желтыми пуговицами. При унив[ерсите]тах — новые учебно-вспомогат[ельные] установления — места предварит[ельного] заключения для студентов. Но мы вышли из 20-летнего перелома и профессорами и товарищами, университеты остались научно-воспитат[ельными] учреждениями».

Далее Ключевский давал определение бюрократии и пессимистически предупреждал об опасности: «Бюрократия есть сила, утратившая цель своей деятельности и потому ставшая бесцельной, но не переставшая быть сильной. Вы без нее не обойдетесь или сами в нее переродитесь... Но наши силы понадобятся нам не на Моховой только, а на более обширном пространстве. Народ, г[оспода], пробуждается, протирает глаза и желает рассмотреть кто — кто...»⁸⁸

В конце речи Ключевский предполагал сказать: «России больше нет: остались только русские». Что он подразумевал под этим? Попросим помощи у «Курса»: идея принадлежит его автору и развита для анализа эпохи удельной раздробленности, когда государ-

ства, по его мнению, еще не было, но вел к объединению целого во имя общего блага вовсе не князь и не князья, а «Земля», русский народ. Это одна из ведущих, но в то же время не очень ясных идей первого и второго томов, последний из которых как раз был в работе.

Речь эту Ключевский, вероятно, произнес. Но, как увидим, он сказал не только это. Предстояли большие события.

7 января 1905 г. во втором дневнике Ключевский записывает под цифрами 1) и 2): «1) Дворяне выборные — наиболее зажиточные и исправные по службе, отборные из уездных детей боярских, какие бывали не в каждом уезде. Они по очере[ди] вызывались в Москву для исполнения столичных поручений (текст, явно относящийся ко второму тому, который у него в работе. — М. Н.)... вообще составляли переходную ступень от городских чинов к столичным.

2) Трудно»⁸⁹.

После этого слова три с половиной строки оставлены незаполненными; очевидно, Ключевский хотел пояснить, почему ему трудно, но так и не пояснил.

Через два дня пришло 9 января 1905 г. Кровавое воскресенье.

В первом дневнике довольно большая запись — только факты: движение рабочих к Зимнему дворцу, петиция, пункты ее требований. Войска. Залп. Гапон будто бы «ранен и убран куда-то». Министр оповестил, что царь не будет говорить с рабочими. И это все⁹⁰.

Во втором дневнике еще короче, но там есть своя оценка. Под 9 января записана только одна фраза: «NB. Стрельба в Петербурге — это 2-й наш Порт-Артур (согласие войска на то)».

Ясно, что Ключевский считает происшедшее вторым страшным поражением царизма, «вторым Порт-Артуром». Но он усматривает в событиях не только поражение правительства. Он видит трагический момент массового движения: стреляли-то в народ войска, солдаты! И они согласились стрелять в рабочих... Вот его угол зрения.

На следующий день, 10 января, волны массового движения рабочих вкатились прямо на Житную улицу. В первом дневнике дух записи довольно «благонадежный»: «11 января. Вчера на Житной прошла (очевидно, опущено слово «демонстрация». — М. Н.) часов в 5 к типографии Сытина, вероятно, чтобы прервать работу. Сегодня врывались в мастерские и типографии и прекращали работы. Рабочие расходились по домам, не присоединяясь к забастовщикам. Хозяевам полиция отсоветует возобновлять работы завтра, как в беспокойный день. Ждут присоединения студентов. Извозчик: «Вот своя война началась». Сегодня в «Моск[овских] в[едомостях]» решительное объявление и[сполняющего] д[олжность] градоначальника»⁹¹.

Бросается в глаза логическая несообразность записи: если «рабочие расходились по домам», то они этим самым присоединялись к забастовке, в чем и была суть, а шли ли они вместе звать других или нет, на то были свои решения, и существо дела было не в этом. Что касается слов извозчика, то общий контекст говорит о подспудном согласии автора дневника с извозчиком. В чем состоит «решительное объяснение» градоначальника, не упомянуто, видно, что дело не в этом. Далее четверть листа оставлена чистой для какой-то записи, но таковой не появилось⁹².

Назавтра наступил Татьянин день. Ключевский говорил речь, в ней были следующие слова, которых он не записал в конспекте речи, внесенном в дневник:

«Николай II — последний царь. Алексей царствовать не будет».

Это пророчество запомнилось многим слушателям, о нем есть неоднократные свидетельства. Только что родившемуся наследнику престола Алексею тогда еще не было и шести месяцев. Поскольку слова Ключевского разнеслись по Москве и получили широкую огласку, может показаться удивительным, как не зарегистрировали их в Департаменте полиции. Но, пожалуй, в обстановке начинающейся революции полиции было не до профессорских речей — были дела поважнее⁹³.

21 января 1905 г. Ключевский записал в дневнике: «Русская интеллигенция бьется о собственную мысль, как рыба об лед, на который она выбросилась от духоты подо льдом». Он всегда самым резким и саркастическим образом отзывался о русской интеллигенции, не полагая на нее надежд.

В январе 1905 г. в «Журнале для всех» появилась в № 1 статья Ключевского «Москва и ее князья в удельные века». Это было начало второго тома, очевидно подготовленное в исходе 1904 г. Работа над томом проводилась, прорываясь через все события.

Пока что лекции в университете шли относительно нормально, во всяком случае они читались и во втором семестре 1904/05 академического года и осенью в следующем учебном году. Е. А. Ефимовский, слушавший Ключевского именно в этот революционный год, свидетельствовал, что «посещение лекций Ключевского, связанное с неприятностями, требовало гражданского мужества, становилось политическим действием». Происходили настоящие стычки с инспекторами и педелями, допускавшими на лекции только филологов второго курса. Происходили вызовы к инспектору, выговоры, угрозы увольнением — свидетельствует Ефимовский⁹⁴.

В его статье цитируются записи, произведенные им на лекциях Ключевского в 1905 г. Позже мы встретим их в послереволюционных томах.

«По мере расширения территории [государства], вместе с ростом внешней силы народа, все более стеснялась его внутренняя

свобода. Напряжение народной деятельности глушило в народе его силы, на расширявшемся завоеваниями поприще увеличивался размах власти, но уменьшалась подъемная сила населения».

О времени императрицы Анны Иоанновны:

«При разгульном дворе, увеселяемом блестящими празднествами, вся эта стая немцев кормилась досыта и веселилась до упада на доимочные деньги, выколачиваемые из народа».

О дворянстве конца XVIII в.: «... „вольтерьянцы“ читали страницы о правах человека и мирились с девичьей, искренно считали себя вольнодумцами и шли на конюшню расправляться с неисправным слугой. Словом, это был отвратительнейший цвет русско-французской цивилизации XVIII века».

«Просвещение стало сословной монополией господ, до которой не могло без опасности для государства дотрогиваться непросвещенное простонародие, пока не просветится».

Образ «сильного человека», выросшего на почве самовластия: «Это властное лицо, заручившийся льготами землевладелец, светский, либо духовный, или приятный при дворе правитель, крепкий верою в свою безнаказанность и достаточно бессовестный, чтобы быть всегда готовым, пользуясь своей мощью и общим бесправием, употребить силу над беззащитным человеком, затеснить и избить многими обидами»⁹⁵.

Правительство уже не могло управлять по-старому. Революционная ситуация переросла в революцию. Еще 12 декабря 1904 г. в указе, признававшем, как писал А. Ф. Кони, «болезненное состояние нашего внутреннего государственного организма», пункт 8-й касался стеснений печатного слова: повелено было «устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы...» Для реализации этих указаний 21 января 1905 г. было организовано под председательством Д. Ф. Кобеко Особое совещание для пересмотра имевшихся законов и распоряжений о печати и для составления проекта нового устава. В комиссию вошел и Ключевский, для чего из Москвы он на довольно длительный срок приехал в Петербург. Заседания проходили в Марининском дворце. Комиссия представляла собой, как вспоминает ее участник Кони, «пеструю смесь одежд и лиц». Кроме ученых (Ключевский) и видных общественных деятелей (Кони), тут были журналисты преимущественно правых и консервативных настроений — от Стасюлевича и Суворина до князя Мещерского. Иного направления держался К. Арсеньев. Были тут и поэты — Голенищев-Кутузов и князь Цертелев, представители разных ведомств, бывшие и настоящие начальники Главного управления по делам печати, сенаторы, духовные лица (епископ Антонин и др.) и, наконец, «добровольцы» вроде киевского обывателя Б. М. Юзефовича (добавим от себя — черносотенца и антисемита). Как расска-

зывает Кони, Юзефович после нескольких неуспешных выступлений «отряс прах от ног своих и покинул совещание»⁹⁶.

Комиссия провела свыше 30 заседаний и выработала проект устава о полной отмене предварительной цензуры и об ответственности за публикацию печатных произведений по суду, при которой судебная кара падала бы на сочинение, а не на личность автора.

Ключевский выступал на заседаниях несколько раз. Кони передает содержание его выступления за «явочную систему» разрешения повременных изданий против концессионной. В архиве Ключевского хранятся протоколы Особого совещания для составления нового устава о печати. Кони, уделивший в своей статье большое внимание выступлениям Ключевского в комиссии Д. Ф. Кобеко, широко использовал тот же источник, находившийся в его распоряжении. В выступлении Ключевского интересно его отношение к «праву слова»: «...право слова есть право личное, принадлежащее каждому полноправному гражданину, оно может быть ограничено или потеряно лишь по суду или по соображениям государственным. Признано, правда, что право слова, как и право союзов и собраний, имеет политическое значение, что это одна из форм общественной деятельности, но из этого вытекает лишь обязанность подчиняться в своей деятельности известным условиям, ограничение же самого приступа к пользованию печатным словом не может быть оправдано никакими политическими соображениями: можно ли лишить человека права издавать газету в виду возможных, но еще не случившихся с его стороны злоупотреблений? Это значит наказывать за счет негодяйных преступлений».

Иронически и даже сатирически критиковал Ключевский предложение сосредоточить выдачу разрешений на повременные издания «в особом вневедомственном учреждении», состоящем из «высших судебных и административных чинов» и даже из членов Академии наук. «Особенное недоумение, — говорил Ключевский, — вызывает вопрос, что делать в ней членам Академии наук... тут академикам придется решать вопросы чисто полицейские»⁹⁷.

Высказался Ключевский и по 140-й статье цензурного устава, которая, по выражению Кони, предоставляла министру внутренних дел право «налагать печать молчания на уста периодических изданий» по тому или другому вопросу «государственной важности». На практике это выродилось в произвольный запрет любой темы, не понравившейся министру (так налагался запрет на вопросы о тотализаторе, о допинге, о «поповках» Черноморского флота, т. е. судах, которые тонули в силу нелепой округлой формы, о перемещениях должностных лиц и т. п.). Ключевский выступил против подобных запретов. «Особенно горячо, — вспоминает Кони, — выступал он несколько раз против особенной духовной цензуры... Цензурный устав, говорил Ключевский, дело

полицейское, а церковь должна уметь сама защищать себя». Кратко очертив историю духовной цензуры, Ключевский остроумно замечал: «Практика сначала пыталась создать цензуру мнений, но это не удалось, и явилась цензура корректур. Цензор поправлял корректуру, выбрасывал одно, вставлял от себя другое, изменял третье, и так появилась целая литература поддельных книг, в которых под именем автора печатался цензор». Затем духовная цензура, не имея практической возможности объять всю гражданскую литературу, с 60-х годов XIX в. сделалась цензурой лишь произведений автора из своего ведомства и «стала сливаться с критикой. Тут и не разберешь, где кончается разбор чужого мнения и где начинается полемика с чужим мнением». Царил «полный произвол».

В живой форме и, видимо, очень эмоционально Ключевский выступил против предложения епископа Антонина, который настаивал на включении в устав о печати права церковной власти «проверять содержание духовных книг» и высказывать по ним свой суд. «Никогда с этим не соглашусь! — воскликнул Ключевский. — Устав — полицейское дело. У церкви есть право обличения, вразумления, поучения. Все это права чисто нравственного свойства, этого и довольно... Как примирить институт духовной цензуры с тем общим положением, что единственный критерий веры — Евангелие и что единственный судья его толкования — Вселенский собор?..» Как видим, пригодились Ключевскому семинарская эрудиция для обличения епископа Антонина. Решительно высказался Ключевский и против создания указателя запрещенных духовной цензурой книг — «Index librorum prohibitorum». На Западе этот индекс представлял собою книгу в 900 страниц: «Были попытки в древней Руси составить списки «отреченных» книг, говорил Ключевский, но, слава богу, эти попытки не удались нашим предкам; не привилось и у нас это шпионство религиозных убеждений... У церкви нет власти, а только нравственный авторитет. Всякая власть есть по необходимости насилие, а церковь должна быть чужда насилию»⁹⁸.

Все эти выступления Ключевского явно противоречат утвердившемуся в последнее время в литературе о нем уже упомянутому положению, что до половины 90-х годов Ключевский будто бы придерживался либеральных позиций, а с половины 90-х годов перешел на сторону реакции. Как видим, его выступления на комиссии Д. Ф. Кобеко далеки от поддержки реакционных мнений. Он в каждом своем выступлении полемизирует с представителями реакции, высказывая либеральные мнения, в тот момент более передовые. Эти выступления относятся к периоду, когда революционная ситуация перешла в революцию — и как бы ни боялся Ключевский последней, в вопросах цензурного устава он, как видим, не перешел в реакционный лагерь.

Дальнейшие события 1905 г. смели результаты работы комиссии по цензурному уставу, законодательного обсуждения ее проект не получил и был положен под сукно.

По делам комиссии Ключевский пробыл в Петербурге долго — приехав в феврале, он, по свидетельству Кони, вернулся в Москву лишь «в конце мая»⁹⁹.

Незадолго до этого Ключевский реализовал, видимо, давно сверлившую его мозг мысль — оставить председательствование в «Обществе истории и древностей российских». Ни в дневнике, ни в письмах Ключевского упоминаний об этом нет. Можно предположить в качестве основной причины недостаток времени, столь нужного для завершения «Курса». Но, возможно, возглавление «Общества», находившегося под царским покровительством и в любой момент могущего предъявить ему какие-то специфические требования, тяготило Ключевского. Ведь он сказал в своей речи на празднике Татьянина дня у студентов, что Николай — последний царь... В таких условиях понятен факт, когда 10 апреля он сложил с себя председательствование в «Обществе»¹⁰⁰.

В конце июля 1905 г. Ключевскому пришлось вновь приехать в Петербург по вызову правительства для участия в совещаниях по проекту Государственной думы — речь идет о так называемой Булыгинской думе¹⁰¹. Мы располагаем двумя изданиями протоколов этого совещания — официальным и нелегальным, вышедшим за границы, и можем судить о выступлениях Ключевского и его позиции на основании документальных записей¹⁰². Заседания эти мало отразились в дневниках Ключевского, за исключением одной строки: «6 июля депутация земских и городских деятелей в Петергофе», косвенно относящейся к совещанию. Но во «втором» дневнике есть довольно большая запись о Петергофских совещаниях, помеченная 19 июля 1905 г. и местом: «Петергоф». Ниже мы ее используем¹⁰³. Сверх этого, во «втором» дневнике имеется более ранняя запись, помеченная 14 февраля 1905 г. и имеющая прямое отношение если не к Петергофским совещаниям, которые начались лишь в июле, то к их сюжету.

Запись посвящена «устройству представительного собрания» и, к сожалению, не закончена. Главным вопросом этого «устройства» Ключевский считает: «Какие общественные классы и силы находят в нем выражение своих нужд и желаний»¹⁰⁴. «Классы и силы» могут участвовать в народном представительстве, по мнению Ключевского, лишь тогда, когда они «объединены в какие-либо союзы, корпорации», иначе они не могут быть «политическими факторами». Пока что в составе «нашего общества» такими «классами» остаются старые сословия, хотя основы сословного строя глубоко поколеблены. Сословий этих три: дворянство, купечество и крестьянство. Но кроме классов, по мнению Ключевского, действуют еще и другие «силы», которые он считает возможным назвать «ин-

тересами». Несмотря на их разнообразие, они сводимы к двум категориям: «капитал» и «труд». С сословным делением эта классификация не совпадает: много крестьян уже занято работой в городах, по домам и на фабриках, они и нравственно и юридически порвали с селом. Капитал, по Ключевскому, довольно неравномерно представлен в городских и земских учреждениях: купцы, мещане, разночинцы, все числятся по сословиям, «рентьеры и разные промышленники с капиталом, но без недвижимой городской собственности» не представляют в городах. Люди свободных профессий, так же как мастера и рабочие, отсутствуют в городском представительстве, несмотря на то, что нередко образуют различные союзы, корпорации и артели и имеют даже права юридических лиц. «При таком переслоении общества по интересам» труден вопрос о составе народного представительства. По мнению Ключевского, «интересы еще не успели кристаллизироваться, сомкнуться в общественные классы, способные найти своих представителей». Поэтому рискованно и ненадежно выкраивать системы народного представительства по образцу старинных московских Земских соборов или «по современным западноевропейским конституционным шаблонам». Жизнь сама должна создать формы представительства, «прилаженные к наличным условиям места и времени». Искать реальные указания «на соотношение и качество общественных сил и интересов» сейчас можно лишь в выборных земских и городских учреждениях. Цель созыва таких представителей — не совещательная и не заявления правительству о нуждах и желаниях населения, «а подготовительное совещание» самих представителей между собой по вопросу о составе постоянного народного представительства. Пусть предварительно обсудят «вопрос о классах и интересах» на местах губернские думы и земские собрания, городские головы и председатели земских собраний передадут их мнение на общем совещании. Ключевский полагает, что в местных резолюциях обязательно найдут какое-то выражение также «и интересы или классы», прямо не представленные во всесословных земских и бессословных городских учреждениях в той мере, в какой непредставленные «интересы и классы» уже способны заявить о себе. «Работа совещания неизбежно сведется к вопросу об изменении состава избирательных зем...» (тут рукопись обрывается, дальнейший текст не сохранился)¹⁰⁵. Как видим, Ключевский не находит выхода, кроме как опору на уже существующие земские и городские представительные учреждения, но отвергает реакционную идею Земского собора и возлагает на указанные представительные учреждения трудную рабочую задачу «откристаллизовать» классы, а когда выявятся действительные «классы и интересы», то выявятся и взаимоотношения между трудом и капиталом, тогда... Что тогда? — хотелось бы в тон рукописи дописать: «Тогда и видно будет» или

что-либо в этом роде. Но концом текста мы не располагаем и не можем сделать окончательного вывода, кроме такого: Ключевский усиленно работает над определением «классов и интересов», решительно отвергает устаревшее сословное представительство, не взывает к «патронам и наведению порядка», чужд монархических лозунгов. Он остается в сфере либерального мышления, хотя мысль о разногласиях между трудом и капиталом вновь подводит автора к границе того заколдованного круга либеральных идей, которые он не решается преступить. Но никак нельзя на основе всего сказанного признать его принадлежащим к стану политической реакции.

В первом дневнике за май и июнь — две лаконические записи: «14 и 15 мая Цусимский бой. 13—17 июня рабочие в Одессе и бунт на „Потемкине Таврическом“», дальше глухая ссылка на газеты ¹⁰⁶.

В июле 1905 г. Ключевский, как уже сказано, опять в Петербурге. Петергофские совещания под председательством Николая II начались 19 июля 1905 г. в Новом Петергофе, в Большом дворце, в Купеческом зале. Всего состоялось пять заседаний — 19, 21, 23, 25 и 26 июля. Заседания начинались около 2 часов дня и заканчивались около половины 8-го.

Речь шла о Думе законосовещательного характера. Проект никогда не получил осуществления и был отброшен ходом революционных событий 1905 г. Сейчас царизм под грозой растущей революции торопился сделать возможные, с его точки зрения, уступки и разрядить атмосферу. К совещанию было привлечено 50 человек, главным образом из высшего слоя бюрократии и аристократии; в их числе, кроме царя, в совещаниях участвовали 5 великих князей, 8 министров (С. Ю. Витте отсутствовал — он был в США в связи с заключением Портсмутского мирного договора с Японией), 10 членов Государственного совета, несколько сенаторов. Участвовали, разумеется, в совещании и палач революции, товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией Д. Ф. Трепов и обер-прокурор святейшего Синода К. П. Победоносцев. Ключевский в подобном окружении заседал первый раз в жизни, из участников он никого не знал, кроме профессора Павлова (он и Ключевский были, так сказать, экспертами по исторической части) и члена Государственного совета князя Михаила Сергеевича Волконского, хорошо ему знакомого.

Первое заседание 19 июля Ключевский промолчал, но на втором, 21 июля, взял слово для краткой реплики в пользу защиты права Думы ставить вопрос об изменении и расширении ее собственных прав и полномочий. Реакционно настроенные участники собрания повели атаку на этот пункт обсуждавшегося проекта. Ключевский довольно хитроумно облек начало реплики в форму вопроса, непосредственно адресованного Николаю II; он спро-

сил, не находит ли его величество противоречия между царскими словами, сказанными месяц назад на приеме одной из депутатий, и тенденцией к ограничению законодательного почина Думы, проявившейся в Петергофе? Там царь говорил, что в дальнейшем жизнь укажет пути к устранению несовершенств в этом новом и большом деле: «Все эти несовершенства прежде всего почувствуются самой Думою, и потому именно за нею должен быть обеспечен почин возбуждения перед вашим величеством в установленном порядке ходатайств об усовершенствовании предстоящего к изданию органического закона»¹⁰⁷. Николай II ничего не ответил Ключевскому, видимо не очень разобравшись в его вопросе, и предоставил очередное слово следующему оратору. Если вникнуть в реплику Ключевского, она очень своеобразна по сути: идет обсуждение важного конституционного закона — положение о деятельности Думы, а Ключевский предлагает в последних словах именно этой, еще не собравшейся Думе обеспечить почин ходатайств об усовершенствовании «предстоящего к изданию» органического закона о ней самой. Так или иначе реплика была, несомненно, в пользу расширения прав о законодательном почине Думы, т. е. исходила слева, а не справа. Этикет, конечно, был нарушен — царю указали на противоречие в его собственных выступлениях. Попросту говоря, Ключевский спросил его: что же это вы, ваше царское величество, говорите сегодня одно, а завтра другое?

На этом же заседании Ключевский попросил слова вторично. Шло обсуждение вопроса: какое мнение, высказанное в Думе, пойдет на утверждение царя — только ли мнение большинства или также (согласно практике Государственного совета) мнение меньшинства членов? Большинство ретроградов ратовали за практику Государственного совета. Ключевский на этот раз не ограничился репликой, а выступил с довольно большой речью, решительно настаивая на необходимости докладывать царю только мнение большинства. Опираясь прежде всего на существо дела — только Дума может довести до сведения правительства действительно преобладающее общественное мнение, в этом одна из ее важнейших функций, он ссылаясь также на исторические традиции: «Спрашивались народные представители уже в XVI, XVII веках, но созывавшиеся соборы не представляли верховной власти двух мнений. Всегда сводили к тому, что на высочайшее благоволение повергалось одно мнение, для изложения коего установилась стереотипная форма: „Как решить, то воля государя и его бояр, а мы приносим свое мнение и жертвовать всем готовы“»¹⁰⁸. Таким образом, московское правительство «чувствовало пульс жизни»¹⁰⁹.

Историку творчества Ключевского остается только руками развести: а как же работа Ключевского о Земских соборах, в которой как раз Ключевский отрицал, что Земские соборы — предста-

вительный орган, а его члены — «народные представители»? Видимо, он изменил в 1905 г. свою концепцию, что, кстати, мы увидим и в «Курсе». Далее в своем выступлении он ссылаясь и на слова царя Алексея: «Мира все слушают» и даже об Екатерине II сказал, что она «внимала голосу народа», созвала представителей в 1767 г. и «по речам их узнала истинные желания народа». Она даже сравнивала, говорил Ключевский, «наших представителей с генеральными штатами во Франции и говорила, что от своих людей она узнала, где башмак жмет ногу...». Из всех приведенных им данных Ключевский выводил, что до правительства должно восходить лишь мнение большинства, и если власти пойдут на представление двух мнений, они не смогут узнать истинное народное мнение ¹¹⁰.

Выступавший вслед за Ключевским Н. С. Таганцев и ряд других ораторов высказались в том же духе, но ретрограды не дремали, защищая противоположную точку зрения. Прения перешли на почву опасений — не ограничивается ли самодержавие, и высшие бюрократы совместно с великими князьями стали всячески подчеркивать необходимость никак не ограничивать самодержавие. Ключевский, как видим, вмешался в очень острый политический спор и не оказался на стороне ретроградов.

Самым ярким, всем запомнившимся выступлением Ключевского была его речь о вреде сословного представительства, вопрос о котором обсуждался на заседании 23 июля. Речь шла о том, проводить ли выборы по сословным куриям или по смешанным. Превалирующее на Петергофских совещаниях дворянство многократно поднимало голос за сословные выборы. Сделав в начале выступления несомненно стойкую ему усилием оговорку о «заслугах дворянства» (мы знаем, как «высоко» он ценил его!), Ключевский сразу заявил, что не намерен «на них останавливаться», и считает, что дворянство принесло пользу именно там, «где оно является не представителем сословия», а работает вместе со всеми другими слоями населения, а именно — в земской деятельности, когда оно приносит с собой «не сословные предания», а радеет об общем благе. Ключевский напомнил, что в течение 200 лет дворянству было обеспечено высшее образование, «в то время, когда доступ к нему был почти прегражден прочим классам населения, когда о народных школах и не было помина, — должны же были [эти заботы] принести полезные результаты». Сделав еще несколько вынужденных «реверансов» по адресу дворянства, Ключевский приходил к выводу, что сословная организация ныне устарела, что в смешанных собраниях дворяне находятся под нравственным контролем своих сочленов, принадлежащих к другим сословиям, что пользу приносит не только дворянство, но и другие сословия. Он решительно высказывался против выборов «на сословном начале» — и даже употребил термин «класс»: «Ин-

тересы населения получили бы крайне неодинаковое по разным местностям, весьма неравномерное в отношении отдельных классов выражение...» Высказывалось опасение, что узаконение смешанных выборов будет «похоронами дворянству». «Не думаю, чтобы так скоро пришлось служить по нем панихиду» (хотя в предисловии к «Боярской думе» уже считал его «археологической» древностью!). Заметив, что «экономическое положение дворянства» далеко не безнадежно и «хотя дворянский земельный фонд тает довольно быстро», оно, вероятно, сохранит в Думе «преобладающее число мест», тем более что имеет плюс «культурного превосходства». Вернувшись к экономическому положению дворянства и, видимо, желая уравновесить «реверансы» горечью истины, Ключевский вдруг подчеркнул, что обезземеление дворянства — неизбежное последствие экономической эволюции, что с этим «нельзя не считаться...».

Если почти сплошь дворянское петергофское совещание слушало речь Ключевского, вероятно, с раздражением, то яркий конец речи не мог не привести это состояние к апогею. «Какое впечатление произведет сословность выборов на народ? Я не хочу быть зловещим пророком. Но она может быть истолкована в смысле создания Государственной думы для защиты сословных интересов дворянства. Тогда восстанет в народном воображении мрачный призрак сословного царя. Да избавит нас бог от таких последствий... больше, чем неудобно, скажу прямо — опасно устанавливать выборы в Думу на сословном начале».

Это было самым большим и ярким выступлением Ключевского. Последний раз Ключевский выступил на последнем — пятом — заседании Петергофских совещаний, 26 июля. Вопрос шел о «раздельности» выборов членов Думы от крестьян. Ключевский и здесь вполне последовательно высказался за смешанные выборы. Очень интересна его точка зрения на капиталистическое расслоение крестьянства. «Не следует забывать, — говорил он, — что крестьянство не является вполне однородною группою населения. В нем уже начался серьезный процесс дифференциации, распадаения по различным интересам». Не употребляя слова «кулак», заменяя его понятием «сильный и властный» крестьянин, который является преимущественно защитником своих собственных интересов, «лишь отчасти совпадающих, а иногда и противоречащих благу меньшей их братии», Ключевский выразил опасение, что при раздельных выборах «именно такие личности попадут в члены Думы». А при слиянии выборщиков в общем избирательном собрании губернии этой опасности не будет¹¹¹.

Суммируя впечатление от всех выступлений Ключевского на Петергофских совещаниях, приходишь к выводу, что всюду он по сравнению с другими членами держался левых позиций. Профессор Н. М. Павлов не обманул ожиданий властей и в своих

крайне бездарных и промонархических выступлениях поддерживал мнение ретроградов. «Что касается Ключевского, — писал П. Н. Милюков, — то со свойственным ему лукавым юмором он рассказывал мне, как попал в самое ядро дворянской группы, рассчитывавшей видеть в нем «своего». Ошибка была замечена лишь через несколько дней, в течение которых Ключевский сделался невольным свидетелем секретных обсуждений вопроса о том, как держать себя на совещании, главным образом в вопросе о будущем избирательном законе»¹¹².

Ключевский сам пересказал Милюкову свои выступления и точно воспроизвел слова о мрачном призраке сословного царя. Эти свидетельства ценны, поскольку в дневнике Ключевского есть только одна запись о Петергофских совещаниях от 19 июля, с самым кратким пересказом выступлений Игнатьева, Трепова, Манухина, Иксуля и ряда других и с пропуском собственных выступлений.

30 июля 1905 г. в Мариинском дворце в зале Государственного совета Ключевский принял участие в выработке манифеста от 6 августа 1905 г. под председательством К. П. Победоносцева. В его дневнике через неделю — выразительная запись о Государственной думе: «Равнодушие в народе»¹¹³.

На следующий день, 7 августа 1905 г., был вторично арестован П. Н. Милюков (по причине участия в Союзе Союзов). Этот арест имел ту особенность, что при обыске были взяты какие-то, очевидно не подлежащие оглашению, бумаги, принадлежавшие лично Ключевскому.

Каким-то образом оказался связан с этим делом и родной брат жены Ключевского Николай Михайлович Бородин, старший бухгалтер Петербургского железнодорожного узла. Дело это в целом пока до конца не ясно, и на основе писем Ключевского можно сказать о нем лишь следующее. Узнав об аресте Милюкова, Ключевский пишет заступническое письмо никому иному, как Трепову, с которым он только что заседал в Петергофе, дает там умеренную характеристику Милюкова, которого не стоит делать «жертвой», просит его освободить. В копии письма последний абзац таков: «Еще покорнейшая просьба о принадлежащих мне и взятых у г[осподи]на Милюкова при аресте документах по делу о Го[сударственной] думе. Они переданы ему не мною, но я не требовал их возвращения в полной и вполне г-ном Милюковым оправданной уверенности, что он не злоупотребит ими. Вы обяжете меня глубокой Вам благодарностью, разрешив или указав мне средство получить обратно эти бумаги»¹¹⁴. Письмо — черновик, было ли оно отослано, мы не знаем. Но рядом другой черновик, письмо Н. М. Бородину, которому уже послана от Ключевского телеграмма об упомянутых материалах. В «выручении» не подлежащих распространению материалов, принадлежащих

Ключевскому, замешана и жена Милюкова Анна Сергеевна, согласная для этого даже ехать в Москву (вероятно, из Петербурга?). О себе — в третьем лице — Ключевский пишет, что, если «В. О... узнает о случившемся, будет в высшей степени взволнован и потрясен». Ребус упрощается, если предположить, что речь идет еще о каких-то других бумагах Ключевского, не взятых при аресте, но которые крайне важно поскорее «выручить». Мы не знаем, чем кончилось дело, вероятно, в исходе своем благополучно, но оно все же является дополнительным штрихом в политической характеристике Ключевского.

Вероятно, в конце августа Ключевский был дома. Восстанавливая его передвижения и занятость текущего года, надо признать неизбежной крайнюю задержку в работе над вторым томом «Курса», который он хотел закончить в этом же году. Каждый день его пребывания в Москве теперь посвящен этому, но весна и лето в сущности оказались вычеркнутыми из работы. Так или иначе второе издание первого тома готово, и поскольку оно вышло в начале 1906 г., то должно было быть сдано, судя по прежней практике, где-то не позже сентября.

События между тем нарастают. Под 21—24 августа в дневнике запись: «Резня татар с армянами в Баку. Разгром нефтяных промыслов. До 500 вышек сожжено». В начале сентября в дневнике отмечены многолюдные сходки студентов Московского университета. Студенческое движение разрастается и захватывает другие высшие учебные заведения. Возникают объединенные сходки студентов. Записи Ключевского в дневнике от 7 и 9 сентября касаются и движения в Духовной академии: «Сходки студентов. Из 1800 участников 1200 с чем-то за возобновление занятий или за отказ от противодействия их возобновлению без отказа от революционной деятельности или по крайней мере от оппозиционной... (Академия). Сколько-то за резолюцию с обструкцией (Революц[ионная] трибуна)». Последние слова относятся, очевидно, к требованию студентов открыть аудитории высших учебных заведений для общегражданских революционных собраний. 15 сентября запись, содержащая в самом конце несколько слов об очень значительном событии в жизни Ключевского, требующем комментария. «Открыт университет. Начаты занятия под условием, чтобы студенческие сходки, устрояемые явочным порядком, не мешали чтению лекций. Новгор[одце]ва освистали, Филиппова выжили из аудитории. В академии о возможности отставки»¹¹⁵.

Речь идет о возможности его, Ключевского, отставки из Духовной академии, в которой он преподавал уже более 30 лет...

Больше в дневнике об этом ни слова, и мы вынуждены обратиться к другим документам, чтобы понять, что же случилось. По свидетельству И. М. Громогласова, когда в 1905 г. «остано-

вилаась академическая жизнь», то чтобы «пустить ее снова в ход», передовые элементы академии сочли необходимым потребовать «автономного строя», подобного университетской автономии. В академии была составлена записка 22 профессоров и преподавателей, которая говорила о необходимости «распространения на академию автономных правил». Первым записку подписал Ключевский. Все это вызвало резкое недовольство ректора академии епископа Евдокима, обостренное еще и личным его столкновением с Ключевским. В сентябре 1905 г. в частной беседе с ректором Ключевский сказал ему о своем предположении, что студенческое движение в университете вроде бы затихает и занятия скоро войдут в обычную колею. Без разрешения Ключевского ректор в своем официальном письменном обращении к студентам академии сослался на слова Ключевского, используя его авторитет, желая успокоить студентов в самой Духовной академии. Ключевский, узнав об этом, был вне себя от возмущения, подобная бесцеремонность задевала его личную честь. Он, всегда сдержанный, вступил в резкие личные объяснения с ректором. Уже пережив одно «недоразумение» с университетским студенчеством в 1894 г., он не хотел возможности повторения. Вероятно, обострение личных отношений с ректором было столь значительно, что Ключевский сделал в своем дневнике цитированную запись. Очевидно, 17 сентября он шел в университет начинать курс с большим беспокойством. Неприятность в академии могла приложиться еще и к слуху, что «лукавый царедворец» был опять зван царем — на этот раз для обсуждения в Петербурге куцой Булыгинской думы, пародии на представительные права граждан и конституционное учреждение. Но 17 сентября все как-то обошлось, побледнело в предгрозовой обстановке.

«Я начал курс, — записал в дневнике Ключевский, — встретили молча, провожали шумным одобрением. Дичились друг друга, я их, они — меня»¹¹⁶.

Еще один острый эпизод жизни Ключевского относится, вероятно, к этому времени. Вернувшийся из Америки С. Ю. Витте, готовя в нарастающей волне революционных событий новый конституционный документ, который сопровождал манифесту 17 октября, встретился с необходимостью исторически проверить, можно ли понятия «самодержец», «самодержавный» применять к российскому императору с момента возглавления им конституционной монархии. Дело происходило «после 17 октября», когда Витте, как сказано в «Русском слове», «вырабатывал основные законы» (но не позже 20 апреля 1906 г., добавим мы, когда Витте ушел в отставку). Витте просил Ключевского (через своих подчиненных) «разработать вопрос с научной точки зрения». Профессор уклонился от неприятного поручения и сказал, что вместо него это может выполнить приват-доцент С. Князьков. Последний

составил на эту тему записку («брошюру»), которая издана не была, но будто бы сыграла свою роль в сохранении терминов «самодержавный» и «самодержец»¹¹⁷.

В конце сентября, когда накануне октябрьской всероссийской стачки в стране усиливается забастовочная борьба, растет и движение студенчества. В ряде случаев оно стремится соединиться с движением рабочих. Происходит и объединение между собой студентов различных учебных заведений. Общие собрания чаще всего проходят в больших аудиториях университета. Судя по записям дневника Ключевского, он присутствует на ряде таких собраний: «Сходка студентов до 5 часов», — записывает он под 21 сентября 1905 г. «Сходка с курсистками, забастовавшими типографскими рабочими и другими посторонними с 7—8 часов. Рабочих с малолетками (8—9 лет) свыше 1000, курсисток до 500, студентов у[ниверсите]та много, других высших уч[ебных] заведений еще больше, всего до 4000; были и гимназисты. На лестнице юр[идического] корпуса опасность разрушения перил». Университет решено закрыть. Новая запись о сходке и речах на ней 22 сентября. 27 отмечено начало 11-дневной забастовки типографских наборщиков и прекращение выпуска газет.

29 сентября в Петербурге на заседании совета министра просвещения умер после резкого столкновения с министром ректор Московского университета князь С. Н. Трубецкой. Ключевский едет в Петербург от Московского университета с венком на гроб ректора. В дневнике упомянута процессия с гробом на Николаевский вокзал (похороны ректора в Москве). Смерть ректора всех потрясла, вызвала демонстрации и в Петербурге — на Невском карета встречается с огромной толпой, движущейся от вокзала после проводов гроба; вагон с гробом тайно оставлен на некоторое время на запасном пути в Петербурге «во избежание демонстраций на фабричных пунктах». 3 октября запись в дневнике о похоронах ректора. Гроб несли на руках от университетской церкви до Донского монастыря в продолжение шести часов. В передних рядах процессии пели «Вечную память», в задних — «Марсельезу русскую», текст которой, между прочим, Ключевский сохранил в своем архиве. По требованию студентов полиции во время похорон не было — на то был 1905 год, но «казаки на Донской [ул.] при возвращении процессии, их атаки и камни в них из толпы» отмечены Ключевским в дневнике (ему из Донского монастыря как раз идти домой на Житную по Донской, следовательно, это личные впечатления). Отмечен арест семи студентов.

6 октября Ключевский записывает: «Забастовка всех дух[овных] академий с требованием введения временных правил 27 августа. Приезд митрополита в Московскую академию и его неудачные переговоры со студентами и профессорами».

9 октября запись о начале железнодорожной забастовки. Так входит в дневник Ключевского и возникновение октябрьской всероссийской политической стачки («Октябрьская всеобщая забастовка» — отмечено в октябрьском дневнике). Дальше — кратчайшее упоминание: «17 окт. — манифест». Перед этим: «...с 6 авг. основные законы существуют лишь на бумаге; Гос[ударственная] дума пока остается только небольшою дырой, которую народные представители превратят в широко раскрытую дверь, как только соберутся». Вслед за этим под 26 октября запись: «Военный бунт в Кронштадте»¹¹⁸.

Перед лицом приближающихся выборов в Думу формируются политические партии. Заметим, что Ключевский нигде не упоминает об учредительном съезде кадетской партии 12—18 октября и, по-видимому, не принимает в нем участия, не будучи членом партии кадетов. То же относится к ноябрьскому учредительному съезду партии октябристов. Сам он вообще не сочувствует политическим партиям, как таковым, о чем прямо высказывается в декабре того же года. Но любопытно, что деятели как той, так и другой партий так и выются около него, стремясь заполучить его формулировки по тем или иным вопросам и уж, конечно, желая завоевать его самого. Во «втором» дневнике любопытнейшие записи о его политических позициях и оценке текущего момента, видимо возникшие из каких-то столкновений с Гучковым, давним его знакомым. Запись датирована 21 октября; озаглавлена: «Для Гучк[овы]х». В записке сначала оценка позиции правительства: оно «отказалось от своей роли, не мирит враждующих и не сдерживает крайних, ни левых, ни правых, которые оказываются еще анархичнее самих левых», последнее замечание особенно любопытно; поскольку Ключевский — противник анархии, то выходит, для него в данный момент крайне правые еще хуже крайне левых. Далее обсуждение позиции нарождающейся партии «свободного порядка», очевидно, эмбриона возникающих октябристов, оформление которых произойдет в следующем месяце: «Всего тяжелее, — пишет Ключевский для Гучкова, — положение умеренно-либеральной середины, партии своб[одного] порядка. Она жаждет мирной созидательной работы на почве дарованных прав; но она не организована и не знает, что делать. Идти своей дорогой она не может, потому что она не собралась еще в дорогу и у нее нет своей дороги, нет определенной программы: в одном она гнет направо, в другом ее тянет налево. Она может крепко стать за манифест 17 октября в надежде, что правительство поддержит ее на этой позиции. Но оно может и не сделать этого, не будет противодействовать агитации за четырехгранное голосование и Учредительное собрание, и тогда партии порядка придется поневоле слиться с черной сотней. Не поддержанная правительством, она может повернуть налево; но ее встре-

тят здесь как просящую помощи и навязжут ей свои требования, заставят отказаться от самой себя. Как пассивное ни то ни се, она подвергнется двустороннему обстреливанию с той и другой стороны».

Нельзя сказать, что Ключевский поощрил Гучкова. Он указал ему довольно мрачную перспективу и откровенно подчеркнул связь формируемой им партии с самодержавием, зависимость от него и возможность слияния с черной сотней.

Далее следуют полемические замечания Ключевского о Польше: «Мы присоединили Польшу, а не поляков, приобрели страну, но потеряли народ... Завоевание надобно поставить на почву соглашения, силу заменить правом». В ноябрьской записи для Гучкова, сосредоточенной также на взаимоотношениях России и Польши и на постановке вопроса в будущей Думе, любопытны полемические замечания, похожие на заметки, сделанные при чтении какого-то документа, вероятно, проекта речи Гучкова, в которой предполагалось «задеть польский вопрос». Например: «2. Молчи о праве собственности. 3. Социализм — не отнятие собственности, а ее эволюция (сама исчезает). Не по русской истории. *Промолчите*»¹¹⁹.

И формирующаяся партия кадетов испытывала нужду в Ключевском. Суждение историка о сложившемся в России положении перед возникновением партий и первым в истории России голосованием в представительное конституционное учреждение страны всем было необходимо. В подобные решительные, переломные моменты возникает особая нужда в историке.

Таким образом, около Ключевского выются и просят его мнений и советов обе наиболее влиятельные партии будущей Государственной думы. Но он, критикуя их и «консультируя», пока не намерен входить ни в одну из них.

Надежда на земское движение вызвала повышенное внимание Ключевского к «Земскому съезду» и полнейшее разочарование в нем. 6—10 ноября в дневнике особенно подробная запись, которой он не устаивал куда более значительных явлений, запись, полная горечи и сарказма: «*Земский съезд*. Много речей и долгих речей. Временем не дорожат: у каждого по 48 часов суточных. Во всех речах главная *pars pathetica*, в иных *esthetica*, реже *ethica*, но всего чаще в заключение *pars ironica**. Парламентская корректность до щепетильности: заседание носит характер конституционной литургии, хотя иной оратор только что не называет своего оппонента собачьим сыном. Все хотят высказаться и каждый для того, чтобы убедить самого себя в собственных мыслях.

* *Pars pathetica* — часть патетическая, *pars esthetica* — часть эстетическая, *pars ethica* — часть этическая, *pars ironica* — часть ироническая (лат.).

Так все ищут самих себя, собирают собственные растерянные мысли, и хотя все испуганы общим водоворотом, но каждый жаждет только самодовольства. Ясно одно: всем хочется усвоить конституционно-размашистые манеры, чтобы избавить себя от труда усвоить конституционно-свободные нравы»¹²⁰.

Тем временем руководимый большевиками Московский Совет рабочих депутатов объявляет всеобщую политическую забастовку и становится органом вооруженного восстания. Пресня, Замоскворечье, Рогожско-Симоновский район — главные очаги восстания. День объявления всеобщей стачки — 7 декабря, но и на следующий день еще никаких записей в дневнике нет. С начала баррикадных боев (9 декабря) они появляются в дневнике Ключевского, волею судеб оказавшегося в гуще событий, растерянно стремящегося вникнуть в них. Запись 9—12 [декабря]: «Боевые дни. С утра до поздней ночи стрельба где-то в центре города: пушки разбивают баррикады...» Он, историк, столько раз упоминавший о подобных баррикадах в лекционных курсах всеобщей истории, пока ничего не может понять. Бой двух сторон — правительственной и революционной — налицо. Но смысл? Самоуничтожение обеих? Ему все непонятно, он ищет отсутствия смысла в явлениях революции, так ему вроде бы легче. В самом деле, «сооружению и восстановлению» баррикад «никто не мешает», по изготовлении их «заботливо обстреливают, предупредомя строителей, когда им следует утекать от огня. Обе стороны спелись и стройным дуэтом тянут песню самоуничтожения...» Смысл событий ускользает от него. Но он — весь в событиях, стараясь понять их: «9-го объявлена всеобщая забастовка, и железные дороги одна за другой прекращают движение в ожидании, когда окрестные крестьяне начнут разносить станции и избивать служащих. 10-го Моск[овский] исполнительный комитет Союза рабочих делегатов предписал к 6 часам вечера вооруженное восстание, но оно началось раньше с револьверами, палашами, что кому удалось добыть, против нагаек, винтовок, пушек и пулеметов...» Нанизывается цепь случайных обывательских пояснений: ... не успели «запастись хоть напрокат рассудком»... Нет, это «от нечего делать...». Нет, скорее «от неумения сделать что-нибудь...». Все, видите ли, «принялись играть, одни в конституцию, другие в революцию» ... Метаться среди формул мелкого обывательского разума ему самому противно, ведь все разное: одно дело — отсутствие рассудка, другое — от «нечего делать» и совсем иное — «неумение сделать что-нибудь». Видя, что сам он не может что-либо сделать или предложить, записывает четвертую формулу — обывательскую: в игрушки, мол, играют... И тут находится «выход» — разоблачить власть. Здесь он дает волю накопившемуся сарказму: «Одна власть, как настоящая кукла, ни во что не играет, даже в самое себя...» Она стала ждать, «когда ее спрячут в детский шка-

фик... она всегда отрицала свободу, никогда не умела выразить, что она и есть опора свободы и потому, даровав свободу своим подданным, она умозаклучила, что этим упразднила себя...». Но кто же все-таки стреляет в восставших рабочих из пушек и пулеметов? Ключевский растеряннo спрашивает об этом, хотя сам только что упомянул их. Власть «привыкла видеть в подданных своих холопов, невольников и их приучила смотреть на нее как на плантатора», она узнала из доклада своих приказчиков, что ее белые негры взбунтовались и «у нее нет сил их перевешать» — и тогда она «заперлась в своей усадьбе» (читай: в Царском Селе или Петергофе), решив посмотреть, что выйдет «из всей этой кутерьмы»...¹²¹

Только что сказав, что все происходит от неумения «сделать что-нибудь», он в полном противоречии с этим переменяется на лозунг Учредительного собрания и, обругав его, как обезьянничание (ироническое: «так бывало за границей, так должно быть и у нас»), начинает критику лозунга. Ведь вопрос уже «предрешен» манифестом 17 октября: «Там верховная власть уже ограничила себя, только довольно односторонне, — с левого бока». С правого, стало быть, не ограничила: «Царь обещал не издавать закона, не одобренного Г[осударственной] думой, как благовоспитанный кавалер не целует даму без ее согласия. Но там нет обещания утверждать закон, *требуемый* Г[осударственной] думой...»¹²² Перед Учредительным собранием «предстанут три дороги»: или оно утвердит порядок, провозглашенный Манифестом 17 октября, — тогда оно не нужно, ведь манифест уже есть, и Дума собирается на его основе; или оно вопреки манифесту восстановит «полное, затхлое черносотенное самодержавие и тогда явит себя совсем реакционным»; или, наконец, оно может, «отменив всякую монархию, самодержавную и полусамодержавную, провозгласить республику, и тогда оно, призванное для водворения законного порядка, окажется революционным». Образ «трех дорог» не первый раз встречается в дневнике Ключевского. Дальше читатель с нетерпением ждет итогов и выбора одного из трех путей. Итак, продолжает Ключевский, «Учредительному собранию придется выбирать между реакцией, революцией и собственной ненужностью, т. е. анархией, ибо его будут слушать еще менее, чем самодержавного Витте или Трепова...» Так какой же путь выбрать?.. Выбора не сделано. Как и раньше когда-то, в вопросе о трех путях...¹²³

Ясно, что манифест 17 октября не удовлетворил Ключевского тем, что не ограничил самодержавие «справа» и не дал Думе нужных законодательных прав (требовать закон). Ясно, что он против черносотенного варианта. Остается только республика. Но у него нет сил высказаться за нее, его обуревают страх перед ней. Он больно наталкивается на пограничную стенку собственного

мировоззрения и не знает, как же ответить на вопрос себе самому.

Следующая запись 19 декабря, через неделю, конечно, вновь посвящена непрекращающемуся вооруженному восстанию. «Канонада слышна до 1 часа ночи». И дальше те же сомнения и попытки помочь себе иронизированием: «Вероятно, это выпускают неизрасходованные снаряды, чтобы не сдавать их обратно в цейхгауз, не марать журнала. Что случилось? Надобно найти смысл и в бессмыслице: в этом неприятная обязанность историка, в умном деле найти смысл сумеет всякий философ. Вооруженное восстание — это прием касторового масла для нашего государственного и общественного организма: он даст мало питательного, но прочистит желудок для здорового питания»¹²⁴. Далее четыре строки оставлены чистыми и заполнены не были. На этом Ключевский вообще прервал дневник о 1905 г. — первый дневник... Он перешел теперь на «второй», причем на следующий же день.

В тот день, когда Ключевский заносил в дневник эту последнюю запись, 19 декабря, восставшие прекратили вооруженную борьбу, восстание потерпело поражение. Свидетельство Ключевского, что 19 декабря в Москве «канонада была слышна до 1 часа ночи» (т. е. ночи на 20 декабря), приобретает общен исторический интерес свидетельства москвича-очевидца.

20 декабря во «втором» дневнике Ключевский пытается суммировать свои впечатления, определить главное в текущем моменте и ответить себе на вопрос о партиях. Его активные критические «консультации» формирующимся партиям сопровождалась нежеланием в них вступать — и пока — на принципиальной основе. Она изложена во «втором» дневнике 20 декабря 1905 г. под заглавием «Политич[еские] мысли» (заголовок написан красным карандашом): «Я не сочувствую партиям, манифесты которых сыплются в газетах. Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации народного представительства». Следуют доводы. «Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта, 2) игра в жмурки. Манифесты выставляют политические принципы, но ими прикрываются гражданские интересы»...¹²⁵ Для точного понимания последних слов необходимо вспомнить, что «гражданскими интересами» Ключевский именовал «интересы» экономические и употреблял это выражение взамен «классовых интересов», которые редко называл столь прямо. Никак не желая отступить от убеждения, что классовые интересы примиримы, что люди «добровольно отдают себя» в руки лиц, имеющих капитал и управляющих «нитем народного труда», он столь же прочно застыл на понимании правительства как организации, обязанной и могущей всех примирить, преследовать цели «общего блага». Любопытно, что в свете переживаемых им событий (декабрь 1905 г. — месяц вооруженного восстания!) он, продумывая все

еще раз, продолжал держаться того, что казалось ему аксиомами. Написав слова «ими прикрываются гражданские интересы», он продолжал: «А представительство частных интересов — это такой анахронизм, с которым пора расстаться». Вывод рассуждения очень своеобразен: «Все платформы грешат одним недосмотром: они спешат установить, т. е. предопределить *направление* нашего будущего конституционного законодательства, а наша ближайшая задача и забота — обеспечить и подготовить самый *орган* конституционного представительства».

Казалось бы, тут внутреннее противоречие: ведь *направление* законодательства и будет дано устройством и сутью его *органа*, почему одно противопоставлять другому? Но в контексте записи выясняется основная мысль: «Народное представительство — общее благо: это внутренняя связь частных интересов». Следовательно, Ключевский органически связывает с самой структурой органа конституционного представительства функцию *примирения* частных или гражданских, по его терминологии, интересов. Ошибемся в структуре — примирения не будет. Выработаем правильную структуру — примирение состоится. А публикация манифестов различных партий тут ни при чем, роли не играет.

В этот момент Ключевский и не хочет вступать в какую-либо партию: «Оппозиция против правительства постепенно превратилась в заговор против общества. Этим дело русской свободы было передано из рук либералов в руки хулиганов». Вспомним его мнение в записке для Гучкова: правые «оказываются еще анархичнее самих левых». Его вывод: «Я могу только проявить сочувствие, но не могу принять участие»¹²⁶.

Но прошло немного времени, и Ключевский принял участие... Очевидно, он передумал, колебания остановились в какой-то точке, несмотря на принципиальную позицию, изложенную в «Политических мыслях» 20 декабря! Мы не располагаем точными документами о моменте его вступления в партию кадетов. Но основываясь на только что приведенных его словах, им точно датированных, есть основание считать, что он вступил в партию позже этой даты. Поскольку он баллотировался по партийному кадетскому списку выборщиков в I Государственную думу в Сергиевом Посаде 11—21 марта 1906 г. (так же по точной записи его дневника), мы можем считать, что он «передумал» где-то между концом декабря 1905 г. и, скажем, февралем 1906 г., поскольку участие в выборах требовало официального оформления и регистрации, а для этого необходимо было время.

Близкий в это время к Ключевскому П. Н. Милюков, один из кадетских лидеров, замечает, правда, что «партийную принадлежность Ключевского надо понимать со всеми оговорками, необходимыми, когда речь идет о такой самостоятельной и оригинальной личности». Ключевский сам в разговорах с друзьями оговари-

вался, что по некоторым вопросам он «левее к. д.» В своих воспоминаниях о Ключевском Милюков — уже от себя — дает еще более широкую формулу и признание, что «Ключевский, конечно, стоял ближе к демократически-народническому, чем к конституционно-либеральному течению нашей интеллигенции»¹²⁷.

Любопытны свидетельства Максима Ковалевского, касающиеся этой же стороны дела. «Кто решится утверждать, — спрашивал он, — что Ключевский был консерватором, либералом или социалистом? А между тем в нем лежали черты, позволяющие людям односторонним причислять его к любому из этих направлений». Он был, по мнению Ковалевского, «сам по себе». Особенно любопытно свидетельство М. Ковалевского, что он «счел себя обязанным» выставить свою кандидатуру в Государственную думу именно после длительного разговора «с глазу на глаз» с Ключевским¹²⁸. Очевидно, манящая перспектива стать депутатом, членом Думы и соблазнила Ключевского.

В этих выборах Ковалевский был «счастливее» Ключевского — тому не повезло. Уточним прежде всего, что Ключевский никогда не «баллотировался в I Государственную думу», как часто пишут (и я сама так писала в прежних статьях). Речь шла о выборах выборщиков, первой степени голосования. На этих выборах обыватели Сергиева Посада, имевшие, надо сказать, слабое представление о Ключевском, не захотели выбирать мало знакомого им ученого старика, едва ли знавшего конкретные нужды посада, и доверили свои интересы другому, более надежному кандидату. Ключевский в выборщики не прошел. Он, как говорит не назвавший себя автор публикации «Ключевский на выборах в I Государственную думу», и сам сомневался в своем успехе. В дневнике Ключевского мы читаем лишь скупую строку: «11 и 21 марта. Выборы в Сергиевом Посаде». Это все, о своем провале ни слова¹²⁹.

Нет сомнений, что Ключевский был очень огорчен и уязвлен своим провалом на выборах в Сергиевом Посаде. Но вскоре перед ним встал вопрос о других выборах, была выдвинута его кандидатура в члены Государственного совета от Академии наук и российских университетов. Слухи, что таким представителем предполагают избрать именно его, дошли до него ранее выборов, и он поспешил отклонить свою кандидатуру письмом в редакцию газеты «Русские ведомости» от 8 апреля. Основной причиной отказа выдвигался принципиальный момент: «Я не нахожу положение члена Совета достаточно независимым для свободного в интересах дела обсуждения возникающих вопросов государственной жизни». Другим мотивом, вероятно, являлась затруднительность для Ключевского сменить место жительства — Москву на Петербург (правда, он отметил, что отказ его будто бы «независим» от этого обстоятельства, чему трудно поверить). Между тем 10 ап-

реля избрание состоялось (из 30 голосов Ключевский получил 17 избирательных). Ключевскому пришлось обратиться к председателю Совета министров с письменным заявлением о сложении с себя звания члена Государственного совета. 22 июня председатель Совета министров (Горемыкин) подал об этом «рапорт» Сенату¹³⁰. Вместо Ключевского был назначен профессор Петербургского университета юрист И. Я. Фойницкий. Ключевский опубликовал еще одно письмо об обстоятельствах своего отказа 13 июня в «Русских ведомостях», протестуя против ряда неточных формулировок прессы. Видимо, отказ этот дорого стоил ему самому. Этим небольшим, но все же поворотным событием его жизни и завершается линия его участия в правительственных мероприятиях, привлечение к активным и видным политическим ролям. Он остается глубоко заинтересованным в политических событиях своего времени, следит за ними, откликается на них, как и раньше, даже горячее и активнее, чем раньше. Но желание поскорее двинуть вперед издание «Курса русской истории» становится основным мотивом деятельности этих лет.

«Осложнение занятий в университете и необходимость ускорить издание моего курса русской истории лишают меня в текущем академическом году необходимого досуга для всякой иной научной работы», — пишет Ключевский в октябре 1906 г. в Академию наук, отказываясь написать отзыв о работе М. Грушевского «Очерк истории украинского народа», представленной в Комиссию по присуждению премии А. С. Уварова. «Курс» был в центре его внимания — столько уже раз его отрывали от работы над ним.

О выходе в свет второго издания первого тома «Курса русской истории» уже было сказано. В 1906 г., видимо в конце года, вышел из печати и долгожданный следующий том — второй.

7

Второй том «Курса русской истории» содержал, как и первый, 20 лекций, — с 24-й по 40-ю. Как мы помним, это был период «Руси Верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой». Она вместилась в первый том лишь наполовину. Поэтому окончание периода заняло первые четыре лекции второго тома, первую сотню страниц. Остальные же 16 лекций второго тома — около 300 страниц — были посвящены уже третьему периоду русской истории, названному Ключевским «Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая». Третий период вместился во второй том целиком¹³¹.

В основном работа над вторым томом протекала для Ключевского гораздо легче, чем работа над первым. Позади было мучительное введение к «Курсу», сопровождавшие его сомнения в дневнике. Ни в первом, ни во «втором» дневниках работа над

вторым томом не отразилась, в его тематике все было хорошо знакомым и «обжитым». Но это не значит, что работа была легкой или небольшой по объему. На основе анализа второго тома легко показать, что огромная работа, проделанная автором, учет им собственных исследований 90-х годов показывают, что «Курс» Ключевского не «сложился» в 80-х годах, а был плодом, объединившим сделанное в это время с работой позднейших лет.

В качестве исходной основы — для вкладки или вписки многочисленных вставок и обширных добавлений — Ключевский, естественно, использовал тот же литографированный курс 1882/83 г., записанный в студенческие годы С. Б. Веселовским. Кроме многочисленных добавлений в отдельных местах литографии, написаны вновь две лекции о крестьянах в XV и XVI вв. и заключительная лекция о Земских соборах.

После исправлений и дополнений литография со многими вставками рукописного текста была перепечатана на машинке; перечитывая машинописный текст, Ключевский вставил новые лекции, посвященные монастырскому землевладению, написав их от руки карандашом. Таким образом, он принципиально обогатил прежнюю структуру «Курса» учетом своих позднейших работ¹³². Если проследить за его многочисленными добавлениями, часто очень обширными, к другим частям лекций, мы должны отметить прежде всего вставки структурной функции, оттеняющие переход от одной темы к другой, формирующие мысль, связующую концепцию в целое. Таков, в частности, первый внутренний отдел 1-й лекции второго тома, отраженный в маргинальном заглавии: «Москва начинает собирать удельную Русь». Автор подчеркивает, что оба процесса — дробление Руси в удельные века и собирание этих дробившихся частей в одно целое — шли параллельно и, несмотря на их противоречивость, второй процесс использовал для своих целей результаты первого. В других вставках историк вносил новые литературные данные — таково обширное описание древнего Кремля со ссылкой на книгу И. Е. Забелина «История города Москвы», вышедшую в 1902 г., т. е. всего за четыре года до появления второго тома «Курса» Ключевского. Иногда добавка одной полуфразы обогащала старый текст, делала его более выпуклым, связанным с новой проблемой — так он вставил в текст о месте возникновения Москвы замечание о том, что она возникла «на раздельной линии говоров о и а». Можно заметить некоторое усиление внимания к «пропущенному» Ключевским, как и С. М. Соловьевым, татарскому игу: не восстанавливая проблемы в целом, он вносит в текст ряд существенных попутных упоминаний, обогащающих общую трактовку вопроса. В 22-й лекции, посвященной взаимоотношениям московских князей, большой подотдел (пункт), отмеченный маргинальным заглавием «Влияние татарского ига на княжеские отношения»,

написан заново. Одновременно с этими обобщающими вставками из текста литографии вычеркнуты некоторые детали отношения к татарскому владычеству, особо унижительные для князей, например: «Богатый московский князь покупал в Орде чужое княжество и с помощью татар выгонял вотчинника из его владения»¹³³.

Особенностью изложения второго периода русской истории было у Ключевского то, что он дважды возвращался к истокам и ходу дел в удельном периоде — один раз для характеристики «дробления Руси на княжеские вотчины в потомстве Всеволода III», другой — для рассмотрения «обратного процесса» — того, как одной ветви этого потомства пришлось «собирать эти дробившиеся части в нечто целое» с центром в Москве. Процесс дробления у него отнесен ко времени с VIII по XIII в. включительно, обратный процесс «собираания воедино» хронологически охватывает период с XII по XIV в., частью занимая и XV в., иначе говоря, изучаемые процессы идут, по Ключевскому, параллельно в течение двух веков, далее он следит уже почти исключительно за вторым. Параллельность процессов во времени как-то скрадывалась расположением их в двух разных томах, и историографы в общем не обращали на это внимания. Несмотря на диалектический характер обоих процессов и интерес к их внутренней связи, ни сам Ключевский, ни его последователи не могли эту связь вскрыть, не владея историко-материалистическим методом изучения явлений феодальной раздробленности и не признавая последнюю за феодальной. А. И. Яковлев, ученик Ключевского, излагал, например, следующим образом концепцию своего учителя: «Отрицательными последствиями этого нового уклада были разъединение и распадение тогдашнего общества на отдельные ячейки и его культурное одичание: интересы направлены на самооборону или на подстерегание слабого соседа, на захват его владений и т. п., а забота об общем благе чувствуется очень слабо, татарское иго, накрывшее это морально опустившееся общество, вызвало обострение внутренней борьбы и еще большее ожесточение в сведении личных счетов. На смену этому порядку, органически (?) вырастая из него, развивается новый державный строй с центром в Москве»¹³⁴. Передача концепции точная, но, как и в других случаях, она выявляет отсутствие связи между обоими процессами, и понять, каким образом может органически вырасти из правления одичалых князей и раздробленных уделов цельность Московского государства, у Ключевского нельзя. Идея построения не нова — она от историко-государственной школы, от понимания удельного периода как переходного от родового быта к государственному.

Несколько обновляет эту схему Ключевский темой формирования в это же время великорусской народности. Но хотя нацио-

нальная тема играет у него важную роль и выступает в различные периоды, он лишен возможности дать ей теоретическое обоснование, поскольку принципиально ограничивает свою тематику только политическими и экономическими явлениями. Культура и цивилизация, идейное развитие национального — все это отстранено им от изучаемых процессов. Тут налицо несомненное противоречие в его предпосылках.

Родовому владению эпохи Киевской Руси противопоставлен в удельной Руси принцип вотчинной собственности, Андрей Боголюбский — один из первых его сознательных представителей. Подчеркнута роль географического фактора в возвышении Москвы: важное транзитное значение рек, меньшая опасность от татарского разорения, наконец, центральное расположение города в области тогдашнего распространения великорусской народности. Множество условий, совпав по месту и во времени, обеспечили возвышение Москвы. То, что Москва была младшим уделом, лишало ее князя надежды занять в порядке очередности великокняжеский стол, поэтому московские князья ищут новые пути не по обычаю для укрепления своего положения и приращения богатства — «внимательно высматривают, что лежит плохо», выступают «смелыми хищниками».

Но все же московских князей по сравнению с киевскими Ключевский считает «довольно бледными фигурами» — перед нами-де не личности, а «своеобразные повторения одного и того же фамильного типа».

«Все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий»¹³⁵. Эта острота, прошедшая через устное изложение и вызывавшая проверенное веселье аудитории, вошла и в «Курс». Мало сказать о скептическом отношении к удельным князьям и их междоусобиям — Ключевский буквально разоблачал их, показывая их дикость, ничтожество, непонимание общего блага, отдаленность от государственной идеи, которая слабо блеснула у Андрея Боголюбского и еще у одного-двух представителей княжеского рода. В этой среде постепенно возвышается деловой, скопидомный, ловкий, решительный в действиях «накопитель» земель и власти, бывший удельный «москворецкий князек», который «полтора-два года тому назад выступал мелким хищником, из-за угла подстерегавшим соседей», а к половине XV в. превратился в старшего великого князя московского, «образцового правителя-хозяина, установителя земской тишины и гражданского порядка», народного вождя Руси в борьбе с внешними врагами — татарами, «неверной Литвой», и, наконец, «ближайшего друга и сотрудника главного русского иерарха», чье присутствие сделало Москву и религиозным центром Русской земли.

В генезисе этого возвышения Москвы и ее князей своеобразно, но далеко не ново использование Ключевским и той черты концепций Чичерина и Соловьева, которая усматривала объединительную роль в главенстве татарского хана. Историко-юридическая школа требовала сосредоточения на *внутренних* причинах развития страны и отбрасывала внешние факторы (в их числе — и татарское иго) как моменты, не могущие иметь решающего значения. Власть хана давала удельной Руси, по Ключевскому, призыв к единству, без этого (так думал еще Карамзин) князья разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собой удельные лоскуты. Рассказав о битве против татар на Куликовом поле, битве, в силу которой московский князь получил значение национального вождя Северной Руси, Ключевский, следуя и за Карамзиным, и за Соловьевым, не преминул сделать вставку к литографированному курсу: «Так Орда стала слепым орудием, с помощью которого создавалась политическая и народная сила, направившаяся против нее же». Это обобщение не случайно — в пункте «Влияние татарского ига», выделенном особым заглавием на полях, Ключевский приходит к выводу, что «власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли. Летописцы не напрасно называли поганых агарян батогом Божиим, вразумляющим грешников. Всего удачнее пользовались этим батогами великие князья московские против своей братии».

Таким образом, упрек комментаторов Ключевскому в последнем советском издании «Сочинений» за то, что он «почти не уделил внимания монголо-татарскому игу», требует оговорки: в концепции удельного периода и возвышения Москвы уделил, да еще какое! Есть у Ключевского и отдельные пункты, подчеркнутые особыми заглавиями внутри текста глав («Приостановка татарских нашествий», «Влияние татарского ига») и немало упоминаний об иге в ходе изложения. Важна функция явления в его понимании, и какая! — хотя и своеобразная, но объединительная, складывающая целое из разрозненных и враждующих уделов. Поэтому, когда сила формирующейся великой русской народности — процесс, столь часто упоминающийся у него и столь мало им освещенный и проанализированный, — определяется как основная сила объединения Русской земли, нельзя не почувствовать противоречивости предлагаемой концепции. Тогда перестает удивлять, что только что высоко оцененная им битва 1380 г. на Куликовом поле не помешала ему отнести XIV век «к поре всеобщего упадка на Руси, временам узких чувств и мелких интересов, мелких ничтожных характеров. Среди внешних и внутренних бедствий люди становились робки и малодушны...» Как же так, а борьба с татарами? А умение поднять Русь из пепла? А Куликово поле?

Вопросы и не могут получить ответа, налицо глубокое противоречие в самой концепции¹³⁶.

Анализируя особенности удельного периода в первой части «Курса», приходилось уже отмечать отсутствие обещанного в периодизации освещения Руси «вольно-земледельческой». Оставались надежды на второй том, характеризовавший второй процесс периода — выростание государственного объединения около Москвы (лекции 21—24). Но увы! И тут нет характеристики этой важнейшей проблемы, самым автором определенной как компас явлений экономических. Как же живет и работает стекающаяся к Москве в своем неотвратимо действующем «колониационном процессе» эта «вольно-земледельческая» Русь? Как строится ее существование, как возделывает она поля на верхневолжском суглинке, как выделывает одежду и обувь, как охотится, строит жилье? Каковы, с ее точки зрения, и князь с его управлением, и боярин, и монастырь, и подать татарину? И каким таким путем удалось ей сохранить свою «вольность» и удалось ли? Ведь потом она ее потеряла на века. И какие силы пробудили в ней процессы сложения русской народности, о которых, по Ключевскому, и слышно не было на днепровском черноземе, а ведь она и была основным массивом народности! Что же двинуло эту массу людей и в битву на реке Воже, и на Куликово поле? Ведь не просто княжеский приказ и не то, что через два поколения после татарского нашествия они, мол, не так уж, как их прадеды, боялись татар? Ключевский не мог не размышлять или об этих само собой напрашивающихся простых вопросах, или о каких-то близких к ним, когда смело писал в названии целого периода — «Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая». Но не имея ответа на них и особенно в трудных условиях 1904—1905 гг. не имея и времени, чтобы обдумать эту сторону дела (мысль его билась над тем, как понять то, что происходит вокруг него в революционный год!), он обошел эти вопросы, не сняв все же последних слов в наименовании периода. В нескольких местах этот «вольный» земледелец появляется, чуть-чуть видный в коротенькой полуфразе, реже — в нескольких строках и чаще всего абстрактный, как правило, с позиций интересов князя или монастыря: Иван Калита, можно думать, «заботился об устройстве сельского населения в своих владениях...». За монастырем пошло крестьянское переселение за Волгу после того, как туда пошли новые границы московской территории, мелкие заволжские поселки «вели более двух веков дробную работу по местам...». Меньше всего было разговора о формировании народности, а она, оказывается, уже завершила свое образование к половине XV в., — ей не доставало только политического единства¹³⁷.

При большой широте и рельефности осознанной в периодизации проблематики она усыхает и терпит урон в изложении кон-

кретных глав, бледнея, а подчас и исчезая. Историографически такое положение в науке не может быть оценено однозначно. Плюсом является первичное осознание и постановка вопроса; неумение или методологическая невозможность (именно этот второй вариант — случай Ключевского) — минус, наносящий урон научному изложению процесса, но плюс заявки нового этим не уничтожается. Самими своими противоречиями «Курс» Ключевского будил мысль современников. Это приходится подчеркивать особенно потому, что «удельно-княжеский период» у Ключевского наименее оригинален. Он перенимает тут эстафету непосредственно от С. М. Соловьева, а также от Б. Н. Чичерина. Характеристика удельного князя как собственника удела — эстафета от Соловьева, вотчинное начало — наследие, принятое от Чичерина. Данное во введении новое обещание характеризовать каждый период не только политическими, но и экономическими данными остается в большой мере невыполненным. Государственные элементы ввиду отсутствия в удельные времена забот князей об общем благе отрицаются, политические явления порождаются политическими же, оставаясь необъясненными, отдельные штрихи экономики, встречающиеся в истории возвышения Москвы, — лишь воздействие географического фактора. Сильно надорвав свою связь с историко-юридической школой в истории Руси Днепро-вской, городской, торговой (результат работы над историей Боярской думы), Ключевский во втором периоде — Руси Верхне-волжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой — соскальзывает в основном на прежнюю традиционную трактовку историко-юридической школы.

Было бы, однако, неправильно не выделить то новое, что присутствует в его изложении в противоречии с победившей традиционной концепцией. По сравнению с Соловьевым, в свое время увлеченным для обоих периодов новой для него идеей — переходом родовых отношений в государственные — и смотревшим на удельные времена лишь как на переходный период от родового начала к государственному, Ключевский разворачивает более богатый спектр тематики: элементы экономического развития, деревня, идущая за монастырем и монастырь — за деревней (результат работы над житиями святых), вопрос о формировании великорусской народности. Новым, перелетевшим в курс из политических оценок его бурного времени было повышенное, особо скептическое отношение к князьям — представителям власти, а также умелая дисквалификация власти как с правовой, так и с моральной стороны, причем выполненная с литературным блеском. При этом остается объективное признание и результатов сговора с татарами, и насилие над более слабыми родичами — младшими или старшими — все равно. Ироническая «невозможность» разобрать, «кто из них Иван, а кто Василий», и сатири-

ческая обрисовка всех на одно лицо не мешали Ключевскому и выхватить в необходимом случае нужное лицо, и дать ему объективную оценку, а все-таки принизить власть. Новым было это развенчание власти — князей, выжидавших за углом, как бы нажиться грабежом соседа, занятых лишь «драками» между собой, ничем не напоминающих предтеч «помазанников божиих». Последние как бы с исходных своих корней подлежали развенчанию.

Совсем новой и положительной стороной надо признать удивительную, еще не возникавшую в русской науке литературную форму изложения: живую, чрезвычайно образную при самом высоком уровне академической научности того времени, запечатляющийся рисунок живых людей и прошлых эпох, умение рассказать обо всем так, как будто перед вами путешественник, только что вернувшийся из длительной поездки в прошлое. Богатый, но ненавязчивый юмор, едкая, будто мимоходом данная сатира, умело закутанная академическими покрывалами, большая отчетливость и конкретность изложения, почти лишенного общих мест, и постоянно присутствующий момент *личной* заинтересованности автора в излагаемом сюжете — все это было новым, такого в литературе по общей истории России еще не было. «Соловьев писал длинно и скучно, — говорил Л. Толстой, — а Ключевский — для собственного удовольствия». В этой лапидарной и даже вроде бы случайной и будто неверной характеристике — глубокая мысль: пояснялось между строками, что Соловьеву самому-де было скучновато — не только читателю, а вот Ключевский — иное. И «собственное удовольствие» лектора от изложения передавалось читателю¹³⁸.

Удельный период из нескольких трудно перевариваемых томов Соловьева, в которых не так легко было найти общую мысль, превращался всего в восемь лекций, легко читаемых, богатых проблемами (правда, наполовину нерешенными), легко, блестяще, на редкость хорошо написанных в литературном отношении. В приподнятую, бурлящую сферу интеллектуальной жизни эпохи 1905 г. входило одно из крупнейших произведений буржуазной учености, вздымая своей талантливостью и доходчивостью целый водоворот споров, суждений, понимания, толкований, сопоставлений.

Заметим, что курс истории России, система университетских лекций издавались ведь впервые. Карамзин никогда не читал курса и не ставил себе этой цели при изложении, Соловьев читал, но издавал не курс. Читатель Ключевского сразу становился на ступень университета — самого высшего в стране образования. Педагогическая манера университетского чтения — вопросы к аудитории, ответы, сопоставления противоречивых суждений, обещания в конце лекции продолжить тему «в следующий час» —

все это создавало особую, возвышающую атмосферу чтения книги. Новой — исследовательской — чертой изложения было введение особых параграфов, посвященных тем главным источникам, которые нужны для изучения именно данного периода. Во второй том Ключевский включил особый текст о «Псковской Правде» и параграф, остро-критически озаглавленный: «Договорные грамоты не отвечают действительности» (было о чем порассуждать!).

Теперь Ключевский мог перейти к третьему периоду, им намеченному, — «Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая». Ей во втором томе посвящено 16 лекций. Первые две (25-я и 26-я) сосредоточены на «главных явлениях» третьего периода русской истории. Старое дело территориального собирания Руси Иван III продолжал, «но уже не по-старому»¹³⁹. Новизна заключается, по мнению Ключевского, в тяготении к Москве самих местных обществ, которые раньше «не принимали заметного деятельного участия» в этом территориальном объединении Руси Москвой. Образуется «московская партия» («преимущественно из престоногородья») с несколькими боярами во главе ее в Великом Новгороде, хотя там сильна антимосковская партия; в Твери начинают переходить на сторону Москвы местные бояре и рядовые служилые люди. Среди православных князей, подвластных Литве, также обнаруживаются подобные движения. Собираение Руси получает поэтому новый характер и ускоренный ход. Московское княжество вбирает в себя великорусскую народность, придав ее объединению политический характер, государственные формы. Отсюда и новый облик внешней политики — Московское государство заводит сношения с иноземными державами: Польшей, Литвой, Швецией... Возникает идея национального государства — редкий случай «прямого участия идей в образовании фактов». Вырабатывается понятие общего отечества, таким образом «объединявшаяся Великороссия рождала идею народного государства»¹⁴⁰. Московские бояре от имени Ивана III твердили польско-литовским послам: «Ано и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля из старины от наших прародителей наша отчина». Мысль о государственном единстве Русской земли «из исторического воспоминания теперь превращается в политическое притязание»¹⁴¹. Отсюда «новая генеалогия», от «Августа, кесаря римского — четырнадцатое колено — великий государь Рюрик»¹⁴², сказание о короновании Владимира Мономаха, идея божественного происхождения княжеской власти. К значительным успехам московских умов того времени относится «идея государственного объединения всей Русской земли, национального значения московского государя»¹⁴³ и положенные на него самим богом полномочия блюсти народное благо. Последнее является принципиальным отличием от удельного общества, в котором Ключевский отвергает государственное начало.

Как видим, главные явления третьего периода — политические, идеология новой государственной власти тоже взята лишь как политический фактор. Здесь Ключевский крепко сомкнут с концепцией С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина, но дает рисуемую им картину в превосходном, запоминающемся, живом изложении с подключением ярких фактов и свидетельств, частью не использованных предшественниками. Политика рождает политику, развивается из себя самой, генетически связанная лишь с выделенным, но туманно освещенным и не поставленным на какую-либо теоретическую основу фактом сформировавшейся великорусской народности. От политики сверху, от государства пойдет сейчас вниз, как явление, зависимое от власти, формирование классов и социальных групп. И действительно, следующие три лекции (27—29-я) объединены одним общим заглавием: «Внутренние политические отношения. Московское боярство»¹⁴⁴. С предельной ясностью поясняет автор «Курса» свои теоретические основания. Московское княжество превратилось в великорусское государство, в уме московского государя утвердился новый взгляд на свою власть, а, «заронив в умы новые политические понятия, тот же факт вызвал и новые политические отношения». Яснее не скажешь. Идеалистическая трактовка историко-юридической школы дана тут с большой выразительностью. Ее аксиоматичность для Ключевского в этом тематическом узле вне сомнений. Заметив, что политическое объединение Великороссии «глубоко изменило положение и взаимные отношения классов объединенного русского общества», автор применил столь интересующий его термин «классы», но читатель пусть не ждет множественного числа в последующем изложении. Речь пойдет далее лишь о боярстве — «в меньшей мере как о высшем служебном чине Московского государства», в большей — как о «верхнем слое многочисленного военно-служилого класса в Московском государстве изучаемого времени», как о родословной знати эпохи, причастной к управлению страной.

Мы чувствуем, что идем по намеченному автором плану — уже характеризована Русь Великая (Великороссия!) Московская, теперь мы в следующей сфере — «царско-боярской» Руси. Выделив даже особую рубрику на полях «Боярство как класс», автор удовлетворился чисто политической характеристикой, двумя признаками: принадлежностью к родословному кругу и столичной службой. Рассмотрев сложные вопросы местничества, местнические счета — простой и сложный, Ключевский сосредоточен далее на вопросе столкновения боярства с самодержавным царем, дает блестящую характеристику переписки Ивана Грозного с князем Курбским, приходя к выводу, что стороны так и не поняли, о чем они спорят. «Каждый из них твердит свое и плохо слушает противника. — За что ты бьешь нас, верных слуг своих? — спрашивает

князь Курбский. — Нет, — отвечает ему царь Иван, — русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи». Настоящей причиной раздора был не вопрос о государственном порядке, а династический интерес; «дело шло не о том, как править государством, а о том, кто будет им править»; бояре хотели «выбирать между наследниками престола, когда представится случай». А царь, в котором «наполовину» живы еще были элементы вотчинника-собственника, не хотел поступиться своим правом предсмертного распоряжения вотчиной и стоял на своем: «Кому хочу, тому и дам княжество». Последняя лекция данного раздела, естественно, посвящена опричнине как крупнейшему эпизоду столкновения царя с боярством. С большим литературным талантом повествуя об эпизоде, Ключевский, однако, отходит от пути, намеченного Соловьевым, — признать политически прогрессивное значение опричнины как крупного этапа в установлении самодержавия, важного момента борьбы с боярством. Признать этого Ключевский не мог. Может быть, тут сыграла свою роль и революционная обстановка 1905 г., когда признать позитивный исторический смысл опричнины означало бы признание блага в самодержавном произволе и жестоких расправах. Опричнина, по Ключевскому, была задумана как учреждение, которое должно было «ограждать личную безопасность царя» от заподозренного в крамоле боярства. «Опричнина получила назначение высшей полиции по делам государственной измены». Но, объяснив ее происхождение и назначение, Ключевский считает, что «довольно трудно понять ее политический смысл»¹⁴⁵.

Московское государство XVI в., по Ключевскому, является «абсолютной монархией, но с аристократическим управлением, т. е. правительственным персоналом». Но по традициям удельного вотчинника царь смотрел на свой «правительственный персонал» как на дворовых слуг, государевых холопов. При этом царь действовал не против аристократического боярского класса, а против отдельных лиц, террористически уничтожая сотни неповинных людей при расправе с заподозренным боярином. «Бесцельность опричнины» — так именуется на полях текст основного вывода об опричнине. Думается, это хоть и «шаг назад» от Соловьева, но поиски путей анализа, разоблачающего самодержавие в его раннюю пору, тут налицо. Если бы в руках Ключевского был метод классового анализа центральной власти, выводы могли бы приобрести научное значение. Но власть была бесклассовой, ее цель — общее благо, а тут вдруг такое. Теоретические предпосылки позволяли сделать вывод о бессмысленности учреждения: опричнина, «выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства»¹⁴⁶.

Комментаторы Ключевского справедливо указывают на интересную черновую заметку, не вошедшую в «Курс»: Иван Гроз-

ный «боролся с боярами, считая за ничто народ», — хотел написать Ключевский, но воздержался от этого. Думаю потому, что такая характеристика потребовала бы рассмотрения того же вопроса для правления других властителей, тогда открылся бы гибельный для концепции Ключевского путь, ведущий к крушению его основной презумпции — об общем благе как цели власти и ее бесклассовом характере.

Следующая — одна из знаменитых — лекция в естественной связи с рассмотренным вопросом посвящена интересной, ярко написанной характеристике царя Ивана Грозного. Вслед за этим идет большая обобщающая рубрика «Состав удельного общества», от которой читатель ждет выполнения обещанного — экономики и социального строя эпохи, заявленного в последних словах названия периода «Русь... военно-землевладельческая». Но эта Русь уже совсем исчезает как критерий периода: сейчас, отражая многие страницы «Истории сословий», пройдут перед нами и служилые, и несслужилые элементы служилого класса, характеристика его службы и устройства, разбор поместной системы, характеристика поместья и вотчины... Уделяется большое внимание дворянскому землевладению, есть пункт даже о «служилом землевладельческом пролетариате» (1). Вопрос о крестьянах автор берет лишь в аспекте «влияния поместной системы на судьбу крестьян», конечно, существенном, но самостоятельных рубрик о судьбе крестьянства не выделяется, вопрос полнее характеризуется даже в «Истории сословий». Здесь же внимание историка больше сосредоточено на дворянстве — генезисе его экономической опоры и связи условного владения землей с военной службой и местным управлением. При этом основное внимание отдано юридическим формам укрепления условного поместного владения (не признаваемого Ключевским феодальным).

Изучение юридических форм раскрывается в возникновении первых проявлений крепостного права, закрепощения крестьянства. Из поместного землевладения вырастает крестьянское закрепощение. Поместная же система вырастает из государственной необходимости защиты страны; тут Ключевский смыкается с одним из важнейших устоев историко-юридической школы — ее положением о закрепощении и раскрепощении сословий развивающимся Российским государством, тезисом, подробнейшим образом развитым Б. Н. Чичериным, К. Д. Кавелиным, С. М. Соловьевым. Однако именно тут встречается и новация, предложенная Ключевским читателю, — задолженность крестьян помещику как источник крепостного права. Поселяясь на новых местах, крестьянин брал в долг у помещика, обязываясь работой на барина в уплату долга. Экономическая природа явления и личная денежная ответственность передвигали вопрос из государственной

сферы в область частноправовых отношений. Государство как демиург истории оказывалось отодвинутым от корня явления. И читатель получал больший доступ в экономику деревни XV и XVI вв. В этом условно-прогрессивное значение этой неправильной теории для академической науки того времени. Ставя границы между своим движением и развитием исторического материализма, чураясь его и боясь революционного пути, буржуазная наука все же приходила к необходимости изучения экономики. Экономические темы становились распространенными, даже модными.

Вопрос о составе удельного общества был бы неполон без такой силы, как монастырское духовенство, его землевладение, вотчины, их многочисленное хозяйственное население, от монастыря зависящее и за ним влекущееся в поток колонизации, которую Ключевский, как мы помним, считал для России основным историческим процессом. Подойдя к вопросу о закреплении крестьян, Ключевский почувствовал необходимость написать для первого издания второго тома «Курса» почти совсем заново три лекции о монастырском землевладении (с 34-й по 36-ю), большим знатоком которого был и которому посвятил ранние свои работы в связи с изучением житий святых. Отвергнутая им первая концепция книги о житиях святых как источнике для изучения значения монастырей в процессе колонизации России оставила в наследство этим лекциям немало ценных материалов, использованных для «Курса». Последняя из этих новых лекций (36-я) как раз сосредоточивает внимание на монастырском землевладении и крепостном праве: ведь монастырские вотчины постепенно составлялись из вотчин, пожалованных государем и отдельными вотчинниками в качестве вкладов «по душе» или «для пострижения».

Обширные монастырские владения составлялись из земель служилых людей и из земель казенных и дворцовых. Государство в силу этого немало теряло в своих доходах, обогащая монастыри и терпя переход к ним служилой земли, ранее бывшей источником государственных податей и доходов. Все, что «государственное хозяйство теряло на монастырском землевладении, ему приходилось выручать на крестьянском труде, усиливая его податное напряжение». Борясь с переходами крестьян на льготные монастырские земли, «правительство вынуждено было для ослабления этой опасности полицейскими мерами стеснять крестьянское право перехода». Это «подготовило полицейскую почву» для крестьянской неволи.

Так, монастырское землевладение оказывается силой, способствующей установлению крепостного права. Такое расширение вопроса было новым в науке и значительно углубляло проблему — в этом заслуга Ключевского¹⁴⁷.

Таким образом, семь лекций (с 31 по 37-ю) посвящалось составу удельного общества, социальному составу, добавим мы от себя, практически классовому, хотя этот термин в данном случае употребляется автором неточно и редко. Непосредственный производитель — крестьянин — дан тут Ключевским более подробно и разносторонне, чем раньше, но все же в особом и не исчерпывающем вопроса аспекте — лишь как объект, производящий доходы вотчинника — боярина, служилого человека, монастыря. Причем и производство-то этих доходов более всего изучается с точки зрения владельческих прав и установления определенных государственных норм.

Том завершают три темы, каждой из которых посвящалось по одной лекции. «Управление в Московском государстве XV—XVI вв.» (38-я лекция), за ней стоит огромная работа над «Боярской думой». Формулировки, ее касающиеся, проистекают из прежней концепции, хотя и носят очень осторожный и, видимо, особо продуманный характер.

«Это не был Государственный совет, а скорее княжеский обычай совещаться с боярами о всяком незаурядном деле. Но из этих совещаний, вызываемых частными случаями правительственной практики, исходили частные же сепаративные распоряжения, которые, однако, служили прецедентами для дальнейших однородных случаев и, повторяясь, превращались в общую норму, в закон. Так складывалось удельное законодательство, органом которого была Боярская дума с князем во главе». Пожалуй, эта формулировка, сохраняя решительную «антисергеевичевскую» позицию, выглядит определеннее, чем первоначальная, данная в монографии, — ведь речь идет еще об удельном периоде, а Ключевского уже тревожит образ Государственного совета (для контрастного сопоставления), членом которого он чуть было сам не стал. Он опять приходит к выводу о связи Боярской думы с законодательством. 39-я лекция посвящена местному управлению. Последняя, 40-я лекция представляет особый интерес. Она написана заново для первого издания второго тома и носит общее заглавие «Древнерусское общество и управление». Центральное место занимает вопрос о Земских соборах, но есть отличие от пессимистической оценки этого явления в более ранней специальной работе, посвященной Земским соборам. Хотя в тексте второго тома «Курса» сохранились некоторые определения, взятые из статьи, общий характер лекции и дополнения существенно изменены. Сначала в лекции положения совпадают со статьей и отличия не столь велики. Указано, что в XVI в. собор собирался четыре раза, и рассмотрен, хотя и по необходимости кратко, материал не только по соборам 1566 г. и 1598 г., как в статье, а также по соборам 1550 г. и 1584 г. Ключевский в общем повторяет вывод, что «основой соборного представительства был не общественный вы-

бор по доверию, а правительственный призыв по должности и званию», и точно воспроизводит вывод статьи: «Значит, Земский собор XVI в. был в точном смысле *совещанием правительства* с собственными агентами», приписывая рядом, однако, оговорку нового оттенка: «Таков первичный тип земского представительства на Руси...» Значит, есть еще какой-то более поздний? Это ново по сравнению со статьей, в которой, как мы помним, историк обещал исследовать этот вопрос, но обещания выполнить не успел. Но дальше еще одно соображение Ключевского: «Тогда иначе и не понимали народного представительства...», т. е. речь идет все-таки о каком-то представительстве, только своеобразном. В «Курс» вводится идея, выпавшая из изложения статьи, о том, что состав Земского собора «с каждым созывом становился сложнее, все шире захватывал общество — знак, что уяснялась самая идея общественного представительства». И далее: «Представительство спускается в глубь общества» и «мысль о всеземском соборе уже мелькает в умах...». Пресечение династии ускорило движение мысли о представительстве. «Выборный царь не мог смотреть на государство взглядом наследственного, как на свою вотчину, и его власть, переставая быть *собственностью*, получала характер *должности*, возложенной на него сторонней волей, выражавшейся в соборном приговоре... Вместе с ростом этой идеи расширялся на соборе и состав выборного представительства...». Рисуя перспективу «под занавес» второго тома, Ключевский обещает: «В XVII в., как увидим, изучая нашу историю этого столетия, собор разовьется в настоящее представительное собрание». Такой концепции нет в статье о Земских соборах 90-х годов, она сильно развита и осложнена. Земский собор понимается по-новому. После цитированного выше обнадеживающего заявления Ключевский помещает строки, которые могли быть написаны только в обстановке 1905 г., когда готовился текст второго тома, и отражали «сегодняшние мысли» его дневника: «...но роковые условия русской жизни, для противодействия которым были созываемы Земские соборы, затрут их и надолго заглушат мысль, пытавшуюся в них укрепиться, — мысль об установлении постоянного, законом нормированного притока здоровых общественных сил в состав правящего класса, ежеминутно стремящегося у нас превратиться в замкнутую от народа касту, в чужеродное растение, обвивающее народное тело»¹⁴⁸.

Как видим, в «Курсе» дана не копия старой концепции Земских соборов, отрицавшей их связь с представительными учреждениями, а стало быть, и исторические элементы конституционного строя, поиски которых столь свойственны были общей концепции Ключевского. Речь шла сейчас об итогах темы о Земских соборах. Но Ключевский сделал краткое общее заключение и ко всему тому в целом. В нем он обрисовал строительство царско-

боярского Московского государства, которое «складывалось тяжело и медленно». Это было государство «боевого строя» — вооруженная Великороссия, борющаяся на два фронта на западе и юго-востоке, страна тяглого, неправового характера с резко обособлявшимися сословиями. Государство должно было обеспечить воина — служилого человека: отсюда растет крепостное право. Впрочем, крестьяне сами задолжали помещику. В годы опричнины государство залито кровью от «политического разлада» царя с боярством. Столкнулись две стороны. «Многочисленная страна», т. е. народ, как будто застыла «в оцепенении от страха» перед «какой-нибудь шеститысячной толпой озорников, гнездившихся в лесной берлоге Александровской слободы». «Ход дел указывал старой династии демократический образ действия, непосредственное отношение к народу; но она строила государство вместе с боярством, привыкла действовать с помощью родословной знати. Из образа действий Грозного видно, что у нее и явились было демократические стремления, но остались аристократические привычки и удельные понятия. Она не могла примирить этих противоположностей и погибла в борьбе с этим противоречием»¹⁴⁹.

Эти строки о конце династии писались в том же 1905 г., в революционное время, в год, когда на студенческом Татьянинном дне Ключевский предсказал гибель дома Романовых. Позиции написанного и сказанного очень близки друг другу. Трудно предположить, чтобы сам автор не делал сопоставлений. Он не сочувствовал ни «демократическим стремлениям» Грозного, ни его «аристократическим привычкам». Он не опрокидывал политику в прошлое, он по праву ученого следил за развитием того же явления — самодержавия. Раньше он предполагал довести третий период русской истории «до второго десятилетия XVII в.»¹⁵⁰ — прозрачный псевдоним воцарения дома Романовых. Теперь он завершил его много раньше, отнеся царствование Годунова и Смуту к переходному времени — к началу четвертого периода. Думаю, что причиной этого нового деления было не то, что том «разросся», материал не вмещался, а новый взгляд на рубежи эпох, возникший на основе большой работы при подготовке «Курса» к печати и из размышлений над революционными событиями, на фоне которых протекала работа. Ведь речь шла не о рубеже томов, не о переплетах (он и раньше не очень считался с ними) — вопрос ставился о рубеже эпох, намеченных им периодов. Новый период теперь начинался по-новому.

Третий том «Курса русской истории» Ключевского появился в свет в начале 1908 г. Рукопись тома была сдана в типографию осенью 1907 г. Если окончание работы над ним можно более или менее

точно датировать, то начало не поддается определению. Несомненно, что период общей подготовки к изданию «Курса» в целом охватывал начальную группировку и создание отдельных текстов задуманных томов, в том числе третьего; так, в 1904 г. в 3-й книге «Научного слова» появилась, как уже говорилось, статья Ключевского «А. Л. Ордин-Нащокин — московский государственный человек XVII века» с подзаголовком: «Из приготовляемой к печати III части „Курса русской истории“». Но вплотную начать подготовку и затем сдачу в набор всей рукописи третьего тома в печать Ключевский, естественно, смог лишь после подписания корректур предшествующего второго тома. Поэтому началом сосредоточенной, завершающей работы над третьим томом можно считать примерно середину 1906 г. Заметим, что около этого времени в дневнике историка возникают также записи, нужные и для пятого — последнего — тома «Курса». Так, 24 апреля 1906 г. помещена обширная характеристика русских царей — с Александра I до Николая II, это, несомненно, «заготовка» для пятого тома и одновременно реакция взволнованного гражданина на происходящие революционные события.

Событием, потрясшим Ключевского, был указ 8 июля 1906 г. о роспуске I Государственной думы. Последовавшее за ним «Выборгское воззвание» (9—10 июля), как говорят, вызвало его ярость. Ему казалось, что упущен момент каких-то решающих действий. Если верить свидетельству А. И. Яковлева, Ключевский ждал после роспуска Думы революционного выступления, а не воззвания о неплатеже податей: «Пропущен ценнейший исторический случай свергнуть прогнивший порядок, — воскликнул Ключевский. — Такие моменты не повторяются столетиями. Никакого противодействия со стороны петербургской своры и не было бы: они („окружение Николая II“, — поясняет А. И. Яковлев) сюртуков на депутатах не решились бы изорвать! А наши молодцы сумели только сочинить Выборгское воззвание!»¹⁵¹ Остается все же неясным, как именно должны были, по Ключевскому, действовать «наши молодцы»? Какие способы употребить, чтобы «свергнуть прогнивший порядок»?

Призывы к какому-то открытому революционному действию иногда — очень редко — вырывались, как мы знаем, и раньше у Ключевского, один из примеров — в дневнике его молодости. Все негодование сосредоточено на царизме и его приспешниках, особенно возмущен он Столыпиным. До него доходит слух, будто А. Ф. Кони — деятель, которому он наиболее доверял, — перешел на сторону реакции, изменив своим передовым взглядам. «Известие о вступлении Вашем в мин[истер]ство Столыпина давит меня как кошмар, и я пишу в надежде, что этот кошмар с меня спадет, — пишет он в не свойственном ему волнении. — ... Вас тянут в состав кабинета, распустившего Думу в неотложную

минуту ее работы». Ключевский считает, что Дума консолидировалась в народном сознании «как самый надежный орган верховной власти», и это при бесспорной умеренности, ею проявленной. Он пишет, что сам не ожидал этого, факты оказались новыми для него. Далее в письме раскрыты его карты: разогнанная Дума «неизмеримо умереннее той революционной волны, которая начинает заливать страну, и требование Думы — это самое меньшее, чем может быть достигнуто бескровное успокоение страны». Эти слова, вероятно, точнее передают его настроение после разгона I Думы, чем слова, переданные А. И. Яковлевым. Дума, по мнению Ключевского, — единственное учреждение, «которому верит народ». Войти в министерство Столыпина, поддержать в этот момент царское правительство — значит «помогать осуществлению той идеи заговора, которую разрабатывает Двор и власти, ибо государственных идей без непрерывного содействия Думы они осуществить уже не могут...».

В том же письме царское правительство характеризуется как «сбродный хаос дилетантов или реакционеров». Основная позиция Ключевского — достигнуть «бескровного успокоения страны»¹⁵².

Под 8 сентября в дневнике Ключевского значится список правительственных мероприятий, обративших на себя его внимание. Он начинается выразительным контрастом:

«Марта 4 закон о свободе собраний».

«Августа 19 и 20 учреждение военно-полевых судов в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны...»

Наибольшее место в записи отведено университету. Тут работу автора третьего тома ежедневно пронизывают нарастающие события: «Лекции начались 15 сентября... 2—5 октября [университет] закрыт за сходку в лекционные часы... Объявление о возобновлении занятий с угрозой закрыть университет с увольнением всех студентов за повторение беспорядков. Это произвело впечатление...» Поездка депутации в Петербург к Столыпину с протестом против вмешательства московской администрации в университетские дела... Забастовка «в память Баумана». Шумные сходки, безуспешные увещания ректора. «Сцены перед аудиторией Филиппова (борьба за дверь аудитории и речь барышни, обозвавшей революционеров-студентов хулиганами). Пение похоронного марша. Ректор закрывает университет до 30 октября». Ректор сообщает в вечернем заседании комиссии Совета, что под прикрытием общих сходок в аудиториях идут «конспиративные совещания максималистов; их депутаты грозили ректору, что пойдут на все меры вплоть до бомб...». Завершительная фраза записи: «У[ниверсите]т с двух сторон сжат администрацией и максималистами и, если не сладит с положением, должен погибнуть». Далее в дневнике, в записях 12 августа, отметка о передаче

удельных земель Крестьянскому банку для продажи малоземельным крестьянам, от 27 августа, что казенные земли назначены для той же цели, 19 сентября аналогичная запись о кабинетских землях в Алтайском округе и о понижении платежей Крестьянскому банку. Непоследовательность хронологии записей, о которой говорилось, связана здесь, очевидно, с желанием сконцентрировать университетские события в одном месте для лучшего их обозрения. 22 октября резкая запись о церковных делах, связанных с поместным собором: «Местные православные церкви, теперь существующие, суть сделочные полицейско-политические учреждения, цель которых — успокоить наивно верующие совести одних и зажать крикливо-протестующие рты других...» Запись эта кончается не менее яркой формулировкой: «Русской церкви, как христианского установления, нет и быть не может; есть только рясофорное отделение временно-постоянной государственной охраны»¹⁵³.

Чтобы представить себе реальную сложность работы над «Курсом», надо вспомнить, что в течение 1906—1907 гг. Ключевский не только готовил к печати очередной третий том, но должен был сдать в типографию еще второе издание второго тома «Курса», в которое хотел внести ряд исправлений и изменений; обе книги вышли в начале 1908 г. Одновременно в 1908 г. выходила третьим изданием первая часть «Курса». Конечно, уже отработанная, она вызывала куда меньше забот, но чтение или даже просмотр выходящей вновь большой книги берет силы, время и занимает внимание.

Политические события эпохи окружают работу над третьим томом «Курса», они вступают в какую-то внутреннюю связь с основной его темой — предпосылками Смуты, Смутой, избранием Романовых на царство, первыми Романовыми — Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем; весь XVII век вмещается в третий том. Историк пишет о первых Романовых в момент царствования последнего из них. Несомненность связи этих тем в сознании историка показывают его афоризмы, прямо сопоставляющие начало и (еще не пришедший, но уже им предсказанный!) конец династии: «Наши цари были полезны как грозные боги, бесполезны и как огородные чучелы... Прежние цари и царицы — дрянь, но скрывались во дворце, предоставляя эпически набожной фантазии творить из них кумиров... Варяги создали нам первую династию, варяжка испортила последнюю. Она, эта династия, не доживет до своей поли[тической] смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана. В этом ее счастье и несчастье России и ее народа, притом повторное: ей еще раз грозит безцарствие, смутное время...» Как видим, заключительный аккорд отразил ужас перед грядущей революцией, пугающей либерала. Но историк ясно видит ее приближение. Частью приведенные

строки мы цитировали раньше и еще раз вернемся к ним, когда Ключевский начнет работу над последним задуманным томом «Курса», над историей русского XIX в.

В ноябре 1906 г. Ключевский дает сжатую характеристику общего положения в стране: ее международное значение пало, хотя это и прикрывается дипломатическим приличием. «Флота нет, ни Балтийского, ни Тихоокеанского, нельзя сказать, что его не было, но его нет. Финансы потрясены; кредит заграничный [выродился?] в биржевое попрошайничество, внутренний — в переписку сумм из одной сметной графы в другую, доверие к правительству — выражение, вышедшее из оборотного языка, как архаизм, требующий ученого комментария».

Следует упоминание о крупном скандале — договоре товарища министра внутренних дел Гурко со спекулянтом Лидвалем о поставке хлеба в 1906 г. в голодающие губернии России. Историк приходит к выводу: «Доверие исчерпано, все израсходовано: там (очевидно, «наверху», в царском правительстве. — М. Н.) терять уж нечего. Знаю только, что первое условие проиграть битву — трусить перед ее началом...» Ключевский, выходит, призывает к какой-то форме битвы, «законной», конечно: «Наша беда в нас самих: мы не умеем стоять за закон... Реакционная Дума — не беда! Ее нельзя желать, но не надо бояться». И с принятых им философских и политических позиций дана общая оценка власти в афоризме: «Власть как средство для общего блага нравственно обязывает, власть вопреки общему благу — простой захват»¹⁵⁴. Ясно, что современное положение самодержавия является этим последним, т. е. незаконным захватом власти.

Работа над третьим томом неразлучна с темами об исторической роли боярства и дворянства, причем в это время боярство пришло к падению, дворянство — к возвышению. К сегодняшнему дворянству 1906 г. Ключевский пристально присматривается. Любопытна попытка выхода Ключевского на политическую арену под псевдонимом «Недворянин» — так подписано его письмо в «Русские ведомости», по-видимому оставшееся неопубликованным. Письмо отражает взрыв его возмущения реакцией дворянства на то, что «Выборгское воззвание» подписало несколько дворян. Московское дворянское собрание исключило по этой причине Ф. Ф. Кокошкина и П. Д. Долгорукова из состава дворянства. «Недворянин», который «позволил себе знать историю русского дворянства лучше многих дворян», выражает свое удивление: известно, что жалованная грамота дворянству позволяет исключать из собрания дворянина, который «опорочен судом», но ведь суда-то над дворянами, подписавшими «Выборгское воззвание», еще не было... Странная роль московского дворянства, может быть, оно «соперничает» с государственным судом или хочет «инспирировать» его? Впрочем, это «нелюбопытно»... Важнее на-

помнить о декабристах: декабристы 1825 г. совершили более крупное дело, «нежели «Выборгское воззвание»»: «Они провинились не в подписании бумаги, призывавшей — положим так — к мятежу, а в выводе вооруженных солдат на площадь для известной цели, которую восторжествовавшее правительство *post factum* объявило мятежной. Эти декабристы были дворяне разных губерний, но ни одно губернское дворянское собрание, ни тульское, ни курское, ни само московское, не догадалось исключить из своего состава этих государственных преступников». Московские дворяне, завершает письмо Ключевский, «дождутся своего суда»! Казалось бы, угроза почти революционная. Но, как всегда у Ключевского, значение решительной формулировки снижает помещенная далее не столь решительная: оказывается, поступившие так неправильно московские дворяне «найдут своих судей в себе самих»...¹⁵⁵.

В декабре 1906 г. в дневнике записано о двух террористических актах — убийстве петербургского градоначальника Лауница «на лестнице церкви в здании экспериментальной [ентальной] медицины» и убийстве главного военного прокурора Павлова.

В жизни Ключевского 1906 год отмечен еще одним событием — личным, тяжелым и в то же время имеющим общественное содержание: уходом его из Духовной академии.

О начале разрыва уже говорилось, оно датировано в дневнике 15 сентября 1905 г., когда записана лаконичная фраза: «В академии о возможности отставки».

Теперь создалась трудная, невыносимая для Ключевского обстановка. Реакционно настроенная профессура, давно питавшая вражду к Ключевскому, сплотилась в академии против него. Но и против нее возникло движение передовых сил академии, поддерживающее студенчество, которое горой стояло за любимого профессора. Толки о розни между Ключевским и ретроgrадами вписывались в борьбу времени — для академии это было немаловажным вопросом¹⁵⁶.

Формально событие развернулось так: 5 сентября 1906 г. — через год после первого открытого столкновения с ректором — Ключевский подает в Совет Духовной академии прошение об увольнении. Его заслушали и постановили: послать к Ключевскому на дом депутацию, просить его остаться и продолжать чтение лекций. На следующий же день, 6 сентября, сослуживцы посетили Ключевского в его доме и просили остаться в академии. Прощению Ключевского тем не менее уже был дан ход (что не могло случиться без ректора), и 24 ноября 1906 г. последовал указ Синода за № 13132 об увольнении профессора В. О. Ключевского, согласно его прошению, в отставку от духовно-учебной службы. У сторонников Ключевского тогда появился план — толковать отставку Ключевского как обычную пенсионную отставку по выслуге

лет, подобно тому, как это было сделано в университете, и просить Ключевского продолжать чтение лекций на основе погодного вознаграждения. Ключевский не принял этого плана, ссылаясь на постановление Синода, где такого способа продолжить работу предложено не было. Письмо Ключевского ректору академии с мотивированным отказом от такого предложения датировано 15 января 1907 г. Дочь профессора академии М. Голубцова в своих воспоминаниях о Ключевском пишет: «В 1907 г. Ключевский перестал читать в академии, и, несмотря на старания группы профессоров, его не удалось вернуть. Много тогда было тревоги; в корпорации произошел разрыв, студенты волновались; папа приходил с советов расстроенным до последней степени...» Студенты академии собирали сходки протеста, выносили резолюции, в которых выражалось «негодование по поводу ускоряемой Советом [академии] отставки профессора Ключевского». Далее в резолюции говорилось: «Уход профессора Ключевского составляет большую научную потерю. Студенты Московской духовной академии выражают твердое желание, чтобы Совет академии в интересах науки и преподавания отменил свое постановление об отставке профессора Ключевского и просил бы его продолжать чтение лекций». Ректор медлил с ответом. Общестуденческая сходка собралась вторично, и опять бесплодно, и когда в начале декабря уже стало вполне «официально» известно «об увольнении Василия Осиповича», сходка собралась в третий раз и вынесла решение 7 и 8 декабря 1906 г. провести забастовку и «во избежание возможных недоразумений известить профессоров». Ректор экстренно выехал из Сергиева Посада, а в академии по распоряжению инспектора академии, профессора по кафедре «священного писания» М. Д. Муретова появилось объявление: «По распоряжению заступающего место ректора г. инспектора академии сим объявляется студентам академии, что 7-го и 8-го сего декабря лекций в академии не будет». Так «легализовало» хитрое начальство студенческую забастовку¹⁵⁷.

10 февраля 1907 г. для соблюдения приличий указом Синода за № 1583 Ключевский был утвержден в звании почетного члена Московской духовной академии. Кроме того, он был выбран членом Предсоборного присутствия Синода, но, несмотря на выборы, «остался непреклонен» и «не появился там ни разу», как свидетельствует осведомленный мемуарист, не пожелавший открыть свою фамилию в публикации «Уход В. О. Ключевского из академии» («Русское слово»). Слушатель лекций Ключевского в Духовной академии Николай Богородский в своих воспоминаниях замечает: «Удаление Василия Осиповича из академии — темная страница в летописи ее истории»¹⁵⁸.

Лекции Ключевского были у ретроградов под подозрением, и сомнительно, чтобы слухи о «неблагонадежности» отдельных вы-

сказываний профессора проходили мимо внимания начальства. Однако данными об этом мы пока не располагаем. Слушатель Ключевского в Духовной академии Богородский пишет, что историк многое говорил на лекциях откровенно, надеясь, как он заявлял открыто, «на скромность слушателей и на то, что на лекцию не попадут неизвестные люди». Богородский вспоминает, что, начиная с темы о реформах 60-х годов XIX в., Ключевский объявил им на лекциях, что станет читать «со всею страстностью публициста», так как это жизнь, которая «затронула его». По его же свидетельству, лекции Ключевского, записанные в академии, читались «часто с большой осторожностью, чтобы кто-либо не заметил. В одно время лекции были запретным чтением. Пришлось их издать под странным заголовком «Лекции по зоологии»¹⁵⁹.

Объяснение случившегося было бы неполно без учета той эволюции мировоззрения Ключевского, которую он пережил во время революционных событий 1905—1907 гг. Он и раньше был скептиком по отношению к православной церкви, церковной иерархии и т. д. Но пережитое в революционные годы сильно обострило его скептицизм. Дневниковые записи и афоризмы тех лет на эту тему исключительны по остроте. 15 ноября 1906 г. Ключевский записывает в дневнике: «Как вербуеться наша высшая иерархия? Люди духовного, а в последнее время зачастую и светского звания, обездоленные природой или спалившие свою совесть поведением, не находя себе пристойного сбыта, prostituteуют себя на толкучку русской церкви, в монашество, и черным клобуком, как могильной насыпью, прикрывают невзрачную летопись своей жизни, какую физиология вырезывает на их невысоких лбах. Надвинув на самые брови эти молчаливые клобуки, они чувствуют себя безопасными от своего прошедшего, как страусы, спрятавшие свои головы за дерево. Правосл[авная] паства лениво следит за этими уловками своих пастырей и, равнодушно потягиваясь от усердных храмовых коленопреклонений, говорит, лукаво подмигивая, знаем-де. Нигде высшую церковную иерархию не встречали в качестве преемников языческих волхвов с большим страхованием, как в России, и нигде она не разыгрывала себя в таких торжественных скоморохов, как там же. В оперном облачении, с трикирием и дикирием в храме, в карете четверней, с благослов[ляющим] кукишем на улице, простоволосая, с грозой и руганью перед дьячками и просвирами... с грязными сплетнями за бутылкой лиссабонского или tenerифа в интимной кампании, со смиренно наглым и внутри смеющимся подобострастием перед светской властью, она, эта клобучная иерархия, всегда была тунелюшкой, молю всякой тряпичной совести русского православного слюнтяя...» Страницы, достойные войти в атеистическую хрестоматию! 23 декабря 1906 г. Ключевский разоблачает в дневнике

уже не высших иерархов православия, а само богослужение: «Что такое наше церк[овное] богослужение? Ряд плохо инсценированных и еще хуже исполняемых оперно-истор[ических] воспоминаний. Верующий приносит из дома в церковь куплен[ную] свечку и свое религиозное чувство, ставит первую перед иконой, а второе вкладывает в разыгрываемое перед ним вокально-костюмированное представление и, пережив нравственно-успокоительную минуту, возвращается домой. Затем до следующего праздничного дня он чужд церк[овной] жизни: он — одинокий верующий... Он не член ц[еркви], а единоличная церковь, ходит в храм, как в баню, чтобы смыть со своей совести сор, насевший на нее за неделю...» Чрезвычайно резки и те строки дневника, которые относятся к Предсоборному присутствию, «членом которого его сделали». Очень отчетливы его антицерковные мысли и отнесенные к афоризмам записи «К духовенству. Л[екция] VI, в университете»¹⁶⁰.

1907 год — последний год революции. Реакционные силы брали верх. Революция была подавлена. Закон 3 июня 1907 г. закрепил реакционный государственный переворот, и если употреблять терминологию Ключевского, то «заговор», который разрабатывали двор и власти против представительного строя в стране, победил летом 1907 г. Но пока, до его победы, Ключевский пишет карандашом, используя оборот повестки «Общества истории и древностей российских», и потом очерчивает свою запись синим карандашом: «Все эти земские советы, собрания были только сделки, а не учреждения, минутные сборища на всякий случай», датируя запись 27 февраля 1907 г. 10 марта Ключевский записывает фамилию К. П. Победоносцева со знаком креста († умер), и рядом любопытная характеристика: «Презирал все: и что любил, и что ненавидел, и добро, и зло, и народ, и себя самого».

14 марта запись в дневнике: «Убит Иоллос из-за калитки двора черносотенника Торопова. Похороны 19 м[арта]. До 8 тыс. народа». Возможно, что и Ключевский был на похоронах, он знал убитого лично — редактора «Русских ведомостей», члена I Государственной думы. Убийство Иоллоса организовывал агент охраны, член «Союза русского народа» Казанцев, действовавший под маской социалиста-анархиста и позже разоблаченный эсерами. С убийством Иоллоса связана общественная акция Ключевского — письмо в редакцию «Русских ведомостей», опубликованное 16 марта 1907 г. Из письма узнаем, что Ключевский познакомился с убитым еще в конце 80-х годов, «в памятную тяжелую пору». Много раз вели они «дружеские и печальные беседы». «Мне глубоко симпатичен был прямой и ясный взгляд покойного в оценке исторических явлений, полный тонкого понимания жизни, чуждый догматизма». Увидевшись с Иоллосом вновь «при новом складе общественных отношений», вероятно, во время

I Думы, «мы встретились старыми друзьями». Примечателен конец письма Ключевского, излагающий некоторые его принципиальные взгляды: «Герценштейн пал за русский народ, за русского земледельца, и Иоллос обагрил своею кровью чисто русскую землю, землю города Москвы, собирательницы и устроительницы Русской земли. Пусть такие смерти останутся в русской памяти символом обновленной России, объединяющей в своем сердце собранные ею народности»¹⁶¹.

В такое время, в такой обстановке готовился к печати третий том «Курса русской истории».

9

Третий том «Курса русской истории» Ключевского содержит 18 лекций и весь посвящен XVII веку¹⁶². Автор создавал его прежде всего на основе той творческой исследовательской работы, которую проделал в своих монографиях и исследовательских статьях, в своих еще не записанных размышлениях над большим кругом научных вопросов. Это тот основной двигатель переделок текста, о котором никак нельзя забывать.

В октябре 1897 г. Ключевский пишет в Петербург письмо слушательнице Бестужевских курсов В. П. Николаевой, что он не может разрешить переиздать его «Курс», изданный ею ранее, добавляя: «Как и вообще я не разрешаю этого кому бы то ни было; все же находящиеся теперь в обращении издания [и] переиздания появились в свет без моего разрешения — подпольным образом». Отсюда следует, что литография В. Сысоева, носящая название «Новая русская история. 1613—1855 гг. Лекции ординарного профессора В. О. Ключевского», появившаяся в свет в Москве (1888 г.), была издана без разрешения Ключевского и должна быть отнесена к «подпольным изданиям». Едва ли не то же надо сказать о другой литографии, изданной в 1885 г. В. П. Николаевой под названием «Лекции по русской истории орд. проф. В. О. Ключевского за 1885 год», охватывающей эпоху с половины XVI в. по время Петра I, поскольку Ключевский в цитированном письме В. П. Николаевой никаких оговорок о датах издания не делает. Между тем можно в ряде случаев документально установить, что иные из этих «нелегальных» литографий он в свое время правил собственноручно, просматривая студенческие записи лекций перед литографированием. Обе упомянутые литографии — как В. Сысоева, так и В. П. Николаевой — были использованы им при подготовке третьего тома «Курса» к печати¹⁶³. Литографию же Я. Л. Барскова, очевидно, к «нелегальным» отнести нельзя, поскольку она содержит курс лекций Ключевского, изданный в 1883—1884 гг., до запрета. Имеются еще некоторые записи лекций. Поскольку во всех случаях перед нами текст Ключ-

чевского и правит, а также дополняет его сам автор, мне представляется второстепенным вопросом сопоставление вносимых изменений с прежним характером изложения. Ведь литографии не имели тогда цели подготовки книг к печати, правилось они лишь с целью дать студентам проверенное лектором пособие к экзамену, причем Ключевский этих литографий терпеть не мог, правил многие нехотя, убеждая студентов, что они получают «мнимое» пособие, и через силу уступая бурным просьбам молодежи. Поэтому мы получаем неравноценные части для сравнения и довольно зыбкую почву для выводов о том, как эволюционировал взгляд Ключевского на тот или другой вопрос, — несколько исключений не меняют общего положения. Другое дело, когда мы можем сопоставить трактовку автором, скажем, Земских соборов в статье, опубликованной им в «Русской мысли» в начале 90-х годов, и в последующих томах лекционного «Курса», обнародованных автором значительно позже. Тогда сравниваются явления равноценного качества.

Естественно, что, используя ряд литографированных и рукописных текстов, Ключевский должен был завести для справок и координации еще и толстую (442 стр.) черновую тетрадь (она озаглавлена «Черновая 3-й части»), в которой на полях были ссылки на источники и указания, какие места берутся из привлеченных литографий. Позже в ту же тетрадь вписывались аналогичные материалы и для текста 4-й части «Курса». Начало тетради датировано 26 января 1906 г., конец — 8 декабря 1909 г. (третий том вышел в 1908 г., следовательно, работа в той же тетради продолжалась и для следующего тома¹⁶⁴). Опять-таки тексты, писавшиеся в «Черновой», должны оцениваться принципиально иначе, чем тексты литографий 80-х годов; они создавались автором одновременно с подготовкой «Курса» к печати, являлись живым элементом этой подготовки, писались собственноручно. Таким образом, факт *не*включения какого-либо значительного и особо острого в политическом отношении текста из «Черновой» весьма важен в творческой истории «Курса» и должен быть внимательно оценен.

Существенной и особой по значению частью третьего тома является включенное в него «введение» ко всему, по Ключевскому, «новому периоду русской истории» (со Смуты по 1855 г.), иначе говоря, не к одному третьему тому, а и ко всем следующим томам — с третьего по предполагавшийся пятый. Ключевский считал это введение важным составным элементом «Курса» и опубликовал его в качестве отдельной статьи еще за год до выхода третьего тома в свет, в 1907 г., в «Русской мысли», дав тексту выразительное заглавие «Новая Россия и пролог ее истории». В исторической концепции Ключевского этот «Пролог», раскрывая его понимание всего последнего периода истории Рос-

сии, играет большую роль. Рассмотрим его отдельно. Он включен в состав 1-й лекции третьего тома (41-й по общему счету) и является ее началом¹⁶⁵.

Четвертый период русской истории Ключевский назвал «всероссийским, императорско-дворянским, периодом крепостного хозяйства земледельческого и фабрично-заводского». Определение начальных и конечных граней периода во второй лекции первого тома, с одной стороны, и в пояснениях к четвертому, с другой — не совпадает. Уже говорилось, что сначала Ключевский хотел начать последний период со «второго десятилетия XVII века», явно имея в виду воцарение Михаила Романова как начало периода, а Смуту — как окончание предшествующего периода. Теперь он передумал, и в 1-й лекции третьего тома выделяет Смуту из предшествующего периода и называет ее неким «переходным временем» на рубеже двух смежных эпох, не отдавая ее ни тому, ни другому: она связана с предшествующим своими причинами, а с последующим — своими следствиями. Делается все же, очевидно для спокойствия официальных критиков, ясная оговорка в пользу традиционных вех — началом нового периода «можно принять год вступления на престол первого царя новой династии», а концом откровенно называется 1855 год, т. е. год смерти Николая I. Так новую периодизацию завершают формальные даты царствований: 1613—1855 гг. «Это не просто исторический период, а целая цепь эпох, сквозь которую проходит ряд важных фактов, составляющих глубокую основу современного склада нашей жизни, — основу, правда, разлагающуюся, но еще не замененную». Очень хотелось бы разгадать загадку последних слов формулировки: какая основа разлагалась, по мнению Ключевского, в послереволюционные годы к 1907—1908 гг., когда писались настоящие строки? Крепостнические пережитки? Он как-то не выделял их. Был ли это острый намек на самодержавие? И почему он считал, что разлагающаяся основа еще ничем не заменена? Что же тогда? Крах? Упадок? Он не дает возможности ответить на этот интереснейший вопрос и идет уже по новой линии — оценки всего периода как «нашей новой истории». Мы начинаем, как он говорит, наблюдать в конце периода «завязку порядков, бывших первыми впечатлениями людей моего возраста». Главные факты периода: во-первых, новая династия на московском престоле. Во-вторых, все более расширяющаяся государственная территория: династия действует на поприще, все более расширяющемся: территория государства вбирает уже всю русскую равнину, «переваливает далеко за Кавказский хребет на юге, за Урал и Каспий на восток». В-третьих, важная перемена во внутреннем строе государства: «Об руку с новой династией идет новый правительственный класс» — дворянство. Старое боярство постепенно рассыпается, худеет генетически, скудеет экономически

и незаметно вливается в ряды дворянства. Укрепляется «классовая разверстка повинностей», при этом «окончательно гибнет свобода крестьянского труда», крестьяне «попадают в крепостную неволю».

Все это входит в этот же четвертый отдел «главных новых фактов», к которым отнесено и экономическое «расширение» народного труда: к «сельскохозяйственной эксплуатации» присоединяется развитие промышленности, приобретающее все возрастающее значение. Развивается «промышленность обрабатывающая, заводско-фабричная, поднимающая нетронутые дотоле естественные богатства страны»¹⁶⁶.

По данной автором формуле мы можем говорить даже о развитии производительных сил страны.

Как всегда, Ключевский ставит экономические явления на последнее место в перечне главных фактов, но все-таки не забывает поместить их в «главные». На первом плане по-прежнему факты политические, с которых он начинает изложение, — «новая династия» в полном соответствии с официальной концепцией. Но есть все-таки немало оснований предположить, что автор думал не совсем так и, конечно, не полагал в династии, подобно Н. М. Карамзину, определяющей исторической силы. В краткой повторной сводке «Главных новых фактов» он сохраняет тот же порядок и довольно непоследовательно опускает даже упоминание о закреплении крестьян, хотя он и назвал во вводных лекциях к «Курсу» последний — четвертый — период русской истории как «период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского». В сводке он упоминает лишь (предельно лаконично и опять на последнем месте!) о «новом складе народного хозяйства». Закрепление крестьянства подразумевается именно здесь¹⁶⁷.

В этом же подразделе, говорящем о «соотношении» намеченных им «Главных новых фактов», Ключевский, предваряя выводы данного тома, дает блестящий и своеобразный перечень тех закономерностей и противоречий, о которых предстоит узнать читателю тома. Опытный педагог, он хочет заранее сосредоточить на этих противоречиях внимание читателя ввиду сложности вопроса. Эти насыщенные три с половиной странички, думается, вызрели именно в атмосфере революционных событий 1905 г., хотя в общем и предсказанных им, но все же нагрянувших на автора внезапно в дни подготовки к печати третьего тома. Он заранее предупреждает читателя, что соотношение выделенных «Главных новых фактов» четвертого периода русской истории «способно вызвать недоумение». Прежде всего, подчеркивает Ключевский, бросается в глаза важное противоречие (автор даже дает его курсивом): «1) до половины XIX века внешнее территориальное расширение государства идет в обратном пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа; 2) политическое положение

трудящихся классов устанавливается в обратно пропорциональном отношении к экономической производительности их труда, т. е. этот труд становится тем менее свободен, чем более делается производительным». Едва ли не впервые мы встречаем тут у Ключевского «трудящиеся классы» — раньше эти слова не входили в его лексикон... Мы привыкли думать, раскрывает автор первое противоречие, что рабский труд куда менее производителен, чем свободный, а в России получается наоборот, и это экономическое противоречие еще обостряется политическим: обычно по мере расширения поприща деятельности (в данном случае — роста государственной территории) в народе поднимается сознание своей силы — источник чувства политической свободы. Но наша история «не оправдывает и этого мнения»: с ростом внешней силы народа все более стеснялась его внутренняя свобода: «Напряжение народной деятельности глушило в народе его силы, на расширявшемся завоеваниями поприще уменьшалась сила народного духа»¹⁶⁸.

Из какого источника выросло присущее Ключевскому желание постоянно видеть это парадоксальное «наоборот» в русской истории по сравнению с западной? У славянофилов оно выросло из желания найти в истории России плюс, не присущий Западу, — поэтическая формула «У нас во всем иная стать» расшифровывалась как «у нас — лучше». У Ключевского же все его крупные парадоксы, поставленные обычно на границах значительных периодов, расшифровываются как «у нас — хуже». Но этого мало, в остроте его хитроумных «пограничных» парадоксов всегда запрячено какое-то зерно иронии, а подчас сатиры на салтыковскую тему: «В России все возможно» — и «науку отменить», предварительно въехав в город на белом коне, и избу блинами конопатить, и вообще все что угодно. Зерно иронического удивления запрячено и в любимейший авторский парадокс: Русь бойко торговала, сидя на днепровском черноземе, и стала усиленно пахать, переселившись на верхневолжский суглинок. В данном случае даже наперекор любимому Ключевским географическому фактору — чего только не бывает в России! И в начале «нового периода» русской истории: была Русь «вольно-земледельческая» — еле пахала, стала крепостная — смотрите, выросла производительность труда... На Западе иначе, все как-то понятнее и аккуратнее. Историк тут не обращает внимания, что именно на усилившееся развитие производительных сил в крестьянском хозяйстве и надели помещики, забирая себе все, что только можно вырвать из крестьянского рта; помещичья эксплуатация срезала в свою пользу в нужных случаях вершки, в нужных — корешки при «дележе» урожая с хлеборобом. Так началось обострение войны между крестьянином и барином за право крестьянина вести самостоятельное, без гнета эксплуататора хозяйство на своей земле. У Ключевского же

внутренне исключена положительная оценка парадокса, он не дает подтекста — хвалы помещику: вот, мол, как хорошо делал помещик, что в три кнута погонял ленивого земледельца, производительность крестьянского труда выше стала... Его подтекст — за крестьян.

Дальше он сам покажет слушателю, что к чему, но, ставя перед ним проблемы третьего тома, он придает им парадоксальную, вызывающую удивление формулу, а стало быть, и ожидание раскрытия загадки.

Но есть еще одно противоречие, вытекающее из первых двух. Был класс бояр — богатых, привилегированных землевладельцев, причастных к государственной власти, даже законодательной, и были жалкие «слуги под дворским» — будущие дворяне. По Ключевскому, это разные общественные классы. Во второй половине XVII в. дворяне так поднялись, что можно говорить «о поглощении московского боярства дворянством». Закон 1682 г. отменяет местничество, чем закрепляет это поглощение; он формально уравнил оба служилых класса по службе. Иначе говоря, он уравнил права проглоченного и проглотившего (надо думать, что такое «уравнение» веселило и аудиторию и самого лектора). Следовательно, по закону об отмене местничества ранее бесправный и угнетенный класс дворян получил права. Как же назвать это? Ну, конечно, началом, самым началом процесса демократизации российского управления! И Ключевский, не обинуясь, так и пишет: «Отмена местничества служила первым шагом по пути к демократизации управления». Демократизация — слово русского общественного движения XIX в. и 1905 г. А когда же был следующий шаг? А в эпоху Петра I, когда издана была «Табель о рангах» (1722 г.), которая широко раскрыла «разночинцам» служебные двери в лучшее, старшее дворянство: старое московское дворянство «по отечеству» могло теперь пополняться «из всех слоев общества» людьми разных чинов, не только «белых», нетяглых, но и черных, тяглых, даже холопами, поднимавшимися выслугой, — всем раскрыты были Петром двери в «лучшее старшее дворянство»... Какой прогресс — два существенных этапа «демократизации» всего за сорокалетие (1682—1722 гг.)! Каковы-то будут дальнейшие темпы? «Можно было бы ожидать, что вся эта социальная перетасовка господствующего класса приведет к демократическому уравниванию общества», — пишет Ключевский. Но этого не случилось. Правящий класс получил личные и общественные права, каких не имело и старое родовитое дворянство. Поместья стали дворянской собственностью, при Петре III с дворянства сняли обязательную службу, при Екатерине II ему дали новое корпоративное устройство с сословным самоуправлением, с широким участием в местном управлении и суде, с правом «делать представление и жалобы» верховной

власти. При Николае I еще расширили это право «преимуществом представлять о нуждах и всех других классов местного общества». Непомерно выросли и политические права, присвоенные сословию. «Уже в XVII веке московское правительство начинает править обществом посредством дворянства, а в XVIII веке это дворянство само пытается править обществом посредством правительства». Тут, надо сказать, не до общего блага. Впервые Ключевский столь явно приближается к положению о классовой природе государственной власти, хотя бы для определенного периода. Но пока дворянство, по Ключевскому, пыталось «править обществом посредством правительства, ... политический принцип, под фирмой которого оно хотело властвовать, перегнул его по своему. . .». Какой принцип? Какая фирма? В силу осторожности не сказано, но можно думать, что и принцип и фирма в данном случае не что иное, как «самодержавие». В XIX в. дворянство пристроено было к чиновничеству как его плодovitейший рассадник, и в половине этого века Россия управлялась не аристократией и не демократией, а бюрократией, т. е. действовавшей вне общества и «лишенной всякого социального облика (!) кучей физических лиц разнообразного происхождения, объединенных только чинопроизводством»¹⁶⁹.

Легко провести параллели между яростными критическими страницами дневника Ключевского накануне и во время 1905—1907 гг., чтобы увидеть, какими соками питалась изложенная острая концепция: выдвинув тезис против одиозной для передового человека тех лет (хотя и не сходящего с принципов буржуазной идеологии) царской бюрократии, Ключевский незаметно вновь теряет классовую почву, на которую попытался было встать. Конечно, бюрократия действительно не класс, но, пожалуй, и не просто «куча» физических лиц, объединенных чинопроизводством. Но Ключевский все же не хочет расставаться с процессом будто бы все же идущей демократизации управления в России, и проблема эта продолжает сопровождаться дальнейшим анализом. Приведя цитированное определение бюрократии, Ключевский полагает все же:

«Таким образом демократизация управления сопровождалась усилением социального неравенства и дробности». Тут, собственно, автор и останавливается в характеристике процесса «демократизации». Ведь он дошел до Николая I, а год его смерти и поставлен рубежом того четвертого и последнего рассматриваемого в курсе исторического периода, которому предстоит занять не только третий, но еще и четвертый, а в замысле автора и пятый том «Курса русской истории».

Но прервав свою любопытную характеристику процесса «демократизации» российского управления на 1855 году, Ключевский пожелал указать еще одно отличие тяжелого самобытного развития

России от Запада. Сразу от политики он переходит к вопросам культуры: «Говорят, культура сближает людей, уравнивает общество. У нас было не совсем так» (опять у нас — хуже!). Приток культуры «скользил по верхушкам общества, осаждаясь на дно частичными реформами, более или менее осторожными и бесплодными». Просвещение оказалось «сословной монополией господ, до которой не могло без опасности для государства дотрогиваться непросвещенное простонародье, пока не просветится»¹⁷⁰. Мы узнаем хорошо знакомую фразу из дневника революционных лет, которая прямо со страниц личной взволнованной записи передвигалась в «Курс». Острые впечатления о бессилии и гнилости современного самодержавия ставили вопросы для тома, целиком посвященного веку, когда самодержавие Романовых только устанавливалось, брало силу. Возникала связь через все три века — от XVII до XIX в. включительно — к пятому году XX века. Нельзя было историку не задавать вопроса: как же все это случилось? Отсюда, пожалуй, и объяснение, почему введение в новую историю так богато соображениями именно политического характера. Вопрос об оскудении самодержавия стал для Ключевского в эти годы центральным.

Теперь понятно, почему в своей концепции «нового периода истории России», вводного для всех дальнейших томов его «Курса», Ключевский в силу самой постановки вопроса о разнице России и Западной Европы уже никак не может обойти тему о законах истории. Теперь после резкого кризиса, пережитого им в этом вопросе в 1903—1905 гг., когда он стал эти законы отрицать, он вновь возвращается к признанию законов истории, хотя довольно своеобразному. Он помещает об этом в своем введении к новой истории России лишь небольшой абзац после характеристики основных процессов периода. Эти процессы, «полные таких противоречий и захватывающие все главные явления периода, не были аномалиями, отрицанием исторической закономерности; назовем их лучше историческими *антиномиями*, исключениями из правил исторической жизни, прозведениями своеобразного местного склада условий, который, однако, раз образовавшись, в дальнейшем своем действии повинует уже общим законам человеческой жизни, как организм с расстроенной нервной системой функционирует по общим нормам органической жизни, только производит соответствующие своему расстройству ненормальные явления»¹⁷¹.

Конечно, термин «антиномия» может сразу повлечь за собой вопрос: уж не влияние ли философии Канта сказалось тут на Ключевском? Но самое определение понятия, даваемое им, опровергает это предположение. Ключевский говорит об антиномиях не как о взаимно исключающих понятиях, из которых оба соответствуют действительности, а как об исторических противоречиях,

которые, однажды возникнув, повинуются далее «уже общим законам человеческой жизни».

Объяснение этих «антиномий» Ключевский находит «в том отношении, какое устанавливалось у нас между государственными потребностями и народными средствами для их удовлетворения». Основной причиной тяжелого положения масс он считает огромные затраты государства, наиболее связанные с внешней политикой России, с войнами («Внешняя политика и внутренняя жизнь» озаглавлен на полях весь этот пункт): «Государственные требования, донельзя напрягая народные силы, не поднимали их, а только истощали». Просвещение шло «по казенной надобности, насильственно, а не в силу внутренней потребности и давало тощие, мерзлые плоды... Народные силы в своем развитии отставали от задач, становившихся перед государством вследствие его ускоренного внутреннего роста, духовная работа народа не поспевала за материальной деятельностью государства. Государство пухло, а народ хирел»¹⁷².

В историческую концепцию нового периода русской истории включаются народные движения — и звучат теперь у Ключевского по-новому, без невнимания, без отрицательной оценки и с положительным признанием их «социальной окраски», чего не было раньше. Нельзя не видеть здесь какого-то воздействия пережитых на собственном опыте и продуманных впечатлений от исторических событий 1905—1907 гг. Характеризуя общие черты нового периода, Ключевский пишет о том, что дворянство эмансипируется и, снимая с себя в 1762 г. повинность обязательной службы, не только удерживает старые права, но и «приобретает широкие новые». Кое-что перепадает и на долю высшего купечества. Верх общества осыпаны, таким образом, всеми льготами и выгодами, «а на низы свалили только тяжести и лишения. Если бы народ терпеливо вынес такой порядок, Россия выбыла бы из числа европейских стран»¹⁷³. Тут Ключевский — в «Курсе» едва ли не впервые — включает в концепцию роль народных движений, причем контекст не оставляет и тени сомнения — он оценивает их как явления прогрессивные: «...с половины XVIII в. в народной массе пробуждается тревожное брожение особого характера. Мятежами обилел был и XVII в., и тогда они направлялись против правительства, бояр, воевод и приказных людей. Теперь они принимают социальную окраску, идут против господ. Сама пугачевщина выступала под легальным знаменем, несла с собой идею законной власти против екатерининской узурпации с ее пособниками-дворянами. Когда почва затряслась под ногами, в правящих сферах по почину Екатерины II всплывает мысль об уравнивании общества, о смягчении крепостного права. Хмурясь и робея, пережевывая одни и те же планы из царствования в царствование, отсрочивая вопрос малодушными попытками улучшения, не оправдывавшими

громкого титула власти, довели дело к половине XIX в. до того, что его разрешение стало требованием стихийной необходимости, особенно когда Севастополь ударил по застоявшимся умам»¹⁷⁴.

Народное движение, внимание к которому вспыхнуло было во введении к «Боярской думе», вновь появляется здесь как основная сила, вырывающая в конце концов у правительства отмену крепостной зависимости с помощью ударившего по застоявшимся умам Севастополя. Наименована лишь пугачевщина, а остальные движения — предельно суммарно, подчеркнута и условно «легальная» оболочка народного движения, трактовавшая Екатерину как узурпаторшу «законной» власти Петра III. Но если бы не сила народной борьбы, Россия выбыла бы из числа европейских стран! Тут же налицо переход границ, поставленных ранее Ключевским себе самому, пролом в искусственной стене буржуазного мировоззрения того типа, носителем которого он всегда был. Нельзя не расценить и этот сдвиг как воздействие пережитой революционной эпохи, когда вновь и вновь многое пришлось заново пересудумать.

Под занавес своего «Пролога к новой истории» Ключевский дает итоговую формулу всего четвертого периода, набирает ее курсивом и настоятельно рекомендует читателю запомнить ее, — без этого, говорит он, непонятно будет дальнейшее.

Итак, «по мере того, как усиливалось напряжение внешней оборонительной борьбы, усложнялись специальные государственные повинности, падавшие на разные классы общества, и по мере того, как оборонительная борьба превращалась в наступательную, с верхних общественных классов снимались их специальные повинности, заменяясь специальными сословными правами, и сгущались на низших классах. Но по мере того, как росло чувство народного недовольства таким неравенством, правительство начинало подумывать о более справедливом устройстве общества»¹⁷⁵.

Перед нами — причудливый конгломерат положений историко-юридической школы, смешанных с новыми, сокрушающими ее понятиями, прорыв нового в старое, не могущий все же преодолеть старое, но со многих сторон неузнаваемо меняющий его облик. В самом деле: в старую формулу впущены «общественные классы». Понимаемы они не по-нашему, но автор и не озабочен их определением: понимая их по-своему, он широко впускает их в концепцию. «Разные классы общества» делятся в формуле на «верхние» и «низшие» классы. Между ними идет борьба. Тяготы специальных повинностей, вызванные нуждами внешней политики, падают сначала на всех, «на разные классы общества», а потом, по мере перехода страны от обороны к наступлению, сгущаются «только на низших». Мы узнаем формулу историко-государственной школы, но взятую как бы навыворот, и более всего во второй ее поло-

вине — формулу закрепощения и раскрепощения сословий, когда это необходимо для государства. Но тут не выявлена и не подчеркнута благоразумная государственная сила, которая мудра и отлично знает, когда ей закрепощать и когда раскрепощать сословия. Здесь же, за несколько строк до формулы, сила эта разоблачена — она не оправдывает громкого титула власти (так и сказано!), власть «робеет», она что-то «хмурится» и «пережевывает» одни и те же планы из царствования в царствование. Дело доходит уже до стихийной необходимости облегчить народные тяготы, и тогда правительство только еще «начинает подумывать» (!) о справедливом устройстве общества.

Власть разоблачена. Разоблачение смягчено и подтушевано иронией. Его остроту, разумеется, смягчает и дата: 1855 год. Что ж, Николай I, конечно, кое о чем «подумывал», но тут и конец ему пришел. Что думает сам историк о новом, пятом периоде, изложение этого в его план и не входит.

Ключевский считал, что эта предложенная им формула или, как он еще говорил, «схема» является «ключом» к объяснению изучаемого периода. Поэтому «постараемся запомнить сейчас изложенную схему: в ней заключается существенное значение изучаемого периода... Эта схема послужит нам формулой, раскрытием которой будет занято наше изучение IV периода»¹⁷⁶.

Действительно, постараемся запомнить ее — она нужна нам еще и для того, чтобы выяснить, реализовал ли автор все свои, в известной мере смелые и новые планы.

Из изложенного видно, что Ключевский теперь ищет какие-то значительные обобщения, раскрывающие общий смысл и закономерности русского исторического процесса. Найденный им «ключ» сильно зависит от внешней политики и размеров государственной территории, защищаемой от внешних врагов или занимаемой вновь самим государством. Идеи эти раньше не формулировались Ключевским с такой отчетливостью. Но, вероятно, уже в 90-х годах они воздействовали на его учеников. Магистерская диссертация П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII в. и реформа Петра Великого» проникнута почти такой же идеей. Но Ключевский — оппонент диссертанта — подчеркнул недоработанность этой идеи: автор справедливо признает «необходимость и своевременность реформ Петра», но сам, не замечая тут противоречия, отвергает эту своевременность по отношению к внутреннему положению страны, полагая, что «новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало еще достаточными средствами для их выполнения. Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие»¹⁷⁷. Вот это противоречие и было оценено Ключевским как ведущее для всего нового периода русской истории.

Над своим введением к «Новой истории России» Ключевский работал упорно и долго — с 90-х годов XIX в. до конца революции 1905—1907 гг. Этот факт — один из существенных доводов, опровергающих мнение, что он-де «положил в основу» «Курса» лекции 80-х годов. Пространные, сложные записи в «Черновой III тома», правка литографированных текстов с заменой на новые говорят за себя. Да, он ввел в публикуемый текст не все, что приготовил, на то его авторская воля. Но вникая в причины того, почему интереснейшие, отработанные, подготовленные строки оказались им отвергнуты, мы явственно замечаем цензурные препоны. Многого он не хотел сказать слишком ясно, сокращал, придавал отчетливой мысли завуалированную форму. Другое считал верным, но недоработанным до конца. Все это не меняет основного вывода: «Курс», стоящий на прочном фундаменте всей предшествовавшей работы, тем не менее является в значительной мере произведением той эпохи, когда писался, — кануна революции 1905 г. и революционных лет. Последний же том создавался уже на спаде революционной волны.

10

Наличие общего введения к «Новой истории России», т. е. к трем последним томам «Курса», буквально замаскировано Ключевским включением его в первую главу третьего тома без каких-либо заглавий и обозначений. Если следить за содержанием этой первой главы по оглавлению, то читатель просто не заметит введения и не сразу догадается, перелистывая страницы, почему ряд положений, касающихся Петра I и даже Николая I, изложен еще до Смуты. Едва ли эта маскировка была случайной.

Сосредоточимся теперь на содержании именно третьего тома, как такового, и проследим за его структурой. Новым во внешнем ее виде было то, что общие названия лекций, набранные курсивом, теперь не имеют характера заглавий подотделов и относятся лишь к тексту данной лекции, что подчеркнуто указанием страниц всей данной главы, чего раньше не было. Такое общее название лекций («Последовательное вхождение в Смуту всех классов общества», «Ближайшие следствия Смуты» и др.) имеют лишь 8 лекций из 18, помещенных в томе. В самом же тексте названия глав никак не выделены и помещены в перечне пунктов под номером лекции, как бы равноправно с другими пунктами, лишь в начале главы имеется один краткий абзац об ее тематике, никак не озаглавленный на полях.

Вдумываясь в дальнейший порядок изложения в третьем томе, мы замечаем еще одну новую черту, — по сравнению с предыдущими, том этот построен наиболее «проблемно»: хронологическая последовательность событий не является тематическим стержнем, цели

*В. О. Ключевский читает лекцию
в Училище живописи, ваяния и зодчества (в центре среди
слушателей 19-ти летний сын художника — поэт Борис Пастернак)
1909 г.
Художник Л. О. Пастернак*

В. О. Ключевский
1909 г.
Сергиев Посад

полного охвата важнейших событий в их последовательности автор себе и не ставит. Он выделяет в соответствии с большим задуманным планом «новой истории» лишь избранные им крупные проблемы периода.

Смуте Ключевский посвятил три с половиной главы, начав с вопроса о последовательном вхождении в Смуту «всех классов общества» и завершив темой «Ближайшие следствия Смуты» (41—44-я лекции); следующие четыре лекции (45—48-я) посвящены внешней и внутренней политике и устройству местного управления Московского государства; две первые из них отданы «внешнему положению» и внешней политике, сюда входит и тема «Малороссийский вопрос», включившая в себя как характеристику «малороссийского казачества», так и «присоединение Малороссии». Следующая из них (47-я) сосредоточена на «внутренней жизни» и внутренней политике Московского государства, на «мятеже» 1648 г. и новом Уложении, а последняя из них — на местном управлении. Затем следует крупнейшая проблема — о «владельческих крестьянах» и крепостном праве, которая не уложилась в одну лекцию (49-ю) и захватила частью еще и следующую (50-ю), чтобы, открыв ее анализом того сословного взаимоотношения, которое принесла крестьянская крепость, перейти к острому вопросу о Земских соборах XVII в., и огромном уроне, который нанесло земскому представительству закрепощение крестьян. Ключевский считал необходимым заключить лекцию «обзором сказанного», чтобы подчеркнуть главную мысль: взяв вопрос со Смуты через весь XVII век, выяснить причины упадка идеи земского представительства.

Далее идут избранные проблемы — именно *избранные*, не раскрывающие полностью главных сторон исторического процесса, но выбираемые автором для выявления тех основных идей концепции, о которых он заранее предупреждал читателя во введении к «Новой истории России». Ключевский показывает: после установления крепостного гнета помещиков над крестьянством — непосильный рост государственного угнетения народного труда через финансовую систему Московского государства (лекция 51-я), за этим логически следует рост общественного недовольства (глава 52-я), нашедший отражение в народном движении через весь «век народных мятежей» — XVII век и в рождении новых идеологических течений. Здесь характеризованы князь И. А. Хворостинин, патриарх Никон, Ю. Крижанич. Две следующие лекции (53 и 54-я) посвящены «западному влиянию»: первая из них — его началу и первым его проводникам, вторая — началу реакции «западному влиянию»; обе служат развитию идеи о подготовке «петровских реформ» еще в XVII в., старая соловьевская идея здесь своеобразно обновлена Ключевским. «Западное влияние», ранее бывшее темой специального курса, дано здесь в соответствии с хро-

нологией тома лишь в первой своей половине и пока лишено «антидворянского силлогизма», который будет отнесен к XVIII в.

Избранный для 55-й лекции вопрос о положении церкви, расколе и о «содействии» раскола «западному влиянию», собственно, завершает историческое повествование общего характера, отражающее исторический процесс в целом. Для концовки Ключевский избрал прием, ранее необычный для «Курса»: автор завершил том лекциями, целиком посвященными личным характеристикам деятелей XVII в. Он избирает для этой цели царя Алексея Михайловича, Ф. М. Ртищева (лекция 56-я), государственного деятеля эпохи А. Л. Ордин-Нащокина (лекция 57-я) и князя В. В. Голицына (лекция 58-я). Каких-либо общих выводов в томе нет.

В историю русской исторической науки третий том «Курса русской истории» Ключевского внес много нового по сравнению с его предшественниками и оказал значительное влияние на ее последующее развитие.

Новым было прежде всего многое в понимании Смуты. Как и во всем томе, это его новация — термин «класс», хоть и понимаемый не в марксистском смысле, а более всего лишь в значении определенного общественного слоя, отличающегося от других своим юридическим положением, встречается очень часто, чаще, чем в «Боярской думе». Без него Ключевский не может изложить ни своих выводов, ни общей картины XVII в. По Ключевскому, отличительная черта эпохи — это «последовательное вхождение в Смуту всех классов общества». При этом Ключевский откровенно поясняет свою мысль так: «Отличительной особенностью Смуты является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лестнице чинов. На вершине этой лестницы стояло боярство: оно и начало Смуту»¹⁷⁸.

Положение это высказано впервые Ключевским в его литографированном курсе раньше С. Ф. Платонова, также сделавшего его ведущим обобщением своего труда о Смуте, вышедшего — еще один удар для Ключевского — раньше его «Курса». Тут, что не впервой Ключевскому, его идеи в какой-то мере захватываются другими историками, которые поспевают отпечатать свою книгу скорее, чем он. Мы не согласимся сейчас с выводами ни Ключевского, ни Платонова — сильное массовое движение народного протеста началось раньше других, еще в царствование Бориса Годунова, и связь его с последующими народными движениями несомненна. Историографическая цена положения Ключевского в другом: он не считает это движение незначительной силой, «обычными» бунтами, беспорядками, а вводит их в общую картину как одну из сил движения, считая его по-своему «классовым» и равноправным

слагаемым всей картины, только выступившим под конец. Идея же «последовательного» вступления классов в Смуту сверху вниз, а не наоборот, присуща буржуазной исторической науке и является антиреволюционной идеей, производной от «закрепощения» и «раскрепощения» сословий всеильным государством. Идея эта в данном случае взята Ключевским как бы «навыворот»: когда государство крайне ослабело в силу прекращения династии, сословия, то бишь классы вступают в действие именно в том порядке, в каком были расположены по правам политического управления. Боярство выступило — ничего не вышло ни с боярским ставленником первым Лжедмитрием, ни с царем Василием Шуйским. Тогда «второй слой правящего класса» — «столичное дворянство и приказные дельцы, дьяки», зашевелившиеся еще при царе Василии, — вступит в Смуту. Вслед за средним и высшим столичным дворянством вовлекается в Смуту и «дворянство рядовое, провинциальное» с его «истым представителем» Прокофием Ляпуновым, а с ним вошли в соглашение и «козацкие вожди» — князь Трубецкой, Заруцкий. Возникает ополчение, подписывается известный приговор от 30 июня 1611 г. Составленный в дворянском лагере, он объявляет дворян-ополченцев «представителями всей земли». Наконец (последними, по Ключевскому!), в Смуту «вмешиваются люди жилецкие», «простонародные тяглое и нетяглое». Сначала они выступают «об руку» с «провинциальными дворянами», но потом «эти классы» отделяются от них и «действуют одинаково враждебно как против боярства, так и против дворянства»¹⁷⁹.

Боярский холоп Болотников, «человек отважный и бывалый», возглавляет движение низов: его дружины набраны «из бедных посадских людей, бездомных казаков, беглых крестьян и холопов — из слоев, лежавших на дне общественного склада». Болотников «натравлял их против воевод, господ и всех власть имущих». С ополчением Прокофия Ляпунова силы Болотникова соединились «на минуту и по недоразумению». Концепция Ключевского, яркая и легко запоминаемая, сильно связана с фактическим материалом С. М. Соловьева. Она явно антиреволюционна: «классы» действовали в том же порядке — сверху вниз, как уложило их ранее государство, им пришлось действовать, когда последнее заколебалось и потеряло династию¹⁸⁰.

Ключевский полагает, что, когда «поднялся общественный низ, Смута превратилась в социальную борьбу, в истребление высших классов низшими». Он доходит до грани, им неприемлемой и отрицаемой, и спешит добавить, что политические стремления низов «совсем неясны». Да и можно ли предполагать у них политическую мысль? По его мнению, они искали в Смуте «не какого-либо нового государственного порядка, а просто только выхода из своего тяжелого положения, искали личных льгот, а не сословных обеспечений». Тут опускается перед историком шлагбаум государствен-

ной историко-юридической школы. И завершительная фраза главы представляется попыткой проникнуть за этот шлагбаум: «Холопы поднимались, чтобы выйти из холопства, стать вольными казаками, крестьяне — чтобы освободиться от обязательств, какие привязывали их к землевладельцам, и от крестьянского тягла, посадские люди — чтобы избавиться от посадского тягла и поступить в служилые или приказные люди. Болотников призывал под свои знамена всех, кто хотел добиться воли, чести и богатства...» И что же? Продолжения мысли нет. Правительственная схема требовала более всего негативных характеристик: «низы» хотели-де всех избивать, предавать смерти, грабить и жечь помещичьи дома, уничтожать воевод. В отличие от официального трафарета Ключевский дал и позитивные моменты, а об «эксцессах» под занавес даже не упомянул и выводов никаких не сделал. Ранее, во введении, подведенный был итог о том, что Россия выбыла бы из числа европейских стран, если бы народ терпеливо снес все наложенные на него тяготы, к Смуте еще явно не отнесен, она — «переходное время», вся «новая история» еще впереди... Но Ключевский своим поворотом дела, при сохранении старых антиреволюционных устоев государственной концепции явно будил мысль, заставляя вникать в положение «классов» русского общества, в том числе и низших, в их позитивные цели и разбирать вопрос о «социальной» борьбе, т. е., сказали бы мы, классовой борьбе. Это не было переломом в мировоззрении и переходом на новые позиции, но в самой подаче материала у Ключевского было немало нового и по сравнению с С. М. Соловьевым, и по сравнению с Н. И. Костомаровым.

Стоит присмотреться и к колебаниям Ключевского в вопросе о прекращении династии, вопросе основном и решающем во всей Смуте — и по Соловьеву и по Костомарову. И по Ключевскому тоже, добавит каждый, сведущий в оценках историографической литературы. Да, и по Ключевскому, но посмотрим, как он это делает и достаточно ли твердо убежден. Ранее опиравшиеся на этот тезис историки или считали его само собой разумеющимся, или выявляли все беды и ужасы, возникавшие с концом династии, педалируя значение довода. Рассказав в первой лекции о подготовке Смуты, Ключевский, подводя итоги, полагает пресечение династии лишь поводом к ней. «Как вы видите, она была вызвана двумя поводами: насильственным и таинственным пресечением старой династии и потом искусственным ее воскрешением в лице первого самозванца». Далее пресечение династии называется «первым толчком» к Смуте. Потом идет правильное рассуждение о том, что пресечение династии может и не вызвать никаких волнений, волнения тут вовсе не обязательны — в других странах «погаснет династия — выберут другую, и порядок восстанавливается», а самозванцев или не бывает, или на них не обращают внимания, и

они исчезают сами собой. А у нас, конечно, наоборот, — «самозванство стало хронической болезнью». «Итак, — справедливо заключает Ключевский, — ни пресечение династии, ни появление самозванца не могли бы сами по себе послужить достаточными причинами Смуты; были какие-либо другие условия, которые сообщили этим событиям такую разрушительную силу». Эти «настоящие причины» он и хочет найти. Так думал Ключевский еще в 1888 г., когда вышел его «Курс», литографированный В. Сысоевым, именно оттуда взял автор данный текст для 41-й лекции третьего тома, вышедшего в 1908 г.¹⁸¹

Но в 43-й лекции дело несколько меняется: в самом ее начале ясно говорится, что объяснить причины Смуты значит указать ее обстоятельства, и далее к «обстоятельствам», сиречь к причинам, относится «насильственное и таинственное пресечение старой династии и потом искусственное восстановление ее в лице самозванцев». Как будто указанные явления повышены в логическом ранге, но далее, ничтоже сумняшеся, даже с некоторой небрежностью, автор опять называет их лишь *поводами* и противопоставляет им «глубокие внутренние причины», которые возникли на благоприятной почве «тягостного, исполненного тупого недоумения настроения общества», «какое создано неприкрытыми безобразиями опричнины и темными годинскими интригами». Читатель настораживается: это ли обещанные глубокие причины? По-видимому, нет, это лишь «почва». Ключевский сразу переходит к «ходу Смуты». Посмотрим тут: опять пресечение династии — лишь «повод Смуты». Наконец, мы приходим к ее «коренным причинам». Оказывается, это не пресечение династии. Это «народный взгляд на отношение старой династии к Московскому государству, мешавший освоиться с мыслью о выборном царе, и потом самый строй государства с его тяжелым тягловым основанием и неравномерным распределением государственных повинностей, порождавшим социальную рознь». Да, это уже нечто другое. Тут есть и социальные причины, и отягощение низов, и «социальная рознь»...¹⁸²

Конечно, в первой части объяснения Ключевский явно чего-то недосказал: признав основной причиной событий «народный взгляд» на власть, который мешал народу «освоиться с мыслью о выборном царе», он не попытался определить происхождение взгляда. Откуда он? Из каких корней появился на свет? Автор не давал ответа, не вводил проблемы в свой теоретический круг, но поиски нового обозначены явно. Связь этого вопроса с упомянутой «социальной рознью» ясна, но Ключевский оставляет важнейшие вопросы необъясненными, не решается развить свою мысль и переходит к другой теме. Поэтому, читая в историографической литературе о Ключевском, что он источником Смуты «считает династический вопрос», нельзя не удивиться как равнодушной неточности историографов, так и упрощенности их формулировки. Поиски

Ключевским точного решения причин Смуты историографически не оценены, и понимание им классов и социального момента, хотя и толкуемых по-своему, приравнено к нулю, что неверно. Эти вопросы ставили перед современниками много новых спорных проблем, будили мысль. Революционная эпоха, в которую писался том, любопытно отразила на этих страницах свою терминологию и в частных формулировках занятно «опрокинула» политику в прошлое. Ключевский полагает, что Избирательный собор 1613 г. — это «Учредительное собрание» (!), ополчение выбирает «Временное правительство», боярство проявило «конституционные стремления», а вступающие на престол Романовы ведут «секретно полицейское дознание». Подкрестная запись царя Василия Шуйского есть ни более ни менее как «первый опыт построения государственного порядка на основе формально ограниченной верховной власти». Царь Василий, естественно, искал опоры «для своей некорректной власти...». Это все — политический язык 1905 г. Ключевский с увлечением дает запоздалые советы Годунову: «Борис перемолчал бояр, и это была ошибка Годунова, за которую он со своей семьей жестоко поплатился... Ему следовало всего крепче держаться за свое значение земского избранника, а он старался пристроиться к старой династии... Борис был не наследственный вотчинник Московского государства, а народный избранник»...¹⁸³

Так вопросы Смуты и ее преддверия до Ключевского в исторической науке не ставил никто. Тут было над чем подумать читателю.

Вся концепция избрания Романовых на царство у Ключевского начисто лишена какой-либо идеализации представителей династии — это также было новым в науке. Ни Соловьев, ни Костомаров — о Карамзине и Погодине и говорить нечего — не давали таких характеристик. Конечно, Ключевский не приводит нигде большого скопления отрицательных характеристик, но умело разбрасывает их по разным поводам то тут, то там, всюду выделяя слабые черты еще царствующего в России дома. Около Михаила, «царя совсем несерьезного, не стояло ни одного серьезного государственного человека». Отец Михаила Романова Филарет «был ставленник обоих самозванцев, получил сан митрополита от первого и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго». Мать Михаила Романова, инокиня Марфа, — «своенравная интриганка, державшая сына в крепких руках». «Что-то роковое тяготело над новой династией: судьба решительно не хотела, чтобы выходившие из нового царского рода носители верховной власти созревали на престоле. Из пяти первых царей трое — Михаил, Алексей и Иван воцарились, едва вышедши из недорослей, имея по 16 лет, а двое еще моложе, Федор — 14 лет, Петр — 10». Царевны выходили здоровыми и крепкими, а мужское потомство — как раз цари «оказывались хилыми, недолговечными, иногда прямо

убогими людьми», например Федор и Иван. «Даже под живым, цветущим лицом царя Алексея скрывалось очень хрупкое здоровье, которого хватило только на 46 лет жизни». Петр I — явное исключение. В широкий оборот пустил Ключевский и характеристику, данную первому Романову в боярской переписке: «Миша-де Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден». Сам анализ связей Романовых и причин их выдвижения подан историком открыто, резко, с опорой на факты — тут ни тени идеализации, и студенты, кричавшие Ключевскому в 1894 г.: «Лукавый царедворец!», могли быть довольны, читая в третьем томе «Курса»: «Вражда с царем Василием и связи с Тушином доставили Романовым покровительство и второго Лжедмитрия и популярность в казацких таборах. Так двусмысленное поведение фамилии в смутные годы подготовило Михаилу двустороннюю поддержку и в земстве и в казачестве»¹⁸⁴.

В третьем томе «Курса» Ключевский развивает дальше свою концепцию Земского собора, оборванную в годы реакции начала 90-х годов, в мучительно затянувшейся и незавершенной публикации. Теперь его основная цель — проследить за идеей земского представительства в ее развитии. Он постоянно выделяет роль Земского собора в исторических событиях и дает ему новую оценку: в XVII в., в эпоху Смуты, это даже, как сказано, «Учредительное собрание»! Отметив, что за время царствования Михаила собиралось «до 10 созывов Земского собора», Ключевский подчеркивает расширение его компетенции: «Теперь Земский собор рассматривает такие дела, которые прежде ведала только Боярская дума, текущие дела государственного управления, например, вопросы о налогах». Трижды Земский собор был призван для избрания царей (Федора, Бориса, Михаила), соборное избрание заменило завещание предшественника. «Перемена в составе и значении Земских соборов — одно из важнейших следствий Смутного времени». Земскому собору сообщен характер «настоящего представительного собрания», его наименование «советом всей земли» стало ходячим понятием. Земский собор 1613 г., названный выше «Учредительным собранием», признается «первым достоверным опытом действительного народного представительства». Выборным людям Земского собора «предоставлялось возбуждение законодательных мер в форме ходатайств». Земский собор в XVII в. приобретает, следовательно, новый характер. Теперь в концепцию развития Земского собора у Ключевского входит мертвящей силой установление крепостного права: «Едва Земский собор стал складываться в выборное всенародное представительное собрание, как из состава его выпало почти все сельское земледельческое население». В исходе XVII в. наступает окончательный упадок Земского собора: «История Земского собора в XVII в. есть история его разрушения». При Михаиле он

созывался не менее 10 раз, при Алексее — 5 раз, и то лишь в первые годы царствования, при царе Федоре — дважды «наспех в кой-каком случайном составе» и в последний раз — Петром в 1698 г., чтобы судить царевну-заговорщицу Софью. А ведь Земский собор уже служил «органом участия местных сословных миров в законодательстве». Следовательно, излагая понимание Земских соборов Ключевским, никак нельзя ограничиваться, как это обычно делают, его незаконченной статьей начала 90-х годов и говорить о неправильной трактовке и принижении земских соборов вообще. Надо брать всю совокупность его положений и в позднейших работах, а более всего в «Курсе русской истории»¹⁸⁵.

Несколько сходно положение и с вопросом о крестьянстве, крестьянской крепости в третьем томе «Курса». Общепринято основывать концепцию Ключевского о крепостном праве на цикле его статей, относящемся к середине 80-х годов: «Происхождение крепостного права в России» (1884 г.), «Подушная подать и отмена холопства в России» (1886 г.) и другие — и только. Концепция этих статей, конечно, воспринята «Курсом», но несколько видоизменена; необходимо учитывать и позднейшее развитие исследовательской тематики Ключевского — все его личные исследовательские темы проходят через «Курс» не в порядке копирования или автокомпиляции первых изложений, а включают и последующую работу автора, хотя бы она и не была оформлена в виде отдельных книг или статей. Ключевский смыкает свою лекцию о крестьянах во втором томе «Курса» (37-ю) с продолжающей ее тематикой в третьем томе (лекция 49-я). Предшествующая лекция кончалась положением, что до конца XVI в. русское крестьянство еще было «вольным», но положение его все ухудшалось в силу задолженности крестьянина помещику. Казенные и дворцовые крестьяне были прикреплены к земле или к сельским обществам по полицейско-фискальным соображениям, а крестьяне владельческие прикреплены не были и располагали правом выхода, которое, впрочем, уже редко действовало в своем первоначальном виде. Даже в первые два десятилетия XVII в. владельческие крестьяне, по мнению Ключевского, еще не были закрепощены — все «экономические условия неволи уже действовали», а юридическая норма, «которая закрепила бы эту фактическую неволю, превратив ее в крепостную зависимость», еще не была найдена. Считая холопство древнейшим крепостным состоянием на Руси, установившимся за много веков до возникновения неволи владельческих крестьян, Ключевский воспроизводит в сжатом виде итоги своих исследований о крепостном праве в «Курсе», внося, однако, то новое, что здесь особенно явно, и крепко соединяет обе теории — свою теорию о происхождении крепостного права из «крестьянской задолженности» и прежнюю схему историко-юридической школы о «закрепощении» и «раскрепощении» сословий согласно государствен-

ным нуждам и государственному решению. В «Курсе» отчетливо раскрыто положение Ключевского о сближении ссудного крестьянства и кабального холопства и возникновение в силу этого крепостной крестьянской зависимости. В ходе раскрытия этих положений и дается итоговая формула возникновения крепостного права¹⁸⁶.

«Основные нити», из которых в конечном счете сплеталась крестьянская крепость, это: 1) полицейская приписка по месту жительства, 2) ссудная задолженность, 3) действия кабального холопства и 4) добровольное соглашение. Первые две «нити» и есть основные, очевидно, юридические источники крепостного права, именно они, по Ключевскому, и создавали землевладельцу возможность приобрести крепостную власть над крестьянином; вторые две «нити» имели служебное значение «как средства действительного приобретения такой власти». Согласно закона и помещика «в погоне за крестьянином» Ключевский считает пока что только наружным: государству нужен был «усидчивый тяглец», который не ослаблял бы своей податной способности частными обязательствами, а помещик «искал пахотного холопа», который исправно работал бы барщину и платил оброк, которого можно было бы при случае «продать, заложить и в приданое отдать без земли». Крестьянская крепость была принята правительством под условием, чтобы тягловый крестьянин, став крепостным, «не переставал быть тяглым и способным к государственному тяглу», за беглых владелец платил до новой переписи. На этом и помирились интересы «казны и частных владельцев». Посвятив много труда и искусства в определении юридических переплетений, воздействий одной правовой нормы на другую и взаимоотношениям интересов казны и владельцев, отдав этому большую лекцию, Ключевский чувствует, что этим, конечно, далеко не исчерпана тема о крестьянстве. Мы не видим крестьянского труда, его хозяйственной роли, его вклада в государственное существование, еще не определена историческая роль крестьянства на данном этапе нового периода русской истории, нет темы борьбы крестьянина с помещиком. Ключевский в конце лекции лишь кратко — в будущем времени — обещает, что мы еще «будем изучать крепостное право, экономические следствия крепостного права; доселе мы изучали его происхождение и состав»¹⁸⁷.

Но в третьем томе всего обещанного нет. Увы, нет и далее. Поэтому читатель «Курса» не мог не чувствовать себя в какой-то мере обделенным: до проблемы исторической жизни, труда, культуры и значения непосредственного производителя дело так и не доходило. Между тем Ключевский в какой-то мере не «додавал» читателю не того, чего не имел, а того, чего не хотел сказать в «Курсе». Он уже давно, в докторской диссертации и в публичном курсе лекций, прочитанном в Политехническом музее, сказал о том, что российское дворянство разорило крестьянскую Россию

пуше татарского нашествия. Дворянство, взяв на себя командные роли в обороне и приращении государственной территории, получило за это как бы в плату от государства право распоряжаться крестьянским трудом — с размахом и правами рабовладельца. В третьем томе отсутствует хотя бы привычная постановка этого противоречия. Подождем до четвертого. Пока Ключевский исчерпывает вопрос о крестьянстве тонким, «кружевным», как говорили современники, анализом его правового положения и переходит к Земским соборам, финансам, проявлениям недовольства, «западному влиянию», положению церкви и указанным выше личным характеристикам деятелей XVII в., которыми и заканчивается третий том. Тут, как видим, не выделено особого места для обещанных «экономических следствий» крепостного права. Правда, видимо чувствуя, что нельзя же так бросить тему, Ключевский вставляет перед Земскими соборами в качестве передаточного звена блестяще и остро написанный текст с общей — крайне отрицательной — оценкой крепостного права: оно повело государство «к расстройству народных сил, сопровождавшемуся общим понижением народной жизни, а от времени и глубокими потрясениями». Оно оказалось «самым едким элементом сословного взаимоотношения». «Оно глубоко понизило уровень нашей гражданственности, и без того очень невысокий». Из-за крепостного права «борьба господ с крепостными» постепенно перерождалась «в глубокую социальную разладицу», что надолго задержало «правильный рост народных сил» (очевидно, он был бы «правильным» без «социальной разладицы», сиречь классовой борьбы). Но это не все; по вине этой «разладицы» дворянство «как руководящий класс» дало «извращенное, уродливое направление всей русской культуре»¹⁸⁸.

Нельзя не заметить, что широко распространенное в исторической литературе положение о том, что Ключевский не осветил совсем, оставил без внимания всю народную борьбу XVII в., а в ее составе и крупные народные выступления, для «Курса» не совсем точно. Они не вполне забыты и в концепции Ключевского обозначены, но, как правило, не раскрыты, не проанализированы подробно, как мы хотели бы этого. Восстановим факты. Ключевский не только считает, что «XVII век был в нашей истории временем народных мятежей», но подчеркивает, что это явление было новой чертой, ранее недовольство народа не выражалось столь значительными выступлениями — начало им положило Смутное время. Московскому восстанию 1648 г. Ключевский отводит довольно значительное место в 47-й лекции, выделяя его на полях особым заглавием «Мятеж 1648 года» (почти четыре страницы), и метко замечает, что «мятеж» случился «месяца за полтора до приговора государя с думой составить новый свод законов», отразивший, хотя и неполно, установление крепостного права, о чем подробно сказано Ключевским при разборе Уложения царя Алек-

сея Михайловича. Тут даны довольно детально фактическая сторона «мятежа» и его оценка: «Июньский бунт и был восстанием „черных людей“ на „сильных“, когда „всколыбалася чернь на бояр“ и принялась грабить боярские, дворянские и дьячьи дворы и избивать наиболее ненавистных правителей». При этом «двор перепугался, принялись задабривать столичное войско и чернь...». Именно это летнее восстание 1648 г. заставило, по мнению Ключевского, царя Алексея Михайловича привлечь к участию в работе над новым Уложением Земский собор. Вообще царствование царя Алексея было «бунташным временем», приводит Ключевский бытовавшее тогда определение. Не забыт и «Медный бунт» — ему также отведено не несколько строк, как иногда почему-то пишут, а также четыре страницы, правда озаглавленные на полях довольно формально: «Медные кредитные деньги» — и помещенные для спокойствия в главу о финансах, из чего никак не следует, что он трактуется лишь с финансовой точки зрения. Подробно объяснив операции казны с медными деньгами и причины острого народного недовольства, Ключевский довольно подробно и очень красочно описывает «самый бунт», не забыв и о том, что «царя держали за пуговицы кафтана», и описав жестокое подавление мятежа. Таким образом, упрек в «пропуске» и игнорировании народных движений не вполне соответствует действительности¹⁸⁹.

Восстания Разина как особой темы в «Курсе» Ключевского нет, что соответствует тогдашней академической традиции. Но мы знаем, что в первом варианте «Боярской думы» (в «Русской мысли») он высказался об этом движении.

Соловьев в летописной манере описывал эти народные выступления «бунташного» XVII в. Новым у Ключевского является их включение в план социальной борьбы, вызванной перенапряжением народных сил и сгущением крепостнических повинностей и податных платежей на народных низах, о чем Ключевский говорит не только в своем введении к «новому периоду» русской истории, но и при характеристике самого XVII века. Выделение массовых народных «мятежей» и «бунтов» в качестве новой черты эпохи также примечательно, как концепционная новация.

Возвращаясь к одной из основных идей нового периода, изложенной во введении к третьему тому и входящей в состав «ключа» к объяснению важнейших явлений («внешняя оборонительная борьба государства» как усилитель государственных повинностей), надо заметить, что она в томе выражена слабо. Читатель, конечно, может сам подобрать соответствующий, разбросанный то там, то тут материал для иллюстрации этого положения. Но сам автор не сделал этого. Внешняя политика так и не стала обещанным «ключом» к «новой истории России». Сосредоточение преимущественно на политической истории с подключением к ней в крупных узлах экономических явлений, социальной структуры и даже

отчасти социальной борьбы остается основной ведущей идеей. А по-новому рассказанная, пронизанная острой критикой, иронией, а подчас и сатирой история российского самодержавия с домом Романовых во главе сообщила всему третьему тому, вышедшему буквально на другой день после революции 1905—1907 гг., большую политическую остроту. Еще в 1904 г. в первом томе «Курса», в его вводных лекциях Ключевский смело заявил, что «историческое изучение своими конечными выводами подходит вплоть к практическим потребностям текущей минуты»¹⁹⁰. Третий том «Курса», вышедший в 1908 г., ярко реализовал это положение. Конечно, оно реализовано в рамках мировоззрения буржуазного ученого, потрясенного революцией. Но в свете опыта революции ученый напряженно всматривается в прошлое своей страны и ищет корней новых явлений и ответа на новые, вставшие перед ним вопросы. После этого тома писать историю русского XVII века ни по-чичерински, ни по-соловьевски уже было невозможно.

Может быть, еще нигде не была так видна мучительно ищущая истины мысль историка, как в замечательном третьем томе «Курса русской истории». И нигде до тех пор не приближалась так близко к границам замкнутого буржуазного мировоззрения, подчас даже ломая и прорывая их. И до сих пор нигде еще не было так отчетливо видно, какие идеи мешали Ключевскому окончательно разрушить эти границы и выйти на широкий простор историко-материалистических исканий. Никогда еще до этого момента не ощущалось так ясно огромное влияние революционных событий на постоянные искания Ключевского. Недаром третий том «Курса русской истории» готовился к печати после революции 1905—1907 гг.

11

Четвертый том «Курса русской истории» Ключевского открывается Петром I и завершается дворцовым переворотом 28 июня 1762 г., возведшим на престол Екатерину II. Этот новый период Ключевский справедливо считал пребывающим «в научной полутьме». Но в ходе своей исследовательской и педагогической работы автор успел заготовить для него немало материалов. Напомним, что его первые лекции в Московском университете, вызвавшие общий восторг студенчества, были посвящены эпохе «преемников Петра» и построены на изучении первоисточников. Кроме многочисленных студенческих записей и литографий, Ключевский мог и тут мобилизовать свои специальные работы — «Западное влияние в России при Петре» (1897 г.), «Петр Великий среди своих сотрудников» (1901 г.), прочтенный в Политехническом музее курс публичных лекций, специально посвященный «западному влиянию», — записью этого курса Ключевский располагал. Уже

в январском номере 1909 г. публиковалась его статья «Русское общество в минуту смерти Петра Великого» с подзаголовком: «Из приготовляемой к печати IV части «Курса русской истории» (1909 г.). Целый цикл давно известных работ Ключевского на культурно-исторические темы относился к XVIII в. — напомним «О значении исторических трудов И. Н. Болтина в ходе русской историографии» (1894 г.), «Два воспитания» (1893 г.) — обе задававшие темы четвертого и пятого томов «Курса». И даже работа «Русский рубль XVI—XVIII веков в его отношении к нынешнему» (1884 г.) имела связь как с предшествующим третьим томом, так и с последующими двумя. Множество записей для четвертого тома в той же «Черновой» растет из глубоких корней проделанной ранее работы.

Чтобы правильнее представить себе интенсивность и степень напряженности труда Ключевского в это время, вспомним, что в те же дни он одновременно работал и над четвертым изданием «Боярской думы», и над седьмым изданием «Краткого пособия по русской истории» (1909 г.). Добавим еще идущую, конечно, более замедленным темпом, но все же параллельную работу над следующим, пятым томом «Курса», который по замыслу автора должен был захватить эпоху от царствования Екатерины II до смерти Николая I (1855 г.), о движении и этой работы свидетельствуют датированные записи и поправки в литографиях. Не забудем, что в это же время Ключевский еще читает лекционные курсы в Московском университете и в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Выделяя наиболее сосредоточенный период работы именно над четвертым томом, надо остановиться на рамках: с самого конца 1907 г. по вторую половину 1909 г. Весь 1907 год был занят, как мы помним, подготовкой третьего тома «Курса», который появился в самом начале 1908 г. — в это время работа над следующим четвертым томом могла идти лишь урывками. Весь 1908 год и первая половина 1909-го и были временем создания текста четвертого тома, который по привычной традиции должен был попасть в рукописи к наборщикам в исходе лета и уж никак не позже сентября. Традиционным сроком было окончание печатания к рождеству, причем вышедшие к этому времени книги все равно носили на титульном листе обозначение следующего, в данном случае 1910 г. и считались его новинкой. Так и было с четвертым томом «Курса» Ключевского — он вышел к рождеству 1909 г.: в самый день рождества — 25 декабря — Ключевский пишет А. Ф. Кони: «Посылаю Вам только что отпечатанную IV часть своего курса...»¹⁹¹

Эпоха между тем мрачнела. Третьеиюньский переворот 1907 г. утвердил реакционный избирательный закон, нарушив конституционные обязательства, объявленные царским правительством в манифесте 17 октября 1905 г. Реакционная III Дума действует

с ноября 1907 г., политический фон жизни и работы Ключевского в это время уже не тот, что раньше.

Ключевский уходит в себя. Уменьшается число писем друзьям и знакомым, дневник пишется все реже. За 1908 г. дневниковых записей вообще нет. Их отсутствие отчасти восполняется афоризмами и мыслями об истории. В это время записано: «Полит[ическая] свобода — родная дочь науки...»¹⁹²

Некоторые записи пишутся на даче в Сушневе. Вот лирическая: «Счастье не действительность, а только воспоминание...» Вот о духовенстве, о боге: «Русское духовенство всегда учило паству свою не познавать и любить бога, а только бояться чертей, которых оно же и расплодило со своими попадьями. Нивелировка русского рыхлого сердца этим жупельным страхом — единственное дело, удавшееся этому тунейдному сословию». Вторая еще интереснее: «Что такое бог? Совокупность законов природы, нам непонятных, но нами ощущаемых и по хамству нашего ума нами олицетворяемых в образе творца и повелителя вселенной». Запись почти атеистическая, даже непохожая на более ранние настроения, достойная во всяком случае квалификации как антирелигиозная. В литературе о Ключевском не раз говорится о «поправлении» его взглядов после революции, обращается внимание на «общие постепенно все более усиливавшиеся тенденции к реакционно-идеалистическому пониманию исторического процесса», якобы «характерные для взглядов В. О. Ключевского после революции 1905—1907 гг.» Что-то пока не похоже...¹⁹³

Видимо, нездоровье (воспаление горла) и боязнь сюрпризов подмосковной осени передвигают Ключевского из Сушнева в Крым. В газеты даже проникла весть о болезни Ключевского, обеспокоенные ученики шлют телеграмму, Ключевский отвечает из Симеиза 8 октября, что «пока здоров». В Крыму, где в Алушке так успешно готовился первый том «Курса», теперь пишется в Симеизе четвертый. «В курсе подъезжаю к Екатерине II», — кратко извещает Ключевский Я. Л. Барскова. Стало быть, это уже последние главы тома. 13 октября он надеется вернуться в Москву.

В Москве он получает известие об избрании его в почетные члены разряда изящной словесности императорской Академии наук (избрание состоялось 3 ноября 1908). Кого благодарить и как? Поздравительная телеграмма из Петербурга об избрании подписана президентом К[онстантином] Р[омановым]. Его благодарить? Или председателя разряда? Спросите «уставщика всех староверческих толков Н. А. Котляревского». А нельзя ли вообще никого не благодарить? Вот было бы хорошо. Ответом «Вы премного облегчите страдания трясомого лихорадочным ознобом вот уже третий день... члена разряда изящной словесности имп. Академии наук Василия Ключевского...» (письмо Я. Л. Барскову). 13 ноября он благодарит А. Ф. Кони, участника избрания, и тоже

жалуется на болезнь: «Лето закончил воспалением горла, поправился в Крыму, а теперь опять расклеиваюсь, простужаясь то и дело». Очень огорчен слухом о прекращении «Вестника Европы», без него не понимает русской журналистики, как не понимает «очков без стекол»¹⁹⁴.

Наступает 1909 год.

Перед нами черновик письма от 8 марта неизвестному адресату — Сергею Ал-чу (фамилия не проставлена) замечательного содержания: «Я задержал у себя Ваш «Термидор» дольше всякого приличия...» Книга доставила «глубокое удовлетворение». Вывод, сделанный Ключевским из книги о Термидоре: «Свободу надобно брать, а не получать». Это уже близко к разлому в стене буржуазного мировоззрения. Нечто подобное он сказал только один раз в молодые годы¹⁹⁵.

Таковы скупые, но довольно выразительные факты. Говорят ли они о «поправении» Ключевского, о сползании его к более реакционным позициям после революции 1905—1907 гг.? Нет, не говорят.

В 1909 г. Ключевского потрясло неожиданное и тяжелое личное горе. 21 марта ничто не предвещало беды. Была вербная суббота. В доме уже говорили о предпасхальных приготовлениях. Анисья Михайловна собиралась, как всегда, ко всенощной в храм Христа Спасителя. Ушла. Но в скором времени громко зазвонил звонок, в двери постучали — сильно и тревожно. Открыли. Перед входом — извозчик. В пролетке — Анисья Михайловна. Уже без признаков жизни...

Она почувствовала себя плохо на ступеньках храма, еще не успев в него войти. Упала. К ней подбежали люди, желая помочь. Еле слышно она прошептала склонившейся над ней женщине свой адрес, та успела уловить: «Житная, дом 14...» Упросили извозчика довести. Уложили умиравшую в пролетку, извозчик довез ее до дому...

Надежды на глубокий обморок не оправдались. Спешно вызванные доктора подтвердили: смерть.

Нельзя передать ужас родных. Ключевский был потрясен и совершенно убит внезапно обрушившимся на него несчастьем.

Он прожил с женой более 40 лет. Всю его жизнь, ежедневный быт, домашний уют, распорядок дня, условия для домашней работы — все создавалось и поддерживалось ее незаметным и неустанным трудом и вниманием. Ученик Ключевского С. Б. Веселовский в эти дни в письме товарищу писал, что после смерти жены старый Василий Осипович (ему было уже 69 лет) и его сын Борис остались осиротевшими, беспомощными, как малые дети.

В «Русских ведомостях» в марте было опубликовано письмо Ключевского к той неизвестной даме, которая попыталась помочь умирающей. Не зная ее имени, он благодарил ее за помощь и

просил отозваться — рассказать ему о последних минутах жены... Откликнулась ли эта женщина — сведений нет¹⁹⁶.

Перенесенное горе нанесло сильный удар Ключевскому. Его сказочная трудоспособность пошатнулась, да и здоровье ухудшилось. Жизнь приходилось налаживать совсем по-новому — выходило все сиро и неуютно. В доме были теперь только он, сын Борис и домашняя работница, отношения которой с сыном были Ключевскому не по душе и часто служили темой тяжелых семейных объяснений. В жизни, в быту, в ходе дня, в самой работе, в оценке собственных сил наступил какой-то неподготовленный и совершенно неожиданный срыв — все нужно было хоть как-то устроить самому, лишь бы кончить этот проклятый «Курс», не бросать же его...

Общественная и научная жизнь шла между тем своим чередом, требовала внимания, времени, действий... Новый период студенческого движения и множество сложных университетских дел ждали его участия — ведь он был членом комиссии Совета Московского университета, в которую еще с кануна 1905 г. поступали на обсуждение и предварительное решение множество сложных студенческих дел и острых вопросов внутренней университетской жизни. В мае 1909 г. Ключевский пишет письмо председателю комиссии Р. Ю. Випперу, к которому пришлось послать сына-секретаря для получения информации о пропущенных отцом заседаниях и по текущим делам комиссии. Благодаря Виппера за внимание к сыну и оказанную помощь, Ключевский пишет, что почувствовал, «как трудно мне становится быть активным (далее зачеркнуто «и полезным») членом комиссии... я решил отказаться от участия в ней раньше каникул». Но не только это решил Ключевский: «Думаю отложить на год и самое чтение лекций, чтобы избежать опасности сделать это поневоле...» Он хочет «собраться с силами...».

Дом, комнаты, прежняя обстановка мучили его воспоминаниями. Еще 9 мая он с Борисом выбрался на дачу — письмо Випперу писано в Болдине, а июньские письма Я. Л. Барскову помечены Сушневым. «Работаю так себе», — пишет он Барскову. Вероятно, речь идет о работе над четвертым томом «Курса»¹⁹⁷.

В биографиях Ключевского говорится, что он прекратил по расстроенному здоровью преподавание в университете с 1909/10 учебного года¹⁹⁸. Тут несомненна неточность оттенка: Ключевский вовсе не хотел «прекратить» работу в дорогом его сердцу университете, с которым он сросся. И в наиболее раннем письме Р. Ю. Випперу, и в последующем письме М. К. Любавскому он всюду употреблял одинаковую формулу: «Отложить на год чтение лекций». Фактически он просил — второй раз в жизни — годичного творческого отпуска, как сказали бы мы сейчас. Он сам упоминал скорее не о болезни, а об общем состоянии после пере-

несенного потрясения. «Отложить» его лекции на год оказалось возможным — у Любавского и у «некоторых из приват-доцентов» подготовлены соответствующие курсы, которые заполнят пробел. О работе над четвертым томом Ключевский в письмах не пишет, видимо, он не держал Любавского в курсе своих научно-литературных дел. Он скрытно и дипломатично замечает: «Теперь я могу спокойно думать о некотором отдыхе». Какой же отдых? Идет подготовка двух томов — четвертого и пятого, да еще готовится новое издание «Боярской думы». Он напоминает, что откладывает чтение курса «не для того, чтобы оторваться от университета, а для того именно, чтобы сохранить с ним связь...». Предполагая возобновить лекции, он подал план своих курсов на 1910/11 учебный год¹⁹⁹. Он был уверен, что вернется, — только бы ему «войти в свою колею» после пережитого...

Горечь перерыва он, видимо, сам хотел — и законно — смягчить товарищеским воспоминанием «того факта, что 30 лет тому назад я начал университетские свои лекции». Но он предупреждал Любавского, что «какие-либо поздравления в этом году мне до крайности были бы тяжелы»²⁰⁰.

Замысел празднования 30-летия преподавательской деятельности Ключевского в Московском университете вызвал общее внимание. Стали готовить к юбилею сборник статей учеников, друзей и почитателей Ключевского, сборник, ему посвященный, огромный по объему²⁰¹. Предисловие к сборнику содержит высокую оценку Ключевского сочувствующими современниками, деятелями научной жизни, главным образом историками. Они отмечали силу синтеза Ключевского: «...то, что нам раньше казалось бесформенной грудой разрозненных фактов, озаренное светом Вашей мысли, срасталось, начинало жить и двигаться...» Сборнику предпослан «Список трудов В. О. Ключевского», составленный Я. Л. Барсковым и открывающийся «Сказаниями иностранцев о Московском государстве». Он был просмотрен и обсужден составителем совместно с Ключевским, из их переписки видно, что туда включались не все работы юбиляра, — некоторые он сам исключал как второстепенные и случайные.

Среди статей сборника лишь одна посвящена работе самого Ключевского. С. Котляревский в статье «Что дает „Боярская дума“ В. О. Ключевского для государствоведения» противопоставил оценку монографии выпадам Сергеевича, и, вероятно, Ключевский прочел ее с особо теплым чувством. Автор — видный историк русского права, юрист, подчеркнул большое значение исследования Ключевского для истории государственного права. Он справедливо отметил, что стабильного государственного права вообще не существует, оно — историческая категория и наполнено историческим содержанием. Критику, данную Ключевским школе юридического формализма, Котляревский признавал справедливой:

исследование «Боярская дума» с ее тонким историзмом — урок для юриста, «позади» каждого понятия государственного права течет непрерывно движущийся и все уносящий гераклитов поток» вещей...²⁰²

Если учесть, что В. И. Сергеевич был еще жив в 1909 г., во время юбилея Ключевского, и вполне мог поинтересоваться специальной статьей историка права о «Боярской думе», которая как раз вышла в юбилейном году четвертым изданием, статью С. Котляревского надо признать довольно острой и смелой. Она занимала более передовые научные позиции. Разгромная глава о Ключевском, написанная Сергеевичем, выглядела прошедшим веком.

Среди афоризмов Ключевского в это время есть один — недатированный, но, вероятно, относящийся к его последнему юбилею. «Меня отпевают и даже готовят мне памятник. Но я еще не умер и даже не собрался умирать. Напротив, я жить хочу или по крайней мере долго умирать, но не скоро умереть. Поэтому — за Ваше здоровье!»²⁰³

Юбилей отметили 5 декабря 1909 г. — ровно день в день первой университетской лекции Ключевского в Московском университете, прочитанной 5 декабря 1879 г.²⁰⁴

Печать откликнулась на юбилей сообщением в «Историческом вестнике». Издатель «Русской старины» П. Н. Воронов обращался в связи с юбилеем к Ключевскому с просьбой прислать его фотографию. Среди поздравительных телеграмм одна, вероятно, обратила на себя особое внимание Ключевского: «Не имея удовольствия лично Вас знать, но издавна преклоняясь перед Вашим научно-государственным талантом, позволяю себе приветствовать Вас с днем тридцатилетнего юбилея. — Граф Витте»²⁰⁵.

На рождество 1909 г. — около 25 декабря — появился, наконец, долгожданный четвертый том «Курса».

Перед текстом на отдельной странице надпись: «Памяти Анисии Михайловны Ключевской († 21 марта 1909 г.)».

12

Четвертый том «Курса русской истории» содержит 16 лекций (59 — 74-я). Как видим, их число уменьшается от тома к тому, а размер отдельной лекции в среднем возрастает. Том продолжает намеченный Ключевским период новой истории России и начинается с Петра I, завершаясь, как сказано, вступлением на престол Екатерины II. Охвачено, таким образом, немногим более половины XVIII в., остальная его часть и первая половина XIX в. по смерти Николая I (1855 г.) намечены автором к освещению в пятом и последнем томе «Курса».

Построение четвертого тома своеобразно: царствованию Петра I отведено 11 лекций (59 — 69-я) — значительно более поло-

вины тома, свыше 300 страниц, и всего 5 лекций (140 страниц) — всему остальному. Петр занял, таким образом, около двух третей тома. Структура четвертого тома теряет характер построения по проблемам, присущий предыдущему тому. Новый том строится в значительной мере «по царствованиям». Он состоит из двух частей — царствование Петра I и его реформы и «эпоха 1725—1762 гг.», далее называемая «эпохой дворцовых переворотов». В части, посвященной царствованию Петра, две первые лекции отданы его биографии начиная с младенчества и до возвращения его из Голландии, далее следует особая лекция (60-я), описывающая (блестяще!) его наружность, привычки, образ жизни и мыслей, характер. Внешней политике и военной реформе отведена следующая лекция, а за ней идет вопрос о значении военной реформы и о положении дворянства. Вопросы о финансах, преобразовании управления, значении реформ Петра I — это темы следующих лекций, а «Русское общество в минуту смерти Петра Великого» — тема отдельно опубликованной статьи Ключевского, которая завершает цикл.

Далее следуют преемники Петра вплоть до воцарения Екатерины II. Заметим, что в структуре конца четвертого тома есть некоторые неувязки, говорящие о каких-то незавершенных авторских поисках. Лекция 70-я имеет свое заглавие, что не всегда встречается у Ключевского; по смыслу заглавия — «Эпоха 1725—1762 гг.» — оно должно было бы относиться ко всем оставшимся пяти лекциям, поскольку переворотом 1762 г. датирована как раз последняя (74-я) лекция тома. Но в скобках рядом с заглавием стоит указание страниц: «338—414», из которых последняя явно не соответствует тексту (там нет никакого перерыва в изложении). Возможность опечатки, видимо, исключается тем, что в списке опечаток, приложенных к нему, таковая не указана. Нарушена и последовательность изложения: манифест о вольности дворянства 1762 г., в противоречии с хронологией изложения, предпослан царствованию и Елизаветы, и Петра III. Не объясняется ли это тем, что автор не хотел кончать том темой 72-й лекции, посвященной «антидворянскому силогизму», и отодвинул ее несколько вглубь, поместив двумя лекциями ранее конца тома. Тогда личные характеристики правителей (Елизаветы, Петра III) смогли завершить том по аналогии с предшествующим. А острый вопрос о паразитизме дворянства, не имеющего прав ни на крестьян, ни на землю, стал бы менее заметен внутри второй части тома.

Мы видим, что проблемы внешней и внутренней политики являются ведущими в перечне тем. Социальная тематика не забыта, но упоминается лишь в частных маргинальных заглавиях, в перечне пунктов отдельных лекций. Крестьяне, крепостное право, крестьянский вопрос не занимают большого места в

этих частных пунктах плана, хотя в третьем томе было обещано их специальное рассмотрение. Выделения экономической тематики нет, даже в вопросе о крестьянстве превалирует правовая тема.

Остановимся теперь на концепции тома в целом и историографической оценке предложенных Ключевским решений, по сравнению с его предшественниками. Что нового дал четвертый том «Курса» русской исторической науке? В цикле 10 лекций, посвященных Петру, сам автор, не уделяющий, как правило, внимания историографической стороне дела, идет нам навстречу. Суждение С. М. Соловьева о значении реформ Петра специально выделено Ключевским, оценен и ряд других предшественников.

Историографическая роль С. М. Соловьева в изучении эпохи Петра I и петровских реформ исключительно важна: он отвел Петру шесть томов в своей многотомной истории, подняв нетронутые до него тяжелые пласты архивного материала, восстановив множество фактов и создав значительную и аргументированную концепцию. Она выросла одновременно из сплетения научных потребностей времени — неизученности узлового вопроса начала новой эпохи и острого спора, возникшего в русском общественном движении кануна революционной ситуации — столкновения западников и славянофилов. Различная оценка петровских реформ была одним из самых шумных пунктов спора: славянофилы упрекали Петра в грубой ломке старого национального строя Руси, разрыве традиций, искусственном насаждении западноевропейских нравов. Западник Соловьев решительно опровергал своей тщательно аргументированной концепцией именно этот устой славянофильской идеологии: нет, реформы Петра не вторглись в русскую жизнь внезапно, якобы насильственно ее ломая и прививая новое; реформы были подготовлены всем историческим процессом XVII в., органически выросли из него, именно этот век осознал задачи, за решение которых взялся Петр I. В те годы поубавилась острота общественного спора, линия «западноевропейского» развития, т. е. капитализма, выявилась с большой отчетливостью, спор, сосредоточившись в революционных и радикальных кругах, сузился около проблемы живучести общины и возможности использовать ее для социализма. В либеральном лагере вопрос заменился другим: нужно ли, целесообразно ли копировать западноевропейский парламентаризм и конституционный строй или Россия может развить свои особые варианты представительного правления, опираясь на какие-либо исторические, исконные зародыши грядущего русского строя? В ситуации разгона Думы и третьиюньского переворота вопрос в либеральном стане повертывался иначе: важно было судить не столько о резкости и насильственности петровских реформ (хотя известный

интерес к их «органичности» или «насилованности» сохранялся), сколько о степени их удачи, результативности. Новые черты в постановке вопроса о петровских реформах присущи и Соловьеву и Ключевскому: первый доказывал их органичность, второй больше интересовался степенью их успеха и вместе с тем — что отсюда вытекало — вопросом их стоимости, оплаченной народом.

«Курс» вызвал сосредоточенную работу Ключевского над Петром I — дневник Ключевского и его афоризмы хранят ее следы. Представление некоторых историографов, что Ключевский раскрыл-де соответствующие тома «Истории» Соловьева и, немного перелицевав его труд на ухудшенный лад, слегка «снизил» Петра I, уж чересчур возвеличенного Соловьевым, тем и ограничился, никак не соответствует действительности. Шла другая эпоха, рождались новые вопросы, и Ключевским был собран новый материал, проведены собственные изыскания, весь вопрос продуман заново. «Пересмотр статьи о Петре В[еликом] и сотруди́никах», — сокращенно записывает Ключевский в дневнике еще 27 февраля 1903 г. в начале сбора и классификации материала для «Курса» в целом. В этой же записи краткое упоминание: «С В. А. Латышевым о Петре В[еликом]...» Может быть, и этот разговор с редактором журнала «Русский народный учитель» вложил что-то свое в раздумья автора о Петре I. Эти раздумья и сбор материалов длятся и дальше. Уже в 1909 г., весной, когда работа над подготовкой к печати четвертого тома была в разгаре, Ключевский 23 апреля записывает в дневнике: «Разговор с А. С. Л[аппо]-Данил[евским]», и далее дает подробности о важной беседе со знатоком архивных сокровищ, о рассказанных ему новых данных, касающихся интересов Петра к внутренней политике, к вопросам «государственного устройства» — наименее выясненный в науке вопрос. Разговор двух выдающихся историков касался и проникновения при Петре политических идей с Запада в Россию через Польшу, и находки русского перевода книги польского публициста XVI в. «De republica emendanda», переведенного в XVII в., и ряда других. Сохранились, оказывается, сделанные Симеоном Полоцким записи лекций виленских профессоров. Заключена обширная памятка замечанием о князе Д. Голицыне, который запечатлел влияние на него итальянских публицистов и Пуффендорфа в писанных им ограничительных кондициях 1730 г. императрицы Анны. Содержательный разговор историков продолжается 25 апреля — на этот раз о новых петербургских архивных находках: о новонайденном каталоге книг Андрея Виниуса и влиянии последнего на политические взгляды Петра I, об обилии русских студентов в университетах Галле, Лейпцига, Страсбурга, Геттингена, Берлина. Читая в

лекции 69-й перечень западноевропейских университетских городов, где обучались русские студенты петровского времени, видишь, что результаты этой содержательной беседы были учтены автором «Курса». «Курс» рождался, как видим, не только из чтения студенческих пожелтевших литографий 80-х годов. Феофан Прокопович и Симеон Полоцкий и новые сведения об их произведениях интересуют Ключевского. Он подчеркивает свой вывод на основании новых материалов: «Из всех философских влияний, навевавшихся на Петра, он воспринимал только политику, цели и средства, а не право, не принципы»²⁰⁶.

Мысли, рождавшиеся в процессе работы, нередко противоречивые, говорящие о колебаниях и поисках историком правильных решений, сами по себе свидетели непрерывно идущего процесса работы. Не все можно было сразу отразить в преподавании, не все можно было и сказать сразу так, как думалось. Еще в июне 1893 г., ранее подготовки «Курса» к печати, Ключевский записывает: «П[етр] I готов был для предупреждения беспорядка расстроить всякий порядок» — этого наблюдения он, конечно, не сделал гласным в абастуманском курсе, который ему предстоял. Еще раньше, в тетради с афоризмами 1891 г., есть запись его задачи при исследовании эпохи Петра I: «Чтобы сделать Петра великим, его делают небывалым, невероятным. Между тем надобно изобразить его самим собою, чтобы он сам собой стал велик». Это направление мысли и работы вообще характерно для Ключевского, который пронес его до конца жизни. «Сказка бродит по всей нашей истории», — с горечью писал он в 1909 г. Он продумывает вопрос об утилитарном подходе к науке и в XVII в., и в начале XVIII в. следит за тем, как при Петре государственную повинность учиться превращали в гражданский долг. Интенсивность размышлений о Петре I усиливается накануне революции 1905 г.: «Много актеров, но на протяжении веков нет ни одного деятеля, кроме Петра В[еликого]...». Отточие поставлено автором, мысль не кончена, хотя и ясно ее направление, — это записано до августа 1904 г. В «Афоризмах и мыслях об истории» целая вереница записей, свидетельствующая о глубокой работе над реформами Петра и над осознанием облика самого Петра как деятеля. Если для Соловьева главное — это героическое и новое в Петре и сам Петр как *вождь*, которого ждала собравшаяся в дорогу Русь и который, наконец, пришел, то Ключевский, стремясь воссоздать облик более реального, со всех сторон освещенного Петра, замечает в нем и движение вперед, и внутренние противоречия. Он *думает* над Петром. Его записи на отдельных листках и клочках бумаги в разное время отражают этот непрерывный процесс. «Новый военный порядок Петр создавал не столько офиц[иальными] указами, сколько письмами, частичными распоряжениями по отдельным случаям без соображения с законами. Это не законодательство, а личные распо-

ряжения деспота, вышедшего из рамок закона». Этот абзац на клочке бумаги отчеркнут красным карандашом. «Новые законы только затрудняли разрушение старого порядка, укрепив его законными подпорками». Обнимая весь огромный круг явлений, связанный с войной и требованиями ее к казне, возможно, взвешивая и оценивая еще раз основной замысел работы П. Н. Милюкова, главный вывод которого он считал недоказанным, Ключевский пишет на чистом обороте случайно попавшейся страницы: «Итак, война была истинной виновницей реформы». Но вот на другом случайном листе плотной бумаги с подклеенным кусочком читаем в конце новой записи о петровской реформе: «Не военные дела, а военные успехи и созданное ими положение России — источник реформы». Это уже другой, новый поворот мысли. И дальше на этой же бумаге запись: «Петр I. Он действовал как древнерусский царь-самодур, но в нем впервые блеснула идея народного блага, после него погасшая надолго, очень надолго». Эта запись — один из основных выводов Ключевского о Петре, который станет ведущим тезисом всей концепции²⁰⁷.

Уже вблизи, вплотную к подготовке к печати текста четвертого тома Ключевский бегло, на случайно подвернувшемся титульном листе журнала «La vie automobile» за 1907 г., выписываемого сыном, записывает: «Деятельность Петра сплелась из противоречий самодержавного произвола и госуд[арственной] идеи общего блага; только он никак не мог согласить эти два начала, которые никогда не помирятся друг с другом». Развитие той же мысли. Далее явная подготовка к характеристике помощников Петра, позже в расширенном виде воспроизведенная и в специальной статье, и в лекциях на страницах «Курса». Опять запись мысли на чистом обороте случайно оторванного листка на другую тему: «Поход Карла в 1700 г. — совершенно варяжский шальной набег IX в. Потом мелкая война, взаимное кровососание». Все эти записи — а их немало — были кропотливой, непрерывной подготовкой текста четвертого тома²⁰⁸.

Концепция Ключевского понятна до конца лишь тогда, когда она вписывается в его общее понимание «нового периода» русской истории, которое он предпослал изложению и особо просил читателя запомнить и счесть это «ключом» ко всему последующему. В этом «ключе», которым действительно отпирается его понимание петровских реформ, главное в социальном моменте: реформы, поднявшие мощь государства, очень дорого стоили народным низам, оплатившим их кровью и напряженным трудом, низам закрепощенного народа, построившим здание нового государства, но получившим от него за это лишь усиление крепостной неволи. В своем «ключе» к новому периоду Ключевский, как мы помним, отмечал, что тяжелые повинности «скупивались на низших классах», в силу

чего росло «чувство народного недовольства». Сопоставим теперь записи его мыслей о реформе с основной идеей «ключа» к новому периоду: «Бесправие, поконившееся до поры до времени на привычке, народной инерции, *Петр* преобразил в организованную силу, в государственное учреждение, против которого надо б[ыло] бунтовать...» Через Полтаву он выходил на «большую европ[ейскую] дорогу. Он по-прежнему оставался туг к пониманию нужд народа. Но он стал более чуток к условиям своего международного положения: он понял, что начинается игра не по карману. Предстояла роль нищего богача». Этот абзац позже зачеркнут. В начале листа читаем: «Реформа Петра вытягивала из народа силы и средства для борьбы господствующих классов с народом». Завершается лист записью: «Чтобы защитить отечество от врагов, П[етр] опустошил его больше всякого врага». Следующая, отдельно стоящая строка: «Понимал только результаты и никогда не мог понять жертв». Развитие этой линии приводит Ключевского и к такому выводу: «Петербургом Петр [зажал] Россию в финском болоте; и она страшными усилиями выбивалась из него и потом утрамбовывала его своими костями, чтобы сделать из него Невский проспект и Петро[павловскую] крепость — гигантское дело деспотизма, равное египетским пирамидам»²⁰⁹.

Эта линия противопоставления отягощенности социальных низов государством, вырастающим на их труде и костях, но ничего не дающим народным низам, кроме усиления крепостного права, — все же выражена в «Курсе», хотя и менее резко и отчетливо. Она нова для концепции Ключевского. Революция 1905—1907 гг., видимо, помогла ему ввести «народные низы» в свою историческую концепцию. И если Ключевский находит еще в третьем томе «Курса» термины «учредительное собрание» и «конституция» подходящими для пояснения событий Смутного времени, то и петровское время вызывает у него образные сравнения из переживаемой им современной ему эпохи: побег учеников из петровских школ он называет «тогдашней формой учебной забастовки», а торжественный тон указа петровского сената, оповещавшего о побегах из навигацкой школы, считает подобающим «разве только манифестам о созыве Государственной думы». Идея о народном благе как цели государства Петра влечет за собой проверку тезиса на конкретных его реформах и приводит к противоречию: «Регулярная армия, оторванная от народа, стала послушным орудием против него, а внешняя политика, опираясь на нее, создавала престиж власти, который еще более подменял идею государства народного династией и полицией». «После Петра государство стало сильнее, а народ беднее» — в этой краткой антитезе противопоставление одного другому отчетливо выявлено. Трудно после этого согласиться с историографами, которые утверждают, что Ключевский «идеализировал» Петра²¹⁰.

В «Курсе» Ключевский развивает сложную, хотя и смягченную по сравнению с приведенными записями, концепцию. Он признает большое воздействие Северной войны на реформы, но подчеркивает, что «к концу шведской войны Петр и его сотрудники сознавали, что достигнутые военные успехи и исполненные реформы еще не завершают их дела». Война же была необходима не только для освоения столь нужного России балтийского побережья, ранее принадлежавшего русским землям. Верный своей национальной концепции, Ключевский подчеркивает две задачи Северной войны; первая — «надо было довершить политическое объединение русского народа, едва не половина которого находилась еще за пределами русского государства»; вторая — предстояло обеспечить безопасность южной и западной границ государства, слишком открытых для нападения. Да, управление страной «превратилось в генеральный штаб и военную кассу». Впрочем, еще до Полтавской битвы были изданы указы «устроительного характера» о восстановлении земских учреждений и о разделении государства на губернии, но цель последних, по Ключевскому, исключительно фискальная²¹¹.

Подходя к итогам, Ключевский вновь напоминает о необходимости оценить дело Петра, «не преувеличивая и не умаляя» его значения. Прежде всего реформа «сама собою вышла из нужд государства и народа» — Петр «инстинктивно» почувствовал это и реализовал реформу. Она осуществлена «властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур, какие по неизведанным еще причинам от времени до времени появляются в человечестве». Замечательной и новой чертой Петра среди русских самодержцев было то, что он считал себя на службе государству, отечеству, решил «живота своего не жалеть для отечества» и едва ли не первый поставил цель радеть о народном благе (заметьте, не «общем», а «народном»! Исторический урок 1905 г.). Понятие о «пользе всенародной» едва ли не впервые появляется при Петре в русском законодательстве, утверждает Ключевский²¹².

Итоги, подводимые Ключевским, внушительны: «У России не было регулярной армии — он сформировал ее; не было флота — он построил его; не было удобного морского пути для внешней торговли — он армией и флотом отвоевал восточный берег Балтийского моря; была слаба промышленность добывающая и почти отсутствовала обрабатывающая — после него осталось более 200 фабрик и заводов; для всего этого необходимо было техническое знание — заведены были в столицах морская академия, школы навигацкая и медицинская, училища артиллерийское и инженерное, школы латинские и математические и до полусотни начальных цифирных школ в губернских и провин-

циальных городах, да столько же гарнизонных для солдатских детей; казны не доставало на покрытие государственных расходов — Петр увеличил расходный бюджет в три с лишком раза; не доставало рационально устроенной администрации, способной вести все эти сложные новые дела, — специалисты иноземцы помогли учредить новое центральное управление»²¹³.

Петровские реформы Ключевский признает новаторскими и в отношении «необходимости предварительно поднять производительность народного труда, направив его с помощью технического знания на разработку нетронутых естественных богатств страны», чтобы дать народу «возможность нести усиленные государственные тяготы». Эту линию Петр проводил «как никогда ни прежде, ни после него». Заключительные слова этого вывода: «Здесь он стоит одиноко в нашей истории», написанные в империи Романовых, надо признать полными и второго смысла, политически острыми и очень смелыми. Петр «не оставил после себя ни копейки государственного долга, не израсходовал ни одного рабочего дня у потомства... он был не должником, а кредитором будущего». Ключевский признает, что «основная мысль его реформы» — в «широких народнохозяйственных замыслах» и «неудачей этих замыслов обозначился ход этой реформы».

После всего сказанного удивительно читать в историографических работах, что Ключевский подчиняет-де «всю политику реформ требованиям, порожденным войной», или: «Именно у Ключевского война из составной части реформы превращается в основную движущую силу, в главную пружину реформ». Как видим, у Ключевского оценка реформ Петра гораздо сложнее²¹⁴.

Историографически новым у Ключевского было и подмеченное им противоречие между вложенными в реформу трудом и жертвами народа, с одной стороны, и резким ухудшением положения народных масс, получивших взамен своих жертв резкое усиление и окончательное установление крепостного права — с другой. «Социальное и народнохозяйственное» действие петровских реформ — та новая проблема, которую внес Ключевский в историографию своего времени, как и противопоставление в этом вопросе «верхних» слоев общества «социальным низам». Этим концепция Ключевского отличается от понимания Соловьева, и этим буржуазная историческая наука делала шаг вперед в своем развитии. Новое вложено Ключевским и в анализ формирования крестьянства. Вводя новую податную единицу — ревизскую душу, подушная перепись распространилась и на дворцовых и на государственных крестьян, на однодворцев и тяглых посадских людей. Все виды холопства были положены в подушный оклад наравне с крестьянами, холопство исчезло, «слившись с крепостным крестьянством в один класс крепост-

ных людей». Этот процесс Ключевский считает настоящим переворотом, только отрицательного свойства. Поскольку по Уложению крепостной крестьянин закреплен за владельцем под условием земельного надела, а не земле — под условием зависимости от землевладельца, постепенно вырабатываются новые нормы отношений, ведущие к резкому ухудшению положения крестьянства. Перед нами «не хозяева и сельские рабочие как юридические стороны, а порабитители и порабощенные, повинные платить произвольно налагаемую контрибуцию господам и их вождам, составлявшим правительство»²¹⁵.

Конечный вывод Ключевского об эпохе Петра тоже не вполне соловьевский, вывод этот сосредоточен на противоречии: «... успехи, достигнутые неимоверными жертвами народа и великими усилиями преобразователя, — столь разнородные черты трудно укладываются в цельный образ». Реформы Петра были борьбой «деспотизма с народом. Петр хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно», но «совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра и доселе неразрешенная». Заметим два последних слова, как и упомянутую выше квадратуру круга, — эти слова написаны в эпоху III Государственной думы, в годы царствования Николая II, им нельзя отказать в большой политической остроте. Ключевский исторически связывал старое самодержавие с современностью, ставил проблему развития самодержавия, учитывая и свою современность. Этот анализ, сохраняя научный характер, отмечен пронизательностью и учетом глубоких противоречий — так не ставили вопроса его предшественники. В том, что сотни читателей и слушателей лекций по-новому задумывались над петровскими реформами, не может быть сомнений. Этот вклад в развитие русской исторической науки неотъемлемо принадлежит Ключевскому. Но в силу ограниченности своего мировоззрения, сколько ни бился он в нем и как ни старался надломить его изнутри, он не мог понять ни классового лица Петра, ни классовой сути самодержавия. Его продолжала крепко держать идея надклассового «общего блага», вмененная в обязанность царскому правительству, и политическая убежденность не то что в возможности, а в полнейшей политической необходимости царскому правительству примирить все классы, иначе Россия оказывается на краю пропасти. «Поколение спит на краю бездны; жаль, что оно исчезнет, не дав урока преемникам — сорвется и разобьется раньше, чем проснется...» Так «пророчествовал» он о поколении, в котором вырастали победители — люди Октября. Ключевский, как видим, был в этом случае плохим пророком — понять ход истории ему мешало отсутствие историко-материалистического мировоззрения. Но он успел много сделать для дальнейшего раз-

вития науки в то время, когда жил. Нельзя упрекать его за то, что он не был тем, кем не смог быть, и не видеть того, что он сделал, будучи тем, кем был ²¹⁶.

* * * * *

Пять лекций, заключающие четвертый том «Курса», относятся к «эпохе дворцовых переворотов», датируемой Ключевским 1725—1762 гг. Страницы этих блестяще написанных, знаменитых лекций особенно известны и часто цитируются. Внешне они расположены «по царствованиям» и в общем соответствуют хронологии почти калейдоскопической смены цариц и царей на российском престоле. Яркие характеристики Анны и особенно Елизаветы современники Ключевского, да подчас и многие потомки знали наизусть. Острые, едкие наблюдения, афористические оценки и на редкость удачно схваченные, художественно поданные образы увлекают и современного читателя. Но, вчитываясь в эти последние авторские страницы, мы замечаем еще и другое — их глубокую связь с развиваемой ранее концепцией истории социальных отношений в России.

Эта тематика и ранее отчетливо раскрывала «антидворянский силлогизм» в концепции Ключевского. На этом материале XVIII в. он раскрывал свою мысль о дворянском нашествии на русский народ и разорении его дворянами не хуже, чем иноплемениками-завоевателями, грабителями население.

В четвертом томе «Курса» тема не выделена композиционно ни в одной из пяти лекций, отведенных эпохе 1725—1762 гг. Первая из этих лекций (70-я), посвященная Екатерине I, Петру II, «дальнейшим сменам на престоле» и Верховному тайному совету, прямо не касается этого вопроса, как и следующая (71-я) лекция, отданная крушению верховников и императрице Анне. Но и та и другая в центре внимания держат установление дворянского господства в разных сменяющихся его формах, укрепление и наращивание дворянских привилегий. Важнейший вывод Ключевского начинает — уже прямым образом — искусно вплестись в лекцию 72-ю, в перечне пунктов которой мы находим темы, выделенные особыми заглавиями на полях: «Крестьяне и крестьянский вопрос», «Дворянство и крепостное право», «Служебные льготы дворянства», «Укрепление дворянского землевладения». Далее мы встретим еще более ясные формулировки: «Расширение крепостного права», «Монополизация крепостного права» и любопытную формулу «Третье крепостное право». Надо признать, что все эти сильные и сосредоточенные на социальной стороне вопроса формулы не очень-то соответствуют заглавию всей 72-й лекции — «Значение эпохи дворцовых переворотов». Чувствуется скрытая двусмысленность общего заглавия, ибо под «зна-

чением» периода можно разуместь, прочтя текст, только укрепление паразитического дворянства.

Новым в изложении является большее, чем раньше, внимание автора к крестьянскому движению. В пункте «Крестьяне и крестьянский вопрос» Ключевский выразительно описывает формы этого движения — побеги крестьян не только отдельными дворами, но целыми деревнями; прежде бегали от одного помещика к другому, «а теперь повалили на Дон, на Урал и в дальние сибирские города, к башкирам, в раскол, даже за рубеж, в Польшу и Молдавию». Ключевский связывает поднявшееся движение с будущим пугачевским мятежом, рисует его прологом последнего: «Царствование Елизаветы было полно местными бесшумными возмущениями крестьян, особенно монастырских. Посылались усмирительные команды, которые били мятежников или были ими биваемы, смотря по тому, чья брала. Это были пробные мелкие вспышки, лет через 20—30 слившиеся в пугачевский пожар». Возложение на помещика обязанности собирать с крестьян государственную подать укрепило положение дворянства. Ключевский, как и ранее, подчеркивает два параллельных процесса — чем более укрепляется дворянское земле- и душевладение, тем сильнее облегчается обязательная служба дворянства. Манифест 1762 г. о вольности дворянства, изданный как раз 18 февраля, этот «семинарски напыщенный и канцелярски безграмотный акт», снял с дворянского сословия его вековую повинность обязательной службы, которая только и являлась оправданием права дворян на владение землей и крестьянским крепостным трудом. И в «Курсе» Ключевский повторяет свою любимую мысль: «По требованию исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля [1762 г.], должна была бы последовать отмена крепостного права; она и последовала на другой день, только спустя 99 лет. . .» Это блестящее сравнение Ключевский включает в изложение особого пункта, носящего на полях название «Третье крепостное право» (в перечне содержания под номером лекции оно названо иначе: «Третья формация крепостного права»). Читатель, правда, еще не поставлен автором в известность о двух предыдущих «формациях», но Ключевскому вообще свойственно углублять вопросы, уже освещенные в предшествующем изложении, и даже видоизменять предшествующие выводы по мере изучения позднейших стадий явления: первая фаза развития крепостного права (до Уложения) была, по Ключевскому, личным договорным обязательством крестьянина по соглашению с землевладельцем; второй фазой (от Уложения до манифеста о дворянской вольности) было превращение крепостного права «в потомственную государственную повинность крестьян на частновладельческой земле для поддержания служебной годности военно-служилого класса»; в третьей фазе («третье кре-

постное право»!) «крепостная неволя с отменой обязательной службы дворянства получила формацию, трудно поддающуюся правовому определению. Она утратила свое политическое оправдание, стала следствием, лишившимся своей причины, фактом, отработанным историей». Поясняя свою мысль о грабеже крестьян похуже разорения вторгшимися чужеземцами, Ключевский употребляет даже термин «контрибуция» для крестьянских платежей²¹⁷.

В этой новой периодизации крепостного права налицо некоторая зависимость от теории «закрепощения» и «раскрепощения» сословий, выдвинутой историко-юридической школой, но одновременно выражена и борьба с ней: элементы спора, переоценки преобладают на данном этапе, — разоблачается фикция дворянского права на земле- и душевладение.

По вычислению Ключевского, почти 5 млн. крепостных душ (4900 тыс. человек), «составлявших не менее 73% всего податного населения по второй ревизии» (40-е годы XVIII в.), были отданы по этой причине «в хозяйственное и судебно-полицейское распоряжение частных лиц и учреждений из-за ежегодного платежа в 3425 тыс. руб.» Естественно, Ключевский проводил при этом аналогию с винными «откупам» и замечал, что такая фискальная операция «очень походила на сословный наследственный откуп с превращением личности и труда человека в доходную регалию». Эта концепция большой разоблачительной силы могла бы стать вровень с блестящими выступлениями против крепостного права Герцена и Чернышевского. «Крепостное право этого третьего образования можно назвать откупным или фискально-полицейским в отличие от двух предшествовавших — лично-договорного и наследственного военно-служилого». Заметим, что этой периодизации в предшествовавших томах нет, она — плод позднейших раздумий историка, современным фоном которых явилась революция 1905—1907 гг. Далее Ключевский отмечает еще один момент: зачислением всех неподатных холопов в подушный оклад наравне с крестьянами власть не холопов превратила в крестьян, а крестьян — в холопов. В силу этого образовался «худший вид крепостной неволи, какой знала Европа, — прикрепление не к земле, как было на Западе, и даже не к состоянию, т. е. сословию, как было у нас в эпоху Уложения, а к лицу владельца, т. е. к чистому произволу. Так в то время, когда наше крепостное право лишилось исторического оправдания, в это именно время у нас началось усиленное его укрепление»²¹⁸.

В последнем разделе этой главы с подзаголовком на полях «Практика права» Ключевский сверх всего сказанного еще отмечал, что «крепостное право третьей формации было скорее незакононным фактом, чем правом». Он метко выбивал из привычного

термина его вторую часть — «право», подчеркивая его полную незаконность. Нигде, ни в одном законе правительство за целое столетие не удосужилось (а скорее просто не смогло или не осмелилось) определить повинности крепостных. Проект кодификационной комиссии 1754 г. «проникнут недоверием и пренебрежением к личности крепостного. Крепостной опутан надзором, как раб, ежеминутно готовый бежать или совершить преступление... Такая школа гражданственности могла воспитать только пугачевца или автомата...». Как видим, имя Пугачева не первый раз надобится Ключевскому для пояснения его выводов в четвертом томе. А в Австрии и в Дании в это время уже приступали к разрешению крепостного вопроса, и даже в юнкерской Пруссии, добавляет Ключевский, правительство принимало меры обороны крепостных от произвола помещиков... Россия отстала от Европы «на крепостное право, на целый исторический возраст, длившийся у нас 2½ века...»²¹⁹.

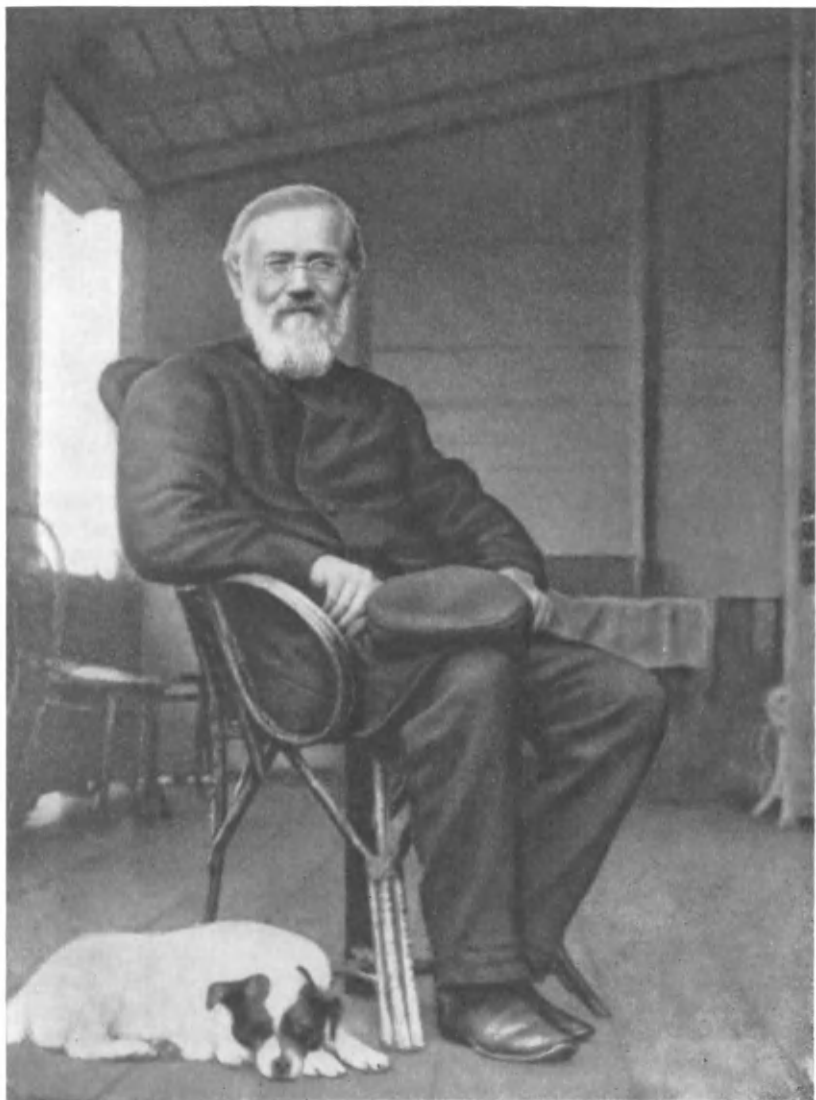
Почему-то при изложении взглядов Ключевского на крепостное право, его периодизацию и все эти значительные выводы, ярко изложенные, историографы обычно не то что опускают, а скорее просто не замечают. Между тем они занимают огромное место в его концепции, венчают ее. Нова ли она с научной точки зрения в русской историографии, в истории развития русской исторической науки, о которой идет речь? Несомненно, нова. Ключевский в этом отношении сделал огромный шаг вперед по сравнению с предшествующей академической, буржуазной историографией. И тысячи его слушателей, выходя с его лекций, посвященных истории крепостного права, по-новому смотрели на него, откалываясь от утвердившейся и застывшей «историко-государственной» громады — теории «закрепощения» и «раскрепощения» словесий во имя государственного блага — едва ли не основного идейного стержня старой государственной школы. Объективно такое понимание крепостного права и его истории работало — политически — в стране, отягощенной крепостническими пережитками, не в пользу прусского пути развития капитализма.

Почему же при историографических оценках Ключевского изложенная выше сторона дела оставалась без внимания? Его теория происхождения крепостного права постоянно разбиралась, а последующее ее развитие автором выпадало. Тут можно предложить такое объяснение: в историографии по отношению к Ключевскому преобладал, так сказать, «скоростной» метод. Пересказывались и оценивались комплексы статей монографического характера: взгляд на крепостное право — по специальным его статьям о крепостном праве, на Земский собор — по статьям о Земских соборах в «Русской мысли» и т. д. Но взгляды историка на все эти вопросы должны пополняться их развитием в позднейших работах и особенно в его «Курсе». Если это осу-

ществить, картина начинает выглядеть существенно иначе. Но надо признать, что тексты Ключевского на все эти темы иной раз разбросаны, иной раз, может быть, и нарочито «скрыты» под не относящимися к ним заглавиям. Трудно догадаться, что общую периодизацию крепостного права надо искать в лекции, озаглавленной «Значение эпохи дворцовых переворотов»!

Но, как всегда у Ключевского, в анализе социальных проблем превалирует, как правило, правовая сторона. Выводя крепостное право из слияния или сложной контаминации правовых норм крестьянства и холопства, утверждая, что юридическое «обратное» воздействие правовых норм холопства на владельческое крестьянство при слиянии тех и других дает такой-то результат, Ключевский все же не выполняет обещанного в третьем томе «Курса» рассмотрения экономики крестьянского хозяйства. Труд основного, непосредственного производителя остается неясным, неосвещенным. Разобрана преимущественно его правовая сторона. Очевидно, Ключевский сознавал этот пробел, раз специально обещал осветить его в дальнейшем. И, очевидно, не мог этого сделать не потому, что не хотел. Может быть, в «мучительной» стороне работы над «Курсом» это обстоятельство сыграло свою роль.

Как и следовало ожидать, в концовке четвертого тома «Курса» (а у него в отличие от предыдущих есть таковая) превалирует тема о правовом государстве. Чтобы подойти к ней в последней лекции, посвященной дворцовому перевороту 1762 г., Ключевский прибегает к одному из своих парадоксов, долженствующих озадачить читателя, удивить его: он находит нечто подобное обещанию конституционной системы в манифесте 6 июля 1762 г., изданном Екатериной II в результате ее удачного дворцового переворота. Ключевский полагал, что мы «чувствуем, что стоим на каком-то важном переломе русской жизни». Манифест, по его мнению, сулил «нечто новое или дотоле не удававшееся, именно закономерное государство». Впечатление историка основывалось на нескольких текстах против «самовластия» государей, «владеющих самодержавно». Явная переоценка екатерининского манифеста у Ключевского условна: он играл роль «контраста» для последующей политики: обещать-то обещали, только ничего не дали; в дальнейшем «мутная волна дворцовых переворотов, фаворов и опал своим прибоем постепенно наносила вокруг престола нечто похожее на правящий класс с пестрым социальным составом» — новая формула! Вспыхнувшая было еще при Петре идея закономерного государства после него «погасла в правительственных умах». Дворянство объявило себя *народом* «в политическом смысле слова, и дворцовое государство преемников Петра получило вид государства сословно-дворянского». Последние строки четвертого тома очень точно отразили его ведущую идею:

*В. О. Ключевский на даче
3 июля 1909 г.
Фото С. И. Смирнова*

Извѣщаеиной
Натанъ Николаевичъ!

Всю зиму я прохворалъ, и пишу мно-
гими кой-какъ. Знел причина охоты
изъ досаждала оплошностей, что IV часть
курса на бумагу была во-время составлена.
Я казенный справан, приготовилъ къ
изданію охоту изъ тетрадей записокъ, о ко-
торыхъ писалъ Вамъ въ прошлый годъ.
Но не знаю, какъ Вамъ въ эти дни полагать.
Набравшись прилично порученіи нехорошо; от-
дѣли кому-нибудь для переписки опасаясь
переписать самому некогда. Неужелиже
ли выхода изъ этихъ затрудненій?

Что до запроса Вашего о портретахъ,
тоу скажу только, что затрудненіи
указали Вамъ изъяснить карточки, потому
что я не имѣю никакой и не совершенно
равнодушна къ этимъ дѣламъ, чтобы не
сказать Вамъ.

Искренне преданный
В. Ключевскій.

Р. Е. Бодуевъ спасибо за аккуратную
доставку журнала, который вы читаете
протитавало. Сана благодаритъ за лашетъ.

«Правовое народное государство было еще впереди и не близко»²²⁰.

Это лейтмотив «Курса» в периоде «новой истории России», недосказанный во введении к нему, но отчетливо его завершающий. Ключевский и был его историком с этих позиций: он выносил эту идею в будущее, не находя ее реализации в современности, и следил за поступательным движением страны к этой — еще не сбывшейся — государственной форме.

Теперь дело было за пятым, последним томом.

13

Материалы для пятого тома копились давно — во второй половине 90-х годов, когда стал собираться и в первичной форме систематизироваться весь материал давно задуманного «Курса». Теперь вынимались и раскладывались все подобранные материалы на тему тома — написанные когда-либо статьи, касавшиеся второй половины XVIII — первой половины XIX в., выделялись и брались на заметку литографии прочтенных лекций по тому же периоду — их было очень много, откладывались относившиеся к тому же периоду рукописи выступлений по диссертациям, оппонентом которых был Ключевский. Наступал период работы вплотную над очередным томом.

Императрица Екатерина в результате удачного дворцового переворота вступила на российский престол — тут кончился четвертый том, все, что далее, — начало пятого. Конечная грань оставалась прежней — она была точно заявлена еще в первом томе, вышедшем теперь уже девять лет назад: это был 1855 год — смерть Николая I. Здесь, по Ключевскому, кончался *новый* период русской истории, который соответственно и включал в свое название прилагательное «крепостной». Легко понять, что дальше для автора начинался уже *новейший* период. Он открывался подготовкой падения крепостного права и всем последующим, чему сам историк «свидетель в жизни был»... Ключевский, может быть, подумывал и о следующем, шестом томе «Курса»... Всю жизнь он живо, нередко жгуче интересовался ходом современных событий, думал о них, критиковал, сделал множество заметок в своих дневниках — нередко со скрупулезными деталями, сохраняя уйму вырезок из газет. Да и в «Кратком пособии» уже была дана канва основных фактов. Специальный курс лекций об Александре II и его реформах был записан, имелся даже в литографии. Одних реформ с их подготовкой и ходом осуществления с избытком хватило бы на новый том...

Наступал канун 50-летия отмены крепостного права, все начинало вокруг напоминать об этом — разговоры, замыслы юбилейных статей, проекты празднования. К Ключевскому уже обращались с просьбами о статьях.

Обстановка работы была совсем другой. В стране бушевала реакция. Крайне правые элементы забирали верх и в университете. Министром народного просвещения был назначен крайний реакционер Л. А. Кассо, принявшийся изгонять «крамолу» в университетах и особенно занявшийся в числе других Московским. С профессоров брали подписки о недопущении в лекциях «элементов политической агитации». Требовалось чтение «в чисто академическом духе». С. А. Муромцев, кадет, бывший председатель Государственной думы, подписавший Выборгское воззвание и выпущенный из тюрьмы, должен был теперь подписать обязательство «о непринадлежности к противогосударственным и противоправительственным партиям» ²²¹.

Если бы пятый том оставался в центре работы, был бы единственным занятием, как это ускорило бы ход работы над ним! Но очередной том, как всегда, окружало много других неотложных забот и трудов. Кроме преподавания, немало времени брала у Ключевского по-прежнему работа над переизданием вышедших томов «Курса», протекавшая параллельно труду над пятым томом. Первая часть «Курса» шла уже четвертым изданием, ее Ключевский готовил к печати в 1910 г. (вышла в свет в 1911 г.), третьим изданием шла вторая часть «Курса», увидевшая свет годом позже, но начало ее подготовки также относится к 1910 г.; то же надо сказать о третьей части «Курса», вышедшей вторым изданием. Всюду в книжных магазинах спрашивали «Курс» Ключевского, обладатели первых томов требовали следующих, кто не успел купить предшествующие тома, желал приобрести весь комплект вышедших, а они были распроданы. Хором спрашивали о пятом томе. Рецензенты упрекали автора за медленность издания томов. Даже официанты в ресторане «Прага» спрашивали сына Ключевского: «Скоро ли выйдет пятый том „Курса“ Василия Осиповича? . . .»

Неналаженность быта после смерти Анисьи Михайловны сказывалась на каждом шагу. Дома все изменилось. Не было привычного уюта, тепла, точного соблюдения привычек, порядка дня. . . Дом и раньше был холодноватым и всегда требовал уйму дров, но Анисья Михайловна умело руководила топкой. Сотни мелочей были в поле ее тихого и непрерывного наблюдения, все было вовремя, все находилось под рукой в нужную минуту. Теперь было не то. . . «Высокочтимая Надежда Михайловна, — силясь выдержать шутивно-высокопарный тон, писал Ключевский Наде, сестре жены, жившей неподалеку, — могу ли взять смелость беспокоить Вас вопросом: имеется ли у Вас градусник для измерения температуры тела? Если имеется, Вы окажете мне неоцененное благодеяние, прислав его с посланной на несколько минут. . .» У Нади были свои дела, и Ключевский стеснялся ее беспокоить: «Если свободна, навести болящего минут на пять» ²²².

Дневник Ключевского за 1910 год имеет лишь три записи, две относятся к январю, одна — к февралю. 20 января он лаконично записывает: «Открытие сессии Думы. Законопроект Мин[истерства] народн[ого] просвещ[ения] об увеличении жалованья директорам и инспекторам народных уч[илищ] отлагается до законопроекта о всеобщем обучении. Принимается зак[он]опроект, отменяющий запрет объяснять присяжным грозящее подсудимым наказание...» Далее после нескольких кратких упоминаний, какие решения Дума принимает и какие отклоняет, Ключевский завершает запись упоминанием сатирического штриха: «Трусость и смешное положение батюшек, оставшихся одиноко в пустом зале при дверном голосовании». 22 января Ключевский записывает: «Заседание Г[осударственной] думы о земельном цензе для мировых судей. Худож[ественные] сцены в духе Щедрина...», 10—12 февраля лишь беглое упоминание о приезде французских сенаторов и депутатов в Москву²²³. Обе последние записи имеют ссылки на газету «Русское слово». Как ни кратки все эти заметки, можно видеть, что тяжелая и сосредоточенная работа над пятым томом не оторвала его от современности. Он следил за политическими событиями, знал и о трудном и все ухудшающемся положении в университете.

В это время Ключевский был уже болен. Пока что его удивительно стойкий организм еще сопротивлялся. «Поправляясь понемногу от продолжительного нездоровья, — пишет он 3 марта 1910 г. А. Ф. Кони, — я пересмотрел IV часть своего курса и нашел в ней немало досадных погрешностей». Он посылает Кони листок с их перечнем, — очевидно, это и был тот листок, который вклеен в четвертый том его «Курса», посланный Кони еще в декабре без этой вклейки, когда опечатки не были замечены. Чтобы их заметить, надо было зорким глазом автора перечитать весь большой том, болезнь позволила ему сделать это только к началу марта. Как видим, и четвертый том еще задавал работу, хотя и вышел. Любопытный штрих — лист опечаток набран в типографии Московского городского Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых²²⁴.

Но уже в первые месяцы 1910 г. Ключевский начал серьезно прихварывать. Весной немного поправился, но все же «лечился взапуски»: «Глотаю пилюли, потом пью какие-то капли, потом воду Гуниади...» Летом 1910 г. надеялся даже, что будет осенью «в состоянии читать курс», — как писал он Н. М. Бородиной, имея в виду окончание своего годичного отпуска²²⁵.

Работа над пятым томом была труднее, чем над вышедшими томами. Что царь Алексей Михайлович, Петр I, эпоха дворцовых переворотов, вступление на престол Екатерины III... Ему приходилось теперь вступать в эпоху обостренной классовой борьбы, куда более резких социальных столкновений, на которые он сам

указал как на характерную черту дальнейшего исторического развития России в предисловии ко всему новому периоду ее истории в начале четвертого тома. На «верхах» общества, стоявших у власти, копилось все больше привилегий и преимуществ при одновременной ликвидации обязанностей, на «низах» — вся тяжесть обязательств: повинностей, платежей, подневольного труда, беспросветной жизни. Это он отчетливо и давно видел, раскрывая вопрос в своем «антидворянском силлогизме», трактуя дворян как вторгшихся в страну насильников, грабящих завоеванных похуже татарских ханов. Вот теперь, в годы Екатерины, и предстояло раскрыть это конкретно. Скованный своим мировоззрением, он все еще не мог отказаться от бесклассовой трактовки государственной власти. Но екатерининская Россия с пугачевщиной, как бы он ни помалкивал о ней, и с безудержной и все возрастающей властью дворянства вопияла против концепции бесклассового государства. В этом же пятом томе ему приходилось вступать и в XIX век, в эпоху — как бы он ни уклонялся от этого — начала русского революционного движения в годы Александра I и Николая I, царей накануне падения крепостного права, преобразовательные потуги которых он как историк признавал ничтожными. Новое понимание громко стучалось в его двери. Но он сидел, затаившись, в своем доме на Житной улице; слыша громкий стук, но не отмыкая им же самим запертых замков.

Ему предстояло в пятом томе писать и о временах гнилости и бессилия самодержавного режима, которые завершали период, названный им «новым». И этого он не был намерен скрывать. Приходилось писать о гораздо более острых вещах, чем о времени Петра I или Елизаветы... Тем временем реакция все мрачнела, ее руки дотянулись и до университетов, трудности говорить то, о чем думаешь, и именно так, как думаешь, становились все весомее и куда сложнее, чем для тематики давних эпох. Никогда еще его работа не сталкивалась с такими резкими внутренними противоречиями, и никогда еще не была так ясна для него самого его драма как автора. «Курс» тяготил Ключевского. Это была — он сам говорил — «сделка с совестью»²²⁶.

Анализ рукописей и других материалов, оставшихся от пятого тома, приоткрывает перед нами сложную картину начала творческой истории тома, которая полна борьбы с обступившими Ключевского противоречиями и с попытками уйти от себя самого.

Сейчас материалы, связанные с работой Ключевского над пятым томом «Курса русской истории», разобраны, приведены в порядок, комментированы и опубликованы А. А. Зиминим и В. А. Александровым²²⁷. Комментаторы пришли к выводу, что наиболее подготовлены автором были лишь первые четыре лекции, посвященные царствованию Екатерины II (до «Наказа» и Уложенной комиссии 1767 г. включительно); их указанные исследователи

считают текстом, «заново созданным самим Ключевским при подготовке пятой части [„Курса“] к печати». Черновик, связанный с этой частью пятого тома «Курса», датирован 20 июня — 16 октября 1910 г. Дальнейшие темы, связанные с деятельностью Екатерины II после Уложенной комиссии до начала царствования Александра I и плана преобразований М. М. Сперанского включительно, подобраны комментаторами по различным литографированным курсам Ключевского, содержащим его авторскую правку, относящуюся, как они считают, «к моменту подготовки пятой части „Курса“ к печати». Эта часть тома, разделенная уже не самим Ключевским, а комментаторами на пять отдельных лекций, является, как полагают они, «как бы... черновым вариантом» данной части пятого тома «Курса». Но далее признаются, что «никаких данных о том, что Ключевский готовил к печати тексты литографированных курсов, охватывавших материал, относящийся к [тематике] 1812—1855 гг., не сохранилось». Таково положение с архивными материалами, до нас дошедшими. Они трудны для исследования, разрозненны, разбросаны в разных архивах и иной раз в разных городах. Исследователи, подготовившие их к печати и комментировавшие их, проделали огромную работу.

Первое слагаемое пятого тома, так называемый беловой экземпляр, имеет сложный состав: он складывается из первых 90 страниц текста, написанных Ключевским карандашом, следующих 20, написанных чернилами, и, наконец, еще 41 страницы, написанной на пишущей машинке. Этот, на мой взгляд, весьма условный «беловик» вмещает всего три лекции, 4-я же, завершающая отдел, который комментаторы признали текстом, «заново созданным самим Ключевским», является черновиком. Изучая подлинники в архиве, нельзя не прийти к выводу, что «беловиком» первых лекций мы вообще не располагаем, если понимать под беловиком, как обычно, текст, который сам автор считает на данном этапе завершенным и подлежащим сдаче в набор.

Рукописи первых трех лекций не носят белого характера. Первая пачка мелкоисписанных карандашом листов тетрадного формата имеет вид первичной авторской записи, писана Ключевским «для себя», очень мелко, полей не имеет, содержит много поправок и вычеркиваний, — для набора Ключевский писал крупнее и разборчивее, оставляя большие просветы между строк. Вторая часть карандашной рукописи написана крупнее, отчетливее, с меньшим количеством исправлений. Далее, с 91-й страницы Ключевский переходит с карандаша на чернила, продолжая фразу, пишет крупно, с большими полями направо, что он делал обычно для возможных вставок. Но и в этом отчетливо написанном чернильным тексте есть его карандашная правка. После текста, писанного чернилами, на бумаге того же «тетрадного» формата следует с 110-й страницы машинописный текст, причем свободное

поле для вставок переходит налево. Этот машинописный текст также правлен карандашом рукой Ключевского. Все в целом никак не может быть названо беловиком, это, несомненно, какая-то стадия предшествующей подготовки рукописи первых трех лекций. При этом мы не располагаем исходным рукописным экземпляром, который должен же был существовать для машинописи. Первая указанная выше часть карандашной записи более других имеет выраженный черновой характер — часть ее написана на чистых оборотах телеграмм, экзаменационных бланков и т. п., к которым Ключевский обычно прибегал для черновиков.

Следующие пять лекций, расчленение которых (в издании 1958 г.) принадлежит уже не Ключевскому, а комментаторам, не имеют сплошного авторского рукописного текста, ни его отрывков и взяты, как указано выше, из наиболее поздних литографированных курсов Ключевского, имевших авторскую правку, датировку которой комментаторы относят к 1910—1911 гг. Доказательств этой датировки в комментариях не приведено, датируются точно лишь некоторые отдельные наброски, имеющие отношение к тематике лекций. Комментаторы, как сказано, считают эти лекции условно «черновым вариантом» данных тем пятого тома. Но термин «вариант» тут не только условен, но и спорен. Вариант предполагает наличие и других проб, других попыток изложения текста именно для данного тома. Но о таких попытках мы ничего не знаем и подобными текстами для пятого тома не располагаем. Понятие же «черновой вариант» требует наличия и какого-то *белового*, которого вообще нет, следовательно, сравнивать текст не с чем. Ясно одно — ни в одном из упомянутых текстов Ключевский не сказал своего последнего слова. Степень авторской готовности текста в первых четырех томах и в черновиках пятого тома принципиально несравнима.

Отсюда следует, что судить об общей структуре пятого тома мы не можем: автор не оставил ни полной рукописи, ни списка глав, ни перечня их содержания. Судя по первым главам, изложение, как и в четвертом томе, строилось «по царствованиям».

Первая (75-я) лекция посвящалась Екатерине II, ее биографии и личной характеристике, за ней (76-я лекция) следовали положение императрицы на престоле, ее программа и внешняя политика. Преобразовательным начинаниям, «Наказу» и Уложенной комиссии отводились следующие две лекции. Как хотел Ключевский дальше построить пятый том, мы не знаем, мы можем только на основании его литографированных курсов сказать, как он его обычно строил в последние годы своей лекционной деятельности, что и отражено в структуре литографий, но никаких данных об его окончательных решениях у нас нет. Стадия правки литографий — еще далеко не конечная ступень подготовки тома.

В пятом томе, опубликованном в восьмитомнике Ключевского, после роспуска Уложенной комиссии 1767 г. следует лекция о внутренней политике, посвященная реформам центрального управления, губернским учреждениям, жалованным грамотам дворянству и городам. Далее комментаторы поместили в двух ими выделенных лекциях тему о развитии крепостного права после Петра, где рассмотрели положение крепостного крестьянства после Петра I до Екатерины II, дальнейшее усиление крепостного права при Екатерине II, окончательное превращение крепостных в частную собственность помещиков и влияние этого на помещичье; государственное и народное хозяйство, а также на умственную и нравственную жизнь русского общества. Взятые по совсем другой литографии, также правленной Ключевским, темы двух следующих лекций, выделенных составителями, относятся к царствованию Павла I (в лекции, начинающейся обзором явлений с конца XVIII до половины XIX в., всего 16 страниц, — таких коротких лекций у Ключевского вообще не было) и к началу царствования Александра I. Далее идет разрыв в тематике между планом Сперанского, кончающим 83-ю лекцию, и «второй половиной царствования Александра I» и конституцией Царства Польского, начинающей 84-ю лекцию, завершаемую смертью Александра I и декабристами. Предпоследняя лекция (85-я) посвящена Николаю I, последняя — Александру II и его реформам. За эту структуру Ключевский ответственности не несет, более того, он хотел кончить «Курс» иначе: он завершал свой «новый период» 1855 г., о чем говорил неоднократно.

Сосредоточимся теперь лишь на том тексте, который он сам написал для пятого тома «Курса».

Автор открывал пятый том «Курса» лекцией об Екатерине II, предпосылая ее биографии небольшой абзац с заголовком «Основной факт эпохи». Этот факт он уже называл, завершая четвертый том, в тексте о дворцовом перевороте 1762 г., возведшем на престол Екатерину II. Это ее манифест от 6 июля, который «возвестил о новой силе, имевшей впредь направлять государственную жизнь России». Силой этой оказывалось не «самодержавное самовластие», которое впервые открыто объявлялось «злом, пагубным для государства», а законы, «которые указывали бы всем государственным учреждениям пределы их деятельности». Ключевский усматривал в этом порыв власти к установлению правового государства, игравшего столь большую роль в его концепции. Удивительно, каким образом, открывая новый том своего «Курса», он именно в этом авантюрном и никогда не реализовавшемся манифесте, сочиненном лишь для укрепления на самодержавном престоле лица, захватывающего власть и не имевшего на нее прав, усмотрел не более и не менее как «основной факт эпохи»! Однако именно этим и хотел Ключевский мотивировать

начало нового тома — личной характеристикой захватчицы власти: «Как проводилось в государственную жизнь возведенное „начало законности“» — в этом, по Ключевскому, интерес царствования Екатерины и основания заняться прежде всего ее личностью, судьбой и характером. Читатель знает, что обещание «законов», конечно, не было выполнено дворянской царицей, заставшей свою империю в восстаниях и бунтах в самом начале царствования, — предвестники пугачевского восстания ясно сказывались уже с первых лет ее воцарения. Ключевский знает об этом из ее же «Записок», но упоминает вскользь, не останавливая на этом внимания. Его интересует другое — и то, что Екатерина была «последней случайностью на русском престоле», и то, как она «твердым, хотя и неслышным шагом шла по намеченному пути, подкрадываясь к престолу»²²⁸.

Заметим, что возможность «легального» цитирования ранее запретных «Записок» Екатерины, впервые изданных Герценом в Лондоне Вольной русской типографией, возникла в России лишь после революции 1905 г. Ключевский был тут едва ли не первым. Правда, он очень многое обошел молчанием, учитывая цензуру, и все-таки нелегальные ранее «Записки» впервые проникли в академический «Курс».

Лекция сосредоточена на личности царицы, ее жизненной истории, индивидуальных чертах характера. Вчитываясь в текст, читатель замечает, что он уже знаком ему — и по фактическому составу, и по выводам, и по пониманию этой любопытной и незаурядной фигуры, и по блеску литературного изложения. Ключевский широко использовал в 1-й лекции пятого тома свою юбилейную статью, написанную в 1896 г. к 100-летию со дня смерти Екатерины II и напечатанную в «Русской мысли», конечно, без явных ссылок на источники. Эта статья, появившаяся всего через два года после тяжелой истории с выступлением по поводу смерти Александра III, стоила Ключевскому раздумий. Он придал ей характер веселого, занимательного, проникнутого тонкой иронией рассказа о своеобразной, одаренной, обаятельной и удачливой женщине, сумевшей захватить власть и долго продержаться на престоле, он оттенил ее ум, острую наблюдательность, редкий дар — «бесподобное умение слушать» и особый талант — всем нравиться, завоевывать общие симпатии. Он тонко характеризует ее приметную черту — изучать сильные стороны других, а не слабые, уметь опереться на них в нужную минуту: «Люди вообще не любят чужих поисков в своей душе, но не сердятся и даже бывают тронуты, когда в них открывают достоинства, особенно мало-заметные для них самих», — тонко замечает он. Умение всем понравиться Екатерина считала своим «ремеслом». Ее любовные похождения вызывают у автора лишь глубокий вздох — они скромно опущены. Рождение Павла никак не комментировано с точки зре-

ния законности его как наследника Романовых, хотя Ключевский по герценовским изданиям отлично знал и версию его происхождения — от Салтыкова, признанную самой Екатериной, и другую версию — о подмене салтыковского мертвого младенца первым попавшимся из чухонской деревни. 'Все дано вполне «легально» с позиций допустимого и в то же время несколько вольно и даже игриво. В ироническом противоречии описания достоинств и внезапных отрицательных оценок, брошенных как бы мимоходом, мы видим столкновение разоблачительной линии с похвалами и удивлениями. Была вежлива даже с прислугой, талантливо слушала, проявляла непрерывную доброту и имела «холодное сердце». Она больше дорожила вниманием современников, чем мнением потомства. Зато и ее «при жизни ценили выше, чем стали ценить по смерти». Открыл он этим широко двери и к собственной «реабилитации» (не так уж высоко ценит автор Екатерину, как вам сначала показалось!). За эту лекцию его никак нельзя было освистать: Екатерина «была вся созданием рассудка без всякого участия сердца, так и в ее деятельности больше эффекта, блеска, чем величия, творчества...». Блестящая личная характеристика очень слабо связана с историческим процессом, дана оторванно от него. «Век нашей истории, начатый царем-плотником, заканчивался императрицей-писательницей». — таков еще один афоризм Ключевского (вообще лекция насыщена афоризмами), открывающий следующую лекцию о Екатерине и ее внешней политике. Но страницей ранее сказано, что «ее сочинения не обнаруживают самобытного таланта», а писание пьес названо «драмоманией». Внешней политике предпослана характеристика «положения Екатерины на престоле», в которой мы читаем и о «незаконном присвоении Екатериной власти» и о совершенном ею «двойном захвате»: отняла власть у мужа и не передала ее сыну. Этот незаконный и авантюрный захват именуется «революционным». Только что назвав «основным фактом эпохи» обещание утвердить не власть самодержавия, а власть законов, Ключевский в следующую лекцию включает «программу» Екатерины, которую считает «тройственной и непримиримо противоречивой»: императрица должна была одновременно следовать направлению «национальному, либеральному и сословно-дворянскому». А как же это осуществить? Ведь «после закона 18 февраля [1762 г.] дворянство стало поперек всех народных интересов и даже преобразовательных потребностей государства...». Как же теперь оценить «основной факт эпохи»? Как ничто? Где правовое государство хотя бы в эмбрионе? Ведь Екатерина осуществляла «желания, заявленные преимущественно тем же дворянством», отличалась «особенным вниманием к интересам одного сословия»²²⁹.

В афоризмах и других записях, сделанных для себя, Ключевский был откровеннее: «Все эти екатерины, овладев властью, прежде всего поспешили злоупотребить ею и развили произвол до нем[ецких] размеров». Или: «При Ек[атерине] II когти прав[итель]ства остались те же волчьи когти, но они стали гладить по народной коже тыльной стороной, и добродушный народ подумал, что его гладит чадолюбивая мать». Вот тебе и обаятельная императрица, умница, писательница... В афоризмах, в суммарной характеристике властителей, подлежавших описанию в пятом томе, сказано наиболее точно, что думал о них Ключевский после революции 1905—1907 гг.: «С Александра I они почувствовали себя Хлестаковыми на престоле, не имеющими чем уплатить по трактирному счету. Их предшественники — воровки власти, боявшиеся повестки из суда»²³⁰.

В следующей лекции, посвященной внутренней политике, преобразовательным планам и «Наказу», мы читаем, что у народа «доверия к правительству не было никакого, но все привыкли думать, что никакого другого распоряжения от него исходить не могло, кроме вредного общему благу. Значит, государство утратило свой смысл в народном мнении и даже превратилось в какой-то заговор против народа». Ключевский использовал здесь свидетельства самой Екатерины. Из них рождалась «полная картина азиатской деспотии, где действует произвол лиц вместо законов и учреждений». Дальше Ключевский вычеркнул строки: «И среди этого государства-сарая сидела на престоле не то византийская, не то буддийская кукла самодержавия, увешанная пестрыми церковными и политическими титулами...» В одном из афоризмов Ключевский называет Екатерину «заезжей цыганкой в Росс[ийской] империи»²³¹.

Еще около 1879 г. — это год начала работы Ключевского в Московском университете — он держался точного взгляда на Екатерину II как крепостницу: «Она может быть названа виновницей крепостного права, — писал он в материалах для терминологического словаря, в свое время неопубликованных, — не потому, что создала его, а потому, что при ней оно из колеблющегося факта, оправдываемого временными потребностями государства, стало признанным правом, ничем не оправданным...»²³².

Таким образом, глубокое противоречие между двумя констатациями автора: 1) Екатерина — первая открыто и ясно обещала законы вместо самодержавия (манифест 1762 г.), иначе говоря, взялась за продвижение России к правовому государству; 2) Екатерина, как никто иной из правителей, укрепила крепостное право в России. Утверждения сталкивались в видимом безысходном противоречии. Но стоило признать Екатерину II в классовом отношении помещицей, дворянской царицей, как все становилось на свое место, и обещание заменить самодержавный произвол твер-

дыми законами оказывалось лишь ловким маневром в момент незаконного захвата престола. Но одновременно рушилась бы и общая теория бесклассовости государства, призванного к реализации классового мира на земле, к осуществлению всеобщего народного блага. «Крепостное право было костью, какую государственная власть бросила всем классам русского общества», — писал Ключевский в черновике 78-й лекции пятого тома, трактовавшей об Уложенной комиссии 1767 г. Он как бы «забывал», что крестьянство, еще сильнее прежнего придавленное крепостным правом, тоже было ведь классом русского общества... Завершая вчерне свою лекцию об Уложенной комиссии и поясняя ее значение, Ключевский вновь возвращался к своему «антидворянскому силлогизму» и подчеркивал новизну в процессе его развития: со дня смерти Петра I «одно сословие стало получать преимущества, не только не соединенные с новыми тягостями, но еще сопровождавшиеся облегчением старых». Обойденные сословия, естественно, принимали это за несправедливость, что «внушало им соответственные чувства к правительству и дворянству, резко выражавшиеся в крестьянских волнениях, все возраставших»²³³. Остро чувствуется пока что отсутствие темы о реальном экономическом положении крепостной деревни, выяснении ее хозяйственного лица, столкновении с требованиями барина и правительственными тяготами. Ключевский дальше предполагал как-то подойти к этой теме в одной из ближайших лекций — он уже правил этот текст в литографированном виде. Но правка литографии нередко оказывалась в его работе очень ранней стадией текста. Лекция переписывалась в черновом виде — черновик был более высокой степенью готовности текста, чем правленная литография. И в черновике лекции об Уложенной комиссии 1767 г., в сущности последней, которую он написал сам и именно для пятого тома, он кружился по своей методологической привычке в кругу вопросов о сословных правах и привилегиях ранее определения реального экономического базиса столкнувшихся классов и выяснения их социальных позиций. Эту тему он чувствовал, но отодвигал ее. Однако мысли о необоснованности, правовой неоправданности, насильственном присвоении помещиком крестьянского труда и даже личности крестьянина обуревали его. Он вновь и вновь возвращался к этой мысли и, однажды отчетливо сформулировав ее суть и даже упомянув о понятно возникающих в силу допущенной несправедливости крестьянских волнениях, вновь, но еще глубже говорит о том же: «Случайные правительства по смерти Петра начали наделять одно сословие преимуществами, не соединенными с новыми тягостями, но еще сопровождавшимися облегчением старых. Таким односторонним раскрепощением от сословной повинности (имеется в виду обязательная служба дворянства. — М. Н.) было оторвано связанное с ней экономическое преимуще-

ство (т. е. право барина на крестьянский труд. — М. Н.) и стало частой, ничем не оправданной привилегией». Крепостное право *незаконно* — таков вывод Ключевского, оно — предмет дворянского захвата, узурпации. Он стремится усмотреть в действиях и в идеях комиссии хоть какой-то отблеск понимания этой незаконности и находит его в выступлениях отдельных дворян, в «тяжбе» которых за свои привилегии «сословный эгоизм конфузивно старается прикрыться благовидными побуждениями, либо вызывает отпор со стороны отдельных лиц и некоторых общественных групп». И в последних, завершающих строках своей последней — черновой — лекции он спешил построить мостик от Уложенной комиссии сразу к преобразованиям центрального управления, к губернским реформам, пропустив движение Пугачева. То ли у автора пересилил страх перед темой, то ли тяготело над ним во времена Кассо старое правительственное требование не останавливаться на острых вопросах, то ли не была закончена работа над новой темой — но ни лекции, ни отдельного параграфа о Пугачеве в черновике не появилось. Впрочем, Пугачев все же убедительно возник — и даже дважды — в тех последних 20 строках черновика, которыми Ключевский закончил свою последнюю лекцию: «К 1775 г. Екатерина покончила три тяжелые войны...» Какие же три, недоумевает читатель, их же было две — с Польшей и Турцией?.. Три, возражает Ключевский: «С Польшей, Турцией и со своим воскресшим супругом, маркизом Пугачевым, как она его называла. Да, Пугачев не зря называл себя Петром III... Вместе с досугом (!) к царице воротилась и болезнь „законобесия“ по ее выражению...». Ее «увлекло» новое «законодательное предприятие» — губернская реформа. «Местная администрация только что доказала свою неисправность, не сумев ни предупредить, ни вовремя погасить пугачевского пожара». Меткий образ «воскресшего супруга», взятый в плане личных переживаний причастной к его убийству царицы, не лишен шекспировского оттенка, а «пугачевский пожар», столь сильный, что его не успели ни погасить вовремя, ни предупредить, — это уж мнение самого историка о силе движения. Один из корней последнего — указанная выше Ключевским несправедливость и незаконность крепостного права²³⁴.

Была ли во всей этой концепции связь с теорией «закрепощения» и «раскрепощения» сословий, выдвинутой идеалистической государственной школой? Конечно, была. Была ли тут одновременно новизна трактовки, в корне противоречащая школе? Несомненно: государственная школа почитала крепостное право за закономерный и целесообразный элемент государственной деятельности, закреплявшей «жидкое», растекавшееся по российской территории крестьянское население, трудом которого по закону вознаграждалась военная и государственная деятельность высшего

сословия. А Ключевский не только спорил, он воевал с этим утверждением, бросался в непривычную для него публицистическую борьбу с зубрами дворянской идеологии вроде Дмитрия Самарина, оплотом реакционного дворянства, чтобы опровергнуть «законность» и доказать незаконность дворянского владения крестьянами с 18 февраля 1762 г. И незаконность дворянского владения землей... Его били в полемике, он умело и остро отвечал и опять вставал на защиту попранной справедливости... Было ли это вкладом в историческую науку, ее продвижением вперед? Конечно. Его слушали тысячи молодых людей. Тот, кто уже думал об этих вопросах, находил подтверждение и развитие этих антидворянских, «разночинских» мыслей, вовсе не соответствовавших правительственной идеологии времени. Кто еще не думал, мог начать думать. Кто возмущался, защищая священные дворянские права, вызывал вокруг себя взрыв негодующего спора. Вопрос вовсе не был так уяснен в науке, как кажется в наши дни.

Дальше рука Ключевского написала последнюю фразу лекционного черновика последней лекции: «Притом все представленные в комиссии 1767 г. сословия так настойчиво и единодушно заявляли желание ведать свои дела своими выборными...» Здесь текст черновика обрывался, и что хотел историк написать дальше, мы не знаем...

14

Итак, работа над пятым томом в смысле подготовки к печати его текста, хотя бы в черновиках, остановилась...

Текст последнего черновика датирован крайней датой — 16 октября 1910 г.

Незадолго до этого Ключевский сильно хворал и писал последний черновик, будучи больным. Его давно мучила почечная болезнь, приступы ее становились все непереносимее, неизбежность операции делалась очевидной. 4 октября он узнал о смерти Муромцева и все-таки, хотя чувствовал себя очень плохо, пошел на его похороны, многолюдные, очень длительные, вылившиеся в политическую демонстрацию. Редактор «Русских ведомостей» Василий Михайлович Соболевский, также шедший за гробом, подошел к Ключевскому и просил его написать для газеты статью о 19 февраля 1861 г. в связи с приближающимся 50-летием крестьянской реформы. Предвидя операцию, Ключевский отвечал неопределенно, «полусогласием», но написать такую статью очень хотел — он уже обещал свое участие в юбилее и не хотел от него уклоняться.

29 октября Ключевский все же еще прочел очередную лекцию в Училище живописи, ваяния и зодчества. Он очень любил его молодую, одаренную, отзывчивую аудиторию, по его словам, отдыхал в ней. Темы лекции мы точно не знаем.

Это была последняя лекция в его жизни ²³⁵.

Он окончательно слег в ноябре 1910 г. Его поместили в больницу доктора Стороженко, находившуюся на Якиманке, совсем недалеко от дома Ключевского. Предстояло оперативное извлечение камней из мочевого пузыря. Дал согласие оперировать его знаменитый хирург Иван Константинович Спижарный, профессор Московского университета, имевший огромный хирургический опыт (работал в клинике Склифосовского, возглавлял университетскую хирургическую клинику), автор многих научно-медицинских работ, о нем говорили, что он «делает чудеса». Ключевский был лично знаком со Спижарным по университету, бывал у него в гостях. Спижарный, на 16 лет моложе своего 70-летнего пациента, находился в расцвете сил и славы.

Ключевский лег в больницу уверенный, что все кончится благополучно, и был полон разнообразных планов на будущее. Надо было кончать пятый том «Курса»: лишь треть рукописи была готова. Обещанные статьи о крестьянской реформе глубоко интересовали его: из больницы он написал письмо Милюкову — ответ на его просьбу о статье в связи с 50-летием крестьянской реформы. Он сообщал, что редактор «Русских ведомостей», которому статья была пообещана ранее, посетил его в лечебнице и настоятельно напоминал о статье. Но тема так живо волновала Ключевского, что он согласен был написать и для «Речи» и для «Русских ведомостей», хотя вставать нельзя, он пишет карандашом «кое-как» и, обещая две статьи сразу, недоумевает, как напишет хотя одну... В этом же письме сказано, что он находится «под гнетом университетских событий» ²³⁶. Слухи о разгуле реакции и действиях министра Кассо, шедшие из университета, доходили до него, один мрачнее другого. Действия министра вызвали общественный отпор — 131 профессор и приват-доцент Московского университета подали заявления об отставке. Это было значительной противоправительственной демонстрацией. Немало кафедр пустовало, многие курсы не читались.

Больничная палата превратилась в рабочий кабинет. Из дому сын приносил книги, журналы, выписки, писчую бумагу... Отчетливо заметны две темы, избранные историком: записи отдельных текстов, которые он предполагал использовать для продолжения пятого тома, и работы над обещанными статьями к юбилею крестьянской реформы.

Остановимся на тех и других.

Детальных сведений, над какими именно текстами пятого тома трудился Ключевский в больнице, где они находятся и все ли сохранились, у нас нет. Но дневниковые записи за 1911 г. до нас дошли. Их всего три. Как обычно для Ключевского, он записал их на двух отдельных листах, карандашом. Один из них в клеточку, другой гладкий, оба одинакового формата. Первая запись

не датирована, но по расположению своему перед другими должна быть отнесена к январю 1911 г. (не позже 29-го числа). Тут под названием «Общие заметки» записаны обобщающие мысли, отражающие понимание разных сторон исторического процесса. Рядом с ними, среди них, по-видимому, заметки из какой-то читаемой книги. Характерно для Ключевского вплетение впечатлений от современного хода вещей в запись исторических выводов. Основные темы в начале «Общих заметок» — отношения помещика и крестьянина в XVIII в., характеристика крепостного труда. «Посредник между правит[ельство]м и кр[естьяни]ном — помещик создан в XVIII в. после 1762 ... Крепостной труд — ежеминутный саботаж — работа, низверженная до допускаемого законом минимума». Сновой строки — о современности: «Нынешняя политика: менять законы, реформировать права, но не трогать господствующих интересов». Как видим, закон о вольности дворянства, играющий столь большую роль в его антидворянской концепции, обдумывался и тут еще раз, хотя понимание его и в «Курсе», и в других работах было изложено им многократно. Под «господствующими интересами» Ключевский явно подразумевает интересы господствующих классов. Вторая половина записи ставит вопрос о социальном неравенстве в России и о непрерывном его возрастании — одна из идей его «ключа» к «новому периоду» русской истории: «Чем более сближались мы с З[ападной] Европой, тем труднее становились у нас проявления народной свободы, потому что средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоев общества, обращались на их охрану, не на пользу страны, усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготавливали их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины — на бессмысленном управлении». И рядом — опять современность, важная экономическая справка: «Земледелием кормятся в Англии 17%, в Германии 35,5%, Франции?, России 75%». Под «немногими тонкими слоями общества» разумеются прежде всего дворяне и вместе с ними представители наиболее обеспеченных слоев — промышленников и купечества. Мы видим Ключевского в поисках причин крупнейшего исторического явления — социального все возрастающего неравенства. Он уже как бы на пути к разгадке, говоря о разносторонней эксплуатации «культурно безоружных народных масс» «тонкими» верхними слоями. Тут что-то нет привычных для Ключевского «нитей народного труда», которые будто бы «добровольно» попадают в руки капитала. Тут чувствуется приближение к какому-то иному пониманию, но дальше «Общие заметки» обрываются, идет датированная запись от 30 января. Сначала в записи Ключевский ищет объяснения, откуда в русском обще-

стве «разнообразие характеров и неуловимость типов, рыхлость общества и непривычка к дружной деятельности плотными союзами». Причина: наше общество проходит еще периоды геологического образования, каждый сильный характер черпает свое понимание вещей и правил деятельности лишь из личной жизни, «свободной от преданий, заветов, чужих опытов... У себя дома мы сильнее, чем на улице». У нас «личный интерес господствует над общественным»²³⁷.

Дальше редкая для Ключевского тема взаимоотношения русского народа и других народов нашей страны: «Противоречие в этнографическом составе Русск[ого] государства на западных европейских и восточных азиатских окраинах: там захвачены области и народности с культурой гораздо выше нашей, здесь — гораздо ниже; там мы не умеем сладить с покоренными, потому что не можем подняться до их уровня, здесь не хотим ладить с ними, потому что презираем их и не умеем поднять их до своего уровня. И там и здесь неровни нам и потому наши враги»²³⁸. Раньше у Ключевского преобладали шовинистические мотивы. Но здесь он задумался над вопросом иначе, ставя тему о критерии дружественных отношений, ища причин враждебности и непонимания, выдвигая мысль об их устраниении.

Дальше он вновь возвращается к крепостному праву и ищет ответ на давно интересующий его вопрос: почему нигде русское законодательство не дало его точного юридического определения? Этот вопрос уже может быть связан и с работой над статьями о падении крепостного права. И опять рядом с историческим научным рассуждением — современность.

«Умолчание Св[ода] зак[онов] об юрид[ических] и полит[ических] основах права крепости производит такое впечатление, что обе стороны, правит[ель]ство и дворянство, признавали это право чем-то таким, что превратится в постыдное и ни в каком государстве не допустимое безобразие, как скоро в него будет внесена хотя микроскопическая доза права».

«У нас нет ничего настоящего, а все суррогаты, подобию, пародии: quasi-министры, quasi-просвещение, quasi-общество, quasi-конституция, и вся наша жизнь есть только quasi una fantasia».

Он не видел в России 1911 г. никаких иных возможностей — сильный как критик самодержавного строя, он был невыразимо слаб, беспомощен в предвидении позитивного будущего. Революция пугала его, не сулила исхода. Новых сил будущего мира он так и не понял, и если и заметил, то побоялся рассуждать о них. Его прежние афоризмы о рабочих случайны и мелки. Он не мог вырваться из замкнутого круга своего мировоззрения, хотя то тут, то там проломил окошки в своей идеалистической тюрьме и смотрел из них то на настоящее, то на прошлое России, иной раз остро схватывая суть социальной борьбы, взаимоотношений про-

тивоборствующих сил, существенные особенности строя, которых до него еще не замечали в академической науке, а иной раз ничего не понимали. Но мысль историка искала, работала.

«Наша история XVIII и XIX вв., — писал Ключевский дальше, коренная аномалия нашей политической жизни этих веков, в том, что для поддержания силы и даже существования своего государства, мы должны б[ыли] брать со стороны не только материальные, но для их успеха и духовные средства, которые подрывали самые основы этого государства. Люди, командированные правительством для усвоения надобных ему знаний, привозили с собой образ мыслей, совсем ему ненужный и даже опасный. Отсюда двойная забота внутренней политики: 1) поставить народное образование так, чтобы наука не шла дальше указанных ей пределов и не перерабатывалась в убеждения, 2) нанять духовные силы на свою службу, заводя дома и за границей питомники просвещенных борцов против просвещения. Трагизм положения в XIX в. — против правительства, борющегося со своей страной, стал просвещенный на правительственный кошт патриот, не верящий ни в силу просвещения, ни в будущее своего отечества».

О ком же последние слова? О декабристах? Народниках? Марксистах? И те, и другие, и третьи верили и в силу просвещения, и в будущее своего отечества — они и смогли действовать и двигать историю, обладая этими качествами. О ком же тогда? Может быть, о себе? Не он ли как раз и был этим трагическим, просвещенным на правительственный кошт патриотом, который уже не верил ни в силу просвещения, ни в будущее своего отечества?

Мысль его вновь возвращалась к пятому тому его недописанной русской истории. Личная характеристика императрицы Екатерине II уже дана. Остаются: Павел I, Александр I, Николай I. В той же записи больничного дневника он характеризует этих правителей сжато, но так остро и сильно, что эту карандашную запись можно отнести к лучшим страницам его творчества. Она оставалась неопубликованной, и первое сообщение о ней было сделано в годы Великой Отечественной войны²³⁹.

«П[авел] погиб от матерней придворной знати подобно азиатским деспотам. Либерализм его старшего сына — азиатская трусость, старавшаяся заслониться от этой старой екатер[ининской] знати английски воспитанной либеральной знатной молодежью, потом сволочью вроде Аракчеева. Но о связи нравственной с русским обществом он, может быть, думал только в первые годы. 14 декабря показало и случайному царю и придворной знати их общего врага — дворянскую, европейски образованную и пропитавшуюся в походах освободительными влияниями Запада гвардейскую офицерскую молодежь. Отсюда две тенденции нового царствования. Первая — обезвредить гвардию политически, сделав

из нее со всей армией автоматический прибор для подавления внутренних массовых движений; здесь, а не в военно-балетном увлечении источник скотско-бессмысленной фрунтовой выправки»²⁴⁰.

В последних словах о Николае I Ключевский спорит с самим собой. Раньше, в исходе 90-х годов, он, начав вплотную работать над «Курсом», записал афоризм: «Император Николай I — военный балетмейстер и больше ничего»²⁴¹. Теперь он взглянул на дело гораздо глубже. И формулировки о декабристах теперь не похожи на пренебрежительные слова, данные им в статье о предках Евгения Онегина. Но это еще не вся запись — Ключевский продолжает, ведь он назвал лишь первую «тенденцию» царствования Николая I: «Другая тенденция — вывести вольный дух в классах, доступных западным влияниям. С достижением обеих целей — возможность эксплуатировать непонятного, а потому страшного зверя — народ. Двойной страх вольного духа и народа объединял династию и придворную знать в молчаливый заговор против России. На Сенатской площади голштинцы живо почувствовали свое нравственное отчуждение от страны, куда занес их политический ветер, и они искали опоры в придворном кругу, в который Ник[олай] старался напихать как можно больше немцев. С вольным духом в обществе надеялись справиться жандармскими умами, а с кр[естья]нским народом — приставленными к нему пьявками в виде помещиков с их выборными предводителями и судебно-полицейскими агентами. А[лександр] I относился к России как чуждый ей трусливый и хитрый дипломат, Н[иколай] I — как тоже чуждый и тоже напуганный, но от испуга более решительный сыщик»²⁴².

Тут новая постановка вопроса — в ясном противопоставлении народа царизму, династии, объединенной с придворной знатью в «молчаливый заговор против России». Понимание помещиков как «пьявок», приставленных к крестьянству, которые могут в нужном случае справиться с «крестьянским народом», ярко развивает и дополняет давний тезис антидворянской концепции Ключевского, только ранее более всего подчеркивалась функция выбивания помещиками податей, а теперь, сверх этого, подавление крестьянских волнений. Уничтожительное, полное гнева определение сути двух сменивших друг друга последних царей крепостной России завершает запись, это как бы концовка к пятому тому, итог последнего, «нового периода», который он охарактеризовал в «Курсе», как «период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства...»

Мог ли он напечатать этот текст в пятом томе «Курса» в 1911 г., в год разгрома университетов министром Кассо, в год неприкрытой реакции? Допустила ли бы это цензура? Конечно, нет. Это его последняя «дневниковая запись»²⁴³.

Но, пожалуй, даже еще более, чем незаконченный пятый том «Курса», занимала и тревожила его тема о падении крепостного права. Большой Ключевский торопит сына — для работы нужны книги, издания документальных текстов: «Найди жалов[анные] грамоты, если это тебя не затруднит. Они, наверно, в зеркальном шкафу или в моей комнате в шкафу между окнами...» В эти тяжелые дни в больнице Ключевский начал писать одну из своих самых замечательных работ, до сих пор неоцененную по справедливости. Речь идет о статье, точнее двух статьях, одна из которых условно названа позднейшими издателями «Отмена крепостного права в России», авторским названием рукописи мы не располагаем. Мы помним, что Ключевский обещал написать две статьи в связи с 50-летием крестьянской реформы, он и написал их, может быть, только немного не закончив. Рукописи обеих статей сохранились в архиве. Первая более печатного листа, вторая значительно меньше²⁴⁴. У них несовпадающие темы. Первая посвящена не самой отмене крепостного права, как ее почему-то озаглавили при публикации, а подготовке этой отмены — до первых рескриптов Назимову (ноябрь 1857 г.) включительно. Статья оборвана на полуфразе. Вторая статья, примерно втрое меньше первой, посвящена реформе в целом и могла бы быть озаглавлена «19 февраля 1861 г.» или что-либо вроде этого. Какая статья предназначалась «Речи» и какая — «Русским ведомостям», определить трудно.

Общая рамка обеих статей не выходит за границы буржуазно-либеральной концепции. Общее отношение к реформе апологетическое: «Это праздник крестьянина по преимуществу, его настоящее историческое воскресение»²⁴⁵. Рассмотрения последствий реформы, крепостнических пережитков, пронизывающих сельское хозяйство России, у Ключевского нет, он берет ракурс только ретроспективный, в глубокое прошлое: это историческое «воскресение» крестьянина, «заработанное и выстраданное вековыми трудовыми буднями». Крестьяне реформой возвращены в «нормальный государственный состав». До реформы Россия не была «государством русского народа», а была «невольничьей страной», только верхние классы ее населения, дворянство, духовенство и городской состав, были «полноправны в тогдашнем размере русского полноправия». Позиция эта, как видим, тесно связана с общей концепцией Ключевского о полной незаконности крепостного права, особенно со времени закона о вольности дворянства. Последние рассуждения также носят антидворянский характер. Но общее отношение к Александру II вполне благожелательно, как к царю, впервые в истории осуществившему «законодательную разверстку прав и интересов двух общественных классов — дворянства и крестьянства, разделение между ними принадлежавшей государству земли».

Но внутри либеральных «рамки» изложения вся концепция реформы 19 февраля 1861 г. пронизывалась более радикальными и не свойственными либералам выводами. Октроированность реформы с высоты престола и самодержавный почин был одним из устоев либеральной схемы. Ключевский, признавая роль царя, подчеркивал, как редко кто иной в те годы, движение масс, их требования и гнев. «Крестьянин стал опаснее под крепостным ярмом, чем на воле», — помещикам необходимо было как можно скорее уступить. На «страшном сельском дне» шло такое брожение еще при Николае I, что страх перед движением крестьян «стал как бы наследственным душевным недугом» дворянского сословия, а это отражалось «на верхах»: «Граф Киселев, князь Воронцов признавались, что чувствуют себя стоящими на вулкане; страшились восстания крестьян и гибели дворянства», а «Ростовцев выражал опасение дожить до крестьянских топоров». Используя принадлежавшую ему неопубликованную рукопись «Записок» сенатора Смирнова, Ключевский дал такое сгущение конкретных доказательств революционной ситуации в стране (не употребляя, конечно, этого незнакомого ему термина), как никто из буржуазных авторов юбилейных статей 1911 г. В частности, в юбилейной литературе привычно отмечался дворянский почин, роль губернатора Назимова и дворян литовских губерний. Ключевский же, не обвиняясь, назвал этот почин «фикцией». Он умело связал его с общей обстановкой ожидания крестьянского взрыва и сделал меткое наблюдение: «От этого кошмара новой пугачевщины избавил дворянство новый призыв к участию в освободительной работе, заботливо прикрытый фикцией добровольной инициативы сословия». Его формула «Взрыв был действительно возможен» не вызывает у современного историка никаких возражений. Любопытно мнение Ключевского, что во время реформы возник «разлад правительства с дворянством: первое смотрело преимущественно на политическую сторону вопроса (пролетариат, бунты, недоимки), второе — только на хозяйственную (рабочие, аренда, земельный доход)». Дальнейшая мысль, что случается с Ключевским, вдруг прорывает либеральные рамки концепции: «Крестьяне в реформу (показали) наиболее дисциплины... вышли из себя по местам, только когда во всем увидели себя обманувшимися...» Но, позвольте, ведь реформа — «праздник крестьян», как сказано в начале той же статьи, их «историческое воскресение», а тут вдруг они во всем обманулись? Как же так? Противоречие явное. Тут Ключевский прекратил писать меньшую статью, дав лишь краткий и в либеральном духе перечень пунктов предполагаемой концовки — о заслугах печати, обеде литераторов и демонстрации перед портретом императора...²⁴⁶

Первая статья, поскольку она касается лишь темы подготовки реформы, начинает еще с «секретных комитетов» Николая I. О, тут

отношение к императору совсем другое! Ключевский недаром и раньше давал ему испепеляющие определения. Он и начал большую статью еще одной такой формулой, которая, вероятно, привлекла бы внимание цензуры: «Узнав о смерти императора Николая I, Россия вздохнула свободнее. Это была одна из тех смертей, которые расширяют простор жизни». Господствовавший в правительстве взгляд на крепостное право при Николае I Ключевский называл «узкополицейским». Иронически формулируется цель комитетов: «Как бы не опоздать и как бы без нужды не поспешить». Иронически обыграны слова Николая, что крепостное право есть зло, но касаться его теперь было бы злом еще более гибельным. Он пошел назад по сравнению с отцом — Павлом I и его законом о трехдневной барщине. Политика «благих начал и оборванных концов» не вносила успокоения даже в дворянскую среду. Дворянство в глазах правительства Николая было не чем иным, как «полицейским корпусом»... Было несомненно, что такая политика довела бы «до движения, перед которым пугачевщина показалась бы мелкой ссорой крестьянских ребят с барчуками» — яркая, образная формулировка! В этой же статье замечена революция 1848 г. на Западе, сначала названная Ключевским «политическими движениями 1848 г.», а потом, тремя строчками ниже, и без обиняков — революцией. Борьба с ней отвлекла Николая от внутренней политики и казалась «важнее наступления на домашнего врага». И вот огромная Россия, «полуевропейская и полуазиатская империя», только что грозившая силой спасти Западную Европу от революции, в исходе Крымской войны потеряла «целое Черное море» и отдала «важнейшие плоды вековой политики» — кому? — «Жиль-Блазу 2 декабря». Ничтожному Наполеону III проиграла страна, победившая Наполеона II Крымская война — предшественник и выявитель необходимости реформы²⁴⁷.

Статья Ключевского богата подбором конкретных фактов о крестьянских волнениях, собранных так внимательно, как ни в одной другой юбилейной статье. Тут и «ополченское движение», вызванное указом 1854 г. и манифестом 1855 г., и другие выступления. Любопытны вычеркнутые места в статье: «Этот вопрос (освобождение крестьян. — М. Н.), ставший на очередь почти сто лет назад, все-таки застал всех врасплох, плохо подготовленными». Видимо, предполагалась вставка об Александре II отрицательного характера: «Его консерватизм: новыми исполнительными органами поддержать ветшающие распорядительные и законодательные учреждения, т. е. укрепить старые основы государственного порядка разрушившими их подпорками...»²⁴⁸

Обе статьи остались неопубликованными. Это удивительно. Они увидели свет уже в советское время и были напечатаны только в 1958 г., через 47 лет после их написания.

Почему их не опубликовали? Причины нам неизвестны. Но нельзя отвести напрашивающегося предположения, не были ли они слишком резкими, слишком «левыми» для общего тона юбилея? Не оказались ли они неприемлемыми как для «Речи», так и для «Русских ведомостей»? Большое шеститомное юбилейное издание «Великая реформа», в котором соединились разные направления буржуазно-дворянской науки, и то вышло с царским символом на переплете — изображением царского пера, которым был подписан манифест. Правительство взяло юбилей в свои руки — не хотело проникновения в него «левых» элементов. Апологетическая концепция брала верх, устранялись критические моменты.

Реакция боком коснулась и дел, связанных с болезнью Ключевского. Он должен был по сложившимся обстоятельствам предложить своего заместителя по чтению лекций в университете. Давно разочаровавшись в М. К. Любавском и не доверяя ему, Ключевский предполагал выдвинуть более левую кандидатуру своего ученика А. А. Кизеветтера. Сохранилась рекомендация Кизеветтеру, написанная Ключевским²⁴⁹. Но кандидатура этого кадета представлялась опасливому ректору университета — тому же М. К. Любавскому (октябристу!) чрезмерно «левой». Более подходящим представлялся М. М. Богословский. Ключевский волновался, искал форм противодействия и даже «принципиальной демонстрации», о чем писал в письме сыну. Он даже готов был подать заявление, «что ввиду неутверждения предложенного мною кандидата я уклоняюсь от дальнейшего участия в деле о замещении кафедры и никого не рекомендую». М. К. Любавскому он писал из больницы об отсрочке на некоторое время обсуждения поставленного на очередь вопроса: «Мне было бы прискорбно по причине болезни быть устраненным от непосредственного участия в столь близком мне деле...» Все это крайне волновало его: «Раз не утвержден избранный кандидат — не избирать другого: пусть назначают, и если фак[ультет] на это не согласится — устраниться от дальнейшего участия в деле, не голосовать ни за, ни против Б[огословско]го», — пишет он из лечебницы сыну, подчеркивая цитированные строки красным карандашом...²⁵⁰

Ключевский был уверен, что будет жить. Сначала он возражал сыну — незачем откладывать решение о кандидатуре заместителя: «Что же я предложу факультету по выздоровлении, чем оправдаю отсрочку, если на нее согласятся?.. Ведь я рискую очутиться в неприятном положении, когда лично явлюсь на заседание факультета...»

Профессор И. К. Спизарный оперировал Ключевского еще 14 ноября 1910 г. То ли операция прошла неудачно, то ли что-то просмотрели при уходе за оперированным, но возникли послеоперационные воспалительные процессы, состояние ухудшалось, про-

звучало страшное слово «гангрена». Медицинской документацией хода болезни мы не располагаем, можем судить о ней лишь по сведениям, полученным от близких к больному людей. Возник вопрос о вторичном оперировании. Медицина еще не знала тогда современных могущественных средств против заражения крови. Вторично оперировал Ключевского известный хирург А. В. Мартынов. Но спасти больного не удалось.

Он работал во время болезни непрерывно, несмотря на высокую температуру и страшные страдания. Работал даже после второй операции над статьями о падении крепостного права. Говорят, что он работал даже в самый день смерти...

12 мая 1911 г. в 3 часа 5 минут пополудни Ключевского не стало.

* * * * *

Тело умершего перенесли сначала из лечебницы Стороженко в квартиру Ключевского, в его дом на Житной улице, где ректор Духовной академии отслужил по нему панихиду. Формовщик Училища живописи, ваяния и зодчества Афанасьин (по другой транскрипции — Афанасьев) снял гипсовый слепок с головы и правой руки покойного. Было предположено извлечь и изучить мозг Ключевского, но время было упущено, и от этой мысли отказались²⁵¹.

Солнечным майским днем ученики вынесли из дома Ключевского незатейливый желтый гроб с небогатой пеленой, и негустая колонна провожавших, больше из родных, знакомых и учеников Училища живописи, ваяния и зодчества — последней и особенно любимой его аудитории — в сопровождении духовенства, с песнопениями, понесла на руках гроб по Житной и по Якиманке к Каменному мосту, а оттуда — по Волхонке и Моховой к Московскому университету. Поражала немногочисленность и провинциальная простота похоронной процессии. Однако по дороге народу все прибавлялось. Толпы ожидающих присоединились к идущим за гробом у Каменного моста. Гроб внесли в старое здание университета, подняли на второй этаж в университетскую церковь — она уже не вмещала массы желающих присутствовать на отпевании.

Умирая, Ключевский просил венков на гроб его не возлагать, но почитатели обошли это пожелание через возложение не венков, а крестов из живых цветов. Цветов было море, особенно много было сирени. От университета и Академии наук, впрочем, все-таки возложили венки, причем вопрос о нарушении воли покойного обсуждался даже на совете факультета. Зазвучала зауспокойная гречаниновская литургия — ее служили 2 епископа и 15 священников. Кроме множества студентов университета и слушателей

Духовной академии, кроме профессуры, в церкви было много друзей и поклонников историка. Тут видели профессоров Зёрнова, С. Б. Веселовского, академиков Корша, Миллера, художника Л. О. Пастернака, в свое время нарисовавшего портрет Ключевского. Было много членов «Общества истории и древностей российских», членов Психологического общества, Общества грамотности, религиозно-философского общества Владимира Соловьёва. Была депутация от студентов Петровской сельскохозяйственной академии. Был, конечно, ректор Московского университета ученик Ключевского М. К. Любавский, а также А. А. Кизеветтер, А. Ф. Фортунатов, С. А. Котляревский, Ю. В. Готье и многие другие, в том числе даже Д. И. Иловайский. В толпе видели директора Румянцевского музея князя Голицына, заведующего Архивом Государственного совета Я. Л. Барскова, директора Училища живописи, ваяния и зодчества князя Львова и многих других²⁵².

Уже в университетской церкви и около университета было заметно присутствие большого количества полиции. Как только определилось место отпевания, сейчас же после вести о смерти полиция потребовала от ректора университета не только список предполагаемых ораторов у могилы во время похорон, но даже письменных текстов их речей. Ректор Любавский отделался довольно угловатым заявлением, что похороны Ключевского «устраивает»-де его сын Борис Васильевич, а вовсе не Московский университет, откуда же взять ему, ректору, список ораторов и конспекты речей? Полиция выдвинула еще и дополнительное требование: «нежелательно, чтобы гроб несли студенты и вообще почитатели покойного», процессия тогда якобы «растянется» и затруднит уличное движение, «как было во время похорон Муромцева». Победили все-таки студенты и почитатели, полиции пришлось уступить. Однако она выдвинула условие, что «профессиональные гробовщики» будут следовать тут же, как и привезенная на всякий случай погребальная колесница, чтобы «в случае чего» и «во всякий данный момент» гроб можно было бы «изъять» от студентов, поставить на колесницу и отдать в распоряжение «профессиональных гробовщиков»²⁵³.

Гроб вынесли из церкви и до кладбища несли на руках, оставиваясь в местах, связанных с работой покойного, тут служили краткие литии — у нового здания университета, где находились Большая словесная и Богословская аудитории, в которых он чаще всего читал лекции, у здания Румянцевского музея, у Архива на Моховой, у дома на Житной улице. Оттуда путь лежал к Донскому монастырю, на кладбище которого уже готовили могилу. Множество студентов и курсисток направились прямо на кладбище и там ждали гроба. В раскрытую могилу молодежь бросала сирень. Полицейские выстроились в «каре» вокруг могилы

у принесенного гроба, допустив внутрь лишь официальных лиц, — студенчество и множество других присутствующих были оттеснены за полицейскую цепь²⁵⁴.

Полицейская обстановка поясняет бедность и малую содержательность речей над гробом. Все, что прозвучало у могилы, было просмотрено царской полицией. В такой обстановке большинство ораторов, желавших выступить, отказались от выступлений. Переговоры полиции и цензуры с ректором получили широкую огласку в печати²⁵⁵.

Надгробные речи были произнесены ректором университета М. К. Любавским, профессором Духовной академии протоиереем С. И. Смирновым, И. А. Артоболовским. Студент по фамилии не то Крылов, не то Львов произнес несколько банальных фраз²⁵⁶.

Толпа долго не расходилась.

Очевидцы считали, что похороны Ключевского собрали до 5 тыс. человек.

В архиве Ключевского мы встречаем множество газетных вырезок, а также писем и телеграмм, выражающих соболезнование сыну Ключевского Борису, — тут поток телеграмм и писем от деятелей академического и университетского круга, знакомых и почитателей, телеграммы от думской фракции партии народной свободы, от «Союза 17 октября», даже от потребительских обществ и пожарных команд. Но примечательно, что отсутствуют правительственные телеграммы соболезнования и молчит дом Романовых, хотя умер профессор, некогда два года преподававший историю царскому сыну, наследнику престола... Голицын, штаалмейстер двора его величества, присутствовал при отпевании лишь как директор Румянцевского музея — это отмечалось в прессе.

Но зато среди телеграмм соболезнования была получена и такая (из Архангельска): «Скорбим об утрате незабвенного учителя. Осиротевшие ученики политические ссыльные Покровский, Воскресенский»²⁵⁷.

Весть о смерти Ключевского с большой быстротой разнеслась по России. Кажется, не было ни одной газеты в самом отдаленном углу страны, где не откликнулись бы на событие. Московская и столичная петербургская пресса поместила много статей, провинциальная жадно перепечатывала их, особенно в ходу было воспроизведение статей кадетского лидера П. Н. Милюкова и профессора А. А. Кизеветтера. Но печаталось на местах немало и «своих» статей и заметок, часто содержащих очень ценные сведения о Ключевском, передававшиеся учениками, разбросанными по всей стране. Не только крупнейшие университетские города — Москва, Петербург, Киев, Харьков, Казань сообщали о смерти Ключевского, сведения о ней, иной раз подробные, мы читаем в «Рязанском вестнике», «Старом Владимирце» и в «Го-

досе порядка», выходившем в Ельце, в екатеринославской «Русской правде», в ярославском «Голосе». Мы встречаем сообщения и статьи о смерти историка в «Бессарабской жизни», выходившей в Кишиневе, во владикавказском «Тереке», в симферопольских «Южных ведомостях», в «Харбинском вестнике», в газете «Уссурийская охранка», издававшейся в Никольске-Уссурийском, в газете «Карс», выходившей, как понятно, в Карсе, и даже в газете «Новая Земля», печатавшейся на Новой Земле в формате иллюстрированного журнала, — ее 18-й номер открывается содержательной статьей В. Свенцицкого, посвященной В. О. Ключевскому.

Во всей этой, по понятным причинам, спешной информации немало ошибок и непроверенных слухов. Так, несколько газет сообщало о том, что пятый том «Курса» Ключевского уже только что вышел в свет. . . ²⁵⁸

Всюду находились ученики Ключевского, в Рязани на панихиде их собралось 20 человек, среди них были учителя гимназии и семинарии. В Казань, где Ключевского хорошо знали и помнили еще и по архивной работе над житиями святых, сообщение о смерти пришло в момент заседания историко-филологического факультета; казанские профессора Д. А. Корсаков, Н. Н. Фирсов и М. М. Хвостов, лично знавшие историка, выступили с импровизированными речами.

Общий тон прессы был сочувственный и взволнованный, но встречались и исключения — со стороны крайне правых. Грубую ругательную статью (иначе ее и не назовешь) напечатала московская газета «Русский стяг», она осыпала Ключевского бранью за недостаточное возвеличение великой России, за нехватку патриотизма. Оказывается, этот чуждый России профессор «гнул все в сторону иезуитов» (!) и не оставил ни одного преемника по кафедре, кроме как «преподавателя литовской истории» (намек на М. К. Любавского). Впрочем не было недостатка и в телеграммах соболезнования от правых партий и в положительной оценке в правых газетах. Произошла даже занятая грызня газет «за Ключевского»; правые «Санкт-Петербургские ведомости» ликовали: «Некоторые кадетские газеты поспешили записать историка Ключевского в число „своих“. Г[осподин] Милюков однако нашел в себе достаточно мужества, чтобы в „Речи“ опровергнуть эту басню». Суворинское «Новое время» с ехидством разоблачало П. Н. Милюкова — по его воспоминаниям о Ключевском, он, Милюков, впервые понял историю России на лекциях Ключевского, но если это так, «то в следующей своей деятельности Милюков явно утратил способность правильно понимать русскую историю». . . «Новое время», «Голос порядка», «Копейка» отзывались о Ключевском весьма сочувственно ²⁵⁹.

Все эти газетные публикации в какой-то мере смыкаются с рассмотренной в первой главе литературой некрологов и подчас со-

держат в воспоминаниях его учеников ценные биографические факты.

Московская и петербургская городские управы обсуждали вопрос об увековечении памяти Ключевского. Предполагалось — весьма скромно — открыть городское училище его имени, основать и назвать его именем бесплатную библиотеку-читальню. Кажется, ничего этого не выполнили...

* * * * *

Автор не ставит перед собою задачи повторять в качестве итогов те выводы и обобщения, которые уже даны на предшествующих страницах: там они непосредственно связаны с фактическим материалом, там им и место. Выводы не должны отъединяться от своей аргументации. Впрочем вспомним лишь несколько основных линий, которые помогут постановке дальнейших задач.

Драма Ключевского непонятна без ее тесного сплетения с общим кризисом буржуазной исторической науки. Вместе с этим и сам кризис выявляется через эту драму.

Можно было убедиться, что историческая концепция Ключевского — не стоячее, а динамическое, объективно развивающееся явление. Несмотря на это, он все же не вырвался из рамок либеральной идеологии. Он бился в замкнутом кругу идеалистической системы, временами надламывал стены, его теснившие, совершал прорывы, искал выход, вновь прятался в старое убежище. Идеалистическая методология все еще оставалась домом, в котором он жил. Но она не вмещала того нового, к изучению которого пришел он сам и интерес к чему он пробудил у тысяч своих слушателей и читателей. Его как ученого влекли социальный строй развивающейся страны, его отражение в правительственных учреждениях, взаимоотношения общественных классов. Но попытка заново пересмотреть устаревшую методологию исследования кончилась крахом. Осколки ее разбитых устоев, в которые он сам уже не верил, ему пришлось собрать и искусственно слепить в некое целое, выдавая его за «общеизвестное» во вводных лекциях к «Курсу». А «Курс» он называл «делкой с совестью».

Тем временем практика его исследования шла помимо схемы, мало нужной ему самому. Он скорее метался в старом мировоззрении, нежели принадлежал ему. Впрочем, если метался, значит, как-то принадлежал, иначе он нашел бы выход — так случилось в жизни других ученых того времени.

Несмотря на это, историческое значение Ключевского очень велико. Он дал русской науке одну из самых ярких концепций исторического прошлого страны — противоречивую, недосказанную, но полную проблем. И когда дал, в какое время? Между

первой русской революционной ситуацией и кануном Октября, в напряженную, предгрозовую эпоху. Он заставил тысячи голов думать над множеством вопросов, на многие из которых он сам не мог ответить. Он обогатил этими вопросами и тех, кто был согласен, и тех, кто спорил с ним. Мало этого, он нарисовал на основе своей проблематики такие живые, художественные картины и образы людей минувших веков, которые запоминались на всю жизнь. У одних возрастал интерес к истории России, у других он рождался впервые.

Это было научным завоеванием Ключевского и его вкладом в культурную жизнь страны. Объективно это в какой-то степени содействовало и передовой политической борьбе времени: ведь до него с кафедры никто так не разоблачал самодержцев и правившую аристократию.

О «школе Ключевского» можно говорить лишь очень условно. В точном смысле слова «школа» может создаваться лишь на отчетливой методологической основе. «Школе» нужен теоретический фундамент. Расслоение учеников Ключевского было неизбежным следствием создавшегося положения и началось еще при его жизни.

Позже три революции, завершенные Октябрем, рассекут до корня «школу Ключевского», отбросив одну часть учеников в лагерь белой эмиграции, где они тщетно будут искать пути к пониманию социальной жизни их страны, породившей эти три революции, — а другую вовлекут в сферу марксистского исследования, обладающего подлинно научным методом изучения социальных явлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе первой

- ¹ Цитирую запись, сделанную во время лекции В. О. Ключевского математиком, профессором Н. А. Глаголевым, в студенческие годы посещавшим в Московском университете лекции Ключевского. Запись была сделана во время лекции в его студенческой записной книжке и с разрешения Н. А. Глаголева скопирована оттуда мной. Аналогична по смыслу, но дана в более сжатой форме, вероятно, по памяти, запись другого слушателя, Н. Н. Богородского: «Я человек прошлого столетия, случайно попавший в нынешнее» («Полоцко-Витебская старина», 1911, кн. 1, ч. 1, стр. 12).
- ² Можно вспомнить лишь о некоторых историографических упоминаниях при жизни Ключевского. Самое раннее принадлежит И. В. Лашнюкову, который в своих «Очерках русской историографии», опубликованных в киевских «Университетских известиях» (1872, № 6, стр. 8), упомянул в положительном духе о сочинении молодого студента «Сказания иностранцев о Московском государстве».
- ³ В. М. Хвостов. Историческое мировоззрение В. О. Ключевского. М., 1910. Перепечатано в книге того же автора «Нравственная личность и общество. Очерки по этике и социологии». М., 1911.
- ⁴ «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (далее — ЧОИДР), 1914, кн. 1 (248). Что касается транскрипции фамилии сестры Ключевского Елизаветы Осиповны, в замужестве Вирганской, то она дана в сборнике неправильно — Виргинская; фамилия происходит от названия селения Вирга в Пензенской губернии (сведения получены от Н. К. Любецкой — внучки сестры Ключевского).
- ⁵ Новая, более полная библиография работ Ключевского, обещанная в последнем (академическом) издании его «Сочинений» (1956—1959 гг.), так и не появилась в печати. Библиография С. Белокурова перепечатана при некрологе В. О. Ключевского в «Богословском вестнике» (май 1911 г.), а также при статье о В. О. Ключевском в «Богословской энциклопедии» (т. XI. СПб., 1910, стр. 284—289).
- ⁶ «У Троицы в Академии. 1814—1914 гг.» М., 1914.
- ⁷ Какой-либо обобщающей концепции значения Ключевского как историка некролог М. Ковалевского не содержит (Максим Ковалевский. Василий Осипович Ключевский. — «Вестник Европы», 1911, кн. 6, стр. 406—411).
- ⁸ В. Рудаков. Памяти В. О. Ключевского. — «Исторический вестник», 1911, № 6, стр. 957—985; А. Белов. В. О. Ключевский как лектор (Из воспоминаний его слушателя). — Там же, стр. 986—990; А. Танков. Памяти В. О. Ключевского (Из воспоминаний его слушателя). — Там же, № 11, стр. 692—696; Б. А. Щетинин. Из воспоминаний о В. О. Ключевском. — Там же, № 7, стр. 223—226; Н. Н. Богородский. Василий Осипович

- Ключевский (Воспоминания слушателя). — «Полоцко-Витебская старина», 1911, кн. 1, ч. 1, стр. 1—12.
- ⁹ «Русское слово», 14 (27) мая 1911 г., № 110.
- ¹⁰ Н. Путинцев. Памяти историка Василия Осиповича Ключевского. — «Военный мир», 1912, № 2, стр. 57—65; Е. А. Ефимовский. Лекции В. О. Ключевского в жизни московского студенчества. — «Известия Общества славянской культуры», 1912, т. I, кн. 1, стр. 9—12; И. А. Артоболевский. К биографии В. О. Ключевского (Ключевский до университета). — «Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 158—173.
- ¹¹ Сборник: «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания». М., 1912, стр. 26, 206; А. А. Кизеветтер. Памяти В. О. Ключевского. — «Русская мысль», 1911, № 6, стр. 135; И. Н. Бороздин. Памяти В. О. Ключевского. — «Современный мир», 1911, № 5, стр. 309—312.
- ¹² И. Н. Бороздин. Указ. статья, стр. 310.
- ¹³ Д. А. Корсаков. По поводу двух монографий В. О. Ключевского. — «Исторический вестник», 1911, № 10, стр. 236—251; М. Клочков. Из траурных воспоминаний. В. О. Ключевский. — «Современник», 1911, № 5, стр. 344—353; ср. М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916, стр. 52—54; И. А. Линниченко. Василий Осипович Ключевский. Одесса, 1911.
- ¹⁴ «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания». М., 1912 (далее — ВОК).
- ¹⁵ Там же, стр. 96.
- ¹⁶ Там же, стр. 35, 36, 55, 188—189.
- ¹⁷ Там же, стр. 98.
- ¹⁸ Там же, стр. 45—58, 59—93, 26—44, 197, 203, 183—207.
- ¹⁹ Там же, стр. 56, 147—148, 200, 205.
- ²⁰ Там же, стр. 5, 23—24, 35—38, 41.
- ²¹ Там же, стр. 41, 133—134.
- ²² В. И. Пичета. Исторические взгляды и методологические приемы В. О. Ключевского. — «Известия Общества славянской культуры», 1912, т. I, кн. 1, стр. 14, 15—16, 19—22, 29.
- ²³ П. П. Смирнов. В. О. Ключевский. — «Военно-исторический вестник», 1912, № 1, стр. 79, 81, 86; № 2, стр. 66, 69, 71, 76—77.
- ²⁴ Для полноты можно упомянуть о двух вышедших в 1912 г. небольших статьях А. Р. Ледницкого и И. Н. Бороздина, посвященных специальным темам: первая («В. О. Ключевский как историк-славянин») в научном отношении крайне слаба, она кратко останавливается лишь на речи Ключевского в честь Шафарика (1875 г.) и цитирует текст «Курса», посвященный разделам Польши. Бороздин, читавший доклад в Археологической комиссии, бегло осветил участие Ключевского в работе Археологического общества, его присутствие на III Археологическом съезде в Киеве и кратко охарактеризовал доклад Ключевского «О хлебных мерах в Древней Руси», прочитанный в Археологическом обществе. Маленькая брошюра А. Я. Шпакова, вышедшая в 1916 г. в Одессе, сосредоточена на вопросе о годе рождения Ключевского (1841), решительно ничего, впрочем, не прибавляет к ранее опубликованным данным в «Чтениях Общества истории и древностей российских». Любопытен мемуарный документ, вышедший перед революцией позже других, — публикация С. С. Глаголева «О Ключевском», появившаяся сначала в 1916 г. в «Богословском вестнике», а в 1917 г. переизданная отдельной брошюрой. Разговорный характер изложения напоминает стенограмму какой-то застольной беседы, крупное здесь перемешано с мелочами, цель записи, по собственному признанию автора, «кое-что сказать». Интересны оценка политических позиций Ключевского и связей его со студенчеством, мнение об ограниченном «весе» Ключевского в академическом мире, а также ряд бытовых штрихов. Автор длительное время знал Ключевского по совместной работе в Духовной академии.

- ²⁵ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Каталог. М., 1961, стр. 215, № 2, 100. В Библиотеке Ленина в Кремле сверх упомянутого литографированного курса имелись следующие работы Ключевского: «Курс русской истории», ч. 1—4 (1918 и 1923 гг.), «Сказания иностранцев о Московском государстве» (Пг., 1918), «Боярская дума древней Руси», изд. 5-е (Пг., 1919), «Опыты и исследования», 1-й сборник статей (Пг., 1918), «Отзывы и ответы», 3-й сборник статей (Пг., 1918), «История сословий в России» (Пг., 1918).
- ²⁶ В. И. Ленин. Некритическая критика (По поводу статьи г-на П. Скворцова «Товарный фетишизм» в № 12 «Научного обозрения» за 1899 г.). — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3. Упоминание о Ключевском на стр. 628 (в сноске); В. И. Ленин. Доклад об Объединительном съезде РСДРП. (Письмо к петербургским рабочим). 1906 г. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13. Упоминание о Ключевском на стр. 14.
- ²⁷ П. Н. Скворцов. Товарный фетишизм. — «Научное обозрение», 1899, № 12, стр. 2277—2295. Цитируемый текст Ключевского взят из «Боярской думы» (М., 1882, стр. 194). — Там же, стр. 2294.
- ²⁸ Там же, стр. 2293—2295.
- ²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 628.
- ³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 14.
- ³¹ М. Н. Покровский. Курс русской истории проф. В. Ключевского. — «Правда», март 1904 г., стр. 211—215. В описи библиотеки Ключевского значится журнал «Правда» за 1904 г. (номера за январь, февраль, март, апрель, июнь).
- ³² М. Александров. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб., 1910. О Ключевском глава 11.
- ³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 32. Статья В. И. Ленина датируется 8 (21) декабря 1911 г., она написана после смерти Ключевского и не могла быть известна историку. С критикой работы Александрова выступил также В. В. Воровский, его статья «О природе абсолютизма» первоначально напечатана (за подписью «Орловский») в журнале «Просвещение» (1912, № 3—4), позже перепечатана в «Сочинениях» В. В. Воровского (т. I. М., 1933, стр. 189—205).
- ³⁴ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I. СПб., 1914, гл. II—IV.
- ³⁵ Из декрета о Государственном издательстве: «Сочинения всех авторов, переходящие из области частной собственности в область общности, могут быть для каждого писателя особым постановлением Государственной комиссии по просвещению объявлены государственной монополией, сроком, однако, не дольше как на пять лет.
Комиссия обязана воспользоваться этим правом по отношению к корифеям литературы, творения которых перейдут согласно настоящему закону в собственность народа» («Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 296—298).
- ³⁶ «Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву». М., 1924; А. Чулошников. К истории манифеста 6 августа 1905 г. — «Красный архив», 1926, т. 1 (14), стр. 262—270; А. А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881—1914). Прага, 1929.
- ³⁷ Разительно отличаются письма Ключевского Кони в подлиннике и те скудные цитаты из них, которые приводил Кони в цитированной выше статье о Ключевском. В 1924 г. в прениях по моему докладу о Ключевском в РАНИОН'е М. М. Богословский и Ю. В. Готье говорили о значительных несогласиях и даже недружелюбии Ключевского и Кони примерно в 70—80-х годах XIX в. Ключевский тогда был значительно левее Кони. Позже отношения их стали гораздо ближе.
- ³⁸ «Свобода России», 25 (12) мая 1918 г.
- ³⁹ С. А. Голубцов. Теоретические взгляды В. О. Ключевского. — «Русский исторический журнал», 1922, кн. 8, стр. 178—202.

- ⁴⁰ И. С. Симонов. В. О. Ключевский. К десятилетней годовщине по смерти 1911 $\frac{12(25)}{V}$ — 1921. — «Педагогическая мысль», 1921, № 5-8, стр. 115—120; Н. Н. Фирсов. Памяти В. О. Ключевского. — Н. Н. Фирсов. Исторические характеристики и эскизы, т. 2. Казань, 1922, стр. 243—244. В эти же годы И. И. Лапшин в своей работе «Философия изобретения и изобретение в философии» раскрывает вопрос о творческом воображении, пользуясь примерами из лекций В. О. Ключевского («Наука и школа», 1922, т. 1, стр. 149—152, 164).
- ⁴¹ Ал. Владимиров. Взгляды В. О. Ключевского на сущность и факторы исторического процесса. — «Просвещение и культура» (Новгород), 1920, № 3-4, стр. 6—19.
- ⁴² А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. О Ключевском см. стр. 19—26.
- ⁴³ А. Е. Пресняков. В. О. Ключевский (1911—1921). — «Русский исторический журнал», 1922, кн. 8, стр. 203—224.
- ⁴⁴ С. И. Тхоржевский. В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель. — «Дела и дни», 1921, кн. 2, стр. 152—179.
- ⁴⁵ В. И. Пичета. Введение в русскую историю (Источники и историография). М., 1923, стр. 151—157.
- ⁴⁶ К. А. Архиппов. В. О. Ключевский как государствовед. — «Советское право», 1927, № 2, стр. 28—51.
- ⁴⁷ М. Н. Покровский. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия (первоначально опубликовано в «Вестнике Социалистической академии», 1923, т. I, II и IV; перепечатано в сборнике М. Н. Покровского «Марксизм и особенности исторического развития России» (Л., 1925, стр. 55—91), позже — в сборнике М. Н. Покровского «Историческая наука и борьба классов», т. 1; о Ключевском см. стр. 188—192, 195—204); М. Н. Покровский. О «Курсе русской истории» В. О. Ключевского, т. V. — «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 101—104 (перепечатано в его книге «Историческая наука и борьба классов», т. II, стр. 54—58); он же. Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923 г. О В. О. Ключевском см. стр. 3, 8, 45, 55, 56, 58—60, 70, 71, 73—79, 81, 84, 86—88, 90—92, 95, 97, 101—103, 129, 133, 134.
- ⁴⁸ А. А. Зимин. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы. — «Исторические записки», т. 69, стр. 179.
- ⁴⁹ М. Н. Покровский. Марксизм и особенности исторического развития России, стр. 76, 77—79; он же. Борьба классов и русская историческая литература, стр. 59, 60.
- ⁵⁰ М. Н. Покровский. Марксизм и особенности исторического развития России, стр. 76—78, 80—86; он же. Борьба классов и русская историческая литература, стр. 55, 56, 73; он же. Предисловие к сборнику «Русская историческая литература в классовом освещении», т. I. М., 1927, стр. 15.
- ⁵¹ М. Н. Покровский. Предисловие. — «Русская историческая литература в классовом освещении». Сборник, т. I. М., 1927, стр. 15.
- ⁵² М. Н. Покровский. Марксизм и особенности исторического развития России, стр. 9, 11, 14, 76, 77, 89—91, 101; он же. Борьба классов и русская историческая литература, стр. 129, 133.
- ⁵³ М. Н. Покровский. Предисловие. — «Русская историческая литература в классовом освещении», стр. 6; он же. Борьба классов и русская историческая литература, стр. 74—75, 133; он же. Марксизм и особенности исторического развития России, стр. 52.
- ⁵⁴ М. Н. Покровский. Марксизм и особенности исторического развития России, стр. 76; он же. Предисловие. — «Русская историческая литература в классовом освещении», стр. 15; он же. Борьба классов и русская историческая литература, стр. 86—87.

- 55 М. В. Нечкина. К характеристике В. О. Ключевского как социолога (В связи с изданием V тома его «Курса»). — «Вестник просвещения» (Казань), 1923, № 1—2.
- 56 М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, стр. 54—58.
- 57 М. К. Лемке. В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. V. — «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 409—413. Нельзя не заметить, однако, что в 1916 г. накануне революции мы встречаем в письмах М. К. Лемке безусловно положительный и даже восторженный отзыв о Ключевском. 21 января 1916 г. он пишет жене: «Как я рад, что прочел всего Ключевского. Мне недоставало именно того, что я получил у него, и я не думал до конца войны, что смогу скоро к нему приступить. Ведь я историк-самоучка, и мне очень важно познакомиться с таким автором, который во многом повторяет (!) мои мысли, но полученные им скоро и просто (?), благодаря серьезной подготовке и громадному уму» (ПД, ф. 661, д. 30, л. 20). Несколько ранее этого, в письме от 13 января 1916 г., Лемке просит жену: «... пришли Ключевского „Древнерусские жития святых как исторический источник“» (там же, л. 8). Письма обнаружены М. Г. Вандалковской.
- 58 «Красная новь», 1923, № 5, стр. 173—203.
- 59 М. В. Нечкина. В. О. Ключевский. — «Русская историческая литература в классовом освещении», т. II. М., 1930, стр. 215—350.
- 60 С. А. Пионтковский. Буржуазная наука в России. М., 1931, стр. 14—15, 18—33, 67—69.
- 61 В. Пархоменко. Древняя история России в освещении Ключевского и Преснякова. — «Вестник древней истории», 1938, № 3, стр. 199—203.
- 62 Вл. Ив. Лебедев. Рецензия на 1—5 части «Курса русской истории» В. О. Ключевского (1937 г.). — «Историк-марксист», 1938, № 4, стр. 143—145.
- 63 А. И. Яковлев. В. О. Ключевский. — «Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 6. Саранск, 1946, стр. 94—131.
- 64 В. Т. Пашуто. [Рецензия на работу А. И. Яковлева]. — «Вопросы истории», 1949, № 8, стр. 138—140.
- 65 Н. Л. Рубинштейн. К выходу в свет «Курса русской истории» В. О. Ключевского. — «Книга и пролетарская революция», 1937, № 9, стр. 88—91; он же. Василий Осипович Ключевский. — «Исторический журнал», 1941, № 6, стр. 32—42; он же. В. О. Ключевский. Вводная статья к переизданию «Курса», т. I. М., 1937, стр. III—XVIII; он же. Русская историография. М., 1941, стр. 441—469.
- 66 «Книга и пролетарская революция», 1937, № 9, стр. 88.
- 67 Там же, стр. 90.
- 68 «Исторический журнал», 1941, № 6, стр. 42.
- 69 Там же, стр. 36.
- 70 «Книга и пролетарская революция», 1937, № 9, стр. 89.
- 71 «Исторический журнал», 1941, № 6, стр. 42.
- 72 А. Храбровицкий. Письма В. О. Ключевского в Пензу. — «Сталинское знамя» (Пенза), 28 февраля 1945 г.; Е. Н. Коншина. Фонды академиков в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. — «Вестник Академии наук СССР», 1946, № 1, стр. 101 и др.
- 73 А. А. Зимин. Архив В. О. Ключевского. — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 12. М., 1951, стр. 76—86.
- 74 В. О. Ключевский. Сочинения в восьми томах. М., 1956—1959.
- 75 «Неоконченная статья В. О. Ключевского о Н. В. Гоголе (Из неопубликованных материалов)». — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 24. М., 1961; Э. Г. Чумаченко. Обзор неопубликованных рукописей В. О. Ключевского о русской литературе XIX—начала XX в. — «Труды Московского историко-архивного инсти-

- тута», т. 16, 1961; *Р. А. Киреева*. Источники историографических работ В. О. Ключевского. — «Археографический ежегодник за 1962 г.» М., 1963; она же. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966; *Э. Г. Чумаченко*. В. О. Ключевский-источниковед. М., 1970.
- ⁷⁶ В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968 (далее — ПДА).
- ⁷⁷ В. Н. Бочкарев. Василий Осипович Ключевский. К 120-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти. — «Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 21. Саранск, 1961, стр. 158—171.
- ⁷⁸ М. Н. Тихомиров. К выходу в свет первых трех томов Собрания сочинений В. О. Ключевского. — «Вопросы истории», 1958, № 8; ср.: он же. Предисловие. — В. О. Ключевский. Сочинения в восьми томах, т. I. М., 1956, стр. 5—12. Юбилейная «История Московского университета» (М., 1955, т. 1), несомненно, «обидела» Ключевского, характеризуя его с половины 90-х годов XIX в. как ретрограда и не усмотрев в его преподавании никаких плюсов, кроме художественного изложения (там же, т. 1, стр. 325 и след.).
- ⁷⁹ «Вопросы истории», 1958, № 8, стр. 155.
- ⁸⁰ Там же, стр. 157.
- ⁸¹ Там же, стр. 156.
- ⁸² Л. В. Черепнин. В. О. Ключевский. — «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 146—170.
- ⁸³ Там же, стр. 170.
- ⁸⁴ В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, т. 2. Харьков, 1962, стр. 170—202 (изд. 2-е. Харьков, 1965).
- ⁸⁵ А. А. Введенский. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. Киев, 1963 (особая глава посвящена вопросам дипломатики в трудах Ключевского); он же. Критика буржуазно-объективистских воззрений В. О. Ключевского на изучение актового материала как исторического источника. — IX научная сессия Киевского университета. Тезисы докладов. Секция истории. Киев, 1952, стр. 26—28; он же. Питания дипломатики в працах В. О. Ключевского. — «Український історичний журнал», 1959, № 1, стр. 106—115.
- ⁸⁶ А. А. Зимин. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. — «Исторические записки», т. 69, стр. 178—196.
- ⁸⁷ И. Корольков. К вопросу о происхождении крепостного права и классовой борьбы в России в освещении В. О. Ключевского. — «Ученые записки Читинского педагогического института», вып. 7, 1961, стр. 3—30.
- ⁸⁸ С. Б. Веселовский. Обзор мнений историков об опричном дворе царя Ивана. — С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 11—37.
- ⁸⁹ Р. А. Киреева. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки; Э. Г. Чумаченко. В. О. Ключевский-источниковед; она же. Приемы работы В. О. Ключевского над сказаниями иностранцев о России XV—XVII вв. — «Труды Московского историко-архивного института», т. 21. М., 1965, стр. 202—223.
- ⁹⁰ О. А. Афанасьева. Американское издание «Курса русской истории» В. О. Ключевского. — «История СССР», 1970, № 4, стр. 203—206.
- ⁹¹ Кисаки. Исторические взгляды Ключевского. — «Сэйё сигаку» (Токио), 1951, т. VIII.
- ⁹² Х. Хота. Формирование В. О. Ключевского как историка. Годы учебы в духовной семинарии и университете. — «Сикан» (Токио), 1969, № 78, стр. 1—80.

К главе второй

- ¹ Известен и прапрадед В. О. Ключевского Иван Афанасьев (умер в 1764 г.), священник в селе Полянах Нижнедомовской округи Пензенского наместничества, в восьми верстах к юго-западу от уездного города Чембар (С. А. Белокурова. Василий Осипович Ключевский. Материалы для его биографии. — ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III (особая нумерация страниц), стр. III, 1—16. По национальности Ключевский русский. А. И. Яковлев полагает, что отец В. О. Ключевского происходил «из крестьян мордовского племени мокша» (А. И. Яковлев. В. О. Ключевский (1841—1911). — «Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 6. История и археология, 1946, стр. 97). Но двумя страницами ранее он же пишет, что Ключевский обладал «простым русским лицом» (там же, стр. 95). В формуляре деда Ключевского по отцовской линии между тем точно написано: «из великороссиян» (ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 7).
- ² ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 7, 8 (аттестат Иосифа Ключевского), 13; А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 97.
- ³ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. IV (второй нумерации). Предисловие С. А. Белокурова. В архивных материалах встречается и такое название: «Воскресенское, Тухачевщина тож» (ГАПО, ф. 225, оп. 3, д. 107, л. 25).
- ⁴ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 17 (копия метрического свидетельства В. О. Ключевского). Имя и отчество деда В. О. Ключевского по материнской линии см. там же, в документе на стр. 9. Ср. данные о месте рождения В. О. Ключевского в статье: И. А. Артоболевский. К биографии В. О. Ключевского (Ключевский до университета). — «Голос минувшего», 1913, кн. 5, стр. 160—166. То же место указано в некрологе в «Богословском вестнике», 1911, № 5, стр. 5. Заметим, что в служебном формуляре Ключевского допущена ошибка в исчислении его возраста, что может повести к неправильному выводу о дате его рождения (ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 405).
- ⁵ В некоторых документах название села передается как Можеровка, но сам Ключевский всюду пишет «Можаровка» (ПДА, стр. 56. Письмо к П. Гвоздеву).
- ⁶ Эти и следующие цитаты о природе местности см.: И. А. Артоболевский. Указ. соч., стр. 160—161.
- ⁷ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 417; отд. I, стр. IV, ср. стр. 10, 17, 56.
- ⁸ Сведения о том, что интерес к русской истории пробудил у В. О. Ключевского его отец, приведены и знавшим его семью С. Вознесенским («Русская школа», т. III, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1911 г., стр. 128). Те же данные содержались в надгробной речи проф. С. И. Смирнова.
- ⁹ В. О. Ключевский. Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени. — «Очерки и речи». Второй сборник статей. М., 1913, стр. 277—278.
- ¹⁰ А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 97; ПДА, стр. 13, 17, 21, 22, 119; ср. ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 417; ПДА, стр. 126—127.
- ¹¹ И. А. Артоболевский. Указ. соч., стр. 161—162; А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 97; ср. рассказ о смерти отца В. О. Ключевского: П. Н. Милюков. — ВОР, стр. 203—204; ср. В. Н. Бочкарев. Василий Осипович Ключевский. К 120-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти. — «Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 21. 1961, стр. 159; ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 16. Неправильное объяснение смерти отца Ключевского «от паралича» использует М. К. Любавский в своих мемориальных статьях, посвященных В. О. Ключевскому (см., например, М. К. Любавский. Василий Осипович Ключевский. Биографический очерк. — ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 4; ПДА, стр. 229 — запись в дневнике 1868 г.).

- ¹² Состав семьи (детей) Иосифа Ключевского в его формуляре на 1849 год: Василий 8 лет, Елизавета 5 лет, Надежда 5 месяцев (ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 16). Формуляр составлен при жизни И. В. Ключевского. Погиб он 28 августа 1850 г. Обычно в литературе возраст детей переносится к году смерти отца, что неверно («Воспоминания сестры В. О. Ключевского Е. О. Вирганской». — Там же, стр. 415). Фотографию домика в Пензе см. там же, стр. 414. На стр. 419 указаны адрес дома и другие сведения о нем.
- ¹³ И. А. Артоболевский. Указ. соч., стр. 159.
- ¹⁴ В. О. Ключевскому в момент смерти отца было уже 9 лет, а не 8 лет, как всюду ошибочно утверждается в биографиях историка на основе неправильного прочтения формуляра отца.
- ¹⁵ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 17, 20, 25. В силу отсева число учеников далее уменьшилось, дойдя до 100 человек, что не меняет картины. В уездном училище было 70 учеников в классе.
- ¹⁶ Там же, стр. 16, 17, 25, 355.
- ¹⁷ Там же, стр. 415, 420, 432. Учебный год в духовных училищах делился по третям, каждая треть именовалась ее первым месяцем, так сентябрьская треть кончалась в декабре (там же, стр. 25—27, 29, 30, 33 и др.).
- ¹⁸ Там же, стр. 420 и др. В свидетельстве В. Маловского явная хронологическая ошибка на один год — на первое место в классе Ключевский поднялся в майской трети 1853 г. (а не 1854 г.), следовательно, репетирование надо отнести к середине января—июню 1853 г.
- ¹⁹ Протоиерей В. Маловский предположительно называет имя Петра Веденяпина как возможного репетитора Ключевского, приводя единственный довод, что лучше Веденяпина никто не знал греческого и латинского языков. Точное же имя репетитора ему неизвестно. Заметим, что в переписке Ключевского с товарищами по семинарии имя Веденяпина не упомянуто ни разу. Перечень лучших учеников старшего отделения училища см. в статье С. Белокурова (ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. VII, сн. 1).
- ²⁰ Сохранилась фотография В. О. Ключевского с В. Я. Покровским, сделанная в Москве. Поскольку оба хлопочут об одном деле — помещении в «Искре» сатирических материалов о Пензенской семинарии, то с большей вероятностью можно предположить, что это был писавший стихи Василий Покровский. По университетским архивным материалам устанавливается, что Василий Покровский поступил в Московский университет одновременно с Ключевским, только на юридический, а не на историко-филологический факультет.
- ²¹ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 4.
- ²² Там же, стр. 95, 291, 289—290, 219—220, 284; введение, стр. XIV.
- ²³ Там же, стр. 242, 243, 247—248.
- ²⁴ Там же, стр. 77, 103—105, 133, 169—170, 179, 187—188, 224, 258—260. Возможно, впрочем, что отчеты о преподавании всеобщей истории дошли до нас в неполном виде.
- ²⁵ Там же, стр. 225, 261, 263, 265—267, 222—223, 299.
- ²⁶ Там же, стр. 81, 5; И. А. Артоболевский. Указ. соч., стр. 162—163; «Воспоминания сестры В. О. Ключевского Е. О. Вирганской». — ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 415; ПДА, стр. 55.
- ²⁷ Из неопубликованной речи Ключевского о К. Н. Бестужева-Рюмине, подготовленной к печати в III томе неизданных «Сочинений» В. О. Ключевского (том подготовлен Р. А. Киревой, А. А. Зиминим и Г. П. Махновой, под ред. академика М. В. Нечкиной).
- ²⁸ «Воспоминания сестры В. О. Ключевского Е. О. Вирганской». — ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 415; Там же, стр. 157, 178, 180, 110, 116—119.
- ²⁹ Там же, стр. VIII.
- ³⁰ «Воспоминания священника А. Рождественского». — ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 423.

- ³¹ Там же, стр. 172, 152, 209.
- ³² ПДА, стр. 394.
- ³³ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 429—430.
- ³⁴ ПДА, стр. 27.
- ³⁵ Там же, стр. 58, ср. прим. на стр. 423.
- ³⁶ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 427.
- ³⁷ Эти и дальнейшие стихотворные выдержки см. там же.
- ³⁸ Там же, стр. 427, 428. Важно учесть, что Бурлуцкий и преподаватели семинарии Авр. П. Смирнов и К. Ф. Смирнов были женаты на родных сестрах (родственницах архиерея Амвросия) и составляли крепкую реакционную «партию».
- ³⁹ ПДА, стр. 63—64.
- ⁴⁰ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 426—427.
- ⁴¹ Там же, стр. 362.
- ⁴² К сожалению, полным делом по исключению из семинарии Василия Покровского мы не располагаем. Ряд данных о нем находится в деле «о выбитии окон» в квартире инспектора Я. Бурлуцкого.
- ⁴³ Там же, стр. 228—229.
- ⁴⁴ Любопытно, что Ключевский выбрал эту тему, а не другую, одновременно предлагавшуюся: «Не иметь наставников есть наказание божие» (там же, стр. 229; см. также стр. 228—229, 270—271).
- ⁴⁵ Там же, стр. 279; ср. введение С. А. Белокурова (там же, стр. XII—XIII).
- ⁴⁶ Там же, стр. 317—318, 320—321.
- ⁴⁷ О «покушении» на Я. Бурлуцкого см. там же, стр. 316—317, 328—330, 354.
- ⁴⁸ Допросы семинаристов по делу Я. Бурлуцкого см. там же, стр. 330—341.
- ⁴⁹ Допрос В. О. Ключевского см. там же, стр. 336, 355. О намерении семинаристов издавать журнал см. там же, стр. 333—334, 354.
- ⁵⁰ ПДА, стр. 25. Ср. стр. 420; ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 316, 342, 351 и др.
- ⁵¹ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 279, 281, 287, 291, 292, 304, 308; ср. введение С. Белокурова (там же, стр. XIV). В связи с этим сестра В. О. Ключевского Е. О. Вирганская пишет в воспоминаниях: «Стали притеснять, понизили его во второй разряд» (ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 415), объясняя это, однако, лишь тем, что Ключевский давал уроки в доме Маршевых, готовя сыновей в университет, из чего начальство семинарии будто бы догадалось, что и сам Ключевский захотел оставить семинарию и поступить в университет. Едва ли это так: все прочие документы говорят, что подача Ключевским прошения в декабре 1860 г. об увольнении из семинарии была неожиданной для начальства, которое уже располагало письменным согласием Ключевского остаться в духовном звании, данным при переходе на старшее отделение. Лживый рассказ о слабом учении Ключевского за эти годы в семинарии в пензенских «Епархиальных ведомостях» (от 1 октября 1901 г., статья А. Троицкого) выразительно разоблачен в воспоминаниях священника А. Рождественского: «Затошнила меня эта ложь...» (ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 432).
- ⁵² ПДА, стр. 29. Парадизов Степан Андреевич, позже учившийся в Казанском университете и являвшийся судебным следователем в Казани, был затем адвокатом в Нижнем Новгороде (там же, стр. 419). Флоринский Степан старше Ключевского по классам семинарии (там же, стр. 24, 54, 66, 96, и стр. 30—35 — письмо к В. В. Холмовскому).
- ⁵³ ОРФ ИИ СССР, ф. 4 (В. О. Ключевский), оп. 5, д. 106. Письмо П. Гвоздева к Ключевскому от «31 января» 1867 г. с большой припиской Степана Парадизова.
- ⁵⁴ ПДА, стр. 53. По письму видно, что война П. Гвоздева с Я. Бурлуцким велась и после отъезда Ключевского из Пензы.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Особое мнение преподавателя Л. Ив. Розанова по делу о «выбитии окон» доказывает, что дело велось с нарушением закона (ЧОИДР, 1914, кн. 1,

стр. 362, 366, 367 и др.). В ходе дела имел место протест полиции, усмотревшей нарушение своих прав и превышение власти семинарским начальством. Текст протеста полицейского Меликова в деле опущен, видимо, не случайно (там же, стр. 368).

⁵⁷ Глебов Николай Федорович — преподаватель семинарии (ПДА, стр. 95; 97 и др.; ср. стр. 426; ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 351, 357 и др.).

⁵⁸ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 372.

⁵⁹ В ведомости об учениках, уволенных по прошениям (от 16 сентября 1861 г.); отправленной из Пензенской семинарии в Казанскую духовную академию (высшую инстанцию, имевшую надзор за семинарией), около имени Ключевского в графе о причине увольнения значится вполне ясно: «Для поступления в Московский университет», хотя в личном заявлении Ключевского этой причины не указано. В этой же ведомости значатся, кроме Ключевского, еще пять человек, причем увольняемый из низшего отделения семинарист Петр Писарев, успехов «очень хороших», также уходит из семинарии «для поступления в светское учебное заведение» (там же, стр. 314—315).

⁶⁰ Там же, стр. 422—434, 300, 307, 308.

⁶¹ Там же, стр. 312, 375, 374. Сумма, полученная Ключевским, высчитана по официальным погодным данным с 1857 по 1860 г. (там же, стр. 313). В семинарии Ключевский получал лишь половинный бурсацкий оклад. А. Рождественский ошибается, полагая, что Ключевский имел в семинарии «самый высший оклад... сорок рублей в год». Это неточно. Лишь в 1860 г. Ключевский стал получать наивысшее «половинное пособие» в размере 21 руб. 50 коп. в год (там же, стр. 313, 432).

⁶² И. А. Артоболевский. Указ. соч., стр. 167—170; ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 313; С. С. Глаголев. О В. О. Ключевском. Сергиев Посад, 1917, стр. 14. Все эти свидетельства пропускаются «академическими» биографами Ключевского, идеализирующими епископа Варлаама.

⁶³ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 123, 145, 176, 200, 235, 274, 277, 278, 308, 309, 432, 433.

⁶⁴ И. А. Артоболевский. Указ. соч., стр. 171; ср. свидетельство сестры В. О. Ключевского Е. О. Вирганской (ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 416).

⁶⁵ «Нужно заметить, дядя звал его на вы», — поясняет сестра. Настоятель Боголюбской церкви в Пензе священник Ив. Вас. Европейцев был женат на сестре матери Ключевского и считался его дядей (там же, стр. 416; ср. И. А. Артоболевский. Указ. соч., стр. 171).

⁶⁶ Заметим, что фамилию «Маршев» носил один из «незаконных» детей местного помещика Платона Огарева, отца Н. П. Огарева, друга А. И. Герцена.

⁶⁷ ПДА, стр. 39.

К главе третьей

¹ Академическая легенда трактовала студенческие годы Ключевского как мирный период накопления знаний, тихий, ясный этап, содержание которого даже не нуждалось во внутреннем раскрытии.

² Академик М. В. Нечкина. Юные годы В. О. Ключевского. — «Вопросы истории», 1969, № 9.

³ ПДА, стр. 13, 15, 19.

⁴ Там же, стр. 13, 15, 16 18—20; А. И. Яковлев. В. О. Ключевский (1841—1911). — «Записки НИИ при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 6. Саранск, 1946, стр. 98 и др.; С. А. Голубцов. В. О. Ключевский в студенческие годы. Вступительная статья к изданию «Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву (1861—1870)». М., 1924, стр. 129. Голубцов напрасно предполагает ошибку в воспоминаниях сестры Ключевского Е. О. Виргинской (правильно — Вирганской). В действительности

- Ключевский первую часть пути (до Владимира) ехал на лошадях, а во Владимире пересел на поезд.
- ⁵ ПДА, стр. 13, 17.
- ⁶ Там же, стр. 26. У Ключевского в письмах описка: он датирует начало экзаменов то 7, то 8 августа (ПДА, стр. 20 и стр. 26). Я опираюсь на более раннее письмо к Европейцевым, тем более что во втором письме — П. Гвоздеву — есть другая описка в дате — виза Щуровского явно ошибочно датирована 25 августа вместо 25 июля (исправление внесено рукой П. Гвоздева).
- ⁷ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 417. Мы не воспроизводим в цитате своеобразную орфографию сестры Ключевского, которая сохранена при публикации в «Чтениях ОИДР».
- ⁸ Письмо Ключевского П. Гвоздеву от 3 сентября 1861 г.
- ⁹ Экзамены (считая их по рубрикам для отдельных отметок в экзаменационной ведомости) были следующие (привносим от себя нумерацию): 1) катехизис, 2) священная история, 3) церковная история, 4) русский и славянский языки, 5) русская словесность, 6) латинский язык, 7) немецкий язык, 8) французский язык, 9) русская история, 10) всеобщая история, 11) география, 12) алгебра, 13) геометрия, 14) тригонометрия, 15) физика, 16) греческий язык. Отметки в ведомости Ключевского проставлены не цифрами, а словесной формулой: «весьма удовлетворительно» по русскому и славянскому языкам (хотя о последнем и не спрашивали), русской словесности и латинскому языку, по остальным — «удовлетворительно» (ЦГАМ, ф. 418, оп. 30, д. 591, л. 50). Оценки экзаменов в ведомости несколько расходятся с тем впечатлением о результатах их сдачи, которое отражено в письме Ключевского П. Гвоздеву от 3 сентября 1861 г.
- ¹⁰ ПДА, стр. 20, 26—29, 40.
- ¹¹ Там же, стр. 17, 19, 22.
- ¹² Там же, стр. 93.
- ¹³ Там же, стр. 16, 17, 21, 23.
- ¹⁴ См. главу вторую данной книги.
- ¹⁵ С. Ашевский («Русское студенческое движение в эпоху 60-х годов» — «Современный мир», 1907, № 9, 10) и за ним Б. П. Козьмин («Из истории студенческого движения в Москве в 1861 г.» — Сб. «Революционное движение 1860-х гг.» М., 1932) придерживаются неправильной точки зрения, считая студенческие волнения 1861 г. чисто «академическими». Критику этих взглядов дала М. П. Свинцова «Студенчество в русском революционно-демократическом движении периода революционной ситуации» (Рукопись канд. дисс. М., 1952, стр. 184, 212 и др.).
- ¹⁶ ПДА, стр. 22. Письмо Европейцевым от 19 августа 1861 г., написанное до начала занятий в университете, но после экзаменов.
- ¹⁷ М. П. Свинцова с основанием предполагает, что это могла быть прокламация «К молодому поколению», подходящая под определение Ключевского. Точных сведений о прокламации в архивах нет.
- ¹⁸ ПДА, стр. 22, 41—43; ср. М. П. Свинцова. Указ. дисс., стр. 206, 207; П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958, стр. 108—109.
- ¹⁹ ПДА, стр. 47—48.
- ²⁰ Там же, стр. 49.
- ²¹ См. главу первую настоящей книги.
- ²² ПДА, стр. 54—55.
- ²³ Там же, стр. 59—63. Слово «друг» при эпитете «закадычный» семинаристами опускалось.
- ²⁴ Там же, стр. 34.
- ²⁵ А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 94—131.
- ²⁶ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 381.
- ²⁷ ПДА, стр. 64, 66.

²⁸ ПДА, стр. 35, 36.

²⁹ Там же, стр. 337.

³⁰ Там же, стр. 43—46, 64.

³¹ Там же, стр. 65, 66, 67.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 63.

³⁴ Там же, стр. 72.

³⁵ Там же, стр. 79—80.

³⁶ Там же, стр. 78—80.

³⁷ Там же, стр. 72.

³⁸ Там же, стр. 75.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 76.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 79.

⁴³ Там же, стр. 86—88, 90.

⁴⁴ Там же, стр. 17, 22, 98—99.

⁴⁵ Там же, стр. 223—224 (дневниковая запись).

⁴⁶ Там же, стр. 224.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Я. Л. Барсков. Приложение к изданию «Сказаний иностранцев о Московском государстве» В. Ключевского. Пг., 1916 (или Пг., 1918), стр. 309. Выдаче аттестата, естественно, предшествовало утверждение Ключевского в степени кандидата Советом Московского университета, что произошло 10 июня 1865 г. (ЧОИДР, 1914, кн. I, отд. III, стр. 406—407; формулярный список В. О. Ключевского на стр. 405—413).

В некоторых биографических очерках о В. О. Ключевском (например, В. Н. Бочкарев. Василий Осипович Ключевский. К 120-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти, стр. 158—171) его работа «Сказания иностранцев о Московском государстве» называется «конкурсным сочинением на золотую медаль», увенчанным этой наградой в университете. Никаких документальных подтверждений этого мне найти не удалось. Вероятнее всего, указанная работа Ключевского являлась обычным кандидатским сочинением.

В Отделе рукописных фондов Института истории СССР имеются черновые материалы этой работы Ключевского, однако неполностью сохранившиеся (ОРФ ИИ СССР, ф. 4).

⁴⁹ Э. Г. Чумаченко. Приемы работы В. О. Ключевского над сказаниями иностранцев о России XV—XVII вв. — «Труды Московского историко-архивного института», т. 21. М., 1965, стр. 222.

⁵⁰ С. Meiners. Vergleichung des ältern und neuern Russlands in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner, ihrer Cultur, Sitten, Lebensart und Gebraüche, so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber. B. I—II, Leipzig, 1798 (I том — 347 стр., II-й том — 368 стр.).

⁵¹ F. Adclung. Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind, Bd. I—II. St.-Pbg. — Leipzig, 1846; Фридрих Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. Увенчано большою Демидовскою наградою. Пер. с нем. А. Клеванова. — ЧОИДР, 1848, год третий, № 9; 1848, год четвертый, кн. 1; 1863, кн. 1—4; 1864, кн. 1. То же отд. оттиск. М., 1864. 194 стр. раздельной пагинации. Работе предпослано предисловие сына Аделунга — Николая.

⁵² Там же.

⁵³ Иван Лобойко. О важнейших изданиях Герберштейна «Записок о России» с критическим обозрением их содержания. СПб., 1818; *Ив. Сн[егирев]*. Об иностранных посланниках в России (из принца Бухау). — «Журнал Министерства народного просвещения», 1845, № 1, ч. 45, отд. II, стр. 40—56.

- ⁵⁴ Юрий Толстой. Сказание англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия. — «Отечественные Записки», 1859, сентябрь, т. СХХVI, стр. 99—158; он же. Флетчер и его книга «О русском государстве при царе Федоре Иоанновиче». — «Библиотека для чтения», 1860, январь, стр. 35—44; февраль, стр. 45—74; ср. «Современник», 1860, март, стр. 105—132 (А. Пыпин?).
- В переиздании «Сказаний иностранцев о Московском государстве» Ключевского, осуществленном в 1916 г. Я. Л. Барсковым, имеется «Приложение», где упоминается труд А. Н. Шемякина «Жизнеописания древних, средневековых и нового времени путешественников, посещавших Россию или говоривших о ней и других соседственных с ней странах» (перевод с немецкого) (ЧОИДР, 1864, кн. 2—4; 1865, кн. 1—3) с упреком, что у Ключевского на эту работу нет ссылок (Приложение, стр. 311—312). В данном случае не обошлось без недоразумения: А. Н. Шемякин является не автором указанной работы, а лишь переводчиком, подзаголовок его публикации гласит: «Из географии и этнографии в жизнеописаниях д-ра Ф. Г. Кюльба». С немецкого [перевел] А. Н. Шемякин (ЧОИДР, 1864, кн. 2). Основная тема публикации — географическая, начинается она с Гомера, Геродота, Страбона, включает тексты из Ибн-Батуты, Рубрука, Плано-Карпини, т. е. не имеет отношения к основной теме Ключевского.
- ⁵⁵ Э. Г. Чумаченко, написавшая кандидатскую диссертацию о Ключевском как источниковед, полагает, что книга «Сказания иностранцев о Московском государстве» является прежде всего источниковедческой работой (Э. Г. Чумаченко. В. О. Ключевский-источниковед. М., 1970, стр. 57). С этим выводом трудно согласиться. Ссылка на то, что в черновых материалах своего сочинения Ключевский уделил больше внимания специальным вопросам источниковедения (авторству, датировке памятников, их происхождению, составу и т. д.), чем в беломом тексте работы, скорее говорит об обратном: Ключевский, попутно выясняя для себя в некоторых случаях подобные вопросы в подготовительных заметках, нередко составленных на основании работ Аделунга, как раз не считал необходимым вводить их в окончательный текст, то есть не считал это центром темы, сам не смотрел на свою работу как на источниковедческую. Объем замечаний этого рода и в черновиках явно неполон, относится не ко всем памятникам и сделан попутно, по мере надобности.
- ⁵⁶ В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве (далее — В. О. Ключевский. Сказания. . .) Пгр., 1918, стр. 125, 126, 127, 151, 152, 162, 171, 173, 207, 211, 223.
- ⁵⁷ Там же, стр. 114, 141, 149, 151—152, 333. Ср. у Ключевского: «... народное самосознание выражаясь в известных органах...», как их — даже не сказано. Это — дань распространенным гегельянским формулировкам (там же, стр. 6).
- ⁵⁸ Там же, стр. 31, 197, 198, 201—203.
- ⁵⁹ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. II. М., 1933, стр. 199.
- ⁶⁰ В. О. Ключевский. Сказания. . ., стр. 85, 123, 128, 149, 172.
- ⁶¹ Там же, стр. 81.
- ⁶² Там же, стр. 146.
- ⁶³ Там же, стр. 174.
- ⁶⁴ Там же, стр. 7, 107, 174.
- ⁶⁵ Там же, стр. 213—214, 217—218.
- ⁶⁶ Там же, стр. 252—302.
- ⁶⁷ Там же, стр. 251.
- ⁶⁸ Там же, стр. 190.
- ⁶⁹ Там же, стр. 258.
- ⁷⁰ Там же, стр. 126—127.
- ⁷¹ В. О. Ключевский. Сказания. . ., стр. 112 и сл.
- ⁷² Там же, стр. 308.

- ⁷³ В. О. Ключевский. Сказания. . . , стр. 95, 106.
- ⁷⁴ Там же, стр. 34.
- ⁷⁵ Примеры проверки свидетельств. — Там же, стр. 136, 138, 144, 147, 162, 167.
- ⁷⁶ Там же, стр. 106, 128.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же, стр. 169.
- ⁷⁹ Там же, стр. 60.
- ⁸⁰ Там же, стр. 289.
- ⁸¹ Там же, стр. 212. Любопытно, что это наблюдение перешло даже в первый том «Курса русской истории» Ключевского: «Мордва пьянствовала на Николин день, подражая русским» (В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8. М., 1959, стр. 306).
- ⁸² ПДА, стр. 108 («был занят три четверти суток»).
- ⁸³ Там же, стр. 131, 134.
- ⁸⁴ Критические ноты в оценках «Сказаний» звучали — и довольно резко — вне «академического канона». П. Смирнов, чью работу о Ключевском напечатал лишь специальный военный журнал, так критиковал «Сказания»: Ключевский «разорвал»-де все памятники на кусочки, разложил по полочкам, им самим заранее придуманным. Ни об одном авторе-иностранце «нельзя вынести никакого представления». Однако тот же Смирнов подчеркивает следующую ценную сторону «Сказаний иностранцев о Московском государстве» Ключевского: в то время, как его предшественников по теме интересовал лишь вопрос, что именно один иностранец в своем «сказании» позаимствовал от другого, Ключевского интересуют более существенные вопросы — в их числе на первом плане свидетельства об экономическом развитии России (П. П. Смирнов. В. О. Ключевский (Доклад, прочитанный 13 ноября 1911 г. в заседании Исторического общества Нестора Летописца, посвященном памяти В. О. Ключевского). — «Военно-исторический вестник», 1912, № 2, стр. 71; ср. там же, 1912, № 1, стр. 82).
- ⁸⁵ П. Кирхман. История общественного и частного быта. Чтение в школе и дома. Пер[евел] К. Розенберг. Допол[нено] В. Ключевским, ч. 1. М., 1867. Ключевский, вероятно, начал работать над текстом, включенным в книгу Кирхмана, в середине 1865 г., когда уже была закончена работа над «Сказаниями иностранцев о Московском государстве» (А. А. Зимин. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX века. — «Исторические записки», т. 69, стр. 189).
- Подсчет общего объема текста Ключевского в книге Кирхмана произведен мной. Приведу перечень страниц, написанных Ключевским: 20—27, 29—30, 34—35, 38, 39—40, 42—44, 45—48, 51—53, 57—58, 59—60, 63—64, 68, 70—71, 75—77, 81—83, 89—90, 97—104, 114—126, 131—135, 137—141, 145—150, 153—157, 157—163, 168—176, 181—183, 187—193, 198—210, 214—219, 232—236, 244—250. Всего 30 текстов общим объемом в 118 страниц.
- ⁸⁶ П. Кирхман. Указ. соч., стр. II.
- ⁸⁷ Там же, стр. 21, 22—25, 29—30, 35, 89.
- ⁸⁸ Там же, стр. 22, 57, 83. Замечание И. Е. Забелина: «Ножницы в курганах» на стр. 131 (на книге штамп собрания И. Е. Забелина).
- ⁸⁹ ВОК, стр. 185; ПДА, стр. 31, 92, 59, 36, 107, 49, 224, 18, 68 ср. 21.
- ⁹⁰ ПДА, стр. 14, 25, 55, 221, 90, 130, 259.

К главе четвертой

- ¹ Вопрос о том, кто подал идею о теме магистерской диссертации Ключевского, наиболее подробно разобран в докладе С. И. Смирнова «Исследование В. О. Ключевского о древнерусских житиях святых как историческим источником», прочитанном 12 ноября 1911 г. («в полугодовой день кончины» историка) на чрезвычайном заседании его памяти в «Обществе

истории и древностей российских» (ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 53—71). Тут приведены данные о публичных лекциях С. В. Ешевского в Казани в 1857 г. и цитаты из них в публикации 1866 г., а также данные об интересе к «житиям» А. П. Шапова, Ф. И. Буслаева, А. Ф. Бычкова. Этот же вопрос на основе того же материала разбирался в работе Д. А. Корсакова «По поводу двух монографий В. О. Ключевского» («Исторический вестник», 1911, № 10, стр. 236—251), а также в докладе П. П. Смирнова, прочитанном 13 ноября 1911 г. (днем позже С. И. Смирнова), в заседании Исторического общества Нестора-летописца, посвященном памяти В. О. Ключевского («Военно-исторический вестник», 1912, № 1). А. А. Зимин в работе «Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX века» придерживается в основном этих же взглядов («Исторические записки», т. 69, стр. 178—196). Ешевский приходит к прямой рекомендации интересующей Ключевского темы: «Если бы кто потрудился собрать из рукописных сборников житий и чудес русских угодников многочисленные рассеянные там указания на это влияние монастырей русских на распространение первых начал гражданственности, тот оказал бы большую услугу русской истории, не говоря уже о том, что новое раскрытие этой стороны русского подвижничества необыкновенно важно для истории русской церкви. В житиях же русских святых можно найти и лучшие указания на первые трудности поселения среди чуждых племен, на борьбу с природой, на историю первых колонистов, на состояние страны в эпоху их поселений» (С. В. Ешевский. Сочинения по русской истории. М., 1900, стр. 317). Читая эти строки — в Казани ли, в Москве ли, — Ключевский мог бы заметить, что он уже занимается именно этим: использование материала житий для истории церкви и распространения христианства, что так сильно подчеркнуто в цитированных словах С. В. Ешевского, входило в задачу Ключевского. Следующее далее в тексте Ешевского упоминание о житии Зосимы и Савватия, раскрывающее деятельность иноков Соловецкой обители, плавания их по Белому морю и т. д. — уже было разработано Ключевским, завершавшим в 1866 г. свою работу о хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря.

² ПДА, стр. 223.

³ Там же, стр. 225—227.

⁴ Там же.

⁵ А. И. Яковлев. В. О. Ключевский (1841—1911). — «Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 6, стр. 100. Заметим, что в монографиях, освещающих историю организации Ишутина-Каракозова, свидетельство А. И. Яковлева осталось незамеченным и эпизод с В. О. Ключевским не получил освещения.

⁶ ПДА, стр. 128.

⁷ Рукопись Ключевского «Участие монастырей в колонизации северо-восточной Руси» хранится в ОРФ ИИ СССР, ф. 4 (В. О. Ключевский), оп. 1, д. 7.

⁸ Рукопись «О церковных земельных имуществе в древней Руси», — очевидно, не четыре лекции, как принято считать, а одна, расчлененная римскими цифрами на четыре отдела. В машинописной копии она содержит 45 страниц (незаконченных), что уложилось бы в одну, как обычно, двухчасовую университетскую лекцию. В 1865 г., которым датирован архивный текст, Ключевский только кончил университет и никому никаких лекций еще не читал. Поэтому можно выдвинуть предположение: не является ли текст проектом лекции pro venia legendi, которая была обязательна для оставленного при университете и входила в круг магистрантской подготовки. Рукопись хранится в ОРФ ИИ СССР, ф. 4, д. 111.

⁹ ПДА, стр. 227—228. Д. В. Каракозов был повешен на Смоленском поле в Петербурге 3 сентября 1866 г. (приговор по его делу был вынесен Верховным уголовным судом 31 августа). Следствие о второстепенных участниках ишутинской организации еще продолжалось. Н. А. Ишутин, приго-

воренный также к смертной казни, был подвергнут всему ужасу ожидания повешения на Смоленском поле (подобно петрашевцам), после чего ему была объявлена «высочайшая милость» — замена смертной казни бессрочной каторгой. С дороги в Сибирь его вернули для заключения в Шлиссельбургской крепости, где он психически заболел и в таком состоянии был отправлен в ссылку. Умер в Нижней Каре от отека легких в январе 1879 г.

¹⁰ ПДА, стр. 228.

¹¹ Там же, стр. 229.

¹² Там же, стр. 228 (Курсив мой. — М. Н.).

¹³ Там же, стр. 126—129.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 141, д. 92. Ранее длительность командировки Ключевского в Казань была неизвестна. А. А. Зимин на основе писем Ключевского к П. П. Гвоздеву справедливо отметил ошибочность датировки летом 1867 г. казанской поездки Ключевского в работе С. И. Смирнова (С. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 56; ср. А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 191, прим. 96). Тут же Смирнов цитирует слова П. В. Знаменского, будто Ключевский пробыл в Казани «дней около десяти», что расходится с отчетом Ключевского и вообще явно неправдоподобно, — настолько велик объем проделанной Ключевским архивной работы. Вероятно, аберрация Знаменского возникла в силу того, что он временно замещал библиотекаря Соловецкой библиотеки А. А. Некрасова, с которым затем Ключевский общался и которому (только одному!) он принес благодарность в своем отчете о работе 1866 г.

П. П. Гвоздев поступил в Казанскую духовную академию, по сведениям С. А. Голубцова, в 1862 г., и был из нее исключен в результате участия в студенческих волнениях. Ему удалось затем поступить на историко-филологический факультет Казанского университета, который он закончил в 1869 г. (ПДА, стр. 129—132, 419).

Заметим, что допуск к работе над соловецкими рукописями в Казанской духовной академии предварялся сложными хлопотами — письмом С. М. Соловьева министру народного просвещения И. Д. Делянову, получением разрешения казанского епархиального начальства, руководства духовной академии и пр. (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 193, д. 279).

¹⁵ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 56; ПДА, стр. 129—132.

¹⁶ ПДА, стр. 142.

¹⁷ ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 1, д. 96, лл. 3—5; д. 99, лл. 7, 49, 52, 55 и др. В квадратные скобки заключено мое предположительное чтение.

¹⁸ В советской историографии преобладает другая точка зрения — жития святых с успехом используются как исторический источник (ср. И. У. Будовиц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. М., 1966).

¹⁹ ПДА, стр. 137.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 141, д. 92.

²¹ ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 5, д. 138.

²² Курс Ключевского в Александровском военном училище за 1871/72 и 1872/73 учебные годы частично опубликован мной в журнале «Новая и новейшая история». Моя вводная статья к этой публикации дает характеристику курса и его оценок современниками («Новая и новейшая история», 1969, № 4, 5, 6).

²³ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 386—387.

²⁴ «Сибирь» (Иркутск), 23 мая 1911 г.

²⁵ ПДА, стр. 104—118. Письма А. М. Бородиной прокомментированы Р. А. Киреевой. Черновики писем (написаны чернилами) в обложке «Пензенская переписка» хранятся в фонде В. О. Ключевского (ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 5, д. 26). Во время этой переписки Ключевский — студент 4-го (последнего) курса университета.

²⁶ Использую неопубликованную рукопись воспоминаний П. П. Коренева. Благодарю Василия Павловича Коренева, сына автора воспоминаний, за раз-

- решение познакомиться с рукописью и цитировать ее. Кореневы — родственники Бородиных и Долговых. Богатое торговое дело О. С. Долгова скоро стало приходить в упадок и после его смерти в 1876 г. ликвидировалось. Последние рукописные материалы, только что поступившие в Рукописное отделение Библиотеки имени В. И. Ленина из семейного архива Кудрявцевых и А. А. Кизеветтера (второго мужа Е. Я. Кудрявцевой), меняют наше представление о происхождении и материальных средствах семьи Бородиных. Они происходили из купеческого звания. Мать будущей жены Ключевского после смерти мужа, по-видимому, вела самостоятельно купеческие дела, связанные с Сергиевым Посадом. Уровень материального благополучия семьи колебался — купеческие свидетельства 2-й и 3-й гильдий, случалось, сменяли друг друга (ОР ГБЛ, ф. 566, картон 23. Новые поступления 1969 г., номер дела не обозначен. Свидетельства купцов Бородиных. См. также сообщение о новых поступлениях: «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 33. М., 1972, стр. 234—236).
- 27 ПДА, стр. 111, 109.
- 28 Воспоминания П. П. Коренева (рукопись).
- 29 ПДА, стр. 115.
- 30 Там же, стр. 229.
- 31 Там же, стр. 106. Имя Анисьи в семейном быту сокращалось: «Ниса», «Нисочка». Хорошо знавший латынь Ключевский из «Нисочки» создал «Никсочку».
- 32 Там же, стр. 107, 109—112.
- 33 Возраст детей Долговых установлен по служебному делу С. О. Долгова (Архив ГБЛ, оп. 22, д. 223), трудовой книжке О. С. Долговой (ОР ГБЛ, ф. 566, картон 24, номер дела не обозначен) и рукописи П. П. Коренева.
- 34 Данными метрической записи Анисьи Михайловны Ключевской мы не располагаем. Год ее рождения был обозначен на могильной плите в Донском монастыре как 1837, тот же год дан в подписи, сделанной под фотокарточкой Анисьи Михайловны ее племянницей Надеждой Сергеевной Бородиной, в замужестве Воскресенской (крестницей В. О. Ключевского).
- 35 ПДА, стр. 245.
- 36 В. С. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 92.
- 37 Там же, стр. 102.
- 38 Там же, стр. 105.
- 39 Там же, стр. 124.
- 40 В. К. Новые исследования по истории древнерусских монастырей. — «Православное обозрение», 1869, № 1, стр. 439—469; № 2, стр. 737—759. Позже перепечатано в третьем сборнике статей В. О. Ключевского «Отзывы и ответы» (изд. 1914 и 1918 гг.).
- 41 В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей. Пг., 1918, стр. 25.
- 42 Там же, стр. 75.
- 43 Там же, стр. 77.
- 44 В. С. Иконников отвечал Ключевскому дважды: В. С. Иконников. Моим критикам. — «Университетские известия», 1870, № 1—2 (год написания текста автором — 1869); В. Иконников. Моим критикам. Возражения на рецензию г. Бильбасова о сочинении «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории». — Там же, № 3. В этом втором ответе, в основном адресованном Бильбасову, содержится также большой текст, посвященный Ключевскому. Из текста Бильбасова Иконников и узнал, что под криптонимом В. К. скрывается Ключевский.
- 45 В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей, стр. 78, 80, 83, 87, 92, 95, 97.
- 46 В. Иконников. Моим критикам. Возражения на рецензию г. Бильбасова... стр. 1.
- 47 Там же, стр. 2.

- ⁴⁸ Третий сборник «Отзывы и ответы» был издан уже после смерти Ключевского (1914, следующее издание — в 1918 г.) его учениками. Озадаченный крайне резким, каким-то «личным» тоном Ключевского в разное В. Иконникова, издатель сборника счел нужным хоть отчасти «поправить» учителя, сопроводив публикацию следующим примечанием: «С развитием ученой деятельности проф. Иконникова автор (т. е. Ключевский. — М. Н.) считал потерявшими значение обе статьи свои, посвященные разбору одного из ранних произведений почтенного ученого. Включая эти статьи в состав настоящего сборника, издатель имел в виду лишь дать историографический материал, могущий иметь свое значение для характеристики развития научных взглядов самого Ключевского» (В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей. М., 1918, стр. 97). Как видим, мнение Ключевского о потере научного значения обеих статей здесь засвидетельствовано учеником. Заметим все же, что относить докторскую диссертацию «почтенного ученого» к числу его «ранних произведений» едва ли верно, сколько потом книг и статей он ни написал бы.
- ⁴⁹ «Древнерусские жития святых как исторический источник. Исследование В. Ключевского» (далее — «Жития»). М., 1871, стр. II (Предисловие). Заметим, что вводная часть к «Житиям» у Ключевского никакого названия не имеет, и применяемое тут и в тексте слово «Предисловие» условно. Работа издавалась лишь один раз.
- ⁵⁰ В этой связи характерно замечание Ключевского в первой главе. Он сразу выделяет вопрос о причинах, заставляющих его «рассмотреть отдельные и прежде других разновременные редакции житий этих (ростовских. — М. Н.) святых», предваряя этим сомнения читателя в критерии его структуры. Он указывает на «научную невозможность» выдержать «строгий хронологический порядок» при разборе ростовских житий: лишь одна их редакция из четырнадцати дает указание, по которому можно найти ее хронологическое место «в ряду других явлений исследуемого отдела». Поэтому они расположены автором лишь по времени жизни лиц, в них описываемых («Жития», стр. 2—3).
- ⁵¹ «Жития», стр. 24, 50—51.
- ⁵² Там же, стр. 408.
- ⁵³ Там же, стр. 359.
- ⁵⁴ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 70.
- ⁵⁵ «Жития», стр. 408, 329, 330.
- ⁵⁶ Там же, стр. 409—412, 413, 320, 321, 342, 343.
- ⁵⁷ Там же, стр. 233, 234, 335, 325, 369, 373.
- ⁵⁸ Там же, стр. 232, 233, 235, 52, 350, 337 и сл., 349, 350, 222, 223.
- ⁵⁹ Там же, стр. 400, 415 (прим. 2).
- ⁶⁰ Там же, стр. 168, 432, 433, 406, 411, 436, 393, 335, 352, 428, 324, 350, 351, 402, 403, 34, 35.
- ⁶¹ Там же, стр. 429, 430, 27, 34, 35, 429, 427, 430, 431, 47, 21, 430—431 (взяты в скобки слова «изустного рассказа» — пояснение Ключевского, введенное в цитату «Жития» Корнилия Комельского).
- ⁶² Там же, стр. 407.
- ⁶³ Н. А. Попов. Древнерусские жития святых как исторический источник. — «Православное обозрение», 1972, март, стр. 410—426.
- ⁶⁴ «Жития», стр. 323, 324, 326, 330, 327, 328, 333, 336, 344, 345, 348, 352.
- ⁶⁵ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 63 (статья С. Смирнова). Рассказ о реакции П. С. Казанского приобретает особое значение в свете того факта, что Казанский имел отношение к духовной цензуре.
- Тогда действовали «Временные правила» цензуры, по которым цензорами ученых работ назначались ученые из тех учреждений, в которых работал автор. По-видимому, в предшествовавшей борьбе с цензором победа оказалась на стороне Ключевского.
- Благодарю Ю. И. Герасимову, сообщившую мне архивные данные о П. С. Казанском как цензоре.

⁶⁶ В работе Э. Г. Чумаченко «О. О. Ключевский-источниковед» (М., 1970) этому вопросу посвящена одна из глав. Защиты кандидатской диссертации в нашем понимании тогда не происходило: работа официально называлась лишь «сочинением», писалась студентом и более всего походила на нашу дипломную работу. Но поступая на работу в Духовную академию, Ключевский защитил 8 июня 1871 г. свою книгу о сказаниях иностранцев в качестве диссертации *pro venia legendi*. Поэтому неправильно говорить о «защите кандидатской диссертации в 1865 г.» (ср. Э. Г. Чумаченко. Указ. соч., стр. 61). С 9 июня 1871 г. Ключевский официально состоит на преподавательской службе в Московской духовной академии (ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 394). В это время его работа о житиях святых еще не вышла из печати: 9 июля 1871 г. — месяцем позже поступления в академию — он пишет В. И. Герье, что не кончил корректуру своей книги о житиях (ПДА, стр. 145), поэтому неправильно говорить, что Ключевский стал работать в Духовной академии «после выхода» книги о житиях святых (ср. Э. Г. Чумаченко. Указ. соч., стр. 127).

⁶⁷ «Жития», стр. 362; ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 54.

⁶⁸ «Жития», стр. 373—381 и др.; ср. С. Смирнов, Указ. соч., стр. 53—55.

⁶⁹ «Жития», стр. 45—49, 232, 317—318, 239.

⁷⁰ Там же, стр. 373—375; ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 54, 63.

⁷¹ «Последнее заседание С.-Петербургского земского собрания» — «Москва», 19 января 1867 г. Корреспондент сообщал, что приехавший на заседание губернатор огласил «высочайшее повеление» о закрытии Петербургского земского собрания и потребовал немедленного приведения его в исполнение. Мотивировалась эта мера тем, что петербургское земство «непрерывно обнаруживает стремление неточным изъяснением дел и неправильным толкованием законов возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству». Земское собрание распущено, председателя губернской управы повелено «считать отрешенным, а всех других членов земских управ уволенными от должностей».

Статья М. Каткова («Московские ведомости», 22 января 1867 г.), столь заинтересовавшая Ключевского, не выражала солидарности с правительством: Катков призывает читателей «не предаваться панике», хотя все происшедшее с петербургским земством признает «катастрофой». Он воздерживается в данной статье от нападок на петербургское земство, в которых был отчасти повинен ранее, о чем упоминает сам. Он заверяет, что не имел в виду всего того, что затем произошло. Принятые правительством меры Катков не одобряет и причин их не видит; они, очевидно, могут быть объяснены «лишь какими-либо чрезвычайными соображениями, которые публике неизвестны и о которых мы судить не можем». Катков утешает читателя тем, что «всегда и везде старые порядки не скоро и не охотно уступают место новым», что все реформы совершились лишь недавно, и поэтому нельзя-де требовать, чтобы «в несколько лет или даже в несколько месяцев изменились укоренившиеся воззрения» и т. д. Все это надо принять во внимание при комментarii «совпадения» мнений Ключевского и Каткова, которое историк отмечает в указанном письме к П. Гвоздеву. В данном случае «совпадение» не говорит о реакционных взглядах Ключевского.

⁷² ПДА, стр. 130, 132, 135.

⁷³ Там же, стр. 231, 234, 235, 236.

⁷⁴ Там же, стр. 243, 137 (письмо Н. И. Мизеровскому).

⁷⁵ Там же, стр. 239, 240, 245, 246.

⁷⁶ Там же, стр. 138.

⁷⁷ Там же, стр. 144.

⁷⁸ Там же. Дело об устройстве в Дерпте зашло далеко — там нашлось немало сторонников Ключевского, и университет уже провел было благоприятное для Ключевского голосование, засвидетельствованное документально: по баллотировке, производившейся в заседании Совета Дерптского

- университета 8 апреля 1870 г., за Ключевского было подано 37 голосов и лишь один — против (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 147, д. 809). Но вмешался министр народного просвещения И. Д. Делянов и запретил утверждать кандидата до защиты им магистерской диссертации.
- ⁷⁹ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 406 (формулярный список); ср. стр. 389, 390, 391. Соперником Ключевского при голосовании был другой кандидат — Андрей Смирнов, но, видя перевес Ключевского, профессор П. Казанский, выдвинувший А. Смирнова, просил не подвергать своего кандидата баллотировке.
- ⁸⁰ ПДА, стр. 145. По-видимому, книга Ключевского вышла в свет до октября или во всяком случае до конца октября: я располагала при работе его дарственным экземпляром Г. Ф. Карпову, на котором сохранилась в датировке дарственной надписи буква «о» в названии месяца (остальная часть записи, к сожалению, срезана переплетчиком).
- ⁸¹ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 64.
- ⁸² Описание магистерского диспута Ключевского, сделанное помощником хранителя рукописей Московского публичного (Румянцевского) музея Е. В. Барсовым, было напечатано сначала в «Современных известиях» (1872, № 27) и перепечатано в «Чтениях ОИДР» (1914, кн. 1, стр. 65—71). Из этого текста и приведены последующие цитаты, в ряде случаев комментированные мной. В «Чтениях ОИДР» описание Е. В. Барсова дано в качестве «Приложения II» к упомянутой ранее статье С. И. Смирнова.
- ⁸³ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 406.
- ⁸⁴ Б. О воскресных собеседованиях в Чудове монастыре (письмо редактору). — «Московские епархиальные ведомости», 12 марта 1872 г., стр. 55—56.
- ⁸⁵ В. О. Ключевский. Аллилуна и о. Пафнутий. — В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей, стр. 195. Этот ответ на анонимную заметку в «Московских епархиальных ведомостях» первоначально был опубликован в «Современных известиях» (1872, № 75) и носил подзаголовок «Письмо редактору „Современных известий“». Что касается указания на анонимность, то справедливее говорить о криптониме; заметка в «Московских епархиальных ведомостях» подписана инициалом «Б». Заметим, что сам Ключевский нередко подписывался инициалами, например буквами «В. К.» (в полемике с В. Иконниковым).
- ⁸⁶ В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей, стр. 190.
- ⁸⁷ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 63, 147.
- ⁸⁸ Там же, стр. 389—390; ср. там же статью С. А. Белокурова, а также формулярный список В. О. Ключевского (стр. 406).

К главе пятой

- ¹ ПДА, 149. Цитированные здесь записи лекций Ключевского на курсах В. И. Герье (в 1872/73 и следующих учебных годах), сделанные рукой Авдотьи Ивановны Герье, в настоящее время подготовлены к печати историко-графическим сектором Института истории СССР АН СССР (готовили издание Р. А. Киреева, А. А. Зимин, М. И. Удальцова, Г. П. Махнова и автор настоящей работы). Есть еще другой экземпляр лекций всех трех годов чтения этого курса, сделанный также рукой А. И. Герье, очевидно, лично для себя. Он прекрасной сохранности, в переплетах с кожаными корешками и золотым тиснением, в трех томах.
- ² В. И. Сергеевич. Вече и князь. М., 1867, стр. 359—362; он же. Русские юридические древности, т. II (Власти), вып. 2 (Советники князя). СПб., 1896, стр. 418—419. О Ключевском см. стр. 427—464.
- ³ Имя К. Маркса упоминается Ключевским несколько раз, в том числе в неизданном курсе «Западное влияние в России после Петра» (1890/91 г.), а также в статье памяти М. С. Корелина, помещенной в качестве некро-

логического послесловия в отдельном издании (М. С. Корелин. Очерк из истории философской мысли в эпоху Возрождения. Миросозерцание Франческо Петрарки. М., 1899. Позже эта статья не входила ни в одно издание статей Ключевского. Имеются еще некоторые, очень беглые, упоминания, которые будут указаны в соответствующих местах.

⁴ В пятом (первом советском) издании «Боярской думы» (1919 г.) первоначально предполагалось опубликовать и тот текст введения к ней, которым предварена публикация в журнале «Русская Мысль» (см. примечание от издательства: В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей. Пг., 1918, стр. 349), однако намерение это не получило осуществления.

⁵ Дневниковые записи 1876—1877 гг. см.: ПДА, стр. 247—248. Дневники заседаний III Археологического съезда в Киеве в 1874 г. см.: ПДА, стр. 249—257. Известные нам неопубликованные письма имеют тот же официальный характер и мало освещают творческий процесс.

⁶ «Боярская дума» снабжена довольно обширным аппаратом ссылок. Большинство их расположено крупными группами внизу страниц основного текста, но наиболее обширные (их всего девять), занимающие иногда по нескольку страниц петита, вынесены автором в конец книги. Они представляют собою как бы краткие самостоятельные исследования по некоторым детальным вопросам темы, выведенным из общего изложения.

Для настоящей работы я составила указатель исторических источников, использованных в «Боярской думе». Он велик по объему и в целом не может быть опубликован. Последующее изложение основано на этом указателе. В ряде особо важных случаев приводятся постраничные данные.

⁷ «Боярская дума древней Руси» (далее — БД), изд. 5-е. Пг., 1919, стр. 402 (документы из Московского архива Министерства юстиции); см. примечание в последнем (1919 г.) издании «Боярской думы» на стр. 126, 155, 244, 256, 266, 385, 390, 396, 401, 420, 429, 434, 443, 457, 468, 478, 508, 520.

⁸ Московский архив Министерства иностранных дел (см. примечания в БД (1919 г.) на стр. 237, 260, 288, 392, 396, 407, 429, 463, 468, 537). В последнем из упомянутых примечаний содержится благодарность С. А. Белоурову за сообщение выписки.

⁹ БД, стр. 37, 50, 101, 102, 140, 268, 269, 360, 232, 256, 534, 231, 411, 492, 186, 140.

¹⁰ Собрание актов, принадлежащих В. О. Ключевскому (БД, стр. 473, 483).

¹¹ Ввиду особого интереса вопроса — связь В. О. Ключевского с С. М. Соловьевым (спорная тема в литературе о Ключевском) — приводим перечень ссылок на Соловьева в «Боярской думе», все издания которой, как известно, лишены указателя имен: БД, стр. 16, 64, 35, 53, 60, 118, 120, 140, 260, 288, 325, 338, 354, 356, 363, 377, 396, 419, 425, 454, 463, 494, 496, 499, 506, 508, 510.

¹² 5-е изд. «Боярской думы» (1919 г.) перепечатано «без всяких изменений» с 4-го изд., вышедшего в Москве в 1909 г. На работу Н. А. Рожкова Ключевский ссылается (БД, 1919 г.) на стр. 309, на работы М. К. Любавского — на стр. 56, 58, 138, 293, 535 (цитированы работы, связанные с историей Литовско-Русского государства).

¹³ ПДА, стр. 132. Ответный привет от Загоскина передает Ст. А. Парадизов в письме от «31 января» 1867 г. (ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 5, л. 106).

¹⁴ Н. П. Загоскин. История права Московского государства, т. II (Центральное управление Московского государства), вып. 1 (Дума боярская). Казань, 1879. «По определению Юридического факультета императорского Казанского университета печатать дозволяется. Казань, 12 января 1879 года» (ср. М. Ф. Владимирский-Буданов. Новые исследования о Боярской думе. — «Сборник государственных знаний». Под ред. В. П. Безобразова, т. VIII. СПб., 1880. Отдел критики и библиографии, стр. 109).

¹⁵ Н. П. Загоскин. Указ. соч., стр. 40, 44, 45.

¹⁶ ПДА, стр. 159.

¹⁷ «Русская мысль», 1880, кн. I, стр. 52 (2-я пагинация).

¹⁸ В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей, стр. 348.

¹⁹ «Русская мысль», 1880, кн. I, стр. 52 (2-я пагинация).

²⁰ В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей, стр. 352, 353.

²¹ ПДА, 156—158 (письмо Ключевского В. И. Герье от 23 июля 1879 г.).

²² Там же.

²³ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 397—399.

²⁴ ПДА, стр. 159.

²⁵ Ср. ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 15, 402. Тут вступает в противоречие извещение ректора университета попечителю Московского учебного округа о том, что вступительная лекция Ключевского состоится 28 ноября. Дата находит подтверждение и в личном письме самого Ключевского декану о возможности выбора именно этого дня (ПДА, стр. 159, письмо 51) и в воспоминаниях его учеников: так, М. К. Любавский точно свидетельствует о 5 декабря 1879 г. как о дате первой лекции Ключевского, в которой было сделано «вступление в русскую историю по смерти Петра Великого» (ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 15). Противоречие здесь, на мой взгляд, только кажущееся: 1-я лекция посвящена была памяти Соловьева, 2-я, как раз приходившаяся на среду, 5 декабря, — началу курса, прерванного смертью С. М. Соловьева. Трудно допустить, чтобы ректор университета послал попечителю Московского учебного округа ошибочное донесение о дате первой, вступительной лекции Ключевского.

²⁶ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 447; В. О. Ключевский. С. М. Соловьев. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании имп. Московского университета 12 января 1880 г. М., 1880, стр. 51—73 (перепечатано: В. О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913, стр. 23).

²⁷ Ссылаюсь здесь на литографии лекций Ключевского, имеющиеся в моей коллекции. Литографированное название курса на титульном листе: «Русская история. Лекции, читанные в 1882—1883 г. о[рдинарным] п[рофессором] Московского университета и Духовной академии В. О. Ключевским». Сплошной нумерации листов нет, нумерация часто прерывается и возобновляется опять с цифры 1, вероятно, в силу условий литографирования разными лицами (поэтому невозможно проставить порядковый номер страницы, с которой взяты цитаты, если не подменять своей нумерацией нумерацию подлинника). Заглавие на титульном листе обведено рамкой с шестью виньетками (четыре угловые и две боковые, посередине вертикальных краев рамки. Одна концевочная удлиненная виньетка стоит под фамилией Ключевского). Печать очень убориста (на одну страницу приходится в среднем 47 строк по 90 печ. знаков в строке). Первый владетель тома переплел его в прочный переплет с кожаным корешком, но от частого употребления переплет сильно износился. В нем от руки исправлены опечатки и в ряде мест есть подчеркивания и разные отметки читателей. Имеются и восполнения пропущенных строк (чернилами), которые могли быть сделаны лишь при сравнении литографированного экземпляра с «оригиналом», по которому производился набор, — очевидно, с рукописной студенческой записью. Студенты, оплачивавшие литографию вкладчину или при покупке литографированных экземпляров, обычно выбирали из своей среды понимающего дело «борзописца», готовившего текст для литографского воспроизведения (в таком качестве, например, был в свое время избран в бытность студентом сам Ключевский для записи лекций проф. С. В. Ешевского).

Что касается ставшей знаменитой характеристики Елизаветы Петровны, то надо заметить, что зародыш этого образного изложения был дан Ключевским на французском материале при чтении лекций по всеобщей истории, в теме, касавшейся «старого порядка» и предреволюционной Франции (лекции в Александровском военном училище).

- 28 В. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества. — «Русская мысль», 1880, кн. I, III, IV, X, XI; 1881, кн. III, VI, VII, IX, X, XI.
- 29 «Русская мысль», 1880, кн. I, стр. 40.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 Там же, стр. 41—42.
- 33 Там же, стр. 41.
- 34 Там же, стр. 42—43.
- 35 Там же, стр. 43.
- 36 Там же, стр. 45.
- 37 Там же.
- 38 Там же, стр. 47.
- 39 Там же.
- 40 Там же, стр. 48.
- 41 Там же, стр. 54.
- 42 М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 104—124.
- 43 Там же, стр. 105.
- 44 Там же, стр. 108.
- 45 Там же, стр. 108—109.
- 46 Там же, стр. 115, 116.
- 47 Там же, стр. 106.
- 48 В. О. Ключевский. Объяснение по поводу одной рецензии. — В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей. Пг., 1918, стр. 350. Первоначально напечатано в «Русской мысли», 1881, кн. II.
- 49 В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей, стр. 353, 355, 357.
- 50 Там же, стр. 274. В фонде Д. Самарина в ГБЛ мало отражен спор с Ключевским. Лишь в одном (недатированном) письме И. С. Аксакова к Д. Самарину читаем: «По секрету: для критического обозрения пишет разбор 1-го (2-го? — М. Н.) тома Ключевский, но имени своего не выставит. Вероятно, будет во враждебном духе» (ОР ГБЛ, ф. 265, п. 181, д. 14). Благодарю Ю. И. Герасимову за сообщение этого свидетельства.
- 51 В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей, стр. 284, 285.
- 52 Там же, стр. 292.
- 53 Там же, стр. 295.
- 54 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 43.
- 55 «Русская мысль», 1881, кн. III.
- 56 ПДА, стр. 298—299.
- 57 «Московские ведомости», 1 апреля 1881 г. Ср.: В. А. Твардовская. Идеолог самодержавия в период кризиса «верхов» на рубеже 70—80-х годов XIX в. — «Исторические записки», т. 91, стр. 255; «Русь». М., № 1, 1880, 15 ноября, стр. 10—14; № 12, 1881, 31 января, стр. 14—15; № 28, 1881, 23 мая, стр. 14—17.
- 58 В. О. Ключевский. Отзывы и ответы. Третий сборник статей, стр. 337.
- 59 Там же, стр. 339.
- 60 Там же.
- 61 Там же, стр. 339—341.
- 62 Там же, стр. 342.
- 63 Там же, стр. 343.
- 64 В. О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей, стр. 62.
- 65 Там же.
- 66 Там же, стр. 63, 64.
- 67 Там же, стр. 63—65.
- 68 «Русская мысль», 1880, кн. I, стр. 54—55 и сл.; ПДА, стр. 250.
- 69 «Русская мысль», 1880, кн. XI, стр. 129, 134, 152, 153, 154.
- 70 Там же, 1881, кн. III, стр. 245.
- 71 Там же, кн. VI, стр. 203, 204.

- ⁷² «Русская мысль», 1881, кн. VI, стр. 228; кн. VIII, 280, 310, 315, 321, 322.
⁷³ Там же, кн. IX, стр. 228, 230, 231, 237, 238.
⁷⁴ Там же, кн. X, стр. 165, 173.
⁷⁵ Там же, стр. 174.
⁷⁶ Там же, стр. 178. В тексте «Русской мысли» опечатка: «знания» вместо правильного: «значения».
⁷⁷ Там же, кн. XI, стр. 98.
⁷⁸ Там же, стр. 101.
⁷⁹ Там же, стр. 109.
⁸⁰ Там же, стр. 109 и сл.
⁸¹ Там же, стр. 113.
⁸² ОРФ ИИ СССР, ф. 4, д. 117.
⁸³ Там же, л. 2, ср. 8; дальнейшие цитаты оттуда же, см. лл. 8, 9, 10.
⁸⁴ Второй вариант предисловия к «Боярской думе» также остался неопубликованным (ОРФ ИИ СССР, ф. 4, д. 117).
⁸⁵ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 410 (формулярный список В. О. Ключевского).
⁸⁶ В. Ключевский. Боярская дума древней Руси. М., 1882, стр. 2—3.
⁸⁷ В. Ключевский. Боярская дума древней Руси, стр. 4, 5, 6, 7, 11—12. О критике Г. В. Плеханова, см. в первой главе настоящей монографии. Отмечая, что боярство в удельном княжестве «далеко не было постоянной местной корпорацией привилегированных землевладельцев», Ключевский приходит к выводу, что «служебные отношения» боярина, его «правительственное значение не были связаны с земледельческим его положением: он был советником князя потому, что был его слугой, а не потому, что был землевладельцем в его княжестве». Внимательный читатель Ключевского, представитель древнего аристократического рода граф Сергей Дмитриевич Шереметев, московский предводитель дворянства, председатель Археографической комиссии и член Русского генеалогического общества, получив от Ключевского дарственный экземпляр первого издания «Боярской думы», подчеркнул в цитированном тексте слова «не были связаны с земледельческим положением» и слова «его слугой» и поставил на полях красным карандашом большой вопросительный знак: старый аристократ уловил новое, необычное в толковании положения и прав своего класса и, видимо, счел его сомнительным.
⁸⁸ Ключевский делает об этом примечание на стр. 19-й своего первого книжного издания.
⁸⁹ ОРФ ИИ СССР, ф. 4, д. 117 (наборные страницы 1-го изд. «Боярской думы»).
⁹⁰ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, стр. 397—536.
⁹¹ Там же, стр. 391.
⁹² Там же, стр. 440.
⁹³ Там же, стр. 530.
⁹⁴ В. Ключевский. Боярская дума древней Руси. [М.], 1882 (Типография А. Иванова (бывш. Миллера), Машков пер., д. 12), стр. 1—2. 1-го изд. «Боярской думы» нет в научном кабинете Института истории СССР АН СССР, в который поступил ряд личных библиотек крупных историков (В. И. Пичеты, В. П. Волгина и др.). Первое книжное издание «Боярской думы» не следует смешивать с журнальными оттками ее текста из «Русской мысли» (1880—1881 гг.), также крайне редкими. Что касается тиража 1-го изд., то на него имеется ведомость, кончающаяся итогом: 999 экземпляров.
⁹⁵ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 402—403.
⁹⁶ Там же, стр. 403.
⁹⁷ Там же.
⁹⁸ ОРФ ИИ СССР, ф. 4, д. 117, лл. 20—25.
⁹⁹ М. К. Любавский. Василий Осипович Ключевский. — ЧОИДР, 1914, кн. 1,

стр. 16—17; «Русские ведомости», 1 октября 1882 г.; «Голос», 4 октября 1882 г.

¹⁰⁰ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 17.

¹⁰¹ Там же, стр. 393—394, 410; Министр народного просвещения утвердил Ключевского в звании экстраординарного профессора Московского университета с 13 ноября 1882 г., т. е. с даты выборов его Советом университета. Самое постановление министерства об этом датируется 5 февраля 1883 г.

¹⁰² В. С. Иконников. «Боярская дума древней Руси» В. Ключевского. — «Русская старина», 1882, февраль, стр. 620—622.

¹⁰³ Д. И. Иловайский. Поборники норманизма и туранизма. — «Русская старина», 1882, декабрь, стр. 585—619. Статья главным образом посвящена спору Иловайского с В. Г. Васильевским. Стр. 613—619 посвящены Ключевскому. Спор сосредоточен на норманском начале и продолжался и в следующие годы (см.: Д. И. Иловайский. Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М., 1866) (там также затронут и «норманизм» Ключевского); М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, изд. 3-е. СПб., 1901. О Ключевском см. стр. 472—536 в гл. XXII — «Господство сравнительного приема при изучении истории». 1-е изд. работы Кояловича вышло в 1884 г.

¹⁰⁴ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, 2-е изд. М., 1883.

К главе шестой

¹ До нас дошли три тщательно переплетенные (с золотым обрезом) рукописные тома лекций Ключевского, составляющих цельный курс — с древнейших времен до Петра I включительно. Лекции записывались Авдотьей Ивановой Герье и некоторыми ее помощниками. Наиболее ранними являются записи 1872/73 учебного года — они охватывают историю Руси с древнейших времен по удельный период включительно. Последующие периоды даются в записи более поздних учебных годов. Эти томы переписаны и переплетены А. И. Герье лично для себя (в настоящее время они хранятся в Московском государственном университете в кабинете истории СССР исторического факультета под инв. № 101137). Сверх этого рукописного экземпляра и, очевидно ранее его возникновения, листы с записью лекций Ключевского передавались Авдотьей Ивановой самому историку для исправлений. Сохранившийся текст содержит обильную авторскую правку (ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 6, д. 1; ОР ГБЛ, ф. 131, п. 7, д. 3). Эти лекционные записи Ключевский широко использовал для «Боярской думы», когда она печаталась в «Русской мысли» (так тематика записей лекций о Московском государстве довольно точно ложится между IX и XVI главами, которые появились в «Русской мысли» с июня по октябрь 1882 г.).

Курс лекций, прочитанный Ключевским «у Герье», подготовлен к печати под моей редакцией сектором истории исторической науки Института истории СССР АН СССР, он входит во II том неизданных работ Ключевского (текст готовился Р. А. Киреевой, А. А. Зимним, М. И. Удальцовой и Г. П. Махновой). Далее курс цитируется по этой рукописи, в которой учтена авторская правка Ключевского.

² Цитирую экземпляр литографии, лично мне принадлежащий: «Русская история. Лекции, читанные в 1882/83 г. О[рдинарным] п[рофессором] Московского университета и Духовной академии В. О. Ключевским». стр. 3—5; 1.

³ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 435.

⁴ «Русская история. Лекции, читанные в 1882/83 г. . .», стр. 4.

⁵ Там же, стр. 5—6.

⁶ Первую часть курса — «Методологию» — Ключевский прочитал в 1884/85

Примечания к главе шестой

- учебном году, вторую — «Терминологию русской истории» — в первом семестре 1885 г.; курс лекций по источниковедению читался с 1890 г. по 1902 г.
- ⁷ ПДА, стр. 160.
- ⁸ Тут и далее цитируется неопубликованная рукопись «Курс методологии истории», хранящаяся в ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 1, д. 27. Литографированный курс Ключевского под названием «Методология истории» был издан в Петербурге «с разрешения профессора Середонина» (без года издания). Он был в руках С. Тхоржевского, который дал его характеристику (С. Тхоржевский. В. О. Ключевский как социолог — «Дела и дни», кн. 2. Пг., 1921, стр. 157—159). Литографированный «Курс методологии истории» Ключевского был изучен академиком Л. В. Черепнинным, который первый дал разбор этого курса во II томе «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1960, стр. 158—161).
- ⁹ Исключением является единственное случайное упоминание: «Союз, подвергшийся опасностям при встрече с другим, более сильным союзом, напряженно развивается в своей среде те элементы, которые необходимы для военной обороны; именно, столкновение усиливает власть, извлекает из общества наверх людей, наиболее способных к борьбе, образует из них особый класс, чем ускоряется сословное деление общества...»
- ¹⁰ С. Тхоржевский. В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель. — «Дела и дни», кн. 2. Пг., 1921, стр. 158.
- ¹¹ В литографированном тексте курса методологии в нумерации лекций допущена ошибка: после 15-й лекции следует 17-я, откуда общий подсчет лекций 20, вместо правильного — 19. Возможно, что текст 15-й лекции предполагалось разделить на две отдельные лекции, тогда нумерация сошлась бы, но этого сделано не было.
- ¹² В. О. Ключевский. Терминология русской истории. — В. О. Ключевский. Сочинения, т. 6 (Специальные курсы). М., 1959, стр. 129—275; «Курс лекций по источниковедению» опубликован. — Там же, стр. 5—87; лекции по русской историографии, подготовленные к печати Р. А. Киреевой, опубликованы в т. 8. М., 1959, стр. 396—452. Жаль, что порядок публикации курсов нарушил единство замысла В. О. Ключевского. Курс «Терминология русской истории» воспроизведен по литографии 1884/85 г.; «Курс лекций по источниковедению» — по записям 1888—1891 гг. Добавим к этому и курс историографии, который читался с 1888/89 учебного года и позже несколько раз повторялся, последний раз курс читался в 1906/07 учебном году.
- ¹³ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 6, стр. 175, 180, 181.
- ¹⁴ В. О. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII веков в его отношении к нынешнему. — ЧОИДР, 1884, кн. 1, стр. 1—72 (перепечатано в сб. «Опыты и исследования». М., 1912, стр. 123—211). Сообщение о хлебной мере в древней Руси сделано 1 февраля 1884 г. на заседании Московского археологического общества («Древности». Труды Московского археологического общества, т. X. М., 1885, стр. 68—69, Протоколы).
- ¹⁵ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 6, стр. 152, 153. Заметим, что строчкой выше дано противоречащее этому определение: «Смерд в тесном смысле слова был крестьянин, живший на земле, никому не принадлежавшей». С этими противоречащими друг другу определениями связано положение Ключевского об отсутствии права помещиков на землю и об исконной «безземельности» русского крестьянина, всегда-де работавшего на «государственной» земле и лишь после 19 февраля 1861 г. получившего землю в собственность.
- ¹⁶ Там же, стр. 157, 159, 172, 173—175, 177, 178, 180, 181, 143.
- ¹⁷ Едва ли возможно курс «История сословий в России» непосредственно связывать с курсом терминологии. В комментарии к 6-му тому «Сочинений» Ключевского читаем: «Название „История сословий“ не вполне соответствует содержанию этой книги, которая по своему характеру при-

мыкает к курсу терминологии» (там же, стр. 467). Трудно согласиться с этим замечанием — «История сословий», естественно, содержит большое количество сословных терминов и объясняет их, но является вполне самостоятельным историческим, а не вспомогательным курсом.

- ¹⁸ Изложенные обстоятельства подробно описаны в предисловии А. Юшкова к «Истории сословий в России» Ключевского (М., 1913, стр. V—VII). Курс был записан А. Юшковым, А. Кизеветтером и В. Сторожевым. После записи лекции во всех трех вариантах тщательно сличались, окончательный текст выправлялся и переписывался А. Юшковым и рукопись представлялась Ключевскому для просмотра и поправок. Ключевский отнесся к работе с большим вниманием, исправлял текст, диктовал новые вставки, иногда работая вместе со студентом с 5—6 часов вечера до 11—12 часов ночи. А. Юшков свидетельствует, что редактирование курса истории сословий заняло у Ключевского гораздо более времени, «чем самое чтение этого курса в университете» (там же, стр. VIII, предисловие). Курс был дочитан Ключевским лишь до половины 209 страницы указанного издания (кончая словами: «Превратились в сословные права»). Дальнейший текст, т. е. конец XX лекции и две последние, был заново продиктован Ключевским Юшкову в домашней обстановке. К изданию приложены также все замененные Ключевским тексты; эти замены подчас вызывали огорчение записавших. В комментарии к «Истории сословий» в 6-м томе допущена неточность — сказано, что Ключевский «довел» изложение до 1785 г. Фактически оно до этой даты не доведено, беглое упоминание даты не определяет конца изложения.

В сведениях обер-полицмейстера по запросу П. Н. Дурново о составе членов редколлегии «Русской мысли» Ключевский перечислен десятым (ср. «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 107). Сам историк в неопубликованном письме к П. Н. Воронову считает себя причастным к «Русской мысли» «с первой минуты» ее существования.

- ¹⁹ В. О. Ключевский. История сословий в России. Тут и далее цитируется издание А. Юшкова, 1918 г. (1-е изд. М., 1913), стр. 93, 17, 19, 15.
- ²⁰ Там же, стр. 35.
- ²¹ Там же, стр. 19.
- ²² Там же, стр. 46—47, 17.
- ²³ Там же, стр. 12.
- ²⁴ Там же, стр. 14.
- ²⁵ Там же, стр. 24.
- ²⁶ Заметим, что века, проставленные в оглавлении «Истории сословий» (1918 г.) после наименований периодов их развития, не вполне совпадают с веками, указанными во вводном отделе книги: третий период в оглавлении обозначен XV—XVII вв., а в тексте книги — XVI—XVII вв., четвертый период в оглавлении помечен XVII—XVIII вв., а в тексте — лишь XVIII в. (стр. 38). Эта особенность повторена в обоих дореволюционных изданиях (1913 и 1914 гг.) и в третьем (первом советском) издании (1918 г.). Это обстоятельство также говорит за то, что Ключевский еще не считал работу над курсом завершенной.
- ²⁷ Там же, стр. 38. В тексте очевидная опечатка: вместо слова «давление» напечатано «деление».
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же, стр. 110—111.
- ³⁰ Там же, стр. 209, 210—211.
- ³¹ Там же, стр. 214, 228.
- ³² ПДА, стр. 163.
- ³³ Сообщено мне С. К. Богоявленским.
- ³⁴ Ясно одно, если правильна принятая датировка начала чтения курсов — историографии с 1888 г. (осень, т. е. начало 1888/89 учебного года), а источниковедения с 1890 г., то отсюда следует, что курс источниковедения начал читаться двумя годами позже курса историографии. Поэтому

последний никак не мог «выделиться постепенно» из лекций по источниковедению, «вырасти» из курса по источниковедению. Все специальные курсы были, как правило, односеместровыми; такими были, например, курс истории сословий в 1886 г. и курс источниковедения в 1890 г. Конечно, оба курса в какой-то мере сформировались на основе семинарских занятий Ключевского со студентами, но это уже другой вопрос.

³⁵ Р. А. Киреева. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

³⁶ Там же, стр. 15, 16, 17. Р. А. Киреева установила по расписанию лекций в Московском университете и по ежегодным «Кратким отчетам о состоянии университета», что Ключевский осенью 1888 г. прочел курс русской историографии (по контексту — в первый раз). «Затем он читал этот курс в 1888/89, 1891/92, 1893/94, 1895/96, 1897/98, 1899/1900, 1900/01, 1902/03, 1904/05, 1906/07, 1907/08 учебных годах» (там же, стр. 32—33). Чтение «осенью 1888 г.», очевидно, и есть чтение в 1888/89 учебном году, поскольку осенний семестр входит в этот год. Приведенные даты не вызывают сомнений, кроме двух, требующих оговорок: в 1893/94 учебном году Ключевский читал курс великому князю Георгию Александровичу в Абастумане (командировка по формуляру заняла время с 1 ноября 1893 г. по 1 апреля 1894 г.). По переписке мы знаем, что он выехал в Абастуман из Москвы 24 октября или около этой даты. Следовательно, время, когда он мог читать лекции в Московском университете, сильно урезалось — от первого семестра 1893/94 учебного года оставалось для этого менее двух месяцев (сентябрь и лишь частью октябрь). Из второго семестра оставалось примерно столько же или еще меньше; если по приезде в апреле лекции и начинались, то в конце мая, как правило, лекционные курсы уже заканчивались, освобождая время для экзаменов. Так что об обычном чтении курсов в университете в этот учебный год и речи быть не может. Оговорок требовал бы и лекционный курс в Абастумане за 1894/95 учебный год, но этот год в перечне годов, приведенных выше, вообще не значится.

³⁷ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8, стр. 428, 431, 432, 449; ВОК, стр. 181.

³⁸ Там же, стр. 434, 433.

³⁹ Там же, стр. 422—424, 434, 436.

⁴⁰ Там же, стр. 429, 422, 424.

⁴¹ Там же, стр. 421, 422.

⁴² В среднем специальный курс, падавший на осенний семестр, вмещал 16—17 лекций при одной двухчасовой лекции в неделю. Второй семестр, обычно начинавшийся со середины января, был немного продолжительнее, кончаясь в мае: он мог вместить в себя до 20 лекций, что и произошло с курсом «Истории сословий», который читался во втором семестре 1885/86 учебного года, т. е. с января 1886 г. Как известно, 21-ю и 22-ю лекции курса Ключевский продиктовал для дополнительной записи А. Юшкову. Никакими данными о том, что для специального курса историографии делалось исключение и он читался два семестра подряд, занимаемая целый учебный год, мы не располагаем. Расположив чтение по этапам развития историографии, Ключевский выделял для определенного семестра те или иные историографические периоды, варьируя таким образом тематику курса. Так, например, из личных записей Ключевского следует, что историографический курс в 1891/92 учебном году падал на осенний семестр (в тетради указаны даты «1891 сент[ября] 12» и «3 октября». Данный курс вмещал в себя период историографии «с царствования Ивана Грозного» по «Время Петра I» включительно (Р. А. Киреева, указ. соч., стр. 15).

⁴³ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 6, стр. 474, 19, 20, 22. Исследованию вопроса посвящена работа Э. Г. Чумаченко (Э. Г. Чумаченко. В. О. Ключевский-источниковед. М., 1970).

⁴⁴ ПДА, стр. 249—257.

⁴⁵ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 15—16, 20; В. О. Ключевский. Сочинения, т. 6, стр. 473.

⁴⁶ ВОК, стр. 177.

⁴⁷ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 6, стр. 22, 43, 44, 12, 15.

⁴⁸ Там же, стр. 48, 78, 12—13.

⁴⁹ Там же, стр. 474.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² «Евгений Онегин и его предки» прочитан с сокращениями как доклад в публичном заседании Общества любителей российской словесности 1 февраля 1887 г.; статья напечатана в «Русской мысли» в феврале 1887 г. (В. О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913, стр. 67—89).

Когда готовилось открытие памятника Н. В. Гоголю, предполагалась речь Ключевского, но историк собирався отказаться. Е. П. Богословская (жена проф. М. М. Богословского) упрасивала Ключевского не делать этого, говоря, что «тот, кто написал о Евгении Онегине и о его предках, сумеет и о Гоголе прочесть не хуже».

— «Эх, Е. П., — отвечал В. О., — а вы найдете мне пару таких же синих глаз, ради которых та речь была прочитана? С тех пор я другой такой пары, сколько ни искал, найти не мог. Нет, нету того вдохновения, да и силы уже не те. Федот да не тот», — с грустью вздохнув, прибавил В. О.» (М. М. Богословский. Отрывки воспоминаний о В. О. Ключевском. (Рукопись). — Архив АН СССР, ф. 636, оп. 2, д. 4, л. 33 (стр. 107). Благодарю академика Л. В. Черепнина, сообщившего мне об этом архивном источнике.

Речь, по-видимому, шла об Анне Сергеевне Смирновой, дочери профессора Духовной академии С. К. Смирнова, с семьей которого Ключевский был дружен. Аню Смирнову он знал еще ребенком. Кончив среднюю школу, девушка захотела получить высшее образование на курсах В. И. Герье, встретила сопротивление родителей, ушла из семьи, сняла комнату в Москве, жила уроками. Кончив курсы, она специализировалась по русской истории, работала все время под руководством Ключевского, была сильно к нему привязана. Своего будущего мужа встретила она у Ключевских. Муж Анны Сергеевны вспоминает, что Василий Осипович «всегда сравнивал ее голубые глаза с васильками, а золотистый отблеск пышных волос — с зрелыми колосьями ржи» (мужем ученицы Ключевского оказался не кто иной, как П. Н. Милюков) (П. Н. Милюков. Воспоминания (1859—1917), т. I. Нью-Йорк, 1955, стр. 130).

⁵³ Тетрадь с записью чернилами рукой А. Т. Карповой (ОР ГБЛ, ф. 131, п. 13, д. 1—2); фрагменты 10-й лекции в карандашных записях самого Ключевского (ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 1, д. 90).

⁵⁴ ОР ГБЛ, ф. 131, п. 13, д. 1—2 (тетрадь записи лекций цикла «Западное влияние в России после Петра» и другая тетрадь переписанного текста с правкой Ключевского); ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 1, д. 90 (содержит карандашную запись 10-й лекции рукою Ключевского с многочисленными вставками и ряд разрозненных выписок и заметок карандашом к этой же 10-й лекции). Видно, что текст лекции «Западное влияние в России после Петра» был предметом тщательной отработки; в этом же деле имеется чернильная беловая копия части 10-й лекции, сделанная другой рукой. Поскольку цикл лекций читался в Политехническом музее, а не в университете, большая работа над письменным текстом и тщательная правка записи свидетельствуют о подготовке к печати, а не к литографированию (это был не университетский курс, и студентам не было нужды в тексте для экзаменов). Однако цикл лекций напечатан не был.

В настоящее время курс «Западное влияние в России после Петра» подготовлен к печати Р. А. Киреевой при участии А. А. Зиминой

- в новом томе неизданных «Сочинений» Ключевского под моею редакцией.
- 55 ВОК, стр. 179 и др.; *А. И. Покровский*. Студенческие воспоминания. — «Русское слово», 1911, 14 (27) мая, № 110, стр. 5 и др. Конечно, в иные годы, особенно в начале преподавания, лекционные дни недели иногда менялись, я привожу примеры наиболее устоявшихся дней недели в расписании.
- 56 Анализируя мастерство Ключевского как лектора, нельзя, на мой взгляд, основываться непосредственно на текстах «Курса русской истории». Они все же обрабатывались историком для того, чтобы стать книгой, хотя, конечно, содержат множество фраз, оборотов, образных сравнений, острот и афоризмов историка, рожденных в живом общении с аудиторией, но все же есть риск принять за произнесенное в аудитории то, что позже было задумано и вписано историком.
- 57 ВОК, стр. 186.
- 58 Там же, стр. 153; ПДА, стр. 339.
- 59 *А. И. Яковлев*. В. О. Ключевский (1841—1911). — «Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 6. Саранск, 1946, стр. 95, 96, 106; *А. А. Кизветтер*. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881—1914 гг.). Прага, 1929, стр. 50. *И. Н. Бороздин*. Памяти В. О. Ключевского. — «Современный Мир», 1911, № 5, стр. 311—312; *А. Белов*. В. О. Ключевский как лектор (из воспоминаний его слушателей). — «Исторический вестник», 1911, № 6, стр. 987; *Ив. Федоров*. Памяти профессора-историка. — «Смоленский вестник», 1911, 15 мая; *М. К. Любавский*. Василий Осипович Ключевский. — ВОК, стр. 14. О курсистках — свидетельство М. М. Богословского: см. протокол заседания секции «Старая Москва» Общества изучения Московской губернии от 4 октября 1928 г. (ОР ГБЛ, ф. 177, картон 2, д. 10). Благодарю Сергея Борисовича Филимонова, сообщившего мне об этом материале.
- 60 ВОК, стр. 164, 185 и др.; газета «Голос» (Ярославль), 15 (28) мая 1911 г. (статья А. Лебедева, слушателя Ключевского). Мнению М. М. Богословского противоречит запись в дневнике А. Юшкова: «Говорит он всегда, зажмуривши глаза» (Благодарю семью покойного историка, разрешившую мне использовать неопубликованный текст). Как можно читать по писаному, закрыв глаза?
- 61 *А. И. Яковлев*. Указ. соч., стр. 96, 107; ВОК, стр. 151, 164, 168, 26, 42.
- 62 ВОК, стр. 185; *А. И. Яковлев*. Указ. соч., стр. 95, 106.
- 63 ВОК, 185; *А. И. Яковлев*. Указ. соч., стр. 107 и др.
- 64 ВОК, стр. 146; *А. И. Яковлев*. Указ. соч., стр. 95, 106, 107.
- 65 *В. Уланов*. Арфа сломана. — «Русские ведомости», 1911, № 110, стр. 2; *А. Белов*. Указ. соч., стр. 988; ВОК, стр. 132, 193, 194, 168; *Я. А. Яковлев*. Указ. соч., стр. 96, 107, 108; ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 28; «Богословский вестник», 1896, № 12, стр. 475—89 (из речи слушателя Ключевского С. И. Смирнова на его 25-летнем юбилее). *А. И. Покровский*. Указ. соч., стр. 5.
- 66 [А. С.]. Елена Дмитриевна Поленова (1850—1898). М., 1902, стр. 37—38.
- 67 «Воспоминания о В. О. Ключевском. В училище живописи, ваяния и зодчества», — «Русское слово», 14 (27) мая 1911 г.
- 68 ВОК, стр. 166—167, 169, 170, 171, 172, 153, 185. *А. И. Яковлев*. Указ. соч., стр. 95—96, 107 и др.
- 69 *А. Белов*. Указ. соч., стр. 988.
- 70 Рассказано мне профессором Н. А. Глаголевым на заседании ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений 28 марта 1940 г. Сейчас же при нем записано мною.
- Говорили, что Ключевский некоторые свои лекции репетировал, как актер, перед зеркалом (сообщено мне С. В. Бахрушиным, ссылавшимся на рассказ Д. М. Петрушевского). Вообще говоря, это обычный прием всех артистов, никакого греха тут нет. Но кто и от кого мог это знать?

Свидетелей не было. Сам историк этого, конечно, никому не рассказывал, а видеть это едва ли кто бы мог. Да и сколько-нибудь подходящего зеркала у Ключевского не было, репетировать было не перед чем. Большое зеркало в зеркальном шкафу очень поздно, только в конце жизни историка, появилось в его квартире. Ревность и зависть, конечно, немало поработали против Ключевского, распуская разные слухи.

⁷¹ ПДА, стр. 359.

⁷² Там же, стр. 356.

⁷³ Там же, стр. 339, 369, 389, 394, 397.

⁷⁴ Там же, стр. 328, 344.

⁷⁵ А. И. Яковлев, Указ. соч., стр. 108; ПДА, стр. 355.

⁷⁶ «Федор Иванович Шаляпин». [Сборник], т. 1. М., 1957. Здесь и далее цитируется это издание.

⁷⁷ Н. Д. Телешов. Записки писателя. М., 1950. Раздел «Артисты и писатели» перепечатан в кн.: «Федор Иванович Шаляпин», т. 2. М., 1958, стр. 251—252.

В комментариях к телеграмме, посланной А. П. Чехову (ПДА, стр. 451), после цитаты Н. Д. Телешова отмечено, что последний «допустил неточность»: Ключевский помогал Шаляпину работать над образами Бориса Годунова и Досифея («Хованщина»), а не Ивана Грозного, при этом дается ссылка («Федор Иванович Шаляпин», т. 1. М., 1957, стр. 146). Отсюда читатель может сделать вывод, что или свидетельство Телешова о содержании речи Ключевского неточно в той детали, что Шаляпин «просиживал часами в Третьяковской галерее перед полотном Репина, перед фигурой Грозного царя, думая глубокие думы...», или что Ключевский ошибся, говоря об этом в речи. Думаю, ошибки тут у Ключевского не было, а был лишь «недосказ» (а не ошибка) у Телешова. Шаляпин до встречи с Ключевским пел Грозного в «Псковитянке». И тогда и позже певец мог «часами» сидеть в Третьяковской галерее перед полотном Репина, вникая в эпоху и в образ Грозного. Об этом во время своих свиданий с Ключевским (а их было несколько) Шаляпин, конечно, рассказывал ему, а Ключевский поведал об этом слушателям в своей речи. Пояснения об убийстве царевича Дмитрия и о престолонаследной ситуации Годунова не могли обойтись без рассказа об убийстве Грозным своего старшего сына царевича Ивана (сюжет картины Репина) — без этого непонятно было бы, почему единственным наследником Грозного стал его младший сын от Марии Нагой — царевич Дмитрий. Вот почему рассказы Ключевского могли побудить Шаляпина еще раз посетить Третьяковскую галерею.

⁷⁸ ПДА, стр. 195.

⁷⁹ Там же, стр. 335, 358; рассказ о случае с рассыпанными записями сообщил мне С. К. Богоявленский; вообще свидетельства об исключительной памяти Ключевского чрезвычайно многочисленны.

⁸⁰ Наблюдение над разницей почерков Ключевского в молодости и в старости сделано А. А. Зиминным (ПДА, стр. 326; ср. А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 128).

⁸¹ ПДА, стр. 81.

⁸² В. Н. Бочкарев. Василий Осипович Ключевский. К 120-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти. — «Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 21. Саранск, 1961, стр. 169; А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 126, 128; И. А. Артоболевский. К биографии В. О. Ключевского (Ключевский до университета). — «Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 165.

⁸³ «Сибирская газета» (Иркутск), 23 мая 1911 г.

⁸⁴ И. А. Артоболевский. Указ. соч., стр. 165—166.

⁸⁵ Там же, стр. 165; А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 128—129 и др.; ПДА, стр. 402.

⁸⁶ ПДА, стр. 337, 339, 329, 348.

⁸⁷ Там же, стр. 337, 321.

К главе седьмой

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102 (Департамент полиции), 3-е делопроизводство, 1886 г., д. 600.

² Там же.

³ Там же, лл. 4—5, 16.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 733 (Департамент народного просвещения), оп. 151, д. 117.

⁵ «История Московского университета», т. 1. М., 1955, стр. 357.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е делопроизводство. 1887 г., д. 664, лл. 11—12.

⁷ Там же, лл. 11—14.

⁸ Там же, 1897 г., д. 744.

⁹ Там же, 1888 г., д. 118.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 194, д. 774, лл. 56—57.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е делопроизводство, 1889 г., д. 245, лл. 16—17.

¹² Там же, лл. 6—10, 16—17. Благодарю П. И. Подляшука, сообщившего мне этот материал.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, 1893 г., д. 635, лл. 66—81.

¹⁵ ПДА, стр. 170.

¹⁶ В программу обучения были внесены некоторые изменения, о которых будет сказано далее.

¹⁷ Ключевский кончил преподавание в Александровском военном училище после защиты докторской диссертации в 1882 г.

¹⁸ Ср. В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8. М., 1959, стр. 407. Ключевский к этому случаю был тем более неподготовлен, что преподавателем истории у наследника престола (будущего Николая II) было уже другое лицо (Е. Е. Замысловский). Казалось, и второй царский сын мог бы обойтись тем же профессором. Но речь шла о курсе высшей военной школы, — в этом отношении Ключевского «подвело» преподавание в Александровском военном училище.

¹⁹ В издании «В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории» (М., 1968) на стр. 264—268 сохранена хронологическая непоследовательность дневниковых записей подлинника о волжском путешествии, что оговорено в примечании (ПДА, стр. 465): дневниковые записи следуют друг за другом в обратном порядке, а именно: 1) 8 июля... 2) 28 июня... 3) 27 июня... 4) 24 июня. Произошло это, очевидно, потому, что, записав в уже начатой тетради «Афоризмов» 1893 г. конспект предполагаемой вводной лекции абастуманского курса, Ключевский, естественно, хотел примкнуть к ней запись предстоящей беседы о преподавании великому князю, намеченной на 8 июля. Поэтому, чтобы оставить для нее место, он пароходные дневниковые записи, не имевшие отношения к Абастуману, стал делать с конца тетради в обратном порядке, чтобы оставить после записи, озаглавленной «Конспект», достаточно места для предстоящего разговора. В тетради, таким образом, оказалось достаточно места для будущих петербургских записей, даже для четырех строк еще осталась чистая бумага. Следовательно, оставшаяся незаполненной часть листа не несет никакой «конспиративной» функции, для важной записи просто оставлено было бумаги немного больше, чем действительно понадобилось.

²⁰ «Император Александр III... ужасно не любил больших комнат, вообще комнат дворцовых, поэтому он так и не переехал в Зимний дворец и все свое царствование жил в Аничковском дворце, а затем в Гатчине...» (С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1 (1849—1894). М., 1960, стр. 418).

²¹ Там же, стр. 313.

²² ПДА, стр. 264.

²³ Там же стр. 264—265.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 265, 465.

²⁶ См. прим. 19.

²⁷ С. Ю. Витте. Указ. соч., т. 1, стр. 311.

²⁸ Свидания Ключевского с Корелиными и Маклаковыми были регулярными. В письмах из Абастумана он упоминает о встречах «по четвергам» — у Маклаковых, «по пятницам» — у Корелиных (ПДА, 177—178, 181).

²⁹ Там же, 174.

³⁰ «В бозе почивший наследник цесаревич и великий князь Георгий Александрович, его жизнь и погребение». Издание Н. И. Короткова. 1899, стр. 5—7, 14—15; С. Ю. Витте. Указ. соч., т. 1, стр. 423.

³¹ ПДА, стр. 174, 175, 403, 404.

³² Там же, стр. 405.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 406.

³⁵ Там же, стр. 179; ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 411.

³⁶ ПДА, стр. 404—405, 407.

³⁷ Там же, стр. 175.

³⁸ Там же, стр. 176.

³⁹ Там же, стр. 179.

⁴⁰ Тут и далее цитируется комплекс: ОР ГБЛ, ф. 131, п. 2, д. 3. Поскольку конспект должен быть «крупно и разборчиво» переписан, «в две печатных страницы для каждой беседы», можно предположить, что эти рукописи могли сохраниться в личных фондах Романовых, хотя бы как память о великом князе Георгии Александровиче. Мы искали их в личном фонде Георгия Александровича, но там их нет. Возможно, они сохранялись в фондах матери — имп. Марии Федоровны. Местопребыванием великого князя был Абастуман; трудно предположить, что они были там забыты после похорон и потом оказались в каком-либо местном фонде, но совсем исключить эту возможность все же нельзя. Отраженный в литературе слух о том, что именно эти конспекты издал в малом количестве С. Ю. Витте для царской семьи, не имеет под собой никаких оснований: издание С. Ю. Витте не имеет ничего общего с абастуманскими конспектами и является воспроизведением литографированных университетских лекций Ключевского по русской истории.

⁴¹ ПДА, стр. 179. Этот портрет в подлиннике я видела на квартире В. О. Ключевского (Житная улица, д. 14) в 1923 г., когда приходила для беседы об отце к сыну Ключевского Борису Васильевичу. Это, несомненно, один из лучших портретов историка. Портрет поясной, значительного размера. Взгляд Ключевского устремлен на зрителя, живой поворот головы; момент, когда Ключевский «сейчас заговорит». Местонахождение подлинника ныне, к сожалению, неизвестно, сохранилась лишь копия Мельникова, которая нами воспроизводится (заказана автором портрета для себя). Близкие Бориса Ключевскому лица свидетельствуют, что «портрет ушел вместе с библиотекой Ключевского». Но в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, которая приняла библиотеку историка, не имеется об этом данных и в документах приемки библиотеки портрет не числится. Поиски продолжаются.

⁴² В. Г. Короленко. Полное собрание сочинений, т. II. Дневник. 1893—1894. [Полтава], 1926, стр. 311; ср. «История Московского университета», т. 1. М., 1955, стр. 359.

⁴³ Ученик Ключевского В. Н. Бочкарев, близко общавшийся с ним, свидетельствует, что Ключевский произнес свою речь в «Обществе истории и древностей российских» «по настоянию реакционной профессуры» (В. Н. Бочкарев. Василий Осипович Ключевский. К 120-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти. — Труды Научно-исследовательского института

языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 21. Саранск, стр. 170).

⁴⁴ ПДА, стр. 339.

⁴⁵ ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 1, д. 153, лл. 1—3. Печатный текст: «Памяти в бозе почившего государя императора Александра III. Речь, произнесенная в заседании имп. Об-ва истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г. председателем Общества В. О. Ключевским» (М., 1894). Это же издание цитируется ниже.

⁴⁶ Далее рассказывается об эпизоде с речью Ключевского памяти Александра III на основании архивов Мельгунова—Семевского, использованных в моей ранней статье о Ключевском (см. «Русская историческая литература в классовом освещении», т. II. М., 1930, стр. 240—245. Архив хранился в Коммунистической академии, ф. В. И. Семевского, св. 128, лл. 237—322).

⁴⁷ В. Г. Короленко, рассказывая о происшествии с речью Ключевского, заметил, что незадолго до события «Сочинения» Д. Фонвизина были изданы как приложение к одному из иллюстрированных журналов и тем обновались в памяти читателей (В. Г. Короленко. Указ. соч., т. II, стр. 314). Последние строки басни студентами были опущены как лишние — цитированные же заканчивались, как они считали, самым главным выводом.

⁴⁸ А. А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881—1914. Прага, 1929, стр. 60, 197.

⁴⁹ В. И. Орлов. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934, стр. 270.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 4. Привожу полный текст цитированного письма Марии Ильиничны Ульяновой к М. Н. Покровскому от 16 сентября 1929 г., за сообщение о котором благодарю О. Д. Соколова. «Дорогой Михаил Николаевич!

В одном из личных писем Владимира Ильича ко мне (я теперь эти письма подготавливаю к печати) есть такое место: „Напиши еще, если удобно, об истории в университете с Ключевским. Говорят, он какую-то лекцию читал, потом какую-то книгу издал. Я не видел даже заглавия этой книги; интересно бы узнать“ (письмо датировано 13 декабря 1894 г.).

Из работ Ключевского к этому времени относится его речь „Памяти в бозе почившего государя императора Александра III, произнесенная на заседании имп. Об-ва истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г.“.

Но та ли эта речь, о которой спрашивает Ильич и какая „история“ была в университете, не помню.

Если в Вашей памяти что-либо сохранилось об этом и Вы сможете мне помочь, буду Вам очень очень благодарна.

Крепко жму руку и от всей души желаю здоровья.

Москва, Кремль.

М. Ульянова».

Музей Революции СССР в Москве, № 31642-301, Д. Я. 48 (203).

⁵¹ В. Г. Короленко. Указ. соч., т. II, стр. 311.

⁵² Там же, стр. 312.

⁵³ Тайный надзор в декабре 1894 г. доносил: «Профессора Сеченов, Чупров, Ал. Веселовский, П. Виноградов, В. Ключевский, М. Корелин и В. Соболевский участвовали в подаче незаконной петиции его императорскому высочеству Московскому генерал-губернатору (великому князю Сергею Александровичу. — М. Н.) об изменении действующего университетского устава» (ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 7, 1894 г., д. 392, л. 18).

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 761.

⁵⁵ И. А. Линниченко. Василий Осипович Ключевский. Одесса, 1911, стр. 3. Ключевский выступал в свое время с критикой доклада Линниченко «Десятинная организация народа в Древней Руси» («Древности». Труды Московского археологического общества, т. XVII. М., 1900, стр. 70—72).

⁵⁶ ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 5, д. 322.

- ⁵⁷ ПДА, стр. 180—181, 441, 443—444, ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 411—412 (формуляр); ср. стр. 20.
- ⁵⁸ ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 1, д. 92. Далее цитирование второго абастуманского курса ведется по этому источнику.
- ⁵⁹ ПДА, стр. 182.
- ⁶⁰ В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. 2 (Власти), вып. 2 (Советники князя). СПб., 1896.
- ⁶¹ Там же, стр. 420.
- ⁶² Там же, стр. 428.
- ⁶³ Там же, стр. 337.
- ⁶⁴ Там же, стр. 427.
- ⁶⁵ Там же, стр. 427, 371—372; В. О. Ключевский. Боярская дума. М., 1882, стр. 106; В. И. Сергеевич. Указ. соч., стр. 429, 431, 434.
- ⁶⁶ В. И. Сергеевич. Указ. соч., стр. 438, 439, 441, 442.
- ⁶⁷ В. И. Сергеевич. Указ. соч., стр. 464.
- ⁶⁸ ВОР, стр. 98.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ См. рецензии на кн.: В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. 2 (Власти), вып. 2 (Советники князя). СПб., 1896 г. — С. А—в. — «Северный вестник», 1896, № 8, стр. 344—349; «Мир божий», 1896, № 8, стр. 13—17 (2-я пагинация); Н. Дебольский. — «Журнал юридического общества», 1896, № 9, стр. 7—12 (2-я пагинация); «Русская мысль», 1896, № 9, стр. 416—419 (2-я пагинация).
- ⁷¹ ПДА, стр. 178.
- ⁷² ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 10, 28.
- ⁷³ Н. А. Заозерский. 25-летие профессорской службы В. О. Ключевского в Московской духовной академии. — «Богословский вестник», 1896, № 12, стр. 475—489 (отдельный оттиск — Сергиев Посад, 1897); ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 28—29. Текст речи Ключевского не сохранился, ее кратко передает Заозерский в своей статье.
- ⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 9, 1897 г., д. 397, т. I, л. 99. За А. И. Яковлева ходатайствовали также В. Герье и другие профессора; ПДА, стр. 184.
- ⁷⁵ Е. В. Барсов. В. О. Ключевский как председатель Общества. — ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 37—40.
- ⁷⁶ ВОР, стр. 178—181, 195.
- ⁷⁷ Заметим, что по ряду диссертаций Ключевский выступал оппонентом и не будучи научным руководителем диссертанта. Его выступления всегда приковывали внимание ученого мира, вызывали оживленное обсуждение, имели историографическое значение. В 80-е годы XIX в. Ключевский был оппонентом по магистерской диссертации В. И. Семевского «Крестьяне в царствование Екатерины II» (1882 г.), по докторским диссертациям Г. И. Перетятковича «Поволжье в XVII и начале XVIII в.» (1882 г.), Д. И. Багаля «Очерки по истории колонизации степной Украины Московского государства» (1887 г.), В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века» (1889 г.). В 90-е годы XIX в. Ключевский выступал на диспутах: магистерском — Н. Н. Фирсова («Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII века») и докторском — Е. Е. Голубинского («История русской церкви»), давал отзывы и о ряде других.
- ⁷⁸ Об отзыве Ключевского на диссертацию П. Н. Милюкова, найденном мною в архиве, я докладывала в Институте истории АН СССР 12 марта 1942 г. («Исторический журнал», 1942, № 5, стр. 171—172). Текст отзыва опубликован: В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8, стр. 183.
- ⁷⁹ «Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», т. XXVIII (55 полумом). СПб., 1899, слово «Россия», подотдел «Источники русской истории и русская историография» (стр. 430—446, автор П. Милюков), цитированные строки на стр. 444—445.

- ⁸⁰ Имеется в виду журнал «Правда», рецензия М. Н. Покровского на первый том «Курса русской истории» В. О. Ключевского («Правда», 1904, март, стр. 211—215). Рецензия переиздана в сборнике М. Н. Покровского «Историческая наука и борьба классов», вып. II. М.—Л., 1933, стр. 48—53.
- ⁸¹ ПДА, стр. 172, 181. Я располагаю литографией переплетенных в один том курсов Ключевского, к подготовке которой причастны, по-видимому, и студенты Духовной академии. Литография получена мною от И. И. Артоболевского, за что приношу ему большую благодарность. На титульном листе значится в рамке с виньетками: «Русская история. Лекции, читанные в 1882/83 г. о[рдинарным] п[рофессором] Московского университета и духовной академии В. О. Ключевским». Первая часть (147 стр.) кончается обзором устройства Московского государства к концу XVI в., за нею следует на нумерованных страницах ее оглавление и список главнейших опечаток. Далее идет «Курс новой русской истории от Смутного времени до Екатерины II. 1883/4 академический год» (стр. 1—124), завершающийся манифестом 1762 г. о волюности дворянства. Дальше без заглавия следует курс истории «с половины XVIII столетия» (также отдельной пагинацией, стр. 1—180), завершающийся крестьянской реформой 1861 г. Том завершён переплетенным вместе с указанными лекционными курсами текстом «Пособия», имеющего свой отдельный титульный лист, также литографированный и окруженный затейливой рамкой с виньетками, на котором значится: «Пособие для приготовления к полукурсовому испытанию по русской истории. Составлено по курсу русской истории, читанному в 1890—91 г. профессором В. О. Ключевским. Москва». Число страниц «Пособия» 120. В дальнейшем от издания к изданию объем его увеличивался. Первое издание типографски отпечатанного «Пособия» в 1899 г. содержит 156 страниц.
- ⁸² См. запись в дневнике от 17 февраля 1903 г. (ПДА, стр. 281). Издание «Краткого пособия» 1909 г. вышло в свет во Владимире (разрешение от университета подписано деканом историко-филологического факультета М. К. Любавским, учеником Ключевского).
- ⁸³ «Краткое пособие по русской истории. Частное издание только для слушателей автора», изд. 2-е, доп. (Университетская типография. Страстной бульвар). М., 1900, стр. 6, 27, 46, 49, 50, 82, 87 и др.; В. Н. Бочкарев. Указ. соч., стр. 169.
- ⁸⁴ «Исторический вестник», 1900, сентябрь, стр. 1099—1100; «Педагогический сборник», 1900, т. V, стр. 445—448; «Русский архив», 1900, кн. 2—5, стр. 82—92; «Образование», 1900, № 12, стр. 63—67; «Вестник Европы», 1900, № 4, стр. 824—827; «Мир божий», 1901, № 8, отд. 2, стр. 109—112.
- ⁸⁵ ПДА, стр. 191.
- ⁸⁶ Там же, стр. 268, 269, 465, 466.
- ⁸⁷ Там же, стр. 185—189. В подлиннике много правки Ключевского, отмеченной в комментариях ПДА. Он тщательно искал выражения, выбирая наиболее осторожные. См. там же, стр. 270.
- ⁸⁸ В. О. Ключевский. Памяти А. С. Пушкина. — В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8, стр. 306—313. В речи Ключевского о Пушкине 1899 г. зазвучали мысли А. И. Герцена из книги «С того берега» (статья «La Russie»). Близки к выводам Ключевского следующие герценовские строки: «Я говорю о той внутренней силе, при помощи которой русский крестьянин сохранил, несмотря на унижительную дисциплину рабства, открытое и красивое лицо и живой ум, и который на императорский приказ образоваться ответил через сто лет громадным явлением Пушкина...» (А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. VI. М., 1955, стр. 199—200. Курсив наш. — М. Н.). Заметим, что основная идея речи Ключевского о Пушкине как о национальном поэте (что в ту пору еще вовсе не было

распространенным и общепринятым мнением) также полностью созвучна трактовке Пушкина А. И. Герценом в работе последнего «О развитии революционных идей в России».

⁸⁹ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8, стр. 308. Работа А. И. Герцена «С того берега» впервые легально появилась в России лишь в 1905 г. в составе 5-го тома его «Сочинений», изданных Ф. Павленковым (СПб., 1905) и отдельным изданием (изд. Ф. Павленкова же) в 1906 г.

⁹⁰ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8, стр. 309—311.

⁹¹ ПДА, стр. 189—191.

⁹² ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 412. «Высочайшим приказом за № 3 назначен ординарным академиком императорской Академии Наук по истории и древностям русским, сверх штата, со дня избрания, т. е. с 7 октября 1900 г., с оставлением в занимаемой должности». А. И. Яковлев неточно пишет, что Ключевский «от звания академика фактически отказался и довольствовался званием „сверхштатного члена Академии наук“» (А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 130). Каким-либо «отказом» Ключевского от звания академика мы не располагаем. При отсутствии штатных мест избрание «сверхштатным» академиком было тогда в обиходе.

⁹³ ПДА, стр. 279. Здесь и далее цитируется дело, хранящееся в ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 1, д. 166. Надо заметить, что инициал Плеве в первичной записи дан ошибочно: «Ф»; в последующих письмах и записях эта ошибка не повторяется и инициалы даются правильно: «В. К.»

⁹⁴ ПДА, стр. 279.

⁹⁵ Там же, стр. 193. В том же письме Я. Л. Барскову мы читаем, что «свалив с плеч» «Думу», Ключевский должен был приняться «за спешную срочную, притом просроченную работу», которая отняла у него две недели «и только третьего дня сдана на почту». Надо думать, послана в Петербург? Работа не названа. Может быть, это и есть та, о которой он договаривался с Плеве? Вопрос остается открытым, хотя последующие письма Ключевского к Плеве скорее подтверждают это предположение, нежели опровергают его.

⁹⁶ Там же, стр. 273—274.

⁹⁷ Там же, стр. 275—276.

⁹⁸ Там же, стр. 277.

⁹⁹ «Чествование В. О. Ключевского». — «Исторический вестник», 1901, № 12, стр. 1273—1276.

¹⁰⁰ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 406 (формуляр). Ввиду важности и недостаточной ясности вопроса, цитируем запись в университетском формуляре Ключевского: «За министра народного просвещения г[осподином] товарищем министра, как сообщено в предложении за попечителя Московского учебного округа г[осподина] помощника попечителя от 23 декабря 1901 г. за № 25864, назначен в пенсию полный оклад содержания, присвоенного должности ординарного профессора, т. е. по 3 тыс. руб. в год, со дня выслуги 30-летнего срока и исключения из числа штатных профессоров Московского университета с 1901, июля 8» (там же, стр. 412, формуляр).

Пенсионный оклад Ключевскому был, таким образом, положен равным окладу, присвоенному «должности ординарного профессора», т. е. по 3 тыс. руб. в год, со дня выслуги 30-летнего срока профессорской службы. В ряде случаев с разрешения министра за вышедшим на пенсию профессором сохраняли право чтения университетских лекций — это и был случай Ключевского. За прочитанные лекции ему сверх пенсии назначалось погодное «вознаграждение в размере 1200 руб. из сумм министерства» (там же, стр. 413). Постановление о таком вознаграждении возобновлялось каждый год, когда читались лекции; если лекции в данном году не читались, вознаграждение, естественно, не выплачивалось.

Как мы видим, ни на праве чтения регулярных лекций, ни на материальном благополучии переход на положение пенсионера для Ключевского не отразился, а по линии материальной даже улучшился на 100 руб.

в месяц посредством «вознаграждения из сумм министерства». Но на самочувствии всякого, а тем паче знаменитого ученого, этот переход не мог не сказаться. Для Ключевского переход этот смягчался надеждой на то, что новое его положение в университете даст ему возможность сосредоточиться на подготовке к печати своего «Курса».

Заработок Ключевского в 80—90-е годы XIX в. был по тем временам очень значителен. В университете он получал 3 тыс. руб. в год, в Духовной академии — тоже. К этим годичным шести тысячам прибавлялись небольшие суммы, получаемые на курсах Герье, а с 1900 г. — суммы за лекции в Училище живописи, ваяния и зодчества (по этим последним разысканий по бухгалтерским документам не произведено). С половины 1901 г. Ключевский стал получать, как указано выше, пенсию за выслуженные 30 лет профессорской работы. Авторский литературный заработок шел дополнительно, но Ключевский печатался в журналах довольно редко. «Курс» начал выходить лишь с 1904 г. В сумме у него получался заработок в среднем около 800 руб. в месяц. Много денег уходило на помощь пензенским родственникам, особенно многодетной сестре Елизавете Осиповне Вирганской.

¹⁰¹ Вопрос о замещении кафедры русской истории приват-доцентом М. К. Любавским отражен в фонде Министерства народного просвещения (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 151, д. 158); тут же — положительная характеристика Любавского, составленная сдержанно и конкретно (перечисление его трудов и прочитанных курсов), подписанная Ключевским и рядом профессоров. ПДА, стр. 277, 279.

¹⁰² Там же, стр. 280.

¹⁰³ ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 3, д. 1 (впервые издано в примечаниях к ПДА, стр. 471—472), последующие цитаты — из этого документа.

¹⁰⁴ ПДА, стр. 194.

¹⁰⁵ Там же, стр. 281; примечание, сделанное на стр. 472, надо признать неточным: абастуманского курса Витте не издавал; не вполне точно и примечание ПДА на стр. 474—475.

Точных данных о тираже курса, изданного Витте, у нас все же нет, поскольку свидетельству самого Витте о 20 экземплярах едва ли можно верить. С. Ф. Платонов пишет о 50 экземплярах (ВОК, стр. 96), Ключевский, со слов Я. Л. Барскова, пишет о 20-ти (ПДА, стр. 290) — возможно, Барсков указывает наименьшее число, щадя Ключевского. Трудно допустить, что Витте так вот взял да и отдал свой «последний» экземпляр в Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге. См. предисловие Я. Л. Барскова к V тому «Курса русской истории» Ключевского (М., 1921; на обложке 1922 г., стр. 4—5). Правдоподобнее, что в личной библиотеке С. Ю. Витте что-то осталось. Могло какое-то количество экземпляров «задержаться» и у тех чиновников Министерства финансов, которые готовили «Курс» к печати, правили корректуры, следили за изданием.

Несомненен тот факт, что издание Витте легло в основу нелегального переиздания 1907 г., вышедшего без имени автора и подпольно распродаваемого, — следовательно, получили же подпольные организации изданный Витте экземпляр или экземпляры, с которых вели перепечатку. Да и членов дома Романовых было более 20 человек, — не шел же Витте на риск — одному члену дома дать экземпляр, а другому отказать, ссылаясь на маленький тираж...

¹⁰⁷ ПДА, стр. 290.

¹⁰⁸ С. Ф. Платонов. Памяти В. О. Ключевского. — ВОК, стр. 96. Ссылка С. Ф. Платонова на газеты («по газетным сообщениям, графом С. Ю. Витте») в общем верна.

К главе восьмой

¹ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 413.

² ПДА, стр. 173, 194, 195, 196, 198, 199, 281, 282, 285—287.

- ³ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 21 (статья М. К. Любавского).
- ⁴ При этом не учтено чтение Ключевским лекций до курсов Герье: на Лубяньских женских курсах (по воспоминаниям слушательниц, по-видимому, с 1868 г.) чтение значительного цикла лекций в Политехническом музее; абастуманские курсы остаются, как и числятся по формуляру, в составе университетских академических лет. 16-летнее преподавание на курсах Герье засвидетельствовано у М. К. Любавского (ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 31). Добавим, что число лет, которое Ключевский проработал в Александровском военном училище, исчисляется по-разному: хорошо знавший Ключевского преподаватель училища Н. П. Нечаев считает, что Ключевский проработал в училище семнадцать лет — по 1881 г. (Н. П. Нечаев. Воспоминания о занятиях Ключевского в Александровском военном училище (там же, стр. 434—435). Мы берем для подсчета меньшую из указанных цифр.
- ⁵ Там же, стр. 27; ПДА, стр. 173.
- ⁶ ПДА, стр. 196.
- ⁷ Там же, стр. 280, 281, 197—198. Н. В. Давыдов в 80-е годы XIX в. был профессором по кафедре уголовного права в Московском университете, откуда и знакомство с ним Ключевского, позже — с 1897 г. — председателем Московского окружного суда.
- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 13, д. 270.
- ⁹ ПДА, стр. 285.
- ¹⁰ Там же, стр. 408.
- ¹¹ Там же, стр. 409 (здесь в тексте «оставившему», несогласованное с концом фразы. — М. Н.).
- ¹² Там же, стр. 409—410.
- ¹³ Там же, стр. 286. Лекции Ключевского, как известно, пронумерованы римскими цифрами; в интересах облегчения чтения текста мы заменили нумерацию лекций арабскими цифрами.
- ¹⁴ В. О. Ключевский. Курс русской истории. М., 1904 (1-е изд.) (далее — «Курс», I (1904). Слово «ряды» в данном случае означает «споры». «Курс русской истории» Ключевского делится на части: частью называется и каждый его том. Но тут и далее вместо слова «часть» употребляется условно только слово «том», поскольку часть имеет более широкий смысловой спектр. В последнем советском издании «Сочинений» Ключевского (1956—1959 гг.) на титульных листах употреблены оба термина параллельно, поскольку сохраняется на пяти первых томах его слово «часть», а книги всего восьмитомного издания именуются «томами».
- ¹⁵ ПДА, стр. 285—286; ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 413.
- ¹⁶ ПДА, стр. 198, 199.
- ¹⁷ Как видно из черновиков работы над «Курсом», этого запретного с научной точки зрения «слияния редакций» у Ключевского, собственно говоря, не было или оно встречалось редко. Он добивался логически связанного и приемлемого для него текста. М. Н. Покровский в пылу полемики воспользовался случайным неудачным оборотом из предисловия Ключевского к первому изданию первого тома «Курса» (1904).
- ¹⁸ «Курс», I (1904), стр. 1.
- ¹⁹ Там же, стр. 14, 9 (курсив наш. — М. Н.).
- ²⁰ Там же, стр. 15 (курсив наш. — М. Н.).
- ²¹ ВОК, стр. 189.
- ²² ПДА, стр. 282—283.
- ²³ Там же, стр. 283.
- ²⁴ Там же, стр. 283—284 (курсив наш. — М. Н.).
- ²⁵ Там же, стр. 288.
- ²⁶ «Курс», I (1904), стр. 8.
- ²⁷ ПДА, стр. 283.
- ²⁸ «Курс», I (1904), стр. 2.
- ²⁹ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1 (1956), стр. 410 (комм.).

- ³⁰ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1, стр. 411 (курсив наш. — М. Н.).
- ³¹ «Курс», I (1904), стр. 26, 27, 28.
- ³² Там же, стр. 27.
- ³³ «Курс», I (1904), стр. 28.
- ³⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1818, стр. XXV.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Н. Полевой. История русского народа, т. I. М., 1830, стр. XIII.
- ³⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, ч. 1. М., 1854, стр. IX (ср. введение к т. XIII).
- ³⁸ ВОК, стр. 194.
- ³⁹ «Курс», I (1904), стр. 26.
- ⁴⁰ Там же, стр. 27.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, стр. 34—35.
- ⁴³ Там же, стр. 38.
- ⁴⁴ «Курс», I (1911), изд. 4-е, стр. 2. Эта формула о Мәне и Фюстель де Куланже прошла через все издания первого тома и предыдущих литографий. Телеологическая формула дана там же: во всемирно-историческом процессе человечество ведет борьбу, «стремясь к целям, им себе поставленным» (стр. 2). Р. Ю. Виппер. Памяти великого учителя (Письмо в редакцию). — «Русские ведомости», 17 мая 1911, № 112, стр. 2.
- ⁴⁵ «Курс», I (1911), стр. 40 (2-я лекция).
- ⁴⁶ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1 (1956), стр. 383.
- ⁴⁷ Там же, стр. 383—384.
- ⁴⁸ Там же, стр. 73.
- ⁴⁹ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 7 (1959), стр. 163—169. В неопубликованных заметках Ключевского по варяжскому вопросу не только отражены его сомнения в «гипотезе норманистов», но предложено и такое решение ее, которое не совпадало с официально принятым. «Мы чувствовали в ней (в этой гипотезе. — М. Н.) много нескладного, но не решались сказать что-либо против нее. Мы ее сохранили как ученики ее создателей и не знали, что делать с ней, как преподаватели. Открывая свой курс, мы воспроизводили ее, украшали заученными нарядами и ставили в угол, как ненужный, но требуемый приличием обряд». Академик-иноземцев Байера и Миллера Ключевский упрекает в незнакомстве с русской Начальной летописью. Изучив ее, мы видим, пишет Ключевский, что «сказание о призвании князей не народное предание, а только составленная по народному преданию ученая теория русского книжника начала XII века». Байер и Миллер не знали ни происхождения, ни состава Начальной летописи, «они не могли и знать, что между ними и летописным сказанием стоит их же собрат по профессии, ученый русский книжник начала XII века и такой же решительный норманист, как и они». Можно сказать, что Ключевский в 90-е годы XIX в. приближается тут отчасти к более поздней концепции А. А. Шахматова. По мнению Ключевского, академикам-норманистам следовало «начинать изучение вопроса не с того, что случилось с варягами — Русью на новгородском Севере около половины IX века, а с того, почему русские книжные люди 2½ столетия спустя так представляли себе случившееся». Заметки по варяжскому вопросу хранятся в библиотеке им. Ленина (ОР ГБЛ, ф. 131, папка 1, д. 9, 11). Таким образом, «Курс» не только не отразил всей сложности взглядов Ключевского на «варяжский вопрос», но скорее затушевывал истинные его взгляды.
- ⁵⁰ М. Н. Тихомиров. К выходу первых трех томов собрания сочинений В. О. Ключевского. — «Вопросы истории», 1958, № 8, стр. 159. Академик М. Н. Тихомиров упрекает Ключевского за то, что тот «замолчал» в своем «Курсе» лучшие достижения русской культуры. Но было бы справедливо вспомнить при этом, что Ключевский заранее, во введении к «Курсу» ограничил себя лишь фактами политическими и экономическими; при этом

он сам соглашался с воображаемым критиком, упрекавшим его за это ограничение и выражал собственное недовольство по этому поводу, но ссылался на невозможность уложить необъятный круг явлений в рамки ответственных часов.

- 51 Ср. «Ответ Ключевского Д. И. Иловайскому». — В. О. Ключевский. Сочинения, т. 7, стр. 163, 166; «Курс», т. I (1904), стр. 300—302, ср. стр. 337, 338; перевод 11-й статьи «Русской Правды», данный Ключевским, опубликован Н. А. Рожковым (совместно с А. М. Большаковым) в «Хрестоматии по истории хозяйства России» (Л., 1925, стр. 85).
- 52 М. Н. Покровский. Новый труд по экономической истории России. — В его кн.: «Историческая наука и борьба классов», вып. II. М.—Л., 1933, стр. 74.
- 53 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 27. М., 1962, стр. 409.
- 54 «Курс», I (1904), стр. 335.
- 55 Там же, стр. 338.
- 56 Там же, стр. 356.
- 57 Там же.
- 58 ПДА, стр. 57 (письмо от 27 октября 1861 г.).
- 59 «Курс», I (1904), стр. 385.
- 60 Там же, стр. 406.
- 61 Там же, стр. 416.
- 62 Там же, стр. 439.
- 63 Там же, стр. 427.
- 64 Там же, стр. 427—431.
- 65 Там же, стр. 431.
- 66 Там же, стр. 444, 450—453.
- 67 Там же, стр. 414.
- 68 Там же, стр. 445—448.
- 69 ПДА, стр. 286—287. В дневнике с отметкой в конце «26 дек[абря]», очевидно, 1903 г., но под записью от 30 [апреля] 1903 г. (это у Ключевского случается — по-видимому, запись вносится или заканчивается позже более ранней даты) Ключевский записал красным карандашом: «Сопоставляя удельные и феодальные отношения, мы замечаем в тех и других сходные черты, но не нашли сходства начал, оснований. Теперь можно объяснить происхождение этой видимой несообразности. Она произошла оттого, что политическая жизнь феодальной Европы и удельной Руси шла в противоположных направлениях. На Западе синьории и баронии, на которые распалась империя Карла В[еликого], формировались по образцу целого, которое они разрушали, и даже мелким феодалам передавали черты своего склада, какие тем дозволено было воспринять и какие они в состоянии были воспринять от своих первообразов. Феодальная Европа была, собственно, развалившаяся империя Карла В[еликого], из которой рефлексивно и с местными преломлениями феодальный порядок распространялся потом в соседних с ней странах. У нас, напротив, удельный порядок сложился не из развалин очередного, не в пределах Киевской Руси, а сбоку ее, в соседнем окско-волжском междуречье, как новая политическая постройка на свежем финском пустыре. Бесформенная политическая масса колонистов перенесла сюда с брошенных пепелищ только два прочные кадра политического и гражданского порядка: это были князь со своими державными правами и боярин со своими холопами. Первый образцовал удельное княжество, новую политическую форму, а второй восстановил на новом социальном грунте старую боярскую вотчину, село с челядью и с вольнонаемным закупом-крестьянином. Но не княжеский удел сложился по типу боярской вотчины, а Московское государство, собравшее уделы, сформировалось по образцу своих составных частей и составило вотчину своих собирателей, московских государей. Так на феодальном Западе политическая жизнь шла сверху вниз, путем дробления целого на части, а в удельной Руси обратно — снизу вверх, путем сложения частей в целое. Там низшие политические формации усваивали форму выс-

шей, которую они разрушали, а у нас, напротив, высшая форма усваивала форму низших, из которых она слагалась. Путь одинаков там и здесь, но неодинаковы направления хода, отсюда сходство явлений и различие процессов» (там же, запись 26 декабря 1903 г.).

Н. П. Павлов-Сильванский, не знавший этой дневниковой записи Ключевского, мог бы из нее почерпнуть дополнительные доводы в пользу того вывода, что Ключевский, сам того не сознавая, приводит данные в пользу феодализма на Руси.

⁷⁰ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в Древней Руси. Пг., 1924, стр. 24; ср. А. В. Черепнин. Изучение русской истории. — «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, стр. 299 и сл.; «Курс», I (1904), стр. 452.

⁷¹ «Курс», I (1904), стр. 455—456.

⁷² ПДА, стр. 288.

⁷³ Там же, стр. 305.

⁷⁴ Там же, стр. 289.

⁷⁵ Там же, стр. 289—290.

⁷⁶ «Курс», I (1904), стр. 2—3 (ср. «Курс» 2-го изд.). Ср. комментарии к первому тому «Сочинений» Ключевского (М., 1956, стр. 380—381).

⁷⁷ «Курс», I (1904), стр. 6.

⁷⁸ Там же, стр. 5—6 (ср. «Курс» второго издания).

⁷⁹ Ср. «Курс», I (1904), стр. 226 (конец 9-й лекции). Ср. первый том 2-го изд., там новый текст конца лекции, сохраненный во всех последующих изданиях.

⁸⁰ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1 (1956), стр. 33.

⁸¹ «Научное слово», 1904, кн. 3, стр. 121—138 (есть и отдельные оттиски).

⁸² Журнал «Правда», 1904, март, стр. 211—215 (перепечатано в кн.: М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов (историографические очерки и критические заметки). М.—Л., 1933, стр. 48—53).

Личная библиотека Ключевского была передана его сыном Румянцевскому музею (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Собрание историка, к сожалению, «растворилось» в общей массе книг и найти именно тот номер журнала, который был у Ключевского, нам пока не удалось (было предположение, что на полях журнала могут быть заметки историка).

⁸³ «Научное слово», 1904, кн. 8, стр. 117—132 (перепечатано в кн.: В. О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913). В первом разделе этой статьи перепечатан неподписанный некролог С. М. Соловьева (автор Ключевский), опубликованный сразу после смерти историка в «Критическом обозрении», 1879, № 2, стр. 37—40 (ср.: В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8, стр. 478).

⁸⁴ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8, стр. 354, стр. 357 («...о закономерности в истории»); ср. стр. 366 («Редко когда идея исторической закономерности подвергалась такому искушению, как в последней четверти XVIII века»).

⁸⁵ Даты политических и военных событий тут, как и ранее, чтобы не вносить противоречия с дневником Ключевского, поставлены по старому стилю.

⁸⁶ А. И. Яковлев. В. О. Ключевский (1841—1911). — «Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 6. Саранск, 1946, стр. 131.

⁸⁷ У Ключевского имеются дневниковые материалы двух родов. Дневник в отдельной тетради, с записью обычного типа; чаще всего в таком дневнике запись носит характер скупой регистрации событий, дат, примечательных фактов и т. п., но оценка их, авторская точка зрения, как правило, отсутствует. Другой тип записи — на отдельных листах или чистых оборотах листов, а также на отдельных клочках бумаги. Соединенные вместе в хронологическом порядке редакторами ПДА, они печатались как «дневниковые записи», у меня в тексте применено к этому материалу выраже-

ние «второй» дневник. Тут гораздо чаще встречаются личные авторские оценки событий.

⁸⁸ Судя по характеру записи, она лапидарна, содержит много сокращений, намечены лишь приблизительные формулировки мыслей, записаны наиболее удачные из найденных оборотов. Здесь и далее запись приводится не полностью, а лишь в отдельных выдержках (ПДА, стр. 306).

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, стр. 292—293.

⁹¹ Там же. В ПДА в первую строку цитируемого текста внесена, на мой взгляд, не совсем удачно, эмендация: у Ключевского «по Житной прошла...» женский род глагола сочтен опiskой и поправлен на: «По Житной прошли...» Мне представляется сейчас более правильным предположение о сознательном пропуске Ключевским подлежащего «демонстрация»

⁹² ПДА, 292. Соответственной записи во «втором» дневнике нет.

⁹³ Эти слова в устном рассказе переданы мне Борисом Михайловичем Овчинниковым, позже я прочла ту же формулу у Кизеветтера (*М. В. Нечкина*. В. О. Ключевский. — «Русская историческая литература в классовом освещении», т. II. М., 1930, стр. 247). Где именно происходило это собрание в Татьянин день, данных у меня нет.

⁹⁴ *Е. А. Ефимовский*. Лекции В. О. Ключевского в жизни московского студенчества. — «Известия Общества славянской культуры», т. I, кн. 1, 1912, стр. 12.

⁹⁵ Там же, стр. 10—11.

⁹⁶ ВОК, стр. 156.

⁹⁷ Там же, стр. 155—156.

⁹⁸ Там же, стр. 156—159.

⁹⁹ Там же, стр. 160. Заметим, однако, что в «первом» дневнике записи Ключевского, прерванные на 21 января 1905 г., возобновляются 5 мая — под этим числом отмечается рескрипт об учреждении Постоянного совета государственной обороны со ссылкой на «Московские ведомости». Сомнительно, чтобы Ключевский читал эту газету будучи в Петербурге: он мог получить более свежую информацию из петербургских газет. Поэтому встает вопрос, правильно ли А. Ф. Кони датирует время возвращения Ключевского в Москву с заседания комиссии Кобеко. Не точнее ли «начало мая»?

¹⁰⁰ ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 22.

¹⁰¹ ВОК, стр. 160 (свидетельство А. Ф. Кони).

¹⁰² «Протоколы заседаний совещания под личным его императорского величества председательством для обсуждения предначертаний, указанных в высочайшем рескрипте 18 февраля 1905 г.: 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 года». СПб., 1905 (На правах рукописи). Заграничное издание: «Петергофское совещание о проекте Государственной думы под личным его имп. вел. председательством. Секретные протоколы» (далее — «Петергофское совещание...») Eberhard Frowein Verlag. Berlin, 5/a. В тексте цитируется последнее издание. Выступления Ключевского на стр. VI, XV, 7, 70, 78, 120—124, 185—187.

Петергофские совещания и выступления на них Ключевского освещены также в воспоминаниях участника совещания Н. С. Таганцева (*Н. С. Таганцев*. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905—1906 гг., вып. 1. Пг., 1919, стр. 13, 22—23, 29, 36—37).

¹⁰³ ПДА, стр. 308—309.

¹⁰⁴ Там же, стр. 306—308.

¹⁰⁵ Там же, стр. 308.

¹⁰⁶ Там же, стр. 294, 311; *А. Чулошников*. К истории манифеста 6 августа 1905 г. — «Красный архив», 1926, т. 1 (14), стр. 262—270.

¹⁰⁷ «Петергофские совещания...», стр. 70.

¹⁰⁸ Там же, стр. 79.

- 109 «Петергофские совещания...», стр. 79.
 110 Там же.
 111 Там же, стр. 120—124.
 112 ВОК, стр. 215.
 113 «Красный архив», 1926, т. 1 (14), стр. 270; ПДА, стр. 292; С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II. М., 1960, стр. 346, 347, 349, 350, 379, 388, 548.
 114 ПДА, стр. 202.
 115 Там же, стр. 292—293.
 116 Там же.
 117 «Русское слово», 14 (27) мая 1911 г., № 110; «Уфимский вестник», 29 мая 1911 г.
 118 ПДА, стр. 294—295.
 119 ПДА, стр. 309—310.
 120 ПДА, стр. 295.
 121 Там же, стр. 295—296.
 122 Там же, стр. 296—297 (слово «требуемый» выделено мною. — М. Н.).
 123 Там же, стр. 297.
 124 Там же.
 125 Там же, стр. 310.
 126 Там же, стр. 310—311.
 127 ВОК, стр. 216, 215, 212.
 128 Максим Ковалевский. В. О. Ключевский. — «Вестник Европы», 1 июня, 1911, кн. 6, стр. 406, 407, 410.
 129 ПДА, стр. 297; см. подборку «Ключевский на выборах в I Государственную думу» (без подписи). — «Русское слово», 14 мая 1911 г.; С. Вознесенский. Памяти Василия Осиповича Ключевского. — «Русская школа», 1911, т. III, № 9—10 (сентябрь—декабрь), стр. 126—138. Близкий к этому вопросу С. Вознесенский замечает, что у Ключевского «не создано тесных отношений с представителями интеллигенции... Он как-то загадочно привлекал ее к себе... но она никогда не чувствовала его близким себе и не всегда его понимала» (С. Вознесенский. Памяти Василия Осиповича Ключевского, стр. 127).
 С. А. Пионтковский в книге «Буржуазная историческая наука в России» (М., 1931, стр. 33) утверждает, что Ключевский был выставлен в I Думу в списке кадетов по Москве и в списке октябристов по Сергиеву Посаду. Это не соответствует действительности. Избираться можно было лишь в каком-либо одном месте. Ключевский был выдвинут лишь по Сергиеву Посаду в объединенном списке кадетов и октябристов.
 130 ПДА, стр. 203—204; ЦГИА СССР, ф. 1341, оп. 538, д. 297.
 131 Далее цитируется текст второго тома по последнему изданию, просмотренному автором перед смертью (издано посмертно: «Курс русской истории проф. В. Ключевского», ч. II (изд. 3-е). Единственный подлинный текст. М., 1912). Это необходимо сделать потому, что в моей работе используются при анализе структуры тома авторские формулировки оглавления, не воспроизведенные во втором томе советского издания.
 132 «Курс», II (1912), стр. 406—407.
 133 В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1 (1956), стр. 6, 7, 9, 11—12, 408—410; т. 2 (1956), стр. 42—44, 409, 411.
 134 А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 125.
 135 В. О. Ключевский. Сочинения, т. 2 (1956), стр. 49.
 136 Там же, стр. 21, 22, 23, 42, 43, 51, 52, 400—402; ср. «Курс», II (1906), стр. 45, 53.
 137 В. О. Ключевский. Сочинения, т. 2 (1956), стр. 14; ср. «Курс», II (1912), стр. 46, 47, 56, 57, 58, 102, 104 (курсив наш. — М. Н.).
 138 М. Горький. Лев Толстой. — М. Горький. Собрание сочинений, т. 14. М., 1951, стр. 257.
 139 «Курс», II (1912), стр. 138.
 140 Там же, стр. 148.

- ¹⁴¹ Там же, стр. 151.
- ¹⁴² Там же, стр. 158.
- ¹⁴³ Там же, стр. 176.
- ¹⁴⁴ Там же, стр. II (дополнительной пагинации). Как принято в «Курсе» Ключевского, его периодизация, обоснованная во вводных лекциях, не дает соответственных рубрик и подзаголовков больших отделов, она отчетливо отражена лишь в изложении лекций, в самом их тексте. Важно отметить, что крупные общие заглавия в оглавлении (набранные курсивом) и объединяющие собою ряд глав, несмотря на их большую структурную важность, также не введены в состав обобщающих заглавий, расположенных в тексте книги под номером лекций. Удивительна эта разница в оглавлении и в тексте. Набранные курсивом заглавия оставлены Ключевским только в оглавлениях, а в заголовках вообще «не видны». Отсюда необходимость при изучении структуры тома делать ссылки на авторское оглавление, не всегда адекватное перечню пунктов изложения под номером лекции и на полях: авторское оглавление всего тома в этом отношении — документ уникальный и нередко более полный, чем остальные перечни пунктов под номером лекции и на полях.
- ¹⁴⁵ «Курс», II (1912), стр. 185, 218—220, 230—232.
- ¹⁴⁶ Там же, стр. 232, 239.
- ¹⁴⁷ Там же, стр. 372—373.
- ¹⁴⁸ Там же, стр. 432, 492, 511.
- ¹⁴⁹ Там же, стр. 515.
- ¹⁵⁰ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1 (1956), стр. 33.
- ¹⁵¹ А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 131.
- ¹⁵² ПДА, стр. 204—205.
- ¹⁵³ Там же, стр. 301.
- ¹⁵⁴ Там же, стр. 395—396, 383, 384.
- ¹⁵⁵ Там же, стр. 206—207. Отчет о заседании Московского дворянского собрания, возмущивший Ключевского, был напечатан в «Русских ведомостях» не 17 декабря 1906 г., как ошибочно указано в ПДА (стр. 454), а 16 декабря. Как правильно заметила Р. Г. Эймонтова, Ключевский («Недворянин») несомненно написал свой отклик на этот отчет в тот же день 16 декабря: на следующий день 17 декабря в той же газете появилась передовая статья, открыто осуждавшая поведение московского дворянства, что, очевидно, и вызвало решение Ключевского не отсылать своего письма в редакцию, поскольку оно совпало с мнением передовой статьи.
- ¹⁵⁶ ПДА, стр. 302, 293, 382. Возможно, что записи эти, датируемые «не ранее 20 июня 1906», относятся к истории ухода Ключевского из Духовной академии.
- ¹⁵⁷ М. Голубцова. Воспоминания о В. О. Ключевском. — «У Троицы в Академии». М., 1914, стр. 676. По формуляру Ключевского дата прекращения лекций в Духовной академии более ранняя, но формально, поскольку в Академии все еще надеялись уговорить Ключевского и не снимали его лекций с расписания (а он на них не являлся), переговоры длились и заняли много времени (ср. «Русское слово», 7 (30) мая 1911 г., стр. 3; автор не указан. Фамилия М. Д. Муретова в газете ошибочно передана как «Муратов»).
- ¹⁵⁸ ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 413 (формуляр); там же, стр. 9; «Русское слово», 7 (30) мая 1911 г., стр. 3; Н. Богородский. Василий Осипович Ключевский (Воспоминания слушателя). — «Полоцко-Витебская старина», 1911, кн. 1, ч. I, стр. 1, 2, 8.
- ¹⁵⁹ Н. Богородский. Указ. соч., стр. 3, 6, 12.
- ¹⁶⁰ ПДА, стр. 312—313, 384.
- ¹⁶¹ «Русские ведомости» от 17 марта 1907 г. Член Государственной думы от города Москвы М. Я. Герценштейн был убит черносотенцами в Финляндии в июле 1906 г. (ПДА, стр. 476).

¹⁶² Текст третьей части «Курса русской истории» Ключевского далее цитируется не по последнему советскому изданию 1957 г., а по изданию 1912 г. (первому посмертному). Причины этого таковы: третья часть «Курса» в советском издании 1957 г. воспроизводится по первому ее изданию 1908 г., которое редакторы избрали, вероятно, в силу того, что оно было последним прижизненным. Но, по-видимому, не было учтено то обстоятельство, что Ключевский успел перед смертью произвести подготовку второго издания третьего тома, которое вышло уже после его смерти, в 1912 г. Вот что пишет по этому поводу А. А. Кизеветтер, взявший на себя после смерти историка наблюдение над готовившимся вторым изданием третьей части «Курса» (цитирую предисловие ко второму изданию 1912 г., не использованное комментаторами последнего советского издания): «Настоящее второе издание третьей части *Курса русской истории* выполнено уже по кончине автора Курса. При выполнении этого издания были использованы те поправки и отметки, которые были сделаны самим Василием Осиповичем на полях авторского экземпляра первого издания (1908 г. — М. Н.) этой книги. Эти поправки носят преимущественно стилистический характер. Все они совершенно приготовлены для внесения в текст и снабжены точными корректурными знаками. Поэтому при настоящем издании поправки этого рода включены в самый текст». Далее говорится: «Но в трех местах книги Василием Осиповичем были сделаны указания общего характера относительно некоторых дополнений и исправлений, которые он предполагал выполнить с течением времени. В приложениях к настоящей книге один из ближайших учеников Василия Осиповича (т. е. А. А. Кизеветтер. — М. Н.) сделал попытку развития и разъяснения читателю этих кратких предварительных указаний».

В упомянутых «Приложениях» на стр. 477—480 точно воспроизводится текст «предварительных замечаний» Ключевского и дается к ним убедительный комментарий. Первое замечание относится к 44-й лекции, трактующей «Ближайшие следствия Смуты» и в составе пунктов плана которой, указанных в оглавлении и отраженных в маргинальных заглавиях, значится пункт: «Упрощение верховной власти» (стр. 100—104). Упрощение это Ключевский, по-видимому, понимал, как поглощение принципа избирательности верховной власти принципом ее наследственности («Приложения», ч. III, 1912, стр. 477). Вопрос, как видим, очень существенный. Второе замечание Ключевского относилось к началу лекции 48-й, посвященной местному управлению XVII в., к пункту «Губные старосты» (стр. 191—192): «Привести в своде расходы на воеводу по Тотмее. „Чтения Общ. ист. и др.“, 1908 г., кн. 4, Смесь». Там приводятся расходы: «1) по месячному корму воеводе «по уговору мирских людей», деньги, приносимые воеводе в «бумажке» в праздничные дни, когда «воевода звал к себе хлеба есть»; 2) поздравительные деньги слугам воеводы по случаю разных семейных праздников; 3) периодическая покупка на воеводский двор разных съестных припасов; 4) покупка на воеводский двор разных предметов хозяйственного обихода; 5) оплачивание различных работ на воеводском дворе; 6) уплаты воеводским служителям за различные их служебные посылки по приказу воеводы» (перечень А. А. Кизеветтера, стр. 478 «Приложений»). Третье и последнее указание Ключевского относится к концу 51-й лекции, к стр. 299, к приведенной там таблице распределения всей тяглой массы по разрядам владельцев. Около этой таблицы Ключевский сделал пометку: «Перестроить по итогу 833 тысячи. Млк. 268» — последнее сокращение является ссылкой на работу П. Н. Милокова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (СПб., 1892). Тут же, в «Приложениях», приведена новая таблица в соответствии с рубриками Ключевского (стр. 480 «Приложений»).

Перечисленные данные приводят к бесспорному выводу, что послед-

ним выражением авторской воли относительно текста третьего тома «Курса» является не издание 1908 г., воспроизведенное в советском восьмитомнике, а первое посмертное издание 1912 г.

163 Всякий, знакомый с «Курсом русской истории» Ключевского, знает, что заглавий его лекции не имеют, — только номера (римские цифры). Но роль развернутого заглавия играет подробный перечень пунктов содержания под номером главы. Маргинальных заглавий, столь характерных для последующих изданий «Курса» (т. е. обозначений пунктов изложения на полях страниц), в первом издании первого тома вообще нет. Ключевский ввел это нововведение, представляющее большое удобство для читателя, особенно студента, лишь во втором издании первого тома и сохранил в последующих изданиях. Но готовя второе издание первого тома, он усовершенствовал этот перечень пунктов на полях, внес в него много существенных изменений, отбросив ряд прежних формулировок. По недосмотру сына-секретаря — эти новые, переработанные автором маргинальные названия не были отражены в составе подзаголовка, стоящего впереди главы под ее номером: сын Ключевского в этом случае механически перенес старый перечень пунктов из первого издания во второе, — возникло расхождение между старым перечнем пунктов под номером главы и новыми формулировками пунктов на полях. В следующих изданиях первого тома это было исправлено. Но, увы! Издатели советского восьмитомного собрания «Сочинений» Ключевского (1956—1959 гг.), взяв за основу именно второе издание «Курса», воспроизвели в нем ошибку секретаря и напечатали старый перечень пунктов первого издания под номером главы, сохранив его явное расхождение с усовершенствованными автором новыми заглавиями пунктов на полях, и, что особенно досадно, воспроизвели устаревший и противоречащий авторской воле перечень пунктов в общем оглавлении всего курса, приложенном в конце пятого тома. В оглавлениях же отдельных томов в восьмитомном собрании «Сочинений», опять-таки против воли автора, даны лишь глухие номера глав, найти по которым какую-либо определенную тему вообще невозможно. В данном отношении последнее издание отстало даже от издания 1937 г., где этой ошибки не было совершено. Замечу также, что ни в одном из прижизненных изданий Ключевский не допустил набора названия пунктов в виде собственных учебникам типографских «фонариков» — он не хотел их столь глубокого вторжения в текст, цельностью которого дорожил; все названия пунктов расположены только на пространстве поля страницы не тесня текста. Между тем последнее советское издание «Курса» применило набор названий пунктов «фонариками», что не соответствует оформлению текста, принятому автором.

164 См. комментарий А. А. Зимина и В. А. Александрова к третьему тому «Сочинений» Ключевского (М., 1957, стр. 370—373). Далее название «Черновая [тетрадь] III части» передается для сокращения через ее более краткое заглавие: «Черновая».

165 «Русская мысль», 1907, кн. 1, стр. 1—18. Этот текст совпадает с текстом «Курса».

166 «Курс», IV (1910), стр. 474—475; III (1912), стр. 4. Надо заметить, что, поместив перед первым признаком слова «Во-первых», Ключевский, нарушая правила стилистики, забыл поместить в дальнейшем перечне выражения «во-вторых», «в-третьих» и т. д. Вероятно, тут сказалась некоторая спешка в подготовке текста к печати. Поэтому мы вынуждены ставить условные цифры, цитируя признаки, каждый раз оговаривая эту поправку (В. О. Ключевский. Сочинения т. 3 (1957), стр. 31, а также стр. 4). То, что закрепощение крестьян Ключевский относит к последней — четвертой — рубрике «Главные факты», которую он назвал еще раньше в «Введении» «фактами экономическими», видно также из его общей сводки «Главных новых фактов» («Курс» III (1908), стр. 4).

167 В. О. Ключевский. Сочинения, т. 1 (1956), стр. 34.

- 168 «Курс», III (1908), стр. 4, 5.
 169 Там же, стр. 6.
 170 Там же, стр. 7.
 171 Там же, стр. 7—8.
 172 Там же, стр. 8, 9, 10, 11.
 173 Там же, стр. 13.
 174 Там же, стр. 13—14.
 175 Там же, стр. 14.
 176 Там же.
 177 В. О. Ключевский. Сочинения, т. 8 (1959), стр. 177—183.
 178 «Курс», III (1908), стр. 32 (курсив наш. — М. Н.).
 179 Там же, стр. 45, 55, 56.
 180 Там же, стр. 56, 57.
 181 Там же, стр. 31; В. О. Ключевский. Сочинения, т. 3 (1957), стр. 27, 28, 378.
 182 «Курс», III (1908), стр. 59, 72.
 183 Там же (1912), стр. 271, 99, 55, 72, 78, 44, 33.
 184 Там же, стр. 225, 76, 97, 306, 80, 79.
 185 Там же, стр. 98, 101, 105, 106, 107, 243, 270, 271, 274.
 186 «Курс», II (1912), стр. 424, 425; ср. III (1912), стр. 207, 208, 209.
 187 «Курс», III (1912), стр. 222, 224, 237, 239.
 188 Там же, стр. 239, 240, 241.
 189 Там же, стр. 112, 167—170, 168, 169, 286—290.
 190 В. О. Ключевский. Сочинения, т. I (1956), стр. 42.
 191 ПДА, стр. 213. В связи с этим надо цитировать титул с обозначенным годом выхода (1910), но пояснять создавшуюся ситуацию. В комментарии к четвертому тому «Сочинений» Ключевского упоминание 1909 г., как года его издания, без пояснений может вызвать недоразумение, — читатель книгу 1910 г. станет принимать за второе издание четвертого тома «Курса».
 192 ПДА, стр. 389.
 193 ПДА, стр. 387; В. О. Ключевский. Сочинения, т. 4 (1958), стр. 364.
 194 ПДА, стр. 208, 209—210.
 195 Там же, стр. 210.
 196 «Русское слово», 4 (17) апреля, 1909 г.; то же: «Русские ведомости», 4 апреля 1909 г.; В. Рудаков. Памяти В. О. Ключевского. — «Исторический вестник», 1911, № 6, стр. 984. Вот текст этого письма в редакцию, до сих пор не перепечатывавшийся:
 «Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты сказать слово глубокой благодарности неизвестной мне даме, входившей 21 минувшего марта, в 6 часов вечера, в храм Христа Спасителя вместе с моею женою. Мне удалось узнать, что именно ее настоянию обязан я тем, что мою жену, пораженную в ту минуту ударом, отвезли прямо домой и что именно она расслышала наш адрес в последних словах умиравшей.
 Буду надеяться, что настоящее письмо дойдет до неизвестной; может быть она не найдет для себя обременительным сообщить мне, как все было.

В. Ключевский.

Москва, Житная ул. (у Серпуховск[их] ворот), д. № 14, тел. 10-49».

- 197 ПДА, стр. 210, 211.
 198 ЧОИДР, 1914, кн. 1, стр. 21.
 199 Там же.
 200 Там же; ПДА, стр. 212, 213; датировка этого письма формулой «ранее декабря 1909 года», думаю, чрезмерно затянутая дата. Ясно, что «перерыва» в чтении лекций Ключевский просил до начала 1909/10 учебного года, т. е. до сентября, иначе ему пришлось бы или сорвать объявленное расписание или читать лекции, будучи больным. Да и юбилей нельзя же приготовить за пять дней. Это письмо должно быть или одновременным

с письмом к Р. Ю. Випперу, или лишь немного расходиться с ним в дате (23 мая 1909 г.). К тому же сын уже поговорил о перерыве в чтении лекций с М. К. Любавским.

Любавский допустил неточность в названии юбилея, сказав, что отмечалось «30 лет профессорской деятельности Ключевского». Такой юбилей уже был отпразднован в 1901 г. (начало профессорской деятельности, как известно, исчислялось с 1871 г. — первого года преподавания в Духовной академии), что Любавский должен был бы знать; теперь же речь шла о 30-летию профессорской деятельности в Московском университете, которая началась, как известно, 5 декабря 1879 г.

201 «Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому». М., 1909.

202 С. Котляревский. Что дает «Боярская дума» В. О. Ключевского для государственоведения. — «Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому». М., 1909, стр. 252—253.

203 ПДА, стр. 398.

204 «Юбилей проф. В. О. Ключевского». — «Исторический вестник», 1910, № 1, стр. 378—380; ПДА, 456; С. А. Белокуров. В. О. Ключевский. Материалы для его биографии. — ЧОИДР, 1914, кн. 1, отд. III, стр. 9.

205 В своем (неопубликованном) письме издателю «Русской старины» П. Н. Воронову Ключевский пишет: «Что до запроса Вашего о портрете, могу сказать только, что затрудняюсь указать Вам лучшую карточку, потому что у меня нет никакой, и я совершенно равнодушен к этому делу, чтобы не сказать более» (ЦГВИА, ф. 253, оп. 1, д. 166, л. 5 об.).

Телеграмма графа С. Ю. Витте послана точно в день юбилея — 5 декабря. В тексте телеграммы ошибочно передано «преклоняюсь» вместо «преклоняясь». Слова «с днем тридцатилетнего юбилея» подчеркнуты синим карандашом, вероятно, Ключевским (ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 5, д. 101).

206 ПДА, стр. 284—285, 303, 304 (в подлиннике — разрядка. — М. Н.)

207 Там же, стр. 268, 326, 313, 365, 366, 391, 393.

208 Там же, стр. 385, 392.

209 «Курс», III (1912), стр. 14 (подчеркнуто Ключевским красным карандашом); ПДА, стр. 393, 392 (слово в квадратных скобках «зажать» читается предположительно), 394.

210 «Курс», IV (1912), стр. 321; ПДА, стр. 393; ср. В. О. Ключевский. «Сочинения, т. 8 (1959), стр. 455.

211 «Курс», IV (1912), стр. 55, 63, 77, 211.

212 Там же, стр. 290, 291, 278.

213 Там же, стр. 283, 284.

214 Там же, стр. 284, 285; ср. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 337, 467.

215 «Курс», IV (1912), стр. 129, 131, 133.

216 Там же, стр. 292, 293 (курсив наш. — М. Н.); ПДА, стр. 353.

217 «Курс», IV (1912), стр. 419, 429, 431, 432.

218 Там же, стр. 433, 434.

219 Там же, стр. 437.

220 Там же, стр. 474, 476, 477, 478.

221 «История Московского университета», т. 1. М., 1955, стр. 374, 375.

222 ПДА, стр. 411, 412.

223 Там же, стр. 304. Под «дверным голосованием» подразумевается утвердившаяся еще в английском парламенте форма голосования — выходить голосующим «за» предложение в одну дверь, а «против» в другую. Не решившие как им быть священники оказались в смешном положении.

224 Там же, стр. 214—215. Типографски набранный листок с опечатками вклеен перед текстом четвертого тома с указанием места напечатания листка: «Типография Московского городского Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых, 1914».

225 Там же, стр. 411.

- 226 А. Е. Пресняков. В. О. Ключевский. — «Русский исторический журнал», кн. 8, 1922, стр. 210. С. Вознесенский. Памяти Василия Осиповича Ключевского. — «Русская школа», т. III, 1911, № 9-10, стр. 127.
- 227 В. О. Ключевский. Сочинения, т. 5 (1958).
- 228 Там же, стр. 5, 6, 26.
- 229 Там же, стр. 28, 34, 35, 37, 38, 39.
- 230 ПДА, стр. 388 (датируется не ранее 27 ноября 1908 г.), стр. 396, 397, 385.
- 231 В. О. Ключевский. Сочинения, т. 5 (1958), стр. 67, 413; ПДА, стр. 385.
- 232 В. О. Ключевский. Сочинения, т. 5 (1958), стр. 380.
- 233 Там же, стр. 107.
- 234 Там же, стр. 109, 111.
- 235 М. А. Голубцова. Воспоминания о В. О. Ключевском. — «У Троицы в Академии. 1814—1914 гг.». Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914, стр. 680. В письме А. Ф. Кони от 24 января 1911 г. Ключевский пишет: «Р. S. Лежу третий месяц в больнице после операции».
- 236 ПДА, стр. 215.
- 237 Там же, стр. 315.
- 238 Там же, стр. 315—316.
- 239 Текст этот, в то время еще неопубликованный, впервые был оглашен в моем докладе в Ташкенте во время эвакуации на заседании Института истории АН СССР. См. сообщение о докладе в «Историческом журнале», 1942, № 5, стр. 171—172. Впервые опубликован в восьмитомнике «Сочинений» Ключевского (т. 5, стр. 458).
- 240 В. О. Ключевский. Сочинения, т. 5 (1958), стр. 458; ПДА, стр. 316—317.
- 241 ПДА, стр. 371.
- 242 Там же, стр. 317.
- 243 ПДА, стр. 316—317 (запись 27 февраля 1911 г.).
- 244 ОРФ ИИ СССР, ф. 4, д. 26. Опубликовано в т. 5 восьмитомника «Сочинений» Ключевского.
- 245 В. О. Ключевский. Сочинения, т. 5 (1958), стр. 463.
- 246 Там же, стр. 465, 466, 467.
- 247 Там же, стр. 371, 375, 377, 374, 380.
- 248 Там же, стр. 467, 468.
- 249 Текст представления А. А. Кизеветтера хранится в архиве, написан Ключевским карандашом (ОРФ ИИ СССР, ф. 4, оп. 1, д. 188). Опубликовано в 1968 г. (ПДА, стр. 457—458).
- 250 ПДА, стр. 216—217. Письмо Борису Ключевскому, затем письмо М. К. Любавскому и следующее за ним последнее письмо Борису Ключевскому точно не датированы; они относятся к концу больничного периода, первые два написаны «до пасхи», которая приходилась в 1911 г. на 10 апреля.
- 251 «Утро России», 14 мая 1911 г., «Речь», 15 мая 1911 г., «Раннее утро», 15 мая 1911 г.; «Трудовая газета», 18 мая 1911 г.
- 252 «Санкт-Петербургские ведомости», 17 мая 1911 г.
- 253 «Русские ведомости», 14 мая 1911 г.; 17 мая 1911 г.
- 254 «Русские ведомости», 17 мая 1911 г., стр. 2.
- 255 «Речь», 15 мая 1911 г.; «Утро России», 4 мая 1911 г.; «Сибирская жизнь» (Томск), 22 мая 1911 г. и др.
- 256 «Трудовая газета», 18 мая 1911 г.
- 257 «Русские ведомости», 17 мая 1911 г.
- 258 В газетных информациях в связи со смертью Ключевского почему-то часто встречается ошибочное указание возраста умершего — 69 лет вместо 70 лет. Ключевский родился в январе 1841 г. и умер в мае 1911 г., иначе говоря 70 лет от роду ему исполнилось в январе 1911 г.
- 259 «Новое время», 18 мая 1911 г.; «Санкт-Петербургские ведомости», 25 мая 1911 г.; «Голос порядка», 18 мая 1911 г.; «Южные ведомости», 15 мая 1911 г.

- Август, римский имп. 485
 Авриль Филипп (Avril Philippe) 117
 Аделунг Н. Ф. 584
 Аделунг Ф. П. (Adelung F.) 109—111, 117, 584, 585
 Адриан Монзенский, св. 151
 Адриан Пошехонский, св. 134, 157
 Азарьин Симон см. Симон Азарьин
 Айхенвальд Ю. И. 14—15, 18, 308, 309
 Аксаков И. С. 47, 96, 595
 Аксаков К. С. 175
 Алгебров И. Г. 79
 Александр I 38, 45, 63, 211, 312, 337, 338, 342, 343, 426, 493, 548, 549, 551, 554, 561, 562
 Александр II 16, 38, 68, 129, 180, 210, 211, 258, 326, 337, 338, 346, 358, 362, 378, 399, 545, 551, 563—565
 Александр III 37, 39, 231, 247, 298, 300, 325, 327—330, 333, 348—350, 352—354, 356, 363, 364, 387—389, 398, 399, 408, 452, 552, 604, 606
 Александр Невский, кн. 168, 169
 Александр Свирский, св. 153
 Александров А. И. 320
 Александров В. А. 45, 548, 619
 Александров М. см. Ольминский М. С.
 Алексеев А. С. 390
 Алексей, наследник престола, сын Николая II 456
 Алексей Михайлович, царь 186, 200, 291, 378, 464, 495, 514, 518—520, 522, 523, 547
 Алексий, епископ Можайский см. Лавров-Платонов А. Ф.
 Алиса Гессенская, принцесса 348
 Алышевский В. Я. 331, 333
 Альфонский А. А. 101
 Амвросий, пензенский архиеп. 581
 Андрей Боголюбский, кн. 435, 436, 441, 480
 Андрей, цареградский юродивый 153
 Анна Иоанновна, имп. 216, 301, 533, 540
 Анна Леопольдовна, правительница 216
 Анненков П. В. 438
 Антоний, игумен 152
 Антоний Дымский, св. 134
 Антоний Сийский, св. 170
 Антонин, епископ 457, 459
 Антонович М. А. 98
 Анучин Д. Н. 353
 Аравийский С. В. 79
 Аракчеев А. А. 343, 561
 Аристов Н. Я. 16
 Арсеньев К. К. 457
 Артоболевский И. А. 10, 55, 81, 569, 574, 579, 580, 582, 603
 Артоболевский И. И. 608
 Архиппов К. А. 27, 33, 34, 576
 Аскольд, кн. 309, 413
 Астахов В. И. 47, 49, 578
 Афанасьев (Афанасьин?), формовщик Училища живописи, ваяния и зодчества 567
 Афанасьев А. Н. 301
 Афанасьев О. А. 6, 52, 578
 Ашевский С. 583
 Бабст И. К. 162
 Багалеи Д. И. 607
 Байер (Бауер) Готлиб Зигфрид (Теофиль Зигфрид) 270, 286, 612
 Байрон (Вугон) Джордж Гордон 139
 Баладури (аль-Баладура) 413

* Составила Р. Г. Эймонтова. Пояснения в указателе даются лишь в тех случаях, когда в тексте указано только имя, имя и отчество, имя и прозвище или фамилия без инициалов; исключение сделано для родственников В. О. Ключевского (далее — К.).

- Барбаро (Barbaro) Иосаф 108
 Барро (Barrot) Одион 266
 Барсков Я. Л. 120, 211, 390, 401, 414, 501, 526, 528, 529, 568, 584, 585, 609, 610
 Барсов А. А. 288
 Барсов Е. В. 9, 133, 166—168, 170, 171, 184, 245, 291, 336, 372, 374, 592, 607
 Барсов Н. П. 291
 Барсуков Н. П. 291
 Батый, хан 425
 Бауман Н. Э. 494
 Бахметев Н. Н. 320
 Бахрушин С. В. 602
 Безобразов В. П. 203, 593
 Беккер (Becker) Карл-Фридрих 339
 Белов А. 10, 308, 310, 573, 602
 Белокуров С. А. 9, 55, 336, 573, 579—581, 592, 593, 621
 Бельский И. Ф., кн. 156
 Беляев И. Д. 175, 187, 273, 291
 Беринг (Bering) Витус Ионассен (Иван Иванович) 361
 Бёрнс (Burnes) Р. Ф. 52
 Берроу Стевен (Burrough Steven) 117
 Бестужев-Рюмин К. Н. 33, 175, 291, 580
 Бетховен Людвиг ван (Beethoven Ludwig van) 123
 Бильбасов В. А. 589
 Битобе Поль-Иеремиа (Bitaubé Paul Jérémie) 57
 Блан (Blanc) Луи 345
 Бобриков Н. И. 448
 Богданович М. И. 339
 Боголепов Н. П. 363, 364, 382, 383, 387, 388, 390, 397
 Боголепова Е. А. 390
 Богородский Н. Н. 10, 498, 499, 573, 617
 Богословская Е. П. 601
 Богословский М. М. 5, 9, 12, 14—18, 34, 307, 374, 375, 410, 566, 575, 601, 602
 Богоявленский В. Я. 79
 Богоявленский С. К. 373, 599, 603
 Бокль (Buckle) Генри Томас 67, 261, 296, 431, 434
 Болотников И. И. 441, 515, 516
 Болотов А. Т. 339
 Болтин И. Н. 5, 186, 270, 286—288, 328, 373, 525
 Большаков А. М. 613
 Борис, св. 85
 Борис Годунов, царь 308, 312—314, 405, 492, 514, 517—519, 603
 Бородин Николай Михайлович, шурин К. 139, 466
 Бородин Сергей Михайлович, шурин К. 139
 Бородина Александра Ильинична, теща К. 139, 589
 Бородина Александра Михайловна, сестра жены К. 139
 Бородина Анисья Михайловна см. Ключевская Анисья Михайловна
 Бородина Анна Михайловна, сестра жены К. 139, 140—142, 588
 Бородина Надежда Михайловна, сестра жены К. 140, 141, 334, 335, 412, 546, 547
 Бородина Надежда Сергеевна 589
 Бородины, родственники Анисьи Михайловны Ключевской 139, 140, 142, 143, 589
 Бороздин И. Н. 12, 13, 574, 602
 Бортнянский Д. С. 391
 Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь 264
 Бостанжогло, фабрикант 322
 Бочкарев В. Н. 47, 352, 578, 579, 584, 603, 605, 608
 Брокгауз Ф. А. 376, 410, 607
 Будовниц И. У. 588
 Бунин И. А. 314
 Бурбоны, французская королевская династия 344
 Бурлуцкий Я. П. 65, 73—77, 80, 581
 Буслаев Ф. И. 13, 16, 19, 49, 65, 89, 91, 94, 105, 124, 125, 146, 163, 169, 178, 250, 326, 440, 587
 Буссов (Bussow) Конрад 110
 Бухау см. Даниил, принц Бухау
 Бычков А. Ф. 124, 587
 Бюхнер (Büchner) Людвиг 80, 102, 296
 Валуев П. А. 211
 Вандалковская М. Г. 6, 577
 Ванновский П. С. 393, 397

- Варлаам, архиепископ пензенский 80—82, 582
- Варлаам Хутынский, св. 144
- Варсонофий Казанский, св. 151
- Василий Иванович Шуйский, царь 227, 313, 314, 515, 518, 519
- Василий III 63
- Васильевский В. Г. 330, 597
- Васильков Е. 79
- Васнецов А. М. 309
- Вассиан, св. 151
- Введенский А. А. 27, 49, 295, 578
- Вебер (Weber) Макс 339
- Веденяпин П. 580
- Вениаминов И. Е. (в монашестве Иннокентий) 361
- Верблюнская Н. П. 323
- Вердеревские 184
- Веселовский Алексей Н. 606
- Веселовский И. П. 79
- Веселовский С. Б. 27, 50, 406, 478, 527, 568, 578
- Виниус А. А. 533
- Виноградов П. Г. 299, 323, 330, 353, 381, 393, 606
- Виппер Р. Ю. 39, 432, 528, 612, 621
- Вирганская (урожд. Ключевская) Елизавета Осиповна, сестра К. 6, 9, 11, 56, 59, 60, 64, 67, 81, 82, 86, 573, 580—583, 610
- Вирганская Надежда Константиновна см. Любецкая Н. К.
- Виргинская (неправильно) Е. О. см. Вирганская Елизавета Осиповна
- Витте С. Ю., гр. 329, 331, 399—402, 412, 414, 462, 468, 473, 530, 604, 605, 610, 616, 621
- Владимир Святославич, кн. 122, 222, 243, 251
- Владимир Мономах, кн. 36, 251, 485
- Владимиров Ал. 30, 34, 576
- Владимирский-Буданов М. Ф. 164, 191, 203—205, 228, 235, 241, 243, 368, 593, 595
- Вознесенский С. 579, 616, 622
- Волгин В. П. 306, 596
- Волконские, кн., знакомые К. 371
- Волконский М. С., кн. 462
- Волконский С. В., кн. 96, 106
- Вольтер (Voltaire) Мари Франсуа 330
- Волынский А. П. 301
- Воровский В. В. 575
- Воронов П. Н. 530, 599, 621
- Воронцов М. С., кн. 412, 564
- Воронцов-Дашков И. И., гр. 329
- Ворыпаевы 184
- Воскресенская Надежда Сергеевна см. Бородинна Н. С.
- Воскресенский, политический ссыльный, ученик К. 569
- Воскресенский Г. А. 371
- Всеволод Большое Гнездо, кн. 442, 479
- Всеволод III см. Всеволод Большое Гнездо
- Всеволодовичи, потомство Всеволода Большое Гнездо 443
- Вундт (Wundt) Вильгельм-Макс 8, 9
- Галактион Вологодский (в миру кн. Гавриил Иванович Бельский), св. 156
- Галахов А. Д. 301
- Гапон Г. А. 455
- Гаркави А. Я. 291
- Гаррисон (Harrison) Бенджамин 361
- Гвоздев П. П. 27, 47, 56, 69, 74, 77, 79, 80, 83, 86, 88, 96—98, 100—102, 105, 106, 119, 123, 132, 143, 164, 165, 181, 188, 440, 575, 579, 581—583, 588, 591
- Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих 23, 39, 102, 103, 114, 261, 264, 279, 418, 431, 435, 452, 585
- Гейне (Heine) Генрих 100, 164
- Гейс, Хейс (Hayes) Ратефорд 361
- Гейсер, Гейссер (Häusser) Людвиг 339
- Гельмгольц (Helmholtz) Герман Людвиг Фердинанд 411
- Геннадий, архиепископ новгородский 170, 172
- Геннадий Костромской, св. 153, 157
- Георгий, греческий царевич 333
- Георгий Александрович, вел. кн., сын Александра III 325—329, 332—334, 337, 348, 355, 363, 386, 600, 604, 605
- Георгий Амартол 293

- Гераклит Эфесский (Hērakleitos Ephésios) 530
- Герасимова Ю. И. 590, 595
- Герберт, Гербарт, Хербарт (Herbart) Иоганн Фридрих 102
- Герберштейн Зигмунд (Herberstein Siegmund, von) 108, 110, 114, 116, 186, 584
- Герман К. Ф.; возможно Герман (Hermann) Эрнст-Адольф 339
- Герман Соловецкий, св. 152, 162
- Геродот (Hēródotos) 96, 585
- Герц К. К. 95
- Герцен А. И. 68, 70, 384, 385, 395, 542, 552, 553, 582, 609
- Герценштейн М. Я. 320, 321, 501, 617
- Гершензон М. О. 28
- Герье А. И. 175, 249, 592, 597
- Герье В. И. 45, 50, 165, 173, 175—177, 192—194, 249, 253, 254, 299, 306, 315, 323, 324, 327, 353, 354, 391, 403, 591, 592, 594, 597, 601, 607, 610, 611
- Гёте (Goethe) Иоганн-Вольфганг 139, 140
- Гизетти А. В. 106, 262
- Гизо (Guizot) Франсуа Пьер Гийом 24, 176, 195, 339, 432
- Гиляров Ф. А. 93
- Гиляров-Платонов Н. П. 93
- Гинцбург А. Г. 291
- Глаголев Н. А. 310, 573, 602
- Глаголев С. С. 574, 582
- Глеб, св. 85
- Глебов Н. Ф. 80, 582
- Гоголь Н. В. 45, 46, 334, 601
- Годой Альварес де Фария (Godoy Alvarez Faria) 343
- Годунов Борис см. Борис Годунов
- Голищев-Кутузов А. А., гр. 457
- Голиков И. И. 186
- Голицын В. В., кн. 514
- Голицын В. Д., кн. 568, 569
- Голицын Д. М., кн. 533
- Головнин А. В. 162
- Голубев А. 71
- Голубинский Д. Ф. 371
- Голубинский Е. Е. 607
- Голубцов С. А. 29, 47, 575, 582, 588
- Голубцова М. А. 10, 498, 617, 622
- Гольцев В. А. 320, 324, 336, 385
- Гомер (Hómēros) 585
- Гончаров И. А. 47
- Горемыкин И. Л. 477
- Горизонтов Т. А. 79, 80
- Горсей Джером (Horsey Jerome) 108, 110, 186, 585
- Горский А. В. 173
- Горский П. И. 371
- Горчаков О. 187
- Горький А. М. 47, 314, 616
- Готье Ю. В. 5, 14, 287, 292, 293, 374, 375, 568, 575
- Градовский А. Д. 199, 204, 273
- Грановский Т. Н. 65, 330, 392
- Грант (Grant) Улисс Симпсон 361
- Гревс И. М. 262
- Греков Б. Д. 270
- Грессар, фабрикант 322
- Гречанинов А. Т. 567
- Григорьев А. А. 105
- Гримм (Grimm) Якоб 79, 96
- Громогласов И. М. 10, 467
- Грот Н. Я. 299, 323
- Грушевский М. С. 477
- Губарева, хозяйка квартиры 321
- Гурий Казанский, св. 151
- Гурко В. И. 496
- Гучков А. И. 470, 471, 475
- Гучковы 322, 470
- Давыдов Н. В. 394, 400, 411, 611
- Дагмара, принцесса см. Мария Федоровна, имп.
- Дамиан Юрьегорский, св. 157
- Даниил, принц Бухау (Daniel, Printz a Buchau) 110
- Данилевский Н. Я. 14
- Данилович Г. Г., ген. 325, 327, 329, 330, 338, 363
- Дебольский Н. 607
- Десянов И. Д. 136, 329, 331, 332, 349, 354, 377, 397, 406, 588, 592
- Демьяненко Н. А., ген. 363

- Денисов, железнодорожник, участник рабочего кружка 322
 Джонсон (Johnson) Ричард 117
 Дионисий, архимандрит Троице-Сергиевой лавры 154
 Дир, кн. 309
 Дитятин И. И. 199, 204, 273
 Дмитриев Ф. М. 339
 Дмитриев-Мамонов А. И. 373
 Дмитрий, царевич, сын Ивана IV 331, 603
 Дмитрий Грек 169, 172
 Дмитрий Донской, кн. 250
 Дмитрий Самозванец см. Лжедмитрий I
 Добролюбов Н. А. 16, 68, 98, 100
 Добросердов В. А. 79
 Добросердов Д. А. 79
 Довнар-Запольский М. В. 438
 Долгов Владимир Осипович 141
 Долгов Осип Семенович 589
 Долгов Семен Осипович 141, 589
 Долгова Надежда Осиповна 141
 Долгова Ольга Ильинична 139
 Долгова Ольга Осиповна 141, 589
 Долговы, купеческая семья, родственники Бородиных 139, 141, 143, 589
 Долгоруков П. Д., кн. 386, 496
 Досифей, автор жития Зосимы и Савватия 152
 Достоевский Ф. М. 161
 Драгомиров М. И. 383
 Дружинин Н. М. 315
 Дурново, студент 372
 Дурново П. Н. 599
 Духовской М. В. 390
 Дэвис (Davis) Джефферсон 361
 Евдоким, епископ, ректор Московской духовной академии 468
 Евпсихий, архимандрит, ректор Пензенской духовной семинарии 81, 95
 Европейцев Иван Васильевич, дядя К. (муж сестры его матери) 11, 58, 82, 85, 86, 92, 97, 103, 123, 131, 582
 Европейцев Михаил Иванович, двоюродный брат К. 123
 Европейцев Павел Иванович, двоюродный брат К. 88, 123
 Европейцева Евдокия Федоровна (урожд. Мошкова), тетя К. 58, 85, 123, 131
 Европейцевы, родственники К. 90, 583
 Евфимий Суздальский, св. 144
 Екатерина I 216, 540
 Екатерина II 53, 177, 181, 197, 200, 201, 209, 216, 217, 272, 274, 277, 286, 288, 298, 300, 301, 303, 328, 337, 373, 384, 385, 407, 425, 464, 506, 509, 510, 524—526, 530, 531, 544, 545, 547—554, 556, 561, 607, 608
 Елизавета Васильевна, племянница К. 371
 Елизавета Петровна, имп. 197, 216, 298, 302, 310, 327, 370, 531, 540, 541, 548, 594
 Емельянов Ю. Н. 6
 Епифаний Премудрый 148, 163
 Ермак 361
 Ефименко А. Я. 22
 Ефимовский Е. А. 10, 456, 574, 615
 Ефрем Перекомский, св. 153
 Ефрон И. А. 376, 410, 607
 Ефросин Псковский, св. 169
 Ешевский С. В. 13, 16, 19, 49, 89, 95, 124, 125, 143, 178, 587, 594
 Жолкевский (Zolkiewski) Станислав 186
 Забелин И. Е. 122, 187, 301, 478, 586
 Забнин К. 352, 354
 Загоскин Н. П. 188—191, 203, 204, 239, 244, 246, 365, 366, 593, 594
 Заичневский П. Г. 323
 Замысловский Е. Е. 604
 Заозерский Н. А. 9, 371, 607
 Заруцкий И. М. 515
 Засулич В. И. 180
 Захарьин Г. А. 192, 193
 Зелиг, фабрикант 322
 Зелинский Н. Д. 353
 Зернов Д. Н. 390, 568
 Зибер Н. И. 262

- Зимин А. А. 6, 27, 45, 49, 50, 120, 294, 548, 576—578, 580, 586—588, 592, 597, 601, 603, 619
- Златовратский Н. Н. 320
- Златорев М. 66
- Знаменский П. В. 132, 273, 588
- Зосима Соловецкий, св. 133, 151, 152, 587
- Зубатов С. В. 322
- Ибн-Баттута 585
- Иван, царевич, сын Ивана Грозного 603
- Иван Калита, кн. 230, 250, 436, 482
- Иван III 175, 288, 425, 426, 428, 480, 485
- Иван IV (Грозный) 36, 48, 113, 151, 195, 227, 230, 231, 285, 308, 309, 312, 314, 366, 368, 486—488, 492, 578, 600, 603
- Иван V 518, 519
- Иванов А. 240, 241, 596
- Иванов П. И. 184
- Иванюков И. И. 262, 320, 321
- Игнатъев А. П., гр. 466
- Игорь, кн. 411
- Иконников В. С. 16, 143—147, 149, 160, 191, 206, 246, 368, 589, 590, 597
- Икскуль фон Гильдебрандт Ю. А., барон 466
- Иловайский Д. И. 16, 245, 247, 568, 597, 613
- Иннокентий, епископ см. Вениаминов И. Е.
- Иоанн Большой Колпак, московский юродивый 157
- Иоанн III см. Иван III
- Иоанн Яренгский, св. 151
- Иоасаф Каменский, св. 168
- Иоллос Г. Б. 261, 500, 501
- Иона, св. 151
- Иорданские, знакомые К. 132
- Иринарх-затворник 156
- Ишутин Н. А. 127, 129, 163, 587, 588
- Кабе (Cabet) Этьенн 345
- Кавелин К. Д. 13, 65, 246, 488
- Кавелин, фабрикант 322
- Казанский П. С. 158, 590, 592
- Казанцев, агент охраны 500
- Калачов Н. В. 174, 185, 290
- Кант (Kant) Иммануил 452, 508
- Капетинги, французская королевская династия 223
- Каплун, фабрикант 322
- Капнист П. А., гр. 243, 354
- Каракозов Д. В. 126, 127, 129, 130, 587
- Карамзин Н. М. 5, 57, 63, 64, 67, 108, 109, 113, 117, 118, 160, 187, 195, 290, 367, 425, 426, 443, 481, 484, 504, 518, 612
- Кареев Н. И. 39
- Карл Великий (лат. — Carolus Magnus, франц. — Charlemagne), имп. 613
- Карл XII, шведский король 535
- Карпини (Carpini, del Pian del Carpine) Джованни да Плано 585
- Карпов Г. Ф. 125, 136, 592
- Карпова А. Т. 298, 336, 601
- Карпович П. В. 390
- Кассо Л. А. 546, 556, 558, 562
- Катков М. Н. 98, 100, 162, 212, 591
- Катырев-Ростовский И. М., кн. 186
- Каченовский М. Т. 290
- Кельснев И. И. 89
- Керенский Ф. М. 188
- Кизеветтер А. А. 12, 14, 27, 28, 307, 351, 374, 375, 566, 568, 569, 574, 575, 589, 599, 602, 606, 615, 618, 622
- Киприан, митрополит 148, 163, 250
- Киреева Р. А. 6, 27, 50, 285, 578, 580, 588, 592, 597, 598, 600, 601
- Кирилл Белозерский, св. 144
- Кирилл Челмский, св. 152, 162
- Кирпичников А. И. 97, 106, 391
- Кирхман (Kirchmann) П. 51, 120, 121, 125, 586
- Киршбаум В. Ф. 399
- Кисаки 52, 578
- Киселев П. Д., гр. 339, 564
- Клеванов А. С. 109, 584
- К. Р. см. Константин Константинович (Романов), вел. кн.

- Клочков М. В. 13, 574
- Ключевская (урожд. Бородина)
Анисья Михайловна, жена К.
139—142, 318, 319, 374, 391,
527—528, 546, 589, 620
- Ключевская (урожд. Мошкова) Анна
Федоровна, мать К. 55, 58, 59, 64,
81, 85, 131
- Ключевская Елизавета Осиповна, се-
стра К. см. Вирганская Елизавета
Осиповна
- Ключевская Надежда Осиповна, се-
стра К. 59, 580
- [Ключевская] Федосья Кузьминична,
бабушка К. 54
- Ключевский Борис Васильевич, сын К.
6, 143, 318, 319, 405, 410, 412,
527, 528, 546, 558, 563, 566, 568,
569, 605, 614, 619, 620, 622
- [Ключевский] Василий Степанов,
дед К. 54, 579
- [Ключевский] Иван Афанасьев, пра-
прадед К. 579
- Ключевский Иосиф (Осип) Василье-
вич, отец К. 54—60, 579, 580
- [Ключевский] Степан Иванов, пра-
дед К. 54
- Князьков С. А. 468
- Коба, гувернер-англичанин 334
- Кобеко Д. Ф. 339, 342, 399, 454,
457—459, 615
- Ковалевский М. М. 10, 15, 176, 177,
262, 476, 573, 616
- Козьма Яхромский, св. 162
- Козьмин Б. П. 583
- Кокошкин Ф. Ф. 496
- Коллинз С. (Collins Samuel) 108
- Кони А. Ф. 14, 15, 17, 28, 106,
306—308, 394, 457, 458, 460, 493,
525, 526, 547, 575, 615, 622
- Константин Константинович (Рома-
нов), вел. кн. 526
- Конт (Conte) Огюст 22, 261, 296,
431
- Контарини (Contarini) Амброджо 108
- Коншина Е. Н. 45, 577
- Корб Иоганн-Георг (Korb Johann
Georg) 186
- Корелин М. С. 332, 334, 336, 355,
592, 593, 606
- Корелины 605
- Коренев Василий Павлович 589
- Коренев Павел Павлович 140, 588,
589
- Кореневы, родственники Бородининых
589
- Корнилий, затворник переяславский
144
- Корнилий Комельский, св. 144, 155,
590
- Коровин К. А. 314
- Короленко В. Г. 297, 320, 321, 323,
348, 350, 353, 605, 606
- Корольков И. В. 27, 50, 578
- Коротков Н. И. 605
- Корсаков Д. А. 13, 15, 19, 49, 391,
570, 574, 587
- Корф Н. А., барон 330
- Корш Ф. Е. 568
- Костомаров Н. И. 64, 65, 108, 187,
222, 516, 518
- Котляревский Н. А. 526
- Котляревский С. А. 15, 33, 529, 530,
568, 621
- Котошихин Г. К. 116, 186, 224, 291,
433
- Коялович М. О. 247, 597
- Кравченко Н. И. 410
- Кравчинский С. М. 180
- Красовский И. И. 243
- Крижанич (Križanić) Юрий 513
- Крылов И. А. 72
- Кудрявцев П. Н. 65
- Кудрявцева Е. Я. 589
- Кудрявцевы 589
- Кузнецов Л. 321, 322
- Куликов Н. Н. 106
- Кундасова О. П. 410, 411
- Куракин Ф. А., кн. 186, 339
- Курбский Андрей, кн. 151, 161, 186,
231, 486, 487
- Кюльб Ф. Г. (Külb Ph. Hedwig) 585
- Лавров А. Ф. см. Лавров-Плато-
нов А. Ф.
- Лавров В. М. 320, 321
- Лавров К. В. 80
- Лавров П. Л. 36, 262, 431
- Лавров-Платонов А. Ф. 165, 174, 243
- Ланнуа, Ланноа Гильбер (Lannoy
Guillebert de) 117, 186
- Ланской С. С. 211

- Лаппо-Данилевский А. С. 31, 533
 Лаптев В. В. 27
 Лапшин И. И. 576
 Ласточкин А. А. 381
 Латышев В. А. 533
 Лауниц В. Ф., фон дер 497
 Лашнюков И. В. 573
 Лебедев А. 602
 Лебедев В. И. 42, 577
 Лебедев Д. П. 291
 Лебедев-Полянский П. И. 25
 Лебединцев П. Г. 315
 Лев Филолог 151
 Ледницкий А. Р. 574
 Лемке М. К. 34, 38, 39, 577
 Ленин В. И. 20—23, 25, 37, 40, 41,
 50, 68, 210, 353, 408, 430, 575,
 577, 589, 595, 605, 606, 614
 Леонтьев П. М. 87, 162
 Лермонтов М. Ю. 218, 334, 384
 Лешков В. Н. 162
 Лжедмитрий I 186, 313, 314, 331,
 515, 518
 Лжедмитрий II 518, 519
 Лидваль Эрик Леонард 496
 Линкольн (Lincoln) Авраам 361
 Линниченко И. А. 14, 354, 355, 574,
 606
 Лобойко И. Н. 110, 584
 Логгин Яренинский, св. 151
 Ломоносов М. В. 69, 86, 286, 327
 Лонгинов М. Н. 339
 Лопухин А. А. 410
 Лопыревский, домовладелец 85
 Лоран (Laurent) Франсуа 264
 Лорис-Меликов М. Т., гр. 181, 209,
 210
 Лукиан Переяславский, св. 157
 Львов А. Е., кн. 568
 Львов Г. Е., кн. 410
 Львов Л. 28—29
 Львов Л. И. (Л. Н.?) 569
 Любавский М. К. 5, 9, 11, 12, 14—
 18, 31, 44, 187, 207, 243, 245,
 371, 374, 375, 393, 403, 528, 529,
 566, 568, 569, 570, 579, 593, 594,
 596, 602, 608, 610, 611, 621, 622
 Любатович Т. С. 313
 Любечкая Надежда Константиновна,
 внучка Е. О. Вирганской 6, 573
 Любимов А. И. 79
 Любимов Н. А. 163
 Любимов П. Я. 79
 Людовик XVIII 344
 Ляпунов Прокофий 515
 Lafierté 357
 Мазур А. (Mazour Anatole G.) 51
 Майерберг см. Мейерберг
 Майков А. А. 336
 Макарий, митрополит московский
 144, 148, 153, 160
 Макарий Желтоводский, св. 170
 Макаров С. О. 446
 Маклаковы А. Н. и Л. Ф. 332, 605
 Максим Грек 151
 Малиновский А. Ф. 187, 290
 Маловский В. 9, 61, 580
 Мамуна А. 352, 354
 Манухин С. С. 466
 Маржерет Жак (Margeret Jacques)
 108, 116, 117, 186
 Мария Нагая, царица 603
 Мария Федоровна, имп. 333, 334,
 605
 Маркова, владелица фабрики 322
 Маркс (Marx) Карл 18, 50, 161,
 176, 262, 430, 438, 592, 613
 Мартынов А. В. 567
 Марфа, инокия, мать царя Ми-
 хаила Романова 518
 Маршев А. 83—85
 Маршев И. И. 582
 Маршеры, пензенские знакомые К.
 69, 83, 89, 98, 581
 Массон Карл (Masson Charles Fran-
 çois Philibert) 339
 Махнова Г. П. 6, 50, 580, 592, 597
 Межев В. И. 374
 Мезенцов Н. В. 180
 Мейерберг, Майерберг Августин
 (Mayerberg Augustin de), барон 116,
 186
 Мейнерс Кристоф (Meiners Christoph)
 108, 109, 111, 117, 584
 Мейчик Д. М. 291
 Меликов, полицейский 582

- Мельгунов С. П. 606
 Мельников Д., фронтиспис
 Менделеев Д. И. 256
 Мендельсон-Бартольди (Mendelsohn-Bartholdy) Феликс 123
 Меркурий Смоленский, св. 169
 Мещерский В. П., кн. 389, 457
 Мещерский Н. П., кн. 194
 Мизеровский Н. И. 135, 591
 Миллер, владетель типографии 240, 596
 Миллер В. Ф. 568
 Миллер Герард-Фридрих 286, 612
 Миллер О. Ф. 291
 Мильтон, Милтон (Milton J.) Джон 57
 Милаюков П. Н. 12, 14—17, 20, 35, 37, 45, 285, 374—376, 410, 427, 466, 475, 476, 511, 535, 558, 569, 570, 579, 601, 607, 618
 Милаюкова (урожд. Смирнова) А. С. 410, 467, 601
 Милютин Д. А. 137, 211
 Милютин Н. А. 96, 211
 Минин Кузьма 130, 131
 Миних Бурхард Кристоф (Христофор Антонович) 217
 Минье (Mignet) Франсуа Огюст Мари 24, 339
 Михаил Александрович, кн. тверской 168'
 Михаил Клопский, св. 160
 Михаил Федорович, царь 227, 378, 495, 503, 518, 519
 Михайлов М. И. 127
 Михайловский Н. К. 262, 320, 321
 Михалон Литвин (Michalo Lituanus) 117
 Мишле (Michelet) Жюль 195
 Мошешотт (Moleschott) Якоб 80, 102, 296
 Монтескье (Montesquieu) Шарль 200, 263
 Морозовы, семья фабрикантов-миллионеров 317
 Мошков Федор Исаакович, дед К. по матери 55, 59
 Мошкова, бабушка К. 56, 59
 Мошкова Анна Федоровна см. Ключевская Анна Федоровна
 Мрочек-Дроздовский П. Н. 245
 Муравьев Андр. Н. 160
 Муравьев-Амурский Н. Н., гр. 361
 Муратов (неправильно) см. Муретов М. Д.
 Муретов М. Д. 498, 617
 Мурзакевич Н. Н. 290
 Муромцев С. А. 210, 324, 546, 557, 568
 Мусин-Пушкин А. И., гр. 288
 Мэн, Мен, Мейн (Maine) Генри Джеймс Самнер 432, 612
 Назимов В. И. 68, 563, 564
 Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte) 63, 131, 137, 337, 338, 343, 357, 565
 Наполеон III (Napoléon III) Шарль Луи Наполеон Бонапарт 95, 565
 Нартовы 216
 Нарышкин А. А. 387
 Наседка Иван, монах 157
 Невельской Г. И. 361
 Невиль (Foy de la Neuville) 116
 Неволин К. А. 175, 187, 365, 366
 Нежданова А. В. 304
 Нежданова, хозяйка квартиры 85
 Некрасов А. А. 588
 Некрасов Н. А. 69, 105, 441
 Некрасова Е. С. 370
 Неплюевы 216
 Нерон, римский имп. 66
 Нестор, летописец 19, 287, 371, 586, 587
 Нечаев Н. П. 9, 256, 611
 Нечаев С. Г. 161
 Никита, столпник переяславский 144, 160
 Никитский А. И. 175, 187, 291
 Николаева В. П. 433, 501
 Николай I 38, 45, 68, 316, 338, 346, 403, 503, 507, 511, 512, 525, 530, 545, 548, 551, 561, 562, 564, 565
 Николай II 23, 203, 321, 325—326, 329, 330, 333, 348, 363, 369, 386, 389, 410, 455, 456, 460, 462, 463, 468, 473, 493, 539, 604, 615
 Николай Александрович, цесаревич, сын Александра II 326
 Никон, патриарх 513

- Новгородцев П. И. 467
Новиков Н. И. 57, 579
- Оболенский А. Д., кн. 400
Оболенский М. А., кн. 174
Овчинников Б. М. 615
Огарев Н. П. 395, 582
Огарев П. Б. 582
Оглоблин Н. Н. 373
Озерецкий В. 77
Олеарий Адам, Эльшлагер (Olearius Adam, Olschläger) 108, 116, 186
Олег, кн. 251, 309
Оленин В. К. 321, 322, 331
Олсуфьев А. В., гр. 330, 334
Ольга, кн. 87, 251, 411
Ольга см. Кундасова О. П.
Ольминский М. С. 20, 23, 24, 34, 575
Ордин-Нащокин А. Л. 451, 493, 514
Ордин-Нащокин В. А. 185
Орлов В. И. 606
Орловский см. Воровский В. В.
Осипович К. 352, 354
Остроумов А. А. 353, 354
- Павел I 312, 337, 342, 343, 551, 552, 553, 561, 565, 574
Павленков Ф. Ф. 609
Павлов А. С. 245
Павлов В. П. 497
Павлов Н. М. 462, 465
Павлов Тодор 106
Павлов-Сильванский Н. П. 13, 24, 444, 614
Паисий Углицкий, св. 161
Палицын Авраамий 186
Панин Н. И., гр. 216
Парадизов С. А. 79, 132, 188, 581, 593
Пархоменко В. А. 27, 41—43, 577
Пастернак Б. Л. 304—305 (ил.)
Пастернак Л. О. 568
Пафнутий, священник 171—173, 233, 592
Пафнутий Боровский, св. 169, 250
Пахомий Логофет 148, 163
Пашуто В. Т. 43, 577
Пейрс (Pears) Бернард 52
- Пересветов Иван 373
Перетяткович Г. И. 607
Перри (Perry) Джон 186
Петр митрополит, св. 250
Петр Муромский, св. 151, 169
Петр I 45, 51, 112, 175, 178, 186, 194—197, 200—202, 205, 209, 216, 217, 235, 243, 272—274, 281, 285, 297, 299—305, 309, 328, 361, 375, 376, 378, 379, 384, 385, 404, 425, 426, 453, 501, 506, 511—513, 518—520, 524, 525, 530—539, 547, 548, 551, 555, 592, 594, 597, 600, 601, 618
Петр II 540
Петр III 197, 324, 506, 510, 531, 556
Петрарка (Petrarka) Франческо 593
Петров В. А. 9
Петров Филипп 170
Петровский С. А. 187
Петрушевич А. С. 290
Петрушевский Д. М. 602
Пионтковский С. А. 40, 577, 616
Писарев Д. И. 98
Писарев П. 582
Писарев Р. А. 387
Пичета В. И. 5, 18, 30, 32, 33, 44, 574, 576, 596
Плано Карпини см. Карпини, Джованни да Плано
Платон (Малиновский), архиепископ московский 58
Платонов И. 187
Платонов С. Ф. 12—16, 40, 50, 187, 291, 368, 400, 401, 409, 514, 610
Плеве В. К. 389, 390, 397, 398, 409, 410, 448, 449, 609
Плеске Э. Д. 414
Плеханов Г. В. 20, 22, 24, 34, 37, 237, 575, 596
Победоносцев К. П. 300, 353, 389, 462, 466, 500
Погодин М. П. 117, 175, 186, 195, 518
Подляшук П. И. 604
Пожарский Д. М., кн. 130
Покровский, политический ссыльный, ученик К. 569
Покровский А. И. 10, 602

- Покровский В. Я. 62, 71, 73, 75—80, 83—85, 580, 581
- Покровский И. Я. 83
- Покровский М. Н. 5, 14, 20, 22, 23—25, 33—42, 50, 113, 114, 120, 125, 222, 262, 306, 374—376, 428, 438, 452, 575—577, 585, 606, 608, 611, 613, 614
- Покровский С. Я. 62, 73, 76—80
- Полевой Н. А. 219, 426, 612
- Поленова Е. Д. 309, 602
- Попов Андр. Н. 290, 294
- Попов Н. А. 156, 166, 168, 192, 193, 232, 241, 245, 268, 590
- Поссевин (Possevino) Антонио 108, 110, 186
- Поярков В. Д. 361
- Пресняков А. Е. 27, 30, 31, 41, 42, 576, 577, 622
- Прилуцкий В. В. 79
- Прокопий, устюжский юродивый 153
- Пругавин А. С. 320, 323
- Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф 345
- Пугачев Е. И. 17, 60, 63, 177, 200, 201, 217, 235, 373, 394, 409, 441, 509, 510, 541, 543, 548, 552, 556, 564, 565
- Путинцев Н. 10, 574
- Пуфендорф (Pufendorf) Самуэль, барон фон 533
- Пухлинский А. 411
- Пушкин А. С. 46, 140, 182, 207, 216—218, 224, 298, 380, 383—385, 391, 608, 609
- Пыпин А. Н. 339, 585
- Радищев А. Н. 433
- Разин С. Т. 17, 48, 60, 63, 65, 177, 200, 235, 373, 441, 523
- Разумов Е. В. 79
- Рахманинов С. В. 313
- Рачинский С. А. 162
- Резун Д. Я. 27
- Рейтенфельс (Reutenfels) Яков 186, 373
- Ренан (Renan) Жозеф Эрнст 79, 96
- Репин И. Е. 603
- Рибер (Rieber) А. Дж. 52
- Риккерт (Rickert) Генрих 8, 33, 49
- Робеспьер (Robespierre) Максимилиан 330, 341
- Рождественский А. 9, 66, 67, 73, 74, 78, 81, 580—582
- Рожков Н. А. 33, 50, 187, 375, 438, 593, 613
- Розанов Л. И. 79, 80, 581
- Розенберг К. 120, 121, 586
- Розов В. 63, 66
- Романович-Словатинский А. В. 273
- Романовы, царская династия 197, 288, 333, 427, 444, 450, 492, 495, 508, 518, 519, 524, 538, 553, 569, 605, 610
- Ростовцев Я. И. 564
- Ртищев Ф. М. 514
- Рубинштейн Н. Л. 20, 42, 43, 44, 577, 621
- Рубрук, Рубруквис (Rubrouck, Roebroeck, Rubruquis, Ruysbroeck) Виллем 585
- Рудаков В. 10, 573, 620
- Румянцев Н. П., гр. 109
- Румянцев-Задунайский П. А., гр. 217
- Руссо (Rousseau) Жан Жак 341
- Рюрик, кн. 94, 411, 425—428, 435, 485
- Рюриковичи 195, 225, 249, 253
- Саблуков Н. А. 339
- Савва Вишерский, св. 144, 153, 162
- Савватий Соловецкий, св. 133, 151, 152, 587
- Сазонов Е. С. 448
- Сакулин П. Н. 28
- Салтыков С., гр. 553
- Салтыков-Щедрин М. Е. 69, 505, 547
- Самарин Д. Ф. 182, 207, 212, 213, 215, 216, 218, 297, 387, 557, 595
- Самарин Ф. Д. 386, 387
- Самарин Ю. Ф. 182, 207—209, 211—213
- Самозванец см. Лжедмитрий I
- Сарачев, домовладелец 143
- Сатурнов А. Н. 79
- Саутам (Southam) Томас 117
- Свенцицкий В. 570
- Свинцова М. П. 583
- Святополк Окаянный, кн. 85, 425

- Святослав Игоревич, кн. 251
 Семевский В. И. 181, 339, 606, 607
 Серафимович А. С. 314
 Сергеевич В. И. 23, 164, 175, 189, 365—370, 390, 428, 435, 452, 490, 529, 530, 592, 607
 Сергей Александрович (Романов), вел. кн. 353, 390, 606
 Сергиевский Н. А. 86, 91, 94, 95, 99, 101—103
 Сергей Радонежский, св. 121, 144, 250
 Серебренников А. 57
 Середонин С. М. 598
 Серов В. А. 309, 314
 Сеченов И. М. 353, 606
 Симеон Полоцкий 533, 534
 Симилайский М. 66
 Симон, воломский пустынник 157
 Симон Азарьин 154, 157—158
 Симонов И. С. 29, 576
 Сипягин Д. С. 410
 Скалон В. Ю. 210
 Скворцов П. Н. 21, 575
 Скворцов-Степанов И. И. 306, 350, 352
 Скиталец С. Г. 314
 Склифосовский Н. В. 558
 Сменковский Н. 65
 Смирнов, домовладелец 318, 371
 Смирнов Авр. П. 70, 73—75, 78, 581
 Смирнов Андр. П. 592
 Смирнов К. Ф. 581
 Смирнов Н. М. 564
 Смирнов П. П. 19, 20, 44, 49, 574, 586, 587
 Смирнов С. И. 9, 151, 158, 161, 569, 579, 586—588, 590—592
 Смирнов С. И. 371, 602
 Смирнов С. К. 410, 601
 Смирнова, владелица фабрики 322
 Смирнова А. С. см. Милюкова А. С.
 Смурова, владелица дачи в Алушке 412
 Снегирев В. Ф. 390
 Снегирев И. М. 110, 584
 Соболевский В. М. 557, 558, 606
 Соколов В. А. 371
 Соколов О. Д. 606
 Соколовский П. Е. 381
 Солдатенков К. Т. 166, 172
 Соловьев А. К. 180
 Соловьев В. С. 568
 Соловьев С. М. 5, 10, 13, 16—20, 24, 29—33, 35—37, 44, 49, 64, 65, 89, 102, 108, 112, 113, 115, 117, 124, 125, 128, 136, 137, 143, 144, 147, 162, 165—168, 173, 175, 177, 186, 192—196, 199, 204, 249—252, 255, 270, 273, 301, 305, 326, 339, 346, 367, 371, 372, 377, 378, 380, 391, 392, 403, 413, 416, 423, 426, 427, 435, 436, 441, 443, 452, 453, 478, 481, 483, 484, 486—488, 513, 515, 516, 518, 523, 524, 532—534, 538, 539, 588, 593, 594, 612, 614
 Сорель (Sorel) Альбер 339
 Софья Алексеевна, царевна 229, 520
 Спарк (Sparks) Джон 117
 Спенсер (Spencer) Герберт 114, 261, 431
 Сперанский М. М. 60, 549
 Спижарный И. К. 558, 566
 Спиноза (Spinoza, d'Espinosa) Барух (Бенедикт) 139
 Срезневский И. И. 187
 Сталин И. В. 40—41
 Стасюлевич М. М. 457
 Стахович М. А. 386, 387
 Стессель А. М. 453
 Стефан Пермский, св. 115
 Столетов А. Г. 353
 Столыпин П. А. 493, 494
 Сторожев В. Н. 599
 Стороженко Н. И. 299, 323, 353
 Стороженко, врач 558, 567
 Страбон (Στράβων) 585
 Страленберг Филипп-Иоганн 186
 Строев П. М. 187, 291, 293
 Суворин А. С. 410, 457, 570
 Суворов А. В. 217, 342, 441
 Сулин Я. А. 89
 Сумароков А. П. 216
 Сыромятников Б. И. 14, 16, 44
 Сысоев В. 501, 517
 Сытин И. Д. 455

- Табари Абу Джафар 413
 Таганцев Н. С. 464, 615
 Танков А. 10, 573
 Татищев В. Н. 5, 64, 67, 187, 270, 290, 373
 Татищев С. С. 357
 Твардовская В. А. 595
 Телешов Н. Д. 314, 603
 Терновский Ф. А. 291
 Тестов И. Я. 314
 Тимашев А. Е. 211
 Тимирязев К. А. 353, 354, 381
 Тимофеев Иван, дьяк 186
 Тихов, пензенский семинарист 71—73, 75
 Тихомиров М. Н. 45, 47, 48, 292, 578, 612
 Тихонравов К. Н. 13
 Тихонравов Н. С. 133, 169—171, 283, 291, 318
 Ткаченко П. С. 27, 583
 Толстой А. К., гр. 334
 Толстой Д. А., гр. 210—212, 389
 Толстой Л. Н., гр. 47, 234, 320—322, 484, 616
 Толстой Ю. В. 110, 585
 Торопов, черносотенец 500
 Трепов Д. Ф. 414, 462, 466, 473
 Трепов Ф. Ф. 180
 Трифон Вятский, св. 152
 Троицкий А. 581
 Троцкий Л. Д. 23, 34, 35
 Трубецкой Д. Т., кн. 515
 Трубецкой П. Н., кн. 386
 Трубецкой С. Н., кн. 386, 469
 Тургенев И. С. 46, 103
 Тучков В. М. 160
 Тучков М. В. 160
 Тхоржевский С. И. 30—32, 576, 598
 Тьерри (Thierry) Огюстен 24, 176, 339
 Тэн (Taine) Ипполит 266, 330, 339, 340
 Тюрго (Turgot) Анн Робер Жак 340
 Уваров А. С., гр. 133, 291, 477
 Удальцова М. И. 6, 50, 592, 597
 Уланов В. 307, 602
 Ульянова М. И. 37, 353, 606
 Умов Н. А. 15
 Ундольский В. М. 133, 184, 291
 Успенский Г. И. 320
 Устрялов Н. Г. 160, 187, 301
 Утин Н. И. 89
 Феврония Муромская, св. 151, 169
 Федор Алексеевич, царь 185, 225, 518—520
 Федор Иоаннович, царь 110, 308, 404, 585
 Федоров И. 602
 Фейербах (Feuerbach) Людвиг Андреас 95, 99, 100, 102, 105
 Феодорит Кольский, св. 151
 Феодосий, архиепископ астраханский 157
 Феодосий, архиепископ новгородский 153
 Феодосий Печерский, св. 121
 Феофан Прокопович 534
 Ферапонт Монзенский, св. 151, 152
 Фивейский, студент 93
 Филарет (Гумилевский), архиепископ черниговский 144, 145, 151, 160, 161, 170, 171
 Филарет (Дроздов), митрополит московский 103
 Филарет (Федор Никитич Романов), патриарх московский и всея Руси 518
 Филимонов С. Б. 602
 Филиппов А. Н. 467, 494
 Фирсов Н. Н. 29, 570, 576, 607
 Флетчер Джилс (Fletcher Giles) 108, 110, 116, 117, 186, 585
 Флоринский С. 79, 581
 Фойницкий И. Я. 477
 Фоккеродт (Vockerodt) Иоганн-Готгильф 186
 Фонвизин Д. И. 53, 57, 328, 350, 606
 Фортунатов А. Ф. 357, 568
 Фортунатов Ф. Ф. 353
 Фотий, патриарх константинопольский 413
 Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges) Нюма Денн 432, 612
 Хабаров Е. П. 361
 Халтурин С. Н. 181

- Харламов И. Н. 320
 Хворостинин И. А., кн. 513
 Хвостов Вен. М. 8, 573
 Хвостов М. М. 570
 Хмельницкий Богдан 65, 427
 Хогарт (Hogarth С. Н.) 52
 Холмовский В. В. 79, 94, 96, 123, 310, 380, 386, 414, 581
 Холмогоров В. И. 184
 Хота Х. 52, 578
 Хомяков Н. А. 387
 Храбровицкий А. В. 45, 577
 Худяков И. А. 323
- Цертелев Д. Н., кн. 457
 Цицерон (Cicero) Марк Туллий 87
- Чаадаев П. Я. 298
 Ченслер Ричард (Chancellor, Chancellor) 108
 Черепнин Л. В. 47, 48, 270, 578, 598, 601, 614
 Чернышевский Н. Г. 16, 68, 79, 97, 98, 101, 102, 126, 127, 542
 Чехов А. П. 47, 314, 411, 448, 603
 Чехова М. П. 314
 Чичерин Б. Н. 13, 16, 19, 31, 32, 35—37, 39, 44, 49, 65, 101, 102, 112, 113, 115, 162, 164, 199, 243, 253, 255, 273, 339, 432, 481, 483, 486, 488, 524
 Чулошников А. П. 27, 575, 615
 Чумаченко Э. Г. 27, 50, 577, 578, 584, 585, 591, 600
 Чупров А. И. 210, 324, 353, 606
- Шакловитый Ф. Л. 229
 Шаляпин Ф. И. 38, 304, 312—314, 350, 404—405, 411, 603
 Шапиро А. Л. 47
 Шауман Е.-В. 448
 Шафарик (Šafařík) Павел Йосеф 574
 Шахматов А. А. 13, 41, 292, 294, 373
 Шахов А. А. 176, 177
 Шевырев С. П. 161, 169
 Шекспир (Shakespeare) Уильям 556
 Шелгунов Н. В. 320, 321, 324
- Шемякин А. Н. 585
 Шервуд В. О. 347, фронтиспис
 Шереметев С. Д., гр. 331, 410, 596
 Шипов Д. Н. 386, 387
 Сихирев, участник судебного дела в XVII в. 185
 Шишкин, участник судебного дела в XVII в. 185
 Шкафер В. П. 314
 Шлёцер (Schlözer) Август Людвиг 270, 286, 287, 425, 426
 Шпаков А. Я. 574
 Шувалов И. И. 327
 Шуйский Василий Иванович см. Василий Иванович Шуйский
 Шумигорский Е. С. 339
- Шапов А. П. 13, 16, 36, 37, 49, 67, 69, 80, 124, 125, 178, 251, 256, 261, 262, 379, 419, 431, 434, 587
 Щербатов М. М., кн. 5, 286, 287
 Щетинин Б. А. 10, 573
 Щуровский Г. Е. 85, 583
- Эверс Иоганн Филипп Густав 187
 Эймонтова Р. Г. 6, 617, 623
 Энгельман И. Е. 290
 Энгельс (Engels) Фридрих 161, 176, 613
 Эрисман Ф. Ф. 353, 354
 Эртель А. И. 320, 321, 324
- Юзефович Б. М. 457, 458
 Юль Юст (Juel Just) 373
 Юркевич П. Д. 98, 100—102, 162, 163
 Юрьев С. А. 190
 Юшков А. И. 11, 280, 599, 600, 602
- Ягужинский П. И., гр. 304
 Яковлев А. И. 42, 43, 58, 96, 126, 127, 308, 372, 381, 453, 479, 493, 494, 577, 579, 582, 583, 587, 602, 603, 607, 609, 614, 616, 617
 Якушкин И. Д. 339
 Ярослав Мудрый, кн. 251, 425, 426, 450

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ*

- ВОК — «Василий Осипович Ключевский. Характеристика и воспоминания». М., 1912
- ГАПО — Государственный архив Пензенской области
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
- ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ИИ СССР — Институт истории СССР АН СССР
- ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- ОР ГБЛ — Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
- ОРФ ИИ — Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР
- ПД — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в Ленинграде
- ПДА — В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968
- ЦГАМ — Центральный государственный архив г. Москвы
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
- ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
- ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

* Заметим, что при унификации сокращений в примечаниях «ед. хр.» («единица хранения») повсюду условно заменена сокращением «д.» («дело»), как втрое более экономным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	5
<i>Глава первая</i> КАК ИЗУЧАЛСЯ В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ	7
<i>Глава вторая</i> ДЕТСТВО. СЕМИНАРИЯ.....	54
<i>Глава третья</i> СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ. ПЕРВАЯ КНИГА	84
<i>Глава четвертая</i> ШЕСТЬ ЛЕТ РАБОТЫ НАД ЖИТИЯМИ СВЯТЫХ	124
<i>Глава пятая</i> ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ НАД «БОЯРСКОЙ ДУМОЙ»	174
<i>Глава шестая</i> ЛЕКЦИОННЫЕ КУРСЫ. ПОИСКИ ИСТИНЫ. СЛАВА ЛЕКТОРА.....	249
<i>Глава седьмая</i> НАКАНУНЕ «КУРСА».....	320
<i>Глава восьмая</i> «КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ».....	402
ПРИМЕЧАНИЯ.....	573
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (составила Р. Г. Эймонтова)	623
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	635

Милица Васильевна Нечкина

**ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ
КЛЮЧЕВСКИЙ**

*Утверждено к печати
Отделением истории АН СССР*

Редактор *Н. П. Ковалевская*

Редактор издательства *М. М. Медведев*

Художник *Н. З. Левинская*

Художественный редактор *В. Н. Тикуннов*

Художественно-технический редактор *Т. А. Прусакова*

Сдано в набор 23/X 1973 г.

Подписано к печати 20/III 1974 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.

Усл. печ. л. 41. Уч.-изд. л. 48.

Тираж 13 500. Т-01999. Тип. зак. 687

Цена 3 р. 34 к.

Издательство „Наука“. 103717

ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография изд-ва „Наука“

199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
подготовило к выпуску
факсимильное издание
уникального памятника
русской
общественной мысли
„ГОЛОСА
ИЗ РОССИИ“
(под руководством
академика М. В. НЕЧКИНОЙ)

*

Издание будет выпущено в четырех книгах, из которых три — факсимильное воспроизведение сборников „Голоса из России“, а четвертая — развернутый научный комментарий и указатели.

М. В. Нечкина В. О. Ключевский

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

М. В. НЕЧКИНА • В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ